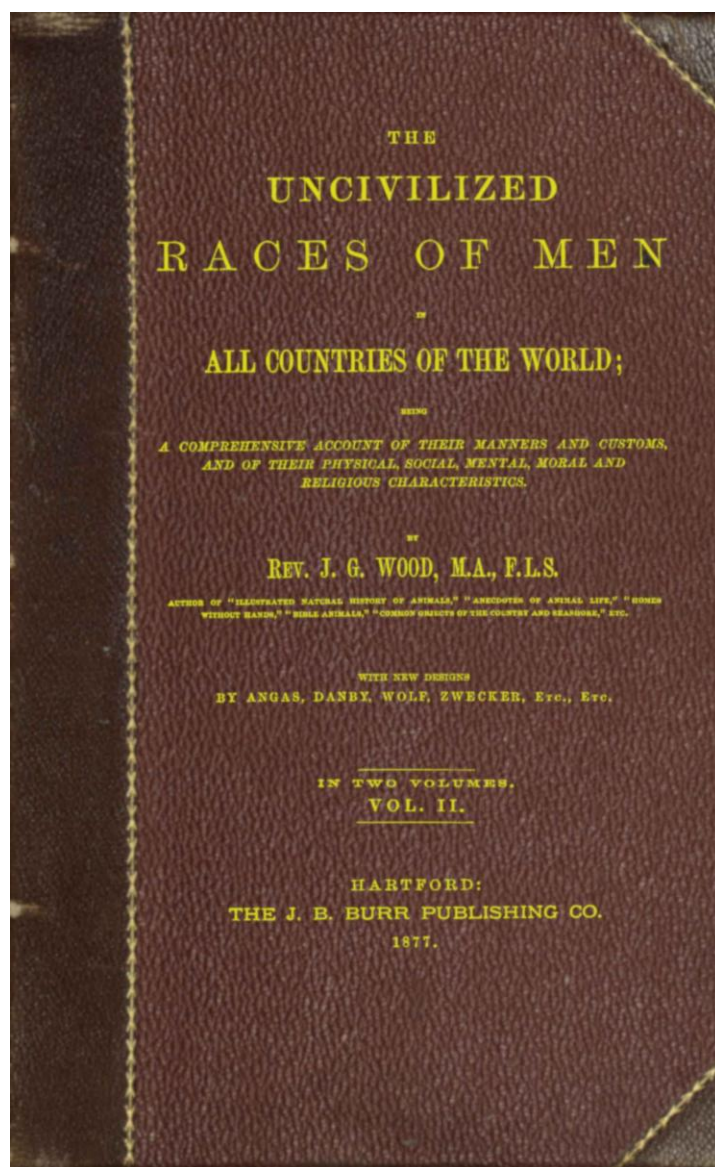

Нецивилизованные расы людей во
всех странах мира; том 2 из 2.
Представляет собой подробное
описание их нравов и обычаев, а
также их физических, социальных,
умственных, моральных и
религиозных особенностей

Дж. Г. Вуд

The Project Gutenberg eBook of The uncivilized races of men in all countries of the world; vol. 2 of 2.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Нецивилизованные расы людей во всех странах мира; т. 2 из 2

Автор: Дж. Г. Вуд

Дата выхода: 30 сентября 2022 [eBook #69074]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: J. B. Burr Publishing Co, 1875

Кредиты: Брайану Коу, Гарри Ламе и группе онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных электронной библиотекой HathiTrust).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE UNCIVILIZED RACES OF MEN IN ALL COUNTRIES OF THE WORLD; VOL. 2 OF 2 ***

Примечания транскриптора

Это том II из II части данного произведения, содержащий (после титульного листа) страницы № 769-1481, главы LXXVI-CLXX и иллюстрации № 212-443; том I содержит (после титульного листа) страницы № 11-768, главы I-LXXV и иллюстрации № 1-211. Для удобства пользования [оглавление](#), [список иллюстраций](#) и [указатель](#) включены в оба тома. Гиперссылки даны только для внутренних ссылок на этот том.

Более подробную информацию о транскрипции и внесенных изменениях можно найти в [Примечаниях транскриптора](#) в конце данного текста.

Изображение обложки было создано для этого электронного текста и является общественным достоянием.

ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕЦИВИЛИЗОВАННЫХ ОСТРОВИТАН И ИНДЕЙЦЕВ.

НЕЦИВИЛИЗОВАННЫЕ РАСЫ ЛЮДЕЙ ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА; ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ОТЧЕТ ОБ ИХ НРАВАХ И ОБЫЧАЯХ, И ИХ ФИЗИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ, УМСТВЕННЫХ, МОРАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК.

BY Rev. J. G. WOOD, M.A., F.L.S.

АВТОР "ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХ", "АНЕКДОТОВ ИЗ
ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ", "ДОМОВ
БЕЗ РУК", "БИБЛИЯ ЖИВОТНЫХ", "ОБЫЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СТРАНЫ И МОРСКОГО
ПОБЕРЕЖЬЯ" И ДР.

С НОВЫМИ РИСУНКАМИ
ANGAS, DANBY, WOLF, ZWECKER, Etc., Etc.

В ДВУХ ТОМАХ.
VOL. II.

ХАРТФОРД:
THE J. B. BURR PUBLISHING CO.
1877.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этом томе вы найдете подборку наиболее интересных нецивилизованных племен, населяющих или когда-то населявших Америку и огромное количество островов, лежащих между этой страной и восточным побережьем Азии, включая великие группы Австралии и Новой Зеландии. Кратко рассказывается о давно исчезнувших обитателях озер Швейцарии, а также представлена частичная цивилизация Индии, Китая, Японии и Сиам.

Я благодарю Географическое и Антропологическое общества за постоянный доступ к их библиотекам, а также хранителя "Коллекции Кристи" за помощь, которую он оказал в иллюстрировании этой работы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	Стр.
1. Живописное изображение африканских рас	Фронтиспис.

2.	Каффир с детства до старости	13
3.	Старый советник с женами	13
4.	Колыбель кафира	18
5.	Молодой каффир, вооруженный	21
6.	Каффирский почтальон	21
7.	Незамужние каффирские девушки	25
8.	Старые каффирские женщины	25
9.	Каффирские украшения - ожерелья, пояса и т. д.	33
10.	Кафирные иглы и ножны	33
11.	Предметы костюма	33
12.	Куклы, изображающие каффирское платье	33
13.	Браслеты из копытца голубого бока	39
14.	Фартук жены вождя	39
15.	Нарукавники из слоновой кости	39
16.	Ожерелья - бусы и зубы	39
17.	Молодой каффир в полном облачении	43
18.	Девушка в танцевальном платье	43
19.	Каффирские украшения	49
20.	Платье и украшения	49
21.	Кафиры у себя дома	57
22.	Интерьер каффирской хижины	63
23.	Каффирский крааль	63
24.	Каффирская доильная чаша	67
25.	Каффирская пивная чаша	67
26.	Ситечко для каффирского пива	67
27.	Каффирская водопроводная труба	67
28.	Женская корзина	67
29.	Каффирский скот - тренировка рогов	73
30.	Возвращение каффирского военного отряда	73
31.	Шествие невесты	83
32.	Кафир проходит мимо своей тещи	88
33.	Жених на одобрении	97
34.	Кафир в своей кузнице	97
35.	Ложки для еды каши	103
36.	Группа ассагаев	103
37.	Стычка кафирских воинов	111
38.	Мускулистая пропаганда	111
39.	Гоза, каффирский вождь, в обычной одежде	117
40.	Гоза в полном военном облачении, со своими советниками	117

41.	Обзор Панды	121
42.	Сцена охоты в Каффирленде	121
43.	Приготовление слоновьей ноги	133
44.	Каффирский званый ужин	145
45.	Солдаты, обливающиеся водой	145
46.	Каффирская арфа	155
47.	Внешний вид каффирской хижины	155
48.	Ложка, половник, шумовка	155
49.	Каффирская водопроводная трубка	155
50.	Каффирский птичник	155
51.	Ожерелье из костей человеческих пальцев	167
52.	Замечательная табакерка из тыквы	167
53.	Трубка бедняка	167
54.	Курение каффирских джентльменов	167
55.	Школа пророка	174
56.	Возвращение пророка	174
57.	Старые каффирские пророки	177
58.	Каффирская пророчица за работой	188
59.	Неблагоприятное пророчество	188
60.	Сохраненная голова	203
61.	Голова вождя мундуруку	203
62.	Погребение матери царя Чаки	203
63.	Динган, каффирский монарх, у себя дома	209
64.	Ссорящиеся каффирские женщины	209
65.	Девушка-хоттентот	219
66.	Женщина-готтентот	219
67.	Молодой человек-готтентот	223
68.	Хоттентот в полном облачении	223
69.	Крааль хоттентотов	229
70.	Карточная игра у хоттентотов	237
71.	Босхесман, стреляющий в скот	237
72.	Грейферная установка	247
73.	Женщина и ребенок из Босьесмана	247
74.	Спящие хоттентоты	247
75.	Босхесманский колчан	247
76.	Фронтолет девушки-готтентота	247
77.	Ядовитый личинка	259
78.	Портрет вождя Коранны	271
79.	Намаки, стреляющие в бурю	271

80.	Нож и головы ассагаев	281
81.	Бечуанские ножи	281
82.	Фартук из бечуаны	281
83.	Украшение из зубов обезьяны	281
84.	Парламент Бечуаны	287
85.	Женщины-архитекторы среди бечуанов	287
86.	Магические кости бечуанов	292
87.	Спартанские обычаи у бечуанов	294
88.	Испытание девушки среди бечуанов	294
89.	План дома бечуанов	299
90.	Похороны Бечуаны	302
91.	Могила и памятник вождя Дамары	302
92.	Воин Дамара с женой	308
93.	Дамарская девушка отдыхает	308
94.	Портрет девушки из Овамбо	317
95.	Женщины Овамбо, молотящие кукурузу	317
96.	Дома овамбо	329
97.	Строительство домов в Макололо	329
98.	Детские игры среди макололо	333
99.	М'Бопо, вождь макололо, у себя дома	333
100.	Копье бегемота	343
101.	Последняя атака	343
102.	Сцена катания на лодках по реке Бо-тлет-ле	351
103.	Приветствие Батоки	351
104.	Мужчины батоки	357
105.	Пелеле, или губное кольцо, у манганджей	357
106.	Ловушка для бегемота	363
107.	Топоры баниаев	363
108.	Маримба, или африканское пианино	371
109.	Необычный головной убор женщин балонда	371
110.	Жадность вагого	387
111.	Архитектура уизи	387
112.	Приветствие мужа среди уизи	391
113.	Султан Укулима пьет помбе	391
114.	Сцена сбора урожая среди Ваньямуэзи	397
115.	Приветствие ватуси	397
116.	Личная группа Руманики	404
117.	Арест королевы	412
118.	Прием посетителя вагандой	417

119.	Маг из Уньоро за работой	417
120.	Виновник Ваньоро в ботинке	423
121.	Группа Гани и Мади	431
122.	Удаление деревни мади	431
123.	Группа племени кытч	437
124.	Бойня Неам-Нам	437
125.	Деревянные вожди доров	449
126.	Скальповые замки Джиббаса	449
127.	Браслеты джиббасов	449
128.	Украшения джур	449
129.	Женские ножи	449
130.	Нуэрский шлем	449
131.	Латукская победа	457
132.	Охота фанатов на горилл	457
133.	Усадьба в Бари	465
134.	Погребальный танец латуков	465
135.	Церемония М'паза	478
136.	Рынок Обонго	478
137.	Гигантский танец апоносов	486
138.	Сцена рыбалки среди бакалайцев	486
139.	Прощание Аширы	499
140.	Приветствие Оленды вождю ишого	499
141.	Танец камма	508
142.	Прогулка Кенгуэсы (вождя племени камма)	508
143.	Фетишист Камма, изгоняющий демона	517
144.	Оланга пьет мбунду	517
145.	Судьба шекианского мага	526
146.	Коронация Мпонгве	526
147.	Нападение на деревню мпонгве	537
148.	Выторговывание жены у фанти	537
149.	Первобытный ребенок в Дахоме	552
150.	Фетиши, мужские и женские, у круменов	552
151.	Дахоманские трубы из слоновой кости	558
152.	Дахоманский военный барабан	558
153.	Боевые ножи фанти	558
154.	Фетишистская труба и барабан	558
155.	Ашанти кабосер и солдаты	564
156.	Наказание убийцы змей	564
157.	"Колокол приходит"	569

158.	Дахоманские амазонки	569
159.	Обзор амазонок	576
160.	Танец дахоманского короля	576
161.	Жертвоприношение в корзине в Дахоме	583
162.	Поклонение голове в Дахоме	595
163.	Нападение на Абеокуту	595
164.	Двор Алаке (короля эгбасов)	605
165.	Мумбо Джамбо	605
166.	Брак Бубе	612
167.	Мужчина и женщина из Канембу	612
168.	День стирки в Абиссинии	617
169.	Коронация в Конго	617
170.	Казнь дзю-дзюцу	619
171.	Женщины шуа	631
172.	Туарики и Тиббу	631
173.	Бегармские уланы	638
174.	Вождь мусгу	638
175.	Званный ужин в Абиссинии	643
176.	Абиссинские головы	643
177.	Царь Теодор и львы	652
178.	Просители в судах	652
179.	Сражение между абиссинцами и галласами	662
180.	Интерьер абиссинского дома	662
181.	Танец буйвола в Абиссинии	670
182.	Лагерь бедуинов	670
183.	Охота на бегемота	679
184.	Путешественники и мираж	679
185.	Путешествие по Мадагаскару	692
186.	Австралийские мужчина и женщина	698
187.	Женщина и старик из Нижнего Муррея	698
188.	Охотник и его дневная провизия	707
189.	Плащ из морской травы	707
190.	Пчелиная охота	716
191.	Австралиец готовит змею	716
192.	Австралийские томагавки	722
193.	Австралийские клубы	722
194.	Австралийская пила	722
195.	Долото для татуировки	722
196.	Человек из Торресова пролива	722

197.	Корзина - Южная Австралия	722
198.	Наконечники австралийских копий	731
199.	Метательные палки австралийцев	731
200.	Бумеранги австралийцев	731
201.	Копье кенгуру	739
202.	Ловля баклана	739
203.	Австралийские щиты	742
204.	Танец кури	749
205.	Танец палти, или короббори	749
206.	Австралийский пир	759
207.	Австралийские матери	759
208.	Минтальта, человек из Науо	765
209.	Юноша и мальчик из Южной Австралии	765
210.	Хижина для лечения болезней	765
211.	Гробница черепов	765
212.	Гробница австралийского дерева	775
213.	Дымящиеся тела убитых воинов	775
214.	Резная шкатулка для перьев	775
215.	Австралийские вдовы и их чепцы	781
216.	Пещера с рисунками туземцев	781
217.	Зимние хижины в Австралии	787
218.	Летний лагерь	787
219.	Новозеландец с детства до старости	794
220.	Женщина и мальчик Новой Зеландии	803
221.	Татуированный вождь и его жена	803
222.	Женщины маори делают циновки	809
223.	Танги	809
224.	Паратене Майоха в своем государственном военном плаще	820
225.	Дочь вождя	820
226.	Хонги-хонги, вождь Ваипы	820
227.	Маори готовятся к пиру	831
228.	Хранилища вождей маори	831
229.	Поварня каннибалов	835
230.	Маори па	835
231.	Украшения из зеленого нефрита	841
232.	Оружие маори	841
233.	Деревянные и костяные мераи	841
234.	Военный танец маори	847
235.	Те Оху, туземный священник	860

236.	Тики в Рароера па	860
237.	Тики из Уакапококо	860
238.	Скорбь по умершему вождю	872
239.	Гробница Э' Токи	872
240.	Военный дом Рангихаэты	877
241.	Интерьер паха или деревни	877
242.	Весла маори	881
243.	Зеленое нефритовое лезвие и долото	881
244.	Обычное каменное лезвие	881
245.	Маорийский токо-токо	881
246.	Жители Новой Каледонии защищают свое побережье	893
247.	Андаманцы готовят свинью	893
248.	Сцена на Никобарских островах	903
249.	Утанаты и их оружие	903
250.	Люди-обезьяны из пролива Дурга	909
251.	Каное Новой Гвинеи	909
252.	Хижины Новой Гвинеи	916
253.	Танец при свете факелов в Новой Гвинее	916
254.	Послание посла	924
255.	Каное на ветру	924
256.	Презентация каное	937
257.	Фиджийский пир	943
258.	Судьба хвастуна	943
259.	Фиджийский идол	949
260.	Ораторская хлопушка	949
261.	Фиджийское копье	949
262.	Фиджийские булавы	949
263.	Фиджийская свадьба	957
264.	Фиджийцы украшают дома соломой	957
265.	Буре, или храм, на Фиджи	963
266.	Вид в гавани Макиры	963
267.	Мужчина и женщина из Вате	973
268.	Женщина и ребенок из Ваникоро	973
269.	Дочь тонганского вождя	973
270.	Погребение живого короля	980
271.	Интерьер тонганского дома	980
272.	Праздник кавы в Тонга	988
273.	Тонганская плантация	991
274.	Церемония иначе	991

275.	Буксир-тау	999
276.	Консультация со священником	999
277.	День татуировки в Самоа	1012
278.	Изготовление ткани самоанскими женщинами	1012
279.	Самоанский клуб	1018
280.	Доспехи самоанского воина	1018
281.	Красивое весло жителей острова Херви	1018
282.	Орнаментированное весло в увеличенном виде	1018
283.	Копье жителей острова Херви	1018
284.	Перчатки из акульего зуба	1025
285.	Самоанские воины, бросающие вызов	1027
286.	Ловля голубей самоанцами	1027
287.	Сцена сражения на островах Херви	1035
288.	Деревня на островах Кингсмилл	1035
289.	Копье из акульего зуба	1041
290.	Челюсть акулы	1041
291.	Мечи жителей острова Кингсмилл	1041
292.	Татуированные вожди Маркизских островов	1046
293.	Рука маркесского вождя	1046
294.	Шейное украшение	1046
295.	Маркизский вождь в военной одежде	1046
296.	Военный танец ниуанов	1054
297.	Таитяне представляют ткань	1054
298.	Одевание идолов жителями острова Общества	1067
299.	Человеческие жертвоприношения у таитян	1077
300.	Труп и главный скорбящий	1077
301.	Тане, таитянский бог, возвращается домой	1084
302.	Женщины и домашняя свинья на Сандвичевых островах	1084
303.	Подвиг Камехамеха с копьями	1089
304.	Гребцы в масках	1089
305.	Плавание в прибое жителей Сандвичевых островов	1093
306.	Шлем жителей Сандвичевых островов	1097
307.	Идол из перьев жителей Сандвичевых островов	1097
308.	Деревянный идол жителей Сандвичевых островов	1097
309.	Островитяне Романцоффа, мужчина и женщина	1101
310.	Дьякский воин и дусум	1101
311.	Инвестиция рупака	1105
312.	Воинский танец у жителей острова Пелеу	1105
313.	Иллинойский пират и сагайский дьяк	1113

314.	Дьякские женщины	1113
315.	Паранг-латок у даяков	1122
316.	Сумпитаны у даяков	1122
317.	Паранг-иланг у даяков	1122
318.	Крис, или кинжал, у даяков	1129
319.	Щиты даякских воинов	1129
320.	Паранг с амулетами	1129
321.	Дьякское копье	1129
322.	Бой на каноэ у даяков	1139
323.	Дьякская свадьба	1139
324.	Дьякский пир	1147
325.	Борнейский топор-адзе	1152
326.	Дьякская деревня	1153
327.	Дом дьяка	1153
328.	Мужчина и женщина фуэги	1163
329.	Патагонские мужчина и женщина	1163
330.	Фуэгийское поселение	1169
331.	Фуэгийцы меняют место жительства	1169
332.	Арауканские стремяна и шпора	1175
333.	Арауканские лассо	1175
334.	Патагонские боласы	1175
335.	Испанская бита и патагонская фурнитура	1175
336.	Патагонцы охотятся на дичь	1180
337.	Патагонская деревня	1187
338.	Патагонское захоронение	1187
339.	Семья Мапуче	1201
340.	Арауканский брак	1201
341.	Мапуче медицина	1207
342.	Похороны мапуче	1207
343.	Клуб макана	1212
344.	Гвианские стрелы и трубка	1214
345.	Индейцы Гран-Чако в движении	1218
346.	Испытание "перчаток"	1218
347.	Гвианские духовые ружья	1225
348.	Гвианская стрела для духового ружья	1225
349.	Гвианские крылатые стрелы	1225
350.	Гвианская хлопковая корзина	1225
351.	Гвианский колчан	1225
352.	Гвианские стрелы, намотанные на палку	1225

353.	Гвианские стрелы нанизаны	1225
354.	Пернатые стрелы макоуши	1231
355.	Блюдо из кассавы у макоуши	1231
356.	Гвианское землетрясение	1231
357.	Наконечники стрел макуши	1231
358.	Стрела гвианской черепахи	1231
359.	Гвианский колчан для наконечников стрел	1231
360.	Перьевой фартук мундуруков	1231
361.	Головные уборы макоуши	1238
362.	Гвианские клубы	1238
363.	Гвианская колыбель	1238
364.	Дом варау	1244
365.	Озерные жители Ориноко	1244
366.	Гвианские типити и чаша	1249
367.	Гвианские двойные бутылки	1249
368.	Перьевой фартук карибов	1249
369.	Фартук из бисера у гвианов	1249
370.	Лопатка вараусов	1249
371.	Танец макарри	1260
372.	Борьба на щитах у вараусов	1260
373.	Флейта из кости ягуара у карибов	1265
374.	Погремушка гвианцев	1265
375.	Мексиканские стремяна	1265
376.	Железные и каменные томагавки	1265
377.	Индейский щит и булавы	1265
378.	Манданский вождь Мах-то-то-па с женой	1277
379.	Вождь воронов	1284
380.	Скальпирование американских индейцев	1284
381.	Стрела с кремневым наконечником	1290
382.	Каманчи верхом	1291
383.	"Курящие" лошади	1291
384.	Снежный башмак	1295
385.	Сцена охоты на бизона	1299
386.	Танец бизона	1299
387.	Манданское испытание	1305
388.	Последняя гонка	1305
389.	Знахарь за работой	1311
390.	Игра в мяч у чокто	1311
391.	Индейские трубы	1315

392.	И-э-чин-че-а в военном костюме	1318
393.	Внук вождя племени черноногих	1318
394.	Пшан-шоу, девушка из племени рикари	1318
395.	Плоскоголовая женщина и ребенок	1319
396.	Индейское каноэ	1322
397.	Танец со снегоступами	1322
398.	Танец под лекарство храбрецов	1322
399.	Гонка на каноэ	1327
400.	Жилища эскимосов	1327
401.	Головка гарпуна эскимосов	1337
402.	Погребение Черного Дрозда, вождя омаха	1341
403.	Эскимосы, пронзающие моржа	1341
404.	Каяк и управление им	1347
405.	Вожделение саней эскимосами	1347
406.	Запястье у эскимосов	1353
407.	Рыболовные крючки эскимосов	1353
408.	Пернатые стрелы племени ахт	1356
409.	Изобретательный рыболовный крючок ахтов	1357
410.	Замечательные резные трубы ахтов	1357
411.	Лук ахтов с острова Ванкувер	1357
412.	Маска бобра из племени ахт	1357
413.	Головной убор вождей племени ахт	1357
414.	Украшенные весла ахтов	1357
415.	Каноэ ахтов	1361
416.	Ахтский танец	1367
417.	Инициация пожирателя собак	1367
418.	Брак с Соурой	1387
419.	Жертвоприношение Мери	1387
420.	Лук и колчан индусов	1394
421.	Хитроумная уловка разбойников из Бхила	1397
422.	Гхорка, на которого напал тигр	1397
423.	Ожерелье Гхорки	1403
424.	Ожерелье племени гхоорка	1403
425.	Оружие чакра или квоит	1403
426.	Индийское оружие и доспехи	1403
427.	Доспехи, инкрустированные золотом	1406
428.	Китайский повторяющийся арбалет	1425
429.	Взаимопомощь	1427
430.	Нога и обувь китайской женщины	1428

431.	Мандарин и жена	1437
432.	Различные способы пыток	1437
433.	Ротовой орган	1445
434.	Образцы китайского искусства	1446
435.	Обезглавливание китайского преступника	1451
436.	Уличный певец баллад	1451
437.	Японская дама в шторм	1454
438.	Японская дама верхом на лошади	1455
439.	Захват мужей-прогульщиков	1464
440.	Подсвечник и кадилница	1465
441.	Костюм японских доспехов	1469
442.	Король Сиам С. С. П. М. Монгкут	1469
443.	Портрет знаменитой сиамской актрисы	1469

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

Гл.		Страница.
КАФИРЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ.		
I.	Интеллектуальный характер	11
II.	Жизненный путь	17
III.	Курс жизни - <i>завершение</i>	20
IV.	Мужская одежда и украшения	28
V.	Мужская одежда и украшения - <i>заключение</i>	36
VI.	Женская одежда и украшения	48
VII.	Архитектура	56
VIII.	Скотоводство	66
IX.	Брак	75
X.	<i>Заключение</i> брака	82
XI.	Война - наступательное оружие	92
XII.	Война - оборонительное оружие	108
XIII.	Охота	126
XIV.	Сельское хозяйство	138
XV.	Продовольствие	143
XVI.	Социальные характеристики	159
XVII.	Религия и суеверия	169
XVIII.	Религия и суеверия - <i>продолжение</i>	180
XIX.	Суеверия - <i>окончание</i>	192
XX.	Похоронные обряды	200
XXI.	Бытовая жизнь	206

ХОТТЕНТОТЫ.

XXII.	Расы хоттентотов	217
XXIII.	Брак, язык, развлечения	232

БОСДЖЕСМЕН, ИЛИ БУШМЕН.

XXIV.	Внешний вид, социальная жизнь	242
XXV.	Архитектура - Оружие	251
XXVI.	Развлечения	262

РАЗЛИЧНЫЕ АФРИКАНСКИЕ РАСЫ.

XXVII.	Коранны и намаки	269
XXVIII.	Бечуаны	280
XXIX.	Бечуаны - <i>завершение</i>	291
XXX.	Племя дамара	304
XXXI.	Овамбо, или овампо	315
XXXII.	Племя макололо	324
XXXIII.	Байе и макоба	337
XXXIV.	Батока и Манганджа	348
XXXV.	Баньяи и Бадема	361
XXXVI.	Балондо, или балонда, и ангольцы	369
XXXVII.	Вагого и Ваньямуэзи	384
XXXVIII.	Карагу	399
XXXIX.	Ватуси и ваганда	408
XL.	Ваньоро	422
XLI.	Гани, Мади, Оббо и Кытч	429
XLII.	Племена Неам-Нам, Дор и Джур	440
XLIII.	Племя латука	453
XLIV.	Племена шир, бари, джибба, нуэр, динка и шиллук	461
XLV.	Племена ишого, ашанго и обонго	475
XLVI.	Апоно и апинги	484
XLVII.	Бакалай	491
XLVIII.	Ашира	496
XLIX.	Камма или Комми	504
L.	Шекиани и мпонгве	521
LI.	Фанаты	529
LII.	Поклонники - <i>завершение</i>	535
LIII.	Крумены и фанти	544
LIV.	Ашанти	554
LV.	Дахоме	561
LVI.	Дахоме - <i>продолжение</i>	573
LVII.	Дахоме - <i>окончание</i>	581

LVIII.	Эгбас	590
LIX.	Бонни	600
LX.	Человек-динго	607
LXI.	Бубесы и конголезцы	610
LXII.	Борну	620
LXIII.	Шуа, Тиббу, Туарикс, Бегарми и Мусгуэс	628
LXIV.	Абиссинцы	641
LXV.	Абиссинцы - <i>продолжение</i>	649
LXVI.	Абиссинцы - <i>окончание</i>	658
LXVII.	Нубийцы и хамранские арабы	673
LXVIII.	Бедуины, хассанийцы и малагасийцы	681
АВСТРАЛИЯ.		
LXIX.	Внешний вид и характер коренных жителей	694
LXX.	Одежда и еда	703
LXXI.	Оружие	719
LXXII.	Оружие - <i>окончание</i>	727
LXXIII.	Война - Амулеты	744
LXXIV.	Бытовая жизнь	755
LXXV.	От детства к юности	761

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

LXXVI.	Медицина, хирургия, избавление от мертвых	769
LXXVII.	Жилища-каноз	784
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ.		
LXXVIII.	Общие замечания	792
LXXIX.	Платье	800
LXXX.	<i>Платье-завершение</i>	807
LXXXI.	Домашняя жизнь	816
LXXXII.	Еда и кулинария	826
LXXXIII.	Война	838
LXXXIV.	Каноз	852
LXXXV.	Религия	856
LXXXVI.	Тапу	863
LXXXVII.	Похоронные церемонии - архитектура	869
НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ.		
LXXXVIII.	Внешний вид - одежда - военные действия	883
АНДАМАНСКИЕ И НИКОБАРСКИЕ ОСТРОВА.		
LXXXIX.	Происхождение туземцев - Внешний вид - Характер - Образование	888

НОВАЯ ГВИНЕЯ.

ХС. Папуасы и утанаты 898

ХСІ. Альфоэры или харафоры 905

ФИЛИППИНСКИЕ ОСТРОВА.

ХСІІ. Аджиты или ахитасы 919

ФИДЖИ.

ХСІІІ. Внешний вид - одежда 922

ХСІV. Производства 929

ХСV. Правительство и общественная жизнь 934

ХСVІ. Война и амуниция 948

ХСVІІ. Религия - погребальные обряды 960

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА И НОВЫЕ ГЕБРИДЫ.

ХСVІІІ. Характер - одежда - обычаи 968

ТОНГА.

ХСІХ. Правительство - ранги 976

С. Война и церемонии 984

СІ. Болезни-погребения-игры 997

САМОА, ИЛИ ОСТРОВ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ.

СІІ. Внешний вид-характер-одежда 1008

СІІІ. Война 1016

СІV. Развлечения, кареты, архитектура 1028

ОСТРОВА ГЕРВИ И КИНГСМИЛЛ.

КВ. Внешний вид-Оружие-Правительство 1032

МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА.

СVІ. Одежда - Потехи - Война - Погребение 1044

НИУЭ, ИЛИ ОСТРОВА ДИКАРЕЙ.

СVІІ. Происхождение-Костюм-Законы-Погребение 1052

ОСТРОВА ОБЩЕСТВА.

СVІІІ. Внешний вид - одежда - общественные обычаи 1057

СІХ. Религия 1064

СХ. История - Война - Похороны - Легенды 1072

СЭНДВИЧЕВЫЕ ОСТРОВА.

СХІ. Климат-Одежда-Орнаменты-Женщины 1081

СХІІ. Война-спорт-религия 1088

КАРОЛИНСКИЙ АРХИПЕЛАГ.

СХІІІ. Платье-архитектура-амуниция-война 1100

БОРНЕО.

СХІV. Даяки, внешний вид и одежда 1110

СХV. Война 1119

CXVI.	Война <i>окончена</i>	1128
CXVII.	Общественная жизнь	1137
CXVIII.	Архитектура, мануфактуры	1149
CXIX.	Религия - Омены - Похороны	1157
ТЬЕРРА-ДЕЛЬ-ФУЭГО.		
CXX.	Внешний вид-Архитектура-Мануфактуры	1161
ПАТАГОНИЙЦЫ.		
CXXI.	Внешний вид-Оружие-Всадничество	1172
CXXII.	Домашняя жизнь	1183
АРАУКАНЦЫ.		
CXXIII.	Платье-этикет-правительство	1190
CXXIV.	Домашняя жизнь	1196
CXXV.	Игры и общественные обычаи	1204
ГРАН-ЧАКО.		
CXXVI.	Внешний вид - Оружие - Характер	1211
МУНДУРУКУ.		
CXXVII.	Производство - Социальные обычаи	1215
ПЛЕМЕНА ГВИАНЫ.		
CXXVIII.	Оружие	1221
CXXIX.	Оружие - <i>окончание</i>	1228
CXXX.	Война - суеверие	1239
CXXXI.	Архитектура - общественные обычаи	1245
CXXXII.	Одежда - увеселения	1255
CXXXIII.	Религия - погребение	1263
МЕКСИКА.		
CXXXIV.	История-Религия-Арт	1271
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ.		
CXXXV.	Правительство-таможня	1273
CXXXVI.	Война	1281
CXXXVII.	Охотничьи забавы	1293
CXXXVIII.	Религия-Суеверия	1301
CXXXIX.	Общественная жизнь	1316
ESQUIMAUX.		
CXL.	Внешний вид - одежда - манеры	1333
CXLI.	Охота-Религия-Погребение	1338
ОСТРОВ ВАНКУВЕР.		
CXLII.	Ахты и соседние племена	1354
CXLIII.	Каное-праздники-танцы	1362
CXLIV.	Архитектура-Религия-Утилизация мертвых	1369

АЛЯСКА.		
CXLV.	Малемуты-ингелы-ко-юконы	1374
СИБИРЬ.		
CXLVI.	Чукчи-Якуты-Тунгусы	1377
CXLVII.	Самодийцы-остяки	1381
ИНДИЯ.		
CXLVIII.	Соуры и Кхонды	1385
CXLIX.	Оружие	1395
CL.	Жертвенная религия	1407
КЛИ.	Индейцы по отношению к животным	1416
ТАРТАРИЯ.		
CLII.	Мантхуские татары	1422
КИТАЙ.		
CLIII.	Внешний вид, одежда, еда	1426
CLIV.	Военные действия	1433
CLV.	Социальные характеристики	1441
ЯПОНИЯ.		
CLVI.	Платье-искусство-музыка	1449
CLVII.	Разные обычаи	1458
СИАМ.		
CLVIII.	Правительство - одежда - религия	1467
ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА.		
CLIX.	Швейцарские озерные жители	1473
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АФРИКА.		
CLX.	Маконде	1475
CLXI.	Вайяу	1478
CLXII.	Бабиса и Бабемба	1482
CLXIII.	Маньюема	1487
CLXIV.	Маньюэма - <i>завершение</i>	1492
CLXV.	Уньямвези	1496
CLXVI.	Увинза и Уха	1500
CLXVII.	Монбутту	1503
CLXVIII.	Пигмеи	1508
CLXIX.	Общая характеристика африканских племен	1511
CLXX.	Африканская работоторговля	1515
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ.		
CLXXI.	Кахьены	1520

ГЛАВА LXXVI.

АВСТРАЛИЯ - продолжение.

МЕДИЦИНА, ХИРУРГИЯ И ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ.

БИЛЬБОС, ИЛИ ТУЗЕМНЫЕ ВРАЧИ - РАНЫ И УШИБЫ - СТРАННОЕ ЛЕКАРСТВО - ЛЕЧЕНИЕ ГОЛОВНОЙ БОЛИ - СОН И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ - МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ, ИЛИ ДОКТОРСКИЙ КАМЕНЬ - ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ - ДОМ ВРАЧА - ОТСОС КАК СРЕДСТВО ЛЕЧЕНИЯ - ВЕРА В ЧАРЫ - РОДИТЕЛЬСКИЙ ЧЕРЕП - ТРАУРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - РАССЕЧЕНИЕ ГОЛОВЫ И ТЕЛА В ЗНАК ГОРЯ - ОТГОНЯЯ ЗЛЫХ ДУХОВ - СТРАХ ПЕРЕД ПРИЗРАКАМИ - ПОГРЕБЕНИЕ У ПАРНКАЛЛАС И НАУО - ГРОБНИЦА ЧЕРЕПОВ - ОБОБЩЕННЫЙ СПОСОБ ПОГРЕБЕНИЯ - ПОХОРОНЫ МАЛЬЧИКОВ - ДРЕВОВИДНЫЕ ГРОБНИЦЫ. ГРОБНИЦЫ - КУРЕНИЕ ВОИНОВ - НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ - ПОГРЕБЕНИЕ СТАРЫХ ЖЕНЩИН - ВДОВЫИ ЧЕПЦЫ - РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АБОРИГЕНОВ - РАЗЛИЧНЫЕ ЗЛЫЕ ДУХИ - БУНЬИП - НАСКАЛЬНЫЕ И ПЕЩЕРНЫЕ РИСУНКИ - ТЕОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ.

Теперь мы посмотрим, как австралийские аборигены относятся к различным видам болезней. Среди них есть некие личности, называемые билбос, или докторами, к которым больные обычно обращаются в случае болезни или боли. Неизвестно, однако, дает ли человеку звание билбо сам факт возраста, или же оно достигается с помощью различных церемоний, как это происходит у африканцев и других дикарей.

Самым обычным способом лечения любого местного заболевания или боли является надавливание руками на больную часть и ее разминание - средство, которое можно найти во всех частях света, и которое действительно эффективно при многих заболеваниях, особенно при ревматизме, растяжении или перенапряжении мышц. Если конечность ранена, ушиблена или болит, туземцы туго завязывают над ней филе, чтобы, как они говорят, не дать болезни проникнуть в тело. Головную боль лечат, крепко завязывая повязку на висках, а если боль упрямая, врачи пускают кровь под мышкой, используя в качестве ланцета острый кусочек кварца. Вытекающую кровь никогда не пускают в расход, а принимают на тело оператора и старательно втирают в кожу, полагая, что таким образом укрепляются обе стороны. Это, однако, зависит от пола пациента: женщинам никогда не пускают кровь и не разрешают окроплять их кровью другого человека.

Примерно в 1832 году среди туземцев долины Веллингтон вспыхнула любопытная болезнь, во многом напоминающая оспу, но с симптомами, едва ли относящимися к этой страшной болезни, единственному смертельному бичу дикарских племен. Ей предшествовали головная боль, лихорадка, боль в горле и т. д., а сопровождалась она пустулами, очень похожими на те, что бывают при оспе. Однако она была недостаточно вирулентной для настоящей болезни, хотя, вероятно, являлась ее более мягкой формой и была подвержена действию вакцины. Она не ограничивалась туземцами, а нападала на многих европейцев так же, как и настоящая оспа, и в одном случае привела к летальному исходу.

Он упоминается здесь из-за способа лечения, принятого местными врачами. Они прокалывали гнойники острыми рыбьими костями и хорошо выдавливали их тупым концом своих грубых ланцетов, и примечательно, что уровень смертности очень сильно снизился. Конечно, врачи использовали и другие способы, с помощью которых они вселяли в пациентов уверенность в своих силах. Главный из них осуществлялся с помощью множества тонких прутьев длиной от шести до девяти футов, которые втыкали в землю в форме полумесяца и обращались к ним с длинными речами и множеством таинственных жестов. Среди австралийцев эта болезнь, какой бы она ни была, не вызывает того ужаса, которым

она обычно сопровождается. Хотя они знают, что она заразна, они не бросают больного, за исключением тех случаев, когда врач объявляет пациента неизлечимым; в этом случае они избавляют его от длительных мучений, а себя от бесполезных хлопот, хороня его заживо. Туземцы называют эту болезнь "тунна-тунна", и известно, что она существовала еще во времена открытия страны, так что она не завезена из цивилизованных стран.

Еще один замечательный способ лечения головной боли упоминает мистер Ангас. Пациента усаживают на землю, вокруг его головы завязывают веревку, узел которой тщательно подгоняют к середине лба. Оператор, которым всегда является женщина, садится напротив пациента, помещает нитку между его губами и водит ею по губам до тех пор, пока из них не пойдет кровь. Идея заключается в том, что болезнь, привлеченная кровью, проходит по линии от головы пациента и изгоняется вместе с кровью.

Очень примечательный пример такого способа лечения приводится в книге Тайермана и Беннета "Кругосветное путешествие". Одному человеку приснилось, что его пронзили копьем в бок, и он умер от раны. Хотя, проснувшись, он понял, что это был всего лишь сон, он так испугался, что ему стало очень плохо, он удалился в свою хижину, выбрал место для погребения и лег умирать.

Прошла почти неделя, в течение которой он не мог принимать пищу, ему становилось все хуже и хуже, и было ясно, что природа долго не выдержит. Жрецы - или, скорее, колдуны, поскольку нельзя утверждать, что у жителей Новой Голландии есть какие-то другие священники, не имеющие, по сути, никакого религиозного культа, - пришли, чтобы сделать для него все возможное с помощью своих чар. По их приказу его отнесли к берегу проточной воды и бросили в поток, где было довольно глубоко, головой вперед. Когда его вытащили, то обвалили в песке, пока его тело не оказалось полностью покрыто им. Его снова смыли, облив водой.

"Тем временем молодая женщина из компании стала плести шнур из шерсти кенгуру, который по завершении был обвязан вокруг его груди, а узел, очень хитроумно завязанный одним из операторов, был наложен на ту часть его бока, в которую вошло копье из его сна. От этого узла леска была передана молодой женщине, которая готовила повязку. Она тянула ее через рот вперед и назад (как это иногда делают дети с куском нитки), пока не начала сплевывать кровь, которая, как говорили, высасывалась таким образом из раны в боку больного. Теперь было заметно, что по какой-то причине под узлом образовалась значительная припухлость. В связи с этим один из колдунов начал поглаживать плоть мужчины со всех прилегающих областей спины, живота и груди, как бы вытесняя туда кровь. Затем он приложил свой рот к опухоли и, издавая отвратительные звуки, то всасывал ее губами, то с силой давил руками, пока из нее не *вышло острие копья* длиной в четыре дюйма, которое он представил изумленным зрителям и ожидающему страдальцу как действительно извлеченное из бока мужчины.

"Затем он снова приложил свой рот к опухшему месту, из которого, хотя видимой раны не было, он, казалось, втягивал кровь и трупную материю, и пятна того и другого вскоре были видны на смуглой коже. Наконец, с раздутыми щеками, как будто он набил рот отвратительным веществом, он побежал по округе, с тревогой ища подходящее место, куда бы его вылить; но, не найдя такового, он перешел через воду и положил тошнотворный экстракт за куст. Надежды бедняги ожили, и теперь он верил, что снова поправится. Тогда мистер Данлоп прислал ему немного чая, который, однако, он не стал пить, а попросил

отдать его колдуну, и если тот выпьет его, то это пойдет ему на пользу. Он был обманут, разочарован и умер".

Австралийцы - неплохие хирурги в грубом и готовом виде, и они умело вправляют сломанные конечности. Соединив сломанные концы костей, они поддерживают конечность несколькими кусками дерева, которые служат шинами, а затем закрепляют все бинтами, которые часто укрепляют камедью, точно так же, как это делается в современной хирургии.

Одним из самых мощных средств, используемых туземными врачами, является "докторский камень". Это не что иное, как обычный кристалл кварца; но врачи утверждают, что изготавливают его сами, а ингредиенты держат в секрете. Как и в случае с витарной, о которой говорилось на странице 747, женщинам никогда не разрешается даже смотреть на докторский камень, и им внушается убеждение, что если они осмелятся взглянуть на запретный предмет, то будут немедленно убиты его сияющей силой. Чем крупнее кристалл, тем он ценнее, а довольно крупный едва ли можно купить у туземцев за любую цену.

Врачи говорят, что этот камень не только смертелен для женщин, но и уничтожает мужчин, если бросить его в них с определенными заклинаниями. Один европейский поселенец однажды предложил туземному врачу произносить столько заклинаний, сколько ему захочется, и бросать волшебный камень столько, сколько ему заблагорассудится. Однако от этого предложения он отказался, приведя обычную для дикарей отговорку, что белый человек принадлежит к совершенно иному порядку существ, и, хотя бедный чернокожий умрет от воздействия докторского камня, белый человек слишком силен, чтобы причинить ему вред.

Способ использования кристалла очень любопытен и описан очевидцем.

Уроженец страны Тумат по имени Голонг страдал от раны, полученной копьем в стычке с враждебным племенем, и был доставлен к бильбо по имени Барамумбуп, чтобы его вылечили. Уложив пациента на землю за пределами лагеря, чтобы женщины не рисковали умереть от случайного взгляда на кристалл, врач начал внимательно осматривать рану и отсосал ее. Затем он отошел на некоторое расстояние от пациента, около минуты бормотал какие-то магические слова и положил кристалл ему в рот. Подержав его там некоторое время, он вынул его, плюнул на землю и ногами растоптал слюну, глубоко вдавив ее в землю. Так повторилось несколько раз, и доктор удалился.

В течение нескольких вечеров подряд повторялся весь этот процесс, и выздоровление пациента, которое было действительно быстрым, все приписывали чудесной эффективности докторского камня. "На вопрос, - пишет доктор Беннетт, - почему врач так тщательно втаптывает в землю слюну, вытекающую изо рта, не удалось найти удовлетворительной причины, на него был получен лишь расплывчатый ответ. Но не исключено, что они считают, что таким образом окончательно уничтожают силу злого духа, извлекаемого при операции с помощью достоинств камня. О причинах такого поведения можно судить по замечанию, сделанному любому европейцу, который может присутствовать на этой части церемонии: "Чтобы он (*т.е.* болезнь) больше не появлялся".

Примечательно, что почти точно такая же по принципу церемония используется в бразильском племени гуайкура. Среди них врачи, или пайесы, лечат местные недуги, будь то раны или другие заболевания, отсасывая большую часть, сплевывая в вырытую в земле ямку, а затем засыпая землей, как бы хороня жалобу.

Австралийские врачи широко используют принцип отсасывания и применяют его в самых разных случаях. Если, например, у пациента сильно болит живот от переедания или он страдает больше, чем считает нужным, от удара палкой, врач энергично сосет больное место и в конце концов извлекает изо рта кусочек кости или другого твердого вещества, которое, как он утверждает, и есть концентрированная сущность боли или другого недуга. Читатель может обратить внимание на то, что кости, которыми размягчают десны юношей во время церемоний посвящения, предположительно извлекаются из тел операторов путем всасывания.

Очень замечательное лечебное средство показано на иллюстрации № 3, страница 765, которая взята с эскиза мистера Бейнса. Оно представляет собой каменное здание, которое на первый взгляд так похоже на обычное друидическое пребывание, что его можно было бы принять за него, если бы не его размеры. Однако вместо того, чтобы быть сложенным из огромных камней, каждый из которых весит несколько тонн, это совсем крошечное сооружение, едва ли больше грота, который дети возводят из устричных раковин. Пациент лежит в нем или, скорее, под ним: отверстие достаточно широкое, чтобы впустить его тело, а маленькая крыша покрывает лишь небольшую часть тела. При этом используются различные суеверные обряды, а средство эффективно, как и уже упомянутый кристалл, благодаря тому, что возбуждает воображение страдальца.

Эти небольшие сооружения встречаются вдоль реки Виктория, и долгое время цель, ради которой они были построены, сильно озадачивала первооткрывателей.

Лекарство, едва ли менее эффективное, чем докторский камень, - человеческий жир, который тщательно сохраняется и применяется путем втирания в больное место и вокруг него. Однако, поскольку он высоко ценится воинами, его нелегко достать, и, если бы его приходилось брать только из тел убитых врагов, он, скорее всего, вообще бы не использовался. Эффективность этого отталкивающего средства не зависит от того, у кого оно взято: у ребенка или женщины оно столь же полезно, как и у воина.

По словам мистера Г. Т. Ллойда, практика бросать беспомощных встречается как в Австралии, так и в других странах, и практикуется точно так же, как и в Африке. Когда человек болен, его родственники, как правило, не утруждают себя посещением больного, а когда нет видимой надежды на выздоровление, рядом с ним оставляют запас еды и еды, которого хватит на несколько дней, а затем бросают его на произвол судьбы. Даже в случае с бедным старым Тармением, о котором говорилось на странице 747, сын, хотя и пронес своего раненого отца более четырех миль, чтобы поместить его в безопасное место, ни разу не пришел его навестить.

Если туземцы так безоговорочно верят в целительную силу врачебного камня, то вполне естественно, что они верят и в различные чары, предохраняющие от болезней и несчастий. Один из таких амулетов представляет собой нечто вроде пояса, шириной в несколько дюймов посередине и сужающегося к концу. Если он сделан из нити, приготовленной из корня камыша, то называется таара или куретти, а если из человеческого волоса, то под названием боглотти. Он используется скорее как лечебное, чем профилактическое средство, и распространен в основном среди племен, живущих в низовьях реки Муррей. Волосы, скрученные в нить, наматываются на любопытное веретено, состоящее из двух тонких кусков дерева, расположенных друг напротив друга под прямым углом.

На иллюстрации № 2 на 765-й странице показан еще один амулет, надетый на шею мальчика. Это клюв черного лебедя, который благодаря своему алому цвету хорошо контрастирует со смуглой кожей владельца. Мальчика зовут Риммиллипери, и мистер Г. Ф.

Ангас отмечает, что он был очаровательным малышом и обладал самой большой и мягкой парой темных глаз, которую только можно себе представить. Старшая фигура - это молодой человек по имени Тиилкилли, принадлежащий к племени парнкалла из Порт-Линкольна. Он был выбран как пример австралийского молодого человека в хороших условиях, сытого, беспечного, с бездумным счастьем простого животного, которое находит радость в самом факте существования.

Среди многих племен можно увидеть странное украшение, или, скорее, утварь, а именно чашку для питья, сделанную из человеческого черепа. Ее подвешивают на веревках и носят с собой, и владелец берет ее с собой, куда бы он ни пошел. Эта жуткая утварь делается из черепов самых близких и родных людей, и когда умирает австралийская мать, считается правильным, чтобы ее дочь сделала из черепа своей матери сосуд для питья. Приготовление достаточно простое. Нижняя челюсть удаляется, мозги извлекаются, а весь череп тщательно очищается. Затем к нему прикрепляют веревочную ручку из волокон камыша, и он считается пригодным для использования. Его наполняют водой через позвоночное отверстие, в которое всегда засовывают пучок травы, чтобы вода не вылилась.

Непоследовательность всегда была свойственна умам дикарей. Хотя они считают, что превращение черепа родителя в сосуд для питья и ношение его с собой - важная часть сыновнего долга, они, похоже, не испытывают глубоких чувств по этому поводу. Так, туземец по имени Вулу продал череп своей матери за небольшой кусок табака. Его разум, очевидно, не был достаточно всеобъемлющим, чтобы принять две идеи вместе, и объективная мысль о подаренном табаке была, очевидно, более сильной, чем сравнительная абстракция сыновней почтительности.

Мистер Ангас видел одну из них, которую несла маленькая девочка лет десяти. Как и "малышка Нелл", она ухаживала за старым и немощным дедушкой и посвятила ему свою маленькую жизнь. Ни в чем разница человеческих обычаев не проявлялась так явно, как в использовании черепа матери в качестве сосуда для питья - поступок, который мы должны считать вершиной языческой жестокости, но у этих аборигенов он считается долгом ребенка перед родителем.

Возможно, мои классические читатели помнят главу Геродота, которая касается именно этого вопроса. Он осуждает Камбиса за то, что тот ворвался в храмы кабейров, сжег их идолов и тем самым оскорбил религиозные чувства народа; и замечает, что он остерегался оскорблять любые религиозные чувства, какими бы абсурдными они ему ни казались. Затем он рассказывает анекдот о Дарии, при дворе которого находились несколько "индийцев, называемых каллатианами", и несколько греков. Он спросил греков (которые всегда сжигали своих мертвецов, как это делают сейчас индусы), какая взятка побудит их есть тела своих умерших родителей, и те, естественно, ответили, что ни за какую взятку они не смогут совершить столь ужасное деяние. Затем, в присутствии греков, он спросил каллатиан, которые ели своих мертвецов (как это делают сейчас несколько диких народов), за какую сумму они согласятся сжечь тела своих мертвецов. Как видно из стиля их ответа, они были потрясены еще больше, чем греки, мыслью о таком ужасном святотатстве, и не соизволили дать прямой ответ, а попросили Дария "произнести слова доброго предзнаменования". (См. *Thalia*, xxxvii. 8.)

Несколько похожий случай описывается в жизни Нусир-эр-Дина, покойного короля Уде. Его туземные министры, завидуя влиянию, которое оказывали на него некоторые из его европейских друзей, жаловались, что английские гости неуважительно относятся к монарху, не снимая обуви в его королевском присутствии. Король, который, как ни был он изнурен

тщеславием, распутством, самообольщением и лестью, не был дураком, немедленно предложил компромисс. "Послушайте меня, наваб; а вы, генерал, послушайте меня. Король Англии - мой господин, и эти джентльмены вошли бы в его присутствие в туфлях. Так неужели они не могут войти в мое? Разве они предстанут передо мной в шляпах? Ответьте мне, ваше превосходительство".

"Нет, ваше величество".

"Нет, это *их* способ выразить уважение. *Они* снимают шляпы, а *вы* снимаете обувь. А теперь давайте поторгуюемся. Валлах! Но я заставляю их снять обувь и оставить ее без обуви, как это делаете вы, если вы снимете свой тюрбан и оставите его без тюрбана, как это делают они". (См. Найтон "Частная жизнь восточного короля").

Теперь мы, естественно, переходим к погребению умерших и различным церемониям, сопровождающим время траура. Хотя родственники кажутся такими беспечными по отношению к больному человеку, на самом деле они следят за ним и, как только смерть действительно наступает, объявляют об этом громкими криками. Женщины - главные скорбящие, и они продолжают рыдать, кричать и стонать, пока не вынуждены прекратить это занятие от полного изнеможения. Они режут свои тела, пока кровь не польется из ран, а некоторые из них рубят себе головы томагавками, пока их плечи и тело не покроются кровью.

Читатель, вероятно, заметил, как широко распространен этот обычай наносить раны на тело в знак траура и особенно в знак оплакивания умершего. Мы видели, что он существует в Африке, и увидим, что он практикуется во многих других странах. О том, что в древние времена практиковался людьми, среди которых жили евреи, мы узнаем из нескольких мест Писания. Например, Втор. xiv. 1: "Не стригите себя и не делайте лысины между глазами вашими для мертвых". Также Иер. xvi. 6: "Их нельзя хоронить, и люди не должны оплакивать их, не должны стричь себя, не должны лысеть из-за них". Также известен отрывок о жертвоприношении жрецов Ваала, во время которого они "резали себя по своему обыкновению ножами и копьями, пока кровь не хлынула на них".

От тела избавляются не сразу, а оставляют его на значительное время, в течение которого происходит разложение, и ему позволяют идти своим чередом, пока плоть не отделится от костей. В течение ночи за телом внимательно наблюдают, и если в небе появляется пролетающий метеор, люди кричат и размахивают огненными мечами, чтобы отогнать злого духа по имени *Юмбурбар*, который считается реальной, хотя и невидимой причиной смерти и всех бедствий, и преследует место, где лежит мертвое тело, чтобы питаться им.

Когда разложение сделает свое дело, кости тщательно собирают, чистят и красят в красный цвет, после чего заворачивают в кору и некоторое время носят с собой в племени. По истечении этого срока от них избавляются различными способами, в соответствии с обычаями племени, к которому они принадлежали. Некоторые племена выкапывают отверстия в мягких скалах и помещают туда останки, другие предпочитают для этой цели полые деревья. Иногда тело помещается в пещеру, не превращаясь в скелет, а в некоторых местах почва имеет такой характер, что тело высыхает, прежде чем разложение успевает зайти очень далеко. Во время выставки 1862 года одно из таких высохших тел было выставлено в Англии и названо "окаменевшим" человеком. Однако это было не что иное, как сморщенное и высохшее тело, какие часто встречаются на очень сухих почвах.

Недалеко от реки Муррумбиджи, в долине Веллингтон, есть замечательная сталактитовая пещера, разделенная на несколько "залов". Эта пещера является или была излюбленным местом захоронения аборигенов, которые, похоже, использовали ее с той же целью, с какой

Авраам приобрел пещеру Махпела. Из-за того, что пещеру использовали как место погребения, аборигены довольно нервно относятся к входу в нее и категорически отказываются заходить в темные глубины, опасаясь "диббил-диббил". Когда доктор Беннетт посетил это место в 1832 году, он обнаружил в небольшой боковой пещере скелет женщины. Кости были помещены туда почти двадцать лет назад.

У племен парнкалла и науо есть еще один способ погребения, который несколько напоминает тот, что используют бечуаны. Тело помещают в коленопреклоненное или приземистое положение, как это делают туземцы, когда сидят; колени подтянуты к подбородку, ноги прижаты к телу, а руки сцеплены над ногами. Примеры такой позы можно увидеть на многих иллюстрациях. Затем выкапывается круглая яма или могила глубиной около пяти футов, и после того, как тело опускается в яму, на могилу укладывается несколько палок, почти касаясь друг друга. На палки кладут толстый слой листьев и травы, а поверх всего этого насыпают землю, выкопанную из ямы, так что могила становится похожа на огромный муравейник.

В Северной Австралии туземцы используют любопытный способ избавления от мертвых. Они собирают черепа вместе и складывают их в круглый курган, а вокруг кладут камни, чтобы они оставались на своих местах. Они не накрывают черепа, а делают гробницу на открытом и заметном месте. Такая гробница изображена на странице 765.

Чернокожие жители реки Кларенс строят памятники, которые несколько похожи по внешнему виду, но сделаны из других материалов. Они устанавливают несколько камней по кругу, а в центре воздвигают вертикальную каменную плиту. Они не могут объяснить причину этого обычая, а только говорят, что "черный парень сделал это так" или "это принадлежит черному парню". Первый ответ означает, что этот обычай всегда преобладал среди туземцев, а второй - что гробница показывает, что под вертикальным камнем похоронен туземец.

У некоторых племен, живущих вдоль реки Кларенс, есть любопытный способ избавления от мертвых - способ, который, несомненно, имеет свои преимущества, поскольку позволяет значительно сэкономить на хлопотах. Когда старик чувствует, что над ним нависла рука смерти, он ищет дуплистое дерево, взбирается на него, спускается на дно дупла и так умирает в своей могиле.

В Новом Южном Уэльсе молодежь хоронят под небольшими курганами, а взрослых хоронят довольно любопытным способом. Из сухого дерева, листьев и т. д. сооружается куча высотой около трех футов и длиной шесть или семь. На кучу укладывается тело на спине, лицом к восходящему солнцу. Затем на сваю кладут рыболовные принадлежности, копья и другое оружие и орудия труда умершего, а тело накрывают большими поленьями дерева. Кучу поджигает ближайший родственник, а на следующий день, когда место остынет, пепел умершего собирают и тщательно хоронят.

Если женщина умирает, оставив нерожденного ребенка, бедное маленькое существо хоронят вместе с прахом матери. Туземцы защищают эту практику как гуманную, говоря с дикарской справедливостью, что лучше быстро убить ребенка, чем позволить ему изнывать от голода.

Как и во многих других племенах в разных частях света, как только кто-то из умирает, имя, которое носил покойный, больше не упоминается. Это правило соблюдается настолько строго, что если другой член племени случайно окажется носителем того же имени, от него

придется отказаться и взять новое имя, под которым его носитель будет известен в дальнейшем.

Мистер Ангас, которому мы обязаны тем, что многое знаем об австралийцах, приводит интересный рассказ о погребении мальчика, который ему описал очевидец:

"Перед тем как похоронить труп мальчика, состоялось состязание с дубинками и копьями, но никто из участников не пострадал. Тело поместили в берестяное каноэ, обрезанное до нужной длины; рядом с трупом положили копье, рыболовное копье и метательную палку, а также несколько других предметов. Женщины и дети во время церемонии причитали, а отец стоял в стороне, изображая молчаливую скорбь.

"Каноэ поставили на головы двух туземцев, которые медленно направились с ним к могиле; некоторые из сопровождающих по мере того, как они шли, размахивали пучками сушеной травы взад и вперед под каноэ и среди кустов. Когда могила была вырыта, туземец усыпал ее травой и растянулся во весь рост в могиле, сначала на спине, а затем на боку. Когда они собирались опустить ребенка в могилу, то сначала указали на покойного, а затем на небо, как будто у них было смутное представление, что дух вознесся в другой мир.

"Затем тело положили в могилу, лицом к восходящему солнцу, и, чтобы солнечный свет падал на это место, позаботились о том, чтобы срубить все кусты вокруг, которые могли бы хоть как-то помешать его лучам. Над могилой положили ветки, на них - траву и сучья, а все это увенчали поленом, на котором туземец на несколько минут растянулся, подняв лицо к небу".

В начале этого описания упоминается мнимый бой. Это происходит из-за распространенного среди аборигенов любопытного представления о том, что смерть от естественных причин должна быть выкуплена кровью. Достаточно, если кровь будет взята даже у друга, и способ, с помощью которого они делают требуемое подношение и в то же время удовлетворяют свою бойцовскую натуру, заключается в том, что они устраивают мнимую драку, в которой кто-нибудь обязательно получает более или менее серьезное ранение.

Иногда с телом мертвеца поступают довольно странно. В некоторых районах Австралии туземцы, вместо того чтобы сжечь тело, спрятать его в пещерах или могилах, делают из него особенно заметный объект. Если дерево вырастает подходящим для их целей, они используют его в качестве последнего пристанища мертвого тела. Лежащее в гробу-каноэ, укрытое листьями и травой так, что его форма полностью скрыта, тело поднимают в удобную развилку дерева и привязывают к сучьям туземными веревками. Больше о нем не заботятся, и если со временем его сдует с дерева, никто не возьмет на себя труд заменить его.

Если в выбранном месте не растет дерево, для тела делают искусственную платформу, закрепляя концы крепких ветвей в земле и соединяя их на верхушках горизонтальными ветками меньшего размера. Именно такие диковинные гробницы представлены на [иллюстрации № 3](#) на странице 775. Эти странные гробницы чаще всего располагаются среди тростника, так что ничто не может быть более скорбным, чем звук ветра, колышущего тростник под веткой, на которой лежит труп. Цель этой воздушной гробницы достаточно очевидна - защитить труп от динго, или местной собаки. То, что вороны и другие хищные птицы устроят пир на теле мертвеца, похоже, ничуть не беспокоит выживших, и часто случается, что по крику потревоженных ворон путешественник узнает, что в ветвях над его головой лежит тело мертвого австралийца.

Воздушные гробницы в основном возводятся для тел стариков, умерших естественной смертью; но если в бою пал молодой воин, с телом поступают совсем по-другому. Возводится умеренно высокая платформа, и на нее усаживается тело погибшего воина, лицом к восходящему солнцу. Ноги скрещены, а руки держат вытянутыми с помощью палок. Затем удаляется жир и, смешав его с красной охрой, натирается тело, предварительно тщательно очищенное от волос, как это делается во время церемонии посвящения. Ноги и руки покрывают красными, белыми и желтыми полосами, похожими на зебру, а оружие мертвеца кладут на колени.

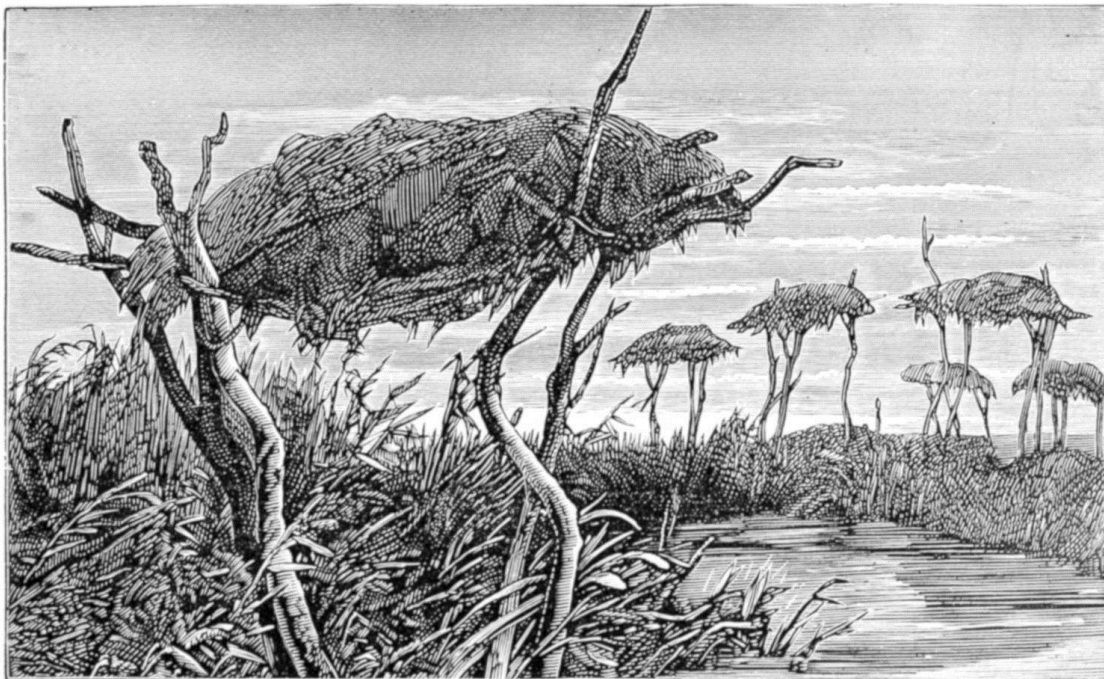
Когда тело уложено, под помостом зажигают костры и поддерживают их в течение десяти или более дней, все это время друзья и скорбящие остаются возле тела, и им не разрешается разговаривать. Часовые сменяют друг друга через определенные промежутки времени, их обязанность - следить за тем, чтобы костры не гасли, и отгонять мух, размахивая ветками листьев или пучками перьев эму. После такой обработки тело становится твердым и похожим на мумию, и самое странное, что дикие собаки не трогают его после столь долгого копчения. Оно остается лежать на платформе в течение двух месяцев или около того, а затем его снимают и хоронят, за исключением черепа, из которого, как уже говорилось, делают питьевую чашку для ближайшего родственника.

(1.) РЕЗНАЯ ШКАТУЛКА ИЗ ПЕРЬЕВ, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ.
(См. [стр. 813.](#))

(2.) ОКУРИВАНИЕ ТЕЛ УБИТЫХ ВОИНОВ. (См. [стр. 777.](#))

(3.) ДРЕВЕСНЫЕ ГРОБНИЦЫ АВСТРАЛИИ. (См. [с. 774.](#))

Учитывая, сколько труда уходит на подготовку этих тел и какое уважение испытывают к храброму воину как при жизни, так и в смерти, последующее обращение с ними весьма примечательно. Когда друг или даже человек из того же племени впервые видит одно из этих мумифицированных тел, он не оказывает ему никаких почестей, а осыпает его упреками, понося покойника за то, что он умер, когда племя так нуждалось в храбрых и умелых людях, и говоря, что он должен был лучше знать, чем умирать, когда в стране было много еды. Затем, поразмыслив некоторое время над телом, он бросает в него копье и дубину, восклицая при этом: "Почему ты умер? Прими это за смерть".

На иллюстрации № 2 на странице 775 два таких тела сидят на помосте, привязанные к стойкам за руки и голову, с оружием на коленях. С одной стороны один из дозорных отгоняет мух своей хлопучкой, а с другой - второй дозорный подносит топливо для костра. Сидящие фигуры принадлежат к тому же племени.

Вокруг Портлендского залива и в юго-восточных районах континента туземцы используют любопытное сочетание погребения и сожжения. Они спускают мертвое тело в одно из дуплистых деревьев, где оно поддерживается в вертикальном положении. Затем на дерево насыпают кучу сухих листьев и травы, и все это сжигается в огне под истошные крики и вопли женщин.

Довольно любопытно, что похоронные церемонии проводятся только в отношении тех, чья смерть, как предполагается, будет потерей для племени. Поэтому мужчин и даже мальчиков чествуют похоронными обрядами, потому что молодые мужчины - воины, мальчики должны были бы стать воинами, а старики уже послужили оружием и все еще полезны своей мудростью. Даже молодых женщин хоронят с некоторым размахом, потому что они производят на свет детей для племени.

Но из всех существ старуху презирают больше всего. Она не может оказать никакой услуги; ее никогда не считали ничем иным, как просто одомашненным животным, и даже для домашних целей она перестала быть полезной. Поэтому, когда она умирает, никто о ней не жалеет. Она лишь бесполезная обуза для своего народа, потребляющая пищу, которую не зарабатывает, и сидящая у огня, когда молодые женщины заняты работой. Для них не имеет значения, что она измотала себя тяжелым, неблагодарным и никогда не прекращающимся трудом, который составляет жизнь австралийской женщины, и поэтому, когда она умирает, ее тело уносят за пятки из лагеря и поспешно запихивают в какое-нибудь дуплистое дерево или пещеру, которая может оказаться наиболее удобной. Иногда тело кладут на ветку, как уже было описано; но даже в этом случае его просто кладут на ветку, не укладывая в каноэ и не покрывая циновками, ветками и листьями, как это делается с телами мужчин. Труп оставляют на ветке до тех пор, пока он не развалится на куски, а когда кто-нибудь из родственников решит заняться этим делом, они выскребут ямку в песке и похоронят разбросанные кости.

Для этой цели обычно выбирают дуб, или казуарину, отчасти потому, что это одно из самых распространенных деревьев Австралии, а отчасти потому, что особенность роста его ветвей обеспечивает прочную платформу для трупа.

Время траура не заканчивается ни с похоронами, ни, в случае с деревом-гробницей, с последующим захоронением костей. В определенное время женщины, по которым в основном исполняется траур, посещают гробницу и своими каттами, или палками для копания, взрыхляют землю вокруг нее, придавая месту аккуратный вид. После этого они садятся и издают самый горестный плач и причитания. В некоторых местах они довольствуются вокальными причитаниями, но в других женщины считают необходимым показать свою скорбь, повторяя отрубание головы, рубцевание конечностей и другие знаки кровопускания, которые сопровождают эту часть похоронных церемоний.

В одной из частей Австралии, недалеко от северо-западной излучины реки Муррей, преобладает удивительный обычай. Вдовы приходят на могилы своих умерших мужей и, побрив голову, покрывают ее глиной, замешанной в пасту. Голову сначала покрывают сеткой, чтобы трубчатая глина не прилипала к коже слишком плотно, и это несчастье отчасти предотвращается благодаря количеству жира, которым помазывают каждого австралийца.

Слой этой глины толщиной более дюйма накладывается на голову, и после высыхания образуется черепная крышка, точно соответствующая голове, на которую она была надета, а из-за своего веса, составляющего несколько фунтов, она должна быть очень неудобной для носящего. Эти траурные значки можно найти вблизи курганов, и до тех пор, пока не было обнаружено их настоящее применение, они были весьма загадочными предметами для путешественников. На [иллюстрации № 1](#) на 781-й странице показано место захоронения у реки. Показано несколько курганных могил туземцев, а на переднем плане - две вдовы, сидящие в своеобразной позе австралийских женщин и носящие вдовьи шапочки из трубчатой глины. Рядом с гробницами лежат еще несколько шапочек, которые уже были использованы в траурных церемониях.

Туземцы настолько бережно относятся к знакам уважения, оказываемым оставшимися в живых умершим, что вдова из одного из племен на реке Кларенс была предана смерти за то, что не приводила в порядок могилу своего покойного мужа и периодически вскапывала землю вокруг нее.

От вопроса об отношении к мертвым мы, естественно, переходим к религиозным верованиям австралийцев. Как и все дикари, они очень сдержанны в своих религиозных чувствах, по возможности скрывая от белых людей свои внешние обряды и заявляя о своем невежестве, если их спрашивают о значении тех, которые стали известны чужакам. Некоторые обряды, однако, были объяснены Джи'фом, несчастной шотландкой, которой пришлось так долго жить среди коурагов, а другие - туземцами, обращенными в христианство. Даже эти последние не смогли избавиться от суеверных представлений, с которыми они столкнулись в течение всей своей предыдущей жизни, и нет сомнений, что они многое скрыли от своих дознавателей, а если на них слишком сильно давили, то намеренно вводили их в заблуждение.

Однако нижеследующий краткий рассказ даст представление о состоянии религиозного чувства среди аборигенов, насколько это возможно установить. А в связи с быстрым и неуклонным сокращением численности туземных племен, возможно, что наши знания об этом предмете никогда не станут более обширными, чем в настоящее время.

Прежде всего, нет никаких оснований полагать, что аборигены верят в какое-то одно верховное божество, да и вообще в какое бы то ни было божество. Как это обычно бывает у большинства диких народов, их вера в сверхъестественные существа ограничивается теми, кто способен причинить зло, и, хотя концепция благодетельного духа, творящего добро, никогда не приходит австралийцу в голову, он, в своей туманной манере, полностью верит в существование множества злых духов, которые причиняют вред.

Таких духов много. Один из них - *Арлак*, существо, принимающее облик человека. Его можно увидеть только ночью, и у него есть привычка подсматривать за бродягами в темноте, хватать их и уносить. Несколько туземцев рассказали мистеру М'Гилливрею, что видели арлака, а один человек, набравшийся храбрости, чтобы сразиться с ним, когда тот напал на него, показал на своем теле следы зубов демона. К счастью, арлак не выносит света, и поэтому туземцы, если им приходится проходить хоть небольшое расстояние в темноте, берут в одну руку огниво, а в другую - какое-нибудь оружие.

Один из видов злого духа, которого аборигены очень боятся, - это тот, в ком олицетворяется смерть. Он невысокий, толстый, очень уродливый и имеет неприятный запах. Аборигены района Маурунди верят в туземного духа, удивительно похожего по своим качествам на Неккера из немецкой мифологии. Хотя, по их рассказам, он очень распространен, они с большим трудом описывают его, и, насколько можно судить по их словам, он похож на огромную рыбу-звезду. Этот демон обитает в пресной воде, иначе были бы основания считать его просто преувеличением каракатицы.

На большей части территории Австралии распространено поверье о буньипе - демоне, который обитает в лесах и которого, как утверждают, видели не только туземцы, но и белые люди. Различные рассказы об этом животном сильно отличаются друг от друга. Некоторые, кто видел его, считают, что оно было размером с лошадь, имело пару глаз размером с блюдца и пару огромных рогов.

Другие рассказывают о нем совсем другое, а один из уроженцев холма Баррабул дал очень оживленное описание страшного буньипа. Он проиллюстрировал свою лекцию энергичным рисунком, на котором буньип был представлен с длинной шеей и головой, чем-то напоминающей голову жирафа, густой гривой и двумя короткими и массивными передними ногами, каждая из которых была вооружена четырьмя мощными когтями. Все тело было покрыто прочной чешуей, налегающей друг на друга, как у ястребиной черепахи. Это существо он представлял наполовину зверем, наполовину демоном и превозносил отвагу

своих предков, которые осмелились противостоять этой ужасной твари, подстерегавшей их жен и детей, и изгнали ее из тростника и кустарника в воду, откуда она пришла.

Полагая, что в Австралии могло обитать какое-то крупное и ныне вымершее чудовище, о котором аборигенам было известно по традиции, ученые с особым усердием обшаривали те участки страны, до которых могли добраться, в надежде найти останки, которые могли бы стать для Австралии тем же, чем мегатерий и другие огромные монстры являются для Старого Света. Однако ничего подобного найдено не было. Однажды на берегу мелкой соленой лагуны (как раз место для буньипа) были обнаружены очень крупные кости, но когда их отправили в Британский музей, сразу же выяснилось, что это останки гигантского кенгуру. В настоящее время легенда о буньипе стоит в одном ряду с легендой о кракене - все туземцы верят в нее, некоторые утверждают, что видели ее, но никто так и не обнаружил ни малейших материальных доказательств ее существования.

Этим злым духам туземцы приписывают все болезни и несчастья и, как следствие, стремятся их избежать или отогнать. Все метеоры они причисляют к злым духам и причудливо считают их призраками, которые размножаются путем саморазделения. Однако аборигены считают, что, дыша как можно громче и повторяя некоторые кабалистические слова, они лишают демонов их силы.

У них есть одно очень любопытное поверье, а именно, что любой, кто решится поспать на могиле умершего человека, впоследствии будет избавлен от власти злых духов. Однако это испытание настолько ужасно, что лишь немногие набираются мужества, чтобы его выдержать. "Во время этого ужасного сна дух умершего посетит его, схватит за горло и, открыв его, вытащит кишки, которые потом заменит и закроет рану! Те, кто достаточно вынослив, чтобы пройти через это ужасное испытание, выдержать темноту ночи и торжественность могилы, становятся отныне "людьми-кораджи", или жрецами, и практикуют колдовство и заклинания на других членах своего племени".

В Южной Австралии туземцы верят, что солнце и луна - это люди, которые когда-то населяли землю. Планеты - это собаки, принадлежащие Луне, которые бегают вокруг нее; а различные созвездия - это группы детей. Затмение солнца или луны рассматривается как страшное бедствие, непременно предвещающее болезни и смерть.

Считается, что все места захоронения умерших могут преследовать злые духи, поэтому их избегают. Мысы, особенно скалистые, также считаются священными, и, вероятно, именно из-за этой идеи были воздвигнуты памятники черепа, упомянутые на [странице 773](#).

Некоторые из этих мест интересны образцами туземных рисунков, показывающих, что аборигены Австралии действительно обладают неразвитыми элементами художественного мастерства. Из-за царящего здесь суеверия туземцев с трудом удастся склонить к посещению таких мест, мотивируя отказ тем, что "там ходит слишком много диббил-диббил". Однако мистеру Ангасу посчастливилось обнаружить значительное количество таких рисунков и резьбы, и ему удалось привлечь к своим услугам старую туземку. Его описание настолько яркое, что его следует передать его собственными словами

"Самым важным результатом наших блужданий по бухтам и скалистым мысам Порт-Джексона стало открытие новой и примечательной особенности, связанной с историей туземцев, ранее населявших эту часть Нового Южного Уэльса.

"Я имею в виду их начертательную резьбу, высеченную на поверхности плоских скал в окрестностях, и особенно на вершинах различных мысов в гаванях побережья. Хотя эти

рисунки существуют в значительном количестве, покрывая все плоские скалы на многих мысах, выходящих к воде, необычно, что до настоящего времени они оставались незамеченными; и только после того, как мой друг мистер Майлс впервые заметил грубую фигуру кенгуру, вырезанную на поверхности плоской скалы возле бухты Кэмп, мы были вынуждены предпринять тщательные поиски этих необычных и интересных останков народа, который сейчас почти вымер.

Около дюжины туземцев из племен Сиднея и Брокен-Бей расположились среди кустов на берегу небольшого пресноводного озера недалеко от бухты Кэмп; из их числа мы выбрали "старую королеву Гусберри" (так ее обычно называют колонисты) в качестве нашего проводника, пообещав ей вознаграждение в виде муки и табака, если она расскажет нам, что знает об этих рисунках, и проведет нас ко всем скалам и мысам в окрестностях, где есть подобные фигуры. Сначала старуха возражала, говоря, что все эти места - земля *кораджи*, или "земля священника", и что она не должна их посещать; но в конце концов, став более общительной, она рассказала нам все, что знала, и все, что слышала от своего отца о них. В конце концов она согласилась провести нас в несколько мест вблизи Северной земли, где, по ее словам, резьба была в большем количестве, а также отпечатки рук на боках высоких скал.

"С некоторым трудом мы уговорили старое изможденное существо сесть с нами в китовую лодку, и, взяв Королеву Крыжовника в проводники, мы переправились на Северную землю. Осмотрев плоские скалы во всех направлениях, мы нашли достаточно примеров этих необычных очертаний, чтобы сразу же подтвердить мнение, что они были выполнены коренными жителями; но в какой период - совершенно неясно. По полустертому состоянию многих из них (хотя линии прорезаны почти на дюйм вглубь твердой породы), а также по тому факту, что с некоторых из них мы были вынуждены счищать почву и кустарники, которые росли долгое время, очевидно, что они были выполнены очень давно.

"Поначалу мы не могли заставить себя поверить, что эти рисунки - дело рук дикарей, и предположили, что фигура кенгуру могла быть делом рук какого-нибудь европейца; Но когда, продолжая наши исследования, мы обнаружили, что все самые отдаленные и малодоступные мысы украшены подобной резьбой, а также что все сюжеты изображают *местные* предметы - кенгуру, опоссумов, акул, *хайлемана* или щит, бумеранг и, прежде всего, человеческие фигуры *в позах танцев корроббори*, - мы не могли прийти к другому выводу, кроме того, что они имеют местное происхождение. Если бы европейцы взялись за такое трудоемкое и утомительное занятие, они бы нарисовали корабли, лошадей и людей в шляпах на головах.

"Один старый писатель, писавший о Новом Южном Уэльсе в 1803 году, говорит о туземцах: "У них есть некоторый вкус к скульптуре, большинство их инструментов вырезаны грубой работой, сделанной из кусочков разбитой раковины; а *на скалах* часто можно увидеть различные фигуры *рыб, булав, мечей, животных и т. д.*, не презрительно представленные".

"Некоторые из фигур рыб достигали двадцати пяти футов в длину; любопытно, что изображения щита в точности совпадали с теми, что используют туземцы Порт-Стивенса в наши дни. Эти скульптурные формы доказывают, что жители Новой Голландии владели искусством дизайна, которое подвергалось сомнению, а также служат подтверждением открытий капитана Грея о туземных рисунках в пещерах на северо-западном побережье Австралии во время его экспедиции по открытию. В бухте Лейн, в Порт-Айкене и в Пойнт-Пайпер мы также встретили подобные рисунки. Во время визита в последнее место мне пришло в голову, что на плоских скалах в конце территории, принадлежащей поместью, где я

остановился, могут быть высечки, похожие на те, что были в Хэдс; при тщательном поиске я обнаружил значительное их количество в довольно прекрасной сохранности. Все они были измерены, и я сделал тщательные факсимильные рисунки на месте".

В приложении к своей работе г-н Ангас приводит уменьшенные копии этих фигур, некоторые из которых выполнены с удивительным духом и точностью. Даже человеческие фигуры, изображенные с вытянутыми руками и расставленными ногами, как в танце, гораздо лучше тех, что обычно рисуют дикари, и бесконечно превосходят те, что создают художники Западной Африки, а некоторые из животных удивительно точны и напоминают наблюдателю контурные рисунки на египетских памятниках. Лучшими из них, пожалуй, являются акула и кенгуру. Последний изображен в позе кормления.

В некоторых районах Австралии резьба и роспись обычно находятся в пещерах у кромки воды, и именно такая пещера изображена [на иллюстрации № 2](#) на следующей странице. Эти пещеры высечены в песчанике, и фигуры на них в основном изображают людей и кенгуру. Примечательно, что в человеческих фигурах, хотя глаза, носы и даже суставы коленей ярко выражены, рот неизменно отсутствует.

На скалах часто высечены человеческие руки и кисти. Один очень примечательный пример был обнаружен капитаном Греем на северо-западе Австралии. Проникнув в большую пещеру, из которой выходило множество пещер поменьше, исследователи были поражены удивительным приемом туземного искусства. Скульптор выбрал камень у края пещеры и нарисовал на нем фигуру руки и кисти. Затем эти фигуры были окрашены в черный цвет, а скала вокруг них - в белый цвет с помощью трубчатой глины, так что при входе в пещеру казалось, будто рука и кисть чернокожего человека выступают через какую-то щель, пропускающую свет.

Их вера в призраков подразумевает знание о том, что дух человека бессмертен. Однако их представления на этот счет необычайно туманны, чтобы не сказать непоследовательны: одна часть их веры полностью противоречит другой. Например, они считают, что когда дух покидает тело, он некоторое время блуждает в темноте, пока, наконец, не находит веревку, с помощью которой "большой дух-чернокнижник" по имени Оомуду вытаскивает его из земли. При этом они выделяют определенные участки земли в качестве будущего места жительства различных племен: считается, что духи ушедших наоу обитают на островах залива Спенсера, а духи парнкалла отправляются на другие острова к западу. Как бы опровергая обе эти идеи, мы уже видели, что по всей Австралии духи умерших якобы преследуют те места, где покоятся их тела.

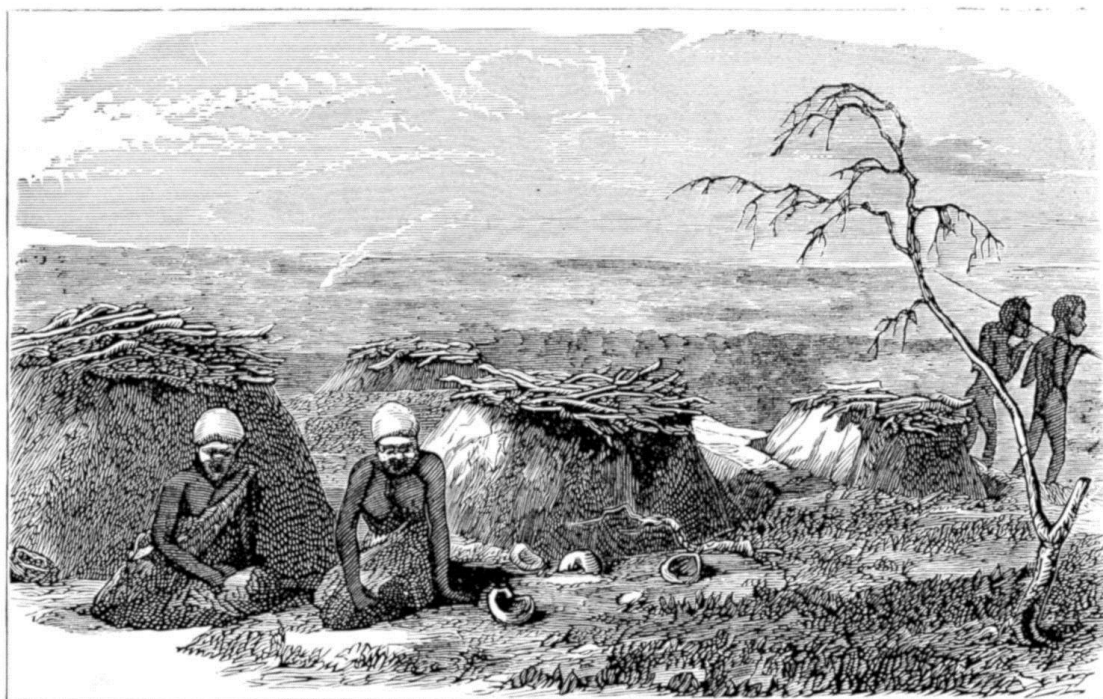
И, чтобы еще больше запутать ситуацию, аборигены очень твердо верят в трансмиграцию: некоторые считают, что духи умерших поселяются в животных, но гораздо большее число верит, что они превращаются в белых людей. Эту последнюю веру очень лаконично выразил один туземец, который на странном жаргоне, используемом ими, заявил, что "когда черный парень падает вниз, он вскакивает таким же белым парнем".

Эта идея о переселении в форму белых людей очень примечательна, поскольку ее разделяют негры Африки, которые не могли иметь никакого общения с чернокожими уроженцами Австралии. И, что еще более странно, как и у африканцев, у них есть одно и то же слово для белого человека и для духа. Читатель, наверное, помнит, что когда миссис Томпсон попала в плен к туземцам, один из них заявил, что она - его дочь Джи'фом, ставшая белой женщиной, и остальные члены племени совпали с ним в этом убеждении. И все же, хотя она во второй раз стала членом племени, они, похоже, всегда испытывали к ней недоверие, и часто, когда дети насмехались над ней из-за ее светлого цвета лица и незнания австралийских знаний,

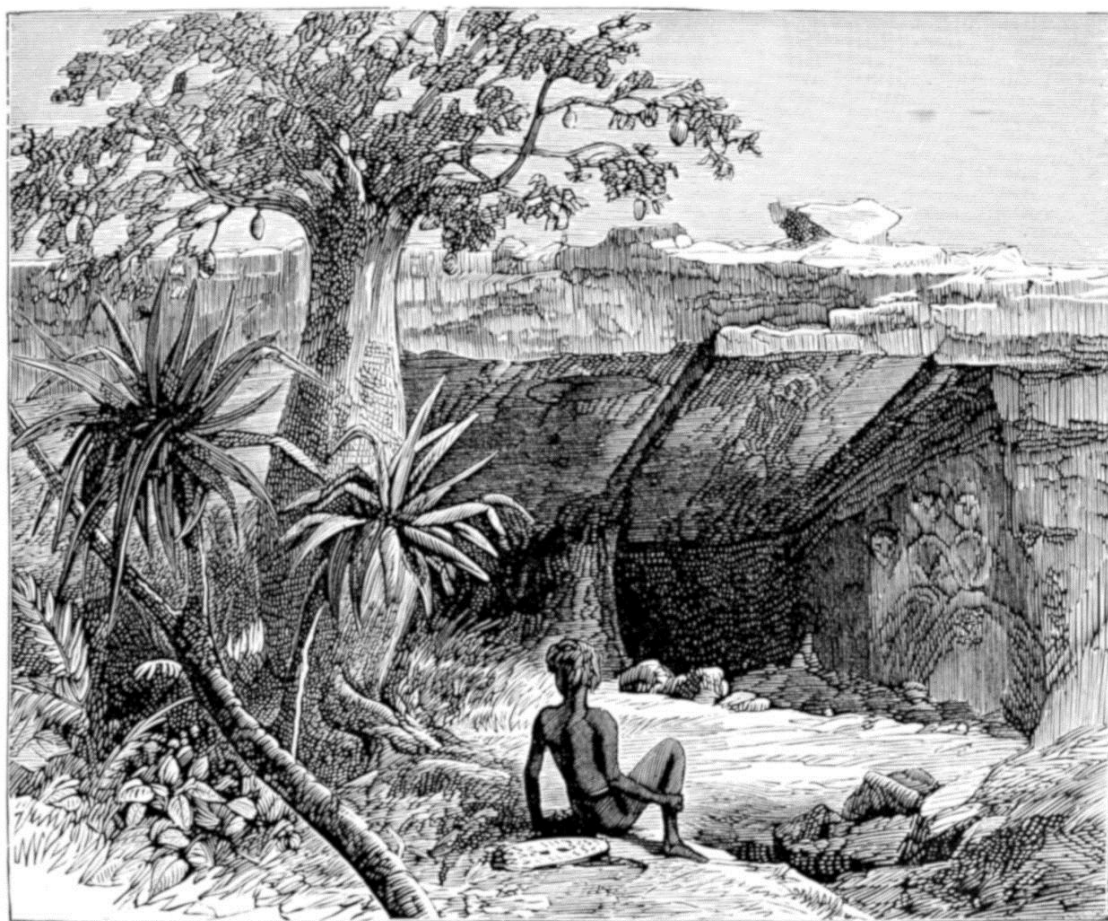
кто-нибудь из пожилых людей останавливал их и говорил, чтобы они оставили ее в покое, поскольку, бедняжка, она не что иное, как призрак.

Также было обнаружено, что многие белые люди были признаны чернокожими духами своих потерянных родственников и, соответственно, удостоились имен тех, кого они представляли. Мистер М'Гилливрей упоминает, что туземцы Порт-Эссингтона слегка модифицируют эту теорию, считая, что после смерти они становятся малайцами.

Примеров их веры в метемпсихоз, или переселение в животные формы, немного. Доктор Беннетт упоминает, что однажды на равнине Беран, когда европеец преследовал одно из местных животных, один из туземцев, который был с ним, умолял его не убивать животное, а взять его живым, так как это "его брат". Когда животное было убито, он очень рассердился и в доказательство своей искренности отказался есть его, постоянно ворча и жалуясь на то, что "его брат упал".

(1.) АВСТРАЛИЙСКИЕ ВДОВЫ И ИХ ЧЕПЦЫ.
(См. [стр. 777.](#))

(2.) ПЕЩЕРА С РИСУНКАМИ ТУЗЕМЦЕВ.
(См. с. 780.)

Племя науо хранит традицию, связанную с этим метемпсихозом. Давным-давно некий великий воин по имени Уиллу сражался с их племенем, увлек всех женщин и убил всех мужчин, кроме двух. Оставшиеся в живых забрались на большое дерево, а за ними последовал и Уиллоо. Однако они отломили ветку, по которой он взбирался, так что он упал на землю, и его схватил находившийся внизу динго, после чего он тут же умер и превратился в ястреба-орлана, которого с тех пор так и называют - Виллоо.

Это же племя считает, что маленькая ящерица была родоначальницей полов, и поэтому называют ее разными именами: мужчины используют термин *ибирри*, а женщины - *вака*. Следуя этой идее, мужчины убивают всех ящериц-самцов, которых могут найти, а женщины делают то же самое с самками.

С этой темой связано их представление о творении. О едином Творце всего сущего они не имеют ни малейшего представления, но у них есть некоторые традиции относительно происхождения людей или природных объектов. Племя коурарега утверждает, что первым сотворенным человеком был огромный великан по имени Ади. Однажды, когда он ловил рыбу у острова Хаммонд, его настиг прилив, и он утонул, а на том месте образовалась огромная скала. Теперь это место называется скалой Хаммонда. Его жены, видя его судьбу, покончили с собой, бросившись в море, и тут же превратились в ряд сухих скал на соседнем рифе. Эти скалы туземцы до сих пор называют *Ипиле*, то есть Жены.

У аборигенов Нижнего Муррея есть любопытная традиция относительно происхождения реки, а также озер Александрина и Альберт. Реку создал уже упоминавшийся Оомуду, "большой дух-чернокнижник". Он спустился с неба на своем каноэ, приказал воде подняться и образовать реку, которую затем обсадил камышами и населил рыбой. Он взял с собой двух жен, но они, к сожалению, оказались несговорчивыми и сбежали от него, после чего Оомуду создал два озера, в одном из которых утонула каждая из жен.

ГЛАВА LXXVII.

АВСТРАЛИЯ - Заключительная.

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО ЛОДОК.

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ БОСДЖЕСМЕНОМ И АВСТРАЛИЙЦЕМ - СПОСОБЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ХИЖИН - ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ - ГРУБЫЙ ХАРАКТЕР ХИЖИН - УБЕЖИЩА ЖЕНЩИН - КОСТЯНЫЕ ХИЖИНЫ В ЗАЛИВЕ ВСТРЕЧИ - ЗИМНИЕ ДОМА - ХИЖИНЫ У КОРУНГА - РАЗВЕДЕНИЕ КОСТРОВ - ОХОТА НА ПТИЦ - САМОДЕЙСТВУЮЩИЙ КАПКАН - СТРОИТЕЛЬСТВО ЛОДОК - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИЛИСТОЙ КОРЫ - ХРУПКОЕ СУДНО - КАНОЭ ДЛЯ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ - ТРОСТНИКОВОЕ КАНОЭ - ПОСТЕПЕННОЕ ВЫМИРАНИЕ ТУЗЕМНЫХ ПЛЕМЕН.

Во многих аспектах австралийский дикарь имеет любопытное сходство с босжеманом из Южной Африки, о котором уже было дано полное описание на стр. 242-268.

Они настолько похожи, что колонисты используют слово "бушмен" для обозначения местных дикарей, так же как они называют пятнистого дасюра именем кошки, а вомбата - барсука. В результате возникла большая путаница, и сейчас передо мной лежит книга с описанием жизни дикарей, в которой автор самым забавным образом перепутал африканского босхесмана и австралийского бушмена, фактически пересадив цитату из книги об африканских путешествиях в рассказ об Австралии.

Австралиец, как и бушмен, в большей степени зависит от своего оружия, живет почти полностью за счет дичи, которую убивает, и владеет искусством уничтожения самых настороженных и активных животных с помощью самого простого оружия. Он живет в состоянии вечной вражды, причем его ссоры не заслуживают названия войны, а его *идеал* воина - это человек, который хитростью нападает на своего врага и убивает его без опасности для себя.

Он не обрабатывает землю и не имеет ни малейшего представления об улучшении своего социального положения. Он не заботится об одежде, за исключением, пожалуй, частичного укрытия от стихий, и совершенно не воспринимает идею о том, что между одеждой и скромностью есть какая-то связь.

Так, однажды, когда девушка получила в подарок от белой леди подъюбник и вернулась к своему народу, с гордостью демонстрируя новоприобретенную собственность, ее спутники, вместо того чтобы проявить зависть к ее нарядам, лишь насмехались над ней, спрашивая, считает ли она себя настолько лучше своих предков, что хочет носить одежду, как белые незнакомки. В результате через день-два одинокое одеяние было отброшено, и она ходила, как и прежде, в примитивной одежде своего племени.

Как и у африканского босжемана, у австралийского туземца нет оседлого дома, хотя он считает, что имеет право на район, в котором поселилось его племя. Вопреки обычаям цивилизованной жизни, он щепетилен в общих вопросах и небрежен в деталях. У цивилизованных людей очаг и дом занимают первое место в привязанностях, а любовь к стране является лишь продолжением любви к дому. Однако с австралийцем, как и с боснийцем, дело обстоит прямо противоположным образом. У него нет дома, и он не заботится о каком-то одном месте больше, чем о другом, за исключением того, что одни места укрыты, а другие открыты. Он ведет полукочевой образ жизни, не похожий на арабский, только вместо того, чтобы ставить палатку на удобном месте и уносить ее, когда покидает его, он не утруждает себя даже переноской простых материалов для палатки, а строит грубую хижину в любом месте, которое ему может приглянуться, и оставляет ее разрушаться, когда покидает это место.

Главная задача обычной хижины австралийского дикаря - защитить обитателей от холодных юго-западных ветров. Поэтому входы в хижины, как правило, обращены на северо-восток, откуда приходят теплые ветры, перевалившие через экватор.

Летний лагерь (см. [стр. 787](#)) австралийской семьи очень прост. В землю полукругом втыкается несколько ветвей с листьями, размер которых зависит от численности семьи. Эти сучья редко более четырех футов в высоту, а часто едва ли превышают ярд, их единственная задача - защищать от ветра огонь и тела туземцев, которые сидят на корточках вокруг пламени или спят. То, что кто-то может рассчитывать на укрытие, пока он стоит, никогда не приходит в голову австралийскому дикарю, который, как и другие дикари, никогда не мечтает стоять, когда можно сидеть, или вообще не предпринимает никаких усилий, которые не являются абсолютно необходимыми.

Все истории о промышленности дикарей - чистая выдумка, и если труд, как нам часто говорят, является истинным благородством, то мы не должны больше слышать о "благородном дикаре". В соответствии с этой идеей, единственное представление австралийца о хижине - это место, где он может сидеть и наедаться до отвала, а после огромной трапезы ложиться спать. Поэтому ему вполне достаточно забора высотой в ярд, а крыша, пока не идет дождь, кажется ему ненужной тратой труда.

На [приведенной иллюстрации](#) мы видим пример лагеря, которому туземцы уделили гораздо больше внимания, чем обычно, и действительно постарались превратить ветки в грубые хижины. Копья, щиты и другое оружие туземцев разбросаны повсюду, а вокруг костра сидят или лежат люди, утолившие свой голод. Читатель поймет, что с небольшого расстояния такой лагерь почти незаметен; и действительно, за исключением тонкого дыма от костра, самый опытный глаз едва ли сможет определить место, где расположились туземцы. Даже копья, выступающие над хижинами в кустарнике, на небольшом расстоянии выглядят просто как высушенные палки; и если жители очень хотят скрыться от наблюдения, они разбивают свой лагерь в уединенном месте, где окружающие предметы как можно лучше гармонируют с грубым убежищем, которое отвечает всем их потребностям.

Во многих местах туземцы строят жилища, схожие по принципу, но отличающиеся по конструкции. Если местность изобилует эвкалиптом, или деревом с колючей корой, туземцы строят хижину совершенно иного вида. С удивительной ловкостью они сдирают кору с дерева крупными чешуйками длиной в шесть-семь футов. Затем на землю кладут несколько крупных веток, чтобы они образовали грубый каркас, и на эти ветки укладывают чешуйки коры. За час работы можно сделать одну такую хижину, так что у туземцев нет никакого побуждения заботиться о ней. Даже самая лучшая хижина, которую когда-либо делал

коренной австралиец, уступала бы поделке английского мальчика десяти лет. Со своей стороны, я помню, что строил гораздо лучшие хижины, чем австралийцы, хотя мне тогда было гораздо меньше десяти лет, и все свои знания о практической архитектуре я почерпнул из "Сэндфорда и Мертон".

Однако у этих берестяных хижин есть одно большое преимущество - быстрота их изготовления и укрытие, которое они действительно дают от главного врага путешественника - ночного ветра. Даже европейские путешественники с удовольствием пользовались этими простыми сооружениями и оценили неоценимую помощь нескольких листов коры, прислоненных к упавшей ветке. Те, кто был вынужден путешествовать без палаток по бездомным странам, на собственном опыте убедились, что лучшим укрытием от ночных ветров является не высота, а ширина. Например, дерево - очень плохое укрытие, в то время как низкая стена высотой всего восемнадцать дюймов и длиной шесть футов защищает от ветра и позволяет усталому путнику отдохнуть с относительным комфортом. Такое убежище легко сделать из листов жилистой коры, один или два из которых позволяют укрыться несколькими спящим.

Возможно, самые простые хижины, которые люди когда-либо называли жильем, - это те, которые делают женщины племени, когда мужчин нет дома. Иногда случается так, что все взрослые мужчины отправляются в экспедицию, которая продлится значительное время - например, в набег на соседнее племя, - оставляя женщин и детей заботиться о себе. Они, зная, что на них могут напасть враги, которые воспользуются отсутствием защитников, уходят в глубь леса, где строят самые странные дома, какие только можно себе представить: наполовину норы, вырытые среди корней деревьев, наполовину хижины из коры и гнилой древесины. Эти жилища настолько неприметны, что даже опытный глаз туземца вряд ли сможет их обнаружить.

На берегу залива Энкауинтер можно увидеть несколько очень любопытных жилищ. Время от времени шторм выбрасывает на берег кита, и в этом случае окрестные племена с ликованием собираются вокруг него, видя в нем неограниченный запас пищи. Каким бы огромным ни было животное, оно вскоре съедается, и от него остается только скелет. Из костей туземцы делают каркас своих хижин, концы ребер закрепляют в земле, так что кости служат опорой для арочной крыши, которая представляет собой не что иное, как ветки, траву и циновки, набросанные почти наугад на костяной каркас.

В зимнее время туземные хижины строятся лучше, хотя лучшая хижина, которую когда-либо делал австралиец, - это всего лишь очень грубый и примитивный образец архитектуры. Зимние хижины строятся по тому же принципу, что и летние, но материалы более плотно подогнаны друг к другу. Каркас этих хижин делается путем втыкания в землю нескольких саженцев и связывания их вместе. Более мелкие ветки и сучья вставляются в стойки и прижимаются, чтобы получилась довольно прочная стена. Поверх стены укладывается слой крупных листьев, а снаружи деревья покрываются корой чайного дерева, которая удерживается на месте с помощью плетения из ротанга. Высота таких домов составляет около пяти футов, а арочный проем достаточно велик, чтобы человек мог войти в него на руках и коленях.

Такие хижины, однако, встречаются нечасто, обычные зимние жилища строятся из кустарника, как показано [на иллюстрации](#) на следующей странице. Рядом с входом, но не внутри, разжигается огонь, и ночью туземцы толпятся в хижине, заполняя ее настолько, что при взгляде на внутреннее убранство можно увидеть лишь беспорядочную массу человеческих конечностей. Читатель увидит, что туземные архитекторы не предусмотрели

такой роскоши, как дверь, - упущение, которое, возможно, весьма удачно, учитывая тесноту внутреннего пространства.

Вдоль берегов Курунга используется довольно своеобразный вид жилья. Прежде всего следует упомянуть, что Курунг - это залив в море, идущий параллельно ему на протяжении примерно девяноста миль, никогда не превышающий полутора миль от моря, и отделенный от него лишь грядой огромных песчаных холмов. Это дикое и безлюдное место, но населено оно племенем мильмендура, получившим столь громкую известность благодаря резне пассажиров и людей с корабля *"Мария"*. Туземцам, вероятно, нравится это место, потому что в Курунге, защищенном от океанских волн песчаными холмами, они могут без опаски ловить рыбу, а также потому, что песчаные холмы дают плод, называемый монтеррой, или туземным яблоком, поскольку, хотя это ягода, растущая на ползучем растении, она выглядит и по вкусу напоминает миниатюрное яблоко.

В зимнее время здесь много холодных юго-западных ветров, поэтому туземцы строят сравнительно крепкие хижины. Их жилища состоят из каркаса из палок, поверх которого набросан толстый слой дерна и грязи. В дополнение к этому они насыпают над хижинной большое количество песка и ракушек, из которых в основном состоит земля, так что дома мильмендура выглядят как курганы или холмы, поднимающиеся из песчаной почвы.

Огонь, который есть в каждом австралийском лагере, обычно добывается трением двух кусков дерева, один из которых быстро вертится между руками, а другой крепко держится за ноги. Действительно, австралийский дикарь добывает огонь точно так же, как и южноафриканский (см. стр. 100). Однако это умение не является универсальным: некоторые племена не умеют добывать огонь и зависят от "огненных палок", которые женщины носят с собой. Иногда случалось, что женщины по неосторожности пускали в ход все свои огненные палочки, и в этом случае им приходилось идти к ближайшему дружественному племени и просить у них огонь, чтобы добыть огонь для приготовления дичи, которую их мужья принесли домой.

Прежде чем оставить эту часть темы, следует вкратце упомянуть о некоторых приспособлениях, используемых австралийскими аборигенами при добыче дичи.

Одно из таких приспособлений отличается удивительной изобретательностью и применяется в основном при ловле уток. Туземцы находят место, куда утки приходят кормиться, и расставляют свои сети так, чтобы перехватывать птиц, которые слетаются к ним. Когда все утки заняты кормежкой, охотник, притаившийся неподалеку от этого места, настораживает птиц, внезапно подражая крику ястреба-рыболова, одного из самых смертоносных их врагов. Испуганные утки поднимаются в воздух, но в тот момент, когда они поднимаются, хитрый туземец подбрасывает в воздух треугольный кусок коры, снова имитируя крик ястреба. Птицы, думая, что на них несется ястреб, пытаются спастись, ныряя в камыши, и попадают в сети.

Еще один хитроумный план используется для ловли птиц поодиночке. Туземец делает своеобразный экран из веток и укрывается в нем. В руке он держит длинный и тонкий прут, на конце которого петля, а внутри петли - приманка. Под прикрытием ширмы он подходит к птице и осторожно кладет коварную петлю рядом с ней. Постепенно птица подходит все ближе и ближе к приманке, и, как только ее голова оказывается в петле, она фиксируется ловким движением руки. Иногда туземец не использует приманку. Он строит свое простое убежище возле какого-нибудь места, где птицы привыкли пить, и подзывает их, имитируя их крики. Они прилетают на место и, не видя своих товарищей, садятся на палки, под которыми прячется охотник, обычно используется большой пучок травы, чтобы птицы не видели его.

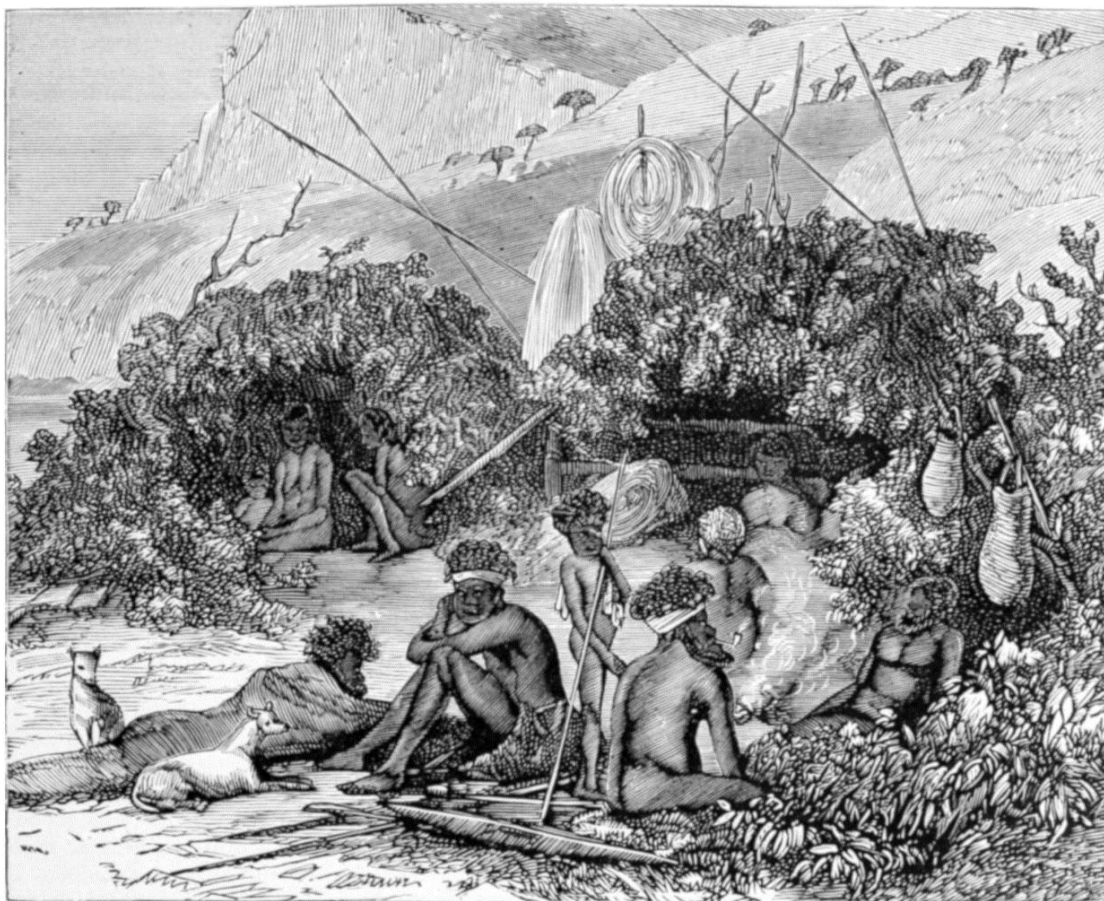
Как только птица садится, он накидывает ей на голову петлю, затаскивает внутрь укрытия, убивает и ждет другую.

В некоторых частях страны туземцы делают самодействующую ловушку, очень похожую на сети, используемые для ловли кроликов. Она состоит из своеобразного мешка, отверстие которого окружено бегущей веревкой, другой конец которой прикреплен к какому-нибудь неподвижному предмету, например, к пню. Мешок сделан из расщепленных ротангов, так что он остается открытым, и, поскольку ячейки очень широкие, приманку, помещенную в него, можно легко увидеть.

(1.) ЗИМНИЕ ХИЖИНЫ.

(См. [стр. 786.](#))

(2.) ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ.
(См. [стр. 784.](#))

Если птица или животное подходит к приманке, закрепленной на самом краю мешка, она, естественно, прокладывает себе путь к заманчивому объекту, при этом натягивает веревку и закрывает за собой горлышко мешка. Чем сильнее он сопротивляется, тем крепче его удерживают; так он и остается, пока его не вытащат и не установят ловушку снова. Этот очень изобретательный капкан используется в основном для бандикутов и других подобных животных, хотя иногда в него попадают и птицы.

У туземцев есть еще одна самодействующая ловушка, которая по принципу действия идентична корзинам для угрей и горшкам для омаров в нашей стране. Несколько таких ловушек были найдены мистером Карроном в некоторых хижинах возле залива Принцессы Шарлотты. Они были сделаны из полосок тростника и имели около пяти футов в длину и восемь или девять дюймов в диаметре в устье. От отверстия они постепенно сужались на протяжении примерно четырех футов, а затем внезапно расширялись, превращаясь в большую круглую корзину или карман, нижние концы горловины которого выступали внутрь корзины, чтобы помешать животному вернуться через проход, через который оно попало внутрь. Эта ловушка использовалась в равной степени для ловли рыбы и мелких животных. Для последней цели она ставилась на их пути, а для первой - в узком канале, через который рыба вынуждена была проходить, будучи загнанной в воду группой туземцев.

Читатель помнит, что на [странице 785](#) упоминается "жилистая кора" и ее использование в архитектуре. Эта же кора используется для множества целей, среди которых строительство лодок, пожалуй, самая заметная. Если туземец оказывается на берегу реки, которую он не

хочет переплывать, он очень быстро обзаводится лодкой. Подойдя к ближайшим деревьям с корявой корой и выбрав одно из них, у которого линии коры ровные, а не сплетенные, он делает круг вокруг дерева, чтобы отделить кору, и примерно в семи-восьми футах выше делает второй круг. Далее он делает продольный разрез с одной стороны дерева и соответствующий разрез с другой стороны. Затем он вставляет рукоятку своего томагавка, палку для копания или любое другое подобное орудие между корой и древесиной и путем осторожных действий сдирает кору на два полуцилиндрических, похожих на корыто куска, каждый из которых можно сделать лодкой.

Если он один, он редко утруждает себя тем, чтобы сделать больше, чем связать кору вместе на каждом конце корыта, и в этом хрупком судне он отправляется в реку. Но если с ним будет жена или кто-то другой, он сделает простую лодку более надежной, выкопав на берегу реки немного глины, замесив ее на каждом конце корыта и обвязав кору поверх глины. Как только он достигнет противоположного берега, он высаживается, сталкивает каноэ обратно в реку и бросает его, зная, что сделать второе каноэ будет не так хлопотно, как позаботиться о первом.

Если же ему нужно каноэ, на котором он будет рыбачить, и которое, следовательно, должно быть более прочным, он все равно выбирает в качестве материала жилистую кору, хотя и более тщательно подходит к ее изготовлению. Кора, как и береста североамериканских индейцев, сгибается под воздействием влаги и тепла; и даже в этом лучшем виде лодки на каждом конце требуется глина, которая также используется для заделки протечек.

Он также демонстрирует еще одно лучшее применение жилистой коры. Кора не только формируется в форму лодки, но и удерживается в ней с помощью поперечных кусков дерева. Края также укреплены, и в целом это каноэ демонстрирует замечательный прогресс в строительстве лодок. Судно приводится в движение обычным веслом вместо рыбьего копья: в целом лодка и сопутствующие приспособления напоминают американские берестяные каноэ и суда.

Еще одна простая форма лодки сделана по совершенно иному принципу, чем те, что уже были описаны, и вместо полого корыта из коры представляет собой цельную связку тростника и палок, связанных между собой весьма изобретательным образом и дающих опору для одного или нескольких человек, в зависимости от размера.

Такова история аборигенных племен Австралии, чьи замечательные нравы и обычаи быстро исчезают вместе с самими аборигенами. Бедные существа осознают этот факт и, похоже, потеряли всякое удовольствие от игр и танцев, которые раньше оживляли их существование. Многие племена полностью вымерли, а другие исчезают так быстро, что люди потеряли всякое сердце и дух и почти безропотно подчиняются судьбе, которая их ожидает. Например, в одном племени, Баррабул, насчитывавшем до трехсот человек, за семнадцать лет родилось всего двадцать четыре ребенка, то есть едва ли два рождения за три года; в то время как число смертей составляло от восемнадцати до девятнадцати в год.

Мистер Ллойд приводит трогательный рассказ об оставшихся в живых представителях этого некогда процветающего племени: "Когда я только высадился на берег, в Гее было всего двадцать четыре человека.

"Когда я впервые высадился в Джилонге в 1837 году, племя баррабул насчитывало до трехсот стройных и здоровых негров. За несколько месяцев до моего отъезда из этого города, в мае 1853 года, случайно подойдя к нескольким хижинам миам-миамов, или туземцев, которые

были построены на берегу реки Бурван, я увидел там девять лоубров (женщин) и одного хилого ребенка.

"Видя такое малое количество туземцев, я был вынужден спросить о моих старых мрачных друзьях прежних дней - Баллианге, вожде племени Баррабол, великом Джага-Джаге, Панигеронге и многих других, когда я получил следующий патетический ответ: "Ага, Миттер Looyed, Ballyyang dedac (умер), Jaga-jaga dedac; Panigerong dedac," и т.д., назвав многих других; и, продолжая свой скорбный рассказ, они запели в минорных и траурных тонах на своем собственном мягком языке следующее:

"Незнакомый белый человек прибыл на своем большом плавательном судне (corong) и высадился в Корайо со своими дедабул-булганас (большими животными) и анаки-булганас (маленькими животными). Он пришел со своими бум-бумами (двуствольными ружьями), белыми миам-миамами (палатками), одеялами и томагавками; и дедабул уммагет (великий белый незнакомец) отнял у бедных баррабульских кули и их детей давно унаследованные охотничьи уголья" и т. д., и т. п.

"Доведя себя до припадка страстного и возбужденного горя, рыдая, качая головами и воздевая руки в горькой печали, они восклицали диким и исступленным тоном: "Кули! Кули! Кули! Где теперь наши кули! Где наши отцы-матери-братья-сестры? Мертвы! Все пропали! Мертвы! Затем, на ломаном английском, они сказали: "Не бери в голову, Миттер Лойед, тир; ко всем черным парням возвращаются белые парни, как и ты". Такова вера бедных аборигенов Виктории; отсюда можно сделать вывод, что в их сознании скрыта искра надежды на другой, лучший мир.

"Затем, вытянув палец, они показали мне несчастное состояние аборигенов. Из их слов следовало, что на тот момент в племени было всего девять женщин, семь мужчин и один ребенок. Их стремительное сокращение численности можно объяснить целым рядом причин. Во-первых, шансы на получение естественной пищи значительно уменьшились из-за полного захвата лучших травянистых участков страны, которые изначально изобиловали кенгуру и другими животными, которыми они питались. Вследствие этого большая часть этих ценных существ ушла в дикие необитаемые страны, подальше от мест обитания белого человека и его собак-разрушителей.

"Отказавшись от помощи правительства и учреждений миссионерских обществ на реке Бурван и горе Раус, туземцы в значительной степени лишились животной пищи, столь необходимой для людей, постоянно подвергающихся жестокому зимнему и изнуряющим летним жарам. Одним из главных бедствий, от которых они страдали, была инфлюэнца. Кроме того, помимо других бедствий, связанных с их связью с колонистами, бренди, ром и табак страшно отразились на их и без того ослабленной конституции".

Это одно племя - лишь пример других, все из которых уверенно, а некоторые и не медленно, приближаются к концу своего существования. По многим причинам мы не можем не сожалеть о том, что целые расы людей, обладающие многими прекрасными качествами, уходят из жизни; но нельзя не видеть, что они следуют порядку мира, когда низшая раса готовит дом для высшей.

В данном случае, например, аборигены выполняли едва ли половину своих обязанностей как люди. Они частично осуществляли свою власть над зверями и птицами - убивали их, но не использовали в других целях. Но, хотя они и унаследовали землю, они не покорили ее и не восполнили ее запасы. Они не вырубали ни одного бесполезного куста или леса, чтобы

заменить их плодами; они не обработали ни одной земли, оставив ее в том же состоянии, в каком нашли. Чтобы прокормить каждого человека, им требовалось очень большое охотничье угодье, и одно племя жило скудно и неустойчиво на участке земли, достаточном, если его возделывать, чтобы прокормить тысячу раз большее число людей. По сути, они занимали точно такое же положение по отношению к человеческой расе, как лев, тигр и леопард по отношению к низшим животным, и, как следствие, страдали от того же закона вымирания.

Со временем белые люди привнесли в свою страну новые искусства, вырубили бесполезные леса и покрыли освободившуюся землю роскошными посевами пшеницы, достаточными для того, чтобы прокормить всех аборигенов страны; они также привели с собой стада овец и рогатого скота, чтобы кормиться на обширных равнинах, которые раньше питали лишь нескольких кенгуру, и размножились в таком количестве, что не только снабжали всю принятую ими землю пищей, но и экспортировали их плоть в родную страну.

Таким образом, превосходные знания белого человека дали аборигенам возможность обеспечить себя продовольствием, и поэтому его появление стало для них не проклятием, а благом. Но они не смогли воспользоваться открывшимися перед ними возможностями и, вместо того чтобы воспользоваться этими новыми средствами для получения трех главных жизненных потребностей человека - пищи, одежды и жилья, - не только отказались их использовать, но и сделали все возможное, чтобы изгнать их из страны, убивая колонистов, уничтожая их скот, уничтожая их посевы и сжигая их дома.

Им были предложены средства бесконечно улучшить свое социальное положение и предоставлена возможность, заменив мирный труд вечной враждой и превратив профессиональных убийц в производителей пищи, пополнить земли, которые их вечные ссоры, нерегулярный образ жизни и беззаботное отношение к человеческой жизни почти обезлюдели. Эти средства они не могли оценить, и, как следствие, им пришлось освободить место для тех, кто мог это сделать. Низшие всегда должны уступать место высшим, и так всегда было с дикарями. Я убежден, что приход белого человека - не единственная и даже не главная причина упадка дикарских племен. Я уже показал, что мы не можем ввести ни одного порока, в котором дикарь не был бы глубоко сведущ, и уверен, что причина вымирания кроется самом дикаре, и ее не следует приписывать белому человеку, который приходит, чтобы занять место, которое дикарь практически освободил.

ГЛАВА LXXVIII. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ - ОБЩИЙ ВИД ЛЮДЕЙ - ДВЕ КАСТЫ И ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ - КОНТРАСТ МЕЖДУ ПОЛАМИ - РАСПУЩЕННОСТЬ НРАВОВ - ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗЛИЧНЫЕ ПЛЕМЕНА - СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ - РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ РАНГАМИ - ФОРМИРОВАНИЕ КЛАНОВ, ИЛИ ПОДПЛЕМЕН - РАБЫ, ИХ ЦЕННОСТЬ И ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ - ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ - СЛОЖНОЕ УСТРОЙСТВО И ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ НЕГО ТРУДНОСТИ - УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ - ТУЗЕМНОЕ ПРАВО - "LEX TALIONIS" - ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ПОЗОРУ - РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ САМОУБИЙСТВ - СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВОЖДЯ МАОРИ - МЕСТЬ СЕСТРЫ.

К югу и востоку от Австралии находится группа островов, известная под общим названием Новая Зеландия. Как и Австралия, Новая Зеландия обладает многими особенностями климата и природы, а также населена несколькими племенами, которые обычно враждуют друг с другом, но практически идентичны по внешнему виду и привычкам. Поэтому мы сможем рассказать об этой важной части земного шара с гораздо большей краткостью, чем если бы, как в Африке, племена отличались друг от друга по цвету кожи, одежде и обычаям.

В целом новозеландцы представляют собой необычайно красивую расу людей - высоких, мощных и хорошо сложенных. Хотя цвет кожи несколько варьируется, он всегда коричневый, иногда светлый, как у испанцев, а иногда темно-умбровый. Однако он всегда имеет чистый оттенок и никогда не приближается к глубокому черному цвету австралийцев. Нос прямой и хорошо сформированный, во многих случаях смело аквильный; рот довольно большой, а губы в меру полные, хотя и не похожи на губы негра. Скулы довольно высокие, но не более выдающиеся, чем у настоящего шотландца; глаза большие, темные и живые.

Зубы удивительно белые и ровные, а ноги и руки маленькие и хорошо пропорциональные. Стопа очень хорошо развита, туземцы никогда не портили ее прекрасный механизм туфлями или сапогами и привыкли использовать пальцы ног для многих задач, где цивилизованному европейцу требуются пальцы. Например, пальцы ног постоянно удерживают один конец веревки, в то время как пальцы заняты ее скручиванием или плетением; в результате туземцы могут справедливо высмеивать неправильную форму ног и пальцев европейцев.

Мужчины от природы носят бороду; но они всегда удаляют все остатки волос на лице, чтобы показать узоры, татуированные на нем. Время от времени очень старый и могущественный вождь осмеливается отрастить бороду, но, как правило, лицо лишается всякого покрова, так что отсутствие бороды вместе с обильной татуировкой уничтожает все признаки возраста, и лик двадцатилетнего молодого человека выглядит почти таким же старым, как у его деда в возрасте шестидесяти лет.

Волосы обильные, в основном прямые, но искусством закручиваются и завиваются в различные модные формы. В некоторых случаях они имеют светлый или даже рыжеватый оттенок, и в таких случаях цвет лица отличается особой светлотой. Альбинизм существует и среди новозеландцев, но он не очень приятен на вид: глаза всегда слабые, а кожа выглядит так, будто ее искусственно отбелили. На самом деле такой альбинос выглядит среди своих темных собратьев как растение, которое отбелили, выращивая в темноте.

Среди новозеландцев, похоже, есть две касты мужчин. Высшая каста отличается вышеперечисленными характеристиками, а низшая - более низким ростом, грубыми и вьющимися, но не шерстяными волосами, более выраженными скулами и гораздо более черной кожей. Эта вторая раса, по словам доктора Диффенбаха, "смешивается в неощутимых градациях с первой и гораздо менее многочисленна; она не преобладает ни в одной части острова, ни занимает какое-либо определенное место в племени; и между двумя расами нет никаких различий".

НОВОЗЕЛАНДЕЦ ОТ ДЕТСТВА ДО СТАРОСТИ.
(См. [с. 795](#).)

"Но я должен заметить, что никогда не встречал ни одного значительного человека, принадлежащего к этому племени, и что, хотя они и были свободными, они занимали низшие ступени: из этого, возможно, можно сделать вывод о том, в каком отношении они находились к самым ранним переселенцам в эту страну, хотя их традиции и легенды ничего не говорят на эту тему".

"Из существования двух рас в Новой Зеландии можно сделать вывод, что темные были первоначальными владельцами земли до прибытия представителей истинно полинезийского происхождения; что они были завоеваны последними и почти истреблены. Это мнение бытует в отношении всех полинезийских островов; но я должен заметить, что

очень сомнительно, чтобы те различия, которые мы наблюдаем среди уроженцев Новой Зеландии, действительно были вызваны таким источником. Подобные разновидности мы находим на всех полинезийских островах, и вполне вероятно, что они являются следствием различия каст, столь широко распространенного среди жителей племен великого океана.

"Если часть населения Новой Зеландии представляет собой отдельную расу, что нельзя отрицать в отношении других островов, то очень любопытно, что следов такого смешения нет ни в языке, где они были бы наиболее прочными, ни в традициях, где, несомненно, говорилось бы о завоевании одной расы другой, если бы оно произошло. Капитан Крозе, француз, посетивший Новую Зеландию, говорит, что у Северного мыса он обнаружил племя, более темное, чем остальные. Я не смог заметить там ничего подобного, хотя посетил всех туземцев. Не более распространены эти темнокожие люди и во внутренних районах; я бы сказал, даже менее распространены.

"Несомненно, среди коренных жителей Новой Зеландии наблюдается большее разнообразие цвета кожи и лиц, чем можно было бы ожидать, - это обстоятельство может свидетельствовать либо о раннем смешении различных рас, либо о различии социальных условий, что, в свою очередь, далеко объясняет этот факт. Все новозеландцы говорят о манго-манго, или неграх Нового Южного Уэльса, как о людях, не связанных с ними и уступающих им; но они никогда не делают такого различия в отношении своих собственных племен".

Как это часто бывает у нецивилизованных народов, женщины заметно уступают мужчинам: они гораздо ниже ростом и не так хорошо сложены. С ними не обращаются с той суровостью, которая обычно характерна для супружеской жизни дикарей, и даже принимают участие в советах мужей и имеют большое влияние в политических делах. Тем не менее, тяжелая работа по дому ложится на их плечи, и участь обычной новозеландской жены довольно сурова. Ей приходится возделывать землю, носить в дом продукты с дальних полей, а когда семья отправляется в путешествие, женщине приходится нести все тяжести. Поэтому неудивительно, что такая тяжелая жизнь сказывается на женщинах, препятствуя правильному развитию их фигуры и приводя к увяданию их красоты. Дольше всех сохраняют свою красоту дочери богатых вождей, которые могут позволить себе рабов, на которых ложится вся тяжелая работа, и которые, таким образом, избавляют своих хозяек от одной из причин ухудшения состояния.

Однако есть и другая причина, которая, возможно, не менее эффективна, но не столь ощутима. Это очень мягкий моральный кодекс, который преобладает среди них: молодой девушке разрешается максимальная свобода до замужества, хотя после этого она является образцом постоянства. Эта свобода проявляется в очень раннем возрасте, и естественным следствием этого является то, что должное развитие организма сдерживается. Эта порочная система настолько само собой разумеющаяся, что в ней нет ничего предосудительного, а молодые девушки отличаются скромностью и детскостью.

Конечно, они стареют гораздо раньше, чем те, чье развитие происходит в более поздний период жизни, но они компенсируют ухудшение внешнего вида своей особой добротой поведения. [На гравюре № 1 изображены](#) лик и одежда новозеландской женщины и ее мальчика.

В отличие от мужчин, женщины не уродуют свои лица татуировкой, которая придает им суровое и неподвижное выражение, столь характерное для новозеландских воинов; таким образом, они позволяют в полной мере проявиться действительно гибким и умным чертам лица. Единственная часть лица, на которую наносится татуировка, - это губы, которые при

этом окрашиваются в синий цвет, поскольку считается позорным для женщины иметь красные губы. Татуировку всегда делают, когда ребенку позволяют занять свое место среди женщин; и, как можно себе представить, она придает рту синюшный и совершенно неприятный вид.

Дети - очень приятные и интересные маленькие существа. Они полны ума и необычайно свободны и открыты в своих манерах. В отличие от детей большинства диких народов, они живут с мужчинами так же, как и с женщинами, и даже участвуют в советах своих родителей, таким образом, их способности развиваются в очень раннем возрасте. [На иллюстрации](#) напротив приведены типичные примеры новозеландцев от детства до старости, и читатель заметит контраст между мягкими и округлыми очертаниями юноши и суровыми, жесткими лицами старика и его супруги.

По сравнению с размерами Новой Зеландии, население ее очень невелико, и даже в самые ранние дни нашего знакомства с ней земля, похоже, была заселена очень слабо. Такое положение дел весьма примечательно, поскольку очень малое население обычно встречается в тех странах, где, как в Австралии, жители живут в основном промыслом, а потому для их содержания требуется очень большой участок земли. Новозеландцы, однако, не живут охотой по той простой причине, что здесь нет животных, на которых стоило бы охотиться; так что семья из двадцати человек, даже если бы вся страна служила им охотничьим угодьем, оказалась бы в очень затруднительном положении, если бы им пришлось добывать пищу охотой. Причины такой малочисленности населения мы сейчас увидим.

По подсчетам Диффенбаха, туземцев во всей стране насчитывается не более ста пятнадцати тысяч. Они делятся на двенадцать великих племен, которые снова подразделяются на подплемена, или кланы, каждый из которых имеет свое отдельное название и, как предполагается, принадлежит к определенному району. Боевые мужчины, или воины, составляют примерно одну четвертую часть всего населения; остальные три четверти - старики, женщины и дети. Со времени этого подсчета численность аборигенов значительно уменьшилась. Самым важным из племен является Вайкато, которое делится на восемнадцать кланов и занимает очень большую часть территории страны. Одно только это племя может вывести на поле боя шесть тысяч воинов, так что вся численность племени может быть исчислена примерно двадцатью четырьмя тысячами.

Кланы Вайкато сумели сохранить свою индивидуальность лучше, чем другие, и, несмотря на то, что они во многом соприкасались с цивилизацией и переняли некоторые привычки своих белых гостей, они все же сохранили многие из своих древних обычаев и, как отмечает Диффенбах, сохранили большую часть своей древней силы и первоначальных достоинств.

Самое сильное по численности племя - нга-те-кахухуна, обитающее на восточном побережье, насчитывает тридцать шесть тысяч человек. Фактически, только эти два племени превосходят по численности все остальные, вместе взятые. Одно из племен, рангитани, интересно тем, что его описал капитан Кук. В его времена это было, очевидно, большое и процветающее племя, но несколько лет назад оно едва ли могло набрать триста воинов при общей численности в двенадцать сотен. Упадок этого племени, вероятно, объясняется разрушительными войнами, в которые ввязываются новозеландцы и которые часто бывают настолько жестокими, что полностью уничтожают племя.

Правительство новозеландцев представляет собой любопытную смесь простоты и сложности. Монархия неизвестна, у каждого племени есть свой великий вождь, в то время как низший вождь руководит каждым кланом или подплеменем. Все население можно условно разделить на три сословия. Сначала идут дворяне, затем свободные люди и, наконец, рабы. Дворяне носят общее название Рангатира - титул, который всегда присваивается офицерам, миссионерам и другим белым людям, поставленным командовать другими.

В каждом племени один из рангатира является арики, или главным вождем; но поскольку он обязательно является рангатира, к нему всегда обращаются по этому титулу, и, как следствие, незнакомец даже после длительного визита сталкивается с некоторыми трудностями при выяснении того, кто является арики. Среди новозеландцев нет салического закона, поэтому арики не обязательно должен быть воином, им может быть и женщина. Должность передается по наследству, и существующий арики всегда пользуется высочайшим уважением в силу своего происхождения. Даже враждебные племена уважают арики, и в большинстве случаев, если он попадает в плен в бою, победители сохраняют ему жизнь. Один или два самых могущественных вождя были захвачены в плен и впоследствии освобождены, тогда как если бы они были обычными людьми или даже обычными Рангатирами, их бы убили, тела съели, а головы высушили и закрепили в качестве трофеев на домах завоевателей.

Различные семьи платят своего рода налог, или дань, хотя этот налог является полностью добровольным и может быть большим или меньшим, или вообще не выплачиваться по желанию. Чаще всего арики - это человек со значительными умственными способностями, и в этом случае он обладает огромной властью над племенем либо как жрец, либо как воин. Ничто не мешает арики занять пост жреца, и во многих случаях ему удается оказывать гораздо большее влияние духовными, чем физическими средствами.

Рангатира - великие люди, или вельможи, страны, и у них, как и у арики, это звание передается по наследству. Закон наследования очень примечателен: старший сын является наследником ранга своего отца; но если ребенок умирает, законным наследником становится младший, а не следующий за ним старший. Эти два наследника, старший и младший сыновья, называются именем, означающим жир земли.

Каждый Рангатира независим от своих братьев, хотя все вместе они образуют некий орган, который можно сравнить с палатой пэров в Англии. Любой рангатира, обладающий достаточным влиянием, может собрать членов своего клана, построить укрепленную деревню, или па, и стать мелким правителем в своих владениях. Именно таким образом формируются различные кланы, или подплемена, каждый из которых собирает вокруг себя знатного человека с более чем обычными способностями и принимает имя, под которым его члены будут известны впоследствии.

Свободные люди составляют большую часть воинов; некоторые из них являются сыновьями Рангатиры, а другие просто имеют привилегию свободного рождения, что влечет за собой право наносить татуировку на лицо. Иногда свободный человек, отличающийся полководческим талантом и храбростью, берет на себя командование экспедицией, даже если в ней участвуют люди более высокого ранга, чем он сам.

Последними идут рабы. Они всегда берутся из двух источников: это либо пленники, захваченные в бою, либо дети таких пленников. Ценность таких рабов очень велика. Все

дикари ленивы, но новозеландец - один из самых ленивых смертных в мирное время. На войне он полон огня и духа, но в мирное время он бездельничает и не делает ни одной работы, которой можно было бы избежать.

Возможно, он снизойдет до того, чтобы вырезать на столбах своего дома некое фантастическое подобие человеческой фигуры, а может быть, займется медленным обтесыванием каменной дубины, полировкой или украшением своего оружия. Все, что касается настоящей работы, поручается женщинам или рабыням, и человек, который ценит свою жену или дочь, постарается приобрести рабов, которые избавят ее от этой рутинной работы.

Есть рабы обоих полов, которым поручается соответствующая работа. Они считаются абсолютной собственностью своего хозяина, который может обращаться с ними как угодно, а если предпочтет убить их, то может сделать это, не привлекая никакого внимания. Конечно, он не станет этого делать по очень веским причинам, поскольку лишится ценной вещи. Как мы увидим в дальнейшем, бывали случаи, когда владелец рабов намеренно убивал их, чтобы продать их головы.

Один раз раб, всегда раб. Если кому-то из этих несчастных удавалось сбежать и вернуться в свое племя, хозяин обращался за ним, и его отдавали - право хозяина на своего раба признавалось повсеместно. Тем не менее, как правило, с рабами обращаются хорошо, а некоторые из них, достигшие мастерства в определенных искусствах, часто становятся богаче своих хозяев. Ценность рабов настолько велика, что многие войны велись только ради охоты на рабов, а некоторые из самых разрушительных и упорных междоусобиц возникали именно из-за охоты на рабов.

С управлением новозеландцами связан земельный вопрос. Это странно сложное дело, поскольку каждый дюйм земли имеет фактического владельца, в то время как обычно есть несколько претендентов, которые позволяют своим правам, реальным или воображаемым, лежать в бездействии, пока землей владеет тот, кто может держать себя в руках, в то время как все они предпочтут свои претензии после его смерти или даже во время длительного отсутствия.

Так часто случалось, что белые люди, желая действовать в соответствии с законом и честью, вовлекали себя в сети трудностей. Например, вождь может договориться о продаже части территории, получить цену и подписать акт, который засвидетельствуют как туземцы, так и европейцы. Не успеет он это сделать, как появляется претендент, заявляющий, что вождь не имеет реальных прав на эту землю, а значит, не имеет права ее продавать.

Его претензии будут изучены, и, если они покажутся достаточно правдоподобными, мужчине заплатят дополнительную сумму за согласие на продажу. Однако на этом дело не закончится, поскольку туземцы относятся к земле с такой ревностью, что, пока иностранец владеет хоть дюймоном земли, найдется туземец, который предпочтет претендовать на нее. Как ни странно, но белый человек понесет меньше одиозности, захватив землю силой и по праву завоевания, чем пытаясь действовать в соответствии со справедливостью и равенством.

Война - благодатный источник недоразумений в отношении земли. Племя может быть изгнано из района, а его земля отдана другим, которые удерживают ее до тех пор, пока могут удержать, а первоначальные владельцы обязательно отвоюют ее, если это возможно. Иногда случалось, что вождь, которому были подарены такие земли, передавал их другому вождю, а тот, в свою очередь, продавал их европейским поселенцам, причем сделку

ратифицировали его собственные последователи, которые считаются имеющими долю в такой собственности.

Колонисты берут землю, расчищают ее, возделывают, а когда урожай будет достаточно собран, лишенное собственности племя выступит вперед и заявит о своих правах на нее. Те, кому она была продана, уже получили свою цену и не утруждают себя возражениями против претензий; в результате колонисты вынуждены либо вносить вторую плату, либо идти на риск войны.

Что касается самих претензий, то они носят самый любопытный и неожиданный характер, такого не мог предположить ни один европеец. По словам Диффенбаха, "среди туземцев существует очень четкое представление о правах на земельную собственность, и каждый дюйм земли в Новой Зеландии имеет своего владельца. Иногда землю отдают чужому племени, либо в качестве платы, либо из других соображений, но владелец оставляет за собой определенные права, некоторые из которых мы должны назвать манориальными".

"Раньше было очень распространено, что жир местных крыс (киоре), убитых на таких землях, отдавался главному владельцу, и во многих случаях право собственности на землю, по-видимому, вытекало из факта убийства крыс на ней. Так, вождь говорит: "Тот или иной участок земли - мой; я убил на нем крыс". Однако, как правило, земля передается, как и у нас, по наследству".

При таком сложном порядке владения землей, который часто вызывает недоумение у самих туземцев, неудивительно, что английские поселенцы оказались в затруднительном положении. Говорят, что колонисты пытались стать хозяевами земли нечестным путем, *то есть* либо насильно завладеть ею, либо заставить невежественных туземцев подписать документы, которых они не понимали, и таким образом продать свои отцовские владения за ром, табак и несколько одеял.

Возможно, в какой-то степени так и было, когда колонисты только пришли в эту страну. Но туземцы слишком умны, чтобы долго оставаться в неведении относительно возможностей пера, чернил и бумаги, и нет сомнений, что во многих случаях они намеренно обманывали покупателя, либо выставя мнимого владельца земли, который не имел права ее продавать и исчезал со своей долей выигрыша, как только сделка была заключена, либо утверждая, что не знают смысла подписанного документа, и отказываясь выполнять его условия. То, что белым людям слишком часто удавалось обманывать туземцев, к сожалению, правда, но не менее верно и то, что туземцы так же часто обманывали колонистов.

Право у новозеландцев, похоже, самое простое, и, насколько нам известно, оно не так хорошо развито, как у некоторых племен южной Африки. Три преступления, которые рассматриваются законом, - это убийство, кража и прелюбодеяние. В отношении первого из этих преступлений действует своего рода *lex talionis*: родственники убитого рано или поздно обязательно убьют убийцу, если только ему не удастся пойти с ними на компромисс. Даже кража наказывается аналогичным образом: вора в свою очередь грабят.

Что касается третьего преступления, то оно наказывается по-разному, но предполагается, что обе стороны лишили мужа жизни. Поэтому, если факт обнаружен, а преступник - человек низкого звания, он ищет безопасности в бегстве, а если он человек высокого звания, он ожидает, что оскорбленный муж начнет с ним войну. Иногда, если жена узнает, что ее муж был ей неверен, она убивает его спутницу или, во всяком случае, позорит ее по местному обычаю, снимая с нее всю одежду и выставляя на всеобщее обозрение. Даже муж иногда подвергается такому наказанию со стороны родственников жены; и так страшен этот позор,

что известны случаи, когда мужчины кончали жизнь самоубийством, когда их проступок был обнаружен.

Самоубийство, кстати, совсем не редкость среди новозеландцев, которые всегда считают, что смерть лучше позора, и иногда уничтожают себя при самых пустяковых провокациях. Об одном из таких случаев рассказывает мистер Ангас. "Прибыв в деревню или каингу Ко Нгахоковиту, мы обнаружили, что все туземцы находятся в состоянии необычайного возбуждения. Мы заметили множество людей, бегущих в том направлении, вдоль берега реки, с различных плантаций, и, расспросив их, узнали, что за час до нашего прибытия сын влиятельного вождя покончил с собой, выстрелив в себя из мушкета.

"Наши попутчики вместе с вождем Висихоной собрались, и мы последовали за ними к сараю, где было совершено преступление и где тело все еще лежало так, как упало, но было накрыто одеялом. Вокруг собрались скорбящие, и женщины начали горестно плакать, разминая руки и склоняясь к земле. Мы подошли к телу, и нам разрешили снять покрывало с лица и груди. Лицо было совершенно спокойным, а желтый оттенок кожи в сочетании с татуировкой придавал труп вид почти восковой модели. Покойный был красивым и хорошо сложенным молодым человеком. Приложив мушкет к груди, он намеренно нажал на спусковой крючок пальцами ног, и пуля прошла прямо через его легкие. Кровь все еще сочилась из отверстия, проделанного пулей, а также изо рта, и тело было еще теплым".

Причиной этого самоубийства стало то, о чем уже говорилось. Молодой человек был уличен в незаконной переписке с женой другого мужчины из той же деревни. Женщину отослали в дальнее поселение, что уже сделало ее любовника угрюмым и мрачным; а в тот день, когда мистер Ангас посетил это место, он так разозлился на упреки, которые бросали ему некоторые из его родственников, что отошел в сторону и застрелился.

О том, как решительно новозеландцы иногда идут на самоубийство, свидетельствует поведение другого мужчины, который намеренно завернулся в свое одеяло и задушил себя собственными руками. Это преступление было совершено в общем спальном доме, причем сделано оно было настолько дерзко, что его обнаружили только после того, как мужчина уже некоторое время был мертв.

Примечательный случай, подтверждающий эту особенность новозеландского законодательства, произошел во время визита г-на Диффенбаха в район Вайпа. Его сопровождал вождь, который вызвал к себе девушку и передал ее полицейскому магистрату как убийцу. Дело было в том, что ее брат, женатый мужчина, вступил в интимную связь с девушкой-рабыней и, опасаясь мести родственников жены, покончил с собой. Его сестра, чтобы отомстить за смерть брата, разыскала в кустах девушку-рабыню и убила ее. Самое странное в этом деле было то, что обвиняемая девушка была дочерью вождя, который на нее доносил.

Девушка хорошо защищала свою правоту, утверждая, что она действовала по закону страны, отомстив за смерть брата, и не подчинялась законам белого человека, которые еще не были введены в ее стране. Как и следовало ожидать, ее просьба была принята, и девушку отпустили на свободу; однако ее отец настолько искренне желал остановить систему убийств, совершаемых в отместку, что фактически предложил себя на место дочери, как ее ближайшего родственника.

ГЛАВА LXXIX.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - продолжение.

ОДЕЖДА.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ НОВОЗЕЛАНДЦА - ТАТУИРОВКА ИЛИ МОКО - ЕЕ ГРОЗНЫЙ ХАРАКТЕР - ТАТУИРОВКА КАК ЗНАК СВОБОДЫ - ТАТУИРОВКА НА ЛИЦЕ И ЕЕ РАЗЛИЧНЫЕ ЧАСТИ - СТОИМОСТЬ ОПЕРАЦИИ - ИНСТРУМЕНТЫ И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ВРЕМЯ, ЗАТРАЧИВАЕМОЕ НА ЕЕ ВЫПОЛНЕНИЕ - ОПЛАТА ОПЕРАТОРА И ПЕСНИ ТАТУИРОВЩИКА - ИСТОЧНИК, ОТКУДА ПОЛУЧАЮТ ПИГМЕНТ - АЛАЯ КРАСКА И СПОСОБ ЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ПОЯС - СИМВОЛИЗМ ТАТУИРОВКИ - СОХРАНЕНИЕ ГОЛОВ ВОИНОВ - ТОРГОВЛЯ ГОЛОВАМИ - КРУТОЙ ТОРГАШ.

Перейдем к рассмотрению внешнего вида и одежды коренных жителей Новой Зеландии, или маори, как они сами себя называют. Поскольку наиболее заметной частью украшений новозеландцев является татуировка, которой украшены лицо и некоторые другие части тела, мы начнем наш рассказ с описания моко, как его называют туземцы.

Татуировка используется во многих частях света, но ни в одной из них она не выглядит столь грозно, как у новозеландцев. Как читателю, вероятно, известно, татуировка представляет собой узоры, сделанные путем введения под кожу определенных красящих веществ; древесный уголь, приготовленный различным образом, является обычным материалом для этой цели. Мы уже видели у кафиров примеры украшения кожи путем ее глубокого разрезания, чтобы образовались шрамы, а в Австралии преобладает похожий, но более жестокий обычай. Однако ни в одной из этих стран нет попыток создать художественный эффект, в то время как в Новой Зеландии красота рисунка является самой целью татуировки.

Существует различие между татуировкой новозеландцев и полинезийцев: у последних она состоит из рядов маленьких точек, а у первых - из линий, полностью прорезающих кожу. Благодаря этому различию, хотя новозеландец и полинезиец с головы до ног покрыты татуировками, нет никакой возможности перепутать одного с другим.

Моко у новозеландцев - это знак ранга, и никто, кроме рабов, не имеет более или менее полной татуировки на лице. В наши дни даже вожди начали отказываться от древнего обычая, в основном благодаря усилиям миссионеров, которые возражали против этой практики как признака язычества. В результате несколько самых могущественных вождей, обращенных в христианство, представляют собой весьма любопытный, если не сказать смехотворный, вид, который вряд ли может оказать хорошее влияние на рекомендации христианства народу. Будучи обращенными до того, как моко был завершен, и не желая продолжать процесс, а также не имея возможности стереть те части, которые уже были нарисованы, они появляются с одной половиной лица, покрытой татуировкой, а другой - нет, или, возможно, с одиноким кольцом вокруг одного глаза и парой изгибов вокруг одной стороны рта.

Однако, поскольку в данной работе речь идет только о туземных обычаях, а не о современной цивилизации, новозеландцы будут описаны такими, какими они были до того, как научились отказываться от некогда желанной татуировки, менять туземную циновку на английское одеяло, живописное военное каноэ на обычное китобойное судно, а копье и дубину на винтовку и штык.

Главной татуировкой является татуировка на лице и верхней части головы, которая, будучи завершенной, почти не оставляет нетронутых мест, на которые можно положить палец. В

завершение все лицо покрывается спиральными завитками, кругами и изогнутыми линиями; примечательно, что, хотя соблюдается определенный порядок и расположение основных знаков одинаково в каждом случае, ни один человек не татуируется в точности одинаковым образом, поскольку художник может создавать бесконечное разнообразие с помощью немногих материалов, имеющихся в его распоряжении.

Например, первая часть татуировки всегда представляет собой серию изогнутых линий, идущих от уголков носа к подбородку, и проходящих вокруг рта. Эта часть татуировки носит название *rerepi*. Далее следует спиральный завиток на скуле, а под ним - еще одна спираль, доходящая до челюстной кости. Они называются соответственно *kakoti* и *korohaha*. Далее следуют четыре линии на середине лба, называемые *tumi*; кроме того, есть несколько линий, идущих вверх по центру носа и охватывающих его бока, некоторые из них распространяются по лбу, другие занимают подбородок; даже губы, веки и уши украшены этим необычным орнаментом.

Кроме того, великий вождь редко бывает доволен, если он не может покрыть свои бедра подобными линиями, каждая из которых, как и на лице, имеет свое название.

Хотя моко считался знаком ранга, не существовало законов, запрещающих его использование. Любой человек, если он не был рабом, мог татуироваться сколько угодно; но расходы на эту операцию были так велики, что никто, кроме людей с положением, не мог позволить себе полный костюм моко. Ни один человек не мог сделать себе татуировку сам, а тонкость прикосновений и четкость линий были настолько труднодостижимы, что татуировка стала искусством или наукой, которая осталась в руках немногих практикующих мастеров, получавших хороший доход от своего дела. Некоторые из тех, кто добился большой известности благодаря своему мастерству, получали очень высокую плату, когда их вызывали для украшения клиента, и поэтому их услугами могли воспользоваться только люди с высоким положением. Примечательно, что некоторые из самых известных операторов были рабами - людьми, которым было запрещено наносить татуировку на собственное лицо.

Операция проводится следующим образом. Пациент ложится на спину и кладет голову между коленями оператора, который сидит на корточках на земле по обычной туземной моде. Затем он берет немного черного пигмента и рисует на лице линии узора, которому собирается следовать; в некоторых случаях он слегка царапает их острым инструментом, чтобы сделать набросок или контурный рисунок. Цель этих царапин - предотвратить стирание рисунка стекающей кровью и черным пигментом, который втирают в раны.

Затем он берет свой инструмент или резец, который обычно делается из зубов или кости птицы, и с его помощью проделывает рисунок, полностью прорезая кожу. Иногда при нанесении татуировки на лицо небрежный оператор полностью прорезает щеку, чтобы на время отбить охоту к курению. Страдающий испытывает определенные трудности с тем, чтобы вообще втянуть дым в рот, а затем обнаруживает, что он выходит через отверстия в щеке. На странице 722 читатель может найти иллюстрацию, которая дает хорошее представление о различных формах татуировочного резца. По мере работы оператор постоянно окунает острие резца в черный пигмент, а когда прорезает линию длиной в несколько дюймов, втирает в рану еще больше пигмента, используя небольшой пучок волокон в качестве кисточки или губки.

Резать нужно не как ножом, а прикладывая острие стамески к коже и вбивая ее по линиям рисунка повторяющимися ударами маленькой киянки. Как можно себе представить, боль, причиняемая этой операцией, мучительна. Больно резать кожу даже самым острым лезвием

- это может подтвердить любой, кому посчастливилось попасть под нож хирурга. Но когда в качестве инструмента используется акулий зуб или кусок кости, когда его медленно вбивают в кожу многократными ударами, а рана сразу же заполняется раздражающим пигментом, можно представить, что мучения должны быть ужасными. Однако считается делом чести выдержать ее, не подавая никаких признаков страдания.

Из-за характера татуировки, разрушения кожи и последующего нарушения ее функций, за один раз можно нанести лишь небольшую часть, а полное моко занимает от двух до трех лет, в зависимости от конституции человека. При этом всегда возникают ужасные отеки, особенно желез в районе ран, а последствия настолько серьезны, что люди умирали, когда за один раз выполняли слишком большую часть.

Каждый удар резца или *уки* оставляет неизгладимый след, поэтому очень важно, чтобы оператор был человеком умелым и направил все свои силы на прорисовку четкого, хотя и сложного рисунка, в котором линии расположены близко друг к другу, идут равномерными кривыми и никогда не мешают друг другу.

Пока человеку наносят татуировку, его друзья и друзья оператора поют ему песни, в которых призывают его мужественно переносить боль и помнить о той непреходящей красоте, которая будет дарована ему по завершении рисунка. В песнях друзей оператора содержатся очень широкие намеки на то, какая оплата ожидается. Хотя, как уже говорилось, лучшим татуировщикам платят очень высоко, определенного гонорара нет, как нет и сделки, оператор полагается на либеральность своего клиента. Но так как человека сочли бы скрытным, если бы он обратился за услугами к хорошему оператору, а затем плохо ему заплатил, практический результат заключается в том, что хороший татуировщик всегда обеспечивает себе хорошую оплату.

Более того, у него всегда есть возможность отомстить. Поскольку за один раз можно выполнить лишь небольшую часть моко - например, спиральный изгиб на одной щеке, - если оператору плохо заплатили за первую часть работы, он постарается не выпустить резец из рук, когда приступит ко второй части, или вырежет свои линии грубо и неровно, тем самым изуродовав скупого человека на всю жизнь.

Мистер Тейлор приводит перевод одной из таких песен о татуировщиках:

"Тот, кто хорошо платит, пусть будет красиво украшен;

Но тот, кто забывает об операторе, пусть делает небрежно.

Пусть линии будут широкими.

О hiki Tangaroa!

О хики Тангароа!

Наносите удары, чтобы резец, проходя по ним, издавал звук.

О Хики Тангароа!

Люди не знают, как умело оператор ведет свое звучащее долото.

О hiki Tangaroa!"

Читатель увидит, что песня очень изобретательна, она превозносит мастерство оператора, обещает либеральному мужчине красивое моко и угрожает изуродовать его, если он будет скуп в своих платежах.

Во время нанесения татуировки все люди, находящиеся в па, или загоне, находятся под табу, или тапу, чтобы с ними не случилось ничего плохого; на работу по нанесению татуировки смотрят с неким суеверным благоговением. Значение слова "тапу" будет объяснено, когда мы перейдем к рассмотрению религиозной системы новозеландцев.

Эффект моко на лице хорошо показан [на иллюстрации № 2](#) на следующей странице, где изображены вождь и его жена. Читатель, вероятно, заметит, что на лице женщины есть отметины, напоминающие татуировку. Однако это шрамы, оставшиеся после траура по телу родственника, во время которого женщины нещадно режут себя. Платье, которое носили обе особы, будет описано далее.

Пигмент, используемый для татуировки, изготавливается из смолы сосны каури, и большая его часть производится в одном месте, где это дерево растет в изобилии. Там есть скалистый обрыв, а на небольшом расстоянии от его края вырыта глубокая и узкая яма. Через скалу в яму прорубается канал, и устройство готово. Когда туземец хочет сделать запас пигмента для татуировки, он нарезает куски дерева каури, кладет их в яму и поджигает, в результате чего сгоревшая смола падает на дно ямы, откуда ее выскребают через канал.

Алая краска часто используется туземцами, особенно когда они украшают себя для битвы. Ее получают из охристого вещества, которое откладывается во многих местах, где застаивается вода. Некоторые места славятся превосходным качеством охры, и туземцы приезжают за ней на большие расстояния. Когда они хотят сделать свою алую краску, то сначала тщательно высушивают, а затем обжигают охру; в результате получается действительно прекрасная вермилион.

Эта краска используется для многих целей, а перед применением ее смешивают с маслом, полученным из акулы. Туземцы любят украшать ею свои дома и с помощью алых линий увеличивают, согласно своим представлениям, красоту резной работы, которой украшена каждая доступная точка. Даже домашняя утварь окрашивается подобным образом, причем модно красить все впадины алым, а выступающие части - черным. Их каноэ и деревянные украшения обильно украшены красной краской. Но самое ценное применение этого пигмента - роль, которую он играет в украшении воина, когда тот отправляется на битву.

В таких случаях краска составляет весь его костюм, циновки, которыми он так гордится в мирное время, откладываются в сторону, многие воины остаются совершенно голыми, а у других единственным прикрытием является пояс из плетеных листьев.

Один из таких поясов в моей коллекции имеет семь футов в длину и всего три с половиной дюйма в ширину в самой широкой части, а с обоих концов он уменьшается до простого плетеного шнурка. Он сложен вчетверо, и, открыв его, можно увидеть способ изготовления: все свободные концы заправлены внутрь.

Материал - лист форемии, разрезанный на полоски шириной в дюйм, каждая из которых окрашена в черный цвет. Затем каждая полоска делится на восемь маленьких полосок или ремешков, и они плетутся таким образом, чтобы получился художественный клетчатый узор из черных и белых цветов. Изобретательность в создании столь сложного узора на столь простом материале чрезвычайно велика; и, как бы добавляя сложности своей задаче,

сумрачный художник полностью изменил узор на обоих концах пояса, сделав его идущим под прямым углом к остальной ткани. Пояс также используется вместо одежды, когда мужчины гребут на каноэ.

Краска, таким образом, становится характерной частью военного костюма новозеландца и применяется для того, чтобы придать себе как можно более грозный вид и навести ужас на своих врагов. Однако она используется как в мирное, так и в военное время, считаясь хорошим средством от укусов и жал насекомых, особенно песчаных мух и комаров. Его также используют в трауре, натирая тело в знак скорби, точно так же, как пепел у некоторых восточных народов. Некоторые путешественники считают, что постоянное использование этого пигмента придает новозеландцам особую мягкость и гладкость кожи, которыми они отличаются от фиджийцев, чья кожа как будто огрубела от работы напильником. Однако эта теория едва ли выдерживает критики: мягкая текстура кожи, очевидно, обусловлена физическими, а не внешними причинами.

(1.) НОВОЗЕЛАНДСКАЯ ЖЕНЩИНА И ЕЕ МАЛЬЧИК.
(См. [стр. 795.](#))

(2.) ТАТУИРОВАННЫЙ ВОЖДЬ И ЕГО ЖЕНА.
(См. [стр. 802.](#))

Воин, украшенный во всей гордыне татуировки и алой краски, - это, безусловно, потрясающий объект, который способен навести ужас на тех, кто привык относиться к воинам маори с благоговением. Однако когда аборигены обнаружили, что вся роспись в мире не оказывает никакого влияния на дисциплинированных солдат чужеземцев, они отказались от нее и довольствовались оружием, которым никто не умеет владеть лучше, чем они сами.

Более того, краска и татуировки, как бы хорошо они ни смотрелись на воине, вооруженном по первобытной моде, имеют довольно смехотворный эффект, когда контрастируют с оружием цивилизации. Сейчас передо мной портрет вождя маори в полном боевом снаряжении. Кроме пучка перьев в волосах и клетчатого платка, повязанного вокруг поясницы, очевидно, по просьбе фотографа, на нем нет никакой одежды. Он высок, великолепно сложен, суров и по-солдатски строг. Вместо булавы, своего обычного оружия, он держит в руке бельгийскую винтовку с примкнутым штыком, а вокруг его обнаженного тела пристегнут ремнем картуз.

Лицо его татуировано, как и бедра, покрытые сложнейшим рисунком, ярко контрастирующим с его действительно светлой кожей. Если бы в его руках были булава и посох вождя, он выглядел бы великолепно; с ружьем и картузом он выглядит нелепо. Даже меч подошел бы ему лучше, чем винтовка, ведь мы так привыкли ассоциировать винтовку с рядовым солдатом, что трудно понять, что могущественный вождь будет носить такое оружие.

Любопытная смесь туземной и европейской одежды, которую любят носить маори, хорошо описана мистером Ангасом. "Жена Раупахары - очень крепкая женщина, волосы ее, очень жесткие и жилистые, зачесаны в прямую массу на голове высотой около фута, по моде островитян Тонга, что в сочетании с ее размерами придает ей замечательный вид.

"Она была хорошо одета в льняную циновку местного производства, густо украшенную ворсинками ваты, а одна из ее племянниц носила шелковые чулки и туфли из лакированной кожи. Эта девица была очень хорошенькой и умела выгодно подчеркнуть свои прелести: поверх европейского платья она сохранила туземные украшения и кокетливо куталась в красивую "кайтаку", демонстрируя свои большие ореховые глаза под шелковистыми складками".

Часто считалось, что воин рассматривает свою моко, или татуировку, как свое имя, навсегда запечатленное на лице; это мнение подкреплялось двумя фактами: во-первых, в ранние времена колонистов туземцы подписывали документы, прикладывая копию своей моко; во-вторых, каждый человек знает каждую линию своей татуировки, а иногда вырезает деревянный бюст, на котором с удивительной точностью копирует каждую линию, появляющуюся на его собственной голове или лице. Такое произведение искусства очень ценится маори, и человека, вырезавшего одну из них, вряд ли удастся уговорить расстаться с ней с помощью какой-либо взятки.

Более того, моко воина часто воспринимается как традиционное изображение самого себя. Например, на столбах одного очень известного дома, который мы сейчас опишем, изображены многочисленные человеческие фигуры, которые представляют некоторых великих вождей, в то время как люди менее значительные обозначены их моко, вырезанными на столбах. Таким образом, становится ясно, что моко вождя так же хорошо известно другим, как и ему самому, и что опытный глаз туземца различает среди различных кривых и спиралей, общих для всех свободных людей, характерные линии, которые обозначают индивидуальность человека, и в создании которых мастерство татуировщиков часто подвергается серьезным испытаниям.

Уже упоминалось, что когда воин падает в бою, и его тело может быть унесено врагом, голова сохраняется и закрепляется на жилище завоевателя. Такой конец не наносит никакого позора, и, более того, воин маори почувствовал бы себя ужасно оскорбленным, если бы ему сказали, что в случае его смерти на поле боя его тело останется нетронутым.

На самом деле, он относится к своему моко точно так же, как американский индеец к своему скальпу; и действительно, в характере маорийского воина есть много черт, в которых он странно напоминает лучшие образцы североамериканских дикарей.

Для того чтобы сохранить голову убитого воина, очевидно, необходимо провести определенный процесс бальзамирования, и тот, которому обычно следуют, достаточно прост.

Голову отрезают, удаляют волосы и глаза, места которых заполняют кусками полотенца, на которые зашивают веки. Затем в ноздри вставляют кусочки палки, чтобы они были правильно расширены, и голову подвешивают в дыму дровяного костра, пока она не пропитается пиролигиновой кислотой. В результате такой подготовки плоть сжимается, а черты лица сильно искажаются; хотя, поскольку воин маори перед битвой всегда максимально искажает свой облик, этот эффект скорее реалистичен, чем неправдоподобен.

Часто говорят, что подготовленные таким образом головы защищены от нападения насекомых. Это, конечно, не так, поскольку я видел несколько экземпляров, полностью изрешеченных птилинусами и другими подобными существами, и был вынужден уничтожать маленьких вредителей, вводя им раствор едкого сублимата. Несмотря на дряблость, которой подвержены плоть и кожа, татуировка сохраняет свою форму, и очень любопытно наблюдать, как тончайшие линии полностью сохраняют свое расположение относительно друг друга.

Подобным образом обрабатываются не только головы врагов, но и головы друзей. Разницу легко заметить, взглянув на рот, который у головы друга закрыт, а у врага - широко открыт.

Несколько лет назад в Европу было ввезено значительное количество этих законсервированных голов, купленных у туземцев. Однако в последние годы торговля ими строго запрещена, и на то есть очень веские основания. Во-первых, ни один человек с хорошей татуировкой не был в безопасности ни на час, если только он не был великим вождем, потому что за ним в любой момент могли следить, пока он не потеряет бдительность, а затем сбить с ног, убить, а голову продать торговцам. Затем, когда туземцы стали слишком осторожны, чтобы сделать охоту за головами выгодным промыслом, был найден новый способ.

Оказалось, что только что вытатуированная голова выглядит так же хорошо, как и татуированная в течение многих лет. Вожди не замедлили воспользоваться этим открытием и немедленно принялись за работу: убивали наименее ценных из своих рабов, татуировали их головы так, словно они принадлежали людям высокого ранга, высушивали, а затем продавали.

Один из моих друзей недавно рассказал мне любопытную иллюстрацию торговли головами. Его отец хотел купить одну из высушенных голов, но не одобрил ни одной из привезенных на продажу, сославшись на то, что татуировка была плохой и не являлась примером мастерства местных художников. Вождь признал силу аргумента и, указав на нескольких своих людей, поднявшихся на борт, обратился к предполагаемому покупателю: "Выбирайте, какая из этих голов вам больше нравится, а когда вы вернетесь, я позабочусь о том, чтобы она была высушена и готова к принятию". Как можно себе представить, эта речь положила конец всем покупкам голов и позволила неожиданно проникнуть в тайны торговли, которую ведут дикие народы.

ГЛАВА LXXX.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - продолжение. ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ.

ЦИНОВКИ НОВОЗЕЛАНДЦЕВ - МАТЕРИАЛ, ИЗ КОТОРОГО ИХ ДЕЛАЮТ - НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ЛЕН, ИЛИ ФОРЕМИУМ - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЦИНОВОК - РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ЦИНОВОК - ДОЖДЕВАЯ ЦИНОВКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ - АЖУРНАЯ ЦИНОВКА - РАЗЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЦИНОВОК: СТРУНЫ И БИРКИ, АЛЫЕ ВОРСИНКИ И КАЙМА - ВОЕННЫЕ ПЛАЩИ ВОЖДЕЙ - КОВРИК ИЗ СОБАЧЬЕЙ ШЕРСТИ - ВОЖДЬ ПАРАТЕН В СВОЕМ ПЛАЩЕ - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ПЛАЩЕЙ - КРАТКИЙ РАССКАЗ О ВОЖДЕ - ЗАБАВНЫЙ ПРИМЕР ТЩЕСЛАВИЯ ВОЖДЯ - ЗАМЕНА ОДЕЯЛА И СОПУТСТВУЮЩИЕ ЕЙ БЕДЫ - УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ НОВОЗЕЛАНДЦА - ПЕРЬЯ, И КОРОБОЧКИ ДЛЯ ПЕРЬЕВ - РАЗЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗЕЛЕННОГО НЕФРИТА - ТИКИ И КОЛЬЦА ДЛЯ УШЕЙ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ АМУЛЕТ - ЗУБ АКУЛЫ - СПОСОБЫ УКЛАДКИ ВОЛОС - СТРИЖКА И БРИТЬЕ - ПРИМИТИВНАЯ БРИТВА.

Теперь мы переходим к костюму новозеландцев. Он довольно примечателен и может быть охарактеризован общим названием "циновка", за исключением пояса, который только что был описан. Костюм новозеландца состоит из квадратной или продолговатой циновки, значительно отличающейся по размеру, но всегда сделанной по одному и тому же принципу. В эту циновку туземцы заворачиваются по очень любопытной моде, обычно закрывая себя до шеи, а часто набрасывая складки вокруг себя по примеру обычных сценических злодеев.

Эти циновки имеют различную фактуру и отличаются по качеству и стоимости так же, как и ткани более цивилизованных стран. Однако материал во всех случаях один и тот же, и даже способ ношения, а стоимость оценивается по тонкости материала, количеству затраченного на него труда и украшений.

Материал, из которого изготавливаются циновки, - это так называемый новозеландский лен, научно известный под названием *Phormium tenax*. Он относится к естественному семейству Лилейных и роду Спаржевых. Растение имеет несколько ярких желтых цветков, расположенных на высокой ветви-панике, и несколько прямостоячих листьев, начинающихся от корня, длиной пять или шесть футов и шириной не более двух дюймов в самой широкой части.

Волокна, идущие вдоль этих листьев, очень прочные и тонкие, а при правильном расчесывании приобретают красивый шелковистый вид. В свое время в Европу импортировали огромное количество новозеландского льна, и это растение культивировали в некоторых южных районах континента. Однако, как бы ни был он крепок, у него есть любопытный недостаток - он легко рвется, когда его завязывают в узел, и по этой причине в Европе он ценится не так высоко, как у себя на родине. У меня перед глазами большой моток веревки, сделанной туземцами из фореми. Она очень прочная в пропорции к своей толщине, и многое из нее использовалось для подвешивания различных диковинок в моей коллекции; но она не выдерживает завязывания в узел. Он достаточно полезен в сцепках, особенно в "гвоздичной"; но как только его завязывают в узел, он с трудом выдерживает малейшее натяжение.

Принцип, по которому изготавливаются циновки, очень прост. На палках в футах или около того от земли возводится ткацкая рама, на которую укладывается уток из нитей или пряжи, расположенных как можно ближе друг к другу и натянутых очень туго. Уток двойной, его пропускают под и над каждой нитью, причем верхнюю нить всегда пропускают между концами нижней нити, прежде чем она будет натянута. Таким образом, коврик представляет собой не что иное, как несколько параллельных нитей, проложенных рядом друг с другом и соединенных с интервалом в дюйм или около того другими, проходящими поперек них. Больше внимания уделяется краям, которые переворачиваются, и нити переплетаются таким образом, чтобы получилась толстая и прочная кайма.

Когда утки натянуты, их вбивают на место с помощью костяного инструмента, очень похожего по форме на нож для бумаги; и во всех отношениях ткачество новозеландцев очень сильно напоминает процесс изготовления гобеленов Гобелена. В обоих случаях имеется неподвижная основа, на которую вручную кропотливо наматывается уток, который держится прямо и равномерно благодаря ударам инструмента, проходящего между нитями основы. Хотя в настоящее время основа гобелена Гобелена натягивается перпендикулярно, в прежние времена она натягивалась продольно на низкой раме, в точности похожей по принципу действия на ту, что используется новозеландцами.

Читатель поймет, что процесс плетения одного из этих ковриков должен занимать много времени, и трудолюбивая женщина вряд ли сможет закончить даже обычный коврик за

восемнадцать месяцев, в то время как одно из более сложных одеяний займет вдвое больше времени.

Иллюстрация № 1 на следующей странице сделана с эскиза дома одного из великих вождей, и на ней изображены несколько женщин, занятых изготовлением циновок. Одна из них скребет листья ракушкой или камнем, а другая работает на примитивном ткацком станке. Циновка изображена почти готовой, а женщина с четырьмя концами двойного утка в руках перекладывает их друг через друга, прежде чем затянуть. На заднем плане видна куча одетых листьев форемии, а на полу разбросан пучок длинных мечевидных листьев. Со стропил свисают различные корзины и другая утварь, сделанная из того же материала, а впереди - один из диковинных резных столбов, поддерживающих крышу.

Уже упоминалось, что принцип изготовления всех циновок один, но при этом они очень разнообразны. Например, есть коврик для дождя, который используется в сырую погоду. В процессе изготовления производитель вставляет в каждый узел утка по развязанной травинке форемии, на которой остался эпидермис. Обернутые вокруг тела, листья нависают друг над другом, образуя своеобразный пентхаус, и позволяют дождю стекать по их гладкой и полированной поверхности, пока он не упадет на землю.

Когда идет дождь и можно увидеть несколько туземцев, сидящих на корточках на земле, каждый из которых одет в свой дождевой коврик, они имеют самый нелепый вид и выглядят как несколько человеческих существ, спрятавшихся в сеновале. На [странице 803](#) можно увидеть фигуру вождя, одетого в одно из таких платьев. Название циновки - Э мангайка.

Я видел еще одну разновидность циновки, которая сделана в виде ажурного узора, получаемого путем перекрещивания каждой пятой нити основы. Эта циновка самого лучшего качества, и, учитывая природу материала, из которого она сделана, она удивительно легкая, мягкая и податливая.

Другой вид - женский коврик, который имеет несколько разновидностей. Она больше по размеру, чем мужская, и способна охватить всю фигуру с головы до ног. Она из более легкого материала, чем дождевая циновка, и украшена с внешней стороны множеством веревок, длина которых варьируется от нескольких дюймов до трех футов или около того. Разновидность этой циновки отличается тем, что струны белые, а не черные. Образцы обеих этих циновок есть в моей коллекции, и общий эффект от них можно увидеть, обратившись к любой из иллюстраций, на которых изображены туземные женщины.

Струны или бирки, несомненно, являются наиболее характерной частью одежды, и едва ли найдется циновка любого описания, которая не была бы украшена ими. Одна из разновидностей циновки, которая называется E wakaīwa, покрыта длинными цилиндрическими украшениями, которые выглядят так, как будто они сделаны из перьев дикобраза: они твердые и окрашены попеременно в черный и желтый цвета. Однако украшения сделаны из листа форемии очень изобретательным способом. Эпидермис аккуратно соскабливают с нижней стороны листа ракушкой с острым концом, а затем лист переворачивают. С верхней стороны эпидермис удаляется через равные промежутки, чтобы обнажить волокна.

Далее соскобленный лист опускают в краситель, приготовленный из отвара коры кинана, и оставляют на определенное время. Когда лист вынимают, краска окрашивает открытые волокна в глубокий глянцевый черный цвет, но не трогает полированный желтый эпидермис, который остается. Окрашенные листья сворачивают в цилиндры размером с гусиное перо, а затем ровными рядами вплетают в материал циновки. При движении цилиндры шуршат и

стучат друг о друга, издавая звук, который кажется особенно приятным для ушей туземцев. Такая циновка или плащ очень ценятся. Несколько таких циновок есть в моей коллекции, и это очень любопытные образцы туземного искусства.

Одна из них стоила ткачу бесконечных хлопот. Он почти пять футов в ширину и три в глубину. Основа окрашена в черный цвет, а уток - в белый, и эффект от того, что уток проходит обратными линиями через основу, очень хорош. Каждая вторая линия утка украшена цилиндрическими кистями, каждая из которых имеет девять дюймов в длину и разделена на четыре части путем удаления эпидермиса. Эти кисточки начинаются с четвертой линии основы и регулярно продолжаются до нижнего края, откуда они свисают так, что образуют бахрому. Из-за их количества одежда может использоваться в качестве коврика от дождя в экстренных случаях, а грохот, который они издают при движении коврика, очень похож на тот, который издает павлин, когда шелестит своим хвостом.

(1.) ЖЕНЩИНЫ ДЕЛАЮТ ЦИНОВКИ.
(См. [стр. 808.](#))

(2.) ТАНГИ.

(См. [стр. 824.](#))

Вдоль верхнего края, проходящего над плечами, нитки были скручены в веревки толщиной с палец, а затем заплетены так, чтобы получилась толстая и мягкая кайма, которая не будет травмировать шею. Часть циновки, которая находится между краем и первым рядом кисточек, украшена клочками алой шерсти, вплетенными в уток. Эта шерсть - любимое, хотя и дорогое украшение туземцев, ее добывают из шерстяных шапок моряков, которые они распаривают, а пряжу используют для украшения платья.

Одна из таких мантий, привезенная из Новой Зеландии Стивердом Воресом, эсквайром, очень сильно украшена алой шерстью. Она полностью окаймлена драгоценным материалом, узкая линия алого проходит под верхним краем, более широкая - под нижним, а две стороны украшены полосой шириной почти в четыре дюйма. В этом случае шерсть была уложена в ряд петель, но в другом образце петли разрезаны так, что образуют бахрому.

В этой мантии метки, вместо того чтобы быть цилиндрическими и чередоваться с черными и желтыми, полностью черные, каждый свернутый лист полностью лишен эпидермиса, а волокна отходят друг от друга в виде кисточек. Я скорее думаю, что цель такого способа обработки - не дать глазу отвлечься на звенящие желтые метки и тем самым позволить алой кайме продемонстрировать свои красоты наилучшим образом.

Алая камвольная ткань, конечно, сравнительно позднее изобретение, и появилась она только после визита европейцев. В прежние времена туземцы не меньше любили украшать свои плащи и вынуждены были использовать для этого оперение птиц. В основном для этих

целей использовались перья, взятые с груди кака (вид нестора). Хотя цветные орнаменты обычно располагаются линиями, иногда их укладывают в пучки, которые располагаются через равные промежутки по всему платью. Примеры такого украшения можно увидеть на нескольких костюмах, которые представлены в этой работе.

Нити, из которых состоит основа, не скручиваются и не плетутся, а состоят только из волокон фореми, как они лежат в листе. Для этого листья подготавливают, соскабливая эпидермис с обеих сторон, а затем бьют их на плоском камне пестиком из твердого вулканического камня, используемого для изготовления адз и других инструментов.

Самым ценным из всех видов одежды являются военные плащи великих вождей. Они очень большие, иногда почти шесть футов в глубину, и достаточно широкие, чтобы обернуть ими все тело и конечности. Их родное название - паравай.

Прежде чем изготовить одну из этих больших военных циновок, ткачиха собирает большое количество собачьей шерсти, которую сортирует на лоскуты разных цветов. Затем она устанавливает свой простой ткацкий станок и закрепляет нити основы, как обычно. Но в каждый узел или сетку, которые она делает на основе, она вставляет пучок шерсти, стараясь, чтобы каждый пучок был достаточно длинным, чтобы перекрыть и скрыть вставку пучков в следующем ряду. Она также тщательно следит за правильным расположением оттенков, так что, когда искусная ткачиха делает полный коврик, он выглядит так, как будто состоит из шкуры какого-то крупного животного: растительные волокна, из которых состоит ткань, полностью скрыты ворсинками волос.

Одна из таких циновок - результат четырехлетнего непрерывного труда, и вызывает некоторое удивление, что народ, столь ленивый от природы, как маори, оказался способен на такую долгую и упорную работу. Но дело в том, что изготовительница циновки - женщина, а не мужчина, и, следовательно, она вынуждена работать, нравится ей это или нет.

Далее, плетение циновок едва ли можно отнести к труду. Женщина не привязана ко времени и даже не обязана изготовить определенное количество циновок за определенный период. Ее жизнь также не зависит от темпов работы, и вопрос о том, сколько времени ей требуется на изготовление одежды - восемнадцать месяцев или два года, - совершенно безразличен для всех сторон. Кроме того, она никогда не работает одна, ее всегда сопровождают друзья, один из которых, возможно, занят аналогичным делом, другой - обдирает листья фореми, третий - мнет и размягчает волокна или сушит те, что только что окрасились в черный цвет.

Но чем бы ни занимались их руки, языки ткачей никогда не остаются неподвижными. Вокруг ткацких станков непрерывно льется поток разговоров, и таким образом обязанность по изготовлению циновок превращается в приятную возможность насладиться беседой, пока руки заняты легким и необременительным трудом.

Женщина, на которую возложена тяжелая задача по изготовлению военной циновки, проявляет большую изобретательность. Нет двух одинаковых, ткачиха использует свое усмотрение в отношении цветов и их расположения. Некоторые из них сделаны по тому же принципу, что и бечуанский каросс, а именно: самые темные в центре и переходящие в светлые оттенки по краям. Другие - белые или бледные в центре и окаймлены широкой полосой черных или темно-коричневых волос. Иногда цвета располагаются зигзагообразно, а несколько ковриков полосатые, как тигровые шкуры. У них всегда есть что-то вроде воротника, состоящего из полосок меха, которые свисают примерно на шесть дюймов за плечи.

В Новой Зеландии есть одно или два платья, которые сделаны почти полностью из меха: шкуры выделяются с прилипшими к ним волосами, а затем сшиваются вместе. Очень примечательной циновкой владеет могущественный вождь по имени Паратене Майоха. Она сделана из полосок собачьего меха, сшитых поверх большой льняной циновки. Этой одеждой он очень гордится и бережет ее для торжественных случаев. Портрет этого знаменитого вождя приведен [на иллюстрации № 1](#) на 820-й странице, отчасти для того, чтобы показать облик вождя маори в мирное время, а отчасти для того, чтобы дать читателю представление о своеобразном виде военного плаща.

Передо мной также находится фотографический портрет Паратене, подтвержденный его автографом, на котором он изображен одетым совсем по-другому. На нем две циновки или плаща, нижний из которых сделан из тончайшего льна и называется у туземцев кайтака. Описание этого вида плаща будет приведено ниже. Поверх кайтаки он надевает очень примечательный военный плащ, который сделан из собачьего меха, пришитого к льняной циновке. Он доходит немного ниже колен, выполнен в виде перпендикулярных полос, чередующихся с темными и бледными, и снабжен толстым воротником или накидкой из того же материала. Эта накидка, кстати, имеет любопытное сходство с орнаментом, который носят абиссинские вожди.

К сожалению, для общего эффекта картины, Паратен расчесал, разделил и расчесал свои волосы на европейский манер; и так как он заглушен до подбородка, слишком очевидно, что под циновками на нем полный европейский костюм. Накидка немного сбилась на правую сторону, и мы имеем абсурдную аномалию: лицо, обильно татуированное, над которым возвышаются только что расчесанные волосы, боевой коврик из собачьей шкуры, из которого торчит голая правая рука, нефритовая серьга длиной шесть дюймов, черный кокарда и отложной воротник. В правой руке он сжимает свой заветный мерай; его служебный посох, или э'хани, прислонен к плечу; а рядом с ним лежит его длинный боевой топор, украшенный хохолком из перьев и собачьей шкуры. Этот же Паратен - человек, пользующийся большим авторитетом среди маори.

Как и положено высокопоставленным туземцам, связавшимся с европейцами, он известен под несколькими именами. Мистер Г. Ф. Ангас рассказывает о нем следующее:

"Паратене (Бротон), чье родное имя Те Майхоа, является двоюродным братом Те Виро-Веро и одним из ведущих людей ветви Нгатимахута племени Вайкато. Он обычно живет в деревне (или каинга) на северном берегу живописной маленькой гавани Ваингароа, на западном побережье Северного острова; правильность его общего поведения и серьезность его характера обеспечили ему заметное превосходство над многими равными ему по рангу.

"Эксцентричность - главная черта характера этого вождя; а скрупулезное внимание, которое он неизменно уделяет тем мелочам, которые составляют его представления об этикете, часто делает его поведение весьма любопытным. Неустанно занимаясь, он овладел арифметикой, и одним из его самых довольных собой подвигов является правильное решение такой важной задачи, как стоимость свиньи определенного веса по заданной цене за фунт, с обычным вычетом отбросов. Его эрудиция и величавая серьезность осанки вызывают почтительное уважение людей и побуждают их считать его настоящим оракулом.

"Один маленький инцидент представит безобидную слабость характера этого вождя в ярком свете. Когда автор собирался применить свой карандаш для обрисовки фигуры, Паратен попросил отсрочки на несколько минут. Улучив момент, он обратился к миссис Уэллс, жене миссионера (под чьим гостеприимным кровом был сделан его портрет), и, предварив свою просьбу торжественными намеками на ее первостепенную важность, попросил "матушку"

одолжить ему зазеркалье, чтобы он мог скомпоновать свои черты в соответствии с собственными представлениями о приличиях, прежде чем встать перед мольбертом художника".

Кстати, можно заметить, что "матушка" - это термин, который туземцы всегда используют, обращаясь к жене миссионера. Автограф Паратене, на который уже было сделано упоминание, написан карандашом и вполне разборчив, хотя знаки шаткие, крупные и размашистые, и выглядят так, будто их делали пальцы, более привыкшие к работе с дубинкой, чем с карандашом.

Последний вид циновки, который будет упомянут, - кайтака. Эта одежда изготавливается из особого сорта льна, выращиваемого специально для этой цели и дающего волокно, мягкое и тонкое, как шелк. Вся циновка гладкая, за исключением каймы, глубина которой в некоторых случаях достигает двух футов, и которая самым тщательным образом выткана в виде вандиковаго узора из черного, красного и белого цветов. В настоящее время хорошую кайтаку почти нигде не встретишь: мастерство, необходимое для ее изготовления, настолько велико, что лишь немногие ткачи могут ее изготовить, а европейские одеяла так легко достать, что туземцы не хотят заниматься ткачеством одежды, требующей столько времени и хлопот.

Как бы ни были красивы эти туземные вещи, носить их не очень приятно. Поскольку нити уложены только параллельно друг другу, а не перекрещиваются, как в тканях, сотканных на ткацком станке, они почти не защищают от ветра, хотя могут служить защитой от дождя. Циновки очень тяжелые, мой маленький экземпляр плаща ваикава весит пять фунтов с половиной, и настолько жесткие, что их невозможно удобно свернуть и упаковать, когда они не используются. Английское одеяло, напротив, имеет плотную структуру, противостоит ветру, очень легкое и может быть свернуто в небольшой компас, так что неудивительно, что туземцы предпочитают именно его.

К несчастью для них, эта одежда не так полезна для здоровья, как та, которую они делают сами, поскольку ее долго носят, не стирая, и она пропитывается жиром и краской, которыми туземцы любят украшать свои тела. Как следствие, это способствует развитию некоторых кожных заболеваний, которым подвержены маори, и было обнаружено, что те, кто носит одеяла, подвержены этим недугам гораздо больше, чем те, кто придерживается туземного одеяния.

В некоторых частях страны, где земля твердая и каменистая, туземцы плетут для себя сандалии или тапочки, которые очень напоминают те, что используют японцы. Они состоят из всегда полезных волокон фореми, которые скручиваются в шнуры, а затем плетутся в форме подошвы обуви.

Теперь перейдем от одежды к украшениям, которые носят новозеландцы.

В некоторых отношениях они напоминают те, что используются у других темных племен. Перья очень ценятся у них, и одним из самых распространенных украшений является пучок белых перьев, взятых у пеликана и закрепленных на ушах так, чтобы падать на плечо. Пример такого украшения можно увидеть на [портрете старого воина](#) на странице 794. Иногда кожа небольшой птицы грубо набивается, а затем подвешивается в качестве серьги, а иногда по одному крылу помещается с каждой стороны головы, кончики которых почти сходятся вверх.

Самым ценным из этих украшений являются хвостовые перья птицы, которую туземцы называют E Elia, или E Huia (*Neomorpha Gouldii*). Она родственна удодам и примечательна тем, что клюв самца прямой и крепкий, а самки - длинный, тонкий и серповидный. Окрас птицы - темный глянцевый зеленый, настолько глубокого оттенка, что в некоторых лучах он кажется черным. Однако хвостовые перья имеют снежно-белую окантовку, так что когда птица расправляет оперение для полета, хвост на небольшом расстоянии кажется черным с белой окантовкой.

Эта птица водится только на холмах близ Порт-Николсона, и, поскольку она очень настороженна, ее едва ли можно поймать, разве что с помощью местного жителя, который с удивительным совершенством имитирует ее крик. Говорят, что название E Elia - это всего лишь имитация длинного пронзительного свиста птицы. Птицы так ценятся маори, что, по всей вероятности, к настоящему времени этот вид вымер бы, если бы не введение европейских обычаев, которые в определенной степени вытеснили древние обычаи.

Перья хвоста - это части птицы, которые больше всего ценятся вождями, которые вставляют их в волосы по торжественным случаям. Они так дорожат этими перьями, что не жалеют средств на изготовление шкатулок, в которых они хранятся с особой тщательностью. Эти шкатулки изготавливаются самими вождями и покрываются самой искусной резьбой, некоторые из них являются лучшими образцами искусства, которые можно найти в Новой Зеландии. Они имеют различную форму, но очень хорошее представление об их обычной форме можно получить из [иллюстрации № 3](#) на странице 775. Обычные формы похожи на ту, что изображена на иллюстрации, но в некоторых случаях коробки имеют продолговатую форму. Сейчас передо мной лежит рисунок одной из таких шкатулок, покрытой столь же сложным узором, в котором линии в основном прямые, а не изогнутые, узор имеет вандычный характер, подобный тому, что изображен на плаще кайтака. На крышке имеется выступающая ручка, и почти такая же ручка на каждом конце.

Туземцы, однако, не ограничиваются ношением хвостовых перьев, но, когда им удастся заполучить столь ценную птицу, обязательно используют все ее части. Голова, по-видимому, считается менее важной, чем хвост, и подвешивается к уху с помощью ремешка.

Пожалуй, самые характерные украшения, которые носят новозеландцы, - это те, что сделаны из зеленого нефрита. Этот минерал, называемый аборигенами пунаму, в основном встречается вблизи озер на Среднем острове и ценится ими почти с суеверным благоговением. Если находят очень большой кусок, его забирает какой-нибудь вождь, который начинает работать над изготовлением из него булавы. Эта дубина, называемая мераи, будет описана, когда мы перейдем к рассмотрению войны, которую ведут маори.

На [иллюстрации № 1](#), на странице 841, представлены некоторые из наиболее характерных нефритовых украшений.

Рис. 1 представляет собой плоское изображение, имеющее грубое подобие человека и выполненное в различных размерах. То, что приведено здесь, гораздо меньше обычных размеров. Туземцы называют его Тики, и это одновременно один из самых распространенных и самых дорогих предметов среди новозеландцев. Новый нефрит можно купить за сумму, которая, хотя в Англии и считалась бы абсурдно высокой для такого предмета, в Новой Зеландии является действительно низкой ценой и едва ли окупит труд по его вырезанию.

Нефрит - чрезвычайно твердый минерал, по этому показателю он стоит рядом с рубином и, вследствие своей чрезвычайной твердости, приобретает особый глянцевый блеск, который

не встречается ни у одного другого вещества. Время, затрачиваемое на вырезание одного из таких украшений, неизбежно очень велико, поскольку туземец не обладает механическими средствами, которые делают манипуляции с камнем сравнительно легкой задачей для европейского гравера, и может создавать свои украшения только путем кропотливого натирания одного куска камня о другой.

То, что украшения из такого материала высоко ценятся, не вызывает удивления, и бывает, что богатый вождь даст необычайно высокую цену за красивое нефритовое украшение. В моей коллекции есть очень древний буддийский амулет, сделанный из чистейшего зеленого нефрита, с прекрасной резьбой, примечательной частью которой является вращающееся колесо со спиральными спицами, причем колесо вырезано из цельного нефрита. Амулет был найден в апартаментах королевы Уде и, очевидно, был привезен из Китая, где на нем была сделана гравировка, причем весь характер работы относится к очень древней эпохе китайского искусства. Ее показали вождю маори, который в то время гостил в Англии, и тот остался очень доволен ею, заявив, что если бы ее отправили в Новую Зеландию и выставили на продажу одному из великих вождей, то ее купили бы за 20 или 25 фунтов английских денег.

Только что было упомянуто, что, несмотря на труд, затраченный на украшение, новый тики можно купить за умеренную сумму. Однако это было бы не так, если бы тики был старым. Эти украшения передаются от отца к сыну, и со временем на них смотрят с величайшим почтением и относятся как к реликвиям, которые не купишь ни за какие деньги.

Одну из таких тики мистер Ангас видел лежащей на могиле ребенка, куда ее положили в качестве подношения родители. Он пролежал там долгое время, но, несмотря на ценность украшения, никто не решался к нему прикоснуться. Оно было очень маленьким, даже меньше, чем на рисунке [в иллюстрации](#), и, скорее всего, его носил ребенок, на могиле которого оно лежало.

Большинство тики - простые, но красоту некоторых из них увеличивают два пятна алого цемента, которым заполнены впадины глаз.

Тики носят на груди, подвешивая на шнурке вокруг шеи, и почти каждый высокопоставленный человек, будь то мужчина или женщина, обладает одним из них. В народе считается, что это идолы, и во многих музеях они обозначены как таковые; однако нет ни малейших оснований считать, что они выполняют какую-либо функцию, кроме украшения. Маори очень любят вырезать человеческие фигуры на всем, что можно вырезать. Их дома покрыты человеческими фигурами, их каноэ украшены гротескными человеческими лицами, и нет ни одного предмета или утвари, на котором не было бы условного изображения человеческой формы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда новозеландец находит кусок нефрита, слишком маленький, чтобы превратить его в оружие, и слишком плоский, чтобы вырезать из него цилиндрические серьги, которые так ценятся, он должен нарисовать на нем ту же фигуру, что и на тех, что окружают его со всех сторон.

Наиболее распространенные формы серег - те, что показаны [на рис. 4 и 5](#), причем последняя встречается чаще всего. Она имеет такую странную форму, что никто, кто не знает ее применения, вряд ли предположит, что она вообще предназначена для ношения в ухе. В Новой Зеландии в качестве знаков отличия носят две довольно примечательные серьги: одна из них - натуральный предмет, а другая - его имитация. Эта серьга называется "мако тамина" и представляет собой не что иное, как зуб тигровой акулы. Несмотря на свою простоту, она очень ценится как знак высокого ранга и стоит столько же, сколько простая красная пуговица у китайского мандарина или, если быть ближе к дому, привилегия носить кусочек голубой ленты у нас.

Еще больше, чем сам зуб, ценится его имитация из перламутрового нефрита. Туземный резчик прекрасно имитирует свою модель, с необыкновенной точностью передавая изгибы акульского зуба. Подобное украшение встречается крайне редко, его можно увидеть только в ушах самых великих вождей. В качестве серьги может выступать что угодно, и нередко туземцы любого пола носят в ушах латунную пуговицу, ключ, крючок для пуговицы или даже трубку.

Разнообразие в укладке волос, особенно у женщин, очень невелико. Мужчины обычно держат их довольно короткими, регулярно подстригая, в то время как некоторые из старейшин придерживаются древнего обычая носить их длинными, закручивая в пучок на макушке и закрепляя гребнями.

Они сформированы по моде, общей для всей Полинезии и доходящей даже до Западной Африки. Зубцы не вырезаются из одного куска дерева, а каждый делается отдельно и скрепляется с соседним крепкой поперечной сшивкой. Зубы, хотя и небольшие, но крепкие и упругие, и вполне способны выдержать довольно грубое обращение, которому они подвергаются.

Дети обоих полов всегда носят короткие волосы, как мужчины; но когда девочки подрастают, они позволяют волосам расти, и они позволяют им струиться по плечам по обе стороны лица. Они не разделяют их, а спускают на лоб и стригут по прямой линии чуть выше бровей. Когда они выходят замуж, то позволяют волосам расти до конца и разделяют их посередине. Они не заплетают косички и не укладывают волосы, а просто позволяют им свободно свисать естественными локонами.

Стрижка волос у новозеландцев - долгая и утомительная операция, и проводится она по моде, которая преобладает во многих частях света. Не зная, как пользоваться ножницами, и не имея возможности изготовить какой-либо режущий инструмент с достаточно острым для бритья краем, они используют для этой операции пару раковин, подкладывая край одной из них под волосы, которые нужно срезать, и соскабливая их краем другой.

Несмотря на то, что этот способ очень медленный, он гораздо эффективнее, чем можно себе представить, и позволяет не только стричь волосы на голове, но и брить жесткие бороды мужчин. При выполнении последней операции цирюльник прикладывает край нижней раковины к коже и сильно нажимает на нее, чтобы верхняя раковина могла соскрести волосы, прилегающие к коже. Бритье бороды - процесс более длительный, чем стрижка волос, поскольку за один раз невозможно срезать более одного-двух волосков, и каждый из них требует некоторого времени, чтобы быть стертым между краями раковин.

ГЛАВА LXXXI. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение. ЖИЗНЬ ДОМАШНИХ ЛЮДЕЙ.

ЦЕРЕМОНИИ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ РОЖДЕНИЕ - РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И ПРИЧИНЫ ДЕТОУБИЙСТВА - ЛЮБОПЫТНЫЙ ПРИМЕР СУЕВЕРИЯ - ИМЕНА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ - ЦЕРЕМОНИЯ ОКРОПЛЕНИЯ - РЕЧИТАТИВЫ - СМЕНА ИМЕНИ - БРАК - УХАЖИВАНИЕ И ПОИСК ЖЕНЫ - РАЗВЛЕЧЕНИЯ НОВОЗЕЛАНДЦЕВ - КАЧЕЛИ, ИЛИ ГИГАНТСКИЙ ШАГ - ШАШКИ И ДРУГИЕ СИДЯЧИЕ ИГРЫ - ДЕТСКИЙ СПОРТ - ТОП-СПИННИНГ, ПОЛЕТЫ НА ВОЗДУШНЫХ

ЗМЕЯХ - И КОШАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬ - ПЛАВАНИЕ И НЫРЯНИЕ - ДИКОВИННЫЕ ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ: СОБАКИ, СВИНЬИ И ПОПУГАИ - ИГРА В МЯЧ - МУЗЫКА И ПЕНИЕ - ХАРАКТЕР ПЕСЕН - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - ФИФА, ВОЕННАЯ ТРУБА И ВОЕННЫЙ КОЛОКОЛ - ЛЮБОПЫТНЫЙ СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - "ТАНГИ", И ЕГО СМЕХОТВОРНЫЙ ВИД - ЕГО УТОМИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНОСТРАНЦА - НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ НРАВ МАОРИ - СИЛА ПАМЯТИ И ЛЮБОПЫТСТВО.

Теперь мы рассмотрим домашнюю жизнь новозеландца и начнем с самого начала, *то есть* с его рождения.

Как это обычно бывает у тех народов, которые не ведут искусственную жизнь цивилизации, здесь очень мало хлопот и церемоний, связанных с появлением нового члена общества. Мать не беспокоится о медицинских работниках или няньках, а просто уходит в какое-нибудь уединенное место у ручья и редко берет с собой даже спутницу своего пола. Когда ребенок рождается, мать купает его, а затем и себя в ручье, привязывает младенца на спину и через некоторое время возвращается к делам, которыми занималась. Пока ребенку не дано имя, мать священна, или "тапу", и к ней никто не должен прикасаться.

Новозеландские женщины слишком часто совершают детоубийство, как и следовало ожидать в стране, где человеческая жизнь ценится так дешево. К такому результату приводят различные причины. Если, например, ребенок деформирован или кажется больным, его приносят в жертву в качестве акта милосердия по отношению к себе: маори считают, что для едва пришедшего в сознание ребенка лучше быть уничтоженным сразу, чем медленно умирать от болезни или прожить презренную жизнь калекой.

Месть, главная черта ума маори, стала причиной смерти многих младенцев: мать ревновала мужа или была разлучена с ним дольше, чем считала нужным. Даже внезапная ссора иногда заставляет женщину, обезумевшую от гнева, уничтожить своего ребенка в надежде отомстить мужу. Женщины-рабыни часто систематически уничтожают своих детей, желая спасти их от рабской жизни, для которой они были рождены. Во многих случаях жизнь ребенка приносится в жертву из-за суеверного страха.

Очень любопытный пример такого случая приводит доктор Диффенбах. Недавно вышедшая замуж жена молодого вождя сидела возле па, или деревни, на ограде которой старая жрица повесила свое покрывало. Как это обычно бывает с новозеландскими вещами, одеяло было заражено паразитами. Молодая женщина увидела одно из этих отвратительных насекомых, ползающих по одеялу, поймала его и, согласно обычаям страны, съела. Старуха, которой принадлежала одежда, пришла в ярость, обрушила на девушку шквал проклятий за то, что она посягнула на священную одежду жрицы, и в завершение пророчествовала, что провинившаяся убьет и съест ребенка, которого она ждет.

Дух мести был силен в старой ведьме, которая повторяла свои проклятия при каждой встрече с молодой женщиной и сумела напугать ее до такой степени, что та едва не сошла с ума. Сразу после рождения ребенка старуха вычислила свою жертву и снова стала угрожать, пока разум молодой матери не помутился настолько, что она поспешно вырыла яму, бросила в нее ребенка и закопала его заживо. Однако ее охватило раскаяние за совершенное преступление, и вскоре и она, и ее муж освободились от суеверного рабства и приняли христианство.

Однако редко случается, что мать убивает своего ребенка, прожив с ним один день; и, как правило, если младенец пережил свое рождение всего на несколько часов, его жизнь можно считать защищенной от насилия. Оба родителя, похоже, одинаково любят младенцев: отец

кормит их с такой же нежностью, как и мать, убаюкивает спящего простыми песнями и заворачивает его маленькое обнаженное тело в складки своей циновки.

Вскоре после рождения ребенок получает имя, либо от родителей, либо от других родственников, причем имя всегда имеет какое-то определенное значение, а чаще всего указывает на какое-то предполагаемое качество или на случайное обстоятельство, которое могло произойти во время рождения. В изобретении этих имен проявляется большая изобретательность, и очень редко можно встретить, чтобы сын был назван в честь своего отца или другого родственника. Все имена гармоничны по звучанию и заканчиваются гласной; и даже в европейских именах, которые даются миссионерами при крещении, конечный слог всегда меняется на гласный, чтобы соответствовать туземным представлениям об эвфонии.

Когда ребенку исполняется два-три месяца, проводится церемония, которая поражает своим сходством с христианским крещением. Происхождение церемонии неизвестно, и даже значение слов, которые при этом используются, очень туманно. На церемонии, которая проходит с большой таинственностью и совершается священником, присутствует очень мало людей.

Три основные части обряда: ребенка кладут на коврик, священник окропляет его водой и произносит определенные слова. Насколько удалось выяснить, церемония проводится следующим образом: Женщины и девушки приносят ребенка и кладут его на циновку, а жрец стоит рядом с зеленой веткой, опущенной в калабаш с водой. Затем произносится некое заклинание, после чего жрец окропляет ребенка водой. Заклинание отличается в зависимости от пола ребенка, но смысл его очень туманен. Даже местные жители не могут объяснить значение большей части заклинания, так что, скорее всего, оно состоит из устаревших слов, звуки которых сохранились, а смысл был утерян.

Насколько можно судить, заклинание состоит из своего рода диалога между жрецом и женщинами, которые кладут ребенка на циновку. Следующие строки Диффенбах приводит как перевод начала заклинания, произносимого над детьми женского пола. Однако он не гарантирует полной точности перевода и отмечает, что истинный смысл некоторых слов весьма сомнителен. Перевод выглядит следующим образом:

Девочки. "Мы желаем, чтобы это дитя было погружено в воду" - Священник. "Пусть его окропят".

Девушки. "Мы желаем, чтобы ребенок дожил до женского возраста" - Священник. "Танец для Атуа".

Девушки. "Me ta nganahau". (Эти слова неразборчивы.) - Жрец. "Ее окропляют в водах Атуа".

Девушки. "Расстиляется циновка". Священник. "Танцуйте в кругу".

"Нить танца".

Читателю следует объяснить, что слово "Атуа" означает бога, а слово, которое переводится как "женственность", означает татуировку на губах, которую делают, когда девушек принимают в ряды женщин. Приведенные выше фразы составляют лишь начало заклинания, остальная часть которого совершенно непонятна.

Когда ребенок становится достаточно взрослым, чтобы отправиться в путешествие к священнику, происходит еще одна церемония, в ходе которой имя, данное родителями

младенцу, меняется на другое. Согласно интересному рассказу мистера Тейлора, когда ребенок прибывает в дом жреца, тот сажает саженец в знак энергичной жизни и прижимает к уху ребенка деревянного идола, перечисляя длинную череду имен, принадлежавших его предкам. Как только ребенок чихает, жрец останавливается, и имя, которое он произнес последним, переходит к ребенку. Остается предположить, что для вызывания чихания необходимо использовать какие-то искусственные средства, поскольку в противном случае задача священника была бы довольно утомительной.

После того как был дан необходимый знак, и ребенок выразил свое согласие с именем, священник произносит метрическое обращение, различающееся в зависимости от пола. Мальчикам велят расчищать землю и быть сильными для работы; быть смелыми и мужественными в бою и вести себя как мужчины. Девочкам предписывается "искать себе пищу, задыхаясь", ткать одежду и выполнять другие обязанности, присущие их полу.

Даже это второе имя не сохраняется на всю жизнь, а может быть изменено в последующей жизни в связи с каким-либо подвигом на войне или важным обстоятельством. Такие имена, как и титулы пэров у нас, заменяют первоначальное имя таким образом, что один и тот же человек может быть известен под несколькими совершенно разными именами в разные периоды своей жизни.

Похоже, что не существует определенной церемонии, с помощью которой молодой новозеландский парень принимается в ряды мужчин. Татуировка, конечно, является знаком признания его мужественности, но это долгий процесс, растянувшийся на несколько лет, и его нельзя рассматривать как обряд инициации, подобный тем, что совершают австралийцы.

Когда молодой человек находит в себе силы содержать жену, он задумывается о женитьбе, причем делает это очень обдуманно. Обычно ухаживание длится долго, и, как правило, когда молодой человек привязывается к девушке, он обязательно женится на ней, как бы ни возражали против этого ее друзья. Он считает, что его честь зависит от успеха, и лишь в редких случаях терпит неудачу.

Иногда девушку ищут двое мужчин с довольно равными притязаниями, и в этом случае отец велит им решить вопрос с помощью поединка. Это очень простой процесс: каждый претендент берет одну из рук девушки и пытается утащить ее в свой дом. Это очень увлекательное занятие как для соперников, так и для друзей и зрителей, да и вообще для всех, кроме самой девушки, которая всегда сильно травмируется в результате поединка: ее руки иногда вывихиваются и всегда так сильно напряжены, что на некоторое время становятся бесполезными.

В прежние времена борьба за жену принимала более грозный характер, и некоторые современные путешественники рассказывают о случаях, когда результат был трагическим. Если молодой человек попросил девушку и получил отказ, его единственный план - взять ее силой. Для этого он собирает своих друзей-мужчин и решает увести девушку силой, если не удастся получить ее мирным путем. Ее друзья тем временем хорошо знают, чего ожидать, и в свою очередь собираются, чтобы защитить ее. Завязывается ожесточенная драка, в ход идут дубинки и еще более опасное оружие, и не раз предполагаемая невеста была убита одним из проигравших. Иногда, хотя и не очень часто, девушку обручают, когда она еще совсем ребенок. В этом случае она так же строго соблюдается, как если бы она была замужней женщиной, и крайняя распущенность нравов, о которой уже говорилось, не может быть

вменена в вину таким обрученным девицам. Если одна из них заблуждается, она подвергается таким же наказаниям, как если бы она была замужем.

Новозеландцы редко имеют более одной жены. Известны примеры, когда вождь имел двух и даже более жен; но, как правило, у мужчины только одна жена. Среди маори жена имеет гораздо большее признанное влияние, чем обычно бывает у нецивилизованных людей, и жена всегда ожидает, что с ней будет советоваться муж в каждом важном деле. Брак обычно заключается в возрасте семнадцати или восемнадцати лет, иногда в более раннем возрасте для женщины и более позднем для мужчины.

Что касается развлечений новозеландцев, то они довольно разнообразны и намного превосходят простое чередование пения и танцев, к которым сводятся развлечения многих нецивилизованных рас. Песни и танцы составляют часть развлечений этого народа, но только часть, а дополняют их многие другие.

Одно из самых любопытных развлечений мистер Ангас видел во внутренних районах страны, но никогда не видел на побережье. Высокий и крепкий шест, обычно ствол сосны, прочно вбит в землю на вершине крутого берега, а к верхней части шеста подвешено несколько веревок из волокна форемии. Игра заключается в том, чтобы ухватиться за одну из веревок, пробежать вниз по берегу и как можно дальше раскачаться в воздухе. Иногда они даже бегают вокруг шеста, как будто упражняются в гигантском шаге; но поскольку они не научились делать вращающуюся верхушку для шеста или вертлюги для веревок, они не могут поддерживать это развлечение в течение длительного времени.

У них есть игра, очень похожая на наши шашки, в которую играют на клетчатой доске с камешками или подобными предметами в качестве человечков. Действительно, игра настолько похожа на шашки, что, возможно, является лишь разновидностью этой игры, которую какой-то новозеландец узнал от европейца и импортировал в свою страну.

Есть также игра, очень похожая на почти универсальную "морро", которая заключается в открывании и закрывании кисти и сгибании локтя, выполнении обоих действий очень резко и сопровождении их своеобразным речитативом, который должен быть произнесен на одном дыхании.

У детей много игр, которые очень похожи на те, что используются между нами. Например, они крутят вертушки и запускают воздушных змеев, причем последняя игрушка хитроумно сделана из плоских листьев разновидности осоки. Она имеет треугольную форму, а шнур сделан из универсального льняного волокна. Полет воздушных змеев всегда сопровождается песней, а когда змеев видят летящими возле деревни, это знак того, что в ней царит мир и к ней можно смело приближаться.

Пожалуй, главным развлечением детей является игра под названием "мауи", которая на самом деле представляет собой нечто вроде "кошачьей колыбели". Дети маори, однако, прекрасно владеют этой игрой и с презрением смотрят на те немногие и простые формы, которые получаются у английских детей. Вместо того чтобы ограничиться "колыбелью", "фунтом свечей", "сетью" и "кошельком", новозеландцы создают фигурки домов, каноэ, мужчин и женщин, а также различные другие узоры. Они говорят, что эта игра досталась им в наследство от Мауи, адама Новой Зеландии, и, похоже, она тесно связана с их ранними традициями.

Старшие дети развлекаются метанием копья, делая свое муляжное оружие из стеблей папоротника, связанных на конце. Они бросают их с большой ловкостью и подражают друг другу в прицеливании в маленькую мишень.

(1.) ПАРАТЕНЕ МАЙОХА В СВОЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ВОЕННОМ ПЛАЩЕ.
(См. [стр. 812.](#))

(2.) ДОЧЬ ВОЖДЯ.
(См. [стр. 821.](#))

(3.) ХОНГИ-ХОНГИ, ВОЖДЬ ВАИПА.

(См. [стр. 850.](#))

Плавание - одно из любимых развлечений новозеландцев, которые умеют плавать почти сразу после того, как научились ходить, и у них никогда не возникает мысли о том, что вода - это недружелюбная стихия. Представители обоих полов плавают одинаково хорошо и в одинаковой манере, *то есть* так, как мы называем "плавать по-собачьи", гребя воду поочередно каждой рукой. Постоянно находясь в воде, они могут долгое время поддерживать напряжение, а во время купания занимаются спортом, как будто они земноводные существа. Они не только плавают, но и ныряют, а женщины проводят много времени, ныряя за раками.

В тех частях страны, где есть горячие источники, местные жители любят купаться в нагретой воде. Мистер Ангас делает следующие наблюдения по поводу этого обычая: "На берегу озера, недалеко от Те Рапа, есть очаровательная природная горячая ванна, в которой туземцы, особенно молодежь, купаются ежедневно. Закат - любимое время для купания, и я часто видел вечером не менее двадцати человек, сидящих вместе на корточках в воде, причем над поверхностью возвышались только их головы.

"Кипящие источники вырываются из-под земли рядом с большим круглым бассейном в вулканической породе, который с помощью небольшого искусства был превращен во вместительную ванну. Кипящий поток поступает в этот резервуар постепенно, а температура воды поддерживается или понижается путем перекрытия кипящего потока камнями, через которые он медленно струится, в то время как основная масса течет в озеро.

"Лечебные свойства этих горячих минеральных источников сохраняют туземцев в здоровом состоянии и делают их кожу удивительно гладкой и чистой. Действительно, в окрестностях Таупо можно увидеть одних из самых красивых людей на острове, а красота и симметрия конечностей многих молодых людей послужили бы прекрасными образцами для скульптора".

Пожалуй, самое странное развлечение, с помощью которого новозеландцы когда-либо воссоздавали себя, произошло всего шестьдесят лет назад и вряд ли будет воспроизведено. Примерно в это время капитан Кинг увез двух новозеландцев на остров Норфолк, чтобы научить поселенцев искусству выделки льна. Когда он вернулся, чтобы вернуть их домой, то посадил много кукурузы, которая тогда была новинкой в стране, и подарил туземцам трех свиней. Большинство из них никогда не видели животных крупнее кошки, а те, кто смутно помнил, что видел лошадей на борту судна капитана Кука, естественно, приняли их за этих животных. Приняв их за лошадей, они поступили с ними как с лошадьми и быстро задрали двух из них до смерти. Третьего ждала не лучшая участь: он забрел в могильник и был убит возмущенными туземцами.

В наши дни маори слишком хорошо понимают свиней, чтобы ездить на них. В Новой Зеландии свиньи уже давно стали привычным делом. Каждая деревня в изобилии населена свиньями, и, как видно на [иллюстрации](#) одной из деревень, которая будет приведена на одной из следующих страниц, одним из самых распространенных объектов является свиноматка с приплодом поросят.

Маленьких свинок можно увидеть резвящимися возле домов, и туземцы, особенно женщины, глядят свиней точно так же, как европейские женщины глядят собак и кошек. Они

носят их на руках, ласкают и гладят; и нет ничего более обычного, чем увидеть, как молодая девушка разворачивает свою мантию и обнаруживает под ее складками поросенка. Такая девушка, например, как та, что изображена на иллюстрации № 2 на предыдущей странице, с большой долей вероятности могла бы держать свинью на руках под прикрытием мантии.

Фигура, о которой идет речь, - это портрет дочери вождя. Ее зовут Тиенга, и она дочь очень могущественного и знаменитого вождя. Ее костюм, как и ее характер, представляет собой странную смесь цивилизации и природы. Ее мантия - туземная льняная циновка, под которой, вероятно, скрывается муслиновое или даже шелковое одеяние - предмет одежды, которым девушка, о которой идет речь, когда был сделан ее портрет, очень гордилась. На голове у нее обычная соломенная шляпа, купленная у торговца на пятьсот процентов или около того выше ее стоимости, а вокруг нее она закрутила пучок клематиса, который с большой пышностью растет в лесах.

Любопытно наблюдать за различными особенностями человеческого ума. Восточный человек с невыразимым отвращением отвернется от самого прикосновения к свинье, и едва ли менее привередлив в отношении собаки. Однако жители этой удивительной группы островов, простирающейся от Азии до Америки, питают удивительную привязанность к обоим этим животным, и особенно к свиньям, демонстрируя, как мы увидим на одной из следующих страниц, свою привязанность таким образом, который кажется нашему уму крайне нелепым.

Свиньи сейчас быстро акклиматизируются в этой стране, как и американские лошади мустанги. Когда племя вымирает, как это часто случается во время кровопролитных и свирепых войн, в которых участвуют люди, свиньи спасаются, как могут; а те, что ускользают от врага, вынуждены сами перебираться на новое место и вскоре вновь приобретают все повадки диких свиней, от которых они изначально произошли. Тех, кто сейчас населяет страну, легко отличить от их непосредственных предков: у них короткие головы и ноги и круглое компактное тело.

Туземное название свиньи - "поака", слово, которое некоторые считают производным от английского слова "pork". Доктор Диффенбах, однако, отличается от этой теории и считает, что это слово, хотя и европейского происхождения, происходит из источника, общего как для Англии, так и для Новой Зеландии. Он считает, что новозеландцы были знакомы со свиньей еще до того, как ее завезла Англия, и что они получили свои знания от испанских мореплавателей. В пользу этого мнения говорит тот факт, что название собаки, "перро", тоже испанское.

Свиньи и собаки - не единственные домашние животные: туземцы имеют привычку ловить попугая кака, о котором уже упоминалось, и держать его прирученным в своих домах. Они делают для птицы очень эффектный и живописный насест, накрывая его покатой крышей для защиты от солнца и закрепляя на насесте веревкой вокруг ноги. Мистер Ангас упоминает, что привозил этих птиц в Англию, но климат им не подошел, и все они погибли.

Многие новозеландцы, особенно женщины, ловко играют в мяч, подбрасывая четыре мяча различными способами, чтобы они всегда оставались в воздухе. Некоторые из них настолько искусны, что превосходят наших лучших жонглеров, играя с пятью мячами одновременно, перебрасывая их через голову, вокруг шеи и другими хитроумными способами, увеличивающими сложность представления.

Большинство их видов спорта сопровождается песнями, которые, кажется, подходят для всех этапов жизни новозеландцев. Например, при гребле на каноэ лучший песнопевец

занимает позицию в голове судна и начинает песню, припев которой подхватывает команда, гребущая в точном соответствии с мелодией.

Относительно общего характера этих песен Диффенбах пишет следующее: "Некоторые песни лиричны и поются на низкую, пронзительную, однообразную, но совсем не неприятную мелодию..... E' Waiata - песня радостного характера; E' Naка - сопровождаемая мимическими жестами; E' Karakia - молитва или заклинание, используемое в определенных случаях. При произнесении этой молитвы обычно нет модуляции голоса, но слоги удлинняются и укорачиваются, и это производит такой же эффект, как чтение Талмуда в синагогах. Большинство этих песен живут в памяти всех, но с многочисленными вариациями. Некоторые каракиа, или заклинания, однако, менее известны, и чужак может получить их с трудом, поскольку они передаются только среди тохунга, или жрецов, от отца к сыну.

"Подбирать слова к определенной мелодии и таким образом отмечать прошедшее событие - обычное дело в Новой Зеландии, и именно с него началась вся национальная поэзия. Многие из этих сиюминутных произведений существуют долго и передаются через несколько поколений, но их аллюзии становятся непонятными, а иностранные имена, претерпев значительные изменения, не могут быть узнаны".

Все эти песни сопровождаются жестикуляцией, более или менее бурной, а в той, что известна как E' Нака, телесное напряжение чрезвычайно велико. Певцы садятся в круг, сбрасывают верхние циновки и поют в унисон, сопровождая песню самыми дикими жестами, прищуривая и зажмуривая глаза так, что не видно ничего, кроме белков.

О музыкальных инструментах они имеют лишь очень смутные и слабые представления. Даже барабан, который, возможно, является инструментом, имеющим самый широкий диапазон в мире, неизвестен коренным новозеландцам. Барабаны звучат на всех островах Тихого океана, но новозеландец никогда не предастся барабанному бою. Единственный по-настоящему музыкальный инструмент, которым он владеет, - это что-то вроде флейты, сделанной из человеческой кости. Обычно флейту делают из бедренной кости убитого врага, и в этом случае маорийский воин очень дорожит этим инструментом и носит его подвешенным к тики, который он носит на груди.

Есть, конечно, два шумовых инструмента, которые не имеют права носить звание музыкальных. Это военный колокол и военная труба.

Первый из них называется военным колоколом за неимением лучшего слова. Он состоит из блока твердого дерева около шести футов длиной и двух толщиной, с глубоким пазом в центре. Этот "колокол" подвешен горизонтально на шнурах, и в него ударяет человек, сидящий на корточках на подмостках под ним. Палкой из тяжелого дерева он медленно и равномерно наносит удары по желобу, в результате чего получается самый меланхоличный звук, замирающий в ночной тишине. Военный колокол никогда не звучит днем, его цель - сообщить жителям паха, или деревни, что часовой не спит, и предупредить приближающегося врага, что ему бесполезно пытаться напасть врасплох. Его родное название - паху.

Военная труба называется путара-путара. Это очень громоздкий инструмент, длиной не менее семи футов. Она выдолблена из куска твердого дерева подходящей формы, а расширяющееся устье придается ей с помощью нескольких кусков дерева, скрепленных льняным волокном и прикрепленных друг к другу, как шесты бочки. К горлышку он покрыт гротескной резьбой, которую так любят новозеландцы. Она используется только в случае тревоги, когда ее кладут за ограду паха и в нее звонит крепко сложенный туземец. Нота,

которую издает труба, - это громкий ревуший звук, который, как утверждают туземцы, в спокойную ночь можно услышать на расстоянии нескольких миль. На самом деле звук, похоже, очень похож на тот, что издает знаменитый Дутьевой камень в Уилтшире.

В некоторых местах во время войны используется труба меньшего размера. Корпус этой трубы всегда сделан из большой раковины, как правило, тритона, а способ ее надувания отличается в зависимости от местности. Самый простой вид ракушечной трубы - та, что используется на всех островах Тихого океана. Для его изготовления берут большую пустую раковину и сверлят круглое отверстие с одной стороны около острия. В раковину дуют, как в флейту, поднося ее горизонтально к губам и направляя воздух через отверстие. По сути, она очень похожа на африканские трубы из рога и слоновой кости, которые показаны на предыдущей странице.

Однако в Британском музее хранится гораздо более сложная форма трубы, в которую дуют с помощью мундштука. В этом случае острие раковины было удалено, а вместо него установлен деревянный мундштук, так что труба дует в конце, как и трубы в нашей стране.

Танцы новозеландцев почти полностью связаны с войной и поэтому будут упомянуты, когда мы перейдем к рассмотрению этой темы.

Способ приветствия при расставании и встрече очень любопытен, а для европейца и вовсе смехотворен. Когда встречаются два человека, не видевшие друг друга некоторое время, считается необходимым по этикету пройти через церемонию, называемую *танги*. Кстати, буква "г" произносится твердо, как в слове "начать". Они заворачиваются в свои циновки, закрывая даже лица, кроме одного глаза, садятся на корточки на земле друг напротив друга и начинают обильно плакать. Кажется, что слезы у них по команде, и они не перестают повторять всю церемонию так часто, как того требует этикет. Закончив плакать, они подходят друг к другу, некоторое время прижимаются носами друг к другу, произнося при этом серию коротких ворчаний! Теперь этикет соблюден, и обе стороны становятся очень веселыми и оживленными, болтают и смеются, как будто слез никогда не было.

Мистер Ангас рассказывает смешную историю о танги, свидетелем которой он однажды стал. Женщина плыла на очень маленьком каноэ и столкнулась с группой исследователей, которые плыли на двух больших каноэ. Увидев друзей на борту большого каноэ, она запустила свое маленькое судно между ними и начала энергичное танги.

Время поджимало, и она не могла остановиться, чтобы закутаться в ортодоксальный стиль, но разразилась потоком слез в самой одобрителной манере, и гребла и завывала с одинаковой энергией. Все еще плача, она положила на борт корзину картофеля в качестве подарка, а в ответ получила кисет с табаком. К этому моменту танги был завершен, старуха разразилась громким смехом, оживленно поболтала с друзьями, развернула свое маленькое каноэ и бодро уплыла из виду.

В одном случае эта сила привычки была продемонстрирована довольно смехотворно. Писатель расскажет свою собственную историю.

"В Хопетоне мы встретились с сестрой Караке, или Кларка, вождя племени ваикато, чей портрет я написал еще в Окленде. Я показал этот портрет старухе, которая некоторое время не видела своего брата, и, к моему удивлению и удовольствию, она сразу же начала очень ласковое танги перед рисунком; размахивая руками в обычной манере и произнося один за другим низкие скулящие звуки, выражающие ее радость.

После того как она, как мне показалось, удовлетворилась изображением своего брата, я уже собирался убрать рисунок в портфель, как вдруг она попросила Форсайта разрешить ей потанцевать над ним на полном серьезе, сказав: "Это ее брат, ее брат; и она должна танцевать, пока не придут слезы". И, конечно же, слезы пришли, и старуха зарыдала, застонала и замахала руками перед картиной с таким явным чувством, как если бы перед ней внезапно предстал сам брат. Я не мог уговорить старуху отступить, и в конце концов был вынужден оставить портрет на попечение Форсайта, а сам занялся набросками в другом месте. В будущем я буду более осторожен, показывая свои эскизы старушкам, поскольку они могут привести к столь печальным результатам".

Мистер А. Кристи, которому я обязан многими сведениями об этой стране, рассказал мне анекдот о танги, исполненном в Англии группой маори, посетивших эту страну. Они собирались проститься с одним из своих друзей и с этой целью посетили его дом, желая получить разрешение исполнить танги.

Зная их обычаи, хозяин отвел их в пустую комнату, предварительно предупредив, чтобы его семья не удивлялась церемонии. Затем вся компания уселась на пол и подняла жуткий вой, причитая, размахивая руками, проливая потоки слез и, в общем, веселясь на свой собственный странный лад. По окончании танги все оживились и заговорили, и в конце концов разошлись по своим делам, не проявляя демонстративной английской манеры.

Для незнакомого человека представление танги очень забавно в первые несколько раз, когда он становится его свидетелем; но вскоре он устает от него и в конце концов смотрит на него как на безотказную помеху, тратящую время и подвергающую его ряду тоскливых завываний, от которых он не имеет возможности спастись. Мистер Ангас описывает танги, которому он подвергся.

"На закате мы достигли небольшого укрепленного порта, расположенного на вершине холма, с которого открывался вид на озеро. В нем проживало всего несколько туземцев, для которых вид пакеха (белого человека) был поистине удивителен; после приветствия они начали танги в адрес моих проводников и меня.

"Человек, представивший нас, издал слабый горловой звук, похожий на плач человека на расстоянии, и продолжал скорбно смотреть на землю. Приветствие мужчин было бурным и громким: они жалобно завывали, и их слезы лились еще некоторое время.

"Вскоре прибыла еще одна женщина, которая, усевшись на землю, начала танги со своими подругами, причем так громко и тоскливо - то бормоча, то завывая, как гиена, - что мне стало совсем тоскливо. Она сидела и ужасно кричала, к моему большому раздражению, но этикет маори заставлял меня сохранять серьезный вид и не мешать ей. Казалось, приветственным воплям этой женщины не будет конца. Ночь была холодной, а она все еще продолжала сидеть у огня, протягивая свои тоскливые и диссонирующие звуки. Иногда она переходила на более высокий тон, поднимаясь вверх с криком, дрожащим голосом и бормотанием между каждым завыванием; тогда это был шквал с вариациями, как "кошки на крыше в лунную ночь".

"Затем, высморкавшись, она сделала несколько замечаний женщине, сидевшей рядом с ней, и возобновила завывания самым систематическим образом. Она снова пришла в ярость; затем, в перерыве, она заговорила о пакеха, присоединилась к искреннему смеху всех остальных, и наконец, после одного продолжительного воя, все замолчали, к моему большому облегчению".

То, как туземцы могут вызывать такие потоки слез, поистине удивительно; они демонстрируют такую явную агонию горя, играя роль с таким совершенством, что некоторое время посторонний человек с трудом может поверить, что обильно плачущие туземцы просто играют обычную роль.

На [иллюстрации № 2](#) на 809-й странице показана сцена, которая происходит в па, когда некоторые из жителей возвращаются после долгого отсутствия, - сцена, которая была бы очень жалкой, если бы не переходила в смехотворную.

Когда в пах прибывает группа незнакомцев, предварительная часть танги, *то есть* сидение и плач, опускается, ее заменяет другая церемония. Гостей вводят во внутреннюю часть паха, где большое пространство остается свободным. Затем выходит главный вождь деревни, одетый как на войну, *то есть* в одно лишь моко и множество алых красок, и с копьем в руке. Он размахивает копьем и целится в него, словно намереваясь пронзить вождя противоположной стороны, а затем бросает его в сторону чужака, но не в него. Затем гости молча садятся на корточки на земле, согласно этикету маори, и вскоре перед каждым незнакомцем появляется один из принимающего племени, который проходит церемонию онги, или сжимания носов, которая является последней частью танги. Это длится некоторое время, и, когда все завершено, выносят провизию и начинается большой пир.

Что касается общего характера туземцев, то он представляет собой любопытную смесь дикости и свирепости, привязанности и непостоянства, доброжелательности и мстительности, гостеприимства и жадности. Главной чертой ума маори является чувство собственного достоинства, которое иногда принимает форму возвышенной и даже рыцарской гордости, а иногда перерастает в детское тщеславие. Именно это чувство заставляет новозеландца скорее покончить с собой, чем дожить до позора, и заставляет его вести себя вежливо, что так характерно для воспитанного новозеландца. Впадая в тщеславие, он легко раним; поэтому случайно задетые чувства маори, дополненные мстительностью, составляющей столь значительную часть его натуры, служат причиной долгих и опустошительных войн, в которых истребляются целые племена.

Нрав маори, как это часто случается с некультурными натурами, быстрый, вспыльчивый и, хотя в целом достаточно приятный, склонен внезапно меняться без малейшей провокации; живой, приятный человек внезапно становится тусклым, угрюмым и невыдержанным. Такое непостоянство поведения доставляет немало хлопот европейцам, а иногда и самим туземцам, чтобы посмотреть, сколько выдержит их белый спутник. Когда они убеждаются, что он встречает их с твердостью, они отбрасывают свои неприятные манеры и становятся вполне веселыми и общительными.

Однако нередко европейец задевает их чувства совершенно непреднамеренно, просто по незнанию того, какой этикет они соблюдают. Если, например, встречаются два европейца и хотят обсудить какую-то тему, они стоят и ведут беседу, а может быть, ходят взад-вперед. Два новозеландца, напротив, всегда садутся, поскольку стоять, когда к тебе обращается другой, считается проявлением невнимательности. Кроме того, когда новозеландец входит в дом, он произносит приветствие, а затем некоторое время молча сидит на корточках. Отсутствие этой церемонии считается таким же признаком невоспитанности, как у нас считается, что входить в гостиную в шляпе нельзя.

Одна из любопытных черт характера маори - неумение хранить секреты. Эта любопытная склонность иногда приводит туземцев к очень неприятным последствиям. Например, те, кто принял законы белого человека, обнаружили, что существует множество проступков, которые можно совершать безнаказанно, если они совершаются тайно. Но, по словам

Диффенбаха, "с искусством хранить тайну новозеландец знаком слабо. Хотя во многих других отношениях он обладает большим самообладанием, секрет должен выйти наружу, даже если его непосредственным следствием будет смерть".

У них сильная и цепкая память, они легко усваивают знания и сохраняют их с удивительной точностью. Силу их памяти хорошо демонстрируют местные жители, обращенные в христианство, которые с абсолютной точностью повторяют длинные отрывки из Библии и многие гимны.

Одним из самых замечательных примеров этой характеристики является старый вождь по имени Хоромана Марахау, который в народе известен как Слепой Соломон. Он вел самую захватывающую и разнообразную жизнь, с детства участвуя в войнах, а однажды попал в плен к свирепому вождю Э' Хонги, или Шонги, как его обычно называют. Он захватил много па и помог съесть много убитых врагов, и если бы ему не удалось сбежать, когда он сам попал в плен, его постигла бы та же участь.

Последним его подвигом было нападение на залив Бедности, где он и его последователи захватили па, убили и затем съели шестьсот врагов. Вскоре после этого подвига он ослеп в Отавахо, где впервые встретился с миссионером. Со временем он стал новообращенным и впоследствии работал учителем, проявляя ту же энергичность, которая отличала его военную карьеру, и, будучи уже пожилым человеком, совершал долгие и утомительные путешествия, чтобы наставлять своих соотечественников. Однажды мистер Ангас слышал, как он произносил похоронную речь над телом ребенка, которую он описывает как один из самых прекрасных и впечатляющих всплесков красноречия, которые он когда-либо слышал.

Хоромана особенно подходил для должности наставника благодаря своей исключительно цепкой памяти. Он знает наизусть всю церковную службу, а также множество гимнов и длинные отрывки из Библии, а когда его экзаменовали по катехизису, оказалось, что он правильно знает каждое слово. Кстати, этой силой памяти, полезной при правильном использовании, иногда злоупотребляют, превращая ее в орудие мести: маори никогда не забывает оскорбления, реального или воображаемого, и лица человека, которого оскорбили.

Любопытство народа ненасытно, и он всегда хочет услышать обо всем, что видит. Этот дух любопытства, естественно, привел их к величайшему интересу к различным искусствам и наукам, которыми владеет белый человек, и, чтобы удовлетворить его, они часто нанимаются матросами на европейские корабли. Привыкшие к воде всю свою жизнь, и будучи прекрасными каноистами, они становятся отличными моряками и вскоре учатся управлять лодками по европейской моде, которая существенно отличается от их собственной. Некоторые из них проникают в высшие тайны навигации, а в 1813 году новозеландец был капитаном китобойца.

Они проявляют не меньший интерес к привычным предметам своей страны, чем к тем, что привозят им иностранцы. Они дают названия всем животным, растительным и даже минеральным продуктам, указывая и отмечая любые особенности, которые могут быть в них обнаружены.

ГЛАВА LXXXII.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение.

ЕДА И КУЛИНАРИЯ.

ГОСТЕПРИИМСТВО НОВОЗЕЛАНДЦЕВ - ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ - ГРУБЫЕ ХОЗЯЕВА И ИХ НАГРАДА - НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ПИР - СТЕНА ПРОВИЗИИ - КОРЗИНЫ С ЕДОЙ - КУМАРА ИЛИ СЛАДКИЙ КАРТОФЕЛЬ - МЫТЬЕ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ОВОЩЕЙ - КАПУСТНАЯ ПАЛЬМА И КОРЕНЬ ПАПОРОТНИКА - ТУЗЕМНАЯ ЛЕГЕНДА - РАКОВИНА ПАВА - МИДИЯ И УСТРИЦА - РЫБАЛКА - СЕТЬ, ЛОВУШКА, КРЮЧОК И КОПЬЕ - ЛОВЛЯ ПТИЦ - ЛОВЛЯ КИВИ-КИВИ И ПОПУГАЯ - ЛОВЛЯ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ СВИНЕЙ - КАННИБАЛИЗМ, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ И МАСШТАБЫ - ПОЕДАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЛОТИ КАК СУЕВЕРНЫЙ ОБЫЧАЙ - АНЕКДОТЫ О КАННИБАЛИЗМЕ.

Новозеландцы - самые гостеприимные и щедрые люди; чужака, будь то туземец или европеец, радушно принимают в деревнях, предоставляют ему кров и сразу же обеспечивают едой. Если гость является родственником или даже близким другом, они держат все свое имущество в общей собственности и разделяют с ним все, чем владеют. Даже если маори заработал долгим трудом какую-то вещь, которой очень хотел обладать, он отдаст ее родственнику или другу, встретившему его после долгой разлуки.

К сожалению, эта щедрость нравов сильно пострадала от контакта с белым человеком, и те туземцы, которые имеют много общего с белыми поселенцами, утратили не только вежливость, но и гостеприимство. Вместо того чтобы приветствовать путешественника, поселить его в своей лучшей хижине, обеспечить его самой вкусной едой и ухаживать за ним, как за близким родственником, они стали жадными и подозрительными, и вместо того, чтобы безвозмездно предложить помощь, иногда отказываются от нее вовсе, а в лучшем случае требуют высокую плату за свою помощь.

Туземцы, обращенные в христианство, сильно ухудшились в этом отношении из-за неверно оцененного рвения миссионеров, которые научили своих учеников отказываться в пище и крове или выполнять любую работу для путешественника, случайно попавшего в их дом в воскресенье - обстоятельство, которое должно постоянно иметь место в стране, где путешественники полностью зависят от туземцев. Доктор Диффенбах, который всегда в самых высоких выражениях отзывается о рвении и самоотречении миссионеров, пишет по этому поводу следующее: "Высоко оценивая заслуги миссионеров, я должен сказать, что они не научили своих новообращенных некоторым важнейшим социальным, а значит, и моральным обязанностям, которые они смогут приобрести только при более тесном общении с цивилизованными европейцами.

"В своем родном государстве они настолько трудолюбивы, насколько этого требуют их потребности; но, легко удовлетворяя их и не имея возможности даже при самых больших усилиях соперничать с самыми низкими европейцами, они становятся ленивыми и нерадивыми, предпочитают попрошайничество работе и проводят большую часть времени, демонстрируя свои приобретенные украшения и созерцая беспокойные занятия колониста. Как слуги они очень независимы, и европейцы, если им нужны *помощники* из числа туземцев, должны относиться к ним с вниманием и скорее как к членам семьи, чем как к слугам. У них очень сильно развито это чувство независимости, и это очень похвально для них".

"Есть все основания полагать, что через некоторое время характер новозеландцев полностью изменится, и тот, кто хочет увидеть, какими они были раньше, должен изучить их во внутренних районах, где на них все еще мало влияет общение с нами, которое, повторяю, не принесло им пользы".

Тот же писатель рассказывает забавный анекдот о древнем обычае гостеприимства. Он путешествовал на некоторое расстояние, почти не имея провизии, и наткнулся на племя, которое грубо отказалось от гостеприимства и даже не предоставило проводника, чтобы указать им дорогу. Один из них сжалился и продал небольшую корзину картофеля в обмен на несколько игл, но больше ничего не удалось получить, и, проведя впустую целый день, группа была вынуждена собраться и продолжить свой поход.

Выйдя из па, они неожиданно наткнулись на семейство свиней. Один из туземцев тут же убил большую свиноматку, и через несколько минут животное было разделано, а куски розданы. Не желая брать еду, не заплатив за нее, доктор Диффенбах повесил свиные отходы на куст, вместе со старой парой брюк и железным чайником. Однако его сопровождающие вернулись и забрали их, сказав, что в этой стране принято снабжать незнакомца едой и что, если она ему не дается, он имеет право брать ее, когда, где и как может. Все это их очень забавляло, и они много шутили над разочарованием недоброжелателей, которые отказались продать свинью по хорошей цене, а потом обнаружили, что она досталась им даром.

Гостеприимство - такая универсальная и обязательная черта аборигенов маори, поэтому можно представить, что когда вождь устраивает пир, он делает это с либеральной стороны. Действительно, некоторые из этих банкетов проходят в таких огромных масштабах, что для обеспечения достаточного количества провизии приходится перерывать целый район, а жители в результате вынуждены жить в состоянии полуголода в течение многих месяцев. Мистер Ангас упоминает, что, когда он посетил знаменитого вождя Те Виро-Веро, он увидел более тысячи человек, которые сажали сладкий картофель, чтобы обеспечить провизию для пира, который вождь намеревался устроить для всех племен Вайкато следующей весной.

Эти пиры продолжаются до тех пор, пока остается хоть какая-то еда, и очень либеральный вождь иногда собирает такие огромные запасы провизии, что банкет длится несколько недель. Песни и танцы, особенно военный танец, исполняются через определенные промежутки времени в течение всего пиршества.

Первая иллюстрация на 831-й странице дает хорошее представление о предварительных процедурах, которые соблюдаются перед празднованием обычного пира, например, такого, который устраивает зажиточный Рангатира. Возводится нечто вроде эшафота, на перекладинах которого развешиваются большие запасы рыбы, в основном сушеной акулы, а также куски свинины и другие подобные деликатесы. Верхняя часть эшафота превращается в плоский помост, на который ставят большие корзины, наполненные сладким и обычным картофелем. Гости становятся в круг вокруг эшафота, и вождь, который устраивает пир, произносит перед ними речь, размахивая своим служебным посохом, бегая вверх и вниз по открытому пространству, прыгая в воздухе и доводя себя жестами до необычайного возбуждения.

Один из моих друзей отличился тем, что в его честь был дан пир, и описал эту церемонию в очень забавной манере. Щедрый учредитель пира построил нечто вроде стены, содержимое которой составляли картофель, сладкий картофель, свиньи и рыба. В качестве украшения он прикрепил к стене несколько палок, похожих на флагштоки, а к верхушке каждой прикрепил живого угря в виде флага или серпантина, и его извивы придавали, по его замыслу, дух всей церемонии.

Затем он быстро зашагал взад-вперед между стеной с провизией и своими гостями, которые сидели на земле, и по ходу произнес несколько отрывистых фраз. Постепенно его походка становилась все быстрее и быстрее и перешла в бег, сопровождаемый прыжками в воздух, размахиванием воображаемым оружием и громкими криками. Наконец он довел себя до почти дикой ярости, а затем вдруг молча опустил на корточки и освободил место для другого оратора.

Расточительство, происходящее на таких пирах, которые на родном языке называются *hui*, обязательно очень велико. На одном из таких праздников, о котором упоминает мистер Ангас, даритель расположил провизию и подарки для своих гостей в виде стены, которая была высотой в пять футов, столько же в ширину, *более мили в длину*, и снабжала в течение многих дней тысячи туземцев, приехавших на праздник с очень большого расстояния. Великие вожди с большим удовольствием соревнуются друг с другом в расходах, и именно для строительства еще большей продовольственной стены Те Виро-Веро так усердно занимался посадкой кумера, или сладкого картофеля.

Значительное разнообразие проявляется в том, как подавать еду гостям. Как правило, она предназначена для того, чтобы ее съели на месте, но иногда ее раздают людям, чтобы они ели, когда и где им вздумается. В этом случае используется либо эшафот, либо стена. Высота эшафота иногда составляет пятьдесят или шестьдесят футов, он разделен на несколько этажей, каждый из которых загружается едой. Если же используется стена, то она разделяется на несколько отделений. В любом случае, когда гости рассаживаются, вождь, выступающий в роли церемониймейстера, расхаживает вокруг и произносит речь, согласно моде своей страны; после произнесения речи он указывает каждому племени на ту часть, которая предназначена для него. Вождь каждого племени принимает дар, а затем распределяет его между своими последователями.

Примечательно, что корзины, в которых подается провизия, сделаны специально для этой цели и, выполнив свое предназначение, выбрасываются в сторону и больше никогда не используются. Если вождь берет одну из этих корзин и начинает есть из нее, то выбрасывается не только корзина, но и вся еда, которую он может в ней оставить, и ни один вождь никогда не ест после кого-то или не позволяет кому-то есть после себя.

Поэтому, когда вождь берет свою корзину с едой, он отстраняется от остальной компании и поглощает свою пищу, чтобы никто не испытывал неудобств из-за его ранга. Простые люди, даже рангатиры, не так привередливы: одной корзины еды хватает на несколько человек, обычно их бывает три или четыре. Каждая из этих корзин содержит полноценный обед, в нее обычно кладут много картофеля и кумеры, немного рыбы и кусок свинины. Мясо передается от одного к другому, каждый откусывает или отрывает часть, а когда они заканчивают, то вытирают руки о спины собак, которые обязательно пробираются среди празднующих.

Эти пиры, естественно, приводят нас к различным видам пищи, используемой новозеландцами, и способам ее добычи и приготовления.

Начнем с растения, которое для новозеландцев является самым настоящим источником жизни, а именно с кумеры, или сладкого картофеля, как его любят, хотя и ошибочно, называть. Это растение в значительной степени культивируется маори, которые очень тщательно выбирают для него подходящую почву. Лучшая почва для кумеры - та, которая была густо заросла лесом и расчищена для этой цели. Туземцы почти не заботятся о подготовке земли, просто спиливают деревья и сжигают хворост, но никогда не пытаются выкорчевать пни.

Землю скорее разрывают, чем копают, с помощью простого инструмента, который представляет собой не что иное, как заостренный шест с прикрепленной к нему поперечиной, на которую может опираться нога. Поскольку новозеландцы не носят обуви, они не могут пользоваться железной лопатой, как это делаем мы; и легко представить, что незащищенная нога маори будет ужасно страдать при выполнении работы, которая даже у наших крепко обутой рабочих заставляет их носить железную пластину на подошве сапога.

Кахеру, как называют этот инструмент, более эффективен, чем железная лопата, из-за особого характера почвы, которая густо переплетена корнями папоротников, кустарников и кустарничков. Некоторые из этих диковинных лопат имеют наконечник из зеленого нефрита, и тогда они высоко ценятся туземцами. Такой инструмент называется *Э Токи*. У маори также есть разновидность мотыги, которая очень полезна на некоторых почвах.

Кумеры высаживают ровными рядами, и при этом тщательно следят за тем, чтобы поле не зарастало сорняками. Темные агрономы даже удаляют всех гусениц, которых видят на растениях; в общем, уход настолько тщательный, что самое хорошо обработанное поле в Европе не может превзойти, а очень немногие даже сравняться с участком земли, возделываемым новозеландцами.

У каждой семьи есть свое собственное поле, плоды которого, как предполагается, принадлежат семье. Но значительная часть работы на нем может выполняться бедняками, у которых нет собственной земли. В этом случае они приобретают в силу своего труда законное право на плоды земли, которую они помогали обрабатывать. Иногда глава или вождь племени, считая себя отцом семейства, устраивает общую распродажу и распределяет вырученные деньги в зависимости от количества материала или труда, который каждый внес.

Прежде чем картофель будет сварен, его тщательно моют простым и очень эффективным способом. Женщина кладет его в корзину с двумя ручками, которую в народе называют "*кит*", заходит в ручей, ставит одну ногу в корзину, берется за ручки и с силой раскачивает корзину вперед-назад, при этом ногой она постоянно ворошит и растирает картофель. Таким образом, земля вымывается из овощей и уносится потоком через промежутки корзины.

В настоящее время кумера, хотя и очень высоко ценится и используется на каждом важном празднике, была вытеснена, если не вытеснена, обычным картофелем, который можно вырастить с меньшими трудностями и приготовить более просто. И кумера, и картофель готовятся в своеобразной печи, сделанной из раскаленных камней и очень напоминающей место приготовления пищи у австралийцев. В доме не разрешается готовить пищу, поскольку сам акт приготовления пищи рассматривается как осквернение любого здания. Не зная об этом любопытном суеверии, европейцы часто навлекали на себя гнев туземцев, употребляя и даже готовя пищу в доме, который считается священным.

Вследствие этого представления печь строится либо под открытым небом, либо, в лучшем случае, в специальном доме под названием *Те-каута*, который делается из бревен, неплотно прилегающих друг к другу, чтобы дым мог выходить наружу.

Бутон, или "*капуста*", пальмы *никау*, разновидности *ареки*, высоко ценится маори, которые срубают каждое дерево, на котором, по их мнению, может появиться молодой и нежный бутон. Этот овощ иногда едят сырым, а иногда готовят в том же режиме, что и картофель. К счастью, дерево не пропадает зря, так как его листья используются для многих целей, например, для изготовления временных навесов, когда путники заблудились в лесу, для обшивки домов и других подобных целей. Тем не менее, уничтожение этой полезной и

изящной пальмы очень велико, и есть основания опасаться, что нерадивые туземцы полностью истребят ее, если только не будут приняты меры по ее сохранению силой закона.

У маори есть один любопытный способ приготовления пищи, который, похоже, был придуман для того, чтобы сделать ее как можно более отвратительной. Они берут кумеру, картофель или кукурузу и вымачивают их в пресной воде в течение нескольких недель, пока они не станут совсем гнилыми. Затем из него делают лепешки и едят с большим удовольствием. Для европейца нет ничего более отвратительного, и сам его запах, не говоря уже о вкусе, настолько отвратителен, что даже голодающий человек с трудом может заставить себя его съесть. Запах настолько сильный, прогорклый и проникающий, что когда европейцы сидели в доме, а на открытом воздухе сидел человек и ел этот гнилой хлеб, они были вынуждены прогнать его подальше от двери. Постепенно путешественники привыкают к нему, но поначалу эффект невыразимо отвратителен, а когда его готовят, запаха достаточно, чтобы выгнать любого европейца из деревни.

В прежние времена туземцы употребляли в пищу корень папоротника (*Pteris esculenta*), но картофель и кукуруза настолько вытеснили его, что корень папоротника едят очень редко, разве что в тех случаях, когда ничего другого достать невозможно. Когда корень папоротника готовят, его разрезают на куски длиной около фута, а затем обжаривают. После того как он достаточно прожарится, его очищают от кожуры. Вкус этого корня не очень приятен, в нем есть неприятная смесь землистого и лекарственного.

Примерно в декабре наступает сезон другого вида пищи. Это мясистый стебель одного из древовидных папоротников, которых так много в Новой Зеландии (*Cyathea medullaris*). Он требует длительного приготовления, поэтому его обычно ставят в духовку вечером, а едят утром.

Что касается овощей, используемых в Новой Зеландии, доктор Диффенбах высказывает следующие замечания. После упоминания о том, что туземцы были завоевателями Новой Зеландии и принесли с собой собаку и растение таро (*Arum esculentum*), он продолжает: "Изменения в их пище произошли после введения сладкого картофеля или кумеры (*Convolvulus batata*) - введения, которое с благодарностью вспоминается и отражено во многих их песнях, и дало начало некоторым религиозным обрядам.

"Можно спросить, в какой период бедные туземцы получили в дар эту полезную пищу и кто был их благодетелем? По первому вопросу они ничего не знают; их память привязана к событиям, но не ко времени. Однако имя дарителя живет в их памяти. Это Э' Пауи, или Ко Пауи, жена Э' Тики, которая привезла первые семена с острова Тавай. Э' Тики был уроженцем острова Таваи, не того, откуда, согласно традиции, прибыли предки новозеландцев. Он прибыл в Новую Зеландию вместе с женой, на менее хрупких судах, чем те, которыми они располагают в настоящее время, и намеренно ли или его занесло туда случайно, традиция умалчивает.

"Его хорошо приняли, но вскоре он убедился, что пища здесь более скудная, чем на счастливом острове, откуда он прибыл. Он хотел оказать услугу своим хозяевам, но не знал, как это сделать, пока его жена, Э' Пауи, не предложила вернуться и принести кумеру, чтобы люди, которые их любезно приняли, больше не испытывали нужды. Она выполнила это предложение и благополучно вернулась к берегам Новой Зеландии.

"Какая история героизма может скрываться под этой простой традицией! Связана ли эта история с самой полинезийской расой? Или она скорее относится к прибытию в Новую Зеландию первых испанских мореплавателей, которые, возможно, привезли этот ценный

продукт с острова Тавай, одного из Сандвичевых островов, где это растение до сих пор наиболее широко культивируется? Вряд ли можно сомневаться в том, что Новую Зеландию посещали люди, предшествовавшие Тасману. Кайпуке - название корабля в Новой Зеландии, буке - испанское слово, кай - значит есть или жить. Ни у одного другого полинезийского народа нет такого слова для обозначения корабля. Перо (собака) и роаса (свинья) - тоже испанские слова. Тавай, откуда Э' Пауи привез кумеру, расположен к востоку от Новой Зеландии, и первые первооткрыватели великого океана, Альваро Мендана (1595), Кирос (1608), Лемер и другие, прибыли с востока, как и на Таити, по преданию жителей. Тасман прибыл в Новую Зеландию только в 1642 году".

Как бы то ни было, поля кумеры строго "тапу", и любая кража с них сурово карается. Женщины, которые занимаются их возделыванием, также являются тапу. Они должны молиться вместе со священниками об увеличении урожая. Этим женщинам никогда не разрешается участвовать в каннибальских пирах, и только после того, как кумера выкопана, они освобождаются от строгого соблюдения "тапу". Они верят, что кумера - это пища, употребляемая в "реинге", месте обитания ушедших духов, и, безусловно, это пища, наиболее почитаемая среди живых.

У них есть несколько способов приготовления сладкого картофеля. Его либо просто варят, либо медленно сушат в "ханги", когда он приобретает вкус фиников, либо измельчают в порошок и пекут лепешки. Кумера, как и большинство импортируемых овощей, довольно нежная, и пока она молодая, ее укрывают заборами из хвороста, которые ставят с наветренной стороны плантации, когда ожидается плохая погода. Во всех хорошо ухоженных садах кумеры можно увидеть большие штабеля высушенного хвороста, готовые к использованию в нужный момент. Туземцы так почитают кумеру, что склады, в которых она хранится, обычно оформлены в стиле, превосходящем стиль жилища владельца.

На иллюстрации № 2 на следующей странице показано несколько таких сложных хранилищ. Они всегда поддерживаются на столбах таким образом, чтобы крысы не могли пробраться к содержимому, а в некоторых случаях они устанавливаются на вершине столбов высотой пятнадцать или двадцать футов, на которые можно забраться с помощью выемок в них. Однако они почти лишены украшений, в то время как те, что принадлежат специально вождю, сравнительно невысоки, а в некоторых случаях каждый дюйм их покрыт изящными или гротескными узорами, в которых всегда преобладает человеческое лицо.

Некоторые из этих любопытных хранилищ не прямоугольные, а цилиндрические, цилиндр лежит горизонтально, с дверью на конце, и покрыт остроконечной крышей. Даже сами столбы, на которых стоят хранилища, вырезаны в грубом подобии человеческой фигуры.

Маори также утверждают, что калабаш, или *гонец*, появился сравнительно поздно: его семена были получены из калабаша, который нес кит и выбросил на их берег.

Очень любопытным продуктом растительного происхождения является камедь кауди, которую выделяет один из видов сосен. Эта камедь в огромных количествах выделяется из деревьев и встречается в больших массах, прилипших к стволу, а также в виде отдельных кусков на земле. Это прозрачная, желтоватая смола; ее импортируют в Англию, где превращают в лак. Камедь кауди обладает сильным ароматом, и туземцы северного острова жуют ее так же, как моряки жуют табак. Они настолько высокого мнения об этой жвачке, что, когда к ним в гости приезжает незнакомец, высшим комплиментом для него является то, что хозяин достает изо рта частично разжеванный кусочек жвачки и предлагает его гостю.

Новозеландцы едят огромное количество павы, разновидности *Haliotis*, из которой они получают перламутровую раковину, которой они так любят инкрустировать свои резные изделия, особенно глаза человеческих фигур. Раковины, принадлежащие к этой группе, хорошо известны на Нормандских островах под названием раковины Ормера, а сами моллюски являются излюбленными предметами рациона. Те, что встречаются в Новой Зеландии, гораздо крупнее, чем виды, обитающие на Нормандских островах, а их обитатели жесткие и, на европейский вкус, очень невкусные. Тем не менее, их собирают в больших количествах для еды. Гнилые картофельные лепешки обычно едят вместе с павой; вместе они образуют банкет, который англичанин вряд ли смог бы заставить себя попробовать, даже если бы умирал от голода.

Мидии также широко используются в пищу: у туземцев есть способ открывать и вынимать внутренности, который я часто практиковал. Если основания двух мидий положить друг на друга так, чтобы выступы сцепились, и резко повернуть в разные стороны, более слабая из них поддастся, и раковина откроется. Из любой раковины получается замечательный нож, который выскребает моллюска из его жилища даже лучше, чем обычный устричный нож.

Устрицы, особенно петушиная устрица (*Ostræa cristata*), очень многочисленны во многих частях побережья и являются неизменным источником пищи для местных жителей. В основном их собирают женщины, которые в одних местах могут добыть их, дождавшись отлива, а в других вынуждены нырять при любом приливе.

Рыба составляет большую часть рациона новозеландцев, а одним из их любимых блюд является высушенная и почти гнилая плоть акулы. В таком состоянии она источает запах, который лишь менее ужасен, чем запах гнилых пирожков. Мистер Ангас упоминает об одном случае, когда он испытал большие неудобства из-за пристрастия туземцев к этим отвратительным продуктам питания. Он путешествовал по стране с несколькими туземными проводниками и, прибыв в пах, купил на завтрак несколько замечательных кумеров. Туземцы тут же принялись за приготовление кумераса, в который они добавили полупутриотическое мясо акулы. Это было еще не самое худшее, потому что затем они сплели несколько корзин из фореми, которые уже были описаны, наполнили их только что приготовленной провизией и пронесли до вечерней трапезы, предоставив путешественнику наслаждаться ужасным запахом до конца дня.

Рыбу ловят либо сетью, либо плотиной, либо крючком. Сеть не представляет собой ничего примечательного и используется так же, как и сети во всем мире: туземцы утяжеляют ее на дне, наплавливают сверху, забрасывают на умеренное мелководье, а затем бьют по воде шестью, чтобы напугать рыбу, попавшую в сетку.

Ловушки, называемые пукоро-туна, сделаны из воронкообразных корзин, как и ловушки для угрей в нашей стране; но самое хитроумное устройство - плотина, которую строят прямо поперек реки и поддерживают столбами на протяжении многих ярдов вдоль ее берега. Часто, когда используется сеть или плотина, пойманная рыба считается принадлежащей общине в целом и делится поровну вождем.

(1.) ПОДГОТОВКА К ПИРУ.
(См. [стр. 827.](#))

(2.) СКЛАДЫ ВОЖДЕЙ.

(См. [стр. 830.](#))

Иногда используется необычайно изобретательная сеть, в которой нет ни поплавков, ни грузил. Эта сеть шириной около четырех футов, длиной тридцать или сорок футов привязана с каждого конца к крепкой палке. К палке привязывают веревки, а затем сеть вывозят в море на каноэ. Прибыв в удобное место, туземцы перекидывают сеть через борт каноэ, держа веревки за оба конца лодки, так что сеть образует большой полукруг в воде, пока лодка дрейфует. Фактически она управляется так же, как английский рыбак управляет своей драгой.

В середине каноэ стоит человек, который держит в руке очень длинный и легкий шест, к одному концу которого привязан хохолок из перьев. Наконечником он бьет и перемешивает воду, загоняя таким образом в ячейки сети всех мелких рыбешек в пределах ее изгиба. Те, кто держит веревки, по натяжению шнуров могут определить, достаточно ли рыбы в сети, чтобы сделать зацепку целесообразной, и если это так, сеть подносят к борту каноэ, опорожняют и снова забрасывают.

Иногда, но не очень часто, используется ловля рыбы на спиннинг. Крючки, используемые новозеландцами, представляют собой любопытную смесь простоты и изобретательности. Кажется странным, что рыба настолько глупа, чтобы взять в рот такой предмет. Тем не менее, есть один крючок, который представляет собой необычайно восхитительное приспособление. Тело крючка сделано из дерева, изогнуто и довольно полого внутри. Сам крючок костяной, и всегда делается из кости убитого врага, так что он ценится как трофей, а также как средство для ловли рыбы. Эта кость крепится к остальной части крючка с помощью очень изобретательной привязи, а в некоторых случаях даже кость состоит из двух частей, которые крепко скреплены между собой. В соответствии с воинственным характером туземцев, которые, похоже, готовы нанести оскорбление другим племенам, как и обидеться сами, использование кости врага подразумевает оскорбление и вызов враждебному племени.

Тело крючка выложено раковиной пава, а к нижней части прикреплен пучок волокон. Этот крючок примечателен тем, что не требует наживки. Его буксируют за каноэ, и когда его быстро тащат по воде, он быстро вращается, перламутровая подкладка вспыхивает на свету, как белое брюхо рыбы, а пучок волокон представляет собой хвост. Поэтому хищные рыбы принимают его за то существо, которое он изображает, бросаются на него, когда он проносится мимо них, и попадают на крючок, прежде чем обнаруживают свою ошибку. Если кто-то из моих читателей окажется рыболовом, он увидит, что этот крючок новозеландца в точности повторяет принцип "ложки-приманки", которая так эффективна в опытных руках. Один из таких крючков в моей коллекции является образцом формы, изгибы необычайно изящны, а эффект столь же артистичен, как если бы изготовитель был профессором школы дизайна. Длина моего крючка составляет более четырех дюймов: это средний размер подобных приспособлений. Струна, на которой он держится, прикреплена к крючку весьма изобретательным способом; и действительно, едва ли возможно, чтобы столь незначительная на первый взгляд привязь держалась достаточно прочно, чтобы сдерживать попытки рыбы, достаточно крупной, чтобы проглотить крючок более четырех дюймов в длину и три четверти дюйма в ширину. Некоторые из этих крючков снабжены пером аптерикса, которое служит для искусственной мушки.

Как соленые, так и пресноводные раки водятся в больших количествах. Последних, очень крупных, почти всегда ловят женщины, которым приходится нырять за ними, а первых - в ловушки с мясом, очень похожие на наши лобстеры. Птиц почти всегда ловят, подзывая их голосом или используя птицу-приманку. Аптерикс, или киви-киви, ловится первым из этих способов. Он ведет ночной образ жизни и редко встречается, никогда не выходя из своих убежищ днем. Он рассеян очень мало, живет парами, причем каждая пара населяет довольно большой район. Ночью он выползает из своего темного убежища среди папоротников, где он спал весь день, и отправляется на поиски червей, личинок и других существ, которых он выцарапывает из земли своими мощными лапами. Ночью он время от времени издает свой пронзительный крик, который у самца похож на слова "хойр, хойр, хойр", а у самки - на "хо, хо, хо".

Когда туземцы хотят поймать аптерикса, они отправляются в район, где живет эта птица, и подражают ее крику. Как только она покажется, ее схватит собака, которую охотник имеет при себе и которая обучена для этой цели. Поскольку птица очень сильная, между ней и собакой обычно происходит схватка, в которой мощные лапы и острые когти птицы используются с большим эффектом. Иногда охотник держит наготове факел из смолы кауди, и, зажигая его, как только киви-киви появляется в поле зрения, он так сильно ослепляет птицу непривычным светом, что она совершенно обескуражена, не знает, в каком направлении бежать, и позволяет взять себя живой.

В некоторые времена года птица очень жирная, и ее мясо, как говорят, обладает хорошим вкусом. В прежние времена, когда ее было много, ее часто использовали в пищу, но в настоящее время она слишком малочисленна, чтобы занять какое-либо реальное место среди животных Новой Зеландии, производящих пищу; ее бескрылое состояние делает ее легкой добычей для тех, кто знает ее повадки. Кожа очень прочная и, когда ее выделывали, использовали для изготовления мантий.

Попугаев ловят с помощью птицы-приманки. Охотник берет с собой попугая, которого он научил звать своих товарищей, и прячется под навесом из веток. Из укрытия тянется длинный прут к ветвям соседнего дерева, и когда птица зовет, ее товарищи привлекаются ее криками, летят к дереву, а затем по-попугайски спускаются по пруту и ловятся человеком в укрытии.

Раньше в пищу употреблялась местная собака, но поскольку этот вид почти полностью трансформировался в результате смешения с различными породами английских собак, от его использования в качестве продукта питания отказались. Свины - почти единственные млекопитающие, которых сейчас употребляют в пищу; но они не считаются предметом обычного рациона, их приберегают для торжественных случаев. Говорят, что свинина новозеландских свиней превосходит по вкусу свинину их европейских сородичей и имеет некоторое сходство с телятиной. Такое превосходство вкуса обусловлено тем, что они постоянно питаются корнями папоротника. По цвету они в основном черные, и, хотя приручаются и ведут себя с хозяевами достаточно тихо, при виде белого человека ужасно пугаются, выставляют свою щетину и убегают в кусты.

Теперь мы переходим к вопросу о каннибализме - обычае, который, похоже, сопротивляется цивилизации в Новой Зеландии дольше, чем в любой другой части света. В некоторых местах каннибализм является исключением; здесь же, как и среди африканских племен неам-нама, он является правилом. [На иллюстрации](#) на следующей странице изображена кухня каннибалов, которую возвел знаменитый вождь маори в Вайтахануи Пах. Когда-то это был знаменитый форт, и первоначально он был возведен для защиты жителей Те Рапа от

нападений племен Вайкато. Как эти племена, так и их враги, как правило, приняли христианство и отложили свои распри, па давно заброшен и, вероятно, придет в упадок раньше, чем пройдет много лет. Описание этого паха, сделанное мистером Ангасом, чрезвычайно интересно.

"Пах Вайтахануи стоит на низком болотистом участке, вдающемся в озеро, а рядом с пахом впадает широкая и глубокая река, образующая дельту, называемую Тонгариро, а некоторые называют ее Вайкато (поскольку эта река вытекает из озера Тампо). Длинный фасад па представляет собой внушительный вид, если смотреть на него со стороны озера; линия укреплений, состоящая из вертикальных столбов и кольев, тянется не менее чем на полмили в направлении, параллельном воде. На верхушках многих столбов вырезаны фигуры, гораздо больше, чем в жизни, мужчин, бросающих вызов, и в самых диких позах, с огромными высунутыми языками; как и вся резьба маори, эти изображения, или вайкапоко, окрашены коковаи, или красной охрой.

"Вся паха сейчас находится в руинах, и с тех пор, как она была покинута, Те Хеухеу сделал ее тапу. Здесь все было под запретом, но я избежал подозрений наших туземцев и целый день бродил среди разрушающихся памятников прошлого, делая зарисовки наиболее ярких и своеобразных объектов в пахе. Поварни, где отец Те Хеухеу устроил свое первоначальное жилище, сохранились в идеальном состоянии; единственным входом в эти здания был ряд круглых отверстий, в которые были вынуждены пролезать рабы, занятые приготовлением пищи.

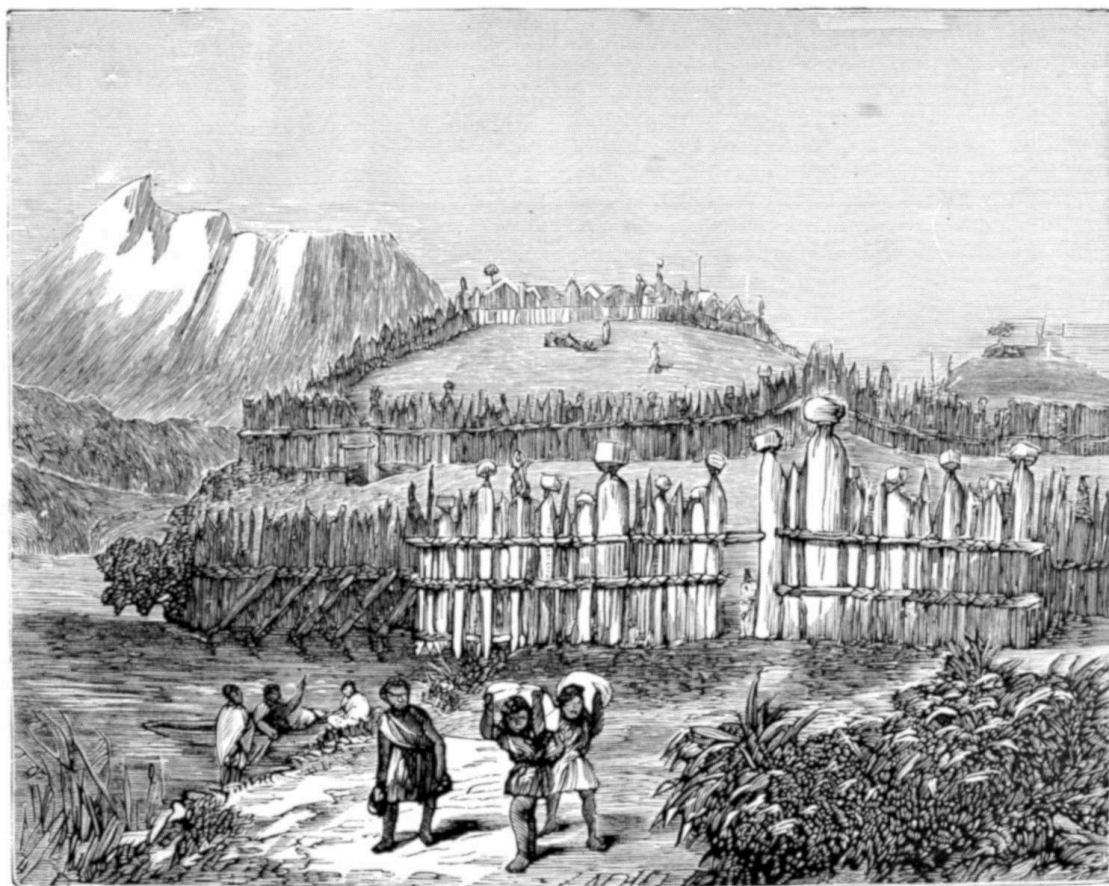
"Рядом с поварнями стояла резная патука, в которой хранилась священная пища вождя; и ничто не могло превзойти богатство искусной резьбы, украшавшей это хранилище. Я тщательно зарисовал ее, поскольку хрупкий материал разрушался. Разрушенные дома - многие из них когда-то были прекрасно украшены и богато украшены резьбой, многочисленные *ваки-тапу* и другие языческие останки с изображениями и резными столбами - встречаются в различных частях этого обширного паха; но в других местах рука времени так эффективно разрушила здания, что от них осталась лишь непонятная масса руин. Положение этого паха прекрасно приспособлено для обеспечения безопасности его обитателей: с одной стороны он выходит к озеру, а с другой - к обширным болотам Тукану, где мощный частокол и глубокий ров обеспечивают защиту от любого внезапного нападения. Вода поступает в па через шлюз или канал для снабжения осажденных во время войны.

"Во всем пахе царила атмосфера одиночества и мрачного запустения, которую усиливали крики ржанок и крачек, разносившиеся по пустынным дворам. Я блуждал по местам многих диких деяний. Печи, в которых кучами варилась человеческая плоть, все еще оставались, а камни, использовавшиеся для их разогрева, лежали вокруг, почерневшие от огня; то тут, то там на солнце и ветру валялись сухие черепа, мрачный памятник прошлого".

Главная причина сохранения каннибализма кроется в том, в каком свете туземцы рассматривают этот акт. Насколько можно судить, маори не едят своих собратьев только потому, что испытывают какую-то особую симпатию к человеческой плоти, хотя, как и следовало ожидать, среди них все еще можно встретить людей, испытывающих сильный вкус к человеческой плоти. На самом деле в основе этого обычая лежит суеверное представление о том, что тот, кто съест плоть другого, становится наделенным всеми лучшими качествами убитого. По этой причине вождь часто довольствуется левым глазом противника, поскольку эта часть тела считается местом обитания души. Аналогичная идея преобладает и в отношении крови.

(1.) КУХНЯ КАННИБАЛА.
(См. [стр. 834.](#))

(2.) МАОРИ ПА.
(См. стр. 846.)

Когда в деревни привозят трупы врагов, их приготовление и поедание сопровождается множеством церемоний. Они считаются табу, или запрещенными, пока тохунга, или священник, не выполнит свою часть работы. Она заключается в том, чтобы отрезать часть плоти и повесить ее на дерево или высокую палку в качестве подношения божествам, сопровождая свои действия определенными мистическими молитвами и заклинаниями.

Большинству женщин запрещено есть человеческую плоть, также как и некоторым мужчинам и всем маленьким детям. Когда последние достигают определенного возраста, им разрешается стать едоками человеческой плоти, и их посвящают в новые привилегии пением песнопений, смысл которых никто из посвященных не понимает и которые, вероятно, являются тайной и для самого жреца, произносящего их.

Считается, что лучшими частями тела являются ладони рук и грудь, а некоторые из старших воинов, преодолев нежелание говорить на тему, которая, как они знают, шокирует их собеседников, в весьма восторженных выражениях говорят о человеческой плоти как о предмете питания.

То, что каннибализм - это обычай, который зависит от военных действий, очевидно из многих источников. На войне, как мы увидим в дальнейшем, новозеландца вряд ли можно узнать как то же самое существо в мирном состоянии. Вся его душа наполнена только одной идеей - идеей мести; и именно дух мести, а не просто вульгарный инстинкт чревоугодия, побуждает его поедать тела своих товарищей. Новозеландец не станет есть тело человека, умершего естественной смертью, и ничто не может быть дальше от его мыслей, чем преднамеренный и систематический каннибализм, позорящий некоторые африканские племена.

Насколько сильно этот дух мести проник в самую душу маори, можно понять из небольшого анекдота об одном сражении. В заливе Пленти есть небольшой остров под названием Тухуа, или Остров Мэра, жители которого, числом около двухсот человек, возвели крепкий па, или форт, чтобы защититься от нападений племен, живших на материке и желавших захватить этот очень удобный островок. Форт был построен на очень крутой части острова, скалистой, обрывистой и состоящей в основном из лавы.

После нескольких безуспешных атак враг предпринял ночной натиск, надеясь лишиться людей бдительности. Однако жители не спали и были готовы к сопротивлению; как только враги напали на па, защитники отбили их, позволив им частично подняться на холм, на котором стоит па, а затем обрушили на них большие камни. Очень многие из нападавших были убиты, а остальные отступили.

На следующее утро успешные защитники рассказали эту историю миссионеру и показали место, где произошла столь кровопролитная схватка. Миссионер, обнаружив, что все камни и скалы были совершенно чистыми и не оставляли следов кровавой схватки, произошедшей всего несколько часов назад, попросил показать ему следы крови. Его проводник сразу же ответил, что женщины слизали ее. Иногда утверждается, что маори убивают своих рабов, чтобы устроить банкет для себя, но такие заявления совершенно ложны.

В настоящее время каннибализм почти, хотя и не совсем, исчез. В основном благодаря усилиям миссионеров он значительно сократился, и даже в тех случаях, когда он имеет место, туземцы остерегаются говорить об этом. Во время войн, происходивших около сорока

лет назад, мы узнаем, что несколько сотен воинов были убиты, а их тела съедены победителями. Сравнительно недавно двадцать или тридцать тел были принесены в пах и съедены, в то время как в настоящее время многие туземцы никогда не видели акта каннибализма. Однако этот странный и отвратительный обычай настолько дорог сознанию маори, что одним из главных препятствий для обращения туземцев в христианство является тот факт, что туземцы-христиане обязаны воздерживаться от употребления человеческой плоти. Тем не менее национальный инстинкт мести скорее подавлен, чем искоренен, и известно немало случаев, когда он прорывался сквозь все оковы, и дикая природа маори на время брала верх над ним.

ГЛАВА LXXXIII.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение. ВОЙНА.

СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ, ЗАВИСЯЩИЙ ОТ ОРУЖИЯ - КОПЬЕ, НЫНЕ ВЫМЕРШЕЕ - МЕРАЙ, И МАТЕРИАЛЫ, ИЗ КОТОРЫХ ОН СДЕЛАН - ЗЕЛЕНый НЕФРИТ МЕРАЙ, И ОЦЕНКА, В КОТОРОЙ ЕГО ДЕРЖАТ ВОЖДЫ - КАМЕННЫЙ МЕРАЙ - КОСТЯНОЙ МЕРАЙ, И ЕГО РАЗНООБРАЗНЫЕ ФОРМЫ - СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУЖИЯ - ЗАХВАТ КОРАБЛЕЙ - ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ СЦЕНА И СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ - БОЕВОЙ ТОПОР, ИЛИ ПАТУ - ЕГО ФОРМА, И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - КОПЬЕ ВОЖДЯ, КОПЬЕ ВОЖДЯ, ИЛИ ХАНИ, - ЕГО СХОДСТВО С ДРЕВНИМ СКИПЕТРОМ - ЯЗЫК ВЫЗОВА - ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ - ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОРАБЛЬ - ФОРТ, ИЛИ ПА, И ЕГО СТРОИТЕЛЬСТВО - ТУЗЕМНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ - ОТПОР У ВОРОТ ПА - СОКРЫТИЕ ЗАСАДЫ - СУДЬБА ПЛЕННЫХ - ВОЖДЬ Э'ХОНГИ И ЕГО СРАЖЕНИЯ - ВОЖДЕНИЕ РАБОВ С ПОМОЩЬЮ МЕРАЙ - ЭТИКЕТ ВОЙНЫ - ПЕРЕМИРИЕ И БАРТЕР - ВОЗМЕЗДИЕ ЗА КРОВОПРОЛИТИЕ - ЦЕРЕМОНИИ ДО И ПОСЛЕ БИТВЫ.

Теперь мы переходим к одному из главных предметов жизни маори - войне. Прежде чем перейти к рассмотрению реальных военных действий, необходимо описать используемое оружие, поскольку от него во многом зависит характер войны.

Например, в тех частях света, где основным оружием являются ракеты, такие как лук и стрелы или копья, война превращается в серию стычек, где каждый человек старается как можно лучше скрыться от врага и наносить свои удары, не подвергая себя ответному удару. Но когда оружие имеет такую природу, которая требует рукопашного боя, война, естественно, приобретает другой аспект, и, если силы хоть немного дисциплинированы, больше напоминает регламентированную войну цивилизованных наций, чем независимые одиночные схватки, которые представляют собой войну в большинстве диких стран.

К этой последней категории относится и оружие новозеландцев. В прежние времена воины маори использовали копье, но это оружие уже давно отброшено. Несколько экземпляров еще сохранилось, но они предназначены не для борьбы с врагом, а для приветствия друга: вождь, принимающий гостей, направляет копье на них и бросает его в сторону, как уже было описано. Когда мистер Ангас посетил острова, он нашел лишь несколько таких копий, и они использовались исключительно в мирных целях. Они были такого же характера, как и копья большой полинезийской группы, *то есть* сделаны полностью из дерева, длинные, остроконечные и вооруженные рядом колючек.

Одно из таких копий показано на [рис. 1](#) в разделе "Оружие маори" на стр. 841. Читатель поймет, что показана только головная часть копья, а вся длина оружия составляет около

двенадцати футов. Видно, что колючки расположены в двойном порядке: несколько из них направлены назад, а затем, после пустого пространства, несколько рядов направлены вперед. Цель этого приспособления была достаточно изобретательной. Предполагалось, что копье будет вонзаться в тело человека до тех пор, пока его не остановит второй ряд колючек. Как видно, после этого тело человека упиралось в пустое пространство, а колючки по обе стороны от него не позволяли его вытащить или протолкнуть, так что рана от такого оружия была неизбежно смертельной. Копье, изготовленное по такому же принципу и используемое бечуанами, показано на стр. 281.

Оружие, используемое маори, очень немногочисленно и имеет самую простую конструкцию. Кстати, удивительно, какие заблуждения существуют на этот счет. В широких кругах людей чуть ли не каждая дубина, топор или копье считаются принадлежащими Новой Зеландии, особенно если на них есть резьба. Даже лучшие публичные коллекции не свободны от этих ошибок, и в одной из самых знаменитых коллекций оружия я обнаружил в течение пяти минут десять или двенадцать неправильных этикеток.

Сейчас передо мной лежит иллюстрированный труд о нравах и обычаях дикарей, в котором есть группа "Новозеландское оружие", содержащая тринадцать предметов. Из них только один является подлинным новозеландским оружием, а два других вызывают сомнения. Здесь есть две фиджийские дубинки (одна из них с полой трубчатой рукояткой!), один каменный нож из Новой Каледонии, две дубинки с островов Тонга, один служебный посох вождя маори, одно плотницкое лезвие новозеландца, один молоток "poī" и один молоток "gnatoo" из Тонга, а также два предмета, которые рисовальщик, возможно, предназначал для дубин, но которые были превращены искусством гравера в бутылочные тыквы. Кроме того, есть один предмет без надписи, который может быть барабаном (и поэтому не может принадлежать Новой Зеландии), или это может быть ведро, или это может быть кувшин, и еще один предмет без надписи.

Однако не стоит удивляться этим мелким ошибкам, когда в той же работе сцена в североамериканском вигваме описывается как "новозеландские крестины", а "Интерьер кафрской хижины" оснащен абиссинским оружием и орудиями труда: Мужчины изображены носящими длинные бороды с двумя вилками, как у фанов, головные уборы, как у Тонга, и накидки, как у Абиссинии; а гладкошерстная женщина, вместо того чтобы быть одетой по каффирской моде, обнажена, за исключением белой ткани, повязанной вокруг бедер. Сама хижина представляет собой необычайно гениальный пример извращенности рисовальщика, который выбрал именно те характеристики, которые не присущи каффирской хижине. Во-первых, хижина в три раза больше, а стены, очевидно, глиняные - точно не из плетенки, которую каффиры используют в строительстве домов. Пол, который в каффирской хижине выложен глиной, гладкой, как стол, и твердой, как бетон, здесь неровный и покрыт травой; а в довершение всего дверь достаточно высока, чтобы человек мог пройти, не наклоняясь, и завершается красивым арочным крыльцом, увитым вьющимися растениями.

За исключением одного человека, которого при некотором воображении можно принять за хоттентота, ни хижина, ни ее мебель, ни ее обитатели, ни их оружие не имеют ни малейшего сходства с теми, что живут в любой части Южной Африки. Так обстоит дело с музеями и книгами, и нас не должно удивлять, что популярные представления об оружии и военном деле Новой Зеландии весьма неопределенны.

Конечно, в настоящее время маори практически отказались от своего древнего оружия в пользу винтовки, которой они хорошо умеют пользоваться, сохранив оружие аборигенов

скорее как знаки отличия, чем для активной службы. Однако нам нечего делать в этих современных нововведениях, и мы ограничимся только тем оружием, которое принадлежит стране.

Первым и самым важным из них является мерай, или короткая дубина. Это оружие является точным аналогом короткого меча, которым пользовались древние римляне, а в некоторых случаях напоминает его настолько, что если убрать с меча поперечную гарду и сделать лезвие выпуклым, а не плоским, то формы этих двух видов оружия будут почти полностью идентичны.

Материал, из которого изготавливается это оружие, иногда дерево, иногда камень, но в основном кость, последний материал поставляется китом-спермацетом. Каменный мерай ценится больше всего, поскольку трудно найти подходящий кусок для этой цели, а также из-за огромного времени, которое уходит на то, чтобы вырезать его до нужной формы с помощью очень несовершенного инструмента, которым владеют маори. На самом деле, каменные мерай мало и трудоемко обтачивают, натирая их куском камня и чем-то вроде наждачного порошка.

В конце рукоятки каждого мерай просверлено отверстие. Через это отверстие продевается петля из плетеного шнура, с помощью которой оружие подвешивается к запястью, чтобы не дать владельцу обезоружить себя в бою. Сверление отверстия - очень медленный процесс, и делается оно с помощью смоченной в наждаке палочки.

Самый лучший мерай такого рода, который я видел, принадлежит Х. Кристи, эсквайру, и отличается не только размером, но и правильностью и красотой изгибов. Материал - темный, тускло-зеленый вулканический камень, из которого новозеландцы делают многие свои орудия. Его длина составляет почти восемнадцать дюймов, а ширина в самой широкой части - более четырех дюймов. Похожее оружие, почти такое же большое, есть в коллекции Института Объединенной службы; но изгибы не такие правильные, а изделие не такое красивое.

Одно из этих орудий находится в моей коллекции. По форме оно не уступает описанному, но не такое длинное. Его длина составляет более четырнадцати дюймов, а ширина - не более четырех дюймов. Он весит два фунта шесть унций и является самым грозным оружием: удара его острым краем достаточно, чтобы пробить череп быка, не говоря уже о человеке.

У каждого вождя, какого бы низкого ранга он ни был, обязательно есть один из этих мераяв, которым он очень гордится и с которым его едва ли можно заставить расстаться. У великих вождей мерай сделаны из зеленого нефрита, такого, как уже описывалось при рассмотрении украшений маори. Это оружие передается от отца к сыну и так высоко ценится туземцами, что приобрести его практически невозможно, если только оно не захвачено в бою. Если вождь умирает, не имея сына, к которому может перейти его мерай, оружие обычно хоронят вместе с ним.

На [рис. 6](#), в разделе "Оружие", на стр. 841, показан один из этих мераяв из зеленого нефрита. Его форма не столь изящна, как у моего оружия, которое только что было описано. Действительно, из такого ценного и редкого минерала, как зеленый нефрит, нелегко найти достаточно большой кусок, чтобы сделать из него оружие обычной формы, и производитель вынужден делать все возможное из имеющегося в его распоряжении материала.

На [рис. 7](#) приведен пример самого распространенного вида мерай, сделанного из дерева. Поскольку материал такого оружия сравнительно малоценен, маори, похоже, компенсируют

себя, добавляя к нему орнамент. Например, они очень редко делают мерай такой же простой формы, как на [рис. 6](#), но придают ему четкий край и спинку, как на [рис. 7](#). В некоторых случаях они превращают его в сложнейшее произведение туземного искусства, настолько красиво вырезанное, что оно больше похоже на несколько резных кусков дерева, подогнанных друг к другу, чем на оружие, вырезанное из одного цельного блока.

Необычайно красивый пример такого оружия можно увидеть на [рис. 1](#) иллюстрации "Мераис" на стр. 841. Как читатель может видеть, это единый массив резьбы, рисунок полностью прорезан в дереве и поэтому одинаков с обеих сторон. На спине мераи вырезан узор необычайной красоты и смелости, а край вооружен рядом акульих зубов, которые делают его удары очень грозными, когда они направлены против обнаженных тел воинов маори. Образец, с которого был сделан этот рисунок, можно увидеть в коллекции Британского музея.

На второй иллюстрации изображен мерай, сделанный из кости. Материал в основном получают из лопаточной кости кита-спермацета, и поэтому в книгах о путешествиях говорится, что оружие сделано из китовой кости, что вводит в заблуждение обычного читателя, который наверняка понимает под "китовой костью" черное эластичное вещество, получаемое из гренландского кита.

Эти мераи чрезвычайно разнообразны по форме. Некоторые из них сделаны наподобие каменного оружия, только гораздо более плоские и, как следствие, имеют одинаковые края. Иногда они усеяны шипами и вырезаны в углублениях; иногда на них вырезаны узоры, очень напоминающие деревянные мераи, но не столь замысловатые. На образце, который я выбрал для [иллюстрации](#), видны примеры орнамента и шипов.

У меня есть очень хороший мерай, который был сделан из нижней челюсти кита-спермацета. Это оружие показано на [рис. 4](#) той же иллюстрации, напротив, а рядом с ним - разрез челюсти кита, чтобы показать, как она вырезана. Длина этого оружия составляет семнадцать дюймов на три с половиной дюйма в ширину, а вес - один фунт девять унций. Вследствие этой сравнительной легкости оно является гораздо более эффективным оружием, чем каменный мерай; ведь последний настолько тяжел, что, если удар не попадает в цель, нападающий не может вовремя вернуть оружие, чтобы защититься или повторить удар, и тем самым подставляет себя под удар противника.

Если читатель посмотрит на [срез кости](#), то увидит, что в центре она пористая, а по краям твердая и прочная. Именно из твердой части и был вырезан мерай, в результате чего оружие получилось очень плоским. В разрезе видны многочисленные каналы, по которым проходят кровеносные сосуды, питающие кость, а на рисунке мерая один из них показан пересекающим оружие в продольном направлении. Мерай называется "пату-пату", причем буква "у" имеет тот же звук, что и во флейте.

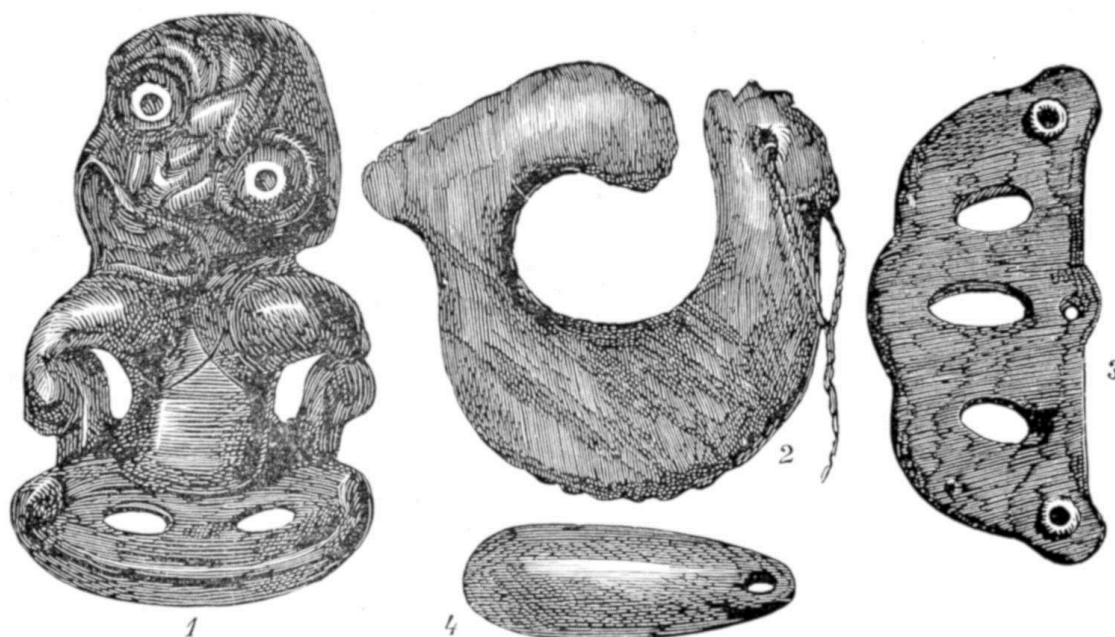
Многие туземцы обнаружили, что английский билль-крюк прекрасно подходит в качестве мерая, и его можно достать без особых проблем. В свое время их в огромных количествах импортировали из Бирмингема; но винтовка и штык в последние дни настолько вытеснили все остальные виды оружия, что маори мало беспокоятся о крюке.

Когда маори сражается с мераи, он не просто наносит удар, его обычным движением является резкий выпад в подбородок противника; и если ему удастся поразить его острием, он срубает его острием, прежде чем тот успевает опомниться.

На [рис. 5](#) "Оружие маори" на следующей странице показан топор, или томагавк. Это любопытная смесь европейской и маорийской работы: лезвие получено из Англии, а рукоятка сделана и вырезана в Новой Зеландии с обычными гротескными узорами, которые маори любят вводить во все предметы, связанные с войной. Бедренная кость убитого врага - излюбленная рукоять для такого томагавка.

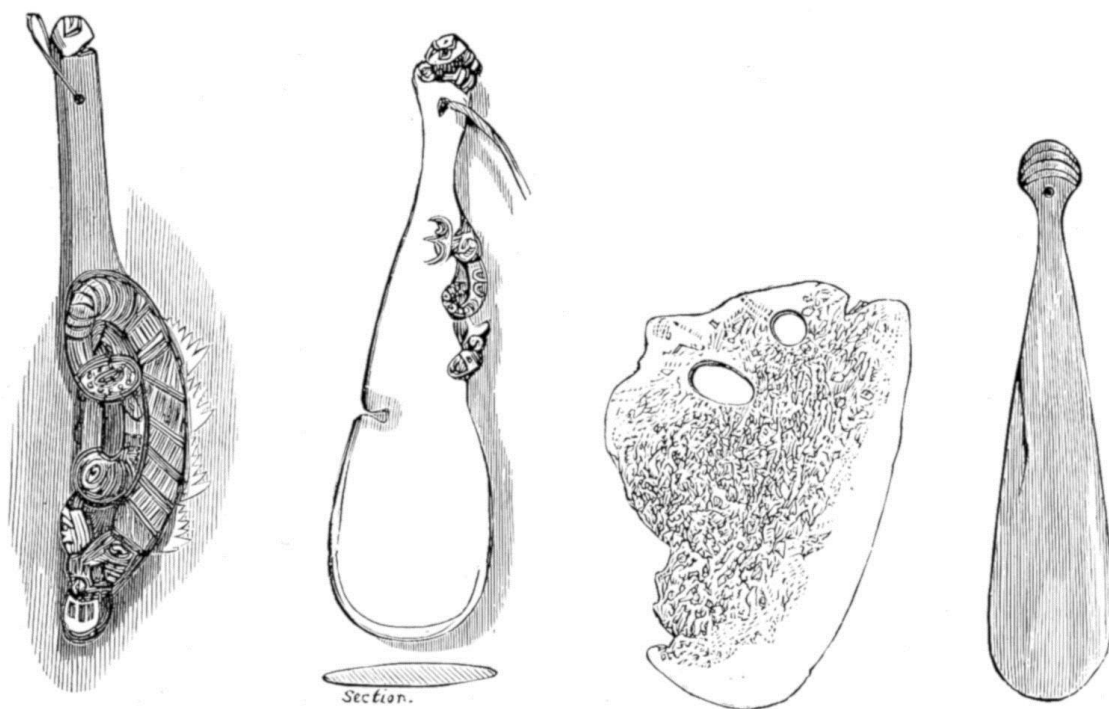
До того как о свирепом и воинственном характере новозеландцев стало известно, они захватили несколько судов с помощью мераи. Короткую дубинку легко было подвесить через плечо, где она была скрыта циновкой, так что, когда на борт поднималась группа туземцев, внешне безоружных, демонстративно оставивших патус и другое оружие в каноэ, на самом деле каждый был вооружен тем оружием, которому он больше всего доверял. По плану маори должны были свободно смешаться с командой, пока каждый не окажется рядом с одним из матросов. По сигналу вождя спрятанный мерай выхватывали из-под циновки, и через мгновение он пробивал голову выбранной жертвы.

Даже после того, как эта уловка была раскрыта, изобретательные маори ухитрились захватить не одно судно под предлогом демонстрации своего военного танца, который в мгновение ока превратился из имитации боя в реальность: воины прыгали среди зрителей и наносили удары направо и налево. Похоже, что плавание на корабле настолько дорого новозеландцу, что он едва ли может устоять перед соблазном, когда ему это предлагают. В "Миссионерском путешествии" господ Тирмана и Реннета есть анекдот о приключении, которое случилось с ними и которое, если бы не своевременная помощь дружелюбного вождя, несомненно, имело бы трагический исход.

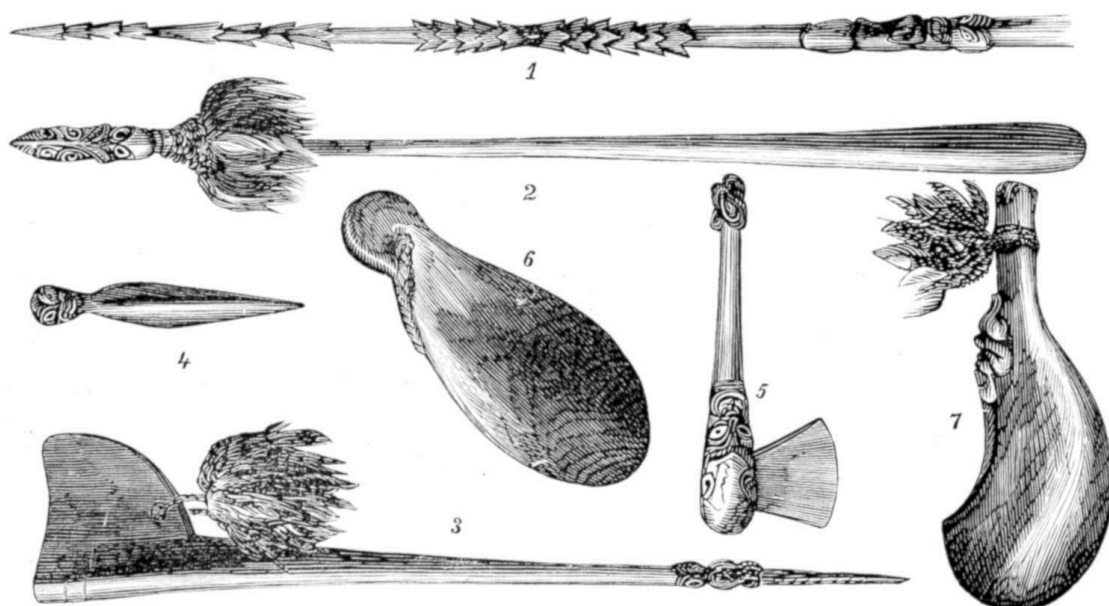

(1.) УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗЕЛЕННОГО НЕФРИТА.

(См. [стр. 813.](#))

(2.) ДЕРЕВЯННЫЕ И КОСТЯНЫЕ МЕРАИ.
(См. [стр. 840.](#))

(3.) ОРУЖИЕ МАОРИ.
(См. [стр. 838](#), [840](#), [844.](#))

Корабль прибыл в Новую Зеландию, и во время стоянки на якоре произошли следующие события: "Сегодня утром наше маленькое судно было окружено каноэ с несколькими сотнями туземцев обоего пола, которые вскоре взобрались на него и так заполнили его, что мы были вынуждены поставить засов на квартердеке и *оградить* его от вторжения. Некоторое время торговля различными товарами с обеих сторон шла довольно успешно, пока не произошли одно провоцирующее обстоятельство за другим, которые едва не привели к захвату корабля и гибели наших людей.

"В суматохе, вызванной большим скоплением людей на столь узком пространстве, туземцы начали применять свои воровские уловки, возможности для которых редко выпадают на долю. Вдруг повар закричал: "Они украли эту вещь"; но едва он назвал эту вещь (какой-то кухонный предмет), как снова закричал: "Они украли говядину из кастрюли!", а затем в третий раз: "Они украли мою сковороду!". Вскоре другой голос закричал с форштевня: "Капитан! Они вскрыли ваш сундук и унесли вашу одежду!"

"До этого времени мы дружески общались с вождями, потирали носы, покупали их личные украшения и другие диковинки, не подозревая ни о чем плохом. Но теперь, в течение нескольких мгновений, без нашего понимания непосредственной причины, вся сцена изменилась. Впоследствии мы узнали, что капитан (Диббс), услышав о дерзких кражах, о которых говорилось выше, пришел в ярость, и пока он пытался, довольно бурно, очистить палубу от некоторых нарушителей, один из них, вождь, будучи толкнут им, упал через борт корабля в море, между своим каноэ и судном. Это обстоятельство было мгновенно использовано как предлог для начала военных действий. Женщины и дети в течение нескольких минут исчезли, прыгнув за борт в свои каноэ и прихватив с собой какау, или мантии, воинов. Последние, раздетые к бою, остались на палубе, которой, прежде чем мы успели опомниться, они полностью завладели и тут же сделали нас своими пленниками.

"Варвары издавали невероятные вопли и визг, размахивая своим оружием, состоящим в основном из дубин и копий. Один вождь со своими рабами окружил капитана, уперев копья в грудь и бока, на правом борту судна. Мистер Тирман под охраной другой группы стоял по правому борту, а мистер Беннет - по тому же борту, но на корме, в направлении кормы. Мистер Трелкельд и его маленький мальчик, которому не исполнилось и семи лет, находились рядом с мистером Беннетом, но не под прямой ручной охраной дикарей. Вождь, который со своей бандой торговал с мистером Беннетом, теперь приблизил свое огромное татуированное лицо к лицу мистера Б. и закричал самым отвратительным и ужасающим тоном: "Тонгата, Новая Зеландия, тонгата какино? Тонгата, Новая Зеландия, тонгата какино?"

"Это он повторил так быстро, как только могли произнести губы, язык и горло, что означало: "Человек из Новой Зеландии, плохой ли он человек? Человек из Новой Зеландии, плохой ли он человек?" К счастью, мистер Беннет понял вопрос (мистер Беннет понял вопрос). Беннет понял вопрос (новозеландский диалект очень похож на таитянский), после чего, будучи уверенным, что неизбежная смерть близка, он ответил с максимальным спокойствием: "Kaore kakino tongata New Zealandi, tongata kapai" ("Неплохой; новозеландец - хороший человек"); и так часто, когда другой, с неописуемой свирепостью и резкостью акцента, задавал тот же вопрос (а это могло быть сотни раз), ему отвечали то же самое.

"Но, - спросил мистер Беннет, - к чему весь этот шум? Почему мы не можем, как прежде, тереться носами, покупать, продавать и торговаться? В этот момент крепкий раб, принадлежащий вождю, шагнул к мистеру Беннету сзади и прижал обе его руки к бокам. Мистер Б. не делал никаких попыток сопротивляться или вырваться из гигантской хватки, зная, что это лишь ускорит грозящее ему уничтожение. Сохраняя спокойствие, он спросил у вождя, сколько стоит шейное украшение, которое тот носил. Тут же другой раб поднял над головой пленника большой топор для рубки деревьев (который, вместе с другими, был принесен корабельной компанией для заточки). Этот грубиян с демоническим нетерпением и жадностью смотрел на своего хозяина, ожидая сигнала к удару.

"И здесь следует заметить, что наши добрые соотечественники не имеют ни малейшего представления о той почти сверхъестественной ярости, которую дикари могут выразить в своих искаженных лицах и придать своим оглушительным и ужасающим голосам, когда ими

овладевает легион-фигура ярости, скупости и мести. Мистер Беннет настойчиво поддерживал разговор с вождем, говоря: "Мы хотим купить у вас бруа, кумера, ика и т. д. (свиней, картофель, рыбу)".

"В этот момент на палубу вышел юноша с большой рыбой в руках. "Что я дам тебе за эту рыбу?" - "Столько-то рыболовных крючков". - "Ну, тогда засунь руку в мой карман и возьми их". Парень так и сделал. А теперь положите рыбу вниз, на уключину, и принесите еще, если у вас есть", - сказал мистер Беннет. Тут же сзади принесли рыбу, которую он только что купил, и снова выставили на продажу. Он не обратил внимания на плутовство, но потребовал: "Сколько я дам за эту рыбу?" - "Столько-то крючков". - "Берите их. У тебя нет другой рыбы на продажу? В третий раз была предложена та же рыба и та же цена в крючках, и продавец дал, вернее, взял, из карманов своей куртки, в которой, как оказалось, было много этой валюты для торговли. В четвертый раз мистер Беннет спросил: "У вас нет другой рыбы?". На это плуты, не в силах больше сдерживать свое презрение, разразились хохотом и закричали: "Мы обманываем иностранца!" ("Тангата ке!"), полагая, что их клиент не знает, как часто они ловили его на одну и ту же приманку".

С помощью этого хитроумного плана притвориться обманщиком маорийцев мистеру Беннету удалось выиграть время, каждая минута которого, как он знал, имела огромное значение, и наконец он был вознагражден за свою смелую дипломатию прибытием лодки, в которой находился дружелюбный вождь, который сразу же освободил корабль.

Читатель заметит, что в это время новозеландцы еще не отказались от использования копья в качестве боевого оружия, хотя спустя всего двадцать лет едва ли можно было найти копье, которое бы не служило эмблемой гостеприимства, а не вражды.

На [рис. 3](#) "Оружия" показана очень любопытная дубина, которую туземцы называют пату, а моряки популярно, но ошибочно, называют боевым топором. Она около пяти футов в длину и имеет на одном конце плоскую, похожую на топор головку, а на другом - острие. Одно из таких орудий в моем распоряжении, подаренное мне вместе со многими подобными предметами Э. Рэнделлом, эсквайром, имеет длину пять футов один дюйм и весит два фунта шесть унций, то есть точно такой же вес, как и уже описанный каменный мерай. Закругленный край топорообразной головки очень острый, и, конечно, выглядит так, будто предназначен для нанесения ран. Однако это не так: маори используют заостренный приклад как копье или пику и наносят удары затылком, а не острием.

В нижней части головы просверлено отверстие, к которому подвешен пучок перьев и ручейков. Иногда этот пучок имеет длину не более фута, но часто бывает и длиннее. У экземпляра, взятого сэром Дж. Э. Александером, он вдвое длиннее самой пату. На первый взгляд этот придаток, подобно многочисленным перьям, украшающим североамериканские копья или булавы, кажется просто украшением и скорее умаляет, чем увеличивает эффективность оружия. Но воин маори - слишком увлеченный солдат, чтобы жертвовать пользой ради украшения, и, если он использует последнее, он обязательно позаботится о том, чтобы первое не подвергалось опасности.

В данном случае этот бесполезный на первый взгляд аксессуар существенно повышает эффективность оружия. Когда воин, вооруженный пату, встречает противника, он не бросается на него бездумно, а как бы фехтует со своим оружием, держа его в обеих руках, вертя его и распуская пучок перьев перед лицом врага, чтобы отвлечь его внимание. Он не стоит на одном месте, а скачет туда-сюда, стараясь вывести противника из равновесия, и делает всевозможные финты, чтобы проверить его силы. При малейшей возможности острие

приклада вонзается в тело противника или наносится сильный удар головой, причем удар, как правило, наносится вверх, а не вниз, как можно было бы предположить.

По сути, все управление пату практически идентично управлению старинным английским четвертным посохом - оружием, применение которого в наши дни, к сожалению, забыто. Пучок перьев не является неизменным аксессуаром. В моем экземпляре, например, он никогда не использовался, и я видел много других, в которых не было просверлено отверстие для вставки веревки, связывающей перья вместе.

Последнее оружие, изображенное на этой иллюстрации, вряд ли заслуживает такого названия. Это кинжал, который изображен на [рис. 4](#). На [рис. 2](#) той же иллюстрации изображено орудие, которое обычно принимают за копье и обозначают как таковое во многих коллекциях. Однако это вовсе не копье, а скипетр, или посох, принадлежащий вождю. Маорийское название - э'хани. По форме приклада оно напоминает сильно удлинненный мерай, и вообще все орудие выглядит так, как будто хани и мерай - это разные модификации одного и того же оружия.

Как бы то ни было, хани - это не копье, а служебный посох, почти идентичный по форме тому, что носили древние короли и глашатаи во времена Трои. На верхнем конце видна головка, которая имеет некоторое сходство с острием копья, что дало основание считать, что рассматриваемое орудие действительно является копьем. Однако эта часть не служит цели нападения, а просто является условным изображением человеческого языка, который, будучи максимально выдвинут вперед, передает, согласно представлениям маори, самое горькое оскорбление и вызов. Когда вождь хочет начать войну с каким-либо племенем, он собирает своих людей вместе, произносит пламенную речь и многократно выбрасывает свой хани в сторону врага, причем каждый такой выпад воспринимается как высунутый язык в знак неповиновения.

Чтобы показать, что острие хани действительно предназначено для изображения человеческого языка, на его оставшейся части вырезано гротескное и надуманное подобие человеческого лица, главными чертами которого являются два огромных круглых глаза, сделанных из раковины галиотиса.

Обычно хани украшают перьями, как и пату; но многие шести лишены этого украшения, которое рассматривается как необязательное. Эти шести сильно различаются по длине. Мой собственный экземпляр имеет длину от пяти до шести футов и лишен украшений из перьев, в то время как длина других не превышает ярда, и они украшены пучком перьев такой же длины, как и они сами. Вожди почти так же цепко держатся за твердь, как и мераи, и, кажется, не испытывают трудностей, если она оказывается вне их досягаемости. Несколько лет назад несколько вождей маори приехали в Англию, и их повели осматривать различные достопримечательности Лондона. Но куда бы они ни отправлялись - в театр, в зоологический сад или по делам, - они неизменно брали с собой хани, иногда для удобства носили короткий, но, судя по всему, придавали огромное значение его наличию.

Одно из этих любопытных орудий в моей коллекции достигает шести футов в длину и сделано из того же дерева, что и пату. Если держать его вертикально, то сходство острия с вытянутым языком не очень заметно; но если держать его горизонтально, то эффект совершенно меняется, и весь наконечник становится похож на человеческую голову с языком, высунутым как можно дальше между губами. Поскольку язык является лишь условным изображением, он покрыт узором: по центру проходит гребень, а каждая сторона отмечена точно такими же изгибами и полуспиралями.

Несмотря на свою длину, это очень удобный посох для ходьбы, а в случае необходимости он может служить и оружием: наконечник языка достаточно острый, чтобы служить наконечником копья, а уплощенный приклад достаточно тяжелый, чтобы оглушить человека хорошо направленным ударом. Мой экземпляр не имеет хохолка из перьев и собачьей шерсти, который украшает хани, изображенный на "оружии" (рис. 2, с. 841); но это украшение не считается необходимой частью орудия.

Прежде чем вступить в войну, люди считают себя обязанными принять участие в военном танце. Военные танцы есть почти во всех дикарских племенах, но новозеландский превосходит их все. В других случаях каждый воин отдается азарту момента, кричит, вопит, танцует и размахивает оружием, как ему вздумается; но танец маорийского воина носит совершенно иной характер, он подчиняется дисциплине и точности, по сравнению с которыми танец самих русских распушен и нерегулярен.

Они начинают с того, что вымазывают всю свою одежду и раскрашивают лица алой охрой, чтобы сделать себя как можно более отвратительными. Собравшись для танца, они выстраиваются в шеренги, чаще всего по три человека, и доводят свой страстный нрав до высшей точки, искажая лица и высовывая языки в знак неповиновения, перемежая эти жесты криками, воплями и обращениями к врагу. Сам танец начинается с притопывания ногами в такт друг другу, причем сила притопывания постоянно увеличивается, а волнение растет в той же пропорции.

Внезапно, с криком, все тело мужчин подпрыгивает в воздух, как будто движимое одним духом, и, коснувшись земли, опускается на нее с мощным ударом, заставляющим землю дрожать. Звучит военная песня, и в соответствии с ее ритмом мужчины прыгают из стороны в сторону, каждый раз опускаясь вниз с грохотом, как какой-то огромный двигатель. Танец оказывает на исполнителей необыкновенное воздействие. Кажется, что на какое-то время они становятся абсолютными маньяками, вся их натура отдается неистовому возбуждению момента. Их лица страшно искажаются и приобретают совершенно демоническое выражение.

Даже когда война не грозит, магическое воздействие танца влияет на исполнителей так же сильно, как если бы они находились рядом с па или фортом врага, готовые к бою; а когда, как это иногда бывает, маори устраивают танец в честь гостя, они становятся настолько неистово возбужденными, что становятся весьма опасными, пока не успеют остыть.

В один из таких случаев партия маори, посетивших корабль, попросила показать свой военный танец и очень добродушно сделала это. Но через некоторое время их размеренные прыжки стали такими энергичными, а удары такими мощными, когда они выкрикивали боевые рифмы военной песни, что они сотрясали весь корабль, словно удары тарана; и командир, опасаясь, что они окончательно разобьют палубу, умолял их прекратить. Его мольбы были напрасны, даже если их и услышали, хотя вполне вероятно, что в своем неистовом возбуждении танцоры были глухи ко всем звукам, кроме военной песни, которую они выкрикивали во весь голос; танец продолжался до самого конца и не прекращался, пока исполнители не выдохлись от неистовых усилий, которые они прилагали.

Самой нелепой частью танца было поведение вождя. К нему отнеслись с большим вниманием, подарили полный костюм военно-морской формы, которым он очень гордился и в котором расхаживал по палубе к большому восхищению своих подданных. Когда его спросили, можно ли исполнить военный танец, он сразу же приказал своим последователям удовлетворить просьбу и сначала спокойно стоял в стороне, пока они исполняли танец.

Однако влияние танца оказалось слишком заразительным, чтобы сопротивляться, и быстро распространилось на него самого. Сначала он просто раскачивал свое тело в ритм с шагами танцоров, потом присоединился к песне, затем начал притопывать в такт с ними и, наконец, сбросил с себя всякую сдержанность, вскочил в строй и прыгал, кричал и притопывал с таким же энтузиазмом, как и все остальные, разрывая в клочья свою новую одежду и представляя собой очень жалкое зрелище, когда его возбуждение улеглось.

На рисунке напротив изображена часть группы воинов, как они выглядят во время исполнения своего военного танца. Видны только первые три шеренги, но читатель должен сам представить себе длинные ряды воинов, тянущиеся вдаль и насчитывающие зачастую от одной до двух сотен человек. Впереди стоит вождь с зеленым нефритовым мераем в руке, а за ним - другой, более низкий вождь. На заднем плане изображена часть па, где происходит танец; справа виден склад еды вождя, а под навесом домов сидят женщины, которые наблюдают за танцем.

Я уже говорил, что война всегда присутствует в мыслях настоящего маори. В отличие от испаряющегося фиджийского воина, который всегда готов похвастаться, но редко готов сражаться, предпочитая стукнуть врага по голове, когда тот спит, маори - храбрый солдат, с самого раннего детства приученный к военным подвигам. Имитация войны - одна из любимых игр детей маори, хотя в нее обязательно играют только мальчики. Как мальчики в нашей стране строят снежные замки, нападают и защищают их снежными шарами, так и юные новозеландцы строят миниатюрные крепости и разыгрывают в небольших масштабах настоящие военные действия, используя вместо мерай и пату легкие палочки. Они строят свои крепости, возводя насыпи из земли и сооружая крепости из кольев, в точном подражании более основательной архитектуре настоящего паха.

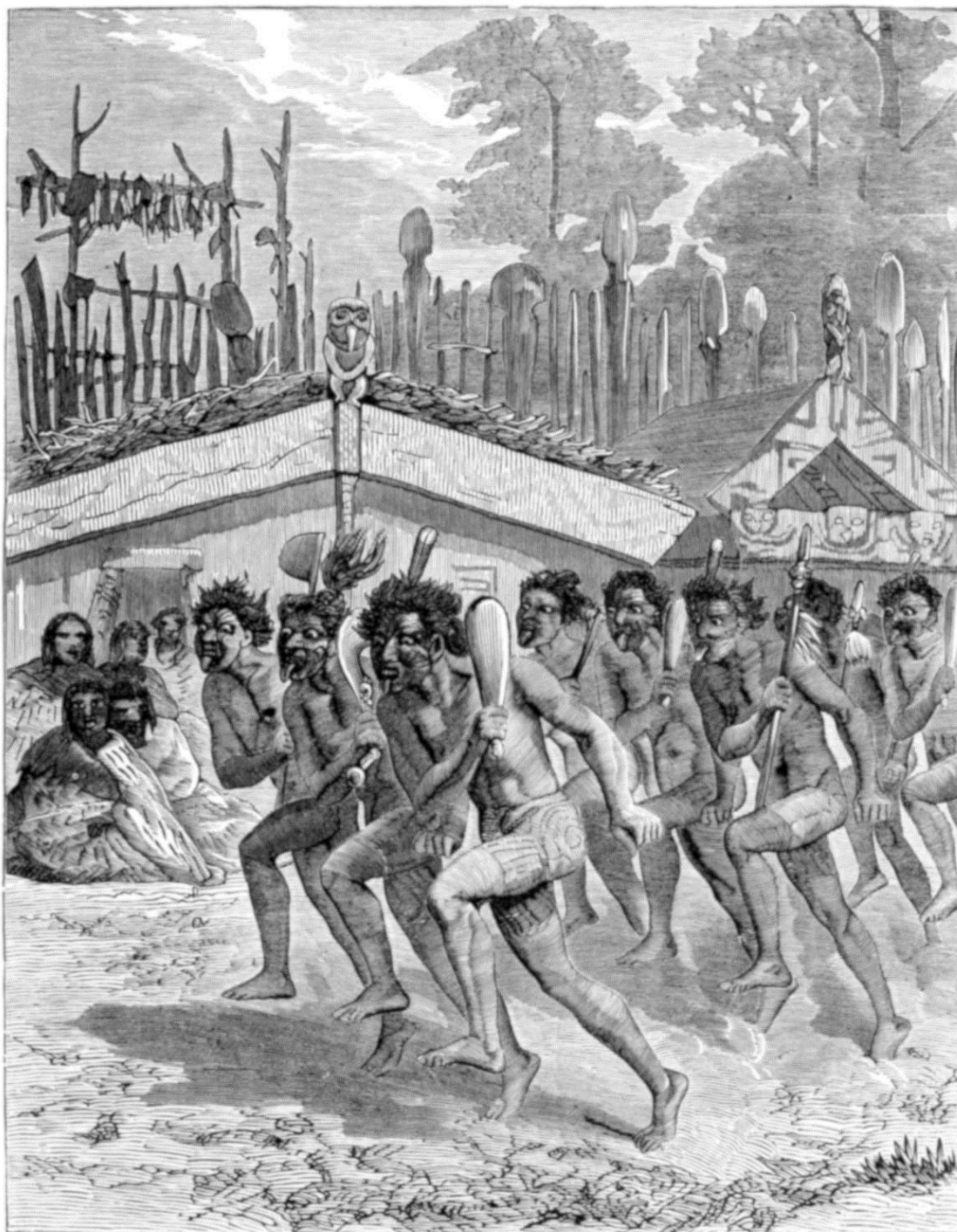
Эти хитроумные па хорошо иллюстрируют всю систему военных действий маори. Две противоборствующие стороны редко встречаются друг с другом на открытой местности, как это бывает в европейской войне; они также не используют нерегулярные стычки среди деревьев или под прикрытием, как это бывает у многих диких племен. Нападающая сторона обязательно превосходит своих противников в численности, и последние, зная об этом, прибегают к системе фортификации и укрепляются в крепостях, или пахах.

Эти пахи представляют собой удивительные примеры нецивилизованной инженерии и прекрасно приспособлены к той цели, которую они должны выполнять. Они всегда располагаются в каком-нибудь прочном месте, иногда на берегу моря, иногда на возвышенности, а один или два самых сильных построены на самом краю перпендикулярного обрыва, так что их нельзя атаковать с трех сторон, а к четвертому можно подойти только по узкой и неудобной тропе, по которой могут пройти лишь несколько человек, и которую может защищать сравнительно ограниченное число осажденных. (См. с. 830.)

Взять один из этих па - действительно большое предприятие для туземцев, и до того, как они научились пользоваться огнестрельным оружием, удивительно, что они вообще брали па. Многие из них действительно неприступны и, пока в колонии не появилось огнестрельное оружие, могли бросить вызов всем врагам. Они были расположены так, что, просто перекаывая камни по подступам, можно было очистить путь от любого врага. Они окружены траншеями и имеют хитроумные салли-порты, построенные таким образом, что защитники могут выходить из неожиданных частей форта, внезапно нападать на атакующих и отступать через тот же проем, когда они достигли своей цели.

Они огорожены вокруг очень крепкими столбами, скрепленными между собой так прочно, что способны выдержать любое обычное нападение. С тех пор как появилось огнестрельное оружие, маори изменили конструкцию пахов, чтобы приспособить их к новому оружию, выложив углы, чтобы обеспечить фланговый огонь, и заполнив внутреннюю часть траншеями, в которых защитники могут лежать в безопасности от огня противника. С тех пор как они узнали о страшной силе снарядов, туземцы научились строить "траверсы", *то есть* поперечные стены в траншеях, которые не только защищают обитателей от осколков снарядов, но и не позволяют анфиладному огню нанести большой урон. Стрелковые ямы также построены с необычайной изобретательностью. Один пах был примечателен тем, что был построен над несколькими кипящими источниками, которые использовались как ловушки для врага во время осады форта.

Читатель, возможно, помнит печальный случай, произошедший с Воротным пахом в Тауранге. При штурме пах казался пустым и заброшенным, туземцы, по всей видимости, сбежали, согласно их обычаю, когда обнаружили, что место больше не пригодно для жизни. Однако они устроили ловушку, в которую попали нападавшие. Когда последние разбрелись по внутренним помещениям и, совершенно потеряв бдительность, стали подбирать оружие, утварь и другие предметы, беспечно валявшиеся повсюду, из-под их ног раздался страшный мушкетный огонь: туземцы соорудили ямы, в которых прятались до тех пор, пока враг не оказался в пределах досягаемости оружия и орудий, которые они специально положили в качестве приманки. Людей, совершенно потерявших бдительность, многие из которых к тому же были еще новобранцами, охватила внезапная паника, и, за редким почетным исключением, они бросились вон из ямы, преследуемые и изрезанные огнем коварного врага.

ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ МАОРИ.
(См. [стр. 846.](#))

Конечно, отпор был лишь временным, но подобная хитрость свидетельствует о военном гении маори, который, если становится врагом, не может быть безнаказанно презираем. Эта система захвата врага врасплох является обычным способом ведения боевых действий среди маори, которые проявляют удивительную изобретательность в организации засад и заманивании в них противника. Когда мы впервые вступили в войну с туземцами Новой Зеландии, мы часто попадали в засаду; в одном случае затаившиеся враги оказались так близко от наших людей, их сумрачные формы были скрыты в тени кустарника, что у многих

солдат, которым удалось спастись, лица были полностью татуированы зернами негоревшего пороха из мушкетов противника.

Если нападающим удастся захватить пах, всегда начинается ужасная резня. Убивают всех мужчин, способных владеть оружием, а женщин и детей уводят в рабство к завоевателям - обреченность, от которой, как я уже говорил, нет спасения; несчастные женщины, их дети и любое будущее потомство - рабы без возможности освобождения, и даже их собственное племя не может, согласно закону маори, вмешаться в права похитителей.

Тела воинов, разумеется, оставляют для запекания и употребления в пищу. Иногда даже пленники становятся жертвами жажды крови, присущей этим островитянам, и в этом отношении женщины не уступают мужчинам, если не хуже. Например, главная жена очень великого вождя по имени Э'Хонги привыкла, даже будучи слепой, убивать некоторых пленников, когда их приводил домой ее грозный муж. Однако ее собственный конец был более трагичным, чем у любой из ее жертв. Э'Хонги имел привычку совершать длительные экскурсии в разные уголки страны, в которые брал с собой жену. Во время одной из таких поездок она заболела, и ее пришлось оставить. Из-за слепоты, дополненной слабостью, она не смогла защитить себя, и несколько собак, обнаружив ее слабость, разорвали ее на куски и съели.

Однако, судя по всему, она была женщиной с необычайно сильным чувством мести. "У нее была, - пишет мистер Ангас, - маленькая девочка-рабыня, к которой она проявляла сильную привязанность. Маленькое создание было интересным и добродушным, а ее хозяйка, видимо, так любила ее, что избавила ее от страданий рабства; она была всего лишь любимицей".

"Хонги вернулся из одного из своих успешных военных походов, но оставил сына на поле боя, и плач был велик. Поглаженная невольница положила голову на колени своей госпожи и излила свою долю общего горя. Но дух мести или безумного возмездия овладел сердцем убитой матери, и она отнесла ребенка к воде и жестоко задушила его в знак удовлетворения своего эгоистичного горя".

Вскоре после этого случая она встретила свою смерть. Когда ее оставили, по обычаю туземцев на столбах соорудили небольшой навес, а рядом положили запас еды. Когда группа вернулась, сарай лежал на полу, а среди его развалин валялись побелевшие кости обитательницы. Предполагается, что ветер повалил сарай, и таким образом собаки смогли добраться до нее.

Этот же Э'Хонги был действительно выдающимся человеком и заслужил славу мудрого и мужественного. Совершив путешествие в Англию, он направил все свои силы на укрепление военной мощи и захватил с собой множество мушкетов и боеприпасов.

Он вернулся в свою страну точно в назначенное время. Между ваикато и другими племенами шла долгая и неспешная война, в которой первые после многих перипетий одержали победу и, окончательно покорив своих врагов, с триумфом вернулись в свою страну.

Как раз в это время Э'Хонги вернулся в свое племя нга-пуи, раздал огнестрельное оружие лучшим воинам и, обучив их обращению с новым и страшным оружием, вошел в страну ваикато и напал на их большой пах под названием Матукетуке. Вайкато, имея при себе только дубины и не зарывая окопов, которые в наши дни роют в каждом па, предназначенном для противостояния штурму, не смогли противостоять огнестрельному оружию, и через

несколько минут форт был взят. Именно в этом бою были захвачены Хоромона и Те Виро-Веро.

Резня по этому случаю была ужасной: две тысячи воинов были убиты, а их тела съедены победившим племенем, которое построило огромное количество печей специально для того, чтобы готовить тела убитых. В течение многих лет после этого остатки печей и побелевшие кости двух тысяч воинов можно было видеть как свидетельства ужасной сцены, где пиры продолжались до тех пор, пока не были съедены все тела, и каждой злой страсти необузданной человеческой природы было позволено полностью овладеть ею.

Один из тех самых мушкетов, которые использовались по этому случаю и которые Георг IV подарил Э'Хонги во время его визита в Англию, сейчас находится в коллекции полковника сэра Дж. Дж. Э. Александера. Это одно из обычных орудий "Браун Бесс", некогда столь дорогих солдатам, а теперь непочтительно называемых газовой трубой.

По этому случаю было захвачено огромное количество пленников; и действительно, количество полученных таким образом рабов настолько превышало спрос на них, что Нга Пуи убили многих из них на пути домой, просто чтобы избавиться от них. Э'Хонги, хотя и был известен как человек самой решительной храбрости, не говоря уже о свирепости, когда участвовал в войне, и был склонен вести себя властно по отношению к тем, кого считал ниже себя, в то же время отличался особой мягкостью и учтивостью по отношению к равным себе, а по отношению к чужеземцам отличался мягкой вежливостью.

Был еще один очень знаменитый вождь с похожим именем - Хонги-Хонги, которого иногда путают с его великим предшественником. Один подвиг этого воина настолько характерен, что заслуживает упоминания. Он возглавил нападение на пах у горы Эгмонт, захватил его и, согласно обычаю, убил воинов, а остальных жителей забрал в рабство. Шестьдесят этих несчастных попали в руки Хонги, который гнал их, как стадо овец, со своим зеленым нефритовым мераем, до самого дома, а это расстояние в сто восемьдесят миль.

Этот вождь был устойчив к миссионерам всех мастей. Однажды мистер Ангас спросил его, кто он - *миханари*, то есть протестант, или *пикопо*, то есть римский католик. Хонги отрицал, что он либо тот, либо другой, и с радостью признался, что он *revera*, или дьявол, то есть что он все еще остается язычником.

Очень прискорбно, что нетерпимость в религиозных вопросах поощряется теми, кто должен был бы пресекать любые подобные чувства. В результате протестанты считают своих братьев-католиков реверами, или дьяволами, в то время как последние заключили союз со своими признанными язычниками; и таким образом, под видом религии, обычная вражда поддерживается, возможно, с еще большим ожесточением.

На 820-й странице я имею удовольствие представить читателю [портрет](#) Хонги-Хонги, каким он предстал в 1844 году, одетый в свой полный военный костюм. Разумеется, он снимал его перед тем, как вступить в бой. В ухе у него одно из украшений из зеленого нефрита, которые уже были описаны, а в правой руке он держит свой мерай, знаменитое оружие, которым он гнал рабов перед собой. Он изображен стоящим у стены своего паха, на чем он настоял, чтобы занять это место и нарисовать свой портрет для отправки английской королеве. На самом деле, он был настолько решителен в этом вопросе, что не позволил мистеру Ангасу покинуть пах, пока портрет не будет закончен. Часть па, изображенная [на иллюстрации](#), дает хорошее представление о такого рода укреплениях: огромные столбы с круглыми вершинами глубоко погружены в землю, а между ними установлены столбы поменьше; поперек них

проложен горизонтальный шест, и все это крепко скреплено либо обычной веревкой из форемии, либо стеблем дикой лозы.

Война среди маори, как бы свирепа и неумолима она ни была в некоторых своих проявлениях, не лишена рыцарских качеств, которые несколько смягчают ее свирепый вид. Например, существует хорошо известный кодекс военного этикета, который иногда демонстрируется в таком виде, который нам кажется довольно нелепым.

Например, племена ваикато и таранаки, как обычно, воевали, и ваикато осаждали пах, принадлежащий их врагам. Однако пах оказался слишком силен для них; кроме того, защитники сумели завладеть несколькими пушками, принадлежавшими судну, потерпевшему крушение на берегу, и уговорили нескольких европейцев установить их и работать, что они и сделали с таким успехом, что ваикато были вынуждены в конце концов отказаться от осады.

Но в самый разгар схватки в море появилось судно, и было немедленно заключено перемирие, чтобы обе стороны могли торговать. Осаждающие и осажденные дружно отправились на судно и, завершив свои сделки, вернулись, чтобы возобновить военные действия. Затем произошла очень забавная сцена. Осажденные таранаки оказались в выигрыше, поскольку у них было большое количество выделанного льна, или форемии, и они обменяли его на большое количество табака.

Табак - одна из самых больших роскошей, которой может обладать новозеландец; к несчастью для осаждающих ваикато, табака у них не было. Зато у них был обильный запас мушкетов, которые они захватили при нападении на другой па, а у осажденных было очень мало оружия. Так они наладили торговлю, причем ваикато так сильно желали получить табак, что взамен давали огнестрельное оружие, которое должно было быть обращено против них самих.

"Сцена, - пишет мистер Ангас, - описанная очевидцем, была, должно быть, очень смехотворной. Вайкато просунул свой мушкет на полпути через частокол па, сохраняя, однако, твердую хватку за свою собственность, пока намеревающийся купить ее изнутри не высунул аналогичным образом количество табака, которое он готов был отдать; ни одна из сторон не отказывалась от собственности, которая должна была перейти в другие руки, пока не завладевала той, которую предлагал ее противник".

Вождем, возглавившим вайкатос по этому случаю, был знаменитый Вирему Нера, или Уильям Тейлор; первое имя является наиболее близким к правильному произношению, которое могут сделать маори. Его маорийское имя было Те Аваитайя, и он был широко известен своей бесстрашной храбростью и полководческим искусством при проведении или отражении атаки. Будучи тесно связанным со знаменитым вождем Те Виро-Веро (или Потатау), он участвовал почти во всех сражениях между ваикато и таранаки. Во время одной из своих воинственных экспедиций он захватил па, в котором проживало около восемнадцати сотен жителей, и, разумеется, почти всех их убил, а оставшихся в живых переправил в качестве рабов в район Вайкато.

Позднее он принял христианство и стал так же ревностно бороться за мир, как и за войну. Став христианином, Те Виро-Веро настолько хорошо осознал свою ценность как воина, что воскликнул тем, кто принес ему эту новость: "Я потерял правую руку!"

Несмотря на то, что три пушки, взятые с разбитого корабля, были отбиты, вайкатос не пали духом и предприняли вторую атаку. Однако таранаки слишком хорошо видели храбрость

ваикато, чтобы рисковать второй осадой, и поэтому спокойно ушли, около двух тысяч человек, в сопровождении европейцев, которые подали им пушки. Последние очень правильно закрепили ружья шипами, когда покидали па, так что когда ваикато снова пришли и взяли па, они обнаружили, что оно опустело, а ружья оказались бесполезными для похитителей.

Таранаки жили в смертельном страхе перед могущественными и воинственными ваикато, и, если бы не любовь, которую они испытывали к своей родной стране, они бы бежали и оставили завоевателей в спокойном владении. Они даже были вынуждены держать свои плантации в кустарнике, где никто, кроме владельца, не мог их найти; они боялись, и не без оснований, что если их страшные враги узнают, откуда они получают провизию, то уничтожат всю плантацию и оставят свои жертвы голодать. Они находились в таком состоянии нервной тревоги из-за подозрения на вторжение своих могущественных соседей, что однажды, когда вдали показался огонь, все приняли его за костер, зажженный ваикато, и, как следствие, все бодрствовали всю ночь, готовые подать сигнал тревоги при первом же неожиданном виде или звуке.

Среди новозеландцев существует обычай возмездия, который с небольшими изменениями встречается во многих частях света. Если пролилась кровь, друзья убитого выходят из паха с решимостью убить первого встречного. Если он принадлежит к враждебному племени, тем лучше; если к тому же племени - тем хуже; в любом случае его убьют. В таком случае один из мстителей обязан убить собственного брата, если тот окажется первым, кто встанет на пути.

Подобная месть довольно неудобна для тех, кто в ней участвует, ведь им запрещено пользоваться обычными удобствами, они не могут есть никакой пищи, кроме той, что характерна для Новой Зеландии, и, самое главное, им запрещено курить. Поэтому, когда им не удастся найти ни одного человека, которого можно было бы принести в жертву, на помощь приходит священник, или тохунга. Он нарывает пучок травы и, повторив одно из многочисленных заклинаний, которыми изобилуют новозеландские предания и из которых ни слушатели, ни сам чтец не понимают ни слова из десяти, бросает траву в ближайший ручей в знак того, что мстители освобождаются от своей клятвы. Кровь, однако, все равно должна быть пролита; но после совершения этой церемонии кровь любого живого существа, даже птицы, считается достаточной, чтобы удовлетворить традиционный обычай расы маори.

Сложные обряды, тесно связанные с этой церемонией, используются как до, так и после битвы; но, поскольку они относятся скорее к теме религии, чем войны, мы пока отложим их.

Поскольку новозеландцы знают, что съесть тело убитого врага - дело воинской чести в сочетании с личным удовольствием, они с одинаковым желанием охраняют тела своих врагов и уносят тех, кто пал на их собственной стороне; и во многих случаях стремление спасти павших заставляло других разделить ту же участь, когда они пытались унести своих мертвых или раненых товарищей.

ГЛАВА LXXXIV. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение. КАНОЭ.

КАНОЭ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В МИРЕ И НА ВОЙНЕ - ОБЫЧНОЕ ТОРГОВОЕ КАНОЭ - МАСТЕРСТВО ЛОДОЧНИКОВ - БОЛЬШИЕ ВОЕННЫЕ КАНОЭ И СПОСОБ ИХ ПОСТРОЙКИ - УКРАШЕНИЯ КАНОЭ - ИСКУСНАЯ РЕЗЬБА - ТЕОРИЯ РАЗЛИЧНЫХ УЗОРОВ - НАЗВАНИЯ КАНОЭ - УПРАВЛЕНИЕ ПАРУСОМ - ПЕСНИ КАНОЭ - ПОЛНЫЙ ГРУЗ ДЛЯ ЛОДКИ - СПОСОБ ВЫСАДКИ - ФОРМА ВЕСЕЛ И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ РЕЗЬБЫ - ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ КОМПАСЫ.

Война ведется как на воде, так и на суше, и вождь, знающий принципы хорошего генералитета, всегда использует море, как и сушу, в качестве основы для своей атаки. По этой причине маори стараются строить свои па в местах, где они хорошо защищены от нападения как со стороны моря, так и со стороны суши. Некоторые из них находятся на самой границе уровня воды, другие - на вершинах скал, основание которых омывается волнами.

Одна из самых живописных из них - па, расположенная возле горы Эгмонт и известная под названием Ваймат-па. Здесь есть утес, перпендикулярно поднимающийся на четыре-пятьсот футов над уровнем воды, омывающей его подножие, и на самой вершине этого утеса расположено па, о котором идет речь. Он имеет значительные размеры, содержит много домов и укреплен обычной деревянной оградой. Чтобы сделать его как можно более неприступным, к нему ведет очень узкая и крутая тропа, по которой могут подняться только люди с сильной головой: тропа настолько узкая, крутая и опасная, что два человека могут защитить ее от пятидесяти.

В своих военных походах Э'Хонги широко использовал свои каноэ, забирая их вглубь страны до самого берега, а затем перетаскивая их по суше к следующей реке.

Эти каноэ играют столь важную роль в жизни новозеландцев, как на войне, так и в мирное время, что требуют подробного описания. Каноэ бывают нескольких видов, в зависимости от работы, которую им приходится выполнять. Простейшая форма новозеландского каноэ - это не более чем ствол дерева, выдолбленный в некое подобие корыта. Будучи неспособным противостоять суровой погоде, такое каноэ используется только на реках. Некоторые из этих каноэ, называемые *каупапами*, имеют от сорока до пятидесяти футов в длину, а в самой широкой части не превышают ярда в "балке". На дно каноэ укладывается обильный запас листьев папоротника, на которых лежат пассажиры. Подобные каноэ, называемые *"тивай"*, используются на внутренних озерах, они сидят так низко в воде, что кажется, будто у них нет киля.

Из-за отсутствия балки эти каноэ так же легко сломать, как и легкие ялики, на которых устраивают гонки на английских реках. Проворный маори, с детства приученный балансировать на этих коленчатых судах, преодолевает их с легкостью и безопасностью, но европеец обычно расстраивает четыре или пять каноэ, прежде чем научится правильно входить и выходить из них. Туземцы управляют этими каноэ с удивительным мастерством и, не обращая внимания на риск опрокидывания каноэ, с яростной энергией бросают весла в воду, поднимая брызги во все стороны, отчего каноэ и его гребцы выглядят на расстоянии как гигантские сороконожки, мчащиеся по воде.

Однако суда, которые маори любят больше всего и на которые тратят больше всего труда, - это большие каноэ, на которые воины садятся во время похода. Эти каноэ изготавливаются из каури (того же дерева, из которого получают уже упомянутую ароматическую камедь); а поскольку это дерево очень крупное, туземцы могут делать свои каноэ значительных размеров. Некоторые из этих каноэ достигают восьмидесяти футов в длину и, следовательно, способны перевозить большое количество воинов.

Они строятся довольно сложным способом. Сначала из ствола дерева формируется корытообразное судно, и если бы его оставили в таком виде, то это была бы просто очень большая каупапа. Однако, поскольку оно предназначено для морских путешествий и должно выдерживать суровую погоду, его делают гораздо шире, чем лодку, которая используется только на реках, и, кроме того, оно становится более мореходным благодаря наличию кильватеров. Они делаются отдельно и крепко привязываются к бортам лодки обычными льняными канатами.

И голова, и корма каноэ украшены резьбой, в точности повторяющей уже описанные образцы туземного искусства. Они пронизаны самыми сложными узорами, в основе которых лежит контур человеческого лица и полуспиральная кривая. На голове одного каноэ может быть пятьдесят или шестьдесят человеческих лиц, каждое с высунутым языком, щеками и лбом, покрытыми татуированными линиями, и парой вытаращенных глаз, сделанных из раковины галиотиса. Туземцы вырезают эти сложные узоры следующим образом:

Набросав общую форму вырезаемого изделия, он выбирает часть, которая, по его мнению, подходит для этой цели, и вырезает на ней человеческую голову. После этого он устанавливает вторую точку на некотором расстоянии от первой и вырезает еще одну голову, и так продолжается до тех пор, пока он не вырежет столько голов, сколько, по его мнению, потребуется для узора.

Затем он снабжает головы туловищами и конечностями, которые всегда представлены в очень приземистой и неуклюжей манере, и заполняет свободные места красивыми изогнутыми линиями, которые он так любит рисовать и вырезать. Детализация некоторых из этих военных каноэ настолько сложна, что не поддается никакому описанию, и ничто, кроме хорошо выполненной фотографии, не может дать правильного представления о красоте работы. Это удивительный пример развития искусства в условиях трудностей. Она совершенно уникальна по своему характеру, так что ни один человек, знакомый с темой, не сможет ни на минуту спутать новозеландскую резьбу с резьбой из какой-либо другой страны.

Помимо вырезания каноэ, маори красят их лаком в знак воинственного предназначения, а также обильно украшают пучками перьев и собачьей шерсти, подобно хохолкам, которые прикрепляются к пату. Когда каноэ не нужны, их вытаскивают на берег и накрывают соломой, чтобы уберечь от непогоды.

Как и более цивилизованные народы, новозеландцы дают имена своим каноэ, причем, похоже, с удовольствием выбирают самые звучные названия, которые только могут придумать. Например, одно каноэ называется "Маратухай", *то есть* "Пожирающий огонь", а другие имеют названия, почти полностью совпадающие с нашими "Непобедимыми", "Терриблями", "Громовержцами" и тому подобными.

Эти лодки оснащены весьма примечательным парусом, сделанным из камыша раупо. Он невелик по сравнению с размерами судна, имеет треугольную форму и устроен так, что может быть поднят или опущен почти в одно мгновение. Они лучшие моряки, чем можно было бы предположить по их внешнему виду, и прекрасно идут против ветра.

Иногда в одном из этих военных каноэ гребут от пятидесяти до шестидесяти человек, распевая песни в такт гребкам, а руководит ими и песнями, и гребками дирижер, который стоит в середине каноэ, подсказывая слова песни и отбивая время для гребцов посохом, который он держит в руке. Благодаря способности воды отражать звук, мерное пение песни гребцов можно услышать на реке задолго до того, как каноэ появится в поле зрения.

Мистер Ангас приводит интересный рассказ о путешествии на каноэ маори. Упомянув, что судно было так глубоко нагружено, что его борта возвышались над водой не более чем на два дюйма, он продолжает следующим образом: "Весла работали с большим усердием; усилия туземцев стимулировались оживленными криками, которые беспрестанно издавал то один, то другой из группы. В конце концов брызги стали настолько сильными, что мы почти промокли, и на просьбу маори, стоявшего перед нами, лить нам в лицо поменьше воды, он ответил распространенной среди них пословицей: "Никто не остается сухим, кто путешествует с вайкато", имея в виду, что люди этого племени превосходят всех остальных в скорости и ловкости, с которой они управляют своими каноэ.

"Наши туземцы были в прекрасном расположении духа. Они совершили долгое путешествие в Окленд, где увидели *пакеха* (белого человека, или чужака) в его поселении и стали свидетелями многих достопримечательностей цивилизации, с которыми они раньше не были знакомы. Они также приобрели предметы европейского производства и жаждали вернуться домой, на тихие берега Вайпы, чтобы подарить их своим друзьям в знак уважения. Их дикие, оглушительные песни, при каждом взмахе головы, прищуренные глаза и голые, покрытые таунитом плечи, прекрасно развивающие мускулы, когда они одновременно опускали весла в воду, придавали сцене новизну и оживляли ее.

"Песни каноэ, как правило, импровизированные и часто связаны с проплывающими мимо объектами. Такие возгласы, как следующие, наши спутники произносили на самом высоком уровне: "Отчаливай! Отчаливай! Отплывайте!" "Закапывайтесь в воду! 'Break your backs,' &c. С носа одного из каноэ доносились пронзительные звуки туземной флейты. Это очень грубый и несовершенный инструмент, и они не играют на нем с каким-либо мастерством, у него всего две или три ноты". Флейта, о которой идет речь, сделана из человеческой кости и описана на предыдущей странице. На ней играют, прикладывая отверстие к одной ноздре и затыкая пальцем другую.

Когда туземцы отправляются в путешествие на своих каноэ, они настолько уверены в своем мастерстве и умении управлять ими, что перегружают их до такой степени, которая в большинстве стран привела бы к немедленному опрокидыванию. Один вождь по имени Вирихона, путешествовавший со своей семьей, привел любопытный пример безнаказанного перегруза лодки. Каноэ было тонким и хрупким, а в носовой части сидел маленький мальчик с небольшим костром, который хранился между двумя кусками коры. В носовой части каноэ, где оно было узким, сидели младшие дети, а взрослые члены семьи разместились в середине, где лодка была самой широкой. На корме расположилась еще одна группа маленьких детей, а на корме, выступающей над водой, сидел сам Вирихона, управляя судном с помощью весла.

Каноэ, в котором находились мистер Ангас и его спутники, было, как читатель может вспомнить, так нагружено, что его борт едва поднимался на два дюйма над поверхностью. Пока они плыли по более узким и защищенным участкам реки, все шло достаточно гладко, хотя глубоко нагруженная лодка с краном давала повод для беспокойства. Однако в конце концов они попали на широкие и открытые участки, открытые ветру, и, кроме того, им пришлось пересекать течение по диагонали.

"Ветер дул сильный, и, встречаясь с течением, создавал неприятное волнение в среднем русле реки. Наше тяжело нагруженное каноэ не было приспособлено для борьбы с чем-либо за пределами тихой воды; и, когда наши туземцы рассказывали друг другу, где то или иное каноэ было расстроено, они со всей энергией бросали весла в воду, и вскоре наш барк оказался в центре страшного течения. Нам ежеминутно грозила опасность быть заваленными; вода хлынула с обеих сторон, и ничто, кроме чрезвычайной быстроты, с которой мы скользили по течению, не мешало нам наполниться водой.

"Когда каноэ прибило к противоположному берегу, наши туземцы издали громкий крик и принялись вычерпывать воду, которую мы набрали в большом количестве, с помощью *tamau* или черпака. Теперь мы с тревогой смотрели на второе каноэ и наблюдали за тем, как они буквально вырываются из воды, брызгаясь и кувыряясь с величайшим остервенением. Хрупкая лодка, казалось, была почти поглощена разъяренным потоком, но она надежно скользила по нему, а промокший вождь и его семья повторяли звуки приветствия на противоположном берегу, когда их каноэ также благополучно разбилось о его берег".

Весла, которыми маори приводят в движение свои каноэ, - любопытные на вид орудия, и они имеют такую форму, что почти одинаково хорошо подходят и как весла, и как оружие. Действительно, не исключено, что их своеобразная форма была придана им именно по этой причине. [На иллюстрации № 1](#) на стр. 881 показаны два примера новозеландского весла, оба срисованы с образцов, хранящихся в моей коллекции, и полезны тем, что демонстрируют типичную форму этого орудия.

Они имеют длину более пяти футов и очень длинные лезвия, которые имеют форму листа и остроконечные кончики, так что удар одним из этих весел будет столь же опасен, как если бы он был нанесен прикладом пату. Лезвие тоже острое по краям, и, будучи сделанным из довольно тяжелого дерева, способно расколоть череп человека так же эффективно, как если бы это был короткий мерай.

У одного из этих весел рукоятка изогнута особым образом, а у другого она прямая и является продолжением лезвия. Первое из этих орудий совершенно простое, и даже на конце рукоятки нет резьбы, в то время как второе обильно украшено узорами как на лезвии, так и на рукоятке, а на их стыке неизбежно изображена человеческая фигура с высунутым языком, вытаращенными глазами и агрессивным выражением лица, характерным для всех подобных фигур. Ни одно из новозеландских весел не украшено такой мелкой и сложной резьбой, какая встречается на веслах некоторых полинезийских островов. Резьба новозеландцев отличается гораздо более смелым характером; вместо того чтобы покрывать свое весло мелкими узорами, повторяющимися сотни раз, маори вырезают только смелые, размашистые кривые и имитации человеческого лица.

Насколько известно, резчик маори не пользуется измерительными инструментами, делая всю свою работу на глаз. Он даже не использует компас для описания окружностей, и, как следствие, когда он вырезает, как это часто бывает, несколько концентрических окружностей на стропиле или балке, окружности совершенно не заслуживают этого названия и всегда имеют скорее неправильную овальную форму.

В моей коллекции есть замечательный инструмент, подаренный мне К. Хитоном, эсквайром. На нем имеется этикетка со следующей надписью: "Новозеландский компас, с помощью которого туземцы поворачивают спираль в своей резьбе". По форме он напоминает половину

скобки , а в каждой точке вооружен акульным зубом, который

вставляется в паз, а затем крепко привязывается шнуром, проходящим через отверстия, просверленные в зубе и полукруглой рукоятке. Она сделана из того же дерева, что и весло. Имея, как я уже говорил, веские основания не доверять точности меток и полагая, что кривые новозеландской резьбы не обладают той регулярностью, которая сопутствовала бы им, если бы они были начерчены инструментом, я показал инструмент нескольким наблюдательным путешественникам, которые провели много времени в Новой Зеландии, и спросил, узнают ли они его. Никто из них не видел этого инструмента. Мистер Кристи, уделявший много внимания новозеландским мануфактурам, ничего о нем не знал, а мистер Ангас, посетивший остров с явной целью собрать информацию о маори и чьему перу я обязан почти всеми иллюстрациями о жизни и нравах новозеландцев, никогда не видел и не слышал о таком инструменте. У меня есть множество образцов новозеландской резьбы, я видел множество других, а также огромное количество фотографий, и ни в одном случае я не заметил ни одного круга или части круга, который был бы достаточно правильным, чтобы быть нарисованным с помощью компаса.

Я даже сомневаюсь, что этот предмет вообще был изготовлен в Новой Зеландии, и склонен думать, что он принадлежит Тонга или островам Кингсмилл. Что касается его использования, то у меня нет никакого мнения.

Приводя в движение эти каноэ, новозеландец держит весло в обеих руках и всегда держит его на одной стороне судна, уравнивая товарищем с другой стороны. Он не использует гребной замок, а использует одну руку в качестве точки опоры возле лопасти, в то время как другая держит рукоятку ближе к кончику. Лодка управляется с помощью большого весла на корме.

ГЛАВА LXXXV. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение. РЕЛИГИЯ.

ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ВЛИЯНИЯ - ЯЩЕРИЦА АТУА - ТРЕВОГА ВОЖДЯ - МОЛИТВЫ МАОРИ - ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА - СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫК - ТОХУНГАС, ИЛИ ЖРЕЦЫ - ВЕРА В БУДУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ - СВЯЩЕННАЯ ВЕТВЬ - ЗЛЫЕ ДУХИ - ГОРЫ С ПРИВИДЕНИЯМИ - ТИКИ, ИЛИ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИДОЛЫ МАОРИ - НЕКОТОРЫЕ ГИГАНТСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ТИКИ - ВЕРА В КОЛДОВСТВО - СУДЬБА ВЕДЬМЫ - СТРАНА ВОЛШЕБНИКОВ - ЗАКЛИНАНИЯ НАД БОЛЬНЫМИ - АНАТОМЫ МАОРИ.

Теперь мы переходим к религии маори. Она представляет собой любопытную смесь простоты и изощренности: обычные суеверия, характерные для всех дикарских племен, усложнены примечательной системой "тапу", или "табу", как иногда пишется это слово.

О настоящей религии они не имеют ни малейшего представления, и, насколько известно, даже их суеверия лишены того налета возвышенности, который отличает религиозную систему многих диких народов. У них есть некая неопределенная вера в доброе и злое влияние; первое носит общее название Атуа, а второе - Вайруа. Атуа - это слово, которое имеет особое значение. Оно может обозначать Божественную сущность или применяться к любому объекту, который рассматривается как видимый представитель этой сущности.

Таким образом, если маори хочет сказать о Боге, он использует слово Atua. Но он с равным успехом применит его к ящерице, птице, солнечному лучу или облаку. Есть один вид ящериц прекрасного зеленого цвета, называемый туземцами *какарики*, который пользуется величайшим почитанием как живой представитель божества, и поэтому его всегда боятся как атуа. О вере, которой придерживаются туземцы в этом вопросе, хорошо свидетельствует анекдот, рассказанный мистером Ангасом.

"Следующий случай покажет, насколько глубока вера в колдовство и предполагаемое влияние атуа среди тех, кто все еще остается язычниками. Миссионеру показали несколько маленьких зеленых ящериц, сохраненных в пиале с духами; в комнате находились Музивенуа и еще один человек. В тот момент мы забыли, что маленькие существа во флаконе - это атуа, или боги, согласно суеверному представлению о политеизме маори, и по неосторожности показали их человеку за столом.

"Не успел он увидеть атуа, как его геркулесовая фигура отшатнулась назад, как от смертельной раны, а на лице появились признаки крайнего ужаса. Узнав причину, старый вождь закричал: "Я умру! Я умру!" и уполз на руках и коленях, а другой мужчина встал на защиту между вождем и атуа, меняя свое положение так, чтобы образовать своего рода щит, пока Музивенуа не вышел из-под влияния их предполагаемой силы. Выставлять этих атуа было опасной ошибкой, так как вождь очень стар и по природе своей не может жить долго, а если он скоро умрет, то его смерть непременно припишут зловещему виду богов-ящериц, а меня обвинят в *макуту* или колдовстве". В связи с этим суеверием о ящерице тот же путешественник упоминает любопытное представление, бытующее в отношении паука.

"На пляже западного побережья можно встретить маленького, черного и очень ядовитого паука, которого туземцы называют *катипо*. Его укус очень болезненный и даже опасный, и туземцы считают, что если катипо укусит человека и убежит, то тот умрет. Но если ему удастся поймать паука и сделать вокруг него огненный круг, чтобы он погиб в пламени, то человек выздоравливает, а паук умирает".

То, до какой степени воображение туземцев возбуждено их страхом перед колдовством, едва ли заслуживает доверия. Была одна женщина по имени Эко, которая была самой знаменитой ведьмой в районе Вайкато. Она оказывала необычайное влияние на умы людей, которые считали ее высшим существом. Однажды, рассердившись на мужчину, она сказала ему, что вынула его сердце. Мужчина полностью поверил ей и умер от ужаса.

Предметы, которые они не могут понять, маори часто считают атуа. Так, компас - это атуа, потому что он указывает в одном направлении и направляет путешественника своей невидимой силой. Барометр - это атуа, потому что он предсказывает погоду. Часы - это атуа, потому что стрелки постоянно тикают и двигаются. Огнестрельное оружие было атуа, пока не вошло в обиход и не потеряло ту таинственность, которая была присуща ему вначале.

Однако маори никогда не обращаются с молитвами ни к одному из этих видимых объектов, а всегда к невидимому Атуа, представителями которого они являются. Молитвы почти полностью создаются жрецами или тохунгас и представляют собой набор слов, известных только жрецам и тем, кого они наставляют. Смысл молитв часто неясен из-за устаревших слов, которые часто используются в них и из которых, собственно, почти полностью и состоит молитва. Молитвы, или заклинания, как их можно назвать с большей точностью, произносятся почти по каждому случаю жизни, каким бы тривиальным он ни был, и желает ли маори безопасности в битве, благоприятного ветра на воде, успеха в кампании или удачи в рыбалке, тохунга призывают повторить соответствующую молитву. Многие из этих молитв или заклинаний были сохранены доктором Диффенбахом и другими. Одна из этих молитв,

которая может быть переведена более правильно, чем многие из них, произносится при подношении голубя. Она обозначена как "Молитва о том, чтобы голубь был чистым, чтобы он был очень жирным: когда огонь горит, молитва произносится".

"Когда он зажжен, когда он зажжен, священный огонь, о Тики! Когда он горит в священное утро, О дай, о дай, о Тики, жир. Он сжигает для тебя жир голубя, для тебя - жир совы, для тебя - жир попугая, для тебя - жир мухоловки, для тебя - жир дрозда. Вода угрей; где источник ее? Источник ее на небе; окропите, дайте, да возливается".

Подношения пищи - обычный обряд поклонения маори, причем подношения делаются как из растительной, так и из животной пищи. Приходится сожалеть, что многие древние религиозные обряды новозеландцев исчезли и были полностью забыты нынешним поколением. Такую потерю невозможно восполнить, и сам факт ее совершения должен заставить нас быть более осторожными в спасении от скорого забвения угасающих религиозных обычаев других нецивилизованных народов.

Молитвы, подобные упомянутым, передаются тохунгами или жрецами от отца к сыну, а молодежь проходит долгий курс обучения, прежде чем занять место среди жрецов. Доктору Диффенбаху однажды посчастливилось стать свидетелем части этого обучения. "Я присутствовал на одном из уроков. Старый жрец сидел под деревом, а у его ног лежал мальчик, его родственник, который внимательно слушал повторение некоторых слов, которые, казалось, не имели никакого значения, но для того, чтобы запомнить их в нужном порядке, требовалась хорошая память. У старого тохунга лежала часть мужского черепа, наполненная водой. Время от времени он опускал в нее зеленую ветку, которую держал над головой мальчика. При моем приближении старик улыбнулся, как бы говоря. "Видите, какой я умный", - и продолжил свою *абракадабру*.

"Миссионеры уверяли меня, что многие из этих молитв не имеют смысла, но я склонен в этом сомневаться. Возможно, слова молитв - это остатки языка, ныне забытого; или, что более вероятно, мы видим здесь то, что существовало среди большинства народов древности, даже самых цивилизованных, а именно: религиозные тайны были ограничены определенным классом людей, которые хранили их в тайне от *profanum vulgus* или передавали только те их части, которые считали нужными.

"У них часто был священный символический язык, знание которого ограничивалось жречеством, как, например, египетские иероглифы и санскрит; или, если мы посмотрим ближе к дому, мы найдем религию Тора, Одина и Фрейи, окутанную поэтическим мифосом, который имеет в своей основе глубокие и великие философские концепции морали и этики".

Довольно любопытно, что, вопреки обычаю языческих жрецов, тохунги не стали противостоять христианским миссионерам, а одними из первых приняли новую религию. Некоторые из них, похоже, приняли ее слишком поспешно и без достаточного знания ее принципов, как мы видим из жалкой пародии на христианство, которая возникла в последние годы среди маори, и которая является в Новой Зеландии тем же, чем система тэпингов является в Китае.

Священники, как правило, являются самыми искусными художниками и резчиками по дереву в стране, так что слово "тохунга" часто применяется туземцами к человеку, который искусен в любом искусстве, независимо от того, является он священником или нет.

Иллюстрация № 1 на 860-й странице - это портрет очень знаменитого тохунга, сделанный мистером Ангасом в 1844 году. Его звали Те Оху. Портрет был получен во время большой

встречи вождей в Алуаху. Те Оху очень отличился на этом мероприятии: он бегал по кругу, как ораторы маори, тряс из стороны в сторону своими длинными и гризлистыми локонами, яростно стучал по земле и произносил свои речи необычайно глубоким и звучным голосом.

На заднем плане рисунка видны два примечательных предмета. Один из них, представляющий собой половину каноэ, воткнутую вертикально в землю, обозначает могилу умершего вождя, а другой - шест, на котором висят калабаш с водой и корзина с едой, которыми дух умершего может подкрепиться, когда вернется, чтобы посетить место своей жизни. Иногда к ним добавляют блюдо с вареными голубями, а в одном случае на могиле была установлена модель каноэ с парусом и веслами, чтобы душа усопшего могла пересечь воды, ведущие в вечные обители духа.

О состоянии духа после смерти тела маорийцы, похоже, имеют весьма смутные представления. Сумма их представлений по этому вопросу такова: они верят, что дух человека бессмертен и что когда он покидает тело, то отправляется в Рейнгу, или место обитания ушедших духов. Считается, что падающие и разлетающиеся звезды - это души людей, отправляющиеся в это место. Вход в Рейнгу находится на скалистом утесе у мыса Мария Ван Демен. Чтобы дух не повредил себе, упав в пропасть, там растет очень старое дерево, о которое духи разбиваются при падении. Одна ветка была указана как часть дерева, на которую садятся духи.

Один из миссионеров отрезал эту ветку, и в результате туземцы не относятся к ней с таким благоговением, как в прежние времена. Тем не менее доктор Диффенбах отмечает, что, когда он посещал острова, они очень почитали это место, и даже туземцы-христиане не подходили к нему.

Все духи не входят в Рейнга одинаковым образом: духи вождей сначала поднимаются в верхние небеса, где покидают левый глаз, который становится новой звездой. По этой причине, если вождь убит на войне, его левый глаз съедается вождем победившей стороны, который считает, что таким образом он впитал в себя храбрость, мастерство и мудрость мертвеца.

Духи не считаются заключенными в Рейнгу, но могут покидать его, когда им заблагорассудится, и возвращаться на место своей прежней жизни. Они также могут общаться со своими друзьями и родственниками, но только через тохунгас. Иногда, но очень редко, тохунга видит духа; и даже тогда он виден только как солнечный луч или тень. Голос духа - это что-то вроде низкого свистящего звука, похожего на легкий ветерок, и иногда его слышат другие люди рядом с тохунгой. Однако только он один способен понять этот таинственный голос и истолковать живым пожелания умерших.

О том, какую жизнь ведут ушедшие духи, маори, похоже, не имеют ни малейшего представления, да и не интересуются этим. Они имеют представление о том, что в Рейнге в изобилии растет кумера, или сладкий картофель; но кроме этой традиции они, похоже, ничего не знают.

Что касается злых духов, или вайруа, то здесь, похоже, преобладает та же неопределенность представлений. Слово вайруа означает либо душу, либо сон, и чаще всего используется для обозначения духа какого-то умершего человека, который желает причинить зло живым. Предполагается, что такие духи обитают в определенных местах, которые новозеландцы стараются обходить стороной. Горы - особый объект его почитания, а те, которые достаточно высоки, чтобы их вершины были покрыты вечным снегом, вызывают особый страх. Он верит, что они населены странными и чудовищными животными, что на их выбеленных вершинах

постоянно сидят свирепые птицы огромных размеров и что каждый ветерок, дующий с них, - это голос духа, который преследует его.

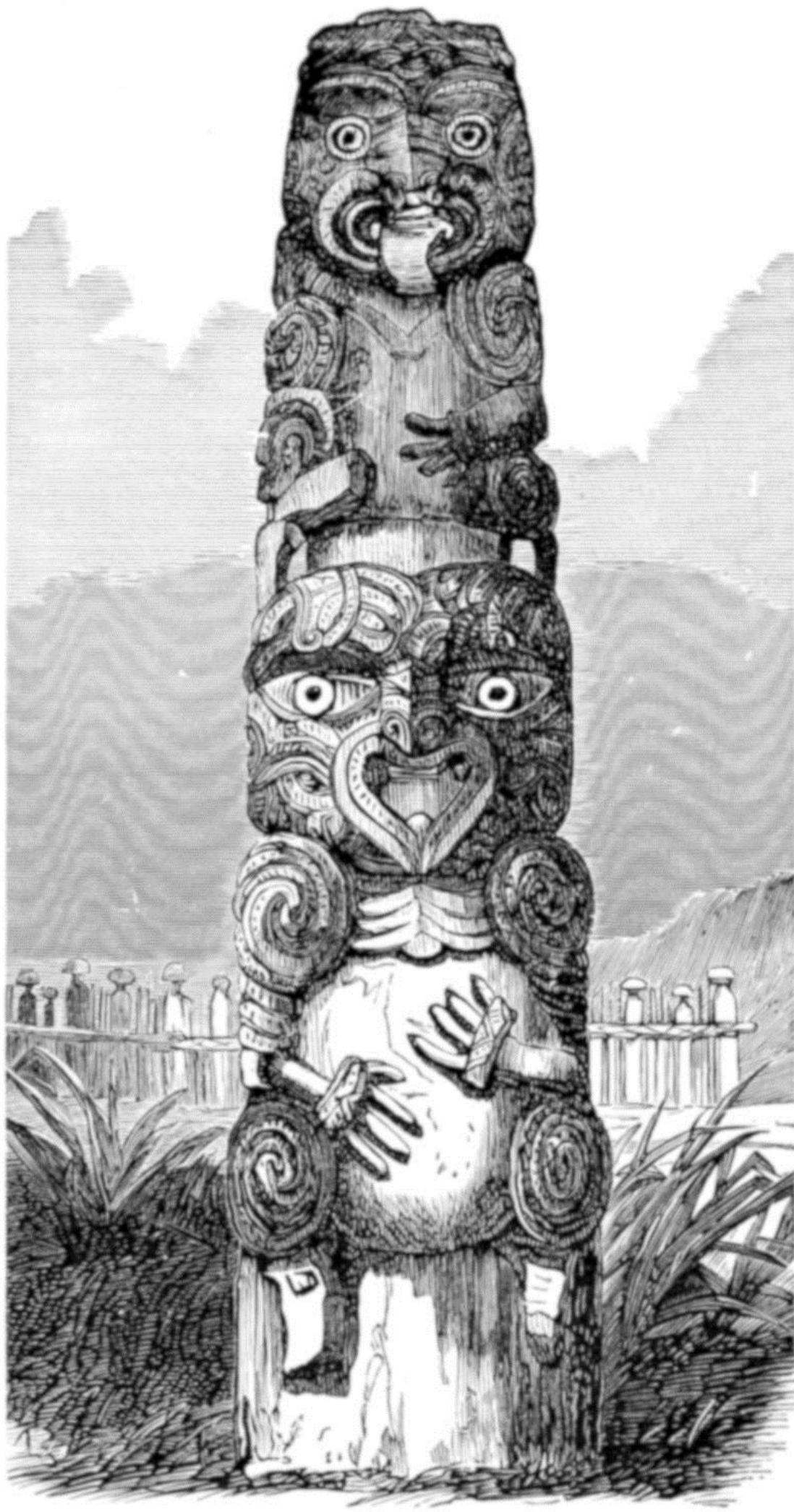
Вследствие этих суеверий туземцев можно убедить подняться на одну из этих гор не больше, чем подойти к могильнику. У них есть любопытная легенда о Тонгарио и горе Эгмонт, в которой говорится, что изначально они были братом и сестрой и жили вместе, но впоследствии поссорились и разошлись. Существует еще одна странная легенда о месте, расположенном неподалеку от горы Эгмонт. Из-за особенностей грунта здесь постоянно происходит сильное химическое воздействие, в результате которого выделяется большое количество сероводородного газа. Туземцы утверждают, что в давние времена вблизи этого места утонул некий Атуа, и с тех пор его тело разлагается.

Что касается идолов новозеландцев, то очень сомнительно, что они когда-либо существовали. Правда, существует множество изображений человеческой фигуры, которые в народе считают идолами. Раньше считалось, что украшения из зеленого нефрита, называемые "тики", которые носят подвешенными на шее, являются идолами; но теперь известно, что это всего лишь украшения, получающие свою единственную ценность от того, что передаются из поколения в поколение.

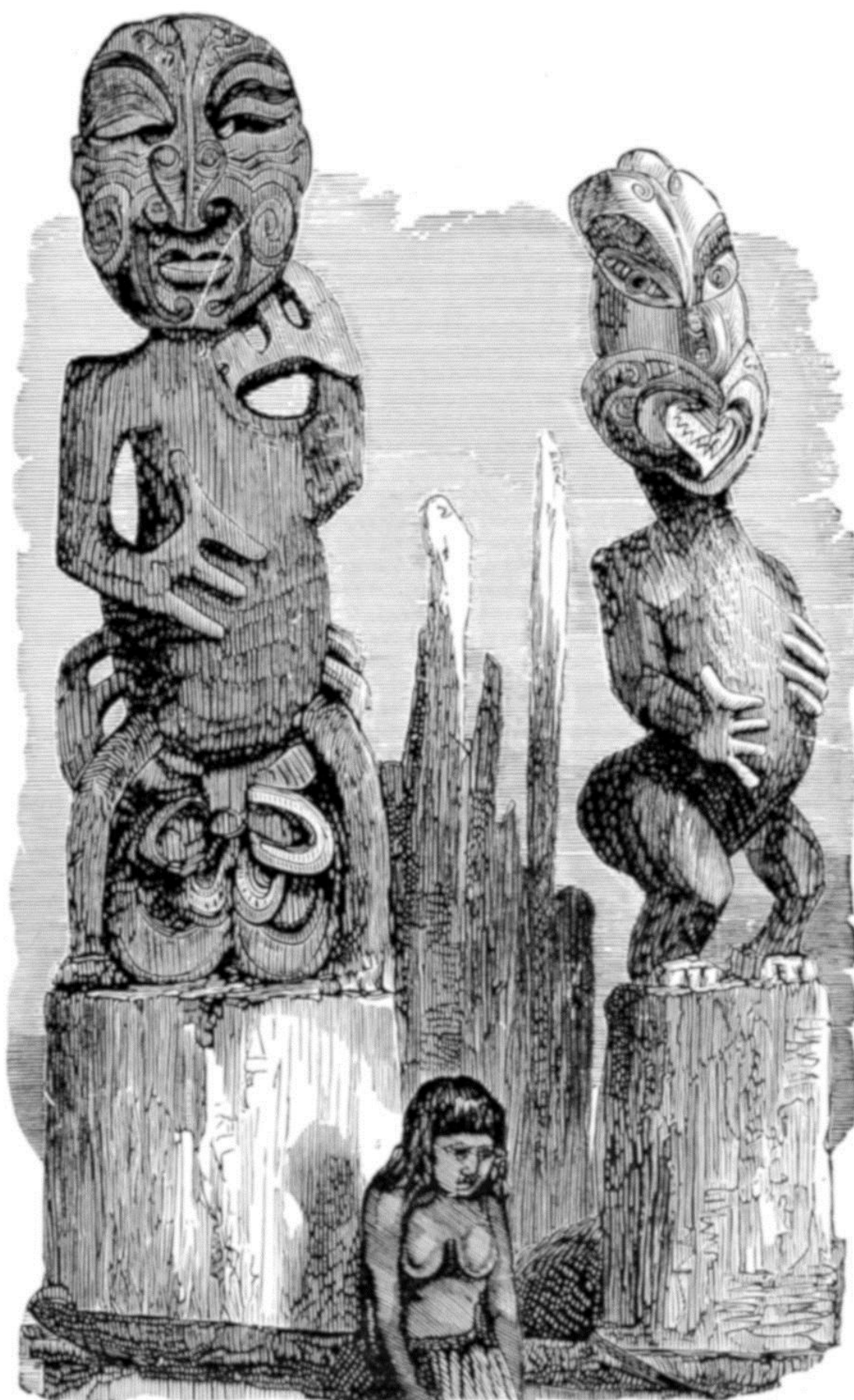
Здесь приведены три примера так называемых идолов. [Один из них](#) отличается гигантскими размерами и причудливой формой. Его высота составляет около шестнадцати футов, и вместо того, чтобы состоять из одной человеческой фигуры, как это обычно бывает, огромный блок дерева вырезан в виде двух фигур, одна над другой. Такая конструкция нередка в Новой Зеландии, а также встречается в Западной Африке. У меня есть посохи обеих стран, состоящие из нескольких человеческих фигур, каждая из которых находится на голове другой. Новозеландский посох будет сейчас описан и изображен.

(1.) ТЕ ОХУ, ТУЗЕМНЫЙ СВЯЩЕННИК.
(См. [стр. 857.](#))

(2.) ТИКИ В РАОЕРА ПАХ.
(См. стр. 861.)

(3.) ТИКИ ИЗ ВАКАПОКОКО.

(См. [стр. 861.](#))

Этот [гигантский тики](#) вместе с несколькими другими стоит рядом с гробницей дочери Те Виро-Веро и, как и памятник, который он, кажется, охраняет, является одним из лучших образцов местной резьбы, которые можно найти в Новой Зеландии. Точный объект тики неясен, но выступающий язык верхней фигуры, кажется, показывает, что это одна из многочисленных вызывающих статуй, которыми изобилуют острова. Туземцы говорят, что нижняя фигура изображает Мауи, Атуа, который, согласно традиции маори, выловил острова со дна моря.

Как видно на [иллюстрации № 2](#) на предыдущей странице, почти все обе фигуры украшены сложнейшими изогнутыми узорами, которые спускаются по рукам и украшают те части статуи, которые служат бедрами. На заднем плане видна часть тына Рароера Пах, а вокруг тики растет множество растений формиума, или новозеландского льна.

Рядом с этим удивительным и загадочным произведением резьбы стоят еще несколько, все обычного типа. Два таких тики показаны [на иллюстрации № 3](#) напротив, сделанной по эскизам, сделанным в Уакапококо. Хотя они не так велики, как двойные тики Рароэры, они очень велики, что видно по контрасту с фигурой женщины, которая стоит возле одного из них.

В Новой Зеландии преобладает твердая вера в колдовство, хотя и не в такой степени, как во многих частях Африки. В случаях болезни, для которой не удастся найти обычной причины, особенно если пациент занимает высокое положение, всегда подозревают "макуту", или колдовство. Если, например, вождю кажется, что его околдовали, он перебирает в уме имена тех, кто может иметь на него зуб, и останавливается на каком-нибудь несчастном человеке, которого таким образом обрекает на смерть. Один любопытный пример такого убийства приводит мистер Ангас.

Он встретил группу туземцев, которые рассказали ему, что женщина, родственница вождя Нгавака, была застрелена другим вождем, который подозревал, что она околдовала его сына. Юноша заболел, и, хотя женщина сделала все возможное, чтобы вылечить его, он умер. Его отец решил, что она убила его своими заклинаниями, и, зарядив свой мушкет палкой, выстрелил ей в тело. Однако поскольку она была родственницей Нгаваки, ожидалось, что вождь потребует компенсации за ее смерть, и убийце придется заплатить очень большую сумму. Такая компенсация называется "тауа".

Существует несколько способов колдовства, но тот, который практикуется чаще всего, осуществляется путем выкапывания ямы в земле и вызова духа человека, который должен быть околдован. После произнесения заклинаний вызванный дух появляется над ямой в виде мерцающего света, а затем торжественно проклиняется ведьмой. Иногда, вместо того чтобы копать яму, ведьма отправляется ночью на берег реки и там вызывает духа, который появляется на противоположном берегу в виде пламени огня.

Доктор Диффенбах приводит довольно любопытные сведения о районе под названием Уревера, который, как предполагается, является особым местом обитания ведьм. Он расположен на севере острова, между Таупо и Хокс-Бей, и состоит из крутых и бесплодных холмов. Жители этого района немногочисленны и разрозненны, и имеют репутацию самых больших ведьм в стране.

"Их очень боятся, и у них мало связей с соседними племенами, которые по возможности избегают их. Если они приходят на побережье, тамошние аборигены едва ли решаются отказать им в чем-либо, опасаясь навлечь на себя их недовольство. Говорят, что они используют слюну людей, которых собираются околдовать, а посетители тщательно скрывают ее, чтобы не дать им возможности причинить зло. Как и наши старые ведьмы и колдуны, они кажутся очень безобидным народом и мало замешаны в ссорах своих соседей.

"Любопытно, что многие старые поселенцы в этой стране полностью перешли на веру в эти сверхъестественные силы. Колдовство стало причиной многих убийств: за несколько дней до моего прибытия в Аотеа, на западном побережье, было совершено три убийства, в результате того, что люди на смертном одре заявили, что их заколдовали.....

"Еще один любопытный факт, который был замечен на Таити, Гавайях и островах, населенных великой полинезийской расой, заключается в том, что их первое общение с европейцами приводит к гражданским войнам и социальной деградации, но быстро происходит смена идей, и самые древние и глубоко укоренившиеся предрассудки вскоре становятся предметом насмешек для туземцев и сразу же отменяются. Седой священник, или тохунга, глубоко сведущий во всех тайнах колдовства и туземного лечения, уступает в своем посещении больных каждому европейцу, претендующему на знание хирургической или медицинской науки, и высмеивает былую доверчивость своего пациента.

"Если вождь или его жена заболевают, то наиболее влиятельная тохунга, или женщина, обладающая запахом святости, посещает больного и находится с ним день и ночь, иногда повторяя над ним заклинания, а иногда сидя перед домом и молясь. Ниже приводится заклинание, которое произносит священник в качестве лекарства от головной боли. Он вырывает два стебля *Pteris esculenta*, из которых должны быть удалены волокна корня, и, ударяя ими вместе над головой больного, произносит этот напев." - Напев, о котором идет речь, так же непонятен, как и те, что уже упоминались. Его название: "Молитва за мертвого (*то есть* больного), когда у него болит голова: Атуа молится об этом, чтобы он, больной, выздоровел".

Когда вождь болен, его родственники собираются возле дома и все горько плачут, больной принимает участие в общей скорби; а когда весь плач и траур утих в одной деревне, больного часто переносят в другую, где все повторяется снова. Если больной принадлежит к низшему сословию, он уходит в кустарник и остается там до тех пор, пока не выздоровеет, выбирая окрестности горячего источника, если он может его найти, или, если такого источника под рукой нет, настаивая определенные травы в кипящей воде и вдыхая пар.

Как можно догадаться по их практике разделывания мертвецов для своих каннибальских пиршеств, маори - хорошие практические анатомы и хорошо знают расположение всех основных органов и сосудов тела. Поэтому они могут проводить операции в опасных случаях, используя снаряды с острыми краями, если у них нет ножей. Они также умеют хорошо вправлять сломанные конечности, сводя сломанные поверхности вместе, скрепляя конечность шинами, укладывая ее на мягкую подушку и окружая плетеным приспособлением, чтобы предохранить ее от травм.

ГЛАВА LXXXVI. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ - Продолжение. ТАПУ.

ТАПУ, ИЛИ ЗАКОН ЗАПРЕТА - ТАПУ ЗАМЕНЯЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО - ЗАЩИТА СОБСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ - ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ТАПУ - ВОЖДЬ И МОРЯК - ВОЖДЬ И ЕГО ЦИНОВКА - ЦЕННЫЙ ОСКОЛОК - ГОЛОВА ВОЖДЯ - НЕСЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА - КАК ТАОНУИ ПОЛУЧИЛ СВОИ ДОСПЕХИ - СТРИЖКА ВОЛОС - ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖНИКА - РЕЗНАЯ ГОЛОВА - ТЕ- .WHERO-WHERO И ЕГО ПОРТРЕТ - ГОРА ТАПУ - ПАГУБНОЕ ВЛИЯНИЕ ТАПУ НА ТУЗЕМНОЕ ИСКУССТВО - РАЗРУШЕНИЕ ПА И ДОМОВ - КОНЕЧНОЕ ТАПУ - БОЕВОЕ ТАПУ - СНЯТИЕ ТАПУ - ОБЯЗАННОСТИ ТОХУНГА - ТАПУ - СИЛА ВОЖДЕЙ.

Теперь мы, естественно, переходим к обычаю тапу или табу, этой необычной системе, распространенной по всей Полинезии и слегка измененной в зависимости от местности, в которой она существует.

Общую суть закона тапу можно понять из смысла слова, которое означает запрет. Таким образом, система тапу - это закон запрета, и, если очистить ее от экстравагантности, в которую она часто превращается, можно увидеть, что это очень хорошая система, которая отвечает цели более сложного свода законов. В странах, где действует организованное правительство, тапу не нужен, и мы видим, что даже в тех частях Земли, где он когда-то был единственным ограничительным законом, он перестал использоваться после введения регулярного правительства.

Если бы не закон тапу, в большинстве районов Полинезии царила бы абсолютная анархия, а тапу - единственный страж собственности и морали. Для того чтобы навязать его людям, в ход идут ужасы суеверий, а в отсутствие светского закона вызываются духовные силы.

Без защиты тапу собственность не могла бы существовать: под ее защитой самые ценные и желанные вещи находятся в большей безопасности, чем в Англии или Америке, несмотря на развитую правовую систему, которая гарантирует каждому человеку то, что ему принадлежит. В Новой Зеландии, когда человек возделывает поле кумера, или сладкого картофеля, ему не нужны ни ограда, ни сторож. Он просто посылает за тохунгой, который накладывает тапу на поле; и с этого момента никто, кроме владельца, не рискнет войти в его пределы.

Иногда каноэ вытаскивают на берег и оставляют там на некоторое время без присмотра. Владельцу не нужно беспокоиться о сохранности своего судна. Он ставит на нем знак тапу, и лодка, соответственно, считается священной для всех, кроме ее владельца. Точно так же, если туземец, строящий лодку, приметил дерево, из которого, по его мнению, можно сделать каноэ, он ставит на нем знак тапу и знает, что никто, кроме него самого, не осмелится его срубить. Знаком тапу в этом случае почти всегда является снятие полоски коры вокруг ствола дерева.

Тогда система тапу становится единственным хранителем нравственности. Уже упоминалось, что среди незамужних девушек преобладает крайняя распущенность в этом отношении. Но как только девушка выходит замуж, она становится тапу для всех, кроме своего мужа, и любой, кто склоняет ее к неверности, должен понести наказание тапу, если провинившегося обнаружат. Тапу не ограничивается только замужними женщинами. Оно распространяется и на молодых девушек, когда они обручены; любая девушка, на которую наложено тапу, считается замужней женщиной.

Таким образом, видно, что принцип тапу хорош и служит защитой как для собственности, так и для морали. Конечно, есть много примеров, когда эта система переходит в экстравагантность, и вместо защиты она превращается в тиранию.

Возьмем, к примеру, весьма похвальную идею о том, что жизнь вождя наиболее важна для его народа и что поэтому его личность рассматривается как тапу. Это правильная и полезная идея, отвечающая интересам закона и справедливости. Но развитие этой системы превращается в тиранию. Если вождь сам является тапу, то все, к чему он прикасается, даже юбка его одежды, становится тапу и отныне принадлежит ему. Эта идея настолько укоренилась, что однажды, когда один великий вождь надел большую и красивую мантию и она показалась ему слишком тяжелой для жаркого дня, он бросил ее в пропасть. Его спутник возразил ему, сказав, что лучше было бы повесить мантию на ветку, чтобы ею мог воспользоваться следующий человек. Вождь пришел в ужас от такой идеи. Вряд ли кто-то из вышестоящих мог найти цинковку, вряд ли это мог сделать равный, а если бы ее надел низший, он бы сразу умер.

Поскольку само прикосновение одежды вождя делает предмет тапу, *à fortiori* это делает и его кровь, и одна капля крови вождя, попавшая даже на такие предметы, которые не подчиняются обычным законам тапу, делает их его собственностью. Любопытный пример действия этого закона произошел, когда на озере Таупо было созвано собрание вождей. Как главный человек племени, был приглашен знаменитый вождь Те Хеу-Хеу, за которым прислали новое, красиво вырезанное каноэ. Когда он ступил в него, щепка вонзилась ему в ногу, нанеся очень легкую рану. Все мужчины выпрыгнули из каноэ, которое тут же вытащили на берег и стали считать собственностью Те Хеу-Хеу. Было найдено другое каноэ, и на нем группа продолжила свой путь.

Другой вид тапу имеет место в отношении любого предмета, связанного со смертью туземца. Например, если маори упал за борт каноэ и утонул, это судно уже никогда нельзя будет использовать, но оно является тапу. Или если человек совершает самоубийство, застрелившись, как уже говорилось, мушкет становится тапу. Но в этих случаях предметы становятся тапу для атуа, а не для людей. Иногда их оставляют разлагаться на месте, никто не смеет к ним прикоснуться, или разбивают на куски, а осколки втыкают в землю, чтобы отметить место, где произошло событие.

Иногда это личное тапу становится крайне неудобным. Жена одного старого и почтенного тохунга была больна, и ее сделали тапу на определенное время, в течение которого все, к чему она прикасалась, становилось тапу. Даже сама земля, на которой она сидела, подчинялась этому закону, и, соответственно, всякий раз, когда она поднималась с земли, место, на котором она сидела, окружалось оградой из небольших веток, воткнутых в землю по дуге, чтобы не допустить загрязнения священного места ногами профанов.

Самый священный предмет, который только может представить себе новозеландец, - это голова вождя. Она настолько священна, что даже упоминание о ней считается оскорблением. Европейцы часто наносили смертельные оскорбления по незнанию этого суеверия или даже по неосторожности. Мистер Ангас рассказывает о любопытном случае. Один его друг разговаривал с вождем маори через его ограду, и разговор зашел об урожае в этом году. Совершенно случайно он сказал вождю: "О, у меня в саду есть несколько яблок размером с голову этого маленького мальчика", - указав при этом на сына вождя, который стоял рядом с отцом.

Тот мгновенно понял, какое оскорбление он нанес, и извинился, но вождь был так глубоко уязвлен, что примирение далось ему с величайшим трудом. Сходство было крайне

неудачным. Использовать голову сына вождя в качестве сравнения было достаточно плохо, но сравнивать ее с предметом питания - это самое смертельное оскорбление, которое можно было нанести маори. Свободные маори с презрением относятся ко всем продуктам питания и различным процессам их приготовления, оставляя все кулинарные операции рабам или "печенюшкам".

Один из великих вождей Новой Зеландии отличался снежно-белыми волосами и бородой, что придавало ему самый почтенный вид. Он пользовался глубочайшим уважением и был настолько священным человеком, что его голова могла упоминаться только в сравнении с покрытой снегом вершиной священной горы.

Тот же путешественник, которому мы обязаны предыдущим анекдотом, рассказывает любопытную историю, иллюстрирующую этот этикет. Был некий старый вождь по имени Таонуи, у которого хранился оригинальный доспех, подаренный Георгом IV Э' Хонги во время его визита в Англию. "Дальнейшая история этих доспехов несколько любопытна. Он перешел от Нга Пуис к Тетори, а от Тетори к Те Виро-Веро на празднике Вайкато и попал в руки Таонуи при следующих обстоятельствах.

"После смерти любимой дочери Те Виро-Веро сочинил песню, суть которой сводилась к тому, что он снимет скальпы со всех вождей, кроме Нгаваки, и бросит их в могилу своей дочери, чтобы отомстить за ее безвременную смерть. Слова этой песни сильно оскорбляли различных людей, против которых она была направлена, тем более что это было большим проклятием для волос вождя, которые являются священными, чтобы к ним относились с презрением. Но единственным вождем, который осмелился ответить на это оскорбление со стороны такого великого человека, как Те Виро-Веро, был Таонуи, который потребовал "тауа", или подарок, в качестве компенсации за оскорбление, и получил доспехи Э'Хонги в качестве компенсации.

"Я сделал рисунок доспехов, которые были старыми и ржавыми. Они были стальными, инкрустированными латунью, и, хотя их обладатели никогда не носили их в бою, так как это сильно затрудняло бы их движения, туземцы относились к ним с каким-то суеверным почтением, рассматривая их как нечто необычное".

Голова вождя настолько священна, что если он дотронется до нее своими пальцами, то не сможет прикоснуться ни к чему другому, не приложив руку к ноздрям и не понюхав ее, чтобы вернуть голове ту добродетель, которая была отнята у нее прикосновением. Волосы вождя обязательно священны, поскольку растут на его голове. Когда их срезают, эту операцию обычно поручают одной из его жен, которая кладет каждую частицу срезанных волос в ткань и закапывает ее в землю. Вследствие прикосновения к голове вождя она становится тапу на неделю, и в течение этого времени ее руки настолько священны, что ей не разрешается ими пользоваться. Кроме всего прочего, она не может питаться, потому что тогда ей придется загрязнять руки, прикасаясь к еде, а такой поступок равносителен тому, чтобы положить еду на голову вождя - преступление настолько чудовищное, что разум маори едва ли мог постичь его возможность.

Занимаясь исследованиями Новой Зеландии и делая зарисовки всех интересных объектов, попадавшихся на пути, мистер Ангас обнаружил, что это представление о голове вождя доставляет ему немало хлопот. Ему не разрешалось изображать что-либо связанное с едой тем же карандашом, которым он делал набросок головы вождя, а поместить рисунок картофелины, блюда для еды или любого другого подобного предмета в тот же портфель, где хранился портрет вождя, считалось страшнейшим святотатством.

Художник едва избежал потери всех своих эскизов, которые вождь по имени Ко Таруи хотел сжечь, как смешивающие священные и профанные вещи. Их спасло только вмешательство Те Хеу-Хеу, суеверного старого дикаря, но способного понять, что белый человек не хотел причинить вреда. Предупрежденный этим побегом, мистер Ангас всегда делал свои рисунки предметов тапу исподтишка, и зачастую ему с большим трудом удавалось ускользнуть от подозрительных туземцев.

Даже резное изображение головы вождя считается столь же священным, как и предмет, который оно изображает. Доктор Диффенбах приводит любопытный пример такого суеверия.

"В одном из домов Те Пуаи, главного вождя всего Вайкато, я увидел бюст, сделанный им самим, со всеми змеиными линиями моко, или татуировки. Я попросил его отдать его мне, но только после долгих уговоров он расстался с ним. Мне пришлось самому пойти к нему домой, так как никто из его племени не имел права прикасаться к нему, и он облизал его со всех сторон, прежде чем отдать мне; то ли чтобы снять тапу, то ли чтобы сделать его более строго священным, я не знаю. Он особенно просил меня не класть его в мешок с провизией и не давать его туземцам в Роту-нуа, куда я направлялся, иначе он непременно умрет.

"Плату за бюст он брать не стал, но не возражал против того, чтобы я по собственной воле сделал ему подарок, что я и сделал, подарив ему и его жене по рубашке".

Однажды туземцы очень рассердились, потому что мистер Ангас зашел под навес для приготовления пищи, имея при себе портфель с головой Те Хеу-Хеу. Даже руки у него были тапу, потому что они рисовали портрет столь великого вождя, и в результате он подвергся многим досадам. Почувствовав, что тапу может стать очень неудобным, он пресек дальнейшие посягательства, заявив, что если люди еще раз пожалуются, то он бросит голову Те Хеу-Хеу в огонь. Эта угроза сильно шокировала их, но возымела желаемый эффект.

Иногда эта святость вождя причиняет неудобства ему самому. Однажды, когда мистер Ангас навещал вождя Те Виро-Веро, он застал великого человека за посадкой кумера и возведением дома для себя. Дождь шел быстро, но старый вождь сидел на сырой земле, завернувшись в свое одеяло, и, казалось, совершенно не беспокоился о погоде: единственной его защитой был кусок парусины поверх одеяла.

Он не вставал, по обычаю старых языческих вождей, которые иногда сидят по несколько дней в полуапатичном состоянии. На просьбу сделать его портрет Те Виро-Веро милостиво согласился и свободно беседовал на важную тему о земле, пока художник работал. Найдя дождь крайне неприятным, художник предложил им перебраться в дом. Однако старый вождь, зная, что он не может войти в дом, не сделав его своей собственностью из-за контакта со своей священной персоной, отказался переезжать, но приказал соорудить для белого человека убежище. Это было сделано сразу же, прикрепив одеяло к нескольким вертикальным столбам: так портрет был завершен, художник оказался под укрытием, а натурщик - под дождем.

Местности могут быть превращены в тапу, даже те, к которым не прикасался человек, наложивший на них тапу. Например, вождь Те Хеу-Хеу с удовольствием объявил вулкан Тонгариро под тапу, назвав его своим хребтом, так что ни один туземец не осмелился бы ни подойти к нему, ни даже взглянуть на него, если бы этого можно было избежать. Мистер Ангас, естественно, хотел посетить эту гору, но обнаружил, что такой план не может быть осуществлен. Он предложил одеяла и другие вещи, которые новозеландец получает в качестве приза, но все без толку, потому что тапу нельзя было сломать. Вождь даже пытался помешать белым гостям проехать в направлении горы и дал свое согласие только после того,

как приказал, чтобы на священную Тонгарио даже не смотрели. Это суеверие так глубоко засело в сердце новозеландца, что даже христианские туземцы боятся такого тапу и не осмеливаются приблизиться к месту, которое тохунга сделал священным. Рассуждать с ними бесполезно: они согласятся со всеми утверждениями, признают вывод, который можно из них сделать, а затем откажутся идти на такой страшный риск.

Один из лучших образцов туземной архитектуры был построен тапу по приказу этого же вождя, который, похоже, получал особое удовольствие от использования своих способностей. Это был пах под названием Вайтахануи, и первоначально он был оплотом Те Хеу-Хеу. Он находится на границе озера, и сторона, обращенная к воде, составляет целых полмили в длину. Как обычно, она сделана из вертикальных столбов и кольев, а большинство больших столбов вырезаны в форме человека, с ужасно искаженными лицами и высунутыми к морю языками, как бы в знак протеста против ожидаемых врагов.

Внутри этого любопытного па находились уже изображенные на рисунке поварни каннибалов, а также несколько великолепно вырезанных патуков или сосудов для священной пищи вождя. Их образцы можно увидеть на [странице 831](#). В этом па г-н Ангас обнаружил самый искусный образец патуки, который он когда-либо видел. Очень удачно, что он прибыл именно тогда, когда прибыл, так как еще несколько лет, очевидно, привели бы к полному разрушению этого места. Многие из самых красивых орудий туземного искусства уже настолько обветшали, что представляли собой лишь бесформенную грудку развалин, и остальные быстро следовали по тому же пути. От этих образцов маорийской резьбы и архитектуры теперь не осталось ничего, кроме набросков, с которых были сделаны иллюстрации, представленные в этой работе.

Здесь я позволю себе опровергнуть популярное и правдоподобное заблуждение, которое часто выносится на суд общественности. Путешественников обвиняют в том, что они привозят в Англию образцы архитектуры и других искусств из дальних стран. Говорят, и не без основания, что такие предметы неуместны в Англии. Так оно и есть: но не стоит забывать, что если бы они не оказались в Англии, их бы не существовало. Например, чудесный саркофаг, привезенный Бельцони в Лондон и хранящийся сейчас в музее Соана, был бы разбит на куски и безнадежно разрушен, если бы ему позволили остаться на том месте, где он был найден.

Опять же, если бы ассирийские скульптуры не нашли дом в Британском музее, они были бы разбиты на куски невежественными племенами, которые сейчас бродят по руинам Ниневии Великой. Даже если бы огромные статуи не подверглись полному разрушению, надписи давно бы стерлись, и мы бы безвозвратно потеряли некоторые из самых ценных дополнений к нашим скудным знаниям о хронологии.

Так и с мраморными скульптурами Элгина. Несомненно, они были более на своем месте в Греции, чем в Англии; но, если бы их не привезли в Англию, иконоборческая рука мусульмана полностью уничтожила бы их, и потеря для искусства была бы поистине ужасной.

Так обстоит дело и с образцами дикарского искусства, независимо от того, каким путем оно развивается. Если взять в качестве примера Новую Зеландию, то в Англии нет ни одного образца дома маори. Его можно легко разобрать на части и собрать заново; он представляет особую ценность для этнологов из-за необыкновенной смеси, которую демонстрирует древнеегипетская архитектура и древнее мексиканское искусство; а через несколько лет во всей Новой Зеландии не останется ни одного образца архитектуры аборигенов. Маори, отказавшиеся от дубины в пользу ружья, от циновки в пользу одеяла и даже от одеяла в

пользу пальто и брюк, начали изменять свою древнюю архитектуру и строить дома по европейским образцам.

Поэтому, если не будут приняты меры по спасению образцов архитектуры маори от разрушения, можно сильно сомневаться, что через двадцать лет после нынешней даты сохранится хоть один образец туземного искусства. Так и с каноэ. Изящные, живописные, украшенные лучшими образцами искусства маори, каноэ были уникальными среди судов. В настоящее время каноэ вытеснено более полезной, но более распространенной китовой лодкой, и через несколько лет искусно украшенные суда маори полностью исчезнут.

Мы можем быть уверены, что прилив цивилизации так быстро проносится по миру, что через несколько лет жизнь дикарей закончится во всех землях, куда сможет добраться белый человек. Пережитки древнего уклада жизни оставлены туземцами на погибель, и если их не спасти и не перевезти в страну, где их можно сохранить, они неизбежно исчезнут с лица земли. Придя к этой мысли, я несколько лет назад задался целью собрать предметы повседневного пользования со всех уголков мира. Свет, который они бросают на антропологию, поистине удивителен, и среди примерно восьми или девяти сотен образцов нет ни одного, который не рассказал бы свою собственную историю.

Возьмем, к примеру, камень мерай, который лежит передо мной. Чего только не расскажет этот камень о стране, где он был найден, и о мастере, который его изготовил! Камень показывает, что он был добыт в вулканической стране; короткая, увесистая форма оружия говорит о том, что оно было сделано для мужественной расы, сражавшейся врукопашную; а изящные изгибы и идеальный баланс оружия свидетельствуют о том, что его создатель был настоящим художником. Более того. Мерай был сделан путем натирания другим камнем, и, должно быть, на это ушли годы труда. Посмотрите, какую историю рассказывает нам это оружие - о вулканическом регионе, мужественном воине и бесполезности времени. Год за годом человек, должно быть, работал над этим мераем, склоняя над ним свое татуированное лицо, балансируя его в руке и наблюдая, как его мягкие изгибы становятся совершенными. Затем, после изготовления, он, очевидно, носил его с собой, сражался с врагами и выбивал им мозги его некогда острым, а теперь зазубренным острием. Потом, когда он, или, может быть, его внук, пришел сражаться с белыми людьми, их огнестрельное оружие оказалось слишком страшным, чтобы противостоять им, и мерай был взят из руки мертвого воина, когда он лежал на поле битвы, а его плетеный шнур все еще обвивал его запястье. Каменные мерай больше никогда не будут изготавливаться, и очень скоро лучшие образцы оружия маори окажутся в английских музеях.

Теперь мы вернемся к теме тапу. Как бы ни был полезен тапу в качестве хранителя имущества, он часто преувеличивает эту обязанность и приводит к весьма неудобным результатам. Например, некоторые путешественники проезжали через страну, были голодны, измождены и не имели еды. Очень вовремя им на глаза попала прекрасная свинья; но животное умудрилось пробежать по участку земли, на котором было тапу, и в результате само стало тапу на некоторое количество дней, и его нельзя было есть.

Таких мест тапу в стране тысячи. Если, например, великий вождь путешествует, то каждое место, где он присаживается отдохнуть, является тапу и обозначается небольшой оградой из палок. Во многих случаях каждое из этих священных мест имеет свое собственное имя. То же самое происходит, когда тело вождя несут в его собственный па для погребения: каждое место отдыха носильщиков становится тапу. Поэтому не было ничего более вероятного, чем наткнуться на одно из этих мест тапу, и ничего более легкого, чем прорваться через небольшую ограду свиньи.

Любопытная модификация тапу происходила до и после битвы. Тохунга собирал воинов своей партии и отправлялся с ними к озеру или реке, которые для этой цели превращались в тапу. Затем мужчины сбрасывали с себя всю одежду и заходили в воду, которую зачерпывали руками и опрокидывали на голову и тело. Затем жрец произносил соответствующее заклинание.

Таким образом, на воинов накладывалось боевое тапу, которое запрещало им заниматься любыми другими делами, кроме сражений, и, кроме того, предполагалось, что они находятся под защитой богов. Это тапу соблюдалось очень строго, и воинам пришлось выучить довольно длинный список запрещенных для них занятий, таких как переноска груза, стрижка волос, прикосновение к голове женщины и так далее.

После окончания боя необходимо снять тапу с оставшихся в живых, чтобы они могли вернуться к привычному образу жизни. Эта церемония довольно сложна и несколько отличается в разных частях страны. Однако основные черты таковы.

Каждый мужчина, убивший врага или захвативший раба, вырывал у жертвы прядь волос и оставлял ее себе в качестве трофея. Затем они шли телом к тохунге и отдавали ему часть волос. Он привязывал их к паре маленьких веточек, поднимал их высоко над головой и произносил заклинание, после чего все тело присоединялось к воинской песне и танцу. После этого воины хлопали в ладоши и ударяли себя по ногам; предполагается, что это действие снимает тапу, которое было получено в результате погружения их в кровь врага.

Затем воины возвращаются домой, и в присутствии главного тохунга их паха проводится аналогичная церемония: хлопают в ладоши и исполняют военный танец. Оставшиеся волосы отдаются тохунге, который, прочитав заклинание, отбрасывает клочок волос, а в конце произносит еще одно заклинание, объявляющее, что тапу забрано.

Как правило, тапу может снять только тот, кто его наложил; но если человек наложил тапу на что-либо, то другой, который был намного выше его по положению, не преминет его прорвать. По вежливости тапу в основном соблюдалось как великими, так и малыми, и также по вежливости очень великие люди часто подвергали себя большим неудобствам, воздерживаясь от действий, которые могли бы наложить тапу на имущество нижестоящих. Так, мы видели, как один вождь отказался войти в дом, чтобы не сделать его своей собственностью, и предпочел сидеть под проливным дождем, не рискуя лишить нижестоящего его собственности.

Если предмет случайно становится тапу, тохунга может снять тапу и вернуть предмет в пользование. Один путешественник рассказал любопытный пример использования этой силы. Белый человек, одолживший железный горшок для приготовления пищи, захотел получить мягкую воду и поставил горшок под карниз дома, из которого шел дождь. Так получилось, что дом был тапу, и поэтому вода, стекавшая с него, сделала горшок тапу. Случилось так, что женщина, не зная об этом, использовала горшок для приготовления пищи, и когда ей сказали, что сосуд - тапу, она очень испугалась и заявила, что умрет еще до ночи. В такой ситуации ей на помощь пришел тохунга, который произнес над сосудом заклинание и сделал его снова "ноа", или обычным.

Иногда тапу длится лишь некоторое время, а по истечении этого срока исчезает без всяких церемоний. Так, если к человеку, находящемуся в тапу по причине болезни, прикасается другой человек, последний находится в тапу в течение определенного времени, обычно трех дней. Если больной умирает в доме, то этот дом *ipso facto* становится тапу и больше никогда не может быть использован. Его красят красной охрой в знак святости и оставляют

разлагаться. Вследствие этого суеверия, когда кажется, что пациент может умереть, его удаляют из дома и относят в место за пределами па, где строят навес для его приема.

Из вышеизложенного видно, как велика сила тапу и как много она добавляет к власти вождей. Действительно, без власти тапу вождь был бы всего лишь обычным человеком среди своего народа - он был бы подвержен чужому тапу и не мог бы навязать свое собственное. Тапу - одно из главных препятствий на пути распространения христианства. Зная, что миссионеры относятся к тапу как к простому суеверию, великие вожди не хотят принимать религию, которая заставит их потерять свои самые высокие привилегии и лишит их единственной великой силы, с помощью которой они осуществляют свою власть.

Мистер Уильямс, известный миссионер, подытоживает тему тапу очень смелым и наглядным языком: "Это секрет власти и сила деспотического правления. Он влияет на большие и малые вещи. Здесь его можно увидеть ухаживающим за выводком цыплят, а там он направляет энергию целого королевства. Его влияние распространяется самым разнообразным образом. Побережья, острова, реки и моря; животные, фрукты, рыба и овощи; дома, кровати, горшки, чашки и блюда; каноэ со всем, что им принадлежит, с их управлением; одежда, украшения и оружие; предметы для еды и питья; члены тела; манеры и обычаи; язык, имена, нравы; и даже боги; все это попадает под влияние тапу.

"Он вводится в действие по религиозным, политическим или эгоистическим мотивам, и безделье месяцами длится под его санкцией. Многим запрещено поднимать руки или заниматься какой-либо полезной деятельностью в течение длительного времени. В этом районе считается тапу строить каноэ; на том острове - тапу возводить хорошие дома. Этот обычай пользуется большой популярностью у вождей, которые приспособливают его так, чтобы он легко сидел на них самих, а они использовали его для получения влияния на тех, кто почти равен им; с его помощью они обеспечивают многие свои потребности и по своему желанию командуют всеми, кто ниже их по положению. Навязывая тапу, вождь должен лишь следить за тем, чтобы его действия опирались на древние прецеденты".

ГЛАВА LXXXVII.

НОВЫЕ ЗЕЛАНДЫ - Завершение.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ И АРХИТЕКТУРА.

ТРАУР ПО УМЕРШЕМУ ВОЖДЮ - ТАНГИ И ШРАМЫ, КОТОРЫЕ ОН ОСТАВЛЯЕТ - ПЕРВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ВОЖДЯ - ТАПУ ВАХИ - ВТОРОЕ ПОГРЕБЕНИЕ, ИЛИ "ХАХУНГА" - УДАЛЕНИЕ ТАПУ И УСТАНОВКА ПРЕЕМНИКА - СМЕРТНОЕ ЛОЖЕ Э' ХОНГИ - РАЗЛАГАЮЩИЙСЯ ПАХ - МОГИЛЫ КАНОЭ - ПАМЯТНИК Э' ТОКИ - МОГИЛА ДОЧЕРИ ТЕ WHERO-WHERO - ДИКАРСКИЕ НАСТРОЕНИЯ - АРХИТЕКТУРА МАОРИ - МАТЕРИАЛ, ФОРМА И РАЗМЕР ДОМОВ - ТЕСНОЕ СПАЛЬНОЕ МЕСТО - ДОМ ПОЖИРАТЕЛЯ - МЕСТЬ РАНГИХАЭАТА - ВОЕННЫЙ ДОМ ПУАТИА И ЕГО СКУЛЬПТУРЫ - ВНУТРЕННИЙ ВИД ПА - ИНСТРУМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМОВ - ТОПОР И ДОЛОТО - ТОКО-ТОКО, ИЛИ ТРОСТЬ.

Теперь мы переходим к церемониям, связанным с похоронами.

Когда умирает вождь или любой другой рангатира, его друзья и родственники наряжают тело в лучшие одежды, которые были у покойного при жизни, укладывают его и собираются вокруг него для обычного траура. Женщины - главные скорбящие, и они предаются самым

демонстративным, чтобы не сказать показным, излиянием скорби. Иногда они садятся на корточки, закутывают тело и лицо в мантии, как будто совершенно подавленные горем. Иногда они размахивают руками в воздухе, трясут кистями с выразительными жестами скорби; и все это время они издают громкие плачущие крики, а слезы текут по их щекам.

Большая часть этой экстравагантной печали обязательно притворна, в соответствии с обычаями новозеландской жизни, требующей слез по многим поводам; но несомненно, что большая часть - настоящая и искренняя. Женщины сильно режут себя раковинами, делая надрезы на коже длиной в несколько дюймов. Эти надрезы заполняются древесным углем, как если бы они были частью обычной татуировки моко, и становятся несмываемыми, являясь, по сути, вечными свидетельствами печали. Некоторые из этих женщин режут себя с такой жестокостью, что в старости покрываются тонкими синими линиями "танги", причем их лица, конечности и тела пересекаются ими в довольно смехотворной манере. Линии танги можно было бы принять за обычную татуировку, за исключением одного момента. У них нет рисунка, и вместо того, чтобы быть изогнутыми, как это всегда бывает у моко, они прямые, около двух дюймов в длину, и идут параллельно друг другу.

Они произносят длинные речи в адрес умершего, перечисляя его многочисленные достоинства, его храбрость, либеральность, силу его тапу и так далее, перемежая их упреками в том, что он умер и ушел от них, когда они так нуждались в нем. Действительно, вся процедура, за исключением разрезания кожи, очень похожа на ирландские поминки.

На [иллюстрации № 1](#) на 872-й странице показаны эти различные церемонии. Мертвое тело вождя лежит под навесом, завернутое в лучшую мантию и с короной из перьев в волосах. Впереди сидит вождь, чей ранг обозначается его хани, или служебным посохом, который лежит рядом с ним, и изысканной мантией, в которую он завернулся. Рядом с трупом стоит один из скорбящих с поднятыми вверх руками и дрожащими кистями, а другие сидят в различных скорбных позах. На заднем плане изображена ограда паха с ее гротескными изображениями и диковинной архитектурой.

Когда старики присутствуют на похоронах, они обычно раскрашивают себя красной охрой и надевают на голову венки из зеленых листьев. Дом, в котором произошла смерть, становится тапу до тех пор, пока тело не будет окончательно утилизировано, что не происходит в течение некоторого времени.

После того как траурные церемонии завершены, тело помещают в своеобразный гроб и дают ему истлеть, а вместе с трупом кладут мерай из зеленого нефрита, тики, хани и другие знаки отличия. В некоторых частях страны этот гроб имеет форму каноэ и подвешивается к ветвям дерева, причем определенные места считаются священными для этой цели. Так, например, существовало несколько могил, принадлежавших племени нга-пуи, которые сохранялись из-за священного характера, который им приписывался. Туземцы давно отказались от обычая вешать гробы умерших на деревья, но священный характер все еще сохранялся, и, хотя леса в этой части страны были вырублены, священным рощам позволили процветать без ущерба.

Иногда тело очень великого вождя помещали в деревянный сосуд посреди паха, называемый ваки-тапу, и оставляли там разлагаться. Как и следовало ожидать, во время процесса разложения по паху распространяется ужасный запах, но жителей это не беспокоит, поскольку их ноздри не так легко оскорбить. Например, когда кит выбрасывается на берег, зловоние огромной массы разложения настолько сильно, что европеец не может его вынести. Туземцы же утверждают, что привыкли к нему и не замечают. Действительно, люди, способные есть ужасные каши из гнилой кукурузы, которые они так любят, должны быть настолько тупыми на нюх, чтобы быть безразличными к любым неприятным запахам.

Как бы то ни было, со временем процесс разложения должен быть завершен - семь или восемь месяцев являются обычным сроком. После этого происходит любопытная церемония, называемая "хахунга". Друзья и родственники умершего вождя снова собираются вместе, а кости торжественно извлекаются из своего хранилища и очищаются. Человек, который их очищает, обязательно является тапу, но становится "ноа", или обычным, когда старшие сын и дочь умершего вождя едят священную пищу, предложенную мертвым. Если старшая девушка умерла, пища помещается в калабаш и кладется в пустой гроб, дух девушки вызывается по имени, и пища предлагается ей. Предполагается, что дух примет пищу, и тапу таким образом снимается так же эффективно, как если бы она была жива и заметно съела пищу. Если у вождя не было дочери, ее место занимает ближайшая родственница. В честь покойного произносятся обычные речи, а мераи, тики и другие украшения умершего вождя передаются его старшему сыну, который таким образом вступает в должность, освобожденную его отцом; церемония аналогична коронации у европейцев.

Когда умер знаменитый вождь Э' Хонги, "Бич Новой Зеландии", как его называли, его дети так боялись, что на них нападут те, кого ужас его имени заставлял молчать, что хотели опустить предварительные оратории и "танги" и положить его тело в "ваки-тапу", или священное место, на следующий день после его смерти. Однако это намерение было отменено, главным образом благодаря прозорливости умирающего вождя.

Чувствуя, что его конец близок, он собрал вокруг себя своих сыновей, послал за всеми своими военными запасами, мерами, пату, мушкетами, боеприпасами и, прежде всего, доспехами, которые он получил от Георга IV, и завещал их своим детям. Его спросили, какое "уту", или удовлетворение, должно быть получено за его смерть, но он ответил, что единственное уту, которого желал бы его дух, - это чтобы его племя было доблестным и отразило любое нападение, которое может быть совершено на них. Если бы не это благородное чувство, то при его смерти была бы большая резня, чтобы набрать для него прислугу.

Мысль о том, что его племя должно в будущем быть доблестным и отражать нападения своих врагов, была главной в сознании Э' Хонги; и 6 марта 1828 года он умер, постоянно повторяя слова: "Киа тоа! киа тоа!" - то есть "Будьте доблестными! будьте доблестными!".

После того как церемония очистки костей закончена, их забирает главный тохунга, или священник, который обычно располагает их в каком-нибудь тайном месте, священном для останков умерших вождей и известном только ему. Иногда, однако, их укладывают в красиво вырезанные ящики, которые стоят на столбах в центре паха.

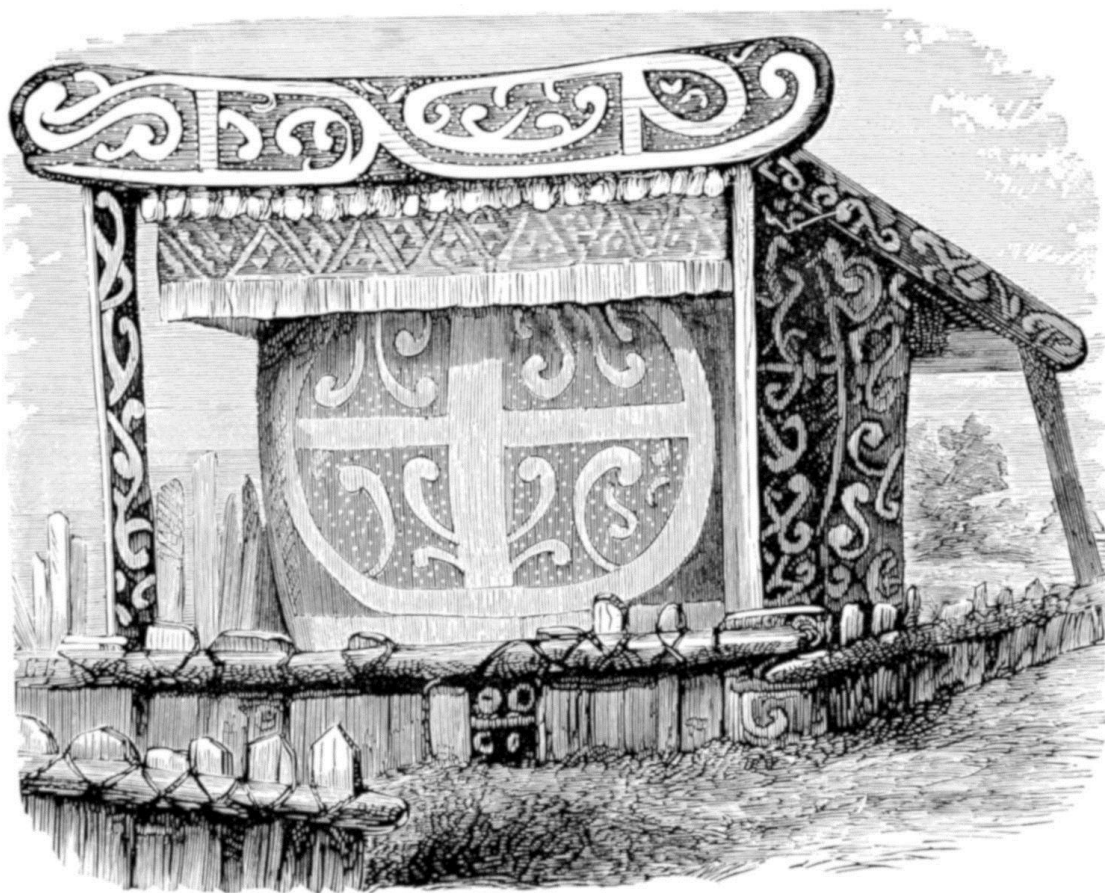
Иногда ваки-тапу, или священное место, куда помещают тело вождя, пока оно разлагается, отмечается весьма любопытным образом, а вся деревня на время обезлюдевает. Например, в пахе Хуривенуа вождь умер примерно за шесть недель до того, как мистер Ангас прибыл в это место, которое он нашел пустынным. "Недалеко от этого острова-паха находилась деревня Хуривенуа, в центре которой возвышалась украшенная гайлами гробница покойного вождя. Несмотря на то что здесь все было в идеальной сохранности, не было видно ни одной живой души; деревня с ее аккуратными домами из раупо, дворами и ящиками для провизии была совершенно пустынна. С того момента, как вождя положили под вертикальное каноэ, на котором были начертаны его имя и звание, вся деревня стала строго тапу, или священной, и ни одному туземцу под страхом смерти не разрешалось приближаться к этому месту. Все дома были заколочены, а на дверях большинства из них были сделаны надписи, означающие, что имущество такого-то остается здесь.

"Вокруг царила полная тишина. Убедившись, что поблизости от запретного места нет туземцев, я высадился на берег и ступил на священную землю; мои шаги, вероятно, были первыми с тех пор, как деревня была покинута, которые эхом отдавались вдоль ее частокола.

(1.) ОПЛАКИВАНИЕ УМЕРШЕГО ВОЖДЯ.

(См. [стр. 869.](#))

(2.) ГРОБНИЦА Э' ТОКИ.

(См. [стр. 873.](#))

"Придя к гробнице, я был поражен контрастом между памятником дикаря и памятником цивилизованного европейца. При возведении последнего использовались мрамор, камень и самые прочные металлы, в то время как быстро разлагающееся дерево, красная охра и перья украшали гробницу маори. Хуривенуа был похоронен всего шесть недель назад, поэтому украшения *ваки-тапу*, или священного места, как называют эти сооружения, были свежими и нетронутыми. Центральное вертикальное каноэ было богато расписано черными и красными красками, а на вершине было написано имя вождя; над ним гроздьями висели пучки перьев *кака*, образуя большую массу на вершине каноэ. Вокруг могилы тянулась двойная ограда из высоких кольев, также покрашенных в красный цвет и украшенных арабесками, а на каждом креплении льна, где горизонтальные рейки крепились к вертикальной ограде, были воткнуты два перышка альбатроса, солнечная белизна которых прекрасно контрастировала с мрачным черно-красным цветом остальной части памятника."

Одну из таких гробниц можно увидеть на заднем плане [иллюстрации № 1](#) на стр. 860, где изображен портрет старого священника, а другая показана на [панораме деревни](#), которая будет приведена на одной из следующих страниц.

Внутри пах часто возводят памятник или мавзолей для умерших. Очень красивый пример такого рода гробницы был воздвигнут в пах Рангихаета в память об Э' Токи, матери Раупахары.

Она имела почти полукруглую форму, и тело помещалось в нее в вертикальном положении. Она была покрыта крышей, квадратной по углам, выступающей в виде веранды по всему

периметру и наклоненной к задней части. Центральная гробница, крыша и столбы, поддерживающие ее, были покрыты сложнейшим арабесковым узором, в основном спиралевидным. Обильно использовалась краска, причем красная и белая - на центральной гробнице, а красная и черная - на крыше и столбах. Перед выступающей крышей висела красиво сплетенная циновка кайтака покойной женщины, а на ней через равные промежутки были разложены ворсинки из белых перьев альбатроса.

Даже когда мистер Ангас увидел этот прекрасный образец искусства маори, он уже начал разрушаться: климат был влажным, а туземцы никогда не ремонтируют разваливающиеся гробницы. Разумеется, это было строго тапу. Ни один туземец не любил приближаться к ней, а для раба или даже свободного человека низшего ранга подойти к ней на определенное расстояние было бы преступлением, караемым мгновенной смертью.

Я с большим удовольствием представляю на предыдущей странице [иллюстрацию](#) этого прекрасного памятника искусства маори, взятую с рисунка, сделанного мистером Ангасом в 1844 году, когда скоропортящиеся материалы, из которых была сделана гробница, еще неплохо сохранились. Под резной и украшенной крышей можно увидеть полукруглый гроб, в который было помещено тело, отличающийся от внешней части гробницы красным и белым цветами, которыми он был окрашен, в отличие от красного и черного цвета внешних частей. Читатель заметит, что красный цвет преобладает во всех гробницах, потому что красный - это оттенок траура, а также войны у маори. Непосредственно под карнизом передней части можно увидеть высоко украшенную кайму циновки кайтака, которую когда-то носила покойная, а теперь оставила разлагаться на своей могиле.

Вокруг самой гробницы тянется невысокая ограда. Эта ограда, как ни мала она на первый взгляд, обеспечивала гробнице достаточную защиту, поскольку все пространство внутри нее стало священным благодаря тапу, наложенному на него Раупахарой, так что даже самый высокий вождь не рискнул бы войти в запретный загон.

Один из лучших образцов резьбы в Новой Зеландии - возможно, самый лучший во всей стране - это мавзолей, возведенный Те Виро-Веро для своей любимой дочери. Именно после смерти этой дочери Те Виро-Веро так сильно обидел других вождей, пригрозив бросить их скальпы в могилу своей дочери, за что ему пришлось в качестве штрафа отдать знаменитые доспехи Э'Хонги.

Памятник был воздвигнут в Рароэре, бывшей одной из самых больших и прекрасных па Новой Зеландии, но пришедшей в запустение из-за поступка решительного и твердого вождя. Он построил эту замечательную гробницу для своей дочери и, как только ее тело было помещено в нее, объявил весь пах тапу. Он сразу же опустел: и стар и млад покинули это место, оставив все, что было, - провизию плесневеть и оружие разлагаться. Солидные дома, на строительство и резьбу которых ушло много лет, превратились в бесформенные руины; и даже в 1844 году буйная растительность настолько заросла, что многие из лучших произведений местных мастеров были скрыты листвой.

Гробница высотой около двенадцати футов состоит из обычного ящика для приема тела, покрытого выступающей крышей, которую поддерживают столбы. Если бы она была такой же изящной по форме, как памятник Э'Токи, это был бы, безусловно, лучший образец местного искусства; но, к сожалению, она не обладает смелыми очертаниями и контрастом кривой и прямой линии, которые так характерны для гробницы Э'Токи.

Проработанность резьбы на этом памятнике настолько велика, что почти не поддается искусству рисовальщика. Мистеру Ангасу удалось скопировать ее, и когда рисунок был

показан художнику, выполнившему работу, он был поражен и назвал белого человека великим тохунга. Крышу поддерживают столбы, каждый из которых состоит из двух человеческих фигур, причем верхняя стоит на голове нижней. Верхняя фигура около семи футов в высоту, у нее гигантская голова с огромным высунутым языком, достигающим до груди.

Вся гробница покрыта человеческими головами. Кроме тех, что на столбах, только в передней части гробницы можно увидеть четырнадцать лиц, каждое из которых отличается от другого выражением и рисунком моко, но все они одинаково вызывающие. Их огромные глаза особенно заметны благодаря тому, что вырезаны из раковины галиотиса, что в значительной степени соответствует плану, принятому в ханисах и других скульптурах вождей. Все пространство между фигурами покрыто сложнейшими арабесками, которые причудливо переплетаются друг с другом, но каждая из них имеет свой собственный смелый изгиб. Между различными частями, составляющими эту гробницу, проложены пучки и охапки белых и зеленых перьев, которые служат как для украшения, так и для маскировки необходимых швов деревянной отделки.

Этот замечательный памятник был полностью вырезан одним человеком по имени Парануи. Он был хромым и поэтому посвятил все свои силы искусству, в котором так сильно отличился, что получил звание тохунга. Он был также знаменит как татуировщик, и можно представить, что человек, способный создать столь необычное произведение искусства, должен быть искусен в изобретении бесконечного разнообразия узоров, необходимых для украшения лиц вождей. Для выполнения этой работы у Парануи был только один инструмент - головка старого штыка.

Утрата таких образцов туземного искусства, как описанные, подтверждает мои прежние замечания о необходимости вывоза в нашу страну всех памятников жизни дикарей, которые мы можем сохранить. Мы не наносим дикарям никакого реального ущерба и сохраняем бесценные реликвии исчезающих обычаев. Эти памятники, например, были просто вырезаны, а затем оставлены на произвол судьбы. Если бы их перевезли в эту страну, где они были бы защищены от власти стихий и посягательств растительности, мы бы увидели их в полной сохранности в настоящее время, и, вероятно, они простоят столько же, сколько и здание, в котором они находятся.

Конечно, против такого взгляда на дело можно привести сентиментальный аргумент, но в вопросах, имеющих жизненно важное значение в грандиозном исследовании антропологии, простым чувствам не должно быть места. Да и не должно быть места, как некоторые часто представляют. Дикарь, обнаружив, что белый человек уступает ему в этом вопросе, только рад найти любую выгодную позицию и всегда нажимает на нее, как только другой уступает - точно так же, как это было сделано в Индии с вопросом о касте. Мы не можем измерить их умственные способности так же, как и физические, своими собственными. Дикарь стоически переносит пытки, которые убили бы европейца, просто потому, что он их не так сильно чувствует. А умственная и физическая чувствительность находятся на одном уровне.

Маори, возможно, самая прекрасная дикарская раса на земле, и все же мы не можем считать его вполне достойным существом, чья цель - убийство, а награда - поедание тела жертвы, кто никогда не выполняет работу, которой может избежать, и кто ведет жизнь рассеянную в меру своих возможностей. Из всех диких народов новозеландец больше всего скорбит о потере друга или родственника. Слезы обильно текут из его глаз, а каждый тон его голоса и каждый жест его тела создают впечатление, что его постигло невыносимое горе. Однако мы уже видели, что эти горестные излияния в большинстве случаев носят

преднамеренный характер и являются всего лишь традиционным способом поведения, предусмотренным этикетом страны.

Когда два человека могут обливаться слезами, говорить только всхлипывающими голосами, издавать душераздирающие вопли и опускаться на землю, как подавленные горем, мы не можем не сочувствовать их горю и не восхищаться их чувствительностью. Но если посреди всех этих трогательных проявлений скорби мы видим, как они внезапно прекращают рыдания и плач, вступают в оживленную беседу, от души смеются, а затем вновь предаются слезам и рыданиям, мы можем смело усомниться в их искренности.

Так и с красивыми домами и памятниками, оставленными на произвол судьбы. Вероятно, строитель очень остро чувствовал себя в то время, хотя чувство скорби иногда принимает любопытный оборот и превращается в месть и оправдание войны; но стоит сильно сомневаться, что скорбь по ушедшим - это чувство, которое действительно постоянно в сознании дикаря. Вождь маори может наложить тапу на целую деревню, когда умирает его родственник, и если по прошествии многих лет кто-то посмеет вторгнуться в запретные пределы, он тут же понесет за это наказание. Но следует помнить, что нарушение тапу - это оскорбление не мертвых, а живых, и когда вождь наказывает преступника, он мстит не за оскорбление, нанесенное его умершему родственнику, а за прямое оскорбление, нанесенное ему самому.

Несмотря на свои чувства, я думаю, что маори можно было бы убедить продать такие образцы искусства, и даже если бы он отказался от такого предложения, он бы уважал нас не меньше, если бы, захватив па, мы воспользовались правом завоевания и взяли то, что не могли купить. Или даже если предположить, что первая идея оказалась неосуществимой, а вторая - нежелательной, было бы нетрудно побудить туземного художника выполнить дубликат, который он мог бы продать за цену, обогатившую бы его на всю жизнь.

Я знаю, что такие взгляды непопулярны среди массы тех, кто видит дикаря только на расстоянии, что, конечно, в случае с жизнью дикаря придает единственное очарование виду, которым он может обладать. Но я считаю их справедливыми и верными и знаю, что чем ближе мы знакомы с жизнью дикарей, тем больше у нас оснований быть благодарными цивилизации. Дикарь и сам это знает, и горько чувствует свою неполноценность. Он ненавидит и боится белого человека, но в итоге всегда пытается ему подражать.

Вернемся к этим памятникам. В прежние времена они существовали в огромном количестве, и даже те, что сохранились до наших дней, настолько характерны для стиля искусства, который, возможно, берет свое начало в древней Мексике, что я был бы рад перенести на эти страницы еще несколько зарисовок мистера Ангаса.

Из нескольких предыдущих иллюстраций видно, что новозеландцы, должно быть, обладают большим мастерством в архитектуре. Внимательный читатель наверняка заметил, что в Австралии практически отсутствует искусство строительства домов; и то, что это так, весьма необычно, если учесть, что архитектурное мастерство необычайно развито среди великих полинезийских семей. Новозеландец, чья страна имеет много общего с Австралией, отличается мастерством и вкусом, которые он проявляет в архитектуре; поэтому этому вопросу будет посвящено небольшое место.

Как и во всей Полинезии в целом, материалом для строительства домов служит дерево, а различные части, из которых состоит дом, скрепляются между собой не гвоздями, а веревками и веревками, которые во многих случаях применяются самым тщательным и художественным образом, причем красота прослеживается не только в формах домов и

резных узорах, которыми они украшены, но и в сложных переплетениях, которыми они скреплены между собой. Поскольку, однако, эта отрасль декоративной архитектуры распространена на Фиджи в большей степени, чем в Новой Зеландии, я оставлю подробности для описания островов Фиджи.

Размеры некоторых из этих сооружений очень велики. Например, в 1843 году новообращенные маори построили для себя культовое сооружение, достаточно большое, чтобы вместить тысячу человек, и размером восемьдесят шесть футов в длину и сорок два в ширину. Размер этого сооружения, очевидно, определялся длиной столба. Он был срублен из одного дерева, и туземцы протащили его на расстояние трех миль. Все поперечные перекладыны здания были декоративными, что придавало ему особое богатство отделки.

Однако нас в первую очередь интересует домашняя архитектура маори. Внутри каждого паха или закрытой деревни находится несколько домов, каждый из которых представляет собой семью и отделен друг от друга заборами, причем в одном загоне, как правило, несколько домов стоят рядом друг с другом. Полноразмерный дом имеет длину около сорока футов на двадцать в ширину и строится точно по тому же принципу, что и только что описанные гробницы: собственно дом занимает место гроба и укрыт от непогоды двускатной крышей, которая выходит далеко за пределы стен, образуя своего рода веранду. Крыша держится на отдельных столбах, а не опирается, как у нас, на стены дома. Крыша всегда сильно выступает в главном конце дома, в котором находится дверь, так что она образует своего рода навес, под которым члены семьи могут укрыться от солнца или дождя, не заходя в дом. Настоящий новозеландец очень любит свежий воздух и, как мы уже видели, спокойно просидит целый день на мокрой земле под проливным дождем, хотя дом может находиться в непосредственной близости. Но ночью, когда он ложится отдыхать, он так же любит закрываться и исключать любой глоток свежего воздуха.

Действительно, туземец рассматривает дом не как место для жизни, а лишь как удобное укрытие от стихии днем и комфортное спальное место ночью. Как только наступает вечер, в центре дома разжигают костер, который наполняется дымом, так как дымохода нет. Однако новозеландец, похоже, не боится дыма и спокойно сидит в таком месте, которое свело бы европейца с ума. Действительно, прежде чем туземцы привыкнут к едкому пару, их глазам придется немало вытерпеть, и именно привычке сидеть в дыму в основном обязан обесцвеченный взгляд, столь распространенный среди стариков.

Таким образом, туземцы не только окружают себя дымной атмосферой, но и ограничивают ее количество, а также качество. Количество мужчин и женщин, которые собираются ночью в одном доме, почти невероятно, каждый ложится на простую циновку и сохраняет ту же одежду, что носил днем. Однако, когда жара становится чрезмерной, обитатели дома обычно умудряются сбросить с себя одежду на ночь. К рассвету жара и теснота становятся почти удушающими для европейца, и это довольно забавное зрелище - видеть, как хижина отдаст своих обитателей утром холодного дня, и вся компания окутывается паром, когда они выходят на холодный воздух.

В главном конце дома, под верандой, находится вход. Он странным образом напоминает ворота египетского храма: сделан из трех больших балок, две боковые стойки слегка наклонены друг к другу, а третья положена на них. Проем закрывается раздвижной дверью, а сбоку от нее обычно находится квадратное окно, которое можно закрыть таким же образом. В некоторых больших домах таких окон было два, по одному с каждой стороны двери.

Поскольку крыша сделана с большим наклоном, высота стен редко превышает два-три фута в местах соприкосновения с крышей, хотя в середине дом достаточно высок. С внутренней

стороны крышу поддерживают один или два столба, которые всегда искусно вырезаны и почти всегда имеют человеческую фигуру в качестве одного из украшений на них. Коньковый столб уплощен и похож на доску, а в хороших домах вырезан и расписан узорами, обычно спирального характера. Эта доска, как и те, что используются в различных частях здания, изготавливается путем обтесывания ствола дерева с обеих сторон до необходимой толщины, поскольку у местных маори нет инструмента, который мог бы заменить пилу.

На конце хребтового столба, над дверью, вырезана искаженная человеческая фигура, призванная изображать хозяина дома, и узнаваемая по линиям моко или татуировке на лице, и обычно с непомерно высунутым языком.

На иллюстрации на странице 877 изображен самый знаменитый из всех домов маори, а именно военный дом безжалостного вождя Рангихаета, здание, которое полностью выражает свирепый характер строителя. Эти дома проектируются вождями в честь великой победы и окружены деревянными фигурами, которые либо изображают в насмешку убитых ведущих воинов противника, либо победоносного вождя и его собственных воинов, которые бросают вызов и оскорбляют врага, высунув языки в его сторону. Этот дом носит зловещее название Кай-тангата, или Человек-пожиратель.

Иллюстрация взята с наброска, сделанного мистером Ангасом, который описывает это здание следующим образом: "Кай-тангата, или Дом пожирателя, - это деревянное здание в примитивном стиле маори, больших размеров, с дверными столбами и досками, образующими портик, искусно вырезанными в гротескных формах, изображающих человеческие фигуры, часто в самых непристойных позах. Глаза инкрустированы раковиной пава, а татуировки на лицах тщательно вырезаны. Языки у всех этих фигур чудовищно большие и выпирают изо рта, как знак неповиновения врагам, которые могут приблизиться к дому. Все резные работы, как и деревянные части здания, окрашены в красный цвет коковаи - охрой, которую находят в основном на склоне вулкана Таранаки.

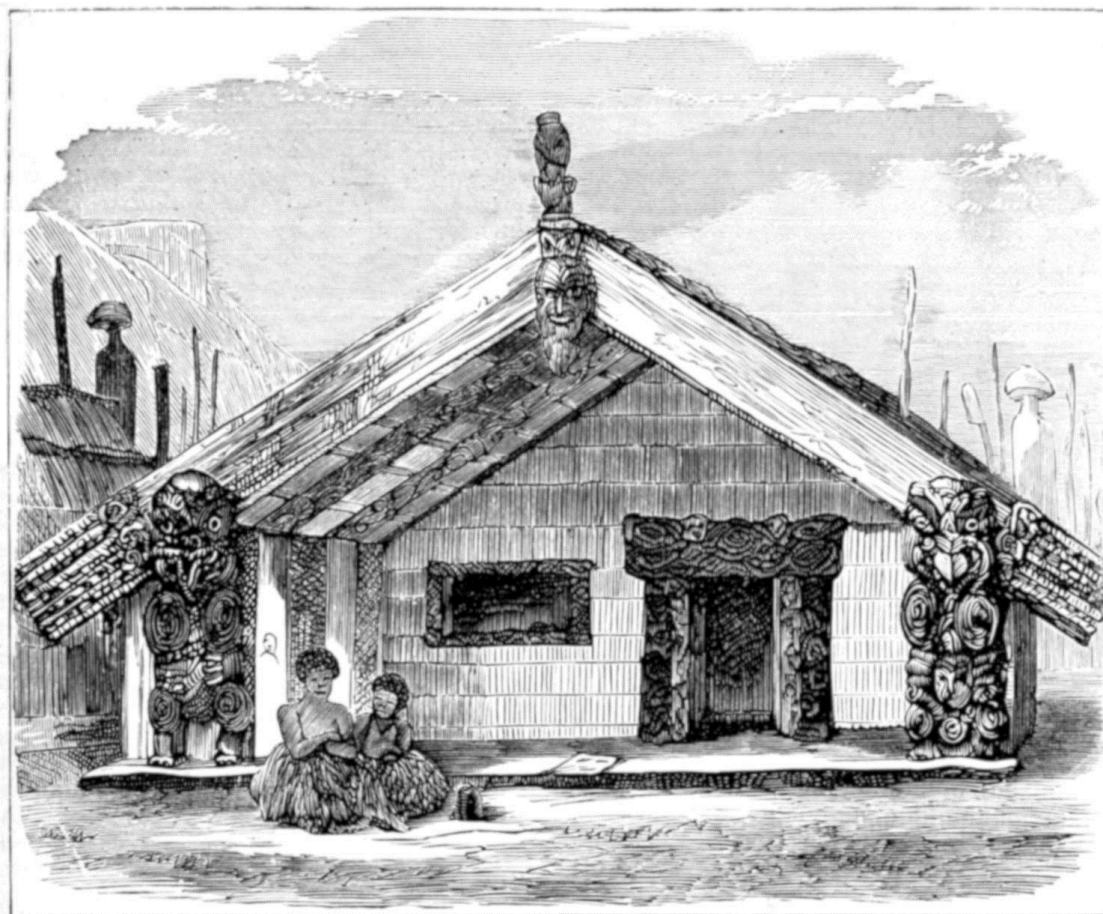
"Портик или веранда дома Рангихаеты имеет глубину около двенадцати футов, а коньковый столб и доски каркаса крыши богато расписаны спиральными арабесками черного и красного цветов; по краю каждой спирали расположены белые пятна, которые придают эффект насыщенности. Промежутки между деревянными элементами заполнены разноцветным тростником, красиво уложенным с большим мастерством, и скрепленным полосками льна, окрашенного в красный цвет и перевязанного крест-накрест, чтобы создать видимость декоративной плетенки.

"Над центром портика с двускатной крышей закреплена большая деревянная голова, искусно татуированная, с волосами и бородой, сплетенными из собачьих хвостов. Внутри дома находится резное изображение самого отвратительного вида, которое поддерживает коньковый столб крыши. Оно предназначено для изображения владельца, и туземцы утверждают, что это полностью дело рук самого Рангихаеты".

Эту фигуру, а также шест, выходящий из головы, можно увидеть на иллюстрации № 1 на странице 809, где изображен интерьер дома. Из-за обстоятельства, о котором говорится в начале этого описания, художник не смог зарисовать огромное количество резьбы, украшавшей этот дом, поэтому большая часть необычайной проработки неизбежно опущена.

Рангихаета проявил свой безжалостный нрав в одной из досадных стычек, которые часто происходили между маори и англичанами и о которых впоследствии одинаково сожалели обе стороны: белые обычно наносили туземцам непреднамеренное оскорбление, а

последние в пылу страсти обижались на него. В этот раз несколько белых мужчин были захвачены маори под предводительством двух вождей - Рангихаеты и Раупахары, которые состояли между собой в брачном родстве: первый женился на дочери второго. Некоторое время назад эта женщина была случайно убита случайным выстрелом, который, разумеется, ее родственники настаивали считать преднамеренным.

(1.) ВОЕННЫЙ ДОМ РАНГИХАЕТЫ.
(См. [стр. 876.](#))

(2.) ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ ПАХА ИЛИ ДЕРЕВНИ.

(См. [стр. 879.](#))

Пока пленники и их похитители стояли вместе, другой вождь по имени Пуатиа попытался заключить мир, сказав, что убитых с обеих сторон примерно поровну. Его предложение было принято, в последнее время противоборствующие стороны пожали друг другу руки, и все бы шло хорошо, если бы к ним не присоединился Рангихаета, который занимался тем, что добивал всех раненых. Он тут же потребовал жизни пленных, а когда Раупахара отказался выполнить его требование, Рангихаета велел ему помянуть дочь. Убитый горем вождь промолчал на этот неявный упрек, и, прежде чем он успел собраться с мыслями, Рангихаета скользнул вокруг группы, встал позади каждого из пленников, когда они стояли среди маори, и последовательно убил их своим мераи. В основе этого печального дела лежал вездесущий земельный вопрос.

Дома, подобные Каи-тангата, раньше были широко распространены и отвечали назначению древних трофеев. Военный дом, почти такой же знаменитый, как только что описанный, был возведен Пуатиа, вождем Отавао Пах, в память о взятии Макету на восточном побережье. После смерти Пуатиа весь этот великолепный па был превращен в тапу, и, как следствие, здания внутри него пришли в упадок. Мистеру Ангасу посчастливилось сделать набросок военного дома до того, как он, как и остальные постройки в па, полностью обветшал.

Сам дом, возможно, не так аккуратно сделан, как Кай-тангата, но он представляет большой интерес благодаря множеству фигур, которыми украшены балки, стропила и столбы. По обе стороны веранды стоят две огромные деревянные фигуры, которые должны изображать двух

вождей, павших в бою, но которые, как принадлежащие к победившей стороне, изображены с языками, вызывающе угрожающими поверженному врагу.

Фигура, поддерживающая центральный шест, изображает вождя, который был одним из главных воинов при взятии Макету. На высоте шести и десяти футов, соответственно, на том же столбе вырезаны фигуры двух других воинов, их моко, или татуировки, выполняют обязанности всего человека. Еще выше находятся несколько фигур, изображающих воинов, причем верхняя фигура, кажется, стоит на самой крыше. В верхней части фронтона находится фигура Поканы, воина, жившего в то время, когда был построен дом, который изображен с трубкой во рту. Вокруг дома расположено множество подобных фигур, каждая из которых представляет какую-то известную личность и имеет значение, которое прекрасно понимают туземцы.

Именно в этом разрушенном па Отавао был найден вышедший из употребления деревянный боевой колокол. Прежний владелец, Пуатиа, перед смертью был обращен в христианство, и пока он лежал больной в своем па, он открыл школу для распространения христианства и собирал вокруг себя людей для утренних и вечерних молитв.

Уже упоминалось, что из-за презрения, с которым маори относятся ко всему, что связано с приготовлением пищи, в жилых домах никогда не готовят. Если есть возможность, то готовят под открытым небом, но если погода слишком сырая или ветреная, то используют навес. Эти сараи строятся специально для этой цели, и никто, претендующий на звание, никогда в них не заходит. Если бы в радиусе нескольких миль не нашлось другого укрытия, кроме кухонного сарая, вождь маори не вошел бы в него, какой бы суровой ни была погода.

Сараи для приготовления пищи строятся очень просто, бока или стены специально делаются со значительными промежутками, чтобы ветер мог свободно проходить между ними. Крышу делают из балок, поверх которых кладут солому из камыша раупо. Поскольку в этих сараях, помимо прочих продуктов питания, готовят гнилую кукурузу, европейский путешественник часто рад узнать, что это отвратительное блюдо будет готовиться на расстоянии от него.

Некоторые из крупных пах содержат большое количество домов, а в некоторых из них проживает не менее двух тысяч человек. В настоящее время цивилизация оказала большое влияние на пахи, превратив их, как правило, в крепости, а не в деревни. Во многих районах от использования па практически отказались, и те туземцы, которые хотят жить в мире, посвящают себя обработке земли и живут в разбросанных домах, не заботясь о защите ограды.

Иллюстрация № 2 на стр. 877 взята с эскиза мистера Ангаса, изображающего внутреннее убранство па, каким он видел его в 1844 году. Один или два дома разбросаны вокруг, украшены гротескными фигурами, которые так любят маори, а несколько обитателей сидят под навесом глубокой веранды. На заднем плане виднеется один или два изобретательных и красиво вырезанных склада, в которых еда защищена от крыс, а с одной стороны - большой деревянный тики, выступающий из земли. Сразу за большим складом виден любопытный памятник, обозначающий ваки-тапу, или священное место захоронения вождя. Половина каноэ врыта в землю и расписана сложными узорами красного цвета - цвета траура и войны у новозеландцев.

Повсюду разбросаны группы туземцев, среди которых выделяется совет, заседающий на переднем плане под председательством сидящего вождя, чей хани, или служебный посох,

обозначает его достоинство. Женщина-рабыня занимается тем, что мнет листья льна; а по паху беспорядочно бродят или уютно спят свиньи, которыми кишит каждая деревня.

Теперь мы переходим к инструментам, с помощью которых маори выполняют все эти замечательные плотницкие и резные работы.

Глядя на результаты, мы, естественно, можем предположить, что сумрачный архитектор обладает большим количеством инструментов; но на самом деле его инструменты так же немногочисленны и просты, как и его оружие, и практически могут быть рассмотрены как два, адзе и долото. На следующей странице показан [пример](#) каждого из них, причем художник позаботился о том, чтобы выбрать самые лучшие и ценные экземпляры; лезвия сделаны из драгоценного зеленого нефрита, а рукоятки искусно вырезаны, чтобы быть достойными ценного материала, из которого сделаны лезвия.

Как можно себе представить, эти инструменты не могут иметь очень острых краев, поскольку хрупкость камня приведет к тому, что он будет скалываться, как плохая пила, и поэтому самый плохой железный топор является гораздо лучшим инструментом, чем самый лучший образец зеленого камня, который когда-либо делал маори.

Под [№ 3](#) показан один из распространенных "токи", или каменных топоров, которые раньше так часто использовались при строительстве каноэ. Образец, с которого он срисован, находится в моей коллекции, и я выбрал его для иллюстрации, потому что он дает прекрасное представление о строении инструмента и способе крепления лезвия к рукоятке. Это достигается весьма изобретательным способом, и хотя вряд ли возможно обеспечить необходимую прочность с помощью простой веревки, маорийский мастер сумел прикрепить лезвие так же прочно, как если бы оно было в гнезде.

Такой способ крепления клинка к рукояти преобладает у большей части полинезийцев, и, несмотря на значительные различия в оформлении шнурков, принцип везде одинаков. Тот же план преобладает даже на Борнео, и в моей коллекции есть адзе строителя лодок, железное лезвие которой прикреплено к гнезду точно таким же образом, с той лишь разницей, что вместо веревки используется расщепленный ротанг. Читатель обратит внимание на своеобразную форму кромки адзе, которая в точности повторяет резцовый зуб любого грызуна. Сомнительно, что изготовитель намеренно скопировал зуб, но то, что он это сделал, очевидно.

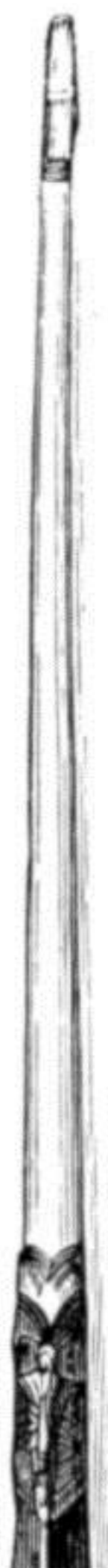
Подобные инструменты неизбежно несовершенны, но с их помощью маори терпеливо выполняли сложные и по-настоящему художественные орнаменты, которыми они когда-то украшали свои жилища, каноэ, оружие и инструменты. Они не могли сделать даже трость, но должны были покрыть ее резьбой. В моей коллекции есть замечательный пример такой трости, которая на языке маори называется "токо-токо", подаренный мне Стивердом Воресом, эсквайром, и представленный на [рис. 4](#). Как видно из иллюстрации, она украшена шестью полными человеческими фигурами, а также человеческим лицом на набалдашнике рукоятки. Части палки, расположенные между фигурами, полностью покрыты резьбой, а единственная гладкая поверхность - та, что предназначена для захвата рукой.

Шесть фигур расположены тремя парами, спина к спине, и фигуры каждой пары в точности похожи друг на друга. В них прослеживается четкая градация: у самой верхней пары лица наиболее искусно татуированы, средняя пара менее орнаментирована, а самая нижняя пара имеет сравнительно простую татуировку. В положении голов также есть различия, которые,

как мне кажется, имеют какое-то значение, известное резчику. У верхней пары левая рука положена на грудь, а правая прижата к губам; у средней пары левая рука все еще на груди, а пальцы правой касаются горла; у нижних фигур обе руки сцеплены на груди.

Все фигуры разделены, за исключением затылков, бедер и пяток, где они соприкасаются друг с другом; так что труд, затраченный на эту палку, был очень велик.

Теперь мы прощаемся с этой интересной расой - расой, которая быстро сходит на нет и скоро исчезнет совсем. Ни один новозеландец никогда не будет сидеть на разрушенных арках Лондонского моста и созерцать руины собора Святого Павла. Маори быстро исчезают, и через несколько лет на островах наверняка не останется ни одного маори чистой крови; и не пройдет и столетия, как даже характерная татуировка будет напоминанием о прошлом, единственным памятником которого станут высушенные головы, хранящиеся в европейских музеях. Жалко, что такая раса уходит из жизни, но ее упадок невозможно остановить, и через некоторое время маори вымрут так же полностью, как люди каменного века, не оставив ничего, кроме своих изделий, как память о своем существовании. Поэтому такие памятники следует тщательно сохранять. Каждый кусочек настоящей туземной резьбы, который можно найти в Новой Зеландии, должен быть найден и привезен в Англию, где он будет сохранен для будущих веков, и вместе с отдельными образцами, которые разбросаны по частным домам по всей стране, должен быть собран вместе в каком-нибудь центральном музее, где они будут доступны всем, кто интересуется великой наукой антропологии.

Side

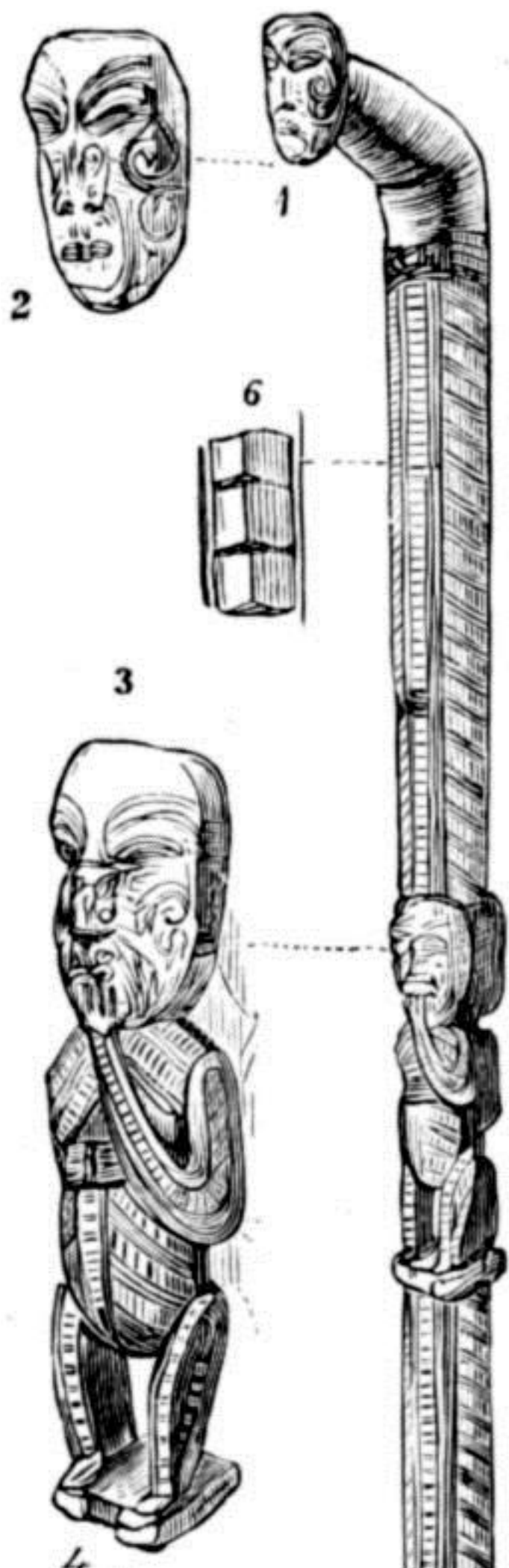
(1.) ВЕСЛА МАОРИ.
(См. [стр. 854.](#))

(2.) ЗЕЛЕНОЕ НЕФРИТОВОЕ ЛЕЗВИЕ И ДОЛОТО.
(См. [стр. 880.](#))

(3.) ОБЫЧНОЕ КАМЕННОЕ ЛЕЗВИЕ.
(См. [стр. 880.](#))

(4.) ТОКО-ТОКО.

(См. [стр. 880.](#))

ГЛАВА LXXXVIII. НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ.

ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗМЕРЫ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ - ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА ТУЗЕМЦЕВ - ТАНЦУЮЩАЯ МАСКА - МЕСТНАЯ АРХИТЕКТУРА - ДЫМ И МОСКИТЫ - ВОЙНА - ДИКОВИННЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ - ПРАЩА И КОПЬЕ - СПОСОБ МЕТАНИЯ КОПЬЯ - УНЕП, ИЛИ "АМЕНТУМ" ДРЕВНИХ - ФОРМА ДУБИНЫ - ПРЕДМЕТЫ ВОЙНЫ - КАННИБАЛИЗМ - НОЖ И ВИЛКА - ДИЕТА И КУЛИНАРИЯ В ЦЕЛОМ - ПАУК НУГИ - СПОСОБ ПИТЬЯ - ХАРАКТЕР НОВОКАЛЕДОНЦЕВ - ХИТРОУМНАЯ КРАЖА - КАТА - ОСТРОВ СОСЕН И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

К востоку от Австралии находится довольно большой остров, известный под названием Новая Каледония. Он не очень велик по площади, но населен народом, который заслуживает краткого упоминания на этих страницах.

Жители Новой Каледонии почти черные по цвету кожи, а по общей форме и внешнему виду имеют некоторое сходство с аборигенами Тасмании. Однако они выглядят лучше и имеют менее дикий вид, вероятно, из-за сравнительно регулярного питания, которое они могут получать. Они обычного роста, но был замечен один мужчина, рост которого превышал шесть футов. Однако его фигура была плохо пропорциональна. Они почти не носят никакой одежды: у мужчин на поясе висит один лист или, в крайнем случае, полоска мягкой коры, служащая кальсонами, а взрослые женщины носят узкий бахромчатый пояс, который несколько раз обхватывает талию.

Волосы у них шерстяные и короткие, но на расстоянии многих из них можно принять за длинноволосых людей, благодаря привычке делать искусственные локоны длиной около двух футов из травы и волос летучей мыши. Некоторые из этих локонов настолько длинные, что спадают до середины спины. Вокруг головы иногда повязывают небольшую сетку с широкими ячейками, а вожди носят странное подобие шляпы. Эти шляпы имеют цилиндрическую форму и украшены большим круглым орнаментом с каждой стороны, плюмажем из перьев на макушке и длинным свисающим хохолком из травы и волос, который свисает вниз по спине. Шляпа не защищает голову, у нее нет короны, и используется только как знак ранга.

Туземцы также делают своего рода маску, очень изобретательно вырезанную из дерева, с открытым ртом и закрытыми глазами. Носитель смотрит не через глаза, а через отверстия, проделанные в верхней части маски. Предполагается, что такие маски используются на войне, когда сражающиеся хотят замаскироваться от своих противников. Однако это всего лишь предположение. Я почти не сомневаюсь, что деревянная маска, описанная и изображенная д'Антрекасто, - не более чем украшение, используемое в туземных танцах. На самом деле это "момо", описанная более поздними путешественниками. В готовом виде "момо" украшен плюмажами из перьев, длинными пучками волос и густой, грубой сетью, которая выполняет функцию бороды и спускается до колен владельца.

Маска, сделанная точно таким же образом, используется туземцами острова Ванкувер, но применяется ими в танцах. Одна из таких масок находится в моей коллекции и будет описана в ходе работы.

Различные украшения для ушей пользуются популярностью среди жителей Новой Каледонии, а некоторые туземцы увеличивают отверстие в мочке до такой степени, что оно образует длинную петлю, конец которой падает на плечи. Иногда они слишком сильно испытывают эластичность уха и полностью разрывают его. Кажется, что в ушах можно носить все, что угодно, и, когда новокаледонец не может найти подходящее украшение, он набивает ухо листом или свертком коры. Они не делают себе татуировок, но рисуют углем черные линии поперек груди, причем линии широкие и проводятся по диагонали через всю грудь. Носят ожерелья различных видов, и эти украшения имеют определенное сходство с украшениями Новой Гвинеи, состоящими в основном из витого шнура, к которому подвешена раковина или кусок кости, вырезанный таким образом, что туземцы с удовольствием считают его декоративным.

Хотя от природы мужчины обладают густыми и жесткими бородами, эти волосатые украшения обычно удаляют, выдергивая волосы у корней с помощью пары раковин, используемых вместо пинцета.

Архитектура жителей Новой Каледонии бесконечно превосходит австралийскую, а по некоторым параметрам почти равна новозеландской. Дома имеют коническую форму и часто достигают от десяти до одиннадцати футов в высоту в середине.

Принцип, по которому строятся хижины, очень прост. Туземный архитектор начинает с того, что выкапывает в земле яму и устанавливает в нее крепкий шест длиной около пятнадцати футов и девятью или десятью дюймами в окружности. Вокруг стандартного или центрального столба в землю устанавливают несколько меньших столбов или стропил, их основания вкапывают в землю, а кончики опирают на стандарт. Более мелкие ветки переплетаются между стропилами, и все это защищается от непогоды при помощи сушеной травы, прикрепленной к стенам.

Толщина этих простых стен часто достигает нескольких дюймов; а поскольку туземцы расстилают на полу толстые циновки, они хорошо защищены от непогоды.

Вход очень маленький, никогда не превышает трех футов в высоту, и в некоторых случаях может быть закрыт грубой дверью, сделанной из пальмовых веток. Некоторые из последних видов хижин имеют обычные дверные столбы, на которых вырезаны грубые имитации человеческого лица. Внутри хижины почти всегда горит огонь, но не столько для тепла или кулинарных целей, сколько для защиты от москитов. Дым, таким образом, поощряется; и, хотя это меньшее из двух зол, он является большим недостатком для комфорта европейцев, которые могут противостоять комарам своей одеждой, а ночью защищаться с помощью занавесок. Центральный столб дома чаще всего украшен ракушками, а в верхней части вырезан в форме человека.

Каждый дом обычно окружен забором высотой в четыре-пять футов, а внутри хижины есть любопытный предмет мебели, который придает грубому жилищу вполне цивилизованный вид. Это деревянная полка, подвешенная на шнурах точно так же, как наши подвесные книжные полки. Она подвешена на высоте около четырех футов от земли, но поскольку шнуры очень тонкие, она может выдержать лишь незначительный вес. Туземцы называют эту полку "пайт".

Теперь мы перейдем от быта к военной жизни и посвятим небольшое место войне среди новокаледонцев.

Весьма примечательно, что среди этих голых и по-особому диких каннибалов мы должны найти два вида боевого оружия, которые были в наибольшем фаворе у цивилизованных римлян классических времен. Это праща и копье, причем последнее забрасывается с помощью своеобразной веревки, так что, по сути, новокаледонский воин не только забрасывает камень, но и копье.

Мы рассмотрим эти виды оружия по порядку, причем праща будет идти первой, как более простое из двух видов оружия.

Конструкция пращи, или "вендата", как называют ее туземцы, очень проста: это оружие представляет собой сложенную вдвое веревку с мешочком посередине, в который помещается камень. Этот мешочек сделан из двух небольших шнуров, уложенных рядом друг с другом, и поскольку гладкий камень может выскользнуть из него, пращник всегда смачивает снаряд во рту, прежде чем положить его в мешочек. Камни вырезаны из твердого сорта стеатита, который хорошо поддается полировке. Они имеют овальную форму и тщательно отшлифованы трением, поверхность при этом становится очень гладкой.

Тридцать или сорок таких камней хранятся в небольшой сетке, которая крепится к левой стороне стропореза. [На иллюстрации № 1](#) на стр. 893 один из воинов изображен с пращой в руке и сеткой, наполненной камнями, прикрепленной к его боку. Когда пращник хочет бросить камень, он не тратит время и силы на круговое вращение пращи, а просто делает один полуоборот в воздухе и выпускает снаряд с огромной силой и удивительной точностью прицеливания. Вследствие того, что праща делает только один полуоборот, камни можно метать почти так же быстро, как и рукой, и поэтому это оружие является очень грозным в открытом поле, когда ему не противостоит огнестрельное оружие.

Теперь мы переходим к копью, или, скорее, копьеметалке.

Это оружие очень большой длины, некоторые экземпляры достигают четырнадцати или пятнадцати футов от острия до острия; и если воин не сможет дополнить естественную силу своей руки искусственными средствами, он не сможет метнуть копье более чем на несколько ярдов. Поэтому он изобрел инструмент, с помощью которого может метать это длинное и громоздкое оружие на значительное расстояние. Принцип действия этого инструмента идентичен принципу действия австралийской метательной палки, но есть разница в применении. Австралийская палка для метания прямая, жесткая и крепится к прикладу копья, в то время как орудие, используемое новокаледонцами, гибкое, упругое и крепится в месте, расположенном немного позади середины копья.

Этот инструмент гениально прост. Это не что иное, как плетеный шнур или ремешок из смеси волокон кокосового ореха и рыбьей кожи. Длина шнура - фут или больше, на одном конце он снабжен набалдашником, а на другом сделан в виде петли. Этот эластичный шнур туземцы называют "унеп". Когда воин хочет метнуть копье, он накидывает петлю на указательный палец правой руки и оставляет ее висеть наготове для копья. Как только приходит время метать копье, мужчина на мгновение уравнивает оружие, чтобы найти середину, а затем закидывает конец ремешка вокруг него в матросский полузахват, затягивая его указательным пальцем.

Пока давление на стяжку сохраняется, она удерживает копье, а как только оно ослабевает, "полузахват" ослабевает и позволяет копью освободиться. Таким образом, способ метания

очевиден. Воин держит петлю стрингов на указательном пальце, а остальной частью руки захватывает копье. Когда он бросает оружие, он ослабляет хватку руки и таким образом бросает копье с помощью стрингов.

Читатель классики, несомненно, помнит, что этот ремешок, или "унеп", в точности повторяет "аментум" древних, но на самом деле превосходит его по конструкции и способу использования. Аментум представлял собой просто петлю из шнура или кожи, прикрепленную к древку копья сразу за балансом. Когда воин хотел метнуть копье, он брал древко в руку, вставлял пальцы в петлю и за счет дополнительного рычага мог метнуть тяжелое оружие на значительное расстояние. См. например, "Метаморфозы" Овидия, xii. 321:

"Inserit amento digitos, nec plura locutus,

In juvenem torsit jaculum;"

в переводе с английского: "Он вставил пальцы в аментум и, не говоря больше ни слова, метнул дротик в юношу". Комментаторы были крайне озадачены этим отрывком. Во-первых, они не совсем понимали значение слова "amentum", а во-вторых, не могли понять силу слова "torsit", *то есть* взмахнул. Читатель, однако, увидит, насколько уместен этот термин: копье бросается с вихревым движением, как камень из пращи. То же самое слово использует Вергилий: "Intendunt acres arcus, amentaue torquent". Другой писатель также ссылается на это орудие:

"Amentum digitis tende prioribus,

Et totis jaculum dinige viribus;"

Т.е. "Растягивай аментум первыми пальцами, и целься копьем со всей силой".

Каким бы гениальным ни был аментум древних, унеп значительно превосходит его. У древних к каждому копьё нужно было прикреплять отдельный мементум, в то время как у новокаледонцев требуется только один унеп.

Кроме этого оружия, широко используется булава, в изготовлении которой проявляется большая изобретательность. Форма и размер булав чрезвычайно разнообразны, а в некоторых из них туземцы проявили удивительное художественное мастерство, изгибы необычайно смелы и плавны. Одна из таких булав, которая действительно является типичной формой, находится в моей коллекции. Форма головки, очевидно, взята из клюва птицы, а изгибы чрезвычайно смелы и размашисты. В длину она превышает три фута, а весит почти ровно два фунта с половиной.

В Новой Каледонии, как и в Новой Зеландии, главным занятием мужчин является война. Первый урок, который получает ребенок, - это сражение, и эта идея преобладает в нем до тех пор, пока он живет. Сразу после рождения мальчика посвящают богу войны и кладут ему на грудь твердый черный камень в знак того, что в бою его сердце должно быть твердым, как камень. Даже женщины принимают участие в сражениях, и, хотя они не являются настоящими бойцами, они следуют за своими родственниками в бой, чтобы схватить тела убитых врагов и утащить их в печь для приготовления пищи. Раздоры всегда разжигаются

жрецами из заинтересованных побуждений, ведь руки убитых - это их привилегия, а у знатоков каннибализма ладони - самые нежные части человеческого тела.

В первую очередь новокаледонцы - каннибалы, потому что они воины: тело убитого врага всегда должно быть съедено победителями. За тело павшего воина чаще всего идет борьба: одна сторона пытается утащить его в печь для приготовления пищи, а другая - сохранить для погребения своими силами.

Однако, как правило, тело уносят женщины, которым и поручается его приготовление. Приготовление тела - довольно церемониальный процесс, каждая его часть по праву принадлежит определенным лицам, и даже разделка регулируется строгими правилами. Из плоского змеевидного камня изготавливается своеобразный нож, овальный по форме и длиной около семи дюймов. С одной стороны в нем просверлены два отверстия, с помощью которых он крепится к деревянной рукоятке. Этот нож называется "нбуэ".

С помощью *prouet* тело вскрывается, и все кишки вырываются с помощью вилки, сделанной специально для этой цели. Эта вилка состоит из двух человеческих перепончатых костей, расположенных рядом, на расстоянии около дюйма друг от друга, и крепко скрепленных между собой. Они резко заострены и являются очень эффективными инструментами для этой цели. Иногда тела разрезают для приготовления пищи, но во многих случаях их запекают целиком, причем женщины гордятся тем, что подают их в сидячем положении, обставленные и одетые в полный военный костюм.

Таким образом, мы видим, что каннибализм связан с войной; но, к сожалению, он не ограничивается войной. Когда капитан д'Антрекасто отправился на поиски *Ла-Перуза*, один из туземцев ел только что зажаренный кусок мяса. Натуралист экспедиции сразу же узнал в нем часть тела ребенка. Тот, кто ел, не пытался отрицать этот факт, но даже указал на тело маленького мальчика ту часть тела, которую он ест, и дал понять своим слушателям, что плоть детей очень вкусная.

Этот каннибализм в Новой Каледонии объясняет некоторые любопытные жесты, которые любят делать туземцы. Они очень часто знакомились со своими белыми гостями, ощупывали их руки и ноги, с восхищением смотрели друг на друга, а затем громко свистели и чмокали губами. По сути, они любовались упитанными конечностями белых мужчин и предвкушали друг для друга прелести пиршества на пухлых европейцах.

Однако, поскольку плоть для жителей Новой Каледонии - всего лишь роскошь, и ее нельзя рассматривать как обычную статью рациона, туземцы в основном зависят от растительной пищи. Они едят корни различных видов, а также какао-орехи и другие фрукты; все приготовление пищи, как и вообще всю работу, выполняют женщины. В пищу также употребляются раковины рыб, которые добывают женщины. Большие раковины моллюсков встречаются на берегах острова и обеспечивают изобилие пищи, а более мелких моллюсков в основном выкапывают из песка женщины, которые часто проводят полдня по пояс в воде.

Среди жителей Новой Каледонии распространены два очень странных продукта питания. Первый - это паук, который плетет в лесу большие и толстые сети, часто доставляя неудобства путешественникам количеством и прочностью шелковых шнуров. Их не едят сырыми, а готовят, помещая в закрытую глиняную банку, которую ставят на сильный огонь. Туземцы называют паука "нугуи". Сверху он серый, спина покрыта тонким серебристым пухом, а снизу - черный.

Вторая статья рациона - глина, которой туземцы потребляют огромное количество. Это мягкий зеленоватый стеатит, который очень легко крошится и обладает свойством расширять желудок и тем самым утолять голод, хотя и не питает тело. Хорошо растянутый желудок - одна из главных роскошей дикаря, и в соответствии с этой идеей один человек съел кусок стеатита размером в два раза больше своего кулака, хотя только что принял полноценную пищу. Известно, что некоторые туземцы съедали до двух фунтов этого вещества. Подобная склонность встречается как в Африке, так и в Америке.

Когда они пьют в бассейне или реке, у них есть странная манера зачерпывать воду руками и выплескивать ее в рот, так что на голову выплескивается гораздо больше воды, чем попадает в рот.

С телами тех, кто пал на войне и был спасен от врага, проводится множество церемоний. По словам капитана Хэда в его "Путешествии *Фавна*", их "приносят домой с громкими причитаниями и хоронят с великим плачем и воплями назначенных скорбящих, которые остаются нечистыми часто в течение нескольких лет после погребения великого вождя и подвергаются многим строгим наблюдениям. В течение нескольких недель они продолжают по ночам будить лесное эхо своими воплями. По истечении десяти дней могилу вскрывают, откручивают голову, и, опять же по обычаю, напоминающему жителей Андаманских островов, зубы распределяются как реликвия между родственниками, а череп сохраняется как память ближайшим родственником, который ежедневно совершает обряд подношения ему пищи.

"Единственное исключение составляют останки старых женщин, чьи зубы сеют на грядках с бататом в качестве талисмана для получения хорошего урожая; их черепа, установленные на столбах, считаются столь же мощными в этом отношении".

В целом характер жителей Нового Каледона кажется довольно хорошим, и, несмотря на явную тягу к плоти своих гостей, они в целом негостеприимны. Они ловкие воры и изобретательны в ограблении с помощью сообщника. Однажды, когда туземец предлагал на продажу корзину, полную камней для пращи, и спорил о цене, сообщник тихо подошел сзади белого человека и громко крикнул ему в уши. Естественно, он испугался, оглянулся, и через мгновение человек, с которым он торговался, выхватил корзину и товары, предложенные в обмен, и убежал с ними.

У одного из офицеров не менее изобретательным способом отобрали фуражку и шпагу. Он сел на землю и для большей безопасности положил меч под себя. Вдруг один из туземцев сорвал с него фуражку, и, когда он инстинктивно поднялся, чтобы спасти ее, другой человек подхватил его шпагу и скрылся с ней. Они даже пытались украсть корабельную лодку вместе с находящимся в ней имуществом и не покидали ее до тех пор, пока на них не напал сильный отряд вооруженных моряков.

Они делают очень хорошие каноэ - как, впрочем, и все островитяне. Самые большие каноэ в основном двойные: две лодки ставятся рядом друг с другом и соединяются платформой. У них одна мачта, которая прислонена к одному концу составного судна, и они могут плавать с большой скоростью, хотя они не так управляемы, как каноэ Новой Гвинеи, некоторые из которых являются чудом лодкостроения. В них может поместиться значительное количество пассажиров, а на платформе, защищенной от жары толстым слоем земли, обычно горит огонь.

Среди них преобладает довольно примечательный обычай, который интересен прежде всего тем, что он практикуется в Северной Азии. Это ката, или шарф счастья. Это небольшой шарф

из белого или красного материала, и когда два человека встречаются, они обмениваются ката - церемония, аналогичная рукопожатию между нами.

Являются ли эти дикари аборигенами острова, сомнительно. Если это так, то они, по-видимому, ушли в прошлое после сравнительной цивилизации своих предков. Таково их собственное мнение; в поддержку этой теории они указывают на руины, которые все еще можно увидеть, и которые говорят об архитектуре, далеко превосходящей возможности нынешних туземцев. Есть даже остатки акведука длиной в восемь миль - инженерное произведение, которое никогда бы не пришло в голову современному новокаледонцу. Возможно, эти произведения искусства были построены переселенцами, которые впоследствии оставили их на произвол судьбы; но в любом случае их присутствие в таком месте весьма примечательно.

ОСТРОВ СОСЕН.

Примерно в тридцати милях к юго-востоку от Новой Каледонии, а фактически являясь частью той же группы, находится небольшой остров, названный капитаном Куком островом сосен из-за большого количества араукарий, которыми покрыты его холмы. Пролив между островом Пайнс и собственно Новой Каледонией почти весь мелководный из-за многочисленных коралловых рифов.

Во многих отношениях жители этого острова похожи на жителей Новой Каледонии. Однако они не такие темные, а их черты лица довольно правильные. Они людоеды поневоле: заворачивают тела умерших в банановые листья, а затем готовят их в печах. Несколько лет назад им удалось удовлетворить свой вкус к человеческой плоти за счет своих соседей.

Примерно в 1840 году было обнаружено, что на острове растет сандаловое дерево, и несколько судов отправились туда, чтобы заготовить этот ценный продукт. Поначалу они делали это с большим риском и потеряли много своих людей от нападений туземцев. Однако впоследствии один сиднейский торговец открыл предприятие по сбору и хранению сандалового дерева и беш-де-мер, и с тех пор туземцы стали вполне мирными.

В течение этого переходного периода между полным варварством и торговлей они на горьком опыте познали силу огнестрельного оружия. Как только они привыкли к торговле, первым делом они закупили большой запас огнестрельного оружия и отправились с ним в Новую Каледонию, где высадились, перестреляли столько туземцев, сколько смогли, и привезли их тела домой для употребления. Правда, между двумя островами постоянно шла вражда, но внезапное приобретение огнестрельного оружия дало жителям острова Пайнс ужасное преимущество над их наследственными врагами и позволило им почти полностью обезлюдить юго-восточную часть острова.

В одежде они не больше заботятся, чем жители Новой Каледонии, но очень любят украшения, причем мужчины присваивают себе все лучшие украшения, а женщины берут то, что могут достать. Мужчины выбривают волосы, насколько это возможно, и обматывают их тонким шарфом, а иногда коротко стригут, оставляя лишь хохолок на одной стороне головы. Женщины сбывают все волосы, тем самым лишая себя естественного украшения и делая себя очень непривлекательными для европейского глаза. Грубая работа выполняется ими, мужчины оставляют за собой благородные занятия - войну, рыбалку, строительство домов и

изготовление каноэ. Единственная настоящая работа, которую они выполняют, - это посадка батата, после того как женщина подготовит землю.

ГЛАВА LXXXIX. АНДАМАНСКИЕ И НИКОБАРСКИЕ ОСТРОВА.

ПОЛОЖЕНИЕ АНДАМАНСКИХ ОСТРОВОВ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТУЗЕМЦЕВ - ИХ БРОДЯЧИЕ ПРИВЫЧКИ И ОТСУТСТВИЕ ОДЕЖДЫ - ИХ НЕНАВИСТЬ К ЧУЖАКАМ - ТУЗЕМЦЫ И ПАРОХОД - ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН - ОГРОМНЫЙ ЛУК И МАСТЕРСТВО ЛУЧНИКОВ МИНКОПИ - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ РЫБНОЙ ЛОВЛИ - СОВЕРШЕНСТВО ИХ КАНОЭ, И СПОСОБ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ДЛИННЫЕ ВЕСЛА - КОМАНДА КОРАБЛЯ, ИЗБИТАЯ КАНОИСТАМИ МИНКОПИ - КАННИБАЛИЗМ, НЕ ПРАКТИКУЕМЫЙ НА АНДАМАНСКИХ ОСТРОВАХ - ХИТРОУМНЫЕ КАМИНЫ И СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - ОТСУТСТВИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ НАВЫКОВ - ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И ИХ ИГРЫ - УМЕНИЕ ПЛАВАТЬ - БРАЧНЫЕ УЗЫ - СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ - НИКОБАРСКИЕ ОСТРОВА - ВНЕШНИЙ ВИД И КОСТЮМ ЖИТЕЛЕЙ - АРБАЛЕТ И ЕГО СТРЕЛЫ - ПРИМИТИВНЫЙ ГАМАК - ГРОБНИЦЫ НА НИКОБАРСКИХ ОСТРОВАХ.

Теперь мы перейдем к западу и постепенно пройдем через удивительную группу островов, которая простирается почти от Азии до Америки и известна под общим названием Полинезия. Один или два из них придется пока опустить, чтобы не нарушить преемственность рас, но они будут описаны, прежде чем мы пройдем вверх по Америке, от Огненной Земли до Эскимосов.

В Бенгальском заливе, не намного восточнее Индии, видна группа островов, названных Андаманскими. Они имеют значительную длину, но очень узкие, редко превышающие двадцать миль в ширину, и устроены очень похоже на Новозеландские острова, хотя и в меньшем масштабе. Эти острова демонстрируют явление, почти не имеющее аналогов в истории человечества.

Они находятся рядом с Индией, страной, в которой высокий уровень цивилизации был достигнут много веков назад. Они находятся почти посередине пути, по которому проходят множество кораблей, и все же их жители погружены в самые глубины дикарской деградации. Даже регулярные визиты китайских кораблей к берегам Андаманских островов с целью добычи трепанга не оказали на них ни малейшего влияния, и они представляют собой, пожалуй, самый совершенный пример дикарской жизни, который только можно продемонстрировать на поверхности земли.

Происхождение андаманцев представляет собой проблему для антропологов. Они небольшого роста: мужчины в среднем чуть выше пяти футов, а женщины еще меньше. Они очень смуглые, но почти ничего, кроме цвета кожи, не имеют общего с неграми. У них нет ни огромных выступающих челюстей и пещерного рта настоящего негра, ни его любопытной удлиненной пятки; и хотя они настолько малы, что почти заслуживают названия пигмеев, они прекрасно сложены. Волосы, когда им позволяют расти, густые и кустистые и напоминают волосы папуасов; по мнению многих компетентных судей, андаманцы - это аборигены папуасской расы, которые никогда не допускали контактов с чужаками и сохранили свою индивидуальность в неприкосновенности.

По своим привычкам они абсолютно дикие, их искусство ограничивается изготовлением каноэ и оружия, архитектура и сельское хозяйство им также неизвестны. Одна из главных особенностей дикарей - их бродячий образ жизни, они никогда не задерживаются надолго в одном месте, а пребывание в течение трех-четырех дней считается длительным визитом в любое место. У них нет ни законов, ни религии, ни племенных различий. Брак, как мы понимаем это слово, им неизвестен; и, похоже, ограничений на кровосмешение почти нет: мать и ее дочь иногда бывают женами одного и того же мужа.

Одежда им совершенно неизвестна; при захвате пленников они всегда считали одежду лишней, хотя и были рады вульгарным платкам, повязанным вокруг головы. Единственный покров, о котором они заботятся, - это тот, который у них общий со многими пахидерматозными животными и который они используют для той же цели. Это не что иное, как слой грязи, которым туземцы обмазывают себя утром и вечером, чтобы защититься от нападения moskitov, песчаных мух и других насекомых.

До последних нескольких лет наши знания об андаманцах были почти *нулевыми* из-за их ненависти к чужакам и решительного противодействия, которое они оказывают любым иностранцам, высаживающимся на их берегах. Само присутствие лодки или корабля, кажется, приводит их в бешенство. В ценном рассказе капитана Моуэтта об этих островах есть оживленное описание сцены, произошедшей у побережья.

Пароход, обогнув одну из точек, внезапно наткнулся на две группы дикарей, которые сначала были парализованы страхом при внезапном появлении неизвестного объекта с его столбами белого пара, вырывающимися из трубы, дымом и плещущимися веслами. Через несколько мгновений они оправились от удивления и одновременно подняли крик неповиновения. Команды двух лодок были отправлены на берег, к крайнему гневу минкопов.

"Своеобразное природное явление сделало эту сцену еще более поразительной и впечатляющей, поскольку интервал между двумя сторонами, дикарями и цивилизованными, постепенно сокращался благодаря движению лодок вперед. Брызги, поднимавшиеся тучами от набегавших на берег волнорезов и отражавшие лучи заходящего солнца, значительно увеличивали слабые фигуры туземцев, делая из них массивных и грозных гигантов, которые на самом деле были не более чем соболиными карликами. Когда катера приблизились к той части берега, где они расположились, и они ясно увидели, что мы готовимся к высадке, их возбуждение было таким, что казалось, будто они внезапно пришли в бешенство.

"Они, казалось, потеряли ту сдержанность и самообладание, которые дикари с гордостью демонстрируют во время опасности, и прыгали и кричали, как множество демонов, выпущенных из бездонной ямы, или как будто в этом месте был Бедлам, и они были самыми неуправляемыми из его бешеных заключенных. Они вели себя как люди решительные и грозные, но в то же время очень возбужденные. Они размахивали луками в нашу сторону; угрожали нам стрелами, которые, по общему мнению - а оно часто бывает лживым - были отравлены; демонстрировали всевозможные искажения дикарской пантомимы своей враждебной решимости. Если воспользоваться обычным вульгарным выражением некоторых моряков, они, казалось, решили "перебить нас всех"...

"Копье, которым он непрерывно размахивал, заканчивалось яркой, плоской, заостренной головкой, которая сверкала вспышками света, когда, быстро кружась в воздухе, отражала солнечные лучи. Иногда он держал ее над головой, держа в поднятой руке, словно намереваясь метко и смертоносно бросить в первого, кто осмелится приблизиться к берегу его родного острова. В конце концов, в пароксизме хорошо разыгранной ярости, он смело бросился в воду, которая кипела и бурлила вокруг него, разбиваясь огромными волнами о

берег и скалы, которыми он был защищен, и, закрепив стрелу в луке, выстрелил ею в сторону парохода, как будто это был заклятый враг, вызвавший его воинственную ярость".

Вторая группа туземцев, оказавшаяся женщинами, была напугана не меньше, чем их друзья-мужчины. После нескольких неудачных попыток спустить каноэ на воду они бросились врассыпную в джунгли и спрятались от чужаков. Они проявляли обычные для этих людей черты: корзина для рыбы служила им одеждой, а вместо волос на голове была повязка из красной охры. Их внешний вид был настолько отталкивающим, что моряки отказались оставить на берегу зеркала в качестве подарка для них, заявив, что таким отвратительным существам нельзя позволять смотреть на свои черты.

Оружие, которым минкопи угрожали чужакам, действительно грозное, и очень скоро исследователи научились относиться к нему с большим уважением. Луки иногда достигают шести футов в длину и обладают огромной силой, причем такой силой, что самые сильные моряки тщетно пытались согнуть оружие, с которым так ловко управлялись пигмеи Минкопи.

Форма носа корабля очень своеобразна. Вместо того чтобы быть почти цилиндрическим, самым большим в середине и плавно сужающимся к каждому концу, он почти плоский, за исключением рукоятки, по обе стороны от которой он становится очень широким. На самом деле, хорошее представление о нем можно получить по сплюсненным часовым стеклам, канал в середине которых является ручкой.

Сила и точность, с которой эти крошечные человечки могут стрелять, поистине удивительны. Они очень редко не попадают в цель на любом разумном расстоянии, а на шестидесяти-семидесяти ярдах могут быть вполне уверены в человеке, так что лук Минкопи действительно является гораздо лучшим оружием, чем когда-либо был старый мушкет "Браун Бесс". Одна стрела, выпущенная в команду лодки на расстоянии шестидесяти ярдов, попала в весло из гикори и отбила кусок дерева размером с мужскую руку.

Эти стрелы сделаны очень аккуратно. Они имеют длину около трех футов и сделаны из тростника в виде древка, к концу которого прикреплен кусок твердого дерева для придания веса. На этом конце закреплена головка, которая обычно представляет собой колючую хвостовую кость жала, а иногда, хотя и не всегда, отравлена. Если это страшное оружие попадает в тело, его невозможно удалить без серьезной операции: острые хрупкие колючки могут сорваться и остаться в ране, если приложить силу для извлечения стрелы.

Непревзойденное мастерство в обращении с луком приобретается благодаря постоянной практике с самого раннего детства. Как ассагай для кафиров, бумеранг для австралийцев и лассо для гаучо, так и лук для андаманцев. Первая игрушка, которую видит мальчик Минкопи, - миниатюрный лук, сделанный для него отцом, а по мере взросления в его руки вкладываются луки все большей прочности. В результате он настолько осваивается с оружием, что к совершеннолетию пигмей Андаманер с изящной легкостью натягивает лук, который кажется сделанным для великана.

Множество игрушечных луков и стрел можно увидеть разбросанными по лагерю, если туземцы вынуждены спешно покинуть его, а их различные размеры показывают возраст детей, которым они принадлежали. Образование лучника Минкопи, по сути, почти в точности повторяет образование старых английских лучников, которые, постоянно практикуясь в этом искусстве и с детства обучаясь обращению с луком, достигли такого мастерства владения этим оружием, что стали наводить ужас на всю Европу.

Будучи такими искусными лучниками, они почти полностью доверяют луку и стрелам, не заботясь ни о каком другом оружии. Даже гарпун, с помощью которого они ловят крупную рыбу, выстреливается из мощного лука. По сути, это очень большая стрела с подвижной головкой. Этот наконечник свободно помещается в отверстие на конце стрелы и крепится к древку с помощью ремешка. Примечательно, что лук и гарпунная стрела минкопи почти в точности повторяют те, которыми пользуются жители острова Ванкувер. Они в два раза больше, но по форме почти идентичны, как мы увидим, когда приедем на север Америки.

Когда они используют гарпун, к нему прикрепляется длинный и эластичный шнур, один конец которого держит лучник. Шнур сделан из волокна, которое имеет полезное свойство твердеть, будучи смоченным в воде. Для убийства рыбы гарпуном минкопи используют стрелы меньшего размера, без колючек и подвижных головок.

Минкопи очень искусные рыбаки и используют сети, сделанные из того же волокна, о котором уже говорилось. Для мелкой рыбы они делают сети из довольно тонкой, но очень прочной веревки, а для черепах и крупной рыбы - из шнура толщиной с палец. Одна сторона сети прижимается к морскому дну тяжелыми камнями, положенными на нее, а другая поддерживается поплавками.

Женщины занимаются поиском моллюсков, и это занятие занимает значительную часть их времени. Они всегда носят с собой аккуратные корзинки, в которые складывают результаты своего труда, и у каждой женщины, как правило, есть небольшой сачок, прикрепленный к ручке, подобный тому, что используют собиратели бабочек.

Ни в чем андаманцы не проявляют своего превосходного мастерства так, как в изготовлении каноэ. Их луки и стрелы, как мы уже видели, являются хорошими образцами дикарского производства, но в изготовлении и управлении каноэ они просто неприступны, даже несмотря на то, что их инструменты имеют самое грубое описание.

Вооружившись простым топором, сделанным из камня, закрепленного на рукоятке, лодочник из Минкопи ищет в лесу подходящее дерево, и через неделю или десять дней ему удастся срубить его. Остальная часть процесса так хорошо описана капитаном Моуаттом, что ее следует привести его собственными словами.

"Следующей операцией является огибание ствола - процесс, который они выполняют с удивительной ловкостью, почти невозможно представить, как при несовершенных инструментах, имеющихся в их распоряжении, они выполняют свою работу с таким мастерством и аккуратностью. Практика, однако, должна сделать их, как и других, совершенными, и поэтому за короткое время грубый и бесформенный ствол начинает приобретать форму и пропорции, а когда процесс завершен, демонстрирует законченность и совершенство, которые даже китайский плотник, безусловно, самый удобный и изобретательный из человеческих "фишек", рассматривал бы с чувством зависти, как работу ловкости, которой ему было бы напрасно пытаться подражать.

"Как только ствол округлится, они приступают к его внешней обработке, пока в конце концов из бесформенной массы узловатого ствола не начнут проступать очертания элегантного каноэ, подобно тому, как благодаря мастерству скульптора прекрасная фигура постепенно обретает свои справедливые пропорции в мраморной глыбе. Внешняя форма обычно завершается с большой тщательностью и проработкой, прежде чем приступают к внутренней отделке - следующему процессу, на который обращают внимание. Внутренняя часть выдолблена таким же безупречным и деловым образом, пока оболочка не станет не толще боковой стенки чепца, хотя она все еще сохраняет ту прочность, которая позволила

бы ей успешно противостоять максимальной силе и жестокости волн, если бы ее даже атаковал шторм - что совсем маловероятно, поскольку андаманцы редко отплывают далеко от берега, если только их не вынесет в море какая-нибудь случайность.

"Плавучесть этих лодок, когда они хорошо построены и тщательно отделаны, просто поразительна. Они легко плавают на волнах, и, если только они не получили каких-то повреждений, считается, что потопить их практически невозможно. Мы иногда предпринимали такую попытку, но никогда не добивались успеха. Мы неоднократно обстреливали их в Порт-Муатте, который можно рассматривать как своего рода Андаманскую верфь Пембрука, где на всех стадиях подготовки находилась флотилия минкопов, но они все равно плавали с такой же легкостью и плавучестью, как и прежде. Из них получились бы отличные спасательные шлюпки, таких, как нам кажется, еще не строил ни один из наших самых опытных судостроителей".

Вблизи берега лодочники с легкостью гребут на этих хрупких суденышках, хотя европеец едва ли может пройти двадцать ярдов без того, чтобы не сорваться. Когда они уходят дальше в море, то приделывают к одному борту каноэ легкий аутригер, и тогда отплывают на сорок или пятьдесят миль от суши. В таких случаях они всегда берут с собой огонь, который имеет двойное преимущество - привлекает рыбу ночью и готовит ее, когда она поймана. Иногда несколько лодок остаются в море на всю ночь, и эффект от их костров и факелов очень живописен, если смотреть с суши.

Атриггер - это, безусловно, новое изобретение. Ранние путешественники, которые всегда были достаточно подробны в своих рассказах, не упоминали об аутригере, и, насколько можно судить, эта идея была позаимствована у какого-то цингальского каноэ, которое попало в течение и было отнесено в сторону острова.

Весла довольно своеобразны по форме и, судя по всему, очень неэффективны: они похожи на длинные ложки с приплюснутыми чашами или, в меньшем масштабе, на "корки", которыми пекари достают хлеб из печей. Изготовлением лопаток занимаются женщины, и их длина варьируется от трех до четырех футов. Они вырезаются из очень твердой древесины, и работа по их изготовлению очень кропотливая.

Как бы несовершенны ни казались каноэ и весла, на самом деле они являются абсолютным чудом эффективности. Крошечные Минкопи, снабженные этими простыми веслами и сидящие в каноэ, вырезанном ими самими из ствола дерева, могут с легкостью победить наших лучших гребцов. Капитан Моуэтт устроил несколько гонок между минкопи и своей собственной призовой командой на их любимой лодке. В сущности, гонки вообще не проводились: андаманцы все делали по-своему и побеждали, как хотели. Мощный, размашистый ход экипажа военного корабля был прекрасен, но маленькие минкопы проносились по воде с такой скоростью, что моряки были безнадежно побеждены, хотя они так напрягались, что еще некоторое время чувствовали результаты своих усилий.

Маленькие и почти такие же активные, как обезьяны, минкопы взбираются на самые высокие деревья с такой же ловкостью, прижимая подошвы ног и ладони к стволу, и буквально бегут по ним вверх. Когда они достигают ветвей, то передвигаются по ним с такой же легкостью и безопасностью, как если бы находились на твердой земле. В самом деле, их способности лазать по деревьям, похоже, равны способностям жителей пролива Дурга, о которых мы сейчас расскажем.

Теперь мы переходим к вопросу, который часто поднимается, а именно к утверждению о каннибализме андаманцев.

Этот вопрос обязательно задаст себе каждый наблюдательный читатель, ведь андаманцы - именно та дикая раса, от которой можно ожидать привычного питания человеческими телами. И все же, хотя мы видим, что сравнительно цивилизованный новозеландец разделяет с дикарем Новой Каледонии привычку есть человеческую плоть, минкопи, который бесконечно ниже новозеландца и уж точно не выше новокаледонца, свободен от этой отвратительной практики. Несомненно, известно, что он ел человеческую плоть, но только когда его побуждал сильный голод, чтобы съесть человеческую плоть или умереть; и при этом он подавал пример, которому следовали представители самых цивилизованных стран.

То, что они свирепы и жестоки по отношению к чужеземцам, - это правда, и также правда, что тела убитых ими людей были найдены страшно изуродованными, плоть была почти выбита из костей ударами, которые сыпались на бесчувственную глину в слепой ярости дикаря. Но ни одна часть тела не была удалена, и было очевидно, что у победителей даже не возникло мысли о том, чтобы съесть ее.

Пища андаманцев довольно разнообразна, а готовится она в очень простой и изобретательной печи. Для этого выбирается большое дерево, огонь подводится к нему снизу, так что постепенно в нем прогорает большое отверстие, а обугленная древесина соскребается, чтобы в итоге образовалось большое отверстие. Это печь Минкопи, а на дне всегда оставляют кучу пепла глубиной около трех футов. Огонь постепенно тлеет среди пепла и никогда полностью не гаснет, так что, когда туземец хочет приготовить свинью, черепаху или рыбу, ему достаточно раздуть тлеющие угли, и через несколько мгновений огонь будет достаточен для его целей.

Эти печные деревья очень бережно хранятся: туземцы никогда не срубают их и всегда умудряются не допустить, чтобы они полностью сгорели. [На иллюстрации № 2](#) на 893-й странице изображено одно из этих деревьев, в дупле которого горит огонь, а вокруг сидят туземцы. Минкопы всегда стараются располагать отверстие печи в таком направлении, чтобы дождь не мог попасть в нее и потушить огонь.

Упоминалось, что свиньи составляют часть пищи андаманцев. Эти свиньи маленькие и черные, с запасной, жесткой щетиной, похожей на куски проволоки. Они удивительно активны и, по словам капитана Муатта, "самые любопытные и озорные животные на свете". У них такой взгляд, что они похожи на многочисленных Мефистофелей, которые решили принять этот своеобразный облик, во многих отношениях очень подходящий, поскольку, если они и не являются маленькими дьяволами, то уж точно одержимы ими".

"Во время нашего визита на Чинковые острова мы выгнали дюжину этих существ, и, когда наше неожиданное появление вызвало у них тревогу, они бросились бежать от нас со скоростью индийского экспресса, пища как сумасшедшие. Мы отправились в путь и устроили за ними настоящую охоту - охоту, которая побила мелом самую захватывающую сцену с участием свиней, когда-либо виденную в Бенгалии. Разрядив винтовки, некоторые из охотников, вероятно, находили свиней между ног, заставляя их измерять свою длину на песке. Падения были сделаны с большой силой, хотя и не были опасными, так как только возбуждали наши рискованные способности; и когда каждый падал вниз, его встречали громким и искренним смехом, как бы поздравляя его с несчастьем".

Архитектура андаманцев очень примитивна. Четыре столба воткнуты в землю в форме квадрата, и строителю совершенно безразлично, насколько они прямые. Два из них намного длиннее остальных, так что, когда их соединяют палками, получается покатая крыша. На них кладут пальмовые листья, один на другой, черепицей, чтобы они защищали от перпендикулярно падающего дождя. Несколько таких хижин обычно возводят по кругу на расчищенном месте в лесу, защищенном большими деревьями, и на удобном расстоянии от воды. Один или два таких простых дома можно увидеть на [иллюстрации](#).

Как ни примитивны эти хижины, их пытаются украсить, причем украшения, как правило, представляют собой трофеи погони. Черепа свиней и черепах, связки рыбьих костей и другие подобные предметы раскрашены полосками красной охры и подвешены к крышам хижин. Роспись охрой, кажется, единственное представление андаманцев об украшениях, если не считать шнурка, который щеголи повязывают вокруг талии, на котором висит кусочек кости или другой блестящий предмет.

Охра пользуется большим спросом у минкопи, женщины особенно любят ее для украшения головы. Как уже говорилось, они полностью бреют голову, используя вместо бритвы кусок кремня, отколотый очень тонко и имеющий острый край. Они прекрасно умеют делать эти примитивные ножи, которые в точности повторяют те, что были в каменном веке. Волосы вычесываются, на голову наносится довольно толстый слой красной охры, и туалет красавицы Минкопи завершен.

Охра используется не только для наружного применения, но и для внутреннего. То, что полезно для внешнего мира, по логике Минкопи, будет полезно и для внутреннего. Поэтому, когда ему становится плохо, он делает что-то вроде болюса из красной охры и черепахового масла, проглатывает его и думает, что вылечился. Раны перевязывают, прикладывая к ним определенные листья, а при внутренних болях, ушибах или опухолях широко используется скарификация. Некоторые люди пользуются своего рода репутацией успешных лекарей и пользуются большим уважением среди менее умелых.

Уже упоминалось, что брак - это не что иное, как взятие женщины-рабыни.

Когда жена становится матерью, единственное лечение, которое она получает, заключается в том, что после рождения ребенка ее обильно натирают красной охрой и черепаховым маслом, и на следующий день она должна заниматься своими обычными делами.

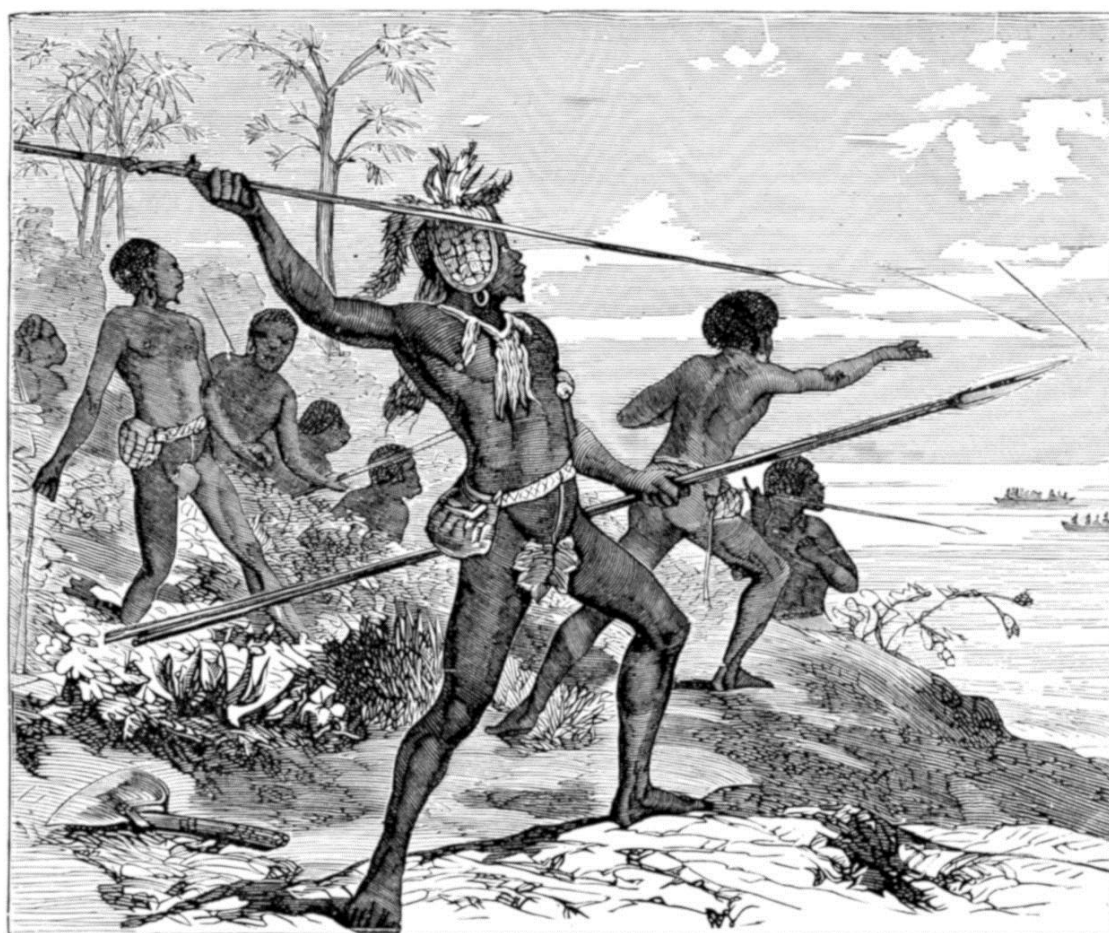
Маленького ребенка обтирают холодной водой, вылитой из одного из больших бамбуковых сосудов, которые используют минкопи, и высушивают, растирая рукой. Как и его родитель, ребенок не носит никакой одежды; но если партия отправляется в путь и начинается дождь, мать срывает несколько листьев с ближайшего дерева, связывает их вместе с волокном ротанга и закрепляет на теле ребенка. Это единственная одежда, которую носят андаманцы.

Детей никогда не отлучают от груди, они продолжают получать детское питание до тех пор, пока мать не становится абсолютно неспособной его обеспечить. Оба родителя искупают свою дикарскую натуру привязанностью к детям, причем отец является таким же любящим родителем, как и мать, - черта, которая часто отсутствует в дикарских племенах. Дети отвечают взаимностью, так что, несмотря на отсутствие какого-либо определенного дома, в семье царит домашний уют, которого вряд ли можно было ожидать от представителей этой расы.

Уже упоминалось, что мальчики развлекаются в основном с маленькими луками и стрелами, причем эти игрушки постоянно увеличиваются в размерах в соответствии с их ростом.

Девочки любят проводить время на морском берегу и строить песчаные домики, чтобы волны

их разрушали, точно так же, как это делают цивилизованные дети Европы и Америки. Их большое развлечение - построить загон со стенами из песка и сидеть в нем, как в собственном доме, пока прилив не смоет хрупкие стены. Представители обоих полов любят плавать, и как только они начинают ходить, маленькие черные дети бегут в воду и выходят из нее, а если им удастся выбрать какое-нибудь укромное местечко, свободное от волн, они ныряют и плавают, как многие утки. Хинду по имени Путия, который был взят в плен минкопами и по какой-то причине не пощадил свою жизнь, утверждает, что они такие отличные пловцы, что несколько из них вместе ныряют под скалы, ищут рыбу в расщелинах и вытаскивают своих сопротивляющихся пленников на берег. Это заявление было опровергнуто теми, кому оно было сделано, как и некоторые другие его рассказы. Однако последующие наблюдения показали, что он был прав во многих утверждениях, которым сначала не поверили, возможно, что он был прав и в этом случае.

(1.) НОВЫЕ КАЛЕДОНЦЫ ЗАЩИЩАЮТ СВОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.
(См. [стр. 884.](#))

(2.) АНДАМАНЦЫ ГОТОВЯТ СВИНЬЮ.

(См. [стр. 892.](#))

У этого мужчины, кстати, было две жены, мать и дочь, и, поскольку он был выше обычных размеров, капитан Моуэтт выражает некоторое любопытство по поводу внешнего вида потомства. Он сбежал с острова до рождения ребенка, которого ждала одна из его жен, и, поскольку матери минкопи отличаются привязанностью к своим детям, вполне вероятно, что маленькому полукровке позволили выжить, и таким образом в расу мог быть привнесен новый элемент.

Они не раз использовали свои плавательные способности, спасаясь из плена. Известно несколько случаев, когда андаманцев держали в плену на корабле, и казалось, что они вполне смирились со своей участью. Однако, как только корабль приближался к суше, им удавалось на мгновение скрыться от глаз часового, выскользнуть за борт и вплавь добраться до суши. Они всегда ныряли, как только попадали в воду, проплывали столько, сколько могли, не поднимаясь на поверхность, а затем, сделав один вдох, снова ныряли, и так проплывали большую часть расстояния под водой. Этот способ плавания, несомненно, практиковался ими при попытке спастись от стрел недружественной стороны.

В "Посольстве на Аву" капитана Сайма есть любопытный рассказ о двух юных минкопских девушках, которых приманили на борт корабля. С ними обращались очень любезно, и вскоре они узнали, что им не причинят никакого вреда. "Они позволили надеть на себя одежду, но сняли ее, как только представилась возможность, и выбросили как бесполезное

обременение. Когда их страхи прошли, они повеселели, заговорили свободнее и несказанно обрадовались, увидев себя в зеркале.

"Они любили петь, иногда меланхоличным речитативом, а иногда в живом ключе; и часто танцевали по палубе с большим проворством, шлепая по нижней части тела тыльной стороной каблуков. Вино и спиртные напитки были им неприятны; никакая пища не казалась им такой вкусной, как рыба, рис и сахар. Через несколько недель, восстановив силы и растолстев от того более чем полуголодного состояния, в котором их доставили на борт, они стали считать заточение невыносимым и жаждали вновь обрести родную свободу.

"В середине ночи, когда все, кроме вахтенного, спали, они молча прошли в капитанскую каюту, выпрыгнули из кормового окна в море и поплыли к острову, расположенному в полумиле, где их было бесполезно преследовать, если бы у них было такое намерение; но целью было удержать их добром, а не принуждением - попытка, которая потерпела неудачу при каждом испытании. Голод может (и такие случаи редки) побудить их отдать себя во власть чужаков; но в тот момент, когда их нужда удовлетворена, ничто, кроме принуждения, не может помешать им вернуться к образу жизни, более соответствующему их дикарской природе".

Как и многие другие дикие расы, минкопи устраивают своеобразный праздник в каждое новолуние; как только появляется тонкий полумесяц, они приветствуют его по своей странной манере и устраивают танцы. Их танцы довольно гротескны: каждый исполнитель прыгает вверх-вниз и сильно бьет себя подошвой ноги, издавая при этом смачный шлепающий звук. Именно этот танец упоминается в предыдущем рассказе о двух пленниках.

Когда минкопи умирает, его хоронят очень просто. В это время не произносят никаких причитаний, но тело привязывают в сидячем положении, положив голову на колени, во многом по примеру бечуанов, описанному на странице 300. Затем тело хоронят и дают ему разложиться, после чего останки выкапывают, а кости распределяют между родственниками. Череп переходит к вдове, которая привязывает его к шнуру и вешает на шею, где он и остается до конца жизни. Однако это внешнее соблюдение - все, что от нее требуется, и единственный способ, с помощью которого она обязывает себя быть верной памяти умершего мужа. Довольно странно, что, хотя андаманцы не причитают по поводу смерти родственника, они не отказываются от этих выражений скорби, а откладывают их до эксгумации и раздачи реликвий, когда каждый, кому достается кость, некоторое время воет над ней в честь умершего.

НИКОБАРСКИЕ ОСТРОВА.

Непосредственно к югу от Андаманских островов, на расстоянии едва ли тридцати миль, расположены Никобарские острова. Эта группа состоит из девяти довольно крупных островов и нескольких гораздо меньших по размеру. Один из крупных островов, называемый Большим Никобарским, имеет двадцать миль в длину и восемь в ширину, а Малый Никобар едва ли вдвое меньше.

Острова необычайно плодородны и изобилуют различными видами растительности, особенно какао-ореховой пальмой, ни один экземпляр которой не встречается на

Андаманских островах. Этот любопытный факт объясняется характером андаманцев, которые питают почти суеверную любовь к какао-ореху. Если один из орехов вымывает на берег, его всегда разламывают и съедают, а если вдруг одному из плодов удастся ускользнуть от зорких глаз туземцев и прорасти, его зеленые перьевые побеги обязательно привлекут внимание первого же минкопи, который пройдет в этом направлении. Аналогичное препятствие для выращивания какао-ореха находится на побережье Австралии.

Несмотря на близость к Андаманским островам, жители Никобара совсем не похожи на минкопи: они отличаются высоким ростом и скорее медным, чем черным оттенком кожи. В отличие от минкопи, мужчины очень толстые, особенно в области груди, так что на небольшом расстоянии их легко можно принять за женщин. Кроме того, они носят длинные волосы, разделенные посередине, что, на взгляд современного европейца, придает им особый женоподобный вид. Они не носят ни бороды, ни усов, черты лица уродливы, а их большие рты окрашены в темно-красный цвет от сока бетелевого ореха, который они постоянно жуют.

Однако есть одно отличие, которое заметно на значительном расстоянии. Вместо одежды мужчины носят полоску ткани шириной не более двух дюймов. Ее пропускают вокруг талии, под ногами спереди и заправляют через себя сзади, оставляя конец как можно длиннее. Мужчины придают большое значение длине этого хвоста, и лучше всего одет тот, кто носит его дольше всех. У некоторых состоятельных людей хвост волочится по земле на несколько футов, как шлейф европейской дамы. Если есть возможность, этот хвост делают из синей ткани, которая очень ценится туземцами.

Женщины так же неблагополучны, как и мужчины, и увеличивают свое природное уродство, сбривая все волосы. Они не носят хвостов, как мужчины, а подпоясываются плетеным травяным поясом, от которого отходит мягкая волокнистая бахрома глубиной около фута.

Характер никобарцев гораздо мягче, чем у минкопов: последние, как говорят, свирепы и жестоки по отношению к чужакам, а первые вскоре учатся приветствовать иностранцев, когда убеждаются, что не желают им зла. Капитан Кэмпбелл, которому я обязан большей частью информации об этих туземцах, нашел их очень приятными и гостеприимными, готовыми к бартеру и всегда радушно принимавшими его в своих домах.

Через некоторое время даже женщины и дети, которые поначалу тщательно скрывались, как и подобает дикарям, смело вышли вперед и были так же гостеприимны, как и мужчины. Однажды, посетив одну из их хижин, капитан Кэмпбелл попытался подружиться с одним из детей, все из которых были ужасно напуганы белым лицом своего гостя. Видя, что на его ухаживания никто не реагирует, он вытащил ребенка из его укрытия и некоторое время держал его, несмотря на его попытки. Мать не сопротивлялась, но от души смеялась над перепалкой, очевидно, чувствуя, что ее малышу не причинили никакого вреда.

Оружие никобарцев очень любопытно. Поскольку народ не отличается воинственным характером, как минкопи, его оружие используется почти исключительно для убийства дичи. Самое грозное из них - довольно большое копье с железной головкой, которое используется для убийства свиней и метается подобно ассагаю из Южной Африки. У них также есть копье меньшего размера для убийства рыбы и несколько многоконечных ручных копий для той же цели. Самое примечательное из их оружия - арбалет, который почти в точности повторяет арбалет племени фан в Африке. Он не очень мощный и способен выпустить лишь небольшую стрелу. Его главное назначение - убивать птиц.

Кроме этого оружия, каждый мужчина носит с собой нож-тесак, с которого снята рукоять, и рукоять, грубо сделанную путем обматывания шести дюймов приклада волокнами ореха какао. Это не столько оружие, сколько инструмент, и с его помощью туземцы рубят деревья, вырезают каноэ и выполняют другие подобные работы.

Архитектура никобарцев бесконечно превосходит минкопийскую и в точности повторяет ту, что встречается у жителей Новой Гвинеи, родины папуасской расы.

Туземный архитектор начинает с того, что закрепляет в земле несколько столбов и возводит на них платформу из расщепленного бамбука. Над этой платформой он строит крышу в форме улья, и на этом его дом готов. Бамбуковая платформа служит полом хижины и, будучи не только упругой, но и прочной, служит также кроватью. В эту хижину туземец поднимается по примитивному подобию лестницы и проходит в камеру через отверстие, проделанное в полу. Бока хижины украшены черепами свиней, вперемешку с копьями, ножами, луками и стрелами. Хижины содержатся в особой аккуратности и чистоте.

Хижина используется весьма примечательно. Открытое пространство между полом и землей слишком ценно, чтобы его не использовать, ведь оно обеспечивает прохладу и укрытие от солнечных лучей. Под этим полом подвешен примитивный гамак, который представляет собой доску длиной около шести футов, перетянутую веревками. В этом неудобном гамаке никобарец любит коротать время, дремля в жаркие часы дня, потягивая в перерывах пальмовое вино и не переставая курить. Кажется, что мы снова попали в число жителей Западной Африки, настолько характер никобарца похож на характер негра. [Сцена на Никобарских островах](#)", представленная на 903-й странице, демонстрирует внешний вид никобарцев и их стиль архитектуры.

Каноэ никобарцев не столь красивы, как у минкопов, но построены по тому же принципу: они выдолблены из стволов деревьев и поддерживаются небольшим аутригером. У них очень высокий и декоративный нос, а в движение они приводятся короткими веслами. Они очень легкие и, когда на них сидит человек, проносятся по воде с удивительной скоростью. Некоторые из них достигают почти шестидесяти футов в длину, в то время как другие едва достигают шести-семи футов и рассчитаны только на одного человека.

Способ погребения ничуть не похож на тот, что используется среди минкопи. Когда человек умирает, его тело кладут в гроб, который обычно делают из каноэ. Каноэ разрезается пополам, тело укладывается в одну половину, а другой накрывается. Чтобы снабдить умершего провизией для путешествия в страну духов, убивают свинью и кладут ее в гроб, а также ямс и орехи какао. На случай, если на него нападут в пути, в гроб кладут много оружия: луки, копья и тесаки.

Тело хоронят в центре деревни, а место отмечают палкой, к которой привязывают небольшой серпантин. Через некоторое время, когда тело поглотит земля, гроб снова выкапывают. Предполагается, что теперь покойный завершил свое путешествие в дом духов, его кости выбрасывают в кустарник, а тесаки и другое оружие распределяют между родственниками.

ГЛАВА ХС. НОВАЯ ГВИНЕЯ.

РОДИНА ПАПУАССКОЙ РАСЫ - ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ РАСЫ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЗВАНИЯ - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПАПУАСОВ - ЗНАК МИРА - ДОСАДНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ -
ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ ПЛЕМЕН ПРОЛИВА ДУРГА - ИХ ЛОВКОСТЬ СРЕДИ ДЕРЕВЬЕВ -
ПЛЕМЕНА АУТАНАТА - ТАТУИРОВКА И УКРАШЕНИЯ - СЛОЖНАЯ АРХИТЕКТУРА - ОРУЖИЕ -
СИГНАЛЫ ПЫЛИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ - ИХ НЕ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР - АБРАУ, ВОЖДЬ.

Теперь мы подошли к самому дому и центру папуасской расы.

Новая Гвинея - очень большой остров, четырнадцать сотен миль в длину и, насколько удалось выяснить, около двухсот тысяч географических квадратных миль. От Австралии его отделяет только Торресов пролив, и, как мы уже видели, между папуасами, живущими на юге Новой Гвинеи, и туземцами, населяющими север Австралии, происходили определенные сношения. Плодородная в растительном царстве, она обладает одним или двумя животными, представляющими наибольший интерес для натуралиста, такими как древесный кенгуру, венценосный голубь и райская птица. Для этнолога она не менее интересна как родина папуасской расы.

Взятые как раса, они представляют собой прекрасные образцы дикарского человечества, высокие, хорошо сложенные и сильные. Они отличаются двумя физическими особенностями. Первая - это грубость кожи, а вторая - рост волос. Читатель может вспомнить, что у некоторых племен Южной Африки волосы на голове растут равномерными пучками или пятнами, каждый размером с горошину.

Примечательно, что у папуасов волосы растут похожими пучками, но вместо того, чтобы быть короткими, как у южноафриканцев, они вырастают до значительной длины, иногда достигая восемнадцати дюймов от корней до кончиков. Папуасы очень гордятся этим природным украшением и поэтому редко стригут их; но поскольку, если их не учить, они будут падать на глаза, у них есть различные способы их укладки, но в большинстве случаев им удается сделать так, чтобы они торчали под прямым углом от головы. Иногда они берут волосы из каждого локона отдельно и закручивают их в колечко. Иногда они выщипывают все волосы деревянным гребнем с четырьмя или пятью зубцами, и, поскольку волосы очень грубые и жесткие, они вскоре приобретают форму, напоминающую шевелюру, и увеличивают видимый размер головы до огромных размеров.

Собственно, слово "папуас" происходит от этой особенности волос. В малайском языке слово, означающее "хрустящий", - *риа-риа*, которое легко сокращается до *ра-риа*. Даже волосы на лице растут похожими пятнами, как и на груди мужчины, причем в последнем случае локоны расположены гораздо дальше друг от друга, чем на голове или лице.

Цвет кожи папуасов - очень темный шоколад, иногда переходящий в черный, но не имеющий ничего общего с глубоким блестящим черным цветом негров. Черты лица крупные и достаточно хорошо проработанные, хотя нос очень широкий у крыльев, а губы широкие. Нос, однако, не плоский, как у негров, а выдающийся, скорее дугобразный, и опускается так низко, что при взгляде спереди кончик почти достигает верхней губы. Туземцы, похоже, прекрасно знают об этой особенности и увековечивают ее в своей резьбе.

Хотя в целом они представляют собой прекрасную расу, между различными племенами существует множество различий, и их можно разделить на большие и малые племена.

Первые мощно сложены, но более примечательны силой, чем симметрией - широкогрудые и широкогрудые, но с ногами, не равными по силе верхней части тела.

Их характер описывается по-разному: одни путешественники называют их мягкими и гостеприимными, другие - свирепыми и вероломными. К чужакам они относятся с подозрением, и не без оснований, поскольку немало пострадали от кораблей, побывавших у их берегов. Между дикарями и цивилизованными людьми вскоре может возникнуть недопонимание, особенно если ни те, ни другие не понимают языка друг друга. Пример такого недопонимания приводит мистер Эрл в своем ценном труде о туземных расах Индийского архипелага. Лейтенант Модера, офицер голландского флота, вместе с несколькими другими джентльменами сел в корабельную шлюпку, чтобы высадиться на берег пролива Дурга, прохода между материком и островом Фредерика Генри.

"Когда лодка приблизилась к ним на расстояние мушкетного выстрела, туземцы, вооруженные луками, стрелами и копьями, начали делать необычные жесты руками и ногами. Туземец-переводчик обратился к ним на языке, частично состоящем из церамского, а частично из диалекта, на котором говорит папуасское племя, живущее немного дальше к северу; но его слова были, очевидно, совершенно непонятны для них, так как они отвечали только громкими и дикими криками. Мы долго и безуспешно пытались побудить их отложить оружие, но в конце концов один из них был убежден сделать это, и остальные последовали его примеру, после чего мы тоже отложили свое оружие, держа его, однако, под рукой.

"Теперь мы медленно приблизились друг к другу, и переводчик, окунув руку в море, окропил водой макушку своей головы в знак мирных намерений. Этот обычай, похоже, распространен среди всех папуасских племен, и в большинстве случаев, заключив этот молчаливый договор, можно рассчитывать на их мирные намерения.

"Двое из них немедленно сделали то же самое, после чего переводчик прыгнул в мелкую воду и подошел к ним с зазеркальем и нитками бус, которые были встречены громким смехом и криками. Они начали танцевать в воде, заставив переводчика присоединиться к ним, и вскоре к ним присоединились другие туземцы из леса, которых привлекли подарки. Мистер Хагенхольц тоже прыгнул на мелководье и присоединился к танцу, и вскоре они стали настолько дружелюбны, что подошли вплотную к лодке; более того, некоторых из них даже побудили залезть в нее".

Тем временем их доверие росло, и они начали торговаться с гостями, обменивая свои украшения и даже оружие на бусы, зеркала и ткани. Они с большим любопытством рассматривали странные предметы, которые видели в лодке, и, хотя свободно обращались со всем, не пытались украсть. Один из них взял в руки заряженный пистолет, но тут же положил его, когда хозяин сказал, что это тапу, или запрещенный предмет. К сожалению, произошло недоразумение, которое разрушило все установившиеся дружеские отношения.

"Пока все это происходило, они продолжали тянуть лодку - незаметно, как им казалось, - к берегу, что заставило нас вернуться, так как запас подарков был исчерпан, и не было никакой вероятности уговорить кого-либо из них отправиться с нами на борт. Незадолго до этого мистер Бурс украсил одного из папуасов ниткой бус, который, получив ее, присоединился к двум своим соотечественникам, стоявшим в некотором отдалении, с оружием, которое они отложили в сторону, но постепенно снова собрали - мы заметили это, но, полагаясь на установившееся взаимное доверие, не придали этому особого значения.

В тот момент, когда мы отчаливали от лодки, чтобы вернуться на борт, этот человек вложил стрелу в свой лук и прицелился в мистера Бурса, сидевшего в носовой части лодки, на что

тот отклонился в сторону, чтобы взять свое ружье, но не успел он это сделать, как получил стрелу в левое бедро, которая опрокинула его, и он закричал: "Огонь! Огонь! Я ранен!", когда он падал. Едва был отдан приказ, как все схватились за оружие (которое, как уже говорилось, было под рукой), и общий выстрел обратил туземцев в бегство, они плавали и ныряли, как утки.

"Однако прежде чем они обратились в бегство, они выпустили в наших людей еще несколько стрел, одна из которых попала мистеру Хагенхольцу в правое колено, другая - матросу в ногу, а третья пробила шляпу матроса и осталась торчать в ней; наконец, у одного яванца был прострелен платок с головы, но он не получил никакого личного ранения".

Трое туземцев были тяжело ранены, если не убиты, в этом злополучном деле, которое, как отмечает мистер Эрл, очевидно, произошло по недоразумению, а не из-за преднамеренного вероломства. Увидев, что лодки тянут к кораблям, в то время как четверо их товарищей находились на борту, они, вероятно, подумали, что их увозят в качестве пленников, как это часто случалось на их побережье с работоторговцами. От них нельзя было ожидать понимания разницы между одним белым человеком и другим, и они, очевидно, приняли голландских моряков за работоторговцев, которые пришли с целью заманить их на корабли, где они не смогут спастись.

Племена этой части побережья - не самые приятные образцы папуасской расы. Они едва достигают среднего роста и имеют легкое телосложение. Кожа у них решительно черная, а тело они украшают красной охрой, уделяя особое внимание лицу, которое делают настолько алым, насколько это возможно с помощью охры. Волосы у них темно-черные, и носят их по-разному. Большинство мужчин заплетают их в несколько локонов, которые спадают почти до плеч, другие скрепляют их в два хвоста, а некоторые были замечены с любопытным головным убором из камыша, концы которого были крепко заплетены в волосы. Это грязный народ, подверженный кожным заболеваниям, которые придают им очень отталкивающий вид.

Мужчины не одеваются, но носят множество украшений. В основном у них есть пояс из плетеных листьев или камыша, шириной около пяти дюймов и такой длины, что, если связать их сзади, концы свисают вниз на фут или около того. Некоторые из них украшают этот пояс большой белой раковиной, расположенной ровно посередине. Почти все носили серьги из плетеного ротанга, ожерелья и браслеты. У некоторых из них был очень изобретательный нарукавник, шириной в несколько дюймов. Он был сделан из плетеного ротанга и так плотно прилегал к конечности, что, когда туземец хотел снять его для продажи, ему приходилось мазать руку грязью, чтобы украшение снял другой человек.

Их основное оружие - луки, стрелы и копья, причем последние иногда оканчиваются длинным и острым когтем древесного кенгуру.

Ловкость этих папуасов просто поражает. Вдоль кромки воды тянутся широкие полосы мангровых зарослей, которые тянутся на многие мили в длину, почти не прерываясь. Земля представляет собой густой, глубокий и мягкий ил, из которого мангровые корни растут в таком количестве, что даже при низкой воде никто не может пройти через них без постоянного использования топора, а при высокой воде проход совершенно невозможен.

Поскольку туземцы, ведущие преимущественно морской образ жизни, вынуждены пересекать этот пояс по несколько раз в день, переходя от каноэ к дому и наоборот, они предпочитают делать это по верхним ветвям, среди которых они бегают и прыгают, постоянно практикуясь с детства, так же легко, как обезьяны. (В этом способе передвижения нет ничего необычного, которому европейцы могут научиться за короткое время, хотя им

никогда не удастся достичь той грациозной легкости, с которой голые дикари проходят среди ветвей. В некоторых местах мангровые заросли растут так близко друг к другу, что преодолеть их - дело совершенно простое, и мистер Эрл отмечает, что однажды видел, как целая колонна морских пехотинцев, держась за плечи, пробиралась таким образом по мангровому болоту.

Знакомство этих людей с деревьями заставляет их рассматривать дерево как естественную крепость, и как только исследователям удавалось добраться до деревень, туземцы неизменно уходили и забирались на деревья, окружавшие деревни.

Дикие и необузданные, папуасы пролива Дурга знакомы с роскошью цивилизованной жизни и очень любят табак - единственную роскошь, которая свойственна высшим и низшим расам человечества.

Некоторые путешественники утверждают, что эти папуасы - каннибалы, и несомненно, что их жесты часто говорят в пользу такого мнения.

Папуасы пролива Дурга - замечательные каноисты, они гребут с необыкновенным мастерством и силой. Они всегда стоят во время гребли, что позволяет им значительно увеличить силу, хотя, возможно, за счет мышечных усилий. В качестве главной причины, по которой они предпочитают стоять, они называют то, что это позволяет им лучше обнаруживать черепах, чем если бы они сидели, и наблюдать за ними, когда они ныряют под воду после ранения.

Огибая побережье Новой Гвинеи и двигаясь на север от пролива Дурга, мы приходим к реке Утаната, в устье которой живет племя, сильно отличающееся от тех туземцев, которые уже были описаны. Они более стройные и высокие люди, чем те, что живут в проливе Дурга, и, похоже, сохранили многие свои обычаи со времен посещения их капитаном Куком. Их кожа очень темно-коричневого цвета и, по описаниям, имеет синеватый оттенок. Говорят, что они натирают себя каким-то ароматическим веществом, от которого исходит приятный запах.

Вероятно, синеватый блеск может быть вызван тем же ароматическим веществом, которым надушено тело. Мистер Эрл считает, что пахучий материал, о котором идет речь, - это кора дерева, называемого "розамала".

Голубой оттенок никогда не встречается у папуасских рабов, и это обстоятельство придает дополнительную силу предположению мистера Эрла.

Черты лица довольно крупные, особенно рот, а губы толстые. Обычай подпиливать зубы до остроты преобладает среди этого племени, но не является всеобщим. Глаза маленькие, а перегородка носа всегда проколота, чтобы в ней можно было носить кусочек белой кости, клык кабана или другое подобное украшение. Волосы густые, и вместо того, чтобы быть собранными в длинные хвосты, как у туземцев пролива Дурга, они заплетены от лба до макушки.

Мужчины почти не носят настоящей одежды, многие из них полностью обнажены, и ни на ком из них нет ничего больше, чем небольшой кусок коры или полоска грубой ткани, сделанной либо из волокна кокосового ореха, либо из расщепленного бамбука. Однако они очень любят украшения и с дикарской любовью наносят на тело татуировки, или, скорее, шрамы, которые напоминают наблюдателю аналогичный процесс у австралийцев. Шрамы выступают над кожей на толщину пальца, и туземцы говорят, что этот эффект достигается путем глубокого разрезания плоти, а затем прикладывания тепла к ранам. Браслеты, браслеты и другие дикарские украшения широко распространены, и мужчина, не носящий

ни дюйма одежды, будет гордиться своим ожерельем из зубов кабана, браслетами из плетеного ротанга и камышовой шапкой с козырьком.

Женщины всегда носят какую-то одежду, пусть и небольшую: сам факт обладания какой-либо одеждой условно считается одеждой. Их единственная одежда состоит из небольшого фартука, около шести дюймов в квадрате, сделанного из волокна какао-ореха.

Весьма примечательно, что эти люди имеют ту же привычку класть своих новорожденных детей в горячий песок, которая уже была описана при рассмотрении ныне вымерших тасманийцев. Когда мать идет на работу, она несет ребенка с помощью своего рода пращи, сделанной из листьев или коры дерева.

Архитектура утанатов намного превосходит архитектуру их собратьев из пролива Дурга. Один из таких домов, описанный лейтенантом Модера, был не менее ста футов в длину, хотя его высота составляла всего пять футов, а ширина - шесть, так что человек не мог стоять в нем прямо. В этом диковинном здании было девятнадцать дверей, которые поначалу приняли за ряд отдельных хижин. Пол покрыт белым песком, а жители обычно сидят на циновках. Каждая из этих дверей, похоже, предназначалась для одной семьи, а рядом с ними располагались различные камины. Над крышей была расстелена рыболовная сеть, которая сушилась на солнце, а под крышей висело несколько видов оружия.

Этот дом был построен за несколько дней силами женщин и девушек и находился рядом с гораздо большим зданием, которое было поднято на сваях.

Оружие утанатов - копья, дубины, а также обычный лук и стрелы, составляющие основу полинезийского вооружения.

Луки имеют длину около пяти футов и снабжены тетивой, сделанной иногда из бамбука, а иногда из ротанга. Стрелы имеют длину около четырех футов и сделаны из тростника или камыша, к концу которого прикреплен кусок твердого дерева, обычно из дерева бетель. Наконечники в основном простые, древко соскабливается до остроты и закаляется в огне, но более амбициозное оружие вооружено колючками и снабжено острием из кости. Для этой цели часто используются зубы рыбы-пилы, а некоторые стрелы имеют наконечник из когтя кенгуру, как уже упоминалось при описании копья из пролива Дурга.

Помимо этого оружия, туземцы носят с собой нечто вроде топора из камня, прикрепленного к деревянной рукоятке, но его следует рассматривать скорее как инструмент, чем как оружие, хотя он может использоваться и в последнем качестве. Этим простым инструментом утанаты рубят деревья, делают из них каноэ и выполняют различные плотницкие работы, необходимые в архитектуре.

Самой примечательной частью снаряжения утаната является инструмент, который сильно озадачил ранних мореплавателей и заставил их поверить, что эти туземцы знакомы с огнестрельным оружием. Капитан Кук, посетивший Новую Гвинею в 1770 году, упоминает, что как только он достиг берега и покинул лодку, трое туземцев, или "индейцев", как он их называет, выскочили из леса, и один из них бросил из руки что-то, что "полетело на одну сторону от него и сгорело точно как порох, но не дало о себе знать". Двое других бросились с копьями на путников, которые в целях самозащиты были вынуждены применить огнестрельное оружие.

Не желая вступать в схватку, они удалились в лодку и добрались до нее как раз вовремя: туземцы появились в значительном количестве. "Как только мы оказались на борту, мы гребли к ним, и их число, как оказалось, составляло от шестидесяти до ста человек. На

досуге мы осмотрели их. Они выглядели примерно так же, как и жители Новой Голландии, были почти такого же роста и с коротко стриженными волосами. Как и они, они были совершенно голыми, но нам показалось, что цвет их кожи не такой темный; впрочем, это могло быть просто следствием того, что они были не такими грязными.

"Все это время они кричали о неповиновении и разжигали свои костры по четыре-пять штук за раз. Что это были за костры и для чего они предназначались, мы не могли себе представить. У тех, кто их разжигал, в руках был короткий кусок палки - возможно, полая трость, - который они откидывали в сторону, и мы сразу же видели огонь и дым, в точности напоминающие огонь из мушкета, но не более продолжительные. Это удивительное явление наблюдалось с корабля, и обман был настолько велик, что люди на борту думали, что у них есть огнестрельное оружие; а в лодке, если бы мы не находились так близко, что должны были слышать выстрелы, мы бы подумали, что они стреляют залпами".

Читатель, несомненно, заметит, что путешественники настолько привыкли ассоциировать огонь с дымом, что считали, что видели как вспышки огня, так и клубы дыма, исходящие от странного оружия. Спустя много лет лейтенанту Модере удалось увидеть и потрогать некоторые из этих орудий, и он обнаружил, что это просто полые бамбуки, наполненные смесью песка и древесной золы, которая вылетала из трубок, как дымовые венки. Утанаты, их оружие, каноэ и только что описанный замечательный инструмент [проиллюстрированы](#) на следующей странице.

Некоторые считают, что туземцы использовали эти трубки в качестве имитации огнестрельного оружия, но переводчики считают, что они служили сигналом, а направление облака пыли указывало на намерения метателя. Другие говорят, что трубки - это действительно оружие, сделанное для того, чтобы ослеплять противников, бросая им в глаза песок. Я не могу согласиться с последним предположением, потому что другое оружие утанатов показывает, что туземцы не сражаются врукопашную, как новозеландцы. Я думаю, что переводчики были правы в своем утверждении, что трубки используются для подачи сигналов, и это предположение подкрепляется тем фактом, что туземцы Австралии используют дым для той же цели, как уже было описано.

Каноэ утанатов часто имеют значительные размеры, достигая пятидесяти или шестидесяти футов, и, хотя они узкие в пропорции к длине от форштевня до кормы, вмещают большое количество людей. Они красиво вырезаны и украшены краской, а оба конца плоские и широкие. Гребцы стоят, когда используют весла, которые обязательно должны быть значительной длины, с длинными ручками и овальными лопастями, слегка полыми. Узость этих каноэ укрепляет мнение нескольких путешественников, что утанаты - действительно внутреннее племя, спускающееся по реке флотилиями и возвращающееся в свой внутренний дом, когда цель их экспедиции достигнута.

Они, похоже, менее подозрительны, чем их соотечественники в проливе Дурга, и без колебаний встречают европейцев и обменивают свои изделия на ткани, ножи и стеклянные бутылки; последние из перечисленных предметов всегда являются излюбленными предметами бартера у полинезийских дикарей, которые используют их в целом виде для хранения жидкостей, а если они, к сожалению, разбиваются, то осколки используются для ножей, ланцетов, остриев оружия и подобных целей. Лейтенант Модера описывает внешний вид одной из их флотилий как идеальную ярмарку: лодки стоят вплотную друг к другу, а на их палубах толпятся туземцы, нагруженные товарами для обмена.

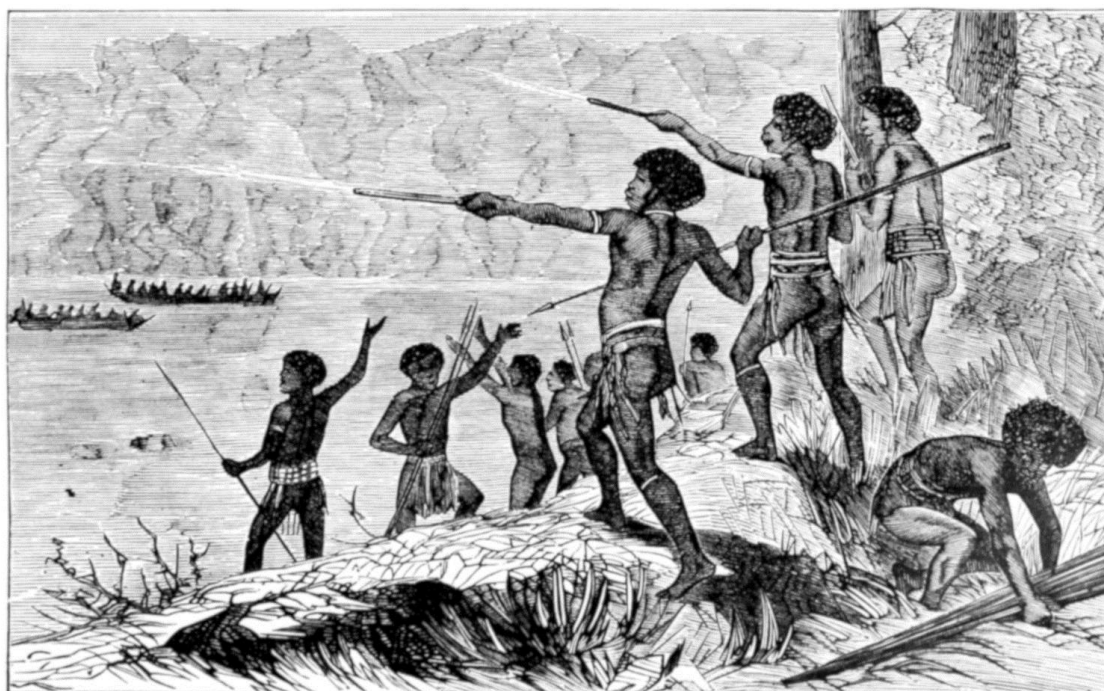
В отличие от туземцев пролива Дурга, жители реки Утаната не возражали против того, чтобы подняться на борт европейских кораблей, и посещали их в большом количестве. Даже их

главный вождь часто поднимался на борт. В первый раз он скрыл свое звание и пришел просто как обычный туземец, но впоследствии разоблачил себя и беспрепятственно поднимался на борт в своем собственном образе. Для удобства он называл себя *Abrauw, то есть Авраам*, под этим именем он был хорошо известен на значительном расстоянии. Он не возражал против того, чтобы спуститься вниз и войти в каюту капитана, хотя его подданные были весьма обеспокоены его отсутствием и выкрикивали его имя так настойчиво, что он был вынужден время от времени высовывать голову из окна каюты. Он умел скрывать изумление и с полной невозмутимостью наблюдал за выстрелами из огнестрельного оружия, тиканьем часов и другими подобными чудесами. Правда, он проявил некоторый интерес к мушкетерской стрельбе, которая велась по очереди бутылок, перекинутых через борт судна, но поразила ли его точность прицеливания или ненужное уничтожение ценных бутылок - сомнительно.

Он казался достойным своего положения вождя и желал основать европейское поселение вблизи устья Утанаты. К сожалению, река, хотя и является благородным потоком, имеет песчаную отмель в устье, которая фактически препятствует прохождению судов даже с небольшой тягой, кроме как в половодье. Люди в целом оказались удивительно честными, не проявляя воровских наклонностей, из-за которых визиты многих диких племен доставляют столько хлопот. Они даже брали на борт вещи, случайно оставленные на берегу. Вероятно, своим превосходством они во многом обязаны связям с малайскими магометанами, многие из которых посещают Новую Гвинею в качестве торговцев.

(1.) СЦЕНА НА НИКОБАРСКИХ ОСТРОВАХ.
(См. [стр. 897.](#))

(2.) АУТАНАТЫ И ИХ ОРУЖИЕ.

(См. [стр. 902.](#))

ГЛАВА ХСІ.

Новая Гвинея - завершена.

АЛЬФОЭРЫ ИЛИ ХАРАФОРЫ - РАЗЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ О НИХ - ИХ ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ - АЛЬФОЭРИЙСКИЙ БРАКОРАЗВОДНЫЙ СУД - СБОР ТРЕПАНГОВ - УНИЧТОЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ - ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ - ПРИЧУДЛИВЫЙ БАРАБАНЩИК - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - ТАТУИРОВКА - НИЖНЕЕ ПЛАТЬЕ - ПРИЧЕСКА.ОДЕВАНИЕ - СОВЕРШЕНСТВО ИХ КАНОЭ - ХИТРОУМНЫЙ ПАРУС - КАК ОСТАНОВИТЬ ТЕЧЬ - СВИНЬЯ-КОПИЛКА - АРХИТЕКТУРА - ЗАЩИТА ОТ ПАРАЗИТОВ - ДОМА В БУХТЕ РЕДСКАР - СТРАХ ПЕРЕД СТАЛЬЮ - ПЛЕМЕНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ - ИХ КАНОЭ - СПОСОБЫ ЛОВЛИ РЫБЫ - ВОДНЫЕ ДОМА - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - НАЗНАЧЕНИЕ НОВОГО ВОЖДЯ - НОВОГВИНЕЙСКИЕ СВАДЬБЫ - КАРВАР, ИЛИ ДОМАШНИЙ БОГ - ВОЕННЫЕ ТАНЦЫ - ЦЕРЕМОНИИ НА ПОХОРОНАХ.

Здесь мы должны уделить небольшое место некоторым племенам, называемым различными именами, такими как харафоры, альфуры и альфоеры, и предполагаемым многими этнологами как отдельная семья, живущая на Новой Гвинее и соседних островах, но столь же отличная от общей массы жителей, как босжесманы на юге Африки от кафиров.

Однако теперь доказано, что эта теория несостоятельна, и известно, что слово *Alfoërs*, или *Alfouras*, применяется племенами побережья к тем, кто живет во внутренних районах. Это слово имеет португальское происхождение и, как замечает мистер Эрл, применяется к горцам внутренних районов, точно так же, как испанцы называли аборигенов Америки "индейцами", а магометанских жителей Сале и Миндано - "моросами" или "маврами".

Большинству полученных сведений об альфозрах не стоит доверять. Их описывают как особенно отвратительных и отталкивающих, свирепых, мрачных, живущих в глубине леса и убивающих всех чужаков, которые попадают к ним на пути. По сути, они имеют худшую репутацию, чем андаманцы. Однако было установлено, что эти дурные слухи исходят от прибрежных племен, которые очень сильно возражают против проникновения чужеземцев вглубь острова.

Причина очевидна. Визиты торговцев очень ценны, они поставляют всевозможные инструменты, оружие и украшения, составляющие богатство дикаря. Туземцы, купив их на товары, которые для них самих сравнительно малоценны, могут продать их в избытке альфозрам внутри страны и получить огромную прибыль на своей сделке. Если бы белым людям разрешили пройти вглубь страны и торговать напрямую с туземцами, их прибыльный бизнес был бы разрушен.

Насколько можно судить, альфозеры находятся примерно в том же состоянии, что и оутанаты до того, как их посетили торговцы. Те, кого удалось увидеть, отличались некоторой тупостью лица, молчаливостью нрава и медлительностью движений, чего не встретишь у утанатов. Однако, поскольку они были рабами, более чем вероятно, что эти характеристики являются результатом подневольного труда.

Впоследствии среди альфозеров были сделаны некоторые открытия, которые полностью противоречили сообщениям прибрежных племен. Они, безусловно, отличаются грубыми манерами, и если им не нравится иностранец или если он случайно задевает какие-либо их предрассудки, они изгоняют его из района скорее быстро, чем церемониально, стараясь, однако, не причинять ему личного вреда и воздерживаясь от конфискации его имущества.

Насколько можно судить по незначительным контактам с этими племенами, у них нет регулярной формы правления, споры решают старейшины, и их решения уважаются. Они - честные люди, с большим уважением относящиеся к правам собственности, и настолько щепетильны в этом отношении, что если кто-либо даже войдет в дом отсутствующего человека, его призовут к ответу и заставят заплатить штраф владельцу дома. Аналогичный закон существует и в отношении женщин. Если мужчина хотя бы случайно дотронется до чужой жены, он сам наказывается штрафом.

Любопытный пример этого правила приводит лейтенант Кольфф. Один человек отправился на своем каноэ ловить рыбу, намереваясь вернуться через неделю; но из-за встречных ветров его отнесло от своей части побережья, и он задержался на два месяца. К сожалению, он оставил дома провизию только на неделю, и его жена, оказавшись без еды, попросила соседа снабдить ее ею. Тот так и сделал, а поскольку день за днем о муже ничего не было слышно, женщина передала свои привязанности и себя соседу, который ей помог, и пара отправилась на другой остров.

По прошествии двух месяцев муж вернулся и, не найдя жены, потребовал ее у братьев, которые были обязаны ее выдать. Они отправились на поиски виновной пары, обнаружили их и вернули обратно, когда обиженный муж потребовал огромную сумму в качестве штрафа. Мужчина сказал, что не сможет выплатить такую сумму, если будет работать до конца своих дней. В конце концов дело передали старейшинам, которые решили, что муж поступил неправильно, оставив жену в таком плохом состоянии, и что если бы он обеспечил ее достаточным количеством провизии, то знакомства между ней и ее любовником, вероятно, удалось бы избежать. Поэтому они постановили, что мужчина должен заплатить небольшой штраф, и посоветовали мужу оставлять дома побольше провизии, когда он в следующий раз отправится на рыбалку.

Главная цель, ради которой туземцы совершают эти экспедиции, - трепанг, или морской слизень (*Holothuria*), который пользуется большим спросом в Китае и покупается торговцами у туземцев для китайского рынка. Именно с помощью трепанга мужчина приобретает себе жену. Как и во многих дикарских племенах, жену можно получить только путем покупки, поэтому дочери для родителей так же ценны, как и сыновья. У альфозров брачный подарок всегда должен состоять из иностранных ценностей, таких как бивни слонов, гонги, китайская посуда, ткани и подобные предметы. Их можно получить, обменяв трепанг у торговцев.

Поэтому, когда молодой человек хочет найти жену и договорился с отцом о размере брачной доли, он отправляется на год в охотничью экспедицию. Он берет каноэ и плывет от острова к острову, добывая как можно больше трепанга и выпрашивая его у всех, кого посещает. В конце года он возвращается домой, зная, что благодаря защитному закону его дом и имущество будут в полной безопасности, и предстает перед отцом девушки с добытым добром. Редко кто может выплатить всю сумму сразу, но ему разрешается платить частями.

Имущество не передается по наследству в силу особого обычая. Как только кто-то умирает, его родственники собираются, собирают все его ценности, разбивают их на куски и выбрасывают осколки. Даже драгоценные медные гонги разбивают, считая, что никто не имеет права пользоваться вещами, принадлежащими умершему. Большие кучи битого фарфора, слоновой кости и металла находят на окраинах деревень, которые существуют уже долгое время, что свидетельствует о том, что в их пределах наверняка умерло много людей.

Остальные погребальные церемонии любопытны и достойны краткого описания.

Когда смерть констатирована, извещение рассылается всем родственникам покойного, которые часто разбросаны на большом расстоянии друг от друга, так что обычно проходит несколько дней, прежде чем они могут собраться все вместе. Тело тем временем посыпают известью, чтобы максимально замедлить разложение, а в доме сжигают ароматические смолы, чтобы нейтрализовать неприятный запах. Когда приходят родственники, они занимают свои места в доме и начинают пить. До того как торговцы стали поставлять им аррак, они пили перебродивший ликер, сделанный ими самими из фруктов. Они всегда предлагают покойнику долю всего, кладут в рот немного еды и вливают немного жидкости между бесчувственными губами. Тем временем женщины произносят громкие причитания, бьют в гонги, и оглушительный шум не прекращается до самых похорон.

Когда все родственники соберутся вместе, приносят помост, покрытый тканью, количество и качество которой соответствует богатству покойного; затем тело выносят перед домом и поддерживают в сидячем положении у столба. Затем собираются жители деревни, устраивается общий пир, часть которого, как и прежде, предлагается умершему. Обнаружив, что он не хочет ни есть, ни пить, несмотря на уговоры друзей и товарищей, тело уносят в лес, где кладут на платформу, возведенную на четырех ногах.

После этого завершающая церемония остается за женщинами. Они снимают с себя всю одежду, а затем сажают рядом с платформой молодой саженец; эта церемония называется "отбрасыванием тела" и считается символом того, что умерший покончил со своим телом и сбросил его с себя.

Продвигаясь к востоку от Новой Гвинеи, мы встречаем несколько интересных народов, населяющих остров Брумера и его окрестности. Эти острова расположены примерно в 10° 45' южной широты и 150° 23' восточной долготы. 150° 23' E.

Живя на нескольких небольших островах, самый большой из которых не превышает трех миль в ширину, туземцы поневоле ведут морской образ жизни, переплывая с одного острова на другой на своих великолепно сконструированных судах. Они привыкли к визитам кораблей и смело выходят им навстречу, не беря с собой оружия, разве что на продажу, и проявляя величайшее доверие к своим гостям.

Один из этих туземцев вызвал большое веселье, подражая корабельному барабанщику. Кто-то дал ему большую жестяную банку, которую он, будучи музыкальным гением, тут же превратил в барабан. Сначала он просто колотил в него руками, но когда корабельный барабанщик был отправлен в цепь и начал играть на своем инструменте, мужчина некоторое время наблюдал за ним, а затем начал подражать ему самым смехотворным образом, его выходки и гримасы особенно вызывали смех. Эффект его шутовства усиливался тем, как он украсил свое лицо. Он зачернил углем свои темные от природы черты, провел белой краской полосу над каждой бровью и еще одну под подбородком до скул.

Способ приветствия довольно нелепый для незнакомца, поскольку заключается в щипке. Когда они хотят поприветствовать кого-либо, то щиплют кончик носа большим и большим пальцами правой руки, а левой - середину живота, сопровождая этот странный и сложный жест словом "Магасука". Эти туземцы, по-видимому, гостеприимный народ, так как после того, как несколько из них были приняты на борту и с ними любезно обошлись, они вернулись на следующий день и принесли с собой большое количество вареного ямса, за который они отказались платить.

Мужчины не носят ничего, кроме небольшой полоски из листьев пандануса, но у женщин есть платье, которое в принципе очень похоже на тхон-апроны Южной Африки. Оно состоит из множества очень узких полосок листа пандануса, достигающих почти до колена. Девочки носят только один ряд таких полосок, а женщины - несколько слоев, один из которых идет немного ниже другого, как воланы. В сырую погоду верхний слой снимают с талии и завязывают вокруг шеи, чтобы защитить плечи от дождя, который стекает с полосок, как с соломенной крыши.

В торжественные дни надевают гораздо более красивый подъяубник. Он состоит из более тонких полосок листьев, чем те, что составляют обычное платье, и окрашивается в разные цвета. Некоторые из них, которые видел мистер М'Джилливрей, были красными и зелеными, с полосами бледно-желтого и чисто белого цвета. Ворсинки, из которых они состояли, были очень легкими и мягкими и походили на тонкие скрученные травинки. Несколько женщин, завершая свой туалет, выкрасили лица в черный цвет. Этот процесс если и не прибавил им красоты, то уж точно не отнял ее, поскольку их лица изначально были настолько простыми, что черное покрытие не могло сделать их более уродливыми. В этом отношении юноши и мальчики составляли любопытный контраст с женщинами, многие из них отличались прекрасной внешностью.

Женщины обычно, хотя и не всегда, разделяют свои волосы на огромное количество мелких локонов и закручивают их, как трещотки в швабре, в то время как мужчины как можно больше вытягивают свои жесткие и жилистые локоны и закрепляют в них тонкую палку длиной около двух футов, украшенную сверху небольшим плюмажем, основание которой имеет зубцы и используется в качестве расчески.

Жители залива Редскар используют более сложную систему татуировки, чем та, что была описана выше. Мужчины обычно ограничиваются определенными частями тела, такими как грудь, щеки, лоб и руки, и даже на этих местах татуировка сравнительно небольшая. А вот женщины настолько покрыты синими узорами, что едва ли найдется часть их тела, которая

не была бы украшена таким образом. Они имеют различные узоры, но обычный тип образован двойными параллельными линиями, промежутки между которыми заполнены более мелкими узорами или зигзагообразными линиями. Так как одежда женщин состоит только из полосатого подъябника, узоры татуировки проявляются очень полно.

Волосы мужчин здесь уложены по довольно необычной моде. Они сбриваются со лба на протяжении примерно трех дюймов, а оставшаяся часть зачесывается назад на всю длину. Затем вокруг нее завязывают шнурок, чтобы как можно плотнее прижать ее к голове, оставляя более половины длины, чтобы она не путалась в пучок, похожий на шевелюру, выступающую из макушки.

Те, кто особенно следит за своим внешним видом, добавляют украшение, не похожее на косичку прошлого века. Довольно большой пучок волос собирается вместе и завязывается в длинный и прямой хвост, конец которого украшается каким-либо орнаментом. В одном случае мужчина прикрепил к своей косичке связку собачьих зубов. Широкие от природы рты обезображены всеобщим обычаем жевать листья бетеля, смешанные с известью, что окрашивает губы в тусклый кирпично-красный цвет, и весь рот выглядит так, как будто из него течет кровь.

Волосы обычно черные, но нередко встречаются и различные оттенки. Иногда они черные, за исключением кончиков каждого локона, где оттенок становится желтым или красноватым, а иногда все волосы рыжие. По всей вероятности, такое изменение оттенка производится искусственным путем, например с помощью известковой воды, использование которой известно в различных частях Новой Гвинеи. Те, у кого все волосы рыжие, вероятно, красили их в последнее время, а те, у кого рыжие только кончики, не красили их несколько месяцев. Борода и усы практически отсутствуют.

Насколько можно судить по внешнему виду, с женщинами обращаются лучше, чем это обычно бывает у дикарей, и, похоже, считают их равными с мужчинами. Они ласковые родители, что доказывает тот факт, что дети часто приводили своих отцов посмотреть на корабли.

Средний рост этих туземцев был довольно мал, лишь немногие превышали пять футов четыре дюйма в высоту. Они были очень активными, но не сильными, что было доказано при сравнении их силы с силой экипажа корабля.

Уже упоминалось об их умении управлять лодками. Эти туземцы владеют различными каноэ, некоторые из которых настолько малы, что в них может поместиться только один человек, а другие с легкостью вмещают сразу пятьдесят или шестьдесят.

Самым распространенным каноэ является то, которое в народе называют катамараном, и которое больше похоже на плот, чем на лодку. Оно состоит из трех досок, скрепленных между собой ротангом. Человек сидит, точнее, стоит на коленях, немного позади центра, и может приводить это простое судно в движение с огромной скоростью. Некоторые из этих катамаранов достаточно велики, чтобы перевозить десять или двенадцать человек вместе с грузом. Вместо того чтобы быть просто тремя досками, они состоят из трех больших бревен дерева, уложенных рядом друг с другом и крепко скрепленных ротангом на концах, в центре и посередине между центром и каждым концом. Носа и кормы нет, но центральное бревно длиннее остальных, чтобы выступать с каждого конца, и обычно вырезано в виде грубых узоров и украшено красной и белой краской.

Конечно, море свободно омывает это примитивное судно, так что туземцы вынуждены возводить посередине небольшую платформу, на которой они могут разместить все товары, которые могут пострадать от намокания.

Один из небольших катамаранов изображен на переднем плане [иллюстрации № 2](#) на следующей странице, а сразу за ним - одно из больших каноэ со спущенным парусом. Длина такого каноэ составляет около двадцати пяти футов. Оно состоит из двух частей: собственно каноэ и аутригера. Само каноэ очень любопытной формы. Оно вырезано из ствола дерева и, несмотря на свою длину, не превышает восемнадцати или девятнадцати дюймов в ширину. Самое любопытное в его конструкции то, что борта, выгнувшись внизу, сходятся вверху, так что пространство между килем едва достигает восьми дюймов, и остается только место для ног человека, чтобы пройти внутрь лодки. В разрезе каноэ очень похоже на греческую букву Омега, перевернутую, таким образом -Ω. Для того чтобы уберечь кили от повреждений, к ним по всей длине прикрепляется небольшой шест.

Как и в случае с катамараном, оба конца каноэ одинаковы. Они обычно приподняты над водой, вырезаны в виде головы змеи или черепахи и украшены краской, ворсинками перьев, ракушками и другими подобными украшениями.

Аутригер имеет такую же длину, как и каноэ, к которому он крепится с помощью ряда легких шестов к килем самого каноэ. Метод, с помощью которого внешние концы шестов крепятся к аутригеру, очень любопытен, и его лучше понять, обратившись [к иллюстрации](#), чем к описанию. Как и концы каноэ, концы шестов аутригера сделаны в форме змеи.

Туземцы могут бегать по этим шестам к аутригеру с полной безопасностью, часто садясь на них при сильном ветре, чтобы сохранить равновесие судна. Во многих каноэ, однако, на эти шесты устанавливается небольшая платформа, что значительно увеличивает грузоподъемность судна; соответствующая, но меньшая платформа выступает с противоположной стороны каноэ. На этой платформе размещаются несколько гребцов, которым удобнее работать своими длинными веслами с платформы, чем из узкого пространства самого каноэ.

Парус сделан из полосок пальмового листа, переплетенных между собой. Когда парус не нужен, его сбивают и сворачивают, чтобы он занимал как можно меньше места, а мачту можно сбить, как у наших парусных барж при прохождении под мостом.

На этой же [иллюстрации](#) показаны еще два вида новогвинейских каноэ. Эти каноэ встречаются не в одной части Новой Гвинеи, но, поскольку туземцы путешествуют на них на значительные расстояния, они были приведены на одной иллюстрации для удобства сравнения.

За большим каноэ находится каноэ поменьше, с парусом, который установлен довольно любопытным образом. Мачты нет, но два края паруса прикреплены к небольшим лонжеронам, и когда туземец находит ветер благоприятным, он закрепляет нижние концы этих лонжеронов в каноэ, а верхние поддерживает с помощью лееров или веревок, которые находятся на носу и на корме. Читатель обратит внимание на заостренный конец цилиндрического аутригера. С противоположной стороны от аутригера находится небольшая платформа, сделанная из досок. Сама платформа находится вне поля зрения, но читатель может разглядеть головы и плечи двух мужчин, которые сидят на ней.

(1.) ЛЮДИ-ОБЕЗЬЯНЫ ИЗ ПРОЛИВА ДУРГА.
(См. [стр. 900.](#))

(2.) КАНОЭ НОВОЙ ГВИНЕИ.

(См. [стр. 908.](#))

Это каноэ сделано недалеко от Редскар-Пойнт и, за исключением расположения паруса, несколько похоже на суда, которые строят на острове Брумер. Весла имеют длину от шести до семи футов и довольно неуклюже сделаны, без каких-либо попыток украсить их.

Каноэ, изображенное справа на [рисунке](#), - самое любопытное из этих судов. Корпус каноэ сделан из ствола дерева, которому сначала придали коническую форму с каждого конца, а затем выдолбили. На концах прочно закрепляется кусок дерева длиной в несколько футов, чтобы превратить оба конца в полые конусы, в которые не может проникнуть вода. Киль поднимается примерно на два фута с помощью досок, которые вставляются в отверстие каноэ и служат в качестве стиральных досок, а швы заделываются и становятся водонепроницаемыми.

Эти особенности упомянуты потому, что в целом туземцы Новой Гвинеи безразличны к количеству воды, которую вбирают их каноэ, при условии, что они не тонут. Например, в Корал-Хейвене можно найти один вид новогвинейских каноэ, в котором кили не соединены на корме, которая остается открытой. Вода, конечно, хлынула бы внутрь, если бы один из членов экипажа не сидел в отверстии, протискивая в него свое тело, чтобы сделать его временно водонепроницаемым. Даже при такой предосторожности невозможно предотвратить попадание воды между телом человека и бортами каноэ, так как она кренится под действием ветра, а в шквалистую погоду другой член команды вынужден постоянно балансировать с помощью большого снаряда.

Самая любопытная часть каноэ, которую мы сейчас рассматриваем, - это парус, который, как бы неуклюже он ни выглядел, является большим усовершенствованием по сравнению с теми, что были описаны ранее, поскольку его можно сдвигать и настраивать в зависимости от ветра.

Мачта, вместо того чтобы быть просто прикрепленной вертикально, постоянно закреплена, но она настолько коротка, что не причиняет никаких неудобств, когда парус убран и используются только весла. Мачта крепится в отверстие в доске на дне каноэ и прикрепляется к поперечному лонжерону, который тянется через каноэ от одного борта к другому. На голове мачты находится прочный выступающий рычаг, в котором просверлено отверстие.

Парус состоит из мата, натянутого между двумя небольшими лонжеронами, а когда он не нужен, его можно свернуть и положить на платформу аутригера. Фал - веревка, с помощью которой парус притягивается к месту, - крепится к середине паруса и проходит через отверстие в выступающем рукаве мачты. К каждому концу прикрепляются гики, образующие "галс" и "лист". Когда экипаж хочет поставить каноэ, он делает это очень быстро, просто отпуская веревки и снова натягивая их, чтобы повернуть парус и превратить лист в галс, и *наоборот*. Поскольку оба конца каноэ одинаковы, судно сразу же подчиняется новому импульсу и движется в нужном направлении.

Каноэ управляется одним специальным веслом длиной около девяти футов, половину которого занимает продолговатая, округлая лопасть.

Жители побережья Новой Гвинеи отличаются умением плавать и нырять. Когда судно *"Гремучая змея"* находилось у берегов Новой Гвинеи, якорь одной из лодок зацепился за коралл, и его не удалось выбить. Стоявший на берегу старик увидел, что что-то не так, и поплыл к лодке. Вскоре он понял, в чем дело, и, нырнув несколько раз, сумел освободить якорь, за что был вознагражден топором. Он всегда нырял ногами вперед, не прилагая усилий, и оставался под водой около полуминуты.

Довольно любопытно, что любовь к свиньям, которая встречается у новозеландцев, должна быть так же сильно развита у туземцев Новой Гвинеи. Девушки и женщины делают из них отличных домашних животных, и совсем не редкость увидеть молодую девушку, которая идет по улице со всей грациозной свободой дикаря, держа на руках молодую свинью, лаская и разговаривая с ней, как европейская девочка разговаривает со своей куклой или с домашней собакой. Эти свиньи - длинноногие, чернокожие, жесткошерстные животные, совсем не соответствующие нашим представлениям о правильной форме свиньи.

Платье женщин состоит из тонких полосок листьев и представляет собой очень изящный наряд. Многие из женщин используют своеобразную татуировку, хотя и не доводят ее до такой степени, чтобы обезобразить себя. Узоры, хотя и сложные, но очень мелкие и тонкие, и распространяются на значительную часть тела. На руках и передней части тела изображается обычный узор, который обычно переходит на плечо, но оставляет спину нетронутой. Самый тонкий узор отведен для рук и талии, где он выглядит как нежное голубое кружево, плотно прилегающее к коже. Женщины очень гордятся этим украшением и всегда рады, когда незнакомец выражает им восхищение. Мужчины иногда используют татуировку, но сравнительно скудно, ограничиваясь звездой или двумя на груди. Время от времени мужчина наносит двойную серию звезд и точек, простирающуюся от центра груди до плеч, но в среднем уроженец этой части страны не так сильно татуирован, как обычный английский моряк.

Архитектура этой части Новой Гвинеи отличается от архитектуры пролива Дурга тем, что она гораздо более сложная, но на всей Новой Гвинее стиль строительства домов настолько схож, что мы возьмем несколько примеров, представляющих всю группу островов. Все дома возвышаются на столбах, как на Никобарских островах, но имеют ряд усовершенствований в архитектуре.

Количество столбов зависит от размера дома, а примерно в четырех футах от земли каждый столб проходит через широкий круглый деревянный диск, который служит эффективным барьером против крыс и змей, которые в противном случае могли бы завладеть жильем. Столбы соединены между собой на высоте около пяти футов от земли стропилами, на которые укладывается пол.

Эти стропила, или балки, поддерживают ряд столбов, уложенных горизонтально бок о бок, а на них крест-накрест уложено множество более тонких лонжеронов, образуя таким образом каркас, на котором закреплен сам пол, состоящий из множества тонких досок, взятых из орехового дерева какао. Опорные столбы имеют общую длину около десяти футов и соединены в своих вершинах горизонтальными жердями, на которых закреплен второй или верхний пол, точно такой же, как и основной, хотя и гораздо меньшего размера. На этом верхнем этаже хранятся оружие, орудия, провизия и другие предметы, для которых невозможно найти место на основном этаже. Например, в хижинах обычно хранится запас воды: вместо бутылок используются несколько пустых скорлупок от орехов какао, а отверстие закрывается пробкой из травы. По сути, они идентичны страусиным сосудам из-под яиц южноафриканских дикарей, которые уже были описаны на предыдущей странице.

Вход в дом осуществляется через квадратное отверстие в полу, а примитивная лестница, по которой жители поднимаются в свои жилища, столь же проста и эффективна. Необходимо, чтобы лестница - если можно так выразиться - была построена таким образом, чтобы, хотя человек может легко попасть в дом, крысы и другие паразиты не попадали внутрь. Если прикрепить к дому обычную лестницу или даже столб с зазубринами, крысы и змеи непременно заберутся по ней и завладеют жилищем. Поэтому туземный архитектор поступает иначе.

Сразу под отверстием в полу он закрепляет в земле два крепких столба, оставляя их выступать более чем на три фута. Столбы имеют вильчатые головки, и на них кладется поперечный шест, который крепко к ним привязывается. От этого поперечного столба к земле укладывается еще один столб, образуя наклонную плоскость, по которой могут ходить обитатели дома. Теперь видно, что если человек поднимается по наклонному шесту к поперечному, то он может пройти вдоль него в согнутом положении, пока не дойдет до отверстия в полу. Затем он может пропустить свое тело через отверстие и подняться на уровень пола, а пространство, которое находится между горизонтальным столбом и полом, служит эффективным барьером против крыс и других паразитов.

Читатель лучше поймет это описание, если сравнит его с [иллюстрацией № 1](#) на 916-й странице, на которой изображены три такие хижины. Та, что справа, видна с торца и представлена в полуготовом виде, чтобы показать внутреннюю структуру.

Бока и крыша хижины сделаны из небольших лонжеронов, которые скреплены между собой каркасом, чтобы служить опорой для соломы. Она делается из грубой травы, выдернутой с корнями в большие пучки, и покрывается внешним слоем листьев какао-ореха. Если дом большой, то в каждом конце есть вход, а в середине - еще один, каждый из которых закрывается аккуратно сплетенными циновками. Такие же, но более грубые циновки прикреплены к нижней части боковых сторон, чтобы не пропускать ветер.

Вплоть до этого момента архитектура идентична на всем острове, но в зависимости от местности происходит расхождение в форме самого дома. Обычной формой является та, что представлена на [иллюстрации](#). Такой дом, как на рисунке, в среднем имеет тридцать футов в длину, девять в ширину и тринадцать в высоту, так что между верхним этажом и крышей остается пространство около трех футов. На центральном рисунке изображен вид сбоку готовой хижины, а на левом - вид с торца аналогичного жилища.

Однако в некоторых местах, например в бухте Редскар, форма домов отличается. Вместо того чтобы изгибать тонкие столбы, из которых состоит каркас стен, их располагают так, чтобы получилась высокая и остроконечная двускатная крыша. Дом такого типа, имеющий тридцать футов в длину, в среднем достигает двадцати пяти футов в высоту. Между крышей и стенами хижин нет никаких различий, за исключением того, что нижняя часть крыши покрыта листьями вещества, похожего на кору, которое, как предполагается, является основанием листа ореха какао, сплюсненного под давлением. Вход или дверь в этих хижинах находится в одном конце и покрыт циновкой, как уже упоминалось. Доступ к ней осуществляется с помощью наклонного шеста, опирающегося на короткий столб. В некоторых из этих хижин внутри было обнаружено несколько копий, прикрепленных вдоль боков, а также несколько человеческих черепов; но были ли они предназначены для украшения, или же сохранялись в память об умерших владельцах, точно не известно.

Люди, населяющие залив Редскар и его окрестности, демонстрировали любопытную смесь застенчивости и уверенности. Они свободно подходили к кораблям, стоявшим на якоре в бухте, и очень хотели, чтобы их пустили на борт, самым любопытным образом заглядывали в порты и выставляли на продажу свое оружие и орудия труда. У них в ходу довольно примечательные стрелы, с головкой в виде заостренной выемки или черпака.

Одна из таких стрел находится в моей коллекции. Древко сделано обычным способом из тростника и утяжелено с одного конца куском твердого и тяжелого дерева. В этом деревянном наконечнике вырезан глубокий паз, в который продевается головка. Длина этого наконечника составляет около восьми дюймов, он сделан из бамбука, тростник почти отрезан, так что посередине остается кусок шириной более полудюйма, плавно сужающийся к одному концу, чтобы образовать острие, и круто сужающийся к другому концу, чтобы образовать приклад, который можно вставить в деревянный наконечник стрелы.

Бамбуковые черпаки аналогичного описания, но большего размера, используются в качестве ножей и затачиваются простым процессом откусывания кусочка края. Когда мистер М'Гилливрей посетил Новую Гвинею, он спросил у одного из туземцев, как используется бамбуковый совок, и когда выяснилось, что он используется как нож, он изготовил свой собственный нож и, взяв кусок дерева, продемонстрировал превосходство стали над бамбуком, энергично разрезав им палку.

Странно, но вместо того, чтобы порадоваться работе ножа, мужчина так испугался, что оттолкнул каноэ, созвал друзей и объяснил им, какой ужасный поступок был совершен. Ему предложили нож, но он воспринял предложенный подарок как усугубление первоначального преступления и отказался от всех попыток примирения. Оказалось, что такая неприязнь к стали широко распространена среди жителей этой части Новой Гвинеи.

Лук, с помощью которого эти стрелы приводятся в движение, - очень эффективное, хотя и неуклюжее оружие. Мой собственный экземпляр длиной около шести футов сделан из твердой и прочной древесины, по-видимому, дерева какао-орех. Он очень жесткий и требует

сильной руки, чтобы его натянуть. В качестве веревки используется полоска ротанга, подобная той, что уже упоминалась при описании Северной Австралии.

Перейдя на северо-запад острова, мы обнаруживаем, что их внешний вид и манеры поведения не сильно отличаются от тех, что присущи их собратьям с южного побережья. Взяв за образец народ дори, мы обнаружим, что они часто демонстрируют хорошие примеры высокого и узкого лба папуасской семьи, у многих из них узкие и дугообразные носы, а губы почти такие же тонкие, как у европейцев. Действительно, некоторые из этих туземцев обладают чертами лица, настолько похожими на европейские, что некоторые путешественники считали, что в них, должно быть, есть примесь иностранной крови. Однако это не так, эти особенности принадлежат отдельным людям и не подразумевают никакой иностранной примеси.

Каное этой части страны довольно сильно отличаются от каное южного побережья. Мачта состоит из трех отдельных лонжеронов, соединенных в верхней части. Два из них крепятся к борту пропущенными через них штырями, на которых они двигаются вперед-назад, как на шарнирах. Третий не крепится к судну, но его задник помещается в полость, из которой его можно вынуть по желанию. Поэтому, если туземцы захотят воспользоваться веслами, им достаточно поднять ножку этого лонжерона из гнезда, и вся трехмачтовая конструкция может быть опущена на палубу. Когда ветер становится благоприятным и нужно использовать парус, мачты снова поднимаются, ножка третьего лонжерона вставляется в гнездо, и таким образом трехмачтовик удерживается в вертикальном положении. Подобное устройство сейчас предлагается для наших военных кораблей, поскольку эти тройные мачты из трех легких железных прутьев не могут быть так легко прострелены, как одиночная и прочная мачта.

Туземцы - очень искусные каноисты, и их с детства приучают к использованию своих судов. Даже у маленьких мальчиков есть свои маленькие каное, которые настолько легки, что их можно без труда переносить к воде и обратно.

Они превосходны как рыбаки, будучи такими же экспертами в воде, как и на ней. Они энергично занимаются ловлей трепанга, поскольку именно за счет продажи трепанга купцам они получают большую часть иностранных предметов роскоши, которым придают столь высокую цену. Ястребиную черепаху ловят в основном ради панциря, который также приобретается торговцами и вместе с перламутровой раковиной в основном отправляется на китайские рынки.

Способ ловли рыбы сетью практически такой же, как и на всех этих побережьях. Глубина сети составляет три или четыре фута, а длина - сто или более футов. Ширина ячеей составляет около дюйма. Один край оснащен рядом плоских кусков легкого дерева, которые служат поплавками, а вдоль другого края закреплены несколько перфорированных раковин в качестве грузил.

Когда туземцы хотят использовать эту сеть, они кладут ее в каное и высматривают косяк рыбы. Как только появляется благоприятная возможность, каное отводят к морю от косяка и осторожно спускают в воду. Каждый конец берет на себя один или два человека, которые обводят сеть вокруг косяка полукругом, чтобы обхватить рыбу. Эти люди постепенно приближаются друг к другу, в то время как другой человек бьет по воде шестом или бросает в нее камни, чтобы напугать рыбу. Как только два конца сети сведены вместе, каное поднимается, и сеть с рыбой, висящей в ячейках, поднимается на борт. Они также используют рыболовные ловушки, подобные тем, которые уже были описаны в рассказе об

Австралии, погружая их помощью камня и поднимая с помощью шнура, к концу которого прикреплен бамбуковый буй.

Они неплохие кузнецы, и у них есть своеобразные мехи, идентичные по принципу действия мехам дикарей Африки, но работающие по-другому. Вместо пары надутых шкур у них есть пара широких бамбуковых трубок длиной около четырех футов, нижние концы которых зарыты в землю и соединены каналами с отверстием, в котором разводится огонь. Поршни сделаны из пучков перьев, привязанных к бамбуку, и воздуходувка поочередно поднимает и опускает их, чтобы создать довольно постоянную струю. Примечательно, что мехи китайского странствующего ювелира оснащены перьевыми поршнями. Скорее всего, эти мехи были заимствованы с более восточных островов.

Что касается собственно обработки металла, то она имеет любопытное сходство с той, что применяется в дикой Африке. Наковальной обычно служит камень, если только местным кузнецам не удастся раздобыть железную "свинью" или кусок сломанного якоря. Они умеют работать с серебром и медью, а также с железом, расплавляя два первых металла и заливая их в формы, чтобы затем выбить и придать им нужную форму.

Архитектура этих племен весьма примечательна. Как и большинство домов на Новой Гвинее, хижины возвышаются на кольях, чтобы уберечь их от паразитов; но хижины народа дори также возвышаются, чтобы уберечь их от воды. Эти туземцы имеют любопытное пристрастие строить свои хижины на берегу моря и располагать их ниже уровня низких вод. Этот любопытный стиль архитектуры они начинают с постройки длинного пирса, или, скорее, причала, который уходит далеко в море и обеспечивает сообщение между домом и берегом.

На конце этого причала располагается сама хижина, состоящая из дощатых стен и соломенной крыши. Как бы ни был велик труд, затраченный на ее строительство, дом не соответствует нашим представлениям о комфорте. Во-первых, полы сделаны из грубых брусьев, расположенных параллельно друг другу, но все же достаточно далеко друг от друга, чтобы вызвать некоторое беспокойство, не говоря уже об опасности, у неопытного ходока.

Хороший образец домика Дори имеет около семидесяти футов в длину, двадцать пять в ширину и пятнадцать в высоту. Вдоль центра идет довольно широкий проход, а по обеим сторонам расположено несколько комнат, отделенных друг от друга и от прохода циновками. В конце, расположенном у моря, нет стен, а есть только крыша, так что образуется своего рода веранда, под которой жители проводят большую часть времени, когда не заняты активной деятельностью. В таком доме обычно живет около сорока или пятидесяти человек, из них около двадцати мужчин, а также жены и семьи тех, кто женат. Приготовлением пищи занимаются разные семьи в своих комнатах, каждая из которых оборудована собственным камином.

Одежда туземцев Дори мало чем отличается от одежды других папуасов Новой Гвинеи. Однако мужчины часто украшают свое тело рельефными шрамами, как у австралийцев, и любят татуировать грудь и руки изображениями своего оружия. Они любят украшения, такие как ракушки, витая проволока и нарукавники из плетеного ротанга. Последнее украшение они изобретательно используют, сплетая очень толстый и прочный браслет и надевая его на левое запястье и предплечье, чтобы защитить владельца от отдачи тетивы.

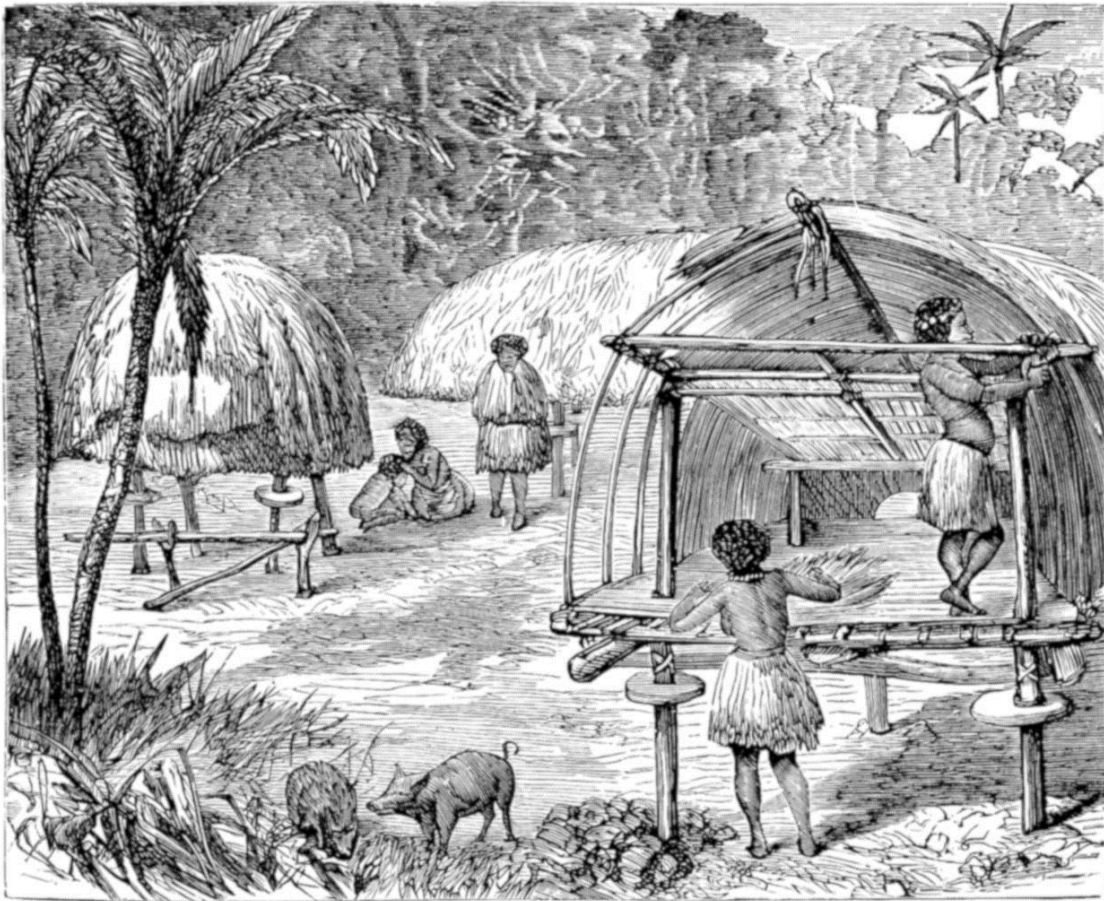
Не будучи воинственным народом, они всегда ходят вооруженными, имея при себе неизменный паранг, или колун, который, как явствует из самого его названия, приобретается у малайских племен. Эти паранги в основном изготавливаются на Борнео, как мы увидим, когда будем говорить о даяках. Папуасы дори, по-видимому, не воюют, как некоторые дикие

племена, из простой любви к бою; главный предмет войны - захват рабов, каждый из которых оценивается в пятьдесят шиллингов.

Однако эта стоимость - условное понятие, и когда с народом дори заключают сделку на такое количество рабов, в большинстве случаев имеется в виду условная денежная стоимость, а не реальные рабы. На самом деле, слово "рабы" используется так же, как мы используем слово "лошади" при подсчете мощности парового двигателя или "тонны" при описании грузоподъемности корабля. Возможно, слова "пони" и "обезьяна" из современного спортивного сленга являются лучшими иллюстрациями.

Тем не менее, рабство широко распространено среди дори, которые иногда совершают набеги на какой-нибудь район, захватывают деревню и уводят жителей в рабство. Однако они не обращаются с пленниками плохо, а хорошо кормят их и, похоже, рассматривают их отчасти как домашних слуг, а отчасти как доступный капитал или средство обмена, когда кто-то из их друзей попадает в плен к враждебным племенам.

Правительство племени дори номинально является делегированным вождеством, но на самом деле это своего рода олигархия. Существует некий сановник, называемый султаном Тидора, под властью которого, как предполагается, находится эта часть страны, и от него вождь племени дори получает свой ранг. Когда вождь умирает, один из его родственников отправляется сообщить об этом султану, взяв с собой в подарок рабов и райских птиц в знак верности. Этот человек почти всегда назначается на освободившееся место и обязан выплачивать определенную дань в виде рабов, провизии и военных каноэ, которые используются для сбора султанских налогов. Если он не выполнит эти условия, на его деревню нападет султанский флот, и вся округа будет разграблена; так что должность вождя имеет не только свои привилегии, но и тревоги.

(1.) ХИЖИНЫ, НОВАЯ ГВИНЕЯ.
(См. [стр. 912.](#))

(2.) ТАНЕЦ ПРИ СВЕТЕ ФАКЕЛА, НОВАЯ ГВИНЕЯ.
(См. [стр. 917.](#))

Его власть скорее номинальна, чем реальна, поскольку он не решает ничего, кроме несущественных вопросов, оставляя более весомые темы совету старейшин, которые, как правило, беспристрастно вершат правосудие. Их законы действительно хороши и разумны и, хотя и мягки, основаны на принципе старого еврейского закона: око за око и зуб за зуб.

Браки заключаются очень просто: жених и невеста садятся друг напротив друга, перед идолом, и первый дарит второму листья бетеля и табак. Принятие подарка и взятие руки дарителя составляют всю церемонию.

Упомянутый идол называется Карвар, он есть в каждом доме, кроме тех, которые принадлежат магометанским туземцам. Карвар представляет собой деревянную фигуру высотой около восемнадцати дюймов, большеголовую, широкоскулую и длинноносую - эта особенность папуасского лица преувеличена. Он изображен держащим щит, на теле - бязевая одежда, на голове - платок.

Карвар играет важную роль в жизни уроженца Дори. Он присутствует при его рождении, участвует в похоронах и, как мы уже видели, является свидетелем его брака. Во всех случаях недоумения с карваром советуются: верующий излагает свои намерения и отказывается от них, если чувствует нервозность - предполагается, что это ответ карвара. Существует множество фетишей, но они являются лишь дополнением к карвару.

Не вдаваясь в подробности о различных племенах, населяющих эту часть Земли, мы остановимся на нескольких наиболее интересных обычаях.

Папуасы очень любят цветы, особенно те, которые обладают сильным ароматом. Они вплетают такие цветы в волосы, сплетают их в гирлянды на шею, носят в браслетах и нарукавниках.

Они любят петь и музицировать и, насколько удалось выяснить, имеют привычку сочинять песни ехемпоре, а также петь частушки, которые знают наизусть. Что касается их музыкальных инструментов, то они состоят в основном из цилиндрического барабана, трубы, сделанной из тритоновой раковины, и своего рода пандейской трубы, состоящей из шести или семи тростников разной длины, крепко связанных между собой. Есть также духовой инструмент, который представляет собой бамбуковую трубку длиной около двух футов.

Под аккомпанемент этих инструментов они исполняют свои диковинные танцы, один из которых хорошо описан г-ном М'Гилливреем. "Они продвигались и отступали друг от друга внезапными рывками, отбивая в зависимости от необходимости быстрое или короткое время и распевая сопровождающую песню, каданс которой то повышался, то понижался в зависимости от действия. Поза была необычной: спина прямая, подбородок выпячен, колени согнуты в приседании, а руки вытянуты вперед.

"В другой раз один из тех же мужчин предстал перед нами в военном танце. В одной руке он держал большой деревянный щит, почти три фута в длину и более одного в ширину, а в другой - грозное на вид оружие, два фута в длину - часть рыла рыбы-меч, с длинными, острыми зубами, выступающими с каждой стороны. Присев на корточки, прикрывшись одной рукой щитом и держа оружие так, чтобы можно было нанести удар, он быстро продвигался вперед чередой коротких шагов, при каждом рывке ударяя левым коленом по внутренней стороне щита, отчего большие каури, висевшие у него на поясе и лодыжках, сильно звенели. Одновременно с этим он, делая яростные жесты, громко распевал песню неповиновения. Остальная часть пантомимы выражала нападение и защиту, а также ликование после победы.

"Но еще более любопытный танец был однажды исполнен несколько ночей назад группой туземцев, которые покинули корабль после захода солнца и высадились на берег поблизости от якорной стоянки. Увидев несколько огней вдоль берега, мы сначала подумали, что это рыбаки, но, посмотрев в ночное стекло, увидели, что группа состоит из дюжины человек, каждый из которых нес горящий факел и выполнял движения танца. В одно время они быстро выстраивались в линию, в другое - смыкались, разделяясь на две партии, наступали и отступали, пересекались и снова пересекались, смешиваясь друг с другом. Это продолжалось полчаса, и, когда это, по-видимому, было сделано для нашего развлечения, была пущена ракета для их развлечения, и загорелся голубой свет, но танцы прекратились, и огни исчезли".

На сопроводительной [иллюстрации](#) изображена эта дикая и любопытная сцена. На переднем плане - танцоры, каждый со своим факелом в руке, предающиеся гротескным движениям танца. Слева видны музыканты, один из которых играет на бамбуковой трубе, а другой бьет в барабан, который уже упоминался ранее. Один из этих барабанов лежит на переднем плане. Это полый цилиндр из пальмового дерева, около двух футов в длину и четырех дюймов в диаметре. Один конец покрыт кожей ящерицы, а вдоль боковой стороны идут продольные прорезы. Туземное название этого барабана - "байату".

Похоронные церемонии, по-видимому, отличаются в зависимости от местности. У племени дори, когда умирает человек, его тело заворачивают в белую бязь и кладут на бок в могилу, а голову кладут на глиняное блюдо. Оружие и украшения покойного кладут в могилу, которую затем засыпают и возводят над ней соломенную крышу.

Если покойный - глава семьи, то для выполнения последних обязанностей приводится карвар. Когда человека хоронят, карвара ставят рядом с могилой, и все скорбящие жестоко ругают его за то, что он позволил своему подопечному умереть. Когда соломенная крыша закончена, на нее кладут идола, и идол, и крыша остаются разлагаться вместе. Как обычно в дикарских племенах, погребальные пиры устраиваются в момент погребения и в течение нескольких дней после него, а те, что отмечают смерть вождей, продолжаются целый месяц.

ГЛАВА ХСII. ФИЛИППИНСКИЕ ОСТРОВА. АДЖИТАС, ИЛИ АХИТАС.

ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗМЕРЫ ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВОВ - МАЛАЙЦЫ И НЕГРИТОСЫ, ИЛИ АДЖИТЫ - СХОДСТВО С БОСХЕ - ЛУК И ОТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ - УМЕНИЕ СТРЕЛЯТЬ ИЗ ЛУКА - ИНСТИНКТ ДИКАРЯ - ВСТРЕЧА С ГРУППОЙ АДЖИТОВ - ИХ ВНЕШНИЙ ВИД И СТРЕКОЧУЩИЙ ЗВУК ИХ ЯЗЫКА - ПРИМИРЕНИЕ С АБОРИГЕНАМИ - УПРАВЛЕНИЕ АДЖИТАМИ - ИХ АКТИВНОСТЬ В ОХОТЕ - КОЧЕВЫЕ НАКЛОННОСТИ АДЖИТОВ - ПОЧИТАНИЕ МЕРТВЫХ - ССОРА И ЕЕ ПРИЧИНА.

К северо-западу от Новой Гвинеи расположено несколько островов, которые объединены под общим названием Филиппины. Они состоят из большого количества островов, из которых северный остров, называемый Луза, и южный, называемый Магиндано, являются самыми крупными.

Жители Филиппин принадлежат к двум видам: малайцы и негритосы. Первые, очевидно, не являются коренными жителями, но приплыли на острова на своих каноэ и образовали несколько поселений. Поскольку в ходе работы мы увидим много представителей малайской расы, то пока обойдем их вниманием и обратим внимание только на негритосов, или маленьких негров, названных так испанцами за их темную кожу и маленький рост.

Эта странная маленькая раса в основном известна под названием, которое дается в разных формах. Некоторые авторы пишут его как Ajitas, другие - Ahitas, а третьи - Itas. Из этих различных форм я выбираю первую, которая, кстати, произносится так же, как если бы она писалась Aheetas.

Аджиты - такие же маленькие, как босхесманы Южной Африки, их средний рост - четыре фута шесть дюймов. Они хорошо сложены, а их кожа, хотя и очень темного оттенка, не такая черная, как у негритянских племен. Черты лица достаточно хороши, за исключением того, что нос широкий и довольно плоский, а подбородок явно не хватает. Волосы шерстяные, как и у других папуасов, а поскольку они не умеют их укладывать, то носят их в виде своеобразной копны вокруг головы. Глаза отличаются ярко выраженным желтым оттенком.

Как и у других дикарей, ведущих неопределенный образ жизни, постящихся иногда по два дня, а затем наедающихся, как волки, у них, как правило, конечности и выступающий живот

с выгнутой спиной, как у босджесменов, спина согнута в виде буквы S. Их фигуру никак не скрывает их одежда, которая представляет собой не что иное, как широкий пояс из плетеной коры, застегнутый вокруг талии.

Во многих отношениях существует большое сходство между босджесманом и аджитой. Последние живут погоней и грабежом, не имея ни малейшего представления о сельском хозяйстве. Они всегда ходят вооруженными, их оружие - бамбуковые копья и луки со стрелами, причем последние отравлены. Действие яда, которым они смазаны, вызывает неутолимую жажду у животного, которое ищет ближайшую воду, пьет и умирает. Как только животное умирает, охотник срезает плоть вокруг раны, поскольку в противном случае яд придаст всей туше настолько горький вкус, что плоть нельзя будет есть.

Их луки невелики, как и стрелы: яд делает свое дело, а глубина раны не имеет значения. Они искусные лучники, с младенчества держат лук и стрелы в руках и тренируются на любом предмете, который может привлечь их внимание. Луком пользуются представители обоих полов, а маленькие мальчики и девочки любят бродить по берегам ручьев и стрелять в рыбу.

Аджита, как и босджесман, постоянно враждует с другими расами, населяющими ту же страну, и, несмотря на свою малочисленность, внушает страх своим отравленным оружием. Иногда аджиты попадают в плен, а чаще всего попадают в рабство. Поскольку они легки, активны и неплохо выглядят, их часто нанимают в качестве слуг высокопоставленные лица Маниллы.

Один из таких людей находился в доме архиепископа Манильи и был воспитан им с особой тщательностью. По всей видимости, он был полностью цивилизован и в конце концов получил сан священника. Но инстинкты его дикарской натуры оказались слишком сильны для него, и он сбежал из своего положения и цивилизованного общества, сбросил одежду и вернулся к своим дикарским сородичам. Такие случаи происходят постоянно, и удержать аджита в цивилизованном обществе практически невозможно, как бы хорошо с ним ни обращались и каким бы молодым он ни был, когда его поймали.

Повадки аджитов в основном дикарские, и, как правило, путешественники на Филиппинах вынуждены быть очень осторожными, чтобы на них внезапно не набросились эти опасные маленькие существа. Иногда, однако, они могут быть мягкими и даже гостеприимными, и пример такого поведения приводит месье де ла Жироньер, часть рассказа которого перевел и процитировал мистер Эрл: "Мы направили свой курс на север, среди гор, всегда покрытых густыми лесами, которые, как и те, которые мы только что покинули, не представляли собой никакого проложенного пути, кроме нескольких узких тропинок, проторенных дикими зверями. Мы продвигались вперед с осторожностью, поскольку теперь находились в местах, населенных аджитами. Ночью мы прятали свои костры, и один из нас всегда стоял на страже, ибо больше всего мы боялись неожиданности.

"Однажды утром, продолжая свой путь в тишине, мы услышали перед собой хор пищущих звуков, больше похожих на крики птиц, чем на человеческий голос. Мы продолжали идти, максимально скрывая свое приближение с помощью деревьев и кустарников. Вдруг мы увидели на небольшом расстоянии около сорока дикарей разного пола и возраста, которые совершенно не походили на животных. Они находились на берегу речушки, окружая большой костер. Мы сделали несколько шагов вперед и направили на них приклады наших ружей. Как только они нас заметили, они издали пронзительный крик и приготовились бежать; но я показал им несколько пачек сигар, давая понять, что мы хотим предложить им принять их".

"К счастью, в Бинангонане я получил все необходимые инструкции, чтобы знать, как вступить с ними в общение. Как только они поняли нас, они выстроились в линию, как люди, готовые к смотру; это был сигнал, что мы можем подойти. Мы подошли к ним с сигарами в руках, и я начал раздавать их с одного конца шеренги. Было очень важно подружиться с ними и дать каждому равную долю, согласно их обычаям. Когда раздача закончилась, союз был скреплен, а мир заключен, они приступили к курению.

"К дереву был подвешен олень, от которого вождь отрезал ножом из бамбука три больших куска, бросил их в огонь и, вытащив их через мгновение, подал каждому из нас по куску. Внешняя сторона слегка подгорела и была присыпана пеплом, но внутренняя часть была совершенно сырой и кровавой. Не стоит, однако, показывать, какое отвращение я испытывал к трапезе, которая была едва ли лучше, чем у каннибала, потому что мои хозяева были бы оскандалены, а я хотел прожить с ними в добром общении несколько дней. Поэтому я съел свой кусок оленины, который, в конце концов, не был дурно пахнущим, и мой индеец последовал моему примеру, наша хорошая репутация была установлена, и измена с их стороны больше не была возможна".

Месье де ла Жироньер проявил мудрость, приспособиваясь к обстоятельствам и жертвуя своими пристрастиями в пользу целесообразности; если бы все путешественники действовали подобным образом, мы бы знали о нравах и обычаях дикарей гораздо больше, чем знаем сейчас. Умилостивив своих маленьких чернокожих хозяев тактом и добротой, он оставался среди них некоторое время и с помощью переводчика, которого ему посчастливилось заполучить, продолжал получать значительное количество информации о народе, о котором почти ничего не было известно за все время его существования.

Аджиты живут небольшими племенами, состоящими примерно из пятидесяти или шестидесяти человек. Они не имеют постоянного места жительства, а бродят по стране в зависимости от количества дичи, которую находят. Они не имеют ни малейшего представления о строительстве домов и в этом отношении даже ниже аборигенов Австралии, а ночью они толпятся вокруг костра и ложатся как можно ближе к нему. Этот костер является центральной точкой племени, старики и дети собираются вокруг него в течение дня, пока взрослые охотятся на дичь; и если охотникам удастся принести достаточно еды, чтобы хватило на несколько дней, они остаются вокруг костра, пока все не будет съедено.

Похоже, что у аджитов нет определенной формы правления: они всегда выбирают одного из старейших мужчин вождем каждого маленького племени и не признают никакого главного вождя или короля. Возраст среди них почитается, и в этом аджиты демонстрируют свое превосходство над многими дикарскими племенами. Говорят, что язык аджитов напоминает скорее щебетание птиц, чем человеческий голос, но следует помнить, что то же самое говорили о языке босжесменов, когда европейские путешественники впервые оказались среди них. Любой язык, услышанный впервые, неприятно воздействует на слух, и даже европейские языки иностранцы обычно называют говорливыми или хрюкающими, в зависимости от высоты голоса. О структуре языка аджитов пока ничего не известно.

В одном пункте они превосходят многих дикарей. У мужчины есть только одна жена, и обе они верны друг другу в браке. Когда молодой человек хочет жениться, он спрашивает согласия ее родителей, которые в назначенный день отправляют ее одну в лес до восхода солнца, а через час молодой человек отправляется за ней. Если ему удастся найти ее и вернуть до захода солнца, брак признается; если же он не может преуспеть в своих поисках, то должен отказаться от всех претензий на нее. Как видно, выбор остается за девушкой,

которая всегда может скрыться, если ей не нравится предполагаемый жених, или, даже если он найдет ее, отказаться возвращаться с ним, пока не пройдет оговоренное время.

Религия аджитов, насколько можно судить по предмету, от которого дикарь всегда уклоняется, представляет собой простой фетишизм; любому предмету, например, стволу дерева или камню странной формы, поклоняются в течение дня, а затем отказываются от него в пользу какого-нибудь другого идола.

Настоящее почтение аджиты, похоже, оказывают мертвым, которых они почитают. Из года в год они приходят к местам захоронения своих друзей, чтобы положить на могилу орех бетеля и табак. Над каждым местом, где похоронен воин, висят его лук и стрелы: аджиты считают, что ночью человек покидает могилу и охотится до утра. Из-за такого трепетного отношения к мертвым экспедиция М. де ла Жироньера едва не закончилась фатально. Им удалось достать скелет из захоронения, когда кража была обнаружена аджитами, которые тут же набросились на них и изгнали из своей страны, поскольку отравленные стрелы оказались оружием слишком грозным, чтобы им противостоять, особенно когда их использовали такие активные противники, как обезьяны, которые могли осыпать своих врагов стрелами, в то время как те едва ли обнажали перед врагом хоть дюйм своего маленького темного тела.

Именно из-за другой формы этого почитания мертвых путешественники так часто сталкиваются с аджитами. Когда умирает воин, его товарищи обязательно берут оружие и бродят по стране, чтобы убить первое встречное живое существо, будь то человек или зверь. Проходя мимо, они ломают ветви деревьев особым образом, чтобы предупредить других, ведь даже один из их племени будет принесен в жертву, если попадется им на пути. Путешественники из других стран либо не видели, либо, если видели, не понимали смысла этих маленьких сломанных веточек, и в результате подвергались нападению аджитов, причем не из каких-то недружественных чувств, а во исполнение национального обычая.

ГЛАВА ХСІІІ.

ФИДЖИ.

ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА ФИДЖИЙЦЕВ.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСТРОВОВ ФИДЖИ - ОБЩИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - ИХ СВОЕОБРАЗНЫЕ ВОЛОСЫ И РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ИХ УКЛАДКИ - КРАСКИ ДЛЯ ВОЛОС - ФИДЖИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПАРИКОВ - ПОСОЛ И ЕГО ПОСЛАНИЕ - ФИДЖИЙСКИЙ ТЮРБАН - ВОДОНЕПРОНИЦАЕМЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ - ОДЕЖДА ФИДЖИЙЦЕВ - "МАСИ", "И" И СПОСОБ ЕГО НОШЕНИЯ - УКРАШЕНИЯ ДЛЯ УШЕЙ - ОЖЕРЕЛЬЯ И ЦВЕТЫ - ТАТУИРОВКА И КРАСКА - УЗОРЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ЛИЦА - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ГРУБОСТЬ КОЖИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАСКИ - ПРИЧЕСКА - ИЗГОТОВЛЕНИЕ МАСИ И СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ УЗОРОВ - ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ НАНЕСЕНИЯ ТРАФАРЕТОВ - ЖЕНСКИЙ ФАРТУК, ИЛИ "ЛИКУ", И СПОСОБ ЕГО НОШЕНИЯ.

Описать жителей всех многочисленных островов Полинезии было бы приятной, но невыполнимой задачей: пространство ограничивает нас рамками, которые нельзя переступать. Поэтому мы сразу же перейдем к описанию большой и важной группы островов, которая в народе известна под названием Фиджи.

Эта группа островов расположена к северу от Новой Зеландии и к востоку от Новой Гвинеи, так что они находятся чуть ниже экватора. Острова называются по-разному: Фиджи, Бити, Фиджи, Фидж, Фидски, Вихи и Вити. Из всех этих названий верными являются первое и последнее: северная часть островов известна как Фиджи, а южная - как Вити. Читатель должен помнить, что эти названия произносятся как Feegee и Veetee.

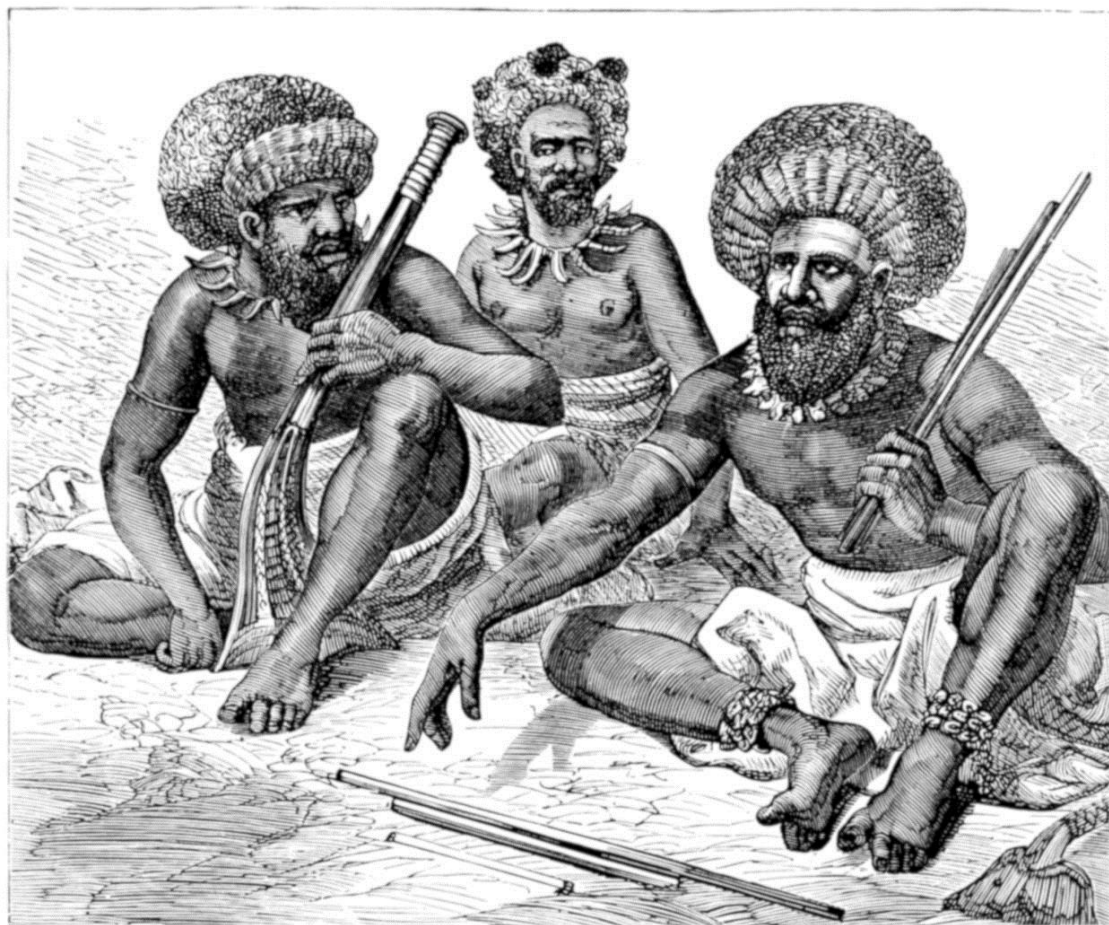
Жители Фиджи - прекрасная раса дикарей, довольно хорошо сложенных, с темной, хотя и не черной кожей. Как и другие папуасы, они отличаются густыми, кустистыми волосами, которые они укладывают в необычайно разнообразные узоры. Поскольку внешний вид и костюм дикарей - это первое, что бросается в глаза незнакомцу, мы сразу же приступим к их описанию.

Самой заметной частью общего облика фиджийца является его головной убор, при создании которого он дает волю своей фантазии и придумывает самые необычные вариации формы и цвета. Примеры фиджийских головных уборов можно увидеть на большинстве иллюстраций. Но поскольку описывать их по мере появления было бы утомительно, я упомяну несколько наиболее ярких разновидностей.

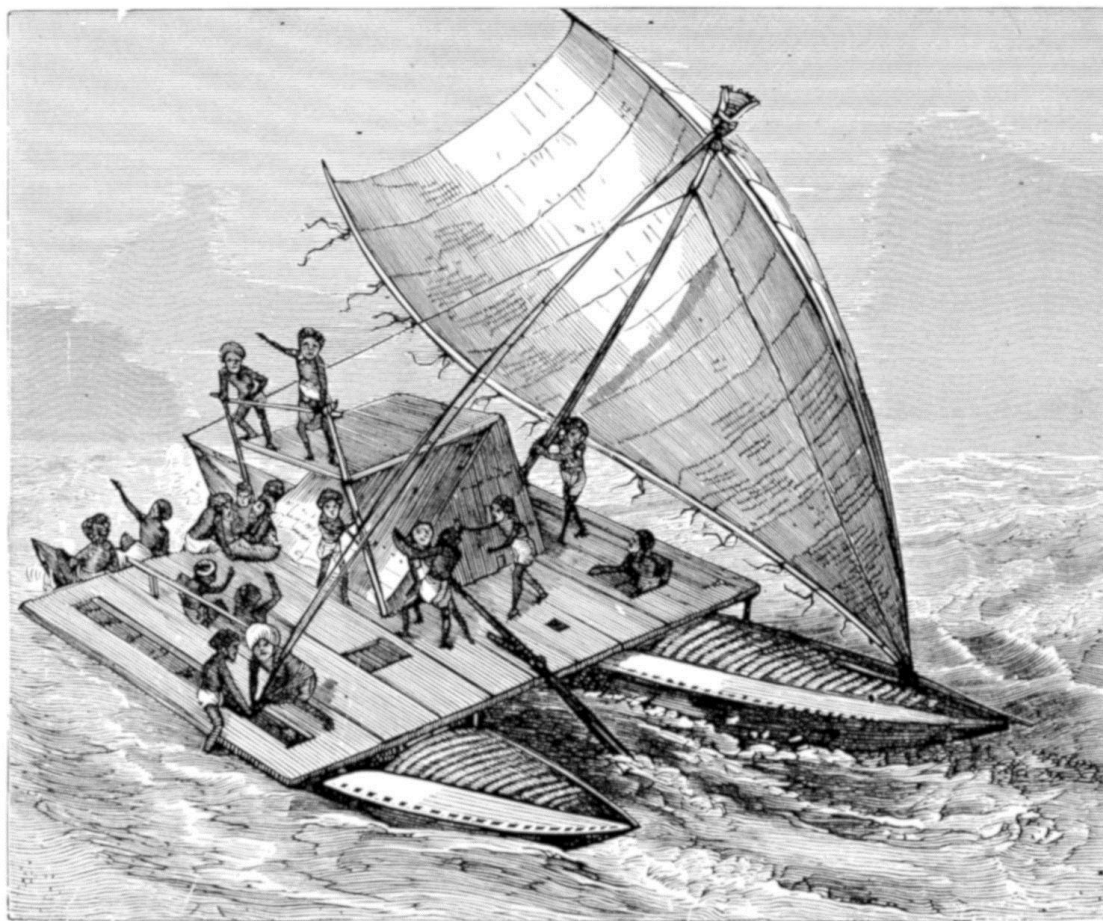
Волосы папуасов всегда жесткие, жилистые, обильные и вырастают до значительной длины, так что, если дать им возможность расти по своей воле, они обязательно приобретут кустистую форму. Однако фиджиец считает, что природа должна быть улучшена искусством, и, соответственно, использует все ресурсы своего несколько артистичного характера для создания прически. Приучить волосы к какому-либо изящному и плавному способу, который отличает эти мягковолосые расы, для фиджийца было бы совершенно невозможно. Он действует по совершенно противоположному принципу и, верный настоящему художественному чувству, старается максимально развить те черты, которые по праву принадлежат ему, вместо того чтобы пытаться произвести эффект, который не был бы созвучен окружающей обстановке.

Принцип, по которому строится фиджийская *прическа*, заключается в том, что каждый волос должен расти под прямым углом к коже и выделяться жестко и смело. Если предположить, что каждый волос можно заставить следовать своим собственным путем, не спутываясь с другими, то очевидно, что вся голова с волосами образует большую шарообразную массу, окружающую лицо. Поэтому дело фиджийского парикмахера - принять это как нормальную форму волос, а затем изменить или модифицировать ее по своему усмотрению.

Невозможно описать различные способы фиджийского парикмахерского искусства лучше, чем это сделал мистер Уильямс, проживший на Фиджи тринадцать лет. "У большинства вождей есть парикмахер, которому доверяются волосы его хозяина, часто требующие ежедневного внимания, а на определенных этапах прогресса - ежедневного многочасового труда. В течение всего этого времени руки *парикмахера* не должны прикасаться к еде, но не должны работать в саду.

(1.) ПОСЛАНИЕ ПОСЛА.
(См. [стр. 925.](#))

(2.) ФИДЖИЙСКОЕ КАНОЭ НА ВЕТРУ.
(См. [стр. 932.](#))

"Волосы крепкие, часто довольно жилистые, и так уложены, что сохраняют положение, в котором находятся, даже если выступают от головы на расстояние шести или восьми дюймов. Один незнакомец, увидев их работу в этом отделе, воскликнул: "Какие удивительные парики!" Другой подумал: "Несомненно, на Фиджи должен существовать *идель* парикмахерского искусства"; третий: "Их головы превосходят воображение". Неудивительно, что они не поддаются описанию.

"Что бы ни говорили о неестественности их внешнего вида, лучшие *прически* отличаются удивительной и почти геометрической точностью очертаний в сочетании с округлой мягкостью поверхности и равномерностью окраски, которые демонстрируют необычайную тщательность и заслуживают похвалы. Они кажутся вырезанными из какого-то твердого вещества и имеют различную окраску. Преобладают черный, иссиня-черный, пепельно-белый и несколько оттенков красного. Среди молодежи популярны ярко-красный и льняной. Иногда на одной голове встречаются два или более цветов. Некоторые головы по форме и цвету почти напоминают парик английского советника.

"В некоторых случаях прическа представляет собой шарообразную массу черных волос с белым валиком спереди, шириной с ладонь; или вместо этого белая продолговатая коса занимает всю длину лба, а черная проходит по обе стороны. В каждом случае черные волосы выступают дальше, чем белые. На некоторых головах все украшение находится сзади и представляет собой шнур из перекрученных витков, заканчивающийся кисточками. У других

шнуры уступают место большому красному валику или песочному выступу, спадающему на шею. На одной голове все волосы одной длины, но одна треть спереди пепельного или песочного цвета, а остальные - черные, резко очерченная граница, разделяющая эти два цвета.

"Некоторые из них настолько изобретательно гротескны, что кажется, будто они сделаны специально, чтобы вызвать смех. У одного на макушке большой узел огненных волос, а вся остальная часть головы лысая. У другого большая часть волос выстрижена, оставив три-четыре ряда маленьких клочков, как будто его голова усажена маленькими кисточками. У третьего голова голая, только над каждым виском выступает черное пятно. С правого виска часто спадают один, два или три шнура спутанных волос длиной в фут или восемнадцать дюймов. Некоторые мужчины носят несколько таких косичек так, что они образуют занавес на шее, доходящий от одного уха до другого.

"Прическа, требующая большой аккуратности, состоит из отдельных локонов, расходящихся от головы. Каждый локон представляет собой идеальный конус, около семи дюймов в длину, основанием наружу, так что поверхность волос разделена на множество маленьких кружочков, концы которых закручены внутрь, в каждом локоне, к центру конуса. В другом похожем стиле локоны имеют пирамидальную форму, стороны и углы каждого из них правильные, как будто сделаны из дерева. Вокруг головы они выглядят как квадратные черные блоки, верхний ярус которых выступает горизонтально от макушки, а на макушке остается ровное пространство. Однако когда длина волос не превышает четырех дюймов, этой плоской поверхности не существует, а сама она состоит из равномерной череды квадратов или кругов. Бурные движения танца не нарушают этих тщательно продуманных приготовлений, но необходимо тщательно следить за тем, чтобы уберечь их от воздействия росы или дождя".

Когда фиджиец хочет проверить, в порядке ли его головной убор, он прибегает к помощи зеркала. Это не переносное, а стационарное изделие, которое обязательно находится под открытым небом. Когда туземец видит большое дерево с наклонным стволом, он вырезает в верхней части ствола несколько глубоких впадин и располагает листья дерева так, чтобы вода с них капала в них и сохраняла их полными. Это его зеркала, и с их помощью он рассматривает свои волосы, следит за правильностью очертаний и, если недоволен, укладывает их своим длинным гребнем, а затем вставляет гребень в свою шевелюру, аккуратно надвигая ее на одно ухо, как солдат надвигает фуражку.

Не довольствуясь тем, что волосы заплетены в косы и распущены, как уже было описано, многие фиджийцы носят большие парики поверх собственных волос, увеличивая таким образом размер головы до самых непомерных размеров. Туземцы - прекрасные мастера по изготовлению париков, и, поскольку их цель - не подражать природе, а добиться как можно более фантастического эффекта, очевидно, что результат их труда часто бывает очень смешным. Как и в случае с собственными волосами, они красят эти парики в разные цвета, причем любимыми оттенками являются красный и белый.

Три примера этих диковинных головных уборов показаны [на иллюстрации № 1](#) на предыдущей странице, где изображен посол, передающий послание от своего вождя какому-то важному человеку. Дикари, подобные этим, не имеют понятия о письме, но, чтобы не забыть различные термины своего послания, они прибегают к простой *технической памяти*, состоящей из связки палочек, причем две из них не имеют одинаковой длины.

Каждая из этих палочек отвечает одному из условий послания, которое повторяется один или два раза послу, который пересчитывает их на своих палочках. Когда он передает свое

послание, то развязывает узелок, выбирает палочки по порядку и, положив их последовательно, передает послание без ошибки.

На иллюстрации главная фигура изображает посла, остальные - его сопровождающих. Он положил несколько палочек и передает сообщение, относящееся к одной из них, а остальные держит в левой руке. Его головной убор состоит из множества конусообразных локонов, что свидетельствует о высоком статусе человека, ведь никто другой не мог бы позволить себе содержать такую *прическу* в порядке. У человека, сидящего рядом с послом, волосы двух цветов: большая часть темная и вьется по голове, а пара валиков более светлого оттенка проходит по лбу. Центральная фигура демонстрирует излюбленный способ прически, при котором волосы подстрижены очень коротко, за исключением некоторых мест, где им позволено расти, чтобы сформировать ряд похожих на щетку хохолков.

Знатные мужчины чаще всего защищают свои огромные копны волос чем-то вроде тонкого тюрбана, который обматывают вокруг них. Тюрбан изготавливается из куска очень тонкой берестяной ткани, или маси, почти такой же тонкой, как марля, и совершенно белой. Его длина иногда достигает шести футов, но варьируется в зависимости от количества волос. Его по-разному закручивают вокруг головы, но чаще всего завязывают бантом на лбу или на макушке. На следующих страницах мы увидим несколько примеров тюрбана. Мужчины высокого ранга часто носят маси такой длины, что их концы ниспадают сзади, как шарф.

Чтобы уберечь волосы от дождя, они используют водонепроницаемое покрытие собственного изобретения. Это молодой банановый лист, который нагревают на огне, после чего он становится таким же тонким, прозрачным и непроницаемым для воды, как промасленный шелк. Легкий тюрбан не обеспечивает никакой защиты, он намокает так же легко, как и папиросная бумага, которую он чем-то напоминает.

Для платья используется материал, аналогичный тому, что носят на голове. Маси, используемые для этой цели, в основном имеют длину от двадцати до тридцати футов, хотя богатый человек иногда носит маси длиной почти в триста футов. В этом случае его делают из очень тонкого материала. Его надевают очень просто: часть обматывают вокруг поясицы, а остальное пропускают под ногами и заправляют в пояс, чтобы спереди он свисал до колен, а сзади опускался как можно ниже. У богатых людей маси часто шлейфом тянется за спиной. Это вся одежда, которая необходима фиджийцу. Одежда, защищающая от непогоды, не нужна из-за мягкости климата, а маси носят просто по моде.

Украшения носят в большом изобилии, и они относятся к тем видам, которые, кажется, дороги всем диким расам. Жители Фиджи носят украшения для ушей внушительных размеров, некоторые из них растягивают мочку до такой степени, что в отверстие можно поместить два кулака человека. Фиджийцы также носят нагрудные украшения, очень похожие по форме и виду на большой дибби-дибби, который носят северные австралийцы и который, очевидно, был заимствован у папуасской расы. Из любых блестящих предметов можно сделать ожерелья, в которых часто сочетаются самые несочетаемые предметы: европейский бисер, кусочки черепахового панциря, зубы собак, челюсти летучих мышей и тому подобное.

Цветы в изобилии носят фиджийцы, которые постоянно запасаются этими природными украшениями, сплетая их в нити и чашечки и передавая, как пояса, то через одно плечо, то через другое. **На иллюстрации** на стр. 937, изображающей уплату налогов, несколько девушек украшены этими гирляндами.

Татуировки почти полностью присущи женщинам, и даже у них они мало заметны, поскольку большая часть узоров закрыта передником *лику* или бахромой. В молодости женщины обычно татуируют пальцы линиями и звездами, чтобы придать им декоративный вид, когда они подносят еду вождю, а после того, как они становятся матерями, они добавляют синий пластырь в каждый угол рта. Операция болезненная, хотя и не такая мучительная, как в Новой Зеландии: рисунок наносится проколами острозубого инструмента, а не краем резца, проходящего через всю кожу.

Краска используется очень широко, три основных цвета - черный, белый и красный. С помощью этих трех оттенков они умудряются создавать на лицах разнообразные эффекты, с которыми может соперничать только фантазия, проявленная в прическах. Иногда лицо полностью алое, за исключением носа, который черный, а иногда лицо разделено, как четвертованный геральдический щит, и окрашено в красный и черный цвета, или в белый, красный и черный в разных четвертях. У некоторых мужчин одна сторона лица черная, а другая белая, другие же красят лицо в черный цвет до самого носа и заканчивают его белым.

В обратном порядке фиджийский денди иногда красит лицо в черный цвет, а нос - в красный, или у него черное лицо, белый нос, алое кольцо вокруг каждого глаза и белый полумесяц на лбу. Иногда он надевает белое лицо, покрытое круглыми алыми пятнами, как у игрушечной лошадки, или заменяет круглые пятна большим пластырем на каждой щеке и еще одним вокруг рта, как у театрального клоуна.

Очень любопытные эффекты производят линии. Белое лицо с одной широкой черной полосой от лба до подбородка имеет очень примечательный вид, как и лицо, одна сторона которого разрисована продольными черными полосами на белом фоне, а другая - поперечными полосами тех же цветов. Похожий узор иногда получается при использовании черного на красном. Пожалуй, самый странный из всех узоров образуется, если выкрасить лицо в белый цвет, а на белом нарисовать ряд волнистых линий ото лба вниз, причем линии пересекаются друг с другом, образуя на лице как бы рябь.

Вот так выглядит одежда мужчин. Женская одежда отличается во всех отношениях. Обладая такими же жесткими, жилистыми и густыми волосами, как и мужчины, они не утруждают себя плетением таких фантастических узоров, а в основном довольствуются тем, что расчесывают их так, чтобы они как можно дальше торчали во все стороны. Иногда они скручивают их в ряд локонов, которые падают на голову совершенно беспорядочно, как ворсинки швабры.

Краска используется ими так же, как и мужчинами, хотя и не так обильно. Алый, похоже, их любимый цвет краски, и именно этому пристрастию мистер Пикеринг был обязан возможностью на ощупь убедиться в особой грубости папуасской кожи. Фиджийцы, по сути своей церемонный и пунктуальный народ, не позволяют себя трогать, и мистер Пикеринг был весьма озадачен тем, как выяснить, принадлежит ли эта грубость всей расе, или это лишь особенность, присущая отдельным людям. Тут ему на помощь пришла любовь к алой краске. Приготовленный европейскими мастерами вермилион настолько превосходил пигменты Фиджи, что туземцы были только рады нанести столь яркий цвет на свои лица и тела. Соответственно, мужчины и женщины, старые и молодые, протискивались вперед, чтобы на них нанесли немного вермилиона, а матери, раскрасив свои лица, протягивали своих младенцев, чтобы те тоже приняли участие в этом действе.

Туземная ткань, или маси, о которой уже говорилось, изготавливается из внутренней коры дерева мало и производится простым и изобретательным способом.

Поскольку в настоящее время английские ткани в значительной степени импортируются на Фиджи и быстро вытесняют тонкие и изысканные местные изделия, искусство изготовления маси скоро исчезнет на Фиджи, как это уже произошло на других островах, где европейцы заняли прочные позиции. Поэтому я посвящаю несколько строк описанию его изготовления.

Туземцы срезают кору длинными полосками и вымачивают их в воде в течение некоторого времени, пока внутреннюю кору не удастся отделить от внешней, что делается с помощью края раковины. После удаления грубой внешней коры ее держат в воде, чтобы она сохраняла необходимую влажность; когда ее набирается достаточное количество, начинается процесс отбивания.

Маси бьют по деревянному полону, сплюсненному с верхней стороны и устроенному так, чтобы слегка пружинить при ударах молотка. Этот инструмент не похож на наш молоток с ручкой и головкой, это просто кусок дерева длиной около четырнадцати дюймов и толщиной в два дюйма, закругленный с одного конца, чтобы образовать ручку, и квадратный по всей остальной длине. Три стороны этого молотка, или ики, как его еще называют, покрыты продольными бороздками, а четвертая сторона остается гладкой. У тех экземпляров, которые я видел, боковые стороны не совсем плоские, а слегка выпуклые, возможно, из-за использования, а возможно, закругленные намеренно. У маси-мастера есть несколько таких молоточков, иногда до шести или семи, каждый из которых имеет некоторые различия в рифлении, и с их помощью она придумывает ткань, которая имеет весь эффект тканого белья между нами, узор вписан в материал.

В моей коллекции есть несколько образцов маси, один из которых необычайно красив. Тонкий, снежно-белый, мягкий, как шелк, он даже на расстоянии, должно быть, выглядел очень изящно, когда оборачивался вокруг смуглого тела фиджийского воина. Но только при ближайшем рассмотрении открывается истинная красота ткани. Вместо того чтобы просто бить по маси, как обычно, чтобы отпечатать на ней продольные бороздки молотка, туземная мастерица придумала менять положение своего молотка при каждом ударе, чтобы создать на ткани зигзагообразный узор, очень похожий на известный греческий узор европейских декораторов. Он красиво повторяется и, если поднести ткань к свету, похож на след от воды на бумаге.

Пластичность коры малока просто удивительна. Полоску длиной два дюйма можно выбить до ширины восемнадцати дюймов, при этом ее длина немного уменьшается по мере увеличения ширины. Поскольку материал очень тонкий и хрупкий, один кусок, когда его выбивают, не толще папиросной бумаги, два или более кусков обычно кладут друг на друга и выбивают так, чтобы они образовали одну толщину, естественной клейковины, которую содержит этот материал, достаточно, чтобы соединить их, как если бы они были одним куском. Некоторые экземпляры их больших мантий, хранящиеся сейчас в моей коллекции, по толщине напоминают плотную коричневую бумагу и гораздо прочнее, на глаз и на ощупь кажутся сделанными из кожи.

Когда нужно сделать большой маси, много отрезков коры соединяют друг с другом, концы смачивают в крахмале, аккуратно накладывают друг на друга, а затем подвергают ударам молотка, который заставляет два куска коры соединиться, как будто они одно целое, и не оставляет ни малейшего следа от соединения. Как я уже упоминал, некоторые из этих масисов имеют очень большую длину. Мистер Уильямс измерил один из них, который использовался королем в дни праздников, и обнаружил, что его длина составляет пятьсот сорок футов. Многие из больших и в то же время тонких масисов используются в качестве москитных занавесок, и в этом случае они украшены узорами из сумрачных красных и

черных цветов. Узоры обычно начинаются в центре и постепенно расширяются к краям. Способ изготовления этих узоров хорошо описан мистером Уильямсом: - "На выпуклой доске

"На выпуклой доске длиной в несколько футов параллельно, на расстоянии примерно пальца друг от друга, располагаются тонкие прямые полоски бамбука шириной в четверть дюйма, а по бокам от них - изогнутые кусочки, сделанные из середины ребер листочков какао-ореха. На подготовленную таким образом доску настилают ткань и натирают ее краской, полученной из лауци (*Aleurites triloba*). Ткань, разумеется, принимает краску на те части, которые подвергаются давлению, поддерживаемые полосками, расположенными под ней, и, таким образом, получается тот же самый рисунок в используемом цвете. Более сильный состав того же красителя, нанесенный с помощью кисти, используется для разделения квадратов на продолговатые секции, в центре которых расположены большие круглые или лучистые точки. Кеса, или краска, когда она хороша, высыхает яркой.

"С каждой стороны квадрата по-прежнему оставляют пустые границы шириной в два-три фута, и разработать орнамент на них так, чтобы вызвать аплодисменты, - гордость каждой фиджийской леди. Теперь аппарат полностью изменился. Оператор работает на простой доске; красная краска сменяется черной; узор теперь образуется полоской бананового листа, положенного на верхнюю поверхность ткани. Из листа вырезается рисунок длиной не более дюйма, который оператор хочет напечатать на кайме, и держит его за первый и средний пальцы, прижимая большим пальцем. Затем, взяв в правую руку мягкую ткань, смоченную в краске, она плотно прижимает ее к трафарету, и получается четкий, ясный рисунок.

"Натренированные пальцы женщины работают быстро, но в конечном итоге это утомительный процесс. В описанной выше работе женщины Лакемба преуспели. На острове Матуку делают очень красивые занавески, но узор крупный и занимает всю площадь, а промежутки между черными линиями заполняются красным и желтым".

Теперь мы переходим к лику, или женскому поясу с бахромой. Он изготавливается из различных материалов, и на его изготовление обычно тратится много усилий. Обычные лику представляют собой не более чем несколько небольших ремешков, прикрепленных к поясу и свисающих вниз на несколько дюймов. При ношении его обхватывают вокруг талии и завязывают, но не сзади, а с одной стороны, и на праздниках берестяной шнур, которым он закреплен, может свисать так низко, что часто волочится по земле при ходьбе.

Шнуры изготавливаются из коры гибискуса, называемого туземцами *вау* и используемого для различных целей, из длинных гибких корней, подобных корням каскаса, и из различных трав. Один из видов лику, который довольно моден, сделан из растительного паразита, называемого туземцами *валоа*. Нити этого лику не толще нити, а когда они свежие, то гибкие, как шелк. Со временем, однако, они становятся хрупкими и склонны к разрыву. Цвет этого материала - глубокий глянцевый черный.

В моей коллекции есть два экземпляра лику, один из которых сделан из модного валоа. Другой - обычный лику. Она изготавливается из расщепленной травы, лезвия которой достигают более трех футов в длину. Для того чтобы сделать из них одежду, их складывают вдвое, а петли вплетают в узкий плетеный пояс из того же материала. Однако лучшие виды ликуса изготавливаются с гораздо большей тщательностью, чем эта вещь. Стельки мало чем отличаются друг от друга, основной труд затрачивается на пояс. В некоторых случаях ремень лику достигает четырех дюймов в ширину и заплетен в изящные узоры - плетение является искусством, в котором туземцы преуспели.

В целом форма лику никогда не меняется, его носят и девушки, и женщины. Пока девушка не замужем, она носит лику, бахрома которой не превышает трех дюймов в глубину, а все изделие настолько скудное, что при обвязывании вокруг талии концы не сходятся на бедрах на несколько дюймов. Как только девушка выходит замуж, она меняет лику в знак своего нового звания и надевает одежду с бахромой, которая доходит до колен и полностью окружает тело. Став матерью, она надевает фартук, который доходит до колен, а иногда опускается ниже них.

ГЛАВА ХСІV.

ФИДЖИ - продолжение. ПРОИЗВОДСТВО.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЦИНОВОК - ПАРУСА ДЛЯ КАНОЭ - КОВРИКИ ДЛЯ ПОЛА И ПОСТЕЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ - ВЕРЕВКИ И НИТКИ - СИНЕЦ И ЕГО РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ИГЛА ДЛЯ ПЛЕТЕНИЯ СЕТЕЙ И СЕТКИ - ВЕЕРА И СОЛНЦЕЗАЩИТНЫЕ НАВЕСЫ - ОРАТОРСКАЯ ХЛОПУШКА - ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН - ФИДЖИЙСКАЯ КЕРАМИКА И МЕСТНОЕ ИСКУССТВО - ГОНЧАРНЫМ ДЕЛОМ ЗАНИМАЮТСЯ ТОЛЬКО ЖЕНЩИНЫ - ИХ ПРОСТЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И НЕСОВЕРШЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ - СПОСОБ "ОБЖИГА" СОСУДОВ - ГЛАЗИРОВАНИЕ СОСУДОВ ДЛЯ ВОДЫ - ФИДЖИЙСКИЕ РЫБАКИ - РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ СЕТЕЙ, И СПОСОБЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ПРОМЫСЕЛ ЧЕРЕПАХ - СМЕЛЫЙ НЫРЯЛЬЩИК - ПОДРЯДЧИКИ НА ЛОВЛЮ ЧЕРЕПАХ - СПОСОБЫ ЛОВЛИ РЕПТИЛИИ - "ГОЛОВА" ЧЕРЕПАХИ И ЕЕ ЦЕННОСТЬ - ОПАСНОСТИ ПРОМЫСЛА - ФИДЖИЙСКИЕ КАНОЭ И СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ ИМИ - СТРОИТЕЛЬСТВО КАНОЭ - ГЕНИАЛЬНЫЙ СПОСОБ СОЕДИНЕНИЯ ДОСОК - ПЛОТНИКИ ИЗ ТОНГИ - ФИДЖИЙЦЫ УСТУПАЮТ В МОРЕХОДСТВЕ ТОНГАНЦАМ - ФИДЖИЙСКИЕ ТОРГОВЦЫ.

Женщины делают циновки разных видов, и в изготовлении циновок они проявляют не меньшую изобретательность, чем в изготовлении маси. Маты используются для многих целей. Паруса фиджийских каноэ всегда делаются из циновок, которые сплетаются в отрезки и затем сшиваются, как и наши паруса. Ширина полос варьируется от двух до четырех футов, а длина - от трех до ста ярдов. В среднем, однако, обычная длина этих полос составляет двадцать футов - такова обычная длина паруса. Парусные циновки обязательно должны быть довольно грубыми и изготавливаются из листьев ореховой пальмы какао.

Есть и напольные циновки, которые используются в качестве ковров в домах. Их размеры зависят от размеров дома, но двадцать футов на шестнадцать - вполне обычное измерение. Обычно они украшены бордюром или узором по краям, ширина которого составляет около шести дюймов, и часто украшены перьями и обрывками любого цветного материала, который можно достать. В качестве подстилки используются циновки схожего характера, но гораздо более тонкой текстуры; лучший вид, который называется *оно*, имеет очень тонкую текстуру.

Любовь туземцев к украшениям проявляется не в пример лучше, чем в изготовлении веревок и шнуров. Лучшая веревка формируется из нескольких прядей синнета. Это своего рода косичка, сделанная из волокон ореха какао. Волокно аккуратно вынимают из ореха, запекают и вычесывают, как шерсть. Кордаж делают, скручивая синнет вместе, и некоторые фиджийские шнуры почти такой же толщины, как кабель, и обладают необычайной

эластичностью и прочностью. Синнет используется в самых разных сферах деятельности: из него строят дома и связывают доски каноэ.

После изготовления синнет превращается в огромные рулоны, некоторые из них имеют гигантские размеры. Мистер Уильямс видел один из них длиной двенадцать футов и почти семь футов в диаметре. Эти рулоны имеют разную форму, и каждая форма известна под своим названием, например, двойной конус, простой моток, овальный шар, сотовый шар и пестрый рулон. Эти рулоны дарят в качестве подарков и приносят вождям в качестве дани, вместе с другим имуществом. На большой [иллюстрации](#) на стр. 937, изображающей сцену уплаты налогов, показаны один или два таких рулона.

Синнет - излюбленный материал для изготовления сетей, но поскольку он дорого стоит, сети часто делают из коры гибискуса. Другой материал - ползучая трава под названием *яка*, которую вымачивают в воде, чтобы растворить зеленую массу, затем скребут, чтобы очистить волокна, и, наконец, скручивают в нити. Примечательно, что игла и сетка для плетения точно такие же, как у нас, и то же самое можно сказать о сетке и игле эскимосов.

Та же изобретательность в плетении, что и при изготовлении и скручивании синнета, проявляется и в других видах производства, таких как изготовление корзин и вееров. В последнем искусстве фиджийцы преуспели, и, поскольку веер для фиджийцев почти так же важен, как для японцев, в изготовлении вееров проявляется много фантазии. Как бы ни были непохожи эти веера по форме, в них всегда есть некий характер, который указывает опытному глазу на их происхождение.

В моей коллекции есть экземпляр, который представляет собой очень хороший тип фиджийского веера. Его длина составляет два фута, а ширина в самой широкой части - более фута. Рукоятка сделана из древесины какао-ореха и доходит почти до конца веера, образуя опору по всей его длине. Она крепится к вееру двойными лентами из тончайшей и красивейшей плетеной синнеты. Материал, из которого сделан веер, - листья ореха какао, разделенные на двойные полоски шириной около трети дюйма у основания веера и постепенно уменьшающиеся к его верхушке. По краям веера проходит прочная лента из того же материала, а два ее конца крепятся к ручке с помощью той же синнеты, о которой уже говорилось.

Такой веер используется скорее как зонтик или зонтик от солнца, чем как веер, и его держат над головой, когда владелец оказывается на солнцепеке. Он очень легкий, и на самом деле является гораздо более эффективным инструментом, чем можно предположить по его внешнему виду.

Форма веера очень разнообразна. Иногда они треугольные, с ручкой, выступающей из одного из углов, а иногда - квадратные, но с ручкой, проходящей по диагонали. Различные модификации веера пользуются большой популярностью, и есть одна форма, которая почти в точности напоминает японское ручное стекло.

Примечательно, что аборигены тропической Америки, такие как карибы, акковайцы и другие, изготавливают веера из точно такого же материала и структуры, за исключением того, что ручка не делается отдельно из дерева, а формируется из концов листовых полосок, из которых сделан инструмент.

Есть еще одно любопытное изделие, которое относится к фиджийским, но распространено среди нескольких полинезийцев. Это ораторская хлопушка, которую туземец держит в руке

во время выступления на совете. [Гравюра](#), изображающая его форму, приведена на 949-й странице. На рукоятке вырезаны различные узоры, и чаще всего, хотя и не всегда, она завершается грубым изображением пары человеческих фигур, сидящих спина к спине. Иногда вся рукоять покрыта синнетом, заплетенным в тончайшие узоры, какие не умеет плести никто, кроме фиджийцев. Хохолок на конце сделан из волокна ореха какао, которое сначала вымачивают в воде, затем скручивают вокруг маленькой веточки и сушат. Когда его разматывают с палочки, он имеет хрустящий, морщинистый вид, очень похожий на волосы фиджийцев, и, вероятно, предназначен для подражания им. В моей коллекции есть образцы с ручками, покрытыми синевой, и резными ручками, у одних хохолок черный, а у других песочно-красный, как и волосы туземцев.

В плетении корзин фиджийцы не менее щедро используют свои художественные способности: они плетут такие замысловатые узоры, что лучшие европейские мастера могут посрамить их, а затем, как будто не удовлетворившись объемом работы, покрывают все края синнетом, заплетая его в действительно художественные узоры.

Действительно, фиджийцы - прирожденные художники. Их работы, пусть иногда и гротескные, всегда художественны, потому что всегда уместны. Это чувство искусства они переносят в материал, пластичность которого обеспечивает наибольшую свободу манипуляций, а именно в глиняную посуду. Некоторые из сосудов, предназначенных для приготовления пищи, совершенно просты, в то время как другие, сделанные для других целей, имеют изящную форму и покрыты орнаментом. Мистер Уильямс предполагает, с большой долей вероятности, что горшки для приготовления пищи сделаны в подражание ячейкам одного из видов черных пчел, обитающих на группе островов Фиджи.

Несколько образцов фиджийской керамики хранятся в Британском музее. Как образцы интуитивного искусства они значительно превосходят по очертаниям и орнаменту все декорированные глиняные изделия в цивилизованных странах. Традиционное подражание природе - вот принцип, который используют фиджийские гончары, которые находят свои главные узоры в цветах, листьях и фруктах, получая таким образом самые изящные изгибы, соединенные с большой определенностью и точностью очертаний.

Какими бы грубыми ни были манипуляции гончара и каким бы грубым ни был материал, дизайн сосуда обязательно будет смелым и энергичным, посрамляя ту слабую красоту, с которой мы слишком хорошо знакомы в этой стране. Обращаясь к природе за своими моделями, фиджийские гончары демонстрируют удивительную силу, плодovitость и оригинальность дизайна. В любой стране художник, который действительно изучает природу, обязательно создаст свежие и оригинальные работы; а в такой стране, как Фиджи, которая находится в тропиках, и в которой великолепная растительность тропиков произрастает в роскошной изобилии, вполне вероятно, что художник, каким бы грубым он ни был, который учится в такой школе, создаст работы подлинного достоинства.

Гончарным искусством занимаются только женщины, причем практически только жены и дочери рыбаков. Материалом для них служит красная или голубая глина, смешанная с песком, а орудиями труда - кольцевая подушка, плоский камень, один или два деревянных скребка, круглый камень для прижимания к внутренней поверхности сосуда и острая палка. У них нет колеса: и все же, несмотря на такие недостатки, они умудряются создавать сосуды настолько правильных очертаний, что мало кто, если только он практически не знаком с гончарным делом, может поверить, что они были просто округлены на глаз.

Формы почти всех сосудов очень изящны, как и должно быть, судя по моделям, использованным мастерами. Часто они представляют собой удивительно сложные образцы

мастерства. Очень часто встречаются постоянно закрытые сосуды с отверстием в крышке, а мистер Уильямс видел один кувшин размером с боровую голову, который был снабжен четырьмя отверстиями для быстрого наполнения и опорожнения. Самыми примечательными примерами являются составные сосуды, несколько из которых соединены вместе в месте соприкосновения, а далее соединены дугообразными ручками. В некоторых случаях даже ручки полые и имеют отверстие в верхней части, чтобы сосуды можно было наполнять или опорожнять через них. Эта сложная форма в последнее время копируется европейцами.

Учитывая, сколько труда и художественного мастерства затрачивается на гончарное дело, жаль, что туземцы не имеют лучших возможностей для получения материала и обжига. Материал очень грубый, а несовершенный способ обжига не позволяет придать сосудам твердость и почти нетленность, которые отличают правильно приготовленный фаянс.

После того как сосудам придана форма и на них острой палочкой вычерчены декоративные узоры, их кладут на землю вплотную друг к другу, но не касаясь, и покрывают большим количеством сухих листьев, травы, тростника и других подобных материалов. Затем кучу поджигают, и когда она прогорит, обжиг считается законченным. Те горшки, которые должны быть покрыты глазурью, натирают, пока они еще горячие, каури, той самой смолой, которая уже упоминалась в рассказе о Новой Зеландии.

Как и следовало ожидать от островного населения, фиджийцы - искусные рыболовы и используют различные средства для защиты своей добычи. Сети, утяжеленные с одного края ракушками, а с другого - кусками легкого дерева, широко используются; также как и крючок, вертел и плотина. В некоторых местах используется очень примечательная сеть, или скорее имитация сети, называемая *рау*. К длинным гибким стеблям ползучих растений прикрепляют множество расщепленных листьев кокосового ореха, так что получается бахрома значительной глубины и очень большой длины; один такой *рау* иногда достигает почти десяти тысяч футов от одного конца до другого.

После завершения *рау* выносят в море и бросают в воду, концы прикрепляют к каноэ, которые вытягивают их в прямую линию. Затем они добираются до небольшого залива, через который можно перетащить *рау*, и вылавливают всю рыбу небольшими сетями или копьями. Иногда они не утруждают себя возвращением на берег, а пускают сеть по кругу - рыба так боится лиственной бахромы, что избегает ее и держится в центре захвата.

Однако в основном сеть используется для ловли черепах - спорта, который можно назвать почти искусством. Для ловли черепах они используют сети из синнета шириной около десяти футов и длиной в одну-две сотни ярдов. Пока черепаха кормится на берегу, рыбаки выносят сеть и забрасывают ее в сторону моря, так что когда черепаха возвращается в море после кормления, она обязательно будет перехвачена сетью, которая имеет крупные ячейки, чтобы опутать лапы рептилии.

Когда рыбаки считают, что черепаха поймана, они начинают поднимать ее на борт, что представляет собой очень сложную и опасную задачу, поскольку черепаха находится в своей собственной стихии, и мужчинам приходится нырять и проводить операции под водой. Самый активный ныряльщик пытается ухватиться за конец одного из передних ласт и с силой тянет его вниз, зная, что инстинктивное желание избавиться от неудобств заставит рептилию подняться. Конечно, ныряльщик может удерживать свою хватку лишь ограниченное время, но как только он поднимается на поверхность, чтобы отдышаться, его место занимает другой. Если черепаха злобная, как это часто бывает, один из ныряльщиков хватается за голову, фиксируя палец и большой палец в глазницах, чтобы не дать животному причинить вред.

Оказавшись в затруднительном положении, черепаха поднимается на поверхность, и тогда ее хватают другие рыбаки, находящиеся в каноэ, затаскивают на борт и укладывают на спину, в таком положении она совершенно беспомощна. После этого удачливые рыбаки издадут громкие звуки триумфа на своих трубах из раковины кончака и доставляют свой приз на сушу.

Из-за большого количества людей, занятых в этом промысле, мужчины почти всегда ловят рыбу партиями, которые нанимает какой-нибудь человек. Иногда они являются слугами вождя и ловят рыбу за его счет, причем все пойманные черепахи принадлежат ему, но рыбаки всегда получают какой-нибудь подарок, когда им сопутствует успех. Если рыбаки - свободные люди, они отдают себя, свои сети и каноэ тому, кто заплатит обычную цену, за которую они обязаны совершить десять экспедиций. В случае неудачи они не получают ничего, но каждый раз, когда они приносят черепаху на берег, они получают подарок от нанимателя, который обязан после завершения рыбалки сделать мужчинам красивый подарок. Иногда за один день удастся поймать несколько черепах, но дело это очень хлопотное, даже самые лучшие рыбаки возвращаются день за днем, не поймав ни одной черепахи.

Некоторые способы ловли черепах очень изобретательны. Когда у людей нет сети, они преследуют рептилию как могут, держа тень от паруса прямо позади нее, чтобы напугать ее, и держат ее постоянно в движении. Они преследуют ее таким образом в течение долгого времени, пока она не обессилеет настолько, что ее смогут поймать несколько ныряльщиков без помощи сети. Когда черепах привозят домой, их держат в загонах и убивают по желанию.

Хотя мясо черепахи высоко ценится, а зеленый жир ценится почти так же, как в Англии, главная ценность черепахи заключается в ее панцире, тринадцать пластин которого называются "головой" и продаются торговцам на вес. Голова весом в три фунта считается хорошей, голова весом в четыре фунта - исключительно хорошей, а та, что превышает пять фунтов, практически не встречается.

Опасностей, подстерегающих черепаший промысел, много. Главная из них - акула, которой очень много на этих берегах, и которая одинаково любит и людей, и черепах, так что, увидев запутавшуюся в сети черепаху, она бросается в атаку, и с такой же вероятностью может оторвать конечность одному из ныряльщиков, как и схватить рептилию. Еще один благодатный источник опасности кроется в структуре коралловых рифов, которые образуют основные берега этих островов. Они полны впадин и углублений, и иногда случается, что ныряльник запутывается в них и не может вовремя освободиться, чтобы спасти свою жизнь.

Когда каноэ возвращаются домой после черепаший рыбалки, женщины спускаются на берег и встречают их. Если экспедиция оказывается успешной, мужчины возвращаются с песнями и криками триумфа, как если бы они везли домой тела убитых врагов, и в этом случае, как мы увидим далее, происходит сцена ужасного ликования. Если же их постигнет неудача, они возвращаются в печальном молчании.

В первом случае женщины приветствуют удачливых рыбаков песнями и танцами, и иногда становятся довольно грубыми в порыве своего восторга. Однажды мистер Уильямс стал свидетелем забавной сцены, когда женщины принесли на берег множество горьких апельсинов и, когда рыбаки собирались высадиться на берег, так безжалостно обсыпали их, что мужчины в порядке самообороны были вынуждены прогнать своих обидчиков с берега.

Поскольку каноэ так часто упоминалось в связи с рыбалкой, сейчас мы его опишем. В принципе оно напоминает форму, преобладающую среди большой полинезийской группы,

хотя в деталях отличается от многих обычных судов. Все каноэ имеют модификации аутригера, но лучшим примером является двойное каноэ, где две лодки располагаются рядом таким образом, что одна из них выполняет роль аутригера, а другая - каноэ.

Если читатель обратится к [иллюстрации № 2](#) на 924-й странице, он сможет понять общий вид этого любопытного судна. Два каноэ накрыты крышей, чтобы не пропускать воду, и соединены платформой, которая выступает за внешние края обеих лодок. В платформе прорезаны люки, чтобы моряки могли проходить внутрь каноэ. На рисунке показан человек, выходящий из люка внешнего каноэ. На этой платформе возведено что-то вроде палубного домика для главного человека на борту, а на вершине палубного домика находится платформа, на которой стоит капитан судна, чтобы он мог отдавать свои приказы с этой возвышенности, как капитан парохода с весла или мостика. Эта позиция также позволяет ему следить за курсом черепахи, если они будут заниматься выгодной погоней за ней.

Способ управления судном чрезвычайно изобретателен. Короткая мачта держится на шарнире у подножия и может откидываться в любой конец судна. Когда каноэ собирается отправиться в путь, длинный ярд подтягивается к голове мачты, а последняя наклоняется, так что мачта, ярд и палуба образуют треугольник. После этого фалы закрепляются и служат в качестве стоек. Когда судно хочет идти, мачта откидывается на другой конец, так что корма становится носом, галс и лист меняются местами, и судно переходит на другой курс.

Как видно, такое каноэ одинаково хорошо плавает в любом направлении, а значит, и управлять им можно с любого конца. Руль - это очень большое весло, около двадцати футов в длину, из которых лопасть занимает восемь, а ширина составляет шестнадцать дюймов. Рычаг такого весла огромен, и в сильный шторм для его работы требуется несколько человек. Чтобы хоть как-то облегчить их работу, используются рули; но даже при такой помощи мужчинам очень трудно удерживать каноэ на курсе, и они почти наверняка получают несколько очень сильных ударов в бок от рукоятки рулевого весла. Иногда внезапный порыв ветра или большая волна с такой силой крутят руль, что рукоятка ударяет человека в бок и убивает его. Несмотря на все эти недостатки, плавание на каноэ - любимое занятие фиджийцев, которые, находясь на борту, как можно больше веселятся, поют песни, подбадривая рулевого, следят за волнами и предупреждают о них, а также усиливают веселье ударами в барабан, который может оказаться у них на борту. Даже когда ветер стихает, и каноэ приходится приводить в движение с помощью весел, если оно находится на мелководье, или с помощью гребков, если оно слишком далеко в море для весел, команда выполняет свою работу в бригадах, которые сменяют друг друга через регулярные промежутки времени, а те, кто отдыхает, поют песни и подбадривают тех, кто работает.

Управлять одним из этих больших каноэ - довольно тяжелая работа, большие весла работают из стороны в сторону в идеальном унисоне, мужчины двигают ногами в соответствии с ритмом песни своих товарищей. Иногда одновременно работают восемь гребцов, если каноэ большое, а команда довольно многочисленная. Весла проходят через отверстия в палубе, поровну выходя на нос и корму.

Способ постройки этих каноэ настолько изобретателен, что я попытаюсь его описать, хотя без обильного использования схем описание весьма затруднительно. Каноэ умеренного размера вырезаются из отдельных бревен, и в них нет ничего особенно достойного

внимания. Но когда туземный кораблестроитель хочет построить одно из больших военных каноэ, ему приходится применить все свое мастерство.

Здесь следует упомянуть, что изготовители каноэ образуют своего рода клан и имеют собственного вождя, который всегда является человеком, выдающимся в своей профессии. Опытные фиджийцы знают мастерство этих людей так же хорошо, как наши художники знают штрихи и стиль знаменитого скульптора или живописца, и смотрят и на человека, и на его работу с почтительным восхищением.

Первый процесс в строительстве каноэ - это установка киля, который делается из нескольких кусков дерева, тщательно соединенных вместе; на него крепится настил, не требующий ребер жесткости, как в наших лодках. Самой изобретательной частью строительства лодок является способ, которым доски скрепляются или, скорее, связываются вместе, причем снаружи не видно ни малейшего следа синнета. Вдоль внутреннего края каждой доски проходит смелый фланец, в котором через равные расстояния вниз просверлено несколько отверстий, так что когда две доски кладутся вместе, отверстия во фланцах точно совпадают, и через них можно пропустить шнур.

Когда доска изготовлена и все отверстия во фланцах просверлены, края промазываются белой смолой, на которую накладывается полоска тонкого маси. Это, конечно, закрывает отверстия, которые снова открываются с помощью маленькой огненной палочки. Подготовленные таким образом доски называются "воно". Когда воно готово, его поднимают на место и очень тщательно подгоняют, чтобы все отверстия точно совпадали. Затем лучшую и самую крепкую синнету пропускают восемь или десять раз через отверстие, затягивают как можно туже, а затем завязывают. Как видно, все завязки делаются внутри сосуда. Чтобы еще больше затянуть синнет, под него вставляют несколько маленьких клиньев в разных направлениях и вбивают их молотком.

В результате доски так плотно прилегают друг к другу, что, когда плотник начинает выравнивать внешнюю поверхность судна с помощью клещей, ему часто приходится присматриваться, чтобы увидеть линию стыка. Поэтому в конопатке нет необходимости: белая смола и мази делают стыки досок абсолютно водонепроницаемыми. Воносы отнюдь не одинаковы по размеру: некоторые из них имеют длину двадцать футов, а другие едва достигают тридцати дюймов, но все они соединены совершенно одинаковым образом.

Клыки и другие части, расположенные выше уровня воды, не требуют такой тщательной обработки и крепятся без фланцев: на стык укладывается полоска дерева или "бусина", поверх нее накладываются полосы синнета, которые стягиваются клиньями, а отверстия тщательно заделываются волокном и смолой. Когда каноэ готово, его красиво отделывают: всю внешнюю поверхность сначала тщательно обрезают клещами, а затем полируют пемзой, так что кажется, будто оно сделано из одного куска дерева.

В лучших каноэ широко используется орнамент, особенно на двух выступающих концах, которые вырезаются в виде узоров и часто инкрустируются белыми раковинами, принадлежащими к роду *Ovulum*, или яичной скорлупой. Эта форма каноэ постепенно вытеснила более неуклюжие формы, которые когда-то использовались на Тонга и соседних островах. Тонганцы часто совершали путешествия на Фиджи, будучи лучшими и смелыми моряками, хотя их каноэ были хуже; и, будучи поражены превосходством фиджийского судостроения, они постепенно построили свои собственные суда по фиджийским образцам. Будучи также замечательно хорошими плотниками, они занялись строительством лодок даже на самом Фиджи и в значительной степени вытеснили местных строителей, поскольку могли работать лучше и быстрее, а также за меньшую плату.

Несмотря на отличные каноэ и умение управлять судном, фиджийцы не являются смелыми мореплавателями, и, по словам мистера Уильямса, "никто еще не выходил на своих каноэ за пределы своей группы". Он знал одного старика по имени Тоалеву (Великая Птица), который вообразил, что может совершить выгодную торговую экспедицию на запад, и, нагрузив свое каноэ керамикой и маси, отправился в путь. Однако через два-три дня он испугался и, сделав все возможное, вернулся обратно, чтобы стать постоянным предостережением для опрометчивых путешественников. Однако в знакомых им водах фиджийцы - отличные моряки, а женщины, похоже, столь же смелы и искусны, как и мужчины, помогая рулевому, управляя парусом и даже выполняя трудоемкую работу гребцов или гребцов.

Благодаря своему мастерству в строительстве каноэ фиджийцы ведут оживленную торговлю с другими островами, поставляя им не только каноэ, но и мачты, паруса, синнет и другие морские приспособления, получая взамен зубы китов, раковины, оружие и другие ценные товары.

ГЛАВА ХСV.

Фиджи - продолжение.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ТУЗЕМНАЯ ЛЕГЕНДА - КРЫСИНЫЙ БОГ И ЕГО ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ - УКЛОНЕНИЕ ОТ УНИЗИТЕЛЬНОГО ОБЫЧАЯ - СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ - РАЗЛИЧНЫЕ РАНГИ ВОЖДЕЙ И НАРОДА - СИСТЕМА ВАСУ, ИЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ КУМОВСТВО - ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ВАСУ - СИСТЕМА, ПРЕПЯТСТВУЮЩАЯ РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ - ВАСУ КАК ПОСОЛ - УПЛАТА НАЛОГОВ - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАНОЭ - ДАНЬ, ВЫПЛАЧИВАЕМАЯ НАТУРОЙ И ТРУДОМ - ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ - ОСОБЫЙ ОБЫЧАЙ - ПРИВЯЗАННОСТЬ К ЗЕМЛЕ - РАЗОЧАРОВАННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ - СЕМЬЯ - ТИП ФИДЖИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА - КОДЕКС ЭТИКЕТА СРЕДИ ФИДЖИЙЦЕВ - ПРИДВОРНЫЙ ЯЗЫК - "ТАМА," И ЕГО МОДИФИКАЦИИ - ВСТРЕЧА С НАЧАЛЬНИКОМ - ОБЫЧАЙ "БАЛЕМУРИ" - ВЕЖЛИВЫЙ ТУЗЕМЕЦ, НЕ ПОЛУЧИВШИЙ МУШКЕТА - КАК ВЕЛИКИЕ ВОЖДИ ПОСЕЩАЮТ ДРУГ ДРУГА - ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО И СПОСОБЫ ПРИВЕТСТВИЯ - СТРОГОСТЬ КОДЕКСА ЭТИКЕТА - МОЛОДОЙ ВОЖДЬ И ХВОСТ ГУАНЫ - ФИДЖИЙСКИЙ ПИР - ОГРОМНЫЕ ПЕЧИ, И СПОСОБ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ПОДГОТОВКА К ПИРУ - ОРГАНИЗАЦИЯ БАНКЕТА - РАЗНООБРАЗИЕ БЛЮД - СПОСОБ ПИТЬЯ - КАК ОТКРЫТЬ ОРЕХ КАКАО - КАННИБАЛИЗМ - КОРОЛЬ ТАКОМБАУ - ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАННИБАЛИЗМА - ТУЗЕМНАЯ ЛЕГЕНДА - ВИЛКИ КАННИБАЛОВ - ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ - "СНЯТИЕ МАЧТЫ" - ДОСАДНАЯ ОШИБКА.

В силу географических особенностей группы Фиджи, состоящей из семи групп островов, некоторые из которых очень большие, а некоторые очень маленькие, форма правления никогда не была монархической: страной управляли несколько вождей, более или менее значимых, в зависимости от территории, на которую распространялась их власть. В прежние времена различные острова были мало связаны друг с другом. В настоящее время между ними происходит более активное взаимодействие, а в одном случае визит сопровождается необычной и смехотворной церемонией.

Один из богов, принадлежащий Сомо-сому, по имени Нг-гурай, отправился посетить Мбау, расположенный на восточном побережье Вити-Леми, одного из больших островов, и

выразить свое почтение богу этого места. Его сопровождал бог вуна по имени Вату-Мундре, который дал ему бамбук в качестве сосуда и обязался направлять его в пути. Затем Нг-гурай вселился в тело крысы, сел на бамбук и отправился в путь. После того как они проплыли некоторое время, Нг-гурай сбился с пути из-за того, что хотел заглянуть на каждый остров, мимо которого проплывал, и в конце концов, когда он прибыл на берег Мбау, его смыло с бамбука, и он едва не утонул в прибое.

От этой участи его спасла женщина из племени мбау, которая отнесла его в дом вождя и посадила среди поваров на очаг, где он просидел, дрожа, четыре дня. Тем временем Вату-Мундре прибыл на место назначения и был по-королевски принят богом Мбау, который тщетно пытался склонить его к подданству.

Через положенный промежуток времени бог Мбау вновь посетил Вату-Мундре, который искусно смазал дорожку, так что когда его гость оживился, его ноги заскользили, и он упал на спину. Тогда Вату-Мундре воспользовался своим положением и заставил гостя стать его данником.

Вследствие этого случая народ мбау платит дань уважения туземцам Вуны, но компенсирует это тем, что требует самой унижительной дани от людей Сомо-Сомо, хотя на самом деле Сомо-Сомо - признанный начальник Вуны.

Когда каноэ Сомо-сомо отправляется в Мбау, парус должен быть спущен на определенном расстоянии от берега, а команда должна грести в сидячем положении. Держать парус или грести в обычной позе стоя будет стоить им жизни. Как только они приближаются к берегу, они должны крикнуть "тама", *то есть* почтительное приветствие нижестоящего к вышестоящему, и повторять его через короткие промежутки времени.

Прибыв на берег, они не могут войти в дом, а находятся под открытым небом в течение четырех дней, в течение которых они обязаны носить свои худшие платья, передвигаться в согнутом положении и произносить тама низким и дрожащим голосом, подражая дрожащему крысиному богу. По истечении четырех дней они могут входить в дома и одеваться в лучшую одежду, но все равно обязаны ходить на полусогнутых. Когда человек из племени мбау встречает одного из этих скрюченных посетителей, он с издевкой кричит "Хо! Хо!" и спрашивает у сомосомо, на свободе ли еще его бог. Тогда несчастный посетитель вынужден положить руку на сердце, опуститься на пол и смиренно сказать, что Нг-гураю разрешена свобода.

Естественно, не одобряя этот угнетающий и унижительный обычай, жители Сомо-сомо в последние годы умудряются обходить его с помощью иностранных судов. Обычай спускать парус и грести сидя не был обязательным для жителей других стран, поэтому они ухитрялись посещать Мбау на борту тонганских каноэ или, что еще лучше, на английских кораблях.

В последние годы правительство приобрело феодальный характер: вожди крупных районов считаются королями, а под их началом находится множество низших вождей, которые подчиняются им и обязаны поставлять людей и оружие, когда король объявляет войну. По мнению г-на Уильямса, фиджийцев можно разделить на шесть различных порядков. Сначала идут короли, а за ними - вожди отдельных крупных островов или районов. Затем идут главы городов, жрецы и мата-ни-вануа, или помощники великих вождей. Далее следуют вожди профессий, таких как строительство каноэ и ловля черепах, а вместе с ними - знатные воины низкого происхождения. Пятый ранг включает в себя все простонародье, а шестой - рабов, которые всегда являются пленниками.

Как это часто бывает в странах, где практикуется полигамия, закон происхождения проходит по женской линии, и преемником короля или вождя всегда становится сын женщины высокого ранга.

Самой странной частью фиджийской политической экономики является система Васу, или племянников - система, которую можно описать как непотизм, доведенный до максимально возможной крайности. Описание васу, данное мистером Уильямсом, очень любопытно. "Это слово означает "племянник" или "племянница", но становится должностным титулом в случае мужчины, который в некоторых местностях имеет исключительную привилегию присваивать все, что пожелает, принадлежащее его дяде или тем, кто находится под властью его дяди.

"Васу бывают трех видов: *Васу-таукей*, *Васу-леву* и *Васу*; последнее - обычное имя, принадлежащее любому племяннику. *Васу-таукей* - термин, применяемый к любому васу, чья мать - жительница земли, в которой он родился. Тот факт, что Мбау стоит во главе фиджийского ранга, дает королеве Мбау преимущество перед всеми фиджийскими дамами, а ее сыну - номинальное место над всеми васу.

"Нет существенной разницы между властью васу-таукеи и васу-леву, а последний титул дается каждому васу, рожденному от женщины, имеющей высокий ранг, и имеющей в качестве отца первоклассного вождя. *Васу-таукей* может претендовать на все, что принадлежит уроженцу земли его матери, за исключением жен, дома и земли вождя. Васу не могут рассматриваться отдельно от гражданского общества группы, являясь его неотъемлемой частью и обеспечивая мощную силу фиджийского деспотизма.

"Хватаясь за доминирующее влияние, вожди создали силу, которая то и дело оборачивается и хватает их отнюдь не ласковой рукой. Каким бы высоким ни был вождь, каким бы могущественным ни был король, если у него есть племянник, у него есть хозяин, который не будет довольствоваться именем, но будет осуществлять свои прерогативы в полной мере, захватывая все, что ему приглянется, независимо от его стоимости или неудобств, которые испытывает владелец при его потере. О сопротивлении не стоит и думать, а возражения принимаются только в крайних случаях. Ярким примером власти васу может служить случай с Тхоконауто, вождем племени Рева, который во время ссоры с дядей воспользовался правом васу и фактически снабдил себя боеприпасами из магазинов своего врага.....

"Опускаясь по социальной шкале, васу препятствуют развитию промышленности: мало кто готов трудиться без вознаграждения ради чужого блага. Достаточно одной иллюстрации. Трудлюбивый дядя строит каноэ, на котором он не совершил и полудюжины путешествий, когда на палубу поднимается праздный племянник, трубит в раковину, и взрыв возвещает всем, кто находится в пределах слышимости, что каноэ в этот момент сменило хозяина".

Васу короля - это обязательно очень важная персона, и когда он выступает в качестве делегата короля, то на время наделяется королевским достоинством. Например, его посылают в другие места для сбора имущества, которое передается царю в качестве дани; и если бы не контроль, установленный над ним царем, у него мог бы возникнуть соблазн обогатиться, требуя с людей больше, чем они должны давать. Однако в этом случае васу подчиняется царю, и если он превышает свои полномочия, то подвергается крупному штрафу.

Налоги, о которых здесь идет речь, выплачиваются способом, существенно отличающимся от того, который принят в более цивилизованных странах. В Европе, например, никто не платит налог, если может от него уклониться, а на визиты сборщика налогов смотрят как на

периодические досады. На Фиджи дело обстоит иначе. Люди гордятся тем, что платят налоги, а дни уплаты - это дни больших праздников.

В назначенный день король готовит большой праздник, и люди собираются огромными толпами со своими товарами, такими как рулоны синнета, маси, китовые зубы, тростник, женские платья - часто в сопровождении их носителей - украшения, оружие и тому подобное, и по очереди предстают перед королем. Каждый мужчина одет в свои лучшие одежды, раскрашен в самом высоком стиле искусства и демонстрирует последнюю моду в прическах. С песнями и танцами люди подходят к своему монарху, кладут перед ним свои подарки и возвращаются на банкет, который он для них приготовил.

Вряд ли можно представить себе более оживленную сцену, чем та, что происходит, когда королю привозят дань из дальних мест, особенно если, как это часто бывает, в качестве части дани преподносится ценный предмет, например, большое военное каноэ. Флот каноэ с несколькими сотнями людей и большим количеством имущества появляется у побережья, и его принимают с большим гостеприимством, как и должно быть в таких случаях. Король усаживается на большой ковер маси, перед ним появляется главный вождь данников, сопровождаемый своими людьми, которые приносят подарки с надлежащими церемониями, а сам вождь несет в складках своего одеяния китовый зуб, который считается символом каноэ, которое должно быть подарено, и которое называется так же, как и каноэ, которое оно представляет.

Подойдя к королю с предписанными жестами, вождь опускается перед ним на колени и сначала предлагает своему господину все имущество, которое было разложено на земле. Затем он достает из складок своего объемного одеяния, длина которого, как помнит читатель, нередко достигает нескольких сотен футов, китовый зуб и произносит соответствующую речь. Он хвалит короля за процветание, которым пользуются все подвластные ему районы, признает их полную покорность и надеется, что им будет позволено жить, чтобы строить для него каноэ. В подтверждение этого желания он дарит королю новое каноэ и, сказав это, дарит символический китовый зуб, называя его по имени судна. Получив зуб, король милостиво разрешает им жить, после чего все присутствующие хлопают в ладоши и кричат, причем крик получающих отличается от того, который используют дарители.

На следующей [иллюстрации](#) представлена одна из таких анимационных сцен.

Почти в центре - король, сидящий на ковре маси, спиной к зрителю, чтобы показать, как устроены струящиеся одежды великого человека. Перед ним на коленях стоит начальник экспедиции налогоплательщиков, который подносит королю символический китовый зуб. Один или два таких же зуба лежат рядом с ним и составляют часть подарка. Вдали видна флотилия каноэ, на которых приплыли налогоплательщики, а у берега - новое военное каноэ, которое составляет главную часть подношения.

На переднем плане видны различные предметы имущества, составляющие налог: ямс, рулоны ткани и синнет, корзины, предметы одежды и молодые женщины, причем последние одеты в тончайшие ликусы и украшены не только обычными украшениями, но и венками и гирляндами цветов. За вождем, приносящим жертву, стоят его последователи, также преклонившие колени в знак уважения к королю; а по левую руку - зрители церемонии, перед которыми сидят их вожди и ведущие мужчины.

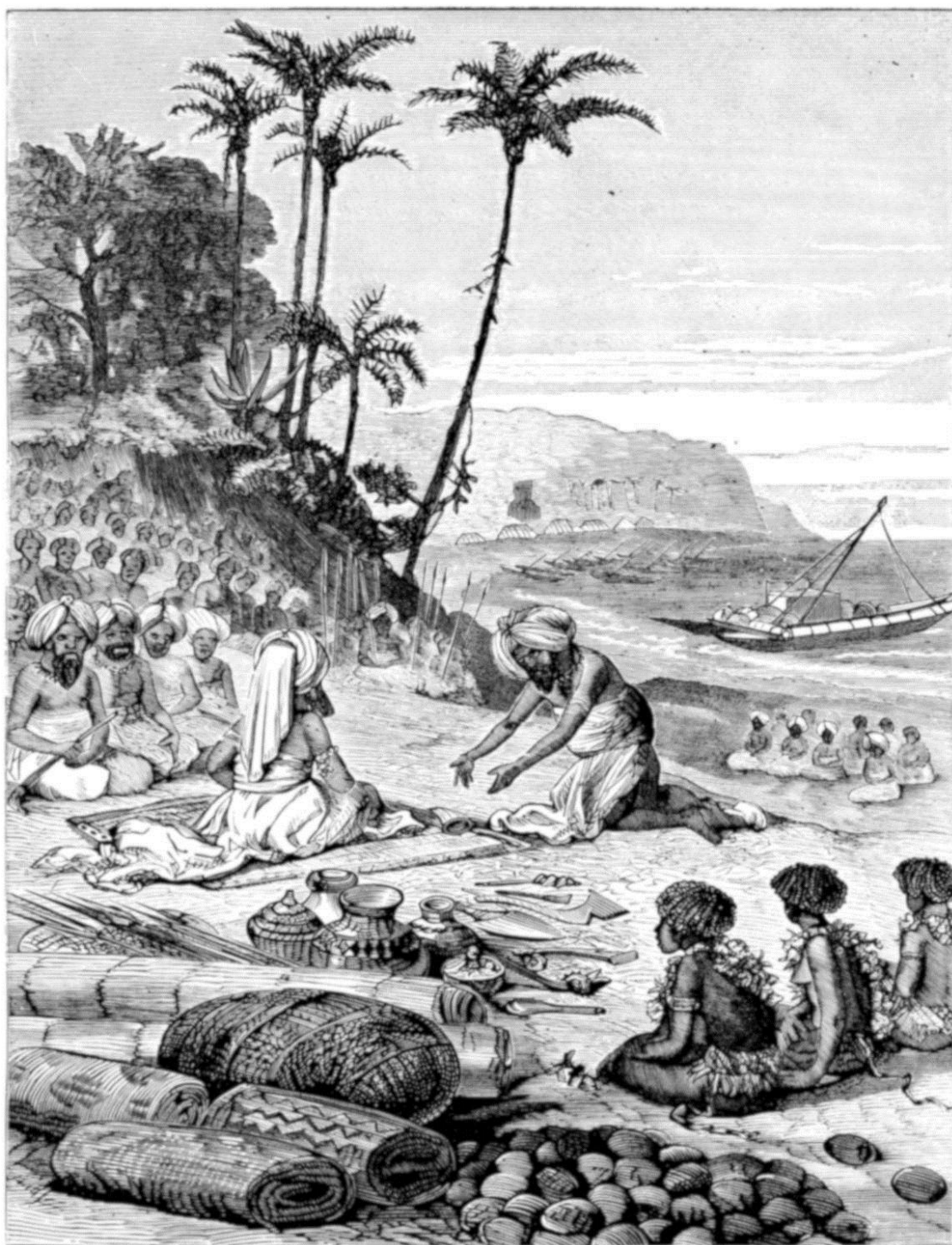
Дань выплачивается не только имуществом, но и трудом, причем те, кто сопровождает вождя-налогоплательщика, должны отдавать свой труд в течение нескольких недель. Они

работают на полях, строят дома, помогают в строительстве каноэ, отправляются на рыбалку, а по истечении оговоренного срока получают подарок и возвращаются в свои дома.

Если королю взбредет в голову самому отправиться за налогами, его визит станет ужасно обременительным для тех, кого он почтил своим присутствием. Его сопровождают двадцать или тридцать каноэ, на которых работает около тысячи человек, и всех этих людей должен развлекать вождь, которого он посещает. Правда, по завершении визита он всегда делает подарок, но этот подарок совершенно недостаточен для того, чтобы покрыть расходы на его развлечения.

Вопрос о владении землей на Фиджи почти такой же сложный, как и в Новой Зеландии. Он достаточно сложен при обсуждении между туземцами, но когда дело осложняется ссорой между туземцами и колонистами, он становится настоящим яблоком раздора. Ни одна из сторон не может понять другую. Европейский колонист, покупающий землю у туземного вождя, приобретает, согласно его представлениям, полную собственность на землю и контроль над ней. Туземец, который ее продает, никогда не задумывался о таком понятии, как полное отчуждение земли, и, как следствие, если покупателю случится оставить какую-то часть земли незанятой, туземцы построят на ней свои дома и будут обрабатывать ее, как и прежде. Затем, когда со временем собственник захочет использовать свою землю в собственных целях, туземцы отказываются выселяться, и возникает ссора.

Доктор Притчард очень хорошо описал ситуацию: "Каждый дюйм земли на Фиджи имеет своего владельца. Каждый участок земли имеет свое название, а границы определены и хорошо известны. Право собственности принадлежит семьям, главы которых являются представителями титула. Каждый член семьи может пользоваться землей, принадлежащей семье. Таким образом, главы семей являются номинальными владельцами, а вся семья - фактическими. Семейная земля содержит всю семью, а ее члены содержат главу семьи.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАНОЭ.
(См. [стр. 936.](#))

"Вождь владеет своими землями точно так же, как глава семьи, и его *личные* права распространяются только на землю, принадлежащую его семье, в которой каждый член семьи имеет право на любую часть земли. Но вождь также является главой своего племени, и в этом качестве ему принадлежат определенные права на все земли племени. Племя - это семья, а вождь - глава семьи.

"Семьи племени содержат вождя. На войне они предоставляют ему свои услуги и следуют за ним в бой. В мирное время они снабжают его пищей. Таким образом, все племя приобретает

определенный коллективный интерес ко всем землям, принадлежащим каждой семье; и каждый отчуждаемый участок земли является источником, из которого черпается коллективная племенная поддержка вождя". Из этого сложного порядка владения землей ясно, что отчуждение земли, какой бы большой или малой она ни была, может быть признано действительным только коллективным актом всего племени в лице правящего вождя и глав семей. Случайные и необдуманные сделки с землей в таких обстоятельствах были бы просто очередным захватом виноградника Навуфея, за который неизбежно пришлось бы заплатить цену крови".

Еще одна причина непонимания кроется в особой привязанности фиджийцев к почве. Когда он продает участок земли, между покупателем и продавцом существует договоренность, что последний имеет исключительное право работать на земле, что никто, кроме него, не может обрабатывать землю или строить на ней дома. Белые поселенцы, которые понимают обычаи туземцев, приняли это условие и считают, что оно вполне приемлемо. Те, кто не знаком с представлениями туземцев, часто жестоко страдали от своего невежества, а когда они приводили бригаду своих рабочих, чтобы построить дом на только что приобретенной земле, то были справедливо изгнаны вооруженными отрядами туземцев.

Мистер Притчард рассказывает забавный анекдот, иллюстрирующий действие этого принципа. Один миссионер купил землю в соответствии со сводом законов, согласованных между туземными вождями и колонистами; все туземцы, принадлежавшие к семье, были проконсультированы и согласились на покупку. Разумеется, они ожидали, что работа по расчистке земли и строительству дома будет возложена на них. Не зная об этом обычае, покупатель взял несколько своих людей, но тут же был окружен толпой вооруженных дикарей, которые размахивали своими дубинами и копьями и так напугали его, что он отступил к своей лодке и скрылся. Когда он был уже далеко, все, у кого были мушкеты, выстрелили в сторону лодки, как бы показывая, что их намерение было не убить, а просто запугать.

Из вышеприведенных отрывков видно, что все правительство Фиджи повторяет один принцип, а именно принцип семьи. Глава семьи является номинальным владельцем земли. Все члены семьи пользуются землей и содержат своего главу в качестве платы за пользование землей. Районы снова рассматриваются как семьи, вождь является главой и поддерживается районом. Король, опять же, считается отцом всех вождей и номинальным владельцем всей земли в своих владениях, и поэтому он имеет право на поддержку за счет налогообложения, которое было описано. На практике, однако, он имеет не больше прав на землю, чем любой другой глава семьи.

Из предыдущих замечаний читатель может понять, что на островах Фиджи преобладает определенный кодекс этикета. Действительно, нет ни одной части света, где этикет соблюдался бы в большей степени или где он был бы более тесно переплетен с каждым действием обычной жизни. Если, например, один человек встречает другого на тропинке, и у обоих, как обычно, клюшки на плече, то, приблизившись друг к другу, они опускают клюшки на колени в знак того, что примирились, и проходят дальше. Сохранение булавы на плече было бы равносильно вызову на бой.

Главной особенностью этого этикета является почитание вождя, которое доведено до такой степени, что в бою вождь иногда выходит невредимым только потому, что его противники были настолько потрясены его рангом, что не осмелились нанести ему удар. Каждый начальник, таким образом, становится главным по отношению к своим подчиненным и ожидает соответствующих признаний ранга.

Это необычайное почтение дошло до того, что был изобретен язык этикета: никто из людей, претендующих на хорошее воспитание, не говорит на обычном языке о вожде, о голове или конечностях вождя, о его одежде или вообще о любом действии, совершаемом вождем, а использует парафрастическую и гиперболическую фразеологию, от которой наш собственный придворный язык - лишь слабая тень. Тама, о котором уже говорилось, является правом вождя, и поэтому произносится людьми низшего ранга не только при встрече с самим вождем, но и когда они приближаются на определенное расстояние к его деревне. Этот церемониальный кодекс настолько продуман, что, как бы ни было невежливо опускаться тама, когда это положено, вдвойне невежливо произносить его в тех случаях, когда это не положено. Например, тама не используется конце дня или когда вождь делает парус или наблюдает за работой мастера; если бы тама была произнесена по такому случаю, это было бы воспринято как оскорбление.

Проход мимо начальника не с той стороны и проплывание мимо его каноэ со стороны аутригера рассматриваются как неуклюжие манеры, а проход *позади* вождя является настолько смертельным оскорблением, что человек, осмелившийся совершить такой поступок, рискует получить выбитые мозги на месте или, если он богатый человек, должен будет заплатить очень большой штраф, или "соро", в качестве компенсации. Причина этого правила достаточно очевидна. Фиджийцы склонны к вероломству, и когда они нападают на другого, всегда стараются застать его врасплох и, если возможно, обокрасть его сзади. Поэтому существует правило, согласно которому любой, кто проходит позади начальника, рассматривается как замышляющий убийство и подлежит соответствующему наказанию.

Если человек встречает вождя, низший отходит с дороги, кладет свою дубину на землю и сидит согнувшись, пока великий человек не пройдет мимо. Если же эти два человека примерно равного ранга, то низший просто стоит в стороне, слегка наклонив туловище, и потирает левой рукой правую, либо хватается за бороду и не сводит глаз с земли.

Передача чего-либо вождю, прикосновение к нему, к его одежде или к чему-либо над его головой, получение чего-либо от него или выслушивание от него милостивого послания сопровождается легким хлопаньем в ладоши. Стоять в присутствии вождя не разрешается. Любой, кто обращается к нему, должен преклонить колени, а если он передвигается, то должен делать это на коленях или, по крайней мере, приседая.

В некоторых случаях правила этикета доводятся до крайности, которая кажется нам крайне нелепой. Если начальник падает или каким-либо другим способом заставляет себя выглядеть неловко, все его подчиненные, которые присутствуют при этом, немедленно делают то же самое и ожидают плату в качестве признания своей вежливости.

Мистер Уильямс рассказывает забавный анекдот об этой ветви этикета, которая называется *bale-muri* (произносится как *bahleh-moo-ree*), *то есть* следовать, падая. "Однажды я подошел к длинному мосту из одного дерева какао-ореха, перекинутому через быстрый поток, противоположный берег которого был на два-три фута ниже, так что склон был слишком крут, чтобы быть удобным. К тому же жердь была мокрой и скользкой, и поэтому безопасность моей переправы была весьма сомнительной.

Как раз когда я приступил к эксперименту, один язычник с большим воодушевлением сказал: "Сегодня у меня будет мушкет". Однако в тот момент я больше прислушивался к своим шагам, чем к его словам, и поэтому мне удалось благополучно перебраться на другой берег. Когда я спросил его, почему он говорит о мушкете, тот ответил: "Я был уверен, что вы упадете, пытаясь перебраться, и я упал бы вслед за вами (то есть оказался бы таким же неуклюжим); а поскольку мост высокий, вода быстрая, а вы джентльмен, вам бы и в голову не

пришло дать мне меньше, чем мушкет". Каким бы смешным ни казался этот обычай, в его основе лежит истинное чувство вежливости, желание пощадить чувства других.

Когда один высокопоставленный человек наносит визит другому, в обычном порядке совершается ряд церемоний. Если визит наносится на каноэ, как это чаще всего бывает, за несколько дней до него посылаются глашатай, чтобы предупредить о своем приезде и не застать хозяина врасплох. Как только каноэ появляется в поле зрения, глашатай отправляется узнать имя и ранг гостя, которого на берегу встречает депутация мелких вождей во главе с одним из матасов, или помощников командира. Если гость - персона очень высокого ранга, матасы отправляются за десять миль, чтобы встретить его.

Как только гость и его свита достигают дома своего гостя, они рассаживаются, а хозяин, нежно хлопнув в ладоши в знак приветствия, приветствует их в установленной форме, например, "Пришел с миром вождь из Мбау" или "Сомо-сомо", в зависимости от ситуации.

Обе стороны делают ряд аналогичных замечаний, суть которых сводится к тому, что фиджийское ораторское искусство - это самое сухое и скучное выступление, всегда разбитое на короткие предложения, без видимой связи между ними, и еще более затрудненное вежливостью, которую приходится принимать оратору. Самый лучший оратор в мире не сможет произнести эффективную речь, если ему придется говорить ее в коленопреклоненной позе, с наклоненным вперед телом, руками, держащими бороду, и глазами, устремленными в землю. В некоторых районах Фиджи этикет требует, чтобы оратор стоял спиной к вождю, к которому он обращается. Никто не берет на себя труд выслушать эти речи, да и не ожидается, что это произойдет: вожди часто говорят о безразличных вещах, пока репетируется нужное количество речей.

Церемонии проводов столь же длинны, столь же замысловаты и столь же утомительны; а когда речи закончены, два великих человека приветствуют друг друга по моде своей страны, прижимаясь друг к другу и громко вдыхая воздух, как бы обняв друг друга. Вождь низшего ранга приветствует руку своего начальника, а не его лицо.

Когда гости отправляются в обратный путь, хозяин сопровождает их на протяжении части пути, расстояние регулируется их рангом. Если они приехали по морю, то по этикету хозяин должен подняться на борт вместе с несколькими своими главными людьми и сопровождать гостей до определенного расстояния от суши, когда все они прыгают в море и выплывают на берег.

Как и во всех странах, будь то дикие или цивилизованные, кодекс этикета жестко соблюдается во время трапезы. Даже самый большой вождь, если он присутствует на банкете, ведет себя так же почтительно, как и самый простой человек. Хотя он может находиться в своих владениях и иметь абсолютную власть над всеми мужчинами и женщинами в пределах видимости, он не осмелится попробовать ни кусочка еды, пока ее не предложат ему. Много лет назад один вождь поступил именно так, и в результате фиджийцы с тех пор ненавидят само его имя.

Подобные действия настолько сильно нарушали бы нравы, что жизнь нарушителя была бы под угрозой. Однажды это действительно стоило вождю жизни. Он по неосторожности съел кусок ореха какао, который ему не предложили, и это оскорбление так задело одного из его офицеров, который присутствовал при этом, что он убежал от своего вождя и присоединился к другому, который вел с ним войну. Произошла битва, обиженный вождь был разбит и бежал, спасая свою жизнь, когда встретил оскорбленного офицера и попросил его о помощи. Тот был склонен оказать ее, но оскорбление не могло быть забыто, и поэтому,

извинившись за долг, который он был призван выполнить, он выбил дубиной мозги своему бывшему хозяину.

Еще более удивительный случай проявления этого чувства приводит мистер Уильямс. Молодой вождь и его тесть собирались вместе пообедать, и для каждого была приготовлена печеная гуана. Гуана - это ящерица с длинным и тонким хвостом. Проходя мимо гуаны своего родственника, молодой человек случайно отломил конец ее хвоста, который обязательно должен был стать хрупким при приготовлении. Это было расценено как столь грубое оскорбление, что обидчик поплатился за него жизнью.

Этикет проявляется в полной мере, когда король или главный вождь устраивает большой банкет. Как и у новозеландцев, такой пир задумывается за много месяцев до него; специально для него высаживаются овощи, и никому не разрешается убивать свиней или собирать фрукты, чтобы не было достаточного количества провизии.

Непосредственно перед днем праздника начинаются последние приготовления. Послания рассылаются во все соседние племена, точнее, вождям, которые передают их людям. Ловцы черепах стараются привести в порядок свои сети и каноэ и, как только они готовы, выходят в море. Ямс и другие корнеплоды выкапывают, делают печи, а топливо измельчают и доводят до готовности.

Эти печи огромных размеров, ведь в каждой из них можно приготовить несколько свиней, черепах и огромное количество овощей. При всем нашем мастерстве в приготовлении пищи можно усомниться, что фиджийцы не превзойдут нас в искусстве приготовления большого количества мяса за один раз. Печи - это просто вырытые в земле ямы, около десяти футов в глубину и пятнадцать футов в диаметре.

Способ приготовления очень прост. На дне ямы разводят небольшой костер, который затем заполняют дровами, и как только дрова основательно разгорятся, на них кладут большие камни. Когда дрова прогорят, свиней, черепах и овощи кладут на раскаленные камни, часть из которых вводят внутрь каждого животного, чтобы оно лучше прожарилось. Затем печь засыпают ветками и зелеными листьями, а на листья кладут толстый слой земли. Печь сама регулирует время приготовления, ведь как только пар поднимается через земляной покров, содержимое печи считается приготовленным.

В течение двух-трех дней, предшествующих празднику, все люди полны активности. Они гордятся щедростью своего вождя, и каждый приносит столько свиней, ямса, черепах и других видов еды, сколько ему удастся собрать. Король сам руководит делами, а его приказы доносят до людей его матас, или помощники по лагерю. День и ночь идут приготовления, свиньи визжат, когда их гонят перед тем, как убить, мужчины усердно работают, копая печи, одни разгребают землю длинными заостренными палками, другие уносят разрыхленную землю в корзинах, а пламя, вырывающееся из готовых печей, позволяет рабочим продолжать работу всю ночь.

В таких случаях фиджийцы отказываются от привычного отношения к приготовлению пищи. На Фиджи, как и в Новой Зеландии, готовка презирается, а слово "повар" используется как термин упрека и насмешки. Вследствие этого все приготовления выполняют рабы. Но накануне большого праздника это чувство отменяется, и каждый человек помогает готовить еду. Даже сам царь участвует в заправке печей топливом, расстановке свиней, перемешивании содержимого кастрюль и других работах, которые на следующий день никто, кроме раба, не выполнит.

К моменту завершения приготовления пищи различные племена собираются вместе, после чего печи открывают и вынимают еду. Затем ее раскладывают по отдельным кучкам, на землю кладут слой листьев какао-ореха. На листья кладут слой орехов какао, затем ямс и картофель, потом пудинги, а сверху - несколько свиней. Количество собранной таким образом провизии огромно. Мистер Уильямс упоминает, что на одном празднике, на котором он присутствовал, двести человек почти шесть часов занимались укладкой еды. Всего было шесть куч, и среди их содержимого было около пятидесяти тонн вареного батата и картофеля, пятнадцать тонн пудинга, семьдесят черепах и около двухсот тонн невареного батата. Один пудинг имел двадцать один фут в окружности.

В таких случаях правилом является изобилие, и чем больше еды приносит вождь, тем больше почестей он получает. Один вождь получил почетное имя Высокий Свинопас, потому что однажды он предоставил такое огромное количество еды, что не успела она закончиться, как в свинине началось разложение.

Все устроено, теперь начинается распределение, которое проходит с той точностью этикета, которая пронизывает все общество на Фиджи. Различные племена и их вожди рассаживаются, Туи-рара, или церемониймейстер, приказывает разделить еду на столько порций, сколько племен, регулируя количество в зависимости от важности племени. Затем он последовательно берет племена и называет их имена. Когда он называет каждое племя, люди благодарят его, и несколько молодых людей отправляются за едой. Так продолжается до тех пор, пока вся еда не будет роздана, после чего происходит дальнейшее распределение между племенами, причем сначала каждая деревня получает свою долю, а затем каждая семья - свою, которая передается ее главе.

Очевидно, что у туи-рара нет никакой синекуры. Он должен обладать самыми глубокими знаниями обо всех племенах, о рангах их вождей и в то же время быть начеку, чтобы отличить любого чужака, который может появиться. Если это иностранец, он считается вождем, и ему посылается порция вождя, *то есть* количество, достаточное для двадцати фиджийцев или шестидесяти англичан. Конечно, большую часть он отдает, но при этом выполняет роль вождя. Это, по сути, старая история о каше Бенджамина, переведенная на фиджийский язык.

Мужчины всегда едят свою пищу под открытым небом, а женские порции отправляют в дома, чтобы их съели за дверью.

Первая иллюстрация на следующей странице дает представление о фиджийском пире.

Слева изображен церемониймейстер, называющий название племени, а в центре - молодые люди, бегущие за едой. На переднем плане - порция их племени, состоящая из свиней, ямса, черепах и так далее. Перед ними - диковинные барабаны, о которых мы сейчас расскажем, а вдалеке видны члены разных племен, одни едят, другие ждут своей порции. Любопытное здание на заднем плане - это один из буре, или храмов, которые будут описаны ниже.

Из предыдущего описания видно, что фиджийцы - неплохие кулинары, и количество блюд, которые они готовят, отнюдь не мало. Разнообразие блюд, однако, гораздо больше, чем было упомянуто. Они едят множество видов рыб, а также почти всех живых существ, которых находят в коралловых рифах. Некоторые из их блюд очень напоминают те, к которым мы привыкли в Англии. Например, сэндвич с креветками делается путем помещения слоя креветок между двумя листьями таро. Известно несколько видов хлеба и около тридцати видов пудингов. Большой популярностью пользуется черепаховый суп, а также различные другие супы.

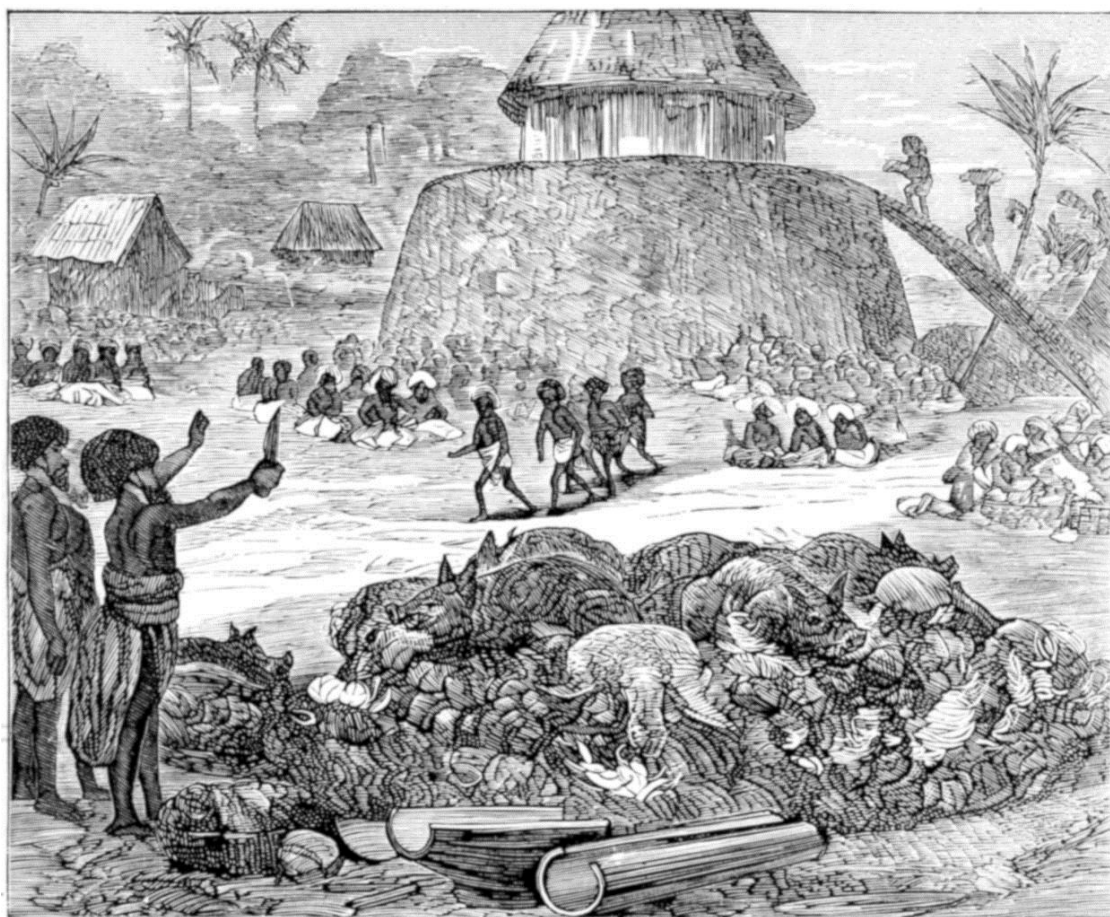
Фиджийцы даже готовят соусы для употребления с различными видами пищи, для чего часто используют сладкий сок сахарного тростника. У них также есть своего рода имитация чая: они настаивают различные листья и травы в кипящей воде и пьют ее, когда она достаточно остынет. Большая часть их пищи приготовлена, но, как и мы, они предпочитают некоторые продукты в неприготовленном виде. Например, мелкую рыбу они едят живой, так же как мы едим устриц.

Пьют они в основном воду или молоко ореха какао. Пить воду на туземный манер не очень просто. Они держат ее в длинных бамбуковых трубках, так что, когда ее подносят к губам, требуется величайшая осторожность, чтобы она внезапно не залила лицо и тело.

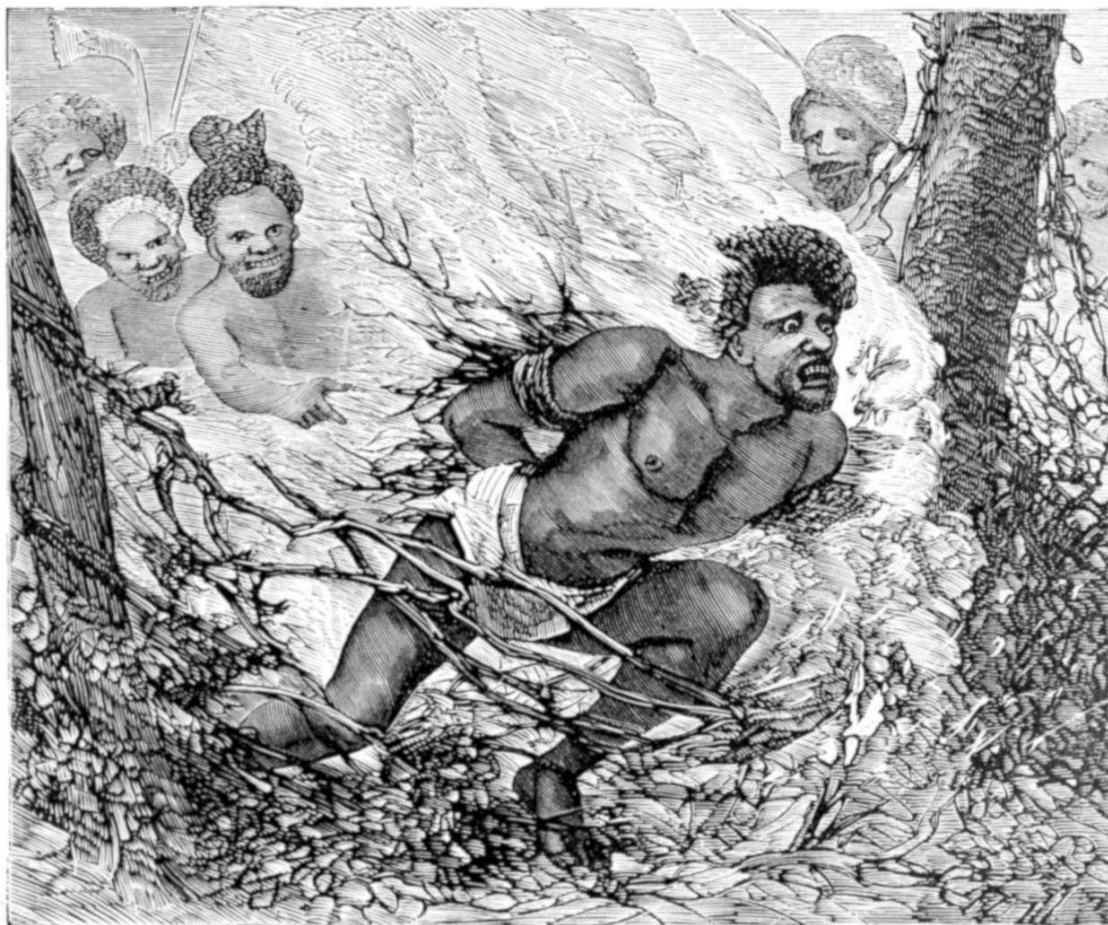
Какао-орехи открывают довольно любопытным способом. Крепкая палка затачивается с обоих концов, а один конец крепко вбивается в землю. Взяв орех в обе руки, туземец бьет им по палке, которая расщепляет толстую шелуху и позволяет извлечь орех. С помощью камня или даже другого ореха какао, если камня нет под рукой, туземец ударяет молотком по заостренному концу и сбивает маленькую круглую крышку, которую затем снимает, оставляя в руке натуральную чашку для питья.

Теперь мы переходим к ужасной теме каннибализма, о которой не стоит говорить больше, чем необходимо для иллюстрации характера народа.

Фиджийцы еще более привержены каннибализму, чем новозеландцы, и их рекорды еще более ужасающи. У новозеландца иногда хватает благородства стыдиться упоминания этой темы в разговоре с европейцем, тогда как фиджийца невозможно заставить по-настоящему почувствовать, что, поедая человеческую плоть, он совершает недостойный поступок. Он, конечно, видит, что белые люди с отвращением относятся к каннибализму, но в душе он презирает их за то, что они тратят такую роскошную пищу, как человеческая плоть.

(1.) ФИДЖИЙСКИЙ ПИР.
(См. [стр. 942.](#))

(2.) СУДЬБА ХВАСТУНА.

(См. [стр. 952.](#))

Даже за христианизированными туземцами приходится внимательно следить, чтобы они не поддались искушению старых привычек и не вернулись к обычаям, от которых обещали отказаться. Например, Тхакомбау, король Мбау, стал христианином или, по крайней мере, притворился таковым. Он не был особенно достойным новообращенным. Через некоторое время после того, как он объявил себя христианином, он отправился на своем военном каноэ в один из подвластных ему районов. Его приняли с ужасающе варварской церемонией, с которой чествуют очень великого вождя: перед ним трубили в трубы из раковины конча, а люди кричали приветственные песни. В таком сопровождении он прошел через двойной ряд живых жертв - мужчин, женщин и детей всех возрастов, - подвешенных за ноги и поставленных здесь, чтобы король мог сделать свой выбор. Новообращенный с радостью принял подношение, касаясь своей дубинкой по мере того, как он проходил мимо тех жертв, которые казались ему наиболее вкусными.

Туземцы достаточно ловко скрывают существование каннибализма, когда обнаруживают, что он шокирует белых людей. Один европейский хлопковод, безуспешно пытавшийся внедрить культуру хлопка на Фиджи, после довольно долгого проживания обнаружил, что еженедельно здесь убивают и съедают четыре или пять человеческих существ. Еды здесь было много, свиньи были многочисленны, а рыба, фрукты и овощи - в изобилии. Но люди ели человеческие тела так часто, как только могли их достать, не из каких-то суеверных побуждений, а просто потому, что предпочитали человеческую плоть свинине.

Многие гордились количеством съеденных человеческих тел. На одного вождя смотрели с большим уважением из-за его подвигов каннибализма, и люди дали ему почетный титул. Они называли его Черепашьим прудом, сравнивая его ненасытный желудок с прудом, в котором держат черепахи; и они так гордились его деяниями, что даже дали почетное имя телам, принесенным ему на съедение, назвав их "Содержимым Черепашьего пруда". Этот человек привык сам съедать человеческое тело, не позволяя никому разделить его с ним. Когда его семья выросла, он придумал регистрировать свои нечестивые трапезы, кладя камень на землю сразу после того, как покончит с телом. Его сын показал эти камни одному английскому священнику, тот пересчитал их и обнаружил, что их почти девятьсот.

Один человек приобрел большую известность среди своего народа благодаря необычному зверскому поступку. Он велел своей жене построить печь, наколоть дров для ее растопки и приготовить бамбуковый нож. Как только она закончила свою работу, муж убил ее, запек в печи, которую она приготовила своими руками, а затем съел. Известны случаи, когда мужчина брал жертву, связывал ее по рукам и ногам, отрезал куски от рук и ног и съедал их у него на глазах. Действительно, фиджийцы настолько неумеренно тщеславны, что готовы на все, даже на самые ужасные поступки, лишь бы завоевать имя среди своего народа; и доктор Притчард, который знает их досконально, выражает удивление, что какой-нибудь вождь не съел кусочки от своих собственных конечностей.

Каннибализм укоренился в самой природе фиджийца и распространяется на все классы общества. Правда, есть люди, которые никогда не ели плоти, но на это всегда есть причина. Женщинам, например, редко разрешают есть "баколо", как называют человеческую плоть, и есть несколько мужчин, которые воздерживаются от каннибализма из-за суеверия. У каждого фиджийца есть свой особый бог, который, как предполагается, обитает в каком-нибудь животном. Один бог, например, живет в крысе, как мы уже видели; другой - в акуле, и так далее. Поклонник этого бога никогда не ест животное, в котором обитает его божество; а поскольку некоторые боги, как предполагается, обитают в человеческих телах, их поклонники никогда не едят человеческую плоть.

По рассказам некоторых древних вождей, которым мы можем верить или не верить, как нам угодно, когда-то было время, когда каннибализма не существовало. Много лет назад к берегам Фиджи прибило чужаков из далекой страны, и островитяне приняли их радушно, включили в свои племена и сделали из них много. Но со временем эти люди стали слишком могущественными, убили фиджийских вождей, забрали их жен и имущество и узурпировали их власть.

В такой ситуации люди обратились к священникам, которые сказали, что фиджийцы сами навлекли на себя беду. Они позволили чужакам жить, тогда как "Фиджи для фиджийцев" было золотым правилом, и с тех пор каждый чужак мужского пола должен был быть убит и съеден, а каждая женщина взята в жены.

Только один народ был свободен от этого закона. Тонганцев, вместо того чтобы убивать и съедать, всегда приветствовали, а их визиты поощрялись, поскольку они проплывали взад и вперед на своих каноэ и привозили с собой прекрасные циновки и другие предметы для обмена. Эти народы так сильно перемешались между собой, что на восточных островах, ближайших к Тонга, наблюдается явное смешение тонганской крови. Однако, за этим исключением, фиджийцы придерживались того же принципа, что и шекспировские эфесцы.

"Если кто сиракузянин родом

В бухту Эфеса приплывет, то умрет".

но вместо того, чтобы просто предавать смерти тех, кто прибыл из одной страны, они лишь исключили одну страну из всеобщего закона.

Читатель, возможно, помнит, что человеческое тело, используемое в пищу, вызывает определенное уважение. Образованные люди говорят о нем на придворном языке, и, вместо того чтобы использовать какой-нибудь вульгарный термин, например "человеческое тело", они используют метафорический язык и называют его "длинной свиньей". Как правило, сосуды, в которых готовится человеческая плоть, предназначены специально для этой цели, и как сосуд, в котором она готовится, так и блюдо, из которого ее едят, считаются тапу.

Так высоко почитается "баколо", что его едят не пальцами, а вилкой, и этот инструмент передается от отца к сыну, как мераи и тики у новозеландцев. Эти вилки совсем не похожи на те, что используются в Англии. В основном они имеют четыре зубца, но эти зубцы, вместо того чтобы быть расположенными в линию, обычно располагаются в виде круга или треугольника, в зависимости от обстоятельств. Их вырезают из очень твердой древесины, и, когда они становятся почтенными в силу возраста или ранга владельца, им присваивают почетные имена. Например, у вождя каннибалов, съевшего почти девятьсот человеческих тел, была вилка, которую называли "Ундро-ундро", что означает маленького человека, несущего большую ношу. Вилка была небольшим предметом, но она поднесла к губам своего хозяина тела почти девятисот человеческих существ.

Поскольку фиджийцы придают такое значение человеческой плоти, следует ожидать, что они будут придумывать различные оправдания для ее получения. Например, когда вождь строит дом, он убивает по крайней мере одну человеческую жертву, чтобы отпраздновать это событие. Если он строит большое военное каное, происходит серия жертвоприношений. Например, человека убивают, когда закладывают киль, и, если вождь очень могущественный, он убивает жертву, когда каждая доска закрепляется на своем месте. Даже после завершения строительства бойня не заканчивается, поскольку, во-первых, доски нового судна должны быть омыты человеческой кровью, а во-вторых, спуск на воду должен быть отмечен так же, как и строительство. Один вождь добился известности, связав несколько мужчин и положив их бок о бок на берегу, чтобы они служили роликами, на которых каное спускали с суши в море. Вес каное убивал мужчин, которых потом запекали и съедали.

Даже после того, как каное спущено на воду, находятся оправдания для продолжения системы человеческой резни. Всякий раз, когда оно впервые приближается к какому-либо месту, в честь снятия мачты в жертву приносят человека, чтобы показать, что судно намерено задержаться в этом месте. Если вождь прибывает на новом каное и не снимает мачту, люди понимают сигнал и приносят на борт только что закланную жертву, чтобы мачта была снята.

Однажды, когда в Сомо-Сомо было построено военное каное, миссионеры приложили столько усилий, что каное было спущено на воду без единой жертвы. Однако в конечном итоге их благонамеренное вмешательство скорее увеличило, чем уменьшило число жертв. Когда каное прибыло в Мбау, вожди были так раздосадованы тем, что оно дошло до них без человеческой крови, что сразу же напали на деревню, убили четырнадцать или пятнадцать человек и съели их, чтобы отдать дань уважения церемонии спуска мачты.

Иногда, чтобы обеспечить себе жертву на любой случай, вожди тайно отбирают определенное количество мужчин и заносят их, так сказать, в черный список. Когда нужна

жертва, палачам остается только узнать, сколько жертв требуется, и пойти и убить необходимое количество людей из черного списка.

Иногда в черный список попадают целые города, любопытный пример такого обычая приводит мистер Уильямс. "Вакамбуа, вождь Мбау, таким образом обрек Тавуа на гибель и отдал китовый зуб вождю Нггара, чтобы тот в подходящее время наказал это место. Прошли годы, и между Мбау и Тавуа наступило примирение, но, к несчастью, вождю Мбау не удалось нейтрализовать соглашение, заключенное с Нггара. Наступил день, когда понадобились человеческие тела, и мысли тех, кто держал зуб, обратились к Тавуа. Они пригласили жителей этого места к дружескому обмену едой и убили двадцать три своих ничего не подозревающих жертвы.

"Когда вероломные нгаранцы удовлетворили свой аппетит кусками плоти, отрезанными и зажаренными на месте, тела были доставлены к Вакамбуа, который был сильно удивлен, выразил сожаление, что такая резня произошла по его неосторожности, а затем разделил тела, чтобы их съели."

Фиджиец редко может устоять перед мясом, и то, что он устоит перед "баколо", от него нельзя было ожидать. В книге миссис Смайт "Десять месяцев на островах Фиджи" приводится забавный пример такого пристрастия. "Белый человек застрелил и унес свинью, принадлежавшую фиджийцу, который, будучи новообращенным, пошел к туземному учителю по имени Обадия и попросил его пойти к провинившемуся и поговорить с ним. Учитель надел свой черный плащ, отправился в дом этого человека и со всей серьезностью указал ему на беззаконие этого поступка, спросив, как бы ему понравилось, если бы фиджиец убил одну из его собственных свиней. Мужчина выслушал его с большим уважением и признал ошибочность своих действий, признав, что учитель представил этот вопрос в новом свете. Но, - сказал он, - свинья уже мертва, и мы не можем вернуть ее к жизни. Выбросим ли мы ее и пустим на ветер, или, поскольку она только что испеклась, а ты еще не завтракал, сядем за стол, и ты попросишь благословения?

"Обадия, застигнутый врасплох покаянием Кью, комплиментом, сделанным его собственным священнослужителем, и, возможно, немного поколебленный непреодолимой любовью всех фиджийцев к жареной свинине, склонил голову и с благоговением произнес длинную молитву, после чего оба с удовольствием принялись за работу над свиньей". Когда учитель отправился к миссионеру, чтобы сообщить о своих успешных трудах, он был немало удивлен тем, что его обвинили в соучастии с вором.

ГЛАВА ХСVI.

ФИДЖИ - продолжение.

ВОЙНА И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

ОРУЖИЕ ФИДЖИЙЦЕВ - ПРАЩА И СПОСОБ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ДУБИНА И ЕЕ РАЗЛИЧНЫЕ МОДИФИКАЦИИ - ПОСТЕПЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ДУБИНЫ В ВЕСЛО - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДУБИН И ПОДГОТОВКА ДЕРЕВЬЕВ - УКРАШЕНИЯ ДУБИН И ИХ НАЗВАНИЯ - ФИДЖИЙСКИЕ КОПЬЯ - ИХ УЖАСНЫЕ КОЛЮЧКИ - ПРЕДМЕТЫ ВОЙНЫ - ОБЗОР - СУДЬБА ХВАСТУНА - ХИТРОУМНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ - ЖЕСТОКОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЛЕННЫМ - "ПОСВЯЩЕНИЕ" ВОИНА, И ЕГО НОВОЕ ИМЯ - ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ - ЦЕРЕМОНИИ ПРИ РОЖДЕНИИ - ОБУЧЕНИЕ МСТИ - РАЗВЛЕЧЕНИЯ - РАЗЛИЧНЫЕ ИГРЫ - РИРИКИ - ЖЕНЩИНЫ

ПРОТИВ МУЖЧИН - ТАНЦЫ И ПЕСНИ - БРАЧНЫЕ ТОРЖЕСТВА - СВАДЬБА ДОЧЕРИ ВОЖДЯ - ДОМАШНЯЯ ДИСЦИПЛИНА - КОРОЛЕВСКИЙ ПОСОХ - ТОРЖЕСТВА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМА - СПОСОБ ЗАКОЛАЧИВАНИЯ И УКРАШЕНИЯ ДОМОВ - РОЗЫГРЫШ.

В соответствии с планом, по которому построена эта работа, военные действия фиджийцев будут описаны в том виде, в каком они были до появления огнестрельного оружия, изменившего древний стиль ведения войны.

Первоначальным оружием фиджийцев являются дубина, топор (который, кстати, является не более чем модификацией дубины), лук, праща и копье. В большинстве этих видов оружия проявляется причудливо-художественная натура изготовителей. Праща, пожалуй, единственное оружие, на котором орнамент почти полностью отсутствует. Как и соответствующее оружие жителей Новой Каледонии, она несет в себе камни небольшого веса и большой твердости, а при умелом обращении становится не менее эффективным оружием даже против огнестрельного оружия. Известны случаи, когда камень, брошенный из фиджийской пращи, приводил в негодность мушкет: камень ударялся о ствол, сгибал и вдавливал его так же сильно, как это делала бы пуля.

Главным оружием фиджийцев является дубина, на которую они тратят все имеющиеся в их распоряжении художественные силы, покрывая почти всю ее самой замысловатой и тонко выполненной резьбой. Некоторые дубины прямые, как толстые дубины, другие - изогнутые. Те, что имеют на конце набалдашник, отличаются бесконечным разнообразием, как мы сейчас увидим. Некоторые из них более или менее сплюснуты, а есть и такие плоские и широкие, что с первого взгляда нелегко определить, что это - дубина или весло. Некоторые из них настолько велики, что для их использования требуется вся сила мускулистого человека, а другие настолько коротки, что их засовывают за пояс и используют как ракеты, точно так же, как короткие набалдашники используются южноафриканцами. Фиджиец часто носит в поясе две или более таких дубинок.

Некоторые из наиболее характерных форм фиджийских булав приведены на следующей странице, все они взяты с образцов, хранящихся в моей коллекции. На рис. 1 изображена булава, которая, очевидно, произошла от сплетенной и узловатой ветки, и, сравнив несколько образцов вместе, можно легко проследить прогресс в изготовлении. Такую форму булавы можно встретить и у папуасов Новой Гвинеи, ее носят аборигены района Утаната. За исключением глубоких поперечных насечек, на ней нет никаких попыток украсить себя. Он довольно тяжелый, хотя и не очень большой, и требует двух рук для правильного обращения.

На рисунке 2 изображена одна из лопатообразных дубин, о которых только что шла речь. Толщина лезвия посередине не превышает дюйма, и оно постепенно уклоняется в обе стороны, образуя достаточно острый край. За исключением рукояти, он полностью покрыт резьбой; очень заметен зубчатый узор, характерный почти для всего искусства дикарей. Он очень тяжелый, и для европейца кажется очень неудобным инструментом, за исключением того, что широкое лезвие можно использовать в качестве щита.

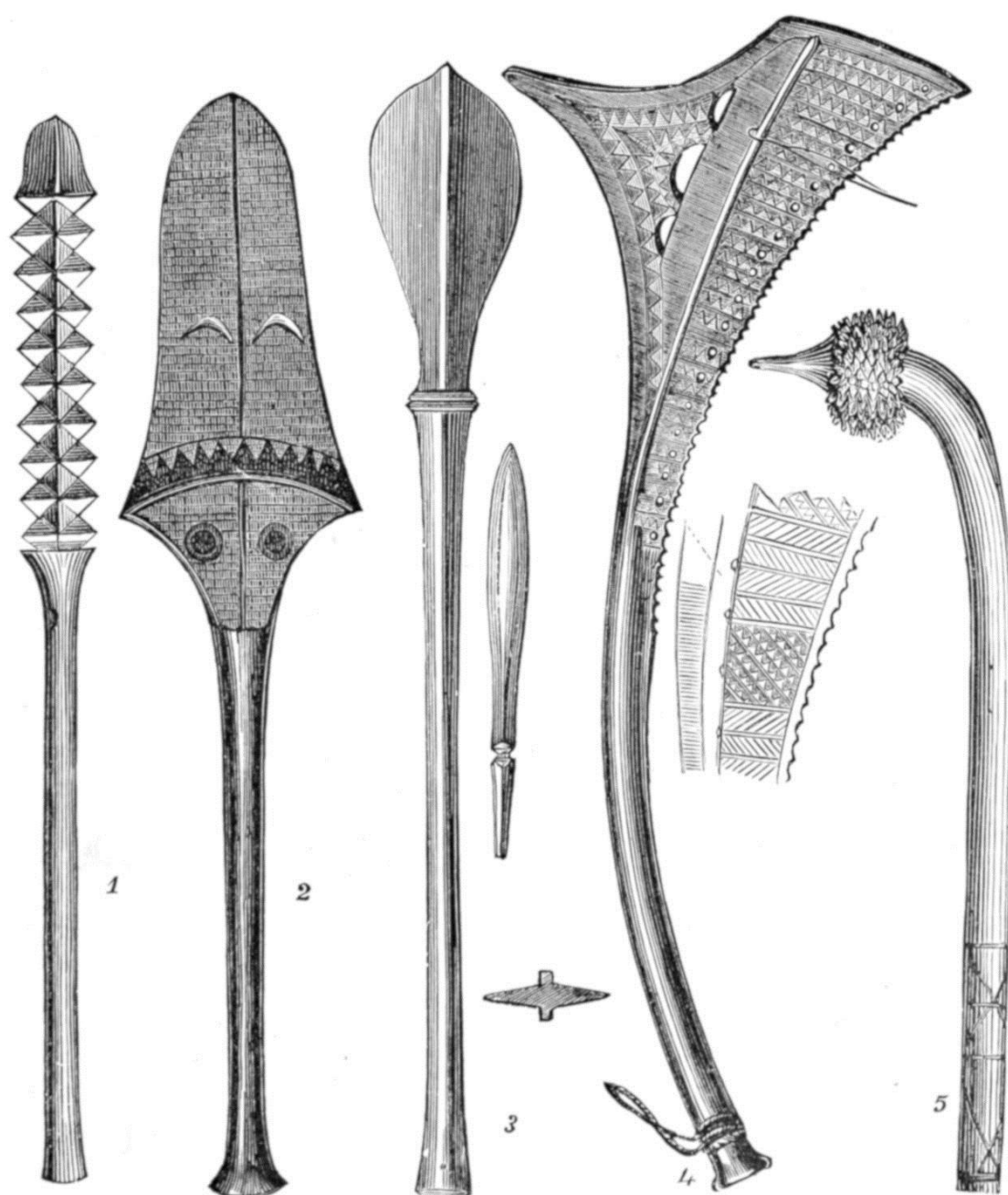
(1.) ОРАТОРСКИЙ ФЛАППЕР.
(См. [стр. 930.](#))

(2.) ИДОЛ СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВОВ.
(См. [стр. 970.](#))

(3.) СПИР.
(См. стр. 952.)

(4.) ФИДЖИЙСКИЕ КЛУБЫ.
(См. стр. 948.)

На рис. 3 представлена булава, которую можно рассматривать как некую промежуточную форму между двумя уже упомянутыми. Как и последняя, она имеет широкое лезвие, но, очевидно, является булавой, а не веслом. Лезвие усилено мощным гребнем, проходящим по центру. Чтобы показать, как оно уплощено, на рис. а показан вид сбоку нижней части, а на рис. б - поперечный разрез лезвия. Этот вид дубины модифицируется различными способами, но всегда делается по одному и тому же принципу, то есть круглая рукоять и уплощенный конец, похожий на весло, иногда почти простой, как у вышеупомянутых образцов, а иногда снабженный выступающими по бокам шипами, зубцами и шипами. В

некоторых случаях она принимает форму полумесяца и очень похожа на нож для сыра в большом увеличении.

Еще одна очень характерная форма представлена на [рис. 4](#). Как можно понять из иллюстрации, он очень тяжелый, так что даже нести его с собой довольно хлопотно. Она покрыта резьбой в самой пышной манере, и производитель придал оружию такое значение, что даже взял на себя труд придумать разные узоры для противоположных сторон.

Своеобразная форма этой булавы, очевидно, обусловлена строением ветви, из которой она была вырезана: выступающая часть является основанием другой ветви. Хотя многие экземпляры - и мой в том числе - вырезаны из большого цельного бревна, форма, очевидно, заимствована из соединения двух ветвей. Край булавы изрезан небольшими зубцами, а внутри края находится ряд круглых отверстий, расположенных в одну линию. Вдоль головки булавы проходит довольно смелый гребень, повторяющий ее изгиб, и через этот гребень также просверлено несколько отверстий, очевидно, для крепления пучков перьев или других украшений к оружию.

Однако наиболее характерной для Фиджи является булава, пример которой приведен на [рис. 5](#). Она сделана из ствола и части корня молодого дерева. В этой части света есть некоторые деревья, которые растут таким образом, что кажутся нам очень необычными. Как и многие другие деревья, оно пускает корень глубоко в землю, а далее его поддерживает множество более мелких корней, которые расходятся от него во все стороны и удерживают его в вертикальном положении, подобно тому как мачта держится на такелаже.

Пока дерево совсем молодое, оно тянется вниз почти горизонтально и фиксируется в этом положении, чтобы быть согнутым почти под прямым углом к земле. Когда дерево вырастает до толщины запястья, верхушку отрезают, а корни выкапывают из земли. Затем корень счищают до острия, а все более мелкие корни отрезают на расстоянии полутора дюймов от корня, чтобы образовалась лучистая масса шипов, которые затачивают и таким образом придают им вид, показанный на [рисунке](#).

Такая дубина - очень ценное оружие, и при ее изготовлении соблюдается величайшая осторожность. Шип на конце зачищают и округляют, пока он не приобретет идеально правильную форму, а затем полируют, пока он не заблестит, как хорошо отшлифованный кусок красного дерева. Каждый из излучающих шипов обрезается с особой тщательностью, так что, в каком бы направлении ни смотрели на оружие, все они излучают с точной правильностью.

Рукоятка полируется так же тщательно, как и нижний шип, и в большинстве случаев украшается искусно вырезанными узорами. Во многих булавах она полностью покрыта черно-белым синнетом, изготовленным специально для этой цели, и заплетена в такие же сложные узоры, как и те, что вырезаны. Некоторые из лучших булав еще более украшены алыми перьями, вплетенными в синнет. Украшения булав почти не имеют границ, многие из них инкрустированы раковинами, клыками свиней, зубами китов, или даже зубами людей. Этими последними украшениями украшены, в основном, ручки маленьких ракетных булав.

Помимо этого, существует бесконечное разнообразие форм: одни булавы в точности напоминают стальные булавы времен рыцарства, другие сначала квадратные, а затем пирамидальные, третьи похожи на огромные грибы. Рукоятки некоторых из них полностью покрыты плетением, но, как правило, это высокодекоративное оружие предназначено не для использования, а для демонстрации, как придворный меч в наши дни.

Некоторые названия, данные этим булавам, наводят на размышления. Например, одна называлась "Плач побуждает меня к действию", другие - "Рассеиватель", "Разбиватель" и так далее. Те из них, которые принадлежат известным вождям или выдающимся воинам, используются так же, как карты между собой. Если, например, великий вождь хочет нанести визит, он посылает свою булаву в знак того, что хозяин последует за ним. Или, если один вождь просит другого о помощи в войне, обычным способом показать, что просьба принята благосклонно, является отправка булавы послом, принесшим послание.

Разнообразие копий столь же велико, как и булав. Копья почти неизменно имеют большую длину, некоторые достигают четырнадцати или пятнадцати футов в длину. Они изготавливаются из твердой древесины и почти всегда вооружены рядом колючек. В изготовлении и расположении колючек фиджийцы проявляют удивительную изобретательность. Чаще всего они делаются не из того же куска дерева, что и само копье, но во многих видах оружия они сделаны из других материалов. Острая хвостовая кость ската является излюбленным материалом как для острия, так и для колючек копья, вероятно, потому, что она очень твердая и настолько хрупкая, что почти наверняка отломится в ране. Другие колючки делаются из дерева, которое имеет свойство разбухать при увлажнении и лопаться в ране, так что его с трудом можно извлечь. Такие копья называются очень зловеще: "Священник опоздал". Некоторые копья не только вырезаны в виде различных узоров, но и имеют головки, вырезанные в виде смелого открытого узора, который имеет очень элегантный вид, хотя и сильно снижает прочность оружия. Одно из обычных фиджийских копий показано на странице 949 и взято из образцов моей коллекции, в которой есть несколько других, но все они схожи по характеру.

Многие виды оружия имеют более одного острия. В образцах, которые есть у меня, острия имеют длину более ярда и сделаны из отдельных кусков дерева, хитроумно вделанных в древко копья и удерживаемых на своем месте при помощи плетения из синнета. В моем экземпляре производитель так расточительно отнесся к своему труду, что не только сплел синнет в изящные узоры, но и продолжил их по всему древку, покрыв его некой смесью зигзагообразных и зубчатых узоров. Есть также копья с несколькими остриями, каждое из которых имеет колючки или глубокие зазубрины на внутреннем наконечнике. Они предназначены не для войны, а для рыбалки. Что касается войны, в которой используется это оружие, то она вряд ли заслуживает такого названия.

Когда два вождя решают начать войну, между ними проходят гонцы, и обе стороны набирают рекрутов для своих армий и приносят дары богам. Зубы китов и пища составляют основную часть этих подношений, причем последняя часто дарится в огромных количествах. Независимые вожди часто пользуются войной, чтобы увеличить свои владения. Например, такой вождь, хотя обе стороны призывают его присоединиться к ним, медлит и оттягивает время. Тогда одна сторона посылает ему взятку, и как только другая сторона узнает об этом, она посылает еще большую взятку, чтобы "отжать" прежний подарок. В результате получатель обычно оставляет обе взятки себе и в конце концов отказывается воевать на чьей-либо стороне.

Силы собираются с помощью серии смотров, проводимых по мере продвижения армии. Эти смотры составляют большую прелесть войны, так как на них можно хвастаться чем угодно, не ни малейшего риска. Каждый воин подбегает к главному вождю, бряцает оружием и хвастается великими делами, которые он собирается совершить; все воины одеты в самое лучшее, их тела покрыты черной пудрой, чтобы контрастировать с белоснежными маси, а лица раскрашены так, как не может раскрасить их никто, кроме фиджийца, чтобы выглядеть как можно более воинственно.

Вождь часто высмеивает притязания этих людей, намекая, что они скорее готовы убежать, чем сражаться; но это делается лишь для того, чтобы побудить их проявить свою храбрость, а тем, кто отличится в бою, обещаны большие подарки.

Иногда воин, увлекшись азартом момента, хвастается, что убьет вражеского вождя, съест его плоть и сделает из его черепа чашу для питья. Как правило, это очень глупое решение. Вождь, которому угрожает опасность, обязательно узнает об этом и пообещает большую награду, если хвастун будет взят живым.

Если он попадает в плен, его судьба определена. Его руки связывают за спиной, а через плечи крепко привязывают большой пучок сушеных листьев какао-ореха, выступающий на несколько футов в обе стороны. Затем концы листьев поджигают, и беднягу оставляют умирать, а зрители смеются и издеваются над ним, пока он бежит, обезумев от мучений. Это наказание называется именем, означающим перенос топлива. Художник изобразил [на нижней гравюре](#), на 943-й странице, эту страшную судьбу хвастуна.

Сторона, подвергшаяся нападению, обычно удаляется в туземный форт, конструкция которого часто демонстрирует большое инженерное мастерство. Фиджийцы умеют выбрать труднодоступное место и укрепить его таким образом, чтобы два-три человека могли удержать его против тысячи. Мистер Уильямс посетил один из таких фортов и обнаружил, что даже в мирное время подход к нему был небезопасен. Единственный путь к форту вел через густую и запутанную растительность и заканчивался на краю обрыва. Вход в форт находился на краю обрыва, в нескольких ярдах от конца тропы, и добраться до него можно было только ползком по перпендикулярной скале, проделав в ней небольшие отверстия, в которые можно было просунуть пальцы рук и ног.

Когда туземцы не могут найти место с такой естественной прочностью, они защищают вход с помощью ряда ворот с траверсами между ними, так что враги, захватившие первые ворота, должны были пройти некоторое расстояние по узкому проходу, пронизанному бойницами, через которые можно было вонзить копья и пустить стрелы. Даже если им удавалось миновать вторые ворота, нужно было пройти аналогичный путь, прежде чем они могли добраться до третьих. Для внешней обороны этих крепостей очень востребованы колючие деревья: голые туземцы очень боятся колючих стен, которые с каждым годом становятся все плотнее и менее проницаемыми.

Зная о силе крепостей, туземцы не заботятся об их штурме и, продвигаясь к стенам, пользуются любым укрытием. Затем они кричат и выкрикивают насмешки в адрес врага, призывая его выйти и сразиться. Иногда на вызов отвечают, и из форта выходит воинов, каждый из которых выбирает себе противника; чаще, однако, как только осаждающие видят ответ на свой вызов, они убегают так быстро, как только могут: фиджийцам больше нравится подкрадываться к врагу сзади и бить его по голове исподтишка, чем противостоять ему в открытом бою.

Если форт взят, то резня ужасна и представляет собой не что иное, как массовое побоище: большее число убивают, а остальных оставляют для того, чтобы предать их смерти с помощью пыток. Один из любимых способов пыток - оглушить несчастного пленника дубиной и бросить его в раскаленную печь, чтобы привести в чувство. Борьба несчастного, когда яростный жар возвращает ему сознание, вызывает смех и издевательства восхищенных зрителей. Других связывают по рукам и ногам и отдают сыновьям вождей в качестве объектов, на которых они могут испытать свое мастерство в пытках.

Поскольку эти экспедиции почти всегда совершаются на каноэ, возвращение военного отряда видно с большого расстояния, и все жители собираются на берегу, чтобы приветствовать победоносных воинов, а женщины танцуют и поют песни триумфа в честь завоевателей. Затем происходит ужасная сцена, слишком ужасная, чтобы ее описывать; тела мертвых приносятся в храмы, готовятся печи, и в течение нескольких дней царит безудержный разгул.

В связи с военными действиями следует упомянуть любопытный обычай давать новое имя людям, убившим кого-либо из врагов во время кампании. Будь то вооруженный воин, убитый в честном бою, безоружный человек, сбитый с ног исподтишка, женщина или даже маленький ребенок - это ничего не значит. Воин зарубил врага и имеет право на свое новое почетное имя. Если он убил вождя, он берет имя своей жертвы, а иногда его собственный вождь отдает ему честь, называя его флагом, каноэ, гребнем и т. д. Церемонию посвящения, во время которой дается новое имя, мистер Уильямс однажды наблюдал в Сомо-Сомо, где предметом посвящения был молодой вождь.

"Король и ведущие люди заняли свои места на общественной площади, принесли и расстелили четырнадцать циновок, на которые положили тук ткани и два китовых зуба. Рядом положили парусиновую циновку, а на нее - несколько мужских платьев. Теперь появился молодой вождь, держа в одной руке большую дубину из соснового яблока, а в другой - обычную тростинку, а за ним по земле волочился длинный шлейф маси.

"Дойдя до циновок, старик взял тростник из рук героя и послал юношу, чтобы тот аккуратно положил его в храм бога войны. Затем царь приказал молодому вождю встать на тук с тканью; и пока тот повиновался, на площадь вышли несколько женщин, принесли небольшие блюда с куркумой, смешанной с маслом, которые они поставили перед юношей и удалились с песней. Теперь маси снимал сам вождь, а вместо него слуга ставил другой, гораздо большего размера. Затем мата (помощник короля) выбрал несколько блюд с цветным маслом и помазал воина от корней волос до пяток.

"На этом этапе один из зрителей вышел вперед и обменялся с помазанником дубинками, а вскоре то же самое сделал и другой. Затем один оставил ему вместо дубины пистолет, и еще много подобных изменений было произведено под влиянием веры в то, что оружие, проходящее через его руки, приобретает некую силу.

"Теперь циновки были убраны, и часть их отправили в храм, а часть куркумы отправили вслед за ними. Царь и старики, а за ними юноша и двое мужчин, звучащих в конхи, отправились на берег моря, где помазанник прошел через древних к кромке воды, вернулся, а царь и те, кто был с ним, сосчитали раз, два, три, четыре, пять, и каждый затем бросил камень в море. Теперь вся компания вернулась в город под звуки трубных раковин и особое улюлюканье людей.

"Обычай требует построить хижину, в которой помазанник и его спутники могут провести следующие три ночи; в течение этого времени новоявленный герой не должен ложиться, а спать сидя; он не должен менять маси, снимать куркуму или входить в дом, где есть женщина, пока не истечет этот срок. В описываемом случае хижина не была построена, и молодому вождю было разрешено использовать вместо нее храм бога войны.

"В течение трех дней он находился в непрерывном походе, за ним следовало полдюжины таких же краснокожих парней, как и он сам. Через три недели он навестил меня, в первый же день, когда ему разрешили войти в дом, где была женщина. Он сообщил мне, что его новое имя - *Куила*, или *Флаг*".

Когда человеку таким образом присваивается почетное имя, к нему добавляется похвальный титул *Koroī*, или освященный.

Сражения фиджийцев, как правило, не отличаются резней. По сути, они представляют собой не что иное, как серию одиночных схваток. Когда человек падает, его друзья пытаются поднять его с земли, чтобы спасти ему жизнь, если это возможно, или чтобы иметь возможность похоронить тело, если он умрет; в то время как враги прилагают все усилия, чтобы схватить раненого, чтобы запечь и съесть его. То, что убитого съедают, не позорно. Напротив, это доказательство его храбрости, ведь на пиршестве, которое следует за победой, не едят только тех, кто храбро погиб в бою; тела убитых трусов презрительно бросают в кусты.

Теперь мы переходим к более приятной части фиджийского характера, а именно к различным случаям домашней жизни.

Как только фиджийский ребенок появляется на свет, его забирают у матери и отдают другой женщине на три дня, в течение которых она лежит в покое. Первая одежда, которую получает ребенок, - это толстый слой куркумового масла, а первая пища, которую он знает, - это сок сахарного тростника или ореха какао. Имя ребенку дают как можно скорее после его рождения, и эти имена, как правило, означают какое-то событие, произошедшее либо с самим ребенком, либо с кем-то из членов его семьи.

Хотя фиджийские дети большую часть времени проводят на свежем воздухе и не стеснены одеждой, они подвержены очень неприятной болезни под названием "токо", которая несколько напоминает "фрамбезию" негритянских племен. Родители скорее рады, чем сожалеют, что их дети страдают от этой болезни, так как считают, что она является необходимым дополнением к детскому здоровью, и что ребенок, избежавший токо, обязательно будет хилым и слабым, когда вырастет.

Фиджийский ребенок не получает никакого воспитания, разве что поощрение всех дурных страстей, которые можно назвать этим именем. Месть вбивается в голову ребенка с самого раннего младенчества, и самые ужасные средства, которые иногда используются для этой цели. В более зрелом возрасте долг мести постоянно стоит перед глазами. Если один человек оскорбляет другого, обиженный постоянно напоминает себе о нанесенном оскорблении, помещая какой-нибудь предмет в поле своего зрения и не убирая его до тех пор, пока не отомстит.

Иногда он добивается той же цели, лишая себя какой-либо роскоши до тех пор, пока не отомстит. Один человек, например, заплетает волосы особым образом, другой вешает в доме какой-нибудь предмет одежды, третий отказывается танцевать или есть какую-то определенную пищу. Один вождь, например, повесил на крыше своего дома рулон табака, намереваясь отказаться от курения, пока не убьет своего врага и не сможет курить этот табак над мертвым телом. Другой воздерживался от разговора и отвечал только свистом.

Знание этого обычая делает фиджийцев очень нервной расой. Если у берегов появляется чужое каноэ, жители деревень начинают волноваться: одни убегают в леса, другие прячут еду и другие ценности в тайных складах. Они не любят гулять в одиночку по вечерам. Мистер Уильямс упоминает, что видел, как целая компания разбежалась при поднятии телескопа, и не раз, когда к нему приходили туземцы и дверь внезапно хлопала от ветра, все его посетители в беспорядке выпрыгивали из окон. Однажды несколько мужчин затаскивали в море большое каноэ, когда один из них заметил небольшую трещину на одном из бортов. Он шепнул о своем открытии следующему, тот - следующему, и так далее, и через несколько

минут все мужчины сбежали из лодки, опасаясь, что хозяин обвинит его в нанесении ущерба.

Развлечения фиджийцев гораздо разнообразнее, чем это обычно бывает у дикарей. Некоторые из них идентичны многим нашим детским играм, таким как "прятки", "бафф для слепых" и что-то вроде "прыгай, беги и прыгай". В моде также игра "подай и брось", в которой вместо пенсов используются плоские круглые плоды одного из видов мимозы.

У них есть одна игра, которая имеет некоторое сходство с игрой австралийских "кенгуру-крыс", описанной на странице 730. У игроков есть дудочка длиной около четырех футов, на одном конце которой находится овальный кусок твердого и тяжелого дерева длиной около шести дюймов. Этот инструмент держат между большим и средним пальцами, а конец указательного пальца прикладывают к его острию. Своеобразным рывком снизу игрок приводит его в горизонтальное положение, так что он скользит над землей на значительное расстояние, и тот, кто пошлет снаряд дальше всех, становится победителем. Для того чтобы в эту любимую игру можно было играть постоянно, к каждой деревне прикреплен длинная полоса ровной травы, которую тщательно подстригают, чтобы ракета проносилась по ней с минимальным сопротивлением.

А еще есть качели. Они сделаны так же, как новозеландские, но используются по-другому. Вместо того чтобы держаться только руками, веревка имеет петлю на конце, в которую качающийся вставляет ногу. Иногда она имеет большой узел, на который можно опереться обеими ногами. Подтащив канат к вершине удобного берега, качающийся хватается за него руками, подпрыгивает в воздух, продевает ногу в петлю и проносится по огромной дуге, радиус которой часто превышает пятьдесят футов. В некоторых случаях качели закрепляют у берега, и самые смелые исполнители в нужный момент ослабляют хватку и бросаются по воздуху в воду.

Одна из любимых игр, называемая "Ририки", проходит следующим образом: у кромки воды устанавливается прочный столб, на который кладется ствол высокого орехового дерева какао, так что его основание упирается в землю, а верхушка выступает над водой. Игра заключается в том, чтобы на полной скорости бежать вверх по этому наклонному дереву, прыгать в воду один за другим, выплывать на берег и повторять процесс. Это очень живая игра, туземцы кричат и смеются все время, и погружаются в воду так быстро, что вода под концом наклонного дерева белеет от пены. Жители острова - прекрасные пловцы, и, приученные к плаванию, как только научились ходить, развлекаются в воде с такой же легкостью, как и на суше. Они любят заплывать в море целыми компаниями и участвовать в различных водных играх, таких как попытки столкнуть друг друга под воду, ныряние, гонки и так далее.

Некоторые из их видов спорта довольно грубые. Есть у них одна игра, которая очень похожа на катание снежков, только вместо снежков в ней используются горькие апельсины. В некоторых местах они бросают друг в друга камни с помощью упругих бамбуков, причем делают это с такой силой, что при ударе снаряда о голую кожу возникает сильная боль.

Иногда происходит своего рода шуточное сражение. Когда мужчинам приносят еду, женщины внезапно бросаются на них, пытаются прогнать их и отнять еду. Как бы ни были грубы женщины, мужчины редко наносят ответные удары, разве что берут своих обидчиков за талию и бросают их на землю. Мистер Уильямс упоминает один случай, когда женщина действительно застрелила мужчину стрелой, превратив шуточную драку в печальную реальность. Известно несколько случаев, когда с мужчинами обращались так жестоко, что они потом умирали от ран.

В некоторых случаях молодые люди играют в забавную игру. Тонкий фаянсовый сосуд наполняется водой и подвешивается к ветке, а несколько молодых людей с завязанными глазами пытаются разбить сосуд, ударяя по нему длинными палками.

Музыка и танцы очень изучены среди фиджийцев, и любой, кто знает новый танец, обязательно заработает много денег, обучая ему. Их музыкальные инструменты очень бедны и состоят из барабанов, труб и трубок. Первые представляют собой не что иное, как деревянные цилиндры, с одной стороны которых прорезан паз шириной около дюйма. Трубы бывают двух видов, а именно: пандейская труба, сделанная из нескольких полосок бамбука, скрепленных вместе, и флейта. На этом последнем инструменте играют, поместив отверстие близко к одной ноздре и дыша через нее, в то время как другая закрыта большим пальцем левой руки. Трубы - это просто раковины, в которые дуют через отверстие в боку.

Танцы поставлены очень тщательно и больше напоминают военные движения, чем танцы, сходство усиливается военным строем танцоров, которые одеты как на войну, их лица выкрашены в алый цвет, тела напудрены черным, а в руках лучшие булавы или копья. Они выполняют замысловатые маневры, маршируя различными фигурами, кружась, останавливаясь и притопывая ногами в точном соответствии с ритмом песни и ударами барабана. Иногда в танце участвуют несколько сотен человек, а музыкантов - двадцать-тридцать.

Сцена одного из таких танцев очень живописна, но ей не хватает той неистовой энергии, которая придает такое огненное оживление военному танцу новозеландцев: движения, хотя и правильные по времени, сравнительно скучны и тяжеловесны. Чтобы немного оживить его, на сцену обычно выводят профессионального буффона, который исполняет различные гротескные движения, и ему обычно аплодируют за его старания.

Музыка и танцы всегда используются при праздновании бракосочетания, и, как можно предположить по пунктуальному характеру фиджийцев, в церемониях по этому случаю нет недостатка.

В основном девочек обручают, когда они еще совсем младенцы, не обращая внимания на разницу в возрасте между ними и их будущими мужьями. Форма обручения довольно любопытна и заключается в том, что мать ребенка берет маленькую лику, или женский пояс, и преподносит ее мужчине, который с этого момента берет ее дочь под свою защиту до тех пор, пока она не станет достаточно взрослой для замужества.

В тех случаях, когда молодому человеку приглянулась девушка, он просит ее у отца, делая при этом для проформы небольшой подарок. Если прошение оказывается успешным, то между друзьями обеих сторон происходит обмен подарками, а через несколько дней следует церемония, называемая "согреванием", которая заключается в доставке в дом невесты еды, приготовленной будущим мужем. В большинстве районов Фиджи невеста полностью отдыхает в течение четырех дней, спокойно сидя дома, одетая в свои лучшие наряды и раскрашенная куркумой и маслом. По истечении четырех дней невеста в сопровождении нескольких замужних женщин отправляется к морю, где все вместе ловят рыбу, а затем готовят ее. По окончании приготовления за ней посылают жениха, и обрученные вместе едят, каждый давая друг другу порцию еды.

После этой церемонии наступает период, в течение которого жених занимается строительством дома для своей будущей жены, а девушка подвергается болезненной татуировке, которая отмечает, что она заняла свое место среди женщин. В это время она остается в доме, чтобы защитить свой цвет лица от солнца. После завершения строительства

дома собираются все друзья обеих семей, и устраивается большой пир, на котором дарители считают за честь быть как можно более щедрыми. По окончании пира девушка официально передается своему мужу и меняет узкую лику на более широкое одеяние, соответствующее ее новому положению.

Когда дочь важного вождя выходит замуж, отец всегда дает ей несколько женщин, иногда до двенадцати или пятнадцати, сопровождающих невесту до ее дома. Они находятся под началом пожилой женщины, которая выступает в роли их начальницы, и называются именем, означающим "домашняя прислуга". При отъезде невесты домой всегда происходит грандиозная сцена: все ее родственники и друзья толпятся вокруг нее и целуют ее до тех пор, пока она почти не задохнется от их ласк.

Интересное описание представления невесты приводит мистер Уильямс, а художник воспроизвел эту сцену на [гравюре № 1](#), на следующей странице. "Ее ввели к главному входу тетка короля и несколько матрон, а затем, ведомая только старой дамой, она подошла к королю. Это была интересная девушка лет пятнадцати, блестящая от масла, в новом лику и ожерелье из изогнутых остриев слоновой кости, расходящихся от ее шеи и поворачивающихся вверх. Затем король принял от своей тетки девушку с двумя китовыми зубами, которые она несла в руке. Когда она села у его ног, его величество повторил список их богов и закончил молитвой о том, чтобы девушка жила и приносила детей мужского пола.

"Ее друзьям, двум мужчинам, вошедшим с черного хода, он подарил мушкет, умоляя их не думать о том, что он забрал их ребенка, поскольку этот шаг был связан с благом страны, в котором были задействованы их интересы, как и его собственные. Мушкет, который был примерно равен ожерелью, мужчины приняли со склоненными головами, пробормотав короткую молитву, в конце которой было то же самое, что они произносили на протяжении многих лет: "Смерть Натаве". Затем Туикилакила снял с девушки ожерелье и поцеловал ее. Самый веселый момент в ее жизни, если судить по одежде, уже прошел; и я чувствовал, что снятие этого полированного украшения с ее шеи было первым шагом вниз, к мрачному будущему. Возможно, ее предчувствия были похожи на мои, потому что она плакала, и слезы, скатывавшиеся с ее груди и падавшие отчетливыми каплями на ее жирные ноги, были замечены королем, который сказал: "Не плачь. Разве ты собираешься покинуть свою землю? Ты всего лишь отправляешься в плавание и скоро вернешься. Не сочти за труд отправиться в Мбау. Здесь вам придется много работать, там вы отдохнете. Здесь вы питаетесь скудно; там вы будете есть самую лучшую пищу. Только не плачьте, чтобы не испортить себя". Пока он говорил, он играл с ее кудрявыми локонами, делая комплименты ее лицу и фигуре. Она напомнила ему свою сестру, которую в давние времена увезли в Мбау".

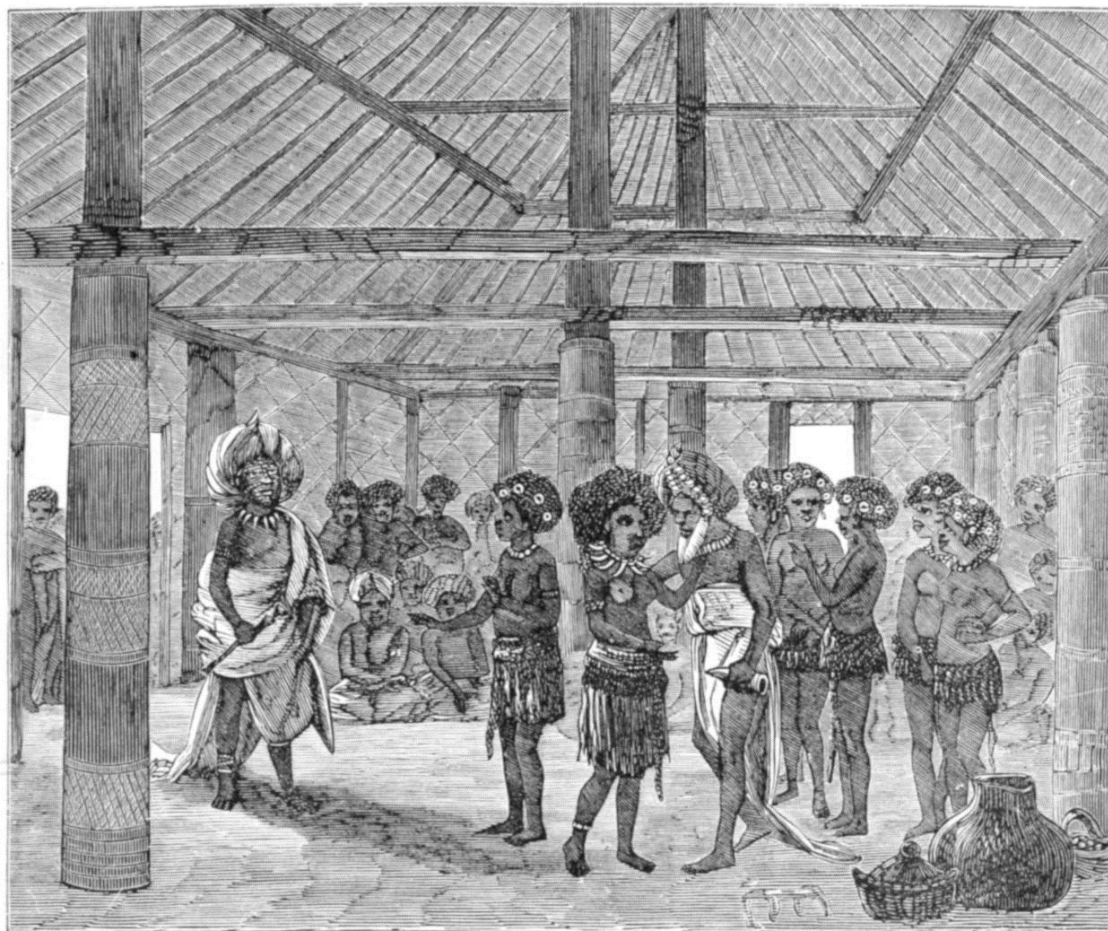
Конечно, у нее были причины для слез, ведь положение фиджийских жен не слишком завидное. Как и в большинстве стран, где практикуется многоженство, жены склонны сильно ревновать друг к другу и ссориться между собой. Как правило, муж относится к их ссорам с презрительным равнодушием, пока они не раздражают его лично; но если он чувствует, что разгневан, то быстро подавляет беспорядки, нанося всем сторонам одинаковые удары очень удобной палкой, которую он держит для этой цели. У одного вождя была дубина толщиной с палку от метлы, которой он, похоже, не мало гордился, вырезав и инкрустировав ее слоновой костью.

Женщины не пользуются особым уважением, будь то незамужние или замужние. Довольно нелепый пример того, как фиджийцы ценят женщин, произошел во время торговли между европейцами и туземцами. Один вождь договорился с капитаном корабля о покупке мушкета, цена которого должна была составлять две свиньи. Вождь отправился с мушкетом,

но смог найти только одну свинью. Поэтому он с честью выполнил свою сделку, отправив одну свинью и молодую женщину вместо другой.

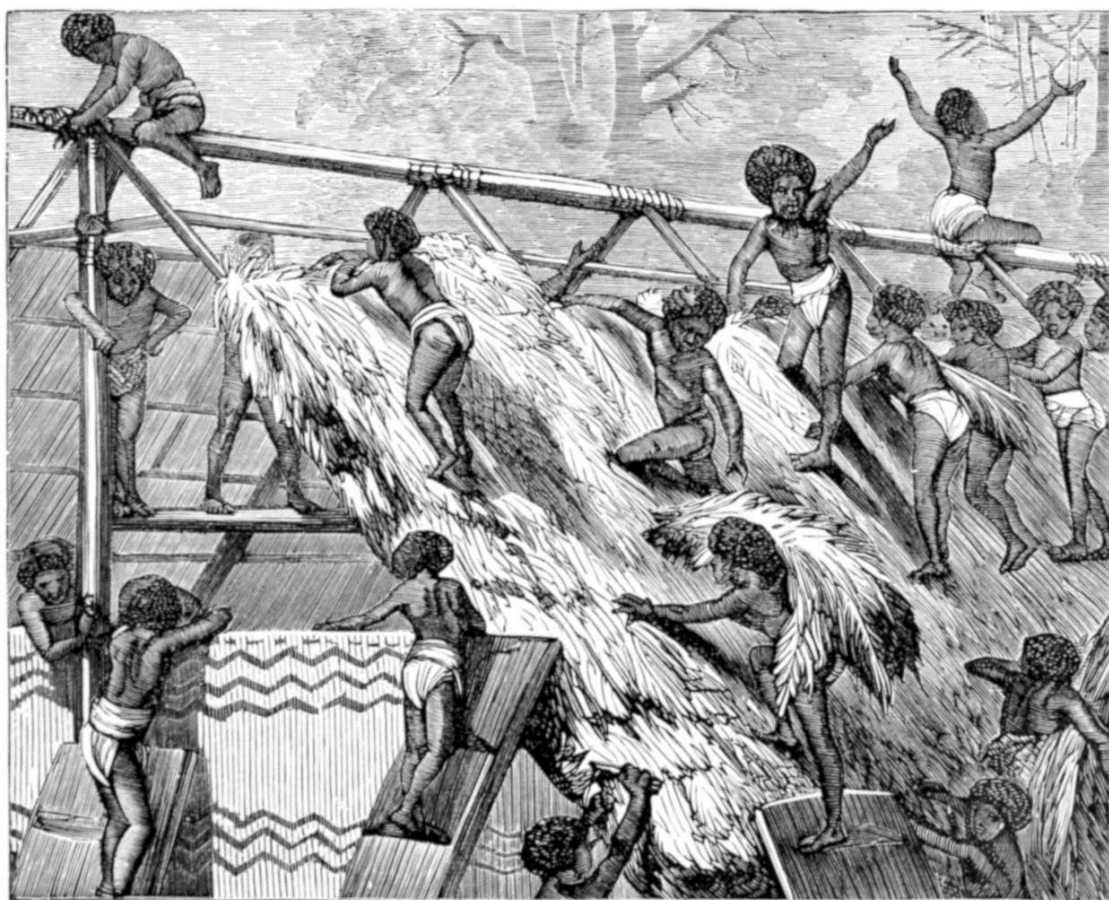
В описании церемоний, сопровождающих свадьбу, упоминается обычай строить дом для невесты. Форма фиджийских домов варьируется в зависимости от местности. В некоторых местах они остроконечные и двускатные, как те, что уже были описаны при рассмотрении Новой Гвинеи. В других они круглые, а в третьих - конические. Некоторые строятся на столбах, а другие просто на земле. Как и во всей Полинезии, дома сделаны из деревянного каркаса, скрепленного между собой, и покрыты тростниковой сеткой. Многие из этих домов имеют огромные размеры - более ста футов в длину и около сорока в ширину. Дом, который должен простоять сколько-нибудь долго, строится из дерева, называемого туземцами *вези*, которое в точности похоже на индийское зеленое сердце, а также из сандалового дерева, которое используется для той же цели.

Стены обычно делают из тростника, уложенного в три слоя, причем средний слой располагается горизонтально, а внешний и внутренний - перпендикулярно. Они связаны или сшиты вместе синнетом, и гордость фиджийского архитектора - переплести синнет в элегантные узоры. Некоторые мужчины славятся своим умением вставлять и выполнять эти узоры и переходят с места на место по мере необходимости. Даже столбы, поддерживающие здание, часто покрыты тростником, связанным таким же хитроумным способом. Дверь всегда маленькая, вероятно, по той же причине, которая побуждает кафилов делать такой низкий вход в свою хижину, а именно из-за страха перед врагами.

(1.) ФИДЖИЙСКАЯ СВАДЬБА.

(См. [стр. 956.](#))

(2.) ДОМ, ПОКРЫТЫЙ СОЛОМОЙ.

(См. [стр. 959.](#))

Иногда солому делают из листьев какао-ореха или сахарного тростника, иногда из травы, а в некоторых лучших домах используется и то, и другое. Листья наматывают на тростник и сшивают вместе, чтобы получилась длина около пяти или шести футов. Травяная солома крепится почти так же, как солома в Англии: ее укладывают на крышу в пучках, прижимают длинными ветками мангровых деревьев и крепко связывают ротангом.

Покрытие дома соломой - одна из самых оживленных сцен, которую только можно себе представить. Как только крыша закончена, объявляют, что требуются соломенщики, и тут же собирается целая банда веселых рабочих, число которых зависит от размера дома, иногда до трехсот человек объединяются, чтобы покрыть соломой очень большой дом. Одни приносят листья и траву, другие связывают и сшивают их в нужную форму, третьи отвозят их мясникам. Те, кто накладывает тростник, всегда располагаются парами на крыше, один снаружи, другой внутри здания, чтобы один мог взять конец плетенки, когда товарищ просовывает ее сквозь солому, затянуть и вернуть ему. На 957-й странице читатель найдет [гравюру](#), на которой изображен дом, покрытый соломой.

Шум, который поднимается в большом доме во время процесса натягивания соломы, почти оглушитель. Естественно, фиджийцы обладают большим гением крика, и в таких случаях они превосходят самих себя. Одни требуют больше травы, листьев, мангровых прутьев и

раттанов, другие снизу кричат им в ответ. Те, кто приносит материалы, должны кричать, забираясь на крышу, и каждый из них время от времени подбадривает своих товарищей.

Самая характерная часть фиджийского дома - коньковый столб, проходящий по верху крыши. Он выступает с обоих концов на значительное расстояние, а в первоклассных зданиях на концах имеет форму трубы. Эти выступающие концы в основном зачернены и украшены большими белыми раковинами каури. На коньковом столбе обычно проложен своеобразный трос из травы, перевязанный виноградными стеблями, который во многих случаях украшен рядом кисточек и почти весь покрыт узорами, выполненными синнетом.

В некоторых, хотя и не во всех, домах есть окна, которые можно закрыть с помощью циновок, накинутых на них наподобие занавесок. Внутри дома, почти в центре, находится камин, который утоплен в землю на глубину около фута и окружен своеобразным крылом из твердого дерева. В очень больших домах камин имеет площадь десять или двенадцать футов и покрыт деревянным каркасом в несколько ярусов, на котором хранятся горшки для приготовления пищи и другая утварь. Здесь нет ни дымохода, ни даже отверстия в крыше, так что весь дым из камина поднимается на крышу и выходит наружу через солому, как может. Почти в каждом случае дверной проем оснащен выступающей крышей.

В связи с крышей у мбау есть характерная шутка. Короткая ракетная дубина называется *ула*, а сам акт метания - *улаула*. Последнее слово, однако, также обозначает крышу дома. В качестве шутки жители Мбау послали к жителям Тайлеву с просьбой прийти и пометать *улаулу*. Последние, восприняв слово в его обычном значении, приняли приглашение и пришли, ожидая обычной сцены веселья, когда, к их удивлению, они были встречены залпом *ула*, брошенным в них развлекавшими их людьми.

Мебель фиджийского дома проста. В одном конце находится возвышенный помост, на котором хозяин дома спит ночью и отдыхает днем. Он покрыт циновками, а поверх них развешаны листы тонкого маси, которые используются в качестве занавесок от комаров. На этом помосте обычно лежат одна или две подушки. Эти орудия труда не отличаются от орудий труда кафиров, представляя собой не что иное, как цилиндрические бруски из дерева, опирающиеся на ножки с обоих концов. Некоторые из них достигают в длину от четырех до пяти футов. Такая форма подушки используется из-за головного убора туземцев, похожего на швабру, который, если бы его положили на обычную подушку, потерял бы всякую форму.

На очаге стоят несколько больших глиняных горшков для приготовления пищи, овальных по форме, каждый из которых установлен на трех камнях. По мере того как количество пищи в них уменьшается, они постепенно наклоняются, так что, когда в них остается совсем немного еды, они лежат на боку. Рядом с очагом лежит толстая вогнутая доска, на которой замешивают хлеб, а рядом с ней - гладкие круглые камни, с помощью которых происходит процесс замешивания. Небольшие ручные сети, используемые для ловли рыбы, хранятся рядом с огнем, как и ножи и другие орудия, используемые для приготовления пищи. Несколько глиняных кувшинов с водой всегда ставят рядом с огнем. Их можно отличить по глазурованной поверхности, и они аккуратно ставятся на густую подстилку из травы. Несколько бамбуковых сосудов с соленой и пресной водой обычно ставят рядом с большими кувшинами. Вокруг подножия стены располагается ряд чаш и кувшинов, в которых хранится манная крупа и другие подобные продукты.

ГЛАВА ХСVII.

ФИДЖИ - продолжение.

РЕЛИГИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

БОГИ И ИХ ОБИТЕЛИ - ПОСЕЩЕНИЕ СУХОПУТНОГО КРАБА - ФИДЖИЙСКИЕ ЖРЕЦЫ И ИХ ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ - КОНСУЛЬТАЦИЯ С БОЖЕСТВОМ - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ГАДАНИЯ - ТРУДНЫЙ ПУТЬ НА НЕБО - ТУЗЕМНЫЕ ХРАМЫ, ИХ УСТРОЙСТВО И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ПИРЫ В ЧЕСТЬ БОГОВ - СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ - УБИЙСТВО ПОЖИЛЫХ И БОЛЬНЫХ - СТРАННЫЙ ЗНАК ПРИВЯЗАННОСТИ - ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ МЕРТВЫМ СОПРОВОЖДАЮЩИХ - ПОГРЕБЕНИЕ ЖИВОГО КОРОЛЯ - УЖАСНАЯ СЦЕНА - ПУТЕШЕСТВИЕ НА КЛАДБИЩЕ И ПОХОРОНЫ - СХОДСТВО МЕЖДУ ОБЫЧАЯМИ ФИДЖИ И ИНДИИ - СПОСОБ ОПЛАКИВАНИЯ - ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ПОСЛЕ ПОХОРОН - ОБЫЧАЙ ЛОЛОКУ - МОГИЛА ЖЕНЫ ВОЖДЯ.

Религия, или, скорее, суеверия, фиджийцев во многом схожи с религией других политеистов. Народ признает огромное количество богов, обладающих большей или меньшей силой; большинство из них, если не все, символизируются какой-либо природной формой, например, ястребом, деревом или т. п. Каждый фиджиец считает себя под защитой какого-то особого бога и, как уже было сказано, не станет есть животное, которое является его символом.

Забавный случай почитания символов богов произошел в Тилиоа. Очень могущественный бог, которому поклоняются в этом месте, обитает в сухопутном крабе, но, поскольку это ракообразное почти не встречается в этой местности, возможностей поклониться ему практически нет. Как только кто-нибудь видел сухопутного краба, он тут же бежал к священнику, и сразу же все вокруг приходило в восторг. Люди собирались, чтобы выразить почтение своему божеству, собирали несколько орехов какао, нанизывали их вместе и смиренно подносили крабовому божеству, чтобы умиловить его и побудить его дать им хорошую погоду и здоровый сезон.

Что касается конкретных доктрин фиджийской религии, то о них вряд ли можно узнать много нового. Во-первых, люди ничего не знают, а священники, которые знают совсем немного, не любят сообщать о своих знаниях. Даже новообращенных христиан редко удается убедить говорить на эту тему с какой-либо долей правды.

Жрецов можно узнать по их официальному знаку отличия, который состоит из овальной косынки из алых перьев и длиннозубого гребня, сделанного из отдельных кусков дерева, хитроумно скрепленных между собой. Несколько таких гребней хранятся в моей коллекции и являются прекрасными примерами художественных способностей их изготовителей. Ни одна из них не похожа на другую: тонкая нить, скрепляющая их, сплетена в необычайное разнообразие узоров. Нити почти такие же тонкие, как волосы, а дополнительную красоту узору придает использование поочередно глубокой черной и сверкающей желтой нити.

Жрецы общаются со своими божествами, впадая в экстатическое состояние, технически называемое "тряской", при котором все тело бьется в конвульсиях, а слова, слетающие с пенистых губ, считаются ответами бога. Яркое представление о таком способе обращения к божеству дает мистер Уильямс в своей ценной работе, на которую мы уже неоднократно ссылались.

"Нет ничего похожего на регулярное поклонение или привычное почитание, и принцип страха кажется единственным мотивом для религиозных обрядов; и это в полной мере

практикуется жрецами, через которых только народ имеет доступ к богам, когда они хотят представить прошения, затрагивающие их социальные или личные интересы. Когда речь идет о важных делах, *соро* или подношение состоит из большого количества пищи, а также зубов китов. В более мелких делах достаточно зуба, дубины, циновки или копья. Молодые орехи, покрытые порошком куркумы, были самым убогим подношением, которое я знал. Однажды, когда Туикилакила попросил у богов Сомо-сому помощи в войне, он построил богу войны большой новый храм и преподнес в дар множество приготовленной пищи, шестьдесят черепашек и зубы кита.

"Часть подношения - *сигана* - *отводится* божеству, а остальное составляет пир, в котором могут участвовать все. Часть, предназначенная богу, съедается его жрецом и стариками, а для юношей и женщин это тапу".

"Чужестранцы, желающие посоветоваться с богом, рубят для храма некоторое количество дров. Иногда преподносят только блюдо ямса или китовый зуб. Не обязательно, чтобы сделка происходила в храме. Я знаю, что жрецы получали вдохновение в частном доме или под открытым небом; более того, в некоторых частях Фиджи именно так обычно и происходит.

"Тот, кто намеревается обратиться к оракулу, одевается, намазывается маслом и в сопровождении нескольких человек отправляется к жрецу, который, как мы полагаем, был заранее извещен о предполагаемом визите и лежит возле священного угла, готовясь к ответу. Когда прибывает партия, он встает и садится так, чтобы его спина находилась рядом с белой тканью, через которую бог посещает его, а остальные занимают противоположную сторону Буре. Главный человек преподносит китовый зуб, сообщает о цели своего визита и выражает надежду, что бог отнесется к нему благосклонно. Иногда перед жрецом ставят блюдо с ароматическим маслом, которым он помазывает себя, а затем принимает зуб, рассматривая его с глубоким и серьезным вниманием.

"Наступает нерушимая тишина. Священник погружается в раздумья, и все глаза следят за ним с немигающей неподвижностью. Через несколько минут он вздрагивает; на его лице появляются легкие искажения, а в конечностях - судорожные движения. Они усиливаются до сильных мышечных движений, которые распространяются до тех пор, пока весь каркас не становится сильно судорожным, и человек дрожит, как при сильном приступе агонии. На некоторых островах это сопровождается ропотом и рыданиями, вены сильно расширены, а циркуляция крови ускорена".

"Жрец теперь одержим своим богом, и все его слова и действия считаются уже не его собственными, а божества, которое вошло в него. Пронзительные крики "Кои ау! Кои ау!" ("Это я! Это я!") наполняют воздух, и предполагается, что таким образом бог оповещает о своем приближении. Во время ответа глаза жреца выделяются и закатываются, как в бешенстве; голос неестественный, лицо бледное, губы синюшные, дыхание подавленное, а весь вид - как у неистового безумца. Пот течет из каждой поры, а из напряженных глаз текут слезы; затем симптомы постепенно исчезают. Жрец смотрит вокруг безучастным взглядом, и когда бог говорит "Я ухожу", объявляет о своем уходе, с силой бросаясь на циновку или внезапно ударяя дубинкой по земле, когда те, кто находится на расстоянии, извещаются взрывами конча или выстрелами из мушкета, что божество вернулось в мир духов".

Во многих случаях очевидно, что жрецы совершают намеренные внушения, но также несомненно, что во многих других они полностью находятся под властью безумия и не помнят слов, которые произносили в бреду. "Мой собственный разум, - говорит один из них, - уходит от меня, и тогда, когда он действительно уходит, мой бог говорит через меня".

Фиджийские жрецы используют различные способы гадания. Например, они гадают по листу, по тростнику, по ореху и по воде. Лист проверяют, взяв его между передними зубами и откусив. Если он полностью отрезан, то предзнаменование хорошее; если он свисает вместе, даже на одно волокно, то предзнаменование неблагоприятное. У одного священника был очень странный способ гадания по листьям. У него было два волшебных листа, которые он клал по бокам просителя, а затем оставлял их. Если лист с правой стороны жалил кожу, то предзнаменование было хорошим; если же замышлялись какие-то козни или предательства, то лист жалил человека с левой стороны и таким образом предупреждал его об опасности. Другой способ гадания по листу - раскусить его и по вкусу определить, будет ли предзнаменование неблагоприятным или наоборот.

Гадание на тростнике проводится следующим образом. Нарезается несколько коротких тростинок и выкладывается в ряд на земле, каждой дается имя. Затем священник проводит правой ногой по каждому из них, и ответ дается дрожанием ноги.

Испытание водой проводят, держа выпрямленную руку немного вверх и выливая несколько капель воды на запястье. Если вода стекает до плеча, реакция благоприятная; если она падает на локоть, ответ неблагоприятный.

Следующий тест проводится так: на небольшую поверхность кладут орех какао и вращают его. Когда он останавливается, ответ дается по направлению, в котором указывает глаз.

Согласно фиджийским представлениям, попасть в Буруто или рай очень сложно, за исключением великих вождей, и единственный способ, с помощью которого человек низшего ранга может надеяться получить вход, - это сказать богу ложь и объявить себя вождем с такой видимой правдивостью, что ему поверят и позволят пройти. Взяв на плечо свою боевую дубину и китовый зуб, фиджийский дух отправляется на край света, где растет священная сосна, и бросает в нее зуб. Если он промахнется, то не сможет идти дальше; если же попадет, то отправится дальше, туда, где он ожидает прихода женщин, убитых во время его смерти.

Сопровождаемый ими, он идет дальше, пока не встречает бога Равуяло, с которым сражается своей дубиной. Если он потерпит поражение, то будет убит и съеден богом, и на этом его жизнь закончится. Если же он побеждает, то идет дальше, пока не найдет каноэ, в которое садится и доставляется на возвышенное место, где живет главный бог Нденгей. Над обрывом протягивается длинное рулевое весло каноэ бога. Затем его спрашивают о его имени и звании, а он в ответ рассказывает о своем величии и великолепии, о странах, которыми он правил, о подвигах, которые он совершил на войне, и о разрушениях, которые он причинил. Затем ему велят занять место на лопасти весла. Если его рассказу поверят, он попадает в Буруто; если же Нденгей не поверит его рассказу, весло наклоняют, и он бросается с обрыва в воду, откуда уже никогда не вынырнет.

Было упомянуто, что дух должен ждать сопровождения своих жен. Это делается для того, чтобы доказать, что он женатый человек, холостяки не имеют надежды попасть в Буруто. Если безмужний мужчина отправляется в путь, его встречает богиня, называемая Великой женщиной, которая питает особую ненависть к холостякам и, как только увидит одного из них, бросается на него и пытается разорвать на куски. Иногда в своем порыве она упускает его; но и в этом случае ему приходится иметь дело с другим богом, который скрывается на пути духов и, когда душа холостяка проходит мимо, набрасывается на несчастное существо и разбивает его на куски о камень.

Буре, или храмы богов, широко распространены на Фиджи: в каждой деревне есть по крайней мере один буре, а в некоторых деревнях их множество. Они сделаны из того же материала, что и дома, но с гораздо большей тщательностью. Вместо того чтобы просто поставить на землю, их помещают на вершину земляного кургана, иногда лишь слегка приподнятого, а иногда высотой в двадцать футов и более.

Туземцы считают, что для украшения буре не требуется слишком много труда, и именно в этих зданиях лучше всего проявляется их удивительное мастерство плетения синнета. Каждая балка, столб и колонна полностью покрыты синнетом, сплетенным в самые красивые узоры, причем любимыми цветами являются черный и красный; даже тростник, которым выложены оконные рамы и заполнены промежутки между колоннами, скрыт в плетеной синнете, которой они покрыты. Туземцы настолько щедры в работе, что не ограничиваются покрытием столбов и тростника синнетом, а делают большие плетеные шнуры из того же материала и подвешивают их фестонами к карнизам.

Уже упоминалось, что в лучших домах концы коньковых столбов украшены каури, а у буре они украшены длинными нитями каури, которые иногда достигают земли. Обычные рейки считаются слишком распространенными, чтобы использовать их для обшивки храмов, а вместо простого дерева используются красиво вырезанные копья воинов. Когда буре возводится на высоком кургане, вход в него осуществляется с помощью очень толстой доски, вырезанной в виде зазубренных ступеней.

Хотя буре считаются храмами и посвящены богу, в основном они используются в светских целях. Приезжие издалека обычно останавливаются в них, и во многих случаях главные мужчины деревни делают буре своим спальным местом. В буре проводятся советы, устраиваются развлечения, большую часть которых составляют подношения богу. Иногда, как уже говорилось, вождь, желающий умиловить какое-то божество, приносит в свой храм большое количество еды, и эта еда съедается на общем пиру. Определенная часть посвящается богу и может быть съедена только жрецами и стариками, а остальную часть может есть каждый.

Ни один из продуктов не пропадает, так как фиджийцы придерживаются удобной веры, сочетающей благочестие и самообольщение. Предполагается, что бог - великий пожиратель, но только для того, чтобы поглотить душу провизии, так что, когда пища приготовлена и предложена, бог ест душу, а люди - тело. Главный бог, Нденгей, был одновременно жаден и щедр в своих требованиях к еде. Иногда за один пир он съедал двести свиней и сто черепах и постоянно настаивал на человеческих жертвах. Чтобы получить их, он не обращал внимания на людей, и народ был настолько очарован, что, чтобы сохранить запасы человеческой пищи для Нденгея, вожди убивали своих собственных жен.

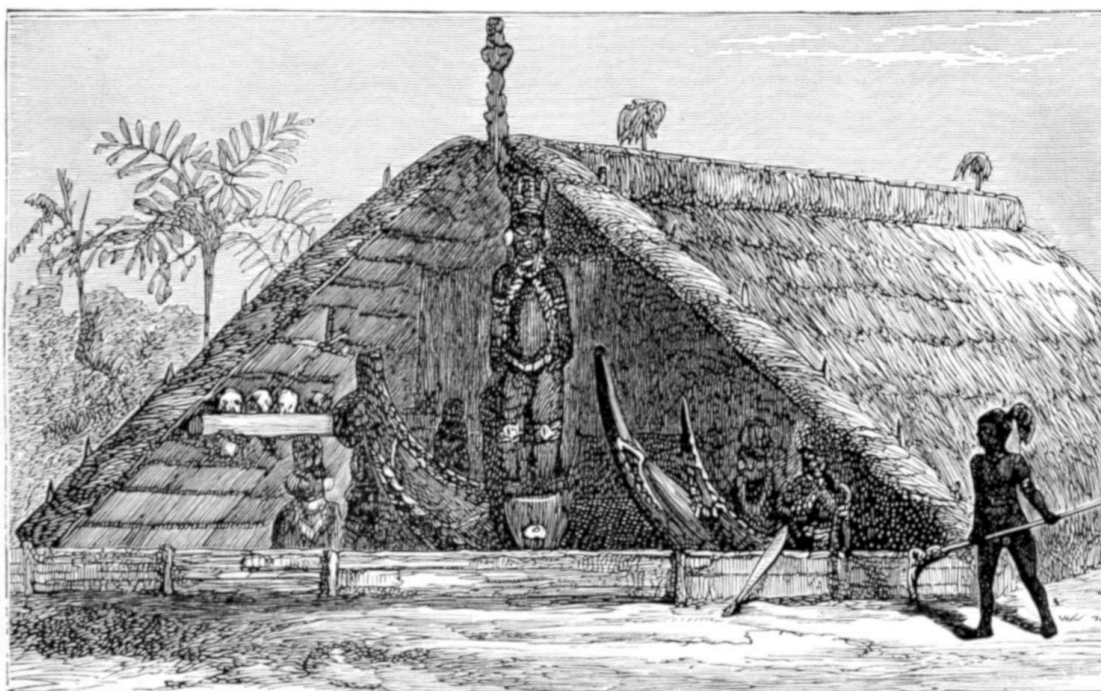
В Буре никогда не совершалось регулярных богослужений, и они часто оставались в запустении до тех пор, пока кто-нибудь не желал посоветоваться или умиловить бога, и тогда здание ремонтировали и чистили по этому случаю. Как и следовало ожидать, во время строительства буре приносятся несколько человеческих жертв.

Если читатель обратится к рисунку [Буре](#) на следующей странице, то увидит, что перед ним находятся два предмета странной формы. Это примеры священных камней, несколько из которых можно найти в разных частях Фиджи. Они считаются местом обитания определенных богов, и считается, что они могут быть либо мужскими, либо женскими, в зависимости от пола божества, которое в них обитает. Если бог женского пола, об этом можно узнать по женскому фартуку или лику, повязанному вокруг камня. Один из таких богов очень полезен, потому что он ненавидит комаров и не подпускает их к месту, где обитает.

Пища готовится и предлагается этим священным камням, причем бог, как обычно, питается духом пищи, а жрец и служащие - ее внешней формой.

(1.) БУРЕ, ИЛИ ХРАМ.
(См. [стр. 962.](#))

(2.) ДОМ ДЛЯ КАНОЭ В БУХТЕ МАКИРА.

(См. [стр. 970.](#))

Теперь мы переходим к погребальным церемониям Фиджи, рассматривая погребальные церемонии вождей как разновидности всех остальных.

Среди фиджийцев царит очень необычное суеверие. Когда мужчины или женщины становятся немощными с возрастом, считается, что они уже прожили свой срок на земле, и готовятся к их погребению. Это поверье настолько укоренилось, что если мужчина обнаруживает, что становится немощным от старости или болезни, он просит своих сыновей задушить его, и они считают себя обязанными выполнить эту просьбу. Более того, если они считают, что он слишком медлит с просьбой, они внушают ему, что он прожил достаточно долго и должен покоиться в могиле. Такое поведение, кажется, подразумевает, что они лишены привязанности, но на самом деле это их способ показать свою любовь к родителю.

На самом деле они очень привязчивые люди. Бывало, что молодой вождь рыдал от переизбытка чувств, расставаясь с отцом на короткое время, и все же, если бы его родители заболели или стали немощными, он счел бы своим долгом накинуть роковую веревку собственными руками. Быть задушенным своими детьми или похороненным ими заживо считается самым почетным способом смерти. Причина этого странного обычая, по-видимому, в том, что фиджийцы верят в то, что состояние духа в следующем мире будет точно таким же, как у человека при жизни. Следовательно, любящие дети не хотят позволить своим родителям уйти в мир иной в немощном состоянии тела, а потому душат их из чистой доброты.

Исходя из аналогичного представления о доброте, они также душат любимых жен и слуг умершего вождя, чтобы обеспечить ему последователей, к которым он привык. Они также убивают сильного воина, чтобы он мог пройти перед своим вождем через проход в страну духов и отогнать злых духов, которые противостоят продвижению нового человека. Эти жертвы называются "трава", и их кладут на дно могилы; воина раскрашивают и одевают для битвы, с его любимой дубиной рядом, женщины укладываются в складки тончайшего маси, а

слуги - с орудиями в руках, чтобы жители мира духов могли увидеть, какой великий вождь пришел к ним.

Все приготовления проходят спокойно и организованно, жертвы никогда не пытаются избежать своей участи, но соперничают друг с другом за честь сопровождать своего вождя. В некоторых случаях, когда вождь умирал молодым, его мать настаивала на том, чтобы разделить с ним могилу. Фиджийцы настолько глубоко чувствуют необходимость этой жертвы, что этот обычай стал большим препятствием на пути христианства, чем каннибализм или многоженство, и даже те туземцы, которые были обращены в христианство, всегда испытывают беспокойство по этому поводу. Однажды вождь-христианин был застрелен, и тем же залпом был убит молодой человек. Туземцы-христиане были рады последней катастрофе, так как она обеспечила их убитому вождю помощника.

Сцена, происходящая, когда ожидается смерть великого вождя, описана мистером Уильямсом с большой силой. Король Сомо-Сомо, великолепный образец дикаря, становился немощным от возраста, и к середине августа 1845 года был не в состоянии делать больше, чем просто немного ходить: - "Я посетил его 21-го числа, когда он был в больнице.

"Я посетил его 21-го числа и был удивлен, обнаружив, что ему гораздо лучше, чем за два дня до этого. Поэтому, когда 24-го числа мне сообщили, что король умер и что готовятся к его погребению, я едва ли мог поверить этому сообщению. Зловещее слово *"подготовка"* побудило меня без промедления поспешить к месту действия, но моя максимальная скорость не позволила мне вовремя добраться до Насимы - дома короля. Как только я вошел в дом, стало ясно, что, если речь идет о двух женщинах, я опоздал, чтобы спасти им жизнь. Эффект от этой сцены был ошеломляющим. Меня окружали десятки преднамеренных убийц в самом деле, но не было никакого смятения и, кроме слов председательствующего, никакого шума, только неземная, жуткая тишина. Природа, казалось, помогала и усиливала жуткий эффект; в воздухе не шевелилось ни одно дыхание, а полуприглушенный свет в этом зале смерти высвечивал каждый предмет с необыкновенной отчетливостью.

"Все было неподвижно, как изваяние, и на меня нахлынуло странное чувство, будто я сам превращаюсь в статую. Говорить было невозможно; я не сознавал, что дышу; невольно, а скорее против воли, я опустился на пол, приняв позу труса, свойственную тем, кто на самом деле занимается убийством. Мое прибытие произошло во время тишины, как раз в момент смерти, и этой странной тишине следует приписать мои эмоции; я был слишком хорошо знаком с убийствами такого рода, да и в применяемых средствах не было ничего нового. В центре большой комнаты расположились две группы людей, в деятельности которых невозможно было ошибиться.

"Все сидели на полу; среднюю фигуру каждой группы держали в сидячем положении несколько женщин, скрытые большой вуалью. По обе стороны от каждой завуалированной фигуры стояла компания из восьми или десяти крепких мужчин, один из которых тянул другого за белый шнур, который дважды проходил вокруг шеи обреченного, который таким образом через несколько минут переставал жить. Когда ко мне вернулось самообладание, самая дальняя от меня группа начала двигаться; мужчины ослабили свою хватку, и сопровождающие женщины сняли большое покрывало, превратив его в кушетку для жертвы.

"Когда покрывало было поднято, некоторые из мужчин увидели искаженные черты матери, которую они помогли убить, и удовлетворенно улыбнулись, глядя, как труп выкладывают для украшения. Сильные конвульсии бедного существа рядом со мной показали, что она еще жива. Это была крепкая женщина, и некоторые из палачей шутливо предлагали сидящим рядом сжаться и помочь ей. В конце концов одна из женщин сказала: "Ей холодно".

Роковая веревка упала, и когда покрывало было поднято, я увидел мертвую старшую жену и неутомимую помощницу старого короля".

Покинув дом убийства, мистер Уильямс отправился в хижину покойного короля, решив увидеть его преемника и умолить его пощадить жизни намеченных жертв.

К своему ужасу и изумлению, он обнаружил, что король еще жив. Он лежал на своей кушетке, очень слабый, но в полном сознании, время от времени прикладывая руку к боку, так как его мучил кашель. Молодой король был полон горя. Он обнял своего гостя с большим чувством, говоря: "Видишь, отец нас двоих умер". Спорить было бесполезно. Бедный старый король, конечно, двигался, говорил и ел, но, по представлениям сына, движения были лишь механическими, дух покинул тело.

Итак, подготовка к похоронам продолжалась. Его главная жена и помощник занялись тем, что обсыпали его тело черным порошком, словно одевая его для военного танца, и прикрепили к его рукам и ногам несколько длинных полос белого маси, связанных в розетки, концы которых струились по земле. Они уже облачили его в новый маси огромного размера, белые складки которого были обернуты вокруг его ног. Вместо обычного тюрбана маси на его волосы был повязан алый платок с цирком из белых раковин коровьего дерева, такие же раковины украшали его руки, а на шее висело ожерелье из слоновой кости, сделанное из длинных изогнутых, похожих на когти, кусочков китовых зубов.

Читатель, возможно, удивится, что главная жена короля осталась в живых. Дело в том, что молодой король не позволил убить ее, потому что не нашлось палача достаточного ранга. Она сетовала на свою тяжелую судьбу, что ей запрещено сопровождать мужа в страну духов, и умоляла задушить ее, но безуспешно.

Вскоре возле дома раздался звук двух труб из раковины кончака - это было официальное сообщение о смерти старого короля, и тогда новый король был официально признан присутствующими вождями. Он, казалось, был сражен горем и, взглянув на тело служанки своего отца, воскликнул: "Увы, Моалеву! Здесь лежит женщина, измученная не только днем, но и ночью; огонь сожрал топливо, собранное ее руками. Если мы просыпались в тихой ночи, до ее ушей доносился стук наших ног, и, если с ней говорили грубо, она продолжала только трудиться. Моалеву! Увы, Моалеву!"

Тела убитых женщин были завернуты в циновки, положены на одр и вынесены за дверь, а старого короля вынесли через пролом, сделанный в стене дома. Тела спустили на берег моря и уложили в каноэ, а король оказался на палубе в сопровождении жены и мата, которые обдували его и отпугивали насекомых.

Когда они прибыли в Вайланги, место погребения, то обнаружили, что могила уже вырыта и устлана циновками. Тела женщин положили в могилу бок о бок, а на них - умирающего короля. С него сняли украшения из раковин и полностью укутали в циновки, после чего засыпали землей, и так он был похоронен заживо. Было слышно, как бедный старик даже кашлял после того, как на него навалили кучу земли.

Эта [финальная сцена](#) представлена на иллюстрации на 980-й странице. На переднем плане изображена открытая могила, в которой лежат тела убитых женщин в виде "травы". Еще живого короля несут к могиле слуги, а его преемник сидит, скорбно глядя на сцену, которая, как он знает, будет повторена в его собственном случае, если он доживет до старости и немощи. Прямо над могилой лежат рулоны тонких циновок, которыми тело короля должно

быть покрыто до того, как его засыпят землей; на заднем плане видна мачта каноэ, которое доставило людей к месту погребения.

Читатель не может не заметить сходства между этим фиджийским обычаем удушения жен и хорошо известным индийским сутти. В обоих случаях женщины первыми требуют смерти, и по одной и той же причине. Подобно тому, как индуистки устраивают погребальный костер и зажигают его своими руками, фиджийская женщина помогает вырыть себе могилу, устилает ее циновками и садится в нее сама.

Дело в том, что у женщины практически нет выбора в этом вопросе; жена, пережившая мужа, обречена на жизнь в пренебрежении, страданиях и оскорблениях, так что короткая агония немедленной смерти предпочтительнее такой участи, тем более что, подчиняясь национальному обычаю, она верит, что обеспечит себе счастливую и почетную жизнь в стране духов. Кроме того, ее родственники обязаны по обычаю настаивать на ее смерти, поскольку, если они не будут следовать этому обычаю, их обвинят в неуважении к ее мужу и его семье, и они рискуют получить удар дубиной в отместку.

Вследствие этого ужасного обычая население Фиджи сильно сократилось, ведь здесь не только напрямую гибнут люди, но и происходит много косвенных потерь. Многие из убитых женщин - матери, чьи дети умирают из-за отсутствия материнской заботы, так что, учитывая вечную вражду и постоянные убийства, обычай каннибализма, принесение в жертву жен вместе с мужьями, удушение стариков и больных, а также смерть детей по недосмотру, очень мало фиджийцев умирает от естественных причин. Мистер Уильямс упоминает, что в классе из девяти детей, находившихся под его опекой, все родители были убиты, за исключением двух, и те были приговорены к смерти и спасены только благодаря усилиям миссионеров.

После погребения короля соблюдаются различные церемонии. В течение двадцати дней или около того никто не ест до вечера, люди бреют головы частично или полностью, а женщины отрезают себе пальцы, которые вставляют в расщепленный тростник и прикрепляют вдоль карниза королевского дома. Те, кто находится в близком родстве с умершим королем, демонстрируют свою скорбь, отказываясь носить свою обычную одежду и заменяя ее грубыми одеждами из листьев. Они часто отказывают себе в такой роскоши, как циновка, и проводят ночи на могиле своего друга. Побережье на определенное расстояние становится "тапу", и никому не разрешается ловить рыбу до истечения положенного времени, а деревья какао-ореха находятся под аналогичным запретом.

В определенные дни после похорон происходят различные странные обряды. На четвертый день друзья собираются вместе и празднуют меланхоличную церемонию под названием "прыжки личинок", в которой они символизируют прогресс разложения. Следующий вечер носит прямо противоположный характер и называется "вызывание смеха", во время которого ближайшие друзья и родственники умершего развлекаются комическими играми. На десятый день женщины устраивают свою забавную церемонию. Вооружившись кнутами, переключателями или шнурами, они обрушиваются на каждого встречного мужчину, не обращая внимания на возраст и ранг, от преследования освобождаются только самые большие вожди. Мужчинам не разрешается отвечать, разве что забрасывать нападающих грязью, и те, кто был свидетелем этой сцены, говорят, что ничего более нелепого нельзя себе представить, чем видеть, как пожилые мужчины бегут во всех направлениях, преследуемые женщинами с кнутами и переключателями.

Последняя церемония - это завершение какой-то особой работы, начатой в честь умерших. Это может быть возведение дома, изготовление огромного шара из синнета, большого тюка ткани, и в любом случае на нем указывается имя человека, в честь которого он был сделан.

Строительство больших каноэ - излюбленная форма этого обычая, и в течение всего времени, пока идет работа, каноэ усыпляют по ночам ударами барабанов и пробуждают каждое утро таким же образом, когда плотники приступают к работе.

Любопытная церемония происходит на Фиджи, когда умирает один из главных вождей. Она называется "лолоку паруса" и является своего рода сигналом почета. Всякий раз, когда каноэ приближается к берегу впервые после смерти вождя, судно обязано показать лолоку. Обычно это длинная полоса маси, привязанная к голове мачты, и как только каноэ касается суши, и парус, и маси сбрасываются в воду. Иногда, когда владелец каноэ достаточно богат, он добавляет к простому лолоку китовый зуб, который бросают с головы мачты в воду, а люди ныряют и хватаются за него.

Если вождь погибает в море или погибает в военном походе, и его съедают враги, лолоку выставляют так же тщательно, как если бы он был похоронен на берегу, а его родственники пытаются компенсировать ему неблагоприятную судьбу, убивая необычное количество женщин в качестве его сопровождающих. Так, почти двадцать женщин были принесены в жертву по случаю смерти молодого вождя, утонувшего в море.

Могилы вождей и их жен отмечены надгробиями. Иногда это просто камни у подножия могилы или большие кирпичи из камней, наваленных на покойника. Иногда это крыши высотой от трех до шести футов, украшенные, по фиджийскому обычаю, узорами из синнета.

Одна из гробниц, принадлежавшая жене вождя, была очень примечательной. Ее муж насыпал большой курган из земли и облицевал его камнями. На вершине кургана стояло двухместное каноэ сорока футов в длину, прочно удерживаемое на своем месте благодаря тому, что было вмуровано в землю. На палубу насыпали мелкий галечник, а на него расстелили циновки для приема тела. Затем каноэ засыпали песком, а на песок положили тело маленького ребенка, которого покойная женщина очень любила. Над всем этим была сооружена большая крыша из красного дерева, украшенная белыми раковинами коровьего дерева.

ГЛАВА ХСVIII. СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА И НОВАЯ ГЕБРИДА. ХАРАКТЕР, ОДЕЖДА, ОБЫЧАИ.

ПОЛОЖЕНИЕ СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВОВ - ПРИЧИНА НАЗВАНИЯ ГРУППЫ - ХАРАКТЕР ТУЗЕМЦЕВ - КАННИБАЛИЗМ - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - НОВАЯ ИРЛАНДИЯ И НОВАЯ БРИТАНИЯ - КОЧЕВОЙ ХАРАКТЕР ТУЗЕМЦЕВ - ПЕЩЕРНЫЕ ДОМА - ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА - ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ ВОЖДЕЙ, И ИХ ВЛАСТЬ НАД НАРОДОМ - ОСТРОВ БУКА - НОВЫЕ ГЕБРИДЫ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ ЯЗЫКА - ЖИТЕЛИ ВАТЕ - ЛЮБОПЫТНЫЙ НАРЯД ЖЕНЩИН - УКРАШЕНИЯ ДОМОВ - ТАУНА И ЭРРУМАНГА - ТОРГОВЛЯ САНДАЛОВЫМ ДЕРЕВОМ - АНЕИТЕУМ И ВАНИКОРО.

Между Новой Гвинеей и группой Фиджи находятся Соломоновы (или Саломоновы) острова. Насколько нам известно, они были открыты Альверо де Мендана, который достиг их в 1567 году. Желая побудить своих соотечественников, которые в те времена занимали главное место среди моряков, посетить и колонизировать столь плодородную землю, он придумал благочестивый обман и назвал группу Соломоновых островов именем Офир, откуда корабли

Соломона привезли огромное количество золота, которым он украсил Храм и свой собственный дворец.

Его затея провалилась, поскольку, когда он снова отправился на поиски островов, то не смог их найти: несовершенные астрономические приборы того времени значительно уступали современным, с помощью которых грамотный наблюдатель может с точностью до нескольких ярдов определить свое место на земле.

Туземцы Соломоновых островов настолько свирепы и вероломны, что о них до сих пор удалось узнать сравнительно немного. Они проявили большой гений в том, чтобы убаюкивать мореплавателей мнимой безопасностью, а затем убивать и съедать их; так что испанцы ничего не потеряли из-за того, что Мендана не смог снова найти острова. Недавно им удалось заманить в ловушку джентльмена, который посетил их острова на своей яхте, и убить его, пока он был на берегу и стрелял голубей. Они совершили столько убийств моряков и даже захватили столько судов, что теперь те, кто посещает их берега, принимают самые строгие меры предосторожности.

Возможно, читатель удивится, что кто-то должен брать на себя труд посетить столь негостеприимное место; но дело в том, что черепаха с ястребиным клювом, столь ценимая как поставщик черепаховой скорлупы для торговли, в изобилии водится на побережье, и ее ловят туземцы, которые оставляют панцирь для обмена с европейскими кораблями.

Когда корабли бросают якорь у берега, туземцы спускаются на каноэ, но только определенному числу разрешается подойти, так как сетки-гамаки натянуты так, чтобы туземцы не могли высадиться на судно. Только главному вождю разрешается подняться на борт, и через него заключаются сделки. Они очень утомительны, так как туземцы настаивают на том, чтобы торговаться отдельно за каждый кусок черепахового панциря, а не продавать всю "голову" сразу, как это делается в других местах. В торговле используются обычные товары: стеклянные бутылки, бусы, топоры, ткани, ножи и другие подобные предметы.

Туземцы очень смуглые, их даже можно назвать черными, с густыми и хрустящими волосами. О том, что они каннибалы, уже говорилось. Они такие неумеренные любители человеческой плоти, что, по рассказам некоторых путешественников, которые, однако, могут быть преувеличены, они делают ее своим обычным рационом. Однако очевидно, что это утверждение должно быть несколько преувеличено, поскольку ни один народ, населяющий ограниченную страну, не смог бы сделать человеческую плоть главной статьей рациона без постепенного истребления. То, что они предпочитают ее всем другим продуктам питания, достаточно вероятно, и в этом они лишь следуют примеру папуасов. Мендана упоминает, что вождь одного из островов прислал ему в подарок четверть мальчика, и что он сильно обидел туземцев, похоронив его вместо того, чтобы съесть.

Они, несомненно, употребляют это ужасное блюдо в больших количествах, и один путешественник упоминает, что, посещая их дома, он видел человеческие головы, ноги и руки, подвешенные к стропилам, подобно тому, как в кладовке подвешивают куски мяса. Дома свидетельствуют о каннибалистических привычках туземцев и другими способами: они украшены черепами и подобными реликвиями прошлых пиршеств, а также другими украшениями.

Жители Соломоновых островов - некрасивые люди, и они не добавляют себе красоты своими способами украшения. Упорное употребление бетелевого ореха чернит их зубы, а лица обезображены полосами и пятнами белой краски, которая ужасно выделяется на фоне

черной кожи. Они любят носить многочисленные украшения в ушах, мочки которых перфорированы и настолько расширены, что в них можно носить круглые деревянные блоки девяти дюймов в окружности. Однако главным их украшением является браслет, сделанный из крупной раковины, найденной на рифах. Раковины достаточного размера для этой цели встречаются крайне редко, и среди фиджийцев и соседних народов они ценятся даже больше, чем зубы китов. Войны часто происходят из-за борьбы за обладание одним браслетом, в то время как по сравнению с таким ценным предметом человеческая жизнь считается совершенно бесполезной. Очень великие вожди и воины носят на руках по несколько таких колец; но они делают это, прекрасно понимая, что их украшение столь же опасно, сколь и ценно, и что они могут быть убиты только ради своих украшений.

Жители Соломоновых островов мало заботятся об одежде: все их одеяние - это просто кусок циновки, повязанный вокруг талии; примечательно, что они используют то же искусство окрашивания волос в желтый, белый или красный цвет или выведения из них всего цвета, которое практикуют фиджийцы.

Воинственные и свирепые, они владеют разнообразным оружием: дубинами разных видов, копьями, луками и стрелами. Чтобы защититься от ракетного оружия, они носят щиты из камыша, сплетенного так густо и плотно, что он способен противостоять стрелам и делать копья почти безвредными.

О том, что у них есть каноэ, можно судить по тому, что они обитают на островах такого маленького размера. Эти каноэ сделаны самым изобретательным образом, и их конструкция дает ключ к разгадке особой формы, которая так часто встречается на островах Полинезии. Как на форштевне, так и на корме концы каноэ сильно приподняты. Эта конструкция служит не только для украшения, хотя декор в ней используется свободно, но в основном предназначена для обороны. Когда команда нападает на врага или подвергается нападению, она всегда заботится о том, чтобы представить нос или корму каноэ врагу, и таким образом в значительной степени защищается поднятыми концами.

Как и большинство океанских народов, жители Соломоновых островов обильно украшают бока своих каноэ резьбой, перьями и инкрустацией. Для последней цели обильно используются белые раковины, а также черепаховая скорлупа. Иногда эти части каноэ вырезают так, чтобы они напоминали человеческое лицо: глаза делают из перламутра, уши - из черепаховой скорлупы, а подбородок украшают длинной бородой.

В одном из таких каноэ капитан Буганвиль обнаружил большое количество оружия и орудий труда: копья, луки и стрелы, щиты и рыболовные сети. Форма щитов была почти овальной, а стрелы имели наконечники из острых рыбьих костей. В лодке также были найдены различные предметы питания, такие как орехи какао и другие фрукты, среди которых был несколько поразительный предмет - человеческая челюстная кость, частично приготовленная.

К этой же группе островов относятся Новая Ирландия и Новая Британия, которые, кстати, были названы по принципу *lucus a non lucendo*, поскольку вряд ли можно найти какую-либо часть света, менее похожую на Ирландию или Британию в целом, чем эти маленькие острова.

По одежде и украшениям жители мало чем отличаются от жителей Соломоновых островов, разве что вожди носят круглые украшения из жемчуга, почти в точности похожие на дибби-дибби из Северной Австралии. Для этих целей также используется черепаховая раковина.

Эти племена, похоже, постоянно находятся в движении: воины по приказу вождей отправляются в походы, как наши полки на родине, и сопровождаются женами и семьями. Во время различных миграций мужчины обязаны заботиться об интересах своих семей, и если они пренебрегают этим, дело передается на рассмотрение совета вождей, которые проводят расследование. Если обвинение будет доказано, провинившегося приговаривают к бегу в перчатках - наказание, которое применяется точно так же, как и в Европе.

Все жители деревни, мужчины, женщины и дети, выстраиваются в двойную линию, и каждому дается пучок веток, связанных вместе, как школьные березы. Виновника ставят на одном конце этой линии, и по сигналу вождя он должен пробежать через нее определенное количество раз, получая удар от каждого, кто проходит мимо. Как бы ни был резок и суров этот закон, он демонстрирует немалую долю политической мудрости и в какой-то степени поднимает народ от простой дикарской жизни. Среди обычных дикарей мужчина - это все, а женщины и дети - ничто, и то, что на этих отдаленных островах они должны находиться под защитой правительства, свидетельствует о значительном продвижении к цивилизации. Кроме того, в способе наказания присутствует гениальная карательная справедливость. Бросив свою семью, мужчина перекладывает бремя ее содержания на общество, и поэтому справедливо, что наказание также должно быть возложено на общество.

Архитектура этих людей хороша, и сейчас мы увидим пример этого. Когда строится новая деревня, расчищается большое пространство, в центре которого находится дом совета - большое круглое здание, опирающееся на красные столбы и отличающееся тем, что на крыше стоит несколько высоких столбов, на каждом из которых висит человеческий череп. Пол покрыт тонкими циновками, окрашенными куркумой и украшенными вплетенными в них птичьими перьями.

Жилые дома строятся совсем по-другому. Туземный архитектор начинает с того, что выкапывает в земле большую квадратную яму глубиной около пяти футов, а над ней возводит дом, который получается довольно низким из-за глубины, полученной в подвале. Настил состоит из сорняков и покрыт толстым слоем глины, которая служит двойной цели - делает хижину огнеупорной и сохраняет прохладу внутри.

Оружие воинов во многом такое же, как и на других островах, но используются также пращи, а копья, как правило, имеют острый кремневый наконечник. Как и большинство папуасов, победители съедают врагов, которых они убивают в бою.

Из-за особенностей характера этих островитян мало что известно об их религии. То, что у них есть какая-то форма поклонения, очевидно из того факта, что они делают больших деревянных идолов, иногда десять или более футов в высоту, и устанавливают их в разных частях страны. [На иллюстрации № 2](#) на 949-й странице изображен один из таких идолов. Этим идолам постоянно приносят в жертву еду, а поскольку их никогда не забирают, запах разлагающихся фиг, птиц и фруктов выдает присутствие идола на большом расстоянии. На одном из островов, называемом Исабель, туземцы, как говорят, поклоняются змеям, жабам и различным рептилиям.

Самый восточный из этой группы, Сан-Кристоваль, имеет около семидесяти миль в длину и двадцать в ширину. В [№ 2](#), на странице 963, приведен вид, сделанный в гавани Макира, чтобы показать хитроумные дома, которые туземцы строят для защиты своих каноэ. Как

видно из , дом способен вместить значительное количество великолепно вырезанных судов и тщательно украшен, по туземной моде, идолами в образах, человеческими черепами, пучками перьев и подобными украшениями.

Самыми крайними в этой группе являются острова, известные под названием Адмиралтейские.

Аборигены этих островов используют разновидность обсидиана, который они раскалывают на осколки и используют так же, как мы используем сталь. Например, они делают из него бритвы, которыми бреют все части тела, кроме головы, на которой волосам позволено расти, и они завязываются в узел на макушке. Волосы часто окрашивают красной охрой и маслом. Из того же материала они делают наконечники для своих копий, привязывая наконечник к древку плетеной веревкой, смазанной камедью. Одежда жителей острова Адмиралтейства очень проста: женщины носят кусок циновки, обвязанный вокруг талии, а мужчины - только большую белую раковину. У них есть браслеты и нарукавники из плетеного волокна, а вокруг талии - пояс из такого же материала. Некоторые из них делают браслеты из крупных раковин морских ушей, выточив середину и закруглив края; украшения аналогичного характера вешают на уши, которые часто оттянуты вниз до такой степени, что нижние кончики мочек почти упираются в плечи. Такой огромный размер достигается ценой больших усилий: в ушном отверстии постоянно держится эластичный обруч, чтобы оно постепенно расширялось. У некоторых туземцев также проколота перегородка носа, и на ней висит веревочка, к концу которой прикреплены зубы. Вожди отличаются двойным рядом маленьких раковин на лбу и, похоже, пользуются значительной властью над своими подчиненными.

Когда капитан д'Антрекасто посетил это место, его лодки подошли к берегу, где собралось несколько туземцев, и капитан сделал знаки мира. Вождь, отличавшийся знаком отличия на лбу, приказал одному из туземцев подплыть к лодкам с несколькими орехами какао. "Боязнь приблизиться к людям, о намерениях которых он не знал, заставила островитянина, плавающего и беззащитного, на мгновение замешкаться. Но вождь, который, несомненно, мало привык к тому, чтобы его воле не подчинялись, не дал ему времени на раздумья. Удары дубиной, которую он держал в руке, немедленно сменили его приказ и заставили мгновенно повиноваться.....

"Чтобы утешить беднягу, наши люди дали ему несколько кусков красной материи, несколько гвоздей и нож, чему он был очень рад. Не успел он вернуться на остров, как любопытство собрало вокруг него всех остальных, каждый желал увидеть наши подарки. Каноэ были немедленно спущены на воду, многие туземцы вышли на берег и поплыли, и через короткое время вокруг наших лодок образовалось большое скопление людей. Мы с удивлением увидели, что ни сила прибоя, ни волна не отбили у них охоту к этому занятию.

"Был еще один вождь, отличавшийся теми же украшениями, что и уже упомянутый, а также ударами, которые он наносил своей дубиной тем, кому отдавал приказы."

Каноэ этих людей оснащены двойным аутригером, только один из которых касается воды, а другой выступает на равное расстояние на противоположной стороне. Они соединены платформой, на которой стоит командир, когда парус спускают и кладут на второй аутригер. Когда парус поднимают, он стоит на том месте, где он был уложен. Каждый аутригер выступает на восемь футов от борта. Весла имеют длину около шести футов и снабжены широкой лопастью, которая сделана отдельно от рукоятки и прочно прикреплена к ней шнуром.

Парус сделан из циновки и имеет площадь около тринадцати футов. Высота мачты - двадцать футов, и когда каноэ нужно разогнать до полной скорости, парус поднимают по диагонали, причем один угол выступает на ярд выше верхушки мачты. Когда туземцы хотят плыть медленно, они поднимают только несколько футов паруса, а остальная его часть лежит в каноэ; поднимая или опуская парус, они могут регулировать скорость так, как им удобно. Когда парус поднят до предела, каноэ может обогнать самые быстрые парусные корабли. Обычная длина каноэ составляет около тридцати двух футов, а предельная ширина - всего двадцать шесть дюймов.

Жители Адмиралтейских островов жуют перечный лист с добавлением извести, которую они держат в маленьком калабаше, но, похоже, не добавляют какао-орех. Только вожди, похоже, практикуют эту привычку, вероятно, из-за трудностей с получением необходимых материалов.

Один из этих островов, названный Бука, посетил капитан д'Антрекасто в 1792 году. Туземцы чернокожие, высокие, мощные и совершенно голые. Лицо довольно широкое и плоское, нос почти не выступает, рот большой, а губы необычайно тонкие. Они выщипывают все волосы на теле и позволяют расти только на голове, иногда припудривая их красным мелом. Красная и белая краска свободно используется на их теле, а уши проколоты и нагружены большими раковинами, которые доходят им почти до плеч. На талии они носят шнур, который несколько раз проходит вокруг тела, а некоторые из них имеют обычай связывать верхнюю часть руки подобным образом, помещая несколько плоских кусков дерева между рукой и шнурком.

Эти люди - хорошие каноисты, и, когда они управляют своими большими военными каноэ, проявляют дисциплину, которую вряд ли можно ожидать от дикарей. Между каждыми двумя гребцами с каждой стороны стоит воин, вооруженный луком и стрелами, а промежуточные группы воинов стоят лицом к корме, чтобы наблюдать за врагом и сражаться во время отступления. Двое из команды отправляются вычерпывать воду, которая при свежем ветре постоянно бьет в борта каноэ.

Лук примечателен тем, что тетива покрыта неким смолистым веществом для ее сохранности, а середина шнура искусно обмотана корой, чтобы предохранить ее от повреждений при ударе стрелы. Стрелы изготавливаются из двух частей: головка - из твердого и тяжелого дерева, а древко - из тростника. Место, где они соединяются, укрепляется перевязью из коры. Приклад стрелы обматывается таким же образом, чтобы предотвратить его расщепление тетивой. Они пользуются этим оружием с большим мастерством и, как доказал капитан д'Антрекасто, способны убивать им птиц.

Туземцы были готовы расстаться со своим оружием в обмен на красную материю, печенье, бутылки и другие товары, но были склонны к обману, соглашаясь отдать лук за платок, а получив платок, притворялись, что торговались не за лук, а за стрелы. Туземцы острова Бука, голые и дикие, все же имеют некоторую цивилизацию, о чем свидетельствует тот факт, что они выращивают какао-ореховую пальму, большие плантации которой простираются до берега воды на значительной части побережья.

Следуя за Соломоновыми островами в юго-восточном направлении, мы натываемся на другую группу островов под названием Новые Гебриды, простирающуюся примерно на четыреста миль и содержащую значительное количество островов различных размеров. Они, пожалуй, наиболее известны тем, что один из них, называемый Эрруманга, был местом, где встретил свою смерть знаменитый миссионер Джон Уильямс. В светском отношении эти острова приобрели большое значение благодаря тому, что на некоторых из них добывают

сандаловое дерево, что привлекает к ним большое количество торговых судов из разных стран, с которыми ведется значительная торговля.

Острова в основном имеют вулканическую природу и представляют собой обычные для таких мест вариации: некоторые части неровные, скалистые и голые, а другие плодородны и плодovиты в такой степени, которую едва ли могут себе представить те, кто никогда не видел тропической растительности. Как это часто бывает на островах, не отличающихся большими размерами и разделенных друг от друга умеренно широкими каналами, племена, населяющие их, значительно отличаются друг от друга по языку и манерам, а находятся в состоянии хронической вражды друг с другом. Они находятся достаточно далеко друг от друга, чтобы иметь редкие и нечастые сношения друг с другом, и поэтому постепенно расходятся в разные обычаи, но они не настолько далеки друг от друга, чтобы изолировать их и придать им национальность.

Мы находим это чувство в каждой из бесчисленных групп островов, покрывающих Тихий океан, и, как мы вскоре увидим, оно преобладает даже среди тех групп, которые сохраняют один и тот же язык и обычаи. Фактически, среди полинезийцев существует то самое чувство местной ревности, которое преобладает даже в цивилизованных странах, и которое, хотя и обязательно более ограничено, гораздо более жестоко, чем чувство вражды, преобладающее между могущественными нациями.

Один из самых крупных островов - Вате, который иногда называют Сандвичевым островом. Этот термин не следует использовать, так как он вызывает путаницу между одним островом Новых Гебрид и большой группой Сандвичевых островов, которые населены совершенно другой расой людей. Для чужестранцев Вате очень нездоров, но причины, порождающие малярию, также вызывают удивительное плодородие растительности. Этот остров имеет около семидесяти миль в окружности и отличается густой порослью лесов на нижних границах и зеленью на более высоких участках, которые не так хорошо приспособлены для деревьев. Туземцы, похоже, уделяют некоторое время сельскому хозяйству.

Жители имеют черную кожу, но высокий рост и хорошее телосложение, а их одежда во многих моментах напоминает одежду некоторых африканских племен. Мужская одежда состоит из широкого пояса или обмотки из циновки, вытканной узорами красного, белого и черного цветов. Волосы обычно собраны в пучок на макушке, окрашены в желтый цвет и украшены плюмажем из перьев.

Что касается украшений, то они во многом схожи с теми, которые уже упоминались у жителей Соломоновых островов. Мочки ушей всегда сильно расширены из-за привычки носить в них тяжелые украшения, вырезанные из белых раковин или подобных материалов. Перегородка носа чаще всего проколота, а отверстие заполнено белым камнем. На руках и груди сделаны приподнятые шрамы, расположенные в определенных узорах. Островитяне используют нарукавники из ракушек. Их фигура и костюм хорошо представлены на [гравюре № 1](#) на 973-й странице.

Женщины одинаково хорошо одеты с мужчинами, и общая мода одежды во многом совпадает. Однако они носят любопытное дополнение к платью, которое очень похоже на платье африканских женщин Овамбо. Вокруг талии проходит пояс шириной около семи дюймов, сделанный из плетеного волокна, сплетенного в аккуратные узоры. От этого пояса спереди висит квадратный фартук не очень большого размера, а сзади прикреплена широкая полоса такой же плетеной циновки, как и та, что обращена к поясу. Она спускается до половины ноги и завершается веерообразной бахромой из плетеной травы длиной около восемнадцати дюймов и пропорциональной ширины. Женщины, так же как и мужчины,

практикуют обычай делать на теле рельефные шрамы. Они отличаются от мужчин способом укладки волос: их подстригают близко к голове, а не позволяют им вырасти во всю длину и завязывают в пучок.

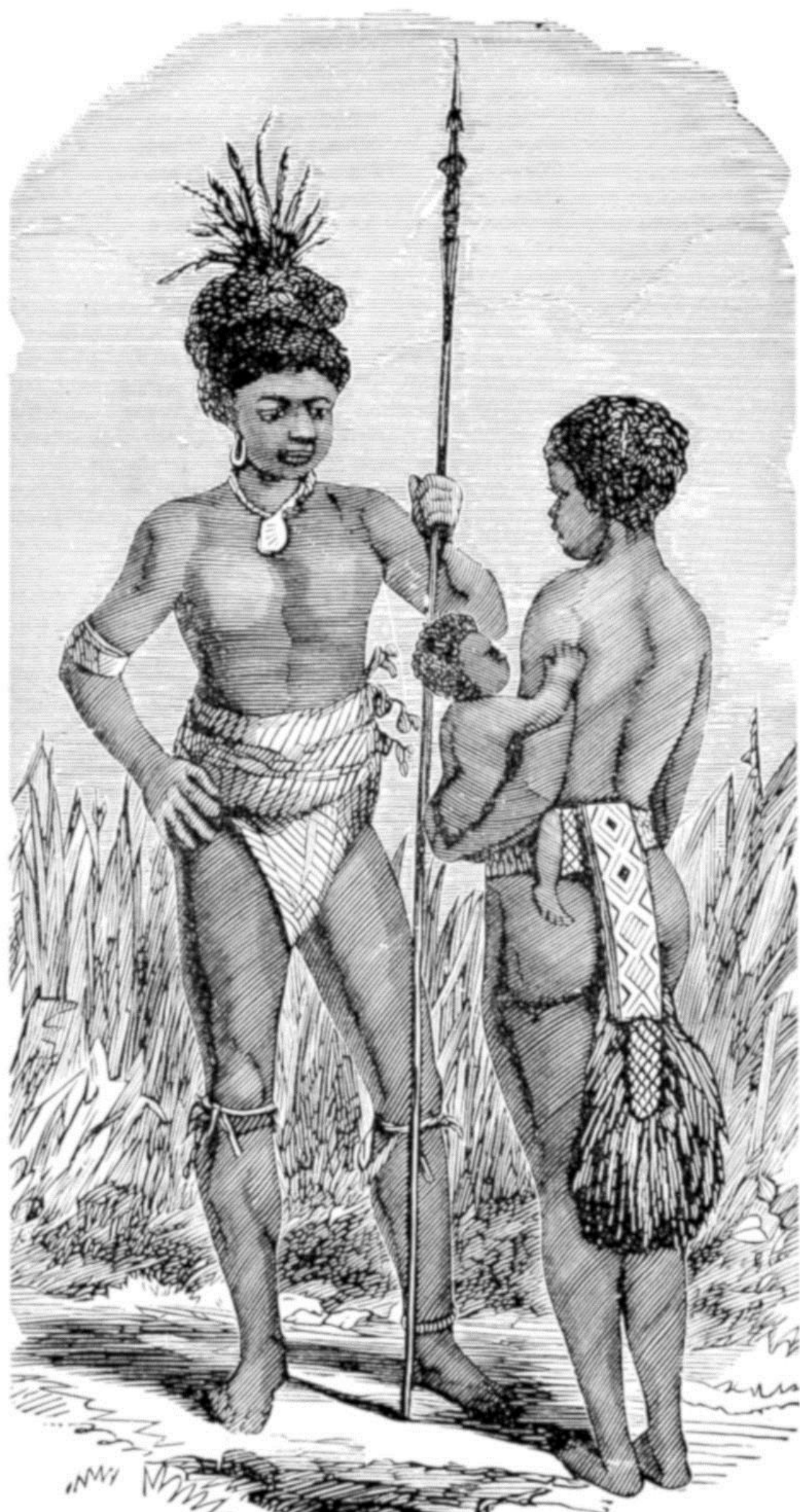
Оружие этих островитян отличается красотой отделки: колючки стрел аккуратно вырезаны, а стык головки и древка изящно украшен плетеной травой и перьями. Действительно, стрелы имеют любопытное сходство с теми, что делают некоторые племена тропической Америки.

Как и жители Соломоновых островов, жители Новых Гебрид имеют в своих деревнях большие залы для заседаний. Однако вместо того, чтобы быть круглыми, они обычно имеют значительную длину, иногда достигая ста футов от одного конца до другого. Они полностью открыты с одной стороны. По какой-то неясной причине они украшены костями различных животных, причем конкретный вид, от которого они взяты, не имеет никакого значения. Например, в одном из таких домов можно увидеть кучки костей, взятых без разбора от свиней, птиц и рыб, а к ним примешаны панцири омаров и других ракообразных. Считается, что человеческие кости для этих целей не используются.

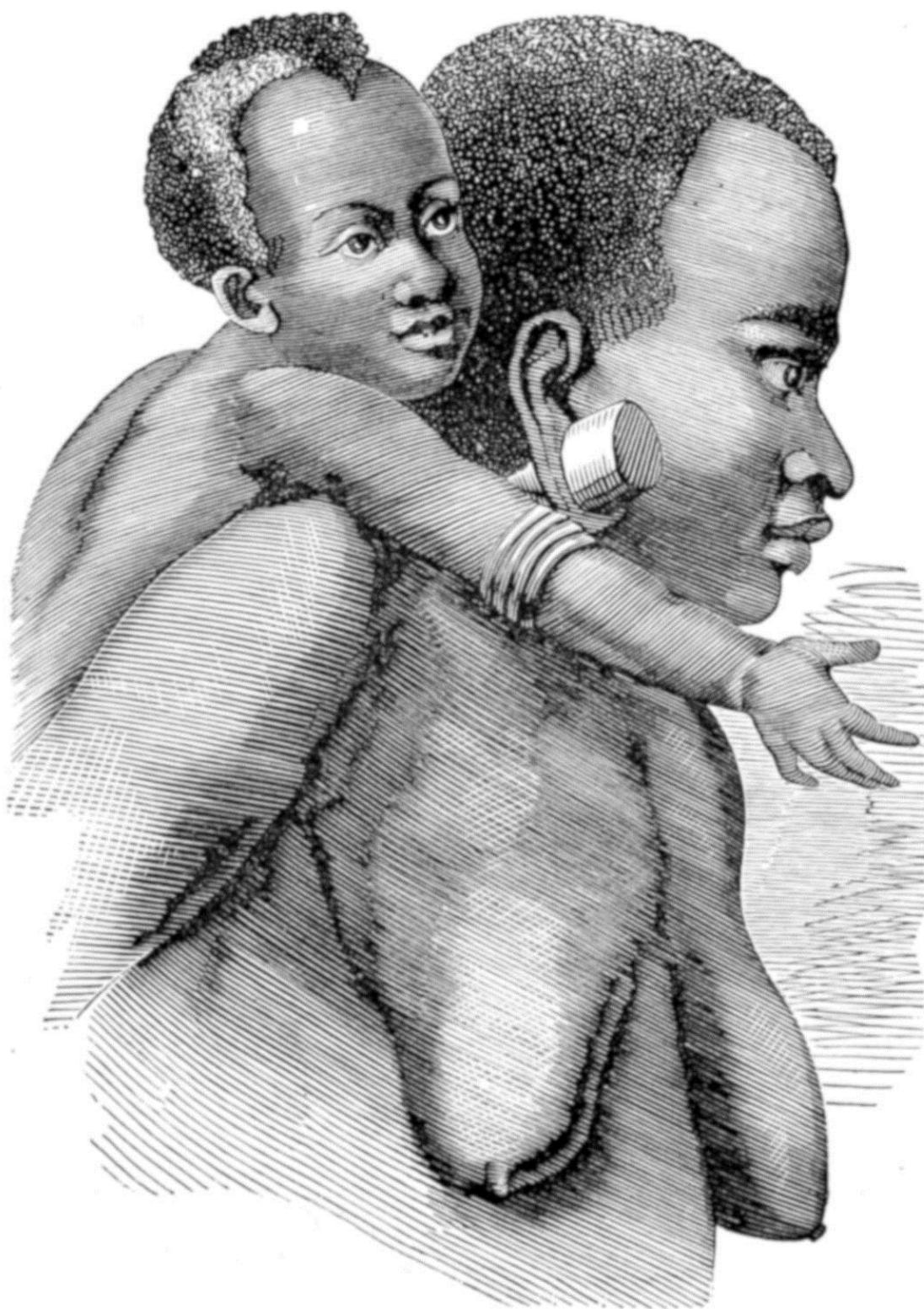
Любопытный контраст с этими племенами представляют жители другого острова под названием Танна, которые, безусловно, уступают жителям Вате в росте и внешнем виде, и, как считается, в интеллекте. Они пользуются дурной репутацией, о них говорят, что они вероломны и жестоки. То, что они также считаются каннибалами, не вызывает удивления, поскольку они принадлежат к папуасской расе. Говорят, что в одном отношении они соперничают с африканскими фанатами: они выкапывают тела погребенных мертвецов, чтобы съесть их.

Остров вулканический, и подземные пожары, похоже, способствуют и без того буйной растительности тропиков, которая на Танне достигает почти невероятного развития.

Жители Танны такие же чернокожие, как и жители Вате, но, похоже, не имеют других точек сходства. Мужчины, похоже, считают, что они недостаточно черны от природы, так как имеют обыкновение мазать свои соболиные лица черным свинцом и рисовать на черной земле различные узоры красной охрой. Волосы вьются по обычному папуасскому типу и окрашиваются в красновато-русый цвет с помощью извести.

(1.) МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА ИЗ НЬЮ-ГЕБРИД.
(См. [стр. 972.](#))

(2.) ЖЕНЩИНА И РЕБЕНОК ИЗ ВАНИКОРО.
(См. [стр. 975.](#))

(3.) ДОЧЬ ВОЖДЯ ТОНГАНЦЕВ.
(См. [стр. 977.](#))

Теперь мы переходим к Эрруманге. Он сохранил свою традиционную свирепость. Не удовлетворившись убийством первого миссионера, ступившего на их берега, жители спустя много лет убили другого миссионера и его жену. Это второе убийство произошло по вине священников, которые убедили народ, что эпидемия, причинившая большой вред туземцам, была вызвана миссионерами из чужой страны. Невежественные люди охотно поверили в это утверждение и, охваченные неконтролируемой яростью дикаря, убили обоих обвиняемых. Едва совершив это преступление, люди раскаялись в нем, и только на следующий день после убийства, когда тела были похоронены, туземцы стояли вокруг могилы, переполненные горем, причем самым искренним скорбящим был вождь округа.

Убийство этих людей, как это ни прискорбно, действительно проложило путь для других, которые пошли по их стопам; и, как это обычно бывает в случае преследований, дело только набирало силу от попыток подавить его основной силой.

Одно время жителей держали в таком страхе, что туземцам не разрешалось подниматься на борт кораблей, а мужчинам - высаживаться на берег. Небольшая торговля велась сандаловым деревом, которое туземцы доставляли на лодки вплавь через прибой, и, будучи обязательно безоружными, могли заключать сделки, не подозревая о предательстве. Поэтому, несмотря на то, что дикая природа жителей иногда прорывалась наружу и проявлялась в кровопролитии, сам факт того, что европейцам разрешили проживать на острове в течение какого-то времени, свидетельствует о значительном улучшении характера туземцев.

Самый северный остров группы - Анеитеум, один из островов, где в большом количестве произрастает сандаловое дерево. Природная свирепость и подозрительность туземцев была преодолена благодаря разумному созданию и внедрению фабрики, на которую туземцы доставляют сандаловое дерево и с которой оно продается кораблям, которые находят здесь запасы этого ценного дерева, всегда готовые для них. Основной рынок сбыта древесины находится в Китае, где ее режут на различные предметы роскоши с обычным терпением, характерным для художников этой страны. Успех этой фабрики показывает, что лучший способ обращения с дикарями - это относиться к ним точно так же, как к детям, и использовать во всех делах с ними равную смесь доброты и твердости, делая поправку на различное строение их ума и влияние дикарских привычек на их поведение; но в то же время быть твердым почти до суровости и никогда не допускать посягательств. Самое надежное правило в общении с дикарями - никогда не обманывать и никогда не доверять.

Жители Маликоло значительно отличаются от жителей упомянутых островов. В то время как туземцы Вате отличаются высоким ростом и прекрасным телосложением, жители Эрруманги едва ли уступают им, а жители Танны крепкие и сильные, хотя и сравнительно невысокого роста, жители Маликоло - маленькие, непропорциональные люди, уродливые лицом и уродующие себя тем, что носят пояс вокруг талии, затянутый так туго, что это придает им вид часовых стекол или осиных глаз.

Читателю, вероятно, известно, что в 1788 году суда "*Буссоль*" и "*Астролябия*", которыми командовал знаменитый мореплаватель Ла Пероуз, исчезли, и больше о них ничего не было слышно. В последний раз его видели в Ботани-Бей, куда он прибыл из Тонга.

В 1791 году экспедиция, состоящая из двух судов, *Recherche* и *Espérance*, была снаряжена под командованием капитана д'Антрекасто и отправлена на поиски пропавших кораблей.

Экспедиция не достигла своей непосредственной цели, хотя в ходе исследований было сделано несколько ценных открытий.

В 1792 году корабли д'Антрекасто оказались у Новых Гебрид и оказались среди коралловых рифов и отмелей, о которых они ничего не знали и которые вызывали немалую тревогу. Из-за опасности этих рифов капитан не трогал все острова, которые попадались на глаза, а довольствовался тем, что называл их и отмечал их местоположение на карте. Как оказалось, один из этих островов, Ваникоро, или остров Решерш, как назвал его д'Антрекасто, и был тем местом, где потерпел крушение "Ла Пероуз", так что экспедиция фактически прошла в пределах видимости того самого места, которое было целью их плавания. Д'Антрекасто практически завершил путешествие, начатое Ла Перозом, и его рассказ является необходимым дополнением к рассказу мореплавателя, в поисках которого он отправился в плавание. Только спустя сорок лет были обнаружены реликвии, которые неопровержимо доказали, что Ваникоро - это то самое место, где погибли Лаперуз и его спутники. Ваникоро иногда называют островом Питта. На 973-й странице приведена [иллюстрация](#), изображающая женщину из Ваникоро и ее ребенка, которая передает выражение лица и черты этих островитян.

ГЛАВА ХСІХ. ТОНГА. ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАНГИ.

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТОНГА И ФИДЖИ - ОККУПАЦИОННАЯ АРМИЯ - ОБЩИЙ ВИД ТОНГАНЦЕВ - ИХ ОДЕЖДА - ГНАТУ И СПОСОБ ЕГО НОШЕНИЯ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГНАТУ - ОТБИВАНИЕ, СОЕДИНЕНИЕ И ПЕЧАТЬ ДЕТАЛЕЙ - РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ГНАТУ И ТАППА - УКРАШЕНИЯ, КОТОРЫЕ НОСЯТ ТОНГАНЦЫ - ЗУБЫ КИТА, И ИХ СТОИМОСТЬ - ФИНОУ И ЗУБЫ - РАЗЛИЧИЯ РАНГОВ - СВЕТСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ РАНГ - ТОИ-ТОНГА, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИВИЛЕГИИ - ВЕАЧИ - ХАУ, ИЛИ КОРОЛЬ, ЧАСТО УСТУПАЮЩИЙ ПО РАНГУ МНОГИМ СВОИМ ВОЖДЯМ - ЭГИ, ИЛИ ДВОРЯНЕ - МАТАБУЛЫ, ИХ РАНГ И ОБЯЗАННОСТИ - МУА, ИЛИ ДВОРЯНЕ; И ТОАС, ИЛИ ПРОСТОЙ НАРОД - БРАЧНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ РАЗНЫХ РАНГОВ - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ.

Наши читатели, возможно, помнят, что в рассказе об островах Фиджи упоминалось о существовании одного народа, который, по мнению фиджийцев, свободен от их обычая убивать и съедать всех посетителей их побережья. Это жители Тонганской группы, известной в народе как Дружественные острова. Благодаря своей храбрости в войне и превосходному интеллекту они сыграли по отношению к фиджийцам ту же роль, которую так часто играли более цивилизованные народы. В одном или двух случаях они обнаружили, что фиджийские вожди сильно потеснены мятежниками, выступили на стороне своих хозяев, разгромили мятежников и вернули власть вождям.

Примечательный случай такой своевременной помощи произошел в 1855 году. Тхакомбау, о котором мы уже слышали, оказался под угрозой потерять жизнь и трон вместе с восстанием, возглавляемым вождем по имени Мара. К счастью, он заранее подарил великолепное каноэ тонганскому королю, который, согласно обычаю, приплыл в сопровождении большого флота, чтобы принять королевский подарок с должным почетом. Он тут же повел свои войска против мятежников, ворвался в удерживаемый ими форт Камба, взял его и полностью

рассеял врага, причем сам Мара спасся только тем, что налетел на острые раковины рифа, тем самым едва не перебив себе ноги, и вплавь добрался до соседнего города на побережье.

После этого подвига вождь тонганцев отправился на остров Тавиуни, где бушевало очередное восстание, вызванное убийством вождя его сыновьями. Он положил конец и этому восстанию, выяснил, кто из других сыновей убитого вождя больше претендует на звание его отца, и официально утвердил его в должности. Победенные мятежники, обнаружив, что вождь тонганцев слишком силен для них, попытались заманить его в засаду, но добились лишь убийства одного из его вождей. Тонганцы немедленно высадились на остров и отомстили за смерть своих друзей самым ужасным образом. После этого под командованием вождя по имени Маафу, родственника короля, была оставлена большая партия тонганских воинов, и с помощью этой силы мятежники были успешно подавлены.

Как и следовало ожидать, тонганцы воспользовались своим положением и вновь разыграли басню об олене, лошади и человеке. Около четырехсот из них в целом остаются на Фиджи и властвуют над туземцами подобно оккупационным армиям в других странах. Тонганский воин без малейшего стеснения приходит в чужую деревню, заходит в дом, который ему больше всего нравится, и занимает лучшее место с простыми словами: "Эта часть дома - моя". Он берет лучшую еду, а если строит каноэ, то только в качестве бригадира, заставляя фиджийцев выполнять всю тяжелую работу. Однако ничто из того, что делают тонганцы, так не раздражает туземцев, как их небрежная привычка трясти хлебные деревья, чтобы получить плоды, которые всегда нужно собирать вручную.

Говорят, и, возможно, не без оснований, что тонганцы подумывают о полном покорении фиджийцев; судя по их опыту, мужеству и дисциплине, а также страху, который они сумели внушить фиджийцам, можно не сомневаться, что попытка, если она будет предпринята, окажется успешной. Фиджийский воин сражается сам по себе, каждый по отдельности, в то время как тонганцы действуют в унисон; поэтому фиджийцы, которые сражались с ними, сравнивают их с богами, против которых бесполезно бороться.

Как можно понять из этих сведений, тонганцы - раса, превосходящая фиджийцев. Фиджийцы принадлежат к папуасской расе, тогда как тонганцы - к полинезийской, которая не обладает такими жесткими волосами и грубой кожей, как папуасы, и, как правило, гораздо светлее, а цвет лица часто такой же белый, как у многих европейцев. В целом это необычайно красивые люди, причем красота не ограничивается мужчинами, как это бывает у многих диких племен, а в равной, если не в большей степени, присуща женщинам. [Портрет](#) дочери вождя тонганцев, помещенный на 973-й странице, подтверждает это утверждение.

Одежда обоих полов сделана из похожих материалов, но по-разному устроена. Ткань на языке тонганцев называется "гнатоо" и почти идентична фиджийской маси. Она изготавливается из коры того же дерева и выбивается очень похожим способом, за исключением того, что тонганские женщины более тщательно и деликатно, чем фиджийские, выбивают кору своими рифлеными молоточками. Качество гнатоо несколько различается в зависимости от острова, на котором его делают, но самым лучшим считается гнатоо из Вавау.

При надевании гнату существует почти такое же разнообразие, как при укладке шотландского пледа, а способ укладки служит для обозначения различий в ранге. Самый модный способ, который практикуют вожди, - обернуть часть гнату вокруг поясницы так, чтобы складки позволяли свободно двигаться конечностям, а затем пропустить оставшуюся часть вокруг талии, как широкий пояс, и заправить концы под пояс перед телом. Часть, образующая пояс, устроена так, что ее можно в любой момент ослабить и перекинуть через

голову и плечо. Так всегда поступают, когда владельцу приходится находиться за границей в ночное время.

Мужская гнату имеет длину около восьми футов, а ширину - шесть. Под гнатоо находится пояс из того же материала. У женщин гнату больше, чем у мужчин, и они складывают его в складки, которые по изяществу не уступают античным, и, кажется, так и норовят упасть с человека. Однако этого никогда не происходит, и даже если гнату случайно соскользнет, женщины надевают под него небольшой коврик или подъюбник глубиной около фута.

Поскольку гнату играет столь важную роль в одежде полинезийцев, мы расскажем о его производстве, взяв материал из ценной истории тонганцев Маринера: "Вокруг дерева у корня раковины делается круговой надрез, достаточно глубокий, чтобы пробить кору, и дерево отламывается в этом месте, что легко допускается его тонкостью. Когда несколько деревьев разложены на земле, их оставляют на солнце на несколько дней, чтобы они частично высохли, и тогда внутреннюю и внешнюю кору можно снять вместе, без опасности оставить волокна.

"Затем кору замачивают в воде на день и ночь и тщательно соскабливают раковинами, чтобы удалить внешнюю кору или эпидермис, который выбрасывают. Внутреннюю кору сворачивают в длину и вымачивают в воде еще сутки. Теперь она разбухает, становится более жесткой и способна выбиваться в тонкую текстуру.

"Подготовив таким образом кору, приступают к операции *ту-ту*, или отбиванию. Эта часть работы выполняется с помощью молотка длиной в фут и толщиной в два дюйма, имеющего форму параллелоипеда, две противоположные стороны которого горизонтально рифлены на глубину и ширину около линии, с интервалами в четверть дюйма.

"Кора длиной от двух до трех футов и шириной от одного до трех дюймов укладывается на деревянную балку длиной около шести футов и шириной и толщиной девять дюймов, которая поддерживается на высоте около дюйма от земли кусками дерева с каждого конца, чтобы обеспечить определенную степень вибрации. Две или три женщины обычно сидят у одной балки; каждая кладет свою кору поперек на балку непосредственно перед собой, и пока она бьет правой рукой, левой она медленно перемещает ее туда и обратно, так что каждая часть становится одинаково избитой. Сначала используется рифленая сторона молотка, а затем гладкая.

"Обычно они бьют поочередно, и рано утром, когда воздух тих и спокоен, удары в гнату на всех плантациях производят очень приятное впечатление. Некоторые звуки близки, а другие почти теряются из-за расстояния, - одни немного острее, а другие более серьезные, - и все с удивительной регулярностью, производят замечательный эффект, который очень приятен, и не немного усиливается пением птиц и веселым влиянием сцены. Когда одна рука устает, молоточек ловко переключается в другую, не вызывая ни малейшей ощутимой задержки.

"За полчаса она становится достаточно тонкой и настолько растягивается по бокам, что в развернутом виде становится почти квадратной; следует заметить, что в процессе работы ее несколько раз складывают вдвое, благодаря чему она распределяется более равномерно и не ломается. Подготовленную таким образом кору называют *фетаги*, и чаще всего ее откладывают в сторону, пока не наберут достаточное количество, чтобы в будущем приступить ко второй части операции, которая называется *коканга*, или печать *кокой*.

"Когда это нужно сделать, некоторые занимаются сбором ягод *пальмы*, мякоть которой служит для пасты (но иногда ее заменяют муцилагиновым веществом корня махоа); в то же

время другие заняты соскабливанием мягкой коры дерева какао и дерева *тоди-туи*, из которых при выжимании без воды выделяется красновато-коричневый сок, используемый в качестве красителя.

"Штамп изготавливается из высушенных листьев *паоонго*, сшитых вместе так, чтобы они были достаточного размера, а затем вышивается, в соответствии с различными приспособлениями, с помощью жесткого волокна шелухи ореха какао. Изготовление этих печатей - еще одно занятие женщин, причем в основном знатных. Их длина обычно составляет около двух футов, а ширина - полтора фута. Их привязывают к выпуклой стороне полуцилиндров из дерева, обычно длиной около шести или восьми футов, чтобы можно было одновременно выполнять две или три подобные операции.

"Закрепив таким образом штамп вышитой стороной вверх, на него кладут кусок подготовленной коры и намазывают сложенным куском гнату, смоченным в одной из красновато-коричневых жидкостей, о которых уже говорилось, так что вся поверхность подготовленной коры становится окрашенной, но особенно те ее части, которые приподняты рисунком на штампе. Теперь на нее кладется другой кусок гнату, но не такой широкий, который прилипает благодаря муцилагиновому свойству красителя, и он таким же образом намазывается; затем третий таким же образом.

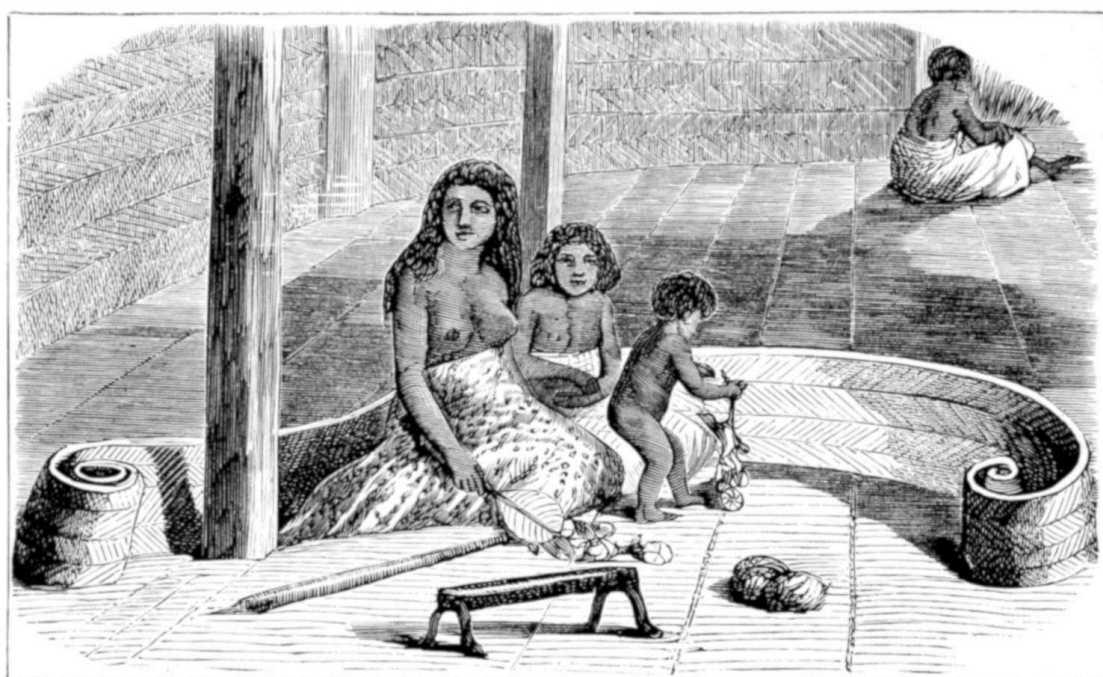
"Теперь вещество имеет толщину в три слоя. Затем добавляются другие, чтобы увеличить его в длину и ширину, наклеивая их края поверх первых, но не так, чтобы в любом месте оставалось более трех складок, что легко удастся, поскольку край одного слоя не доходит до края того, который находится под ним.

"Во время всего процесса каждый слой отпечатывается отдельно, так что можно сказать, что узор существует в самом веществе гнату; и когда одна часть отпечатана по размеру штампа, материал перемещается дальше, следующая часть, либо в длину, либо в ширину, становится отпечатанной, причем узор начинается рядом с тем местом, где закончился другой. Так они продолжают печатать и увеличивать его примерно до шести футов в ширину и, как правило, до сорока или пятидесяти ярдов в длину. Затем ее аккуратно сворачивают и запекают под землей, отчего краска становится довольно темной и прочнее закрепляется в волокне; кроме того, она лишает его специфического дымного запаха, присущего коке.

"После того как ткань подвергается нагреванию в течение нескольких часов, ее расстилают на травяной площадке или на песке морского берега и приступают к завершающей операции *тооги-хеа*, то есть окрашиванию ее в определенных местах соком хеа, который представляет собой блестящий красный лак. Это делается по прямым линиям вдоль тех мест, где края напечатанных частей соединяются друг с другом, и служит для того, чтобы скрыть небольшие неровности; также в разных других местах, в виде круглых пятен, около дюйма с четвертью в диаметре. После этого гнату выставляют на ночь на росу, а на следующий день, высушив на солнце, упаковывают в тюки, чтобы использовать по мере необходимости. Когда гнату не напечатан и не окрашен, он называется *таппа*".

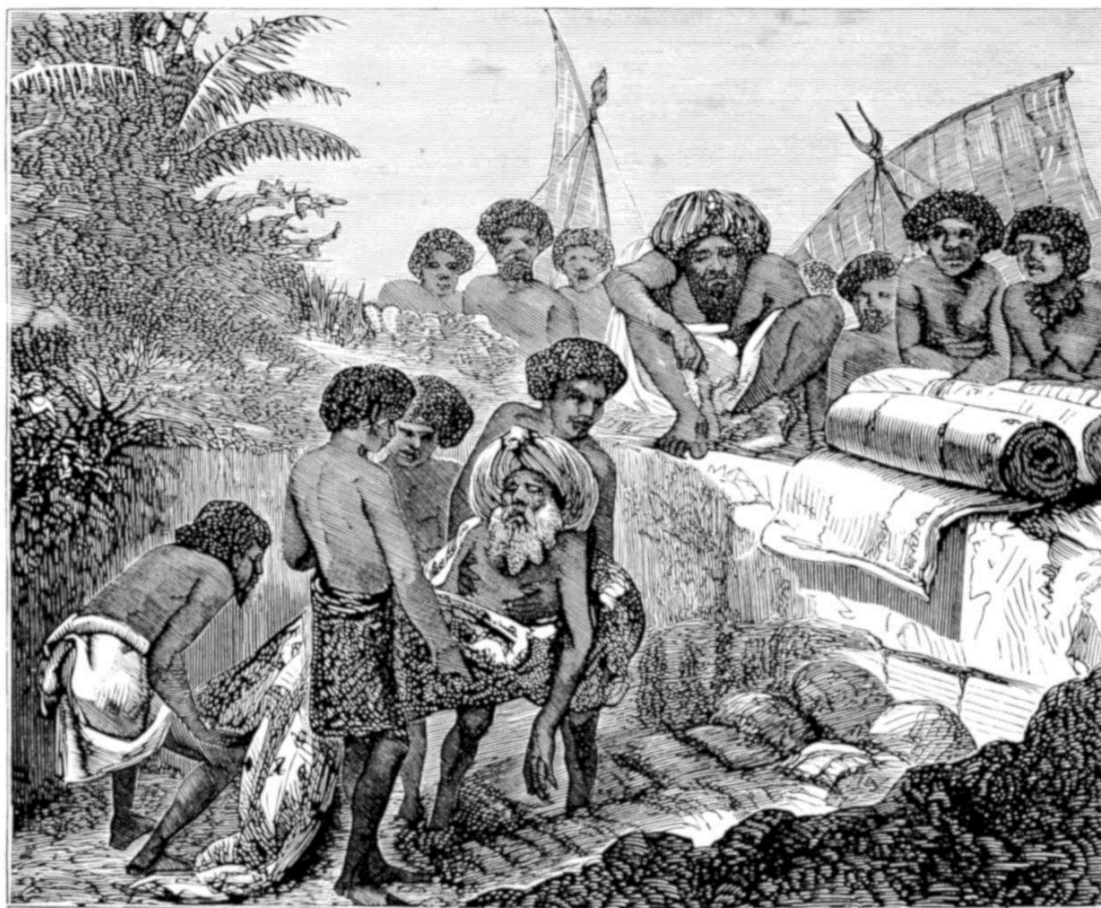
Тонганцы носят различные украшения для обоих полов, среди которых можно перечислить разновидность вьюнка с цветами, расположенными вдоль стебля через определенные промежутки. Его носят на шее или на талии, и он имеет необычайно изящный и привлекательный вид. Но самым ценным украшением является украшение из слоновой кости зубов кита, вырезанное таким образом, чтобы в миниатюре напоминать сам зуб. Они бывают разных размеров, от одного дюйма до четырех дюймов в длину, и связаны между собой шнуром, пропущенным через отверстие, сделанное в их толстых концах.

Эти зубы ценятся на Тонга даже больше, чем на Фиджи, и обычный человек не осмелится иметь их у себя, прекрасно понимая, что при первой же возможности обвинения он наверняка лишится жизни. Однажды Финоу, королю Тонга, рассказали о ките, который сел на мель на маленьком острове, где жили только мужчина и его жена. Когда Финоу добрался до места, он обнаружил, что зубы были удалены, и приказал взять мужчину и женщину под стражу по обвинению в их краже. Оба отрицали, что у них было больше двух зубов, и отказались от них, после чего мужчина был немедленно убит дубинкой, а женщине пригрозили аналогичной участью. Под страхом этой угрозы она показала еще два зуба, которые спрятала, но, отказавшись признать, что знает о существовании других, ее постигла та же участь, что и ее мужа. Спустя много лет пропавшие зубы были обнаружены, так как женщина закопала их в землю. Этот анекдот показывает, насколько ценными считаются зубы китов: король взял на себя труд лично отправиться за ними, а женщина скорее согласилась на смерть, чем рассталась со своими сокровищами.

(1.) ИНТЕРЬЕР ДОМА ТОНГАНА.

(См. [стр. 981.](#))

(2.) ПОГРЕБЕНИЕ ЖИВОГО КОРОЛЯ.
(См. [стр. 966.](#))

Хорошее представление о внешнем виде тонганской женщины можно получить из [иллюстрации № 1](#) на предыдущей странице, на которой изображен интерьер дома вождя и часть его семьи.

На переднем плане - одна из странных деревянных подушек, которые так популярны во всей Полинезии, а один из самых заметных предметов - рулон узкой циновки, которая используется для того, чтобы окружать мужчин и женщин высокого ранга, когда они сидят на полу. Внутри него сидит жена вождя, в изящной позе, принятой у тонганцев, демонстрируя простые и действительно элегантные складки платья гнатоо. Читатель обратит внимание на кажущуюся небрежность, с которой надето платье: складки лежат так свободно, что, кажется, готовы соскользнуть в любой момент. Однако они идеально затянуты, и нет ни малейшей опасности, что они соскользнут.

До двух лет дети не носят никакой одежды; но когда они выходят на улицу, родители всегда оборачивают их куском гнатоо или таппа. Туземцы очень придирчивы к своей одежде, с особой тщательностью рассматривают каждую складку и тратят много времени на ее укладку. Даже во время купания они всегда облачаются в легкое платье, сшитое специально для таких случаев, отходя в сторону, чтобы сменить обычный гнату на фартук из листьев или циновки. Полная нагота считается у тонганцев настолько неуважительной, что если мужчина вынужден раздеться рядом с местом, где похоронен вождь, он надевает передник из листьев, пока переодевается.

Теперь мы перейдем к рассмотрению различных рангов в Тонга и способа управления. Ранги можно разделить на два различных порядка, а именно: религиозные и гражданские. Мы должны рассматривать их именно в таком порядке, потому что среди тонганцев религиозные ранги имеют приоритет перед гражданскими.

Самым большим по рангу человеком является Той-тонга. Это слово буквально означает "вождь Тонга" и дается потому, что человек, носящий его, - самый великий человек в Тонга, который является вождем всей группы островов. Это слово обозначает не имя, а звание: фамилия Фатагехи, а звание передается по нисходящей линии законного происхождения. Той-тонга настолько великий человек, что в его присутствии никто не может стоять, а обязан сесть в знак уважения. Даже король не освобожден от этого закона, и если он случайно встретит Той-тонга, то должен будет смиренно сидеть на корточках, пока великий человек не пройдет мимо.

Тоой-тонга во многих отношениях одинок, и, согласно нашим представлениям, у него много достоинства, но очень мало комфорта, он ведет жизнь, подобную жизни духовного императора Японии. У него, конечно, есть одно преимущество перед своими собратьями: он не подвергается операции татуировки, потому что нет никого достаточно высокого ранга, чтобы взять кровь столь священной персоны. Его женят в свойственной ему манере, хоронят в особой манере и оплакивают в особой манере. Он настолько священен, что при разговоре о нем используется другой язык, многие фразы зарезервированы специально для Той-тонга. Вероятно, это реликты древнего и почти утраченного языка, как и в случае с заклинаниями новозеландских жрецов.

Причина такого необычного почитания заключается в том, что Тоой-тонга считается прямым потомком главного бога, который имел обыкновение посещать острова; но была ли его женская прародительница богиней или уроженкой земли - вопрос открытый для тонганцев. Несмотря на все почитание, которое ему оказывают, реальной власти у Тоой-тонга очень мало, и в этом отношении он намного превосходит короля и многих вельмож.

Есть еще один вождь, Веачи, который, как предполагается, также имеет божественное происхождение и поэтому пользуется большим почитанием, чем любой из вождей, но уступает Той-тонга. Правда, в его присутствии король должен сидеть на земле в позе смирения, и он считается существом, следующим по рангу после самого великого Той-тонга; но другие знаки почитания, такие как отдельный язык, различные способы бракосочетания, погребения и траура, не воздаются ему; а по силе он равен многим вождям.

Далее по рангу, но на очень большом расстоянии, следуют жрецы. Эти люди получили свое название от способности быть вдохновленными определенными богами, и, за исключением случаев, когда они действительно вдохновлены, не имеют никакого особого ранга, и им не воздается никаких почестей, кроме тех, которые могут принадлежать им как частным лицам. Маринер замечает, что он никогда не знал случая, когда жрец был бы вождем. Король иногда становится вдохновленным, потому что есть один бог, который не может говорить иначе, как королевскими устами; но король, как следствие, не считается жрецом. Той-тонга и Веачи также не считаются жрецами, и между ними и жречеством нет никакой связи.

Если во время собрания жрец получает вдохновение, он немедленно оказывается в высшей степени почитаемым, пока длится вдохновение, потому что считается, что бог говорит его устами. Если по такому случаю на собрании присутствует король, он немедленно покидает свое место и скромно садится среди зрителей. Даже сам великий Той-тонга ведет себя подобным образом, и, хотя он потомок бога, он удаляется перед фактическим присутствием божества.

С духовным рангом покончено, теперь перейдем к мирскому.

Высшим человеком с мирской точки зрения является хау, или король, который является самым могущественным из всех вождей, но при этом может уступать в ранге самому бедному из своих вельмож, или эги. Ранг на Тонга измеряется отношением к Той-тонга или Веачи, причем родственники первого считаются выше родственников второго. В результате король может встретить бедняка, у которого почти нет власти, но который настолько выше короля по рангу, что тот должен сидеть, пока его начальник не пройдет. Если он этого не сделает или случайно коснется чего-либо, принадлежащего его начальнику, тапу начнет действовать, и ему не разрешат покормить себя собственными руками, пока он не подойдет к начальнику и не поприветствует его, коснувшись его ног.

Вследствие этих обычаев король избегает общения с вельможами, превосходящими его по рангу, а они, в свою очередь, держатся как можно дальше от него, чтобы не унижать его, заставляя сидеть, пока они стоят. Изначально король был потомком Той-тонга и, таким образом, занимал одинаково высокое духовное и мирское положение. Но когда трон был узурпирован другими семьями, царь все же сохранил временную власть, хотя и уступил духовный ранг другим.

Следующими после царя идут эги, или вельможи. Все они являются родственниками Тоой-тонга, Веачи, или короля, причем родство с королем дает право на ранг, поскольку он держит бразды правления. Ранг на Тонга, как и на других полинезийских островах, передается по женской линии, так что все дети женщины эги обладают рангом эги, независимо от того, кто является их отцом.

После знати следуют матабуле, или советники, которые являются спутниками и советниками вождей и получают свой ранг от вождя, к которому они прикреплены. Они всегда являются главами семейств и в основном зрелыми и опытными мужчинами, поэтому их советы высоко ценятся. Старшего сына матабуле тщательно готовят к тому, чтобы он занял место своего отца после его смерти, и досконально изучают все обряды и церемонии, отправление законов и многие моменты этикета, к которым так щепетильны тонганцы. Он также изучает все традиционные записи своего народа и к тридцати годам или около того в совершенстве владеет своей профессией. Но пока его отец не умрет, он не имеет никакого звания и является всего лишь одним из простых дворян, о которых мы сейчас расскажем.

Последними из всех, кто обладает каким-либо рангом, являются дворяне, или муа. Все сыновья матабулесов - муа, и они выступают в роли помощников матабулесов, помогая во время больших церемоний в управлении танцами, распределении пищи и т. д. Как и их начальники, они прикрепляются к службе какого-либо вождя и получают свою относительную значимость от его ранга. Как правило, все муа исповедуют какое-либо искусство, например, строительство каноэ, резьбу по слоновой кости и руководство похоронными обрядами, в которых также принимают участие матабуле. Они также руководят изготовлением каменных гробов, изготовлением сетей, рыбаками и архитекторами, и все эти профессии передаются по наследству.

Как дети и братья матабулов занимают следующий низший ранг - муа, так и дети муа занимают следующий низший ранг и считаются туа, или плебеями. Однако в этом случае старший сын муа после смерти отца переходит в его ранг и поэтому пользуется большим уважением, чем его братья, которые считаются у нас младшими сыновьями. Туа выполняют всю рутинную работу, выступают в роли поваров, цирюльников, татуировщиков, резчиков по дереву и так далее. Впрочем, двумя последними профессиями, требующими художественного мастерства, занимаются и муа.

Из этого краткого очерка видно, насколько сложной и в то же время понятной является система тонганцев, даже если учесть двойные ранги духовных и мирских чинов. Это уважение к рангу переносится даже в частную жизнь дома. Если, например, женщина эги выходит замуж за матабуле или муа, она сохраняет свой первоначальный ранг, который разделяют все ее дети, так что и она, и ее дети превосходят мужа и отца. Он, со своей стороны, должен играть двойную роль. Он - хозяин в своем доме, и жена подчиняется ему так же беспрекословно, как если бы он был того же ранга, что и она. Однако он признает превосходство и жены, и детей, и, прежде чем решиться накормить себя собственными руками, проходит через церемонию прикосновения к ногам жены или одного из детей, чтобы освободиться от тапу.

Когда ситуация меняется на противоположную, и мужчина высокого ранга женится на женщине низшего положения, она не поднимается до ранга своего мужа, а сохраняет свое прежнее положение, которое наследуют ее дети, которые вместе с ней должны касаться ног мужа всякий раз, когда едят. Они представляют, что если не сделают этого, то их постигнет страшная болезнь. Когда Маринер жил среди тонганцев, он не беспокоился о тапу, к ужасу туземцев, которые ожидали, что оскорбленные боги отомстят ему. Обнаружив, что он не пострадал, они объяснили это явление тем, что он был белым человеком, а значит, не имел никакого отношения к богам тонганцев.

Вследствие строгости этой системы Финоу, который был королем, когда Маринер жил на Тонганских островах, раздражался, если к нему приближался даже ребенок более высокого ранга, и сердито приказывал увести его. Такое поведение, однако, не считалось правильным, если обе стороны не были почти равны по рангу; и если бы, например, ребенка Той-тонга поднесли к королю, он сразу же оказал бы ему почтение в соответствии с обычаем.

Некоторые очень любопытные модификации этого обычая преобладают во всем тонганском обществе. Например, любой человек может выбрать себе приемную мать, даже если его родная мать жива, и он может выбрать ее из любого сословия. Как правило, ее ранг ниже, чем у приемного сына, но даже эта связь между ними не вызывает у нее особого уважения. Она была бы гораздо более почитаема в качестве сопровождающей молодого вождя, чем в качестве его приемной матери.

Столь сложная и в то же время простая система подразумевает такую степень утонченности, которую мы вряд ли могли ожидать от дикарей. С этой утонченностью согласуется и отношение к женщинам, которые ни в коем случае не являются угнетенными и тяжело работающими рабынями, как у большинства диких народов. Поэтому женщины обладают нежной свободой поведения и изяществом форм, которые никогда не встречаются у тех народов, где женщины - всего лишь рабочая сила мужчин. Еще в 1777 году капитан Кук заметил, что женщины гораздо более изящно сложены, чем мужчины, что у них прекрасные пропорции, а руки такие маленькие и мягкие, что они могут сравниться с лучшими образцами в Европе и Америке. Тяжелый и постоянный труд, который обычно выпадает на долю дикарских женщин, сильно портит форму, в чем мы можем убедиться на собственном опыте, сравнив вместе высокородную даму и полевую работницу. Кажется, что эти двое не принадлежат ни к одной расе, ни к одному полу.

Тонганские женщины, конечно, работают, но они не обречены делать это все: мужчины берут на себя тяжелую работу, а женщинам оставляют более легкие обязанности, такие как битье гнату, плетение корзин, изготовление посуды и тому подобное. На больших танцах женщинам не только разрешается присутствовать, но и помогать в них, принимая такое же

важное участие, как и мужчины, и привнося в танец настоящую культурную грацию, которая не могла бы существовать без них.

Светлый оттенок кожи, о котором уже говорилось, гораздо чаще встречается у женщин, чем у мужчин, по той причине, что женщины лучшего класса больше заботятся о себе, чем мужчины; И хотя все классы живут большей частью под открытым небом, жены и дочери влиятельных и богатых мужчин стараются не подвергать себя воздействию солнца больше, чем это абсолютно необходимо, так что многие из них, вместо того чтобы быть коричневыми, имеют чистый оливковый оттенок, эффект которого необычайно красив в контрасте с их темными волосами, одеждой из гнатоо, листьями и цветами, которыми они украшают себя, меняя их несколько раз в день. В целом, вождь тонганцев выглядит и является джентльменом, а его жена - леди.

ГЛАВА С.

ТОНГА - продолжение. ВОЙНА И ЦЕРЕМОНИИ.

ПРИРОДНАЯ МЯГКОСТЬ ТОНГАНЦЕВ - ХВАСТОВСТВО НЕ ПООЩРЯЕТСЯ - ВОЙНЕ, ОЧЕВИДНО, НАУЧИЛИСЬ У ФИДЖИЙЦЕВ - РЕЧЬ ФИНОУ ПЕРЕД СВОИМИ СОЛДАТАМИ, И НОВАЯ ДИСЦИПЛИНА - СУДЬБА ПОБЕЖДЕННЫХ - УТОНУВШИЕ ВОЖДИ - ЦЕРЕМОНИИ - ПИТЬЕ КАВЫ - СТРОГИЙ ЭТИКЕТ - ПРИГОТОВЛЕНИЕ КАВЫ - ИЗЯЩНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ - РАЗДАЧА КАВЫ - ПУНКТЫ ЦЕРЕМОНИИ - ПЛАНТАЦИЯ ТОНГАНОВ - ПОСАДКА ЯМСА - ЦЕРЕМОНИЯ ИНАЧИ - НОСИЛЬЩИКИ ШЕСТОВ И ИХ НОША - СТОЛБЫ ДЛЯ ЯМСА - ПОДЪЕМ СВИНЕЙ - РАЗДАЧА ПРОВИЗИИ, И ЗАВЕРШЕНИЕ ЦЕРЕМОНИИ - TOW-TOW И ЕГО ЦЕЛЬ - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОДНОШЕНИЯ - ГРАНДИОЗНАЯ СХВАТКА - БОКСЕРСКИЕ И БОРЦОВСКИЕ ПОЕДИНКИ - ВЕСЕЛЫЕ БОЙЦЫ - БОИ С ДУБИНКАМИ - САМОАНСКИЕ И ТОНГАНСКИЕ ПРАВИЛА.

По своей природе тонганцы мягкие и добросердечные люди, представляющие собой любопытную смесь мягкости и мужества. Если судить по многим чертам характера, то их можно было бы заклеить как женоподобных, а по другим - показать, что они обладают настоящей храбростью, а не просто лихой и хвастливой храбростью, которая при анализе оказывается всего лишь бравадой и поддерживается только надеждой получить аплодисменты. Тонганец никогда не хвастается своей храбростью и не аплодирует чужой. Совершив подвиг, которым фиджиец мог бы хвастаться всю оставшуюся жизнь, он тихо уходит на задний план и ничего не говорит об этом. Его король или вождь могут признать это, если захотят, но он будет молчать и никогда не упомянет об этом.

По той же причине он не будет открыто аплодировать подвигу, совершенному одним из его товарищей. Он будет относиться к нему с большим уважением и своим поведением покажет, в каком почете он его держит, но открыто говорить на эту тему не станет. Маринер рассказывает о случае, когда молодой воин по имени Хали Апи Апи, который, судя по всему, был образцом джентльмена, совершил выдающийся ратный подвиг, в равной степени отличавшийся храбростью и великодушием. Во время совета король вызвал его и публично поблагодарил за поступок. Тот сильно покраснел, словно устыдившись такого публичного признания своих заслуг, отдал честь и удалился на свое место, не сказав ни слова. Впоследствии он не вспоминал ни о своем подвиге, ни о его публичном признании.

Один из воинов заявил, что подойдет к заряженной пушке и бросит в нее свое копье. Он выполнил свое обещание в точности. Он подбежал к пушке на расстояние десяти или двенадцати ярдов и, чиркнув спичкой, бросился на землю, так что выстрел прошел мимо него. Затем он вскочил и, невзирая на оружие противника, метнул копье в пушку и поразил ее в дуло. Совершив этот подвиг, он спокойно удалился и больше никогда не вспоминал о столь выдающемся акте мужества, хотя его очень уважали за это его соотечественники.

Не приходится удивляться тому, что такие люди оказывают моральное влияние на хвастливых, но не воинственных фиджийцев, и что небольшая колония, основанная в группе Фиджи, фактически становится ее хозяином. Двести лет назад тонганцы, по-видимому, не имели представления об оружии и военном деле и получили первые знания о них от фиджийцев. Следовательно, оружие тонганцев - это практически оружие Фиджи, несколько измененное в соответствии со вкусом изготовителей, но, очевидно, полученное из того же источника. Капитан Кук, посетивший острова в 1777 году, отмечает, что те немногие дубины и копья, которые он видел у тонганцев, были фиджийского производства или, по крайней мере, сделаны по фиджийскому образцу. Однако по поэтической справедливости тонганец обратил оружие фиджийцев против себя и, благодаря своему превосходному интеллекту и отваге, победил свирепый народ, которого раньше боялся.

С появлением огнестрельного оружия превосходство тонганцев стало еще более очевидным: фиджийцы не представляли себе, как можно сражаться с людьми, которые не убегают, когда в них стреляют, а мчатся вперед, несмотря на противостоящее им оружие.

Не исключено, что тонганцы могли научиться этому способу ведения боя у Маринера и его спутников. Когда король Финоу собрался воевать с соседним островом, он собрал воинов и обратился к ним с речью, в которой рассказал, что система ведения войны, которая использовалась ранее, была ложной. Он велел им больше не наступать и не отступать в зависимости от успеха или отпора, а идти вперед, рискуя жизнью; и даже если человек видел острие копья у своей груди, он не должен был дрожать, как трус, а должен был идти вперед и, рискуя жизнью, убить врага. Он также обучил их искусству принимать натиск врага спокойно, а не с криками и жестикуляцией, велел им при приближении врага садиться на землю, как бы совершенно беззаботно, и не шевелиться, пока им не прикажут, даже если они бросят копья или выпустят стрелы. Но как только они получают команду наступать, они должны были вскочить на ноги и броситься в атаку, не обращая внимания на последствия. Читатель может вспомнить, что именно такую стратегию использовал в Африке великий каффирский вождь Чака.

Легко представить, как такая линия поведения смутила их противников, и в особенности фиджийцев, у которых хвастовство и вызов занимали место доблести. Ободренные кажущейся слабостью врага, они наступали с ликованием, рассчитывая на легкое завоевание, а затем, подняв победный крик, внезапно оказывались атакованы с дисциплинированной яростью, с которой они никогда не привыкли встречаться, и, как следствие, были рассеяны и почти уничтожены, не успев толком осознать свое положение.

Несмотря на довольно мягкое отношение к пленникам, тонганцы иногда проявляют неожиданную свирепость. Однажды люди Финоу застали враг врасплох и взяли в плен четверых врагов, которые, по их мнению, принадлежали к группе, сильно досаждавшей им тем, что держались на их пути и перебивали беглецов.

Сначала они хотели отвести пленников домой и сделать из них пример, но вождь отряда предположил, что им придется нести все хлопоты по их охране, и предложил обезглавить их, а головы забрать домой. Один из них возразил, сославшись на то, что у них нет ножей, но

другой, плодовитый на ухищрения, подобрал несколько устричных раковин, которые валялись неподалеку, и предположил, что они подойдут для этой цели.

Напрасно жертвы доказывали свою невиновность и умоляли хотя бы ударить их дубинкой, прежде чем отрубить им головы. Завоеватели спокойно сняли свои платья, чтобы не испачкать их кровью, и намеренно отпилили головы пленников своими устричными раковинами, начав с затылка и постепенно продвигаясь по кругу. Причина такого поведения была двоякой: во-первых, они думали, что могут испортить головы дубинкой; во-вторых, поскольку головы должны быть отрублены в любом случае, предварительное отрубание дубинкой отнимало у пленников лишние хлопоты.

Действительно, характер тонганцев представляет собой любопытную смесь мягкости и жестокости, причем последняя, вероятно, в равной степени обусловлена как легкомыслием, так и свирепостью. Однажды, когда в плен попали восемнадцать мятежников, Финоу приказал их утопить. Для этого пленников вывели в море, связав по рукам и ногам, и отбуксировали на бесполезных каноэ. Когда они оказываются достаточно далеко от суши, преступников пересаживают в каноэ, которые затем сбрасывают в воду и оставляют тонуть. Следят за тем, чтобы отверстия в каноэ были небольшими, чтобы они как можно дольше тонули.

В тот раз двенадцать пленников попросили, чтобы их не топили, а били дубинками, и их просьба была удовлетворена. Молодые люди разделили пленников между собой, желая получить урок битья человека дубиной, который пригодится им, когда они придут использовать дубину против врага. Двенадцать человек, соответственно, были отправлены с дубиной, но остальные, будучи опытными воинами, не захотели просить об услуге и были утоплены. Главный вождь среди них использовал оставшееся ему короткое время для произнесения проклятий в адрес Финоу и его вождей, и даже когда вода доходила ему до рта, он откидывал голову назад, чтобы произнести очередное проклятие.

Теперь мы перейдем к более приятной теме, а именно к различным церемониям, от которых тонганцы получают удовольствие. Главной из них является питье кавы, которое составляет важную часть каждого публичного религиозного обряда и часто практикуется в частном порядке. Питье кавы известно во всей Полинезии; но поскольку лучший и наиболее полный рассказ о нем был получен во время пребывания Маринера на Тонга, его описание было оставлено для данного случая. Прежде всего следует отметить, что кава изготавливается из корня дерева, принадлежащего к племени перца и известного под названием *Piper methysticum*, то есть опьяняющее перечное дерево. Как бы отвратительно ни было приготовление кавы для европейцев, у полинезийцев она настолько высоко ценится, что ее никогда не делают и не пьют без сложной церемонии, которая одинакова, независимо от того, большая это вечеринка или маленькая.

Когда люди собрались, человек самого высокого ранга занимает место под карнизом дома, сидит спиной к дому и лицом к *марли*, или открытому пространству впереди, а по обе стороны от него стоит матабуле. Рядом с этими матабулами, которые занимаются организацией праздника, сидят вельможи или вожди высшего ранга, а рядом с ними - низшие вожди, и так далее. Однако они не очень-то следят за тем, в каком именно порядке они сидят: различия в ранге обозначаются порядком, в котором их подают.

Это дело председательствующих матабуле, а поскольку ранговые различия соблюдаются очень тщательно, очевидно, что обязанности матабуле имеют самый сложный характер и могут быть освоены только путем долгой и постоянной практики. Если бы мужчины сидели в соответствии со своим рангом, ничто не было бы проще, чем обслуживать их по порядку. Но

часто случается, что человек высокого ранга приходит поздно, и, поскольку он слишком вежлив, чтобы беспокоить тех, кто ниже его по рангу и уже занял свои места, он садится ниже их, зная, что его ранг будет признан в нужное время.

Однако чаще всего случается так, что когда один из председательствующих матабуле видит человека, занимающего место гораздо ниже того, на которое его ранг дает ему право, он заставляет кого-нибудь уступить ему свое место или даже вовсе выпроваживает человека, который сидит на высоком месте, и сажает на него вождя. Таким образом, люди постепенно выстраиваются в кольцо, иногда одиночное, но часто в несколько шеренг, если партия большая, и каждый из ее членов - человек какого-то признанного ранга. За теми, кто образует нижнюю часть кольца напротив председательствующего вождя, сидит широкая публика, которая может насчитывать несколько тысяч человек. Примечательный факт, иллюстрирующий жесткий кодекс этикета, преобладающий среди тонганцев, заключается в том, что никто не может сидеть во внутреннем кольце, если в нем также находится его старший родственник; и, каким бы высоким ни был его ранг, он должен покинуть свое место и сесть во внешний круг, если его отец или любой старший родственник войдет во внутреннее кольцо.

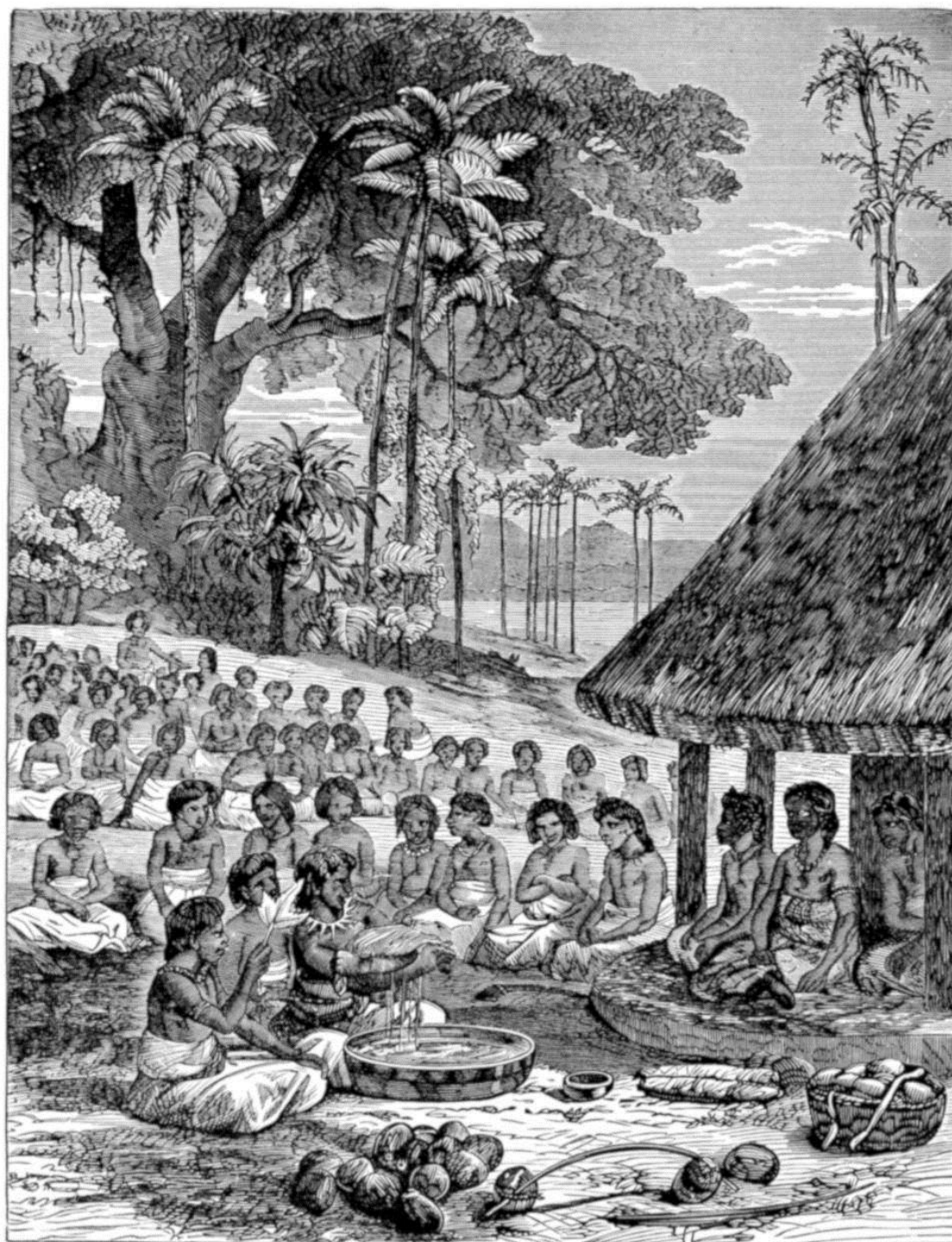
Это кольцо, составляющее основную часть кавы, состоит в основном из сыновей вождей и матабуле, и часто случается, что их отцы, даже если они являются вождями самого высокого ранга, сидят во внешнем кольце, чтобы не мешать его приготовлениям. Даже сын короля часто принимает этот план и помогает в приготовлении кавы, как и любой другой молодой человек.

Ровно напротив короля ставится чаша с кавой, а за ней сидит человек, который должен приготовить напиток. По обе стороны от него сидят помощники, один из которых несет веер, чтобы отгонять мух, а другой отвечает за воду, которая хранится в скорлупе какао-орехов. Ранг приготовителя не имеет значения. Иногда это муа или джентльмен, а иногда просто повар; но кем бы он ни был, известно, что он способен выполнить свою трудную задачу с достаточной силой и элегантностью.

Когда все готово, один из председательствующих матабулов посылает за корнем кавы, который затем очищается и режется на мелкие кусочки. Их передают юношам или даже девушкам, которые перемалывают корень, изошряясь в хитроумных способах, чтобы он оставался сухим во время процесса. Затем его заворачивают в лист и передают тому, кто готовит, который кладет его в чашу, тщательно выкладывая внутренность шариками разжеванного корня, чтобы было видно точное количество.

Когда вся кава будет разжевана и уложена, приготовитель наклоняет чашу к председательствующему вождю, который советуется со своими матабулами и, если считает, что кавы недостаточно, приказывает накрыть чашу и посылает за новой кавой, с которой поступают так же, как и раньше. Если он удовлетворен, готовящий разминает всю каву вместе, а матабуле зовет воду, которую льют в чашу, пока он не прикажет остановиться. Далее следует приказ положить *каву*. Это пучок очень узких полосок коры дерева, принадлежащего к роду *гибискусов*, и его сравнивают с ивовыми стружками, которые в Англии используют для украшения каминов в летнее время. Ассистент берет некоторое количество этого материала и кладет его на воду, тщательно распределяя, чтобы он равномерно лежал на поверхности жидкости. Теперь начинается важная часть процесса, которая проверяет силу подготовителя.

"Прежде всего, он протягивает левую руку к дальнему краю чаши, пальцы направлены вниз, а ладонь - к себе; он осторожно опускает эту руку по краю чаши, увлекая за собой край *икры*; в то же время его правая рука проделывает аналогичную операцию на соседнем краю, пальцы направлены вниз, а ладонь - наружу. Он делает это медленно, из стороны в сторону, постепенно опускаясь все глубже и глубже, пока его пальцы не встретятся друг с другом на дне, так что почти все волокна корня оказываются таким образом заключенными в *фоу*, образуя как бы рулон длиной более двух футов, лежащий вдоль дна из стороны в сторону, края *фоу* встречаются друг с другом под ним.

ПАРТИЯ КАВЫ.
(См. [стр. 989.](#))

"Теперь он аккуратно сворачивает его так, чтобы края, перекрывающие друг друга, или, скорее, смешивающиеся, оказались наверху. Затем он складывает два конца вдвое и снова аккуратно сворачивает, стараясь сделать его более узким и плотным. Теперь он осторожно вынимает его из жидкости, крепко держит за два конца, по одному в каждой руке (тыльной стороной ладоней вверх), и, подняв его на грудь с сильно вытянутыми руками, подносит правую руку к груди, постепенно продвигая ее вперед; и пока его левая рука обходит его к правому плечу, правая рука частично скручивает *фоу*, кладет конец, который она держит, на левый локоть, так что *фоу* лежит таким образом вытянутым на этой руке, один конец по-прежнему захвачен левой рукой.

"Правая рука, находящаяся на свободе, подводится под левое предплечье (которое остается в том же положении) и выносится наружу к левому локтю, чтобы снова захватить в этом положении конец *фоу*. Затем правая рука описывает смелый изгиб наружу от груди, в то время как левая идет поперек груди, описывая изгиб ближе к нему и в противоположном направлении, пока в конце концов левая рука не отводится от него, а правая приближается к левому плечу, постепенно закручивая *фоу* поворотами и сгибаниями в основном этого запястья: Затем это двойное движение повторяется, но таким образом (теперь в основном действует левое запястье), что *фоу*, вместо того чтобы раскручиваться, еще больше скручивается и в конце концов снова оказывается на левой руке, в то время как он берет новую и менее скованную руку.

"Таким образом, руки и кисти выполняют множество изгибов самого изящного описания: мышцы как рук, так и груди поднимаются, когда их призывают к действию, демонстрируя то, что было бы прекрасным и необычным предметом изучения для художника: ведь никакие комбинации действий животных не могут развить вздутие и игру мышц с большей грацией и лучшим эффектом.

"Степень силы, которую он проявляет при большом скоплении людей, очень велика, а ловкость, с которой он выполняет все действия, не перестает вызывать внимание и восхищение всех присутствующих. Все языки немые, все глаза устремлены на него, следя за каждым движением его рук, описывающих различные криволинейные линии, необходимые для успеха операции. Иногда слышно, как волокна *свиньи* трещат от нарастающего напряжения, но масса видна целиком и полностью, становясь все более тонкой по мере скручивания, в то время как настойка вытекает из нее в регулярно уменьшающемся количестве, пока, наконец, она не откажет ни капли."

[На иллюстрации](#) на предыдущей странице представлена эта часть церемонии. Справа изображен председательствующий вождь, сидящий под карнизом дома, по обе стороны от него - матабуле, а прямо за ним простирается часть внутреннего кольца. Перед вождем сидит исполнитель, который выжимает каву и вот-вот изменит хватку своей правой руки, согласно описанию Маринера. По обеим сторонам сидят его помощники, оба заняты отмахиванием от мух.

Рядом с ними лежат скорлупки орехов какао, из которых была вылита вода. За внутренним кольцом видны внешние кольца и население, пришедшее посмотреть на церемонию и получить возможность выпить чашку кавы или подкрепиться.

Когда *фы* перестает выделять жидкость, таким же образом используют вторую и третью, чтобы в жидкости не осталось ни частицы корня. Если нужно больше *ивы* или воды, отдается приказ, и двадцать или тридцать человек бросаются за ней, идя и возвращаясь на полной скорости, словно спасая свою жизнь; таким же образом достается и все остальное, что может понадобиться.

Пока оператор выполняет свою задачу, те, кто находится во внешнем круге и не может его видеть, занимаются изготовлением чашек, из которых можно пить каву. Эти чашки делаются из нераспустившихся листьев бананового дерева, разрезанных на квадраты около девяти дюймов в поперечнике. Чашки делаются самым изобретательным образом: два конца сплетаются в косичку и связываются волокном, выдернутым из стебля листа. Затем матабуле приказывает раздать провизию, что и делается в установленном порядке. Для всех собравшихся это самая интересная часть церемонии, так как у них мало шансов получить каву, и очень вероятно, что они получат долю еды, так как постоянные любители кавы никогда не едят больше, чем одну-две порции на этих развлечениях.

Оператор сделал свое дело, теперь наступает проверка эффективности Mataboole. Кава должна быть распределена точно в правильном порядке, и промах в этом отношении обязательно вызовет глубокую обиду. Если на празднике присутствует высокопоставленный гость, он получает первую чашку, председательствующий матабуле - вторую, а председательствующий вождь - третью. Если же каву подносит кто-то из гостей, то первая чашка всегда остается у дарителя, если только среди гостей не окажется гость, превосходящий его по рангу, в этом случае даритель вообще игнорируется, и кава достается только ему в соответствии с его рангом. Ни одному человеку не разрешается выпить две чаши из одной чаши, но после того, как все члены внутреннего круга и их родственники будут обслужены, остаток раздается людям, насколько его хватит, и готовится вторая чаша. Как видно, если готовящий - человек низкого ранга, у него есть шанс никогда не попробовать жидкость, которую он так искусно приготовил.

Вторая чаша готовится точно так же, как и первая, за исключением того, что распоряжения отдает второй председательствующий матабуле; и, если будет заказана третья или четвертая чаша, они поочередно выполняют указания. Когда вторая чаша готова, кубки наполняются и передаются по кругу в том же порядке, что и раньше, так что высокопоставленные получают три или четыре кубка, а низкопоставленные - только один, а возможно, и вовсе ни одного.

Согласно этикету, ни один вождь никогда не посещает кава-вечеринку нижестоящего вождя, так как в этом случае последний должен был бы удалиться с поста председателя и сесть во внешнее кольцо. Когда председательствует Той-тонга, никто не смеет сидеть ближе шести футов от него; а если вдруг присутствует вдохновенный священник, он занимает место председателя, и самый большой вождь или даже сам король обязан в таких случаях отойти во внешнее кольцо. Жрец всегда председательствует на религиозных церемониях, а кава проводится перед храмом, посвященным конкретному богу, с которым собираются советоваться. Но в некоторых случаях у бога нет жреца, и тогда предполагается, что он будет председательствовать лично, хотя и незримо, оставляя для него место президента.

Из всего вышесказанного читатель поймет, что кава - это роскошь, доступная практически только высшим классам. Великие вожди и матабулы пьют ее каждый день, будучи либо президентами, либо членами внутреннего кольца. Люди более низкого ранга получают ее от случая к случаю, а туа редко вкушают эту роскошь, разве что берут каву после того, как ее выжал оператор, и готовят ее заново.

Как читатель увидит, разделить светскую и религиозную жизнь тонганцев невозможно. Они неразрывно связаны друг с другом, а потому должны быть описаны вместе. Существует огромное количество церемоний, в которых эти два элемента объединены, и одна или две из них будут описаны в качестве примера остальных. Первая - это праздник Иначи, праздник первых плодов, церемония, которая в принципе встречается по всей земле, хотя детали обязательно отличаются. В данном случае подношение делается Той-тонгу, который является одновременно потомком и представителем богов.

Примерно в конце июля в землю высаживают обычный ямс; но те, что предназначены для праздника Иначи, относятся к другому виду, созревают раньше, и их высаживают примерно на месяц раньше. На иллюстрации на следующей странице мы можем увидеть, как сажают ямс, и получить хорошее представление о тонганской плантации. В центре переднего плана - вождь, которому принадлежит плантация, в сопровождении своего маленького мальчика. Как и положено людям высокого ранга на Тонга, он держит в руке короткое многозубое копье, которое можно использовать либо как посох для ходьбы, либо как оружие. Обычно его используют в первом случае, но вожди иногда находят преимущество в том, чтобы иметь при себе и пригодное оружие. Острие копья часто вооружено колючей хвостовой костью ската. Когда Финоу захватил с помощью ремесла вождя мятежников, чья смерть от утопления уже была описана, главной трудностью для него стало копье с костяным наконечником, которое вождь всегда носил с собой и которого он временно лишился с помощью хитрости.

Один из рабочих разговаривает с ним, держа в руке мотыгу, которой он проделывает отверстия в земле для приема ямса. За ним стоят еще рабочие, которые режут ямс на куски и сажают их в лунки. Сразу за плантацией ямса находится участок земли, засаженный сахарными тростниками, а за сахарными тростниками - дом вождя, известный своей превосходной архитектурой. Дом построен у самого берега моря, а рядом с ним на подставке стоит каноэ.

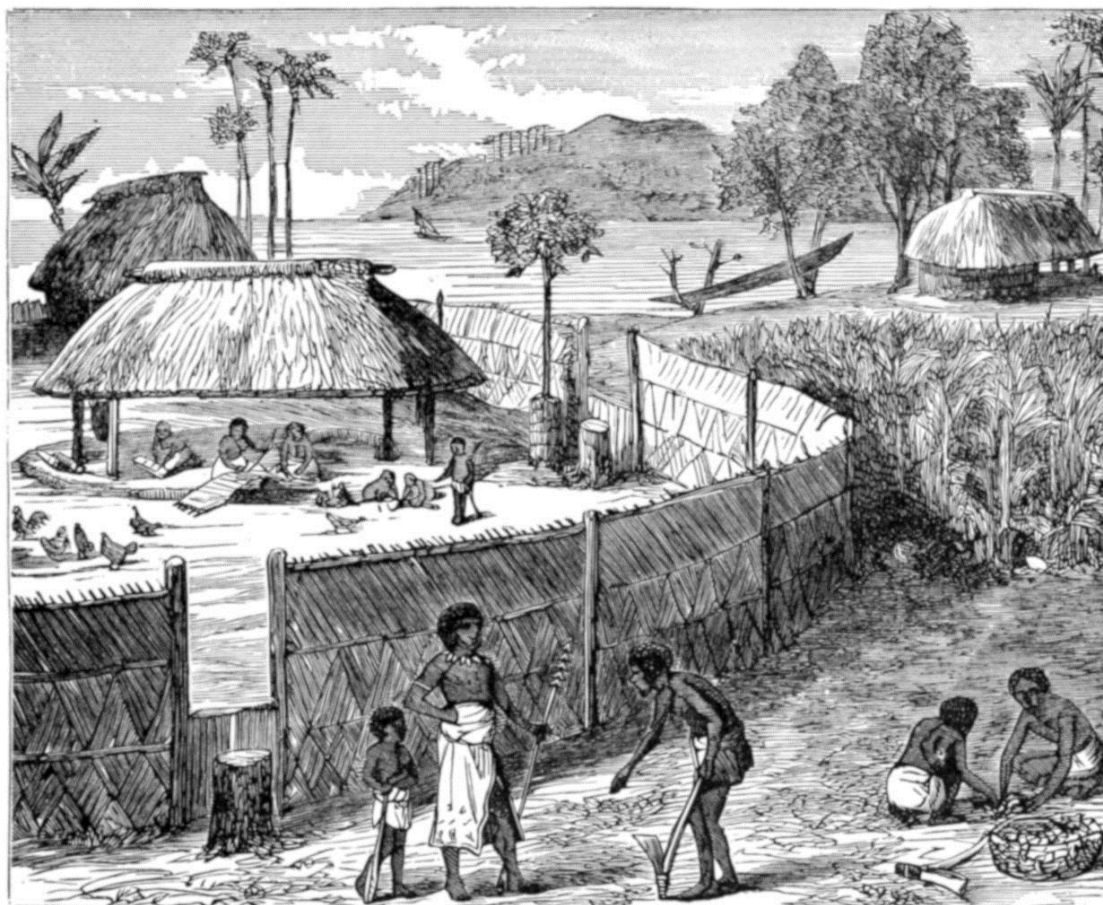
Большую часть иллюстрации занимает хитроумный забор с шипами, внутри которого размещены склады и жилища крестьян туа. Как видно, в нем нет дверей, но в промежутках забор имеет лишь половину обычной высоты и не имеет шипов, а пересекается с помощью шпал, две из которых приведены на иллюстрации, одна показывает внешнюю, а другая внутреннюю часть забора. Рядом со штольной находится молодое дерево, окруженное изгородью высотой в несколько футов, чтобы защитить его, пока оно растет, от нападений свиней и детей.

Открытый навес - один из крестьянских домов, под которым сидят несколько женщин, занятых изготовлением циновки, а рядом играют дети и кормятся птицы. В дальнем конце загона показан один из складов.

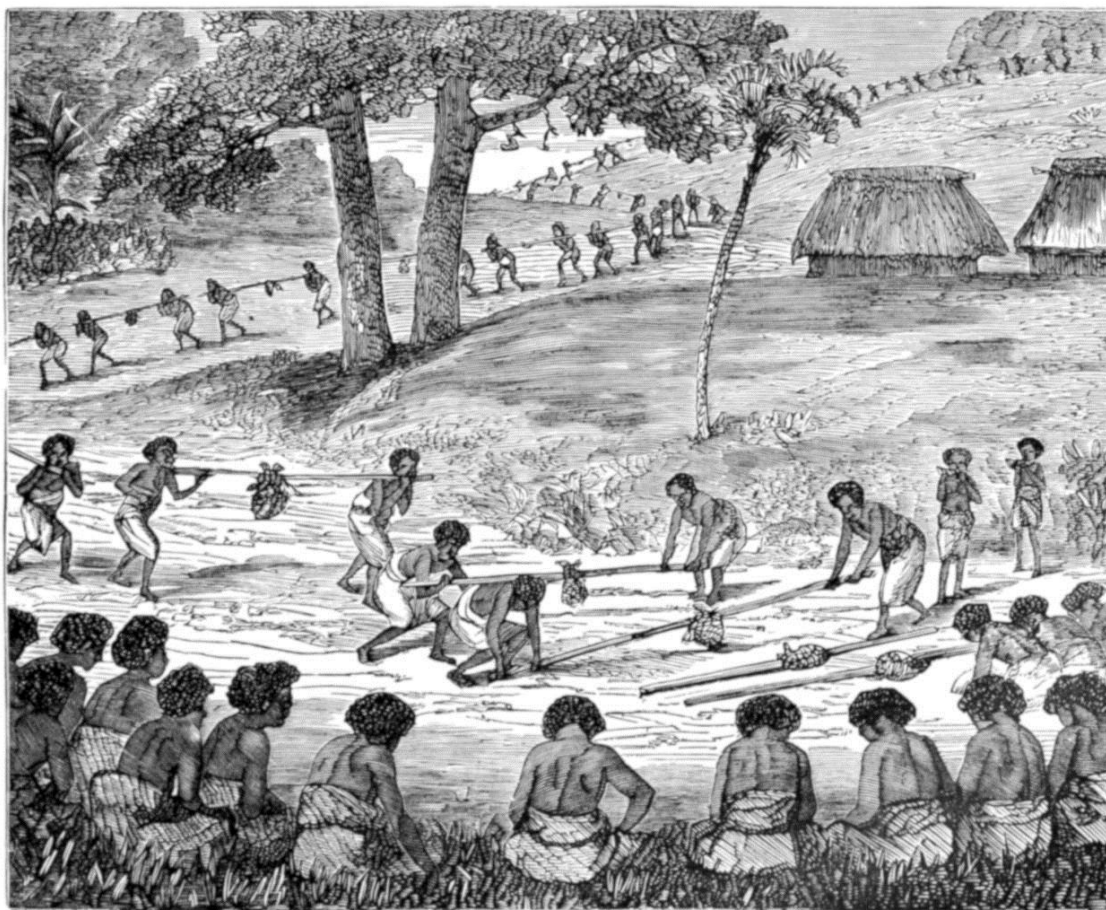
Как только ямс созреет, король посылает сообщение Той-тонгу с просьбой назначить день церемонии, которая обычно назначается на десятый день после обращения, чтобы было время разослать уведомления по всем островам. За день до церемонии Иначи ямс выкапывают и украшают алыми лентами из внутренней мембраны листа пандануса. Они состоят из длинных и узких полосок и наматываются на ямс по спирали, сначала в одну сторону, потом в другую, чтобы получился аккуратный клетчатый узор, а концы свисали свободно.

Всю ночь слышен звук раковины, и до полуночи мужчины и женщины отвечают друг другу песней: мужчины поют: "Отдыхай, не работай", а женщины отвечают: "Ты не должен работать". Около полуночи песня прекращается, но возобновляется с рассветом и продолжается примерно до восьми утра, сопровождаемая множеством ударов конча. Запрет

на работу настолько настоятелен, что людям даже не разрешается покидать свои дома, кроме как для участия в церемонии.

(1.) ТОНГАНСКАЯ ПЛАНТАЦИЯ.
(См. [стр. 990.](#))

(2.) ЦЕРЕМОНИЯ ИНАЧИ.

(См. [стр. 993.](#))

В восемь утра начинается церемония Иначи: люди стекаются с разных концов острова Тоуй-тонга в столицу, а каноэ прибывают со всех сторон с других островов. Все они одеты во все самое лучшее, в новые одежды и ленты, а мужчины несут свои самые красивые копья и дубинки. Каждая партия несет ямс в корзинах, которые относят на *марли*, или большое центральное пространство деревни, и там укладывают с большой церемонией. В марли устанавливают несколько шестов, восемь или девять футов в длину и четыре дюйма в диаметре, и на них мужчины нанизывают ямс, причем к середине каждого шеста подвешивают только один ямс.

Тем временем великие вожди и матабулы отправляются к могиле последнего туи-тонга, если таковая окажется на острове, или, если он был похоронен на другом острове, к могиле любого из членов его семьи. Они сидят полукругом перед могилой, склонив головы и сцепив руки, в ожидании процессии, которая вскоре прибывает.

Сначала идут два мальчика, дующие в раковины, и продвигаются медленным и торжественным шагом, а за ними - огромное количество мужчин с ямбами. Каждый шест несут два человека, по одному с каждого конца, и, идя, они опускаются на каждом шагу, как бы преодолевая тяжесть своей ноши. Это означает, что ямс такого размера, что носильщики с трудом могут его нести, и является своего рода символической благодарностью богам за столь прекрасные перспективы урожая. Когда мужчины подходят к могиле, они кладут на нее шесты и ямс и рассаживаются в порядке перед могилой так, чтобы образовать линию между вождями и ямсом.

Эта часть церемонии показана [на нижней иллюстрации](#) на 991-й странице. На переднем плане сидят вожди и матабуле со своими булавами и копьями, а вдалеке виднеется процессия носильщиков шестов. Двое из них уже положили свои ямсы и шесты перед могилой и расположились между могилой и кругом вождей, а другие только опускают свои ноши на то же священное место. Рядом с ними стоят два мальчика, возглавлявшие процессию, и все еще деловито дуют в свои трубы из конховой раковины. Вдали и по левую сторону иллюстрации видны люди, сидящие в ряд на земле.

Один из матабулов Тоой-тонга садится между носителями шеста и могилой и произносит речь, в которой благодарит богов за их щедрость и просит сохранить ее для их потомков, Тоой-тонга. Затем он удаляется на свое прежнее место, мужчины берут шесты и, пройдя несколько раз вокруг могилы, возвращаются на марли и снова складывают груз, на этот раз отвязывая ямс от шестов, но оставляя на них цветные ленты.

Здесь весь народ рассаживается в большой круг, в котором председательствует Той-тонга, даже сам царь удаляется и садится в задних рядах. Затем приносят остальные подношения, состоящие из циновок, гнатоо, сушеной рыбы и различных видов пищи. Один из матабулов Тоой-тонга делит их на четыре равные части. Одна из них отправляется богам и сразу же забирается слугами разных жрецов, а оставшаяся часть делится между Тоой-тонга и королем, причем последний, хотя и занимает более низкое положение, получает большую часть, поскольку у него в четыре раза больше иждивенцев, которых нужно кормить. В завершение процедуры пьют каву, которая всегда сопровождает подобные церемонии. Пока настойка готовится, председательствующий Матабуле обращается к народу с речью, объясняя только что заключенное право и советуя воздать должную честь богам и их представителю Той-тонга.

Когда этот великий правитель умирает, устраивается самый экстравагантный пир, который часто приводит народ в состояние полуголодного существования на долгое время, а иногда угрожает настоящим голодом. В таком случае тапу накладывается на свиней, какао-орехи и птиц на семь-восемь месяцев, а то и дольше, и в течение этого времени никому, кроме великих вождей, не разрешается прикасаться к ним. Две или три плантации всегда освобождаются от этого, чтобы иметь запас для великих вождей и для различных религиозных церемоний. По истечении указанного срока, если урожай выглядит хорошо, а свиньи и птицы выросли в должной пропорции, тапу снимают с большой церемонией.

Одну из таких церемоний Маринер видел на островах Хапаи, и это оказался очень странный обряд. Он проводился на двух марли, одна из которых принадлежала Той-тонга, а другая - королю. Как бы в компенсацию за ограниченный рацион предыдущего месяца, еды было навалено в изобилии. На марли Той-тонга воздвигли четыре квадратных полых столба диаметром около четырех футов, сделанных из четырех жердей, соединенных циновками. Их высота составляла около пятидесяти или шестидесяти футов, и каждый из них венчал запеченный боров.

Королевский марли, находившийся примерно в четверти мили от другого, был так же хорошо снабжен едой, только в этом случае ямс был помещен в деревянные тачки или сани, а на земле лежало около четырехсот полузапеченных свиней. Когда прибыл король и был дан сигнал к началу процесса, молодые вожди и воины поочередно пытались поднять самого большого борова, и наконец, когда все потерпели неудачу, его подняли двое мужчин и отнесли на другой марли. "Тем временем продолжалось испытание второго борова, который, оказавшись слишком тяжелым для одного человека, был так же унесен двумя, и так далее с

третьим, четвертым и т. д., причем самый большой уносился первым, а самый маленький - последним.

"Второй, третий, четвертый и т. д. представляли собой большее развлечение, чем остальные, так как были ближе к противовесу мужской силе. Иногда он аккуратно взваливал ее на плечо, когда жирная ноша выскальзывала у него из рук и, пытаясь спастись, увлекала его за собой. Пытаться сделать это - большая честь, и даже король иногда прикладывает к этому руку".

Следующей частью процедуры было отнести двадцать самых больших свиней на могилу покойного Той-тонга и оставить их там, а остальное, вместе с прочим провиантом, разделить между вождями, которые, в свою очередь, раздали их своим последователям, пока каждый человек на острове не получил по куску свинины и батата. Четыре большие колонны ямса были отданы: одна - королю, другая - Той-тонга, третья - Веачи и одному или двум очень великим вождям, а четвертая - богам. Той-тонга также принимали машины с ямсом как негласное, хотя и непризнанное право. Питье кавы, танцы и борьба завершали церемонию; как только круг распадался, тапу считалось аннулированным.

Двадцать крупных свиней, положенных на могилу, оставляли там на несколько дней; но как только они проявляли признаки гниения, их разделяли и делили между всеми, кто решал претендовать на долю мяса. По праву они принадлежали вождям, но поскольку те могли сами добывать свежую свинину, они предпочитали отказаться от своего права и разделить испорченное мясо между людьми.

О церемонии мо'ээ-мо'ээ, или снятия тапу, полученного от прикосновения к вождю, уже говорилось. Тапу возникает даже при приеме пищи в присутствии вышестоящего родственника; но существует традиционный способ избавиться от этого тапу, просто повернувшись спиной к вышестоящему, который в этом случае считается не церемонящимся в присутствии нижестоящего. Если человек думает, что он мог невольно заразиться тапу, он не осмелится накормить себя, пока не пойдет к какому-нибудь вождю, чью ногу он берет и прижимает к животу. Этот обряд называется *фота*, или надавливание. Любой вождь может снять тапу, заключенное при прикосновении к равному или нижестоящему, но не имеет власти над тапу вышестоящего. Следовательно, никто, кроме него самого, не может снять тапу Той-тонга; и это оказалось настолько неудобным, что всякий раз, уходя из дома, вождь оставлял за собой освященную чашу, и считалось, что она имеет такую же силу для снятия тапу. Веачи приняли аналогичный план. Примечательно, что кава освобождена от всех тапу, так что если даже Той-тонга прикоснулся к кусочку корня кавы, самый низкий повар может жевать его.

Существует церемония, которая в принципе несколько напоминает церемонию иначе, хотя проводится она совсем по-другому. Как иначе - это подношение богам в целом через Тоой-тонга, так и эта церемония, которая называется Тоу-тау, является особой благодарностью Ало-Ало, богу погоды. Она начинается в начале ноября, когда созревает ямс, и продолжается около трех месяцев с интервалом в восемь или десять дней.

Все острова Тонга разделены на три части: северную, или *Хахаги*, южную, или *Хихифо*, и среднюю, или *Мооа*. Каждое из этих подразделений имеет приказ приготовить определенное количество пищи, такой как ямс, орехи какао и тому подобное, и принести их на марли. Правильнее всего приносить их на палках, так чтобы на каждой палке было семь или восемь ямсов, или связка подорожников, или некоторое количество бананов. Если в подношение входят сахарные тростники, их связывают в пучки по три-четыре штуки в каждом: и все подношения, какими бы они ни были, складывают в три большие кучи, по одной, воздвигаемые жителями каждого района.

После этого и нескольких предварительных матчей по боксу и борьбе примерно через три часа появляется небольшая процессия, состоящая из восьми или десяти мужчин, посланных жрецом Ало-Ало, и сопровождаемая молодой девушкой лет восьми-девяти, которая представляет жену бога. Она всегда дочь вождя, как правило, одного из самых высоких вождей, и в течение восьмидесяти дней церемонии она живет в храме Ало-Ало. У нее нет никаких особых обязанностей, кроме председательствования на одном или двух пирах и вечеринках с кавой.

Все мужчины одеты в циновки, а на шее у них повязаны зеленые листья. Это одежда смирения и печали, она используется во время траура по умершим и мольбы о милосердии. Прибыв на место, они рассаживаются в ряд, держа перед собой большой барабан, который хранится специально для этой цели. Затем они возносят молитвы Ало-Ало, умоляя о благоприятной погоде и хорошем урожае, и после завершения этих молитв две из куч провизии уносят вожди, а третью откладывают для богов. Внезапно бьют в большой барабан, и все бросаются к куче еды, каждый набрасывается на провизию и получает столько, сколько может. В этой кутерьме нет ни малейшего порядка, и сцена получается очень захватывающей: ямс вырывают из палок, палки разбиваются на куски, а сахарные тростники распадаются на осколки. Таким образом, боги получают викарную пищу.

Женщины благоразумно держатся в стороне от этой борьбы и наблюдают за главной и заключительной церемонией. Это не что иное, как всеобщая драка. Жители острова делятся на две части, одна половина сражается с другой. В этой битве участвуют все, как самые высокие вожди, так и самые низкие повара. Здесь нет никакого уважения к личности, на короля или даже самого Той-тонга нападают без угрызений совести и обращаются с ним так же грубо, как с любым из простых людей.

Как бы ни были суровы бои, все они ведутся с большим юмором, и никто не проявляет ни малейшего признака плохого настроения при полученных травмах. Если человека сбивают с ног, он встает с улыбкой; если ему ломают руку, он выходит из боя и вправляет ее, но никогда не думает жаловаться. Та же система наблюдается в боксерских и борцовских поединках, которые так любят тонганцы.

В борцовских поединках, например, не считается вежливым, чтобы один человек бросал вызов другому; он должен бросить общий вызов, ударив правой рукой по согнутому локтю противоположной руки. Если вызов принят, противники встречаются очень неторопливо и заботятся о том, чтобы плотно застегнуть пояс гнатоо, опоясывающий талию. Они хватаются за пояс рукой с каждой стороны и пытаются сбросить своего противника, поднимая его с земли и бросая на спину. Победенный поднимается и уходит на свое место среди зрителей, не выказывая никакого недовольства. Только в одном случае Маринер знал человека, проявившего недовольство тем, что его побили, и в этом случае на него, хотя он и был вождем, смотрели как на невоспитанного человека.

Победитель садится на землю на несколько секунд, а затем уходит на свое место, а его друзья, принадлежащие к его собственной стороне, поют, или, скорее, скандируют, песню о победе. Через некоторое время он снова поднимается и предлагает новый вызов, и если его принимают несколько противников, он может выбрать одного из них. Если они считают себя равными, то расходятся по обоюдному согласию; иногда, если человек сталкивается с вождем, намного превосходящим его, он обычно уступает из уважения к рангу другого. Это происходит только в одиночном бою, а не в общей схватке фестиваля Tow-tow.

Бокс проводится по схожим принципам честной игры. Претендент выходит на середину ринга, держа одну руку вытянутой впереди, а другую сзади, и продвигается вбок, меняя

стороны на каждом шагу. Когда вызов принят, оба бойца обматывают руки шнуром и приступают к ударам, которые наносятся с большой силой и быстротой. Когда один побежден, он с видимым безразличием удаляется с ринга и садится наблюдать за поединками других, зная, что быть побежденным не считается позором. Когда победитель возвращается к своим людям, они приветствуют его, но не поют победных песнопений, пока он не свалит своего противника. Падение в таких случаях приравнивается к убийству в реальном бою, и, как следствие, победная песнь не поется, если противник не упал на землю. Если человек был побежден в борьбе, он не может бороться второй раз в тот же день, хотя может боксировать, и *наоборот*.

В церемонии Тоу-тау эти схватки, бокс и борьба проводятся каждый десятый день и повторяются восемь раз, чтобы составить восемьдесят дней праздника. После каждой битвы те, кто дотронулся до высшего вождя, приходят, чтобы освободиться от тапу, которым они заразились, дотронувшись до него. Даже Той-тонга, чей нос был расплюснут, зубы выбиты, а лицо избито до желеобразного состояния простым крестьянином, над которым он верховодит в вопросах жизни и смерти, выполняет эту необходимую церемонию с прекрасным настроением.

На иллюстрации № 1 на 999-й странице изображена заключительная сцена этой церемонии. На переднем плане изображены две противоборствующие стороны, одна из которых начинает одерживать победу над другой. В центре иллюстрации и слева - обломки кучи еды, несколько мужчин все еще карабкаются по ним, а вдали под деревьями сидят женщины и наблюдают за ходом борьбы.

Драки не ограничиваются мужчинами, их практикуют и женщины, которые в этом случае отбрасывают обычную мягкость и кротость, которыми они отличаются. Когда капитан Кук посетил Тонга, он был очень удивлен, увидев, что девушки выходят на ринг и боксируют с таким же духом и решимостью, как и мужчины. Однако они не доводят бой до такой крайности, и если одна из них не уступает быстро, бойцов разнимают старшие женщины. Даже самые маленькие дети занимаются боксом по схожему принципу: маленькие девочки стучат друг друга с искренней доброжелательностью до тех пор, пока им разрешают драться.

Однажды Финоу приказал, чтобы все женщины, сидевшие в качестве зрителей, вступили в общий бой, как это делают мужчины. Они не стали медлить, и все женщины, жившие на севере острова, сразились с теми, кто жил на южной стороне. Около пятнадцати сотен женщин сошлись на каждой стороне, и с величайшим мужеством сражались более часа, причем обе стороны бились с такой решимостью, что ни одна из них не могла уступить ни фута земли; наконец Финоу приказал им остановиться, видя, что несколько лодыжек были вывихнуты и конечности сломаны.

Помимо бокса и борьбы, тонганцы устраивают клубные бои по большим поводам. Как и в других поединках, участники делятся на две партии, одна из которых садится напротив другой, а между ними остается значительное пространство.

Когда все готово, мужчина вскакивает, бежит к людям противоположной стороны и садится перед ними, спрашивая, будет ли кто-нибудь из них с ним драться. Как и в боксерских и борцовских поединках, бросать вызов конкретному сопернику - дурной тон. Если вызов принят, бойцы выходят на середину ринга, каждый в сопровождении своего секунданта, а затем решают, будут ли они драться по тонганскому или самоанскому образцу. Первый способ не позволяет мужчине наносить удары противнику после того, как он был сбит с ног, а только размахивать над ним своей булавой в знак победы. По второй манере ему разрешается бить упавшего до тех пор, пока он подает признаки жизни. Когда бой окончен,

люди на стороне победителя поют свою триумфальную песню, а победитель подходит к королю, садится перед ним в знак уважения, а затем поднимается и возвращается к своей партии. В одном из таких случаев молодой принц участвовал не менее чем в четырнадцати сражениях и в каждом из них одержал победу.

ГЛАВА СІ. ТОНГА - завершение. БОЛЕЗНЬ-ПОГРЕБЕНИЕ-ИГРЫ.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПАЛЬЦА И СПОСОБ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДЕТЕЙ - КОНСУЛЬТАЦИИ С БОГАМИ - СПОСОБЫ ВДОХНОВЕНИЯ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЖЕН - ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ФИНОУ - ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ - ПОХОРОНЫ ФИНОУ - ОТСЕЧЕНИЕ ГОЛОВЫ - ОТКРЫТИЕ И ЗАКРЫТИЕ СКЛЕПА - ОДЕВАНИЕ МОГИЛЫ - НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕЕМНИКА - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ - РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ СПОРТА И ИГРЫ - СТРЕЛЬБА ПО КРЫСАМ И ЛОВЛЯ ПТИЦ - ФИНОУ И ПТИЦА-ПРИМАНКА - ИГРА В МЯЧ - ОПАСНЫЙ КОЛ И ПОЧЕТНАЯ ПЛАТА - ПЕЩЕРА ЛЮБОВНИКА И ТУЗЕМНАЯ ЛЕГЕНДА.

Как и следовало ожидать, проводятся различные церемонии, связанные с болезнями и погребением.

Если кто-то заболел, низшие отношения отрезают сустав мизинца в качестве подношения богам. Иногда отрезают сразу весь сустав, но те, у кого много высших родственников, отрезают только часть, чтобы иметь возможность принести жертву несколько раз. Вследствие этого суеверия на Тонга едва ли найдется человек, который не потерял бы значительную часть мизинца одной или обеих рук.

Способ ампутации пальца достаточно прост. Его кладут на плоский деревянный брусок, на него кладут острие ножа или топора, или даже острый камень. По нему наносят сильный удар молотком, а культю, которая мало кровоточит в силу характера операции, держат над дымом свежей травы, чтобы остановить последующее кровотечение. Никаких аппликаций к нему не делают, и через неделю или две он заживает без проблем. Тонганцы, похоже, не боятся этой операции, и даже маленьких детей можно увидеть ссорящимися друг с другом за честь провести ее у себя.

Если же болезнь принимает неблагоприятный оборот, то вместо простого пальца ребенка приносят в жертву богам, задушив его. Например, когда Финоу заболел недугом, от которого умер, и, по-видимому, стал тонуть, его старший сын взял с коленей матери маленького ребенка короля, задушил его и принес в жертву богам в различных освященных домах. Люди с величайшим состраданием смотрят на бедную жертву, но считают, что правильно принести в жертву маленького ребенка, который сейчас бесполезен для общества и может не дожить до того момента, когда он будет полезен, чтобы получить взамен жизнь вождя, который нужен своему народу.

Такое жертвоприношение иногда совершается и по другим поводам, когда нужно отвратить гнев какого-либо бога. На Тонга есть несколько священных мест, проливать кровь в которых - святотатство, поэтому они служат городами-убежищами. Однажды вождь по имени Палавали преследовал нескольких человек, которые побежали в поисках убежища к

ближайшему священному месту. Один из них как раз перебирался через ограду, когда Палавали в порыве страсти ударил его по голове, так что тот упал замертво внутри ограды. Как только он совершил этот поступок, его охватил страх, и он рассказал о содеянном Финоу, который посоветовался со священником. Жрец, воодушевившись, сказал, что в жертву богам нужно принести ребенка, и вожди, посоветовавшись, решили принести в жертву ребенка от одного из своих сородичей, которого должна сопровождать женщина. Таких детей всегда выбирают по двум причинам: во-первых, потому что ребенок вождя считается достойной жертвой, а во-вторых, потому что, поскольку его мать низшего ранга, он никогда не сможет дожить до возраста вождя.

Мать, зная об этом обычае, встревожилась и спрятала ребенка, но в конце концов его нашли люди, посланные на поиски. Остальное следует рассказать словами Маринера. "Его бедная мать хотела последовать за ним, но ее удержали те, кто был рядом. Услышав голос матери, начал плакать, но когда он добрался до рокового места казни, то был доволен и обрадован лентой гнату, которую надели ему на шею, и, глядя в лицо человеку, который собирался его уничтожить, изобразил на своем прекрасном лице улыбку невыразимого удовольствия.

Такое зрелище вызывало жалость в сердце каждого, но преклонение перед богами и страх перед ними превосходили все остальные чувства, и уничтожитель не мог не воскликнуть, надевая роковую повязку: "O uaoóé chi vale!" ("Бедная маленькая невинность!") Двое мужчин затянули веревку, потянув за каждый конец, и вскоре невинная и ничего не подозревающая жертва была избавлена от мучительных схваток. Затем тело поместили на что-то вроде ручной тележки, которую поддерживали на плечах четверо мужчин, и понесли в процессии священников, вождей и матабуле, одетых в циновки, с венками из зеленых листьев на шее.

"Таким образом его доставляли в различные дома, посвященные разным богам, перед каждым из которых его клали на землю, все сидели за ним, кроме одного жреца, который сидел рядом с ним, и вслух молили бога, чтобы он соблаговолил принять эту жертву в качестве искупления за совершенное гнусное святотатство и чтобы наказание, соответственно, было отведено от народа. После того как это было сделано перед всеми освященными домами в крепости, тело было отдано родственникам, чтобы быть похороненным обычным способом".

Этот случай имел странное завершение. Через четыре или пять дней после жертвоприношения Палавали отправился в поход во главе группы мужчин, которые не были испытанными воинами, и встретился с меньшей группой настоящих воинов. Через очень короткое время люди Палавали разбежались, и он тщетно пытался их собрать. Наконец, смело выступив навстречу врагу, чтобы показать пример своим людям, он получил четыре копья в тело и упал. Это зрелище так возмутило его людей, что они бросились на врага, отбросили его назад и спасли своего умирающего вождя. Они собирались вытащить копья, но он сказал им, что это бесполезно, так как боги обрекли его на святотатство, и он должен умереть. Его предсказание оказалось верным, так как он умер через полчаса после битвы.

Когда к священнику обращаются по какому-либо вопросу - например, по поводу болезни кого-либо, - проводится тщательно регламентированная церемония. Накануне вечером убивают и готовят свинью, которую вместе с подорожником, ямсом и корнем кавы отвозят в место, где живет священник. На следующий день все отправляются в дом пациента и рассаживаются там по порядку, причем жрец занимает свое место прямо под карнизом, если место назначено для дома. Напротив жреца стоит чаша с кавой, а вокруг него, как

обычно, сидят матабулы; но по такому случаю вожди всегда смешиваются с людьми или даже садятся позади них, считая, что такое уединенное и скромное поведение угодно богам.

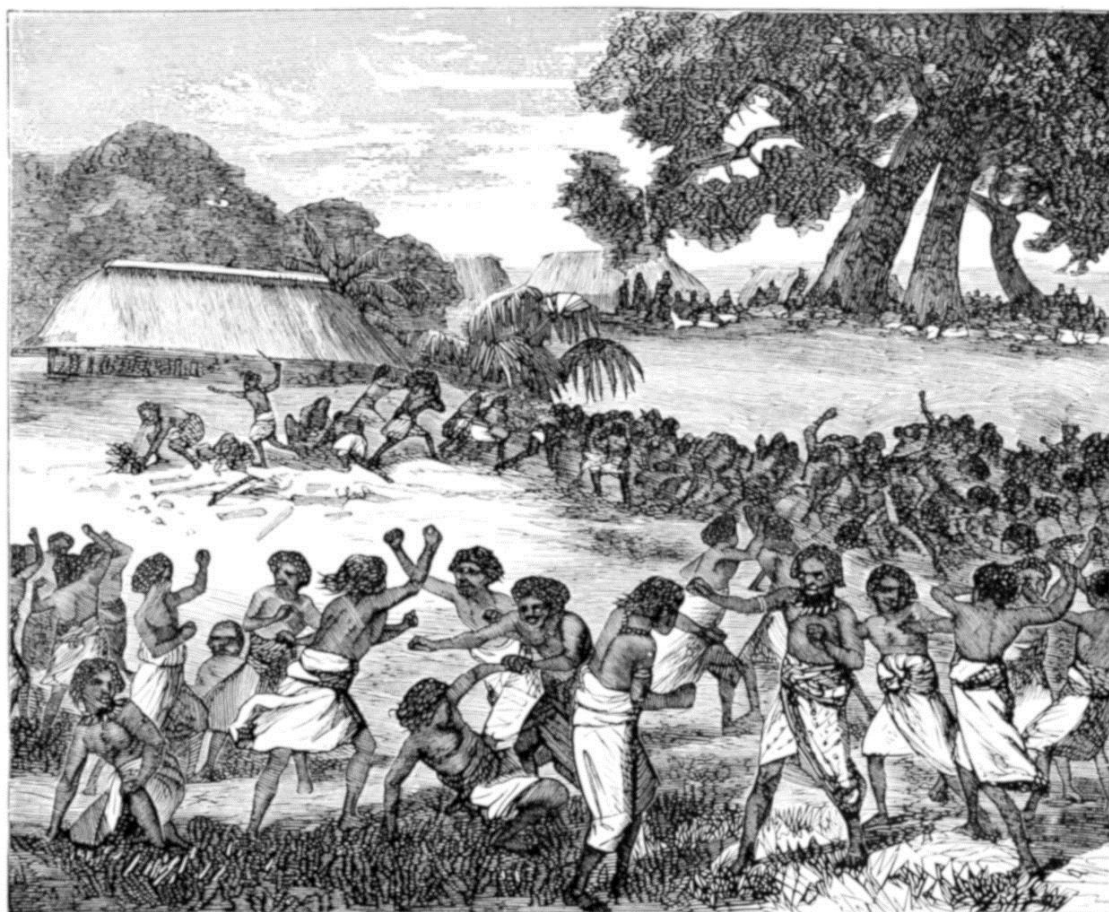
С того момента, как все усядутся, бог должен овладеть жрецом, который сидит молча, сцепив руки перед собой, склонив голову и устремив взгляд в землю. Приготовив каву, ему задают необходимые вопросы. Иногда он отвечает на них сразу, но очень часто молчит до тех пор, пока не будет съедена вся провизия и выпита кава. Когда он все же говорит, то низким, скованным голосом, как правило, выше естественного тона, поскольку считается, что слова произносит бог через него без его воли. В некоторых случаях он совершенно спокоен и тих во время своих ответов, но в других случаях его лицо воспаляется, глаза, кажется, готовы выскочить из глазниц, слезы льются из глаз, а слова выходят в виде прерывистых рыданий и задыханий.

Этот пароксизм длится некоторое время, а затем постепенно стихает. Когда он проходит, он берет булаву, которую положили рядом с ним для этой цели, внимательно смотрит на нее, а затем оглядывается вокруг, по-видимому, не видя предмета, на который он смотрит - "его глаза открыты, но их смысл закрыт". Внезапно он поднимает булаву и с силой ударяет ею о землю, в этот момент бог, как полагают, покидает своего почитателя, который тут же встает и покидает почетное место, удаляясь в заднюю часть кольца среди людей. Затем почетное место занимает человек самого высокого ранга, и подается еще кава.

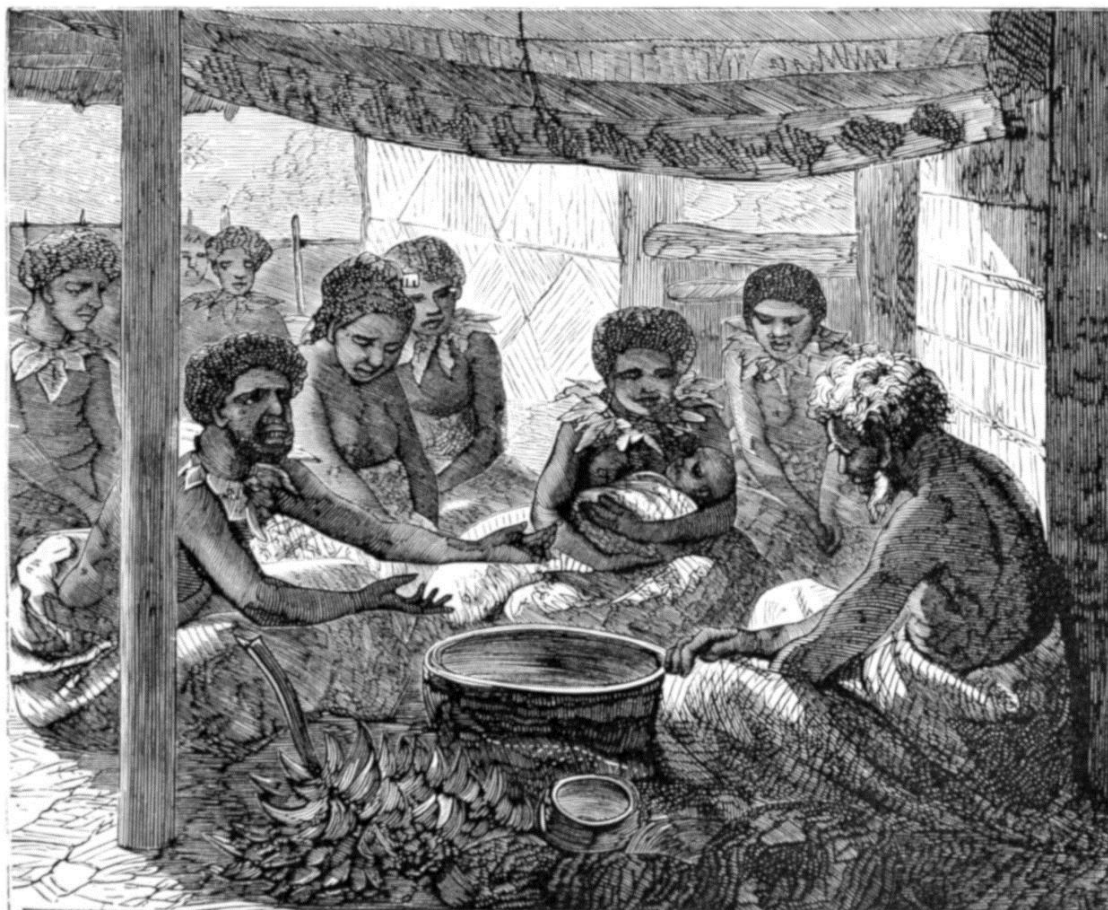
Если к священнику обращаются за помощью больные, вдохновение сохраняется до тех пор, пока пациент находится в его присутствии, а в некоторых случаях вдохновение длится несколько дней. Если один священник не может найти лекарство, больного отводят к другому, и так до тех пор, пока он либо не выздоровеет, либо не умрет.

На иллюстрации № 2 на следующей странице изображена консультация жреца по поводу больного ребенка. На переднем плане - провизия и подарки, принесенные священнику, а в центре - чаша с кавой. Справа - жрец, сидящий в состоянии вдохновения, со скрещенными руками и склоненной головой, слушает вопросы, которые задает матабуле. Мать ребенка с младенцем на руках, а вокруг - члены ее семьи, все одеты в грубые циновки вместо тонких гнату, а на шее у них листья, обозначающие смирение.

Другие люди, помимо вождей, получают вдохновение, как правило, от духов тех, кого они знали при жизни. Старший сын Финоу, который впоследствии занял трон, вдохновлялся великим вождем, убитым его отцом и другим вождем. Маринер спросил его, что он чувствует в таких случаях, и тот ответил, что ему беспокойно и неудобно, все вокруг пылает жаром, а разум, кажется, не принадлежит ему. Когда его спросили, откуда он знает имя духа, который посетил его, он ответил, что не может сказать - он знает это интуитивно, но не может дать никакого объяснения.

(1.) БУКСИР-ТАУ.
(См. [стр. 995.](#))

(2.) КОНСУЛЬТАЦИЯ СО СВЯЩЕННИКОМ.

(См. [стр. 998.](#))

Когда Маринер был на островах Тонга, один молодой вождь, отличавшийся красотой, вдохновился до такой степени, что потерял сознание, и был отнесен в дом священника, который сказал ему, что дух принадлежал молодой женщине, умершей два года назад и находящейся сейчас в Болотоо, раю Тонга. Она внушила ему, что желает его в мужа в Болотоо и скоро заберет его туда. Молодой вождь признал истинность этого объяснения, сказав, что несколько ночей подряд его посещала во сне молодая женщина, и он подозревал, что именно она вдохновила его. Через два дня после этого он заболел и умер. Маринер присутствовал при объяснении священником причины болезни.

Незадолго до того, как Маринер побывал на островах Тонга, там практиковалась еще более жестокая форма человеческих жертвоприношений, чем жертвоприношение ребенка.

Когда умирал Туи-тонга, его главную вдову душили в день похорон и хоронили в одной могиле с ним, как это делается на Фиджи, откуда, по всей вероятности, тонганцы и позаимствовали эту практику. За сравнительно короткое время пребывания Маринера на острове умерли два туи-тонга, но ни в одном из случаев этот ужасный обряд не был соблюден. В одном случае не было жены вождя, все его жены были настолько равны по рангу, что ни одна из них не управляла хозяйством; и, как следствие, выбор жертвы стал невозможен. Во втором случае главной женой была дочь Финоу, который открыто заявил, что если муж умрет первым, то его дочь не должна быть задушена, поскольку погубить молодую и красивую женщину из-за смерти ее мужа - значит нанести двойной ущерб общине. Так случилось, что Той-тонга умер только после того, как умер старший Финоу и его сменил сын,

который не только выполнил пожелания отца по этому вопросу, но и не позволил другому Той-тонга стать наследником, таким образом упразднив источник единственного звания, которое было выше его.

Если бы не вынужденное пребывание Маринера на Тонга, эта любопытная и интересная церемония так и осталась бы неизвестной европейской цивилизации.

Маринер присутствовал на свадьбе дочери Финоу с Тоой-тонга и описывает ее с мельчайшими подробностями. Она очень напоминала фиджийскую свадьбу, за исключением наряда невесты, которую сначала обильно помазали маслом какао-ореха, ароматизированным сандаловым деревом, а затем нарядили в огромное количество тончайших самоанских циновок, которые обернули вокруг нее в таком количестве, что ее руки торчали почти горизонтально из тела, а ноги были так сильно скованы, что она не могла сесть, а должна была опираться на своих сопровождающих в согнутом положении.

На тот момент ей было восемнадцать лет. Если бы не здравый смысл Финоу, Маринер за очень короткое время увидел бы ее свадьбу, убийство и погребение. Техническое название церемонии удушения - Nawgía.

Теперь мы, естественно, переходим к теме похорон, и в качестве типичного примера возьмем похороны старшего Финоу.

Почти сразу после смерти и погребения своей любимой дочери, ребенка примерно семи лет, Финоу заболел, его недуг усилился от усилий, которые он прилагал во время долгой церемонии похорон. Именно по этому случаю он приказал женщинам боксировать в общем бою. Вечером того же дня Финов удалился в только что построенный для него небольшой дом, и его охватила жестокая болезнь, которая почти лишила его дара речи, но не разума. Он явно знал, что его конец близок, и постоянно бормотал "Моя страна! Моя страна!", очевидно, предчувствуя, что на его землю могут обрушиться несчастья, если его внезапно увезут.

За него принесли в жертву ребенка, которого уже выбрали, но к тому времени, когда жертвователи вернулись в дом, где лежал король, он потерял и речь, и сознание, и через несколько минут великий и мудрый Финоу покинул эту жизнь. Когда его смерть была констатирована, была проведена любопытная церемония. Тело отнесли в дом Той-тонга и положили на яму, в которой повара имели обыкновение разжигать костры. Это было символическим выражением смирения и покорности богам: место приготовления пищи было настолько унижительным, что только самые низкие туа снисходили до него.

Не только сам король, но и все, кто был в его окружении, полностью верили, что его смерть наступила по вине бога по имени Тообо Тотай, которому он тщетно молился о выздоровлении дочери. В отместку за небрежность бога Финоу приготовил убийство его жреца и, как говорят, сказал, что если Тообо Тотай не изменит своего поведения и не станет больше напрягаться, то его жрец долго не проживет. Внезапная смерть Финоу положила конец этому проекту, о котором знали лишь один или два его ближайших друга. Не исключено, что священник, которому угрожали, мог узнать о готовящемся убийстве и спастись, получив дозу яда, которую Финоу ввели на похоронном банкете.

Финоу оказался прав в своих предчувствиях беды, ведь едва стало известно о его смерти, как несколько главных вождей разных островов начали собирать свои силы, намереваясь захватить трон. Однако его преемник унаследовал мудрость отца и принял такие меры предосторожности, что попытка заговорщиков была тихо пресечена.

После того как труп короля привезли из жилища Той-тонга, его положили на тюки гнату в большом коническом доме, который был почти полностью заполнен женщинами, непрерывно оплакивавшими его во главе с дочерью, красивой пятнадцатилетней девушкой. Даже ночью продолжались причитания, дом освещался лампами из скорлупы какао-ореха, наполовину наполненными какао-ореховым маслом, которое используется только в таких случаях; а на следующее утро люди собрались на марли, чтобы принять участие в похоронах своего покойного короля, которого они одновременно любили и боялись. Ведь среди диких народов нет любви к вождю, которого не боятся.

К этому времени лица главных скорбящих были почти неузнаваемы: они распухли и обезобразились от многочисленных ударов, которые они наносили себе в знак скорби. Вожди и матабуле, которые были особенно привязаны к персоне или семье умершего короля, стали наносить себе еще более тяжелые увечья, используя дубину, раковину или острый камень; выбегая по двое или по трое на открытое пространство, они рассекали себе головы дубинами и раковинами, так что кровь ручьями стекала по их телам; при этом они произносили нечто вроде песнопений, некоторые образцы которых были приведены Маринером. Ниже приводится его перевод предсмертного песнопения и сопровождающих его действий.

"Финоу, я хорошо знаю твои мысли; ты отправился в Болотоо и покинул свой народ, подозревая, что я или некоторые из тех, кто рядом с тобой, неверны; но где доказательства неверности? Где хоть один случай непочтительности? Затем, нанося сильные удары и глубокие порезы по голове дубиной, камнем или ножом, он снова восклицал через определенные промежутки времени: "Разве это не доказательство моей верности? Разве это не свидетельствует о преданности и привязанности к памяти ушедшего воина? Затем, возможно, двое или трое подбегут и попытаются схватить ту же дубинку, говоря яростным тоном: "Вот, земля раздирается распрями, она разбита на куски, расколота бунтами; как кипит моя кровь; давайте поспешим и умрем! Я больше не хочу жить: твоя смерть, Финоу, будет моей. Но почему я до сих пор хотел жить? Только ради вас, только ради вашей службы и защиты я хотел дышать; но теперь, увы, страна разорена. Мир и счастье кончились; твоя смерть застраховала нас: отныне только война и разрушение могут процветать".

"Эти речи сопровождались диким и бешеным возбуждением тела, в то время как одни через каждые два-три слова резали и били себя по голове ножом или дубинкой, которую держали в руках. Другие, более спокойные и сдержанные в своем горе, расхаживали взад и вперед довольно диким и взволнованным шагом, крутили и вертели дубинку, два-три раза с силой ударяли себя ее острием по макушке или затылку, а потом вдруг останавливались и, неподвижно глядя на забрызганный кровью инструмент, восклицали: "Увы, моя дубинка, кто бы мог сказать, что ты окажешь мне эту любезную услугу и позволишь мне таким образом продемонстрировать мое уважение к Финоу? Никогда, никогда, никогда ты больше не сможешь вскрывать мозги его врагам. Увы! Какой великий и могучий воин пал! О, Финоу, перестань подозревать меня в преданности; убедись в моей верности! Но что за нелепость я несу! Если бы я показался тебе вероломным, меня постигла бы участь тех многочисленных воинов, которые стали жертвами твоей справедливой мести. Но не думай, Финоу, что я упрекаю тебя; нет, я хочу лишь убедить тебя в своей невиновности, ибо кто, задумав причинить вред своим вождям, станет таким же белоголовым, как я (выражение, употребляемое некоторыми из стариков)? О жестокие боги, лишить нас отца, нашей единственной надежды, ради которой одной мы хотели жить. У нас есть и другие вожди, но они лишь вожди по рангу, а не такие, как ты, увы, великий и могучий в войне".

Таковы были их настроения и поведение по этому скорбному поводу. Некоторые, более жестокие, чем другие, резали себе головы до черепа такими сильными и частыми ударами, что сами себя доводили до исступления, вызывая впоследствии временную потерю рассудка. Трудно сказать, до какой степени дошла бы эта экстравагантность, особенно у одного старика, если бы принц не приказал мистеру Маринеру подойти и отобрать у него дубинку, а также у двух других, которые были заняты в это время. Обычно в таких случаях, когда человек берет дубину у другого, он сам использует ее таким же образом у себя на голове; но от господина Маринера, который был иностранцем, этого не ожидали: поэтому он поднялся и, после некоторых колебаний и борьбы, забрал дубины одну за другой и вернулся с ними на свое место, когда через некоторое время их взяли другие, которые использовали их таким же образом.

Следующим шагом было положить тело мертвого короля в могилу, которая находилась на некотором расстоянии от места, где раздавались эти дикие причитания. Прибыв на место, быстро собрали небольшой дом, положили в него тело, а весь дом покрыли грубым черным гнатым, знаком траура, который проходил по верху дома и свисал с карниза до земли, чтобы полностью скрыть его.

Здесь раздался еще один причитающий возглас, а несколько человек занялись вскрытием могилы. Все большие семьи хоронят своих покойников не просто в земле, а в прочном склепе длиной около восьми футов, шириной шесть и глубиной восемь. Он сложен из шести огромных камней, причем верхний, который служит крышкой, обязательно больше остальных. Для удобства поднятия при необходимости верхний камень не совсем плотно прилегает к нижнему: с одного конца между ними помещены камни поменьше.

Прокопав около десяти футов в глубину, люди подошли к склепу и, очистив его от земли, пропустили веревку под конец каменной крышки и объединенными усилиями почти двухсот человек подняли ее на край. В могиле уже находилось несколько тел. Два из них, пролежавшие в могиле целых сорок лет, были высушены и почти совершенны, а от других, пролежавших не так долго, осталось лишь несколько костей. В некоторых случаях склеп выстилают гнатым, на котором покоилось тело, а в других он становится собственностью председательствующего матабуле.

Все было готово, тело Финоу спустили в склеп, по-прежнему лежащее на гнатым, а рядом с ним похоронили тело его дочери, на похоронах которой он слег с болезнью. Затем с большим криком спустили камень, и отсечение головы и нанесение увечий началось заново. Следующей церемонией был сбор песка для украшения могилы.

Вся компания выстроилась в одну линию, женщины шли первыми, и направились к задней части острова, громко распевая, чтобы предупредить о своем присутствии случайных прохожих. Для любого человека, не занятого в похоронах, увидеть себя на дороге считается настолько большим оскорблением, что любой обычный человек лишился бы жизни. Даже если король сам видел подобную процессию, он прятался до тех пор, пока она не проходила мимо. Остаться на ногах, хотя это и не стоило бы ему жизни, было бы, вероятно, настолько горьким воспоминанием, что он мог бы потерять свой трон. Как только похоронный отряд прибыл на место, где был найден песок, все принялись за работу, делая корзины из листьев, которые они подвешивали к палкам и несли на плечах. К тому времени, когда они добрались до могилы, она была почти полностью засыпана землей, а оставшаяся часть была заполнена песком, который тщательно и аккуратно разравнивали.

Далее следовал очень любопытный обычай - прижигание щек. Скорбящие, одетые в циновки и зеленые листья, поджигают небольшие рулоны коры и прижимают их к каждой скуле,

чтобы образовался круглый волдырь. Затем его натирают соком вяжущей ягоды, отчего рана начинает кровоточить, а кровь размазывают по щекам. Трение повторяется ежедневно в течение двадцати дней, так что естественным результатом становится неизгладимый шрам.

На следующий день после погребения состоялась церемония, в ходе которой молодой принц был введен в должность вместо отца и наделен его именем. Финоу - фамилия царствующей семьи, но, согласно обычаю, никому, кроме самого короля, не разрешалось носить ее. Иногда, в знак особой благосклонности, он позволял носить ее кому-то из родственников, но всегда в сочетании с каким-то другим именем. Имя, которым ранее называли молодого принца, было Моэгнаньонго.

Церемония началась с питья кавы, на котором председательствовал молодой принц. Две первые чаши были наполнены и выпиты, третья причиталась президенту. Матабуле, руководивший процессом, сказал, когда все взгляды были прикованы к принцу: "Отдайте это Финоу", тем самым признав его королем Тонга. Молодой король не проявил ни малейшего волнения, когда его назвали новым именем, поскольку это было бы ниже его достоинства, но принял кубок так же спокойно, как если бы его всю жизнь называли Финоу.

Обряды, подобные описанным, продолжались девятнадцать дней, а на двадцатый была совершена заключительная церемония. Все родственники покойного короля вместе с теми, кто принимал участие в похоронах, отправились на заднюю часть острова и набрали большое количество плоских камешков, в основном белых, но среди них было и несколько черных. Они принесли их к могиле и рассыпали по ней в форме овала, укладывая каждый камешек рядом с другим. Черные камешки клали на белые.

Затем устраивались танцы, борцовские поединки и отрубание головы, причем в последнем обряде рыбаки покойного короля отличились весьма любопытным образом. В каждую щеку они втыкали по три стрелы, острия которых проходили в рот. Древка стрел заводились за плечи, и к каждой паре привязывалась еще одна стрела через плечо, чтобы получился треугольник. Экипированные таким необычным образом, они обошли вокруг могилы и, не удовлетворившись этим доказательством преданности своему покойному господину, прорубили себе головы веслами, а кожу на груди вспороли, просунув в складку копье. Завершал эту сложную церемонию грандиозный борцовский поединок.

При погребении одного великого вождя, который был убит во время прогулки с королем (очевидно, при его попустительстве), произошла очень любопытная вариация церемонии. Как только тело опустили в склеп, один из убийц, человек необычайной силы и роста, подошел к могиле и, размахивая дубиной, объявил себя убийцей и предложил любому другу покойного вождя сразиться с ним.

Вызов не был принят, и, хотя одна из жен убитого сделала все возможное, чтобы пробудить семью к мести, ей удалось лишь побудить их возвести сильную крепость, в которой они надеялись бросить вызов Финоу. Однако король был слишком мудр, чтобы допустить сохранение такой постоянной угрозы, отправился в путь с четырьмя тысячами воинов и привел недовольных вождей к повиновению. Во время штурма форта вождь, бросивший вызов, отличился своими ратными подвигами. Будучи раненным в грудь пятикопеечным копьем, он отломил древко, в одиночку взобрался на вражескую крепость, выбил дубиной мозги одному человеку и скрылся. Однако при отступлении он получил еще одно копье в спину и умер на следующий день. Примечательно, что в этой битве погибли почти все убийцы.

Религиозная система тонганцев довольно проста. Они верят, что существует несколько порядков богов, так же как и несколько рангов людей. Главные боги - самосуществующие и вечные, а второй порядок богов - души умерших вождей и матабуле. Все люди благородных кровей имеют души и занимают место в Болотоо, или Раю, не в соответствии с их моральными заслугами, а в соответствии с рангом, который они занимали в этом мире. Матабулы становятся служителями богов, так же как они были служителями вождей; но они недостаточно могущественны, чтобы вдохновлять жрецов. Существует также класс озорных богов, которые, к счастью, гораздо менее могущественны, чем благосклонные божества.

Что касается муа, или среднего класса, то ученые весьма сомневаются, отправляются ли они в Болотоо и есть ли у них душа. Но то, что у туа, или крестьянства, нет души, не вызывает ни малейших сомнений, и то, что они могут отправиться в Болотоо, поэтому невозможно.

Что касается Болотоо, или Рая, то тонганцы считают, что это остров где-то к северо-западу от Тонга. Это красивейшее место, полное самых вкусных фруктов и самых прекрасных цветов. Свиной там много, и они никогда не умирают, если только их не убивают, чтобы дать пищу богам, и тогда на месте убитой свиньи появляется другая. Так же, когда срывают фрукт или цветок, на его месте тут же появляется другой. Эти сведения мы узнали от тонганских мореплавателей, которые возвращались с Фиджи, но были выбиты из колеи штормом. В конце концов их занесло на чудесный остров, на котором им удалось высадиться. Здесь было изобилие фруктов, но руки не могли их схватить. Они проходили сквозь стволы деревьев и стены домов, как будто это были тени, а некоторые жители проходили сквозь свои тела подобным образом. Затем они обнаружили, что находятся в Болотоо. Боги велели им немедленно отправиться домой и пообещали благоприятный ветер. Они благополучно добрались до Тонга, но вскоре все умерли - воздух Болотоо не подходил простым смертным.

Уже упоминалось, что религиозная и светская жизнь тонганцев настолько слиты воедино, что их очень трудно разделить, и что даже их развлечения носят отчасти религиозный характер. Однако среди их игр есть одна или две, в которых этот элемент присутствует в незначительной степени и которые все же характерны для туземцев. Одна из таких игр называется "Фанна-калай" и представляет собой весьма изобретательный способ ловли птиц с помощью приманок.

Чтобы попрактиковаться в этом развлечении, спортсмен вооружается луком и стрелами, отправляется в лес и устраивается там в большой плетеной клетке, покрытой зелеными листьями, чтобы его не было видно, но имеющей множество отверстий, через которые можно пускать стрелы. Рядом с ним стоит маленькая клетка, в которой содержится курица, а на вершине большой клетки за ногу привязан петух. При правильной дрессировке эти птицы продолжают подзывать друг друга и тем самым привлекают множество особей своего вида, которые становятся жертвами стрел.

Хорошо обученные птицы очень ценятся, и известно, что один вождь вступал в войну с другим ради того, чтобы заполучить особенно хорошую птицу. Действительно, тонганцы смотрят на этих птиц так же, как спортсмены былых времен смотрели на своих соколов. У каждой пары птиц есть свой смотритель, в обязанности которого входит уход за ними и их обучение. Он тщательно следит за тем, чтобы научить птицу-петуха хлопать крыльями, когда она зовет свою пару, и громко произносить свои звуки, чтобы они могли быть восприняты как вызов другим птицам прийти и сразиться с ним. Смотрители птиц имеют практически неограниченные полномочия, ведь ничто не может помешать благополучию их подопечных. Даже когда в районе наступает голод, птицы не должны голодать. Смотритель добывает корм для птиц, и если он видит прекрасную гроздь подорожника, ему разрешается наложить на

нее тапу, воткнув в дерево тростник, после чего владелец не смеет трогать плоды, которые он сохранил для себя и своей семьи. Он может умереть с голоду, но птицы должны быть сыты.

Как можно представить, хозяева заботятся не только о птицах, но и о своих собственных интересах, и являются большими вредителями для окрестностей, немилосердно обкрадывая людей. Время от времени они заходят слишком далеко в своей наглости, и на них поступает жалоба, и в этом случае человек редко уходит без жестоких побоев.

Чтобы показать огромную ценность этих птиц, Маринер рассказывает историю о старшем финоу. У вождя Хихифо была птица, которую он сам выдрессировал и которая была лучшей из всех, что когда-либо были известны. Финоу услышал об этой птице и послал в Хихифо уполномоченного, чтобы договориться с вождем о ее покупке. Владелец отказался это сделать, сказав, что он не только привязан к птице, которую сам выдрессировал, но и выдержал множество войн, которые вели соседние вожди, желавшие заполучить птицу, - погибло много людей, и он считает, что его честь затронута сохранением птицы. Однако он доверил послу другую пару птиц, почти таких же хороших, и попросил его подарить их Финоу.

На следующий день король попробовал птиц и был так восхищен их игрой, что ему еще больше захотелось получить птицу, которая даже превосходила бы их. Поэтому он приготовил подарок, который, по тогдашним представлениям тонганцев, имел почти неисчислимую ценность: помимо китовых зубов, гнату, кавы и других местных продуктов, в него входили несколько железных болтов, множество бусин, зазеркалье, точильный камень и несколько топоров - все они были привезены из Европы, а большинство - с судна, на котором потерпел крушение Маринер. Видя, что Финоу твердо намерен заполучить птицу и что в случае повторного отказа он, вероятно, начнет войну, вождь благоразумно принял подарок и отправил желанный приз с вежливым посланием.

Поскольку этот вид спорта обязательно требует больших затрат, им могут заниматься только король и очень великие вожди, даже мелкие вожди не в состоянии нести расходы. Есть еще один вид спорта, которым занимаются только вожди и матабулы. Это фанна-гума, или стрельба по крысам, которая проводится следующим образом. Два вождя берут на себя командование двумя партиями, которые намереваются стрелять в крыс, и устраивают предварительные приготовления, *то есть* определяют курс, по которому они собираются идти, количество стрелков с каждой стороны и так далее. В назначенный день они отправляются в заранее оговоренное место, каждый из них получает свой лук и две стрелы.

Эти стрелы имеют длину шесть футов и сделаны из тростника с твердой древесиной. Они очень красиво сделаны, головки гладкие и отполированы с особой тщательностью, а место соединения головки и древка защищено плетеной синнетой. В некоторых экземплярах этого оружия, хранящихся в моей коллекции, синец едва ли шире швейного шелка, а уложен он с таким совершенством, которому едва ли можно доверять. После того как синнет закончен, на него наносится легкий слой прозрачного лака, чтобы прочнее скрепить косичку и придать ей равномерную полировку. В некоторых стрелах есть несколько подобных поясов из плетеной синнеты. Оперение не нужно, так как стрелы никогда не целятся на любое расстояние, а их большая длина необходима для того, чтобы они могли пройти прямо через кусты, среди которых скрываются крысы.

Лук примерно такой же длины, как и стрелы, и не очень мощный, чтобы прицеливание не нарушалось эффектом его натяжения.

Когда они готовы отправиться в путь, вперед высылают пару сопровождающих, которые берут в рот несколько жареных орехов какао, разжевывают их и выплевывают осколки по обе

стороны тропы. Если они доходят до перекрестка, то сажают в нем вертикальный тростник, с помощью которого на тропу накладывается тапу, чтобы никто не мог пройти по ней и потревожить крыс. Никто никогда не пренебрегает этим тапу. Даже если один из величайших вождей подойдет к нему, он остановится в отдалении и сядет, пока не пройдут спортсмены, а вождя низшего ранга за дерзость непременно побьют дубинкой, если он нарушит тапу.

Когда партия стартует, они располагаются следующим образом. Они идут в индийском порядке по тропе, первым идет вождь одной стороны, за ним - вождь другой стороны. Затем идут мужчины следующего ранга по обе стороны, и так далее по очереди. Кроме вождя, никто не имеет права стрелять в крысу, которая находится перед ним, хотя он может это сделать, если она находится с любой стороны или позади него. Как только кто-то выпустил стрелу, он меняется местами с тем, кто стоит за ним, независимо от того, удался выстрел или нет, так что у каждого по очереди есть шанс стать ведущим и таким образом получить двойной шанс на крысу. У каждого спортсмена есть сопровождающий, который следует за группой и, как только его хозяин выпустит стрелу, подбирает ее и возвращает ему.

Чтобы привлечь дичь, спортсмены имитируют писк крысы, что часто помогает вывести ее из норы, а если крыса убегает, не дожидаясь выстрела, один или двое из них, резко высунув язык, произносят другой звук, который заставляет крысу остановиться и сесть, чтобы послушать. Побеждает та сторона, которая первой подстрелит десять крыс. Крысами считаются любые птицы.

В эти два вида спорта обязательно должны играть только вожди, поскольку в одном случае это связано с расходами, а в другом - с силой тапу, но есть еще один, в который играют только вожди и матабуле, ограничиваясь им по этикету, а не по необходимости.

Два игрока садятся друг напротив друга, и один из них делает одно из трех движений правой рукой, то есть представляет открытую ладонь, закрытый кулак или вытянутый указательный палец. Его антагонист пытается имитировать эти движения, но если ему удастся сделать пять движений, не будучи имитированным, он выигрывает очко и отмечает его, положив небольшой кусочек палки. Если антагонист добился успеха, он спрашивает у другого игрока, каковы были предыдущие движения, их порядок и причина каждого из них. Если его противник не сможет дать правильный ответ, он теряет очко, но если ему это удастся, игра продолжается.

Мастерство заключается не в том, чтобы увидеть и имитировать различные движения, которые совершаются так быстро, что неопытный глаз не может уловить ни одного из них, а в том, чтобы запомнить движения антагониста и дать притворное объяснение каждому из них. Это объяснение должно быть сделано в соответствии с законами игры и меняется при каждом изменении порядка движений, так что требуется значительная готовность и изобретательность, чтобы в мгновение ока придумать объяснение в соответствии с законами игры. Вожди очень любят эту игру и, играя в нее, доводят себя до невероятного возбуждения. Низшие порядки играют в игру, несколько похожую на эту, за исключением того, что в ней не допускается обсуждение ходов, и поэтому отсутствует интеллектуальный элемент.

Существует множество других игр, общих для всех рангов. Одна из них называется "Толо". Кусок мягкого дерева, девять дюймов в диаметре, прикреплен к вершине столба из более твердого дерева высотой около пяти или шести футов, и игра состоит в том, чтобы бросить тяжелое копье так, чтобы оно воткнулось в мягкое дерево. С каждой стороны играют шесть

или восемь человек, каждому игроку дается три броска. Другая игра с копьями несколько напоминает джерид и заключается в метании затупленных копий друг в друга.

Тонганцы отличаются необычайной ловкостью рук. Они преуспели в игре с мячом, и у них есть игра, которая заключается в игре с пятью мячами, которые перебрасываются из одной руки в другую так, чтобы четыре мяча постоянно находились в воздухе. Одновременно они поют песню, каждая каденция которой совпадает с перебрасыванием мячей из одной руки в другую, и за каждый куплет, который они могут закончить без ошибки, им начисляется одно очко. У них также есть игра, очень похожая на наши чашки и мячи.

Еще одна игра, в которой требуется ловкость рук, называется лафо. На земле расстилается коврик, и игроки бросают на него бобы, каждый старается сбить бобы своего противника. Эта игра получила известность благодаря тому, что была связана с одним из немногих актов каннибализма, приписываемых тонганцам. Во время сильного голода две дочери одного из вождей сыграли в лафо с двумя молодыми воинами. Если мужчины выигрывали, им полагалась половина батата, а если проигрывали - половина батата, но они должны были выйти на улицу, убить врага и разделить его тело с девушками. Они проиграли, съели свой батат и дождались ночи, чтобы выполнить свое обещание. С наступлением темноты они выкрались и спрятались недалеко от крепости врага. Как они и предполагали, рано утром один из мужчин вышел за соленой водой и прошел недалеко от места, где они сидели в засаде. Они сбили его дубинками и, рискуя жизнью, отнесли его тело к месту, где жили девушки. Если во время какой-либо из этих игр возникает спор, мужчины решают его с помощью инсценированного борцовского поединка, а женщины - вращением ореха какао.

Будучи островитянами, они хорошо знакомы с водой и занимаются таким известным видом спорта, как плавание в прибое. Этот вид спорта будет описан, когда мы перейдем к рассмотрению Сандвичевых островов. У них есть еще один водный вид спорта, свойственный только им. В дно моря вбивают два столба на расстоянии около семидесяти ярдов друг от друга, выбирая место, где глубина воды составляет около десяти футов. Каждый игрок берет в руки большой камень, прыгает в воду у одного столба и пытается донести его до другого столба, бегая по дну. Главная трудность заключается в том, чтобы идти по прямой, так как на таком расстоянии победный столб не виден сквозь воду.

Когда мистер Маринер был на островах Тонга, он принял участие в развлечении, которое берет свое начало из любовной легенды. В сопровождении Финоу он отправился на небольшой остров Хунга, и, спустившись к берегу моря, увидел своих спутников, купающихся у большой скалы, и с удивлением обнаружил, что они один за другим ныряют в воду и больше не поднимаются. Когда последний из них готовился нырнуть, он спросил, в чем смысл этого удивительного действия, и ему сказали следовать за ним, и он попадет в место, где никогда раньше не был, и где в это время собрались Финоу и его матабуле.

Он нырнул в воду, и мистер Маринер последовал за ним, ориентируясь на свет, отраженный от его пяток. Пройдя через отверстие в основании скалы, о которой только что говорилось, он поднялся на поверхность воды и оказался в пещере. Сначала он ничего не видел, но различал голоса Финоу и других своих друзей, а через некоторое время настолько привык к тусклому свету, что смог разглядеть, что находится в огромной сталактитовой пещере.

Поскольку единственный свет, проникавший в нее, отражался от дна воды и был очень тусклым, он снова вынырнул, завернул свой заряженный пистолет в кучу гнату, велел слуге приготовить факел тем же способом и снова вынырнул обратно. С помощью пистолета он зажег факел, и, вероятно, впервые тех пор, как он образовался, пещера была освещена. Она была около сорока футов в ширину и столько же в высоту и с одной стороны разветвлялась на

две галереи. Ее крыша была покрыта сталактитами, свисающими в причудливых узорах, которые они склонны принимать. История, которую ему рассказали в связи с открытием этой пещеры, представляет собой роман из жизни дикарей.

Много лет назад молодой вождь Вавао обнаружил пещеру случайно, ныряя за черепахами, но постарался сохранить это открытие при себе, так как считал, что оно пригодится ему в случае, если он будет замечен в заговоре против главного вождя острова, человека жестокого и тиранического нрава. Другой вождь имел такие же намерения и организовывал восстание, когда его предал один из его собственных последователей и приговорил к утоплению вместе со всей семьей. Так случилось, что у него была очень красивая дочь, которую молодой вождь давно любил, но с которой не смел заговорить, зная, что она обручена с человеком более высокого ранга, чем он сам.

Однако когда он узнал, что ее жизнь должна быть принесена в жертву, он сумел пробраться к ней вечером, рассказал о судьбе, которая ее ожидала, и предложил спасти ее. Девушка сразу же согласилась, и они вдвоем осторожно отправились на берег моря, где их ждало маленькое каноэ. По дороге в Хунгу молодой вождь рассказал девушке об этом укромном месте и, как только рассвело, отвел ее в пещеру. Он не сразу узнал, что привязанность была взаимной, но то, что она была обручена с другим, заставило ее избегать его.

Она оставалась в этой пещере два месяца, в течение которых ее молодой муж привозил ей лучшие циновки и гнату, лучшую еду и все, что составляет тонганскую роскошь. Однако он был вынужден проводить значительную часть времени в Вавао, чтобы тиранический вождь не заподозрил его, и ему, естественно, не терпелось увезти жену в какое-нибудь место, где они могли бы жить вместе в безопасности.

Поэтому он созвал своих подчиненных вождей и матабуле и велел им готовиться к путешествию на острова Фиджи в сопровождении своих жен и семей. Эта экспедиция держалась в секрете, чтобы тиран не помешал ей. Как только они отправились в путь, один из вождей посоветовал ему взять с собой жену-тонганку, но он отказался, сказав, что найдет ее по дороге. Они приняли его ответ за шутку и отплыли в сторону Хунга. Когда они приблизились к берегу острова, он велел своим людям подождать, пока он сходит в море за женой, и, прыгнув в море с борта каноэ, которое находилось дальше всего от берега, нырнул и исчез.

Подождав некоторое время, люди начали серьезно беспокоиться, думая, что с ним произошел несчастный случай или что его поймала акула. Внезапно, пока они обсуждали, как лучше поступить, он появился на поверхности воды в сопровождении прекрасной девушки, которую он взял в каноэ. Сначала его люди ужасно испугались, решив, что это богиня, но, узнав ее черты, приняли за наваждение, полагая, что она утонула вместе с остатками своей семьи. Молодой вождь благополучно добрался до островов Фиджи, где прожил два года, а по истечении этого срока, узнав, что тиран Вавао мертв, вернулся на родной остров, прихватив с собой свою странно спасенную жену.

Факты этой истории показывают, что пещера должна иметь какое-то отверстие, пропускающее наружный воздух, так как в противном случае никто не смог бы прожить в ней так долго. Даже если допустить, что время пребывания девушки было преувеличено, мистер Маринер обнаружил, что воздух был совершенно свежим и сладким после того, как Финоу и его друзья побыли в ней несколько часов, а кроме того, в ней горел факел.

Остров, на котором находится эта необычная пещера, почитается тонганцами как место возникновения их группы островов. Тонгалоа, бог искусств и изобретений, спускал с неба в

море леску, как вдруг почувствовал, что его крючок зацепился. Он подтянул леску, решив, что из-за сопротивления поймал очень большую рыбу. Однако оказалось, что крючок зацепился за дно моря, и, продолжая тянуть, бог вытащил на поверхность острова Тонга. Они были бы гораздо больше, но леска оборвалась, и острова остались несовершенными.

Мистер Маринер узнал, что крюк, с помощью которого острова Тонга были вытащены из морского дна, хранился у Тоой-тонга, но был сожжен вместе с домом около тридцати лет назад. Его длина составляла около шести дюймов, и, судя по описанию, это был один из обычных рыболовных крючков этой страны. Моряк спросил, почему он не сломался при вытаскивании столь огромного груза, и ему ответили, что это крючок бога, а значит, он не может сломаться. На вопрос, как же так получилось, что леска, которая тоже принадлежала богу, порвалась, его собеседник отказался продолжать эту тему, сказав, что ему так сказали, и что нет необходимости в дальнейших расспросах.

ГЛАВА СII. САМОА, ИЛИ ОСТРОВА МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ. ВНЕШНИЙ ВИД-ХАРАКТЕР-ОДЕЖДА-ПРОИЗВОДСТВА.

ПОЛОЖЕНИЕ ГРУППЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ОБЩИЙ ВИД ЛЮДЕЙ - ИХ ХАРАКТЕР - МЯГКОСТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО, ЧЕСТНОСТЬ, И ВЕЖЛИВОСТЬ - ПЕРЕВОЗКА МИССИОНЕРА И ЕГО СЕМЬИ - ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДЕТАМ - ОДЕЖДА САМОАНЦЕВ - ТАТУИРОВКА КАК ЧАСТИЧНАЯ ЗАМЕНА ОДЕЖДЫ - СПОСОБ НАНЕСЕНИЯ ТАТУИРОВКИ - ВРЕМЯ, ЗАТРАЧИВАЕМОЕ НА ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ - ТОНКИЕ ЦИНОВКИ САМОА - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПАРИКОВ - ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИЗ ПЕРЬЕВ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ КОСТЮМ - СОВЕТЫ ФАА-САМОА - СПОСОБ УКЛАДКИ ВОЛОС - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТКАНИ - ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И ПОТОМСТВЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ.

К северу от Тонганской группы, немного восточнее, лежат Острова Мореплавателей, более известные под их родным названием Самоа, или Хамоа. Первое из этих названий было дано им Бугенвилем в связи с искусным мореходством туземцев. В эту группу входят восемь островов, самый большой из которых - Савайи.

Как это часто бывает среди островных групп, здесь нет единого короля или главного вождя, каждый остров имеет своего правителя, под началом которого находятся подчиненные вожди разных рангов. Этот способ правления настолько схож с тонганским, что нам нет нужды тратить на него время.

Самоанцы - прекрасная раса людей, значительно превосходящая англичан по среднему росту и отличающаяся особым телосложением. Их кожа гладкая, мягкая, теплого красновато-коричневого цвета, а волосы, хотя и обильные, не имеют той шерстистости, которая отличает волосы папуасских рас, но длинные, прямые и, в некоторых случаях, имеют легкую волну. Естественно, бороды почти нет, и самоанец гордится тем, что уничтожает все признаки волосяного покрова на подбородке. Он спокоен, выдержан и величав, поэтому во всем представляет собой яркий контраст с чернокожим фиджийцем с его вьющимися и шерстяными волосами, обильной бородой и быстрыми, беспокойными, подозрительными манерами.

Будучи дикарями, самоанцы обладают многими недостатками, которые неизбежно сопровождают дикарскую жизнь, но в то же время они ближе к "благородному дикарю" поэта, чем большинство рас людей. Они гостеприимны, ласковы, честны и обходительны, и их можно назвать нацией джентльменов. По отношению к чужакам они проявляют либеральность, которая сильно контрастирует с жестокими и кровожадными обычаями папуасских племен. Фиджийцы, например, делают все возможное, чтобы отогнать чужаков от своих берегов, либо прогоняют их, либо убивают и съедают. Самоанцы же, напротив, радушно принимают чужаков, отводят им лучшие дома, дают лучшую еду и дают понять, что они - почетные гости.

Они необычайно ласковы и, как родители, слишком любят своих детей. Как правило, самоанский родитель не выносит, когда ему мешают, и позволяет ребенку делать то, что ему нравится. Вследствие отсутствия дисциплины многие дети погибают из-за ошибочной доброты родителей, которые позволяют им есть неподходящую пищу или участвовать в играх, на которые у них не хватает сил.

Честность самоанцев поистине удивительна. Когда несколько из них оказались на борту английского судна, они тщательно воздерживались от воровства. Имущество, которое для них было равносильно безграничному богатству, лежало в пределах досягаемости их рук, но они не тронули даже гвоздя или иглы. В одном случае европейское судно выбросило на берег на скалах. Весь его груз был отдан на милость самоанцев, но ни один человек не поднялся на борт судна, а все имущество было сохранено за законными владельцами. Есть много цивилизованных стран, где судно было бы разграблено в течение часа после того, как оно ударилось о скалы.

Однажды, когда великий вождь по имени Малиетоа поднялся на борт английского судна в сопровождении младшего брата, он осмотрел все с большим вниманием, но ничего не попросил, лишь попросил белых людей сойти на берег и навестить его. Они так и сделали, принеся с собой в подарок топоры, зеркала, бусы, ножи, ножницы, иглы и другие подобные предметы. Когда подарок был преподнесен, Малиетоа взял каждый предмет в отдельности, положил его себе на голову и поблагодарил за него, а после того, как он подробно рассмотрел весь подарок, он произнес хвалебную речь, в которой поблагодарил дарителей за весь подарок. Его брат, которому был преподнесен аналогичный подарок, сначала отказался взять корзину, бесценную по своему содержимому, но передал ее старшему брату, сказав, что возьмет все, что не пожелает его брат.

"По окончании этой важной и интересной беседы Малиетоа сообщил своим людям, которые с удивлением наблюдали за происходящим, что ему было передано большое количество ценного имущества и что английские вожди, которым он был обязан за него, захотят поехать по возвращении. Ведь, - сказал он, - на море не бегают свиньи, и там не растут хлебные плоды". Услышав это, вся компания мгновенно поднялась и убежала; примерно через час они вернулись, принеся с собой пятнадцать свиней разных размеров и большое количество хлебных плодов, ямса и других овощей, все это вождь представил нам". Эта выдержка из дневника известного миссионера мистера Уильямса дает хорошее представление о гостеприимном характере народа.

Вежливость у самоанцев считается одной из обязанностей жизни. Они обращаются друг к другу, используя почетные титулы, и считается важным пунктом этикета, что, когда один человек обращается к другому, он должен использовать титул более высокий, чем тот, на который претендует его собеседник. Если он не знает ранга человека, к которому обращается, он использует термин "вождь", как безопасный.

Все ранние путешественники были поражены самоанцами, чье мягкое поведение, безупречная честность, скрупулезная чистоплотность, изящный костюм, гигантский рост и отточенные манеры произвели на них сильное впечатление. Когда господа Уильямс и Барт посетили эти острова, они были приняты самым радушным образом. Когда они сошли на берег, первый случайно упомянул, что устал, молодой вождь обратился к народу с несколькими словами, и через мгновение посетитель был поднят с земли несколькими гигантскими молодыми людьми, которые схватили его, "одни за ноги, другие за руки, один подложил руку под мое тело, другой, не имея возможности получить такое большое пространство, ткнул в меня пальцем; И таким образом, растянувшись во всю длину на их вытянутых руках, я был пронесен на расстояние в полмили и благополучно доставлен в присутствие вождя и его главной жены".

На борту находилось несколько детей, которых туземцы с большим ликованием унесли с собой. Один или два из них пропали на несколько часов, что вызвало у их родителей сильное беспокойство. Однако все они были возвращены в целости и сохранности, а их отсутствие объяснялось лишь буйным гостеприимством самоанцев. Туземцы были так рады своей удаче, что им достался белый ребенок, что не могли решиться вернуть его родителям, а взяли его домой, убили и запекли свинью и другие продукты, от души попиروвали, а затем, продержав его у себя столько, сколько посмели, вернули родителям. Этот анекдот подтверждает уже сделанное заявление о том, что самоанцы очень любят детей. Мистер Притчард рассказывает, что однажды, когда он наблюдал за туземным танцем, требующим огромного напряжения, жена вождя сидела в качестве зрителя с двумя прекрасными детьми-близнецами на коленях. Вождь, увлеченный танцем, не мог оторваться от своих детей, но то и дело покидал танец, чтобы приласкать их. Матери кормят своих детей по нескольку лет, и часто можно видеть, как ребенок пяти-шести лет оттаскивает младшего брата или сестру и занимает его место.

Одежда самоанцев значительно варьируется в зависимости от ранга человека и повода, по которому она надевается. Обычная одежда мужчин - это что-то вроде маленького фартука площадью около фута, сделанного из зеленых листьев дерева *Драцена*, но в торжественных случаях они обычно надевают струящийся халат, называемый лава-лава. Она сделана из коры и отличается прекрасной тонкостью и мягкостью, самоанцы превосходят всех в подобном производстве, которое будет описано далее. Этот халат собирается вокруг талии в складки и доходит до щиколоток.

Как бы ни была мала обычная одежда самоанских мужчин, они всегда кажутся полностью одетыми, благодаря татуировке, которой они тщательно украшены. Даже для европейского глаза татуировка производит такое же впечатление, и некоторые из первых мореплавателей приняли ее за платье, описав народ как одетый от талии вниз, с бахромой из кружев, "сделанных из шелковистой ткани и искусственно вытканых".

Читатель помнит, что новозеландцы не татуируют ни одной части тела, кроме бедер, и даже в этом случае получается подобие одежды. Самоанцы татуируют все тело от бедер до колен, покрывая кожу рисунком настолько полно, что на небольшом расстоянии это выглядит так, как будто на человеке надеты узкие декоративные кальсоны.

Даже европейские глаза настолько привыкают к татуировке, что бывают шокированы ее отсутствием; и, по словам мистера Притчарда, нетатуированный самоанец действительно выглядит не по-мужски, даже голым, рядом с тем, кто татуирован. Туземцы настолько хорошо понимают это чувство, что вожди, достигшие среднего возраста, часто подвергаются

процессу татуировки во второй раз, чтобы обновить узоры, поскольку они становятся тусклыми и неопределенными с годами; ибо, хотя татуировка и нестираема, с годами она тускнеет, как я могу засвидетельствовать на личном опыте. Когда я был совсем маленьким мальчиком, я прочитал об обычае татуировки и должен был попробовать ее на своей руке. У меня мало что получилось, но вся рука распухла до самого плеча и некоторое время была бесполезна. Сначала знаки были ярко-синего цвета, четкие и хорошо очерченные, но теперь синий цвет стал тусклым индиго, а очертания очень нечеткими.

На создание этого сложного украшения уходит много времени: во-первых, операция слишком болезненна, чтобы продолжать ее долгое время; во-вторых, она способна вызвать такие нарушения в общей системе, что результат был бы фатальным, если бы все было сделано за один раз. Операция обычно проводится в компании, несколько молодых людей составляют компанию сыну вождя. Например, когда сын вождя достигает соответствующего возраста, *то есть* около восемнадцати лет, все парни его племени собираются, чтобы вместе с ним сделать татуировку, которая должна превратить их из мальчиков в мужчин.

По этому случаю проводится целая церемония или, скорее, ряд церемоний. Татуировщик, или матаи, - человек с большим влиянием, и его услуги должны быть запрошены в обычной форме, сопровождаемые подарком в виде прекрасных циновок. Принятие ковриков подтверждает сделку, хотя плата за них не взимается. В назначенный день парни и их друзья собираются в доме, отведенном для этой церемонии, и матаю преподносят еще больше циновок. Если юноша богат, он иногда дарит каноэ. Друзья юношей также обязаны поставлять провизию, пока длится операция.

Инструменты достаточно просты - это набор из пяти "гребней" и маленького молотка. Гребни сделаны из человеческой кости, их длина составляет полтора дюйма, ширина варьируется от восьмой части дюйма до дюйма, и они очень похожи на маленькие костяные щипцы с краями в виде зубцов. Эти лезвия прикреплены к рукояткам длиной около шести дюймов. Пигмент, который вводится в раны, изготавливается из пепла ореха какао.

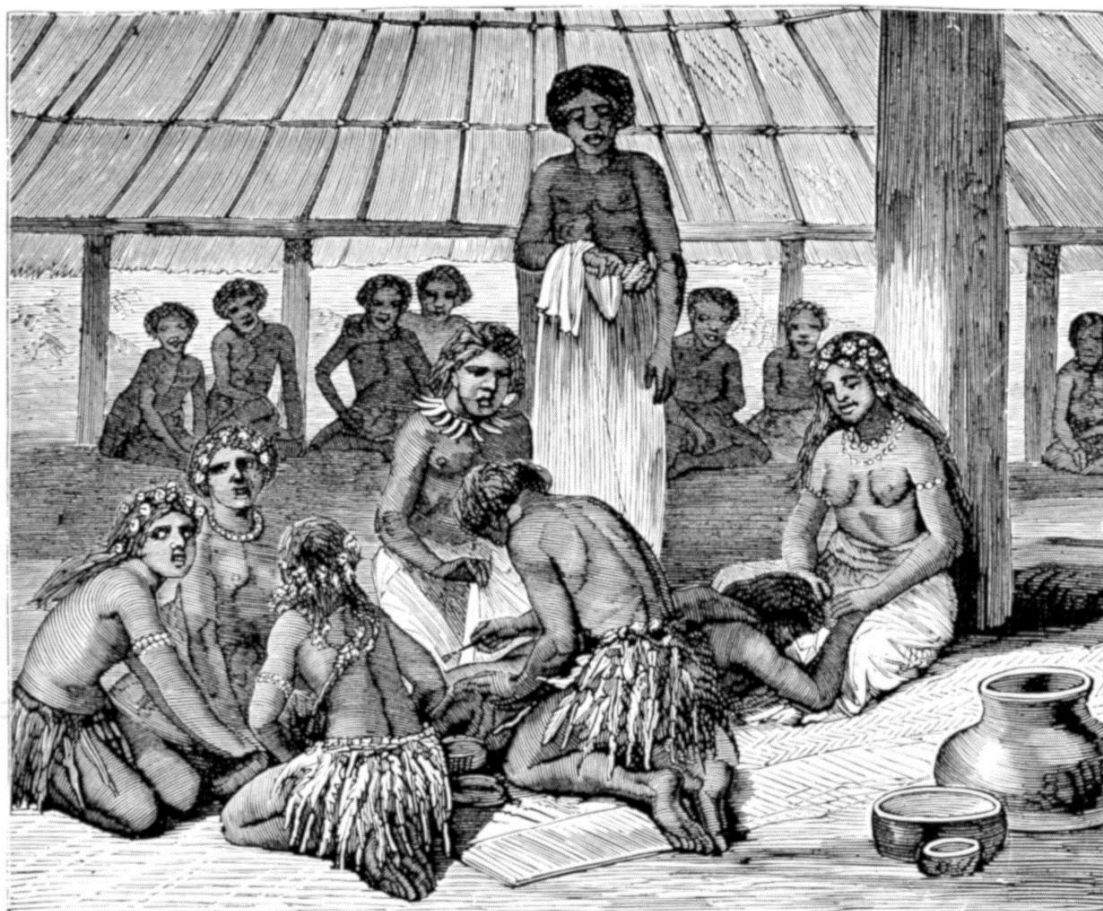
Все готово, молодой вождь ложится на лицо перед оператором и кладет голову на колени своей сестры или другой женщины, а три или четыре молодые женщины держат его за ноги и поют во весь голос, чтобы заглушить любые стоны или крики, которые он может произнести. Это делается из соображений заботы о его репутации, поскольку считается недостойным состояния мужественности произносить звуки. Тем не менее боль настолько сильна, что парни часто издают стоны, а иногда и кричат от боли. В одном или двух случаях они были настолько подавлены агонией, что после освобождения не осмеливались вновь подвергнуться операции, и в этом случае их всю жизнь презирали как трусов.

Начертив шаблон, оператор приступает к работе, проводя зубцы гребня по коже резкими и быстрыми ударами молоточка; есть искусство даже в том, чтобы держать этот инструмент, рукоятка которого проходит под большим и указательным пальцами и используется с удивительной быстротой и регулярностью. "Быстрота, с которой матаи работает пальцами, - пишет мистер Притчард, - точность, с которой он перемещает инструмент и делает проколы точно в нужное место, и регулярность постукивания молоточком поражают воображение". Рядом с пациентом находятся несколько ассистентов, снабженных полосками белого маси, в обязанности которых входит вытирать кровь, вытекающую из проколов гребня, и оставлять кожу чистой для оператора. Между каждыми двумя-тремя мазками зубчатый конец гребня окунается в пигмент, который смешивается с водой.

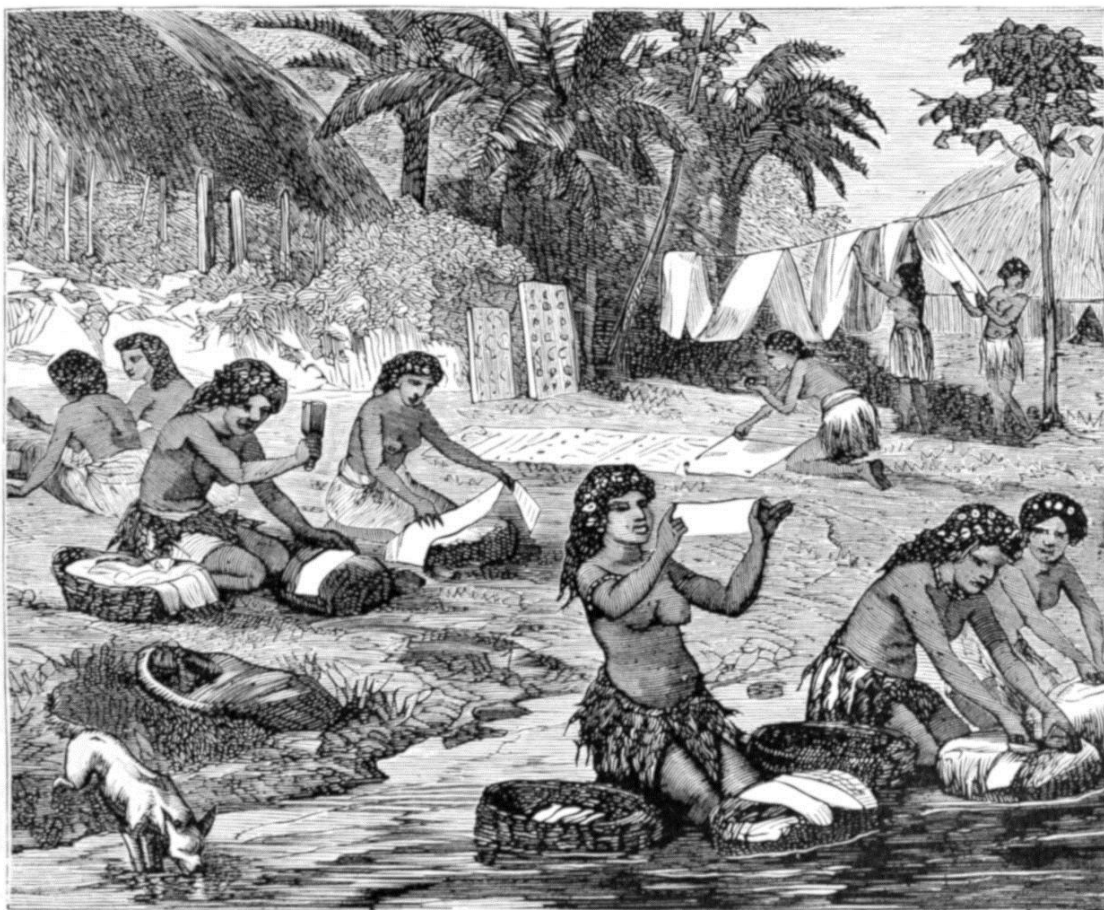
Узор в основных элементах одинаков на всех островах Самоа, но обычно есть небольшие отклонения, обозначающие остров, на котором живет человек, и другие, указывающие на

семью, к которой он принадлежит. Иногда, после того как человек убил врага, он делает дополнение, которое соответствует пожалованию оружия между нами. Обычным образцом для такого почетного знака является форма какого-нибудь животного.

На нанесение татуировки площадью не более трех дюймов в квадрате уходит около часа, а когда все готово, парень встает, и его место занимает другой. Через неделю или около того снова приходит очередь первого парня, и так продолжается три или четыре месяца, в зависимости от количества пациентов, причем за один день оперируется не более пяти человек. Когда узор завершен примерно наполовину, матаи получает еще один подарок, но большая оплата производится только после того, как в работу вносится последний штрих. Если матаи будет недоволен гонораром, он не станет продолжать работу, и, поскольку незаконченная татуировка считается позорной, друзья юноши собирают все возможное имущество и восполняют недостачу.

(1.) ДЕНЬ ТАТУИРОВКИ НА САМОА.
(См. [стр. 1013.](#))

(2.) ИЗГОТОВЛЕНИЕ ТКАНИ.

(См. [с. 1016.](#))

В течение всего времени, пока длится операция, пациенты выглядят самыми жалкими существами, их раненые части распухли и воспалились, и на них еще не видно ни одного изящного узора, который был на них нарисован. Парни передвигаются в самых разных позах, отгоняя мух мухобойками из белого мази, и делают все, что в их силах, чтобы облегчить боль. Однако в конце концов наступает награда за все их страдания. Как только раны заживают, друзья устраивают грандиозный танец. Поскольку костюм танцоров-мужчин представляет собой не что иное, как уже упоминавшийся маленький фартук из листьев, рисунок татуировки демонстрируется свободно; и парни, теперь уже принятые среди мужчин, считают себя вполне вознагражденными за свои прежние страдания честью и славой быть причисленными к мужчинам, а также восхищением противоположного пола.

Иллюстрация на предыдущей странице изображает процесс нанесения татуировки. В центре лежит пациент, положив голову на колени своей сестры, а его ноги держат ее спутницы, которые поют, чтобы заглушить его стоны, если он будет их издавать. Рядом с ним два ассистента с белыми салфетками мази, а по бокам стоит на коленях оператор, деловито орудующий молоточком и расческой. Рядом с ним стоит маленький сосуд с пигментом. Вокруг стены дома стоят молодые люди, ожидающие своей очереди. Как ни болезненна эта операция, как ни дорогостояща она, включающая в себя не только плату оператору, но и постоянное снабжение провизией, все парни ждут ее с величайшим нетерпением, зная, что их никогда не будут считать мужчинами, если они не смогут показать полную татуировку.

И мужчины, и женщины носят циновки, называемые на туземном языке "дже-тонга". Один из таких ковриков находится в моей коллекции и представляет собой прекрасную работу. Он сделан из очень узких полосок тонко нарезанного листа, каждая полоска шириной около пятнадцати дюймов. Они сплетены вместе с красивой регулярностью, и все это окантовано очень тонкой, почти шелковой бахромой из того же материала.

Некоторые из этих циновок украшены красными перьями попугаев, и их ценность возрастает с возрастом, они передаются из поколения в поколение, и с ними связаны легенды. Мой экземпляр был украшен таким образом, который, несомненно, был очень впечатляющим для самоанского глаза, но не для европейского. Туземная мастерица, очевидно, припасла несколько лоскутков английской бязи и немного синей и желтой бумаги, которую используют для обертывания посылок. Эти сокровища она прикрепила к циновке, и они придают ей самый смехотворный вид.

Самоанских вождей, когда они полностью одеты для войны или государства, можно узнать на большом расстоянии по великолепному головному убору, который они носят. Прежде всего, они увеличивают видимый размер своей головы огромными париками из собственных волос, которые специально для этого отращивают. Когда они достигают достаточной длины, их отрезают, окрашивают в красный цвет и распушают, пока они не становятся такими же большими, как шерстяная голова папуаса. Они также носят большие плюмажи из перьев, иногда возвышающиеся почти на два фута над головой; так что рост самоанского вождя, измеренный от вершины его плюмажа, не превышает девяти футов.

Один из таких головных уборов в моей коллекции сделан из огромного количества перьев, связанных на стеблях в маленькие пучки и тщательно уложенных так, чтобы они равномерно падали. В каждом пучке около десяти перьев. Эти пучки расположены близко друг к другу в кругах, составленных из стеблей листьев и волокон какао-ореха, и есть четыре таких круга, расположенных один над другим, так что для этого единственного платья использовано несколько сотен пучков перьев. Создатель изобретательно, хотя и безграмотно, скопировал павлина, цаплю и других птиц, которые снабжены шлейфами. У них хвостовые перья короткие и жесткие, чтобы длинный шлейф перьев изящно ниспадал на них. Подобным образом самоанский мастер использовал самые короткие и жесткие перья в самом нижнем циркуле, а в верхнем разместил самые длинные и тонкие перья. Головной убор действительно очень красив, и даже если его носит европеец, он придает лицу воинственный вид, особенно если на нем надета военная циновка, а на плече висит огромная самоанская дубина.

Одежда женщин сделана из того же материала, что и у мужчин, но по-другому устроена. Их рабочий костюм - это накидка из листьев *драцены*, но вместо того, чтобы быть, как у мужчин, просто коротким фартуком, она гораздо длиннее и полностью облегает тело. В торжественных случаях, однако, они носят лавы из сиапо, как и мужчины, только надетые по-другому и гораздо большего размера. У женщин высокого ранга это одеяние часто бывает настолько длинным, что оно стелется по земле далеко позади нее.

Капитан Худ, описывая развлечение, устроенное в честь белых гостей, пишет следующее. После того как мужчины станцевали, "вошли несколько девушек, которые проделали несколько похожих эволюций с бесконечной точностью и грацией. Нашим честным сестрам в Англии может показаться невероятным, что молодая леди, одетая только в циновку, обвязанную вокруг талии, должна выглядеть красиво; но если бы они увидели, как эти самоанские красавицы входят в круг в полном вечернем наряде, с коронами из раковины

наутилуса и алого гибискуса, с ожерельями из красных и желтых цветов, я думаю, они бы признали, что их вид очень импозантен".

"Некоторые были одеты в красивые плетеные циновки, которые так высоко ценятся, что стоят больше, чем богатое шелковое или атласное платье. На других были белые мохнатые платья, сшитые из внутренних волокон гибискуса, объем которых удовлетворил бы самых обширных покровительниц кринолина, и шлейфы, равные по длине тем, что носили английские дамы в прежние времена, а их осанка и поведение ясно показывали, что, что бы мы ни думали, они считали себя высшими существами". Судя по фотопортретам этих самоанских красавиц, капитан Гуд совершенно прав: они не только хорошо одеты, но и, если уж на то пошло, чересчур.

То, что такое мнение не было редкостью, видно из рассказа мистера Уильямса о Самоа, которое он посетил более чем за тридцать лет до капитана Гуда. Жены миссионеров пытались убедить самоанских женщин укутываться в обильные мантии по всему телу, но безуспешно. Напротив, самоанские красавицы, в свою очередь, пытались убедить белых гостей, что для них будет гораздо лучше *фаа Самоа, то есть* поступать на Самоа так, как поступают самоанцы. В стране белых женщин одежда, закрывающая все тело, может быть, и сойдет, но, приехав на Самоа, они должны одеваться, как самоанцы, повязывать вокруг талии мохнатую циновку, кокетливо завязанную с одной стороны петлей, мазаться душистым маслом и красить себя куркумой, носить на голове цветок вместо чепца, а на шее ожерелье из цветов вместо лифа. В таком виде они могли бы *фаа-риариа, то есть* разгуливать в сознании того, что хорошо одеты, и быть уверенными в восхищении. Можно многое сказать по обеим сторонам вопроса.

Женщины носят свои волосы иначе, чем мужчины: обычно они стригутся довольно коротко и зачесываются назад. Затем волосы припудривают мелкой известью, полученной из горящего угля, что позволяет окрасить их в красновато-фиолетовый оттенок, который считается самым модным цветом. После этого самоанская красавица просто накручивает на волосы венок из алых цветов гибискуса. Оба пола очень бережно относятся к волосам, и для того, чтобы способствовать их росту в последующие годы, в детстве голову бреют, причем у мальчиков с одной стороны остается один локон, а у девочек - по одному с каждой стороны.

На разных островах группы Самоа существует небольшое различие в укладке волос. На некоторых из них женщины разделяют волосы на множество колец, каждое из которых скреплено волокном кокосового ореха и подстрижено внизу квадратом, что очень напоминает древнюю ассирийскую моду. Чтобы еще больше подчеркнуть сходство, мужчины сохраняют бороды и одеваются почти так же, как фигуры на ниневийских мраморах.

В телесном отношении женщины ни в коей мере не уступают мужчинам: последние представляют собой поистине великолепные образцы человечности, в то время как первые довольно низкого роста, крепкого телосложения, с чертами лица, приятными в выражении, но не обладающими особой красотой. С ними обращаются так же хорошо, как и на Тонга, и от них не требуют тяжелой работы. Более того, кажется, что мужчины гордятся тем, что помогают слабому полу. Мистер Притчард пишет по этому поводу следующее: "Мы видели нескольких женщин, спокойно сидевших в своих каноэ, пока их кавалеры плыли рядом, буксируя их через прибой, и не потому, что они чувствуют себя в воде хуже, чем их мужья и братья, как мы видели сегодня днем, когда рядом было много девушек, которые так же часто плавали, смеясь и разговаривая, по полчаса за раз в воде, или сидели в своих лодках, которые они постоянно расстраивали".

Когда муж самоанской жены умирает, его вдова не приносится в жертву на его похоронах, а обычно достается его брату, по древнему еврейскому обычаю. Примечательно, кстати, что многие законы Моисея до сих пор в полной мере действуют среди самоанцев. Во время войны в плен не берут мужчин - всех убивают. Их родственницы, будь то жены или сестры, считаются собственностью победителей и чаще всего становятся их женами. Поэтому часто случается, что женщины состоят в родстве с обеими сторонами, и, поскольку им из вежливости разрешено посещать своих родственников, все замыслы одной стороны быстро становятся известны другой. Так, когда главный вождь готовит какой-либо план действий, некоторые женщины, имеющие связи на противоположной стороне, немедленно отправляются и рассказывают им о предполагаемых передвижениях. Тем не менее, самоанцы считают делом чести не воспользоваться этим знанием и позволить врагу совершать свои передвижения без помех.

Женщины, похоже, не стесняются воевать и в основном сопровождают своих мужей, чтобы снабжать их предметами первой необходимости и ухаживать за ними, если они будут ранены. Мистер Притчард говорит, что видел их в самом разгаре боя, когда они носили воду раненым и, казалось, меньше заботились о густо летящих пулях, чем сами воины.

Прежде чем перейти к другой теме, мы завершим наши заметки об одежде. Читатель, возможно, помнит, что на [странице 977](#) был дан полный отчет о различных процессах, с помощью которых из внутренней коры тутового дерева изготавливают одежду. Самоанцы используют тот же метод, что и тонганцы, но еще более тщательно подходят к изготовлению ткани, которая пользуется большим спросом во многих частях Полинезии и может быть сразу же распознана умелым глазом.

Женщины являются единственными производителями, и они удивительно искусны и терпеливы в своей работе. Во-первых, для производства тончайшей ткани они всегда используют очень молодые деревья, не старше четырнадцати-пятнадцати месяцев, и всего два-три дюйма в диаметре. Они начинают свою работу с того, что срубают деревья, очищают их от коры и вымачивают в воде в течение восьми и сорока часов, чтобы грубая внешняя кора отделилась от тонкой и нежной внутренней. Известный "бас", которым садоводы подвязывают цветы, - это хорошо знакомый пример "либер", или внутренней коры, полученной из липы. При постоянном избиении это вещество значительно увеличивается в ширину и уменьшается в толщину, и, подобно сусальному золоту, его можно выбивать практически в любом объеме.

Поскольку полоски коры имеют ширину всего десять-двенадцать дюймов, несколько из них соединяют, накладывая друг на друга края и помещая между ними корень стрелы, растворенный в воде. Соединенные куски, пока они еще влажные, снова взбивают, и через некоторое время оба куска превращаются в один, а все признаки соединения исчезают.

Когда кусок достаточного размера изготовлен, следующими процессами являются печать и окрашивание. Красители обычно бывают трех видов: красные, коричневые и желтые. Два первых оттенка получают из глины, а третий - из всегда полезной куркумы. Женщины, которые изготавливают и печатают ткани, не занимаются приготовлением красок, это отдельное занятие, и на этих островах различные профессии строго ограничены определенными семьями, как и в случае с кастами в Индии. Печать выполняется точно по такому же принципу, как в этой стране при натирании латуни. Для создания рисунка гибкие ребра листа какао-ореха закрепляют на доске. Когда ребра достаточно твердые и сухие, на них натягивается ткань, и краска растирается по ней жесткой кистью, так что она прилипает

только к тем частям ткани, которые прижимаются к рельефному рисунку внизу. Для узоров большего размера используется более мягкая кора, которая удерживает количество краски.

В моей коллекции есть несколько образцов самоанской берестяной ткани; одна из них очень тонкая, чисто белая, шесть футов в длину и два в ширину, украшенная тонкой бахромой по всему периметру. Другая толще и прочнее, она сделана из четырех слоев коры, наложенных один на другой. В некоторых местах соединение не завершено, и разные слои вполне различимы. Его длина составляет более семи футов, а ширина - три фута десять дюймов. На ней имеется кайма глубокого цвета шириной около восемнадцати дюймов, состоящая из ромбовидного узора, наложенного на ряд перпендикулярных параллельных линий и точек. Эта кайма светло-красного цвета, а на ней несколько кругов темно-коричневого цвета. Аналогичные круги разбросаны по неокрашенной части халата, которая имеет кремово-желтый оттенок.

Третий экземпляр еще толще и больше. Его площадь составляет семь футов в квадрате, и снаружи он полностью покрыт глиняным пигментом, который был нанесен так густо, что сделал ткань сравнительно жесткой. Две широкие полосы глубокого черного цвета проведены через нее так, чтобы разделить ее на три равные части, и в каждой части четыре узора, также нарисованные черным цветом, очень напоминающие "широкую стрелу", используемую в правительственном знаке Англии.

На [второй иллюстрации](#) на странице 1012 показаны последовательные процессы превращения коры в ткань. На переднем плане и по правую руку от нас изображены женщины, стоящие на коленях в ручье и занятые скребком *либер*, чтобы освободить его от всех частиц внешней коры. Одна из женщин рассматривает кусок на свету, чтобы убедиться в его чистоте. Позади них и слева в центре иллюстрации находятся еще женщины, некоторые из них бьют и скребут кору квадратными молотками, которые уже были описаны при рассмотрении Тонга, а другая занята тем, что соединяет два куска с помощью корня стрелы. Чуть выше них другая женщина занимается более искусной частью производства - печатает, растирая краску по ткани, положенной на доску с узором, а одна или две доски даны для того, чтобы показать на них узор из листьев какао-ореха. Вдали видны другие женщины, развешивающие еще влажную ткань для просушки.

ГЛАВА СIII.

САМОА, ИЛИ ОСТРОВА НАВИГАТОРОВ - Продолжение. ВОЙНА.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ НА САМОА - МАЛО И БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ ИМ - МЕСТЬ ВОЖДЯ - ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ - ПРОФИЛАКТИКА ВОЙНЫ - ОРУЖИЕ САМОАНЦЕВ - БУЛАВЫ - ОБРАЗЦЫ БУЛАВ ПО ВСЕЙ ПОЛИНЕЗИИ - СТРАННЫЙ СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПЬЯ - ПЕРЧАТКИ ИЗ АКУЛЬИХ ЗУБОВ - ДОСПЕХИ - СОБИРАНИЕ АРМИИ, И СПОСОБ ВЕДЕНИЯ БОЯ - НЕПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕЙТРАЛОВ - МОРСКОЙ БОЙ - ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫМПЕЛЫ - ВЫЗОВ ПЕРЕД БОЕМ - ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ И ВОСТОРГ ПОБЕДИТЕЛЯ - УТИЛИЗАЦИЯ ТЕЛ - ГРУДА ГОЛОВ - ОДИНОЧНЫЙ БОЙ МЕЖДУ ВОЖДЯМИ - САМОАНСКИЙ ЗАКОН - НАКАЗАНИЕ ЗА УБИЙСТВО И МЕНЬШИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ - КАННИБАЛИЗМ - ТУЗЕМНЫЕ АДВОКАТЫ - ИСТЕЦ, ПОБЕЖДЕННЫЙ СВОИМ ОРУЖИЕМ.

На [странице 1014](#) упоминалось, что женщины, захваченные на войне, становятся абсолютной собственностью тех, кто их берет; поэтому мы посвятим небольшое место войне у самоанцев, опуская те особенности, в которых она похожа на войну у других полинезийских племен, которые уже были описаны.

Причины войны в основном сводятся к четырем, а именно: стремление к политическому превосходству, спорное наследование вождества, месть за убийство вождя и нарушение странных брачных законов самоанцев.

Первая из этих причин всегда актуальна. Каждый остров разделен на несколько районов, и когда один из них начинает демонстрировать признаки особого процветания, другой обязательно возмутится и начнет войну, чтобы закрепить за собой "мало", или политическое господство. Один из примеров такой войны произошел всего несколько лет назад на острове Аполо.

Манано, один из трех районов, на которые он разделен, занимал главенствующее положение, и вожди возмущались тем, что другой район, Аана, процветал под влиянием миссионеров. Поэтому вожди Манано стали притеснять Аану, постоянно требуя от нее имущества и продовольствия. И все же, несмотря на их поборы, округ продолжал процветать; он производил и продавал больше какао-орехового масла и продавал его за большее количество топоров, бязи и других европейских сокровищ, чем другие округа. Вожди Манано, естественно, были возмущены тем, что, отправившись в чужой район, они нашли его более возделанным и богатым, чем их собственный, и истолковали эту неполноценность, которую они не могли не почувствовать, как намеренное оскорбление со стороны Ааны. Поэтому они объявили народ Ааны мятежниками и начали против него войну.

Такая причина войны, какой бы абсурдной она ни была и подрывающей всякий реальный прогресс, вполне объяснима и объясняется мелкой ревностью человеческой природы, которая слишком склонна чувствовать себя лично уязвленной процветанием другого. Месть за убитого вождя понятна, как и война за престолонаследие; но последняя причина требует объяснения.

По законам Самоа, женщина, однажды ставшая женой, всегда остается женой, даже если ее может выгнать муж. Самоанские вожди утверждают, что имеют право жениться на стольких женах, сколько захотят, и отдавать их замуж так часто, как им заблагорассудится.

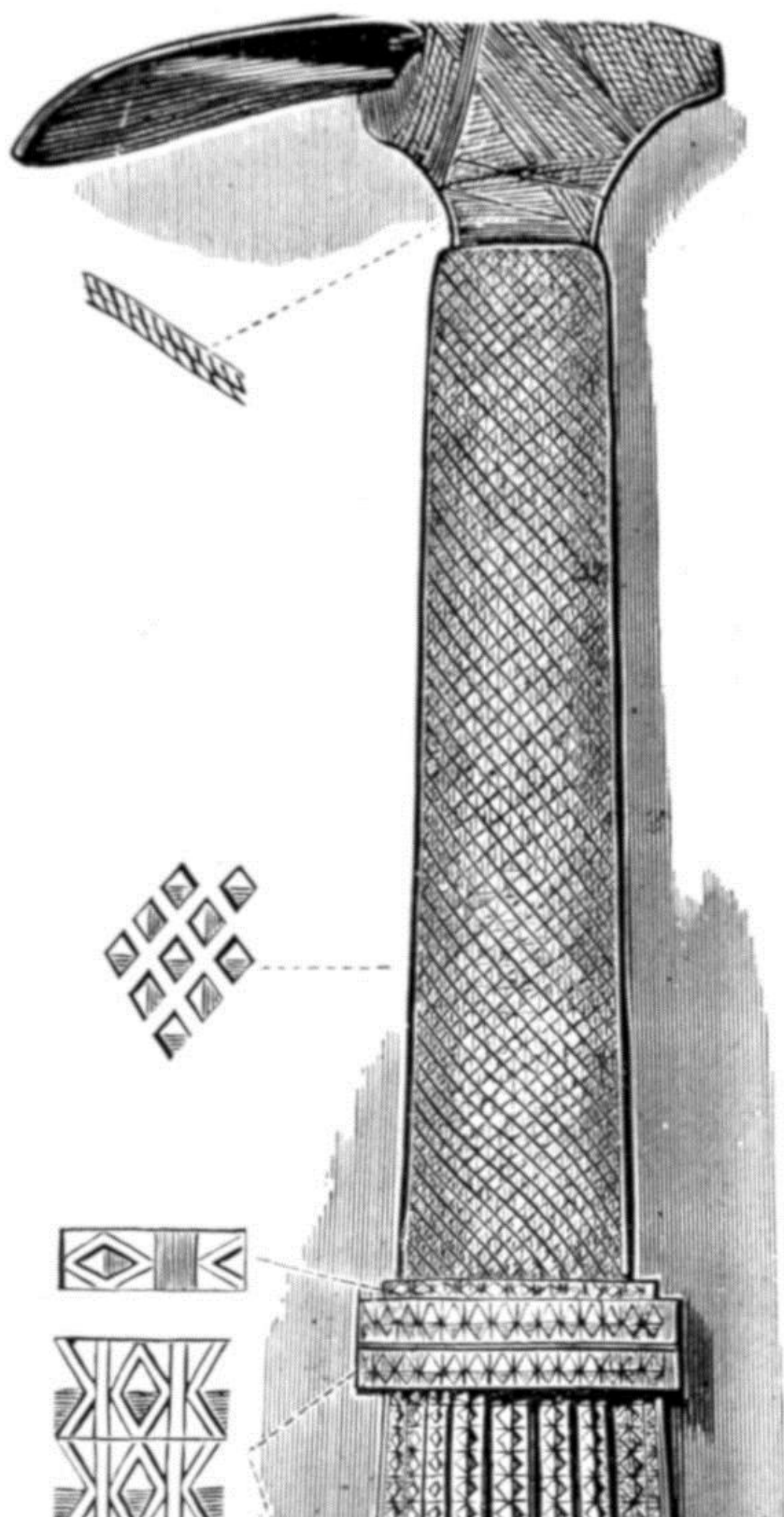
Действительно, мужчина часто женится на девушке только ради ее дани в виде циновки и другого имущества. Но даже отдав жену, он продолжает считать ее своей собственностью, и если какой-нибудь другой вождь берет ее в свой дом, против него тут же объявляется война. Любопытно, что первоначальный муж не заботится о нравственности жены, которую он выгнал, а только об оскорблении, нанесенном ему самому тем, что он забирает его собственность. Такие брошенные жены чаще всего пристраиваются к фала-теле, или дому свиданий, и ведут самый безнравственный образ жизни, причем могут делать это, не вызывая никакого недовольства со стороны бывшего мужа. Но стоит им выйти замуж за другого, и месть немедленно следует за оскорблением.

Голова больше

Полная длина в пропорции к голове

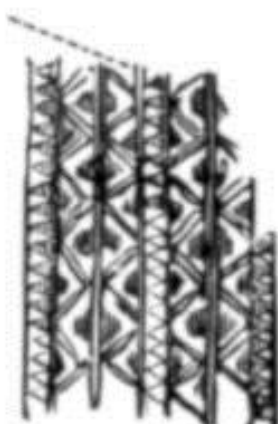
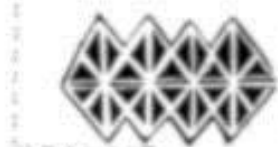
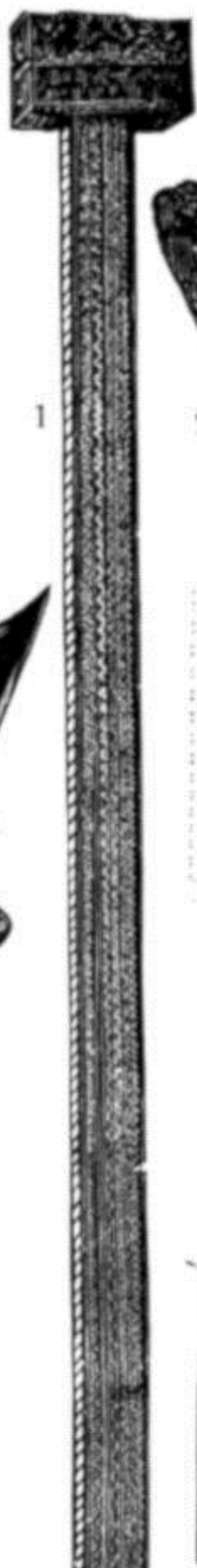
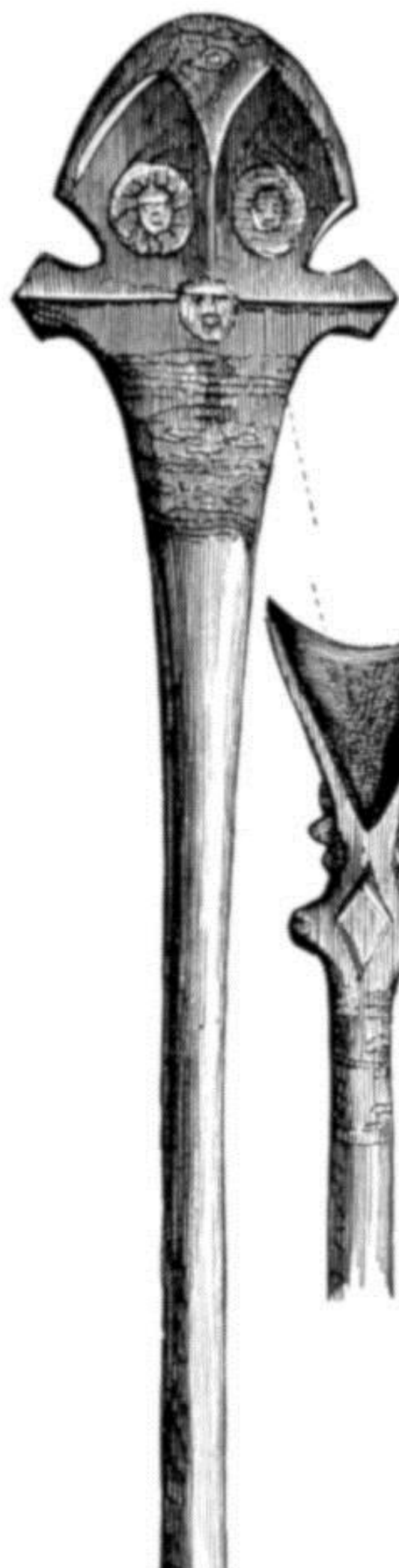
МАНГАЙСКОЕ КОПЬЕ.
(См. [стр. 1034.](#))

УВЕЛИЧЕННОЕ ЛЕЗВИЕ.
(См. с. 1033.)

КОСТЮМ ДОСПЕХОВ.
(См. стр. 1019.)

САМОАНСКИЙ КЛУБ.
(См. [стр. 1019.](#))

МАНГАЙСКИЕ ВЕСЛА
(См. [стр. 1033.](#))

До появления огнестрельного оружия основными видами оружия на Самоа были копье и дубина. Вожди старшего поколения в корне не приемлют мушкет и, подобно пижону Хотспура, не особенно охотно выходят на поле боя с тех пор, как в моду вошла эта "злодейская селитра". Мушкеты, говорят они, - это оружие для мальчишек, а дубинки - для мужчин. У них есть основания жаловаться на пули, которые, как они говорят, не знают вождей, потому что их возвышающиеся головные уборы делают их настолько заметными, что они служат отличной меткой для врага; и если случайно кто-то из их противников хотя бы в меру умеет целиться, их шансы благополучно выйти из боя будут очень малы.

Дубинки, используемые на Самоа, отличаются совершенством изготовления, а также полировкой и отделкой, которыми туземные резчики любят их украшать. Некоторые из них короткие, используются для одной руки и сделаны так же, как стальные булавы европейского рыцарства. Другие почти в точности повторяют [булаву № 1](#), изображенную на странице 949. Пример, приведенный на [иллюстрации](#) под названием "Булава" на странице 1018, взят из моей коллекции и принадлежал тому же вождю, который владел боевой циновкой и головным убором из перьев, которые были описаны выше. Она имеет пять футов в длину и очень тяжелая, так что никто, кроме очень сильного человека, не сможет ею пользоваться. Так как он много раз подвергался работе, его побили, дерево головы треснуло, а резьба испортилась. Поэтому я нарисовал ее в том виде, в каком она была, когда была новой.

Как правило, клубы Тонга, Самоа, Фиджи и других полинезийских групп вряд ли можно однозначно отнести к какой-либо одной из них. Торговля между ними привела к обмену оружием, а также мирными товарами, так что две разные расы, населяющие Фиджи, Тонга и Самоа, используют практически идентичное оружие. Так, зубчатая булава, о которой только что шла речь, одинаково используется на Новой Гвинее, Фиджи и Самоа - образец был найден удобным и передавался с одного острова на другой.

Копья также очень похожи друг на друга и вооружены колючками, а лучшие из них имеют наконечник из хвостовой кости ската. В прежние времена, когда воин пронзал врага копьем, он пытался поднять его с земли на нем; а если ему это не удавалось, ему обычно помогали несколько его товарищей, которые все втыкали свои копья в его тело, поднимали его в воздух и несли на крыше с триумфом, не заботясь о том, жив он или мертв.

Одно оружие, однако, похоже, свойственно Самоа и упоминалось Маринером. Оно представляет собой пару перчаток из волокна ореха какао, на внутренней стороне которых закреплены несколько рядов акульих зубов, поставленных набок. На самом деле это оружие сделано точно по принципу ужасного индийского "тигриного когтя" и предназначено для

того, чтобы разорвать противника, причем как у самоанцев, так и у индусов атаке всегда подвергается брюшная часть.

Один вождь, обладавший гигантскими, даже для самоанца, размерами, всегда сражался в этих ужасных перчатках. Однако он использовал их по-другому, не желая разрывать тело своего противника. Поскольку все острия зубов направлены назад, тому, кто схвачен этими перчатками, невозможно вырваться. Гигантский вождь имел обыкновение броситься на врага, схватить его своей испещренной перчатками рукой, повалить на лицо, поставить одну ногу на поясницу, схватить за голову и с силой выгнуть вверх, чтобы сломать позвоночник. Так он поступал с трудоспособными мужчинами. Если же он схватывал маленького человека, то просто перекидывал жертву через колено, ломал ему спину и валил умирающего врага на землю. [Иллюстрация](#) на странице 1025 взята с прекрасного образца, хранящегося в коллекции Музея Объединенной службы.

Чтобы защититься от этого оружия, самоанские воины опоясываются очень широким и толстым поясом из волокон ореха какао, достаточно широким, чтобы дотянуться от руки до бедра. Он не настолько длинный, чтобы опоясывать тело, но носится в основном на левом боку, так как именно эта сторона наиболее уязвима для врага.

Один из таких ремней, хранящийся в моей коллекции, имеет длину два фута девять дюймов, так что при застегивании на талии остается незащищенной значительная часть правого бока. Его делают, взяв несколько плетеных шнуров и перекинув их через две палки так, чтобы все шнуры были параллельны друг другу. Затем их крепко связывают нитями из крученого волокна, которые поочередно проходят под и над каждым, и получается очень прочная броня, сквозь которую не могут пробиться страшные акульи зубы.

Иногда самоанский воин, похоже, не верил в эффективность пояса и опасался воздействия зубов акулы на его обнаженные руки и ноги. В коллекции Музея Юнайтед Сервис есть полный костюм доспехов, очень изобретательно сделанный из волокна и так сформированный, чтобы покрыть большую часть тела и конечностей. Он состоит из двух частей, верхняя из которых надевается как плащ, а нижняя - как штаны. По бокам доспеха, на с. 1018, есть [два небольших рисунка](#), на которых в увеличенном масштабе изображены узоры плетения.

У самоанцев нет определенной армии, каждый мужчина считается солдатом и всегда держит оружие под рукой. В любой момент он может быть призван своим вождем, и, как правило, он мало беспокоится о причинах войны, а лишь стремится сражаться в обозе своего вождя. Самоанцы - храбрая раса, и если ими правильно руководить и научить самым элементарным основам дисциплины, из них получатся хорошие солдаты. Однако ни один самоанский воин не сражается, зная, что его движения направлены в соответствии с определенным планом или что он будет поддержан другими. Он не чувствует себя простой единицей среди многих, а должен сам следить за собой, выбирать противника, продвигаться вперед, когда считает, что может сделать это с выгодой, и убегать, когда чувствует, что подвергает себя неоправданной опасности.

Всякий раз, когда несколько самоанцев оказывались под руководством белого человека, они неизменно давали отпор своим врагам. В одном из таких случаев двадцать человек прогнали тело из пятисот врагов, окрыленных успехом и кровопролитием. Обе стороны были вооружены мушкетами, но регулярные, хотя и незначительные залпы двадцати человек настолько полностью дезорганизовали пятьсот недисциплинированных врагов, что

последние не осмелились атаковать небольшую каменную стену высотой пять футов и длиной двадцать пять ярдов, за которой находились защитники.

Если бы последние были предоставлены сами себе, они бы сразу расстреляли все свои орудия и остались бы с незаряженными мушкетами на милость врагов. Но их научили всегда держать половину мушкетов заряженными, и они всегда имели наготове залп для своих врагов, которые были совершенно ошеломлены их приемом и в конце концов были только рады бежать, как могли, потеряв много людей.

Положение нейтрала на Самоа совсем не из приятных, поскольку в случае, если одна из сторон может одержать победу, те из проигравших, кто дружен с несчастным нейтралом, стремятся лишиться его всего имущества, чтобы оно не попало в руки врага. Те европейцы, которые знают обычаи туземцев, всегда возводят баррикады, когда к ним приближаются военные отряды, понимая, что им одинаково угрожает опасность со стороны друзей или врагов.

Когда вождь решает начать войну, он созывает всех воинов в своем округе. Несмотря на отсутствие настоящей дисциплины среди воинов, в их расположении есть хоть какое-то подобие порядка. Каждый город имеет свое определенное место, и жители возмущены любой попыткой другого города занять место, которое они считают своим. Самый почетный пост находится впереди, и, хотя этот пост опасен, он настолько почетен, что если бы человек, принадлежащий к какому-либо городу, которому выпала честь вести войну, оказался в тылу, он, скорее всего, дезертировал бы к врагу. На самом деле, дезертирство происходит в огромных количествах, и благодаря дезертирам и женщинам обе стороны достаточно хорошо осведомлены о замыслах своих противников. Мысль о том, чтобы задумывать, разрабатывать план, держать его в тайне, а затем внезапно действовать, похоже, никогда не приходила в голову самоанским вождям.

Хотя авангард - это не только почетный, но и опасный пост, он очень желанен, ведь это еще и пост, приносящий прибыль как в мирное, так и в военное время. Жители привилегированных городов получают наибольшую долю на пирях и обычно управляют районом, в котором живут. Поскольку все самоанцы одеваются одинаково и говорят на одном языке, они вынуждены носить своего рода униформу, по которой можно отличить друзей от врагов. У воинов волосы уложены странным образом, на шее висит белая раковина или на руке повязана полоска ткани; эти символы меняются каждые три-четыре дня, чтобы враги не могли подражать им.

Когда каноэ объединяются под началом одного вождя, они вывешивают похожие символы: пучки листьев, полосы циновки или даже своеобразный флаг из туземной циновки, на котором нарисована грубая фигура какого-нибудь животного, например свиньи, собаки или птицы. В соответствии с независимым характером самоанских воинов, два человека, командующие сухопутными и морскими силами, никогда не думают о том, чтобы советоваться вместе и действовать сообща, но каждый делает то, что считает нужным, по первому впечатлению. В уже упомянутом случае, когда двадцать воинов Ааны отбили пятьсот савайцев, последние могли быть перебиты до единого человека. Пока их сдерживали двадцать дисциплинированных воинов, у берега появилась флотилия каноэ Ааны, и, если бы командир только высадил своих людей, с захватчиками был бы покончено самым тщательным образом. Но он не имел ничего общего с сухопутными войсками, а потому позволил врагам уйти, даже не попытавшись их остановить.

Изучающий антропологию всегда обнаруживает, что человеческая природа во многом одинакова в разных уголках Земли, а нравы и обычаи удивительно похожи друг на друга в

принципе, хотя и могут быть изменены в деталях в силу случайности времени и места. Уже упоминалось, что многие законы самоанцев идентичны законам, данным Моисеем, хотя нет никакой вероятности, что между Полинезией и Синаем могла существовать какая-либо географическая связь.

В настоящее время война на Самоа ведется так же, как, согласно Священному Писанию, она велась в Палестине и Сирии, и как, по рассказам Гомера, она велась на равнинах Трои. Когда встречаются два враждующих тела, их лидеры бросают друг другу вызов и оскорбляют друг друга в хороших выражениях, каждый хвастается своей доблестью, обесценивает доблесть противника и угрожает после убийства врага обесчестить его труп каким-либо способом. Так, мы видим, что, когда Давид принял вызов Голиафа, перед тем как приступить к действиям, они обрушились друг на друга: Голиаф пригрозил отдать плоть Давида "птицам небесным и зверям полевым", а Давид ответил почти теми же словами, но добавил, что сделает то же самое с телами всего войска.

Так, в старой гомеровской истории, где Улисс бросает копье в Сокуса, он использует почти ту же формулу слов: - "Ах, негодяй!

"Ах, негодяй! Ни один отец не сочтет твой труп,

Ни нежная мать не закроет твой умирающий глаз;

Но голодные птицы разорвут эти яйца,

И парящие стервятники вопьются в добычу".

Так, фиджийский воин бросает врагу словесный вызов, прежде чем приступить к ударам, угрожая испечь и съесть его тело и сделать из его черепа чашу для питья. Так, самоанские воины всегда считают необходимым сделать паузу и бросить друг другу словесный вызов, прежде чем перейти к ударам. Например, когда мужчины Манано и Аана сражались в только что описанном поединке, они обменивались угрозами и обидными эпитетами, удивительно похожими на "крылатые слова" гомеровских воинов, причем смысл был идентичен, хотя образность обязательно отличалась. [На иллюстрации № 1](#) на стр. 1027 изображены самоанские воины, обменивающиеся с врагами вызывающими словами.

"Вы, бананоядные люди Манано, пусть ваши глотки перегрызут Мосо".

"Вы, поедающие какао-орехи, люди Ааны, пусть ваши языки будут вырваны".

"Где та свинья Савии, которая идет на смерть?"

"Зажарьте этого короля Атуа, который вот-вот умрет от моего копья", и так *до бесконечности*.

Эти военные партии дают прекрасную возможность изучить одежду и украшения самоанцев. У них, как и у американских индейцев, считается делом чести выходить на бой в самом полном облачении и украшенном всеми украшениями, которые только можно достать, поэтому головной убор и общее убранство вождя, участвующего в войне, обязательно будут лучшими примерами, которые можно увидеть.

Действия, происходящие после битвы, хорошо описаны мистером Притчардом. "После битвы головы убитых воинов выставляются на парад перед собравшимися вождями и народом, когда героям выражается индивидуальная благодарность, а их общая доблесть и смелость публично признаются. Успешный воин испытывает сильное волнение, проходя

перед вождями со своим истекающим кровью трофеем, капитулируя в самых фантастических эволюциях, с почерневшим лицом и намазанным маслом телом, подбрасывая свою булаву высоко в воздух и ловя ее за спиной или между ног; иногда он сам несет голову своего мертвого врага, иногда танцует вокруг товарища, который несет ее за него, и все это время кричит самым громким голосом: "Ou te mau tangata! Ou te mau tangata!" ("У меня есть мой человек, у меня есть мой человек!")".

Для молодого самоанца это воплощение его самых высоких амбиций - получить публичную благодарность вождя за убийство врага в смертельной схватке, когда он стоит перед своими товарищами с пылающей головой врага в одной руке и дубиной в другой.

А когда война заканчивается, и он возвращается в свою деревню, чтобы услышать, как его товарищи повторяют подвиг, а девушки объявляют его "тоа", *то есть* храбрым; тогда вы видите в их совершенстве самодовольное достоинство и скрытую гордость, которые таятся в этом смуглокожем островитянине. Когда он с видом бессознательного пренебрежения к похвалам, которые вызывают его поступки, вы видите, как возвышенное и смешное аккуратно смешиваются, когда он поворачивается к девушкам и мягко восклицает: "Funa mai si rului!" ("Женщина, подай мне сигару"). Этот скромный приказ одновременно красив и дерзок, величественен и небрежен, когда он срывается с губ героя или красавца. И горда та девушка, которая ему его подает; у нее только одно стремление - стать его женой, даже с уверенностью, что меньше чем через месяц ее бросят ради другой.

"После того, как головы были выставлены перед вождями, их складывают в малаэ, или на открытом пространстве в центре города, причем голову самого большого убитого вождя кладут сверху. Если среди пришедших есть родственники убитых, они забирают головы и хоронят их или отсылают товарищам погибшего. Невостребованные головы хоронят вместе в малаэ. Тела, которые могут быть узнаны, также хоронят их друзья, а те, у кого нет родственников среди гостей, оставляют гнить и служить пищей для собак.

"Родственники тщательно хоронят тела, которые они опознали, чтобы их духи не преследовали их и не бродили по полю битвы, удрученные и скорбные, сетуя на судьбу, которая оставила их тела гнить или быть съеденными собаками. Я часто слышал, как туземцы говорили: "Слышите, как стонет этот дух, мне холодно! Мне холодно!", когда бурная ночь сгущала мрак и обрушивала на поле боя потоки дождя и порывы ветра. Тщетно было говорить им, что шум, который они слышали, - это просто скрип сучьев или стук дождя; для них это был не что иное, как дух непогребенного мертвого врага".

Чувство тщеславия настолько обострено в самоанском воине, что он сделает почти все, чтобы добиться аплодисментов на этих собраниях после битвы. Один человек, которому не удалось убить врага, был сильно раздосадован тем, что ему не досталось публичных аплодисментов, на которые он надеялся, и придумал другой способ добиться своего рода знаменитости. Он отрезал большие пальцы ног у мертвого врага, чья голова уже была взята, и с этими пальцами во рту шествовал перед вождями, как будто взял голову. Обнаружив, что этот необычный поступок вызывает восхищение, он так разволновался, что съел пальцы ног, даже не приготовив их, в присутствии всего народа.

Подобный поступок может натолкнуть читателя на мысль, что самоанцы, как и многие полинезийцы, являются каннибалами. В обычном понимании этого слова они таковыми не являются. После битвы они иногда готовят и съедают человеческое тело, но это делается в знак позора, а не для удовлетворения аппетита. В одном случае молодая женщина, чей отец был убит в бою, получила скальп, принадлежавший врагу. Сначала она сожгла его в пепел, затем растерла в порошок, а пыль рассыпала на костре, на котором готовила еду.

После решающей битвы вожди побежденной стороны смиренно приходят к своим победителям, неся дрова, камни и куски бамбука. Они кладут свою ношу перед главным вождем и, распростершись на земле, лежат в молчании. Если, как правило, победители соглашаются принять покорность, вождям велят подняться и вернуться домой; если же они не соглашаются, мужчин бьют дубинками, где они лежат, а люди, которых они представляют, терпят все ужасы дикарской войны.

Дрова, камни и бамбук считаются эмблемами совершенно униженного состояния, до которого были низведены их носители. Камни, из которых сделаны туземные печи, означают, что те, кто кладет их к ногам победителей, отдают себя на растерзание и съедение завоевателям. Дрова представляют собой материал, из которого топят печи, а бамбук служит двойным символом. Во-первых, ножи, которыми самоанцы разделявали пищу, всегда были сделаны из бамбука до того, как европейцы стали использовать железо; во-вторых, из этого же материала были сделаны орудия пыток, которым жестокие похитители подвергали пленников.

Когда побежденные получают прощение, они входят в дом вождя, целуют его ноги и дарят ему прекрасные циновки, берестяную ткань, еду и подобное имущество. Эта церемония называется ифонга и иногда используется в других случаях. Например, во время войны между Манано и Аана два самых влиятельных вождя последней партии обиделись на какое-то оскорбление, реальное или надуманное, и дезертировали к врагу. Подобное дезертирство - довольно распространенное явление в самоанских войнах, поскольку вожди почти полностью независимы друг от друга и связаны между собой самыми незначительными узами. По сути, положение этих островитян очень напоминает положение шотландских горцев в былые времена, когда ведение регулярных войн было практически невозможно из-за соперничества ревности различных вождей, а также внутренних разногласий между членами каждого клана.

Кроме того, как и в старых шотландских кланах, здесь нет дисциплины, которая бы скрепляла даже мужчин. Каждый служит столько, сколько пожелает, и не больше. Если он считает себя обделенным или если его урожай дома должен быть собран, он без колебаний берет свою дубину и уходит в свою деревню; и нет никакого закона, по которому он мог бы быть наказан за это. Во время войны, о которой мы сейчас говорим, огромное количество савайских союзников Манано ушло на свои собственные плантации.

Чтобы осуществить принцип получения мало, или суверенитета, было необходимо, чтобы дезертиры принесли дань уважения Манано и были заменены в штате в своих домах, которые они должны были держать под властью Манано как вассалы, находящиеся в подчинении. Если им удавалось вступить во владение, не подвергаясь нападению противной стороны, считалось, что они отстаивали свои права.

Соответственно, была затеяна большая церемония. Вожди манано отозвали всех бежавших с войны союзников, якобы для присмотра за их плантациями, но на самом деле потому, что сильно возражали против пуль, и призывали их принести продукцию своих плантаций на большое "фоно", или обсуждение. Соответственно, все они вернулись, соблазненные перспективой пиршества, которое сопровождает такое "фоно". Два вождя-пустынника были представлены собранию и для проформы прошли через церемонию ифонги. Затем они должны были благополучно разместиться в своих деревнях. С одним из них это было сравнительно легко, поскольку вся округа была безлюдной. Так что вождь был доставлен туда с триумфом в сопровождении тридцати или сорока каноэ и официально установлен в своих владениях, как вассал Манано и, следовательно, признающий право Мало на

принадлежность к этому району. У него не было с собой последователей, и через день или два он покинул это место и вернулся в Маноно. Тем не менее, сделка была завершена, а время, в течение которого он удерживал свои владения, не имело никакого значения. Читатель, возможно, будет рад узнать, что этого вождя постигла обычная участь отступников: сначала его приняли с большими церемониями, о нем много говорили, а затем он погрузился в полную безвестность.

Что касается другого вождя, то здесь возникли сложности с его назначением. Так случилось, что он был одним из самых влиятельных вождей, и все объединенные силы двух округов, Аана и Атуа, были сосредоточены в этом месте и поблизости, и если бы его взяли там, он не только подвергся бы нападению, но и вторгшаяся сторона, вероятно, была бы отбита объединенными силами двух других округов. Поэтому после долгих раздумий было решено, что он должен быть установлен в удобное время, но точное время для проведения церемонии пока не должно быть определено.

Иногда несколько вождей ссорятся и, вместо того чтобы идти на войну, сами устраивают драку с помощью дубинок. Они демонстрируют большую ловкость в фехтовании и защите, а также в нанесении ударов, и зрители пристально наблюдают за ними. Обычно их разнимают до того, как они нанесут друг другу серьезный вред, потому что в случае убийства или даже серьезного ранения одного из них война мести будет неизбежным результатом.

О местных законах Самоа известно сравнительно мало, они, как и все подобные институты, постоянно меняются, а в последние годы почти забыты из-за присутствия на островах европейцев. Однако от нескольких путешественников, особенно от тех, кто жил среди самоанцев в качестве миссионеров, мы узнаем, что здесь признается довольно четко определенный свод законов, который управляется вождем и его советниками.

Убийство, например, каралось смертью, и это было так хорошо известно, что когда один человек убивал другого, он и вся его семья обычно бежали в другой район, где они были уверены в защите. Необходимо было, чтобы вся семья сопровождала убийцу, потому что родственники убитого могли отомстить любому родственнику убийцы. Практически наказание за убийство сводилось к крупному штрафу. Беглец обязательно оставлял за собой плантации, дом и прочее имущество, которое конфисковывалось вождем. Иногда все имущество конфисковывалось, дом сжигался, плантация опустошалась, а убийце посылалось послание, чтобы он никогда не возвращался в свою деревню. Обычно, однако, это крайнее наказание заменялось крупным штрафом, часть которого заключалась в том, чтобы устроить пир для всей деревни.

Повреждение фруктового дерева считалось преступлением, заслуживающим сурового наказания, как и неуважительное обращение к вождю, разрушение изгороди или грубое поведение с незнакомцами. За некоторые проступки самоанцы имели любопытную шкалу наказаний. Иногда, если проступок был легким, преступника приговаривали к тому, чтобы он сел перед вождем и его советом и съел пять кусочков жестокого острого корня. Иногда его обязывали подбрасывать и ловить определенное количество раз одного из колючих морских ежей, покрытых тонкими шипами, острыми, как иглы, и хрупкими, как стекло. Иногда его били по голове острыми камнями до тех пор, пока лицо не покрывалось кровью.

Эти наказания были обычными, но существовал и суровый набор наказаний за более серьезные проступки. В некоторых случаях преступника подвешивали за ноги к ветке дерева или срывали с него всю одежду и выставляли под палящие лучи полуденного солнца. Одно из самых суровых и унижительных наказаний заключалось в том, что брали шест, вырезанный из очень колючего дерева, связывали ноги и руки преступника, нанизывали его

на шест, как нанизывают свиней, когда их ведут в печь, и несли в дом или деревню, против которой он совершил преступление.

Унизительная часть этого наказания заключалась в том, что обидчика уподобляли свинье, которую ведут в печь. Для самоанца всегда считается глубоким оскорблением сравнение его со свиньей, а сама мысль о том, что его запекают в печи, отталкивает чувства людей, которые с таким же презрением относятся к любому кулинарному процессу, который распространен в Новой Зеландии, на Фиджи и Тонга. Это наказание настолько унизительно, что когда преступник лежит беспомощный у ног тех, кому он нанес вред, его почти всегда отпускают и прощают, а крайнее унижение принимается как искупление почти любого проступка, каким бы ужасным он ни был. Именно по этой причине церемония ифонги считается столь унизительной.

Действительно, именно из-за этого чувства иногда практикуется каннибализм, хотя, как уже было сказано, он существует в очень измененной форме. Раньше женщины всегда сопровождали воинов, чтобы получить тела убитых врагов, которые они утаскивали с поля боя, а затем готовили, выражая тем самым свое презрение к ним. Жрецы также сопровождали воинов и молили богов об успехе. У них были веские причины желать победы, ведь их порцией были только руки убитых воинов, и пока длилась борьба, им не разрешалось есть никакой другой пищи, кроме этих рук. Жрецы проигравшей стороны иногда были вынуждены поститься несколько дней подряд.

Когда тело вождя уносили в печь, устраивали великие ликования, и каждый должен был съесть кусочек, каким бы маленьким он ни был. В таких случаях даже женщины и маленькие дети получали свою долю, и часто задавался вопрос, все ли попробовали. Иногда, когда пленника брали живым, самоанцы привязывали его к дереву, выкапывали перед ним яму, обкладывали ее камнями, раскаляли на его глазах, а затем бросали в нее.

По рассказам туземцев, раньше войны велись гораздо чаще, чем сейчас: мушкет почти вытеснил дубину и копье с поля боя и сделал бесполезными силу и умение воинов, которые гордились своей ловкостью в обращении с оружием. О том, как хорошо они фехтовали дубиной, уже говорилось, а то, что они были столь же эффективны в обращении с копьем, видно из анекдота, рассказанного мистером Уильямсом.

На борт английского судна поднялся вождь по имени Матетау, и капитан, желая проверить мастерство своего гостя, нарисовал на переднем парусе кольцо диаметром около четырех или пяти дюймов и попросил Матетау метнуть в него свое копье. Вождь отошел на четвертьdeck, примерно в восьмидесяти футах от отметки, на мгновение задержал копье и послал его в середину кольца. Воины, столь искусные в обращении с оружием, вполне могли бы возмутиться введением огнестрельного оружия, которое уравнивает слабых и сильных и позволяет простому мальчишке, только что покрытому татуировкой, убить самого великого вождя.

Когда дела передаются в совет для вынесения решения, и истец, и ответчик проявляют величайшую изобретательность в изложении своих аргументов и удивительно плодотворны в изобретении новых доводов. Самоанский тяжущийся скользкий, как угорь, и не успевает он счесть одну позицию несостоятельной, как уже умудряется соскочить с нее и утвердиться на другой. Мистер Притчард приводит очень забавный пример этой особенности самоанцев.

Имущество одного английского жителя, которого в народе называли "Обезьяний Джек", было бессовестно уничтожено, и пострадавший передал дело в совет. Поскольку в это время прибыли два военных корабля, дело по общему согласию было передано старшему офицеру, и истец в сопровождении своих друзей отправился на место. Были созваны вожди, и хотя они не могли отрицать, что имущество было уничтожено, они выдвинули ряд оправданий, чтобы отказаться выплачивать компенсацию.

Во-первых, они заявили, что истец присоединился к врагу, и поэтому они имеют право вести с ним войну. Опровергнув это обвинение, они перевели стрелки с мужчины на его жену, заявив, что она состоит в родстве с врагом, и ее муж обязательно участвует в этом родстве. К счастью, женщина оказалась в равном родстве с обеими сторонами, так что обвиняемым пришлось отказаться от этого утверждения.

Следующим пунктом было утверждение, что уничтожение имущества было случайным, и поэтому владелец не имел к ним претензий. Поскольку их собственные предыдущие признания противоречили им, было нетрудно отказаться от этого утверждения. Следующая линия защиты была очень нелепой и показала, что они едва не попали впросак. Так случилось, что "Обезьяний Джек" был в некотором роде оружейником и ремонтировал для туземцев мушкеты, которые их грубые руки повредили. Его противники внезапно вспомнили об этом и обратили внимание на это, заявив, что его плата за ремонт была настолько тяжелее для них, чем для противника, что в порядке самообороны они забрали его имущество в качестве компенсации. Были приведены доказательства того, что его плата всегда была одинаковой для всех туземцев, независимо от того, к какой партии они принадлежали, и обвиняемые снова были побеждены.

Однако, как мудрые люди, они приберегли свой самый весомый аргумент до последнего. Уже упоминалось, что во время войны любая сторона не стесняется уничтожить или конфисковать имущество друга, ссылаясь на то, что лучше пусть он пользуется этим имуществом, чем враг завладеет им. Ответчики привели аргумент, основанный на этом обычае, заявив, что они действовали только в соответствии с национальным обычаем и что они уничтожили имущество истца, чтобы уберечь его от рук врага.

Это был самый грозный аргумент, который они могли привести, но "Обезьяний Джек" был так же хитер, как и его противники, и ответил с сокрушительным эффектом, что в течение нескольких недель противная сторона могла, если бы захотела, уничтожить все его имущество, но воздержалась от прикосновения к нему.

Когда вожди увидели, что встретились с людьми, более искусными, чем они сами, в споре, они были крайне озадачены, и некоторые из младших вождей придумали способ, с помощью которого, по их мнению, они могли бы избежать выплаты компенсации. Они договорились тихо окружить место, где сидели капитан и консул, внезапно схватить их и держать в качестве заложников до тех пор, пока не будет выплачена компенсация. К счастью, мистер Притчард обнаружил их заговор и сумел проскользнуть обратно к лодкам, где организовал контрзаговор.

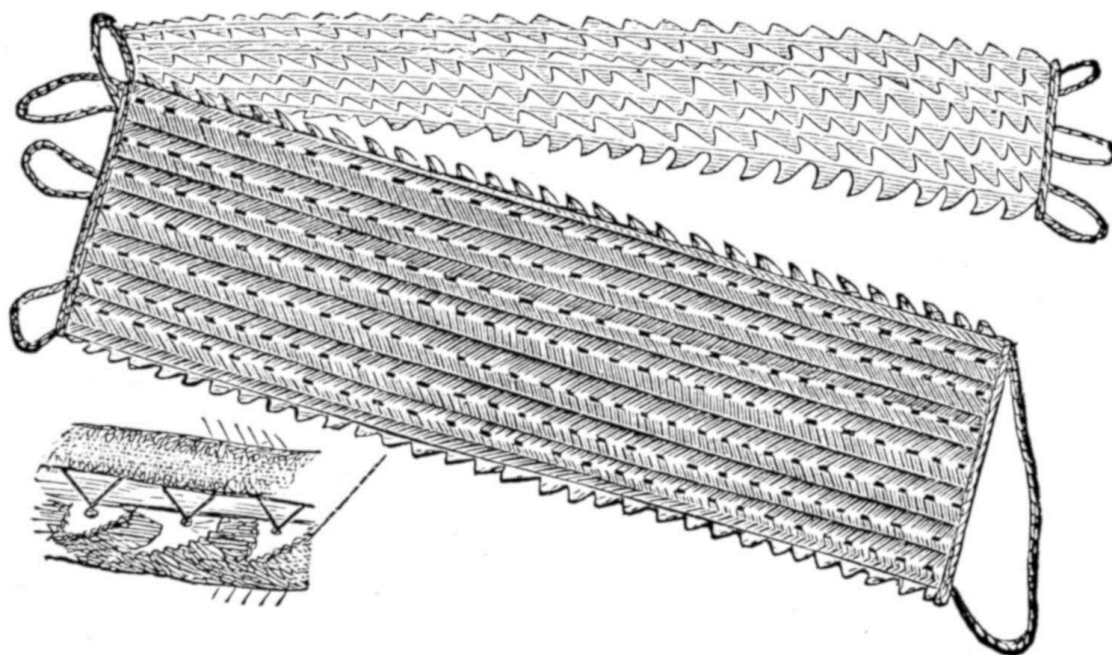
Вскоре самоанцы окружили место, где сидели предполагаемые пленники, и, когда они уже собирались схватить их, мистер Причард окликнул их и показал, что они прикрыты мушкетами матросов и пехотинцев, которые сопровождали капитана и консула на этом месте. Зная, что, в отличие от них самих, английские воины имеют неудобную привычку попадать при стрельбе, самоанские вожди признали себя побежденными и согласились выплатить компенсацию.

Другой случай, гораздо более мелкий, был очень смешным: самоанец абсолютно признал себя побежденным по логике своего противника.

Некий вест-индский негр, поселившийся на Самоа, получил в соседнем племени звание вождя и имя Паунга. У туземного вождя по имени Тоэ-тангата (для краткости называемого Тоэ) была собака, которая имела привычку воровать из дома Паунги. Последний часто жаловался хозяину животного, но безуспешно, и в конце концов, когда собака продолжила воровать, Паунга застрелил ее. На Самоа оскорбить собаку вождя - значит оскорбить хозяина, поэтому Тоэ считал, что в него стрелял Паунга.

Дело наконец передали капитану английского корабля, но Паунга отказался явиться, заявив, что он самоанский вождь и не подсуден иностранцу. За Паунга тут же послали отряд вооруженных морских пехотинцев, который ловко воспользовался этой процедурой, поставив себя во главе их и заявив людям, что теперь они могут убедиться, что он вождь как среди белых, так и среди туземцев, и у него есть почетный караул, без которого он не выйдет из дома.

Оба оказались перед капитаном, Тоэ высказал свои претензии, и ответ Паунги мгновенно разбил их. Он признал, что собственность вождя тождественна его владельцу. Следовательно, когда собака Тоэ съела еду Паунги, он, Тоэ, съел Паунгу. Поэтому, когда Паунга застрелил Тоэ в лице его собаки, он лишь свел счеты, и ни у одной из сторон не было оснований для претензий к другой.

ПЕРЧАТКА С АКУЛЬИМИ ЗУБАМИ.
(См. [стр. 1019](#).)

ГЛАВА IV.

САМОА, ИЛИ ОСТРОВА НАВИГАТОРОВ - Заключительная. РАЗВЛЕЧЕНИЯ - КАРЕТЫ - АРХИТЕКТУРА.

САМОАНСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ - ЛОВЛЯ ГОЛУБЕЙ - ПТИЦЫ-ПРИМАНКИ И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ДРЕССИРОВКА ПТИЦ - РЫБАЛКА: СЕТЬ И ЛЕСКА - СМЕЛЫЙ СПОСОБ ЛОВЛИ АКУЛ - ОТВАЖНЫЙ РЫБАК - КУРЬЕЗНЫЕ СЛУЧАИ С НЫРЯЛЬЩИКАМИ: АКУЛА И КОРАЛЛ - ОХОТА НА КАБАНА - ОПАСНЫЙ ВРАГ - САМОАНСКАЯ КУЛИНАРИЯ - ПАЛОЛО - ЕГО ДИКОВИННЫЙ ВИД, СПОСОБ ЛОВЛИ И СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ - БРАК НА САМОА - ЦЕРЕМОНИИ БРАКОСОЧЕТАНИЯ ВОЖДЯ - СВАДЕБНЫЙ ПИР И ТАНЦЫ - САМОАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА - РАЗДЕЛЕНИЕ ДОМА МОСКИТНЫМИ ЗАНАВЕСКАМИ.

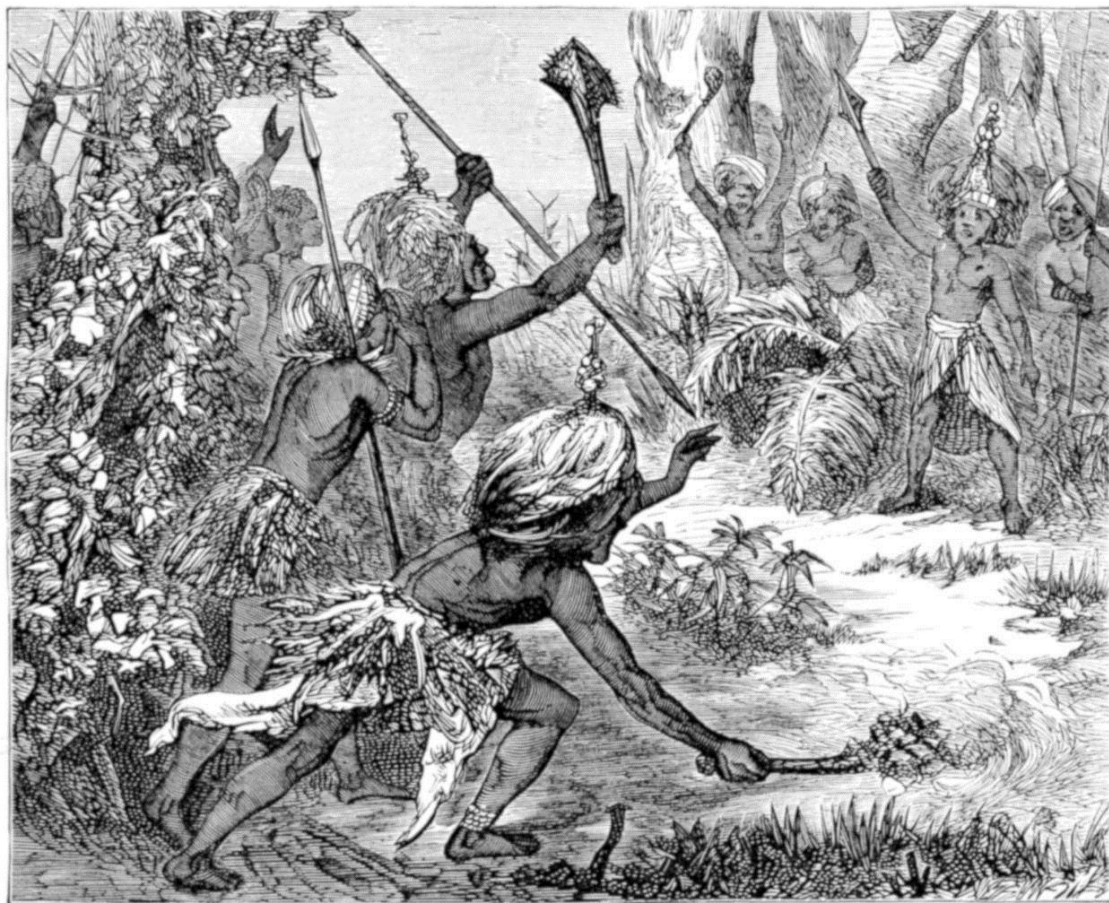
Развлечения самоанцев во многом идентичны развлечениям других полинезийцев, поэтому здесь будут описаны только те из них, в которых есть что-то характерное для этих островитян. Одним из главных видов спорта является стрельба по голубям, которая проводится в специально подготовленных для этого местах в лесу. Принцип, по которому осуществляется этот вид спорта, во многом напоминает стрельбу по крысам, которую практикуют тонганцы. Несколько вождей договариваются отправиться на ловлю голубей, и в назначенное время место для ловли очищается от кустарника, большой круг очерчивается камнями, а прямо за пределами круга устраивается ряд засад, сформированных из листьев и веток, которые ежедневно срезаются свежими.

Перед игрой пьют каву, а когда эта необходимая предварительная процедура закончена, вожди расходятся по своим местам, у каждого из них есть сеть и обученная птица. Сеть небольшая, она крепится к концу бамбука длиной тридцать или даже сорок футов. Птица сидит на палке рядом с хозяином, а к ее жердочке привязана веревка длиной сорок или пятьдесят ярдов.

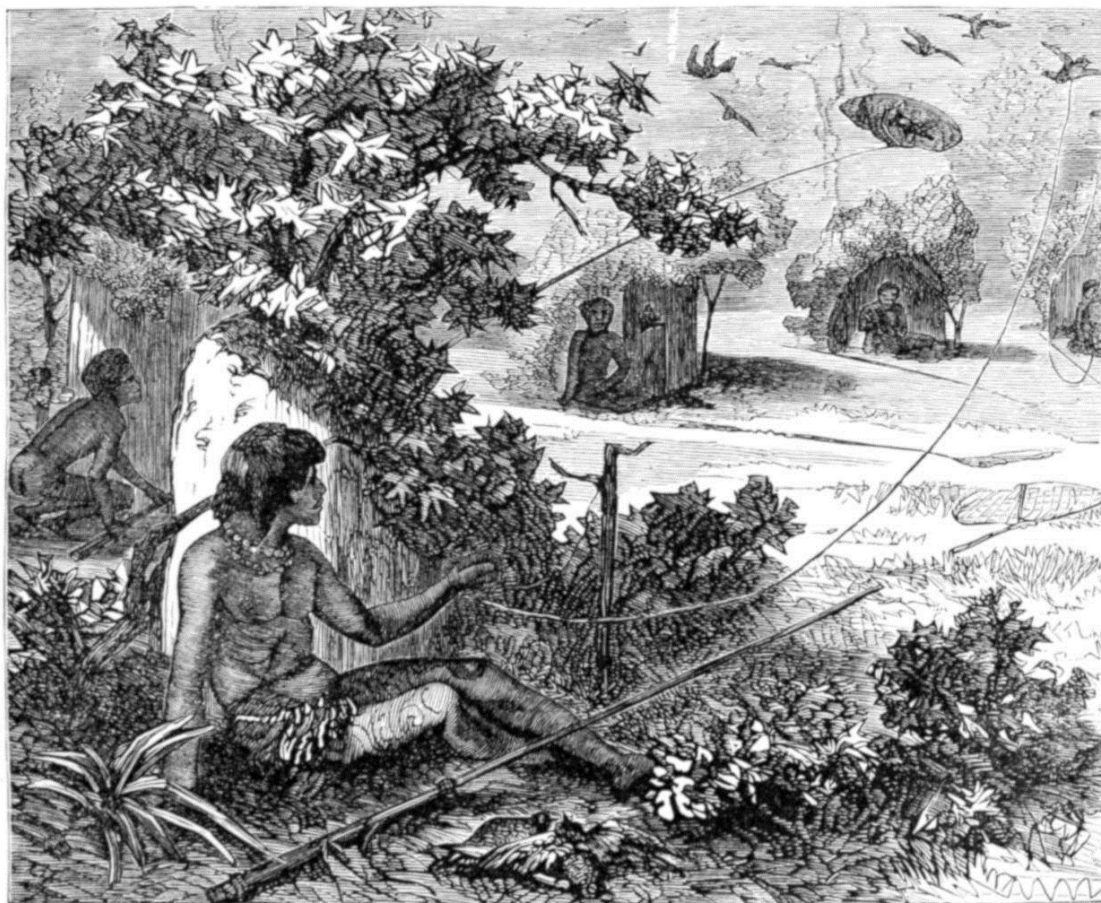
По сигналу птицы подбрасываются в воздух и, следуя полученным инструкциям, некоторое время кружат по кругу. Дикие голуби видят их издалека и, полагая по их движениям, что они парят над едой, летят к ним. Пока они кружат туда-сюда вместе с птицами-приманками, вожди поднимают сети и ловко ловят их. Тот, кто заберет наибольшее количество голубей, побеждает в игре и получает от каждого из остальных игроков заранее оговоренную ставку. Обычно ставка состоит из еды или корней кавы, и в таких случаях победитель практически ничего не получает, кроме чести выиграть игру, поскольку еду готовит и раздает всем своим товарищам, а кава превращается в напиток.

Такие вечеринки по ловле птиц длятся очень долго, игроки иногда остаются на месте в течение месяца. Вокруг открытого пространства, на которое слетаются птицы, строятся хижины. [Вторая гравюра](#) на следующей странице очень точно иллюстрирует этот вид спорта.

Птицы-приманки проходят самую тщательную подготовку, цель дрессировщика - заставить их подниматься по команде, лететь к концу веревки, кружиться изящными кругами некоторое время, а затем возвращаться на насест. Если птица остается на крыльях в течение пяти минут и возвращается на насест по зову хозяина, ее считают хорошо обученной и очень ценят. Туземцев часто можно увидеть за дрессировкой птиц на открытом пространстве в центре деревни. Птицы поощряются в полете особым способом подергивания за веревку.

(1.) САМОАНСКИЕ ВОИНЫ ОБМЕНИВАЮТСЯ УДАРАМИ.
(См. [стр. 1021.](#))

(2.) ЛОВЛЯ ГОЛУБЕЙ САМОАНЦАМИ.
(См. с. 1026.)

Рыбная ловля - очень любимое развлечение самоанцев, которые проявляют в ней не только мастерство, но и смелость. Последнее качество проявляется в первую очередь, когда туземцы занимаются ловлей акул. Когда намечается большой праздник, рыбаки отправляются на поиски акул - мясо этой рыбы является одним из главных лакомств Самоа. Рыбаки отправляются на каноэ, в каждом из которых сидят два или три рыбака, снабженные крепкой веревкой с петлей на одном конце и большим количеством животных субпродуктов.

Подойдя к краю лагуны, где акулы лежат под укрытием скал, мужчины выбрасывают за борт тушки, чтобы привлечь и накормить акул. Затем они заглядывают в воду, и когда один из рыбаков видит акулу, лениво растянувшуюся на песке под нависающими скалами, он очень тихо спускается в море, ныряет вниз с веревкой в руке, накидывает петлю на хвост акулы и поднимается на поверхность. Как только он садится в лодку, мужчины вытаскивают акулу из ее укрытия и тащат до тех пор, пока хвост существа не поднимается из моря, и тогда оно становится почти беспомощным. Резкий рывок приводит ее в каноэ, где она мгновенно погибает.

Иногда акула лежит в глубокой подводной пещере, высунув из отверстия только голову. Однако самоанского рыбака такая позиция не смущает, он ныряет к акуле и легонько постукивает ее по голове. Насытившись едой, рыба раздражается и поворачивается, обнажая при этом хвост, и смелый рыбак в мгновение ока накидывает на него петлю.

Один молодой человек, о котором упоминал мистер Причард, прославился своей смелостью в этом виде спорта. Он отказался от помощи и отправился в одиночку на маленьком каноэ, бросая приманку за борт, чтобы привлечь акул, и накидывая свою веревку с петлей на их хвосты. Однажды веревка оборвалась, но храбрый парень и не думал терять ни акулу, ни веревку. Он выпрыгнул за борт среди всех акул, схватил веревку, снова вскарабкался в каноэ и после долгой и жестокой борьбы сумел убить акулу и отбуксировать ее на берег.

Иногда при ловле акул используется крючок. Рыбаки наживляют крючок, забрасывают его в каноэ на двенадцать футов или около того в воду и возвращают леску на сушу. Вскоре акула обязательно схватит наживку, и когда рыба будет на крючке, несколько человек возьмутся за веревку и потащат акулу на мелководье, где ей позволят барахтаться, пока она не обессилеет, а затем без труда убьют.

Такой вид спорта неизбежно сопряжен с большой опасностью, но самоанский рыбак чувствует себя в воде почти как дома, как и сама акула, и относится к своей опасной игре с тем же безразличием, с каким испанский матадор относится к разъяренному быку. Несомненно, несчастные случаи случаются в обоих случаях, но они являются исключением, а не правилом.

Еще одно опасное развлечение - охота на свиней. Поскольку свиньям разрешено свободно бегать по лесам, они возвращаются к своему дикому образу жизни, становятся хитрыми, быстрыми, активными и свирепыми. Для вождя считается делом чести бросить вызов кабану и не получать помощи, кроме как в случае крайней нужды. Охотник вооружен ножом и томагавком, а иногда и китовой лопатой, которая является очень грозным оружием, если ее края остро отточены.

Убить одно из этих животных - задача не из легких. Во-первых, кабан настолько быстр, что от его клыков охотника не спасет ничего, кроме величайшей активности; и если бы схватка происходила на открытой равнине, а не среди деревьев, за которые охотник может прыгнуть, когда его сильно прижмут, зверь, вероятно, одержал бы верх над человеком. К тому же кабан удивительно живуч, а его шкура настолько прочна, что для нанесения смертельной раны требуется острое оружие и сильная рука. Даже если животное упало и кажется мертвым, опытный охотник всегда всадит нож ему в горло, поскольку кабаны имеют неловкую манеру внезапно оживать, вскакивать на ноги и мчаться сквозь своих врагов в кусты.

Свиноматки - еще более опасные антагонисты, чем кабаны. Они, как правило, легче, тоньше и активнее, и, хотя у них нет длинных клыков, которыми можно разорвать врага, они могут кусать так же резко и быстро, как волки. Действительно, если бы не собаки, обученные охоте на кабанов, удивительно смелые и умелые, хотя и очень уродливые и неперспективные на вид, их редко удавалось бы загнать.

Мистер Причард рассказывает о своем приключении с кабаном, которое дает прекрасное представление о свирепости, хитрости и активности этих животных. Кабан получил две винтовочные пули в левое плечо, нанеся раны, которые могли бы вывести из строя, если не убить, большинство животных, но, похоже, только раздражали кабана болью.

"Ярость зверя была велика: две раны и беспокойство собак. Он стоял, скрежеща зубами и пуская изо рта слюну, глядя то на одного, то на другого из нас, словно оценивая противника для схватки. Вождь предложил, чтобы один из нас схватил его, а остальные смотрели, не вмешиваясь. Конечно, я должен был потребовать *привилегию* сделать это после такого вызова; хотя, по правде говоря, это был первый кабан, с которым я когда-либо сталкивался, мне казалось, что я несколько опрометчиво взялся за бой, поскольку, даже с его двумя

ранами, я полагал, что он, возможно, продержится дольше меня, и, если мне не удастся убить его, эта неудача станет прекрасным развлечением для моих товарищей и не скоро забудется в их шутках.

"Однако я шагнул навстречу разъяренному зверю, и не успел я появиться, как он тоже оказался рядом - довольно быстро, как мне показалось. Он бросился на меня с яростным криком, который я отбил прикладом винтовки, пытаюсь опрокинуть его на раненый бок, но безрезультатно. Он бросился на меня во второй раз, и во второй раз я остановил его. Когда он надвигался на меня в третий раз, его длинная щетина стояла на конце, он скрежетал клыками и выбрасывал пену из огромной пасти, я выхватил свой томагавк. Он ринулся вперед, быстрее, чем когда-либо; томагавк глубоко вонзился в толстую часть его шеи, а мой мальчик Атаму сделал все остальное своим длинным ножом.

"Это была довольно горячая работа, потому что эти кабаны обладают огромной силой и не меньшим упорством, а их шкуры настолько прочны, что часто копьё перебивает их, не оставляя даже следа от удара".

Ранее этот же кабан заставил писателя прибегнуть к довольно нелепому маневру. Он стрелял в плечо животного, думая, что если пуля и не попадет в сердце, то уж во всяком случае выведет его из строя. Но кабан бросился на него почти в тот же момент, когда получил пулю, и рванул на него так быстро, что он был вынужден перепрыгнуть через голову на спину и откатиться к ближайшему дереву. Свиной поменьше убивают другим способом. Собаки обучены ловить их за уши, плечи и хвост, а когда охотники подходят, они кладут палку на горло животного и дают до тех пор, пока свинья не умрет.

Что касается кулинарии самоанцев, то она мало чем отличается от кулинарии тонганцев и других полинезийцев той же расы. У них огромное количество блюд, и они могут приготовить их почти так же разнообразно, как фиджийцы, а многие из их блюд очень вкусны для европейца. Основу рациона самоанца составляют овощи, и их выбор достаточно велик. Если не брать в расчет овощи, которые были завезены из Европы, у него есть ямс, таро, бананы, хлебные плоды, какао-орехи и подорожник. Иногда их готовят отдельно, а иногда смешивают, чтобы получить более приятное для местного вкуса блюдо. Как правило, более простые образцы самоанской кулинарии нравятся даже англичанам, но когда туземные повара готовят сложные блюда, туземцы, как правило, оказываются единственными, кто может их есть.

Например, нет ничего лучше, чем молодой орех какао, который совершенно не похож на то твердое, неперевариваемое состояние, в котором мы видим его в Англии. Но когда молоко выливают, на его место добавляют соленую воду, а содержимому позволяют стать гнилым, соединение становится оскорбительным не только для одного чувства. Однако некоторые из их составов превосходны. Например, пудинг, приготовленный из сока какао-орехов, залитых бананами и запеченных вместе. Даже очень молодое ядро какао-ореха при запекании становится очень сытным блюдом.

Самой странной диетой самоанцев является аннелида под названием палоло (*Palolo viridis*). Мистер Притчард прекрасно рассказывает об этом диковинном существе и способе его приготовления.

Оно появляется только в определенных, строго определенных и очень ограниченных местах в каждой группе (т. е. на Фиджи, Тонга и Самоа); на Самоа оно появляется на месяц раньше, примерно в первую неделю ноября, чем в двух других группах. Она поднимается прямо со дна моря на поверхность, появляясь сначала около четырех часов утра и продолжая

увеличиваться в количестве, примерно до получаса после восхода солнца, когда она начинает растворяться и постепенно исчезает. К восьми часам в море не остается ни малейшего следа палоло. Они выглядят как многочисленные черви, длиной от дюйма до ярда, имеют все возможные цвета, извиваясь, и мягкие на ощупь.

"Время их появления вычисляют старики разных племен, и оно известно по тому, что солнце, луна и звезды имеют особое отношение друг к другу. За месяц до великого появления в каждой местности, где они появляются, находят несколько штук. На каноэ отправляются группы людей, чтобы следить за этим первым появлением, так как по нему проверяется расчет второго и великого появления.

"Когда наступает это время, целые деревни, мужчины, женщины и дети, собираются на месте; к двум часам море покрывается каноэ, аутригеры портятся и ломаются, не отвлекая внимания, а к четырем часам все заняты тем, что собирают палоло и ссыпают их в корзины, приготовленные для этого случая. Шум и волнение с четырех до шести часов просто поразительны, а возня очень забавна. А когда, высадив каноэ на берег, толпа рассеивается, следующим делом становится подготовка печей для приготовления палоло, которые просто заворачивают в листья хлебного дерева. Их с большой торжественностью рассылают друзьям, находящимся на расстоянии, и иногда хранят три-четыре недели, периодически подогревая в печи.

"Я никогда не мог набраться смелости, чтобы сделать нечто большее, чем просто попробовать их, настолько отталкивающим является сам их вид, когда они сворачиваются и разворачиваются вместе, хотя есть англичане и даже англичанки, которые едят их, и, как утверждается, со вкусом, что, я полагаю, нельзя не принять на веру их слова. В частности, одна дама, по словам доктора Симана, "сильная личность", ест палоло с удивительным аппетитом. Думаю, многие посетители не откажутся от ее любимого блюда".

О палоло было много споров, многие сомневались в том, что это вообще аннелида, и считали червей просто нитями икры. Однако этот вопрос был решен, и в "Transactions of the Linnæan Society", vol. xxii. p. 237, есть подробная статья о палоло.

Этот червь относится к хорошо известным нереидам, несколько видов которых в изобилии встречаются на наших берегах. Он плоский, около шестой части дюйма в ширину, и состоит из огромного количества сегментов. Целый экземпляр никогда не удавалось заполучить, настолько нежным и хрупким является это существо, и только с большим трудом удается обнаружить голову. Среди образцов, впервые отправленных в Британский музей, не удалось найти ни одной головы, а среди большой бутылки, наполненной палоло, собранной специально для научных целей, была обнаружена только одна голова. Голова немного уже, чем суставы, составляющие шею, и снабжена двумя маленькими глазками на верхней поверхности, между которыми расположены три щупальца, из которых среднее - самое длинное.

Обычный цвет аннелиды - зеленый, а спина отличается регулярной пунктировкой: на середине каждого сегмента расположена одна черная точка. Палоло появляется так регулярно, что среди фиджийцев месяцы октябрь и ноябрь известны под названиями "Малое палоло" и "Большое палоло": в первом месяце его видят впервые, а во втором - когда он делает свое грандиозное появление.

Браки на Самоа заключаются так же, как и на Тонга, причем последняя группа островов заимствовала многие самоанские обычаи. Вождь считает ниже своего достоинства добиваться жены для себя, и эту обязанность обычно берут на себя его друзья, которые превозносят его в самых безмерных выражениях и делают все возможное, чтобы склонить девушку к уступке. Получив ее согласие, вождь посылает имущество ее отцу, а взамен получает прекрасные циновки и другие предметы, и этот обмен считается помолвкой.

В день свадьбы невесту, хорошо намазанную маслом, окрашенную куркумой и одетую в большое количество тончайших циновок, помещают в малаэ, или открытое пространство в центре деревни, в сопровождении ее молодых подруг, которые одеты во все великолепие дикарских нарядов, с венками из цветов и раковинами наutilus на головах. Ее также сопровождают две дуэньи, которые опекали ее, воспевали ей хвалу и превозносили ее добродетель. Цель этого публичного собрания - доказать, достойна ли девушка стать женой вождя. Если вердикт будет в ее пользу, ее представляют народу как жену вождя и, под аплодисменты, в сопровождении дуэньи и слуг вводят в дом. Если же, что случается крайне редко, вердикт оказывается неблагоприятным, все мужчины ее семьи, даже ее отцы и братья, бросаются на нее с дубинами и убивают на месте, чтобы избавить свой дом от позора, который она навлекла на себя.

После того как невесту уводят, устраивается грандиозный танец. Он несколько отличается от танцев, которые обычно можно увидеть у полинезийцев. Зрители рассаживаются в круг вокруг расчищенного места и, не прекращая монотонного пения, выходят в круг, возглавляемые молодым вождем, одетым лишь в маленький листовой фартук, чтобы лучше продемонстрировать татуировку. Их вождь проходит через огромное количество шагов, иногда подпрыгивая высоко в воздух, а иногда выполняя движения более медленные и грациозные, при этом каждый шаг отслеживается и критикуется по мере того, как его танцует вождь и подражают его последователи. После того как мужчины потанцуют некоторое время, они удаляются, и в зал входят несколько девушек, которые выполняют аналогичные движения, а затем и мужчины, и женщины танцуют вместе.

Все дома самоанцев построены по одному образцу. Они очень консервативны в некоторых своих идеях и неукоснительно следуют тому плану, который был принят вождем, который, согласно их традициям, первым построил жилище. На расстоянии внешний вид дома сравнивают с большим грибом.

Прежде всего, необходимо сделать большую платформу из грубых камней, покрытых гравием, которая простирается примерно на двадцать футов в каждую сторону за пределы стен дома. В центре устанавливаются три столба, выступающие из земли примерно на двадцать пять футов. На эти центральные столбы опираются стропила крыши, один конец каждого стропила крепится к ним, а другой - к верхушкам коротких столбов высотой около четырех футов, которые образуют, или, скорее, выполняют функцию стен дома. Настоящих стен нет, но ночью пространство между столбами закрывается жалюзи, сделанными из плетеных листьев кокосового ореха. Весь каркас крыши состоит из нескольких секций, так что его можно демонтировать.

Тент делается из листьев сахарного тростника, которые женщины прибивают к тростнику с шипами, сделанными из ребер листьев какао-ореха. Для покрытия дома требуется около четырех тысяч листьев, которые тщательно перевязываются волокнами какао-ореха.

Пол в доме усыпан мелким гравием и покрыт циновками. Отдельных комнат нет, но ночью дом разделяется на несколько спальных мест с помощью москитных занавесок, которые крепятся к центральному столбу и опускаются, когда это необходимо. Согласно этикету, все

гости должны иметь чистые циновки. Подушка, используемая на Самоа, похожа на фиджийскую и представляет собой не что иное, как палку, опирающуюся на ножку с каждого конца.

ГЛАВА CV. ОСТРОВА ХЕРВИ И КИНГСМИЛЛ. ВНЕШНИЙ ВИД - ОРУЖИЕ - ПРАВИТЕЛЬСТВО.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСТРОВОВ ХЕРВИ - СВИРЕПЫЙ И ВЕРОЛОМНЫЙ ХАРАКТЕР ЖИТЕЛЕЙ - ВОЖДЬ МУРОА И ЕГО ВИЗИТ НА КОРАБЛЬ - МАСТЕРСТВО РЕЗЬБЫ - ИХ ПРЕКРАСНЫЕ ВЕСЛА И КАНОЭ - МАНГАЙСКАЯ ЛОПАТКА: РЕЗНАЯ РУКОЯТКА И КАМЕННАЯ ГОЛОВКА - МНОЖЕСТВОКОЛЮЧЕЕ КОПЬЕ - ДУБИНА И ПРАЩА - ЧЕТЫРЕ ШЕРЕНГИ В БОЮ - СВИРЕПОСТЬ ЖЕНЩИН - ВРАЖДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ - ДОМ МАНГАИ - ПИЩА - ДОБЫЧА И ПРИГОТОВЛЕНИЕ - ОХОТА НА КРЫС - ИДОЛЫ МАНГАИ - ЖИТЕЛИ ОСТРОВА КИНГСМИЛЛ - МЕСТНОСТЬ И ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ОСТРОВА КИНГСМИЛЛ - ВНЕШНИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - АРХИТЕКТУРА - ОДЕЖДА И ТАТУИРОВКА - ВОИНСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР - СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ ЭТИХ ОСТРОВОВ - МЕЧ И КОПЬЕ - ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ - ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВОГО ВОЖДЯ.

К востоку от Самоа, а скорее к югу, лежат острова Херви, или острова Кука. В эту группу входят семь островов, главным из которых является Раротонга, остров от тридцати до сорока миль в окружности. Этот остров примечателен высокими горами внутри, а вокруг него простирается большой коралловый риф. Некоторые из островов полностью состоят из кораллов, и все они окружены опасными коралловыми рифами, на которых до сих пор трудятся коралловые "насекомые".

По внешнему виду жители острова очень похожи на самоанцев, но, похоже, отличаются более воинственным и свирепым характером. Действительно, аборигены этой группы настолько ссорятся и кровожадны, что когда мистер Уильямс посетил остров Херви, он обнаружил, что в живых осталось только шестьдесят человек, а через несколько лет их число сократилось до пяти мужчин, трех женщин и нескольких детей, и те были на грани драки между собой, чтобы выяснить, кто из них должен быть королем.

Один из главных островов этой группы, а именно Мангайя, был открыт капитаном Куком в марте 1777 года. Туземцы очень не хотели подниматься на борт судна, но в конце концов двое мужчин отправились в каноэ, и любопытство победило их страх. Одного из них звали Моуроа, и его можно было отличить по большому шраму на лбу, полученному в результате ранения в бою.

"Моуроа, - пишет капитан Кук, - был крепким и хорошо сложенным, но не очень высоким. Черты его лица были приятными, а нрав, похоже, не менее приятным, так как он сделал несколько забавных жестыкуляций, которые свидетельствовали о добром характере и доле юмора. Он также сделал несколько жестов, которые казались серьезными, и повторил несколько слов с набожным видом, прежде чем решился ухватиться за канат на корме корабля; вероятно, это было сделано для того, чтобы рекомендовать себя под защиту какого-то божества.

"Цвет его кожи был почти такого же оттенка, как у самых южных европейцев. Другой мужчина был не так красив. У обоих были крепкие прямые волосы цвета струи, стянутые на макушке

головы куском ткани. Они носили такие же кушаки, как и те, что мы видели на берегу, и мы обнаружили, что они носят вещество, сделанное из *Morus papyrifera*, таким же образом, как и на других островах этого океана. Она была глазурованной, как у туземцев Дружественных островов, но ткань на их головах была белой, как на Отагейте.

"На них было что-то вроде сандалий, сделанных из переплетенной травянистой материи, которые, как мы заметили, носили те, кто стоял на берегу, и, как мы предполагали, для защиты ног от грубых коралловых камней. Бороды у них были длинные, а внутренняя сторона рук, от плеча до локтя, и некоторые другие части были проколоты или вытатуированы, как у жителей почти всех других островов Южного моря. Мочки их ушей были проколоты или, скорее, прорезаны, причем до такой степени, что один из них засунул туда нож и несколько бусин, которые он получил от нас; у того же человека на шее висели две полированные жемчужные раковины и пучок человеческих волос, свободно скрученных, - единственное украшение, которое мы заметили".

Через некоторое время Муруа рискнул подняться на борт корабля, но, похоже, был очень обеспокоен своим положением: чувство любопытства пересилило тревогу от того, что он оказался на таком гигантском судне. Он не проявлял особого любопытства к кораблю и различным предметам, которые на нем находились, но вид козла полностью вытеснил из его сознания все эмоции, кроме удивления: он никогда не видел такого большого животного. Он захотел узнать, что это за *птица*, и, едва сойдя на берег, стал рассказывать людям о чудесах, которые он видел на борту большого каноэ.

Все жители острова Херви наделены природной способностью ценить искусство, а жители Мангаи, похоже, занимают в этом отношении первое место. Они украшают различные предметы самой искусной резьбой, а рукоятки инструментов и весла, похоже, являются их любимыми предметами. [Красивое весло](#), изображенное на 1018-й странице, взято с экземпляра из моей собственной коллекции. Его длина составляет почти четыре фута, а ширина лопасти в самой широкой части - одиннадцать дюймов. Узор передан настолько хорошо, насколько это вообще возможно, учитывая мельчайшую проработку оригинала. Противоположная сторона лопасти украшена еще более тщательно и, возможно, с более художественным рисунком. Квадратное древко весла покрыто резьбой, как и рукоять своеобразной формы.

Еще одно весло выполнено аналогичным образом, только черенок не квадратный, а округлый, и украшено на рукоятке рядом орнаментов, которые, по-видимому, являются условными имитациями человеческого лица (см. [рис. 2](#)). Дерево, из которого изготавливаются эти весла, легкое, но прочное и упругое; а поскольку этот инструмент иногда используется в качестве дубинки, оба этих качества необходимы.

Капитан Кук обратил внимание на особую форму этих весел, хотя, судя по всему, он не брал их в руки и не рассматривал их внимательно. "Каноэ, на котором они приплыли (а это было единственное, которое мы видели), было не более десяти футов в длину и очень узким, но при этом крепким и аккуратно сделанным. В носовой части его была прикреплена доска, выступающая наружу, чтобы море не попадало внутрь при погружении... но у него была вертикальная корма высотой около пяти футов, как у некоторых новозеландских, и верхняя часть этой кормовой стойки была вильчатой. Нижняя часть каноэ была из белого дерева, а верхняя - из черного, и весла у них были из дерева того же цвета, не более трех футов длиной, широкие с одного конца и затупленные".

Еще одно весло было привезено в Англию покойным адмиралом Янгом и подарено мне его дочерью. Оно не такое большое, как только что описанные образцы, но это самый

изысканный резной экземпляр, который я когда-либо видел. Древесина, из которой он сделан, очень насыщенного темно-коричневого цвета и имеет высокую полировку, так что эффект от резьбы особенно хорош. Лезвие покрыто огромным количеством звезд, удивительно хорошо вырезанных, учитывая, что у местного мастера не было компасов для измерения, а его единственными инструментами были акульки зубы и кусочки камня. Изготовитель не пожалел труда на этот трофей своего мастерства, и, чтобы показать свою изобретательность, он не покрыл все древко одним и тем же узором, как в случае с двумя веслами, которые только что были описаны, а изменил узор через каждые несколько дюймов. У меня также есть гораздо меньшее и короткое весло, не более трех футов в длину, которое сделано с такой же тщательностью, но предназначено не столько для использования в движении лодок, сколько для украшения в танцах.

Любовь к орнаментам проявляется во всех изделиях, которые украшены столь же искусно и художественно. Даже чашки для питья, сделанные из скорлупы какао-ореха, покрыты резными узорами, похожими на те, что изображены на веслах.

Читатель заметит, что многие полинезийцы украшают резьбой рукоятки своих инструментов и оружия, примеры которых были приведены на предыдущих страницах. Однако жители острова Херви не оставляют ни одной части орудия без резьбы и во многих случаях жертвуют полезностью ради орнамента. Так, например, обстоит дело с рукоятками клещей, многие из которых настолько декоративны, что нелегко понять, как они могут быть полезны.

Образец, представленный на странице 1018 ([увеличенное изображение](#)), является хорошим примером такой рукояти. Нижняя часть рукоятки полностью полая: местный производитель придумал вырезать дерево через промежутки между вертикальными стойками. Поскольку ширина этих промежутков составляет не более трети дюйма, труд по удалению внутренней части рукоятки должен был быть очень большим, а работа - крайне утомительной. Даже с европейскими инструментами это была бы сложная работа, и ее сложность значительно увеличивается тем фактом, что у туземца, который ее вырезал, не было ничего, кроме острого камня или акульего зуба, прикрепленного к рукоятке с помощью ножа. Этот экземпляр уже много лет находится в Англии и, должно быть, был изготовлен еще до появления у туземцев европейских инструментов.

Головка клещи сделана из камня и прикреплена к рукоятке точно таким же способом, как у новозеландцев, только гораздо более замысловатым. Желая доставить себе как можно больше хлопот, изготовитель использовал тончайшую плетеную синнету, не шире нити и совершенно плоскую, и наложил ее на инструмент таким сложным образом, что для того, чтобы дать правильное представление об этом, художник должен был бы занять рисунком целую страницу. Достаточно сказать, что [иллюстрация](#) дает хорошее общее представление о способе прикрепления головки к рукоятке. Синнет уложен так ровно, как будто его наматывает машина, и местный художник сумел создать с его помощью самые необычные эффекты, в результате чего различные детали оказались в имитации перспективы, а крепление выглядит так, как будто существует четыре отдельных слоя, один над другим.

Между камнем головки и деревом рукоятки помещен кусок очень прочной ткани таппа, которая, похоже, была наложена еще во влажном состоянии, так что ленты синнета хорошо прижали ее друг к другу и способствовали укреплению соединения. Конец этой таппы выступает на верхней части головки, как раз там, где она соединяется с рукояткой. То, что такое орудие предназначалось для использования, представляется маловероятным, и я полагаю, что оно было изготовлено лишь в качестве образца мастерства изготовителя.

Иногда изготавливаются адзы схожего характера, рукоятки которых имеют длину от четырех до пяти футов и украшены резным узором по всей длине, так что они не могли быть предназначены для тяжелой работы.

Такой же сложный орнамент встречается на копьях жителей острова Херви, одно из которых изображено [на иллюстрации](#) под названием "Копье" на 1018-й странице.

[Копье](#), хранящееся в моей коллекции, имеет длину более десяти футов и прекрасно сделано. Древко очень прямое, тонкое и отполированное, но без какой-либо резьбы; более того, оно настолько незначительно, что не могло бы выдержать никакого узора, вырезанного на нем. Поэтому орнамент ограничивается многозубой головкой, которая представляет собой прекрасный образец дикарского искусства.

Обратившись к [иллюстрации](#), читатель увидит, что чуть ниже первого ряда колючек древко копья раздувается до слегка овальной формы. Эта часть головки покрыта резьбой, обязательно очень мелкой, но достаточной для орнамента. Между различными наборами колючек копье обмотано очень узкими полосками какого-то тростника, сильно отполированного и ярко-желтого цвета, так что контраст между темной древесиной колючек и сияющей желтизной обмотки очень разителен. Несмотря на большой размер головки, копье хорошо сбалансировано, длина тонкого и упругого древка служит противовесом, и в целом оружие столь же грозно, сколь и элегантно.

Их булавы украшены аналогичным образом. Мистер Уильямс описывает одну из них очень любопытной формы. Она была вырезана, как булава, [рис. 1](#), стр. 949, но изогнута почти под прямым углом, скорее за стыком рукоятки с головкой, и украшена большим пучком длинных и тонких перьев. Эти люди используют рогатки большой длины и силы.

По рассказам миссионера, жители Мангайи умеют пользоваться своим оружием с большим мастерством и отвагой. Они не пытаются спрятаться за деревьями и кустами, чтобы застать врага врасплох, а смело встречают его на открытой местности. Когда две стороны встречаются, они выстраиваются в четыре линии. Воины, составляющие первую шеренгу, вооружены длинными копьями, которые только что были описаны, вторая шеренга несет дубины, третья снабжена пращами, а четвертую шеренгу составляют женщины, которые несут дополнительное оружие на случай, если мужчины будут разоружены, а также запас мелких камней для пращи. Такая расстановка сил представлена в [сцене боя](#) на противоположной странице.

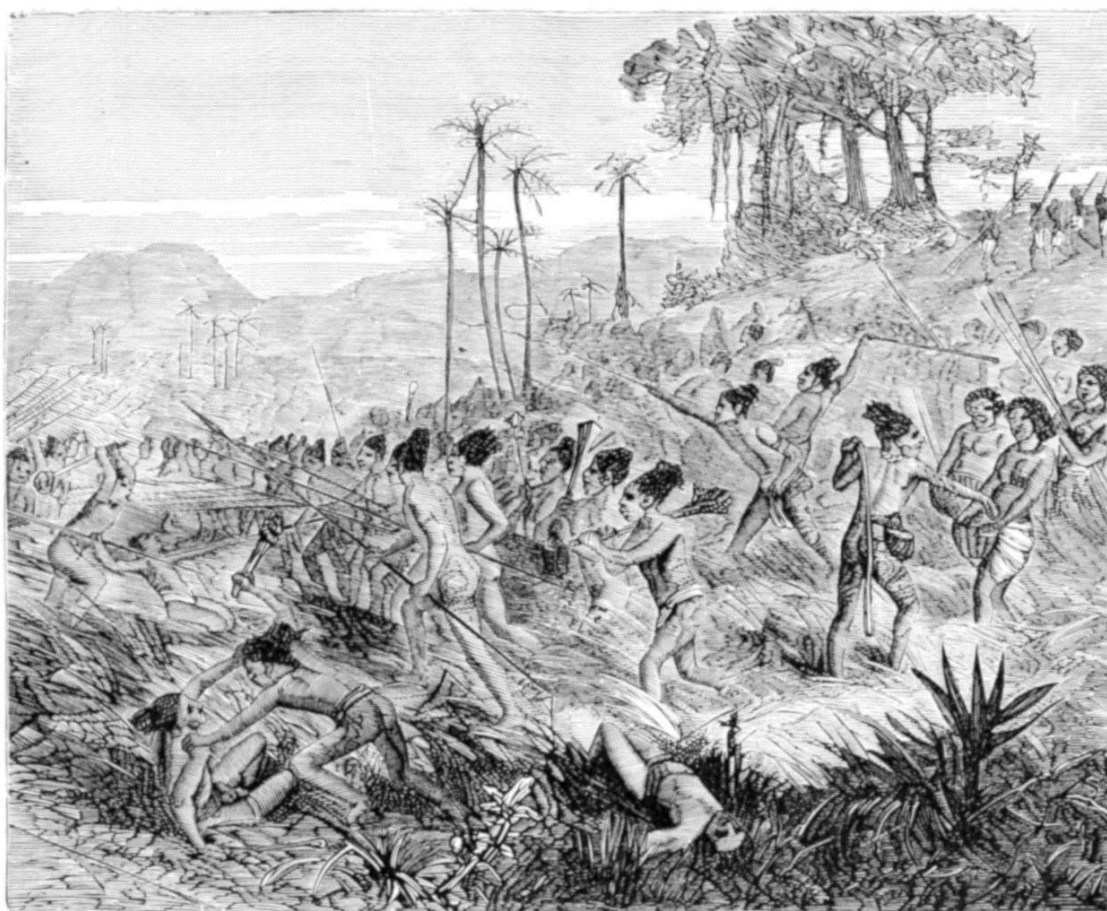
Иногда женщины принимают активное участие в бою. Один молодой вождь рассказал мистеру Уильямсу, что в одном из сражений на него яростно набросилась жена его противника. Он сказал ей, чтобы она прекратила, поскольку он пришел не для того, чтобы сражаться с женщинами. Однако она не послушала его и, воскликнув: "Если ты убьешь моего мужа, что мне делать?", бросила в него камень, от которого он упал на землю. Если бы не своевременная помощь его людей, которые пришли на помощь, он наверняка лишился бы жизни из-за ярости этой женщины.

Эти люди склонны к свирепости в бою, и мистер Уильямс упоминает, что некоторые из его новообращенных забыли о христианских заповедях в азарте битвы и убивали своих побежденных врагов, несмотря на их мольбы о пощаде. По всей вероятности, эти люди, согласно обычаям этих островов, проявляли чувство мести.

На большей части Полинезии друзья или родственники убитого обязаны отомстить за его смерть, убив убийцу, если им удастся его задержать, или, в крайнем случае, убив одного из

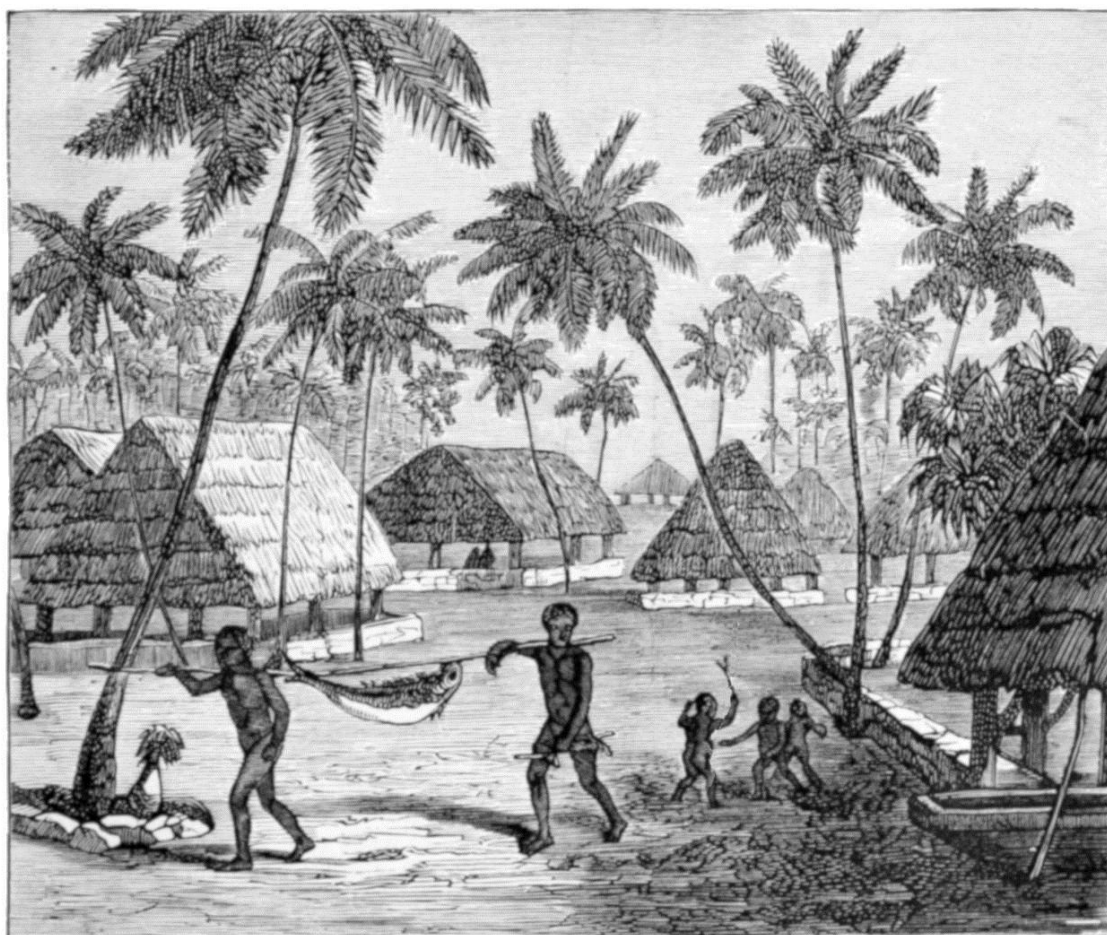
членов его семьи. Семья жертвы, в свою очередь, мстит за убийство, так что, когда человек идет в бой, у него на руках чаще всего оказывается несколько междоусобиц. Как и в случае с корсиканской вендеттой, если такая вражда не может быть осуществлена при жизни мужчины, он завещает ее своему сыну, чтобы она продолжалась в течение нескольких поколений.

Этот дикарский обычай сильно мешал миссионерам. Им не составило большого труда убедить людей в том, что затаивать злобу на другого, который может быть совершенно невиновен, крайне неправильно и что они должны отказаться от вражды. Но новообращенные утверждали, что очень несправедливо требовать, чтобы они отказались от вражды с другими, в то время как вражда с самими собой все еще остается в силе.

(1.) БИТВА.

(См. [стр. 1034.](#))

(2.) ДЕРЕВНЯ НА ОСТРОВАХ КИНГСМИЛ.

(См. [стр. 1038.](#))

В своей архитектуре мангасцы проявляют ту же любовь к резьбе, о которой уже говорилось. Мистер Уильямс так описывает здание, которое было возведено для него, и которое было достаточно большим, чтобы вместить шестнадцать сотен человек: "Это было прекрасное здание.

"Это было прекрасное здание овальной формы, около ста двадцати футов в длину. Большие столбы, поддерживающие крышу (их было восемь), коньковый столб и стропила были красиво вырезаны и со вкусом раскрашены различными местными препаратами".

"Однако невозможно описать их так, чтобы читатель мог составить правильное представление об их внешнем виде, а также о вкусе и изобретательности, проявленных при их исполнении. Высота этих столбов составляла двадцать пять футов, а квадрат - от двенадцати до восемнадцати дюймов, и когда мы рассмотрели инструменты, с помощью которых была выполнена работа, а это были в основном старые гвозди, куски железного обруча и несколько долот, мы были поражены терпением и мастерством резчиков. Эффект от посещения этого места был очень поразительным".

На берегах этого острова рыбы, похоже, не так много, как обычно, и жители вынуждены прибегать к различным способам добычи и сохранения пищи. Например, поймав большое количество летучей рыбы, они не едят ее сразу, а сушат в древесном дыму, подобно тому как у нас вялят сельдь. У них есть гениальный способ ловить эту рыбу ночью. Лодчики выходят

на своих двухместных каноэ, снабженных факелами и большими кольчужными сетями, прикрепленными к концам ручек длиной десять или двенадцать футов. Они стучат по каноэ, чтобы создать шум, который передается воде и настораживает рыбу, и в то же время размахивают факелами. Повинуясь инстинкту, летучие рыбы выныривают из воды на свет и легко попадают в сети.

Крысы составляют наиболее ценную часть их рациона. Когда миссионеры впервые посетили Мангайю, туземцы настолько полюбили эту пищу, что сравнивали все остальные виды питания с плотью крыс. Действительно, мясо этих животных гораздо вкуснее, чем принято считать. Несколько английских ловцов крыс на собственном опыте убедились в ценности крысиной плоти, которая, по словам тех, кто ее пробовал, не уступает беличьей и превосходит кроличью. Мангайцы ловили крыс, выкапывая в земле яму и бросая в нее приманку. Когда в яму попадало достаточное количество особей, на ее устье накидывали сеть, и обитатели ямы легко выходили на свободу.

На Раротонге, другом острове этой группы, крысы кишели в таком количестве, что были не просто неприятностью, а абсолютным вредителем; и если бы не свиньи, которых завезли европейцы и пустили на волю, крысы, вероятно, изгнали бы туземцев из их деревень. Во время каждой трапезы один или два человека выставлялись с единственной целью - не подпускать крыс к еде. Когда люди садились в своих домах, по ним бегали крысы, а когда ложились отдыхать, крысы устраивались в их постели.

В конце концов крысам была объявлена война, и для хранения тел убитых было сделано несколько корзин, каждая из которых была длиной пять или шесть футов. Тогда жители вооружились палками, и через час не менее тридцати этих огромных корзин были заполнены мертвыми крысами. Но и после этого, похоже, численность этих вредителей не уменьшилась. Затем миссионеры попробовали завести кошек, и с некоторым успехом, но самым удачным оказалось введение свиньи. Этих животных привезли на Раротонгу с целью снабдить моряков мясом, которое должно было заменить крысиную плоть, и свиньи отплатили своим интродукторам тем, что съедали всех крыс, которые попадались им на глаза.

Когда туземцев обратили в христианство, они обратились к миссионерам, желая узнать, является ли мясо крыс запрещенной пищей для христиан. Очевидно, они задали этот вопрос, потому что видели, что их учителя воздерживаются от этих животных. Миссионеры ответили на этот вопрос очень разумно, сказав, что в их стране крыс не едят, потому что белый человек испытывает к ним отвращение, но что в их поедании нет ничего противозаконного, и мангайцы могут поступать так, как им нравится. Народ был удовлетворен таким ответом и довольствовался тем, что принял закон, согласно которому все христиане должны ловить и готовить крыс по субботам, чтобы не работать в воскресенье.

Идолы жителей острова Херви выглядят очень странно, и их едва ли можно назвать объектами поклонения. Естественно было бы предположить, что если эти люди так стараются над своим оружием и орудиями труда, то и над своими богами они будут стараться не меньше. Однако боги жителей острова Херви представляют собой грубейшие образцы туземного мастерства. В основном они состоят из посоха длиной около шестнадцати или семнадцати футов, верхняя часть которого вырезана в виде грубого изображения человеческой головы. На посох кладут несколько красных перьев и нитку бус, которые называют душой бога. Вокруг посоха и бус намотано огромное количество туземной ткани, чтобы получился слегка конический рулон диаметром около ярда и длиной в десять футов.

Один из этих идолов ставится на носу каждого каноэ, и всякий раз, когда туземцы отправляются на рыбалку, они всегда делают подношения этому странному божеству.

ОСТРОВА КИНГСМИЛ.

К северо-западу от самоанцев расположена группа островов, известная под названием Кингсмилл. Она состоит примерно из пятнадцати островов, все они коралловые и лежат очень низко, так что могут легко ускользнуть от внимания мореплавателей. Как всегда бывает с коралловыми островами, плавание среди них очень опасно. В основном они очень длинные в пропорции к их ширине, самый большой из группы, называемый Тапутеонеа или остров Драммонда, имеет почти сорок миль в длину, и во многих местах не более мили в ширину.

Обитатели этих островов отличаются свирепостью, которую нечасто можно встретить среди этой расы полинезийцев, и, как говорят, стоят на человеческой шкале ниже, чем все, кого мы до сих пор описывали. Жители одного из островов группы, называемого островом Питта, как говорят, менее других подвержены этому обвинению, они тихие, миролюбивые и не находятся в состоянии вечной войны, как жители других островов.

Цвет их кожи ближе к черному, чем у жителей Тонга и Самоа, а рост более умеренный, чем у жителей последней группы островов. Они хорошо сложены и стройны, у них черные и блестящие, хотя и довольно тонкие волосы. Рот большой, но в нем нет ничего от негритянского характера, а зубы очень белые. Нос в основном аквилонный, а волосы в бороде и усах черные и ни в коем случае не грубые.

Примечательно, что жители острова Питт не только более тихие и мирные, чем их соседи, но и имеют более светлый оттенок кожи, приближаясь в этом отношении к мирным, но мужественным от природы жителям Тонга. Их лица овальные и аккуратно округлые, а черты тонкие. Возможно, они изменились в результате смешения с самоанцами или тонганцами, которые были снесены со своего курса штормами, высадились на острове и постепенно влились в общество.

Архитектура островов Кингсмилл отличается скорее прочностью и массивностью, чем красотой: туземцы предпочитают использовать свои художественные способности для создания небольших предметов, таких как мечи, копья и подобные изделия. Дома сильно различаются по размеру и форме в зависимости от их назначения. Например, обычный жилой дом жителей острова Кингсмилл состоит из двух этажей, верхняя часть используется в качестве спального помещения, а нижняя полностью открыта. По сути, дома островов Кингсмилл в точности повторяют никобарские, которые были описаны на [странице 903](#).

Некоторые из домов, где вожди сидят и беседуют между собой, а также принимают гостей, представляют собой простые сараи, являющиеся не более чем крышами, поддерживаемыми на столбах. Как это обычно бывает в Полинезии, в каждой деревне есть центральный дом совета, в котором народ собирается по торжественным случаям. Он имеет огромные размеры, возвышенную крышу, покрытую листьями и циновками. [Несколько примеров](#) таких домов показаны на 1035-й странице, и читатель увидит, что нижняя часть представляет собой полное и в то же время воздушное укрытие от солнца в дневной зной, а верхняя часть,

которая слишком жаркая, чтобы быть удобной днем, образует комфортные спальные комнаты ночью.

Одежда сильно варьируется в зависимости от конкретного острова. Татуировки практикуют представители обоих полов, но женщины украшают себя гораздо меньше, чем мужчины: линии очень тонкие и расположены далеко друг от друга. Мужчины делают татуировки в возрасте двадцати лет, причем этот процесс всегда остается в руках профессиональных татуировщиков, которым, как и на других островах Полинезии, платят в зависимости от известности, которой они добились, в некоторых случаях получая очень большие гонорары. Одеваются они в основном в циновки из листьев пандануса, разрезанных на узкие полоски и окрашенных в коричневый и желтый цвета. Эти полоски сплетены вместе весьма изобретательным способом, чтобы образовать ромбовидные или квадратные узоры. На шею надевается небольшая накидка в виде пончо с прорезью посередине, через которую продевается голова, а на голову - конусообразная шапочка из листьев пандануса.

Одежда женщин состоит из петит из полосок листьев, доходящих от талии до колен и скрепленных тонкой веревкой, иногда длиной в пять или шестьсот футов, сделанной из человеческих волос. На веревку через определенные промежутки нанизываются бусины из ореха какао и раковин, отшлифованных так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, и нанизанных поочередно, чтобы создать контраст между белой раковиной и темным орехом какао.

Уже упоминалось, что жители острова Кингсмилл - воинственный народ. Война, действительно, кажется их главным занятием, и все их мысли, кажется, быть отданы борьбе. Даже их главное развлечение носит боевой характер. Ничто так не радует жителей острова Кингсмилл, как петушинные бои, и большие группы людей можно увидеть сидящими в кругу, с нетерпением наблюдая за ходом боя, который происходит в центре. Петушинные бои широко практикуются во многих других странах, но почти всегда сопровождаются пари. Малайцы, например, страстно любят этот вид спорта и ставят на него целые состояния. Однако ставки не прельщают жителей острова Кингсмилл, чья воинственная душа полностью поглощена борьбой и не нуждается в дополнительном азарте ставок.

При таком характере людей вполне естественно, что их оружие должно быть грозным. Оно действительно в точности соответствует свирепому и кровожадному народу, которым оно изготовлено. Вместо того чтобы довольствоваться дубиной или копьем, житель острова Кингсмилл должен вооружиться акульими зубами, которые режут, как множество ланцетов.

Копья и мечи, представленные на [1041-й странице](#), взяты из моей коллекции и являются замечательными образцами этого необычного оружия.

За неимением лучшего слова, мы должны использовать название "меч" для этого оружия, поскольку оно имеет края и предназначено скорее для нанесения ударов, чем для колющих ударов. Я часто удивлялся тому, что ни у одного из тех видов оружия, которые я видел, острие не оканчивается острой костью, как у ската или даже зубом акулы. Возможно, они достаточно грозны даже для этих свирепых островитян, о чем читатель может легко догадаться, взглянув [на иллюстрацию](#). Рядом с каждым рисунком изображен образец акульего зуба, нарисованный в увеличенном масштабе, отчасти для того, чтобы показать природу самого зуба, а отчасти для того, чтобы продемонстрировать основные методы, с помощью которых он крепится на своем месте.

Обратившись к этим [иллюстрациям](#), читатель увидит, что зубы не просто остроконечные и заостренные, но их края мелко и регулярно зазубрены, что значительно увеличивает их режущую способность. Действительно, оружие, вооруженное этими зубцами, способно наносить такие раны, что обращаться с ним нужно с величайшей осторожностью. Я сам не раз порезался ими, а посетители, которые настаивают на том, чтобы поработать с ними, обычно страдают от своего любопытства.

Хотя эти зубцы крепятся к клинку оружия по одному и тому же принципу, производители варьируют детали в зависимости от своего удобства. В оружии, представленном [на рис. 1](#), вдоль каждого края проходит прорезь, в которую довольно плотно входят основания зубцов. В зубце просверлено отверстие, а в острие меча - соответствующее, и каждый зубец закреплен на своем месте кусочком тонкого синнета, многократно пропущенным через отверстия, туго натянутым и аккуратно законченным. Плетеная петля из широкой синнеты служит для подвешивания оружия вокруг запястья, а кусок твердой, похожей на слоновую кость коньковой кожи удерживает его на месте.

На следующем [рисунке рис. 2](#), показано гораздо более сложное оружие, которое, вместо того чтобы состоять из одного куска, имеет одно центральное лезвие и три вспомогательных. Кроме того, как читатель может заметить, внимательно изучив иллюстрацию, на каждом лезвии имеется четыре ряда зубцов вместо двух, а сами зубцы крупнее и более глубоко зазубрены, чем на другом оружии. В данном случае изготовитель самым изобретательным образом избавил себя от необходимости делать новую стяжку для каждого зубца, что, учитывая, что всего используется до двухсот зубцов, было бы очень утомительным занятием.

Во-первых, он придал деревянным лезвиям форму с четырьмя крупными гребнями и прорезал вдоль каждого гребня небольшой желобок, чтобы зубья оставались прямыми. Вместо того, чтобы возиться с просверливанием отверстий в мече и в зубе, он проложил по краям каждого желобка полоску упругой древесины, полученной из ребра пальмового листа, которая по твердости и упругости не уступает китовой кости. Затем синнет пропускали через отверстия в зубах и поверх всех этих полосок пальмового листа, так что один кусок синнета служил для крепления четырех зубов. Как и в другом случае, синец очень тонкий, и его несколько раз пропускают вокруг меча. Заметно, что в этом оружии зубья подобраны и градуированы самым тщательным образом: самые крупные и длинные находятся возле рукояти и уменьшаются к острию, где они сравнительно малы.

Вспомогательные лезвия расходятся больше, чем показано [на иллюстрации](#), и вряд ли можно представить себе более грозное оружие, особенно когда оно используется против обнаженной кожи дикаря. В реальных военных действиях у жителей острова Кингсмилл есть способ защиты, о котором мы сейчас расскажем; но во внезапной стычке или ссоре меч будет использован с ужасающим эффектом. Как можно догадаться по его форме, он используется не только как ударное оружие, но и яростно гонится вперед-назад по телу противника, причем одно или несколько лезвий обязательно куда-нибудь да попадет.

Следующий меч, [рис. 3](#), имеет зубцы, закрепленные точно так же, как и у многолезвийного меча, в чем можно убедиться, взглянув на один зуб, где виден не только сам зуб, но и полоски стебля листа, между которыми он расположен, а также способ крепления синнета. Деревянный клинок этого оружия совершенно не похож на остальные, он имеет насыщенную черную зернистость, с которой великолепно контрастируют сверкающие белые зубцы.

Последний из этих мечей, [рис. 4](#), примечателен перекрестием гарды. Я не могу не думать, что изготовитель, должно быть, увидел европейский меч с перекрестием, и сделал свой собственный в подражание ему. Иначе, не имея ни малейшего представления о назначении

гарды, нелегко понять, зачем ему понадобилось вооружать гарду зубцами, особенно в центре или там, где они упираются в рукоять, и должны быть совершенно неэффективными.

Кингсмиллские островитяне не ограничиваются акульими зубами на мечах, но также используют их в качестве арматуры для своих копий. Одно из таких копий, также хранящееся в моей коллекции, достигает пятнадцати футов в длину и является настолько грозным оружием, насколько можно себе представить. Оно сделано из очень легкого дерева, чтобы им было удобнее орудовать, а толщина его у основания почти как запястье человека, постепенно сужающееся к острию. На протяжении примерно четырех футов приклад не вооружен и закруглен, чтобы служить рукоятью, но от этой точки до кончика он довольно плоский, как и лезвия мечей, для более удобного приема зубцов, которые закреплены вдоль каждого края почти до острия оружия. Зубцы крепятся с помощью листовых ребер. Чтобы сделать его более опасным оружием, оно снабжено тремя выступами, также снабженными зубцами и сделанными точно так же, как вспомогательные лезвия меча, хотя и гораздо меньшего размера.

Это замечательное копье показано [на иллюстрации № 2](#) на следующей странице, сопровождаемой разрезами и частью, нарисованной в более крупном масштабе, чтобы показать способ его изготовления. [На рис. а](#) изображен способ крепления зубцов к оружию с помощью синнета, проходящего через отверстие в зубцах и скрепленного поперечной петлей под маленькими полосками дерева. [На рис. b](#) показан разрез копья, демонстрирующий овальную форму оружия и способ, при котором зубья поддерживаются деревянными планками с каждой стороны. Стоит заметить, что если разрезать челюсть рыбы-пилы, то сечение будет иметь удивительно похожий вид.

Чтобы нагляднее показать источник, откуда туземцы получают такое огромное количество акульих зубов, я поместил на этой же странице рисунок [акульей пасти](#), сделанный с экземпляра, хранящегося в моей коллекции. Читатель увидит, что челюсти снабжены рядом зубов, все они лежат друг на друге, за исключением наружных, и устроены так, что когда один зуб ломается или выпадает из челюсти, на его место встает другой.

В челюсти, [изображенной на рисунке](#), зубы расположены в пять рядов, а всего их триста - самые крупные к середине челюсти и постепенно уменьшающиеся к углам рта. Таким образом, туземец не испытывает трудностей ни в приобретении необходимого количества зубов, ни в выборе их нужной формы и размеров.

Чтобы выглядеть более внушительно в бою, вожди носят шапку из кожи диодона, или дикобраза, которая, когда надувается, покрыта острыми шипами, выступающими во все стороны, а на шапке закреплен пучок перьев. В бою сражаются представители обоих полов, и убивают их без разбора, причем женщин и детей убивают наравне с воинами.

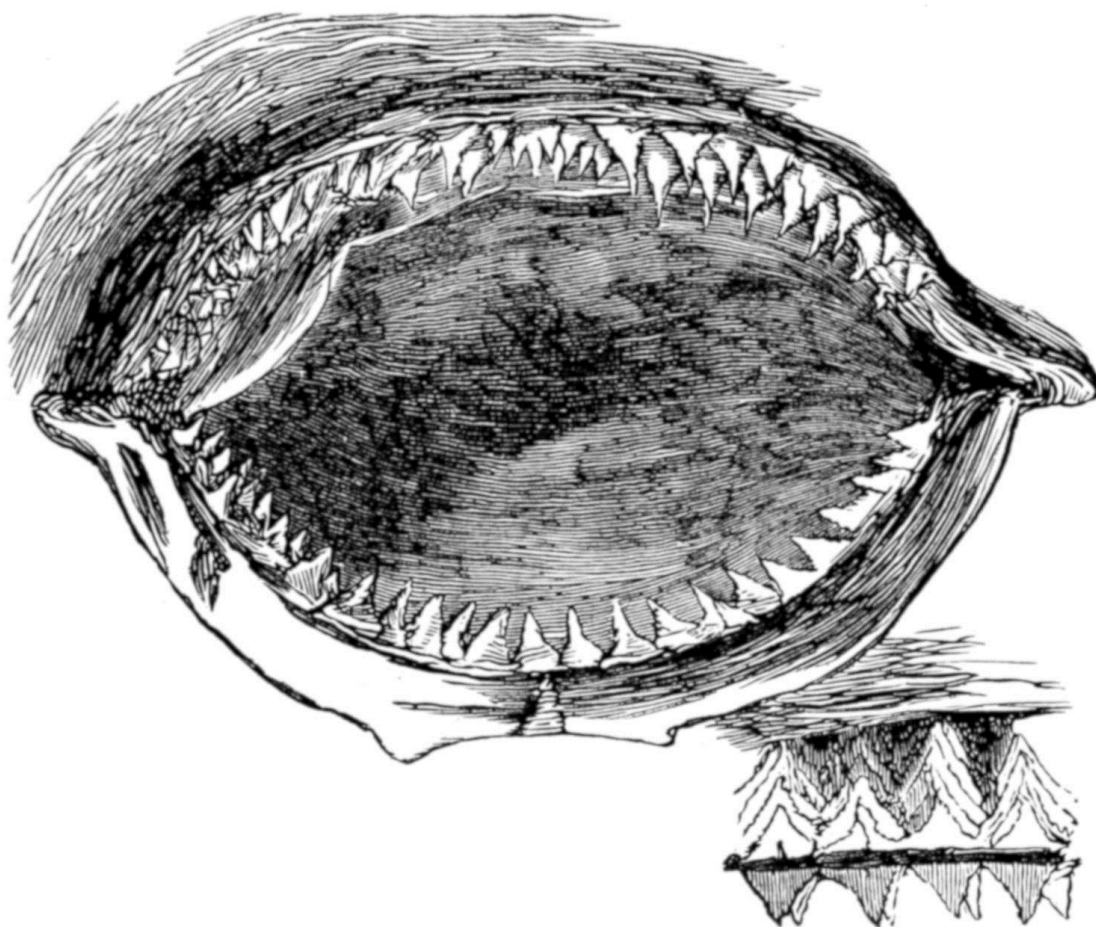
Вожди, о которых мы только что упоминали, являются главными лицами на островах. За одним исключением, нет ни одного вождя, который рассматривался бы как король, правящий подчиненными вождями, каждый из которых независим от другого. Управление осуществляется советом вождей, в котором первое место занимает самый старший, а остальные - по старшинству. В этот совет передаются преступления большой важности, а менее значительные оставляются на усмотрение самого обидчика и его родственников. Единственным исключением из независимости вождей являются три острова - Апамама, Нануки и Кория, которые управляются вождем Апамама.

У каждого вождя есть свой знак, и когда прибывает чужак, который может взять себя под защиту вождя, он получает знак своего покровителя. Этот знак очень прост и состоит из

нашивки на лбу, сделанной какой-то цветной краской, и полосы, проведенной по середине лица до подбородка. Следующими по рангу после вождей идут землевладельцы, а рабы составляют третье и последнее подразделение народа.

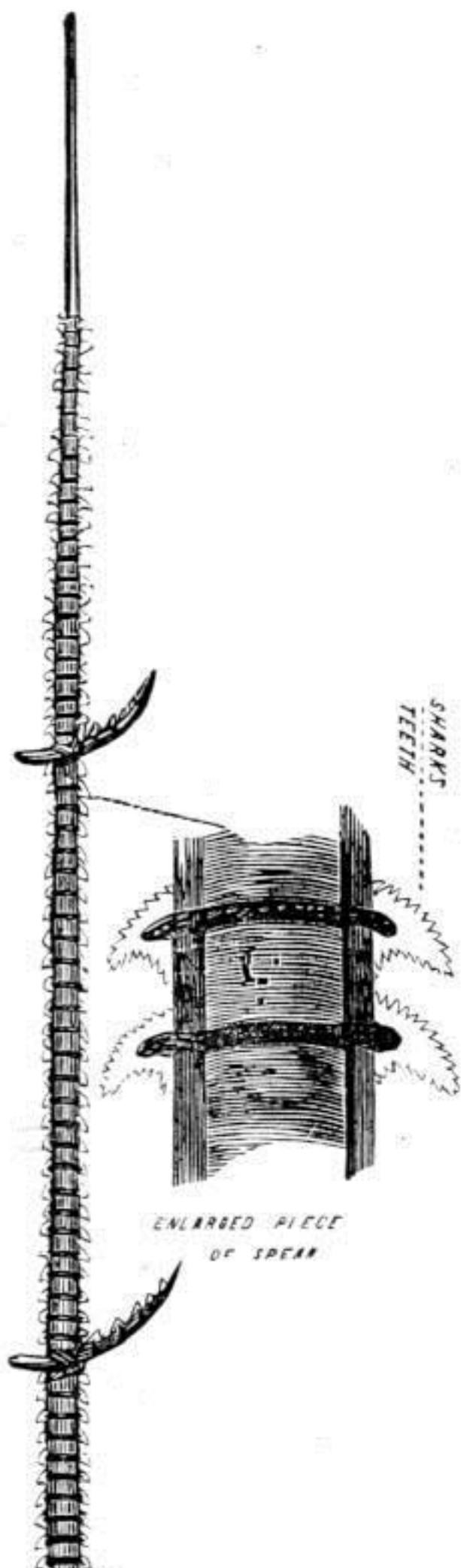
Для размещения совета вождей и народа на общественных собраниях в каждой деревне есть центральный дом, называемый мариапа. Он построен по образцу самоанских домов, имеет огромную арочную крышу, а стены состоят из столбов и циновок. По их воинственному и свирепому характеру можно подумать, что жители острова Кингсмилл - каннибалы. Однако это не так. Правда, в некоторых случаях в пищу употребляются части человеческого тела. Например, если убивают прославленного воина, победители иногда готовят тело, и каждый съедает небольшую его часть. Однако это делается не из-за пристрастия к человеческой плоти, а из чувства мести, и, вероятно, из-за какого-то глубинного представления о том, что те, кто принимает такую пищу, также добавляют себе часть мужества, которое когда-то оживляло тело. Движимые тем же духом, они сохраняют черепа таких воинов и используют их в качестве сосудов для питья.

Череп умерших всегда сохраняются их друзьями, если они умерли естественной смертью или их тела были найдены в бою. Сначала тело кладут на циновки на восемь дней, каждый день моют, смазывают маслом и выкладывают на солнце в полдень, пока друзья оплакивают, танцуют и поют хвалу умершему. Затем тело хоронят, и, наконец, извлекают череп, чистят, смазывают маслом и убирают. Каждая семья хранит черепа своих предков и время от времени выносит их, смазывает свежим маслом, украшает цветами и ставит перед ними еду. Когда семья меняет место жительства, черепа забирают с собой.

(1.) ЧЕЛЮСТЬ АКУЛЫ.

(См. [стр. 1040.](#))

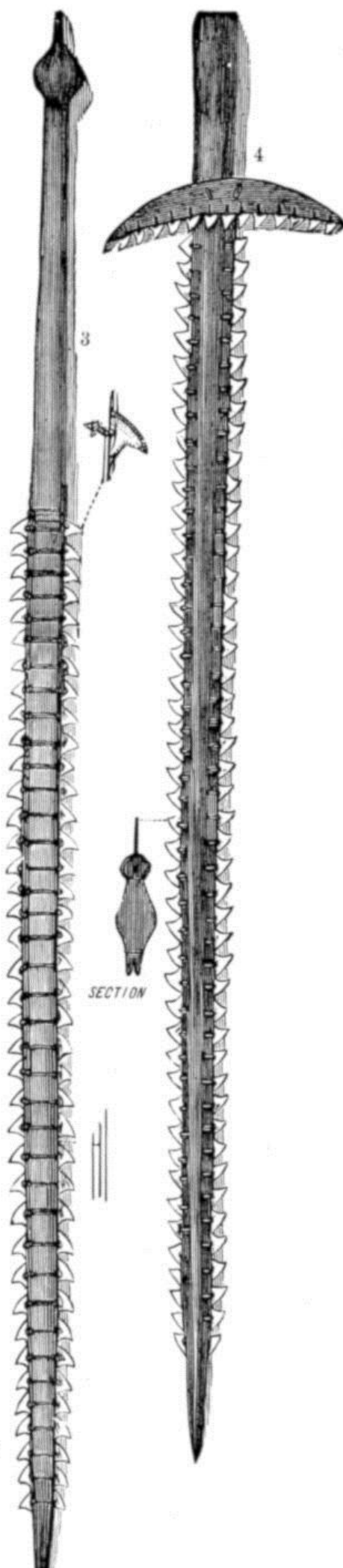
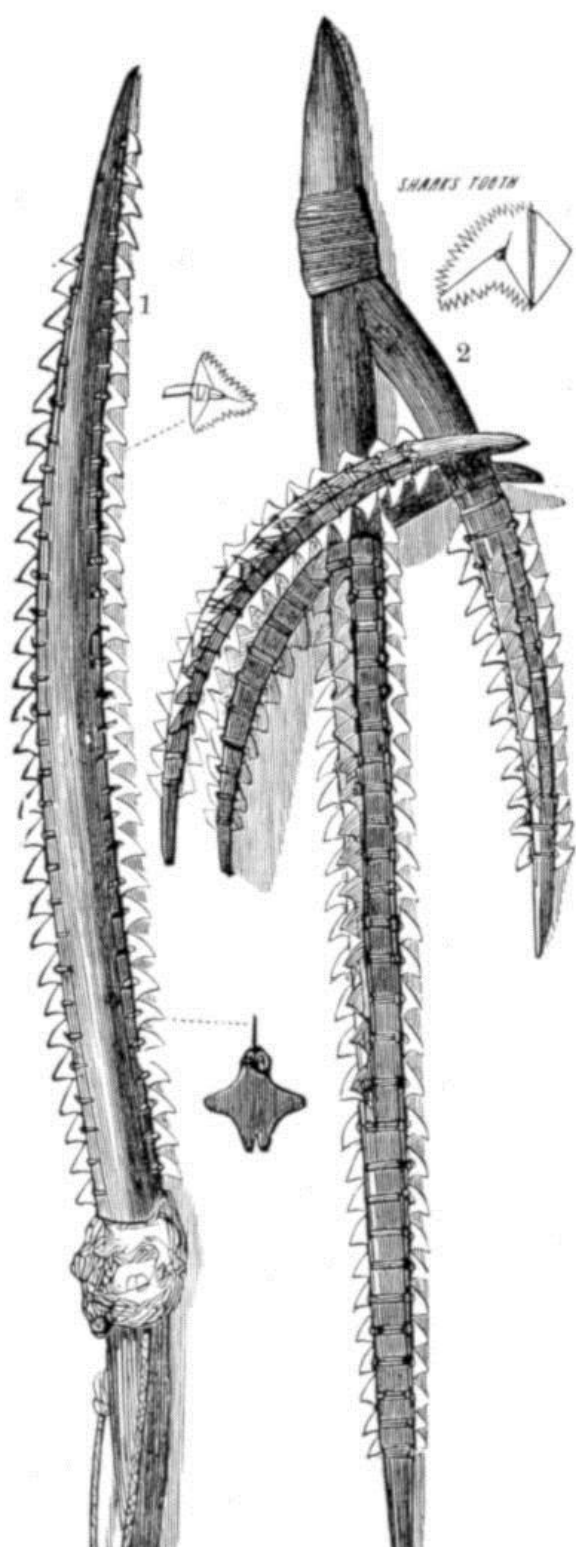
ЗУБЫ АКУЛЫ

УДЛИНЕННЫЙ КУСОК
КОПЬЯ

РАЗДЕЛ

СЕКЦИЯ

(2.) КОПЬЕ ИЗ АКУЛЬЕГО ЗУБА.
(См. [стр. 1040.](#))

(3.) МЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА КИНГСМИЛЛ.

(См. [стр. 1039.](#))

В одной из частей группы Кингсмилл, на острове Питт, или Макин, существует самая необычная похоронная церемония в мире. Тело обмывают, смазывают маслом, выставляют на солнце и оплакивают, как уже говорилось. Но после первого причитания его кладут на новую циновку, расстеленную на большой продолговатой тарелке или подносе из черепаховой скорлупы, сшитой вместе. Несколько человек садятся друг напротив друга на пол дома и поддерживают тарелку на коленях, пока могут. Когда они устают, их сменяют другие, и таким образом тело несут друзья и родственники в течение двух лет, сменяя друг друга через определенные промежутки времени. В течение этого времени в доме поддерживается огонь, который не гаснет ни днем, ни ночью.

По истечении двух лет голову снимают, череп очищают и сохраняют, как уже говорилось, и только после этого кости заворачивают в циновки и хоронят. Место погребения воинов отмечается тремя камнями.

ГЛАВА CVI.

МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА.

ОДЕЖДА - ТУАЛЕТЫ - ВОЙНА - ПОГРЕБЕНИЕ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - ИХ ОДЕЖДА - ИСКУСНАЯ ТАТУИРОВКА У МУЖЧИН - РАЗНИЦА В РОСТЕ МЕЖДУ ПОЛАМИ - УХОД ЗА КОЖЕЙ ЛИЦА - ПРОЦЕСС ОТБЕЛИВАНИЯ - МУЖЧИНА В ПОЛНОМ ОБЛАЧЕНИИ - СПОСОБЫ НОШЕНИЯ ВОЛОС - ОЖЕРЕЛЬЕ ВОЖДЯ - ТЩАТЕЛЬНОЕ БРИТЬЕ - СВОЕОБРАЗНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР - СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ПЕРЬЕВ - АРХИТЕКТУРА МАРКИЗСКИХ ОСТРОВОВ - РАЗВЛЕЧЕНИЯ - ТАНЦЫ И ХОЖДЕНИЕ НА ХОДУЛЯХ - АМФИТЕАТР. ВОЙНА - ТРОФЕИ ПОБЕДЫ - СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ - УНИЧТОЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА - ЭТИКЕТ ВОЙНЫ - ЗАМЕНА ПЛЕННОГО - КАНОЭ И РЫБАЛКА - ЛОВЛЯ НАХЛЫСТОМ НА МАРКИЗАХ - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ.

Теперь мы переходим к очень интересной группе островов, называемых Маркизскими, или Менданскими. Оба эти названия происходят от имени испанского мореплавателя Менданы, который открыл их почти двести лет назад. Первооткрыватель назвал их Los Marquesas de Mendoça, сделав комплимент тогдашнему вице-королю Перу, и многие последующие мореплаватели называли острова по имени их первооткрывателя.

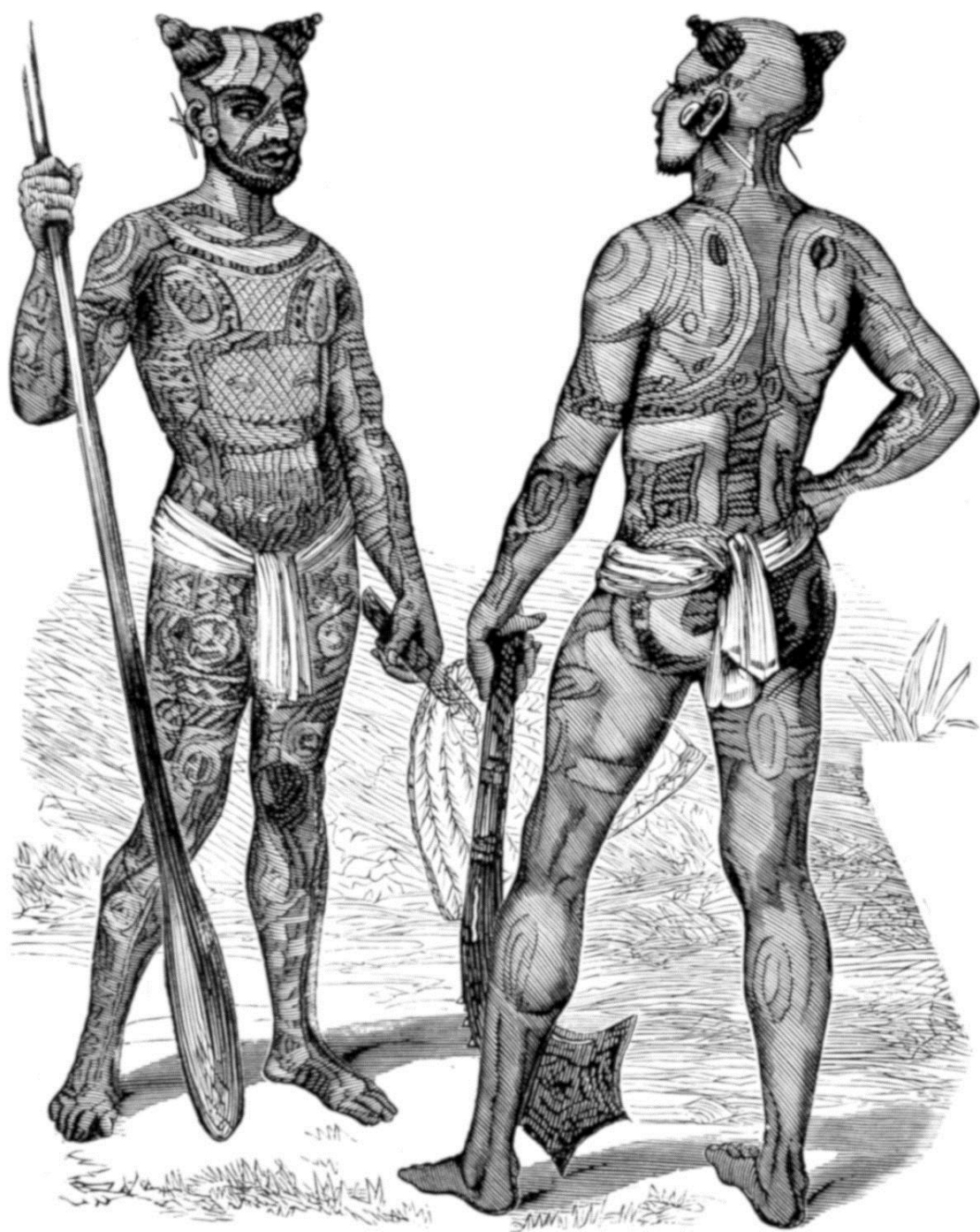
Характер островов весьма своеобразен и очень живописен. Они скалистые, гористые и вулканические, с очень высокими пиками в центре, которые на расстоянии выглядят как руины огромных зданий. Расположенные вблизи экватора, они имеют теплую температуру, и,

поскольку в то же время они хорошо поливаются, растительность отличается особой пышностью. Как и большинство полинезийских островов, Маркизские окружены коралловыми рифами, но они не так велики, как обычно, поэтому, хотя навигация среди них не так трудна, как на многих других островах, корабли не находят той защиты от штормов, которую обеспечивают большие коралловые рифы на других островах.

Жители острова - великолепные образцы человечества, мужчины отличаются гигантскими размерами, огромной силой и прекрасной фигурой, напоминающей древнегреческие статуи. Один из вождей был тщательно измерен, и оказалось, что его рост составляет шесть футов восемь дюймов, и он сказал, что знает другого вождя, который был выше его по крайней мере на фут.

В целом они носят очень мало одежды, небольшой кусок коры вокруг талии - единственное одеяние, которое они считают необходимым, а место одежды занимает татуировка. Есть много народов, где носят это украшение; но нет ни одного народа на земле, который бы выполнял его так полно, как маркесы: каждая часть их тела, вплоть до макушки головы, пальцев рук и ног, покрыта узором. [Татуированные вожди](#)" на противоположной странице иллюстрируют, до какой степени маркесы придерживаются этого обычая. Такая крайняя детализация встречается только у мужчин, женщины довольствуются браслетом или двумя татуировками на руках и несколькими подобными украшениями тут и там. Очень интересное описание татуировки маркесов приводится в "Путешествиях" Лангсдорфа.

"Иногда богатый островитянин, либо из щедрости, либо из хвастовства, либо из любви к своей жене, устраивает пир в честь нее, когда у нее на руке вытатуирован браслет, или, возможно, украшено ухо. Затем убивают свинью, и друзья обоих полов приглашаются отведать ее, причем им сообщается о поводе пиршества. Ожидается, что в случае прокола жены кого-либо из гостей им будет оказана такая же любезность. Это один из немногих случаев, когда женщинам разрешается есть мясо свиньи.

(1.) ТАТУИРОВАННЫЕ ВОЖДЫ МАРКЕСОВ.
(См. [стр. 1048.](#))

(2.) РУКА ВОЖДЯ.
(См. [стр. 1047.](#))

(3.) ШЕЙНОЕ УКРАШЕНИЕ.
(См. [стр. 1048.](#))

(4.) МАРКИЗСКИЙ ВОЖДЬ.

(См. [стр. 1049.](#))

"Если в очень засушливый год хлебные плоды, свиньи, корни и другие продукты становятся скудными, тот, кто имеет хороший запас их (что обычно случается с вождем), чтобы распределить запасы, держит открытый стол на определенное время для назначенного числа бедных художников, которые обязаны взамен дать несколько ударов татуировки всем, кто решит прийти за ней. В силу тапу все эти братья обязуются поддерживать друг друга, если в будущем кто-то из них окажется в нужде, а кто-то - в достатке.

"Один и тот же человек может быть членом нескольких таких обществ; но, согласно тому, что мы смогли узнать, часть всегда должна быть отдана жрецу, или магу, как его называют, даже если он не является членом. Во времена дефицита многие из людей, татуированных таким образом, объединяются в отряд бандитов и делят между собой поровну все, что могут нагнать или убить.

"Фигуры, которыми татуируется тело, выбираются с особой тщательностью, а для разных частей подбираются соответствующие украшения. Они состоят частично из животных, частично из других предметов, которые имеют отношение к нравам и обычаям островов; и каждая фигура здесь, как и на Дружественных островах, имеет свое особое название. При внимательном рассмотрении между рядами проколов часто можно различить изогнутые линии, бриллианты и другие узоры, которые очень напоминают орнаменты, называемые *греческими*.

"Самая совершенная симметрия наблюдается на всем теле. Голова мужчины татуирована во всех частях; грудь обычно украшена фигурой, напоминающей щит; на руках и бедрах есть полосы, иногда более широкие, иногда более узкие, в таких направлениях, что можно с уверенностью предположить, что эти люди изучали анатомию и были знакомы с ходом и размерами мышц.

"На спине - большой крест, который начинается от шеи и заканчивается последним позвонком. На передней части бедра часто изображены фигуры, которые, кажется, должны изображать человеческое лицо. На каждой стороне икры ноги находится овальная фигура, которая производит очень хороший эффект. В целом, все работы отличаются большим вкусом и разборчивостью. Некоторые из самых нежных частей тела - веки, например, - единственные части, которые не татуированы".

Как видно из [иллюстрации № 2](#) на 1046-й странице, даже руки татуируются с той же тщательностью, что и тело. Каждый палец имеет свой собственный узор, так что рука выглядит так, словно заключена в очень плотно облегающую перчатку. Читатель обратит внимание на большую длину ногтей. Среди маркесов, как и среди китайцев, очень длинные ногти считаются признаком ранга, свидетельствуя о том, что их обладатель не обязан выполнять тяжелую работу.

Это сложное украшение отвечает цели одежды и считается таковой. Действительно, было бы бесполезно терпеть столько боли и платить оператору такую дорогую плату, если бы татуировка была скрыта одеждой. Поэтому мужчины не носят ничего, кроме легкой ткани вокруг талии, а женщины - аналогичную одежду, с добавлением большего куска, который они накидывают на тело, чтобы уберечься от омрачающих лучей солнца.

Немногие явления поражали путешественников больше, чем разница во внешности и росте между мужчинами и женщинами; тот же писатель, которого мы только что цитировали, не раз отмечал, что трудно поверить, что низкорослые, коренастые, неуклюжие женщины могли быть родителями великолепных, гигантских и грациозных мужчин. Однако существует большое различие между женщинами, занимающими высокое положение, и женщинами низших сословий. Как выяснилось впоследствии, женщины лучшего класса, которые некоторое время держались в стороне от чужаков, были хорошо развиты и имели светлый цвет лица, о чем очень заботились, укутываясь в свои берестяные одеяния, и никогда не выходили на солнечный свет, не держа над головой пучок листьев в качестве зонтика.

Они так заботятся о своем цвете лица, что если вдруг обгорят на солнце, у них есть способ отбелить себя, который они применяют перед всеми великими церемониями, хотя и ценой больших затрат времени и труда. Они берут сок трех деревьев, которым помазывают все тело. Непосредственное действие смеси заключается в окрашивании кожи в глубокий черный цвет. Пигмент остается на коже в течение шести дней, и все это время женщина не выходит из дома. По истечении этого срока она принимает ванну, после чего вся черная краска сходит, а кожа остается красивой и светлой.

Женщина, только что прошедшая через этот процесс и одетая во все свои местные одежды, представляет собой очень яркий объект: ее тело изящно обтянуто тканью из коры, волосы украшены цветами, а светлая кожа почти без украшений, за исключением ног, рук и кистей, которые выглядят так, как будто на ней сапоги, перчатки и браслеты.

Способ нанесения татуировок почти полностью повторяет татуировки жителей островов Самоа, за исключением того, что "гребень" сделан из кости крыла тропической птицы. Операция всегда проводится в определенных домах, принадлежащих профессиональным татуировщикам, которые накладывают на эти здания тапу, что делает их неприступными для женщин. Как и на Самоа, лучшие татуировщики - люди очень важные, и за свои услуги они получают высокую плату. Маркизец считает, что он обязан быть либеральным по отношению к человеку, которому он обязан за чары, которые он так высоко ценит. Эти люди приобретают свое мастерство, практикуя на низших слоях населения, которые слишком бедны, чтобы платить за татуировку, и которые скорее предпочтут носить плохую татуировку, чем вообще никакой. За каждую операцию, которая длится от трех до шести месяцев, обычно требуют значительную сумму; процесс настолько сложен, что по-настоящему полная татуировка вряд ли может быть закончена, пока человеку не исполнится тридцать лет.

К тому времени, когда последний фрагмент татуировки выполнен, первый обычно начинает блекнуть, и если человек достаточно богат, он обновляет рисунок. Некоторых мужчин татуируют трижды, и, поскольку узоры не могут точно совпадать друг с другом, в результате вся кожа становится почти такой же темной, как у негра. В таком виде она вызывает восхищение, но не потому, что эффект приятен глазу, а потому, что является неоспоримым признаком богатства. В качестве пигмента для татуировки используется хорошо известная алеврита, или свечной орех, сожженный до состояния мелкого угля и смешанный с водой.

Украшения, которые носят мужчины, более внушительны, чем женские. Во-первых, они позволяют волосам отрастать до значительной длины и избавляются от них различными способами. В течение нескольких лет их завязывают в пучок на макушке; но когда мужчина достаточно богат, чтобы полностью покрыть себя татуировкой, он бреет всю голову, за исключением участка с каждой стороны, чтобы рисунок татуировки мог распространиться на всю голову. В этом случае пучок волос с каждой стороны остается длинным, но закручивается в конусообразную форму, чтобы получился своего рода рог, выступающий

над каждым виском. Примеры этого любопытного способа ношения волос можно увидеть на [иллюстрации № 1](#) на странице 1046.

Иногда можно увидеть мужчину, у которого все волосы завиты кольцами. Такие мужчины выращивают культуру на продажу, поскольку маркесцы очень любят украшать этими кольцами рукоятки своих копий и булав, а также делать из них декоративные фигурки, которые носят на лодыжках. Самым ценным из этих украшений являются длинные белые человеческие бороды, которые выращиваются специально для этой цели и продаются по очень высокой цене. Покупатель использует их либо как плюмажи на голове, либо как декоративные насадки на трубу из раковины конха. Одна такая борода сейчас всегда считается эквивалентом стоимости мушкета, а до появления огнестрельного оружия оценивалась в столь же высокую сумму.

Очень любопытны ушные украшения маркизских мужчин. Раковина двустворчатого моллюска мертвенно-белого цвета вырезается в форме круга и заполняется чем-то вроде цемента, сделанного из смолы и древесины хлебного дерева. В этот цемент вдавливаются стержень из слоновой кости, на котором вырезаны рельефные фигурки, так что все украшение выглядит как очень большой гвоздь с белой головкой. Стержень просовывают через отверстие в мочке уха, так что головка гвоздя выступает вперед, как показано на правом рисунке "[татуированных вождей](#)" на странице 1046. Это украшение называется "тайана".

Украшения из зубов кита так же модны среди маркесов, как и среди полинезийцев, их носят вожди, подвешивая на шею. Также используются деревянные украшения, отбеленные до белизны, а другие вырезаются из раковин. Одно украшение, которое они очень любят, сделано из дерева, воска и семян. Оно имеет форму подковы, каркас сделан из дерева, которое густо покрыто воском. В него вдавливаются красивые черно-алые семена *Abrus precatorius*, расположенные рядами по окружности. Одно из таких украшений изображено на [иллюстрации № 3](#) на этой же странице и срисовано с экземпляра, хранящегося в моей коллекции. Его диаметр составляет восемь дюймов, он слегка вогнут снаружи и выпуклый внутри. Семена расположены ровными двойными рядами, черная часть каждого семени вдавлена в воск, так что видна только блестящая алая часть. При изготовлении этого украшения было использовано до восьмисот бусин, так что туземцы очень стараются.

Некоторые вожди носят очень любопытное украшение, которое, кажется, занимает место волос, которые они сбрасывают со своей головы, и представляет собой не что иное, как большой пучок волос, срезанный с головы жены. Как правило, маркесцы удаляют все волосы с тела, кроме головы, только один или два очень старых мужчины оставляют несколько торчащих волосков на подбородке.

Во время путешествий Лангсдорфа произошел забавный случай, иллюстрирующий это чувство. В те дни в Европе было принято бриться, поэтому, когда офицеры сошли на берег, оказалось, что они соответствуют островной моде. Они очень дружелюбно беседовали, как вдруг один из вождей пристально взгляделся в лицо одного из офицеров и, с ужасом, запечатленным в его чертах, бросился вперед и крепко схватил его. Офицер, естественно, подумал, что его хотят убить; но дело было в том, что маркезец действительно обнаружил на его лице волос и собирался выдернуть его пинцетом для раковин.

Когда они хотят, чтобы их считали полностью одетыми, лучшие мужчины надевают самую сложную шапочку, сделанную из волокна, перьев и ракушек. Сначала из волокна какао-ореха плетут широкую косичку, чтобы она проходила вокруг лба, как у шапки без короны. По центру этой филейной части крепится большая пластина из перламутра, украшенная

резьбой. В середине этой пластины закреплена меньшая, но такая же по оттенку пластина из черепахового панциря, а в середине - еще меньший диск из перламутровой раковины. Некоторые головные уборы имеют три таких украшения, как, например, тот, что изображен на [маркесском вожде](#) на 1046-й странице.

В филейной части также закреплено несколько перьев, либо из хвоста петуха, либо из хвоста тропической птицы, чтобы при повязывании филейной части на лоб перья стояли вертикально. Перья тропической птицы очень ценятся туземцами, которые используют их для различных украшений и проявляют большую изобретательность при их добыче. Вместо того чтобы убивать птиц и тем самым прекращать поставки перьев, они подкрадываются к ним, когда те спят, и ловко выдергивают два длинных хвостовых пера. Со временем перья вырастают снова, и таким образом запас перьев поддерживается. Я упоминаю об этом обычае, потому что он противоречит безрассудству в отношении будущего, которое обычно встречается среди дикарей.

Дома маркесов весьма своеобразны, особенно те, что получше. Туземный строитель начинает с сооружения платформы из больших камней, многие из которых настолько огромны, что для их перемещения требуется десять или двенадцать человек. Высота этой платформы составляет от десяти до одиннадцати футов, а длина - около тридцати футов при ширине двенадцать. На ней возводят дом, заднюю часть которого строят намного выше передней, так что крыша сильно наклоняется: задняя часть, возможно, имеет высоту двенадцать или более футов, а передняя - всего пять футов. Дверь, естественно, маленькая, и никто не может войти в дом, не пригнувшись. Стены в конце дома не выше, чем в передней части, поэтому значительная часть каждого конца остается открытой. Однако, поскольку климат Маркизских островов настолько благоприятен, это скорее преимущество, чем недостаток.

Внутреннее пространство дома разделено на две части, одна из которых остается голой, без покрытия каменистого пола, в то время как другая часть считается жилой, а пол покрыт циновками. Стены также покрыты циновками. У задней стены находится странно устроенная семейная кровать. Два горизонтальных столба расположены на расстоянии около шести футов друг от друга и на высоте около фута от земли, а пространство между ними заполнено сухой травой, покрытой циновками. Спящие ложатся на циновки, упираясь затылком в один шест, а ногами - в другой, и проводят ночь в таком положении, которое, похоже, было придумано для того, чтобы сделать спящих как можно более неудобными. Вокруг стен развешано оружие и утварь хозяина: копья, дубины, ходули, барабаны, рогатки, топоры и тому подобные предметы. Дома всегда располагаются рядом с деревьями, чтобы иметь преимущество тени.

У маркесов есть любопытный обычай возводить небольшие и богато украшенные здания в честь детей великих вождей. Эти здания считаются признанием законности детей, и если бы их не было, родители считали бы себя оскорбленными. Они защищены табу, и после того, как их сделали, их не ремонтируют, а оставляют разрушаться. Доктор Беннетт в своем "Китобойном путешествии вокруг земного шара" так описывает эти сооружения: - "Этот комплимент был сделан в честь китобоев.

"Этот комплимент был сделан дочери Эутити в Ваитаху за несколько недель до нашего прибытия. Он состоял из двух небольших хижин, аккуратно построенных из очищенных прутьев гибискуса, которые были покрыты белой таппой (тканью из коры) и окрашены синнетом какао-ореха. Внутри находилось множество таких же прутьев, расположенных вертикально, градуированных по высоте и переплетенных пучками трав. Лицевую сторону

здания украшали несколько досок, расписанных мистическими фигурами в черно-красных тонах.

Белые и нежные прутья гибискуса, развевающиеся вымпелы из тонкой таппы и различные броские оттенки придавали всему сооружению фантастический и внушительный вид". Низкая каменная стена окружала две хижины, а в ее пределах находилось несколько пучков листьев какао-ореха, поставленных вертикально и предназначенных для изображения божеств-покровителей этого места. Поразительное сооружение такого же типа было воздвигнуто в честь сына Эутити в Анамаихаи, территории его опекуна. Оно отличалось от того, что было посвящено его сестре, тем, что располагалось на возвышенной каменной платформе, а также тем, что у входа стояла длинная плетеная корзина".

В каждой деревне есть своего рода амфитеатр, в котором проводятся танцы и подобные развлечения. Для этого туземцы выбирают укромное и ровное место, окруженное со всех сторон возвышающимися берегами. Середина амфитеатра тщательно выравнивается и покрывается циновками, а возвышающиеся берега служат местами для зрителей.

Когда исполняется танец, циновки расстилают заново и готовят большое количество еды. Зрители берут еду с собой и, расположившись на берегах, остаются там в течение большей части дня. Танцы не очень грациозны, состоят в основном из прыжков, не двигаясь с места. Танцоры используют различные украшения, самые любопытные из которых - кольца на пальцах, сделанные из плетеного волокна, украшенного длинными хвостовыми перьями тропической птицы. Когда женщины танцуют, им не разрешается носить какую-либо одежду, и это по любопытной причине. Никто не танцует, кроме тех, чьи мужья или братья были убиты на войне или взяты в плен, и отсутствие одежды воспринимается как выражение скорби с их стороны и мести со стороны зрителей.

У них есть еще несколько развлечений, которые проводятся в этом театре, или *лахуа*, как его еще называют. Маркизцы - самые искусные ходулисты, они устраивают представления, которые вызвали бы зависть у любого профессионального акробата. Одна из игр, в которую они играют с большим удовольствием, - это гонки на ходулях, в которых каждый участник старается не только отдалить своих соперников, но и пересечь их курс и расстроить их. Они такие адепты в этом развлечении, что легко и уверенно ходят по грубым камням платформы дома.

Если читатель обратится к портрету [маркесского вождя](#), то увидит, что голова не только украшена филе из перьев, но и покрыта вуалью, спадающей по обе стороны лица. Это знак войны, и его надевают, когда вожди идут на битву. Маркизы не используют лук и стрелы, но они бросают копья, камни из пращи и используют дубины. Пращи сделаны из плетеной травы, они очень мощные, часто превышают пять футов в длину и несут камни значительного размера. Копья обычно имеют длину около десяти футов, а булавы вырезаны из твердой древесины, которая становится еще тверже, если оружие надолго зарыть в грязь.

Они свирепы в войне и никогда не успокаиваются, пока не получают победный трофей. Когда маркизец убивает врага, он отрубает голову павшему противнику, разрывает череп и съедает мозг. Затем он очень тщательно очищает череп, украшает его пучками щетины и прикрепляет шнуром к поясу. Когда он снова отправляется в бой, то всегда берет этот трофей с собой, отчасти из-за уважения, которым он пользуется у своих товарищей, а отчасти для того, чтобы внушить врагу трепет при виде столь грозного воина.

По мнению большинства путешественников, маркесы - ссорящийся между собой народ, склонный к набегам друг на друга. Эти районы обычно отделены друг от друга естественными границами, такими как горные отроги и хребты, многие из которых имеют огромную высоту и настолько круты и обрывисты, что практически недоступны. Самое страшное в их способе ведения войны - это не жестокость, проявляемая к побежденным воинам, а уничтожение имущества и бедствия, причиняемые некомбатантам.

Когда один вождь собирается воевать с другим, он старается ночью пробраться в район своего врага и молча уничтожает все хлебные плоды и какао-ореховые деревья, которые только может найти. Первые лишаются коры, и, хотя их жизнеспособность настолько велика, что они не погибают полностью от полученных повреждений, они не приносят больше плодов в течение пяти лет, и таким образом все население лишается важнейшей статьи рациона, и в течение долгого времени находится в тяжелом положении из-за отсутствия пищи.

Ореховые деревья какао убивают другим способом. Уничтожитель поднимается на дерево по способу, используемому этими островитянами, а именно: прикладывает ладони к обеим сторонам ствола, и таким образом поднимается на дерево по-обезьяньи. Затем он ударяет камнем по центральному побегу, или "капусте" пальмы, и спускается с дерева, зная, что оно скоро умрет. Причина смертельного характера травмы заключается в том, что дерево является эндогенным, и, следовательно, уничтожение центральной почки влечет за собой смерть дерева. Иногда дерево погибает и другим способом: в корень "капусты" закладывается морской слизень (*bèche-demer*), который убивает дерево по мере его разложения.

Как бы ни были они ссорятся и жестоки к людям и имуществу побежденных, у них все же есть небольшой этикет в войне, одно из правил которого настолько любопытно, что должно быть приведено собственными словами рассказчика: - "18 июня.

"18 июня капитан Риггс с корабля *"Генерал Гейтс"*, только что прибывший с Маркизских островов, сообщает нам, что там ему удалось спасти свою жизнь. На острове Нукахива, когда он пытался сойти на берег, туземный вождь в сопровождении отряда приближенных схватил его и унес, лишил одежды, а затем представил королю, немощному старику, который взял его под свою защиту. Однако эта защита мало чем могла ему помочь, поскольку государь не имел права отпустить пленника на свободу, если за него не будет уплачен соответствующий выкуп.

"Похитители сначала потребовали пять мушкетов и пять бочек пороха, но, согласившись, поднялись в своем жестоком вымогательстве и потребовали еще; уступив и это, они все же отказались освободить его, если их алчность не будет еще более удовлетворена. Тогда капитан решительно встал на дыбы и стал настаивать на освобождении, не имея при этом ни малейшей надежды получить его, ни на какой-либо другой исход своего плена, кроме как быть убитым и съеденным этими каннибалами, некоторые из которых сговорились заколоть его копьем, но власть короля сдерживала их насилие.

"Однако в конце концов, когда условия выкупа были согласованы, его приказали отпустить, но тут возникла неожиданная трудность. По закону страны тот, кто захватил другого на борту лодки, должен, когда пленник окажется на свободе, снова спустить его в воду и вернуть в то же положение, в котором он был найден. Трусливый и вероломный вождь, который с готовностью исполнил роль похитителя, не захотел этого делать, чтобы не быть застреленным с корабля. Однако, будучи обязанным, он заручился заверениями капитана, что ему не причинят вреда, и выполнил это неблагодарное поручение. Когда капитан Риггс

добрался до своего судна, туземцы на берегу издали три отвратительных вопля, которые были встречены тремя радостными возгласами команды".

Узнав, что пленник оказался для них столь выгодным, туземцы попытались смело захватить корабль и проявили не меньшую изобретательность и смелость в своей попытке. Вечером того же дня один из туземцев был замечен в попытке перерезать трос, и за свою дерзость был застрелен. Поняв, что открытое нападение бесполезно, туземцы, которые являются прекрасными ныряльщиками, поплыли к кораблю, захватив с собой веревку, один конец которой они закрепили на руле, находясь под водой, а другой конец вынесли на берег. К счастью, этот трюк был вовремя обнаружен и спас корабль, а если бы веревку не заметили, туземцы дождались бы, пока судно встанет на якорь, и тогда вытащили бы его на берег.

В приведенном выше рассказе маркесов называют каннибалами. Однако очень сомнительно, что их можно справедливо обвинить в этом отвратительном обычае.

Каное маркизцев оснащены аутригерами, как принято во всей Полинезии, и являются хорошо построенными и быстрыми судами. Кроме аутригера, у них есть небольшой помост, выступающий над форштевнем, на котором стоит рулевой, когда судно находится под парусом. Нос каное сильно вывернут вперед, вероятно, для того, чтобы служить защитой гребцам при столкновении с врагом.

Они очень искусны в рыболовном искусстве, как с леской, так и с сетью. У них разные способы использования этих орудий. Когда они ловят рыбу леской, то иногда наживляют крючок, пропускают леску через борт и забрасывают под углом, как принято в этой стране. Но когда они ловят альбакора, они используют совершенно другой метод, который имеет некоторое сходство с ловлей нахлыстом, за исключением того, что приманка представляет собой не насекомое, а рыбу.

Очень изобретательная имитация летучей рыбы делается путем вырезания формы рыбы из перламутровой раковины, вставки длинного пучка свиной щетины с обеих сторон, чтобы изобразить плавники крыльев, и еще одного пучка на конце, чтобы исполнить роль хвоста. Крючок прикрепляется к одному концу лески, другой конец которой прикрепляется к верхушке длинного бамбукового стержня, установленного на корме каное. Поднимают парус, и судно несется над волнами на полной скорости, а мнимая летучая рыба прыгает и носится по воздуху, удивительно напоминая живую рыбу. Альбакор, естественно, принимает приманку за настоящую рыбу, прыгает на нее, и ее ловят, прежде чем она успевает обнаружить наваждение.

Сетевая рыбалка осуществляется несколькими способами, но самый любопытный и, пожалуй, самый спортивный план - тот, который заставляет рыбака заниматься своим делом под водой. Он берет с собой ручную сеть и палку длиной около двух футов, прыгает в воду и ныряет среди кораллов, одной рукой удерживая сеть над закоулками и расщелинами, а палкой загоняя рыбу из укрытий в сеть.

При таком способе ловли удастся поймать огромное количество рыбы, но рыбака всегда подстерегают две опасности. Во-первых, есть шанс, что акула может подплыть незамеченной и унести конечность, даже если она не убьет человека. Маркизцы - такие прекрасные пловцы, что акула их мало волнует, пока они ее видят, и только когда эта ужасная рыба неожиданно выныривает из укрытия, они испытывают настоящий страх.

Иногда смерть дайвера наступает по довольно странному стечению обстоятельств. Уже упоминалось, что до того момента, когда человек может позволить себе сделать татуировку

на голове, он носит волосы очень длинными и завязывает их в узел на макушке. Перед тем как войти в воду, туземцы развязывают косичку и позволяют волосам стекать по спине. Иногда случалось, что ныряльщик, подготовившийся таким образом, при попытке подняться на поверхность воды обнаруживал, что его длинные плавающие волосы запутались в ветвях кораллов; а поскольку он уже пробыл под водой почти столько, сколько хватило бы дыхания, его иногда топили, прежде чем он успевал освободиться.

Когда маркесский житель умирает естественной смертью, его родственники тщательно готовятся к его похоронам, включая обычное пиршество. Они посылают за "тана", или священником, который произносит длинную речь над трупом, который затем доставляется родственникам, перед которыми стоит долгая и неприятная задача. Сначала тело тщательно моют, затем натирают ореховым маслом какао, кладут на солнце и постоянно поворачивают. Ежедневно труп натирают по несколько раз, пока, наконец, под воздействием солнца и масла он не превращается в мумию. Завернутый в ткань, он укладывается на подставку и отправляется на кладбище.

В каждом районе есть свое кладбище или "морай", которое украшено гигантскими человеческими фигурами, вырезанными из дерева, и другими подобными украшениями. Оно окружено стеной и пользуется большим уважением у жителей своего района. К сожалению, жители других районов не испытывают к нему ни малейшего уважения и, когда объявляется война, пытаются выкрасть из морай тело любого высокопоставленного человека. Поэтому, когда кажется, что война неминуема, тела уносят и прячут, а иногда и хоронят. Подобный обычай преобладает во многих частях Полинезии, и мистер Уильямс упоминает случай, когда человек взобрался на, казалось бы, недоступную пропасть с трупом, привязанным к его спине, положил тело на высокую полку и благополучно спустился вниз.

ГЛАВА CVII.

НИУЭ, ИЛИ ОСТРОВ ДИКРЕЙ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ-КОСТЮМ-ЗАКОНЫ-ПОГРЕБЕНИЕ.

ПРИЧИНА НАЗВАНИЯ ОСТРОВА - НЕОБЫЧНАЯ ЛЕГЕНДА - МОРЯК СРЕДИ ДИКРЕЙ - ВНЕШНИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - ВОИНСТВЕННЫЙ ТАНЕЦ ДИКРЕЙ - СПОСОБ УКЛАДКИ ВОЛОС - КОСТЮМ МУЖЧИН - ЛЮБОПЫТНОЕ ОРУЖИЕ - ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИКРЕЙ-ОСТРОВИТАН - ПОРАЖЕНИЕ ТОНГАНОВ - СВОД ЗАКОНОВ И НАКАЗАНИЙ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАНОЭ - МОРЕПЛАВАНИЕ - АРХИТЕКТУРА НИУЭ - ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВЫХ.

Между группами Херви и Тонган находится остров, который капитан Кук назвал "Островом дикрей" из-за поведения туземцев, которые не только отклонили его предложения о мире, но и напали на него "как множество диких кабанов". Туземное название острова - Ниуэ.

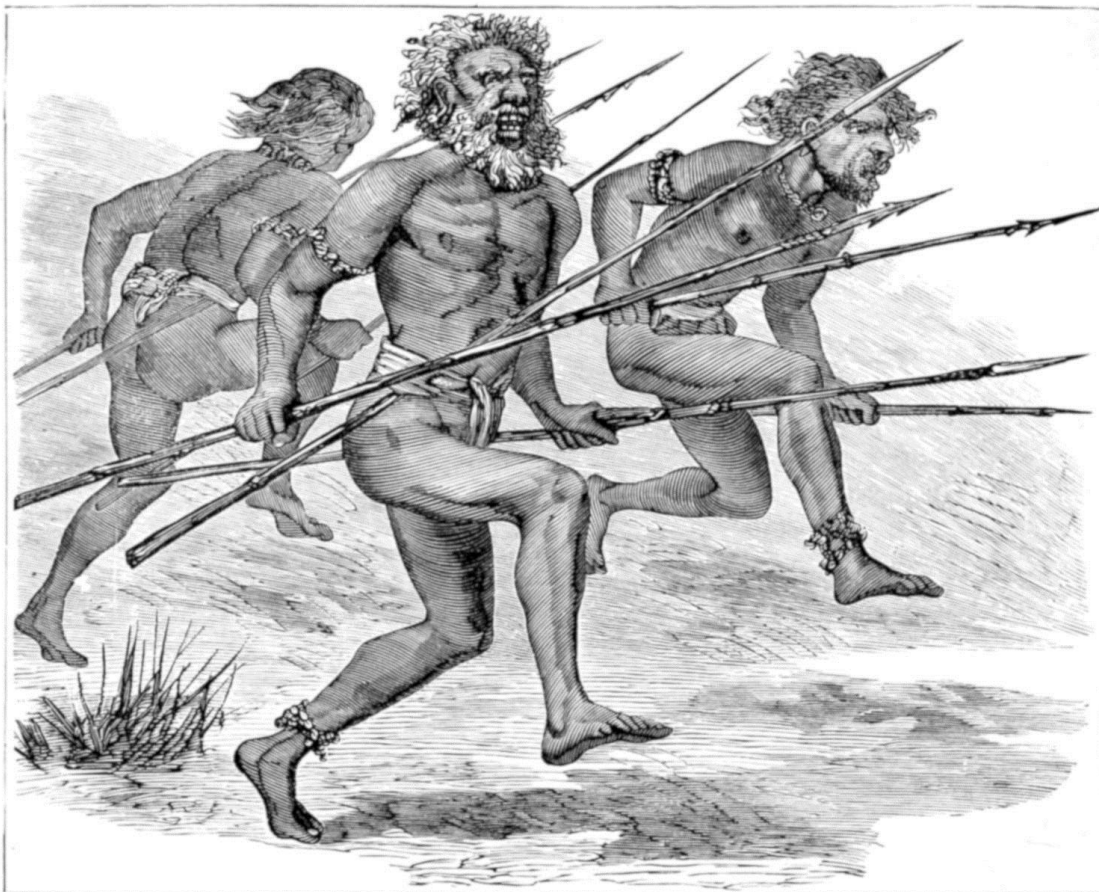
Такая свирепость туземцев объясняется древним обычаем предавать смерти всех чужаков, высаживающихся на их берег, - судьба, которой не избегают даже их собственные жители, если они отсутствуют сколько-нибудь долгое время. История этого странного народа в последние годы стала более известной благодаря усилиям миссионеров, которые обнаружили, что причиной этого дикрейского обычая был страх, а не свирепость. Они считали, что на их острове от природы нет болезней, а все недуги приносят чужеземцы, и в результате приняли закон, согласно которому всех иностранцев следует убивать, как только их удастся поймать.

Однажды туземный учитель едва избежал смерти из-за своего отсутствия. Ему пришлось приложить все свои силы красноречия, чтобы убедить своих соотечественников пощадить его на время, чтобы он мог держаться подальше от их места жительства и очиститься здоровым воздухом Ниуэ.

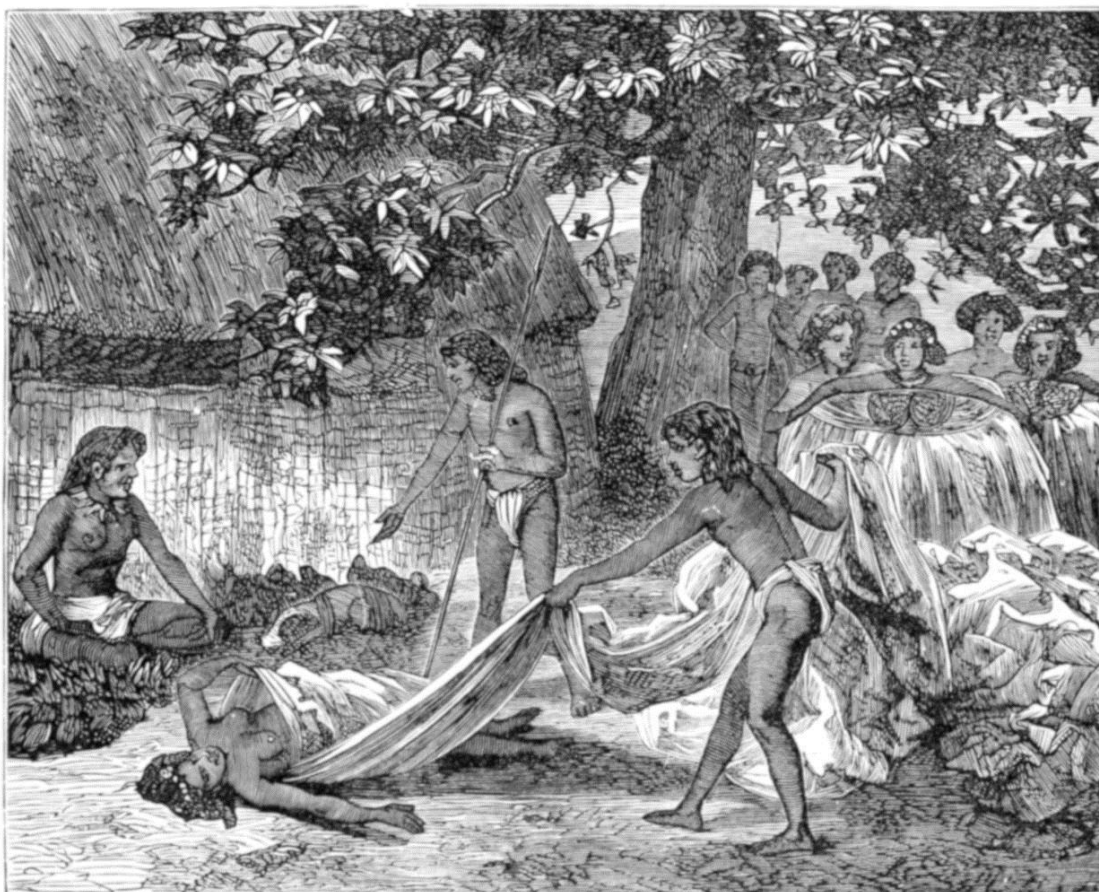
Когда мистер Уильямс посетил остров, ему удалось уговорить двух парней отправиться с ним для получения образования. Поначалу им было очень плохо на борту, и первые несколько дней они непрерывно выли, думая, что белые моряки - каннибалы и что их везут только для того, чтобы откормить и съесть. Однако, обнаружив, что моряки едят свинину, а не человеческую плоть, они смирились со своей участью и даже обрадовались перспективе увидеть новые земли. Этих ребят отвезли на Райетею и, обучив их, отправили домой. К несчастью, вскоре после их прибытия по острову распространилась эпидемическая болезнь, и туземцы, естественно, приписав ее двум путешественникам, убили их обоих.

Первого белого человека, высадившегося здесь со времен Кука, постигла необычная участь. У острова стоял корабль, который торговался с туземцами. Как только судно погрузилось, хозяин выбросил одного из матросов за борт среди дикарей, которые вытащили его на берег и устроили большой спор о том, как следует поступить. Некоторые были за то, чтобы придерживаться старого обычая и убить его, но другие утверждали, что человек высадился не по своей воле и что его не следует подвергать обычному наказанию, даже если в его глаза попала соленая вода - признак кораблекрушения.

После долгих обсуждений они пришли к компромиссу, посадили его в каноэ, дали ему бананы и орехи какао и отправили в море. Мужчина сумел незаметно выскользнуть на берег и, проплыв несколько дней в пещерах, пробраться на борт китобойца, проходившего рядом с островом.

(1.) ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ НИУАНОВ.
(См. [стр. 1055.](#))

(2.) ПРЕДСТАВЛЯЯ ТКАНЬ.

(См. [стр. 1060.](#))

Внешний вид туземцев до прихода к ним миссионеров был отнюдь не привлекательным. Мистер Уильямс приводит наглядный рассказ о старом вожде, которого после долгих хлопот удалось уговорить подняться на борт. "Его внешний вид был поистине ужасающим. Ему было около шестидесяти лет, он был высок ростом, скулы выдавались вперед, а его лицо было очень грозным. Все его тело было измазано углем, волосы и борода были длинными и седыми, а последние, заплетенные в косички и скрученные вместе, свисали изо рта, как множество крысиных хвостов. На нем не было никакой одежды, кроме узкой полоски ткани вокруг поясицы, через которую можно было продевать копье или любой другой предмет, который он мог бы взять с собой.

"Выйдя на палубу, старик стал неистово жестикулировать, прыгать с места на место и громко восклицать по поводу всего, что видел. Все попытки поговорить с ним были совершенно бесполезны, так как мы не могли уговорить его ни секунды постоять спокойно. Наши туземцы попытались одеть его, закрепив вокруг его лица кусок туземной ткани, но, сорвав его в ярости, он бросил его на палубу и, ударив по нему, воскликнул: "Разве я женщина, чтобы обременять себя этим барахлом?

"Затем он продемонстрировал нам образец военного танца, который он начал с того, что стал острием и дрожанием своего копья, бегал туда-сюда, прыгал и кричал, словно одержимый духом дикости. Затем он ужасно исказил черты своего лица, растянув рот, скрежеща зубами и вынудив глаза почти из глазниц. В конце концов он завершил это представление, засунув в рот всю свою длинную седую бороду и разгрызая ее с самым диким остервенением. В течение всего представления он не переставал громко и отвратительно выть". На предыдущей странице художник представил читателю иллюстрацию этого необычного [военного танца](#) ниуанов.

Эти островитяне не используют татуировку, хотя очень любят украшать свое тело краской. Те, кто прибывает на борт европейских судов, с удовольствием украшают себя полосами и пятнами красной и зеленой краски, особенно последней, которая для них новинка и за которую они готовы дорого заплатить. На небольшом расстоянии они выглядят так, словно страдают от какой-то кожной болезни, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что их внешний вид частично объясняется морской солью, кристаллизующейся на их промасленных телах, а частично - множеством мух, которые на них садятся.

Волосы иногда очень короткие, а иногда очень длинные, и это касается обоих полов. Они позволяют им расти до значительной длины, а когда они достигают фута или восемнадцати дюймов, их отрезают и заплетают в тонкие ленты, которые носят вокруг талии. Мужчины высоко ценят эти украшения, а капитан Гуд считает, что любовные замки являются предметом обмена и ценятся соответствующим образом. Молодые мужчины не носят бороды, но старшие позволяют им вырасти до большой длины, заплетают их и украшают кусочками устриц или раковин моллюсков. Они владеют искусством окрашивания волос в желтовато-красный цвет с помощью извести.

Что касается одежды, то мужчины считают ее совершенно ненужной и не носят ничего, кроме пояса вокруг талии. Некоторые, однако, носят очень маленький фартук, всего десять или двенадцать дюймов в квадрате, и это рассматривается скорее как украшение, чем как одежда. Они умеренного роста, скорее ниже, чем выше среднего, что составляет сильный

контраст с гигантскими маркесами и самоанцами. Естественный цвет кожи - прозрачно-коричневый, а конечности круглые и хорошо сформированные.

В качестве оружия они используют копье, дубину и лук, сделанные хорошо и аккуратно. На другие острова они, похоже, не вторгаются, поэтому воюют в основном между собой. Кажется довольно странным, что на острове окружностью всего тридцать миль должна существовать война, но на Ниуэ существует обычный полинезийский обычай делить остров на несколько районов, между которыми идет вечная вражда.

Они используют очень любопытное оружие. На их острове есть несколько пещер в коралловом известняке, похожих по характеру на ту, что была описана [на странице 1006](#), хотя к ним не подходят таким же любопытным способом. С крыши свисает огромное количество сталактитов, с которых постоянно капает вода. Действительно, туземцы почти полностью обязаны своей пресной водой этим пещерам, и с тех пор, как среди них поселились миссионеры, они научились собирать ее, выкапывая в пещерах колодцы, в которые стекает вода, и таким образом обеспечивать себе определенный, а не ненадежный запас. Пол пещер покрыт сталагмитовыми массами, и из них туземцы делают овальные шары размером с крикетный мяч, которые они бросают с руки с удивительной силой и точностью, не используя пращу, как это делают многие полинезийские племена. Образцы этих мячей хранятся в коллекции Кристи.

Эти пещеры, очевидно, обусловлены характером острова, который частично состоит из кораллов, а частично - из вулканических пород; кораллы были вырваны вулканической силой, а их поверхность изломана и разбита внезапной силой удара. Туземные легенды о происхождении острова приводят к тому же выводу. Они утверждают, что остров был поднят на его нынешнюю высоту двумя их предками по имени Хананаки и Фао, которые приплыли сюда из Тонга и нашли остров лишь чуть выше волн. Они дважды наложили на него печать: первая печать подняла остров на его нынешнюю высоту, а вторая украсила его деревьями и растениями. Они сделали себе жен из дерева ти, и таким образом остров стал заселен. В этой традиции мы легко можем увидеть подтверждение двух фактов: что остров был внезапно поднят из моря и что его жители - не аборигены, а эмигранты из другой части Полинезии, вероятно, из Тонга. Хотя они считают себя выходцами из этой страны, они подверглись нашествию беспокойных и дерзких тонганцев, которых они отбили с помощью хитроумной хитрости. Тонганцы, обладавшие гораздо лучшим оружием и лучше дисциплинированные, чем жители Ниуэ, и столь же отважные, быстро завершали завоевание острова, когда туземцы воспользовались особенностями строения своей страны.

Читатель помнит, что Ниуэ скалистый, испещренный глубокими и узкими расщелинами, которые образовались в результате переворота, поднявшего остров над морем. Через одну из них ниуэанцы проложили небольшие ветки, которые покрыли листьями банана и какао-ореха, а затем присыпали все легким слоем земли, который они уложили так, чтобы он выглядел точно так же, как окружающая почва. Затем они предприняли мнимое отступление и перебрались на другую сторону пропасти, так что тонганцы, окрыленные победой, с воплями триумфа бросились на своих отступающих врагов, и множество самых лучших воинов были сброшены на дно пещеры. Не успели оставшиеся в живых оправиться от неожиданности, как на них было совершено ошеломляющее по численности нападение, и из всей тонганской экспедиции ни один человек не ушел живым.

Раньше считалось, что ниуаны - каннибалы, но, насколько можно судить, туземцы никогда не ели человеческой плоти. Они даже не заботятся о животной пище любого рода; и хотя в

настоящее время у них в изобилии имеются свиньи, они почти полностью используют их для продажи европейским кораблям, довольствуясь бананами, ямсом, таро и рыбой. Как ни странно, они не завезли на Ниуэ обычай пить каву, и они почти единственные, кто не употребляет табак.

Среди жителей Ниуэ до сих пор практикуется полигамия, хотя она быстро сходит на нет под влиянием миссионеров, которые, кроме того, оказали огромное благодеяние народу, препятствуя детоубийству, которое в свое время преобладало в ужасающих масштабах. Один только контроль, который они наложили на этот обычай, уже увеличил численность населения более чем на триста человек - значительное увеличение, если принять во внимание небольшой размер острова.

Еще до прихода миссионеров здесь существовал достаточно полный и справедливый свод законов, так что в действительности ниуанцы были гораздо менее дикими, чем многие их соседи, и миссионерам было легче работать, чем на других более перспективных островах. Их моральные нормы были гораздо выше, чем обычно у дикарей, а женская неверность сурово наказывалась. Ужас перед этим преступлением был настолько велик, что незаконнорожденных детей постоянно выбрасывали в море, пока миссионеры не научили людей, что, хотя родители могут быть наказаны, невинные дети не должны страдать.

Их наказание обычно заключалось в лишении пищи. Например, за некоторые преступления преступника привязывали к столбу и не давали никакой пищи, кроме горьких и едких фруктов, а за более серьезные проступки его привязывали за руки и за ноги к бамбуку на значительное время, давая лишь столько еды, чтобы он не умер от голода. Вместо этих наказаний миссионеры убедили туземцев заменить принудительный труд на проходке колодцев, прокладке дорог и других полезных работах.

Ниуаны - хорошие мастера по изготовлению каноэ, они строят свои суда очень аккуратно и украшают их ракушками и перламутром. Они хорошо управляют этими каноэ и, как правило, отлично плавают. Однако в глубине острова живут семьи, которые, хотя и находятся в четырех милях от моря, никогда его не посещали, и их очень презирают соседи, потому что они не умеют ни плавать, ни управлять каноэ.

Туземная архитектура не особенно хороша, но она была значительно улучшена благодаря наставлениям самоанских учителей, которые обучили ниуанцев своему собственному способу строительства домов, на который ниуанцы наложили свой собственный способ украшения, так что в целом современный дом ниуанцев производит впечатление причудливого и в то же время художественного. Туземцы, похоже, очень быстро учатся и даже овладели пером, так что теперь ниуанца едва ли можно порадовать лучше, чем подарив ему карандаш и запас белой бумаги.

Ничто так не свидетельствует об удивительном прогрессе, которого добились эти люди, как тот факт, что они не только полностью отказались от своей старой привычки убивать иностранцев, но и проявляют величайшую готовность быть принятыми в качестве матросов на борт европейских кораблей. Они ухитряются проникать на борт без ведома капитана и команды; и если в прежние времена едва ли можно было уговорить ниуанца рискнуть взойти на борт европейского корабля, то теперь трудность заключается в том, чтобы найти способ не пускать их на судно.

Избавление от мертвых происходит двумя способами. При одном способе тело укладывают на подставку и оставляют в лесу до тех пор, пока не истлеет вся плоть, после чего кости убирают в семейное захоронение, которое обычно представляет собой пещеру в

известняковой скале. Если используется другой способ, тело кладут в каноэ и отправляют в море, чтобы оно плыло туда, куда его понесут ветер и приливы.

ГЛАВА CVIII. СВЕТСКИЕ ОСТРОВА. ВНЕШНИЙ ВИД, ОДЕЖДА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ.

ОТКРЫТИЕ ОСТРОВОВ И ПРИЧИНЫ ИХ НАЗВАНИЙ - ОСТРОВ ТАИТИ ИЛИ ОТАЭЙТ - РЕЛЬЕФ И КЛИМАТ ТАИТИ - ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЖИТЕЛЕЙ - ЖЕНОПОДОБНАЯ ВНЕШНОСТЬ МУЖЧИН И КРАСОТА ЖЕНЩИН - СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛОВ - ОБЩИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ НА ТАИТИ - ОТДЕЛЬНЫЕ СТОЛЫ ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН - РЕШАЮЩИЙ ТЕСТ ПОМАРЕ, И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ В ОТНОШЕНИИ ИДОЛОПОКЛОНСТВА - ОДЕЖДА ОСТРОВИТАН - СПОСОБЫ НОШЕНИЯ ВОЛОС - ТАТУИРОВКА НА ТАИТИ - СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МИССИОНЕРАМИ ДЛЯ ИСКОРЕНЕНИЯ ЭТОЙ ПРАКТИКИ - ГОСТЕПРИИМСТВО ТАИТАН - СПОСОБ ДЕЛАТЬ ПОДАРКИ - СОЦИАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДАРКОВ - ПЕЧЕНЫЙ ПОРОСЕНОК И ТКАНЬ - РАЗЛИЧИЯ РАНГОВ - ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ОМАИ - ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ РАНГА - ПОВЕДЕНИЕ ТАИТАН ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕМУ ГОСУДАРЮ - РАЗВЛЕЧЕНИЯ ТАИТАН - ИХ ПЕСНИ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - КАТАНИЕ НА СЕРФЕ - БОКС И БОРЦОВСКИЕ МАТЧИ.

Эта интересная группа островов была первоначально открыта в 1605 году Де Кирсом и получила название Острова Общества благодаря либеральности Королевского общества, которое в 1767 году отправило экспедицию под руководством капитана Кука с целью наблюдения за транзитом Венеры по Солнцу. В эту группу входит множество островов, самым известным из которых является Таити, или Отаите, как это слово было названо в "Путешествиях Кука". Этот остров входит в состав группы, которая носит название Грузинских островов, в честь Георга III.

Таити необычайно живописен при взгляде с моря, что объясняется его гористым характером: остров настолько наполнен высокими пиками и скалами, что добраться до внутренних районов можно только по долинам. Иногда скалы вздымаются вверх острыми, похожими на шпиль пиками, иногда на многие мили уходят в перпендикулярные обрывы высотой в несколько тысяч футов; иногда они изрезаны и угловаты, как гигантские крепости, иногда расщеплены в овраги страшной глубины, а иногда вычерпаны во впадинах, как кратеры потухших вулканов.

Вниз по этим скалистым кручам устремляются потоки, оплодотворяющие почву, а температура здесь настолько благоприятна, что каждая полка и выступ покрыты пышной листвой и великолепными цветами. Таити действительно, как уже было сказано, является жемчужиной Тихого океана. Однако нас интересует не столько сам остров, сколько его жители - не полувцилизированные люди современности, а нецивилизованные люди 1769 года, когда их посетил капитан Кук. В последующем описании мы будем рассматривать Таити как типичный остров группы Общества, а меньшие острова представим лишь в качестве иллюстрации нравов и обычаев, присущих всей группе.

Вследствие высокого плодородия Таити и, как следствие, снабжения пищей без необходимости труда, таитяне более упитанные и округлые, чем жители большинства других полинезийских островов. Что касается мужчин, то светлая кожа и пухлые округлые формы

придают им женоподобный вид, и все ранние путешественники отмечали сильный контраст между темными, нервными и мускулистыми лицами тонганских мужчин и светлыми, гладкими конечностями и телами таитян. Мужчины также носят длинные волосы, и если бы не то, что они позволяют бороде отрастать до определенной длины, они вполне могли бы заслужить эпитет "женоподобные".

Мало того, что эта гладкость и честность является одним из их отличительных признаков, им также свойственна некоторая вялость в движениях и робость в посадке, что совсем не похоже на поведение смелых и воинственных тонганцев и самоанцев. "Это наблюдение, - пишет капитан Кук, - полностью подтверждается их боксом и борьбой, которые можно назвать не более чем слабыми усилиями детей, если сравнивать с энергичностью, с которой эти упражнения выполняются на Дружественных островах".

Они настолько заботятся о своем цвете лица, что когда им кажется, что их кожа потемнела от воздействия солнца, у них есть способ отбелить себя. Капитан Кук лишь упоминает, что они не выходят из дома в течение месяца или двух, носят большое количество одежды и не едят ничего, кроме хлеба-фруктов - предполагается, что такая диета обладает сильной отбеливающей силой. Однако вполне вероятно, что, помимо диеты и заключения в доме, они также используют какие-то средства, похожие на те, что применяют маркесские женщины в аналогичных обстоятельствах.

Таитяне настолько доверяют влиянию пищи на цвет лица, что считают, будто цвет их кожи меняется несколько раз в году из-за вида пищи, на которой, в связи со сменой сезона, они вынуждены жить. Однако они, как и многие другие народы, не считают, что полнота является признаком ранга и богатства.

Та светлая кожа и округлость форм, которые умаляют мужественную красоту мужского пола, лишь усиливают женское очарование женщин, которые гораздо красивее даже жительниц Тонга, а уж низкорослых и худощавых маркесских женщин они превосходят бесконечно. Таитянская женщина считается красивой даже среди европейцев: кожа у нее светлее, чем у многих испанок, а большие полные глаза и богатые волосы обладают особым очарованием, которое пытались описать многие путешественники, но все, по их собственным словам, не смогли передать словами.

И все же судьба тонганских женщин намного лучше, чем таитянских. Как мы уже убедились, женщина Тонга - отнюдь не простая рабыня деспотичного мужа, а зачастую его верная помощница и лучший советчик. Однако среди таитян мы видим, что слабохарактерный, гладкокожий, длинноволосый, светлокожий мужчина, который не потерпел бы присмотра за тонганским мальчиком, очень тираничен дома, не представляя, что женщина может быть чем-то иным, кроме как скотом, и бьет своих жен, своих собак или свиней, одинаково пренебрегая их чувствами.

Женщинам не разрешается есть различную пищу, так как этим они могут оскорбить богов, и удивительно совпадение, что боги не разрешают женщинам есть именно те продукты, которые больше всего нравятся мужчине, например, черепаху, некоторые виды рыбы и подорожник.

Женщинам также не разрешается есть вместе с мужьями, они принимают пищу в отдельной части дома. Этот запрет тем более неприятен, что в зажиточной таитянской семье прием пищи продолжается весь день с очень короткими перерывами. Семья завтракает в восемь, а в одиннадцать ужинает или обедает. Зарядившись бодростью, они могут дожидаться двух часов, когда примут первый ужин. За ним следует второй ужин в пять и ужин в восемь, после

чего они уходят на покой. Но поскольку двенадцать часов без еды явно невозможно, они просыпаются в два часа, снова принимают пищу, или "ре-суппер", и снова спят до рассвета.

Что касается черепахи, то с ней связана определенная святость. Когда одну из этих рептилий ловят, ее всегда отправляют королю, который, однако, не готовит столь священное существо в своем доме, а посылает его в храм, где оно приносится в жертву идолу. Его готовят в марее, или священном помещении, и после того, как жрец берет часть для идола, остаток отправляют обратно королю. Если бы это подношение не было сделано, преступник немедленно пострадал бы от мести оскорбленного бога.

Этот обычай был разрушен Помаре около 1820 года. Король давно считал, что идолы - не более чем изображения, а боги - всего лишь человеческие изобретения, и решил проверить этот вопрос с помощью решающего испытания. Он дождался, пока его подданные поймут черепаху и отправят ее ему по обычаю острова. Вместо того чтобы отправить ее на марее, он отнес черепаху на собственную кухню и приготовил там. Затем ее подали на стол, и все его домочадцы сели вместе с ним, чтобы отведать ее. Однако никто, кроме короля, не отважился съесть ни кусочка, и даже сам Помаре находился в состоянии нервной дрожи, и у него не было аппетита, когда он подошел к своему испытанию. Однако он был человеком очень мужественным и, хотя и не смог съесть много королевского лакомства, съел достаточно, чтобы навлечь на себя гнев бога.

Убедившись, что с ним не случилось ничего плохого, он созвал собрание вождей и рассказал обо всех обстоятельствах, сказав им, что они вольны поступать как им угодно, но что он, со своей стороны, с этого момента отказывается от идолопоклонства. Как следствие, люди по собственной воле отказывались от своих идолов и либо отдавали их миссионерам, либо использовали в качестве сидений, либо клали в огонь, на котором готовили пищу, причем последний поступок был самой глубиной деградации.

Одна из таких вылазок за идолами была проведена весьма любопытным образом.

Когда новообращенные достигли храма, в котором хранились идолы, которым они так долго поклонялись, их сердца не выдержали, и ни один человек не осмелился войти в дом и приложить руки к священным изображениям. Однако они решили испытать действие огнестрельного оружия, которым они были снабжены, и в присутствии перепуганных жителей приготовились стрелять в идолов. Обратившись к изображениям, предупредив их, что по ним собираются стрелять, и призвав их отомстить за себя, если смогут, они дали залп по дому. Убедившись, что вреда не последовало, они двинулись дальше и сожгли храм вместе с его обитателями.

Любопытный случай мужества, подобный тому, что продемонстрировал Помаре, произошел на острове Руруту. На одном из общественных собраний туземный учитель посоветовал устроить пир, на котором король, его вожди, народ и их жены должны были вместе отведать черепаху и свинину - оба эти продукта запрещены для женщин на Руруту. Испытание было принято, и все собрались, по любопытному стечению обстоятельств выбрав по незнанию участок земли, священный для Оро, мстительного бога войны. То, что кто-то должен есть на столь священном месте, было бы достаточным, чтобы навлечь на провинившихся все ужасы гнева Оро; но то, что мужчины и женщины должны есть вместе на этом месте, и то, что женщины должны есть и черепаху, и свинину, - это было почти чудовищно, чтобы это можно было себе представить.

Пиршество состоялось, и, как пишет г-н Беннетт, "когда рурутуанцы увидели это, они сказали: "Без сомнения, они умрут за это нарушение священной земли", и внимательно

смотрели, ожидая, что кто-нибудь из них вдруг распухнет или упадет замертво; но после того как они смотрели в течение значительного времени и не увидели никого, они передумали и сказали: "Конечно, их правда; но, возможно, бог придет ночью и убьет их: мы подождем и посмотрим".

"Один человек действительно пришел ночью к жене вождя Ауура, который также съел часть свиньи или черепахи на священном месте, и сказал: "Ты еще жива?". Когда наступило утро, и рурутуанцы обнаружили, что ни с кем из них не случилось ничего плохого, им стало очень противно от того, что злой дух так долго их обманывал".

Как и многие другие полинезийцы, таитяне имеют светлый цвет лица и очень хорошо сложены. И мужчины, и женщины хорошо выглядят, а многих из них можно назвать красавицами: их изящные одеяния из коры и цветы, которыми они любят украшать волосы, восхитительно подчеркивают их прелести. Кстати, довольно странно, что женщины Эймео, одного из этих островов, очень уступают женщинам других островов: они темнее, ниже ростом и не так грациозны, и, как заметил капитан Кук, если на Эймео видели красивую женщину, то она наверняка приехала с другого острова.

Мужчины одеваются довольно разнообразно. Все они носят примитивную одежду Полинезии, а именно кусок берестяной ткани, продетый вокруг талии, затем через ноги, а конец заправлен в пояс. Поверх этой одежды многие носят что-то вроде мантии из более тонкой ткани, аккуратно собранной вокруг талии, а иногда ниспадающей на плечи; другие носят *типуту*, или *тибуту*, - одежду, сшитую по типу пончо, с отверстием посередине, через которое продевается голова, и свисающую вниз спереди и сзади, но открытую по бокам. Эта одежда встречается на многих полинезийских островах, причем материал и форма варьируются в зависимости от местности. Ткань из коры изготавливается точно по моде, принятой на Тонга и Самоа.

Представители обоих полов обычно коротко стригут волосы, а иногда обрезают их так близко к макушке, что кажется, будто они выбриты. Они обильно смазывают свои локоны душистым маслом ореха какао или смолистой камедью, что придает им влажный и блестящий вид и заставляет сохранять форму, в которую они скручены. Помимо цветов в волосах и ушах, а также гирлянд, закрученных вокруг головы, женщины носят очень элегантное и яркое украшение. Они берут совсем молодые стебли какао-ореховой пальмы, чистят их на длинные полоски и сушат. Когда он правильно приготовлен, он становится блестящим, чисто белым, похожим на белую атласную ленту, и его носят скрученным в розетки и подобные украшения. Нормальный цвет волос в основном черный, но в некоторых случаях они приобретают более светлый и рыжеватый оттенок. У детей они часто светлые, но в течение нескольких лет приобретают темный оттенок.

Таитяне считают, что форма головы значительно улучшается, если она приплюснута сзади. Поэтому матери поддерживают своих детей в младенчестве за пятки и затылок, а поскольку они считают, что форму носа можно улучшить с помощью искусства, они постоянно сжимают и разжимают его рукой, пока он нежный и пластичный.

Когда-то татуировка была в большом почете, и операция выполнялась с помощью расчески и молотка, как было описано при описании Самоа. Татуировку делали профессиональные художники, которые путешествовали по островам, оставаясь на каждом месте по несколько месяцев и получая высокую плату за каждого украшенного ими парня. Лицо почти всегда оставалось нетронутым; бюст, ноги, руки и даже кисти были покрыты изящными узорами. Женщины также использовали те же украшения, но в меньшей степени, нанося татуировку в основном на руки, лодыжки и ноги, причем последние были вытатуированы почти до

половины колен, так что на небольшом расстоянии женщина выглядела так, будто на ней были сапоги или носки, плотно прилегающие к коже. Миссионеры, однако, не поощряли татуировки, которые со временем стали восприниматься как знак революционного духа и приводили к наказанию нарушителя.

Мистер Беннетт упоминает два случая, когда старикам наносили татуировки на лицо и тело. Один из них - человек, который был верховным жрецом бога Оро, полинезийского Марса, которому поклонялись со всеми поводами для кровопролития и жестокости. Это божество, а также другие объекты таитянского поклонения будут описаны далее.

Средства, которые использовались для прекращения практики татуировки, были очень суровыми и довольно деспотичными. Было обнаружено, что обычные наказания малоэффективны в борьбе с практикой, столь созвучной чувствам и привычкам туземцев. Даже подчинившись законам, которые ввели белые колонисты, они с трудом заставили себя подчиниться эдикту, запрещающему татуировку, и уклонялись от него под всеми возможными предлогами. Они даже отправлялись на другой остров, якобы по торговым делам, а на самом деле для того, чтобы сделать татуировку, находясь вне досягаемости белых людей и их законов.

Что касается последующего наказания, то провинившихся оно мало волновало - назначенное задание по прокладке дороги или рытью колодца выполнялось в срок, а украшение в виде татуировки оставалось на всю жизнь. Попытавшись пресечь эту практику с помощью различных уголовных законов, новые законодатели остановились на плане, который они сами описывают как простое обезображивание рисунка, сделанного татуировкой. Доктор Беннетт, однако, использует более убедительные термины. "Древняя практика нанесения татуировок на кожу постепенно сходит на нет среди жителей Островов Общества в целом. Миссионеры всячески противодействовали этому обычаю, и среди законов, разработанных для этих островов, был один, который делал татуировку преступной; но с тех пор он был отменен или остается в силе только на островах Уахине, Раиатеа и Тахаа".

"Если рассматривать татуировку в связи с привычками туземцев, то она, конечно, не является таким уж невинным проявлением дикарского изыщества, каким ее представляют себе большинство европейцев; тем не менее мы испытали большое сожаление, не смешанное с негодованием, когда увидели в доме королевского вождя Раиатеа туземку с приятными от природы чертами лица, обезображенную обширным пятном угля на щеке - наказание, вынесенное ей судьями за то, что она сделала себе небольшую татуировку. Пока мы наблюдали за этим зрелищем, вторая женщина показала нам свою руку, на которой был изображен аналогичный пример судейской строгости".

Различные фигуры, используемые таитянами, имеют каждое отдельное название, и эти фигуры отпечатываются не только на коже, но и на одежде из коры обоих полов.

Таитяне от природы гостеприимный народ и придумали целый кодекс этикета для подарков, самым любопытным из которых является тот, что используется при дарении берестяной ткани. Описание капитаном Куком этого обычая очень интересно. Оно также [проиллюстрировано](#) на 1054-й странице. "Я отправился с Отоо в дом его отца, где обнаружил людей, занятых одеванием двух девушек огромным количеством тонкой ткани, причем весьма необычным способом. Один конец каждого куска ткани, которых было очень много, держали над головами девушек, а остальной обматывали вокруг их тела, под мышками. Затем верхние концы распускались и складками свисали до земли, один над другим, так что получалось некое подобие круглого обруча-петтикота.

"Затем вокруг всех наружных сторон было обернуто несколько кусков разноцветной ткани, что значительно увеличило размер, так что в окружности он составлял не менее пяти-шести ярдов, и вес этого необычного одеяния был настолько велик, насколько могли выдержать бедные девушки. К каждой из них были подвешены два *таама* или нагрудные пластины, чтобы оживить все это и придать ему живописный вид. В таком виде их провели на борт корабля вместе с несколькими свиньями и множеством фруктов, которые вместе с тканью были подарены мне отцом Отоо.

"Лица обоего пола, одетые подобным образом, называются *ати*, но я полагаю, что это никогда не практикуется, за исключением случаев, когда нужно сделать большой подарок из ткани. По крайней мере, я ни разу не видел, чтобы это практиковалось в других случаях; да и раньше я никогда не получал такого подарка; но и капитан Кларк, и я получили впоследствии ткань, обернутую таким образом вокруг носильщиков".

Эти ткани чаще всего надевают на носильщиков, положив конец ткани на землю. Затем девушка ложится на конец куска, плотно прижимает его к телу и перекатывается снова и снова, пока не обмотается всей тканью, которую ей собираются подарить. Когда носильщики попадают в присутствие вождя, которому делается подношение, они меняют процесс и разворачивают себя, вращаясь на полу в противоположном направлении.

Еда преподносится и другим способом. Даритель посылает своих слуг со свиньями, плодами хлеба и другими продуктами в дом того, кому делается подарок. Они не входят в дом, а просто расстилают на земле листья, кладут на них провизию и возвращаются к своему хозяину. Затем даритель входит в дом и зовет своего друга, чтобы тот вышел и посмотрел на принесенный ему подарок. Тот выражает свое согласие, приказывая слугам отнести еду в дом, но не произносит никаких слов благодарности.

В большинстве таких случаев ожидается, что в ответ будет преподнесен подарок равной стоимости, и если получатель подарка - человек состоятельный, то его сочтут довольно дрянным, если его ответный подарок не будет гораздо ценнее. Вследствие этой теории капитан Кук обнаружил, что, покупая провизию, он получал ее гораздо дешевле, чем когда она была ему подарена.

На этих островах широко распространена практика выбора друзей из незнакомцев. Когда прибывает корабль, каждый из офицеров и членов команды выбирается туземцем в качестве своего друга и на время пребывания судна переходит под его опеку. Каждый день "апоа" или друг поднимается на борт со своим подарком - приготовленным хлебом-фруктами и другими продуктами; а если гость сходит на берег, он заботится о том, чтобы для него было обеспечено все необходимое и даже предметы роскоши. Предполагается, что когда гость уезжает, он, в свою очередь, сделает подарок; но было много случаев, когда туземцы были настолько благодарны за какую-то доброту, что отказывались принимать что-либо взамен своего гостеприимства.

Один из очень изящных способов вручения подарков - это вручение их от имени ребенка. В этом случае, когда посылается провизия, ее всегда сопровождает ребенок, который должен ее подарить и которому возвращаются все подарки.

Существует обычай, когда-то очень распространенный, но теперь почти, если не полностью, исчезнувший, который, очевидно, основан на том же принципе. Когда человек нуждается в чем-то, что он не может получить, например, в новом доме или количестве ткани, он запекает свинью и рассылает ее через своих друзей всем жителям данной местности. Приносящие предлагают свинью и одновременно упоминают о нуждах хозяина. Все, кто его съедает, даже

если они съедят всего один рот, тем самым обязуются помогать просителю либо в строительстве дома, либо в изготовлении ткани.

Мистер Беннетт упоминает один случай, когда человеку понадобилось тридцать шесть ярдов ткани, и он, как обычно, послал свинью. Никто, однако, не захотел к ней прикоснуться, и бедняга так бы и остался без ткани, если бы королева не сжалилась над ним. Она приказала носильщикам оставить свинью в ее доме, тем самым взяв на себя обязанность по предоставлению ткани. Нескольким женщинам, наблюдавшим за происходящим, стало стыдно за то, что королева осталась одна, поэтому они вошли в дом, съели свинью и сшили желанную ткань.

На Островах Общества ревностно относятся к ранговым различиям, и никто не может пользоваться уважением, если он не обладает каким-то признанным рангом. Незнание этой особенности и стало истинной причиной неудачи Омаи. Большинство моих читателей знают, что этот человек, первый полинезиец, посетивший Англию, был уроженцем Райетеа, одного из островов Общества, и что его привезли в Англию для получения образования, чтобы он мог выступать в качестве миссионера христианства и цивилизации в своей родной стране.

Во время третьего плавания капитана Кука Омаи снова был доставлен обратно, после того как его нагроулили различными подарками. Однако выяснилось, что все, что его действительно интересовало, - это оружие, особенно огнестрельное, с помощью которого он мог бы стать хозяином острова. У него было несколько мушкетов и пистолетов, а также боеприпасы, но капитан Кук отметил в своем дневнике, что, по его мнению, Омаи был бы счастливее без огнестрельного оружия, чем с ним, и выразил сомнение, не был ли бы он еще счастливее, если бы его никогда не вывезли с острова.

Результат оправдал эти ожидания. Никто, кроме низших сословий, не стал иметь дела с человеком, не имеющим никакого звания, а дворяне, возглавлявшие общественное мнение, даже не взглянули на него, когда он шествовал в доспехах, подаренных ему скорее из щедрости, чем из благоразумия. На самом деле они считали, что обладание всеми этими сокровищами - это оскорбление для них самих, и естественным результатом стало то, что Омаи вскоре лишился всего своего имущества и быстро вернулся к своему первоначальному варварству и идолопоклонству.

Таитянские дворяне, как бы они ни отстаивали свое звание, внешне почти не проявляют его. Даже в наши дни, несмотря на то, что они получили значительные богатства от торговли, и несмотря на негласное почтение к ним со стороны их собственного народа, вожди, как правило, одеваются и живут не лучше, чем большинство их подданных. Дело в том, что ранг каждого человека настолько хорошо известен, что нет необходимости обозначать его внешним показом или роскошными привычками, которые только навлекут на него презрительный эпитет "*фахиэ*", или "тщеславный".

В качестве иллюстрации этого принципа мистер Беннетт в своем "Китобойном путешествии вокруг земного шара" отмечает, что "обычно королеву Аймату можно увидеть одетой в свободное хлопковое платье, с голой головой и босыми ногами, смешивающейся с туземцами всех сословий. Ее трапезы также не отличаются особой вычурностью: хлебные плоды, какао, орехи какао и печеный поросенок, предназначенные для ее еды, кладутся на слой свежих листьев, расстеленных на земле; при этом участники трапезы демонстрируют пальцами полное презрение к современным ножам и вилкам, в использовании которых, однако, они прекрасно разбираются". Этот визит на Таити был совершен в 1834 году.

Ничто, пожалуй, не свидетельствует о врожденном уважении к рангу больше, чем поведение таитян по отношению к своей королеве. Лично ее нисколько не уважали, да она и не заслуживала уважения. Будучи единственной дочерью Помаре II. и получив от рождения титул Помаре Вахине, под которым она была более известна, чем под именем Аймата, она стала королевой в 1827 году, после смерти своего малолетнего брата. Поначалу ее поведение в качестве королевы было самым неженственным. Она изо всех сил сопротивлялась попыткам улучшить моральное состояние народа и делала все возможное, как наставлениями, так и своим примером, чтобы вернуть состояние безудержной разнузданности, царившее в стране. Однако, несмотря на ее поведение, уважение к ее рангу ничуть не уменьшилось, и, как мы уже видели, она могла общаться с самыми низкими из своих подданных, не умаляя своего достоинства.

Развлечения таитян во многом схожи с развлечениями других полинезийцев и поэтому не нуждаются в описании. Таитяне любят петь, обладают хорошими голосами и слухом, так что они были способными учениками в европейской музыке. Однако, как правило, они предпочитают петь воздух, или, в крайнем случае, первую и вторую, более сложные движения концертной музыки их почти не радуют. Они прекрасно умеют держать время и демонстрируют эту способность не только в своих песнях, но и в танцах. Пение туземцев не радует английское ухо: оно монотонное, носовое, с резкими переходами от высоких нот к низким.

Туземные песни в основном на две темы, а именно о любви и войне, причем первая преобладает, что объясняется тихим и мирным характером народа. Иногда их песни приобретают более патриотический оттенок и восхваляют свой островной дом, красоту его пейзажей и плодородие его почвы. Поют обычно женщины, чьи приятные голоса делают приятными даже носовые интонации. Мужчины поют редко, а когда они все же проявляют свой голос, то почти всегда используют грубый туземный способ вокализации.

Музыкальных инструментов у них немного. Конечно, у них есть барабан, которым они сопровождают свои песни и танцы, но не бьют в него с силой, как это принято в африканской манере барабанного боя, а слегка постукивают по нему пальцами. Барабаны бывают разных размеров, все они цилиндрические и очень длинные пропорционально своему диаметру. Как и многие другие нецивилизованные народы, они проявляют большую любовь к еврейской арфе, отчасти потому, что на ней легко играть, а отчасти потому, что она в некоторой степени воспроизводит своеобразные интервалы дикарской музыки.

Главный туземный инструмент, способный издавать различные ноты, - это своего рода флажолет или "мотыга", которая издает низкий, глубокий тон, чем-то напоминающий "дрон" волынки. Туземный музыкант может настроить свой инструмент очень простым способом. Мундштук разделен продольно, так что его части вибрируют, как у любого "тростникового" инструмента. Вокруг мундштука находится кольцо из мягкого дерева, и, сдвигая его вперед или отводя назад, исполнитель может настроить свой инструмент с некоторой точностью: первое движение дает резкий, а второе - более глубокий тон.

На мотыге редко играют в одиночку, обычно она используется в качестве аккомпанемента к туземным танцам. Исполнители, настроив инструменты, садятся в круг, тесно прижавшись друг к другу, и, наклонившись вперед так, что их головы склоняются над коленями, играют в восхитительное время, хотя мелодия едва ли заслуживает такой же похвалы.

Следуя инстинктам дикой природы, таитяне страстно любят петушинные бои и развлечения подобного характера. Некоторые из них носят более безобидный характер. Одно из самых

мужественных и изящных развлечений очень напоминает плавание в прибое у жителей Сандвичевых островов и описано капитаном Куком так: "Не чужды они и плаванию в прибое.

"Не были они чужды и успокаивающему воздействию, производимому особыми видами движения, которые в некоторых случаях, кажется, успокаивают любое душевное волнение с таким же успехом, как и музыка. В этом отношении я столкнулся с замечательным примером. Прогуливаясь однажды в районе Матавай-Пойнт, где были разбиты наши палатки, я увидел человека, который так быстро греб на маленьком каноэ и с таким нетерпением оглядывался по сторонам, что привлек к себе все мое внимание.

"Сначала я подумал, что он украл что-то с одного из кораблей, и пустился в погоню, но, терпеливо подождав, увидел, что он повторил свое развлечение. Он отошел от берега до того места, где начинает подниматься волна, и, внимательно наблюдая за ее первым движением, стал грести с большой быстротой, пока не обнаружил, что она обогнала его и приобрела достаточную силу, чтобы нести его каноэ перед собой, не проходя под ним. Тогда он сел неподвижно, и его понесло с той же скоростью, что и волну, пока она не высадила его на берег, после чего он отчалил, опорожнил свое каноэ и отправился на поиски другого волнения.

"Я не мог не прийти к выводу, что этот человек испытывал высочайшее наслаждение, когда его так быстро и плавно несло море, тем более что, хотя палатки и корабли находились так близко, он, казалось, нисколько не завидовал и даже не обращал внимания на толпы своих соотечественников, собравшихся посмотреть на них как на редкие и диковинные объекты.

"Во время моего пребывания здесь к нему подошли два или три туземца, которые, казалось, разделяли его радость и всегда окликали его при появлении благоприятной волны, так как он иногда пропускал ее, повернувшись спиной и озираясь по сторонам. Из этого я понял, что это упражнение, которое называется *chorooe*, было частым среди них, и у них, вероятно, есть еще больше развлечений такого рода, которые доставляли им по крайней мере такое же удовольствие, как катание на коньках, которое является единственным из наших, с эффектом которого я мог бы сравнить его".

Как и тонганцы и самоанцы, эти люди увлекаются боксом и борьбой, причем не только как зрители, но и как актеры. Однако они не вступают в них с тем духом и мужеством, которые демонстрируют более выносливые островитяне, и можно не сомневаться, что боксер или борец из Тонга вряд ли смог бы найти достойного соперника на Островах Общества.

Из этих двух видов спорта жители Островов Общества предпочитают борьбу: бокс считается слишком грубым развлечением и оставляет неприятные следы на лице побежденного бойца. Борьба, однако, гораздо более распространена, и проводится она следующим образом.

Намеревающиеся бороться сначала отправлялись в храмы своих богов и возлагали перед ними подношения, прося их о помощи в предстоящей борьбе. Затем они отправлялись на выбранное для поединка место, которое всегда имело ровную поверхность, иногда покрытую травой, а иногда песком. Для соревнующихся оставляли круг диаметром тридцать-сорок футов, а вокруг него рассаживались зрители, с одной стороны - жители острова или района, с другой - приезжие. Все готово, бойцы выходят на арену, не надевая ничего, кроме простого пояса, и в основном хорошо помазав свои тела и конечности маслом какао-ореха. Способ вызова и борьбы был так хорошо описан мистером Эллисом, что я предпочитаю привести его собственные слова

"Слава о знаменитом борце обычно распространялась по всем островам, и те, кто считался хорошим борцом, гордясь своей силой или мастерством, желали вступить в схватку только с теми, кого они считали равными себе. Поэтому, когда ожидался вождь, в чьей свите находились выдающиеся борцы, те из приверженцев вождя, у которого собирались развлекаться, кто желал принять участие в поединке, имели обыкновение посылать вызов до своего прибытия.

"Если это, называемое *типаопао*, имело место, то, выйдя на ринг, они сразу же закрывались без церемоний. Но если такой договоренности не было, борцы одной стороны или, возможно, их чемпион ходили вокруг и поперек ринга, согнув левую руку с кистью на груди, и, нанося сильные удары правой рукой по левой, а левой по боковой, издавали громкий полый звук, который вызывал любого на испытание мастерства. Удары по руке иногда были настолько сильными, что не только сшибали плоть, но и заставляли вытекать кровь.

"Когда вызов был принят, антагонисты сомкнулись, и стороны, к которым они принадлежали, проявили самый пристальный интерес. Они схватили друг друга за плечи и приложили все свои силы и искусство, чтобы бросить соперника. Это было все, что требовалось; и хотя обычно они боролись друг с другом, по правилам игры это было необязательно.

"Мапе, крепкий и довольно активный, хотя и не крупный мужчина, который часто бывал в моем доме в Эймео, был известным борцом. Однажды его видели на ринге с очень высоким тяжелым человеком, который был его противником; они боролись и разошлись, когда Мапе небрежно подошел к своему сопернику и, приблизившись к нему, вместо того чтобы вытянуть руки, как полагается, со всей силы ударил макушкой головы в висок своего противника и повалил его плашмя на землю.

"Во время борьбы соблюдалась полнейшая тишина, но как только один из них был повержен, сцена мгновенно изменилась; едва побежденный растянулся на песке, как друзья победителя подняли крик ликования. Забили барабаны; женщины и дети танцевали, торжествуя над павшим борцом, и пели, высмеивая противоположную сторону. Эти люди не были ни молчаливыми, ни безучастными зрителями, но сразу же начинали оглушительный шум, отчасти в честь своего клана или племени, но главным образом для того, чтобы нейтрализовать триумф победителей. Нелегко представить себе сцены, которые часто происходили на одном из этих борцовских матчей, когда не менее четырех или пяти тысяч человек, одетых в свои лучшие одежды и демонстрирующих все разнообразие костюмов и яркость красок, находились под воздействием возбуждения. Одни били в барабаны, танцевали и пели, гордясь победой и грозно бросая вызов; другие, чтобы усилить шум и смятение, не менее громко перечисляли достижения побежденного или предсказывали недолговечность триумфа его соперника. Когда состязание заканчивалось, победитель и побежденный снова возвращались в храм идола и возобновляли свои подношения молодыми деревьями подорожника.

"Хотя борьбой занимались в основном мужчины, она не ограничивалась только ими. Часто, когда они занимались, женщины боролись, иногда друг с другом, а иногда и с мужчинами. Люди самого высокого ранга часто занимались этим видом спорта; сестру королевы видели в почти такой же одежде, как у борцов, всю обсыпанную песком, борющейся с молодым вождем посреди ринга, вокруг которого собрались тысячи подданных королевы".

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОСТРОВА ОБЩЕСТВА - Продолжение. РЕЛИГИЯ.

РЕЛИГИЯ ОСТРОВОВ ОБЩЕСТВА - ИХ ИДОЛЫ - ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ИДОЛОПОКЛОНСТВОМ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИНЕЗИИ И ДРЕВНЕЙ СИРИИ - ОРО, БОГ ВОЙНЫ - СТЕПЕНЬ ЕГО ПОКЛОНЕНИЯ - ЛЕГЕНДА О РАКОВИНЕ - МАРАЕ ОРО, ИЛИ ХРАМ - ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ - ХИРО, БОГ ВОРОВ - ЕГО ПОКЛОНЕНИЕ И АПОФЕОЗ - ТАНЕ, ГЛАВНЫЙ БОГ ХУАХИНЕ - ЕГО МАРЕ И ЛОЖЕ - ОДЕВАНИЕ ТАНЕ - ДЕРЕВЬЯ ВОКРУГ ЕГО МАРЕ - ЕГО ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ХВОСТ - ЕГО ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ - ГЕНИАЛЬНОЕ УКЛОНЕНИЕ - ПОЛУЗЕМЛЯНКА ТАНЕ - ТАНЕ НЕ ЛЮБИТ КРОВОПРОЛИТИЯ, НО НУЖДАЕТСЯ В ЖЕРТВЕ ЖИЗНИ - КАМЕННОЕ КАНОЭ ТАНЕ - БОГ АКУЛ И ЕГО ВОДНЫЙ ХРАМ - АПОФЕОЗ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА - НЕОБЫЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВДОХНОВЕННЫХ ЖРЕЦОВ - ПЕРЕДВИЖНЫЕ СВАТИЛИЩА.

Теперь мы переходим к несколько сложной теме религиозных верований жителей острова Общества. Это непростая тема, поскольку она включает в себя огромное разнообразие национальных обычаев, в том числе всепроникающее тапу, погребение мертвых и человеческие жертвоприношения, которые сопровождают похороны или приносятся по большим праздникам. Мы начнем с краткого описания религиозной системы этих островитян, насколько это возможно, чтобы свести к системе предмет, столь неясный сам по себе и столь малопонятный для первых путешественников, которые одни могли бы стать свидетелями и получить информацию о различных религиозных церемониях.

Как и следовало ожидать от этих островитян, их религия - чистое идолопоклонство, точнее, она заключается в поклонении определенным изображениям, которые условно принимаются как видимые представители невидимых божеств. Идолы бывают двух видов: одни представляют собой грубые имитации человеческой фигуры, а другие - некие комбинации из ткани, синнета и перьев, накрученные на палки, не имеющие ни малейшего сходства с человеческой формой и не узнаваемые как идолы, кроме тех, кто понимает их значение. Человеческие фигуры считаются более низкими, чем другие идолы, и рассматриваются в том же свете, что и лары и пенаты древних римлян. Их называют по имени Ту, и предполагается, что они принадлежат к определенной семье, которая находится под их защитой.

Другие боги, по представлениям местных жителей, обладают гораздо более широкими полномочиями, иногда предполагается, что они следят за отдельными районами или даже островами. Есть боги долин и боги холмов, как мы читаем, в это верили сирийцы почти три тысячи лет назад: когда Ахав дал отпор Бенхададу, "слуги царя Сирийского сказали ему: их боги - боги холмов, поэтому они сильнее нас; но давайте сразимся с ними на равнине, и, конечно, мы будем сильнее их". (1 Царств хх. 23).

Полностью веря в защиту, которую эти божества способны оказывать своим поклонникам, неудивительно, что последние считают, что имеют право на благодеяния своих богов, и горько жалуются, когда что-то идет не так. Так, если богу поклоняются в какой-то местности, а земля становится бесплодной, или какао-ореховые деревья не дают плодов в полном объеме, или район опустошен войной, люди считают, что их бог не выполняет свой долг перед ними, и поэтому сбрасывают его и берут на его место другого.

Хотя эти боги в некотором роде ограничены, многие из них признаются по всей группе островов; главный, но и самый страшный из них - Оро, бог войны.

Это ужасное божество вызывает величайший трепет у своих поклонников, и в свое время его боялись на всех островах. Его имя ассоциировалось с разными местностями и многими предметами, так что его страшное имя постоянно было на слуху у людей. Существовал даже небольшой вид раковины морского гребешка, который держали в таком страхе, что ни один туземец не осмеливался к нему прикоснуться. Она называлась тупе (произносится "тоопе") и, как говорили, была особой собственностью Оро. Когда человек умирал и должен был превратиться в дух, его тело должно было быть полностью уничтожено. Это делал Оро, который соскребал плоть с костей раковины тупе и таким образом съедал тело.

Дальнейшая карьера духа была весьма своеобразной. Выйдя от Оро в своем новом облике, он направился к большому озеру на Раиатеа, вокруг которого растет пояс деревьев, по какой-то причине довольно плоских сверху и представляющих собой ровную поверхность, похожую на листовенную платформу. На этом месте новоиспеченные духи танцевали и пировали, а после того, как они проходили эту стадию своего существования, превращались в тараканов.

В Уахине было огромное мараэ, или священное помещение, посвященное Оро. Его длина составляла сто пятьдесят шесть футов, а ширина - восемнадцать, и он был построен в виде ограды из плоских плит кораллового камня, поставленных по краям, а промежутки между ними были заполнены землей. Одна из этих каменных глыб была размером девять футов на десять, так что труд по их вырубке и доставке на такое расстояние от моря должен был быть огромным.

На этой платформе возвели платформу поменьше, чтобы оставить пространство около четырех футов в ширину, и внутри этого верхнего этажа были сложены кости многочисленных жертв, закланных во время поклонения богу. Сам храм, называемый Фаре-но Оро, или Дом Оро, был совсем небольшим зданием, восемь футов в длину и шесть в ширину; чуть дальше находился квадратный камень, на котором стоял жрец, когда собирался принести жертву, а за ним - более высокий камень, служивший сиденьем, на котором жрец мог отдохнуть, когда уставал.

Как ни мал был этот дом, он стал местом многих человеческих жертвоприношений, и даже его возведение стоило нескольких жизней: каждый столб был вбит в землю через человеческое тело. Кроме этих жертв, в жертву неоднократно приносились и другие, четырнадцать из которых были перечислены стариком, некогда исполнявшим обязанности жреца Оро. Когда вождь острова принял христианство, этот человек попытался спрятать идола, которому он так долго поклонялся, и, чтобы спасти его от уничтожения, спрятал в отверстие в скале. Однако вождь справедливо опасался, что если позволить идолу остаться, то поклонение ему может возродиться, и поэтому настоял на его уничтожении. Помимо жреца, который приносил жертвы, у Оро был еще один служитель, чьей особой обязанностью было убивать жертвы. Официально он назывался Мау-буна, или хозяин свиней; человеческое тело, убитое для жертвоприношения, называлось "длинной свиньей". Когда ему указывали на жертву, Мау-буна, спрятав в руке круглый камень, находил возможность подобраться к ней сзади и одним ударом валил ее без чувств на землю, где и совершал убийство. Затем он упаковал тело в корзину из листьев кокосового ореха и отнес священнику.

Следующим после Оро был Хиро, полинезийский Меркурий, или бог воров. Изначально он был человеком, но был возведен в общество богов благодаря своим удивительным

поступкам на земле, главным из которых, по-видимому, была его смелость, когда он взял изображение Оро и безнаказанно бросил его на землю.

Поклонение Хиро распространялось на все сословия, от самого высокого вождя до самого низкого повара, и его приверженцы всегда просили его о помощи, когда отправлялись в грабительский поход, и обещали ему долю в добыче. Это обещание они всегда выполняли, но так как они старались не определять размер добычи, которая должна была принадлежать богу, то практически придумывали, как забрать ее себе. Например, вор отправлялся воровать свиней и обещал Хиро долю от украденной свинины. Соответственно, если ему это удавалось, он приносил домой добычу, запекал ее, отламывал дюйм от хвоста и шел с ней в святилище Хиро, где приносил ее в жертву с такой же торжественностью, как если бы это была половина свиньи, и одновременно просил бога не разглашать кражу жертвенника, который сдержал свое обещание.

Туземцы достаточно ловки в воровском деле, чтобы быть достойными покровительства этого бога, и обладают самыми изобретательными способами кражи чужого имущества. Например, если предметы небольшие, к концу длинного бамбука прикрепляется крюк, и вожденный предмет ловко вынимается самим вором, пока его сообщник переключает внимание жертвы на другое место. Иногда крючок привязывают к леске, и вор буквально набрасывается на имущество.

Апофеоз Хиро был весьма примечательным. После его жизни, состоявшей из краж, грабежей и убийств, в которой он не щадил даже храмы богов и, как мы видели, имел смелость бросить изображение Оро на пол и кататься по нему, как будто он победил Оро в борьбе, считалось, что он был настолько сверхчеловечески злым, что должен был стать богом. Соответственно, его череп поместили в огромное море, которое он сам воздвиг, а его волосы положили в изображение Оро, и оба были похоронены вместе, что и стало апофеозом. Когда господа Беннетт и Тирман были на Островах Общества, этот череп еще существовал, но он исчез вместе с идолами и другими реликвиями старых религий.

Следующий бог - Тане (произносится как "*тане*"), которому поклонялись на значительной территории страны, а на одном или двух островах его считали верховным богом. Так было на острове Уахине, где у Тане было мараэ или малаэ гигантских размеров. Здесь я могу заметить, что в большинстве полинезийских диалектов буквы *r* и *l* взаимозаменяемы, так что мараэ и малаэ - это, по сути, одно и то же слово.

Это мараэ имеет сто двадцать четыре фута в длину и шестнадцать в ширину и состоит, как и мараэ Оро, из двух этажей, последний из которых почти десять футов в высоту, и построен из коралловых блоков, некоторые из которых десять футов в ширину и соответственно длинные и толстые, так что их вес огромен. Поскольку мараэ находится примерно в ста ярдах от берега, на то, чтобы достать эти огромные камни из моря и закрепить их на своих местах, должно быть, было затрачено огромное количество труда. Высота верхнего этажа едва достигает одного ярда, и на каждом его конце находится вертикальный камень высотой в шесть футов.

В центре главной части находится ложе идола, которое он занимает раз в год и в котором ему должно быть удобно, так как его длина составляет двадцать четыре фута, а ширина - тринадцать. Оно построено, как и мараэ, из камня и земли, а его высота составляет всего восемнадцать дюймов. Это очень древнее сооружение, о чем свидетельствуют деревья, которые окружают его и раскинули над ним свои руки. Рядом с кроватью находится небольшой дом размером двенадцать футов на шесть, в котором покоится бог Тане вместе с меньшими богами, каждый из которых управляет своим районом.

Сам Танэ, сожженный в 1817 году, был вырезан из огромного куска дерева и по размерам не уступал высокому мужчине. Он не отличался изяществом форм: у него не было шеи и ног, а тело заканчивалось конусом. На голове имелись извиняющиеся глаза, рот, нос и уши, а вся она была покрыта синевой.

Раз в год Танэ надевали новый наряд и наряжали с большой торжественностью. Жрец выводил его из дома и укладывал на ложе, по обе стороны от него располагались четыре меньших бога. Вожди окружи стояли каждый перед своим богом, а жрецы - вокруг Тана, как великого бога их всех. Затем с идола снимали старые одежды и осматривали его внутренности, которые были полыми и содержали различные предметы: алые перья, бусы, браслеты и другие ценности. Те из них, которые начинали выглядеть потрепанными, удалялись, на их место вставлялись другие, после чего идолы облачались в новые одежды.

Тем временем готовилось огромное количество кавы - туземцы говорили, что по кубической мере она равна маре, - и происходила сцена пьяного дебоша, продолжавшаяся несколько дней, причем даже жрецы настолько опьянели, что не могли стоять, выполняя свои обязанности, и вынуждены были произносить свои заклинания, лежа на земле. Эта стадия одевания идола изображена на прекрасной [гравюре](#) на противоположной странице. По истечении трех дней специальный бог по имени Мураи был изготовлен и раздет, и, как только его одежды были сняты, начался сильный ливень, послуживший сигналом для того, чтобы все идолы были убраны в свои дома. Очень внимательно следили за тем, чтобы ни одна женщина не стала свидетелем этой церемонии, а если бы обнаружили женщину любого возраста, подошедшую на определенное расстояние к маре, ее бы сразу убили, и даже ее отец, муж или брат были бы в числе первых, кто сразил бы ее наповал.

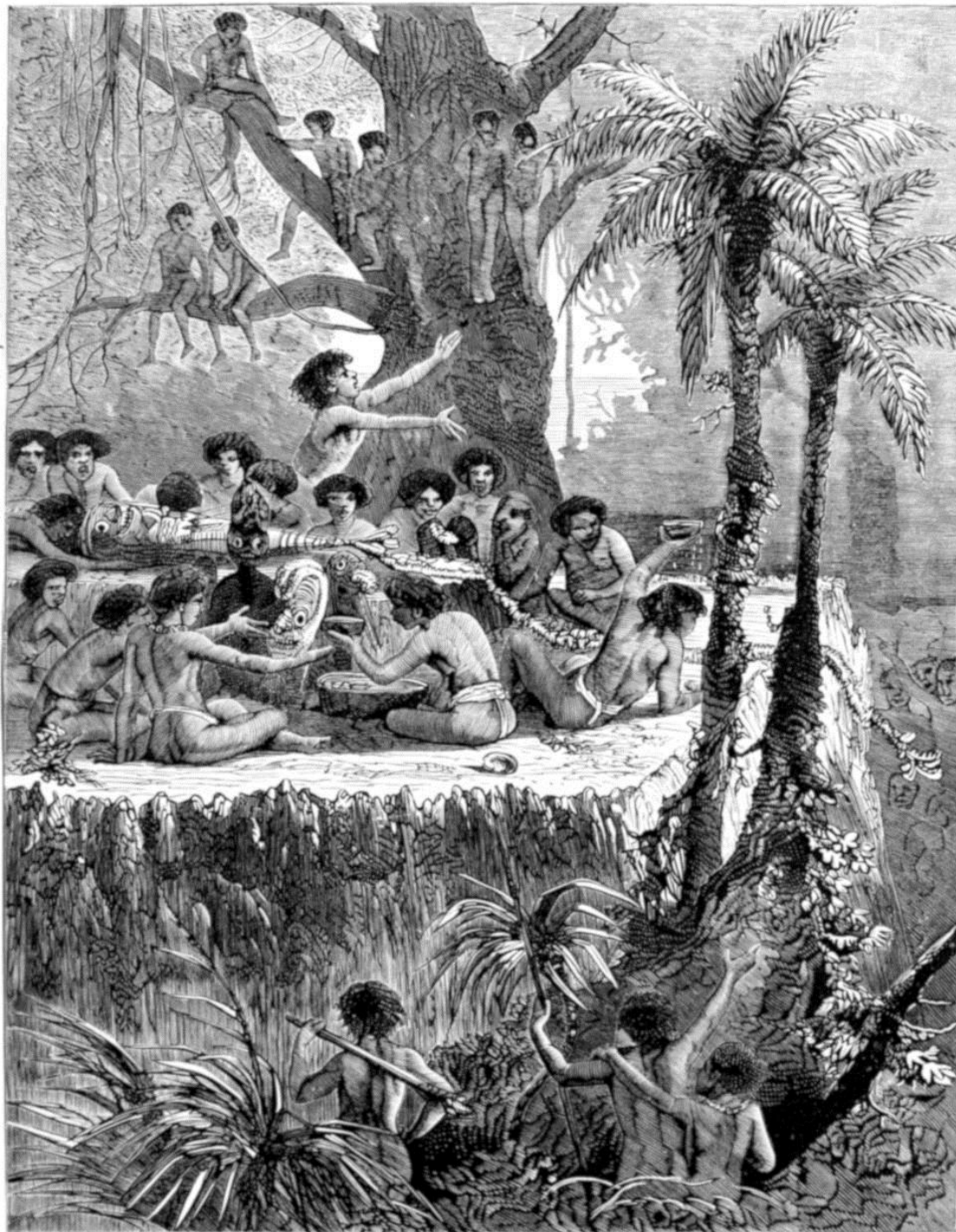
Деревья, украшающие это маре, - баньяны (*Ficus Indica*), одно из которых, по описанию мистера Беннета, достигает семидесяти футов в обхвате у главного ствола и выбрасывает огромные горизонтальные ветви, каждая из которых поддерживается корнем, больше похожим на ствол, чем на корень дерева. Мы насчитали более сорока таких ветвей, стоящих, как семейство земнородных гигантов, вокруг своего огромного родителя". Окружность, очерченная вокруг всех этих вспомогательных стеблей, равнялась ста тридцати двум футам в окружности, а окружность, охватывающая крайний предел их боковых разветвлений, - не менее четырехсот двадцати футов.

"Верхние этажи (если их можно так назвать) этого многоликого дерева представляли собой еще более необычное сочетание интересных и переплетающихся ветвей, похожих на готические арки, круги и колоннады, поддерживаемые, как по волшебству, в воздухе. Они были то массивными, то легкими, и везде богато украшены листвой, сквозь которую мерцающий солнечный свет пробивался длинными лучами, терявшимися в безбрежности внутреннего лабиринта, или танцевал яркими пятнами на земле, черной от теней сотен ветвей, поднимавшихся ярусами и простиравшихся ввысь и вширь, вверх и в стороны".

Это дерево было одним из мест, где приносили в жертву человеческие тела, упакованные в корзины из листьев и подвешенные к ветвям. Одна ветвь, огромной толщины и прочности, горизонтально проходящая на небольшой высоте от земли, была указана как главная виселица, на которой из века в век приносились человеческие жертвы, исчисляемые тысячами.

Тейн, при всей своей силе, страдал от одного недостатка. У него был очень длинный хвост, и всякий раз, когда он хотел покинуть свой дом, подняться в воздух и пронестись по небу с каким-нибудь злодейским поручением, его сдерживал длинный хвост, который обязательно запутывался в каком-нибудь предмете, который с этого момента становился священным для

бога. Например, только что описанное великолепное дерево несколько раз задерживало Тана на земле, и несколько веток, вокруг которых обвивался его хвост, сразу же становились тапу. С одной стороны его дома находился большой камень, который стал священным благодаря тому, что задержал полет бога.

ОСТРОВИТАНЕ, ЖИВУЩИЕ В ОБЩЕСТВЕ, ОДЕВАЮТ ИДОЛОВ.
(См. [стр. 1066.](#))

Идея о длинном и развевающемся хвосте, очевидно, была заимствована из метеоров и комет, которые, как предполагается, являются богами, проходящими по воздуху, и всякий раз, когда туземец видел один из них, он всегда сбрасывал свои верхние одежды и поднимал крик в честь проходящего бога. Мистер Беннетт предполагает, что постоянный хвост, прикрепленный к Тане, по всей вероятности, является памятью о какой-то очень величественной комете с хвостом длиной восемьдесят или девяносто градусов.

Идол был настолько священным, что все, к чему он прикасался, становилось тапу, и к нему нельзя было прикасаться нечистыми руками. Только одному человеку было позволено нести его, и он назывался по должности "*Te amo attua*", *то есть* богоносец. Его задача была не из легких, и его должность, хотя и заставляла относиться к нему почти с таким же почтением, как и к богу, особым слугой которого он был, должна была лишать его многих удобств. Богоносцу не разрешалось даже забираться на ореховое дерево какао, потому что, если бы он это сделал, дерево стало бы настолько священным, что никто не смог бы подняться на него после него; более того, каждое действие в его жизни было ограждено подобными ограничениями. Он не мог жениться, поскольку, во-первых, ни одна женщина не могла быть достойна такой чести, а во-вторых, он был бы осквернен и непригоден для своей должности, если бы взял в жены любую женщину.

Безбрачная жизнь, как нам кажется, не предполагает такого самоотречения, какое, по-видимому, подразумевается в том значении, которое придается безбрачию богоносца, который, похоже, был единственным холостяком на всей группе островов. Но у большинства диких народов богатство и положение мужчины регулируется количеством его жен, которые выполняют всю работу по дому и фактически держат своего мужа в безделье.

Дом, в котором жил бог, представлял собой небольшую хижину, возвышавшуюся на столбах высотой в двадцать футов, куда можно было попасть, только взобравшись на один из этих столбов. Поэтому богоносцу было нелегко взбираться на эти столбы с большим деревянным изображением, прикрепленным к его спине.

На иллюстрации на 1084-й странице мы видим, как главный жрец Тана - бог-носитель - поднимается на столб священного дома с громоздким идиолом на спине. Поднявшийся порыв ветра взметнул длинный хвост Тана в воздух, так что он запутался в соседнем дереве. Один из главных жрецов бежит, чтобы взобраться на дерево и освободить хвост бога, и с этого момента дерево станет тапу, и никому ниже рангом, чем жрец, освободивший хвост, не будет позволено взойти на дерево.

Иногда Тейн навещал марае на некотором расстоянии, и когда он это делал, его носильщик, естественно, уставал от тяжести своей ноши. Однако считалось унижительным для характера бога говорить, что его носитель может устать от его ноши, и поэтому, путем хитроумного уклонения, считалось, что бог сам устал от путешествия, и его укладывали на некоторое время отдохнуть на плоский камень в полумиле от священного дерева. Этот камень был тапу для женщин, и если бы женщина села на него или даже коснулась его пальцем, ее бы тут же убили.

Камень был не очень большим: всего четыре фута в длину, один фут в ширину и девять дюймов в толщину. Необычно, что этот священный камень, который так часто был свидетелем идолопоклоннических обрядов, стал свидетелем уничтожения идола, которому он был посвящен. После того как на острове утвердилось христианство, вожди, придерживавшиеся поклонения Тане, начали войну с христианами, которые дали им отпор, так что те были вынуждены вынести своего идола и положить его на священный камень. Два воинства встретились лицом к лицу недалеко от идола, и борьба уже должна была начаться,

когда вождь христиан обратился к врагам с речью, в которой изложил им различия между идолопоклонством и христианством и рекомендовал мир вместо войны.

Его голос возобладавал, и те, кто пришел сражаться с христианами, отреклись от своих идолов, а в доказательство своей искренности развели на этом месте большой костер, бросили в него Тане, а затем устроили большой пир, на котором мужчины и женщины ели вместе. Затем они направились к дому Тане, сожгли его и разобрали его огромное маре.

Перья, прикрепленные к идолам и помещенные в их полые тела, - это в основном два длинных хвостовых пера тропической птицы, белые и широкие у основания и узкие и алые на остальной части длины. Когда богов одевают заново, считается за честь, если кто-то подарит свежие перья вместо тех, что испортились от старости. После того как старая одежда разворачивается, перья помещаются внутрь изображения, а соответствующее количество старых перьев вынимается и преподносится преданному, который ценит их превыше всего, как причастность к святости, окружавшей первоначального идола. Затем эти перья тщательно обматывают синевой, чтобы закрыть их, за исключением небольшой части обоих концов, и кладут перед идолом, а жрец читает молитву, в которой умоляет бога перенести свою святость на эти перья, которые с этого момента становятся второстепенными богами.

Счастливым поклонником уже снабдил себя бамбуковыми трубками, в каждую из которых он помещает по одному перу и никогда не вынимает их, кроме как для того, чтобы помолиться им. Иногда он изготавливает идола меньшего размера и помещает перья в него; но в этом случае он должен отнести нового идола, чтобы положить его перед прежним, чтобы гарантировать им передачу святости. Такой способ почитания священных перьев обычно используется, когда после их получения преданный испытывает какую-то удачу, и в большинстве случаев он не только заключает их в нового идола, но и строит небольшой храм, в котором живет этот идол.

Раньше, когда животных приносили в жертву Тане, кровь не проливали, а клали их на камень и душили, зажав шею между двумя палками. Ему подносили всевозможную пищу, часть которой он должен был съесть сам, часть брали жрецы, а остальное съедали поклонники. Все первые плоды доставались Тане: крестьянин должен был предложить ему два самых ранних плода, *раатира* или джентльмен - десять, а вожди - еще больше, в зависимости от их ранга и богатства.

Неподалеку от священного камня находилось маре, в котором хранился очень священный предмет, по сути, не меньший, чем кусок каноэ самого Тане. По словам людей, это было очень чудесное каноэ, так как оно было сделано из камня, но плавало так же хорошо, как если бы было сделано из дерева. В доказательство этого они положили осколок в воду, где он всплыл, как и должен был всплыть, будучи не более чем куском пемзы. Никто не знал, где был добыт этот камень, но говорили, что в разных частях острова есть еще куски.

Помимо богов-идолов, существуют боги, символизируемые живыми существами, главным из которых является акула, которой поклоняются по той же причине, что и крокодилам и ядовитым змеям в некоторых частях света, то есть из-за ее разрушительной силы. Мистер Беннетт видел большое маре, которое было посвящено богу акул из-за чудесного события, которое, как говорили, произошло некоторое время назад. В одном месте земля начала трястись и дрожать, и, когда люди в ужасе разбежались, земля разверзлась, и огромная акула просунула свою голову через расщелину в земле.

Об образовании мареев уже говорилось. За некоторое время до того, как мистер Беннетт прибыл в это место, акула сумела пробиться сквозь песок в маре, расположенное на берегу

лагуны. Вода хлынула вместе с рыбой, и туземцы, обрадованные тем, что их бог действительно пришел, чтобы завладеть своим храмом, завалили проход, через который он проник, очистили мараэ и держали в нем акулу до конца ее жизни, обильно кормя ее рыбой и мясом.

Действительно, в одной бухте жрецы регулярно кормили акул, в результате чего они стали вполне привычными и приплывали к берегу, чтобы полакомиться рыбой и свининой. Они также сопровождали каноэ, прекрасно зная, что туземцы всегда выбрасывают за борт часть пойманной рыбы, чтобы умиловить акульих богов. Последние, однако, так мало ценили оказанную им доброту, что если бы один из их поклонников упал за борт, они бы съели его, несмотря на все умиловительные подношения.

Иногда живого человека избирали в ранг бога и поклонялись ему при жизни. Так было сделано в Раиатеа: король Таматоа был причислен к богам с помощью ряда церемоний, которые могли бы быть очень уместны при определении его места среди самых худших и мерзких демонов, но были совершенно неподходящими для апофеоза. После этой церемонии к царю обращались как к оракулу, ему возносили молитвы и жертвы и относились к нему так же благоговейно, как если бы он был самим Таном.

Примечательно, что Таматоа стал христианином в своей дальнейшей жизни и предоставил ценнейшую информацию о религиозных верованиях жителей Острова Общества. Он подтвердил, как очевидец, рассказы о поразительных поступках языческих жрецов, совершаемых ими в состоянии вдохновения. Видели, как они с такой силой ударяли руками о землю, что впивались в нее всей рукой до плеча. Капитан Генри, сын одного из миссионеров, утверждает, что видел, как один из этих жрецов погружал руку в твердую землю, словно это была вода, и что он совершил бы этот подвиг на любой земле, где бы он ни оказался.

"Разъяренный жрец в тот раз пускал пену изо рта, искажал глазные яблоки, судорожно двигал конечностями и издавал самые отвратительные вопли и завывания. После того как он, казалось, зарыл свою руку, как копье, внезапно воткнутое в землю, он продержал ее там в течение значительного времени; затем, вытащив ее без повреждений, он бросился к берегу и, ухватившись за большое каноэ, для спуска которого на воду обычно требуется три или четыре человека, с видимой легкостью толкнул его перед собой и пустил в дрейф.

После этого он бросился в море, барахтался в нем и долгое время держал голову под водой". Когда этот акт трагической пантомимы был закончен, он сел среди волн и произнес свои пророчества на очень образном и гиперболическом языке, в то же время достаточно двусмысленном, чтобы быть исполненным в одном из двух смыслов, что бы ни случилось".

Переносные святилища богов когда-то использовались на островах Общества, но так полно и быстро разрушалось все, что связано с идолопоклонством, что мистеру Беннету, который был очевидцем многих идолопоклоннических практик, удалось раздобыть только один образец, который сейчас находится в музее Лондонского миссионерского общества.

По форме он напоминает дом с покатой крышей и длиной около ярда. Он стоит на четырех коротких ножках, а под ним находится круглое отверстие, через которое идол входил в свое святилище, а дверь точно прилегала и закрывала проем. Идол, который находился в этом святилище, представлял собой женское божество, очень почитаемое народом, потому что она была очень злопамятной и убила тысячи людей, получив за свои кровожадные наклонности имя Ти Вахине, или Королева Ти. Идол представляет собой ужасно отталкивающий пример уродства, которым дикари неизменно наделяют своих божеств.

Святылище с идолом внутри было спрятано в скальной пещере жрецами Тии Вахине, когда идолопоклонство было низвергнуто христианством, и не было обнаружено в течение значительного времени, когда оно было извлечено из места сокрытия и продано.

ГЛАВА СХ.

Острова Сосьете - *Продолжение.*

ИСТОРИЯ - ВОЙНА - ПОХОРОНЫ - ЛЕГЕНДЫ.

ЖРЕЦЫ И ИСТОРИКИ ОСТРОВОВ ОБЩЕСТВА - МАРО, ИЛИ КОРОЛЕВСКАЯ МАНТИЯ, И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ - НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ТИТУЛ КОРОЛЯ - НОСИТЕЛЬ КОРОЛЯ - АРХИТЕКТУРА НА ОСТРОВАХ ОБЩЕСТВА - ТАИТЯНСКАЯ ВОЙНА - РЕТЕНЦИОННАЯ ПАМЯТЬ, И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ВОЙНЕ - ПОВЕДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОБЕЖДЕННЫМ - МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ И МАНЕВРЫ - ВОЕННЫЙ ЭТИКЕТ - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ПЕРЕД СРАЖЕНИЯМИ - РАССКАЗ КАПИТАНА КУКА ОБ ЭТОЙ ЦЕРЕМОНИИ - ПОХОРОНЫ У ТАИТЯН - БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ ТЕЛА ВОЖДЯ - СТРАННАЯ ОДЕЖДА ГЛАВНОГО СКОРБЯЩЕГО - ОБЩЕСТВО АРЕОИ И ВЛИЯНИЕ, КОТОРОЕ ОНО ОКАЗАЛО НА ЭТУ ГРУППУ ОСТРОВОВ - ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗАНИЯ АРЕОИ.

Жрецы выполняли функции историков, а также иерофантов: каждый значимый вождь имел в своем доме хотя бы одного из них, который по всем торжественным случаям рассказывал о важнейших событиях, произошедших в стране, и особенно о тех, которые касались семьи его покровителя. Он не только рассказывал о событиях, свидетелем которых был сам, но и воспевал деяния прошлых дней, записи о которых были переданы ему его предшественниками.

Таким образом, священники были единственными историками на Островах Общества; и действительно, не было другого способа донести до каждого последующего поколения традиции прошлого. Однако их точность во многом зависела от памяти историка, а поскольку эта память с возрастом могла потускнеть, естественно, что история прежних времен значительно изменялась каждым последующим рассказчиком. Таматоа сам был известным летописцем и мог повторить удивительное количество рассказов, в которых факты и вымысел были смешаны таким образом, что в точности напоминали полумифическую историю Древней Греции и Рима.

Эти летописцы, хотя и не умели писать, не были лишены некоторых средств, с помощью которых они могли освежить свою память. Главным из них был маро, священный шарф королевских особ. Слово "маро" означает простой кушак, который носят мужчины, но у короля он называется "маро", и, как и корона императора, надевается только при присвоении королевского звания. Когда она не используется, ее сворачивают в туземную ткань, чтобы получился большой сверток, и развязывают только тогда, когда она нужна. Когда капитан Кук увидел его, он описал его как пятнадцать футов в длину, но когда мистер Беннетт был на Островах Общества, его длина составляла двадцать один фут, а дополнительный размер был обусловлен коронацией сменяющих друг друга королей. Ширина его составляет всего шесть дюймов, и когда его надевают, то оборачивают вокруг тела, так что конец далеко стелется по земле. Он покрыт драгоценными красными перьями, а к нему прикреплена игла, которой его обрабатывают. Маро считается настолько священным, что, по представлениям туземцев, всякий раз, когда делается новый стежок, это событие отмечается раскатами грома.

Маро никогда не предполагалось завершать, но, согласно первоначальному замыслу, оно должно было пополняться при коронации каждого нового короля, так что его длина должна была увеличиваться до тех пор, пока сохранялась королевская преемственность. В некоторых отношениях она очень похожа на гобелен из Байе. Он очень длинный пропорционально ширине, а описанные на нем узоры являются свидетельствами того времени, когда маро было соткано, и служат подспорьем для памяти профессиональных историков, которые в своих песнях воспевают деяния прошлых дней.

Производство маро было прекращено весьма любопытным образом. После того как Таматоа стал христианином, он пришел в такой ужас от невыразимой незаконности церемоний, которые происходили при каждом удлинении маро, что решил уничтожить само маро. К счастью, вместо того чтобы уничтожить его, он отдал его своим учителям, и оно было отправлено вместе со многими образцами идолопоклоннического искусства Полинезии в музей Лондонского миссионерского общества. Здесь я могу упомянуть, что Таматоа - наследственное имя короля, как фараон Египта и финоу Тонга.

Все короли, а точнее, главные вожди, имеют величайшее представление о своем достоинстве и воспринимаются своими подданными почти как полубоги. Как и некоторых африканских королей, их носят на плечах, когда они переезжают из одного места в другое по суше, а когда они едут по морю, то говорят, что они летят, а не плывут. Существует особый язык для короля, чье каноэ называется "Радуга", а дом - "Небесное облако". Никому не позволено стоять выше него, и эта идея настолько сильно внушена ему, что великий вождь не желает заходить в каюту европейского корабля, чтобы низший не ступил на палубу над его головой. Король даже претендует на власть над языком. В Англии мы привычно говорим об английском языке короля или королевы. На Островах Общества язык действительно принадлежит королю, который придумывает и изменяет слова по своему капризу и даже вычеркивает из языка те слова, которые ему не нравятся.

Власть короля столь абсолютна, что можно предположить, что дом, в котором он живет, намного превосходит дом его подданных. Однако его власть скорее реальная, чем кажущаяся, и, хотя он обладает деспотической властью, его селят, одевают и кормят едва ли лучше, чем любого из его подданных, и ничуть не лучше, чем вождей. Его дом построен в той же манере и из тех же материалов, что и дома его подданных. Он, конечно, больше, потому что должен вмещать больше людей; но в других отношениях он ни в чем не превосходит их.

Дома на Островах Общества, по сути, представляют собой не более чем соломенные крыши, опирающиеся на столбы высотой около семи или восьми футов, причем столбы сужаются от основания к вершине и не стоят совсем вертикально, а немного наклонены внутрь. Пол обычно покрыт травой и циновками, а к стропилам крыши подвешены корзины, связки тканей и другое имущество.

Военные действия на Островах Общества мало чем отличаются от тех, что практикуются во многих других частях Полинезии, и поэтому не нуждаются в подробном описании.

Раньше, когда их оружием были копье, дубина и праща, войны были очень продолжительными и приводили к большому кровопролитию, но позднее введение огнестрельного оружия оказало свое обычное воздействие и не только сократило количество войн, но и уменьшило количество жертв в боях.

Некоторые из их копий были ужасным оружием, самым страшным из которых, похоже, был трезубец, чем-то похожий на копье угря. Голова его была вооружена тремя костями из хвоста ската. Они не крепились к головке копья, а лишь вставлялись в гнезда, достаточно плотно,

чтобы удержать их. Когда врага поражали одним из этих остриев, оно отделялось от копья и, благодаря своим особым колючим краям, все глубже и глубже входило в тело, так что ранение одним из этих копий приводило к верной смерти.

Аборигены Островов Общества также использовали кость ската для тайных убийств. Они следили за намеченной жертвой, пока та спала, и, осторожно прикасаясь к ней пером, заставляли ее повернуться, пока она не оказывалась в выгодном положении. Затем в тело вонзался смертельный кинжал, и убийца убегал, будучи уверенным, что рана рано или поздно окажется смертельной.

Особенность характера этого народа проявляется и в другом. Они очень цепко хранят память обо всем, что имеет для них личный интерес, и одинаково не желают забывать ни обиды, ни пользы. Они будут всю жизнь мстить любому, кто их обидел, так что один человек, как известно, преследует другого из года в год, с одного острова на другой, с уверенностью и упорством ищейки, и никогда не прекращает своих поисков, пока не отомстит своему врагу. Однако в этой черте характера есть и положительный момент: хотя в большинстве случаев она используется в дурных целях, иногда она принимает противоположный оборот. Мистер Беннетт упоминает, что однажды после битвы вождь победившей стороны узнал, что среди бегущих врагов был человек, который проявил к нему доброту в прошлой войне. Зная, какая участь постигнет этого человека, если он попадет в руки победителей, он пошел по следу беглеца и, разыскивая своего друга от укрытия к укрытию и от куста к кусту, наконец обнаружил его, отвел в свой дом, продержал там некоторое время, а затем отпустил в безопасное место.

Жестокость по отношению к побежденным - одно из неизменных сопровождений дикарских войн, и мы не можем ожидать, что жители островов Общества свободнее других. Единственный каннибализм, в котором они виновны, связан с войной, и даже в этих случаях победители съедают лишь небольшую часть тела мертвого противника, в соответствии с обычаем, и не пируют человеческой плотью, как это делают многие полинезийцы.

Однако в некоторых случаях они очень жестоко обращаются с захваченными или ранеными врагами, разрывая их на части, причем стараются избегать жизненно важных частей, чтобы как можно дольше продлить агонию страдальца. Даже Помаре, до того как он стал христианином, был виновен во многих отвратительных зверствах. Известно, что он брал детей побежденных вождей, продевал им в шею синтетические шнуры и таскал их за собой, пока они не умирали от пыток.

Даже когда враг был мертв, победители не могли успокоиться, не оскорбив бесчувственный труп. "Когда боец убивал выдающегося противника, - пишет мистер Беннетт, - после окончания поединка его брэнную тушу оставляли на поле боя на день или два. Затем ее тащили на марae, где победитель и его друзья стояли над ней и самым диким образом ликовали над трупной массой".

Каждый, взяв в руку волокнистую палочку из листьев кокосового ореха, жесткую, как китовая кость, чтобы использовать ее в качестве барабанной палочки, бил ею тело до изнеможения, говоря ему: "Ага! Теперь ты у нас; твой язык заполнил весь рот, глаза вылезли из головы, а лицо распухло; так было бы и с нами, если бы ты победил". Затем, после паузы, они возобновляли свои бессильные удары и не менее бессильные насмешки. Теперь ты мертв, ты больше не будешь досажать нам. Мы отомстили тебе; и ты отомстил бы нам, если бы был сильнейшим в бою". И снова: "Ага! Ты больше не будешь пить каву; ты больше не будешь

убивать мужчин; ты больше не будешь расчленять наших жен и дочерей. Как мы используем вас, так и вы бы использовали нас; но мы - завоеватели, и мы отомстим".

"Когда они устали и превратили плоть трупа в мумию, они сломали руки выше локтей, вложили в кисти цветы и, закрепив веревку на шее, повесили изуродованные останки на дерево и танцевали вокруг них с неистовым ликованием, смеясь и крича, когда ветер раздувал вывихнутые конечности и разорванные мышцы".

Бои на каноэ демонстрируют определенное мастерство в маневрах. Военные каноэ - двойные, с платформой, установленной поперек брусьев, образуя своего рода сцену, на которой воины стоят, чтобы сражаться. Движениями каноэ руководит один человек, который старается поставить противника в невыгодное положение и приказывает судну наступать или отступать, как ему кажется лучше, в то время как воины танцуют на помосте и возбуждают себя неистовыми криками, размахивая дубинами и копьями, и обмениваются выпадами с противником, когда тот находится достаточно близко. Как только одному из них удастся взять верх над другим, каноэ сближаются, и воины из одного пытаются взять на бордаж другой и убить его защитников.

Резервисты принимают раненых и заботятся о них, укладывая их на дно каноэ, где они находятся в безопасности от оружия противника, и в свою очередь занимают место тех, кто выбыл из строя, так что на фронт постоянно прибывает свежая череда воинов. Когда, наконец, одна сторона одерживает верх над другой, те из побежденных, кто в состоянии использовать свои конечности, прыгают за борт и пытаются спастись вплавь. Другого выхода у них нет, потому что четвертования не бывает и не предвидится, а если жизнь побежденных и будет сохранена в тот момент, то только для того, чтобы на следующий день несчастных замучили до смерти.

Когда капитан Кук посетил Острова Общества, он обнаружил, что все решающие сражения происходят на воде, а о великой битве на суше никто и не помышляет. Действительно, главная сила этих островитян заключается в их каноэ, и в морском сражении обычно участвует огромное их количество. В таком морском бою, как только одна из сторон оказывалась в проигрыше, они тут же устремлялись к берегу, вытаскивали свои каноэ на берег, выпрыгивали из них и с боем пробирались к холмам, где прятались днем, а ночью уходили в свои дома.

Когда решается подобная битва, она проходит очень честно и становится чем-то вроде генерального турнира. Два противоборствующих вождя договариваются друг с другом о времени и месте битвы. Весь день и ночь, предшествующие битве, обе стороны проводят в пиршествах и танцах, очевидно, исходя из принципа, что, если завтра их убьют, они могут развлекаться, пока есть возможность. Перед рассветом каноэ спускают на воду и готовят к бою, и с рассветом начинается сражение.

После того как бой окончен и побежденные разбежались, победители с триумфом отправляются в мараи, где возносят благодарность своим богам и приносят им в жертву убитых, раненых и пленных, которых они взяли. Затем вождь побежденной стороны вступает в переговоры со своим успешным противником, и заключается договор, по которому мир восстанавливается на определенных условиях. Эти условия часто бывают очень жесткими и вынуждают побежденных отдавать большие участки земли, а также платить большие штрафы за имущество. Иногда целый район меняет хозяина, а в одном или двух случаях к завоевателям присоединяется целый остров.

Поскольку человеческие жертвоприношения уже неоднократно упоминались, будет не лишним описать обстоятельства, при которых они происходят. Мы уже видели, что во время войны пленных врагов приносят в жертву идолам. Этому есть своеобразное оправдание, которое заключается в том, что, поскольку пленники добивались жизни поклоняющихся богам, их собственные жизни должны быть принесены им в жертву в качестве искупления за их самонадеянность.

Однако есть и другие случаи, когда приносятся подобные жертвы, причем жертва выбирается вождем и хладнокровно убивается. Например, если король или главный вождь какого-либо острова или района затевает войну с другим, он обычно приносит в жертву своему богу человека, чтобы попросить его о помощи против врага. Одно из таких жертвоприношений видел капитан Кук в 1777 году. Он не был свидетелем самого убийства жертвы, которая, как обычно, была убита врасплох ударом камня, но видел, как тело готовили к жертвоприношению, и присутствовал при любопытной церемонии, сопровождавшей жертвоприношение.

Оказалось, что Тоуха, вождь своего округа, намеревался начать войну с островом Эймео и послал своему другу и родственнику Отоо сообщение о том, что принес в жертву человека, и пожелал, чтобы Отоо присутствовал при принесении тела в жертву на большом маре Аттахороо. Сомневаясь в том, что обычно мягкие и нежные таитяне действительно приносят человеческие жертвы, капитан Кук попросил разрешения сопровождать Отоо и отправился с ним на марае. Они сели в свои каноэ, взяв с собой жалкую, полуголодную собаку, которая должна была стать частью жертвоприношения.

Когда они прибыли на место высадки, то обнаружили тело убитого уже там, лежащее в каноэ, которое было наполовину в воде, а наполовину на дне, прямо перед мараэ. Отоо, его гости и вожди остановились примерно в десяти ярдах от тела, а остальные люди наблюдали за происходящим издалека.

"Теперь начались церемонии. Один из жрецов принес молодой подорожник и положил его перед Отоо. Другой подошел с небольшим хохолком из красных перьев, накрученных на волокна шелухи какао-ореха, которым он коснулся одной из ног царя, а затем удалился с ним к своим спутникам.

"Один из жрецов, сидевший на марае, лицом к тем, кто находился на берегу, начал длинную молитву; в определенные моменты он посылал вниз молодые плоды подорожника, которые клали на жертву. Во время этой молитвы человек, стоявший рядом со священником, держал в руках два свертка, похоже, из ткани. В одном из них, как мы потом выяснили, находился королевский маро, а в другом, если можно так выразиться, ковчег Эатоа (*то есть* Атуа, или бога). Как только молитва закончилась, жрецы на маре со своими помощниками пошли и сели с теми, кто был на берегу, неся с собой два свертка.

"Здесь они возобновили свои молитвы, во время которых подорожник по очереди, в разное время, снимали с жертвы, которая была частично завернута в листья какао и мелкие ветки. Теперь ее вынесли из каноэ и положили на берегу, ногами к морю. Жрецы расположились вокруг него, одни сидя, другие стоя, и один или несколько из них повторяли приговоры в течение примерно десяти минут. Теперь мертвое тело обнажили, удалив листья и ветки, и положили в параллельном направлении на берегу моря.

"Затем один из священников, стоя у его ног, произносил длинную молитву, к которой время от времени присоединялись остальные; каждый держал в руке пучок красных перьев. Во время этой молитвы с головы жертвы срывали несколько волос и вынимали левый глаз; и то и

другое подносили Отоо, завернутым в зеленый лист. Однако он не стал прикасаться к ним, а отдал тому, кто их преподнес, пучок перьев, который получил от Тоухи. Это, вместе с волосами и глазом, было отнесено обратно жрецу.

"Вскоре после этого Отоо прислал им еще один пучок перьев, который он дал мне утром, чтобы я держал его в кармане. Во время последней церемонии зимородок зашумел на деревьях, и Отоо повернулся ко мне, сказав: "Это Эатоа", и, похоже, счел это добрым предзнаменованием.

"Затем тело отнесли на небольшое расстояние, головой в сторону мараэ, и положили под дерево, возле которого были закреплены три широких тонких куска дерева, по-разному, но грубо вырезанных. Свертки ткани были положены на часть маре, а пучки красных перьев - у ног жертвы, вокруг которой жрецы заняли свои места; теперь нам было позволено подойти к ней настолько близко, насколько нам было угодно.

"Тот, кто казался главным жрецом, сидел на небольшом расстоянии и говорил в течение четверти часа, но разными тонами и жестами, так что казалось, что он часто спорит с мертвецом, к которому он постоянно обращался, и иногда задавал несколько вопросов, по-видимому, относительно уместности его убийства. В другое время он предъявлял несколько требований, как будто покойный либо сам обладал властью, либо был заинтересован в божестве, чтобы заставить его выполнить эти просьбы. Среди них, как мы поняли, он просил его отдать в руки Эймео, вождя Махейна, свиней, женщин и прочее имущество острова, что, собственно, и было явным намерением жертвоприношения. Затем он прочитал молитву, которая продолжалась около получаса, в плаксивом, меланхоличном тоне, в сопровождении двух других жрецов, к которым присоединились Потатау и некоторые другие. Во время этой молитвы жрец вырвал еще несколько волос с головы трупа и положил их на один из пучков.

"После этого главный жрец молился в одиночестве, держа в руке перья, полученные от Тоухи. Закончив, он передавал их другому, который молился таким же образом. Затем все пучки перьев были положены на связки ткани; на этом церемония в этом месте была завершена.

"Затем труп выносили на самое видное место мараэ вместе с перьями, двумя пучками ткани и барабанами, последний из которых бил медленно. Перья и свертки клали на груды камней, а труп - у их подножия. Жрецы снова уселись вокруг него, возобновили молитвы, а некоторые из служителей вырыли яму глубиной около двух футов, в которую бросили несчастную жертву и засыпали землей и камнями. Пока его опускали в могилу, мальчик громко пискнул, и Омаи сказал мне, что это был Эатоа.

"В это время развели костер, достали упомянутую собаку и убили ее, свернув ей шею и задушив. Шерсть была сожжена, а внутренности вынуты и брошены в огонь, где они были оставлены до полного сгорания. Но сердце, печень и почки только поджарили, положив на несколько минут на раскаленные камни; а тело собаки, после того как его обмазали кровью, собранной в скорлупу ореха какао, и высушили на огне, вместе с печенью и т. д. отнесли и положили перед священниками, которые сидели и молились вокруг могилы.

"Они еще некоторое время продолжали произносить слова над собакой, в то время как двое мужчин через определенные промежутки времени очень громко били в два барабана, а мальчик, как и прежде, трижды пронзительно кричал. Это, как нам сказали, было сделано для того, чтобы пригласить Эатоа на пир, который они для него приготовили. Как только жрецы закончили свои молитвы, тушу собаки с принадлежавшими ей вещами положили на

ватту, или эшафот, высотой около шести футов, стоявший неподалеку, на котором лежали останки двух других собак и двух свиней, недавно принесенных в жертву и издававших в это время нестерпимое зловоние. Из-за этого мы находились на большем расстоянии, чем требовалось бы в противном случае; ведь после того как жертву унесли с берега моря в сторону марае, нам разрешили приблизиться настолько близко, насколько нам было угодно. Действительно, после этого ни серьезности, ни внимания со стороны зрителей не наблюдалось. Когда собаку положили на ватту, жрецы и сопровождающие издали нечто вроде крика, который завершил церемонию на сегодня".

Эта сцена хорошо представлена на [иллюстрации № 1](#) на противоположной странице. На переднем плане - каноэ, в котором лежит тело закланной жертвы в сопровождении двух жрецов, а чуть выше на берегу - собака, предназначенная для второй части жертвоприношения. Прямо перед домом находятся две платформы, на более высокой из которых лежат уже принесенные в жертву собаки и свиньи, а на более низкой - забальзамированное тело покойного короля, которое выносят для осмотра. Перед телегой стоят барабанщики, играющие на своих искусно вырезанных инструментах. Часть мараэ видна на левой стороне иллюстрации, на ней лежат черепа человеческих жертв, которые приносились по разным поводам.

На следующий день церемонии возобновились; было убито еще больше свиней, на передвижной дом, в котором перевозили Атуа (или бога), положили несколько даров, а молодой подорожник был сорван и положен к ногам короля.

Затем были развернуты таинственные свертки ткани, лежавшие на марае, и из одного из них был извлечен священный маро, или королевский пояс, который уже был описан. Он был примечателен тем, что часть алых перьев, которыми украшен маро, была пришита к английскому вымпелу, который капитан Уоллис поднял, когда высадился на остров, и оставил развеваться, когда покидал его. Во втором свертке находился идол, которому приносились жертвы.

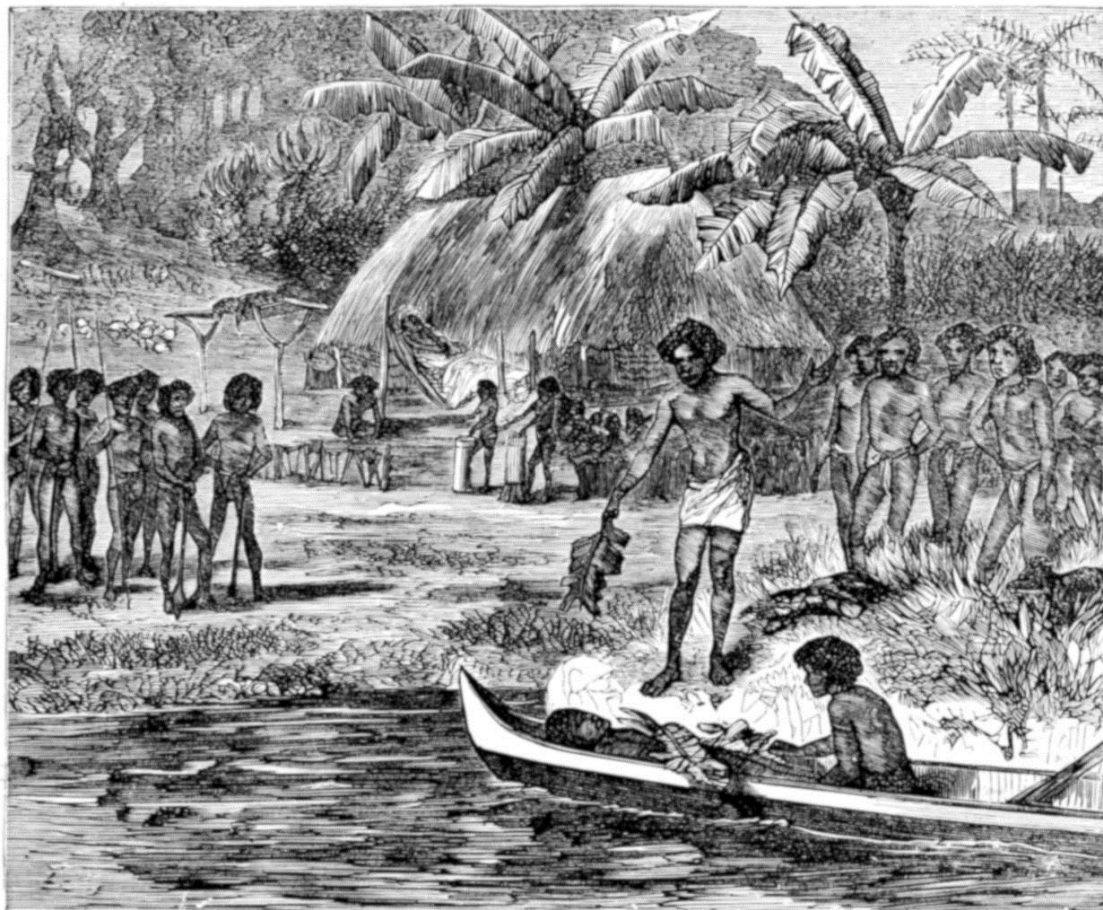
Затем убивали еще одного борова и осматривали его внутренности, точно так же, как это делали древнеримские авгуры; церемония заканчивалась тем, что Атуа вместе с несколькими алыми перьями сворачивали в узелок из ткани, из которого он был извлечен.

На похоронах великих людей часто приносятся человеческие жертвы, и возле больших ваттов, или платформ, на которых предлагаются свиньи и другие продукты, лежит множество человеческих черепов, каждый из которых является реликвией человеческого жертвоприношения. Единственный плюс этих жертвоприношений в том, что жертва совершенно не осознает своей участи. Его сбивает на землю внезапно подкравшийся к нему убийца, и он никогда не чувствует настоящей горечи смерти, а именно ужаса перед грядущей участью.

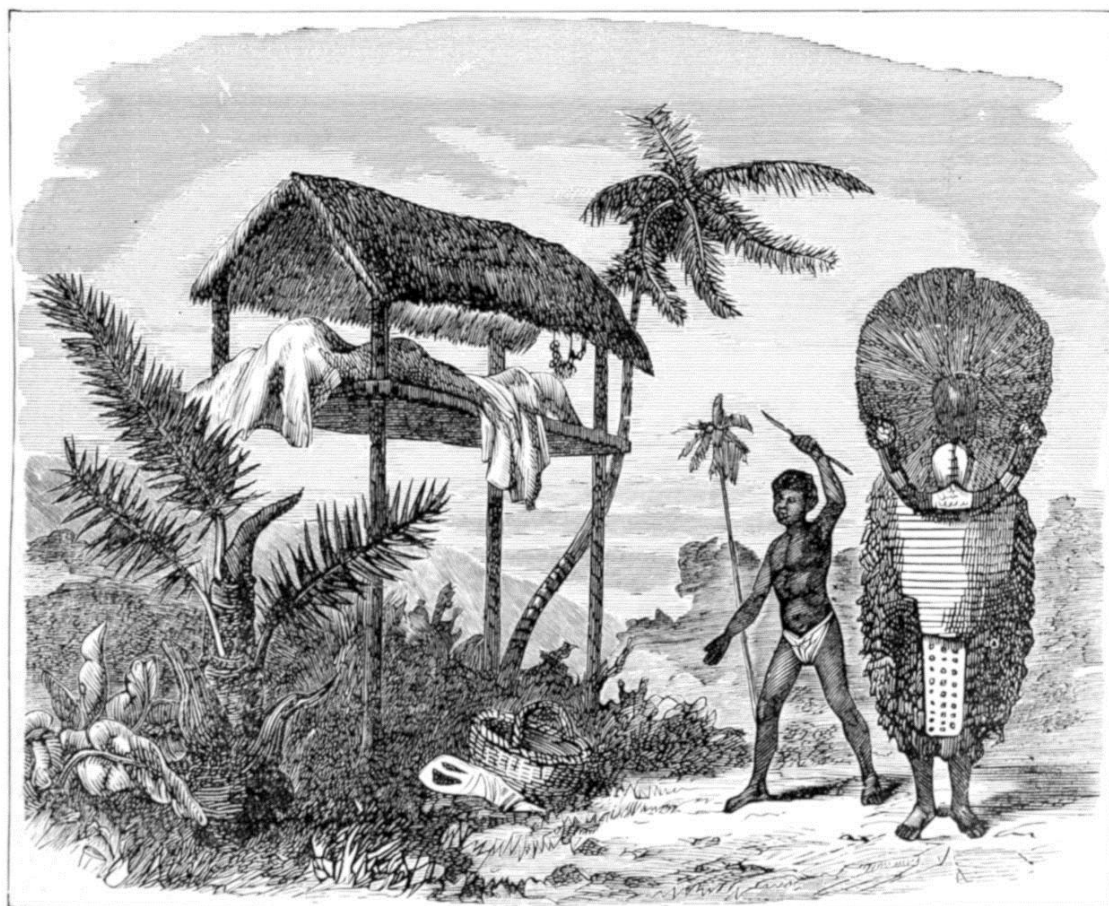
Тела великих вождей подвергаются процессу, благодаря которому они сохраняются в течение длительного времени. Капитан Кук видел труп вождя, который был мертв уже несколько месяцев, но в его теле не произошло почти никаких видимых изменений. Наблюдалось небольшое сокращение мышц и опускание глаз, но в остальном тело было идеальным; а когда сопровождающие труп лица развернули ткань, в которую он был завернут, оказалось, что конечности почти такие же гибкие, как при жизни.

Этот результат достигается путем удаления всех внутренностей тела, замены их тканью, пропитанной маслом какао-ореха, и многократного помазания всего тела тем же веществом. В течение некоторого времени тела выставляются на всеобщее обозрение, но

бальзамирование лишь откладывает процесс разложения, и рано или поздно разложение делает свое дело. Сначала тело выставляют на несколько часов ежедневно, если нет дождя; но со временем его выставляют только через определенные промежутки времени, и в конце концов его почти никогда не выставляют, разве что по просьбе.

(1.) ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ.
(См. [стр. 1076.](#))

(2.) ТРУП И ГЛАВНЫЙ СКОРБЯЩИЙ.
(См. [стр. 1079](#).)

Существует специальное здание, называемое *тупапау*, в котором выставляются тела вождей, когда они лежат в состоянии покоя. Сначала строится довольно большой дом с частоколом вокруг него, а внутри этого дома находится сам тупапау. Он сделан точно так же, как маленькие домики, которые строятся на больших каноэ, и обильно украшен алыми перьями, тканью и другими драгоценными украшениями. К тупапау приставлены два человека, которые днем и ночью следят за ним, следят за правильным расположением ткани и перьев, принимают подношения фруктов и провизии, которые постоянно приносятся, и не позволяют злоумышленникам проникнуть внутрь палисада.

На второй иллюстрации на 1077-й странице показан способ, которым тела обычных вождей укладываются под защитой крытого навеса, а также необычный наряд, который надевает главный скорбящий. Платье сшито самым изобретательным образом из перламутровой раковины, перьев, коры и подобных материалов, и имеет особенно поразительный вид из-за контраста между сверкающей белизной перламутровой раковины и темными перьями, которыми она окружена. Несколько таких необычных платьев были привезены в Англию, и их можно увидеть в различных коллекциях.

Прежде чем покинуть Острова Общества, необходимо упомянуть об одном необычном институте, который в прежние времена преобладал среди них. Оно состояло из общества под названием "Ареои". Они поклонялись богу Оро; и хотя они составляли единое братство на всей группе островов Общества, каждый остров поставлял своих членов.

Некоторые писатели уподобляют это общество масонству; но нет двух более противоположных институтов, чем масонское и общество Ареои: одно настаивает на монотеизме, а другое основано на идолопоклонстве; одно является универсальным, а другое - местным обществом; одно прививает мораль, а другое создано с явной целью отбросить малые остатки морали, которыми обладают коренные полинезийцы.

Однако не исключено, что с самого начала своего существования общество Ареои имело религиозный характер. Когда обращенные в христианство ареои смогли избавиться от ужаса, с которым они воспринимали любое обращение к тайнам своего общества, все они сошлись в основных положениях, хотя и разошлись в деталях.

Прежде всего, ареоанцы верили в бессмертие души и в существование рая, соответствующего их характеру. Считалось, что те, кто занимал высокое положение в обществе Ареои, после смерти занимали соответствующее положение в их раю, который они называли Рохуту-ноа-ноа, или Благоухающий рай. Все, кто туда попадал, возвращались к бодрости и цвету молодости, независимо от возраста; и почти во всех отношениях сходство между полинезийским Рохуту и магометанским Раем близко и почти поразительно.

Метод, с помощью которого этот рай должен был быть получен, был самым необычным. Фанатики обычного склада ума верят, что вечное счастье в будущем можно обрести путем самоотречения и умерщвления тела в настоящей жизни. Ареоиды с почти возвышенной дерзостью придерживались прямо противоположного мнения и на словах и на деле провозглашали, что вечное наслаждение в следующем мире можно получить, ведя разнузданную жизнь в настоящем мире.

Чтобы претворить эту теорию в жизнь в полной мере, Ареои объединились в общество и путешествовали от одного острова к другому, распространяя свои особые взгляды повсюду, где бы они ни находились, и пополняя свое число на каждом острове. Однажды капитан Кук видел, как семьдесят каноэ, наполненных ареои, отправились в экспедицию по разным островам. Где бы они ни высаживались, они отправлялись к ближайшему марае и приносили в жертву богу, возглавлявшему его, поросенка-сосуна. Эта жертва была в первую очередь благодарностью богу за их благополучную высадку, а во вторую - уведомлением о том, что им нужны свиньи для себя.

Отчасти из-за ужаса, внушаемого их многочисленностью и единодушием, а отчасти из-за распространения их весьма доходчивых доктрин, приглашение всегда находило немедленный отклик, и в жертву приносилось огромное количество свиней, а также растительная пища, ткани, кава и другие предметы роскоши. Затем устраивался большой пир, во время которого особые доктрины общества исполнялись в полной мере, и происходила такая сцена, которую невозможно описать.

Среди худших из их доктрин была та, которая объявляла их всех безбрачными, потому что бог Оро был неженат. Следовательно, существование детей среди них не могло быть признано, и как только ребенок рождался, его убивали, а сам факт его существования игнорировался. По столь же удобной фикции предполагалось, что все Ареои находятся в полном расцвете сил. Следовательно, возможность возраста и дряхлости игнорировалась, и, чтобы доказать отсутствие дряхлости или болезни, любого старого или больного человека тихо хоронили заживо. Жертвам никогда не сообщали об их судьбе, как это делается на Фиджи, а тайно выкапывали могилу, под тем или иным предлогом заманивали в нее больного, опускали в могилу, засыпали землей и припечатывали почти до того, как он успевал запротестовать.

Иногда, когда не хватало провизии, ареуанцы прибегали к весьма странному способу снабжения себя. Группа людей во главе с вождем, чей ранг можно было узнать по татуировкам на теле, приходила в дом, где видела признаки процветания, и осматривалась, пока не находила маленького мальчика - довольно простое дело в стране, где практикуется многоженство. Затем они брали ребенка и совершали различные обряды, представляя его возведенным в царское достоинство.

Затем они имитировали максимальное почтение к новому королю, сажали его на возвышенное место, падали перед ним ниц и обращались к нему, как будто он действительно занимал королевский пост. "Мы пришли в дом царя, бедные, нагие и голодные. Нам нужна одежда - дайте нам этот кусок ткани. Нам нужна еда - дайте нам эту свинью". Соответственно, отец ребенка был вынужден поддаться их уговорам и, в обмен на оказанную его дому честь, дать им все, что они потребуют.

Единственным достоинством Ареои была их ценность в сохранении старых исторических записей островов. За еду и одежду, которые они получали от разных людей, они расплачивались драматическими представлениями и декламациями, которые они давали и которые, будучи испорченными развратным элементом, пронизывавшим все слои общества, играли в их местной истории ту же роль, которую древние мистерии сыграли в христианской религии. Полинезийцы не умели ни читать, ни писать и не имели никаких способов записи исторических событий, кроме традиционных, поэтому эти представления делали историю как бы видимой и разыгрывали перед глазами неграмотных людей деяния давно минувших дней.

Иногда это была история о знаменитом предке, во многом схожая с полумифическими легендами древней Европы и Азии, а иногда она принимала более серьезный характер и повествовала о деяниях и силе местных богов. Например, легенда о Тароа, отце богов и людей, была примерно такой:...

В давно минувшие века Тароа существовал лишь в виде огромного яйца и висел высоко в небесах, заключив в скорлупу солнце, луну и звезды. После многовекового плавания в эфире он просунул руки сквозь скорлупу, и тогда свет солнца ворвался во вселенную и осветил землю под ним. И земля стала маленькой, когда лежала под ним. Тогда Тароа увидел пески морские и воззвал к ним: "Пески, поднимитесь ко мне и будьте моими спутниками". Но пески ответили: "Мы принадлежим земле и морю, о Тароа, и не можем покинуть их. Спустись к нам". Тогда он увидел скалы и утесы и воззвал к ним: "Скалы, поднимитесь ко мне и будьте моими спутниками". Но скалы ответили: "Мы укоренены в земле, о Тароа, и не можем покинуть ее. Иди же к нам".

Тогда Тароа спустился вниз и сбросил свой панцирь, который тут же прирос к земле, и земля увеличилась до своих нынешних размеров, а солнце и луна засияли над ней. Долго жил Тароа на земле, которую он заселил мужчинами и женщинами, и наконец пришло время, когда он должен был покинуть ее. Он превратился в большое каноэ, которое было наполнено островитянами, когда поднялась сильная буря, и вдруг каноэ наполнилось кровью. Островитяне своими калабашами выжали кровь, которая потекла на восток и запад по морю; и с тех пор кровь Тароа видна в облаках, сопровождающих восход и закат солнца, и, как в старину, окрашивает волны в красный цвет.

Когда каноэ вышло на сушу, это был лишь скелет Тароа, который положили на землю лицом вниз, и с тех пор все дома богов строились по образцу скелета Тароа, соломенные крыши представляли собой позвоночник, а столбы - ребра.

Подобные легенды часто передаются от одного рассказчика к другому и пересказываются дословно, лишь иллюстрируясь и иллюстрируясь поэтическими отступлениями, которые может подсказать ум рассказчика. В других случаях, напротив, оратор располагает лишь скелетом и рассказывает историю в той манере, которая кажется ему наиболее подходящей.

ГЛАВА СХІ. САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА. КЛИМАТ - ОДЕЖДА - УКРАШЕНИЯ - ЖЕНЩИНЫ.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГРУППЫ - КЛИМАТ И ОБЛИК ГАВАЙЕВ - ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА МУЖЧИН - ПЕРЬЕВЫЕ МАНТИИ И ШЛЕМЫ - НЕОБЫКНОВЕННОЕ СХОДСТВО С КЛАССИЧЕСКИМИ ОБРАЗЦАМИ - ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН - ГАВАЙСКАЯ КРАСАВИЦА - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - СПОСОБЫ НОШЕНИЯ ВОЛОС - БРАСЛЕТЫ И ДРУГИЕ УКРАШЕНИЯ - ПРИСТРАСТИЕ К СВИНЬЯМ И СОБАКАМ - ЗАНЯТИЯ ЖЕНЩИН - ГОСТЕПРИИМСТВО К ЧУЖАКАМ - РЫБНЫЕ ПРУДЫ, И СПОСОБ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ - ПОЛУАМФИБИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ЖИТЕЛЕЙ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ - ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПОЛУЧЕНИЯ ЗВУКОВЫХ СИГНАЛОВ.

Значительно севернее островов Общества находятся Сандвичевы острова, названные так капитаном Куком в честь графа Сандвича. Вся группа состоит из восьми обитаемых островов и нескольких, которые слишком бесплодны и скалисты, чтобы на них могли жить люди. Самый крупный и важный из них - Гавайи, или Оухихи, как написано это слово в "Путешествиях" Кука. Именно на берегу бухты на западной стороне этого острова в 1779 году был убит капитан Кук. Из-за чередования букв *l* и *r*, которое так распространено в полинезийских языках, название этой бухты иногда пишется как Каракакуа, а иногда как Кеалакекуа.

Столица Сандвичевых островов находится не на Гавайях, а на Оаху, или Уоаху, одном из небольших островов, и называется Гонолулу. Он по праву заслуживает названия города, поскольку является резиденцией епископства. Климат Сандвичевых островов считается самым очаровательным в мире. Колебания очень незначительны, так как вблизи моря температура ниже, чем в знойное английское лето, а в самый холодный зимний день термометр никогда не опускается ниже 62° по Фарре. Однако благодаря гористой природе этих островов любой человек может жить в течение года почти при одинаковой температуре, поднимаясь в более прохладную атмосферу, когда погода слишком жаркая, и спускаясь в более теплые слои в зимние месяцы.

Придерживаясь принципа, которого я придерживался в этой работе, я мало что скажу о нынешнем европеизированном состоянии коренных жителей этих островов и ограничусь, насколько это возможно, манерами и обычаями людей, какими они были до того, как белые люди внедрили свой собственный способ цивилизации. Однако даже в наши дни старый дикарский характер постоянно проявляет себя, и среди тех самых людей, которые, казалось бы, полностью подпадают под влияние цивилизации, исконное старое язычество проявляется, когда они не на чеку или когда они считают себя вне поля зрения белых людей. Поэтому следует понимать, что, хотя на следующих страницах используется настоящее время, все описания относятся к тем, кем они были изначально, а не к тем, кем они являются в настоящее время.

Мужчины высокие, активные и сильные, цвет кожи - оливково-коричневый, причем глубина оттенка сильно варьируется в зависимости от воздействия солнца, так что кожа вождей гораздо светлее, чем у простолюдинов. Волосы черные, ничуть не шерстяные, иногда прямые, а иногда волнистые. Лицо в основном широкое и очень красивое, единственный его недостаток - склонность к ширине ноздрей.

Все мужчины носят маро или мало, *то есть* уже упоминавшийся легкий пояс из ткани, и, имея его, они считают себя одетыми для всех целей приличия. У них также есть таппа, или одежда из коры, которая закручивается вокруг талии и опускается ниже колен, а лучшие классы носят еще и что-то вроде мантии, чтобы укрыть свою кожу от падающих солнечных лучей.

У великих вождей мантии сделаны из своеобразной сети, в каждую ячейку которой вплетены перья различных птиц, самые ценные из которых - те, что дают желтые перья. Это маленькая птичка под названием *Melithreptes pacifica*. Она относится к медоносным птицам, и под каждым крылом у нее находится одно желтое перо длиной в один дюйм. У покойного короля Камехамеха был плащ, сшитый только из этих перьев. Его длина составляла четыре фута, а ширина по низу - одиннадцать футов. Не менее девяти последующих королей умерли, прежде чем эта бесценная мантия была закончена.

Головной убор вождей имеет настолько изящную и классическую форму, что просто поражает зрителя. Это шлем, сделанный из ивовых прутьев и покрытый перьями, по форме в точности повторяющий древнегреческий шлем, вплоть до приподнятого гребня, который проходит по верхушке. Один из этих [прекрасных шлемов](#) показан на 1097-й странице. Он не предназначен для защиты головы, так как материал слишком хрупок для этого, а является просто знаком отличия и богатства. В основном они покрыты алыми и желтыми перьями, расположенными жирными полосами или поясами, и богатство владельца можно узнать по соотношению желтых и алых перьев друг к другу.

Примеры этих прекрасных украшений можно увидеть в нескольких музеях, где, надо надеяться, они будут сохранены от губительных мотыльков и жуков, поскольку являются единственным памятником ушедшего времени.

Птиц, дающих эти перья, охотно ищут жители Сандвичевых островов, которые питают ту же любовь к алому цвету, что отличает не только всех полинезийцев, но и всех дикарей и детей. Птиц обычно ловят с помощью липкого вещества, очень похожего на нашу птичью слизь, и используют его таким же образом, намазывая на ветки и шесты, к которым птиц привлекают с помощью приманок.

Природный вкус к цвету не уступает вкусу к форме, и хотя жители Сандвичевых островов используют самые яркие и смело контрастирующие цвета, они применяются с таким замечательным умом, что не выглядят безвкусными или даже навязчивыми.

Женщины, когда они молоды, необычайно красивы и сохраняют свою привлекательность дольше, чем это обычно бывает у полинезийцев. Однако, как и представители другого пола, они обычно достигают больших размеров в последние годы жизни, а те из них, что лучше, отличаются огромной полнотой. Такое развитие, как и у каффирских вождей, вероятно, объясняется большим количеством каши, которую они постоянно едят. В молодости, однако, они чрезвычайно красивы, их черты лица обладают особым шармом, а формы напоминают древние греческие статуи. Американский путешественник, пишущий под *псевдонимом* Хаоле, *то есть* иностранец, в своей интересной работе о Сандвичевых островах дает

наиболее оживленное описание туземной девушки, показывая, что частичная цивилизация, которой подверглись туземцы, не уничтожила ни красоты их черт, ни симметрии форм.

"По правде говоря, можно смело утверждать, что красота не ограничивается ни салоном монарха, ни гобеленовыми покоем патриция. Чаще всего она встречается среди низменных слоев общества, в пустыне или на далеком островке океана. В данном случае я хочу, чтобы меня поняли, как говорящего только о физической красоте. Сойдя с прибрежной дороги и поднявшись в горы к Халаве, я встретил именно такой экземпляр, который часто сводил с ума мужчин и обладание которым не раз прокладывало путь к свержению империи со стороны монархов.

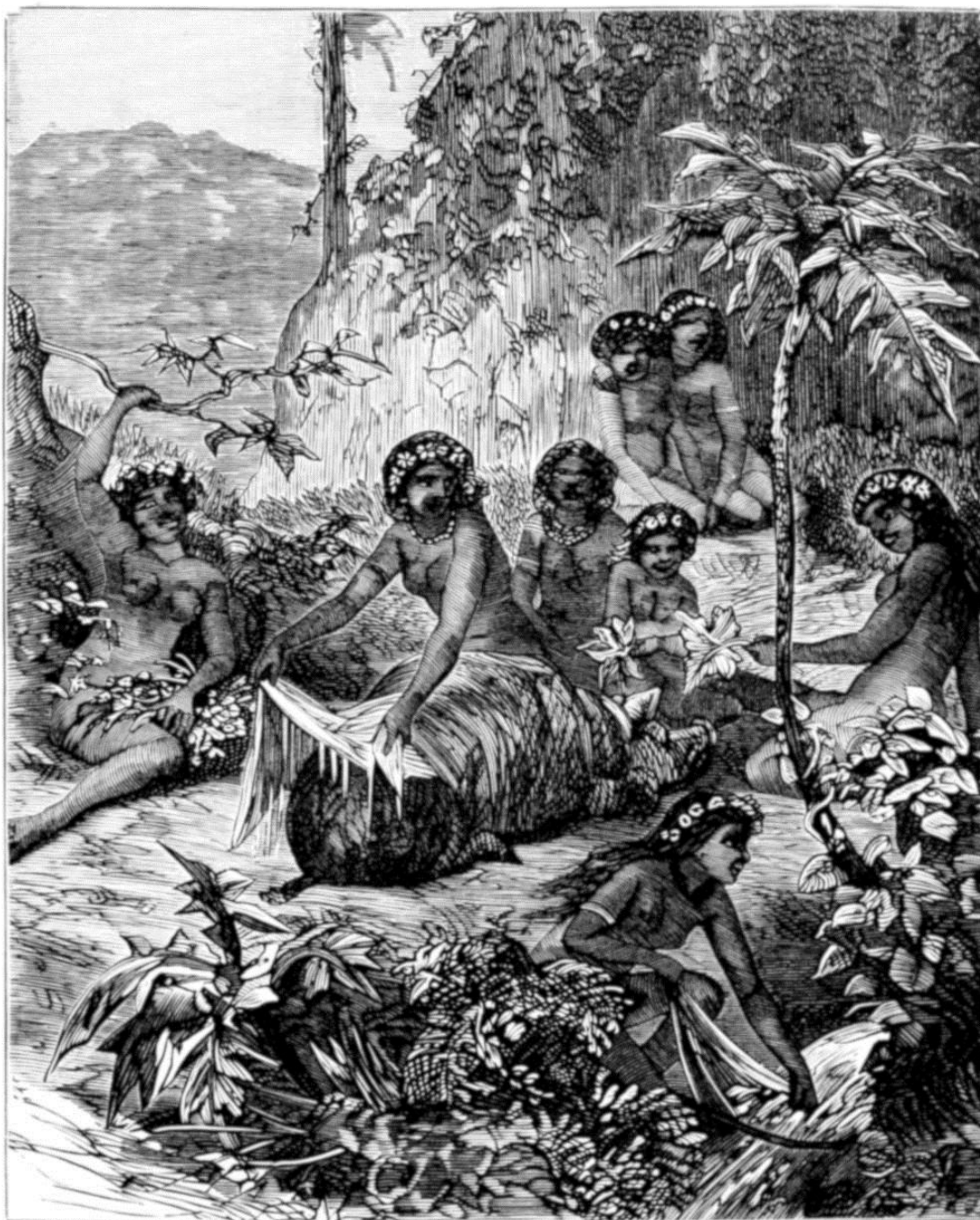
"Она была выше среднего размера американских женщин. Ее тонко выточенные подбородок, нос и лоб были необычайно греческими. Ее прекрасно вылепленные шея и плечи выглядели так, будто их можно было позаимствовать у Юноны. Вся ее фигура была настолько совершенна, насколько это возможно от природы. Она была одета в один свободный халат, из-под которого выглядывала маленькая обнаженная ножка. Ее волосы и брови блестели, как вороново крыло. Вокруг ее головы был небрежно повязан венок из прекрасных местных цветов *охело* (*Gaultheria penduliflorum*). Ее губы благоухали ароматом бесчисленных и неустанных поцелуев. Цвет лица у нее был гораздо светлее, чем у самых красивых ее соотечественниц, и я пришел к выводу, что она - отпрыск какого-нибудь белого отца, попиравшего седьмую заповедь Декалога, или взяла в свои объятия через брачные отношения какую-нибудь симпатичную гавайскую женщину.

"Но ее глаза! Я никогда не забуду эти глаза! Они хранили в себе нечто, говорившее о столь глубокой привязанности, столь интенсивном духовном существовании, столь невыразимо прекрасном мечтательном очаровании, что напоминали прекрасную греческую девушку Мирру из трагедии Байрона "Сарданапал", чья любовь прильнула к старому монарху, когда пламя погребального костра оформило их извилистый лист.

"Ни в один период моей жизни я не приподнимал шляпу в присутствии красоты, но в этот момент и в таком присутствии я *снял* ее. Теперь я был совершенно очарован, очарован, околдован. Я остановил лошадь и сел, чтобы получше рассмотреть прекрасную реальность. Девушка остановилась и ответила мне взглядом, при этом улыбка разошлась по ее губам, частично обнажив белые, как снег, и безупречные зубы. Мне показалось, что эта улыбка небезопасна для нервов холостяка, поэтому я поклонился, надел шляпу и пошел дальше, будучи уверенным, что ничто, кроме резца Праксителя, не смогло бы скопировать ее изысканные прелести. И когда я осторожно прошел мимо нее, она воскликнула на словарном языке своей страны: "Люблю вас".

(1.) ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДОЛА ТАНА ДОМОЙ.
(См. [стр. 1069.](#))

(2.) ЖЕНЩИНЫ И СВИНЬЯ С ОСТРОВА САНДВИЧ.
(См. [с. 1085.](#))

Тот же автор в нескольких других местах упоминает о красоте молодых девушек, которых он видел на Гавайях. Нет никаких оснований предполагать, что девушка, которая произвела на него столь сильное впечатление, была полукровкой, поскольку, как уже говорилось, люди лучшего класса гораздо светлее тех, кто ниже по положению, и едва ли так смуглы, как жители Южной Европы.

Одежда женщин Сандвичевых островов во многом схожа с одеждой тонганцев и состоит в основном из обертки из коры, проходящей вокруг талии и опускающейся ниже колен. Часто она устроена так, что ее конец можно перекинуть через плечи, а многие женщины из лучших

слоев общества имеют отдельный кусок ткани, который используется в качестве мантии. В молодости они вообще не носят никакой одежды.

Способы ношения волос несколько разнообразны. Женщины обычно стригут их сзади, а на остальной части головы позволяют им расти во всю длину. Мужчины иногда разделяют волосы на несколько локонов и заплетают или скручивают каждый локон в подобие хвоста толщиной примерно с палец. Этим хвостам дают вырасти до полной длины, и они струятся на некоторое расстояние вниз по спине. Длина хвоста, по-видимому, очень ценится среди этих людей, которые имеют привычку увеличивать его длину за счет дополнительных волос, вплетенных в их собственные локоны. Волосы часто окрашивают в красноватый цвет с помощью извести, как это делают на Фиджи и в других частях Полинезии. Иногда мужчины сбривают все волосы по обе стороны головы, оставляя только один гребень из длинных волос, идущий ото лба до затылка, подобно гребням перьевых шлемов.

Капитан Кук отмечает, что жители Сандвичевых островов почти единственные среди полинезийцев, кто отказывается прокалывать уши, и что у них нет мысли носить в них украшения. Они очень любят украшения, некоторые из которых заслуживают краткого описания. У них есть своеобразное ожерелье из черного шнура, сложенного вдвое сорок или пятьдесят раз и поддерживающего кусок дерева, раковины или кости, вырезанный в форме широкого крюка. Также распространены ожерелья из маленьких ракушек, нанизанных друг на друга, и ожерелья из засушенных цветов.

Женщины ценят браслеты различных видов. Некоторые из них сделаны из зубов свиньи, расположенных рядом, вогнутыми частями наружу, и соединены струной, проходящей через середину. Некоторые браслеты сделаны целиком из длинных изогнутых бивней кабанов и являются действительно красивыми украшениями. Другие сделаны из кусков черного дерева, скрепленных между собой подобным образом и украшенных маленькими кусочками зубов кабана.

Иногда мужчины носят на голове пучки перьев, привязанные к небольшим палочкам. Самые ценные из этих плюмажей - те, что сделаны из хвостовых перьев тропических птиц. Другие, не столь ценные, сделаны из белой собачьей шерсти. Палочки иногда достигают двух футов в длину.

Татуировка среди жителей Сандвичевых островов практикуется слабо, хотя у некоторых из них руки и грудь украшены линиями и фигурами, выполненными довольно хорошо.

Как и многие другие полинезийцы, жители Сандвичевых островов питают абсурдную любовь к свиньям и собакам, носят их с собой и кормят, когда те еще маленькие, как будто они дети. Даже когда животные достигают своего полного роста, их принято гладить. В "Хаоле" приводится забавный пример крайней нежности, которую гавайские женщины проявляют к этим животным, а художник воспроизвел это описание на [гравюре № 2](#), на предыдущей странице. Он путешествовал по острову и заметил группу женщин, сидевших под сенью панданового дерева и окружавших что-то, чем они, казалось, были очень заинтересованы. Подойдя ближе, он обнаружил, что объектом их внимания был огромный боров.

Женщины везли его на рынок - задача, которая обычно возлагается на них, - и им предстояло проехать на животном значительное расстояние через высокие горы, что не могло занять у них меньше тридцати шести часов. Очевидно, что главной целью было привести свинью в хорошее состояние, и поэтому они торопили ее как можно меньше, уговаривали, а не гнали, днем, а ночью спали рядом с ней. Так случилось, что день выдался очень теплым, и боров, который был в очень хорошем состоянии, был угнетен собственным жиром, жарой и

усталостью от путешествия. Поэтому женщины привели свою подопечную в тенистое место, сняли с себя единственную одежду, намочили ее в воде и расстелили над пытящим животным, которое время от времени издавало довольное ворчание от прохлады, вызванной мокрой одеждой и постоянным обдуванием листьями, которое поддерживали женщины.

Когда свинья меньше по размеру, а рынок находится недалеко, так что нет опасности, что животное может выйти из кондиции, используется гораздо более простой план: ноги свиньи связываются вместе, между ними продевается шест, который поднимают на плечи двое или четверо мужчин, в зависимости от веса животного.

Хотя жители Сандвичевых островов едят и собак, и свиней, и кошек, когда могут позволить себе такую роскошь, они так любят их при жизни, что человек скорее обидится на собаку или свинью, чем на своего ребенка. Когда они путешествуют в сопровождении своих собак, они обращаются с животными, как с детьми, берут их на руки и несут по любым неровным или грязным местам, чтобы бедные животные не поранили и не испачкали им ноги. Возможно, такое необычное пристрастие вызвано тем, что ни одно из этих животных не является местным, а было завезено европейцами.

Как видно, женщины не проводят свою жизнь в безделье. Действительно, хотя с ними не обращаются с той жестокостью, которая часто выпадает на долю женщин в нецивилизованных странах, они выполняют очень достойную долю работы. Например, приготовление пищи - полностью их дело, и они такие же мастера в добыче еды, как и в ее приготовлении. Например, если в дом туземца заглянет незнакомец, жена обязательно выйдет, проведет по нему рукой и спросит, не голоден ли он. Если он отвечает утвердительно, она или другая девушка бежит к одному из рыбных прудов, спускает на воду небольшое каноэ и за очень короткое время ловит рыбу, жарит ее, готовит таро и выкладывает на листья подорожника перед гостем.

Такие рыбные пруды очень распространены на Гавайях, и делают их в основном женщины. Они образуются благодаря коралловому пляжу, на котором есть множество небольших бухт или заливов со сравнительно узкими устьями. Через устья этих бухт туземцы нагромождают куски кораллового камня, чтобы не дать рыбе вырваться на свободу. Их углубляют по мере необходимости, и нередко можно увидеть, как несколько женщин, по пояс в грязи и воде, заняты очисткой рыбного пруда, причем они явно наслаждаются работой, а не считают ее тяжелой. Пока они работают на суше, их мужья и братья не менее усердно трудятся в море, вылавливая рыбу, которая должна попасть в пруд.

Туземцы во многом полагаются на эти пруды, поскольку рыба составляет значительную часть их рациона, а свинина и птица слишком дороги, чтобы считать их чем-то, кроме роскоши, и постоянно употреблять в пищу только богатые люди. Пруды сильно различаются по размеру, но, как правило, имеют значительные размеры. Немногие из них занимают площадь менее акра, в то время как другие в сто раз больше. Один или два самых больших из них очень древние и могут рассматриваться как исторические памятники: коралловые глыбы, отгораживающие их от моря, имеют такие огромные размеры, что говорят о временах, когда короли или главные вожди были абсолютными и могли распоряжаться любым количеством человеческого труда.

Даже в наши дни туземцы во многом полагаются на свои рыбные пруды, и размер пруда является неизменным критерием ранга и богатства владельца. За ними следят так же тщательно, как за заповедниками в нашей стране, и они так же сильно страдают от браконьеров, которым, однако, редко удается избежать обнаружения.

Поэтому, хотя женщины и выполняют свою часть работы, их жизнь отнюдь не является трудоемкой, ведь работы так мало. Нужно подготовить и возделывать грядку с таро, но это не очень трудоемкая задача; нужно сделать пруды для рыбы и поддерживать их в порядке, нужно готовить еду и делать ткань из коры. Из всех этих работ вторая - самая трудная, и она рассматривается скорее как развлечение, чем как труд: женщины настолько амфибийны в своих привычках, что провести полдня в грязи и воде для них не составляет никакого труда, что видно по веселым разговорам и смеху, сопровождающим эту работу.

Мистер Беннетт упоминает об одном случае, когда женщина плохо обращалась со своим мужем. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он приказал ей нести его на спине вверх по одному из обрывов, которыми изобилуют эти острова. Несмотря на почти перпендикулярные скалы, которые в этом месте настолько круты, что белые гости едва смогли бы взобраться на них без всякой ноши, женщина взялась за дело и благополучно добралась до вершины.

О полуамфибийном характере жителей Сандвичевых островов уже говорилось. Способ, с помощью которого представители обоих полов превращают свои водные способности в средство развлечения, будет описан далее, но сейчас мы имеем дело с работой, которую выполняют женщины, а не с их развлечениями. Здесь есть озеро с соленой водой под названием Локи Номилу, которое, по словам туземцев, было делом рук ужасной богини огня Пеле, которая глубоко врылась в землю в поисках пресной воды, но была обескуражена тем, что море нашло подземный вход, хотя озеро находится на расстоянии многих ярдов от берега. Рассердившись на море за его проступок, она ушла и поселилась в кратере великого вулкана на Гавайях, который назван ее именем. Мало сомнений в том, что озеро, о котором идет речь, само является кратером потухшего вулкана. Газета "Хаоле" посетила это необычное озеро и приводит следующее описание способа, с помощью которого была установлена его реальная глубина: - "Получив информацию о том, что это озеро, мы узнали о его глубине.

"Получив информацию о том, что это озеро бездонное, я почувствовал еще большее желание проверить эту тайну. Средств, однако, на месте не оказалось, и, за исключением двух женщин, маленькая деревня была временно безлюдна. На берегу стояло несколько каноэ, но озеро сильно мешало сильному северному ветру, так что они были бы почти бесполезны. Но я чувствовал, что не могу отказаться от экспедиции. Джентльмен, сопровождавший меня, сообщил женщинам о цели моего приезда и заверил их, что мне очень хочется узнать глубину воды в этом озере, и что мы подождем, пока некоторые из мужчин вернутся с рыбалки.

"Но одна из них вскоре нашла выход из положения. Она предложила поплавать в озере с эхолотом, чтобы произвести необходимые измерения. Наши уговоры были напрасны, так как она решительно заверила нас, что это будет не только легким делом, но и доставит ей большое удовольствие, если она сможет послужить мне. Она раздобыла кусок дерева вили-вили, очень легкий, около шести футов в длину и столько же дюймов в диаметре. Она настояла на том, чтобы отнести его к северному концу озера, где, под прикрытием высоких холмов, спустила его на воду. Пройдя вброд до глубины, достаточной для плавания, она положила бревно под грудь, придерживая его одной рукой, а другой удерживая леску. В таком положении она бороздила озеро, останавливаясь через короткие промежутки времени, чтобы спустить леску, которую завязывала узлом на поверхности воды каждый раз, когда находила дно. После этого она собирала леску, заменяла бревно и возвращалась на прежний курс. И так она продолжала до тех пор, пока ее задача не была выполнена.

"Было бы излишне говорить, что этот подвиг вызвал наше восхищение или что мы компенсировали ее мучения. Это была самая необычная экспедиция, которую я когда-либо видел; и я не мог полностью осознать это, пока не вспомнил, что на этих островах, как и в других частях Полинезии и в Карибском море, женщины и девушки - лучшие пловцы. Гавайцы - почти амфибии. Об их необыкновенных подвигах в воде можно было бы написать целые тома. Именно благодаря частому купанию многие женщины Полинезии демонстрируют столь изысканные *контуры*".

Женщина, совершившая этот подвиг, была матерью девяти детей, и все они были живы - необыкновенное событие в жизни гавайской женщины, ведь так много детей погибает либо от недосмотра, либо от болезней, либо от намеренного насилия.

ГЛАВА СХІІ. САНДВИЧСКИЕ ОСТРОВА - Заключительная. ВОЙНА-СПОРТ-РЕЛИГИЯ.

ОРУЖИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЭНДВИЧ-ОСТРОВОВ - КАМЕХАМЕХА И КОПЬЯ - ДВА ВИДА РОГАТОК - ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ ИЛИ ПАХУА - НОЖ ДЛЯ РАЗДЕЛКИ ТЕЛ УБИТЫХ ВРАГОВ - БОЕВАЯ ЦИНОВКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ - ЗУБНОЙ НАГРУДНИК - ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ КАННИБАЛИЗМ ЖИТЕЛЕЙ СЭНДВИЧ-ОСТРОВОВ РАЗЛИЧНЫЕ ИГРЫ - ПЛАВАНИЕ НА СЕРФЕ - ДЕТИ И ВОДА - ГРЕБЦЫ В МАСКАХ - ИГРА В МЯЧ - КУБОК И МЯЧ - СПРЯТАННЫЙ КАМЕНЬ - БОКСЕРСКИЙ ПОЕДИНОК НА САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВАХ - КАТАНИЕ НА САНКАХ И ЕГО ОПАСНОСТИ - РЕЛИГИЯ ГАВАЙЦЕВ - ПЕРЬЕВЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ИДОЛЫ.

Некоторые виды оружия, используемые жителями Сандвичевых островов, довольно любопытны.

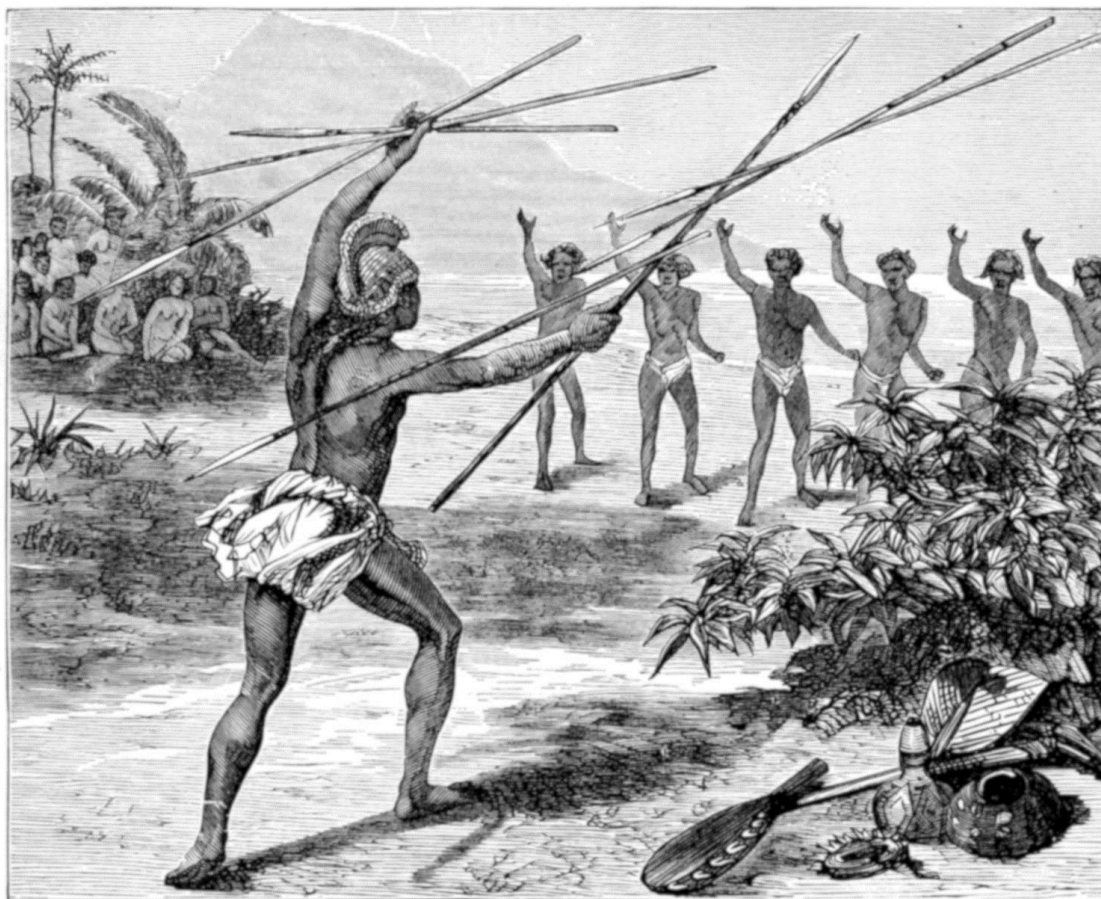
Прежде всего, это копье, изготовленное из дерева каштанового цвета, которое хорошо поддается полировке и обычно имеет колючки на острие и сплющенное острие на конце. Они очень искусны в обращении с этим оружием, причем не только в метании, но и в отражении брошенного в них оружия. Камехамеха, известный король или вождь, славился своим мастерством владения копьем. Он стоял с копьем в правой руке перед шестью мужчинами, также вооруженными копьями. По сигналу они одновременно метали в него свои копья, и тогда он отбивал три копья в сторону копьем в правой руке, а остальные три ловил в левую руку. [На иллюстрации № 1](#) на следующей странице изображен король, совершающий этот опасный и удивительный подвиг.

Эти копья, предназначенные для метания, имеют длину от шести до восьми футов и летят прямо, постепенно сужаясь от головки к прикладу. Есть еще один вид копья, который используется как щука. Его длина составляет от двенадцати до пятнадцати футов, и оно не имеет колючек.

Праща - еще одно оружие сэндвичей. Она имеет значительную длину, а вместилище для камня сделано из плетеной циновки. Камни имеют овальную форму и выточены специально для этой цели, так что прашники, очевидно, обладают большой точностью прицеливания. Существует модификация пращи, использование которой в настоящее время, кажется, забыто, да и во времена капитана Кука было далеко не повсеместным. Камень вырезается овальной формы с желобком вокруг него, похожим на женскую иголку для вязания, а шнур

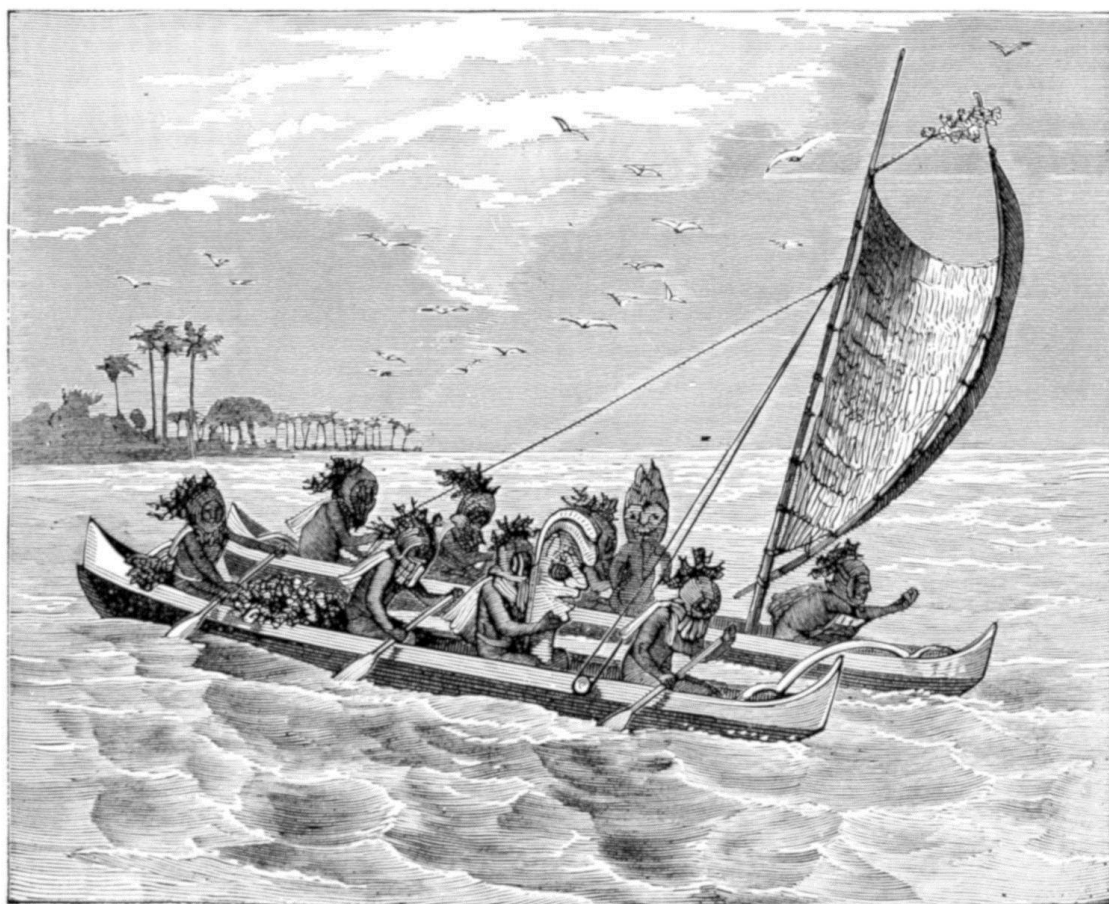
пропускается вокруг желобка с полузацепом, так что когда конец пращи освобождается, камень вылетает. Некоторые из этих камней, добытых капитаном Куком, были сделаны из гематита, или кровавого камня, и были очень тяжелыми, весом не менее фунта. Любопытно, что, хотя купить камни, изготовление которых, должно быть, стоило немалых трудов, не составило особого труда, туземцев не удалось убедить расстаться со шнуром, с помощью которого их бросали.

Еще одно их оружие - кинжал, или *пахуа*, как его называют туземцы. Материал, из которого он сделан, - очень твердая древесина, чем-то напоминающая черное дерево, и по форме он очень похож на обычный стальной кинжал, только без гарды. Его длина составляет около двух футов, а к запястью он крепится с помощью шнура, пропущенного через отверстие на конце рукоятки. Некоторые из этих кинжалов еще больше, и они имеют двойное острие, удерживаемое посередине, как кинжалы антилоп-рогачей в Индии. Это оружие имеет скорбный интерес в связи с тем, что, когда был убит капитан Кук, его тело было пронзено бесчисленными ранами, нанесенными в основном деревянными кинжалами, хотя у одного из туземцев был железный кинжал, который они выхватывали друг у друга из рук в своем стремлении нанести новые раны.

(1.) КАМЕХАМЕХА И КОПЬЯ.

(См. [стр. 1088.](#))

(2.) ГРЕБЦЫ В МАСКАХ.
(См. [стр. 1095.](#))

В некоторых случаях жители Сандвичевых островов используют оружие, очень похожее на мерай новозеландцев. Это деревянный кусок в форме битой двери, по краям украшенный акульими зубами. Его основное назначение - нож, и он используется для разрубания на куски тел врагов, убитых в бою. И хотя изначально он предназначался как орудие, а не как оружие, его характер настолько грозен, что его часто используют в последнем качестве. Насколько можно судить, этот нож считается специально предназначенным для того, чтобы разделять человеческие тела, и никогда не используется для более подлой работы.

Что касается дубинок, то они имеют различную форму: туземцы не имеют специальной формы, но вырезают из них любые приспособления, которые им больше подходят, и используют для этого различные породы дерева.

Защитные доспехи жителей Сандвичевых островов обычно представляют собой толстую циновку, которая надевается во время войны и является достаточно прочной, чтобы спасти владельца от удара копья или кинжала, и даже может значительно ослабить удар пращи.

Когда капитана Кука убили, человек, который спровоцировал нападение, был одет в свой боевой коврик, и, угрожая капитану Куку кинжалом в одной руке и камнем в другой, капитан был вынужден выстрелить в него для самозащиты. Не желая убивать, а лишь ранить и напугать противника, он выпустил заряд дроби, которому противостояла циновка, так что мужчина спасся невредимым, а его безнаказанность подтолкнула туземцев к продолжению атаки. Если бы капитан Кук выстрелил из другого ствола, заряженного шаром, от которого

циновка не защитила бы, вероятно, туземцы были бы удержаны от нападения, и капитан Кук смог бы дожить до завершения плавания, связанного с открытиями.

Один из самых любопытных примеров защитных доспехов - нагрудник, полностью состоящий из зубов, расположенных так, что они перекрывают друг друга подобно пластинам чешуйчатого доспеха. Один из этих любопытных нагрудников хранится в Музее Объединенной службы. Зубы, подвешенные подобным образом, используются в качестве кастаньет и подвешиваются к ногам танцоров.

Война, которой изначально занимались жители Сандвичевых островов, едва ли заслуживала такого названия, поскольку представляла собой не более чем серию беспорядочных стычек. Обычно они начинали с серьезной отработки навыков уклонения от копий, которые уже упоминались как спортивные. Когда противоборствующие стороны встречались, один из вождей, одетый в шлем с перьями и плащ, шел впереди своих людей, совершенно безоружный, не имея в руках ничего, кроме веера, и предлагал противнику бросить в него копья. Они так и делали, и благодаря удивительной ловкости в прыжках, наклонах и поворотах тела, когда оружие не удавалось отбить веером или поймать в левую руку, ему часто удавалось спастись.

Хотя по воинскому этикету он не должен был брать с собой на поле боя никакого оружия, он был волен бросать в противника любое копье, которое мог поймать. Если копье врага валило его на землю или ему удавалось убить противника, то сразу же начиналась борьба за обладание мертвым телом, на которое смотрели так же, как на флаг, который нужно было защищать или захватывать с любым риском, даже для жизни.

Это утверждение естественным образом приводит нас к вопросу об утилизации тел убитых и к практике каннибализма. То, что последняя практика существовала в определенной степени, отрицать невозможно, но столь же несомненно, что она всегда была исключительной и соблюдалась скорее как часть военного этикета, чем как средство удовлетворения аппетита. Как можно предположить, чем выше ранг убитого, тем сильнее желание съесть часть, пусть даже небольшую, его плоти; и эта теория объясняет тот факт, что останки капитана Кука, спасенные от туземцев, носили явные следы огня.

Нередко случалось, что каннибализм считали существующим на основании свидетельств туземцев, которые впоследствии оказывались неверно понятыми. Примечательный пример такой ошибки встречается в описании плаваний капитана Кука. В томе ii. стр. 209 приводится рассказ о туземце, который, как было замечено, носил с собой очень маленький сверток, тщательно перевязанный бечевкой. После долгих уговоров он позволил открыть ее, и там оказался небольшой кусок плоти длиной около двух дюймов, "который, судя по всему, был высушен, но теперь был мокрым от соленой воды". Когда на него продолжили давить, он признал, что это человеческая плоть, и, указав на свой живот, указал часть тела, из которой она была вырезана.

Ничто не может быть яснее этого рассказа, но в томе iii. с. 133 показано, что все эти свидетельства совершенно недостоверны. Похоже, что почти каждый житель Сандвичевых островов имел привычку носить с собой небольшой кусок свиной плоти, очень сильно просоленный, который он имел обыкновение время от времени откусывать в качестве деликатеса или как соус при употреблении растительной пищи. Указывая на свой живот, мужчина просто использовал условный знак, выражающий превосходство пищи; что же касается его заявления о том, что это плоть человека, то его так горячо и пристально расспрашивали, что, будучи всего лишь юношей шестнадцати или семнадцати лет, он дал

утвердительный ответ на наводящие вопросы. Насколько мы можем судить, полинезийцы не склонны к каннибализму, в то время как папуасы ему преданы.

Теперь мы переходим к различным играм, которыми развлекаются жители Сандвичевых островов. Главной из них является плавание в прибое. Этот вид спорта практикуется на нескольких островах Полинезии, но ни на одном из них он не доведен до такого совершенства, как на Сандвиче. В "Путешествиях капитана Кука" приводится следующий захватывающий рассказ об этом виде спорта.

"Плавание - это не только необходимое искусство, в котором и мужчины, и женщины более искусны, чем любой другой народ, который мы до сих пор видели, но и любимое развлечение среди них. Один из способов, которым они иногда развлекались этим занятием в заливе Каракауа, показался нам самым опасным и необычным и вполне заслуживает отдельного рассказа.

"Прибой, который разбивается о берег вокруг залива, простирается на расстояние около ста пятидесяти ярдов от берега, и в этом пространстве морские волны, накапливающиеся из-за мелководья, бьются о берег с огромной силой. Всякий раз, когда в штормовую погоду или при необычайном волнении на море стремительность прибоя возрастает до предельной высоты, они выбирают это время для такого развлечения, которое проводится следующим образом: - "Двадцать или тридцать человек из племени, которые несут в себе прибой.

"Двадцать или тридцать туземцев, взяв каждый по длинной узкой доске, закругленной на концах, отправляются вместе от берега. Под первую встречную волну они погружаются, и, не дождавшись, пока она накатит на них, снова поднимаются за ее пределы, а затем, как можно быстрее, выплывают в море. Вторая волна встречается так же, как и первая; большая трудность состоит в том, чтобы уловить подходящий момент для ныряния под нее, когда, если человек промахнется, его подхватит прибой и отбросит назад с большой силой, и тогда потребуются вся его ловкость, чтобы не разбиться о скалы. Как только, благодаря этим усилиям, они достигают гладкой воды за пределами прибоя, они, наконец, ложатся на свою доску и готовятся к возвращению. Поскольку прибой состоит из множества волн, из которых каждая третья, как замечено, всегда намного больше остальных и течет выше на берег, а остальные разбиваются в промежуточном пространстве, их первая цель - оказаться на вершине самого большого прибоя, по которому они с удивительной быстротой несутся к берегу.

"Если по ошибке они окажутся на одной из мелких волн, которая распадается, прежде чем они достигнут суши, или не смогут удержать свой настил в нужном направлении на вершине волны, они остаются беззащитными перед яростью следующей, и, чтобы избежать ее, вынуждены снова нырять и возвращаться на место, откуда они отправились в путь.

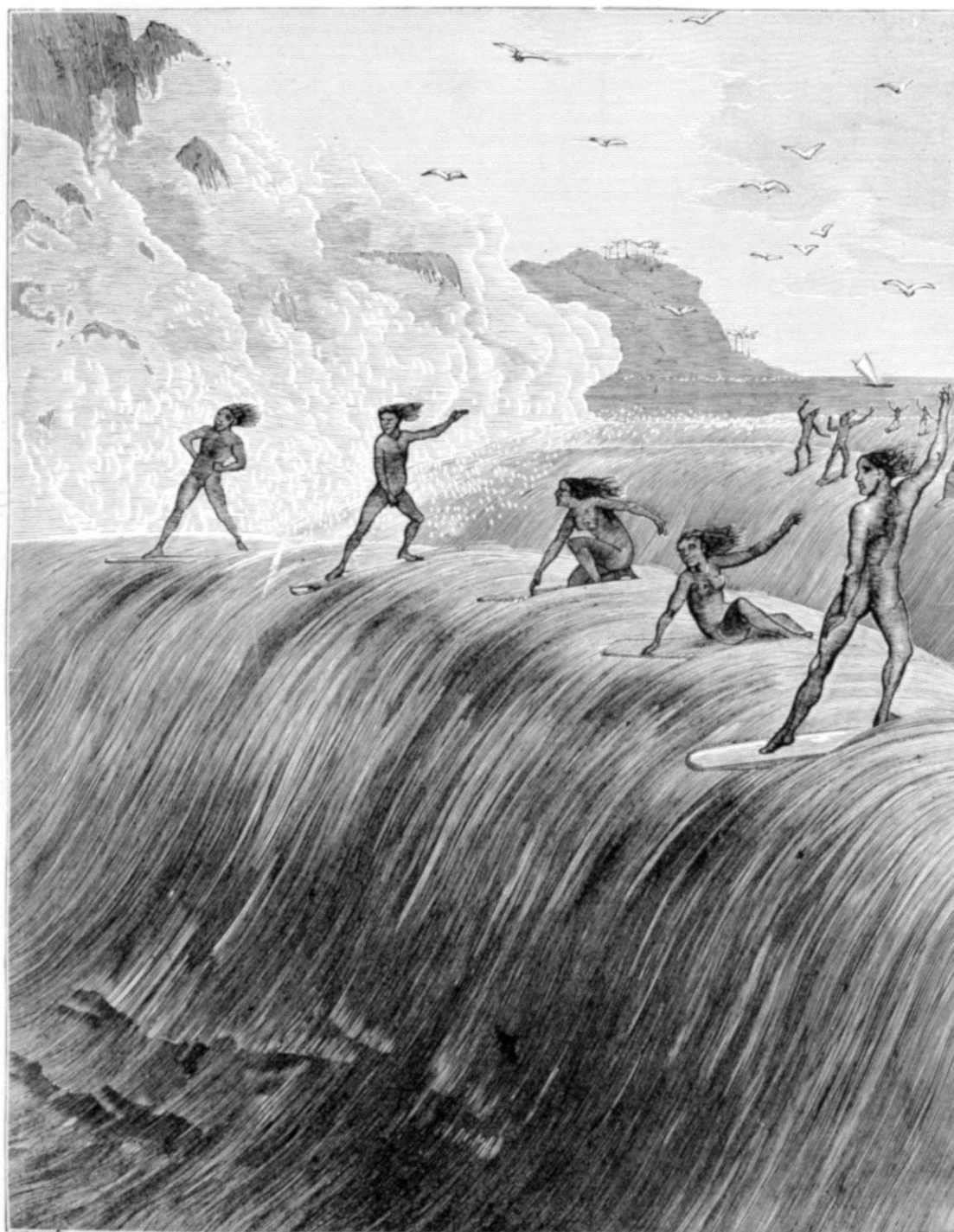
"Тем, кому удастся достичь берега, еще предстоит столкнуться с самой большой опасностью. Берег охраняется цепью скал, между которыми то тут, то там есть небольшие отверстия, и они вынуждены направлять свою доску через одно из них или, в случае неудачи, покидать ее до того, как достигнут скал, и, погружаясь под волну, прокладывая себе путь обратно. Это считается очень позорным, а также сопровождается потерей доски, которую я часто видел, с большим ужасом, разбитой на куски в тот самый момент, когда островитянин покидал ее. Смелость и решительность, с которой они выполняли эти сложные и опасные маневры, была просто поразительной, и вряд ли ей можно доверять".

Эти пловцы часто проплывали почти милю по морю, чтобы как можно дольше наслаждаться стремительным движением при возвращении. В нем участвуют представители обоих полов и

всех сословий, и даже сами вожди, достигшие той корпулентности, которой они так восхищаются, присоединяются к игре в серф-плавание с самыми убогими из своих подданных. Некоторые из исполнителей достигают удивительного мастерства и, не довольствуясь лежанием на доске, садятся, становятся на колени и даже стоят на ней, когда их выбрасывает на берег гигантская волна. Доски бывают разных размеров, в зависимости от возраста и роста владельца. Для взрослых они имеют длину около шести футов. Они слегка выпуклые с обеих сторон и очень гладкие - все любители серфинга гордятся состоянием своих досок и заботятся о том, чтобы они были хорошо отполированы и постоянно натирались маслом какао-ореха. Художник прекрасно [изобразил](#) на следующей странице чудесное завоевание моря этими островитянами.

Такое полное владение волнами возможно только при знакомстве с водой с самого раннего детства. Ребенок с Сандвичевых островов умеет плавать, как только научится ходить, если не раньше: матери отнимают его от груди, кладут на поверхность воды и поощряют бить ногами, как если бы он лежал на коврик на берегу. Один писатель упоминает о своей встрече с объектом, который он принял за очень большую лягушку, но который оказался ребенком Канака (*т. е.* с Сандвичевых островов), который лежал на спине и развлекался совершенно непринужденно.

Действительно, в сознании жителя Сэндвичевых островов, кажется, нет никакой связи между понятиями "вода" и "опасность", и ему не приходит в голову, что человек не умеет плавать. Поэтому было несколько случаев, когда белые люди падали в воду и чуть не тонули, хотя и в присутствии туземцев, просто потому, что им не приходила в голову мысль о том, что кто-то может подвергнуться опасности, упав в воду.

ПЛАВАНИЕ НА СЕРФЕ У ЖИТЕЛЕЙ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ.
(См. [стр. 1092.](#))

Они не менее искусны в управлении своими каноэ и обладают любопытным способом извлечения из них развлечений. Несколько мужчин иногда садятся на весла каноэ, нарядившись самым нелепым образом. Они берут большие пустые тыквы и надевают их себе на голову, прорезав в них отверстия, соответствующие глазам и носу, так что эффект ничуть не отличается от фонаря из репы. К верхней части тыквы прикрепляют пучок тонких зеленых веточек, которые на небольшом расстоянии выглядят как плюмаж из перьев, а к нижней части подвешивают несколько узких полосок ткани, похожих на длинную бороду. Их внешний вид показан на [иллюстрации № 2](#) на 1089-й странице.

В каждом случае, когда эти маски надевали, их носители выглядели очень веселыми, смеялись, кричали и разыгрывали всевозможные сценки. Было высказано предположение, что эти маски на самом деле были шлемами, которые использовались для защиты от камней, бросаемых их противниками; но поведение тех, кто их носил, было настолько похоже на поведение простых маскарадников, что теория шлемов кажется совершенно несостоятельной.

Игра в мяч - излюбленный вид спорта жителей Сандвичевых островов, причем с бесконечными вариациями. Как и тонганцы, они могут играть пятью мячами одновременно, перебрасывая их из руки в руку, так что четыре из них всегда находятся в воздухе. Мячи изготавливаются на месте, из зеленых листьев, свернутых вместе и перевязанных бечевкой.

У них есть модификация этой игры, которая очень похожа на нашу чашку и мяч. Они берут деревянную палку или ручку длиной около фута или восемнадцати дюймов и через один ее конец продевают колышек из твердого дерева длиной около трех дюймов, так что с каждой стороны выступает по дюйму или больше. Оба конца колышка доводят до остроты, и игрушка готова. Подбрасывая мяч левой рукой, они ловят его на один из заостренных концов колышка, затем подбрасывают его в воздух и снова ловят, меняя направление палки так, чтобы поймать его на другой конец колышка. Эту игру они ведут очень долго, ни разу не пропустив мяч.

Еще одно развлечение очень популярно. Два игрока садятся друг напротив друга, у одного из них есть камень и кусок бересты, а у другого - палка. Первый игрок берет берестяную ткань, расстилает ее на земле и правой рукой сминает ее в складки, а другой кладет под ткань камень. Благодаря особенностям ткани складки и морщины остаются неизменными, как и при аналогичной обработке листа тонкой бумаги. Другой игрок внимательно осматривает сукно, пытаясь обнаружить место, под которым спрятан камень, и, приняв решение, ударяет по нему палкой. Если он попадает в камень, то выигрывает большую ставку у своего противника, но в случае промаха он теряет небольшую ставку. Зрители с большим интересом следят за игрой и делают крупные ставки на обоих игроков.

У них много спортивных развлечений, таких как боулз, метание копья, метание палки и другие подобные виды спорта, а иногда они занимаются и таким грубым видом спорта, как бокс. Как видно из рассказа капитана Кука, этот вид спорта не проводится с такой яростью и упорством, как на Тонга, и победа достается сравнительно легко: - "Так как мы еще не видели ни одного человека, который мог бы быть на земле.

"Поскольку мы еще не видели ничего из их спорта или атлетических упражнений, туземцы, по просьбе некоторых из наших офицеров, развлекали нас этим вечером боксерским матчем. Эти игры значительно уступали, как по торжественности и великолепию, так и по мастерству и силе бойцов, тем, что мы видели на Дружественных островах; однако, поскольку они отличались в некоторых деталях, не будет неуместным дать о них краткий отчет.

"Мы обнаружили огромное скопление людей, собравшихся на ровном месте, на небольшом расстоянии от наших палаток. Посреди них оставалось свободным длинное пространство, на верхнем конце которого сидели судьи под тремя штандартами, с которых свисали куски ткани разных цветов, шкуры двух диких гусей, несколько мелких птиц и пучки перьев.

"Когда состязания были готовы начаться, судьи подали сигнал, и тут же появились два бойца. Они медленно шли вперед, высоко поднимая ноги сзади и проводя рукой по подошвам. По мере приближения они часто оглядывали друг друга с ног до головы, бросая на зрителей

несколько взглядов, напрягая мышцы и используя различные жесты. Оказавшись на расстоянии вытянутой руки друг от друга, они стояли с вытянутыми перед лицом руками, в которые и были направлены все их удары. Они наносили удары, как нам показалось, неловко, с полным замахом руки; не делали попыток парировать, но уходили от атаки противника наклоном корпуса или отступлением.

"Бой быстро решался; если кто-нибудь из них оказывался сбитым с ног или даже случайно падал, он считался побежденным, и победитель выражал свой триумф различными жестами, которые обычно вызывали, как и предполагалось, громкий смех среди зрителей. Затем он поджидал второго противника, а в случае победы - третьего, пока, наконец, не оказывался побежденным.

"В этих боях действует необычное правило: пока двое готовятся к бою, третий может вмешаться и выбрать любого из них своим антагонистом, когда другой вынужден отступить. Иногда три или четыре человека следовали друг за другом таким образом, прежде чем поединок был завершен. Если поединок затягивался или казался слишком неравным, один из вождей вступал в бой и заканчивал его, поставив палку между сражающимися. На протяжении всего поединка сохранялся тот же добрый юмор, которым мы раньше так восхищались у жителей Дружелюбных островов. Поскольку эти игры были устроены по нашему желанию, все ожидали, что мы примем в них участие; но наши люди, хотя туземцы и оказывали на них сильное давление, отнеслись к их вызову глухо, хорошо помня удары, которые они получили на Дружественных островах".

Раньше на Сандвичевых островах был очень популярен такой вид спорта, как катание на сани, причем на службу игрокам были поставлены покатые склоны горных хребтов. Игра называется *"холуа"* и проводится следующим образом.

Каждому игроку выдаются сани, состоящие из двух узких полозьев длиной от семи до восемнадцати футов, глубиной три дюйма и закругленных с одного конца, как стальные полозья коньков. Они располагаются рядом, не параллельно, а слегка расходятся, пространство между полозьями составляет около двух дюймов на кончиках и пяти дюймов на другом конце. Они соединены между собой поперечными деревянными брусками и покрыты прочными циновками. Туземцы называют сани *"пала"*. Чтобы подготовить путь, по которому могут двигаться сани, туземцы прорубают узкую и неглубокую траншею от вершины горы до ее основания и даже провозят их по ровной поверхности на протяжении мили или более. Перед началом игры траншею застилают травой, чтобы облегчить путь.

Когда игроки собираются на вершине горы, один из них берет в руки сани, держит их перед собой, отступает на несколько шагов, а затем бежит вперед со всей скоростью, бросается головой вперед в траншею и скользит по ней с огромной скоростью, опираясь на сани. Скорость, с которой хорошо управляемые сани мчатся вниз по траншее, просто ужасает: уклон часто составляет угол в сорок пять градусов. Искусство балансировки узких саней очень сложно, и если игрок случайно наклонится слишком сильно в одну сторону или выведет сани из траншеи, ему вряд ли удастся спастись. Сани разлетаются на куски в одно мгновение, всадник подбрасывается высоко в воздух и катится вниз по крутому склону, не имея возможности ни направить, ни остановить себя.

Победителем в этой игре становится игрок, который проедет дальше всех по траншее, и этот вид спорта настолько увлекателен, что туземцы, как известно, ставили на кон все свое имущество. Они ставили на кон свои дома, земли, фруктовые деревья и урожай. Мужья ставили на своих жен и детей, а жены - на себя. А после того как они теряли все, что у них

было или могло быть, они ставили на карту свои кости, чтобы после смерти использовать их для изготовления рыболовных крючков и наконечников стрел.

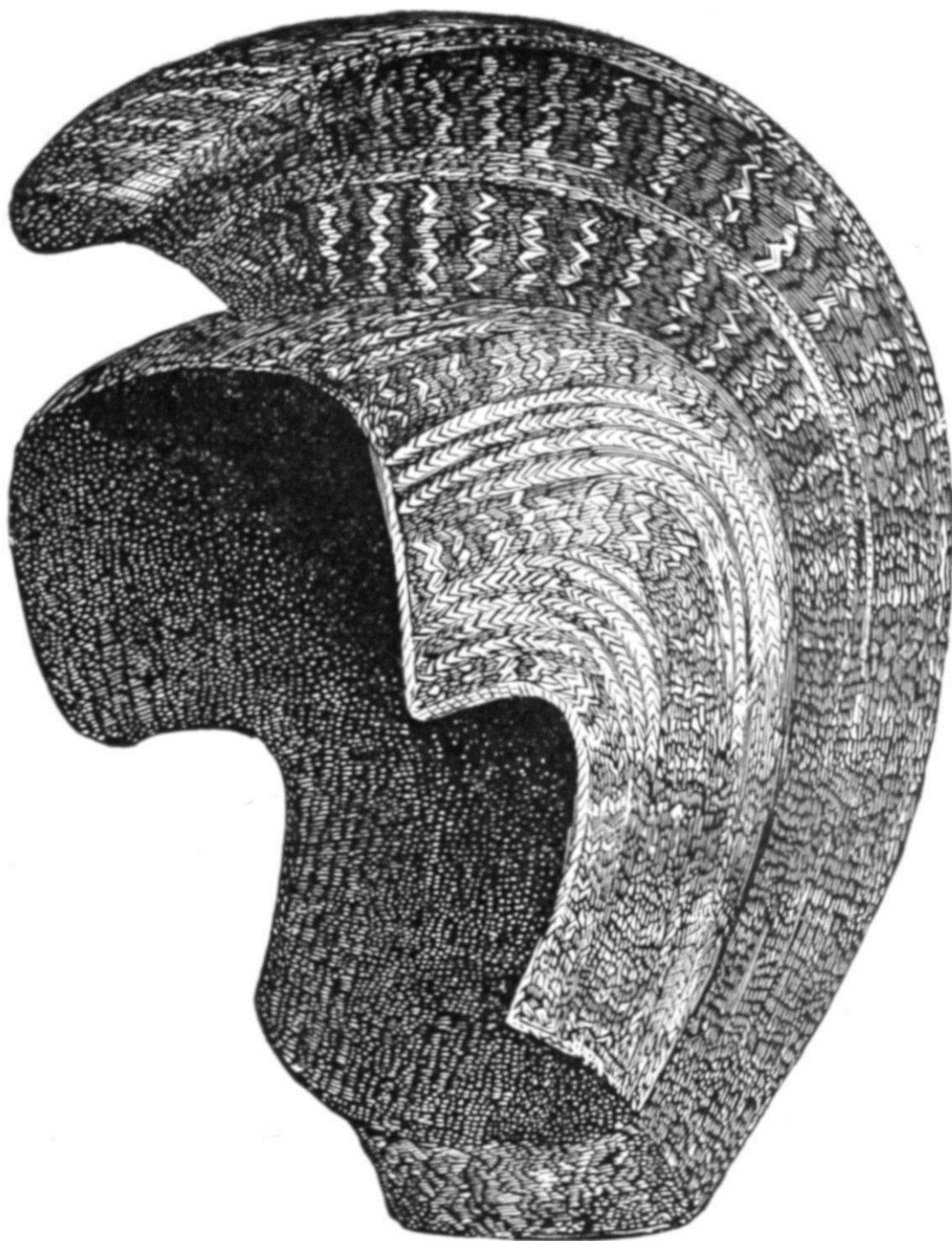
Религия жителей Сандвичевых островов так похожа на религию полинезийцев, что о ней мало что можно сказать. Поклонение, которое у них есть, вымогается страхом, и, следуя этому принципу, они делают своих идолов как можно более уродливыми. Идолы Сандвичевых островов имеют определенный характер, который, как и резьба Новой Зеландии, не может быть ошибочным.

Чтобы показать, насколько полно этот характер накладывает отпечаток на мастерство, я представляю на следующей странице два образца, один из Британского музея, а другой - из моей собственной коллекции. Первый из них, № 1, сделан, как и шлемы из перьев, из плетеной ткани и по размерам намного больше человеческой головы и шеи. Он покрыт красными и желтыми перьями, которые уже упоминались, и, судя по цене материала, должен был быть очень дорогим и ценным предметом в те времена, когда он был сделан.

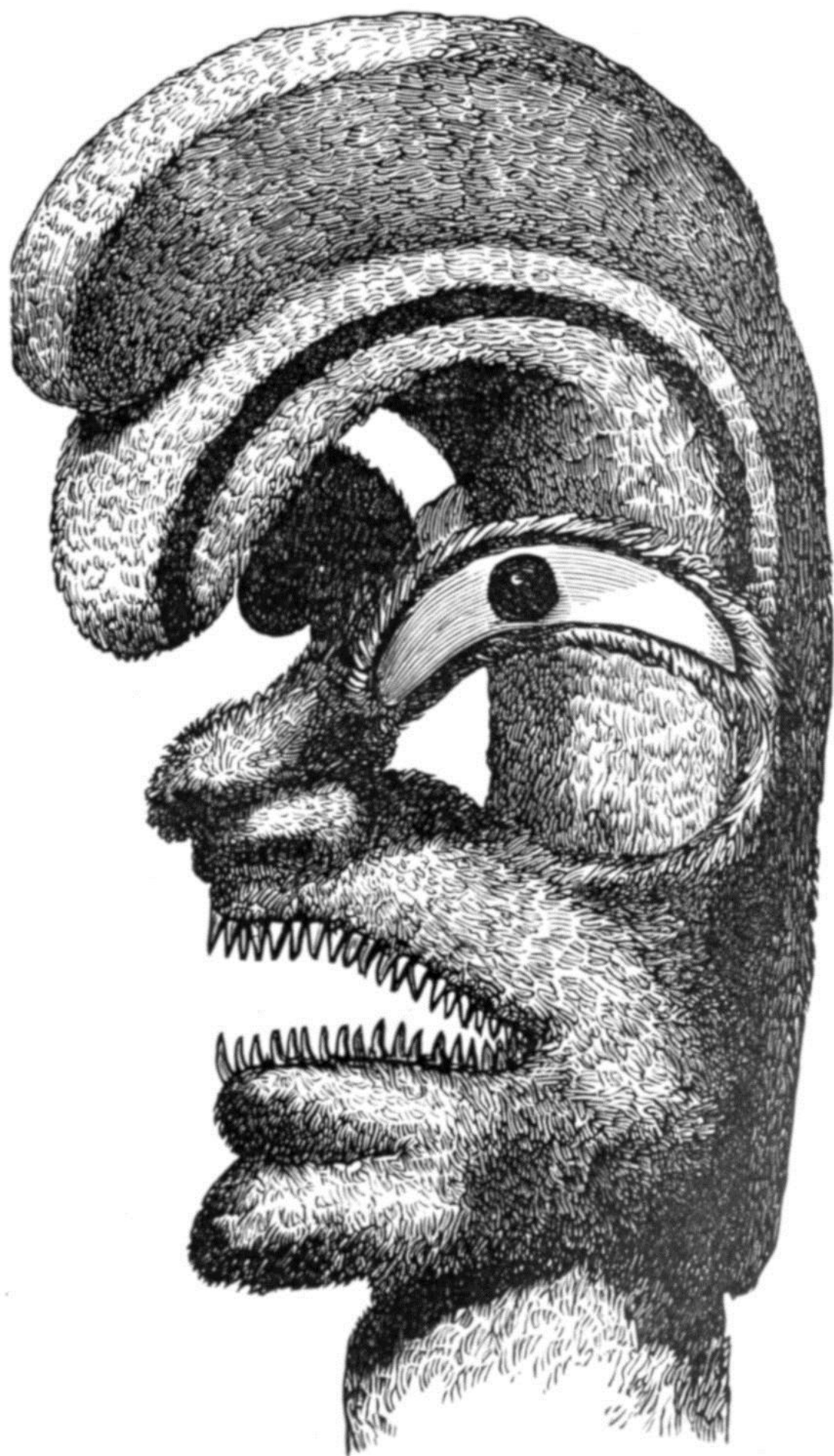
Глаза сделаны из перламутра, а в центре каждого установлена черная бусина в качестве зрачка. Огромные зубы, обрамляющие открытый рот, - это просто клыки, или клыки, собаки. На макушке головы имеется гребень, как у шлема из перьев. Несмотря на грубость формы, изображение обладает определенной силой и энергией, что свидетельствует о наличии у туземца, изготовившего его, некоторой доли художественных способностей, которые в данном случае проявляются в очертаниях, так же как в случае с плащом из перьев - в цвете.

В качестве контраста с этим идолом мы рассмотрим другой образец (№ 2, на той же странице), в котором художник был вынужден отказаться от цвета и полностью довериться контуру; и нельзя сказать, что он не преуспел. Голова и тело этого изображения вырезаны из белого и очень светлого дерева и обтянуты тканью из коры. Эта ткань окрашена в черный цвет, и туземный художник сумел применить ее с таким совершенством, что она плотно прилегает ко всем неровностям резьбы и не видна, пока на нее специально не укажут.

Голова и шея отделены от туловища и вырезаны из одного куска дерева; даже смелый гребень и его опорные лучи вырезаны из одного куска дерева. Зубы верхней челюсти - человеческие, а нижней - просто ряд нёбных зубов какой-то крупной рыбы, их шестнадцать. С каждого угла рта они обрамлены человеческими зубами. После того как зубы были вставлены в дерево, на них накладывается ткань из коры, которая подворачивается у корней зубов, чтобы изобразить десны. Глаза - это просто овальные кусочки перламутра.

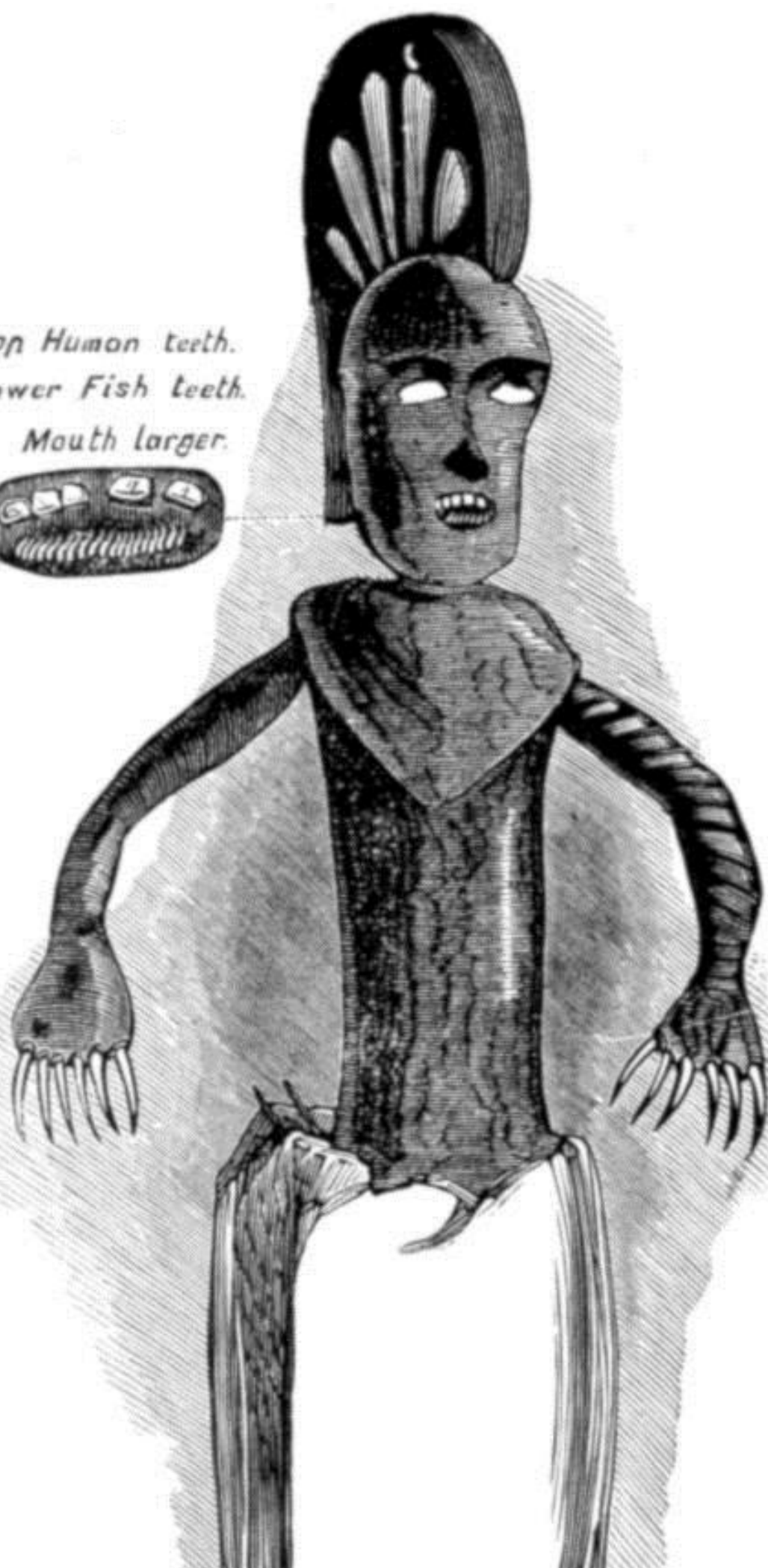
ШЛЕМ С ОСТРОВА СЭНДВИЧ.
(См. [стр. 1082.](#))

(1.) ИДОЛ ИЗ ПЕРЬЕВ.

(См. [стр. 1096.](#))

Top Human teeth.
Lower Fish teeth.
Mouth larger.

*Верхние человеческие зубы.
Нижние зубы рыбы.
Рот больше.*

(2.) ДЕРЕВЯННЫЙ ИДОЛ.
(См. [стр. 1096.](#))

Примечательно, что полоса ткани, проходящая по гребню, не окрашена в черный цвет, как та, что покрывает голову, лицо и шею, а почти белая, причем гораздо более прочная и грубая. Мастерство, с которым изготовитель нанес ткань на дерево, поистине восхитительно. Очевидно, он вымачивал ее, пока она не стала совсем мягкой и нежной, и путем тщательного растягивания и надавливания "уговорил" ее на различные неровности - такие как нос, глаза и рот - так, что она прилегает так плотно, как будто это настоящая кожа.

Шея маленькая, узкая и едва ли заслуживает такого названия, являясь, по сути, не более чем большим колышком, с помощью которого голова может быть прикреплена к телу, когда это необходимо. Вследствие этого положение головы можно менять по своему усмотрению, а разнообразие выражений, достигаемое таким простым способом, едва ли заслуживает доверия.

Тело идола сделано из того же светлого дерева, что и голова, и также покрыто черной корявой тканью. Между плечами имеется впадина, в которую свободно помещается шея. Руки - не что иное, как пучки камыша или тростника, обвязанные тканью; на каждой руке по шесть пальцев, вероятно, как символ необычайной силы. Пальцы - это всего лишь собачьи зубы, белизна которых представляет собой любопытный контраст с черной головой и телом. Ног нет, да и не видно: тело представляет собой не более чем деревянный блок, с отверстием в верхней части для вставки шеи и меньшим отверстием у каждого плеча для вставки рук.

Все художественные способности, которыми обладал создатель, были отданы голове, и надо признать, что он реализовал свою идею наиболее энергично. Длинное платье, которое носит этот идол, не окрашено в черный цвет, как то, что покрывает лицо, голову и тело, а белое и даже без узора.

За этот интересный образец я обязан Э. Рэнделлу, эсквайру, который снабдил меня многими предметами, изображенными в этой работе.

ГЛАВА СХІІІ. КАРОЛИНСКИЙ АРХИПЕЛАГ. ОДЕЖДА-АРХИТЕКТУРА-АМУНИЦИЯ-ВОЙНА.

ОТКРЫТИЕ И НАЗВАНИЕ ОСТРОВОВ - ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ - ГРУППЫ
МАРШАЛЛА И ГИЛБЕРТА - ЖИТЕЛИ ОСТРОВА РОМАНЦОФФ - ОСТРОВ БОРНАБИ И ЕГО
ОБИТАТЕЛИ - ТАТУИРОВКА И ПРИЧЕСКА - МОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК В БОРНАБИ - АРХИТЕКТУРА И

ДРЕВНИЕ РУИНЫ - ЛЮБОВЬ К ПОБЕРЕЖЬЮ - ОСТРОВА ПЕЛЕУ - КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
КАПИТАНА ВИЛЬСОНА - ЦВЕТ ЛИЦА И ОБЩИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - ТАТУИРОВКА -
ЛЮБОПЫТНОЕ СОЧЕТАНИЕ НАГОТЫ И СКРОМНОСТИ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕТЕЛЯ.ОРЕХ -
РУПАКИ И КОСТЯНОЙ БРАСЛЕТ - СПОСОБ ИНВЕСТИТУРЫ - МЕТАНИЕ КОПЬЯ - СПОСОБ
ВЕДЕНИЯ МОРСКИХ БОЕВ - АРХИТЕКТУРА ОСТРОВОВ ПЕЛЕУ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ДОМАШНЕЙ
УТВАРИ - ТАНЦЫ ВОИНОВ - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РЕЛИГИИ - ПОХОРОНЫ НА ОСТРОВАХ ПЕЛЕУ
- ИСТОРИЯ ЛИ БУ.

Пройдя в юго-западном направлении от Сандвичевых островов, мы попадаем в очень большую группу, называемую Каролинским архипелагом. Эти острова были открыты - насколько известно, в 1526 году - португальцами, которые в те времена были самыми предприимчивыми мореплавателями в мире. Примерно через пятьдесят лет после этого их посетил Дрейк, но название, под которым они известны, они получили только через сто с лишним лет после путешествия Дрейка, когда испанцы называли их Каролинскими в честь Карла Второго, тогдашнего короля Испании.

Эти острова простираются на очень значительном географическом пространстве: между самыми восточными и самыми западными из них расстояние составляет около пятидесяти градусов. Вследствие обширности этих островов существует значительная разница между нравами и обычаями местных жителей, и даже между их формой и цветом лица. Поэтому в качестве примера мы возьмем некоторые из восточных, центральных и западных островов.

Самыми восточными из этой группы являются острова Маршалла и Гилберта, первые - северные, вторые - южные. Иногда их делят на Восточные и Западные, первые относятся к цепи Ралик, а вторые - к цепи Ралик, каждая группа включает в себя около пятнадцати или шестнадцати островов.

Все эти острова находятся низко в воде, в основном они состоят из кораллов, поэтому их не видно с большого расстояния. Из-за своей низменности они, по-видимому, оставались незамеченными мореплавателями до 1788 года, когда их открыли Маршалл и Гилберт, в честь которых они и были названы. Как обычно бывает на коралловых островах, почва здесь неглубокая, образовавшаяся в результате разложения растительной массы, выброшенной волнами на коралловые рифы. Поэтому растительность здесь скудная и в основном представлена бананами, какао-орехами и хлебными плодами - все они лучше всего растут на низких местах вблизи воды.

В качестве примера жителей островов Маршалла я привожу [портрет](#) мужчины и женщины с острова Романцофф на следующей странице. Они представляют собой довольно красивую расу, более высокую, чем большинство жителей Каролинских островов, и обладают довольно хорошими чертами лица. Они довольно часто используют татуировку, причем оба пола, по-видимому, одинаково пристрастны к ней. Одеты они лучше, чем многие полинезийцы: мужчины носят короткую циновку вокруг талии, а женщины - очень тонкую и аккуратную циновку, ниспадающую почти до ног. Волосы длинные, естественно вьющиеся, и носят их оба пола. Серьги пользуются большим спросом, и некоторые из них, как видно из иллюстрации, огромных размеров.

(1.) ЖИТЕЛИ ОСТРОВА РОМАНЦОФФ.
(См. [стр. 1100.](#))

(2.) ДЬЯК-ВОИН И ДУСУМ.

(См. [стр. 1112.](#))

По строению острова видно, что нынешние жители не являются аборигенами, а прибыли с других островов в отдаленные времена. Они сохранили дух мореплавания, которому обязаны своим появлением на острове, и совершают длительные путешествия с одного острова на другой. Их каноэ хорошо сделаны и построены из древесины хлебного дерева.

Борнаби - один из самых крупных и важных островов, его окружность составляет около семидесяти миль, а почва достаточно разнообразна, чтобы быть очень плодородной. Вместо того чтобы быть низменным, как некоторые из этих островов, он имеет вулканическое

происхождение, поднимаясь на значительную высоту в центре, и окружен плоскими коралловыми рифами.

Благодаря такому строению, он представляет собой отличную гавань и стал отличным местом отдыха для китобойных судов. Как и некоторые другие части Америки в той же зоне и с похожим контуром, остров очень влажный, так что сочетание тепла и влаги создает удивительное плодородие растительности. Даже в более высоких частях острова пресная вода питает различные деревья и кустарники, а на побережье мангровые заросли, которые любят соленую воду, абсолютно вросли в море и, переплетаясь корнями и ветвями, образуют барьер, через который невозможно проникнуть, кроме как через отверстия, сделанные в устьях рек и ручьев.

Жители имеют довольно средний рост: мужчины - около пяти футов восьми дюймов, а женщины гораздо ниже. Однако они хорошо сложены, не обрюзгшие и не неуклюжие, как это часто бывает с женщинами нецивилизованных рас.

Как и жители острова Романцофф, они обильно татуируют себя, а представители обоих полов носят свои черные волосы очень длинными, хорошо смазывая их маслом и тщательно укладывая, а в случае людей высокого ранга - украшая венками из цветов. Они питают ту же странную страсть к куркуме, что и полинезийцы в целом, обильно мажут ею себя и таким образом превращают свой приятный от природы медный цвет в отталкивающий желтый.

Мужчины одеваются очень тщательно: модный человек из Борнаби тратит на свой костюм огромное количество времени. На его лице не должно быть ни малейшего волоска, он должен мучительно выщипывать каждый волосок щипцами, сделанными из пары раковин петуха или куска черепаховой скорлупы, согнутого вдвое. Он должен надеть не менее шести фартуков, один поверх другого. Эти фартуки сделаны из полосок листьев какао-ореха, отбеленных до белизны, и имеют длину около двух футов. На талии у него должен быть пояс или кушак из бананового волокна, окрашенного в алый и желтый цвета. На шее у него должны быть ожерелья, головная повязка и алые кисточки на ушах, а завершает наряд зонтик или тент из листьев, который он повязывает вокруг головы, чтобы уберечь лицо от солнца.

Этот замысловатый туалет должен совершаться несколько раз в день, поскольку каждый туземец купается, мажется маслом и красит кожу в желтый цвет не менее трех раз в день. Одежда женщин имеет некоторое сходство с мужской, за исключением того, что вместо ряда фартуков с бахромой они носят кору, завязанную вокруг талии и достигающую до колен.

В архитектуре народ Борнаби превосходит всех полинезийцев. Как и маркизцы, они начинают с сооружения платформы из камней высотой около четырех-пяти футов, на которой возводят каркас здания. Промежутки между вертикальными бревнами заполняются плетеным материалом, в котором оставлены проемы, отвечающие назначению окон. Пол покрыт таким же плетением, за исключением небольшого пространства в центре, в котором сделан камин. Крыша аккуратно покрыта листьями пандануса. Во всех этих деталях архитектура Борнаби мало чем отличается от архитектуры многих других островов. Главное отличие, однако, заключается в том, что бревна имеют квадратную форму, а также в том, что вместо того, чтобы просто скрепляться между собой, они скрепляются при помощи шпунта и врезного соединения.

Кажется вероятным, что превосходство их архитектуры, особенно в квадратности балок и использовании мортиры, объясняется не столько ими самими, сколько памятью о зданиях, возведенных белыми людьми несколько веков назад. Возле одной из гаваней есть несколько

разрушенных зданий, которые явно не относятся к архитектуре дикарей. Они построены из тесаных камней, привезенных из какой-то другой страны, и выстроены в виде улиц, выглядящих так, как будто они составляли часть укрепления. Есть предположение, что эти здания - дело рук испанских буканьеров, которые несколько столетий назад бороздили эти моря и нашли бы такую гавань и форт бесценными для себя.

Насколько известно, жители Борнаби почти не выходят за пределы побережья и никогда не посещают внутренние районы. Несомненно, что возделанные земли простираются лишь на очень небольшое расстояние вглубь острова, и, поскольку вся энергия этих островитян, естественно, направлена в сторону моря, весьма вероятно, что туземцы говорят правду, когда утверждают, что никогда не посещали даже центр своего острова.

ОСТРОВА ПЕЛЕУ.

Самая западная группа Каролинских островов известна под названием Пелеу или Паллу. Они были открыты в 1543 году Виллаболосом, но до нас дошли главным образом благодаря капитану Г. Уилсону, который потерпел там крушение в 1783 году. Группа состоит из двадцати небольших островов, которые окружены рифом.

Жители имеют темный медный цвет кожи, хорошо сложены, высоки и отличаются статной походкой. Они используют татуировку в довольно любопытной манере, густо нанося узоры на ноги от лодыжек до нескольких дюймов выше колен, так что кажется, будто их ноги темнее, чем все остальное тело. Они чистоплотны в своих привычках, часто купаются и натирают себя маслом какао-ореха, чтобы придать коже мягкость и блеск.

Волосы на голове тонкие и черные, оба пола носят их длинными, закручивая на затылке в своеобразную прическу. Волосы на лице и подбородке в основном удалены, их выщипывают пинцетом, лишь некоторые мужчины, отличающиеся силой и толщиной бороды, позволяют ей расти. Мужчины не носят никакой одежды, даже сам король не имеет ни малейшего подобия одеяния, предполагается, что татуировка отвечает цели одежды.

Когда капитан Уилсон посетил их, они были настолько незнакомы с настоящей одеждой, что совершенно недоуменно рассматривали одежду белых людей, поднимали клапаны пальто, щипали рукава, а затем сравнивали их со своими собственными голыми конечностями, очевидно, полагая, что эти загадочные предметы - кожа, свойственная белому человеку. Они также приняли голубые вены на запястьях моряков за линии татуировки и попросили разрешения осмотреть всю руку, чтобы выяснить, продолжают ли голубые линии за запястьем.

Однако, несмотря на отсутствие одежды, поведение полов по отношению друг к другу совершенно скромное. Например, мужчины и женщины не купаются в одном и том же месте и даже не подходят к купальне противоположного пола, если она не заброшена. Если мужчина вынужден пройти рядом с женской купальней, он обязан, подойдя на определенное расстояние, громко крикнуть, и, если ему ответит женский голос, он должен либо пройти круглым путем, либо повернуть назад и подождать, пока женщины не покинут это место.

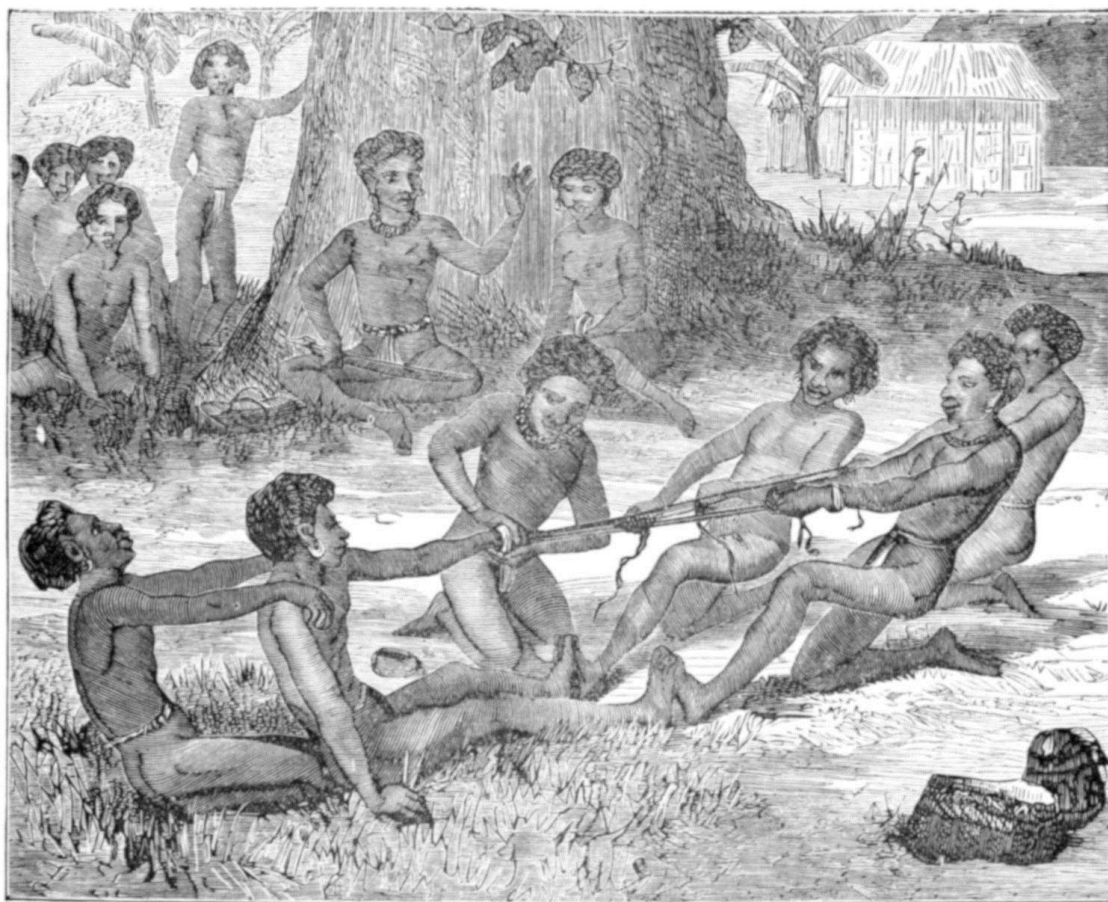
Черты лица у них довольно приятные, нос довольно выдающийся, а рот в меру большой. Они выглядели бы вполне красивыми людьми, если бы не их обычай жевать орех бетель, который окрашивает рот в красный цвет, а зубы - в черный. Вожди и все главные люди настолько преданы бетелю, что всегда носят с собой маленькую корзинку с орехами и небольшой бамбуковый сосуд, в котором хранят негашеную известь, которую смешивают с бетелем, когда его жуют.

Хотя они не заботятся об одежде и сравнительно мало украшают себя, самые великие вожди носят одно украшение, которое ценится ими так же, как подвязка в Англии или золотое руно в Испании. Это костяной браслет, который носят на левом запястье и который обозначает самый высокий ранг, не уступающий рангу самого короля. Тех, кто имеет привилегию носить его, называют рупаками, и, как мы сейчас увидим, это звание не обязательно является наследственным, а присваивается по желанию короля.

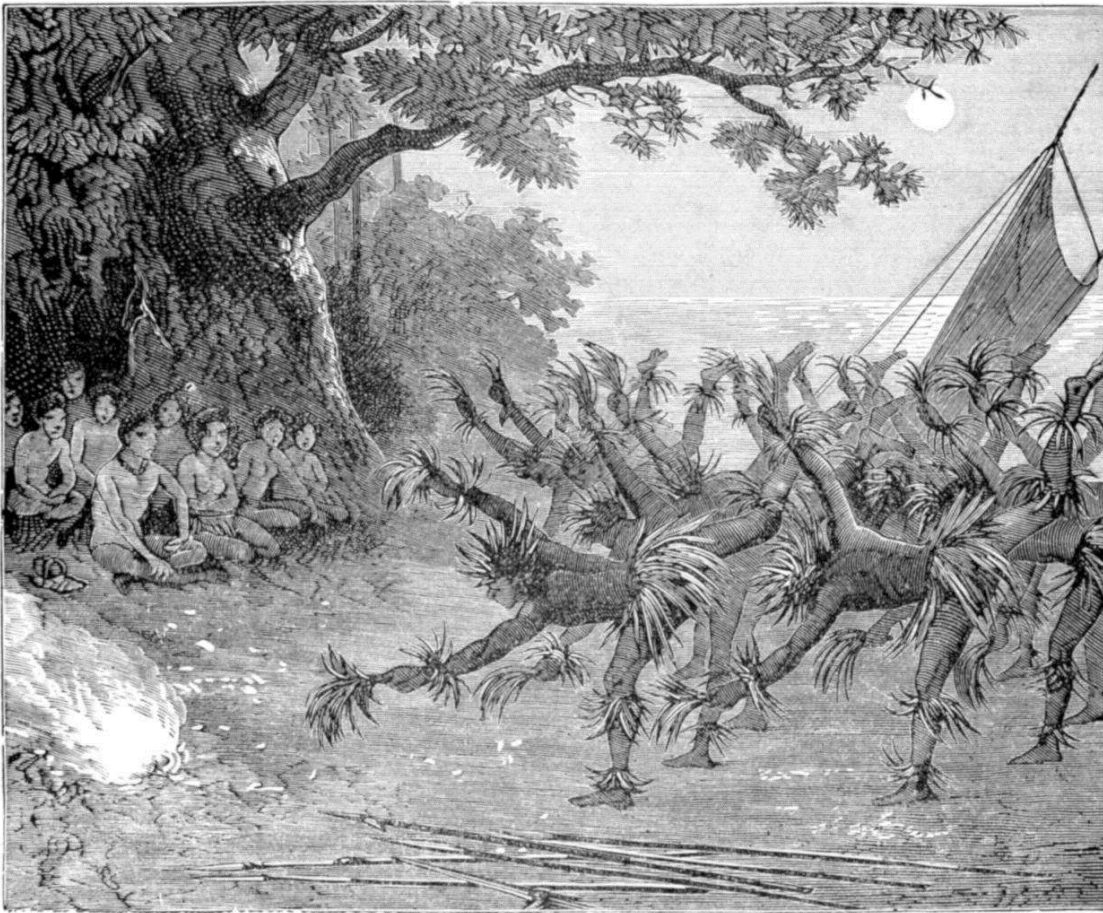
Нам кажется странным, что ранговые различия должны быть так резко выражены среди такого народа, как жители острова Пелеу, и что "голые дикари" должны иметь свои различные градации социального положения. То, что определенная шкала рангов вообще должна существовать, является свидетельством некоторой цивилизованности, а то, что столь полная система должна быть найдена среди этих островитян, кажется совершенной загадкой для тех, кто привык ассоциировать одежду и цивилизацию как неразделимые условия. Однако здесь мы имеем дело с необычным фактом: существует четкое разделение сословий на короля, дворян, дворянство и крестьянство; и хотя эти сословия совершенно четко определены и признаны, ни один человек, от почти деспотичного короля до самого низкого подданного, не носит ни малейшего предмета одежды.

Мало того, что эти различия ревностно соблюдаются, мы также обнаруживаем, что дворяне делятся на несколько рангов, как это принято в цивилизованных странах, и что высший ранг обозначается символическим значком. Этот знак вручается только самим государем, а инвестиция с костью Рупака проходит с торжественной церемонией, свидетельствующей о том, как высоко он ценится. Рупаки так сильно привязаны к этому символу своего ранга, что мятежный Рупак, который вел войну против короля и был взят живым, сопротивлялся всем попыткам лишить его браслета и не расставался с ним, пока не пожертвовал своей жизнью в его защиту. По форме кость очень напоминает открытые челюсти конька и, вероятно, сделана по этой модели.

Способ инвестиции очень торжественный, и он [проиллюстрирован](#) на следующей странице. Рупаки собираются вместе в некое подобие главы своего ордена, а избранный рупак сидит на небольшом расстоянии от них. Затем король или назначенный им рупак берет браслет и велит кандидату бросить камень так далеко, как он сможет. Это делается для того, чтобы выяснить, какой рукой он обычно пользуется, так что если он правша, то браслет надевается на левое запястье, а если левша - на правое.

(1.) ИНВЕСТИТУРА РУПАКА.
(См. стр. 1104.)

(2.) ТАНЕЦ ВОИНОВ. ТАНЕЦ ВОИНОВ.
(См. [с. 1108.](#))

Затем к каждому пальцу руки привязывается веревка; веревки пропускаются через браслет, который вместе с рукой обильно смазывается маслом кокосового ореха. Затем главный рупак становится позади кандидата и крепко держит его за плечи, а другой дергает за веревки. Король тем временем сжимает пальцы руки, постепенно натягивая браслет на запястье, и обращается к новому рупаку с речью, в которой велит ему ежедневно полировать браслет и сохранять его ярким, никогда не допускать, чтобы его честь была запятнана, и не расставаться с ним иначе как с жизнью.

Капитан Уилсон, которому самому довелось носить кость Рупака, так пишет об этой церемонии и ее цели: "Этот знак отличия дается и принимается в этих краях как награда за доблесть и верность, а также как приз за заслуги.

"В этом свете такие общественные почести рассматривались изначально и должны рассматриваться до сих пор во всех государствах, от Пелева до Британии. И пока они продолжают рассматриваться таким образом, они будут действовать на человеческие страсти - возбуждать подражание, вдохновлять на мужество, способствовать добродетели и вызывать уважение. Украшение, действительно, черпает все свое величие из совокупности идей, возникающих в уме при его созерцании; и воображение в равной степени поражается одним и тем же чувством, будь то почетный знак в виде полоски бархата, повязанной вокруг колена, хохолок из ленты и крест, болтающийся в петлице, звезда, вышитая на плаще, или *кость* на руке".

Он мог бы добавить, что внутренняя ценность украшения не идет ни в какое сравнение с честью, которую оно обозначает, и что кость голого жителя острова Пелеу, лавровый или петрушечный венец древнего воина или Крест Виктории современного героя в равной степени бесценны и не имеют цены. Примечательно, что король не носит кость, так что у него нет внешнего знака, по которому его можно отличить от самого захудалого крестьянина.

Жители острова Пелеу - не очень воинственный народ, поэтому их оружие простое и немногочисленное. У них есть два вида копий: одно используется как ракета, а другое - как пика. Ракетное копьё метается с помощью весьма примечательного приспособления, напоминающего австралийскую вуммеру, или метательную палку.

Оно состоит из куска дерева длиной около двух футов с выемкой на одном конце. Когда воин хочет метнуть копьё, он помещает приклад в выемку метательной палки, а левой рукой сгибает упругое бамбуковое древко, пока оно не сложится почти вдвое. Затем левая рука ослабляет хватку, и копьё за счет собственной упругости выдвигается на значительное расстояние. Для европейца нет ничего более неудобного, чем этот способ метания копья; но жители острова Пелеу могут посылать оружие на значительное расстояние и, кроме того, хорошо прицеливаться.

Даже без помощи палки для метания они не являются адептами в метании копья. Когда Ли Бу, сын короля, был в Кантоне, несколько джентльменов, владевших искусством метания копья, попросили его показать, как его собственный народ управляется с этим оружием. Он взял копьё и, не думая о том, что его будут метать, просто взмахнул им, выполняя обычные предварительные действия. Затем его попросили метнуть его в клетку из марли, на которой была нарисована птица. Клетка находилась на таком расстоянии, что джентльмены редко могли попасть в нее. Ли Бу, однако, небрежно взял копьё, на мгновение задержал его, метнул и не только попал в клетку, но и пробил птице голову.

Рупаки в основном носят мечи и кинжалы. Первые сделаны из очень тяжелого дерева и достигают почти трех футов в длину. Они инкрустированы кусочками белого ракушечника и достаточно прочны и тяжелы, чтобы убить человека одним ударом. Кинжалы сделаны из хвостовой кости ската, и, когда они не используются, их носят в ножнах из одного сустава бамбука, как и маленькие ножи на Борнео.

Сухопутные сражения на этих островах происходят редко, туземцы полагаются в основном на свои каноэ, которые отличаются большими размерами и хорошей конструкцией. Их корпуса вырезают из стволов деревьев, а затем вырезают, расписывают и инкрустируют с терпеливой тщательностью, которая отличает искусство дикарей. Когда король отправляется в государственный поход, каноэ еще больше украшают гроздьями раковин, нанизанных на шнуры и подвешенных к носу и кормовым стойкам. Используется аут-риггер, а паруса имеют форму "латины". Несмотря на заботу о своих судах, жители островов Пелеу не являются хорошими моряками и редко выходят за пределы цепи рифов, опоясывающих группу островов. Даже внутри нее, когда море было совсем высоким, они не решались садиться в свои каноэ.

Вследствие их способа ведения боя захват вражеского каноэ имеет гораздо большее значение, чем уничтожение его солдат, и рассматривается в том же свете, что и захват вражеского орудия или флага. Поэтому, когда одна из сторон видит, что битва идет против них, они поворачивают свои каноэ на сушу и всеми силами загоняют их на берег, а если возможно, то затаскивают их так высоко на пляж, что их невозможно вытащить на берег, не подвергая захватчиков почти верной смерти.

Основным инструментом, используемым при изготовлении каноэ, является адзе, или топор. По форме это оружие почти идентично полинезийским адзе, которые уже были описаны в этой работе. Лезвие сделано из толстой и прочной раковины гигантского моллюска, а самая любопытная особенность инструмента в том, что головка вращается в пазу, так что его можно использовать как адзе или топор по своему усмотрению. Точно такой же инструмент есть у строителей лодок племени диаков, о чем мы расскажем на нескольких страницах.

Более мелкие инструменты и приспособления, такие как каменные ножи, гребни и веревки, они носят в корзине, в которой хранится их бетель; поскольку у них нет одежды и, следовательно, карманов, человек никогда не уходит на какое-либо расстояние от своего дома, не взяв с собой корзину.

Архитектура жителей острова Пелеу очень хороша. Дома возвышаются над землей примерно на три фута с помощью каменных столбов, на которые укладываются балки, поддерживающие пол и боковые стойки. Стены сделаны из толстой циновки, которая тянется от столба к столбу, а полы, как правило, дощатые, с промежутком в дюйм или около того между досками. Иногда их делают из расщепленного бамбука, который становится полированным и очень скользким от постоянного ступания босых ног.

В центре каждого дома есть камин, утопленный ниже пола и сложенный из камней и земли. Огонь горит всю ночь, но не для того, чтобы согреться, а для того, чтобы дым наполнял дом и отгонял moskitov. Если дом очень большой и используется для общего пользования, в нем устраивают два камина, по одному в каждом конце. По бокам дома расположены проемы, которые в равной степени выполняют функции окон или дверей и снабжены раздвижными ставнями, с помощью которых их можно закрывать по своему усмотрению. Каждый из этих проемов оборудован ступеньками, с помощью которых жители могут входить и выходить из дома, не поднимаясь с земли на возвышенный пол. Большие дома используются для общественных нужд: перед ними проводятся советы, в них собираются люди для светских бесед, в которых женщины принимают самое активное участие. Некоторые из этих домов имеют от шестидесяти до восьмидесяти футов в длину.

Будучи чистоплотным народом, жители острова Пелеу аккуратно подметают свои дома, а метла представляет собой связку шелухи какао-ореха, связанную вместе. Сосуды, в которых хранится пресная вода, - это просто суставы бамбука, открытые концы которых снабжены своеобразным носиком или губой, с помощью которой воду можно наливать без опасности пролить.

Сосуды для приготовления пищи сделаны из глиняной посуды и в основном имеют овальную форму. Однако они не очень хорошие гончары: их горшки и кастрюли довольно хрупкие и так плохо обжигаются, что туземцы не осмеливаются сразу ставить их на огонь, а ставят сначала на небольшом расстоянии и, по мере нагревания, приближают их, постоянно поворачивая, чтобы каждая часть нагревалась одинаково.

Когда капитан Уилсон был на Пелевских островах, у короля было судно, которым он очень гордился. Он был вырезан из деревянного бруска, обильно инкрустирован кусочками белой раковины и, когда на него надевали крышку, представлял собой довольно красивое изображение птицы. Этот сосуд вмещал около девяти галлонов, и в торжественных случаях его выносили и наполняли сладким напитком для короля и его приближенных.

О развлечениях жителей острова Пелеу капитан Уилсон говорит мало и дает лишь краткое описание очень странного танца, которым они наслаждаются. Это описание будет понятнее,

если обратиться к [иллюстрации](#) на 1105-й странице. "Вечером наших людей развлекали танцем воинов, которые только что вернулись, который исполнялся следующим образом:...

"Танцорам приносят большое количество листьев подорожника, которые они расщепляют и дрожат в виде лент. Они обматывают и закрепляют их вокруг головы, запястий, талии, лодыжек и коленей; приготовленные таким образом листья желтоватого оттенка не выглядят неэлегантными, когда прикладываются к их темной медной коже. Они также делают из них пучки или кисточки, которые держат в руках.

"Когда их вытягивают, они образуют круги по два или три в глубину, один внутри другого. Как правило, пожилой мужчина среди них начинает очень торжественным тоном что-то вроде песни или длинного предложения - наши соотечественники не могли различить, что именно, - и когда он доходит до паузы или того, что мы должны назвать концом строфы, раздаётся припев, и все танцующие присоединяются к нему, продолжая свою фигуру.

"Их танцы заключаются не столько в капризах или ловкости, сколько в особом способе балансировать, причем часто очень низко, боком, и все время петь вместе; во время этого они выравнивают свои круги, чтобы оказаться лицом друг к другу, поднимают кисточки, которые держат в руках, и придают им звенящее или трепетное движение. После этого наступает внезапная пауза, и каждый восклицает "Weel!". Затем повторяется новое предложение или строфа, под которую танцуют, как и прежде, и та же церемония продолжается до тех пор, пока каждый мужчина, участвующий в танце, в свою очередь не повторит его и не исполнит припев".

Насколько удалось выяснить капитану Уилсону, жители острова Пелеу имеют некоторые представления о религии и, безусловно, верят в жизнь после смерти. У них было несколько суеверий, одно из которых гласило, что древесина определенного дерева несчастлива и всегда приносит вред, где бы ее ни использовали. Когда капитан Уилсон строил свое новое судно, он использовал несколько досок из этого дерева, к ужасу короля, Аббы Тулле, который умолял его убрать их. Капитан Уилсон объяснил ему, что если в его стране для строительства кораблей используется любая подходящая древесина, не приводящая к плачевным результатам, то и на Пелевских островах можно ожидать такой же безнаказанности. Так и случилось, вскоре после того, как были вставлены неприятные доски, один из плотников упал с борта судна и сильно ушибся, тем самым утвердив туземцев в их вере.

Их похоронные церемонии очень коротки и просты, и даже в одном случае, свидетелем которого был капитан Уилсон, когда хоронили сына главного вождя, не было почти никаких церемоний. Труп был завернут в циновки, и его несли на тележке четверо мужчин, причем никто, кроме самих носильщиков, не присутствовал. Несколько женщин следовали за ним и громко причитали, пока шли. Когда они добрались до места погребения, тело положили в могилу, и земля была немедленно засыпана четырьмя носильщиками, в то время как женщины стояли на коленях вокруг и повторяли свои причитания, делая вид, будто хотят вырвать тело из земли.

Однако на следующий день Раа Кук, отец покойного, отправился к месту погребения и совершил любопытную церемонию. Он взял два *старых* ореха какао (молодые орехи всегда собирали для употребления в пищу) и немного красной охры, которой нарисовал поперечные полосы на орехах. Затем он клал нарисованные орехи рядом с собой и произносил на полуслове какие-то слова, которые, как предполагалось, были заклинанием или молитвой. Пучок листьев бетеля был обработан таким же образом, и все это было

передано старухе, которая пошла с ними к могиле; но точное окончание церемонии не было установлено.

На [странице 1107](#) упоминается Ли Бу. Поскольку этот молодой человек был первым жителем острова Пелеу, когда-либо посещавшим Англию, и к тому же обладал весьма примечательным характером, я завершу этот рассказ кратким воспоминанием о нем.

Он был вторым сыном короля, Аббы Тулле, который не был простым человеком и вполне заслуживал той власти, которой обладал. Он обладал огромной энергией, удивительным либерализмом ума и врожденным благородством нрава. Визит белых людей научил его их бесконечному превосходству, и когда капитан Уилсон построил свой новый корабль и собрался в путь, Абба Тулле умолял его взять Ли Бу в Англию, чтобы обучить его искусству цивилизации и отправить обратно, чтобы он мог стать учителем своего будущего народа. Просьба была удовлетворена, и Ли Бу отправился с капитаном Уилсоном в Англию, где прожил пять месяцев, завоевав уважение и привязанность всех, с кем встречался, своим умным, скромным и ласковым характером. К несчастью для надежд своего отца, он заболел оспой, от которой и умер. Его последним желанием было, чтобы все подарки, которые ему дарили, были отправлены его отцу. Он умер 27 декабря 1784 года и был похоронен в церкви Ротерхит, где Индийская компания воздвигла гробницу в его память.

ГЛАВА CXIV.

БОРНЕО.

ДАЯКИ, ИХ ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЯКОВ - ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕН - МОРСКИЕ И СУХОПУТНЫЕ ДАЯКИ - ОБЩИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - ТАТУИРОВКА НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕНА СРЕДИ НАИМЕНЕЕ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ПЛЕМЕН - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - НЕОБЫЧНЫЕ СЕРЬГИ - ПОДПИЛИВАНИЕ И ЧЕРНЕНИЕ ЗУБОВ - ВОИН ДЯК В ПОЛНОМ ОБЛАЧЕНИИ - ВОИН ДУСУМ В ОБЫЧНОМ КОСТЮМЕ - ИЛЛИНОЙСКИЕ ПИРАТЫ, ИХ ВООРУЖЕНИЕ И СВИРЕПОСТЬ - САГАЙСКИЙ ДЯК И ЕГО СТРАННЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР - СИЛА И АКТИВНОСТЬ ДЯКОВ - ХОДЬБА "БАТАНГ" - УСЛУЖЛИВЫЙ ДЯК - ИХ СПОСОБНОСТЬ ПРОНИКАТЬ В ДЖУНГЛИ - ЧАВАТ И САРОНГ - ДЯКСКИЙ ЩЕГОЛЬ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - БЕДАНГ И БЕЗРУКАВКА - КРАСИВЫЕ ВОЛОСЫ ДЯКСКИХ ЖЕНЩИН - МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЛИФЫ - ДЕВУШКА-САЙБАС В ПОЛНОМ ПЛАТЬЕ - ДЯКСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ.

За исключением Австралии, которая может считаться континентом, Борнео - самый большой остров в мире. Он расположен в тропиках, экватор проходит почти через его центр, и является центром Индийского архипелага.

До недавнего времени о Борнео почти ничего не было известно, но с тех пор как покойный сэр Джеймс Брук совершил ряд замечательных подвигов против пиратских племен, которые заволокли побережье на протяжении более тысячи миль и уничтожили всю торговлю, страна была достаточно изучена, а нравы и обычаи ее жителей исследованы. Следуя плану, по которому была написана эта работа, мы будем говорить только о коренных жителях Борнео, которые в некоторой степени живут жизнью дикарей и обладают лишь той степенью цивилизации, которая совместима с существованием дикарей.

Если не принимать во внимание малайских магометан, обосновавшихся на Борнео, то можно условно разделить туземные племена на сухопутных и морских даяков. Первые из них редко

выходят в море, как для пиратства, так и для торговли, и в этом отношении сильно отличаются от морских даяков, чье существование, по сути, является морским.

Мистер Брук считает, что сухопутные даяки эмигрировали из страны, в которой они могли бы соприкоснуться с индуизмом, так как они обладают множеством реликвий этой религии. "Остатки индуизма, найденные среди них, такие как быки в форме камней и другая каменная утварь, а также отказ прикасаться к плоти крупного рогатого скота или оленей - и они настолько щепетильны, что оштрафуют человека даже за то, что он прольет кровь этих животных на их территории; имя их божества - Джувата - эти свидетельства подтверждают справедливую догадку о том, что они, должно быть, получили представление об индуистском культе от людей, приплывающих на реку Капуас с острова Ява, который удален от некоторых протяженных точек Борнео всего на двести миль, и между ними обычно дуют попутные ветры."

В подтверждение этого мнения мистер Брук упоминает, что выражение "во времена индусов" раньше использовалось, когда речь шла о какой-либо древней дате. Существует около девяти или десяти ветвей ланг-даяков, каждая из которых делится на значительное число племен. Невозможно дать названия и описание отдельных племен из-за их изменчивого характера. Люди постоянно перемещаются с места на место в поисках новых земель для возделывания, в результате чего они ссорятся друг с другом, воюют, рассеиваются и образуют новые племена в тех местах, на которых оседают.

Считается, что их численность не превышает сорока тысяч, многие племена из которых никогда не были у моря.

Далее следуют морские даяки - более справедливый, изящный, и интересный народ. Они примерно в три раза многочисленнее сухопутных даяков и в настоящее время являются тем же, чем были старые морские цари в далекие времена. По сути, это народ скитальцев, живущий пиратством и в полной мере применяющий отвратительную практику охоты за головами, о которой мы узнаем через несколько страниц.

Они выше сухопутных даяков, рост которых редко превышает пять футов шесть дюймов, и гораздо светлее цветом лица. Кожа сухопутных даяков коричневая, в то время как кожа морских даяков на много тонов светлее, и ее сравнивают с цветом нового седла - оттенок, который замечательно подходит к хорошо развитым формам этих людей. Они очень гордятся своим цветом лица, а женщины любят сбрасывать куртки, которые носят, чтобы продемонстрировать свою гладкую атласную кожу, отполированную и блестящую, словно новая бронза.

Их различные обычаи в мирное и военное время будут описаны в соответствующих местах, а сейчас мы довольствуемся их внешним видом и одеждой.

Даяки, как правило, почти безбороды, и их лицо можно назвать почти женоподобным. Однако иногда у мужчины на верхней губе появляется несколько волосков, которыми он неумеренно гордится, и известны один или два случая, когда мужчина обладал хорошо развитой бородой.

Татуировка практикуется среди многих племен и преобладает в обратном соотношении с их цивилизованностью: те, кто наиболее далек от цивилизации, наиболее обильно татуированы, а те, кто вступил в контакт с ней, почти полностью отказались от этой практики. Мужчины некоторых племен практически покрыты татуированными узорами, в то время как у представителей других племен на груди красуются звезды, а на ногах и руках - браслеты и

браслеты. Кановитские даяки, принадлежащие к большому племени маланау, татуированы от груди до колен узором, напоминающим чешуйчатую броню, а многие из них татуируют свои подбородки и грудь так, что кажется, будто у них настоящие борода и усы. Татуировки женщин зачастую более замысловаты, чем у мужчин, как мы увидим далее.

Стоит отметить, что, как правило, морские даяки не используют татуировку. Они считают, что это признак трусости, и очень удивляются, что английские моряки, чью храбрость они не могут не уважать, позволяют татуировать себя якорями, узлами влюбленных, кораблями под парусами, переплетенными инициалами и другими фигурами, которыми любит уродовать себя британский моряк. Вследствие этого чувства между морскими даяками и английскими моряками произошло множество словесных стычек. Племена, среди которых татуировка достигает наибольшего развития, в основном относятся к малаккскому типу, например кановиты, которых сильно презирают обычные сухопутные и морские даяки и терпят только потому, что они обеспечивают постоянный приток голов.

Даяки очень плодотворны в изобретении ушных украшений. Большинство дикарей довольствуются одним отверстием в мочке уха и часто увеличивают его так, что в отверстие можно просунуть руку человека. Но даяки идут гораздо дальше в своих представлениях об украшениях.

Как и другие дикари, они делают огромное отверстие в мочке уха, увеличивают его, вставляя ряд постепенно увеличивающихся пробок, и тянут его вниз до самого плеча, подвешивая к нему свинцовые грузы. Но они также проделывают ряд отверстий по всему краю уха и заполняют их различными украшениями. Любимый план - иметь ряд латунных колец и вставлять их в отверстия уха, самое маленькое - вверху, а самое нижнее, достаточно большое, чтобы быть браслетом, - внизу. Это украшение преобладает в основном среди морских даяков, и существует пословица, которая предупреждает слушателя остерегаться человека, носящего много серег.

Часто даяки не довольствуются кольцами в ушах, а заполняют отверстия таким разнообразием предметов, что их называют не серьгами, а "шателенами". Один молодой человек, сын вождя, носил только одно большое кольцо в каждом ухе, но от него отходило несколько медных цепочек, к которым были подвешены различные украшения. Так, к одному уху были подвешены два кабаньих бивня, один зуб аллигатора, часть клюва птицы-носорога, три маленьких медных кольца и два маленьких колокольчика.

Многие мужчины носят одну большую серьгу в мочке уха, а в верхней части уха проделывают отверстие, через которое пропускают клык тигровой кошки.

Эти украшения носят только тогда, когда даяк надевает свой церемониальный наряд, а в остальное время отверстия в ушах не закрываются деревянными пробками. А поскольку латунь всегда вызывает язвы, обычный вид ушей даяков не слишком приятен. У некоторых из них есть любопытная манера просверливать одно отверстие в верхней части уха, а другое - в нижней, и привязывать к нему латунную пластинку, к которой подвешиваются звенящие украшения, столь любимые этими дикарями.

Даяки настолько прониклись идеей, что природа должна быть улучшена искусством, что даже не позволяют своим зубам сохранять естественную форму и цвет. Как правило, мужчины стачивают передние зубы напильником до остроконечности, а другие еще больше улучшают природу, вычерпывая переднюю поверхность каждого зуба и делая ее вогнутой.

Сделав таким образом форму зуба настолько непохожей на его естественную форму, насколько это возможно, следующий процесс, очевидно, заключается в том, чтобы изменить цвет так же полностью, как и форму, и превратить их из белых в черные. Привычка есть бетель во многом связана с потемнением зубов, но, кроме того, существует способ, с помощью которого даяки намеренно окрашивают свои зубы в черный цвет. The method by which the dye is produced and applied is well told by Mr. Boyle, in his "Adventures among the Dyaks":—

"Мы расспрашивали о средствах, используемых для чернения зубов - обычая, который повсеместно распространен на Дальнем Востоке. В конце концов старого знахаря уговорили показать нам этот процесс, и он оказался очень любопытным.

"Он достал из своих запасов кусок сухого дерева, называемого синка: его подожгли и держали над лезвием паранга (или меча), на которое было налито несколько капель воды. Когда палка пылала, из нее сочился черный сок и капал на металл, где смешивался с водой и через несколько мгновений образовывал лужу густой, струйчатой жидкости. Этой жидкостью окрашивают зубы в детстве, и одного применения, как нам сказали, достаточно, чтобы они навсегда остались черными, и не существует никаких средств для удаления цвета.

"Процесс кажется необычным, потому что дерево, из которого выделяется сок, кажется сухим, как пыль, и потому что краситель не влияет ни на одно вещество, кроме зубов, даже на кость или рог. Это тем более любопытно, что некоторые малайцы перед нанесением синка тщательно удаляют эмаль с зубов. Многие, правда, обрабатывают их напильником, острым как игла, как это делают некоторые племена даяков". Читатель помнит, что некоторые западноафриканские племена обрабатывают зубы подобным образом.

На иллюстрации № 2 на 1101-й странице изображены два воина-даяка: один в полном костюме, другой - дусум-даяк в обычной одежде. Первый из них несет в правой руке сумпитан с наконечником копья, а другой опирается на свой деревянный щит, покрытый ворсинками человеческих волос. Его паранг-иланг, или боевой меч, лежит на левом боку, а от рукояти отходят пучки человеческих волос. Его лодыжки, ноги и руки унизаны множеством латунных колец, на нем что-то вроде куртки из кожи оранг-аутана, а на голове - что-то вроде короны из перьев фазана Аргуса. Эта фигура сделана по фотографии.

Следующий рисунок изображает мужчину в обычном костюме. Он принадлежит к племени дусумов, которые живут на северном побережье Борнео и носят меньше одежды, чем любое из племен острова: вся их одежда состоит из чавата и нескольких больших металлических колец на шее и бедрах. Воины дусум носят длинные волосы, просто перевязанные куском хлопчатобумажной ткани, а их копья так же просты, как и их одежда, и представляют собой не более чем металлический наконечник, прикрепленный к древку бамбука.

Чтобы с первого взгляда показать внешний вид различных племен борнейцев, на гравюре № 1 на следующей странице представлены еще два племени даяков. Левая фигура изображает иллинойского пирата. Этих людей можно встретить в Тампасуке, или Тампасуке, как иногда пишут это название, - месте на северо-западном побережье Борнео, не очень высоко над островом Лабуан.

У иллинойцев много больших и грозных военных лодок, которые вооружены в носовой части очень длинной пушкой и имеют, по примеру борнейских лодок, верхнюю палубу, которая служит помостом для сражающихся и укрытием для гребцов, сидящих внизу. На корме есть небольшая каюта для капитана, размером с собачью конуру, но других спальных мест у лодок нет.

Весла, которыми гребцы приводят судно в движение, имеют довольно любопытную форму: на расстоянии они выглядят как палки с плоскими деревянными дисками, прикрепленными к их концам. Лодки управляются с помощью весла, расположенного по правому борту на корме, и каждая оснащена мачтой и огромным парусом, который можно поднять за несколько минут, а сорвать почти за столько же секунд. Хотя иллинойцы - богатое племя и обладают большим количеством огнестрельного оружия, они скорее боятся его использовать, отдавая предпочтение копьё и парангу.

Иллинойцы участвовали в убийстве двух туземных вождей, которые были дружелюбны к англичанам и которых подозревали в содействии уступке Лабуана. Один из них, по имени Буд-руддин, человек известный как воин, не остался незамеченным. Когда враг приблизился, он удалился в свой дом вместе со своей любимой женой и сестрой, ни одна из которых не захотела его покинуть. С помощью своих сторонников он отчаянно сражался до последнего, пока почти все его люди не были убиты, а сам он не был опасно ранен.

Затем он удалился с женой и сестрой во внутреннюю комнату, в то время как враги толпились в доме в поисках его, а затем, выстрелив из пистолета в бочку с порохом, которую он поставил там наготове, разнес на куски себя, двух своих родственников и врагов.

[Другая фигура](#) изображает сагайского дьяка.

Это племя живет на юго-восточном побережье Борнео и отличается великолепными костюмами мужчин, от которых веет варварским великолепием, которое они очень любят демонстрировать. Нося, как и все даяки, чават или поясную одежду, они гордятся тем, что украшают себя короткими туниками из тигровой или леопардовой шкуры или богатой и вышитой ткани; на голове у них великолепные шапки из обезьяньей кожи, украшенные красивыми перьями аргусского фазана, два самых больших пера расположены так, что одно свисает над каждым ухом. Все эти даяки имеют очень необычный профиль, вследствие их привычки подпиливать зубы и таким образом уменьшать их объем; те, у кого зубы вогнуты, имеют самые любопытные очертания.

(1.) ИЛЛИНОЙСКИЙ ПИРАТ И САГАЙСКИЙ ДЬЯК.
(См. [стр. 1112.](#))

(2.) ЖЕНЩИНЫ-ДЯКИ.

(См. [стр. 1118.](#))

Как ни малы и слабы даяки на фоне мускулистого и сильного европейца, их сила поистине удивительна и позволяет им выполнять задачи, которые не под силу могучему белому человеку. Во время путешествия, когда европейец падал от усталости, даяк брал ношу, которой был нагружен упавший, и добавлял ее к своей, не выказывая при этом никакого особого чувства, что увеличил свой собственный труд; а когда незнакомец, несмотря на облегчение, лежал в полной неспособности двигаться, маленький жилистый даяк подхватывал его, клал на спину и продолжал свой путь с совершенной легкостью.

Диакки имеют привычку пересекать болота, которыми изобилует Борнео, с помощью примитивных мостов, называемых батангами. Это самая простая форма, в которой может

быть реализован принцип моста. Если читатель хочет получить правильное представление о батанге, он может сделать это достаточно легко. Два бамбуковых шеста вбивают в землю так, чтобы они пересекались друг с другом в верхней части, наподобие буквы Х с сильно развитыми нижними конечностями. Затем они скрепляются в месте пересечения, подобно опорам, между которыми современный канатный танцор натягивает свой шнур. На расстоянии около тридцати футов аналогичным образом закрепляется еще одна пара шестов, на которые горизонтально укладывается бамбук.

Фактически, весь аппарат выглядит как аппарат канатного танцора, а бамбук заменяет веревку. За вторыми опорами добавляются другие и соединяются горизонтальными бамбуками до самого болота; туземцам так нравятся эти примитивные мосты, что они делают их длиной в милю и более и протягивают через ущелья страшной глубины.

Пройти по этим необычным мостам - задача, которая по силам даже профессиональному канатному танцору, и все же известно, что даяк брал на спину тяжелого белого человека и нес его по этим скользким батангам милю или больше, когда во многих местах неверный шаг означал бы гибель для обоих. Он нисколько не кажется утомленным этим необычным подвигом мускульной силы, а скорее испытывает нечто вроде мальчишеского ликования по поводу своей силы и явного восторга от того, что он способен хоть в чем-то доказать свое превосходство над белым человеком, к которому он относится с самым глубоким уважением как к существу сверхъестественной мудрости и силы.

Диак каким-то удивительным образом способен сравнительно легко проникать сквозь джунгли, которые абсолютно непроницаемы для европейцев. Один из них, находясь в походе с английскими солдатами, продемонстрировал свою силу самым неожиданным образом. Путь был ужасен, все время вверх и вниз по крутым и скользким холмам, так что китайские кули, сопровождавшие группу, сначала выбросили свой рис, а потом сели и заплакали, как дети. Английский сержант, ветеран, привыкший к тяжелым маршам как в Китае, так и в Индии, сломался на первом же холме и заявил, что не может больше ступить ни шагу под грузом, который он нес. Мистер Брук, командовавший отрядом, попросил одного из даяков понести ношу сержанта и пообещал ему дополнительный кусок табака.

Мужчина был в восторге от предложения и принял его. Он уже нес еду на три недели, весь свой запас одежды, одну двенадцатифунтовую пулю, две двенадцатифунтовые гильзы, двуствольное ружье, сотню патронов для шариковой пули, а также свой тяжелый меч и копье. Такой груз, который был бы слишком велик даже для человека, идущего по хорошей дороге, казался пустяком для ловкого даяка, который легко и непринужденно поднимался и спускался по тропинкам, которые чужеземцы с трудом преодолевали, даже не имея на себе ничего, кроме собственного веса.

Он так мало испытывал неудобств, что взвалил на спину весь комплект сержанта и шел так легко, словно весь груз был всего лишь пушинкой. Никто из тех, кто не прошел по этим тропам, не может составить себе представления о страданиях, сопутствующих путешествию. Сами тропы достаточно плохи, но, помимо ужасно тяжелого труда ходьбы, путешественнику приходится терпеть комаров, песчаных мух, сильную жару в середине дня и сильный холод ночью, жажду, сырость и все мыслимые неудобства.

И все же туземец кажется довольно легким в путешествии и преодолевает землю так, что это совершенно не раздражает сопровождающих его европейцев. Он способен прокладывать себе путь через колючие заросли и болота так, что кажется почти непроходимым. Он и сам говорит, что они непроходимы, и что он совершает эти подвиги с помощью определенных чар, которые носит с собой. Однажды случилось так, что в конце тяжелого пятичасового пути

было забыто несколько материалов для зарисовок и другие необходимые вещи, и Дьяк был послан к лодкам за ними, получив за это обещание дать ему перочинный нож. Он отправился в путь около двух часов дня и прибыл с посылками до захода солнца, таким образом, помимо первого путешествия с путешественниками и тяжелых посылок, которые ему пришлось нести, дважды преодолев расстояние, которое заняло у них пять часов в пути.

Когда его спросили о том, как он совершил путешествие, он сказал, что это произошло благодаря амулету, который он носил с собой и который он изготовил. Это был небольшой рог неправильной формы, который, по его словам, он отрезал от головы антилопы, а его собрат был латунным. Далее он предложил продать его за пятнадцать долларов, заявив, что его сила неизменна и что любой, кто одолжит его, сможет пересечь страну с той же скоростью, которую он продемонстрировал.

Обычная одежда мужчин достаточно проста и состоит всего лишь из "чавата", или небольшой полоски ткани, которая закручивается вокруг поясницы таким образом, чтобы один конец был спереди, а другой сзади. Чават часто имеет очень яркую расцветку. Иногда диаки носят саронг, или короткий накидку из хлопчатобумажной ткани, которая доходит от талии до уровня чуть выше колен. Это просто полоска ткани, два конца которой сшиты вместе, и она почти достаточно велика, чтобы обхватить двух обычных мужчин. Когда его надевают, владелец ступает в него, подтягивает к талии, вытягивает спереди до упора, а затем складывает вдвое и подворачивает края внутрь, таким образом, что он плотно держится на своем месте, а складки, вызванные его большим диаметром, позволяют конечностям полноценно двигаться.

Один из таких чаватов в моей коллекции соткан в виде своеобразного клетчатого узора, причем основной оттенок - ярко-красный и довольно своеобразный, а поперечные линии - почти белые. Текстура довольно грубая, а вся ткань обладает жесткостью, характерной для местных тканей из этого материала.

Те молодые люди, которые гордятся своим внешним видом и могут позволить себе расходы, не довольствуются простым чаватом, а украшают его всевозможными странными украшениями. Один из таких молодых денди хорошо описан мистером Бойлом: "Молодой человек не одевался в малайские брюки, как его отец, вероятно, потому, что в доме была только одна пара таких изделий; но его чават был партикулярного цвета, а украшения многочисленны. Ростом он был около пяти футов четырех дюймов, с очень светлым цветом лица, а его лицо, хотя и напоминало татарское, имело приятное выражение. Обе его руки от локтя до костяшек были покрыты медными кольцами, а выше суставов были два широких нарукавника из снежных раковин, которые прекрасно контрастировали с его желто-коричневой кожей.

"Но чудо и слава его наряда остались позади. К концу его чавата была прикреплена длинная сеть агатовых бус и рожков, которые весело звенели при каждом его движении. Вокруг его шеи висели нити ярких бус, а колени были обхвачены медной проволокой. С паранга на его боку свисало множество сушеных скальпов; и, шагая перед нами по солнечным полянам джунглей, его медная перчатка сверкала на свету, а агатовые бусы звенели позади, он представлял собой идеал варварского денди".

Один вождь, желая превзойти своих собратьев, взял гонг и выбил из него пояс из цельного металла шириной в фут. Вследствие необычайной ценности, которую даяки придают гонгам, этот пояс стал знаком богатства, который никто не мог оспаривать. Кроме чавата, зажиточные люди носят что-то вроде шали, похожей на шотландский плед, которую можно менять по разным моделям. Они проявляют большой вкус в изящных складках, которые они

придают ей, и, кажется, гордятся разнообразием, которое они могут создать различными способами складывания этой простой одежды.

Женщины одеваются примерно так же, как и мужчины; но вместо саронга они чаще всего носят довольно длинный набедренный полог, называемый беданг. Когда им приходится выходить на солнце, они также надевают куртку без рукавов, открытую спереди; но поскольку эта куртка скрывает блестящую коричневую кожу, которой они гордятся, они обычно откладывают ее, когда находятся в доме.

В молодости они отличаются стройностью и изяществом форм; но, к сожалению, после двадцати лет женщина начинает портиться, и в тридцать лет это уже старуха. Лицо имеет приятное выражение, несмотря на искусственные средства, с помощью которых женщины делают все возможное, чтобы сделать себя отвратительными. Глаза черные, ясные и выразительные, а ресницы необыкновенно длинные. Нос скорее направлен вверх, чем вниз, а рот ужасно обезображен постоянным жеванием бетеля и способом подпиливания и чернения зубов.

Главное в красоте женщины-даяка - это ее волосы, черные, удивительно густые и блестящие, и такие длинные, что, когда их распускают по спине, они почти касаются земли. Этим украшением женщины необычайно тщеславны и, когда ведут беседу, любят кокетливо бросать свои блестящие локоны из стороны в сторону. К сожалению, лихорадка, которая так распространена во многих частях Борнео, приводит к выпадению всех волос, так что многие молодые девушки лишаются своего главного украшения.

Женщины, принадлежащие к некоторым племенам, носят необычный лиф, состоящий из коры и бамбука и скрепленный последовательными кольцами из латунной проволоки, которые образуют прочный и увесистый лиф, к нижней части которого прикреплен *bedang*, или *petticoat*.

Мистер Бойл, похоже, испытывает сильное отвращение к этим лифам. "Когда даякский любовник пытается провести нежной рукой по талии своей возлюбленной, вместо мягкой плоти он обнаруживает, что сжимает кирасу из прочного металла. И это еще не все; ведь мода предписывает наследнице даяков вкладывать все имеющиеся средства в покупку длинных перчаток из витой латунной проволоки, доходящих от костяшек до локтя; а если она, в свою очередь, обхватывает шею возлюбленного чуткой рукой, несчастный оказывается зажат ужасными путами, которые втягивают небольшой кусочек его плоти между каждым из своих звеньев и страшно щиплют его. По этим причинам ласки не распространены среди любовников-даяков; в конце концов, возможно, это всего лишь привычка.

"Но, помимо неудобств, эти наглые украшения имеют определенный вкус и симпатичны. Обычный цвет кожи девушки-даяка, когда она не красит свое тело куркумой, - тусклый коричневато-желтый, и сверкающие латунные кольца очень облегчают этот цвет лица. Их не снимают на ночь, да и вообще в течение всей жизни обладательницы, если только она не перерастет их".

Не раз обладание этими странными украшениями оказывалось фатальным для их обладательницы: женщина падала за борт каноэ и тонула под огромным весом своих латунных украшений. В некоторых районах Борнео девушки не довольствуются латунными лифами, браслетами и браслетами, но должны обвязывать горло тем же материалом. Они

берут длинный кусок прочной латунной проволоки и закручивают его по спирали вокруг шеи, так что нижняя часть витка ложится на плечи, а верхняя проходит под подбородком, заставляя обладательницу держать голову прямо, что выглядит очень некрасиво и неловко.

Женщины племени кайян очень любят своеобразные бусы, которые имеют несколько цветов и выглядят так, как будто это черные бусы, в которые аккуратно вставлены кусочки зеленого, желтого, синего и серого материала. Богатая женщина иногда надевает несколько нитей таких бус чуть выше бедер. Разные нити соединяются друг с другом так, что образуют единое украшение. За один такой набедренный шнурок (как называет его мистер Сент-Джон) женщина отдала имущество, равное тридцати пяти фунтам наших денег; у той же женщины было несколько других, за которые она отдала чуть меньше, вместе с большим количеством более низких по стоимости.

Женщины кайянов широко используют татуировку и следуют точно такому же плану, как и самоанские воины, *то есть* полностью татуируются от талии до колен. Им очень нравится этот орнамент, и они склонны носить свое платье открытым сбоку, чтобы продемонстрировать его. Когда женщины купаются, они считают, что татуировка - вполне достаточная одежда, а на небольшом расстоянии они действительно выглядят так, как будто на них надеты короткие брюки.

Как уже говорилось, морские даяки, как правило, не заботятся о татуировке, и в этом отношении женщины следуют примеру мужчин. Тем не менее они не уступают своим сухопутным сестрам в любви к орнаменту и с особой тщательностью украшают себя по торжественным случаям. Мистер Бойл приводит оживленное описание торжественного наряда, который носили девушки и женщины Сайбас Дьяк во время большого пира, устроенного вождем.

"Тем временем женская часть общины готовилась к участию в празднике. В этот момент они появились изнутри дома, и величественность их облика свидетельствовала о том, что они не пожалели времени и труда, чтобы подготовиться к этому знаменательному событию. От шеи до бедер они были покрыты крупными агатовыми бусами; их нанизывали на нитки, пока многие из женщин не оказались обвешаны цельным камнем толщиной в дюйм спереди и сзади.

"На голову надевали расшитую бисером ткань, в которую вставляли тонкие шпажки из крашеного дерева длиной около пяти дюймов: около двадцати таких деревяшек располагались вокруг головы, и каждая была прикреплена к другой нитками блестящих стеклянных бусин. Пять или шесть таких разноцветных петель свисали с каждого шампура и переплетались в изящную сеть. Эффект был очень красивым, хотя и варварским, а торжественность церемоний значительно усиливалась величавой вертикальностью, которую женщины были вынуждены соблюдать при движении, опасаясь распутать эту тонкую конструкцию".

Они также носят конические шляпы, сделанные из расщепленного ротанга. Эти шляпы очень легкие и служат замечательно долго. Один экземпляр был подарен мне одной дамой, которая носила его четыре года и, конечно, не обращалась с ним бережно. Тем не менее она так же прочна и хороша, как и прежде, а цвета такие же свежие и яркие, как и тогда, когда шляпа была сделана впервые. Ротанг был расщеплен на очень узкие полоски и окрашен в красный, желтый и черный цвета, а с некоторых полосок был удален естественный цвет, так что они стали почти белыми.

Шляпа фиксируется на голове с помощью широкой петли из плетеного пальмового листа, которая крепится сбоку. Шляпы, сделанные по такому принципу, распространены на всем Архипелаге.

Среди украшений, которые носят даяки, - маленькие колокольчики, которые уже упоминались как часть придатков серьги. Эти украшения, называемые "гарунонгс" и носимые в основном женщинами на краях беданга или подъяубника, почти в точности похожи на наши ястребиные колокольчики, являясь не более чем маленькими полыми сферами из латуни или бронзы размером примерно с мрамор для игры мальчика, с маленьким металлическим шариком внутри в качестве хлопушки, и умеренно широкой прорезью внизу. К некоторым колокольчикам прикреплены замечательные бусины. Эти колокольчики издают музыкальный звон или звенят при ходьбе, поэтому их используют во время танцев и по торжественным случаям.

В целом отношение к женщинам племени диаков хорошее. Им, конечно, приходится много работать, но и их мужьям тоже, и, как мы увидим в дальнейшем, они не являются покорными рабынями, как это часто встречается у диких народов, а сохраняют свою долю влияния в семье и вполне способны помочь себе, когда этого требует случай. Они привыкли работать в поле, и универсальный разделочный нож или паранг редко выходит из их рук. Постоянное использование этого оружия закаляет их руки и часто деформирует пальцы.

Когда они возвращаются домой после работы в поле, им предстоит самая тяжелая часть работы: вечером они занимаются лущением и просеиванием риса для ужина и еды на следующий день. Сначала рис толкут в больших корытах с помощью длинных и тяжелых деревянных шестов, которые держат перпендикулярно, поднимают вверх, а затем дают упасть на зерно, и, как правило, в каждом корыте работают три женщины, которые трудятся около получаса. Этот удар отделяет шелуху от зерна, а затем рис просеивают с помощью лопаты и веера.

Затем готовится и съедается вечерняя еда, дети накормлены, бронзовая посуда убрана, после чего женщины могут спокойно сидеть на веранде и спокойно есть свой бетель. Хотя такой образ жизни кажется довольно тяжелым, а мужьям кажется, что они поступают жестоко по отношению к своим партнершам, позволяя им работать таким образом, пока они сидят в своих домах, жуют бетель и обсуждают сплетни дня, на самом деле здесь существует очень справедливая взаимность труда. Пока жены работали в поле, мужья ловили рыбу и при этом неоднократно подвергали свою жизнь опасности: в определенные времена года перекаты очень опасны. В Муке, как и в других местах, жены настаивают на том, чтобы мужья снабжали их рыбой, а в случае неудачного возвращения мужчин домой женщины заколачивают двери и не пускают их. И действительно, пока брак держится, отношения между мужем и женой, похоже, складываются примерно так же, как и те, что так наглядно изобразил Скотт в своем "Антикваре".

Чтобы показать внешний вид женщин племени диаков в их обычных и парадных нарядах, на [иллюстрации № 2](#) на странице 1113 представлены две фигуры. Одна из них изображает даякскую девушку перед тем, как нарядиться в массу украшений, которыми она любит украшать себя на праздниках. Она, как обычно, носит bedang, или petticoat, который, если она в обычном состоянии, сделан из хлопка, но если она богата, то из шелка. Она закручивается вокруг талии так, как это делают мужчины, но, кроме того, пристегивается к медным поясам, опоясывающим ее талию. Ее длинные блестящие волосы распущены во всю длину, прежде чем владелица соберет их массивные локоны, готовясь украсить голову сложными украшениями, присущими полному платью.

Другая фигура представляет ее во всем великолепии парадного костюма. Что касается абсолютной одежды, то она носит не больше, чем раньше, единственным изменением является то, что ее беданг - лучшее, что у нее есть, и иногда красиво расшит. На руках у нее несколько толстых колец из латуни, а необычайно неудобная латунная перчатка тянется от запястья до локтя. Ее шея и бюст почти покрыты тяжелыми агатовыми бусами, а на голове - сложная шапочка с диковинным расположением деревянных шипов и стеклянных бусин.

ГЛАВА CXV.

Борнео - продолжение.

ВОЙНА.

ОРУЖИЕ ДАЯКОВ - СУМПИТАН, ИЛИ ДУХОВОЕ РУЖЬЕ - КОНСТРУКЦИЯ ОРУЖИЯ - ИНКРУСТИРОВАННЫЙ ИЛИ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПРИКЛАД - НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ, ИЛИ ШТЫК - СТРЕЛА СУМПИТАНА - ЯД УПА И ЕГО ДЕЙСТВИЕ - ОПИСАНИЕ ДЕРЕВА - КОЛЧАН - ПАРАНГ, ИЛИ МЕЧ, И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ - ПАРАНГ-ЛАТОК И ЕГО ЛЮБОПЫТНАЯ РУКОЯТЬ - СИЛА УДАРА - ДВА УДАРА ПАЛАША - ПАРАНГ-ИЛАНГ: ЕГО ЛЕЗВИЕ ДИКОВИННОЙ ФОРМЫ - НЕУДОБНОЕ ОРУЖИЕ - СИЛА УДАРА ПАРАНГ-ИЛАНГА И ЕГО ЦЕННОСТЬ - НОЖНЫ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НОЖ - ОБОЮДООСТРЫЙ ПАРАНГ, С ЧАРАМИ - НЕОБЫЧНОЕ УКРАШЕНИЕ - КРИС И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ - ЕГО ВОЛНИСТОЕ И МНОГОСЛОЙНОЕ ЛЕЗВИЕ - ДЕЙСТВИЕ СОКА ЛАЙМА - КРИС ПАЛАЧА.

Теперь мы переходим к теме войны, которая составляет, возможно, самую важную ветвь истории даяков. Независимо от того, принадлежат ли даяки к сухопутной или морской группе, они всегда воинственны, хотя последние свирепее, возможно, храбрее и, конечно, предприимчивее первых. Чтобы понять систему, по которой они ведут войну, мы должны сначала изучить их оружие. Я возьму то, которое наиболее характерно, а именно сумпитан, или духовое ружье.

Перед нами оружие, подобного которому мы не видели ни в одной стране, которую мы до сих пор исследовали; а именно, инструмент, с помощью которого ракеты запускаются посредством сжатого воздуха. Принцип, по которому действует сумпитан, в точности аналогичен принципу действия огнестрельного оружия, хотя движущая сила достигается другим, более простым способом. По сути, сумпитан - это не что иное, как "горохострел" мальчишек, только сильно увеличенный и несущий стрелу вместо горошины или глиняного шарика.

Это диковинное оружие длиной около восьми футов и диаметром не более дюйма сверлится с величайшей точностью, и эта работа занимает очень много времени: дерево очень твердое, а внутренняя поверхность сумпитана гладкая и даже отполированная. Они не всегда сделаны из одного и того же дерева: в моей коллекции есть экземпляры из разных материалов, один из очень темного, а другой из очень светлого дерева. Поверхность имеет одинаковую толщину от конца до конца, и, поскольку ему обычно приходится выполнять роль копья, а также сумпитана, оно очень прочное и тяжелое.

Одно из таких орудий, привезенное в Англию покойным адмиралом Янгом, сделано из дерева красивого цвета и прекрасно инкрустировано металлом, как на прикладе, так и на острие. Последние несколько дюймов приклада полностью сделаны из металла, благодаря

весу которого оружие легко балансирует, когда его подносят к губам. Рисунок инкрустации можно увидеть на [рис. 1](#) иллюстрации под названием "Сумпитаны" на 1122-й странице.

Другой сумпитан, [рис. 2](#), сделан из очень темного, почти черного дерева, ярко отполированного как снаружи, так и внутри, и не имеет инкрустации. Приклад, однако, на протяжении пяти дюймов покрыт латунью, очень толстой и тяжелой на конце и глубоко ребристой, так что на небольшом расстоянии кажется, будто это спиральная латунная проволока, намотанная вокруг приклада сумпитана.

На наконечнике этого оружия находится наконечник копья, очень толстый, широкий и прочный, с острыми краями и остриями, украшенный гравированными узорами в манере, используемой кузнецами Дьяка. Оно прочно прикреплено к сумпитану латунной проволокой или ротангом и является точным аналогом штыка: головка копья крепится сбоку оружия и не мешает полету снаряда. Отверстие оружия очень маленькое, не более полудюйма в диаметре, и просто удивительно, что создатель смог выдолбить его с идеальной точностью, которая необходима для точного полета стрелы.

Далее мы переходим к снаряду, который проецируется через сумпитан. Это очень маленькая стрела, сделанная из шипа пальмы саго, длиной около семи или восьми дюймов, одинаково толстая от основания до острия и не толще большой стальной вязальной спицы. Для того чтобы стрела поместилась в отверстие и могла быть приведена в движение дыханием, ее снабжают в задней части коническим куском коры или мягкой древесины, чтобы она точно входила в отверстие. В некоторых стрелах конус полый, а некоторые из них снабжены крыловидными отростками вдоль древка. Однако, как правило, чаще всего используется сплошной конус.

Эти стрелы настолько малы, что рана, которую они наносят, сама по себе незначительна, и ее не хватит, чтобы убить животное крупнее крысы. Однако их превращают в оружие самого грозного характера, смазав наконечник ядом, полученным из дерева упас.

Читателю, вероятно, известно множество историй об этом дереве - о том, что оно отравляет всю страну на милю вокруг, и о том, что смертельный сок можно получить только с помощью осужденных преступников, которые заслуживают помилования, если смогут принести бутылку сока. Даже в наши дни дерево упас не утратило всех своих легенд, и многие люди до сих пор верят, что контакт с деревом или его листьями вызывает ощущение обморока. Однако это не так, да и сам сок дерева не настолько смертоносен, как принято считать.

Рана, нанесенная стрелой, отравленной соком уда, наверняка окажется смертельной, если только яд будет совсем свежим; но он очень быстро теряет свою силу, и после двухчасового пребывания на воздухе становится бесполезным, и его приходится обновлять. В свежем виде он смертелен в течение очень короткого времени, как это было обнаружено мистером Джонсоном, который возглавил нападение на кановитских даяков в 1859 году. Во время нападения он потерял тридцать человек, каждый из которых был убит крошечной стрелой сумпита, и ни на одном не осталось и следа, кроме маленькой ранки, нанесенной острием стрелы.

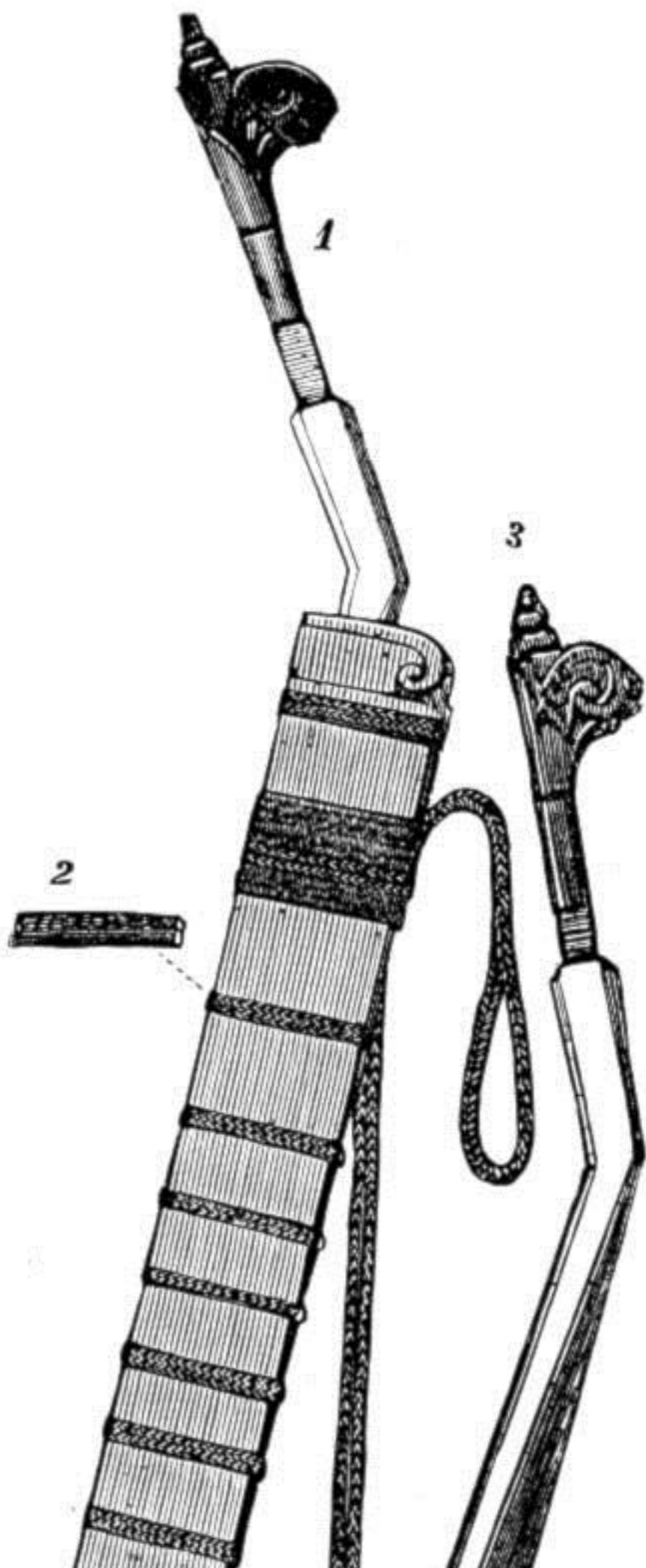
Если яд попал на воздух, у раненого есть шанс выздороветь; было установлено, что большая доза спиртного, рассасывание раны и постоянное пребывание пострадавшего в движении, как правило, преодолевают вирулентность яда. Действительно, стрела из сумпитана, похоже, имеет тот же эффект, что и укус кобры, и лечение, эффективное при укусе змеи, одинаково хорошо помогает и при ране от стрелы.

Сок дерева упас добывают, просто просверлив отверстие в стволе, из которого выходит белый, похожий на крем сок. Его получают в маленьких колбах из бамбука, которые закрывают самым тщательным образом, чтобы исключить доступ воздуха. Одна из таких колб, имеющихся в моем распоряжении, имеет пять дюймов в длину и около половины дюйма в диаметре. Один конец, естественно, закрыт узлом, а другой запечатан с особой тщательностью. Сначала в торец вставляется пробка из мягкого дерева, как пробка. Поверх пробки крепко разминают комок пчелиного воска, а поверх воска завязывают кусок мембраны, когда она намокнет. Хотя сок упаса белый, когда он только выходит из дерева, он быстро становится черным, когда подвергается воздействию воздуха.

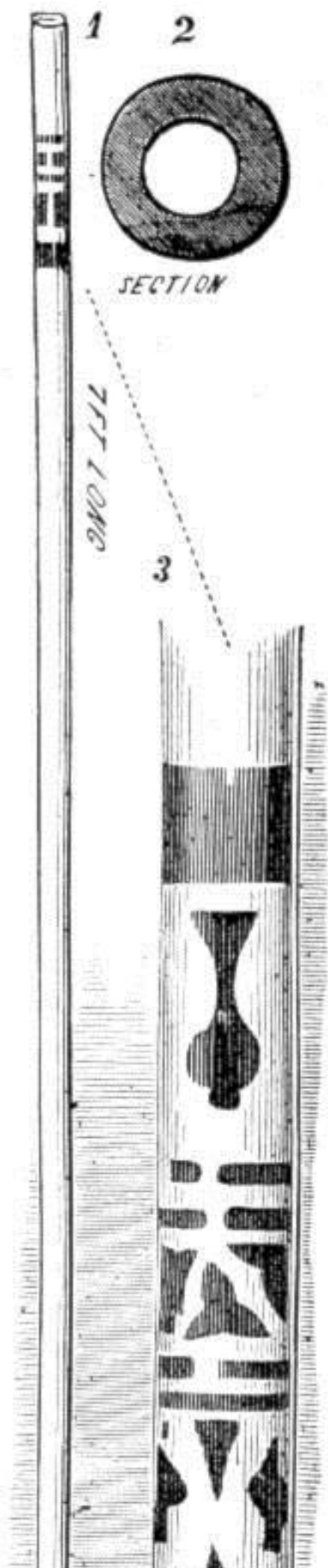
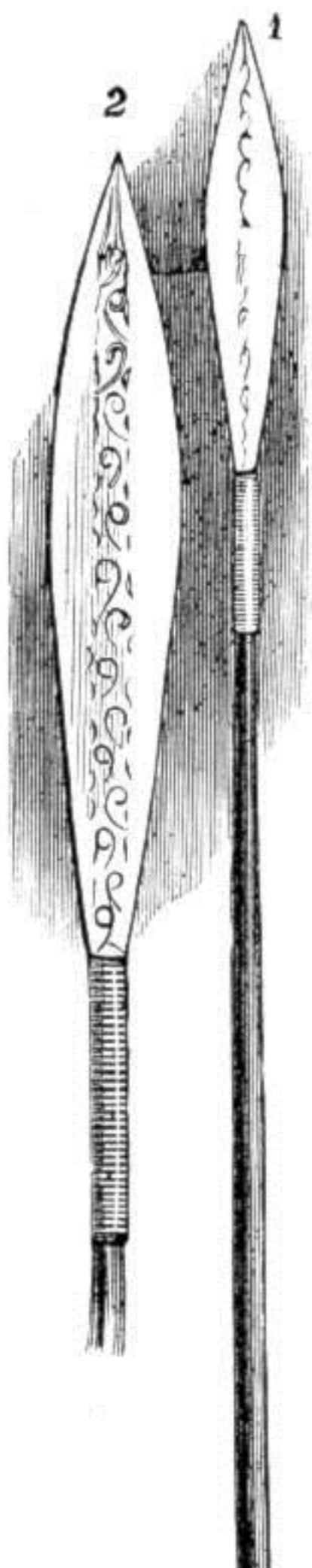
По-научному дерево упас называется *Antiaris toxicaria* и принадлежит к природному порядку *Astocarpeæ*, самым известным видом которого является хорошо известное хлебное дерево. Все растения этого порядка выделяют белый млечный сок, который всегда едкий и пагубный, а во многих случаях очень ядовитый. Однако те части растения, например, плоды, в которых млечный сок в процессе созревания заменяется сахаром, не только безвредны, но даже питательны. Дерево вырастает до значительных размеров, а кора ствола имеет красноватый оттенок.

Читатель сразу же поймет, насколько грозным является это оружие. Его опасаются даже воины племени диаков, когда встречаются в открытом бою, а во время морских сражений ливни отравленных стрел, которые постоянно пускают через портовые отверстия, делают задачу артиллеристов весьма неприятной. Но на суше сумпитана боятся гораздо больше, чем на море, а когда он используется в войне в кустах, самый смелый солдат уклоняется от встречи с ним. Дьяк, владеющий им, прячется в густой листве, уверенный, что даже в случае обнаружения он сможет проскользнуть сквозь запутанные заросли в безопасное место. Сумпитан не подает никаких сигналов и не выпускает дыма, указывающего на его местоположение, но смертоносная стрела летит беззвучно, и единственным признаком присутствия противника является легкий стук, с которым стрела попадает в цель.

Единственным недостатком сумпитана является небольшая дальность стрельбы: легкая стрела редко используется на расстоянии более сорока ярдов, хотя человек, привыкший к ее использованию, может пустить стрелу на семьдесят или восемьдесят ярдов. На таком расстоянии, однако, ее не стоит опасаться, поскольку ее сила настолько велика, что она едва ли может пробить человеческую кожу. У некоторых стрел наконечник сделан из колючей кости жала, которая отскакивает при прикосновении и остается в ране, если человек пытается вытащить оружие. Другие имеют отдельные головки из дерева, которые отделяются, как только древко натягивается. Туземное название головки - *джоунг*.

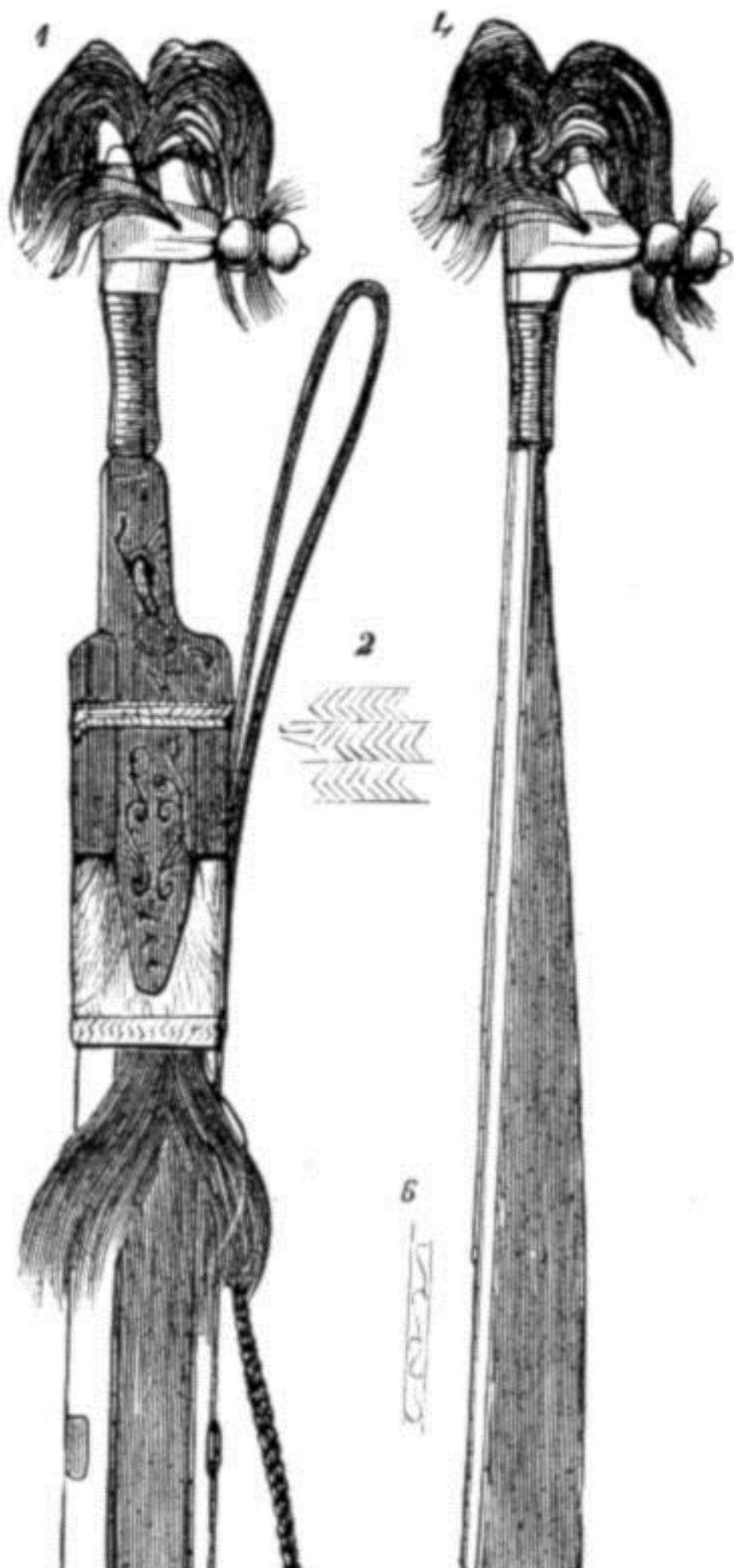

(1.) ПАРАНГ ЛАТОК.
(См. [стр. 1123.](#))

(2.) DYAK SUMPITANS.

(См. [стр. 1119](#).)

(3.) PARANG IHLANG.

(См. [стр. 1124.](#))

Дьяк обычно носит тридцать или сорок таких стрел в колчане особой формы. Он сделан из вечно полезного бамбука и снабжен придатком, с помощью которого его можно закрепить на поясе и носить на боку. Этот придаток сделан из твердой древесины и прикреплен к колчану широким ремнем из ротанга, красиво плетеным. Колчан закрывается конической деревянной крышкой, которая всегда закрепляется веревкой, чтобы не потерять ее. Некоторые колчаны даяков сильно отполированы, покрыты резьбой и почти приравняются к произведениям искусства. Многие колчаны имеют внутренний чехол или подкладку из высушенной кожи или мембраны, чтобы исключить доступ воздуха и сохранить яд стрелы как можно дольше.

Когда даяк использует сумпитан, он прижимает мундштук к губам двумя первыми пальцами левой руки, а правой поддерживает и нацеливает тяжелое оружие, которое требует не только силы, но и практики, чтобы уверенно направлять его.

Следующим по важности после сумпитана оружием является паранг или меч, которых существует несколько разновидностей. Даяки очень гордятся своими мечами, и совершенство их изготовления настолько велико, что у них есть все основания для гордости. Их кузницы отличного качества, а некоторые племена умеют не только ковать свое оружие, но и выплавлять собственное железо.

Самым распространенным из всех видов оружия даяков является меч под названием паранг-латок, который носит с собой каждый мужчина и почти каждая женщина. Он используется не только как меч, но и как топор, причем безразлично, для того чтобы прорубаться сквозь джунгли или рубить врага. Форма этого меча очень своеобразна, о чем можно судить [по иллюстрации № 1](#) на предыдущей странице, на которой изображен образец из моей коллекции.

Клинок сформирован по очень любопытному образцу. По направлению к рукояти он имеет квадратную форму и фактически представляет собой квадратный стальной брусок толщиной почти в полдюйма и шириной в три четверти дюйма. От эфеса к острию клинок постепенно становится шире и тоньше, так что широкое острие шириной в два дюйма содержит столько же металла, сколько и полудюймовый квадратный эфес. Очевидно, что меч сначала выковывается в квадратный брусок одинакового размера, а затем выбивается все более плоским по направлению к острию.

[На рисунке](#) видно, что лезвие меча изогнуто под значительным углом к эфесу. Эта любопытная форма, неудобная для непривычной руки, составляет главную ценность меча. Когда паранг-латок используется для рубки веток или прорубания тропы в джунглях, его хватают за квадратную часть лезвия и используют так же, как мы в этой стране используем обычный билль-крюк. Но когда предмет, который нужно разрубить, лежит на земле, паранг держат за рукоятку, так что угловатая форма позволяет использовать лезвие с полной силой. Именно привычка держать паранг за квадратную часть лезвия уродует и даже деформирует пальцы женщин, о чем уже говорилось на [странице 1118](#).

Обычные паранги не имеют никаких попыток украсить их, но те, что более совершенны, покрыты узорами, выгравированными на лезвии, примеры которых мы еще увидим.

На войне этот меч - самое грозное оружие. Он настолько тяжел, весит в среднем два фунта, что одного удара им достаточно, чтобы разmozжить череп или сломать конечность человеку, и, даже если бы у него не было острия, по эффективности он был бы равен мериу новозеландца. Но у паранг-латока очень острая кромка, которая поддерживается в наилучшем порядке, и при нанесении удара сама форма оружия заставляет его делать страшный "черенковый порез", когда лезвие проходит через рану почти от рукояти до острия. Вследствие этой особенности раны, нанесенные паранг-латоком, очень тяжелы, и туземцы гордятся глубиной раны, которую они могут нанести.

Один из способов, с помощью которого они проверяют свое мастерство, - это убийство свиньи одним ударом паранг-латока; хороший фехтовальщик способен полностью перерубить животное и вогнать острие своего оружия в землю. Если читатель привык пользоваться мечом, он увидит, что нанести нисходящий удар по предмету, находящемуся так близко к земле, - задача отнюдь не из легких.

Когда английский фехтовальщик совершает подвиг, разрубая овцу одним ударом, у него есть несколько преимуществ, которых лишен даяк. Во-первых, овца уже мертва, так что он может спокойно прицелиться, в то время как свинья жива, и даяк вынужден наносить удар как попало. Затем с овцы снимают шкуру и чистят ее, чтобы меч не так сильно сопротивлялся. Наконец, овцу подвешивают, чтобы фехтовальщик мог нанести самый эффективный удар, а именно "Рубеж 6", *то есть* размашистый горизонтальный удар слева направо, который можно нанести с полным взмахом руки.

Если бы не особая форма паранг-латока, подвиг по разделке свиньи был бы невозможен, но угловатая форма клинка и его постепенно увеличивающаяся ширина сочетают силу рисующего реза с рубящей силой, достигаемой за счет веса оружия.

Ножи этого паранга сделаны из двух плоских кусков дерева, аккуратно выдолбленных внутри для приема клинка, и скреплены самым замысловатым образом рядом ремней, числом двенадцать или четырнадцать. Эти ремни сделаны из очень узких полосок темного ротанга и переплетены в бесконечную четверную косичку. В моем экземпляре таких ремней тринадцать. К верхнему концу ножен прикреплен шнур, с помощью которого оружие подвешивается к боку. Этот шнур сложен вдвое, сделан из алого и желтого хлопка, сплетенного квадратом, и украшен на концах двумя большими кисточками, нити которых желтые с алыми ворсинками.

Паранг-латок - это скорее малайское, чем даякское оружие, но оно пользуется популярностью у даяков и, как уже говорилось, вошло в общее употребление.

Малайцы используют его при казни и способны обезглавить человека с одного удара, причем палач стоит сбоку и немного позади него. Однажды палач, отличавшийся мастерством обращения с очень тяжелым парангом, которым он владел, встал между двумя преступниками, стоявшими на коленях на земле, и ударом правой и левой руки снес им обоим головы. Тот же мужчина, который был одним из полицейских, будучи раздражен воем нескольких собак на улице, выскочил со своим парангом и одним ударом разрубил надвое первое попавшееся животное.

Теперь мы переходим к другому оружию - паранг-иланг, который является одним из самых необычных мечей в мире и доставляет больше хлопот и даже опасностей незнакомцам, чем можно себе представить. Это оружие меньше, короче и легче, чем паранг-латок. От острия до рукояти его длина составляет девятнадцать дюймов, а крайняя ширина клинка - менее полутора дюймов. Весит он не более фунта шести унций, и в целом кажется совсем

незначительным по сравнению с паранг-латоком. Однако мы увидим, что в руках опытного фехтовальщика он даже превосходит это оружие благодаря странной особенности конструкции. Общая форма клинка паранг-иланга показана на иллюстрации № 3 на странице 1122. Он очень толстый и тяжелый к эфесу, где почти квадратный, как у паранг-латока, но постепенно становится тоньше к острию, которое завершается рядом выщербленных узоров, которые на небольшом расстоянии выглядят так, как будто меч был сломан. Спинка довольно прямая, а вдоль нее и по обеим сторонам клинка выгравирован ряд мелких узоров, выполненных с большой аккуратностью и свободой исполнения.

Но самое примечательное в клинке то, что вместо того, чтобы быть почти плоским, как клинки европейских мечей, он выпуклый с одной стороны и вогнутый с другой, как показано на разрезе, [рис. 5](#). Из-за такой формы его можно использовать только для двух ударов - вниз и вверх, а при неправильном направлении он отлетает под углом и почти наверняка наносит рану тому, кто им владеет. Эти мечи делаются либо для правой, либо для левой руки, так что человек, не знакомый с особенностями любого паранга, боится использовать его без тщательной пробы, чтобы не сделать им неправильный разрез и не ранить себя.

Как бы мало и незначительно ни выглядело это оружие, оно способно наносить самые страшные раны, а особая вогнутость лезвия помогает ему самым замечательным образом. Как и паранг-латок, он используется в качестве рубила, а также меча, и в опытных руках является самым эффективным инструментом. Один человек, описанный мистером Бруком, был знаменитым фехтовальщиком и, как известно, одним ударом разрубил бревно из довольно твердого дерева толщиной с мужскую ногу.

Даже английские офицеры были настолько впечатлены ценностью этого оружия, что носили уставной меч только для показухи, предпочитая использовать паранг-игланг. Морские даяки, о которых уже говорилось как об основных воинах, предпочитают этот меч любому другому оружию, хотя настоящими изобретателями и главными изготовителями его являются кайаны, принадлежащие к маланауской группе сухопутных даяков. Как правило, обычные сухопутные даяки используют паранг-иланг очень редко, а когда используют, то склонны поранить себя. Мистер Бойл упоминает случай, когда старший сын одного из вождей серьезно порезал себе обе голени из-за неосторожного обращения с этим оружием.

"Самые лучшие паранги, - пишет мистер Бойл, - или те, которые так почитаются, находят в могилах кайанских воинов, которые, соответственно, разрываются даяками и малайцами при каждом удобном случае. У меня есть один, купленный в Кенновите, который, как мне сказали, был извлечен из могилы трехсотлетней давности - довольно неправдоподобное утверждение, хотя я верю, что оружие действительно было найдено в могиле кайанов, поскольку на момент покупки оно было странно испачкано и заржавело".

Даяки очень гордятся качеством своих клинков и с полным презрением относятся даже к лучшей европейской стали. Говорят, что их мечи сделаны из старых напильников, которые импортируются в больших количествах; но, каким бы ни был материал, закалка их клинков удивительно превосходна. Эти паранги не только имеют острую, как бритва, кромку, но и очень прочны, а при использовании для работы в кустарнике превосходят лучшие английские орудия. Мистер Бойл отмечает, что в то время как его собственные охотничьи ножи, изготовленные из самой лучшей стали, ломались и трескались, паранги даяков не получали ни малейших повреждений.

Такой клинок, как описанный, чрезвычайно ценен даже в своей стране, а один из лучших по качеству нельзя купить дешевле десяти фунтов стерлингов. Легко представить, что если даяку посчастливилось завладеть одним из этих ценных клинков, он не станет

довольствоваться обычной рукоятью и ножнами, а приложит к своему оружию все силы своего родного искусства. Рукоятка не из простого дерева, а из кости, вырезанная глубокими и смелыми узорами и всегда изогнутая под прямым углом к линии клинка. Она дополнительно украшена различными ворсинками человеческих волос, окрашенных в разные цвета, из которых любимыми являются темно-красный, желтый и зеленый. Эфес, как правило, скреплен латунной проволокой, и для такой маленькой руки, как у даяков, он обеспечивает отличный захват. Европейец, как правило, считает, что узкая рукоять очень неудобна и тесна и не подходит для его захвата.

Ножны этого оружия покрыты орнаментом. Вместо того чтобы быть простыми ножнами, как у паранг-латока, они сделаны из твердого дерева, темного, насыщенного цвета красного дерева, которое очень хорошо полируется. На нем вырезаны сложные и по-настоящему художественные узоры, причем резьба ограничивается только передней частью ножен.

В центре, прямо под резной частью, находится кусок меха, а под мехом - пучок человеческих волос, окрашенных в красный цвет. В большинстве случаев мечи, изготовленные нецивилизованными расами, представляют определенную опасность для руки при их извлечении: острое меч может выступать между двумя плоскими частями, из которых сделаны ножны. Для защиты от такой случайности изготовитель паранг-иланга прикрепляет к каждому краю ножен кусок ротанга, чтобы лезвие ни в коем случае не могло порезать пальцы, даже если рука схватится за ножны. Различные части этих ножен скреплены шестью ремнями из плетеного ротанга и тремя ремнями из латунной проволоки, сплетенными самым красивым образом, в форме, которая известна морякам как голова турка.

Ремень, которым меч крепится к ножену, сделан из ротанга, разрезанного на очень узкие полоски и заплетенного в косички, три из которых снова заплетены вместе, чтобы образовать ремень. На противоположной стороне ножен находятся вторые ножны, такой же длины, как и те, к которым они прикреплены, но маленькие и цилиндрические. Эти ножны сделаны из красной и желтой ткани, выстланы корой и предназначены для приема ножа, который свойственен даякам. Один из таких ножей можно увидеть на [рис. 3](#), на иллюстрации паранга на стр. 1129. Рукоятка этого ножа сделана из того же твердого дерева, что и ножны. Она почти цилиндрическая, около полудюйма в диаметре и четырнадцать дюймов в длину, лезвие короткое, острое и едва достигает двух дюймов в длину. Этот любопытный нож используется даяками для раскалывания ротанга и других подобных целей: длинную рукоятку держат под левой рукой, а ротанг протягивают обеими руками через край лезвия.

Туземцы очень не любят расставаться с этим ножом. Они продадут меч, если за него предложат достаточную цену, но всегда постараются тайком изъять нож, так что из многих парангов, которые были привезены в Европу, лишь немногие имеют при себе нож. В одном экземпляре из моей коллекции оружие выглядит вполне совершенным, но, вынув нож из ножен, можно увидеть, что даяк ловко подменил настоящий нож рукояткой без лезвия.

Оба описанных оружия были подарены мне К. Т. К. Грантом, эсквайром.

В моей коллекции есть и третий вид паранга, который на первый взгляд почти в точности похож на старый римский меч. Он толстый, массивный, увесистый, и на первый взгляд больше похож на древнее, чем на современное оружие. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным своеобразное мастерство даяков. Хотя он не похож на предыдущее оружие, выпуклый с одной стороны и вогнутый с другой, эти две стороны совершенно разные. Лезвие обоюдоострое, очень толстое посередине и довольно круто скошенное к краю с обеих сторон.

Рукоять сделана только из дерева, но обильно украшена человеческими волосами разных цветов и значительной длины, а также перевязана широким ремнем из плетеного ротанга. Ножны для ножа полностью сделаны из коры, а сам нож показан на [рис. 2](#). Как и ножны уже описанного паранг-иланга, ножны этого оружия богато украшены резьбой, мехом и длинными ворсинками человеческих волос.

Ремень, на котором оно подвешено, сделан из ротанга, расщепленного очень тонко, и заплетен так, что образует ремень шириной почти в дюйм и толщиной в шестую часть дюйма. По краям он закруглен, а в верхней части хитроумно разделен на две части, чтобы получилась петля.

Главная особенность этого оружия заключается в количестве прикрепленных к нему чар. Сначала идут два зубца, затем - красиво сплетенный чехол, чем-то напоминающий кокон насекомого, в котором находится несколько маленьких кусочков дерева. Далее идет небольшой мешочек из сетчатой веревки длиной около полутора дюймов, в котором лежит камень, а затем три маленькие плоские корзинки с крышками, которые пусты. К поясу несколькими ремешками прикреплен кусок дерева диковинной формы, который, как я полагаю, используется для заточки острия меча, а к концу ножен на нитке бус подвешено перо, перо которого тщательно обмотано красной и черной ниткой.

Это оружие во всех отношениях очень грозное, а для европейских путешественников, безусловно, лучшее для практических целей. Рукоятка гораздо больше, чем у предыдущих видов оружия; лезвие не имеет той кривизны, которая делает его столь опасным оружием в неопытных руках; оно обоюдоострое, и любой край может быть использован с равным успехом; и, наконец, оно имеет острие, чего не скажешь о других формах меча.

У одного вождя племени даяков к мечу было прикреплено украшение, которым он очень гордился. Это был огромный пучок волос, представлявший собой ни больше ни меньше как косички десяти убитых им китайцев, чьи волосы он прикрепил к ножнам своего меча. Это украшение, должно быть, доставляло ему массу неудобств. В моей коллекции есть средний экземпляр китайской косички. Она весит девять унций, так что вес всех десяти должен превышать пять фунтов с половиной, а длина - пять футов, так что десять пучков волос, каждый длиной в пять футов, должны были доставлять владельцу бесконечное количество проблем при ходьбе.

Читатель уже заметил, что различные формы меча одинаково используются и малайцами, и племенами даяков. Есть еще одно оружие, которое, хотя и является сугубо малайским изобретением, используется даяками, да и вообще, с некоторыми вариациями, на всем Малайском архипелаге. Оно называется крис, иногда, но ошибочно, пишется *creese*, и настолько распространено, что в любой обычной коллекции оружия обязательно найдется несколько экземпляров криса. Он примечателен по трем параметрам. Во-первых, рукоять не расположена на одной линии с лезвием, как у обычных кинжалов, а согнута под прямым углом; во-вторых, лезвие почти всегда волнообразно, как пламенный меч, которым древние художники вооружали ангелов, охранявших врата Рая; в-третьих, лезвие никогда не бывает гладким, а тупое, шероховатое, изрезанное кривыми бороздками, по форме напоминающими следы на "подрумяненном" стволе оружия. Обратившись к [иллюстрации "Крис"](#) на странице 1129, читатель лучше поймет его особенности.

Немного найдется оружия, которое бы сильно отличалось по стоимости или цена на которое была бы столь явно завышена. Первоклассный клинок, даже без рукояти и ножен, стоит от восемнадцати до двадцати фунтов, а обычный едва ли можно купить дешевле двух фунтов. При этом они отнюдь не выглядят как ценное оружие: сталь клинка не только грубая и

проржавевшая, но и выглядит так, будто состоит из последовательных слоев, которые вот-вот разделятся. Этот эффект достигается путем вымачивания клинка в известковом соке, что приводит к частичной коррозии металла, который сделан из небольших кусочков стали, скрученных и сваренных вместе таким образом, чтобы обеспечить исключительную прочность.

Одно из таких оружий в моей коллекции под действием кислоты истерлось почти до стальной ленты, и, как ни странно, именно такое оружие, выглядящее так, словно это просто куски ржавого железа, больше всего ценится знатоками. Длина зерна в этом оружии удивительна, коррозия от известкового сока проявляется самым совершенным образом. Длинные бороздки прослеживаются от одного конца клинка до другого, следуя волнистой форме узкой части и закругляясь в более широкой части у рукояти, как будто весь клинок был выкован из стальной проволоки, уложенной параллельно друг другу и затем сваренной вместе.

Сок лайма лишает кромку той бритвенной гладкости, которой так восхищаются европейские клинки, и придает ей неровный, похожий на пилу вид, свойственный этому инструменту. Однако эта кромка ужасно подходит для проникновения в человеческую плоть и отвечает этой цели даже лучше, чем могла бы сделать обычная и острая кромка.

Форма криса достаточна, чтобы рассказать читателю о способе обращения с ним: оружие выдвигается вперед так, как человек указывает вытянутым указательным пальцем, а не хватается в соответствии с обычными представлениями художников. Испанцы, которые, как говорят, знают толк в использовании своих длинных ножей, держат и используют их почти таким же образом, проводя вытянутым указательным пальцем по лезвию в качестве направляющей и делая выпад вперед, а не нанося удар вниз. Средняя длина клинка криса - около фута, но некоторые из них почти такие же длинные, как обычные мечи, а другие - всего шесть или семь дюймов в длину.

Старым семейным крисом очень гордятся, а его владелец относится к нему с почти суеверным почтением. Как правило, рукоятка совсем простая, но у более состоятельных людей она сделана из золота и инкрустирована драгоценными камнями. Это оружие редко используется на войне. Его носят скорее как символ джентльмена, чем как оружие, которое можно использовать в реальном бою, и оно играет ту же роль, что и меч в прошлом веке.

Крис часто используется при казнях, причем это оружие сделано специально для этой цели, оно довольно прямое, тонкое и узкое. Во всех случаях оно используется одинаково, хотя есть некоторые различия в деталях. Как правило, человек, которому предстоит страдать, спокойно и непринужденно идет к стулу, на который садится, в основном утешаясь в последние минуты жеванием ореха бетеля. Затем его руки вытягиваются и удерживаются двумя мужчинами, в то время как палач, стоящий позади него, помещает острие криса чуть выше левой ключицы и наносит удар вниз, в сердце, так что смерть наступает мгновенно.

В некоторых местах крис для казни очень узкий, тонкий и острый с обоих краев, как ланцет. Палач берет небольшой комочек ваты и слегка накручивает его вокруг лезвия криса, чуть выше острия. Затем он зажимает вату между большим и малым пальцами левой руки, чтобы держать крис вертикально. Поместив острие оружия в нужную точку над левой ключицей, он правой рукой вбивает его в сердце, и человек умирает. Все еще держа вату между большим и малым пальцами, он вытаскивает крис и, когда острие вынимается, вдавливая вату в небольшую ранку, которую он сделал, так что оружие становится совершенно чистым и ярким, и не видно ни капли крови. Несомненно, этот способ казни настолько же надежен, быстр и милосерден, как и любой другой, который только можно придумать. По этим

параметрам он не уступает гильотине, а его преимущество в том, что он абсолютно бескровен и не требует ни эшафота, ни видимых приспособлений. Путешественник может пройти в двух ярдах от рокового места и не заметить, что происходит что-то необычное.

Некоторые из этих орудий использовались на протяжении многих поколений и высоко ценились, а некоторые оценивались в суммы, которые для европейцев кажутся почти баснословными. Один из таких казенных крисов был представлен на Великой выставке в Лондоне, но был утерян, как и многие другие виды оружия, представляющие большую ценность.

Копье - оружие, которому отдают предпочтение многие племена даяков, но которое мало используется другими, поскольку наконечник копья на конце сумпитана отвечает всем практическим целям. Фактически оно, как и булава островитян Фиджи, используется в качестве призыва к битве и служит той же цели, что и огненный крест на Шотландском нагорье. Этому символу мгновенно повинуются, и, поскольку он проносится по стране с почти магической скоростью, вождь может собрать большое войско за очень короткое время. Однажды, во время правления сэра Джеймса Брука, зарождающееся восстание было гениально остановлено, когда "призывное копье" нашли спрятанным в каноэ и завладели им. Люди упорно отрицали, что такой предмет когда-либо существовал, но когда его извлекли из тайника, задуманное восстание мгновенно рухнуло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Борнео - продолжение.

Война - завершение.

БОРНЕЙСКИЙ ЩИТ, ЕГО ОБЫЧНАЯ ФОРМА И УКРАШЕНИЯ - СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ЛЮБОПЫТНЫЙ ЩИТ В МОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ - ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ЕЙ УЖАСЫ - ЦЕЛИ МИССИИ СЭРА ДЖЕЙМСА БРУКА - ЕГО СПОСОБ ПРЕСЕЧЬ ЭТУ ПРАКТИКУ - "ОТКРЫТИЕ ТРАУРА" - РАЗДЕЛЫВАНИЕ РЫБЫ И ПИР - ЦЕННОСТЬ ГОЛОВ - ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ХИТРОСТЬ - ЗАПУТАВШИЕСЯ ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ - ОКРАШИВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ГОЛОВ - ДОМА ДЛЯ ГОЛОВ - МУЖЕСТВО НА ВОЙНЕ - ШТУРМ ТУЗЕМНОГО ФОРТА - МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ - ЛОВУШКИ И ПОДВОДНЫЕ КАМНИ - ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА.

В качестве оборонительного оружия даяки используют щит, который изготавливается из дерева и обычно имеет продолговатую форму. Как и паранг, он украшен различными орнаментами, главными из которых являются волосы, бусины и перья. Волосы превращаются в плоские пучки и закрепляются через равные промежутки по всему щиту, как показано [на иллюстрации](#) у подножия следующей страницы, где представлен прекрасный образец из великолепной коллекции покойного мистера Кристи. В центре этого щита находится грубое и явно условное изображение человеческого лица, глаз круглый, очень большого размера и покрашен белой краской в центре. В верхней и нижней частях щита находятся аналогичные фигуры, но меньшего размера. На некоторых щитах, которые сейчас встречаются очень редко, нарисован весь человеческий облик, ноги выходят из груди, а шея полностью отсутствует. Пучки волос на этом щите черные.

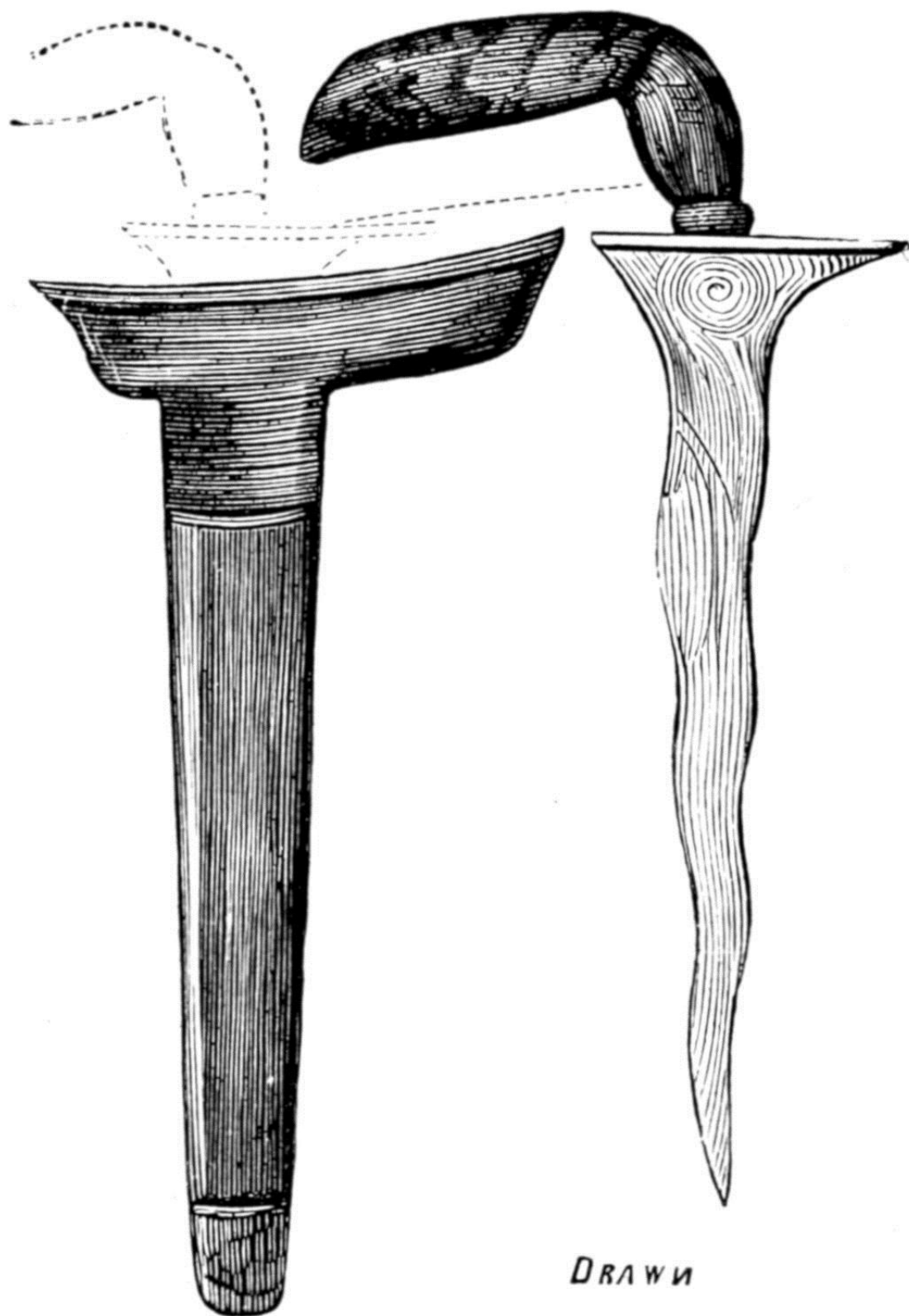
Способ использования щита и меча показан в их танцах с мечами, и мистер Брук, имевший большой опыт в обращении с оружием даяков, дает следующее мнение об их ценности: -

Танцы с мечами и щитами продолжались. У каждого племени есть свой особый шаг и кодекс, но в качестве серьезной атаки и защиты все они выглядели одинаково нелепо.

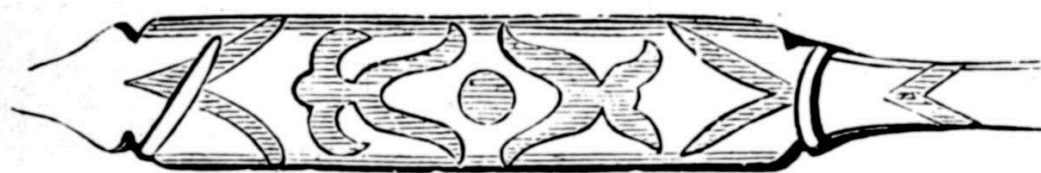
"Однако, если противник использует щит, я убежден, что европеец не сможет выстоять против него, так как они способны полностью присесть за ним и могут мгновенно спрыгнуть из такого положения за ним, не теряя равновесия. Но без щита человек с рапирой был бы более чем подходящим противником для любого из них, если только, как это возможно, тяжелое оружие даяков не разрубит легкий меч надвое. Однако ни один ловкий фехтовальщик этого не допустит, и после первого удара тяжелым оружием противник окажется во власти легкого мечника".

При всем уважении к мнению столь компетентного авторитета, я не могу не думать, что, даже будучи снабженным таким щитом, даяк не должен одолеть хорошего фехтовальщика. Сам факт, что он вынужден держать щит перед собой и, следовательно, стоять либо левым боком, либо, по крайней мере, грудью к противнику, показывает, что он может иметь лишь очень короткую досягаемость своего оружия, в то время как его противник, вооруженный маленьким мечом и использующий только острие, может оставаться совершенно недосягаемым для острия паранга, в то время как он сам находится на легком расстоянии от даяка и готов нанести смертельный удар острием своего оружия при малейшем открытии, сделанном его противником.

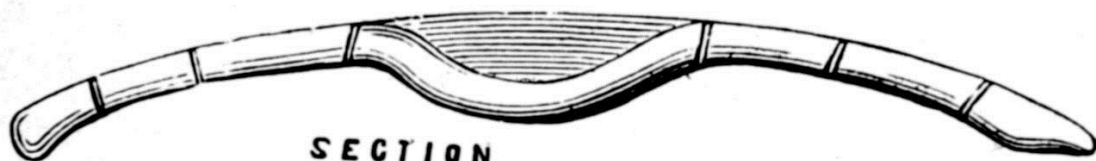
Читатель, возможно, помнит, что к парангу, описанному [на странице 1125](#), среди прочих украшений прикреплено одно перо. Это перо было взято у птицы-носорога - птицы, которую даяки очень уважают и которую они не едят, как бы ни были голодны. Перья крыла и хвоста черные, с белой полосой, и малайцы и даяки считают, что они обладают определенными достоинствами и используются в качестве талисманов. Птица считается эмблемой войны, поэтому ножны мечей, щиты и плащи, которые носят во время войны, украшают ее перьями, а огромный роговой клюв птицы счищают, полируют и делают из него серьги.

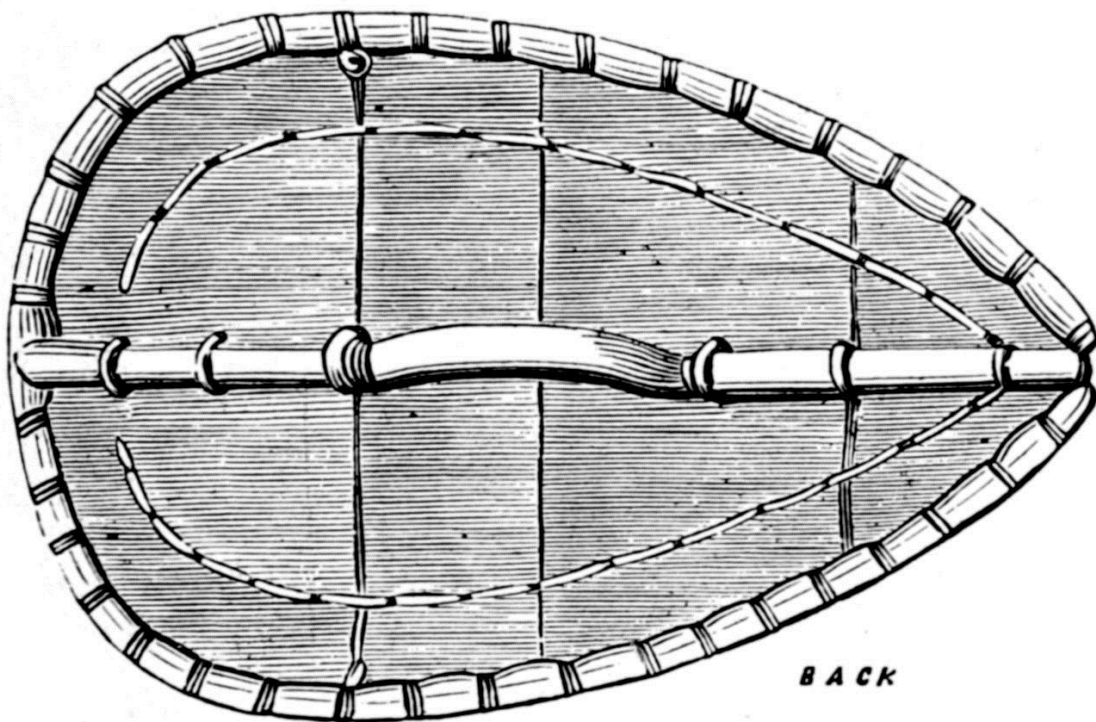
(1.) ДЬЯК КРИС
(См. [стр. 1126.](#))

CENTER ORNAMENT

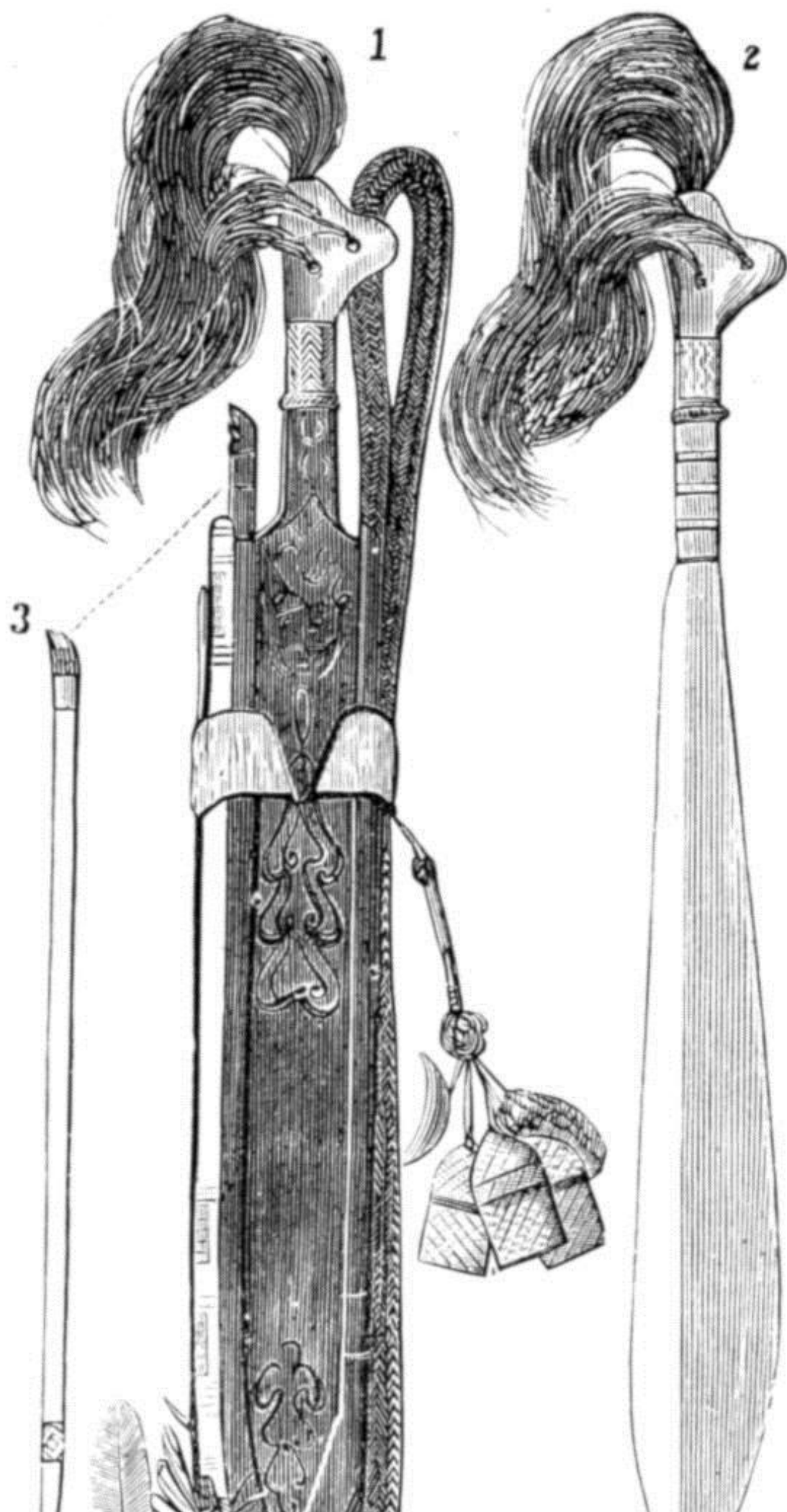

SECTION

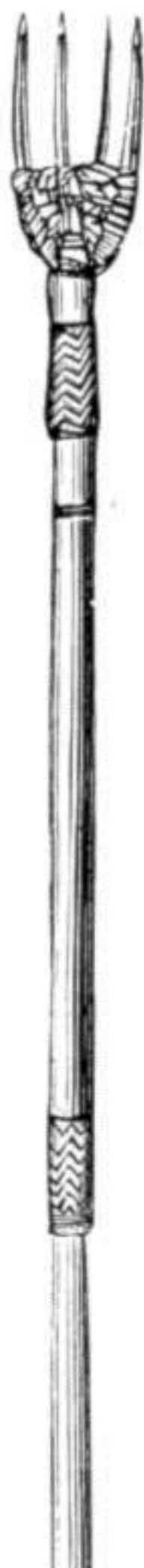

BACK

(2.) БОРНСКИЙ ЩИТ.
(См. [стр. 1131.](#))

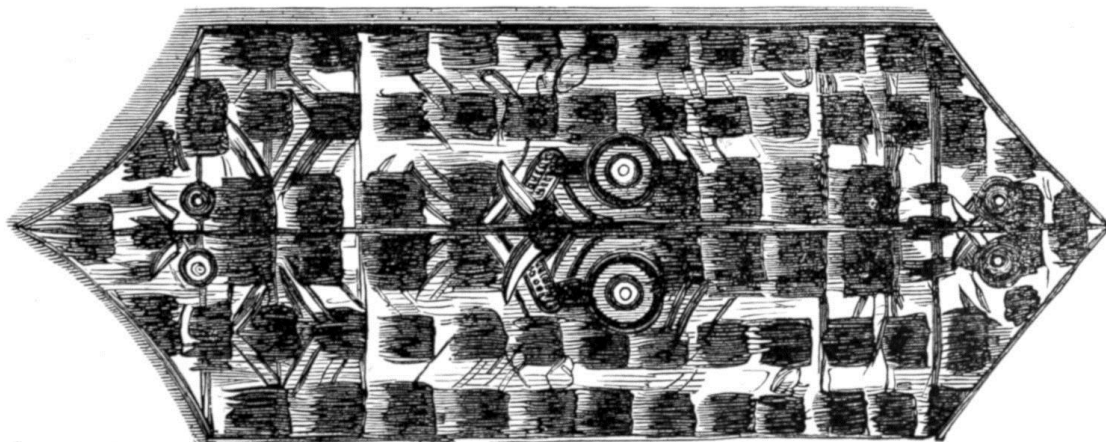

(3.) ПАРАНГ С ЧАРАМИ.
(См. [стр. 1125.](#))

(4.) СПИР.

(См. [стр. 1132.](#))

(5.) ЩИТ ДЬЯКА

(См. [стр. 1128.](#))

На странице 1129 я также помещаю [рисунок](#) щита из моей коллекции, который, как я полагаю, изготовлен в Борне, материалы и способ их использования явно борнейские. По форме он в точности напоминает маленькие щиты, которые использовались всадниками в ранний период английской истории, и, несмотря на свои небольшие размеры, он является очень эффективной защитой. Длина щита составляет двадцать дюймов, ширина - тринадцать дюймов, а для управления им используется отдельная рукоять, прочно прикрепленная к корпусу щита полосками ротанга. Характерной особенностью щита является то, что он собран из нескольких частей, и все это, хотя и скреплено ротангом, так же прочно, как если бы было вырезано из одного куска дерева.

Если читатель посмотрит на [рисунок 2](#), на котором изображена задняя часть щита, то увидит, что он сделан из четырех плоских кусков дерева, которые уложены рядом друг с другом. Эти куски дерева светлого цвета и слегка сглажены. Рукоятка вырезана из отдельного куска дерева, который проходит по всей длине щита. Как обычно бывает с борнейским оружием, рукоять слишком мала для хватки европейца.

Передняя часть щита сделана из одного плоского куска дерева, к которому остальные прикреплены, или, скорее, пришиты, с помощью ротанга, пропущенного через отверстия. Для более прочной фиксации всех этих поперечных деталей в толстом ротанге был прорезан глубокий паз, который был обвязан вокруг щита так, чтобы принять края дерева в паз, и пришит к ним ротангом через равные промежутки.

Щит дополнительно укреплен вертикальным куском дерева, который проходит вдоль передней части, и к которому сзади прикреплена рукоять из ротанга, так что рукоять и соответствующая часть спереди фактически укрепляют щит, а не создают нагрузку на него. Материалы были выбраны с учетом цветовой гаммы, которой обычно обладают даяки. Тонкая плоская деревянная пластина, образующая переднюю часть щита, почти черная, центральная часть - желтовато-белая, а раттаны, которыми она окантована и сшита, - ярко-желтые. Вес щита составляет ровно полтора фунта. Кроме центрального орнамента на

лицевой стороне, приведен [разрез](#) щита, чтобы показать форму рукояти и небольшую кривизну всего орудия.

Вечная вражда, бушующая среди племен даяков, в основном вызвана практикой "охоты за головами", которая в точности аналогична охоте за скальпами североамериканских племен. Мистер Бойл в нескольких нервных словах обрисовал контуры этого ужасного обычая, который впоследствии будет рассмотрен в деталях. "Великие племена Сакарранг и Сарибас никогда не были более чем номинально подчинены малайцам из Кучинга или Бруни, и сэр Джеймс Брук - первый хозяин, которому они действительно подчинялись. Каждый год тучи кровожадных пиратов выходили из их рек и проносились по соседним берегам. Ни один человек не был в безопасности по причине своей бедности или незначительности, ведь добычей этих разбойников были человеческие головы, а не только богатство. На деревни нападали глубокой ночью и вырезали всех взрослых; женщин и взрослых девушек часто убивали вместе с мужчинами, и только дети оставались в рабстве у завоевателей.

Никогда война не была столь ужасной, как в этот раз". Охота за головами - мода, появившаяся сравнительно недавно, - превратилась в манию, которая, как страшная болезнь, распространилась по всей земле. Трофеи больше не рассматривались как доказательство индивидуальной доблести; они стали безраздельной собственностью клана и ценились только за их количество. Убийства таились в джунглях и на реке; престарелые люди больше не были в безопасности среди своих сородичей, и трупы тайно выкапывали, чтобы пополнить их скорбный запас.

"Суеверие вскоре добавило свой готовый импульс к общему движению. Престарелый воин не мог упокоиться в могиле, пока его родственники не зарубили его имя; дева презирала слабого сердцем жениха, чья рука еще не была запятнана каким-нибудь трусливым убийством.

"Малайцы-пангераны из Кучинга горько сожалели о глупости, которая привела к этому безумию. Они сами поощряли кровожадное суеверие для достижения своих политических целей, но оно вышло из-под их контроля, и страна превратилась в одно красное поле битв и убийств. Предлогов для войны не искали и не ждали; обладание человеческой головой, независимо от того, как она была добыта, было единственным счастьем, которого жаждали во всей стране".

Именно для того, чтобы положить конец этому ужасному обычаю, сэр Джеймс Брук и взялся за свое правление. Султан Бруни, в отчаянии от такого положения вещей и будучи совершенно не в состоянии сдержать растущую ярость охоты за головами, уступил ему территорию, надеясь, что англичанин с его небольшими силами добьется успеха там, где он сам со всеми своими солдатами потерпел неудачу. Хотя эти племена номинально были его подданными, они и не думали подчиняться ему, и единственным признаком их подчинения была небольшая дань, выплачиваемая крайне нерегулярно. Султан оказался прав в своих предположениях, и мы знаем, как англичанин своим неуклонным, непоколебимым правлением добился отмены охоты за головами как общепризнанной практики, а своей системой наложения крупных штрафов на любого, кто возьмет голову, постепенно и неуклонно положил конец этой практике. В течение нескольких лет даяки не могли понять запрета, и английского раджу и его офицеров постоянно донимали просьбы даяков разрешить им пойти и взять головы. Например, один старик, потеряв жену, жалобно просил разрешить ему взять только одну голову, чтобы она могла спокойно покоем в могиле. Затем приходил молодой человек, отвергнутый даякской девушкой, излагал свое дело властям и умолял их разрешить ему взять голову и таким образом добиться руки презренной

дамы. Один мужчина, получив обычный отказ, предложил компромисс и спросил, не может ли он пойти и взять голову пакаррана, потому что пакарраны действительно не могут считаться мужчинами. На самом деле, как хорошо заметил мистер Брук, даяки вели себя как дети, плачущие за сахарными конфетами. Невозможно было придумать более эффективный план, чем тот, который осуществил английский раджа. Всякий раз, когда группа даяков тайком отправлялась на охоту за головами, за ними всегда высылался отряд, чтобы пресечь их и предать суду, который налагал на них крупный штраф. Если им удавалось добыть головы, трофеи у них отбирали и налагали еще более крупный штраф. Тех, кто отказывался подчиниться наказанию, объявляли врагами правительства, а их дома сжигали. В таких экспедициях всегда участвовали даяки из более мирных племен, так как из-за вражды, существовавшей так долго, они были раздражены многочисленными убийствами, которые совершали более воинственные племена. Английское правление, в отличие от правления малайского султана, не зависело от личности, и высшие вожди наказывались так же быстро и верно, как и низшие люди. Однажды возникла ссора между двумя партиями даяков, одна из которых, под командованием вождя по имени Джанна, была полностью неправа: сначала они посягнули на собственность другой партии, а затем затеяли ссору из-за того, что поранились о колючие бамбуки, которые были посажены в качестве ограждений. В завязавшейся драке Джанна сам выстрелил в другого вождя, но это мало что дало ему. Как только факты стали известны, мистер Брук направил против него большие силы, и его оштрафовали почти на двести фунтов. Он и его отряд ушли в буш, но вскоре их настиг голод, и они были вынуждены покориться. Другие вожди были в восторге от такого результата и впоследствии привыкли останавливать желающих поохотиться, говоря им, чтобы они помнили о Джанне и его двухстах фунтах. Любопытно, что этот бесцеремонный поступок вызвал у Джанны глубочайшее уважение и привязанность к мистеру Бруку, с которым он впоследствии питал искреннюю дружбу. Он утверждал, что три года после этого эпизода в его жизни были отмечены гораздо лучшими урожаями, чем он получал раньше со своей земли, и приписывал свое процветание дружбе с белым человеком.

Одна из гениальных частей системы заключалась в том, что большая доля штрафов распределялась между вождями, которые воздерживались от охоты на головы. Этот план имел двойной эффект: он доказывал даякам, что их штрафуют не в пользу англичан, и побуждал их быть всегда начеку в отношении тех, кто собирается охотиться за головами.

Уже упоминалось, что головы нужны, чтобы "открыть траур" после смерти любого человека. Эта фраза требует небольшого пояснения. Когда вождь теряет родственника, он закрывает какой-нибудь ручей на время траура. Для этого в берег с обеих сторон вбиваются колья, к которым крепятся бамбуки, перекинутые через ручей. Никому не разрешается проходить через это препятствие, пока не закончится траур, а это событие, согласно обычаям даяков, не может произойти, пока не будет добыта голова.

Принеся домой требуемый трофей, он оставляет его в головном доме, чтобы его приготовили, а сам готовится к празднику, на котором принимают новую голову. Он берет несколько растений, сок которых обладает дурманящим свойством, толчет их и бросает в реку. Рыба всплывает на поверхность, и тогда ее ловят с помощью колючих копий, которые бросают в нее с берега. Копья очень легкие, их древко сделано из бамбука, поэтому они всегда плавают и позволяют метателю вернуть и копье, и рыбу, которую оно поразило. Копья и шесты, закрывавшие ручей, убирают, чтобы рыбаки могли пользоваться своим оружием, и таким образом, с появлением желанной головы, ручей снова становится открытым.

Одно из таких [рыбьих копий](#) показано на странице 1129. Его длина составляет пять футов, а древко диаметром три четверти дюйма сделано из полого бамбука и очень легкое. Четыре

зубца сделаны из железа и слегка заточены. Благодаря тому, что они прикреплены к древку, они очень упругие, поэтому их небольшие колючки вполне способны удерживать рыбу. С естественной любовью к орнаменту, которая отличает даяков, владелец этого копья украсил его несколькими широкими поясами из расщепленного ротанга, сплетенными в очень художественной манере. Один из них располагался чуть ниже головки копья, другой - в центре тяжести, чтобы сразу направлять руку к "балансу" оружия, а третий - возле приклада. Однако из этих трех элементов, когда копье попало ко мне, остался только центральный ремень.

Из-за огромного спроса на головы главным требованием было их количество, а не качество, так что в то время, когда сэр Джеймс Брук взялся за искоренение практики охоты за головами, не делалось никакого практического различия между головой мужественного воина и нежной девушки. Голова была головой; тело, к которому она принадлежала, не имело значения.

Ажиотаж на головы был настолько велик, что в одном из головных домов англичанин, который знал кое-что о сравнительной анатомии, увидел голову, которая едва ли была похожа на человеческую, но при ближайшем рассмотрении оказалась головой оранга-аутана. Владельцы головного дома сначала возмущенно отрицали факт мошенничества и настаивали на человеческом происхождении головы. Однако в конце концов они были вынуждены уступить, сказав лишь, что речь идет о голове анту или гоблина, который долгое время обитал в деревне и наконец был убит.

В отношении ценности этих трофеев было сделано одно исключение: голова белого человека была вне всякой цены и ценилась настолько, что диаки, получившие ее, не клали ее в общий головной дом, а строили специальный дом для ее хранения. Один из этих воинов-даяков был замечен подвергающим себя большой опасности в своем стремлении заполучить голову белого человека. Был убит лодочник, и один из убийц-даяков наблюдал, как он тащил вверх по склону тело убитого, нанося удары ножом по шее, чтобы заполучить голову, невзирая на то, что его могли застрелить при этом.

Поскольку обладание головой является вершиной амбиций диака, нет ничего удивительного в том, что туземцы используют все свои силы или хитрость, чтобы заполучить трофей. Один из примеров вероломства рассказывает мистер Брук (нынешний раджа).

"Пять лет назад малайцы Сарибаса жили в устье своей реки и, за редким исключением, были враждебны к нам. Тем не менее они были в дружеских отношениях, пока не наладили торговлю и не использовали товары, которые они могли получить только через связь с Сараваком. Группа из пяти человек, трое мужчин и две женщины, покинула Сакарранг и отправилась в Сарибас, чтобы встретиться со своими родственниками. После того как они пробыли там значительное время, пришло известие, что они были обезглавлены даяками в реке.

"Произошло это следующим образом: В Сарибасе они встретили лодку с командой даяков, разговорились и сказали, что они торговцы и ищут рыбу. Когда малайцы покидали Сарибас, чтобы вернуться, лодка даяков последовала за ними, вместе вошли в эту реку и на следующий день приступили к осуществлению своего коварного и убийственного замысла.

"Утром они выставили на продажу свои мечи и продали или обменяли один, в результате чего малайцы заключили очень выгодную сделку. Затем они предложили ловить рыбу ручной

сетью на илистом берегу и уговорили малайца по имени Лимин (он был хорошо известен и считался храбрым человеком) отделиться от остальных и закинуть сеть. Это было сделано, и в течение некоторого времени они успешно ловили рыбу, уходя все дальше и дальше от лодок.

"В конце концов сеть запуталась в пне на дне, и один из даяков немедленно снял свой меч и нырнул вниз, как думал бедный Лимин, чтобы очистить ее, но, вместо того чтобы сделать это, хитрый плут крепко закрутил ее вокруг и вокруг, поднялся, чтобы отдышаться, и снова нырнул, и снова закрутил ее различными способами вокруг пня; затем он поднялся и сказал, что не может очистить ее, но попросил Лимина попробовать. Лимин, ничего не подозревая, снял свой меч, нырнул, и, когда он, задыхаясь, вынырнул на поверхность, два даяка без единого звука ударили и обезглавили его. Затем они забрали его голову и вернулись на свою лодку.

"Третьего малайца уговорили приложить какое-то лекарство к ноге даяка, которая слегка кровоточила. Пока малаец наклонялся и осматривал рану, один из них отрубил ему голову сзади. После этого обезглавили женщину. Они потеряли одну голову, которая упала в воду, но остальные четыре, со всем имуществом, принадлежавшим малайцам, были взяты и унесены в Садок".

В другом случае группа даяков на каноэ встретила лодку, в которой находились мужчина, его жена и маленькая дочь. Они остановили лодку и предложили на продажу орех бетель. Как только они приблизились, они выхватили мечи, отрубили женщине голову и взяли девочку в плен, но отец успел перепрыгнуть через борт и выплыть на берег.

Это произошло на реке Сарибас, и, как ни странно, убийца, которого звали Саджи, едва не столкнулся с мистером Бруком, который отправился в путь специально для того, чтобы проверить его склонность к охоте за головами. Мистер Брук прошел мимо него по реке, но, не будучи с ним знаком, не стал его арестовывать. Как выяснилось впоследствии, это было удачей, поскольку Саджи сидел в лодке с мечом наготове, и если бы пленница позвала на помощь или если бы англичане проявили хоть малейшее желание арестовать его, он бы отрубил ей голову, прыгнул с ней в реку, выплыл на берег и скрылся вместе со своими последователями через джунгли.

Тот же автор приводит еще один пример охоты за головами, который представляет собой любопытную смесь ужасного и смешного. Молодой человек по имени Ачанг предстал перед мистером Бруком в кандалах. Ему было всего девятнадцать лет, но у него были седые волосы, естественный цвет которых исчез в результате его несчастий. Некоторое время назад он влюбился в молодую девушку из племени диаков, которая отвергла все его ухаживания, потому что он никогда не брал в руки голову и тем самым не показал себя воином. Она была, очевидно, девушкой энергичной, так как предложила ему отправиться в форт Сарибас и взять голову Бакира, вождя даяков, или Туан Хассана, *то есть* мистера Уотсона.

Поддавшись такому нажиму, Ачанг вместе с другим парнем своего возраста отправился в форт, но по дороге его постигли обычные неудачи: плохие птицы, дурные сны и сбивание с пути, так что, когда они оказались в пределах видимости форта, они решили, что им лучше изменить свои планы. Они решили зайти в дом китайца под предлогом покупки его товаров и забрать его голову, пока он не будет настороже. Когда голова хорошо прожарена и высушена, она может быть не хуже другой, и они решили, что им не составит труда выдать голову китайца за голову белого человека.

Поэтому они отправились в дом китайца, очень дружелюбно поужинали с ним, а затем улеглись отдохнуть, договорившись, что в полночь нанесут смертельный удар. Случилось так, что Ачанг проспал, и его друг решил, что можно воспользоваться его сонливостью и завладеть головой. Поэтому в полночь из дома китайца раздались жуткие крики, а когда люди вбежали в комнату, то обнаружили несчастного хозяина с изрезанным с одной стороны лицом - юноша-дьяк в спешке пропустил удар. Сам преступник сбежал, но Ачанга нашли еще крепко спящим, и его тут же заковали в кандалы.

На следующий день его привезли в Сакарранг с цепью на поясе, а по дороге за ним следовала толпа даяков, которые пытались подкупить его сторожей, чтобы те позволили им забрать его голову. По дороге они устроили аукцион за его голову, каждый предлагал больше, чем другой, и ужасы этого двенадцатимильного марша были таковы, что бедный парень посидел до следующего утра.

В конце концов, Ачанг был очень нежным и невинным мальчиком и лишь следовал обычаям своей страны, повинаясь приказам своей хозяйки. Его продержали в кандалах около месяца, а затем отпустили, после чего он поступил на службу к белым людям, работал в саду и, как говорится, приносил пользу.

Головы подвергаются своеобразной сушке, называемой "варкой", которая довольно эффективна, но значительно уступает той, что используют новозеландцы, и в течение значительного времени после варки головы очень неприятны для ноздрей европейцев, хотя даяки, похоже, совершенно не чувствуют дурного запаха. Их всегда держат в пангарангах, или головных домах, которые совсем не похожи на обычные жилища даяков. Очень хороший рассказ о головном доме дает мистер Ф. С. Марриэт: - "Нас проводили через пангаранг, и мы были в нем.

"Нас провели через толпу бродячих даяков к дому в центре деревни, который по своей конструкции сильно отличался от остальных. Он был совершенно круглым и хорошо проветривался благодаря многочисленным отверстиям в крыше, которая была остроконечной. Мы поднялись в комнату наверх по грубой лестнице, а когда вошли, то были ошеломлены, обнаружив, что находимся в головном доме, как его называют, и что на балках висят человеческие головы, подвешенные на небольшой веревке, пропущенной через верхнюю часть черепа.

"Они были раскрашены в самой фантастической и отвратительной манере. В глазницы были вставлены куски дерева, раскрашенные под глаза, что придавало им жуткий, ухмыляющийся вид". Самой странной частью этой истории, которая очень усиливала эффект от сцены, было то, что эти черепа постоянно двигались и стучали друг о друга. Полагаю, это происходило из-за различных потоков воздуха, врывавшихся в отверстия, сделанные в крыше; но, судя по их непрерывному движению, киванию подбородками, когда они ударялись друг о друга, и оскалу зубов, они действительно казались наделенными новой жизнью и очень веселыми ребятами.

"Однако, каково бы ни было первое впечатление от этого необычного зрелища, оно очень скоро прошло, и мы развлекались их движениями, которые не были жизнью, как говорит Байрон; и в течение дня нам удалось приготовить очень превосходный обед в компании этих джентльменов, хотя никто из нас не был достаточно Дон Жуаном, чтобы пригласить на ужин наших друзей сверху".

Эти головные дома, как мы только что видели, являются местом приема гостей, и поэтому можно понять, что уроженцы любой деревни с гордостью демонстрируют своим гостям

трофеи, завоеванные ими самими. Один из этих домов, скудно обставленный головами, станет скандалом для всей деревни, так что три эмоции - гордость, любовь и печаль - в полной мере способствуют распространению обычая охоты за головами.

В этих домах с головами спят неженатые мужчины деревни. Этот обычай объясняется двумя причинами. Во-первых, холостяков оберегают от бед, а во-вторых, они всегда готовы с оружием в руках выступить на защиту деревни, если на нее нападут. В таких экспедициях главный дом всегда является центральным объектом нападения, и, имея под рукой молодых воинов, даяки обеспечивают безопасность своих заветных трофеев.

Некоторые из ужасов обычая охоты за головами хорошо описаны мистером Сент-Джоном: "Около тринадцати лет назад я слышал, как народ натуна рассказывал об ужасной операции, которая произошла на одном из их островов. Партия сарибасов-дьяков курсировала среди маленьких островков неподалеку и уже уничтожила несколько женщин и множество рыбаков, когда ближе к вечеру их заметили, забравшимися в глубокий и узкий залив, чтобы остаться там на ночь.

"Островитяне спокойно собрались и напали на своих врагов, убив всех, кроме семерых, которых взяли в плен - шестерых мужчин и одного мальчика. Первых они зажарили на медленном огне и заявили, что смельчаки умерли, не издав ни единого крика боли, но бросив им вызов до последнего; парня, который стоял, дрожа, не зная своей участи, отправили обратно на побережье с сообщением его соотечественникам, что если они когда-нибудь снова придут туда, то со всеми ними поступят точно так же. Этого страшного предупреждения было достаточно, чтобы отвадить их от дальнейших поисков в том направлении.

Иногда группы из двух и трех человек уходили на несколько месяцев в глубь страны, не взяв с собой ничего, кроме соли, завернутой в поясные одежды, которой они приправляли молодые побеги и листья, а также пальмовые кочаны, найденные в лесах; когда они возвращались домой, то были худыми, как пугала".

"Именно этот вид кошачьей войны делает их грозными врагами как для китайцев, так и для малайцев, которые никогда не чувствовали себя в безопасности от врагов-дьяков. Известны случаи, когда они дежурили у колодца, по пояс погрузившись в воду, накрыв голову несколькими листьями, чтобы попытаться перебить первого, кто придет набрать воды. Ночью они спускались на бревне и перерезали ротанговый трос торговых прахусов, в то время как другие члены их группы караулили на берегу, хорошо зная, где течение может вынести лодку на берег; а когда они садились на мель, то убивали людей и грабили товары".

На войне даяки часто проявляли себя как доблестные солдаты. Мистер Брук рассказывает, что когда он атаковал форт враждебного вождя, имевшего смешанный отряд из малайцев и даяков, последние оказались гораздо лучшими солдатами. Первые отошли на тридцать или сорок ярдов от дома, *то есть* за пределы досягаемости стрел сумпитанов, которые вылетали из форта, и укрылись за деревьями и пнями, откуда можно было стрелять, не подвергая себя смертоносным дротикам. Однако даяки смело бросались на дом, взбирались на столбы, на которых он был построен, несли с собой оружие, пробивали проломы, которые ранее были заделаны дробью, и пытались прорваться внутрь форта.

Наконец, одному даяку удалось проникнуть в дом, и он пробыл там около пяти минут, после чего был вынужден отступить и сползти на землю по столбу. После долгих боев даякам

удалось поджечь здание с двух сторон, что вынудило обитателей броситься на врага. Едва ли кому-то из них удалось спастись: одни погибли в огне, другие были тяжело ранены, а третьи попали в плен.

Победившие даяки обезумели от возбуждения и с яростными криками бросились врассыпную, неся в руках головы и не обращая внимания на раны, которые многие из них получили. Один юноша с криком пронесся мимо, держа в одной руке голову, а другой придерживая одну сторону лица. Вражеский меч почти отсек ему всю часть лица, но он был почти без сознания, а возбуждение не позволяло ему чувствовать боль. Однако через несколько минут он потерял сознание от потери крови и, несмотря на страшную рану, в конце концов пришел в себя.

Иногда даяки очень жестоко обращаются с пленниками, не довольствуясь тем, что просто забирают их головы, а медленно убивают их пытками. Обычно, однако, борьба за головы настолько остра, что человек, одолевший врага, не имеет времени на пытки и вынужден довольствоваться тем, что отрывает голову так быстро, как только может.

Некоторые из этих фортов представляют собой наиболее опасные места для нападения. Подступы к ним охраняются "ранджоу", *то есть* заостренными на конце и воткнутыми в землю кусками бамбука. Ранджоу доставляют немало хлопот на открытой местности, но когда они застревают среди листьев, травы и разнотравья, то становятся страшным оружием и очень эффективно препятствуют продвижению атакующего войска.

Тогда даяки устраивают различные хитроумные ловушки. Они кладут возле тропы согнутые луки, сконструированные таким образом, что как только человек подходит к ним, тетива освобождается, и стрела непременно поражает обе его ноги. Иногда они сгибают молодое дерево и кладут копье, так что, когда дерево освобождается, оно ударяется о конец копья и с ужасающей силой тянет его вперед, совсем как мангонель в старые времена. Они роют множество ям, не очень больших по глубине, но каждая из них имеет острый бамбук, воткнутый вертикально в центр, так что любой, кто упадет в яму, неизбежно будет проткнут.

Сами форты были значительно изменены после введения огнестрельного оружия: крепостные стены, окружающие их, сделаны из самого твердого дерева, толщиной около двух футов и способны выдержать огонь любого стрелкового оружия. По сути, против таких фортов нет ничего, кроме артиллерии. Многие из них снабжены салли-портом, через который, когда место становится непригодным, защитники спокойно бежать, как это делается в пах Новой Зеландии.

Морские даяки, как следует из их названия, относятся к морским племенам и воюют в основном на каноэ. У них есть некоторые представления о тактике, и они умеют выстраивать свои каноэ в правильную шеренгу при встрече с врагом. Одна из их излюбленных тактик - спрятать несколько больших лодок, а затем послать вперед несколько маленьких и плохо укомплектованных каноэ, чтобы атаковать врага. Разумеется, вскоре они получают отпор и вынуждены отступить. Враг, считая себя победителем, с ликованием следует за ними, и, как только он проходит место, где спрятаны большие каноэ, они нападают на него с тыла, а маленькие каноэ, которые служили приманкой, поворачивают и присоединяются к натиску. Реки почти всегда выбираются для такого нападения: нависающие ветви деревьев и густая листва на берегу служат отличными укрытиями для каноэ. Иллюстрация "[боя на каноэ](#)" приведена на странице 1139.

Когда объявляется мир или люди хотят возобновить дружбу друг с другом, они объявляют себя друзьями с помощью церемонии, которая по принципу идентична той, что практикуется

во многих частях Африки: каждая из договаривающихся сторон принимает кровь другой. Иногда кровь действительно пьют, но обычно ее принимают, смешивая с табаком и куря. Мистер Сент-Джон в своем труде "Леса Дальнего Востока" описывает эту церемонию с большой силой: - "Сингандинг послал в лес, где он живет.

"Сьенгандинг прислал на борт просить меня стать его братом, пройдя через священный обычай впитывания крови друг друга. Я говорю "впитывать", потому что ее либо смешивают с водой и пьют, либо помещают в туземную сигару и втягивают вместе с дымом. Я согласился, и следующий день был назначен для церемонии, которую кайяны называют Бербианг, а борнейцы - Берсабибах.

"Я высадился с нашей партией малайцев, и после предварительной беседы, чтобы дать время населению собраться, началось действо. Мы сидели на широкой веранде длинного дома, окруженные сотнями мужчин, женщин и детей, и все с нетерпением смотрели на белого чужака, который собирался войти в их племя. Раздевая мою левую руку, Кум-Лиа взял небольшой кусок дерева в форме лезвия ножа и, слегка проткнув кожу, вывел кровь на поверхность; он осторожно соскоблил ее. Затем один из моих малайцев таким же образом взял кровь у Сингандинга, и, достав маленькую сигарету, кровь с деревянного лезвия была размазана по табаку.

"Затем вождь встал и, выйдя на открытое место, посмотрел на реку и призвал своего бога и всех духов добра и зла быть свидетелями этого братского союза. Затем была зажжена сигарета, каждый из нас сделал несколько затяжек, и церемония была завершена. Я был рад, что они выбрали форму вдыхания крови в дыму, так как проглотить хотя бы каплю было бы неприятно, хотя отвращение могло возникнуть только от воображения.

"Иногда они изменяют этот обычай, но, возможно, только у кинийцев, которые живут дальше вверх по реке и смешались с кайянами. Там приносят свинью и кладут ее между теми, кто должен соединиться в братстве. Вождь произносит заклинание, обращенное к богам, и отмечает зажженным клеймом плечо свиньи. Затем животное убивают, после обмена куртками в рану втыкают меч, и оба помечаются кровью свиньи".

Чужака, принятого таким образом в члены кайянов, называют ниау, или другом, и в некоторых случаях эксперимент оказывается удачным. Обычно, однако, честь, как бы то ни было, превышает выгоду: кайяны считают, что вновь принятый член должен сделать множество богатых подарков своему племени, чтобы показать, что он понимает, какие привилегии ему даны.

ГЛАВА CXVII.

Борнео - продолжение.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

БРАК СРЕДИ ДАЯКОВ - УХАЖИВАНИЕ, ПРИНЯТИЕ ИЛИ ОТКАЗ - СИБУЙСКАЯ СВАДЬБА - ЛЮБОПЫТНЫЕ ДОМАШНИЕ ПОРЯДКИ - ГОРДОСТЬ РОЖДЕНИЯ - СОСТОЯНИЕ МОРАЛИ - ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВОДА - РЕВНОСТЬ, И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - КАК ОБРАЩАТЬСЯ С СОПЕРНИКОМ - ЗАПРЕТНЫЕ СТЕПЕНИ - СПОРТ И ИГРЫ - ОХОТА НА ПЧЕЛ - БОРНЕЙСКИЕ КАЧЕЛИ - ИСПЫТАНИЯ СИЛЫ И РАВНОВЕСИЯ - ТРЮКИ С ВЕРЕВКОЙ - ПЕТУШИНЫЕ БОИ - ТАНЕЦ С МЕЧОМ - ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ ДЬЯКОВ С ГОЛОВАМИ - КОШКА-ДЕВЯТИХВОСТКА -

ПРАЗДНИКИ ДЬЯКОВ - СТРАННАЯ КУЛИНАРИЯ - ПЛОД ДУРИАН - НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАПИТОК, ЕГО ЗАПАХ И ВКУС - ПРИВЫЧКА К ОПЬЯНЕНИЮ - ЦИРК ДЬЯКОВ - КРЕПКИЕ ПЬЯНИЦЫ И КРЕПКИЕ ГОЛОВЫ - СИЛА НАСМЕШЕК.

Переходя от войны к миру, мы начнем с брака, который практикуется среди даяков.

В некоторых частях страны брак - очень простое дело, две стороны живут вместе до тех пор, пока нравятся друг другу, и расходятся, если кто-то из них чувствует себя неудовлетворенным. В любом случае, как мы увидим, возможности для развода чрезвычайно широки, а брачные узы носят удивительно свободный характер.

Читатель не мог не вспомнить о необычном совпадении, которое часто наблюдается между обычаями дикарей и цивилизованной жизни.

Среди синамбау-даяков существует способ ухаживания, который до сих пор распространен в некоторых частях Европы, хотя в целом он выходит из употребления. Молодой синамбау-даяк, пораженный очарованием девушки, выражает свое предпочтение различными способами, например, помогает ей в ее повседневной работе, несет для нее дрова домой и делает ей такие подарки, которые в его силах.

После того как он некоторое время продолжал оказывать подобные знаки внимания, он считает, что может перейти к более явному заявлению. Ночью, когда семья, как предполагается, спит, он тихонько отодвигает засов на двери, пробирается к тому месту, где под москитными занавесками спит его возлюбленная, и осторожно будит ее. Он всегда приносит с собой обильный запас бетелевого ореха и листьев сириха, и большую часть ночи они сидят и разговаривают. Нельзя ожидать, что родители девушки, которые спят в той же комнате, будут в полном неведении о происходящем, но условно считается, что это так, и если они одобряют молодого человека, то не обращают на него внимания, а если нет, то используют свое влияние на девушку, чтобы побудить ее отстранить его.

Способ отказа соответствует остальным процедурам. Если девушке не нравится слишком авантюрный жених, она отказывается принимать бетель-нат, а просто просит его раздуть огонь или зажечь лампу, что равносильно немедленному отказу.

После заключения брака устраивается пир, а затем стороны становятся мужем и женой без каких-либо дополнительных церемоний. Молодая пара очень редко начинает вести домашнее хозяйство самостоятельно, и, как правило, жених переходит в дом своего тестя или, во всяком случае, кого-то из родственников жены и становится одним из членов семьи, работая на общее хозяйство и получая свою долю после смерти главы семьи. Иногда этот план меняется на противоположный, и если невеста - одна из большой семьи братьев и сестер, или если жених - единственный кормилец своих родителей, она сопровождает мужа и становится частью его семьи.

Церемония бракосочетания у сибуйанских даяков из Лунду заслуживает внимания. Художник замечательно [изобразил](#) эту уникальную церемонию на следующей странице. Два железных прута кладут на землю в месте, отведенном для церемонии, а молодую пару приводят с противоположных концов деревни. Первая часть церемонии состоит в том, чтобы усадить их на железные прутья в знак того, что благословения их супружеской жизни будут крепкими, как железо. Священник дает каждому из пары сигару и несколько орехов бетеля и листьев сириха, которые они держат в руках до завершения следующей части церемонии. Взяв в руки двух птиц, священник размахивает ими над головами пары и, произнося длинную речь, призывает на них все благословения. Затем он трижды торжественно стучит по их головам,

после чего жених кладет орех бетеля в рот своей невесте и вставляет жевательный корень между ее губами, а она в свою очередь делает то же самое с ним, и эта церемония является публичным признанием того, что они принимают друг друга как муж и жена.

После того как они заявили о своем согласии друг с другом, птиц убивают, а их кровь наливают в две чаши, цвет крови тщательно проверяется священником, и ее оттенок считается предзнаменованием будущего благополучия или несчастья новоиспеченной супружеской пары. Завершает церемонию один из праздников, который будет описан далее.

Уже говорилось, что в большинстве случаев жених входит в семью своей жены. Но в любом случае он обязан почитать отца своей жены даже выше собственного отца. Молодой муж не имеет права даже произносить имя своего тестя, не может есть из того же блюда, пить из той же чашки или отдыхать на той же циновке.

Среди другого племени даяков, балау из Лингги, церемонии бракосочетания довольно разнообразны. В качестве умиловительной жертвы мать жениха дарит родственникам невесты какую-нибудь домашнюю утварь, например тарелку или тазик, а через три дня после этого совершается очень простая церемония.

Мать жениха берет некоторое количество ореха арека, приготовленного для жевания, делит его на три части, кладет в корзину и ставит на своеобразный алтарь перед домом невесты. Затем собираются друзья обеих сторон и жуют орехи, обсуждая дальнейшие перспективы молодой пары, а также решают, какой размер штрафа должен выплатить муж своей жене в случае разрыва с ней после того, как она станет матерью или когда она может стать таковой. В сущности, эти даяки своим собственным грубым и готовым способом сумели организовать довольно полный кодекс брачных соглашений, который, в связи с очень легкой системой разводов, совершенно необходим для защиты женщин.

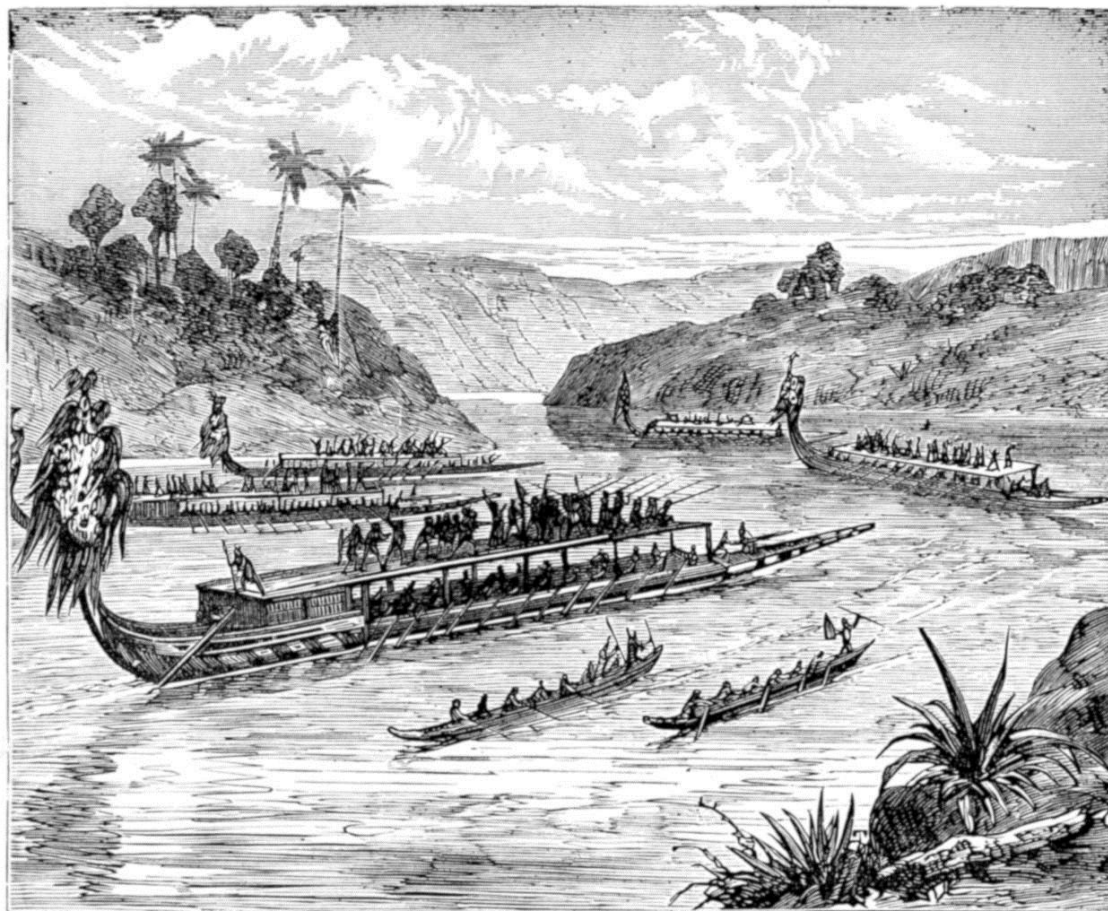
Морские даяки Линга, как и все морские племена, гордятся своим рождением, и если девушка выслушивает предложения мужчины гораздо более низкого ранга, ее родители запрещают этот брак. В одном из таких случаев влюбленные убежали в джунгли, отравились соком растения туба и на следующее утро были найдены мертвыми в объятиях друг друга. Они настолько преисполнены семейной гордостью, что любое смешение с благородной кровью рассматривается ими как страшный позор, и это доходит до такой степени, что, хотя в пределах их собственной степени их мораль является самой слабой, мужчины презирают интригу с женщиной низкого состояния.

Дьяки Сибуяна отличаются превосходством своей морали по сравнению со всеми племенами дьяков, считая, что безнравственность - это преступление против высших сил, и что, если девушка становится матерью до замужества, она гневит божеств племени, которые проявляют свой гнев, навевая его на все племя. Поэтому, если такой случай обнаруживается, оба провинившихся влюбленных подвергаются крупному штрафу, а чтобы отвести гнев оскорбленных божеств, в жертву приносится свинья. Провинившиеся не всегда избегают штрафа даже после жертвоприношения свиньи, поскольку каждый, кто был поражен болезнью или с кем произошел несчастный случай в течение месяца после жертвоприношения, требует возмещения ущерба, как виновник несчастья, а если кто-то из них умер, то оставшиеся в живых требуют компенсации за потерю родственника.

Читатель помнит, что молодые люди обоих полов живут с родителями, внося свой труд в общий фонд, и поэтому не могут обладать собственным имуществом. Вследствие этого штрафы, взимаемые с любовников, практически ложатся на родителей, которые заботятся о

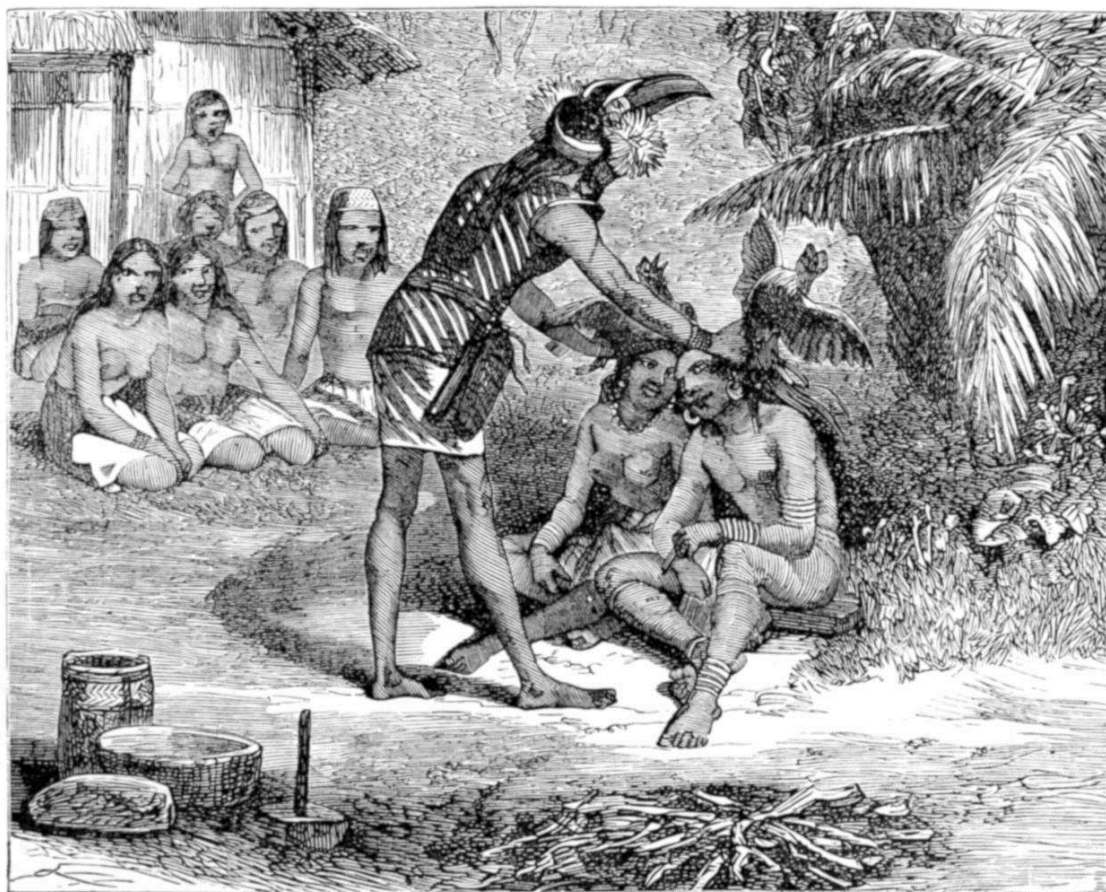
присмотре за дочерьми, а молодых людей отчасти удерживает от бед то, что они вынуждены спать вместе в головном доме.

У даяков Батанг Лупар более мягкие представления о нравственности, чем у сибуйцев, и девушку редко берут замуж до тех пор, пока она не станет матерью. В этом случае любовник женится на ней как само собой разумеющееся, но в тех случаях, когда мужчина отрицает свою причастность, а девушка не в состоянии доказать это, она подвергается такому горькому презрению и упрекам со стороны своих родственников, что обычно убегает из деревни. Известно, что некоторые такие преступницы принимали яд, чтобы спастись от презрения родственников и знакомых. Считается, что они нанесли такой позор своей семье, что родители приносят в жертву высшим силам свинью и омывают ее кровью двери дома, чтобы умиловить оскорбленных божеств.

(1.) БОЙ НА КАНОЭ.

(См. [стр. 1136.](#))

(2.) СВАДЬБА ДЬЯКОВ.

(См. [стр. 1138.](#))

Поженившись, пара почти всегда хранит верность друг другу. Однако в этом нет особой заслуги, поскольку они могут развестись под малейшим предлогом. Дурное предзнаменование ночью, например, "плохая птица", так напугает обе стороны, что на следующий день они расстанутся по взаимному согласию. Мистер Сент-Джон упоминает, что многие мужчины и женщины женятся семь или восемь раз, прежде чем окончательно определятся с партнером, с которым собираются провести остаток жизни, и в качестве примера того, что среди дьяков существует огромное количество возможностей для развода, рассказывает, что видел молодую девушку семнадцати лет, у которой было уже три мужа.

Тем не менее, очень редко супружеские пары расстаются после того, как становятся родителями; а если они это делают, то семью женщины ожидает крупный штраф от непостоянного мужа. Бывает, что супруги настолько привязаны друг к другу, что не хотят расставаться, даже если слышат голос "плохой птицы". В этом случае они отводят гнев высших сил, принося в жертву свинью, и могут без опасений оставаться вместе. Часто случается, что муж и жена ссорятся и разводятся. Однако через некоторое время они начинают думать, что совершили ошибку, и им разрешают возобновить супружеские отношения без каких-либо церемоний или новых обрядов брака.

Мистер Сент-Джон упоминает о любопытном случае ревности после развода и его последствиях.

Пангеранский мумейн взял девушку мурут и заплатил ее отцу в качестве брачной доли большой вес латунных пистолетов - любопытной валюты, которая очень ценится у даяков, но совершенно бесполезна для каких-либо практических целей. Он оставил ее на некоторое время, а затем, после того как она родила ему ребенка, отрекся от нее, сказав ее отцу, что она ему больше не нужна, если только она не захочет последовать за ним в Бруней. Однако девушка отказалась это сделать, и тогда Пэнжеран заставил ее отца вернуть медные пистолеты, а также заплатить штраф в двойном размере в качестве наказания за то, что он не позволил девушке отправиться в Бруней, где намеревался продать ее в рабство. Отец заплатил штраф, и ему сказали, что девушка может идти, куда хочет, и выходить замуж за кого хочет, как это было справедливо после предыдущего события.

Через некоторое время она вышла замуж за одного из своих соплеменников, и тогда Пэнжеран впал в приступ ревности и приказал старосте деревни Оранг-Кая схватить их и привести к нему. Оранг-кайя испугался и спрятался, так что Пэнжерану пришлось нанять бисаев, которые схватили мужа и привели его к своему хозяину. Несчастливого привязали к месту привала Оранг-Кая, и Пэнжеран собственноручно разрубил его на куски, а голову подарил даякам Гадонг-Мурут. Отомстив таким образом человеку, вызвавшему его ревность, он позволил девушке и ее отцу уйти невредимыми. История даяков полна подобных историй.

Ревность отнюдь не ограничивается мужчинами: женщины ревнуют мужчин гораздо сильнее, чем те своих жен, и на то есть веские причины. Существует негласный закон, согласно которому, если жена уличит мужа во флирте, она может избить соперницу до потери пульса, при условии, что не будет использовать ничего, кроме палки, а если женщина замужем, ее муж может избить нарушительницу домашнего покоя, если сможет. Обычно в таких случаях мужчина уходит в кусты под предлогом охоты и остается там до тех пор, пока не успокоится гнев его жены. Если ему посчастливилось вернуться с головой, то его успех как воина гарантирует смягчение его недостатков как мужа.

У даяков есть кодекс запретных степеней для браков, несколько отличающийся в разных племенах, но в целом довольно единообразный. Браки с двоюродными братьями и сестрами не допускаются, они рассматриваются как брат и сестра; дяде также, как правило, не разрешается жениться на племяннице. Однако из последнего правила есть исключения. Брак с сестрой покойной жены почти повсеместно разрешен и, по сути, поощряется при условии, что родители женщины одобряют этот брак, поскольку в этом случае все дети принадлежат одной семье.

О спорте, как мы понимаем это слово, даяки не имеют ни малейшего представления, хотя обладают всеми необходимыми для этого возможностями, будучи активными, смелыми и быстро соображающими. Все эти качества проявляются в способе, которым они снабжают себя медом. Они не держат ульев в домах или рядом с ними, но редко не замечают пчелиных гнезд на деревьях, хотя непривычные глаза европейца не могут разглядеть пчел на большой высоте, на которой обычно находятся гнезда.

Иногда ствол дерева возвышается на сто футов без единой ветки, а его окружность составляет от пятнадцати до двадцати пяти футов. Однако даяки с легкостью взбираются на такое дерево. Они проделывают отверстия в стволе дерева так высоко, как только могут дотянуться, и вбивают в них деревянные колышки длиной более фута. Затем в землю вбивают крепкий ротанг или бамбук, к которому привязывают концы деревянных колышков, чтобы получилось что-то вроде лестницы, одну сторону которой образует бамбук, а другую - ствол дерева. По этой тонкой лесенке они поднимаются, вбивают еще колышки и прикрепляют их к бамбуку, добавляя один бамбук за другим, пока не достигнут гнезда.

Ничто не выглядит более ненадежным, чем эта примитивная лестница, которая страшно раскачивается, когда человек поднимается по ней, а ротанговые крепления трещат и скрипят, как будто вся конструкция разваливается на куски. Однако она прекрасно приспособлена для своей цели, и, вооружившись горящим факелом, почти голый дьяк поднимается и бесстрашно берет гнездо, которое он спускает вниз с помощью ротанга.

Нападение на гнездо обычно происходит ночью: по словам даяков, пчелы всегда летят за искрами, падающими от факела, считая их врагом, который тревожит гнездо, а сам человек уходит невредимым. У некоторых племен есть другой план: прежде чем взобраться на дерево, они разжигают под ним большой костер, в который бросают множество зеленых веток. Дым от этих веток выгоняет пчел из гнезда и на некоторое время одурманивает их, так что гребни можно брать без опаски.

В играх, которые, по сути, являются имитацией войны, даяки также не разбираются, и, несмотря на то, что это воинственный народ, они не занимаются ни борьбой, ни боксом, ни скачками. Можно было бы ожидать, что народ, который так сильно доверяет мечу, будет упражняться с фиктивным оружием, чтобы приучить себя к правильному обращению с мечом и щитом. Однако они никогда этого не делают, считая, что все подобные упражнения приносят несчастье.

У них есть одна игра, которая несколько напоминает наши качели, но в некоторой степени похожа на религиозную церемонию. Возводится прочная вышка высотой около сорока или пятидесяти футов, к ней подвешивается прочный ротанг, который достигает нескольких футов от земли. Деррик укрепляется ротанговыми тросами, привязанными к соседнему дереву. Конец ротанга складывается в большую петлю.

На некотором расстоянии от вышки, как раз там, где конец ротанга описывает круг, возводится небольшой бамбуковый помост. Один из качков встает на помост, притягивает к себе ротанг с помощью веревки, ставит ногу в петлю и отмахивается с такой силой, какую только может придать себе. Как только он возвращается, на качели вскакивает другой, а иногда и двое, и так до тех пор, пока десять или двенадцать человек не раскачаются в одно и то же время. Конечно, все они не могут просунуть ноги в петлю, но довольствуются тем, что цепляются за руки и ноги тех, кто это сделал. Раскачиваясь, они заводят монотонную песню, похожую на дирг. Однако это всего лишь обращение к божествам с просьбой о богатом урожае и удачной рыбалке. Как можно догадаться, они часто падают с этих качелей.

У мальчиков и юношей есть игра, знакомая всем гимнастам. Два участника садятся друг напротив друга на землю, соприкасаясь подошвами ног. Затем они берутся за короткую палку, и каждый пытается потянуть другого за лицо или поднять его с земли. Есть также игра, которая очень похожа на нашу "базу заключенных", в ней участвуют двадцать или тридцать игроков; и есть еще одна игра, которая очень похожа на "петушиные бои" английских школьников. Игроки стоят на одной ноге, держа другую ногу в одной руке, и пытаются расстроить друг друга, или, по крайней мере, заставить своих антагонистов поставить обе ноги на землю.

В "колыбели" они прекрасно разбираются. Мистер Уоллес думал, что сможет научить их этой игре, но обнаружил, что они знают о ней гораздо больше, чем он. Они были знакомы со всеми тайнами английской модификации игры и производили огромное количество дополнительных изменений из струны. Действительно, даяки могут сделать с куском веревки практически все, что угодно, и они вполне могли бы проинструктировать наших фокусников в этой отрасли легердемайн.

Петушинные бои - развлечение, которое очень нравится даякам, хотя они и не предаются этому развлечению с таким безрассудным энтузиазмом, как малайцы. Мистер Сент-Джон пишет о птицах, используемых для этой цели: "Мы не видели больше нескольких таких птиц в домах даяков, но поскольку их обычно держат, когда они не тренируются или не упражняются, плотно завернутыми в льняные ленты и подвешенными на гвоздях в сухом месте, они легко могут ускользнуть от нашего внимания".

"Не испытывая страха перед полицейскими судьями и преследованиями Гуманного общества, мы помогли в одном или двух коротких боях, очевидно, просто пробных матчах, чтобы помочь расчетам "букмекеров", проверяя стойкость и мастерство каждой птицы. Когда эта цель была достигнута в результате нескольких минут борьбы, проходившей в обстановке полной секретности на веранде при сером свете раннего утра, петухов подхватили, прежде чем им были нанесены какие-либо повреждения, и тщательно замотали в повязки, из которых они успокаивали свои взбудораженные чувства, изредка покрикивая".

Мы уже упоминали о пирах, которые неоднократно устраивали даяки, и только на таких праздниках мужчины применяли свое оружие в поединке. Но даже в этих случаях они используют его не для того, чтобы потренироваться, а просто потому, что оно является частью движений танца. В одном из таких танцев, описанном г-ном Кеппелем, два меча кладутся на циновку посреди комнаты, и двое мужчин продвигаются к ним с противоположных сторон, размахивая руками, вращаясь на носках и совершая различные маневры ногами.

Как только они подходят к мату, они внезапно опускаются, берут мечи и выполняют движения настоящего боя, скрещивая мечи, наступая, отступая, рубя друг друга, опускаясь на колени в один момент, как бы собирая силы, а затем поднимаясь с новой энергией. Оба танцора предварительно изучили и отработали различные движения, каждое из которых они выполняют одновременно.

Иногда танец с мечом исполняется не только со щитом, но и с мечом, и об этом танце мистер Марриат написал столь подробный рассказ, что приходится использовать его собственные слова. Гостей спросили, желают ли они увидеть образец военного танца.

"Выразив наши желания утвердительно, заиграла музыка; она состояла из гонгов и том-томов. Малайский гонг, которым пользуются и даяки, похож на яванский, толстый, с широким ободом, и очень отличается от гонга китайцев. Вместо звенящего звука последнего он издает приглушенный звук глубокого тона. Гонг и том-том используются даяками и малайцами на войне, а также для подачи сигналов ночью, причем даяки приобретают их у малайцев. Я сказал, что музыка поразила, ибо, как ни грубы были инструменты, они модулировали звук и так замечательно держали время, что это было совсем не гармонично.

"В центре дома освободилось место, и двое самых старых воинов вышли на него. Они были одеты в турбаны, длинные свободные куртки, пояса вокруг талии спускались к ногам, а к лодыжкам были прикреплены маленькие колокольчики. Они начали с того, что сначала пожали руки радже, а затем всем присутствующим европейцам, тем самым дав нам понять, как нам объяснили, что танец должен рассматриваться только как зрелище, а не восприниматься в прямом смысле, как подготовка к нападению на нас, и в этом мы с ними полностью совпали.

"Закончив эту церемонию, они бросились в центр и издали самый неземной крик, затем, встав на одну ногу, описали круг другой, одновременно вытянув руки, как крылья птицы, а затем встретились ладонями, хлопая ими в такт музыке. Через некоторое время музыка стала

громче, и внезапно наши уши пронзил вой всех присутствующих туземцев, присоединившихся к ужасному боевому кличу. Затем движения и крики танцоров стали еще более неистовыми, и все дошло до состояния возбуждения, под влиянием которого оказались даже мы.

"Внезапно в комнату, и без того слишком теплую от множества людей, проник очень неприятный запах. Мы невольно зажали носы, гадая, в чем может быть причина, когда поняли, что один из воинов вышел в центр и подвесил вокруг плеч каждого танцора по человеческой голове в широкопряденой корзине из ротанга. Эти головы были взяты во время недавнего дела Сакаррана, и, следовательно, им было не более двух недель. Они были заключены в широкую сеть из ротанга и украшены бусами. От них исходил невыносимый запах, хотя, как мы обнаружили после осмотра, когда их повесили на стену, они частично запеклись и были совершенно черными. Зубы и волосы были совершенно безупречны, черты лица несколько сжаты, и в целом это были очень хорошие образцы маринованных голов; но нашим достойным друзьям требовалось получить от новозеландцев урок искусства консервирования.

"Появление голов стало сигналом к тому, чтобы музыка заиграла громче, боевые кличи туземцев стали энергичнее, а крики танцоров - пронзительнее. Теперь их движения стали более быстрыми, а возбуждение - соразмерным. Глаза блеснули с небывалой яркостью, пот струился по лицам; и так с каждой минутой крики, танцы, гонги и том-томы становились все быстрее и яростнее, пока танцующие воины не были готовы упасть. Окружающие воины издали прощальный вопль с ударением; тут же музыка прекратилась, танцоры исчезли, и на смену бурному волнению и шуму пришла мертвая тишина.

"Волнение было таким сильным, что, когда все закончилось, мы сами еще некоторое время задыхались, пытаясь восстановить дыхание. Мы снова зажгли наши чероки и некоторое время курили трубку мира.

"Прошло четверть часа, и начались приготовления к еще одному боевому танцу. Его исполнили двое сыновей раджи, те самые юноши, о которых я уже упоминал. Они вышли вперед, каждый из них держал на руке один из больших дякских щитов, а в центре расчищенного пространства на полу лежали два длинных меча. Была проведена описанная церемония рукопожатия, предшествующая предыдущему танцу; затем зазвучала музыка, и они вышли на арену.

"Сначала они ограничились защитными упражнениями, с удивительной быстротой перебегая с одной стороны на другую, держа щиты перед собой, падая на одно колено и совершая различные подвиги. Через некоторое время каждый из них взял в руки по мечу, и тут началось весьма примечательное зрелище, доказавшее, какими отвратительными противниками они должны быть в одиночной схватке. Удары во всех направлениях, финты всех мастей наносили оба, но неизменно получали по щиту. Какими бы громоздкими ни были эти щиты, в них не оставалось ни единого отверстия; отступая, преследуя, уклоняясь и нанося удары, тело никогда не оставалось незащищенным.

"Время от времени во время этого представления окружающие воины издавали боевой клич, но бойцы хранили спокойствие; фактически, они не могли позволить себе открыть рот, чтобы не проделать отверстие. Это было очень виртуозное представление, и мы были в восторге от него".

Довольно любопытный танец наблюдал мистер Бойл на одном из пиров, о котором сейчас расскажет. Сначала два вождя взяли по мечу и начали маньячный танец, который должен

был быть очень внушительным, но получился очень смешным, потому что оба были слишком сильно опьянены, чтобы сохранять равновесие, и, будучи противоположных темпераментов в своих чашах, один был веселым, а другой - угрюмым.

По окончании этого представления один высокий вождь вышел вперед с кнутом, похожим на кошачий девятихвост, другой - с человеческой головой, и эти двое стали гоняться друг за другом по веранде здания. Вскоре вождь с головой остановился и, подняв одну ногу в воздух, начал медленно пируэтировать, раскачивая голову вперед-назад, а вождь с хлыстом энергично хлестал зрителей и издевательски смеялся над каждым ударом.

Через некоторое время эти артисты слишком устали, чтобы продолжать выступление без подкрепления, и их место заняли четыре или пять человек, которые несли деревянные бруски с пером на каждом конце. Иностранные гости приняли эти предметы за каноэ, но им сказали, что это рога носорога, и все компетентные судьи сочли их прекрасными произведениями искусства. Вдруг забили в гонги, и над массой людей появились мечи, головы, носорожьи рога и кошачьи-девятихвостые хвосты в изобилии, причем даяки в это время были полубезумны от возбуждения.

Примечательно, что в этой дикой сцене не было причинено никакого вреда, не было нанесено ни одного удара в гнев, не произошло ни одной ссоры. Декорум сохранялся на протяжении всего праздника, хотя ни один из веселящихся не был трезв, и тогда, как замечает мистер Бойл, "сцена, которая, согласно всем прецедентам, должна была быть отвратительной, оказалась приятно забавной".

Этот пир был очень хорошим примером празднества диаков. Его проводил вождь Гасинг, который был великолепно одет по этому случаю в старый консульский мундир, обшитый золотыми галунами, на голове - драгунский шлем, повязанный платком, на лбу - медный полковой нагрудник, а на груди - пластинчатая крышка супницы. Эта супница, кстати, была самой ценной из вещей Газинга, и ей безумно завидовали все соседние вожди. Будучи высоким и худым мужчиной, его обнаженные худые желтые ноги, видневшиеся из-под всего этого великолепия, производили потрясающий эффект.

Он тщательно подготовил свой длинный дом к празднику. По краю веранды он установил бамбуковые перила - необходимая мера предосторожности от несчастных случаев, ведь веранда находилась на значительной высоте от земли, и ожидалось, что все гости будут очень неустойчиво стоять на ногах, даже если они вообще смогут стоять. От верха перил до карниза веранды он набросал множество полотнищ, чтобы сидевшие под ними вожди могли укрыться от солнечных лучей.

К этому празднику Газинг готовился уже несколько месяцев, полуголая, чтобы собрать необходимое количество провизии, и, скорее всего, оказался в долгах еще до завершения приготовлений. К несчастью для английских гостей, запах даякской кухни отнюдь не приятен, а один из их любимых продуктов, фрукт под названием дуриан, источает самый невыносимый запах, так что, если бы они не были снабжены большим количеством табака, им пришлось бы удалиться с места событий.

Даяки жарят птиц, не удаляя перьев, разрывают их по суставам и так едят. Они питают необыкновенную симпатию к продуктам, находящимся в почти гнилом состоянии, таким как рыба или моллюски, находящиеся на стадии разложения, яйца, почерневшие от старости, и гнилые фрукты, главным из которых является дуриан, пахнущий как все остальные блюда вместе взятые, но со своим собственным специфическим ароматом. Даже иностранцы

научились любить дуриан, но они не обнаружили, что он акклиматизирует их к плохим яйцам, подгоревшим перьям и очень высокой рыбе.

Этот весьма примечательный фрукт размером с орех какао, слегка овальный, покрыт толстой, жесткой кожурой, вооруженной острыми, короткими и крепкими шипами, основания которых касаются друг друга. Кожица настолько прочная, что даже при падении, как это всегда бывает в спелом виде, со значительной высоты, она не ломается, а шипы настолько острые и твердые, что, если дуриан падает на человека, он наносит ему очень тяжелую рану и вызывает большую потерю крови.

По возможности его едят свежим, как только он упадет с дерева, но часто его готовят еще зеленым, а когда его особенно много, консервируют в банках с помощью соли. В таком виде его естественный запах очень сильно усиливается, и одного открытия банки с консервированным дурианом достаточно, чтобы выгнать из комнаты незнакомого человека.

Мистер Уоллес очень интересно рассказывает о дуриане, упоминая, что, хотя некоторое время запах фрукта совершенно не давал ему попробовать его, однажды он нашел спелый дуриан, только что упавший с дерева, преодолел свое отвращение к фрукту, попробовал его, съел и с того момента стал убежденным едоком дуриана. В следующем отрывке приводится его описание специфического вкуса дуриана: - "Пять клеток атласно-белого цвета.

"Пять ячеек внутри атласно-белые, и каждая заполнена овальной массой мякоти кремового цвета, в которой находятся два или три семени размером с каштан. Эта мякоть и является съедобной частью, а ее консистенция и вкус не поддаются описанию. Насыщенный, похожий на масло заварной крем, сильно ароматизированный миндалем, дает наилучшее общее представление о нем, но вместе с ним приходят ароматы, вызывающие в памяти сливочный сыр, луковый соус, коричневый херес и другие несочетаемые вещи.

"Затем в мякоти появляется богатая клейкая гладкость, которой нет ни у чего другого, но которая добавляет ей изысканности. Она не кислая, не сладкая, не сочная, но при этом не чувствуется недостатка ни в одном из этих качеств, потому что она совершенна, как она есть. Он не вызывает тошноты или других неприятных ощущений, и чем больше его ешь, тем меньше хочется останавливаться. На самом деле, есть дуриан - это новое ощущение, ради которого стоит отправиться в путешествие на Восток".

Мистер Уоллес, подводя итог достоинствам различных фруктов, с которыми мы знакомы, говорит, что если бы ему пришлось остановиться только на двух, которые представляли бы собой само совершенство вкуса и освежающих качеств, он выбрал бы дуриан и апельсин, которые он называет королем и королевой фруктов.

Их национальный напиток, называемый "туак", достойно сочетается с яствами. По цвету он напоминает негустое молоко, а его запах убедительно сравнивают с запахом пятисот негров, напившихся в рабском загоне. Тот же путешественник, укрепив свое нёбо крепким табаком, выпил немного жидкости в честь хозяина и дал очень яркое описание ее вкуса. При первом приеме в рот она производит впечатление какао-орехового молока, ставшего очень кислым и содержащего в растворе значительное количество коричневого сахара и старого сыра. При проглатывании жертва испытывает удушающее ощущение, как будто жидкость загущена крахмалом и большим количеством сильнейшего кайенского перца, а общий эффект, производимый на новичка, сравним не с чем иным, как с очень сильным приступом морской болезни.

Как ни странно, эта отвратительная жидкость прочно держится на трех миллионах человеческих существ, которые не могут представить себе большей роскоши, чем привилегия пить ее без ограничений. На их пирах она хранится в огромных кувшинах для купания, ее разносят во всевозможных сосудах, которые постоянно опустошают и отправляют обратно, чтобы пополнить запасы, так что от больших кувшинов к ним непрерывно идет поток полных и пустых сосудов.

Даже если бы воины, приглашенные на праздник, были склонны к трезвости, их заставили бы пить женщины, которые, кажется, считают себя обязанными довести каждого мужчину до полного опьянения. Ни одна европейская Делайла не знает своей силы сделать дураком сильного мужчину лучше, чем одна из этих сирен Дьяка, и не более склонна проявлять свои чары".

"Присутствие женского элемента вскоре ощущалось в шуме и неразберихе, которые, казалось, только усиливались. Некоторые из девушек были настолько очаровательны, что могли оправдать увлечение своих жертв, и не стоит говорить, что самые красивые из них были наиболее виновны. Но уродливые или красивые, старые или молодые, все они мгновенно применяли свои самые хитроумные приемы, чтобы заманить самых храбрых и знаменитых воинов пить и пить снова.

"Мы видели, как маленькая красавица любовно усадила себя рядом с высоким парнем с простым лицом и честными глазами, которого она уговаривала выпить из большого кувшина, поднесенного к его губам, пока он не упал задом на пол. Достигнув этой удовлетворительной развязки, его мучительница, которая, как мы слышали, была с ним в браке, побежала со смехом, чтобы привести еще семь таких же озорных несчастных, как и она сама, чтобы поиздеваться над побежденным любовником. Возлагая надежды на спорт более высокого порядка, она вскоре после этого принесла свой кувшин на то место, где мы сидели, надеясь, без сомнения, ввести белых людей в то же состояние, что и другие ее поклонники; но в Европе мы привыкли противостоять более опасным чарам, и она оставила эту попытку в отчаянии".

Мистер Сент-Джон упоминает, что мужчины ничуть не отстают от женщин в своих попытках соблазнить гостей до опьянения, и их главная гордость - напоить как можно больше туака, выпить свою долю и остаться сравнительно трезвым, в то время как все их гости лежат расprostертые и бесчувственные. На самом деле, если заменить пунш и портвейн на туак, а открытую веранду на закрытую столовую, то между гостеприимством нынешнего вождя племени диаков и гостеприимством среднего английского сквайра прошлого века практически нет разницы.

Например, вождь, гордящийся своей крепкой головой, будет сидеть перед огромным кувшином с туаком и закладывать всех вокруг. За каждого, кому он служит, он выпивает одну чашку сам, и его амбиция - сохранить свое место после того, как все его спутники потеряют сознание. Конечно, невозможно, чтобы один человек мог выпить одинаковое количество с десятью или двенадцатью другими, и, скорее всего, он наливает им туак так быстро, что они вскоре становятся неспособны видеть, пьет ли их хозяин или нет. Они очень гордятся тем, что на следующее утро были свежими, и хвастаются, что, хотя у их гостей, принадлежащих к другому племени, были сильные головные боли, сами они не страдали ничем.

Отчасти именно благодаря этой гордости девушкам удается заставить мужчин пить в тех количествах, о которых уже говорилось, и они получают такое удовольствие от использования своей власти, что не упускают ни одной возможности, которая выпадает на

их пути, и продолжают свои прихоти даже тогда, когда нет никакого определенного праздника.

Однажды, когда мистер Сент-Джон путешествовал от сибуйнских даяков к букарам, он и его проводники были приняты, как обычно, в главном доме. Пока английские гости занимались своим туалетом, две молодые девушки-даячки очень осторожно поднялись по лестнице и проскользнули в комнату. Как читатель помнит, головной дом - это зал холостяков, и, следовательно, девушкам там делать было нечего. Поэтому, сделав вид, что не заметили их, белые мужчины продолжили свои туалеты и спокойно наблюдали за их действиями.

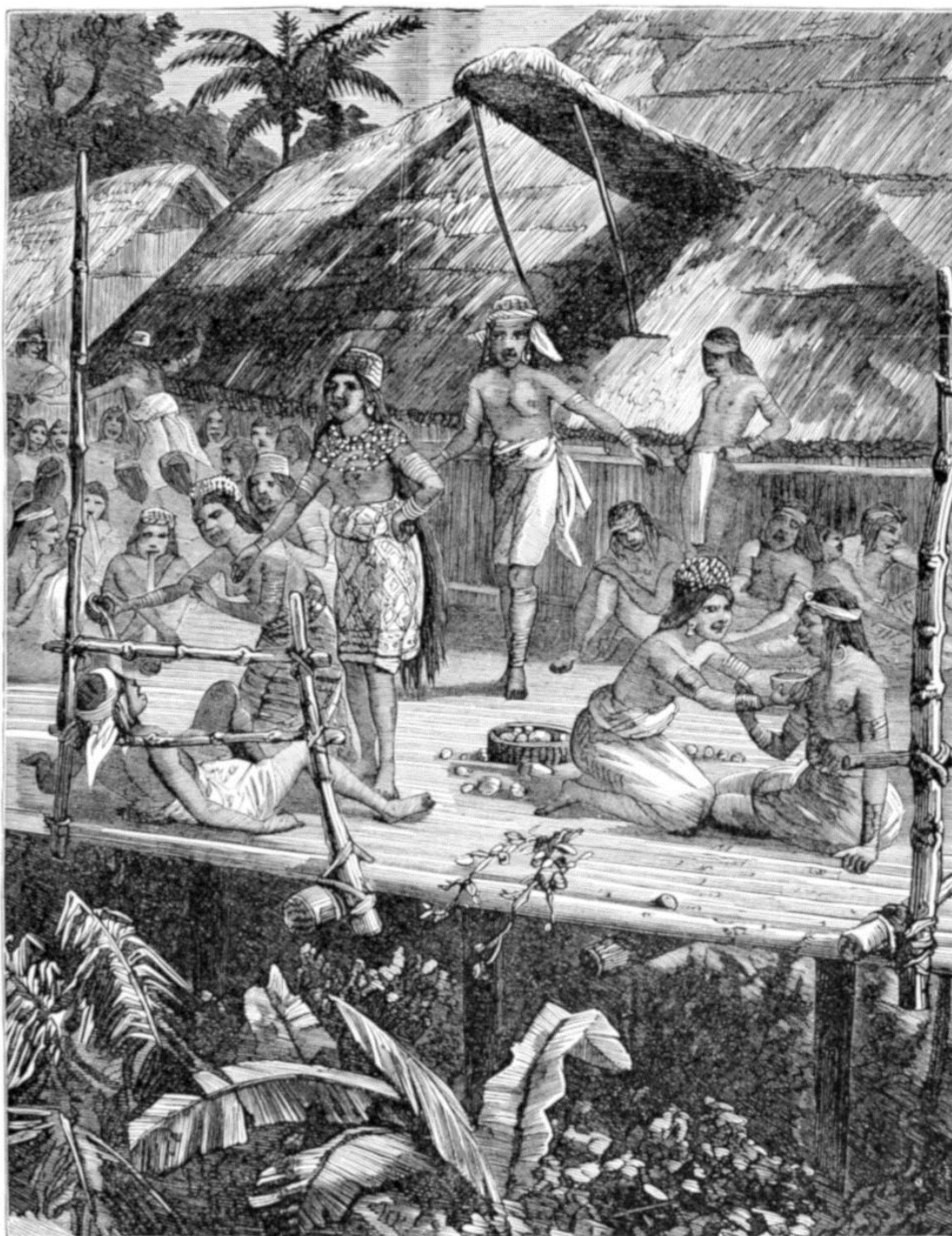
Две девушки, с опаской взглянув на незнакомцев и решив, что их не заметили, направились к проводникам-даякам, у каждой в руках была огромная миска свежего туака, которую они предложили гостям. Молодые люди, зная о своей цели, отказались пить и тем самым навлекли на себя целую батарею смешанных уговоров и упреков. Прежде всего их умоляли не причинять девушкам позора, отказавшись от подарка, и заставить их забрать его обратно, чтобы над ними смеялись все их друзья.

Не выдержав уговоров, ласк и слов, они попробовали применить насмешки, и их издевательства увенчались успехом там, где не помогли уговоры. "Что! - говорили они, - неужели сибуйцы настолько слабоумны, что боятся пить букар туак?" Это очень задело гостей. Сибуйцы особенно гордятся крепостью своих голов и туака, и отказ пить был равносителен признанию неполноценности в обоих отношениях. Поэтому они подносили огромные чаши к губам, и им не давали покоя, пока они не осушали последние капли, когда их искусители со смехом убегали, зная, что через очень короткое время две их жертвы потеряют сознание.

Удивительно, что женщины племени диаков, большинство из которых вообще не пьют, а очень немногие пьют даже умеренно, получают такое удовольствие от того, что заставляют мужчин опьянеть. Молодые девушки - самые успешные искусительницы. Они пользуются своей молодостью и красотой и используют все свои чары, чтобы склонить мужчин к выпивке. От них не застрахован ни один мужчина.

Их братья, друзья и даже суженые, как мы видели, становятся жертвами их соблазнов. Они заигрывают с совершенно незнакомыми людьми, затевают флирт и, подобно Цирцее, осыпают их всеми своими чарами, пока не доведут своих беспомощных поклонников до состояния, мало чем отличающегося от состояния мифологической свиньи. Даже после того, как мужчины опускаются на землю и не могут поднести чашу к губам, женщины считают свою задачу не до конца выполненной и вливают туак в глотки беспомощных мужчин. На картине "[Пиршество даяков](#)", которую художник так тонко нарисовал на противоположной странице, показаны привлекательность и наряды этих восточных сирен.

Однако, несмотря на то, что в таких случаях они предаются полному пьянству, даяки - трезвая раса, и, за исключением этих праздников или когда их окружают женщины, они отличаются особой умеренностью, а бетель-орех заменяет им все опьяняющие напитки.

ПРАЗДНИК ДЬЯКА.
(См. с. 1145, 1146.)

ГЛАВА XXVIII. *Борнео - продолжение.* АРХИТЕКТУРА-ПРОИЗВОДСТВО.

ВОЗДУШНЫЕ ДОМА - ДЛИННЫЙ ДОМ И ЕГО УСТРОЙСТВО - КОМНАТА ОРАНГАКОМНАТА
КАЙЯ - УСТРОЙСТВО ПОЛОВ - ПРИЧИНЫ АРХИТЕКТУРЫ ДАЯКОВ - ПАЛЬМА НИПА И ЕЕ

ПРИМЕНЕНИЕ - АТАПЫ - ПРОИЗВОДСТВО СОЛИ И САХАРА - ВОЗВЕДЕНИЕ ПЕРВОГО СТОЛБА - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ - СТРОИТЕЛЬСТВО МОСТА ДАЯКОВ - УЗКИЙ ПРОХОД - ПРОИЗВОДСТВО - ТОПОР АДЗЕ У ДАЯКОВ - ЕГО АНАЛОГИЯ С ТОПОРОМ БАНЬЯЙ - ВЫПЛАВКА И КОВКА ЖЕЛЕЗА - ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН - ЦИНОВКА ДАЯКОВ - РАСЩЕПЛЕНИЕ РОТАНГА - БОРНЕЙСКИЙ НОЖ, И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - СВЯЩЕННЫЕ КУВШИНЫ И ИХ СВОЙСТВА.

Архитектура даяков очень своеобразна. На странице 1153 читатель найдет изображение [деревни даяков](#).

Прежде всего, все дома построены на столбах, некоторые из них высотой в двадцать футов, и попасть в них можно, взобравшись на зазубренный шест, который выполняет функцию лестницы. Главным жилищем в каждой деревне, да и практически в самой деревне, является длинный дом, который отличается удивительно большими размерами. Один из таких домов, измеренный мистером Сент-Джоном, был более пятисот тридцати футов в длину, и в нем проживало около пятисот человек.

По всей длине дома проходит широкая веранда или общая комната, которая открыта для всех членов, а по бокам расположены комнаты, отделенные друг от друга для разных семей; в одном длинном доме иногда можно увидеть до шестидесяти или семидесяти таких комнат. Хотя веранда является общим местом для всего племени, и на ней члены племени занимаются своими различными сидячими занятиями, каждая семья по молчаливому согласию занимает часть веранды напротив своих собственных комнат.

Эти комнаты строго приватны, и никому, кроме членов семьи или их близких друзей, не придет в голову заходить в них. Вождь или оранг-кайя длинного дома имеет гораздо большую комнату, чем остальные, а пространство перед его комнатой считается предназначенным для использования младшими вождями и советниками, и, хотя оно свободно для всех жителей, посещается почти исключительно стариками и воинами с известной храбростью.

Одну из комнат, где обитают оранг-кайя, посетил мистер Бойл, и она оказалась не слишком привлекательной. По обе стороны от входа стоял предмет мебели, чем-то напоминающий старую английскую тарелку, на нижней полке которой лежал плоский камень. Несмотря на страшную жару, на камне горел большой костер, а на стойке лежали дрова, рис, горшки и прочая утварь. Дымохода в доме не было, но в крыше была приподнята заслонка, которую держали открытой с помощью палки с зазубринами. Эта заслонка служила одновременно и окном, и трубой, и когда ее закрывали, в комнате царила полная темнота, помимо того, что она сразу же наполнялась дымом.

Высота помещения едва достигала семи футов, а пространство еще больше ограничивалось оружием, кушаками, циновками, москитными занавесками, вязанками кабаньих клыков, фартуками и прочим имуществом, которое свисало со стропил. По бокам было расставлено множество английской и голландской посуды, каждая вещь находилась в отдельной ротанговой корзине, подвешенной к стене. Дом был старым, запах стоял отвратительный, и в целом покои Оранг-кайя были крайне неудобным жилищем.

Вдоль веранды расположено несколько каминов, в зависимости от численности населения дома, и, как правило, с обоих концов установлена одна из примитивных лестниц, уже упоминавшихся, так что, когда посетитель входит в дом, он видит его по всей длине; обзор прерывается только столбами, которые после поддержки пола поднимаются вверх и служат также для поддержки крыши. За пределами этой веранды находится еще одна, называемая

внешней верандой. Она не имеет крыши и открыта палящим солнечным лучам. Она используется не для жилья, а в качестве склада и сушилки.

Поскольку пол сделан из бамбука, даяки могут легко, по своему желанию, поддерживать чистоту внутри своих комнат. Однако они редко делают это, ограничиваясь простым подметанием полов, чтобы все отбросы попадали под дом. Они никогда не думают о том, чтобы убрать его после того, как он упал, так что постепенно кучи мусора становятся все выше и выше и постепенно уменьшают расстояние между полом дома и почвой под ним. В некоторых старых домах эти кучи мусора выросли до такой степени, что когда свиньи копошатся в них, их спины касаются бамбукового пола дома.

Причин для строительства домов даяков на сваях несколько, главная из них заключается в том, что такой дом служит фортом в случае нападения. Обычай строить на сваях распространен повсеместно, но только те племена, которые подвержены вторжениям, используют сваи такой высоты, о которой говорилось выше. Такой способ архитектуры также защищает жителей от наводнений и от вторжения рептилий. Даяки не используют лук и стрелы, и до того, как они научились пользоваться огнестрельным оружием, дом, построенный на сваях высотой около двадцати или тридцати футов, представлял собой очень надежную крепость, которую нельзя было обстрелять и которая подвергала штурмующих определенным и тяжелым потерям. Даже с тех пор, как англичане поселились на Борнео, некоторые из этих домов, принадлежавших восставшим вождям, доставляли немало хлопот, прежде чем их удавалось захватить; артиллерия оказалась единственным оружием, которому они сразу же поддавались.

Сваи сделаны из самого твердого железного дерева и очень толстые, гораздо толще, чем требуется для поддержки дома. Причина такой прочности и толщины заключается в том, что в случае нападения нападающая сторона бросается под дом, защищаясь от ракет каноэ, которое они переворачивают килем вверх и держат над головой, пока рубят столбы, чтобы обрушить дом и его защитников вместе. Если столбы в меру прочные, то иногда им это удается; если же они очень толстые и крепкие, то защитники могут снять часть пола и набросить на нападающих груз, достаточно тяжелый, чтобы пробить крышу и убить их.

Вероятно, обычай строить дома на сваях частично заимствован из малайской моды возводить здания над водой. Даяки скопировали этот план и настолько привыкли к нему, что, построив дом в глубине страны, все равно продолжили эту практику. Та же теория объясняет уже упомянутую привычку выбрасывать всевозможные отбросы через открытый бамбуковый настил. Этот обычай был достаточно чистым, когда дома строились над водой, но стал источником полного загрязнения, когда они были возведены на суше, и отбросы стали скапливаться внизу, не тревожимые ни собаками, ни свиньями.

Большинство этих домов построено довольно высоко над реками, особенно над притоками; через поток под ними закреплены боны из бамбука и раттана, чтобы препятствовать продвижению вражеских каноэ. Тент, как и значительную часть материала, получают из пальмы нипа - дерева, которое для борнейцев является почти необходимым условием существования и обеспечивает огромное количество их потребностей. Она растет в большом количестве у кромки воды; ее огромные листья, пятнадцать или двадцать футов в длину, выступают, как ветви огромных папоротников.

После высыхания листья сплетаются в своеобразную матовую ткань, называемую "атап", которая используется иногда как солома, иногда как незаменимое покрытие для лодок, а иногда даже как стены домов, причем маты крепятся от столба к столбу. С помощью этих

матов некоторые части крыши можно приподнять на палках в виде люка, чтобы обеспечить двойную цель - пропустить свет и обеспечить вентиляцию.

Из пальмового листа нипа изготавливают различные циновки, а также шляпы и другие подобные изделия. Целый лист часто используется в каноэ в качестве временного паруса: лист крепится вертикально, и лодка движется вперед на очень хорошей скорости. Кроме того, молодые листья нипы употребляют в пищу как овощи, они приятны и питательны, а тонкие внутренние листья, когда их высушивают, скручивают вокруг табака, чтобы получить сигары.

Из корня и стебля делают грубый сахар, который используется для всех общих целей, так как, хотя сахарный тростник растет на Борнео великолепно, туземцы рассматривают его только в свете сладкого мяса. Кажется довольно странным, что из одного и того же растения добывают сахар и соль, но это действительно так, и производство соли является одним из основных занятий некоторых племен.

Они собирают большое количество корней нипы и сжигают их. Затем пепел собирают вместе и бросают в неглубокие кастрюли, наполовину заполненные водой, так что соль растворяется и остается в воде, а древесный уголь и древесные частицы плавают на поверхности и могут быть удалены. Когда вода станет прозрачной, кастрюли ставят на огонь и сгоняют воду путем выпаривания, после чего соль, которая остается на дне и стенках кастрюль, соскабливают. Соль грубая и горькая, но она очень нравится туземцам, и даже европейские поселенцы вскоре привыкают к ней. Соль в основном импортируется из Сиамы, но борнейцы предпочитают для домашнего использования соль собственного производства, а сиамскую соль используют для консервирования рыбы.

Нипа и мангровые деревья растут в одинаковых местах и на одних и тех же ручьях, и они полезны для тех, кто занимается подъемом рек, так как они знают, что там, где растет мангровое дерево, вода всегда мелкая, а возле нипы - глубокая.

В старые времена, когда строился длинный дом, возведение первого столба всегда сопровождалось человеческим жертвоприношением, точно так же, как это было описано в некоторых других частях света. Мистер Сент-Джон видел один из таких домов, где было совершено человеческое жертвоприношение. В земле была вырыта глубокая яма, и огромный столб, который, как читатель может помнить, вырезается из ствола самого твердого и тяжелого дерева, которое только можно найти, был подвешен к ней на ротанговых плетях. На дно ямы клали девочку, и по сигналу спускали плети, позволяя столбу опуститься в яму и раздавить девочку на куски.

Тот же путешественник видел церемонию у квоп-дьяков, которая показала, что принцип жертвоприношения все еще сохранился, хотя жертва была другого характера. Строитель хотел установить флагшток возле своего дома и действовал точно по такому же плану. Был сделан котлован, шест подвешен на ротанге, но вместо человека на дно ямы положили птицу, чтобы она разбилась насмерть, когда перережут плети.

К этим домам часто ведут мосты, которые представляют собой очень любопытные конструкции, настолько хрупкие, что, кажется, не могут выдержать вес человека, и настолько легкие, что для их преодоления, похоже, требуется мастерство канатного танцора. Поскольку эти дома часто строятся на склоне крутого холма, от платформы к холму прокладывается шест, который, если он достаточно длинный, поддерживается несколькими ротанговыми веревками, прикрепленными к деревьям. Чуть выше него крепятся очень легкие бамбуковые перила, и мост считается законченным.

Один из таких простых мостов показан на [иллюстрации № 2](#) на странице 1153, которая дает хорошее представление о высоте дома и его общем архитектурном стиле. На переднем плане изображен человек, занимающийся разведением огня путем накручивания одной палки на другую, точно так же, как это делают кафиры и другие дикие племена. Однако есть одно усовершенствование обычного способа. Вместо того чтобы просто заставлять заостренную палку вращаться на другой, даяки используют вместо нижней палки толстый кусок очень сухого дерева, на одной стороне которого вырезан глубокий паз, а на другой - небольшое отверстие, просверленное до паза.

Когда даяк хочет добыть огонь, он кладет деревянную плиту на землю так, чтобы паз находился внизу, вставляет свою заостренную палку в маленькое отверстие и быстро вертит ее между ладонями. В результате вращения палки через паз проходит поток воздуха, и огонь быстро разгорается, как только древесина нагревается до нужной степени. Благодаря такому устройству экономится много труда, так как мастеру не приходится останавливаться, чтобы дуть на только что разгоревшуюся пыль, которая скапливается в маленьком отверстии вокруг палочки. Некоторые племена просто вырезают два поперечных паза на нижнем куске дерева и вставляют острие палочки в их пересечение.

У сарибасов и сакаррангских даяков есть весьма примечательный инструмент для добывания огня, называемый ими "беси-апи". Он состоит из металлической трубки длиной около трех дюймов, в которой находится поршень, работающий почти герметично. В трубку вставляется кусочек сухого вещества в виде золы, шток поршня резко опускается вниз и вынимается рывком, когда видно, что зола горит. Европейцы считают, что управлять besi-ari так же сложно, как добывать огонь с помощью двух палочек. Читатель, возможно, помнит, что машина подобной конструкции продается у производителей философских инструментов, и что кусок немецкой золы загорается от внезапного сжатия воздуха.

Другая форма besi-ari описана г-ном Бойлом: "Среди некоторых племен даяков существует способ добывания огня, гораздо более необычный. В качестве инструмента используется тонкий кубик из свинца, который плотно прилегает к корпусу из бамбука. Верхняя часть куба выдолблена в чашечку, и когда требуется огонь, в эту чашечку насыпают золу, свинцовый поршень держат вертикально в левой руке, бамбуковый корпус резко опускают на него, так же быстро вынимают, и оказывается, что зола зажжена. Туземцы говорят, что никакой другой металл, кроме свинца, не даст такого эффекта".

Тот же путешественник рассказывает о другом способе получения огня: "Еще одно интересное явление продемонстрировали нам туземцы, которое, хотя, несомненно, легко объясняется с помощью научных принципов, выглядит очень примечательно. Когда мы сидели на веранде, моя свирель погасла, и я попросил одного из даяков, сидевших на корточках у нас под боком, дать мне огонь.

"Он взял из своего ящика с бамбуком кусок кувшина и небольшую щепоть; положив последнюю на кувшин и держа его под большим пальцем, резко ударил по бамбуку, и мгновенно предложенная мне щепоть загорелась. Впоследствии мы несколько раз наблюдали, как они добывали огонь таким способом, но так и не смогли придумать разумную теорию для такого результата".

Даже через реки перекинуты мосты таким же простым, но действительно эффективным способом, как и подходы к домам. Горные потоки сильно различаются по глубине и скорости, и нередко сильный дождь поднимает реку на сорок футов в ее глубоком и

каменистом русле, и даже после одного сильного ливня броды становятся непроходимыми. Вследствие этой неопределенности даяки перебрасывают через пропасти такие мосты, которые описывает мистер Сент-Джон: "Как легки и изящны эти подвесные мосты.

"Как легко и элегантно выглядят эти подвесные мосты! Один, в частности, я попытаюсь описать. Это была широкая часть потока, и два прекрасных старых дерева нависали над водой друг напротив друга. Длинные бамбуки, скрепленные между собой, составляли основную часть и крепились более мелкими к ветвям наверху; с обеих сторон были добавлены перила для большей прочности и безопасности, но все это выглядело таким хлипким и находилось так далеко над потоком, что, когда мы увидели, как по нему прошли женщина и ребенок, мы затаили дыхание, пока они не оказались в безопасности на другой стороне. И все же мы знали, что они в безопасности.

"Я и сам часто переходил через них; они шириной с бамбук, но боковые перила придают уверенности. Несчастные случаи случаются, когда по неосторожности ротанговые плетни гниют. Однажды, когда мне не хватало времени, я быстро перебирался через них со многими людьми, следовавшими за мной, когда они начали неприятно раскачиваться, и раздался треск, треск, треск, когда несколько опор подались. Большинство моих людей, к счастью, находились не в центре и, уцепившись за ветки, освободили мост от своего веса, иначе те, кто был со мной в середине, были бы сброшены на камни внизу. После этого мы всегда проходили по одиночке по таким запущенным мостам".

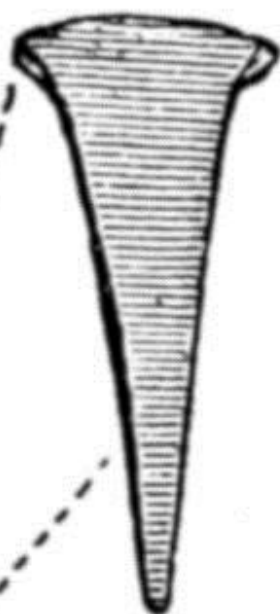
Домашнее производство даяков находится на очень высоком уровне и демонстрирует прекрасный художественный вкус. Способ постройки каноэ уже упоминался, но главный инструмент изготовителя каноэ слишком любопытен, чтобы обойти его вниманием. Это орудие необычайно изобретательно, сочетая в себе целый ряд достоинств. Общий вид его можно увидеть, обратившись [к иллюстрации](#), которая сделана с образца, подаренного мне К. Т. К. Грантом, эсквайром.

На первый взгляд, это самый незначительный инструмент, едва ли достойный рук ребенка; и все же, когда им орудует даяк, он дает самые замечательные результаты. Длина рукоятки составляет всего десять дюймов, а лезвие в самой широкой части едва достигает дюйма с четвертью. Рукоятка состоит из двух частей, соединенных крепкой перевязью из ротанга, скрепленной цементом. Нижняя часть, изогнутая точно так же, как рукояти мечей даяков, сделана из мягкого и легкого дерева, а верхняя часть, несущая головку, - из твердого, прочного и в меру упругого дерева.

1

2.

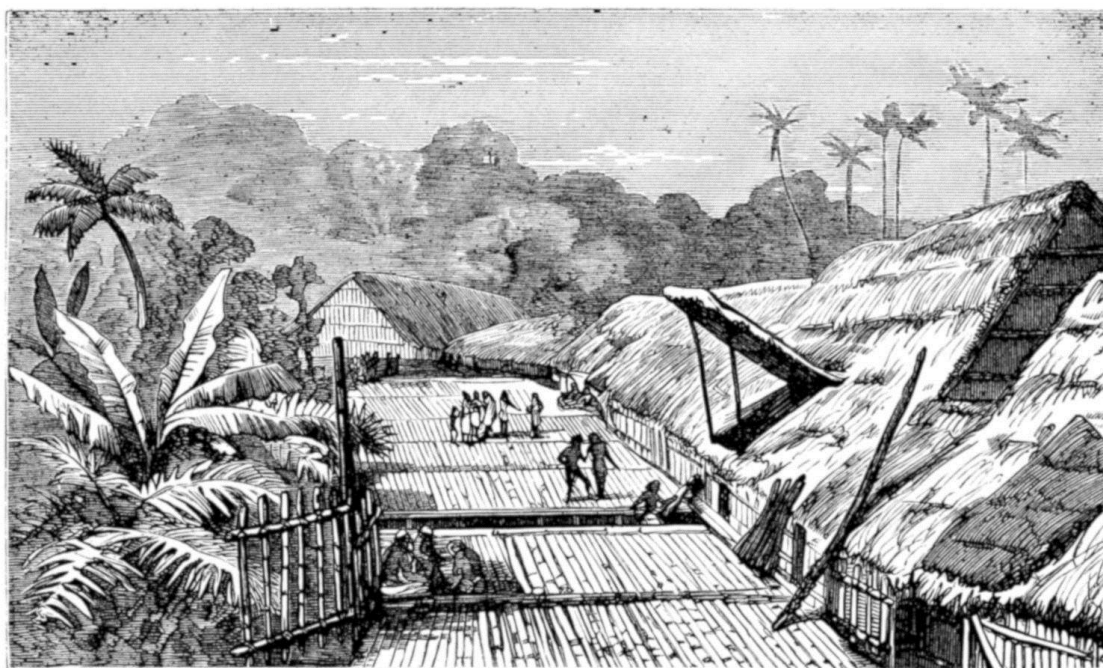

АДЗЕ-АКСЕ.

Головка сделана из железа, в основном импортного, и, по всей вероятности, сформирована по образцу каменного орудия, бывшего в употреблении. Как видит читатель, она крепится к дереву ротангом, точно так же, как каменные головки полинезийских топоров удерживаются на своих местах плетеными шнурами из синнета.

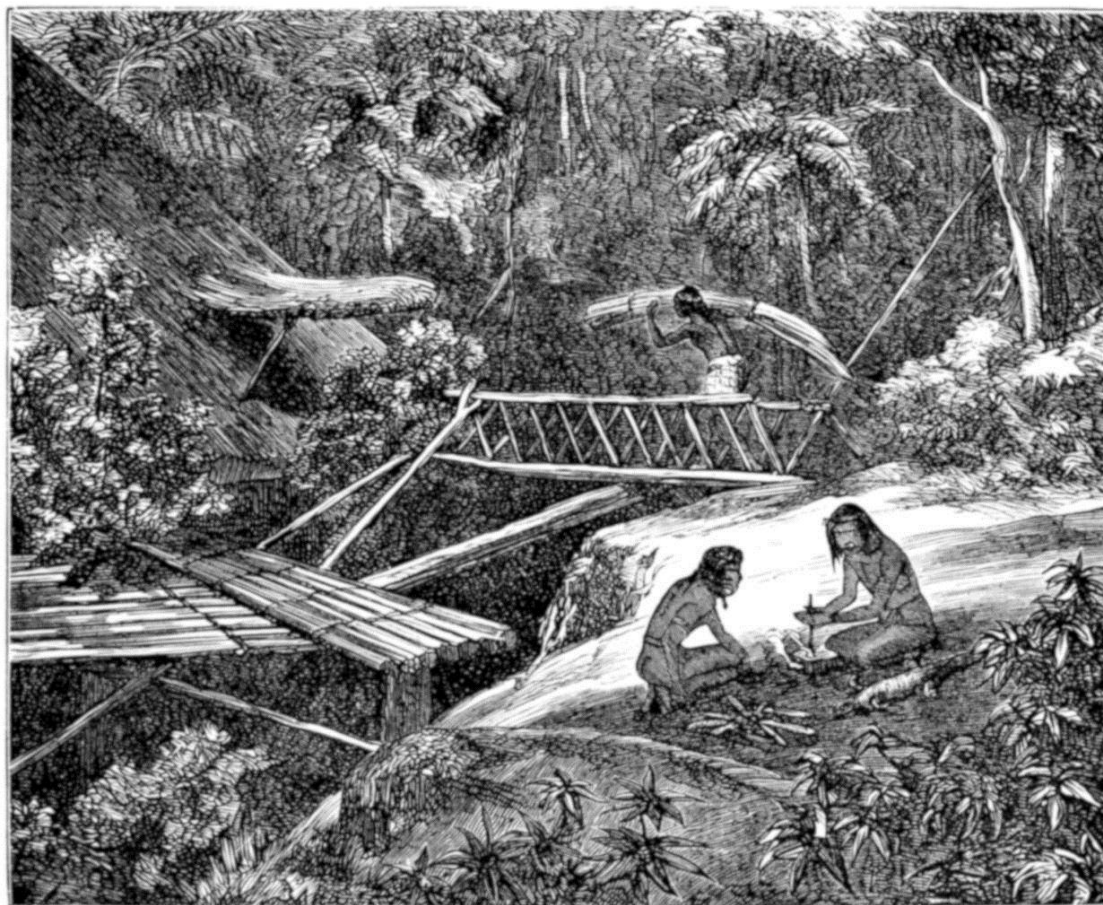
Но на этом сходство заканчивается. Головка полинезийского топора неподвижна, в то время как суть борнейского топора в том, что головку можно менять по своему усмотрению, вынимая ее из ротанговой плетенки, поворачивая и заменяя, так что она образует топор или клещи, в зависимости от желания пользователя. Читатель может вспомнить, что у племени баньай на юге Африки есть топор, сделанный по аналогичному принципу, хотя в их случае разворот осуществляется путем прорезания отверстий под прямым углом друг к другу, через которые можно пропустить хвостовик железной головки. (См. с. 364, рис. 4, 5.)

С помощью этого крошечного инструмента даяки не только формируют свои доски, но и рубят самые большие деревья с быстротой, с которой едва ли может сравниться английский рабочий, несмотря на превосходство его топора. У них очень любопытный метод очистки участка земли от древесины. Сначала они срубают весь подлесок своими парангами, или колунами, а затем своими маленькими топориками перерубают большие деревья более чем наполовину, оставляя самое большое до последнего. Затем это дерево валят, и, поскольку все деревья связаны между собой раттанами и другими ползучими растениями, при падении оно обрушивает все остальные.

(1.) ДЕРЕВНЯ ДЬЯКОВ.

(См. [стр. 1149.](#))

(2.) ДОМ ДАЯКА.
(См. [стр. 1151.](#))

Хотя железо, которое используют даяки, в основном привозное, они способны выплавлять свой собственный металл с помощью очень простого процесса. В качестве тигля они выкапывают в земле небольшую яму и проделывают в ней отверстия, через которые с помощью местных мехов пропускают потоки воздуха. Сначала в яму кладут древесный уголь, затем на уголь укладывают хорошо измельченную руду, и таким образом рабочие-даяки заполняют яму чередующимися слоями угля и руды. Затем через отверстие вводится свет, работают мехи, и через некоторое время металл выплавляется. Хотя каждый мужчина, как правило, способен изготовить свои собственные инструменты на скорую руку, в каждой деревне обычно есть человек, который является профессиональным кузнецом и зарабатывает на жизнь, выковывая наконечники копий и лезвия парангов, а также поддерживая оружие жителей деревни в рабочем состоянии.

Корзины даяков очень хороши, при их изготовлении изучаются как цвет, так и форма. Корзина под названием "тамбок" сделана из пальмового листа нипа, нарезанного на полоски шириной не более двенадцати дюймов и окрашенного попеременно в желтый и красный цвета. Их переплетают таким образом, чтобы получить большое разнообразие узоров, несколько напоминающих те, что используются в саронгах и других тканых изделиях. Почти все эти узоры представляют собой комбинации квадрата, зигзага и ромба; последняя форма, однако, является не чем иным, как квадратом, повернутым по диагонали.

Хотя тамбок имеет цилиндрическую форму, его слегка сплющивают с помощью четырех полосок твердого красного дерева, которые плотно прикреплены к корзине ротанговыми

плетенками. Дно корзины сплющено таким же образом, чтобы приплюснуть ее и дать возможность стоять вертикально, и защищено более толстыми полосками дерева, чем те, что идут по бокам. Крышка защищена двумя поперечными полосками дерева, а крышка и верх корзины укреплены двумя такими же полосками, крепко связанными по краям. Эта корзина очень легкая, упругая, прочная, ее легко переносить, и она полностью оправдывает ту оценку, которую ей дают. Тамбоки изготавливаются почти всех размеров и широко используются даяками, малайцами и европейскими колонистами.

Этот изобретательный народ изготавливает коврики различных видов. Одна из таких циновок, которая находится в моем распоряжении, является прекрасным образцом работы дьяков. Он имеет девять футов в длину и пять в ширину и сделан из ротанга, разрезанного на очень узкие полоски - не шире, чем те, что используются в увеличенных узорах корзины тамбока. Эти полоски переплетены с таким мастерством, что образуют замысловатый и художественный узор. Центр коврика занимает ряд спиральных узоров диаметром два дюйма, которые образуются путем продолжения уже упомянутого зигзага.

Вокруг спиралей расположены три отдельные каймы, каждая с определенным рисунком, и все это окантовано своеобразным селважем, который придает прочность ткани и предотвращает ее разрыв. Этот вид циновки очень долговечен: данный образец долгое время использовался на Борнео, затем был привезен в Англию и использовался в качестве напольной ткани; и, хотя он был порезан в одном или двух местах ножками стула, в целом он такой же прочный, как и в момент изготовления. Поскольку ротанг не был окрашен, цвет циновки - бледно-желтый, но рисунок проступает с удивительной четкостью, как и на хорошем английском столовом белье.

Как и все нецивилизованные люди, даяки никогда не торопятся с производством. Время для них не имеет значения; здесь нет той конкуренции, которая торопит европейских рабочих. Женщины, которые делают эти прекрасные циновки, работают очень неторопливо, переплетая тонкие ротанговые полоски с бесконечной осторожностью, и, конечно, работа получается тщательной и добротной.

Ротанг расщепляется довольно любопытным образом. Благодаря направлению и длине волокон он почти *бесконечно* делится на идеально прямые полоски очень большой длины, так что единственная трудность заключается в том, чтобы нарезать полоски точно такой же ширины. Ножи, с помощью которых выполняется эта задача, весьма своеобразны. Один из них уже был описан на [странице 1125](#), как придаток к борнейскому мечу; но есть и другой, который настолько примечателен, что заслуживает отдельного описания.

Рукоятка согнута под углом, как у паранг-латока, описанного и изображенного [на странице](#), на которую только что была сделана ссылка. Чтобы добиться такого эффекта, рукоятку делают из двух кусков дерева, концы которых скошены, так что при соединении они образуют нужную угловатую форму. Два куска очень аккуратно соединяются вместе, а соединение укрепляется толстым слоем цемента. Рукоятка дополнительно украшена длинным куском латунной проволоки, плотно намотанным вокруг нее, и на конце обработана тем же цементом, что и в месте соединения.

Не только рукоять похожа на рукоять паранга, но и лезвия меча и ножа имеют большое сходство. Лезвие этого ножа было выковано из квадратного стального прута, который был сначала сплюснут, а затем выбит в слегка изогнутую форму, которая так широко используется во всей этой части мира.

Как и в случае с уже описанным ножом для меча, этим инструментом пользуются, положив рукоятку под левую руку и крепко держа лезвие перед собой, в то время как обе руки могут прижимать конец ротанга к краю ножа и таким образом расщеплять его на столько полосок, сколько необходимо. Несмотря на сравнительную грубость производства, которое обходится без финишной и полировки, нож может принимать очень тонкую кромку; а мой собственный экземпляр, после довольно грубого использования, настолько острый, что я только что починил им ручку и разрезал по краю лист нотной бумаги. Длина лезвия этого ножа составляет одиннадцать дюймов.

Чтобы сохранить остроту острия, даяк носит нож в ножнах, сделанных просто из небольшого куска бамбука, закрытого на нижнем конце естественным узлом и тщательно обмотанного с каждого конца ротангом, чтобы предотвратить его расщепление.

Хлопчатобумажные ткани полностью изготавливаются женщинами, начиная с подготовки нити и заканчивая ее плетением. Они выбивают хлопок маленькими палочками и с помощью грубого колеса быстро прядут его в нить. Они не могут конкурировать с английскими производителями по тонкости нити, но по прочности между ними нет никакого сравнения: нить Дьяка прочнее, чем английская, а краска, которой она окрашивается, настолько стойкая, что ни одна ткань не носится так хорошо, как ткань местного производства.

Хотя мы вряд ли можем причислить кувшины даяков к изделиям местного производства, они играют столь важную роль в домашней жизни этих племен, что их нельзя обойти вниманием.

У даяков нет настоящей валюты, и вряд ли их можно заставить понять ее. Они прекрасно понимают прямой бартер, но вторичный бартер с помощью оборотного средства, как правило, не под силу обычному даяку. Он возьмет на рынок какой-нибудь товар, чтобы обменять его на какой-нибудь предмет, который ему нужен; но у него и в мыслях нет продать свой товар за деньги и купить на эти деньги нужный предмет.

Читатель, возможно, помнит, что латунные пистолеты уже упоминались как своего рода валюта. Это не более и не менее чем пушки разных размеров, которые оцениваются по весу и являются своего рода стандартом, по которому измеряются цены, как английский фунт или французский франк. В них сверлят шары весом от одного до двух фунтов, и, хотя они рассматриваются в основном в свете денег, это удобное оружие, способное забросить шар на значительное расстояние. У этого вида валюты есть преимущество. Ее нелегко украсть, и возле домов вождов можно увидеть ряды латунных ружей, лежащих на земле без крепления и обязанных своей сохранностью весу.

Есть у даяков и второй стандарт стоимости. Это кувшин, институт, который, как мне кажется, является уникальным. Эти кувшины сделаны из фаянса и, насколько можно судить по внешнему виду, должны быть китайского производства. Они имеют различные описания и сильно отличаются по стоимости. Самые распространенные кувшины, называемые "нага" или "дракон", стоят около семи-восьми фунтов и получили свое название от грубо нацарапанных на них фигур драконов. Их высота составляет около двух футов. Кувшин Руса, следующий по ценности, стоит от десяти до пятнадцати фунтов, в зависимости от качества, и известен по фигуркам оленей Руса, которые на нем нарисованы.

Но самым дорогим является гуси, который стоит почти любую сумму, которую владелец решит за него потребовать. Кувшин Гуси нельзя назвать ни большим, ни красивым. Он темного оливково-зеленого цвета и высотой около двух футов. Эти кувшины очень дефицитны, и считается, что в среднем они стоят около пятисот фунтов. За кувшин Гуси

платили семь или восемьсот фунтов, а за один или два кувшина такой стоимости предлагали и отказывались от них на многие тысячи фунтов.

Мистер Сент-Джон упоминает о кувшине такого рода, принадлежавшем султану Брунея, главная ценность которого заключалась в том, что он говорил по некоторым великим поводам. Например, султан заявил, что в ночь перед смертью его жены кувшин издавал полые стоны и не переставал извещать его о грядущем несчастье жалостными стенаниями. Этот кувшин хранится в женских покоях и всегда покрыт золотой парчой, за исключением тех случаев, когда он нужен для консультации или для демонстрации его лечебных свойств. Вода, налитая в кувшин Гуси, считается у даяков и малайцев лучшим лекарством от всех болезней, а если ею окропить поля, то можно получить хороший урожай. Поскольку люди готовы дорого платить за эту целебную воду, есть какая-то причина огромной стоимости этих кувшинов.

Говорят, что один из них обладает свойством, которое принадлежит самому себе. Он увеличивал все, что в него клали. Если, например, вечером кувшин наполовину наполнить рисом, то утром он будет почти полным, а если налить в него воды, то через несколько часов глубина увеличится на несколько дюймов. Примечательно, что искусство изготовления этих кувшинов утрачено. Китайцы, какими бы восхитительными подражателями они ни были, всегда терпели неудачу, когда пытались всучить диаку кувшин, изготовленный ими самими.

ГЛАВА СХІХ.

Борнео - завершение.

РЕЛИГИЯ-ЖЕНЩИНЫ-ПОХОРОНЫ.

СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИИ У ДАЯКОВ - ИХ ВЕРА В ВЕРХОВНОЕ СУЩЕСТВО - РАЗЛИЧНЫЕ ПОДЧИНЕННЫЕ БОГИ - АНТУСЫ И ИХ ФОРМЫ - ЛОВЛЯ СБЕЖАВШЕЙ ДУШИ - БУАУ И ЕГО ПРИРОДА - ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ПИЯВОК - ЧАРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ - ПРИМЕТЫ - ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ПТИЦЫ - ПРОСТАЯ ПРИЧИНА РАЗВОДА - ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛИСТ - ИСПЫТАНИЯ НЫРЯНИЕМ, КИПЯТКОМ, СОЛЬЮ И УЛИТКАМИ - ЗАКОЛДОВАННАЯ ВОДА - ЛЮБОПЫТНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ - ПОХОРОНЫ ДАЯКОВ - ДОЛЖНОСТЬ ПОНОМАРЯ.

Религия даяков - очень сложная тема, поскольку сами люди, похоже, имеют о ней весьма смутное представление и не желают делиться теми небольшими знаниями, которые у них есть. Совершенно ясно, что у них есть представление о Верховном Существо, которого они называют разными именами, в зависимости от племени; морские даяки, например, называют его Батара, а сухопутные даяки - Тапа. Рядом с верховным божеством, которым было создано человечество, были некоторые очень могущественные, хотя и низшие божества, такие как Тенаби, создавший землю и низших животных; Ианг, который научил даяков религии и до сих пор внушает им святость; и Джиронг, повелитель жизни и смерти.

Помимо этих главных божеств, существует бесчисленное множество антусов или второстепенных богов, которые в какой-то степени соответствуют фавнам и сатирам древних. Их называют разными именами, и поскольку, согласно представлениям даяков, едва ли найдется хоть один квадратный прут леса, в котором не было бы своего анту, люди живут как бы в мире, населенном сверхъестественными существами. Некоторые из них даже заявляют, что видели анту, главным отличием которых является то, что у них нет головы, а шея

оканчивается острием. Они способны по желанию принимать облик человека или любого животного, но всегда без головы, так что их можно сразу узнать.

История одного из этих анту-серов очень странная. Он заявил, что увидел на дереве белку, метнул в нее копье и свалил на землю. Когда он подошел, чтобы поднять ее, она вдруг поднялась, встала перед ним и превратилась в собаку. Собака прошла несколько шагов, снова превратилась в человека и медленно села на ствол поваленного дерева. Тело призрака было партикулярного цвета, а вместо головы у него была заостренная шея.

Дьяк в ужасе бросился бежать, и тут же его охватила жестокая лихорадка: его душа была извлечена из тела Анту и собиралась отправиться в мир духов. Однако врач отправился на место, где появился анту, поймал беглую душу, вернул ее и вернул в тело через невидимое отверстие в голове, через которое анту вызвал ее. На следующее утро лихорадка прошла, и человек вполне поправился.

Рассказывают и другую историю об одном из этих враждебных существ, которые, как предполагается, являются призраками людей, погибших в бою, и называются буау. Буау набросился на женщину по имени Темуньян во время отсутствия ее мужа, унес ее и с помощью своих магических искусств прикрепил ее к скале, с которой она не могла сдвинуться. Когда муж вернулся, он отправился на поиски жены и, найдя ее, придумал план, с помощью которого буау заставил ее освободиться. С помощью хитрости мужу удалось уничтожить буау, и он отвез жену домой.

Однако едва она добралась до дома, как родила ужасное существо, отцом которого был Буау. Ее муж тут же разрубил его на тысячу кусков своим парангом и бросил в джунгли, где каждый фрагмент обрел жизнь и принял на себя кровососущий характер демона-родителя. Таким образом, Буау был первоначальным родителем сухопутных пиявок.

Чтобы умиловать этих существ, даяки имеют обыкновение делать им подношения в виде еды, питья и цветов перед тем, как взяться за какое-либо важное дело, чаще всего складывая еду в блюда или корзины и раскладывая их в джунглях для использования антусами.

Удовлетворенные, по-видимому, множеством своих божеств, даяки не имеют идолов, и этот факт действительно примечателен, поскольку показывает характер их ума. Амулеты, однако, у них в изобилии, и они возлагают на них самые большие надежды. Некоторым амулетам приписывают способность делать владельца неуязвимым, и, вероятно, те, что прикреплены к парангу, описанному на [странице 1125](#), имеют именно такой характер.

Мистер Сент-Джон приводит забавный пример того, какое значение придается этим чарам. Один вождь очень высокого ранга обладал очень сильными амулетами, которые хранились в его семье на протяжении многих поколений и передавались от отца к сыну. Они состояли из двух круглых камешков, одного плоского камешка, маленького камешка, найденного в банане, и песка. Все эти ценности были сшиты вместе и привязаны к шнурку, с помощью которого их можно было прикрепить к поясу в случае опасности.

К несчастью, вождь одолжил эти амулеты одному человеку, который потерял их, и обиженный владелец подал иск в английский суд. Он выиграл дело, но был почти так же недоволен судом, как и ответчиком, поскольку оценил стоимость амулетов в кувшин руса, *то есть* около тридцати долларов или семи фунтов, тогда как стоимость, установленная судом и выплаченная ответчиком, составила пять пенсов.

Мы уже упоминали о птицах, на которых так полагаются даяки в качестве предзнаменований. Их три: кушах, каряк и катупунг. Когда даяк собирается в поход, он отправляется к месту

возле деревни, где построены пиршественные навесы, и там ждет, пока не услышит крик одной из этих птиц. Если кушах или катупунг кричат впереди или по обе стороны и не получают ответа, это плохое предзнаменование, и человек отказывается от экспедиции. Однако хорошим знаком считается, если птица сначала кричит с одной стороны, а затем ей отвечают с другой. Самая важная птица - каряк. Если крик кариака раздается справа, то предзнаменование хорошее, если слева - сомнительное. Если же крик раздается позади прорицателя, то предзнаменование настолько плохое, насколько это вообще возможно, и предвещает если не смерть, то, по крайней мере, болезнь.

Даяки почти не берутся за какое-либо дело, не посоветовавшись с птицами, которых они считают наполовину даяками, поскольку все птицы произошли от союза анту с женщиной даяк.

Мистер Брук, говоря об этом предмете, приводит следующие убедительные замечания: "Некоторые из нашей партии даяков уже ушли, но большинство все еще оставалось позади и будет считать все на своем пути в течение следующей недели или более. Многие из них повторяют форму своих предков, прислушиваясь к звукам предзнаменований; но сейчас эта церемония сильно сократилась по сравнению с тем, что было несколько лет назад, когда я видел, как вождь жил в хижине в течение шести недель, частично ожидая щебетания птиц в нужном направлении, а частично задерживаясь своими последователями. Кроме того, на всем пути продвижения их сны религиозно толкуются и соблюдаются; но, как и во всех подобных вопросах, толкования могут иметь двойное толкование. Финал заключается в том, что склонность, а зачастую и страх, являются наиболее сильными. Боязливое сердце порождает неприятный сон или дурное предзнаменование в виде воображаемых звуков, издаваемых птицами или оленями, и это всегда заставляет силы вернуться. Но часто они задерживаются так долго, что враг получает сведения о том, что они собираются напасть, и находится в состоянии боевой готовности.

"Как бы абсурдно ни вели человечество эти приметы, оно неуклонно продолжает следовать им и верить в них. Вера преобладает, и объятия огромных чудес упорно живут в умах невежд. Некоторые из даяков несколько поколебались в вере в наследственные приметы, а некоторые следуют малайскому обычаю использовать определенный день, который оказывает странное воздействие на воображение европейцев. Предполагается, что у белого человека, который командует войсками, есть птица и талисман удачи, которые ведут его вперед; и им даяки очень доверяют. Ты - наша птица, мы следуем за тобой". Я хорошо знаю имена и могу различить звуки их птиц, а также разные руки, по которым толкуют хорошие и плохие предзнаменования".

"Влияние этих знаков на меня самого часто было очень заметным, и ни один даяк не мог почувствовать неблагоприятное предзнаменование сильнее, чем я сам, находясь в джунглях, в окружении этих суеверных людей. Тем не менее я мог сочувствовать этому народу, и сложность заключалась в том, достаточно ли какого-либо влияния, чтобы противостоять таким фантомам. Не следует думать, что я пытался заставить даяков поверить в то, что являюсь обладателем чар и подобных нелепостей, которые не могли длиться более сезона и никогда не могли быть успешными в течение длительного времени. В моей комнате висела голова майаса (оранг-аутана), и они считали, что это мой руководитель успешных экспедиций".

Все крики различных животных толкуются даяками, причем тех, что имеют дурное значение, гораздо больше, чем тех, что имеют доброе. Худшим из всех предзнаменований является

крик оленя, который заставит даяка отказаться от любого проекта, которым он занимается, независимо от того, насколько сильно он к нему привязан.

Однажды дяк женился на девушке, к которой испытывал очень сильную привязанность и которая была возвращена. На третий день после свадьбы английский миссионер вошел в головной дом и с удивлением увидел, что молодой муж сидит в нем, усердно работая над латунной проволокой. Это было очень сильным обстоятельством, так как в головном доме живут только холостяки. Миссионер, естественно, спросил его, что он там делает и что стало с его женой, на что тот с горечью ответил, что жены у него нет - накануне ночью заплакал олень, так что они были вынуждены сразу же расторгнуть брак.

"Но, - спросил его дознаватель, - разве ты не сожалеешь об этом?"

"Очень жаль!"

"Что вы делаете с проволокой?"

"Делаю украшения для девушки, которую хочу взять в новые жены".

Похоже, что вера в анту настолько укоренилась в сознании даяков, что всякий раз, когда с кем-то случается несчастье, предполагается, что автором травмы был какой-то анту или другой, и его нужно умиротворить. Мистер Брук упоминает, что однажды он нашел лист пальмы, сложенный особым образом, лежащий возле его дома. Это было подношение анту, потому что человек упал туда и поранился.

Предполагалось, что листом владеет Анту, который отомстит, если его лист будет потревожен, заставив руку обидчика распухнуть. Однако мистер Брук подобрал лист и выбросил его, и через два дня его рука распухла и воспалилась, а затем оставалась в таком состоянии почти две недели.

В связи с этой темой следует упомянуть об испытаниях, с помощью которых часто разрешаются споры. Они бывают разных видов, но излюбленным является испытание погружением. Два спорящих человека отправляются на реку и заходят в воду по подбородок. По сигналу они погружаются под воду, и тот, кто дольше всех продержится под водой, выигрывает дело. Был очень любопытный случай такого испытания, когда была затронута честь семьи. Дочь вождя была признана опозорившейся и возложила вину на молодого человека, занимавшего высокое положение. Он, однако, категорически опроверг ее рассказ, и в конце концов спор был завершен испытанием погружением. Молодой вождь одержал победу, и в результате обидчица была вынуждена покинуть деревню, а ее отца покинули его последователи, так что он тоже был вынужден искать другой дом.

Затем проводится испытание солью. Каждому участнику дается кусок соли совершенно одинакового веса, и тот, чья соль дольше всего сохранит свою форму в воде, считается победителем. Существует также испытание кипятком, которое в точности повторяет то, что практиковалось в Англии в прежние времена: руку погружают в горячую жидкость, и она выходит неповрежденной, если апеллянт невиновен. Наконец, есть испытание улиткой. Каждая сторона берет улитку и кладет ее на тарелку, а на них выливается сок лайма, и считается, что та улитка, которая первой пошевелится, указывает на то, что ее хозяин не прав.

Читатель может вспомнить, что у даяков принято покупать воду, налитую в священные кувшины, и окроплять ею свои поля, чтобы обеспечить плодородие. Они верят, что вода, коснувшаяся лица белого человека, окажет такое же действие, особенно если это человек

определенного ранга. Поэтому, как только английские офицеры прибывают в деревню даяков, туземцы имеют обычай хватать их, снимать с них обувь и чулки и мыть им ноги, а вода сохраняется как непогрешимый талисман, способствующий росту урожая.

Они доводят этот принцип до такой степени, которая нам кажется крайне отвратительной. Длинные бамбуки, наполненные рисом, подносят к посетителям, которых просят плюнуть в них. Лечебный рис распределяется между собравшимися, которые жадно обступают его, пытаясь получить свою порцию полезной пищи. Некоторые из самых хитрых пытаются получить вторую, а некоторые и третью порцию, и мистер Сент-Джон упоминает случай, когда одной ужасной старухе удалось получить помощь шесть раз.

Тот же путешественник упоминает, что кровь птиц считается очень сильным талисманом, а у даяков есть церемония, связанная с пролитием крови, которая почти идентична еврейской Пасхе. В честь гостей был устроен праздник (см. Исход xii. 22). Их ноги были омыты, а вода отставлена в сторону. Их рис был должным образом обработан, и Оранг-кайя начал несколько любопытных церемоний, выбрасывая рис из окон и сопровождая это действие молитвой о плодородии полей и процветании деревни. Он, очевидно, повторял хорошо выученный урок, и было установлено, что слова, которые он использовал, были непонятны ему самому, так что мы находим среди даяков реликты вымершего языка, немногие остатки которого сохраняются религией, как и у жителей Новой Зеландии и других островов.

По окончании этой части церемонии был исполнен своего рода священный танец: Оранг-кайя и старейшины последовательно подходили к белым гостям, проводили ладонями по их рукам и уходили медленным, размеренным шагом, "двигая руками и кистями в унисон с ногами, пока не достигли конца дома и не обратились к тому месту, где мы сидели. Затем последовал еще один нажим ладони, еще несколько пассивов, чтобы вытянуть из нас добродетель, еще один вопль, и они снова пошли - в один момент их было не меньше сотни танцующих.

"Три ночи мы почти не спали из-за этих церемоний, но в конце концов, несмотря на звон гонга и удары барабана, мы опустились на свои кровати и вскоре крепко уснули. Через пару часов я проснулся, мой спутник все еще беспокойно спал, грохот стоял оглушительный, и я приподнялся, чтобы осмотреться.

"Несчастный момент! Меня тут же схватили за руки два жреца и подвели к Оранг-кайя, который сам перерезал горло птице. Он хотел, чтобы капитан Брук совершил следующую церемонию, но я возразил, что его нужно разбудить, и предложил сделать это за него. Меня отвели в самый конец дома, а истекающую кровью птицу дали мне в руки. Держа его за ноги, я должен был ударить по перекладинам дверей, окропив каждую из них небольшим количеством крови. Когда все заканчивалось, я должен был помахать птицей над головами женщин и пожелать им плодородия, над детьми - здоровья, над всеми людьми - процветания, из окна - хорошего урожая".

Похороны у даяков несколько отличаются в разных племенах. Простых людей хоронят или даже сжигают без особых церемоний, но с телами вождов и их родственников совершается целый ряд обрядов.

Как только вождь умирает, труп одевают в его лучшие одежды, на него вешают все украшения, которыми он владел, а рядом кладут его любимые мечи и другое оружие. Затем тело помещают на возвышение, и за ним наблюдают и ухаживают, как за живым, постоянно предлагая ему еду, питье, табак и сирих, а воздух поддерживают прохладным постоянным обдуванием. Мужчины собираются по одну сторону от трупа, а женщины - по другую, и

резвятся друг с другом, как будто повод был радостным, а не скорбным. Эти игры продолжаются до тех пор, пока труп не разложится, тогда его кладут в гроб, сделанный из выдолбленного ствола дерева, и хоронят в могиле, глубина которой не должна превышать пяти футов.

Зная обычаи народа, малайцы склонны обворовывать могилы умерших вождей, чтобы завладеть мечами и другими ценностями, которые были похоронены вместе с ними. Раньше, после того как тело клали в могилу, меч, кувшин или два, одежду, украшения и женщину-рабыню помещали в каноэ, крепко приковывая ее к нему. Когда наступал отлив, лодку отправляли в плавание, и предполагалось, что дух усопшего получит все вещи, которые были на борту. Однако этот обычай давно прекратился, поскольку даяки обнаружили, что каноэ и его содержимое почти всегда попадали в руки малайцев, которые таким образом приобретали рабов, не платя за них, и обогащались за счет мечей, золота и одежды.

Должность пономаря передается по наследству, и всякий раз, когда род прерывается, даяки с большим трудом находят того, кто не только возьмет эту должность на себя, но и передаст ее своим потомкам. Должность, однако, очень выгодная, ее стоимость варьируется от рупии до двух долларов - суммы, которая может обеспечить даяка всем необходимым и большинством предметов роскоши на несколько недель.

Каянские даяки не хоронят своих покойников, а кладут тело в очень прочный гроб, сделанный из дуплистого дерева, и возвышают его на двух крепких резных столбах, с выступающими из каждого угла деревянными конструкциями, как крыши сиамских домов.

ГЛАВА XXX. ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ. ВНЕШНИЙ ВИД-АРХИТЕКТУРА-ПРОИЗВОДСТВО.

ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЕЕ НАЗВАНИЯ - СТРОЕНИЕ ЗЕМЛИ И ЕЕ ЖИВОТНЫЙ И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР - ВНЕШНИЙ ВИД ФУЭГИЙЦЕВ - ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НИХ - ЦВЕТ КОЖИ, КОСТЮМ И СПОСОБ НОШЕНИЯ ВОЛОС - БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ОДЕЖДЕ - КРАСКИ И УКРАШЕНИЯ - ФУЭГИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА - ОСТРОКОНЕЧНЫЕ И ОКРУГЛЫЕ ХИЖИНЫ - КОПЬЕ И ЕГО ГОЛОВКА - ЛУКИ И СТРЕЛЫ - МЕТАНИЕ КАМНЕЙ - УДИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА ФУЭГИЙЦЕВ - УМЕНИЕ ОБРАЩАТЬСЯ С ПРАЩОЙ - ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОРУЖИЯ - ПИЩА ФУЭГИЙЦЕВ - ЛОВЛЯ РЫБЫ БЕЗ КРЮЧКОВ - СОБАКИ, РЫБАКИ И ЛОВЦЫ ПТИЦ - СОБАКА, КОТОРУЮ УВАЖАЮТ ФУЭГИ - КАННИБАЛИЗМ - ДРЕВЕСНЫЙ ГРИБ - КАНОЭ - БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ КАНОЭ, И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - СМЕНА ЖИЛЬЯ И ПЕРЕВОЗКА КАНОЭ - КУЛИНАРИЯ - ОБЩИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ ФУЭГИ - ДЖЕММИ БАТТОН - ПРАВИТЕЛЬСТВО ФУЭГИ.

На крайней южной точке Америки находится большой остров, или, скорее, совокупность островов, разделенных очень узкими рукавами моря. От материка его отделяет странный извилистый Магелланов пролив, который ни в одном месте не достаточно широк, чтобы позволить кораблю оказаться вне видимости суши, а в некоторых местах очень узок. Когда Магеллан плыл по этому каналу ночью, он увидел, что южный берег усыпан бесчисленными кострами, и поэтому назвал страну Огненной Землей. Вероятно, эти костры были маяками, которые туземцы зажигали, чтобы предупредить друг друга о приближении чужаков, к

которым фуэгийцы порой проявляли самую лютую враждебность, а порой были добры и гостеприимны.

Эта страна не имеет особых перспектив, и Огненная Земля на юге, и страна эскимосов на севере кажутся именно теми землями, в которых человек не мог бы жить. Тем не менее обе эти территории заселены, и коренные жители обеих оконечностей этого огромного континента полностью убеждены в превосходстве своей страны над всеми остальными.

Огненная Земля, как следует из ее близости к Южному полюсу, - ужасно холодная страна, и даже в летнее время здесь так холодно, что по сравнению с ней Англия кажется тропическим островом. Вследствие такого экстремального холода ни животный, ни растительный мир не может быть пышным. Леса здесь небольшие, а деревья - короткие, обрубленные, прекращающие свое существование на высоте около пятнадцатисот футов над уровнем моря. Встречается разновидность вечнозеленого бука (*Fagus betuloides*).

В климате Огненной Земли есть только один положительный момент. Комар, который преследует как самые жаркие, так и самые холодные страны и одинаково страшен как в тропической, так и в арктической Америке, не может жить на Огненной Земле: сырость, как и холод, для него смертельны. Действительно, в этой странной стране очень мало насекомых, а рептилии и вовсе отсутствуют.

Отсутствие растительной жизни, естественно, влечет за собой отсутствие животной жизни: травоядные животные вымирают от голода из-за отсутствия нормальной пищи, а плотоядные не могут жить, так как не находят животных, которыми можно было бы питаться. Человек, будучи всеядным, имеет немного больше шансов на жизнь, но даже он не сможет размножиться и заполнить страну, когда пища так ограничена, если он ограничен землей, но, поскольку он хозяин вод, так же как и земли, он может черпать свою жизнь из моря и рек, когда земля отказывается снабжать его пищей. Именно так обстоит дело с фуэгийцами, которые по сути своей являются людьми моря и его берегов и черпают почти все свое пропитание из его вод, как мы увидим на одной из следующих страниц.

Возможно, из-за скудости, нерегулярности и качества пищи фуэгийцы - очень низкорослые люди, часто ниже среднего боснийца Южной Африки и даже ниже по социальной шкале. Их не следует называть карликами, как это часто бывает: их тела вполне пропорциональны, а фигуры не чахлые, а просто меньше, чем в среднем у европейцев, в то время как мускулатура верхней части тела развита просто замечательно. Как правило, средний рост фуэгийских мужчин составляет около пяти футов, а женщин - четыре фута шесть дюймов. В некоторых частях островов встречаются аборигены гораздо большего роста, но это, очевидно, переселенцы из соседней страны Патагонии, где рост настолько же выше среднего европейского, насколько ниже его у фуэгийцев.

Цвет кожи туземцев - темный медно-коричневый, красноватый оттенок заметен только в тех местах, где они случайно оказались чистыми. Конечности в целом тонкие, так что колени и локти кажутся непропорционально большими, а головы покрыты массой черных волос, которые не имеют завитка и спадают длинными, дикими спутанными локонами на плечи. Мужчины почти полностью безбороды.

Иллюстрация на противоположной странице с изображением фуэгийских мужчины и женщины дает верное представление об уродстве черт лица и отсутствии интеллекта, которые характеризуют этот народ.

Оба пола позволяют своим волосам расти во всю длину, за исключением лба, где они грубо подстрижены ракушкой, чтобы не падали на глаза. Люди испытывают странное суеверное почтение к волосам, и ту часть, которую отрезают, складывают в корзину, а затем тщательно избавляются от нее. Однажды, когда капитан отрезал немного волос с головы фуэгийца, он обнаружил, что сильно обидел его, и был вынужден вернуть отрезанные волосы и убрать ножницы, прежде чем удалось сгладить гневные чувства туземца. В другом случае единственным способом утихомирить оскорбленного туземца было восстановление локона волос вместе с таким же локоном с головы белого человека. Остриженные волосы обычно сжигают.

Рассказ капитана Кинга о фуэгийских женщинах не слишком привлекателен.

"Волосы женщин длиннее, менее грубые и, конечно, чище, чем у мужчин. Они расчесываются челюстью морской свиньи, но не заплетаются и не завязываются; и ни один волос не отрезается, кроме как над глазами. Они невысокого роста, их телосложение во многом не соответствует их росту; черты лица, особенно у стариков, едва ли менее отвратительны, чем у мужчин. Около четырех футов и нескольких дюймов - таков рост этих женщин-фуэгийцев, которых любезно называют женщинами. Они никогда не ходят прямо; сутулая поза и неловкие движения - их естественная походка. Может быть, они и подходят для таких неотесанных мужчин, но для цивилизованных людей их внешний вид отвратителен. Исключений было замечено очень мало.

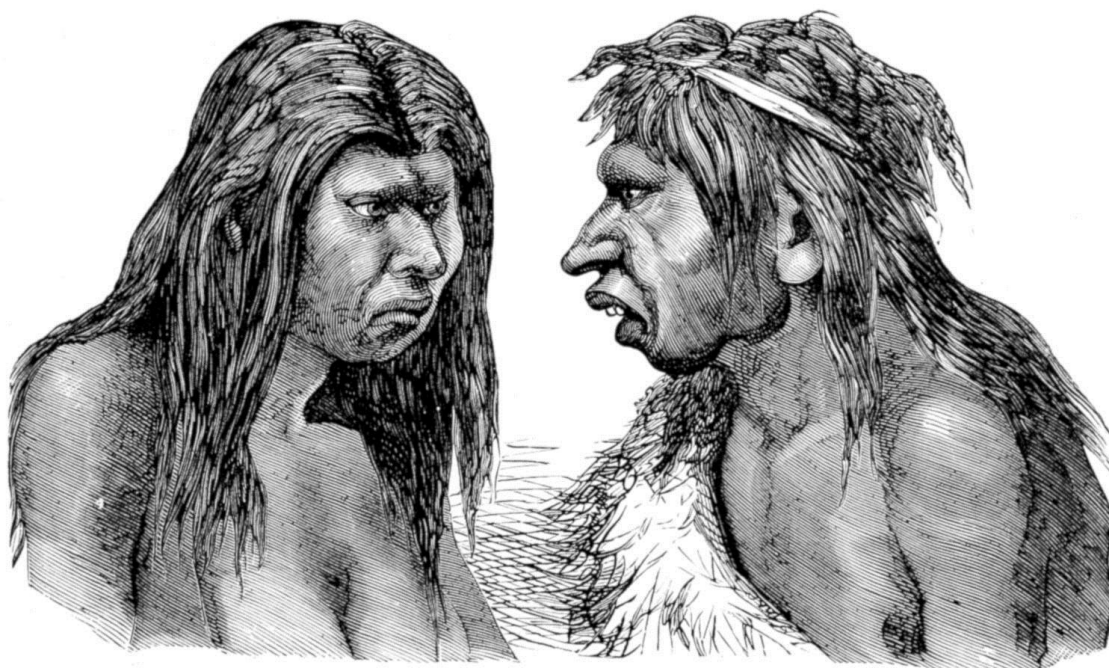
"Цвет кожи у женщин такой же, как у мужчин. Поскольку они так же подвергаются опасности и выполняют более тяжелую работу, это естественное следствие. Кроме того, будучи детьми, они бегают по улицам совершенно голыми, собирая раковины рыб,нося дрова или принося воду. В цвете кожи пожилых людей есть желтый оттенок, который не замечен у людей среднего возраста или молодых".

Как и у многих диких племен, зубы фуэгийцев отшлифованы до почти плоской поверхности. Это наиболее заметно на передних зубах. Между клыками и резцами почти нет видимого различия: и те, и другие сошлифованы до такой степени, что эмаль осталась только по бокам, и, как графически замечает капитан Кинг, "передние зубы массивные, часто с плоской вершиной, как у лошади восьми лет... внутренняя часть каждого зуба видна так же отчетливо в пропорции к его размеру, как и у лошади".

Рот большой и очень грубо сформированный, а поскольку на нем нет ни малейшего намека на бороду, все его уродство проявляется как нельзя лучше.

Одним из самых странных явлений, связанных с фуэгийцами, является отсутствие у них одежды. В таком холодном климате, что в середине лета люди замерзали до смерти на небольшой высоте над уровнем моря, можно было бы предположить, что аборигены пойдут тем же путем, что и эскимосы, и будут делать себе одежду из самых толстых и теплых мехов, которые только можно достать.

Они могут сделать это, если захотят. В некоторых частях их страны водится толстошерстный гуанако (вероятно, завезенный с материка), в других - олени и лисы, не говоря уже о собаках, которых они держат в одомашненном состоянии. Кроме того, мало найдется мехов теплее тюленьих, а тюлени разных видов в изобилии водятся на фуэгийских берегах, причем некоторые, например морской лев, очень крупных размеров. Кроме того, есть различные водные птицы, чьи шкуры делают платья одинаково легкими и теплыми, например пингвин, утка, альбатрос и другие.

(1.) ФУЭГИАНЫ.
(См. [стр. 1162.](#))

(2.) ПАТАГОНЦЫ.
(См. [стр. 1173.](#))

Таким образом, очевидно, что если фуэгиец не одет тепло и плотно, то это не от недостатка материала, и что он обнажен не по необходимости, а по собственному желанию. И он выбирает наготу: ни один из полов не носит никакой одежды, кроме куска тюленьей или оленьей шкуры площадью около восемнадцати дюймов, перекинутого через одно плечо. Никакой другой одежды, кроме этого куска кожи, который перекладывается с одной стороны

тела на другую в зависимости от направления ветра, фуэги не носят, похоже, совершенно равнодушно относясь ни к морозу, ни к дождю, ни к снегу. Например, видели фуэгийскую мать с ребенком на руках, на которой не было ничего, кроме маленькой заплатки из тюленьей шкуры с наветренной стороны, и она беззаботно стояла в снегу, который не только падал на ее обнаженное плечо, но и кучей лежал между ребенком и грудью, причем ни мать, ни младенец, похоже, не мерзли больше, чем обычно. В мягкую погоду или когда фуэгиан гребет или занимается другой работой, он считает, что даже кусок тюленьей шкуры слишком велик для него, и сбрасывает ее.

Небрежно относясь к одежде, он неравнодушен к украшениям и всячески украшает свое медного цвета тело. Он обильно использует краску, обычно нанося ее на белую основу из меловой глины и рисуя на ней узоры черным или тусклым кирпично-красным цветом. Черный цвет - это просто древесный уголь, растертый в порошок. Он любит ожерелья, которые в основном белые и сделаны из зубов рыб и тюленей или из кусочков кости. Такие же украшения носят на запястьях и лодыжках, так что, хотя у фуэгийца нет одежды, у него много дикарских украшений.

Представители обоих полов прячут свои длинные, слипшиеся локоны от глаз с помощью небольшой косынки из сухожилий или волос гуанако, накрученной вокруг лба. В эту косичку втыкают перья и другие подобные украшения, но если они белые, зритель должен быть начеку, так как белый пух и перья на голове - признаки войны. Красный цвет, напротив, обозначает мир; таким образом, эти люди полностью перевернули символику цвета, принятую почти во всем мире. Иногда можно увидеть туземца, так покрытого черной краской, что медный цвет кожи полностью теряется, и цвет лица становится таким же черным, как у негра. Это знак траура, который используется в случае смерти родственника или друга.

Дома фуэгийцев так же просты, как и их одежда, и практически представляют собой лишь грубые укрытия от ветра. Любой мальчик может сделать фуэгийский дом за полчаса. Нужно только срезать несколько длинных веток, заострить толстые концы и воткнуть их в землю так, чтобы они занимали семь восьмых или около того круга. Затем нужно связать палки вместе в верхней части, и каркас дома готов. Стены и крыша делаются путем скручивания небольших сучьев между стойками и набрасывания на них длинной грубой травы, а вся мебель хижины состоит из нескольких охапок той же травы, брошенной на землю.

Боковое отверстие всегда делается в направлении, противоположном ветру, и нет никакой попытки сделать дверь; так что, как уже было сказано, единственное представление фуэгийца о доме - это укрытие от ветра, поэтому у туземцев нет понятия о доме или даже о жилище. Именно такую форму хижины используют племена текиника на юго-востоке Фуэгии. [Фуэгийское поселение](#) с домами и окружающим пейзажем хорошо представлено на 1169-й странице.

Дом, который обычно используется в других частях Фуэгии, еще более прост. Он едва достигает половины высоты хижины Текеника и похож на большой пчелиный улей. Ее высота редко превышает пять футов, но, когда земля выскребается внутри, еще один фут высоты оказывается внутри. Для этого нужно просто выкопать круглую яму глубиной около фута, посадить вокруг нее зеленые ветки, согнуть их и связать верхушки вместе. На этот грубый каркас крепятся пучки травы, листья коры и шкуры, так что в целом получается жилище, равное по размерам цыганской палатке. Эти хижины сильно различаются по диаметру, но не по высоте: если высота некоторых хижин составляет от четырех до пяти футов, то их диаметр варьируется от шести до двадцати футов.

Фуэгийцы - народ ссорящийся, и различные племена постоянно воюют друг с другом; и хотя их едва ли можно разделить на определенные племена, дух местной ревности достаточно силен в них, чтобы жители одного района находились в вечной вражде с жителями другого. Этому чувству ревности способствует рельеф страны, разделенной многочисленными оврагами, рукавами моря и обрывистыми горами; но, к счастью для фуэгийцев, именно такая структура предотвращает разрушения во время войны, хотя и поощряет недоброжелательность, которая приводит к войне; и сражения фуэгийцев в лучшем случае представляют собой лишь отдельные стычки, не производящие ни малейшего политического эффекта.

Их оружие - лук и стрелы, копье и праща. Это оружие предназначено в первую очередь для охоты и гораздо чаще используется для убийства тюленей, гуанако, оленей, рыбы и птиц, чем для убийства людей. В использовании этого оружия фуэгийцы удивительно искусны. Капитан Паркер Сноу упоминает случай, когда несколько фуэгийцев собрались в своих каноэ вокруг его судна. Мимо проплывала крупная рыба, и тогда туземцы мгновенно пронзили ее копьем и бросили на борт корабля.

Древко копья иногда достигает десяти футов в длину и, вместо того чтобы быть округлым, как это обычно бывает с древками копий, имеет восьмиугольную форму. Наконечники сделаны из кости, имеют длину около семи дюймов и единственную колючку на расстоянии около четырех дюймов от острия. Патагонцы используют очень похожее оружие, как мы увидим в ближайшее время. Существует еще один вид наконечника копья, который имеет целый ряд мелких колючек с одной стороны. Это оружие используется как копье, и его бросают с большой силой и точностью: туземец хватается за него около середины, на мгновение замирает, чтобы посмотреть вдоль него, а затем бросает.

Лук и стрелы используются в основном для убийства птиц, стрелы сделаны из твердого дерева, длиной около двух футов. В качестве наконечника используются кусочки кремня или обсидиана, которые просто втыкаются в выемку на конце стрелы, так что, когда древко извлекается, головка остается в ране. Лук натягивается с помощью скрученных сухожилий. Птиц также убивают камнями, некоторые из которых бросают вручную, а другие - из пращи; удивительная сила этих странных людей позволяет им использовать свои снаряды с ужасающим эффектом.

Несмотря на невысокий рост, фуэгийцы очень толстокожи и обладают огромной силой. Один из них, которого моряки называли Йорк Минстер, по мускульной силе мог сравниться с любыми двумя мужчинами с корабля. Женщины так же сильны, как и мужчины. Однажды, когда трое фуэгийцев, мужчина и две женщины, вероломно напали на белого моряка и пытались выбить ему мозги камнями, им помешали, и моряк был спасен. Мужчина был застрелен. Одна из женщин попыталась спрятаться под берегом, а другая была схвачена капитаном и его коксвайном, которые пытались зажать ей руки. Она боролась и сопротивлялась так упорно, что им с трудом удалось добиться своего, и они даже не подозревали, что сражаются с женщиной, пока не услышали, как кто-то объявил пол их пленницы. Что касается другой женщины, самой старшей из всех, то она так крепко вцепилась в берег, что двое самых сильных матросов с трудом смогли ее снять.

Судьба мужчины была очень любопытной и иллюстрировала безрассудную, чтобы не сказать бессмысленную, храбрость этих людей. Он был смертельно ранен и на мгновение отступил, позволив матросу сбежать. Однако он мгновенно пришел в себя и, выхватывая камни из русла потока, в котором стоял, стал бросать их с поразительной силой и быстротой. Он использовал обе руки и бросал камни с такой точностью, что первый попал в хозяина,

разбил вдребезги его пороховой рожок и едва не сбил его с ног. Два следующих были брошены на головы ближайших моряков, которые успели отпрыгнуть, пригнувшись в момент броска. Все это прошло за секунду или две, а при попытке бросить четвертый камень человек упал замертво.

За некоторое время до этого события моряки были поражены способностями фуэгийцев к метанию камней, которые едва не поразили их камнями, брошенными вручную, когда они считали себя даже за пределами мушкетного выстрела. Обычно они носят запас гальки, готовой к использованию, в углу своей маленькой кожаной мантии.

Праща сделана из чашки из шкуры тюленя или гуанако, к которой прикреплены два шнура, похожие по материалу на тетиву для лука, что позволяет сочетать кажущуюся деликатность с большой прочностью. Шнуры пращи достигают более трех футов в длину. Мастерство, с которым фуэгийцы владеют этим оружием, достойно той репутации, которой добились жители Балеарских островов. Капитан Кинг видел, как они наносят удары камнем из пращи по шапке, установленной на пне на расстоянии пятидесяти или шестидесяти ярдов, а однажды он стал свидетелем поистине удивительного проявления ловкости. Он попросил одного из фуэгийцев показать ему, как пользоваться этим оружием. Тот сразу же поднял камень размером с голубиное яйцо, положил его в прашу и указал на каноэ как на свою цель. Затем он повернулся спиной и метнул камень в прямо противоположном направлении, так что тот ударился о ствол дерева и отскочил к каноэ. Мужчины, похоже, считают прашу жизненной необходимостью, и очень редко можно увидеть фуэгийца, у которого она не висит на шее или не обвязана вокруг талии.

Довольно любопытно, что фуэгийцы всегда посвящают себя одному конкретному оружию. Один, например, превосходно владеет луком, другой - метает камни рукой, а третий отдает все свои силы праше. И все же, хотя каждый человек выбирает для себя какую-то определенную руку, в использовании которой он преуспевает, все они в совершенстве владеют другими видами оружия, и иногда случается, что фуэгиец перебирается на побережье Патагонии, приобретает необычное оружие под названием "болас", о котором читатель узнает позже, и становится почти таким же экспертом в его использовании, как и человек, у которого он его получил.

Что касается пищи фуэгийцев, то она, как я уже упоминал, в основном добывается в море. Он отличный рыбак и умудряется ловить добычу даже без крючка. Он привязывает к концу лески приманку, подвешивает ее перед рыбой и постепенно подталкивает ее к поверхности воды. Затем он позволяет ей укусить и, прежде чем она успевает оторвать зубы от приманки, рывком вытаскивает ее из воды правой рукой, а левой ловит или забрасывает в каноэ. Очевидно, что при таком способе ловли невозможно поймать рыбу большого размера. Как только рыба поймана, фуэгиан вскрывает ее, откусывая кусок от нижней поверхности, чистит и вешает на палку.

Моллюски, особенно мидии и лимпеты, которые встречаются на морских берегах, составляют очень значительную часть рациона фуэгийцев; любопытно, что эти туземцы никогда не разбрасывают пустые раковины, а аккуратно складывают их в кучи. Они особенно стараются не выбрасывать их обратно в море, считая, что моллюски, увидев раковины своих товарищей, насторожатся и покинут берег. У каждой женщины есть короткая заостренная палка из твердого дерева, которой она сбивает лимпетов со скал.

На этих берегах водится очень крупный вид мидий, который особенно полезен для фуэгийцев, использующих его раковину в качестве ножа. Эти инструменты делаются очень просто. Сначала фуэгиец сбивает первоначальный край раковины, который является

хрупким и довольно ломким, и, шлифуя его о камни, получает новый край, достаточно острый, чтобы резать дерево и даже кость.

С помощью копья и стрел фуэгийцы умудряются даже ловить тюленей и морских котиков, но наибольшую изобретательность они проявляют в ловле рыбы с помощью собак. Эти собаки - маленькие, похожие на лисиц псы, которые, кажется, совершенно не способны помочь своим хозяевам в охоте. Однако они необычайно умны и научились любопытному способу ловить рыбу. Когда косяк рыбы приближается к суше, собаки выплывают и облепляют его, плескаясь и ныряя, пока не загонят косяк в сеть или в какой-нибудь ручей, когда вода достаточно мелководна, чтобы можно было использовать копье и стрелы. Собак также учат ловить птиц во время сна. Они тихо подкрадываются к птицам, набрасываются на них, несут хозяевам и возвращаются за новыми, и все это так бесшумно, что птицы вокруг не беспокоятся.

К этим животным относятся с очень смешанными чувствами. Фугиан пренебрегает ими и плохо обращается с ними, почти никогда не заботясь о том, чтобы накормить их, так что если бы они зависели от пищи, которую им дают их хозяева, то умерли бы с голоду. Однако водные тренировки позволяют им самостоятельно добывать себе пищу, и, когда хозяева не требуют, они могут ловить рыбу сами. Это странные, остроносые, кустистые хвостатые животные с большими, заостренными, прямостоячими ушами, обычно с темной грубой шерстью, хотя у некоторых из них мех почти белый. Они бдительны и преданны своим хозяевам, а при виде незнакомца, тем более одетого, начинают яростно лаять.

Хотя фуэгиец и пренебрегает своей собакой, он испытывает к ней большое уважение и даже привязанность. Часто случается, что мидии и лимпии не удаются, погода слишком бурная для рыбалки, и в результате люди оказываются на грани голодной смерти. Можно предположить, что, имея под рукой собак, они воспользуются столь очевидным источником пищи. Однако они никогда этого не делают, разве что когда доведены до последней крайности, и, вместо того чтобы есть своих собак, они едят своих старух, которые, по их мнению, износились и не могут принести никакой пользы, а собаки, если их оставить в живых, будут помогать ловить рыбу и гуанако.

Когда они решают убить старуху, то кладут в костер много зеленого дерева, чтобы получился густой, удушливый дым, и в этом дыму держат голову бедняжки, пока она не задохнется. Если нет сильных бедствий, женщины съедают верхнюю часть жертвы, а мужчины - нижнюю, а туловище выбрасывают в море.

Несколько видов эхинусов, или морских ежей, едят фуэгийцы, которые ныряют за ними и поднимают на поверхность, несмотря на острые колючки, которыми усеяна вся поверхность.

Но самый большой праздник у фуэгийцев случается, когда на берег выбрасывается кит. Все люди в пределах досягаемости стекаются к этому месту, флотилии каноэ окружают выброшенное на берег чудовище, а его тело покрывают маленькие меднокожие человечки, вырезающие ворвань своими панцирными ножами. Каждый отрезает столько, сколько может достать, а когда он отрывает и вырезает большой кусок ворвани, то делает в середине отверстие, просовывает в него голову и таким образом оставляет руки свободными, чтобы нести больше лакомства. Кроме животной пищи, фуэгийцы едят замечательный вид гриба, который можно найти на антарктическом буке, дереве, которое уже упоминалось. Мистер Уэбстер дает следующее описание этого вида гриба: - "Антарктический бук - это дерево, которое уже упоминалось.

"Антарктический бук - распространенное и преобладающее дерево. Это элегантное вечнозеленое дерево. Он вырастает до тридцати-сорока футов в высоту, при обхвате от трех до пяти футов, а иногда, удваивая эти размеры, образует величественное дерево. В декабре он обильно цветет, пыльники ярко-розовые, крупные и подвесные. У этого вечнозеленого бука в верхней части ствола или на некоторых крупных ветвях часто встречаются большие скопления шаровидных грибов ярко-оранжевого цвета. Каждый гриб размером с небольшое яблоко, мягкий, мясистый, с гладкой желтой кожицей. По мере созревания он становится ячеистым и решетчатым на своей поверхности, а когда падает с дерева, высыхает и сморщивается в коричневую массу, напоминающую сморчок.

"Фуэгийцы с жадностью едят этот гриб. Желатиновая масса бледная, без вкуса и запаха; на части, соприкасающейся с деревом, находятся два зародыша или отростка. От двадцати до тридцати таких грибов сгруппированы вместе и окружают дерево. Они образуют очень заметный объект, и везде, где они прикрепляются, образуется твердый узел или древесная опухоль значительной плотности. Я не наблюдал их ни на одном другом дереве, кроме вечнозеленого бука".

Проводя большую часть времени на море, фуэгиец нуждается в какой-то лодке, и, как бы ни был он испорчен во многих отношениях, он способен построить судно, отвечающее всем его требованиям. Существует несколько видов фуэгийских каноэ. Самый простой вид изготавливается из коры березы и по своей форме напоминает примитивные каноэ австралийцев. Это один лист коры, содранный с дерева и крепко связанный с каждого конца. Несколько палок, положенных крест-накрест посередине, служат для того, чтобы держать его открытым; а если какая-то часть имеет тенденцию к выпуклости в противоположном направлении, через лодку пропускается кожаный шнурок, который удерживает ее в форме. Концы каноэ, а также все трещины и отверстия в коре заделываются сухим камышом и смолой, добываемой из деревьев.

Как и австралийцы, фуэгийцы разводят огонь в этих крошечных каноэ: кладут на дно лодки комки глины, разводят на нем костер и таким образом могут оставаться в море в течение значительного времени, готовя и поедая рыбу так быстро, как только ее поймают. Однако такая лодка слишком хрупка, чтобы отплывать далеко от берега, да и вообще не может быть использована при бурной погоде. Кроме того, она вмещает всего одного-двух человек, а значит, непригодна для многих целей, для которых фуэгийцу необходимо каноэ. Поэтому было изготовлено гораздо более крупное и лучшее каноэ, которое обладает тем полезным свойством, что состоит из отдельных частей, так что каноэ можно разобрать на части, а различные части перевезти по суше в любое место, где оно может понадобиться. Такое судно имеет около пятнадцати футов в длину и ярда в ширину и, будучи очень плавучим, способно вместить целую семью вместе с их домом, оружием и утварью. Он значительно приподнят как на носу, так и на корме, а различные части, из которых он сделан, сшиты между собой ремешками из сыромятной шкуры.

Сам характер жизни фуэгийца показывает, что он в определенной степени должен быть кочевником. Он никогда не возделывает землю, не строит настоящий дом, не запасает еду на будущее, и поэтому, когда он съедает все мидии, лимпеты, устрицы и грибы в одном месте, ему приходится перебираться в другое. И, поскольку голод требует своего, он не может ждать, но, даже если погода слишком штормовая, чтобы он мог перевезти свое каноэ с одного побережья на другое, он все равно вынужден идти, и поэтому он придумал гениальный план - разбить свое каноэ на части и совершить путешествие по суше, а не по морю. [На иллюстрации](#) на следующей странице показано, как он меняет место жительства.

Все, что ему нужно сделать в этом случае, - это отвязать шкурные ремни, скрепляющие каноэ, разобрать его на части и отдать каждую часть одному из членов семьи для переноски, причем самые сильные берут самые громоздкие части, такие как боковые и нижние доски, а меньшие части несут дети. Когда снег лежит глубоко, меньшее каноэ обычно используется в качестве саней, на которые кладут более тяжелые вещи. Что касается хижины, то в некоторых случаях фуэги несут с собой вертикальные прутья; но чаще всего они не утруждают себя этой ношей, а оставляют хижину на произвол судьбы и рубят свежие палки, когда прибывают на место, где собираются поселиться на некоторое время.

Фуэгийцы хорошо разводят огонь и не прибегают к хлопотному процессу трения двух палок друг о друга. Они научились ценить пирит железа (тот самый минерал, который использовался в огнестрельном оружии "колесо-замок" времен Елизаветы) и добывают его в горах своих островов. В качестве огнива используется высушенный гриб или мох, а когда пирит и камешек ударяются вместе умелой рукой, образуется искра достаточной интенсивности, чтобы поджечь огниво. Как только искра завладевает огнем, фьюджин раздувает ее, пока она не разгорится, а затем заворачивает в клубок сухой травы. Он быстро кружит травяной шар вокруг головы, когда сухая листва вспыхивает, и костер разгорается.

Тем не менее, процесс разведения огня не так прост, и фуэгийцы никогда не используют пириты, кроме тех случаев, когда вынуждены это делать, предпочитая держать огонь всегда зажженным и носить с собой огниво, когда путешествуют. Огонь для фуэгийцев - это действительно жизненная необходимость, причем не столько для приготовления пищи, сколько для согревания. Те, кто побывал у них в гостях, говорят, что туземцы всегда выглядят холодными и дрожащими, что вполне вероятно, учитывая, что они не носят никакой одежды, и даже в своих домах они могут лишь частично укрыться от стихии.

Кулинария у них самая грубая, и обычно заключается в том, что они кладут еду в горячую золу и оставляют ее там до тех пор, пока она не будет достаточно приготовлена по их вкусу - другими словами, пока она не прогреется до конца. Готовка в любых сосудах им неизвестна, и первые уроки приготовления мидий в жестяной кастрюле были едва ли более успешными, чем уроки шитья, когда женщины неизменно проделывали иголкой отверстие в материале, вытаскивали нитку из ушка, а затем просовывали ее в отверстие, проделанное иглой. Их неоднократно учили пользоваться ушком для продевания нити, но безрезультатно, так как они неизменно возвращались к старой манере, которой научились, используя рыбью кость и волокно сухожилия.

(1.) ПОСЕЛЕНИЕ ФУЭГОВ.
(См. стр. 1165.)

(2.) ФУЭГИЙЦЫ МЕНЯЮТ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА.

(См. с. 1168.)

Несмотря на то, что фуэгийцы постоянно находятся в воде, они не имеют даже отдаленного представления о том, чтобы мыться. Такая мысль никогда не приходит им в голову, а когда европейцы впервые оказались среди них, вид человека, моющего лицо, показался им настолько нелепым, что они разразились криками смеха. Вследствие такого пренебрежения к чистоте и привычки мазать себя жиром и глиной они очень неприятны для ноздрей, и любой, кто хочет завязать с ними знакомство, должен решиться на необыкновенное разнообразие дурных запахов. Кроме того, они кишат паразитами, а поскольку они упорно демонстрируют дружеские чувства, обнимая своего гостя чередой неистовых ласк, осторожный посетитель должен обеспечить себя либо костюмом из масляной кожи, либо очень старой одеждой, которую он сможет отдать туземцам, как только вернется на свое судно.

Хотя фуэгийцы часто недоброжелательно относятся к чужакам и, более того, убили множество экипажей лодок, капитан Паркер Сноу сумел наладить с ними очень дружеские отношения, выходя на берег и посещая их в хижинах, чтобы полностью отдать себя в их власть и позволить им подняться на борт своего корабля. Ему посчастливилось заручиться услугами туземца по имени Джемми Баттон, который получил частичное образование в Англии, в надежде, что он сможет цивилизовать своих соотечественников. Однако, как это часто случается в таких случаях, он вскоре лишился всего своего имущества; и когда капитан Сноу посетил Огненную Землю двадцать три года спустя, он нашел Джемми Баттона таким же голым и грязным, как и все его соотечественники, а также его жену и дочь.

Однако этот человек в значительной степени сохранил знание английского языка, несколько слов из которого он переложил на свой родной язык. Когда он только прибыл на борт, английские слова давались ему с трудом, но вскоре он восстановил свою беглость и не забыл о своих манерах: он касался лба, когда ступал на квартердек, и делал матросский поклон, когда обращался к капитану, к полному замешательству матросов, которые не могли понять, что абсолютно голый дикарь говорит по-английски и при этом так же хорошо воспитан, как и они сами.

Способность к усвоению языка необычайно развита у фуэгийцев. Как правило, жителям одной страны очень трудно освоить произношение и особенно интонацию чужого языка, но фуэгиец может повторить почти любое предложение, услышав его один раз, хотя, конечно, не имеет ни малейшего представления о его смысле.

Очень нелепый пример этой диковинной способности языка произошел с моряками, которые сошли на берег и научили туземцев пить кофе. Один из фуэгийцев, выпив кофе, ухитрился спрятать оловянный кофейник, намереваясь украсть его. Моряк потребовал вернуть свою собственность и был очень раздосадован тем, что каждое слово, которое он произносил, тут же повторялось фуэгийцем. Подумав наконец, что тот, должно быть, издевается над ним, и забыв на мгновение, что не понимает ни слова по-английски, моряк принял угрожающий вид и закричал: "Ты, меднолицый негодяй, где мой оловянный горшок?" Фуеганец, ничуть не смутившись, принял точно такую же позу и воскликнул точно так же: "Ты, меднокожий негодяй, где мой оловянный горшок?" Как выяснилось, у "меднокожего негодяя" горшок был под мышкой.

Туземцы, очевидно, считали, что их белые гости очень глупы, раз не понимают их языка, и пытались заставить их понять, крича во весь голос. В одном или двух случаях, когда на борт поднялось несколько человек, они сильно раздражали капитана Сноу своим шумом, пока его не осенила светлая мысль. Он выхватил говорящую трубу и закричал в нее на своих гостей с таким ошеломляющим эффектом, что их голоса упали до почтительного молчания, и они начали смеяться над тем, как их переплюнул один человек.

Насколько можно судить, у фуэгийцев нет никакой формы правления. Они живут небольшими общинами, недостойными называться племенами, и не имеют определенного лидера, за исключением того, что старейший мужчина среди них, пока он сохраняет силу, рассматривается как своего рода авторитет. Их представления о религии, по-видимому, столь же неопределенны, как и представления о правительстве; единственным представителем религии является конъюнктурщик, который, однако, оказывает очень слабое влияние на своих соплеменников.

ГЛАВА СХХІ. ПАТАГОНЦЫ. ВНЕШНИЙ ВИД - ОРУЖИЕ - ВСАДНИЧЕСТВО.

ПОЛОЖЕНИЕ ПАТАГОНИИ - РОСТ ЖИТЕЛЕЙ - ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЯ - КОНСКАЯ УТВАРЬ - СТРЕМЯ И САПОГ - ХИТРОУМНАЯ ШПОРА - ПОДПРУГА И ЕЕ КОНСТРУКЦИЯ - ПРИМИТИВНЫЕ ПРЯЖКИ - УЗДЕЧКА И СОПУТСТВУЮЩИЙ ЕЙ ХЛЫСТ - ПАТАГОНСКОЕ И ИСПАНСКОЕ УДИЛА - РАЗМЕР И СИЛА ИХ ЛОШАДЕЙ - СКАЧКИ - БОЛАС, ИХ КОНСТРУКЦИЯ И РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ - ВОЙНА В ПАТАГОНИИ - ЗАПАСНЫЕ ЛОШАДИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БОЯ - ОХОТНИЧЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ - ПОГОНЯ ЗА ГУАНАКО - ИСПУГАННОЕ СТАДО - НЕДОСТАТОК ЛЮБОПЫТСТВА - ПРИМАНКА ГУАНАКО - ЛОВЛЯ КУРОПАТОК - СИЛА ОЧАРОВАНИЯ.

От Огненной Земли проливом, настолько узким, что в некоторых местах люди могут разговаривать через воду, отделена земля под названием Патагония.

Это ставшее уже привычным название она получила от прозвища, которое дали ее жителям моряки Магеллана. Как мы увидим далее при рассмотрении их костюма, патагонцы носят своего рода гетры для защиты лодыжек от колючек. Эти гетры сделаны из мохнатой шкуры гуанако, длинные волосы расходятся по обе стороны ноги. Моряки, всегда готовые высмеять любой новый для них обычай, обратили внимание на эту бросающуюся в глаза деталь одежды и прозвали туземцев патагонес, *то есть* "утиные лапки", - название, которое с тех пор закрепилось за ними и даже стало применяться к их стране.

Узкий морской рукав, о котором шла речь, разделяет две земли, совершенно противоположные друг другу и населенные совершенно разными по внешнему виду и привычкам людьми. На Огненной Земле почти нет ровных участков, она состоит из ровных оврагов, поросших деревьями, и обрывистых, покрытых снегом гор. Патагония, напротив, изобилует обширными ровными равнинами, неплодородными и без единого деревца.

Люди, населяющие эти страны, так же отличаются друг от друга, как и сами земли: фуэгийцы ниже среднего роста, а патагонцы выше. И все же, как фуэгиец не является абсолютным карликом, как об этом часто говорят, так и патаговец не является абсолютным гигантом: полк

английских лейб-гвардейцев такого же роста, как и столько же патагонцев. Правда, если собрать полк патагонцев из отборных мужчин, они будут выше даже гвардейцев, но старые рассказы о среднем росте в семь или даже восемь футов недостойны доверия. Некоторые из старых путешественников даже приписывают патагонцам гораздо более высокий рост, утверждая, что некоторые из них достигали двенадцати футов в высоту, и что когда один из них стоял, расставив ноги, обычный человек мог пройти между ними, не сгибаясь.

Цвет кожи патагонцев несколько похож на цвет кожи фуэгийцев: темный медно-коричневый, красноватый оттенок хорошо заметен на любом участке кожи, который оказался менее грязным, чем другие. Волосы грубые, длинные и черные, свободно свисают на лицо, а от глаз их удерживает лишь небольшая прядка шерсти гуанако. Бровей почти нет - недостаток, который всегда придает глазам неприятное выражение, и даже у стариков лицо почти лишено волос. Лицо округлое, его ширина увеличивается за счет большого выступа скул, а подбородок довольно широкий и выдающийся. Маленькие, беспокойные глаза черные, как и волосы, и довольно скрыты под выдающимися бровями. Нос узкий, между глаз, но ноздри широкие и мясистые. Рот большой, а губы довольно толстые, но в целом лицо нельзя назвать плохим. [Иллюстрация](#) на 1163-й странице, изображающая мужчину и женщину из Патагонии, представляет собой поразительный контраст с фуэгийцами, их соседями.

Одежда патагонцев проста, но достаточна, и в этом отношении они составляют большой контраст с абсолютно голыми фуэгийцами с противоположных берегов. Основную часть костюма составляет большая мантия из шкуры гуанако. Гуанако, как, возможно, известно читателю, относится к племени ламы и размером примерно с оленя. Он покрыт густой шерстью, длинные волосы которой ценны не только для патагонцев, но и для европейцев, которые делают из них различные ткани.

В этой стране гуанако очень много, к счастью для патагонцев, для которых гуанако - это самый главный источник жизни, существо, обеспечивающее их пищей, одеждой и жильем. Иногда его можно увидеть в больших стадах, насчитывающих несколько сотен особей, но обычно он объединяется в небольшие стада по двадцать-тридцать особей. Это пугливое животное, как и положено, учитывая множество врагов, которые всегда готовы обрушиться на него; а поскольку оно не только пугливое, но и быстрое, для его поимки требуется большое мастерство, как мы сейчас увидим.

Мантия из шкуры гуанако очень велика, и когда она складывается вокруг тела и сжимается руками, то опускается до самых ног; когда высокого патагонца видят в этой мантии, которая, очевидно, добавляет ему роста, он выглядит очень внушительно. Как правило, мантия стягивается вокруг талии поясом, чтобы при желании владелец мог сбросить ее верхнюю часть, при этом его руки остаются свободными для действий. Под мантию надевается небольшой фартук.

Далее следуют диковинные гетры, о которых уже упоминалось. На первый взгляд они похожи на сапоги, доходящие от колена вниз, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они лишены подошвы, имея лишь ремешок, проходящий под серединой стопы, так что пятка, пальцы и большая часть подошвы остаются незащищенными. Причина такого строения заключается в том, что патагонцы почти всегда сидят верхом, и носок ноги выступает за пределы гетр, чтобы поместиться в стремя, которое очень маленькое и треугольное.

Поскольку патагонцы так преданы верховой езде, ни один очерк об этом народе не будет достаточным без рассказа об их конской амуниции. В моем распоряжении имеется полный комплект. Седло сделано из четырех кусков дерева, крепко скрепленных между собой

ремешками из сыромятной шкуры, причем и передняя, и задняя части седла одинаковы. С боков находятся стремяна, которые крепятся к кожаным ремням и делаются очень просто. На каждом конце крепкого кожаного ремня делается отверстие, в которое просовывается короткий кусок палки диаметром около полудюйма, удерживаемый на своем месте желобком возле каждого конца. Ремень крепится посередине к ремешкам, которые служат стремянами, и изделие готово.

Поскольку расстояние между пазами составляет менее трех дюймов, патагонский всадник может вставить в стремя только большой палец ноги. Однако этого ему вполне достаточно, поскольку он восхитительный, хотя и небрежный наездник, большую часть своей жизни, начиная с детства, он провел верхом на лошади.

Шпора - такая же примитивная вещь, как и стремя, и по принципу действия очень похожа на шпоры древних рыцарей. Она состоит из двух кусков палки, точно таких же, как для стремян, и двух коротких ремешков из воловьей кожи. На каждом конце ремешка делается отверстие, и палки просовываются в него, удерживаясь на своих местах, как и стремяна, с помощью желобка, прорезанного в полудюйме от их концов, так что две палки держатся параллельно друг другу.

К верхним концам каждой палки прикреплен кожаный ремешок, который, будучи завязан на ноге, удерживает шпору на месте. На других концах палок просверлены отверстия, в каждое из которых вставляется острый железный шип. В моем экземпляре изготовитель экономно отнесся к железу и вставил шипы только в одну из палок, так что, когда шпоры носят шипом внутрь, они столь же эффективны, как если бы обе палки были вооружены. Тем не менее, отверстие для приема шипов проделано во всех палках, и нет сомнений, что патаговец, изготовивший шпоры, в то или иное время вставил бы туда шипы.

Шпора носится следующим образом: Вооруженные палки располагаются по обеим сторонам стопы, ремешок, который находится рядом с концами шипов, проходит вокруг пятки, другой ремешок проходит под впадиной стопы, а ремешки из шкуры завязываются над голенью. Такая шпора - не только эффективный, но и жестокий инструмент, не уступающий огромным металлическим шпорам с гребнями диаметром четыре дюйма, которые носят гаучо. Невозможно смотреть на эту простую форму шпор, не вспоминая старую историю о Сэндфорде и Мертоне и не вспоминая о приключении Томми Мертон, который, получив запрет на использование шпор, воткнул булавки в каблуки своих сапог, после чего от него убежали.

Подпруга представляет собой необычайно гениальную вещь. Прочность самой подпруги невероятна. На первый взгляд кажется, что это один широкий ремень из кожи, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он сделан из двадцати двух отдельных шнуров, каждый толщиной около восьмой части дюйма, уложенных рядом друг с другом и соединенных через определенные промежутки несколькими рядами таких же шнуров-струн. Каждый из этих шнуров сделан из двух нитей сырой шкуры, вероятно, гуанако, и выглядит таким же прочным, как обычный кетгут. Пряжки неизвестны патагонцам, которые придумали вместо них способ затягивать подпругу, пропуская ремни через отверстия, перетягивая их и закрепляя концы.

Не менее изобретательны долото и уздечка. Оно состоит из железного квадратного прута длиной четыре с половиной дюйма, концы которого пропущены через отверстия в сложенных вдвое кусках шкуры и вбиты в холодном состоянии в подобие заклепки, чтобы удерживать кожу на месте. К нижней части кожи прикрепляют пару крепких ремешков,

которые пропускают под нижней челюстью лошади, а затем завязывают, чтобы они удерживали долото на месте и в то же время служили своеобразным ограничителем.

К верхней части кожи прикреплены длинные плетеные ремни, которые используются в качестве поводьев и которые кажутся достаточно прочными, чтобы удержать слона, а тем более лошадь. Патагонцы не используют отдельную плетть, но у них есть длинный двойной ремень из прочной шкуры, который крепится на стыке поводьев, чтобы не было опасности потерять его.

Это обычное долото патагонского охотника, но те, кто может его достать, предпочитают использовать жестокое испанское долото, которое они подгоняют по-своему с помощью ремешков из плетеной шкуры. Одно из таких долот показано [на иллюстрации № 4](#) на следующей странице. Главной отличительной чертой этих бит является большое железное кольцо, которое проходит через челюсть лошади и дает всаднику такой мощный рычаг, что он может сломать челюсть любой лошади, не прилагая при этом особых усилий. Используя это кольцо, лошадь вскоре учат останавливаться почти внезапно, поворачивать в очень ограниченном пространстве и совершать различные движения, необходимые для выполнения погони, от которой патагонцы зависят в основном их средства к существованию.

Поводья, прикрепленные к биту, обладают огромной прочностью и сплетены в форме квадрата, так что никакое усилие, которое может совершить любая лошадь, не подвергнет их опасности. К этим поводьям прикрепляется кнут, подобный тому, что используется в предыдущем случае, но более суровый, толстый и тяжелый, и сделан он из длинного и широкого ремня из шкуры, разрезанного на четыре полосы, которые сплетены вместе, плоские и узкие полосы длиной около четырех дюймов отвечают за плетть. Видно, что патаговец ни в коем случае не милосерден к своему животному, но использует долото, шпоры и кнут, которые, хотя и просты на вид, на практике более суровы, чем те, что имеют гораздо более грозный вид.

Лошади, на которых он ездит, происходят от тех, которые были завезены испанцами и которые размножились так быстро, что почти заслуживают названия местных животных. Они не отличаются большими размерами, не превышают пятнадцати рук в высоту и принадлежат к той известной породе мустангов, которая больше славится силой и выносливостью, чем внешним видом, - качествами, необходимыми для животного, которому приходится нести такого тяжелого всадника вслед за такими быстрыми существами, как гуанако или рея.

Патагонцы очень любят скачки, но никогда не делают дистанцию длиннее четверти мили. Причина таких коротких забегов заключается в том, что их лошади не должны долго бежать с полной скоростью, а должны быстро и внезапно мчаться, чтобы всадник успел настигнуть свою добычу и метнуть необычные снаряды, которыми он вооружен.

Есть еще один предмет, необходимый для завершения снаряжения патагонца. Это знаменитый "болас", оружие, которое выглядит почти презрительно, но в опытных руках является исключительно грозным. Оно состоит из двух, а иногда и трех шариков на конце ремешков из шкур. Наиболее часто используется форма, представленная [на иллюстрации № 3](#) на следующей странице. Туземное название боласа с двумя шариками - *сомай*, а с тремя - *ачико*.

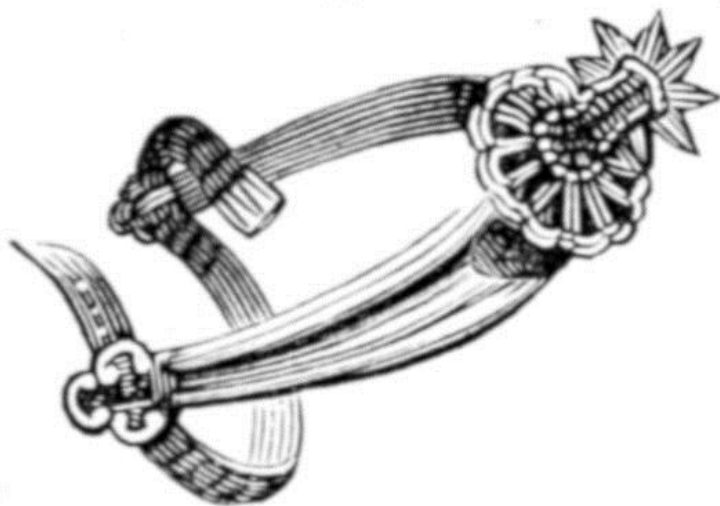
Первый момент в изготовлении боласа - это приобретение подходящих шаров, а второй - подготовка подходящей веревки, к которой они будут привязаны. Обычные шары делаются из камня и по размеру почти как крикетные. Их делают женщины, которые тратят большую часть своего времени на то, чтобы снабжать мужчин этими предметами первой

необходимости. Огранить и отшлифовать один из этих камней - это целый день работы даже для опытной мастерицы.

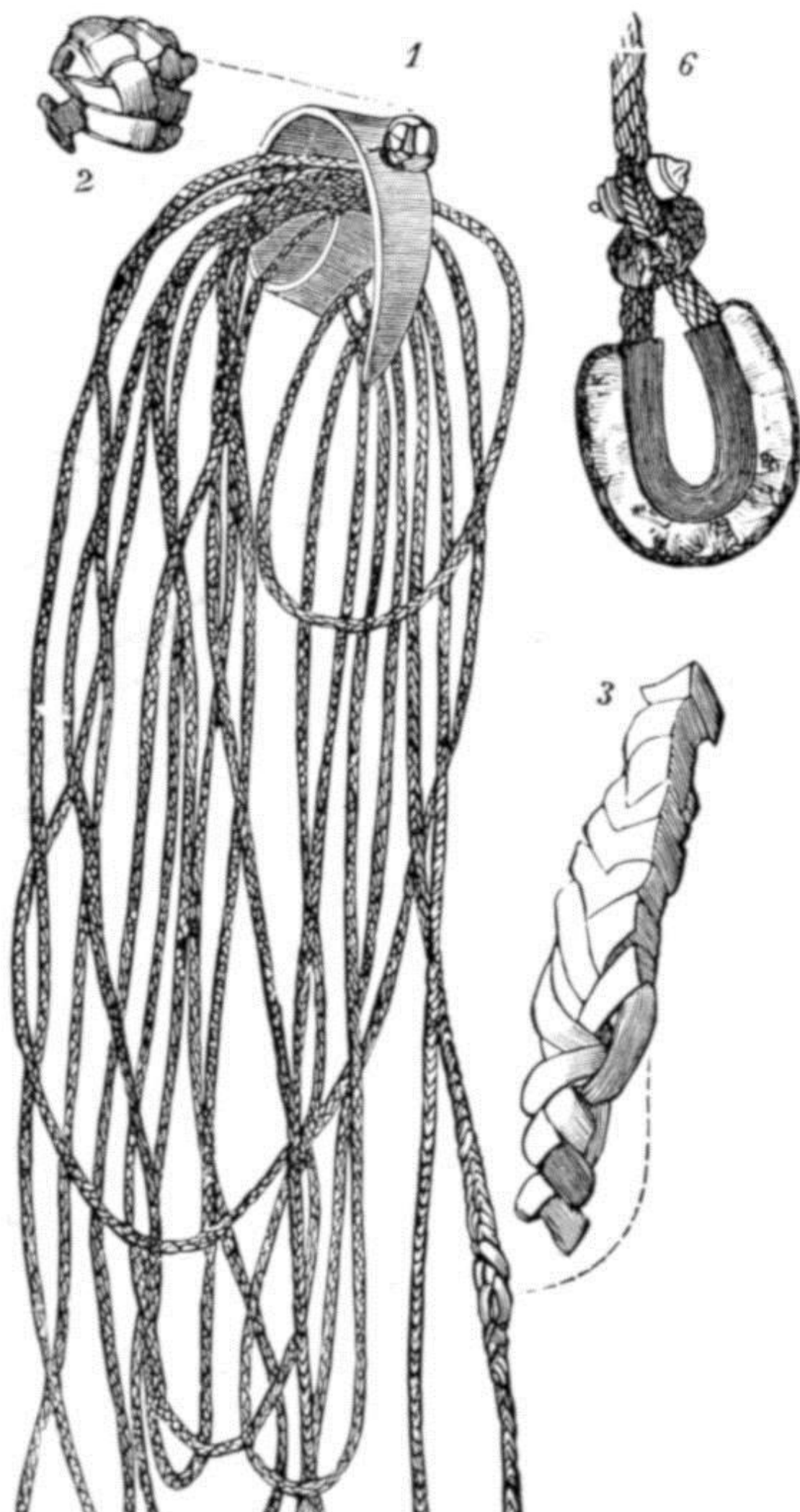
Еще более ценный шар сделан из железа, преимущество которого в том, что оно намного тяжелее камня, поэтому шар значительно меньше, а значит, испытывает меньшее сопротивление воздуха - качество, имеющее первостепенное значение для ракетного оружия. Самыми ценными являются шары из меди, как в случае с образцом, с которого сделана [иллюстрация](#). Каждый из этих шариков весит восемнадцать унций, несмотря на свой небольшой размер, так что оружие получается очень грозным.

Длина ремешка, к которому прикреплены шары, составляет девять футов, а изготавливается он следующим образом: отрезаются две пары ремешков из сырой кожи, и, пока они еще свежие и влажные, каждая пара скручивается вместе так, чтобы получилась веревка из двух нитей. Эти веревки снова скручивают в одну, так что суммарная прочность всех четырех получается огромной.

Вокруг каждого из шаров кладут круглый кусок кожи гуанако с отверстиями по всему краю. Концы ремешков пропускают через отверстия и крепко зашнуровывают, сырую кожу натягивают на шары и заключают их в своеобразный карман, как видно на увеличенном рисунке [на иллюстрации](#). Этот образец - одно из трехшариковых орудий. В данном случае скручена третья нить длиной пять футов шесть дюймов, один конец которой прикреплен к шару, а другой переплетен с нитями первой нити точно по центру. Теперь мы имеем трехшариковый болас, который сделан таким образом, что при захвате ремешков в местах их соединения два шара свисают с руки на одинаковой глубине, а третий находится всего на фут ниже их.

(1.) СТРЕМЕНА И ШПОРЫ.
(См. [стр. 1196.](#))

(2.) ЛАССО.

(См. [стр. 1197.](#))

(3.) ПАТАГОНСКИЕ БОЛАСЫ.
(См. [стр. 1174.](#))

(4.) ИСПАНСКИЙ БИТ И ПАТАГОНСКАЯ ФУРНИТУРА.

(См. [стр. 1174.](#))

Болас для патагонца - то же, что крис для малайца, бумеранг для австралийца, лассо для гаучо, дубина для фиджийца и лук для андаманца. С раннего детства ни один патаговец не обходится без этого оружия, которое кажется ему абсолютной необходимостью существования. Обычно он носит его закрученным вокруг пояса, как офицерский кушак в старые времена, шарики болтаются по бокам, как кисточки на кушаке.

Однако он намотан на тело с таким мастерством, что его можно освободить одним движением руки, при этом взгляд должен быть прикован к объекту нападения, и через мгновение патаговец полностью вооружен. Если отбросить военные действия, которых в Патагонии почти не знают, поскольку племена, а точнее, семьи, не настолько сильны, чтобы вести настоящую войну друг с другом, то так называемые сражения недостойны иного названия, кроме как стычки, которые сами по себе не причиняют большого вреда, какими бы грозными они ни были для противников, случайно не знакомых со способом ведения боя, практикуемым патагонцами.

Например, дюжина обученных пеших стрелков, которые могут полностью положиться друг на друга, одолеет в десять раз большее число конных патагонцев, которые, будучи ничуть не менее храбрыми, чем они сами, не знают дисциплины и сражаются каждый за свою руку.

Стоит стрелкам подпустить патагонцев ближе чем на тридцать ярдов, и они будут уничтожены; но пока врага можно держать на расстоянии броска, они сравнительно безвредны.

Когда патаговец намеревается напасть либо на врага-человека, либо на преследуемое животное, или даже, как это часто случается, на дикого зверя или птицу, он снимает с пояса всегда готовые к болас, зацепляет ремешки в месте их соединения, втыкает свои примитивные шпоры в бока своего грубошерстного коня и мчится на полном скаку, вращая болас вокруг головы ловким движением гибкого запястья.

Как только он оказывается на расстоянии броска, которое существенно варьируется в зависимости от силы метателя и конструкции боласа, он с безошибочным мастерством бросает свое уникальное оружие. Не успевает мяч покинуть его руку, как под действием центробежной силы шары расходятся в стороны, и они летают в воздухе по кругу с движением, в точности напоминающим то, которое английский уличный акробат придает паре набивных мячей на концах веревки, когда хочет очистить землю.

Подгоняемый сильной рукой патагонца, болас летит прямо к цели, и не успевает он ее поразить, как под действием импульса, переданного шарикам, стринги закручиваются вокруг несчастной жертвы, и она тут же замирает. И действительно, если человек попадает под удар боласа, он может поздравить себя, если через три минуты после этого он окажется жив, не задушен шнурами, обвивающими его шею, и не лишен мозга от тяжелых шаров, соприкасающихся с его черепом.

Мастерство, которого достигают патагонцы, поистине удивительно. На любом расстоянии, не превышающем пятидесяти ярдов, замеченная жертва - это убитая жертва. Захват веревки боласа настолько ужасен, что европейцы, получившие удар ею, страдают от ран, так же хорошо заметных, как если бы они были получены от удара кнутом из "коровьей шкуры" по голой плоти.

Превосходное описание различных видов боласа дает капитан Кинг: "Иногда два шара, каждый из которых - "коровья плеть".

"Иногда два шара, каждый из которых имеет шнур длиной около ярда, прикрепляются к шнуру большего набора. Это делается для того, чтобы эффективнее опутать жертву. Они не пытаются поразить предметы этими шарами, но стараются бросить их так, чтобы шнурок ударился о какую-нибудь выдающуюся часть; и тогда, конечно, шары разлетаются в разные стороны, а шнуры становятся настолько "уложенными" (или перекрученными), что борьба только усиливает безопасность пленника.

"Они могут бросать их так ловко, что пристегивают человека к лошади или ловят лошадь, не причиняя ей вреда. Если животное нужно поймать так, чтобы оно не упало внезапно - что неизбежно, когда эти шары вращаются вокруг его ног на полной скорости, - ему на шею набрасывают *сомай*. Два шара свисают вниз и так сильно запутывают животное, болтаясь на его передних ногах, что его скорость значительно снижается, и можно использовать другой набор шаров или лассо, чтобы зафиксировать животное, не сбрасывая его вниз. Лассо используется редко, настолько ловко они управляют с шарами.

"Грозным ракетным оружием является одиночный шар, называемый испанцами "*bola perdida*". Он похож на другие по размеру и содержанию, но прикреплен к более тонкой веревке длиной около ярда. Крутя этот шар весом около фунта с предельной быстротой вокруг головы, они бросают его в противника почти с силой выстрела. В ближнем бою он используется с укороченным шнуром как эффективное средство для разбивания головы. Несколько таких оригинальных и не пустяковых орудий нападения хранятся наготове у каждого человека, и многие испанцы, вооруженные сталью и порохом, признали их действие".

Набеги, которые принято называть войной, совершаются скорее с целью грабежа, чем завоевания, поскольку патагонца не волнует территория, которой у него достаточно и с избытком, и почти ничего не интересует военная слава. Иногда ему нужна добыча, иногда он собирается совершить охотничью экспедицию в район, принадлежащий другому племени, а иногда готовит короткую кампанию против враждебного племени в отместку за реальное или воображаемое оскорбление.

Готовясь к такому походу или ожидая нападения другого племени, патагонцы постоянно готовятся к войне. Они надевают три самые толстые мантии, чтобы смягчить удар боласа или выдержать удар копья и стрелы. Эти мантии не оборачиваются вокруг них по обычной мирной моде, а носятся как пончо, причем голова просовывается через отверстие посередине. Самая внутренняя мантия - из кожи гуанако, волосатой стороной внутрь, а остальные - из простой кожи, без волос, место которых занимает краска. Голову защищают конусообразные шапочки из шкуры, которые часто украшены хохолком из перьев реи.

Те, кто достаточно богат, приобретают своеобразные доспехи, состоящие из туники из толстой шкуры, с высоким воротником и короткими рукавами, и шапки или шлема из двойной бычьей шкуры. Эта одежда очень тяжела и неповоротлива, но она противостоит любому оружию, кроме пуль, и делает безвредным даже удар "*bola perdida*". Те, кто слишком

беден, чтобы иметь лошадь, и вынужден сражаться пешком, носят с собой щиты из нескольких слоев шкур, сшитых вместе.

Иногда они неожиданно натываются на врагов, и сразу же происходит стычка. В этом случае они чаще всего отбрасывают свои громоздкие мантии и сражаются без всякой одежды, кроме пояса и шпор. Отправляясь в поход на враждебные районы, они берут с собой запасных лошадей, одна из которых должна нести добычу при возвращении и участвовать в доставке воина на битву. Как только патаговец обнаруживает, что его вес начинает сказываться на лошади, на которой он едет, он пересаживается на другую, не сбавляя галопа, и таким образом обеспечивает себе свежую и неутомимую лошадь при вступлении в бой. Вторую лошадь потом используют для перевозки рабов, шкур, оружия и другой добычи.

Возвращаясь, они сбрасывают с себя громоздкие доспехи - плащи и мантии - и едут, согласно их моде, обнаженными до пояса; внутренняя мантия удерживается на своем месте кожаным шнурком, который служит поясом. В некоторых экспедициях перед воинами движется целый отряд свободных лошадей, и когда человек чувствует, что его собственный конь устал, он едет рядом с одной из свободных лошадей, переставляет удила и вскакивает на свежее животное, не заботясь о седле.

Когда патаговец отправляется на охоту, он не берет с собой никакого оружия, кроме боласа и ножа, причем последний рассматривается скорее как инструмент, чем как оружие. Если он видит стадо гуанако, то молча направляется к ним, подражая крику попавшего в беду молодого, и делает все, что в его силах, чтобы привлечь животных. Все, что очень странно, обязательно привлечет их, как привлекает коров, которые ужасно боятся нового объекта, но, поддавшись своего рода очарованию, приближаются к нему все ближе и ближе под влиянием духа любопытства, за что расплачиваются жизнью. При виде небольшого стада гуанако - скажем, шести или восьми - их обычно удается заманить в радиус действия боласа пешему охотнику, который подкрадывается к ним настолько близко, насколько ему удастся это сделать, не потревожив их, а затем разыгрывает различные сценки, например ложится на спину и бьет ногами по воздуху, привязывает полоску шкуры или пучок перьев к палке и размахивает ею. Любопытные существа, кажется, не могут противиться побуждениям своего любопытства и, хотя на самом деле боятся странного предмета, подходят все ближе и ближе, пока охотнику не удастся метнуть в них страшный болас.

Однако, когда стадо большое, гуанако становятся гораздо более пугливыми, и до появления лошади патагонцы редко могли с ними справиться. Теперь, однако, владение лошадью, а также знание нравов гуанако позволяет им захватывать и убивать огромное количество животных.

В этом способе преследования патагонцы используют две особенности, присущие гуанако. Во-первых, это животное любит холмы и, когда его преследуют или даже боятся преследования, покидает равнину и устремляется на какую-нибудь возвышенность. Как и все стадные животные, гуанако неизменно выставляют дозорных на самых возвышенных местах и доверяют свою безопасность их бдительности: на визг тревоги мгновенно сбегается стадо. Зная эту особенность, охотники уверены, что если стадо гуанако окажется на равнине, а рядом с ним будет холм, животные почти наверняка займут его.

Вторая особенность заключается в том, что гуанако, оказавшись в замешательстве, полностью теряют способность соображать, бегут несколько шагов в одну сторону, затем несколько шагов в другую, будучи совершенно не в состоянии выработать какой-либо определенный план бегства.

Большая группа охотников, иногда почти сотня человек, вооружается длинными легкими копьями с тростниковыми наконечниками, называемыми чусо, подзывает своих собак и отправляется к месту, где, как известно, находится стадо гуанако. Остановившись на каком-нибудь травянистом холме, половина охотников выдвигается вперед и занимает позицию на дальней стороне, а остальные осторожно подгоняют гуанако к известному им месту пастбы.

ПАТАГОНЦЫ ОХОТЯТСЯ НА ДИЧЬ.
(См. [стр. 1181.](#))

Как только животные оказываются на холме, охотники расходятся так, чтобы окружить их полукругом, а затем бросаются вперед, загоняя стадо на холм. Отряд с другой стороны, как только слышит крики, расходится аналогичным образом, полностью окружая холм, так что, когда гуанако достигают вершины, они оказываются окруженными врагами.

По обычаю, принятому в таких случаях, гуанако теряют всякое присутствие духа, одни бегут в одну сторону, другие - в другую, взаимно мешая друг другу бежать, так что охотники получают возможность пронзить своими длинными копьями самых мелких животных и таким образом за очень короткий промежуток времени настичь такое большое количество, что они в достатке обеспечены шкурами и мясом.

Хотя в таких случаях они берут с собой копье, без боласа им не обойтись: он используется для ловли молодых гуанако, которых держат в одомашненном состоянии, как овец. Время от времени гуанако, обладающий большим умом, чем его товарищи, выбирает собственную линию и прорывается сквозь круг своих врагов. Но шансов спастись у него немного, поскольку вокруг круга всадников находится еще один круг пеших людей, сопровождаемых собаками. Как только гуанако прорывается сквозь первый круг, его тут же хватают собаки, которые наводят на него такой ужас, что он не может пошевелиться и не пытается ни бежать, ни сопротивляться.

На предыдущей странице находится оживленная [гравюра](#), изображающая патагонские пейзажи и туземцев в их любимом занятии - охоте на дичь. Горячая погоня, летящие боласы, растерянные гуанако ярко изображены.

Молодые гуанако, которые упоминались как одомашненные, предназначены не только для еды или разводятся только ради шкуры. Их используют для того, чтобы приманивать взрослых животных. Взяв молодого гуанако на кормежку, охотник привязывает его к кусту, а затем прячется за ним. Подражая крику матери, он заставляет пленника издавать пронзительный блеющий звук, которым молодой зверь зовет свою мать. Взрослые гуанако не могут устоять перед этим звуком, и как только они приближаются к кусту на расстояние около двадцати ярдов, болас пускается в ход, и животное, на которое он нацелен, падает на землю, окутанное смертельной оболочкой.

Сила боласа наглядно демонстрируется в погоне за реей, или американским страусом. Эта птица так же быстра и настороженна, как и настоящий африканский страус, и, если бы не болас, охотникам вряд ли удалось бы ее поймать. В погоне за этой птицей патагонцы используют тот же прием, что и при ловле гуанако. Они знают, что рея, как и гуанако, склонна к путанице и неуверенности в своих движениях, когда на нее давят одновременно с разных сторон. Поэтому они стараются окружить стадо и сблизиться с ним, или, во всяком случае, двое или трое из них нападают на него с противоположных сторон, гоня его сначала в одну сторону, а затем в другую, так что птица оказывается в таком замешательстве, что не может решиться бежать в одном направлении, спасаясь от врагов благодаря своей превосходной скорости, но позволяет им подойти на расстояние выстрела из боласа, когда ее судьба предрешена.

Охотники также знают, что, как и все страусиное племя, да и многие другие дикие преследуемые животные, рея всегда бежит против ветра. Поэтому им легко определить направление, в котором будет двигаться птица, и, направив двух-трех всадников на несколько миль в сторону ветра, легко пресечь ее отступление. Патаговец может даже убивать маленьких кави из боласа, настолько точен его прицел.

Читатель может легко представить, что такое оружие может пригодиться на войне. Когда патагонец использует его в бою, он не всегда бросает его, видимо, потому, что не любит лишать себя оружия. Иногда он мчится рядом с противником и бросает в него один из шаров, как если бы он бросал камень, сохраняя другой шар в руке, чтобы вернуть оружие после удара. Когда патагонец носит с собой трехшариковый болас, который уже был описан, он использует третий шар, который, как можно вспомнить, прикреплен к самой длинной веревке, как английский грабитель использует свой "спасательный круг" или американец - свой "косой выстрел".

Другой способ добычи дичи практикуется патагонцами и идентичен тому, который используют североафриканцы при добыче куропатки, южноафриканцы - при убийстве дрофы, а также жители других частей света. На равнинах распространен вид куропаток, который называется пампасной. Ее научное название - *Nothuria major*. Оружие, или, скорее, орудие, необходимое для этого вида спорта, очень простое. Это не что иное, как легкий тростник длиной около восьми футов, на конце которого находится петля, состоящая из полоски, вырезанной из длинного пера. Эта петля достаточно податлива, чтобы ее можно было натянуть, а также достаточно эластична, чтобы не распускаться.

Вооружившись этим приспособлением, патагонец высматривает на земле куропатку и, найдя ее, начинает скакать вокруг нее по все уменьшающемуся кругу. Птицу такое поведение сильно озадачивает, и она, вместо того чтобы улететь, просто прижимается к земле. Постепенно молодой охотник - этим спортом занимаются только мальчики - подходит к птице так близко, что накидывает петлю ей на шею, и, прежде чем она успевает расправить крылья для полета, рывком поднимает ее в воздух.

Опытный ловец птиц может за час добыть трех-четыре птиц, используя этот любопытный способ охоты, который можно преследовать как пешком, так и верхом. Единственный недостаток этого способа заключается в очень ограниченном времени, в течение которого его можно использовать. Было обнаружено, что, если тень охотника падает на куропатку, птица, кажется, стряхивает с себя странное чувство, которое парализует ее энергию, и улетает прежде, чем ее можно поймать. Следовательно, заниматься этим видом спорта можно только до тех пор, пока солнце находится в направлении меридиана; как только тень удлиняется настолько, что может упасть на птицу, молодой охотник бросает свою забаву. Все практикующие натуралисты знают о тревоге, которую вызывает тень, падающая на животное, за которым они наблюдают или которое пытаются поймать; а энтомологи, в частности, усвоили, что для того, чтобы подойти к большинству насекомых, необходимо держать их между собой и солнцем.

Что касается странного вида очарования, которое заставляет птицу приседать, вместо того чтобы улететь, то оно существует у очень многих птиц, примером которых может служить домашняя птица или любая из обычных вольерных птиц. Любой, кто привык иметь дело с этими птицами, может взять одну, поставить ее или положить на стол, уйти и вернуться после нескольких часов отсутствия, зная, что птица не посмеет пошевелиться. Когда я содержал и разводил канареек, я избавлял их от страшного красного клеща, посыпая их перья порошком насекомых, кладя их на лист бумаги, покрытый порошком насекомых, и оставляя их там на час или два, пока порошок не уничтожит всех паразитов.

ГЛАВА СХХІІІ. ПАТАГОНИЙЦЫ - Завершение. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

БРАК У ПАТАГОНЦЕВ - ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНИХА - ОТКАЗ ОТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТ ПЕРЕГОВОРОВ - ЛЮБОПЫТНЫЙ СПОСОБ КУРЕНИЯ - РЕЦЕПТ ДЛЯ БОЛЬНОГО РЕБЕНКА - ПАТАГОНЦЫ ДОМА - ТУЗЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ - ПАТАГОНСКАЯ АРХИТЕКТУРА - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ, ДЕТЬМИ И РАБАМИ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ВЛАСТЬ КАСИКА - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ВОЗЛИЯНИЯ - ПОХОРОНЫ В ПАТАГОНИИ - УЕДИНЕНИЕ ВДОВ - ВИЗИТЫ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ.

Теперь мы рассмотрим домашнюю жизнь патагонцев, если слово "домашняя" может быть справедливо применено к людям, у которых нет оседлого дома или *domus*.

О том, как у них заключаются браки, рассказывает капитан Борн, который провел в плену значительное время и имел все возможности изучить их нравы и обычаи. Оказалось, что в доме вождя, к которому он принадлежал, была дочь - вдова с маленьким ребенком. Однажды вечером снаружи хижины послышался топот множества ног, а также бормотание голосов. Вскоре один голос прозвучал громче остальных, очевидно, обращаясь к кому-то внутри хижины. Это был голос жениха, пришедшего просить руки молодой вдовы. Вождь с презрением отверг предложение, заявив, что не достоин стать ее мужем, поскольку у него нет ни лошадей, ни другого имущества. Мужчина признался, что в настоящее время у него нет лошадей, но он очень хороший вор, и если дама согласится, то он будет воровать лошадей, ловить гуанако и давать ей много жира.

Эти предложения были отвергнуты так же презрительно, как и предыдущие, и тогда жених обратился к даме, которая очень охотно приняла его и полностью уступила, когда он неоднократно обещал принести ей домой много жира. Тогда она попросила отца выслушать просьбу жениха, но получила гневный отказ. Тогда ее мать попыталась успокоить разгневанного отца, сказав, что молодой человек может выполнить свои обещания, поймать много лошадей и стать великим вождем.

Это было слишком для старика. Он вскочил в порыве гнева, схватил колыбель, в которой лежал его маленький внук, вышвырнул ее из хижины, схватил все вещи, которыми владела его дочь, бросил их вслед за колыбелью, а затем приказал ей идти за своим товаром. Именно этого она и добивалась; в сопровождении матери она вышла из хижины, и к ней присоединился ее будущий муж.

Среди патагонцев практикуется любопытный способ курения, несколько напоминающий тот, что используется дамами, о котором говорилось на предыдущей странице.

Когда организуется одна из таких курительных вечеринок, гости собираются вместе, иногда в хижине, а иногда под открытым небом. Они серьезно рассаживаются в круг, вокруг сосуда с водой - иногда это бычий рог, воткнутый в землю, а иногда что-то вроде тазика из сырой шкуры. Когда все собрались, один из них берет каменную трубку и набивает ее смесью табака и стружки какого-то желтого дерева.

Приготовив трубку, вся компания ложится на лицо, натянув мантии до самого верха. Трубку зажигают и передают по кругу, каждый втягивает в легкие столько дыма, сколько может проглотить, и задерживает его до тех пор, пока может существовать без дыхания. Как только дым выдыхается, мужчины начинают серию стонов и хрюканий, которые становятся все громче и громче, пока не становятся совершенно оглушительными. Постепенно они утихают

, а когда тишина восстанавливается, каждый делает глоток воды, молча сидит некоторое время, а затем медленно поднимается и уходит.

Капитан Борн считает, что в этой церемонии есть что-то от религиозного элемента. Стоны и хрюканье могут быть вызваны табаком или веществом, которое к нему подмешивают, но звуки кажутся ему более громкими и выразительными, чем если бы они были произвольными; а дыхание, извивания и другие аккомпанементы, глубокая серьезность и воздержание от речи, похоже, имеют какое-то религиозное значение.

Тот же путешественник приводит очень забавный рассказ о посещении патагонским врачом хижины одного из вождей. Патагонцы как раз готовились сменить место жительства, как вдруг вошла одна из дочерей с ребенком, который громко плакал и, как полагают, был очень болен. Путешествие было остановлено, и за мудрецом послали гонца, который вскоре пришел и принес с собой волшебные лекарства, свернутые в два куска кожи.

Их положили на землю, и врач сел на корточки рядом с ними, устремив пристальный взгляд на ребенка, который вскоре перестал плакать. Ободренный таким успехом, мудрец приказал наложить глиняный пластырь. Так и было сделано. Принесли немного желтой глины, смочили ее до состояния краски, и этим веществом помазали ребенка с головы до ног. Глина, похоже, не оказала должного эффекта, так как ребенок стал плакать так же сильно, как и раньше.

Теперь два загадочных пакета были развязаны, и из одного доктор достал пучок сухожилий реи, а из другого - погремушку. Доктор последовательно перебирал пальцами все сухожилия, бормоча что-то очень низким тоном, и после того как он пробормотал около пяти минут, он взял свою погремушку и сильно потряс ею. Затем он сел напротив пациента и уставился на него, как делал это раньше. После молчаливого разглядывания он повернулся к шефу и спросил, не кажется ли ему, что ребенку лучше. Кивок и ворчание выразили согласие, и мать на тот же вопрос дала аналогичный ответ.

Затем повторялся тот же процесс: молчаливый взгляд, рисование глиной, вытягивание сухожилий, бормотание невнятных слов, тряска погремушки и завершающий взгляд. На этом лечение пациента считалось законченным. В качестве платы вождь дал врачу две трубки табака. Тот с благодарностью принял их, напоследок потряс погремушкой в знак признательности за щедрость вождя и отправился восвояси. Как только он ушел, ребенок возобновил плач, но родители убедились, что ему лучше, и, как свидетельствует капитан Борн, вскоре он вполне успокоился и в дальнейшем хорошо себя чувствовал.

Общий образ жизни патагонцев не особенно привлекателен для людей с цивилизованными привычками, если судить по графической картине, нарисованной капитаном Борном: "Несколько сухих палок и несколько сухих деревьев...

"Принесли несколько сухих палок и пучок сухой травы; мой хозяин достал из удобного хранилища латунную золушку с камнем и куском стали и вскоре развел огонь, который ярко осветил сцену. При его свете я смог рассмотреть первый образец патагонской архитектуры, который благословил мое зрение. Она была построена в "остроконечном" стиле, хотя и не очень притязательном: ряд кольев высотой около восьми футов, каждый из которых заканчивался костылем или вилкой, а поперек них лежал шест; два параллельных ряда кольев по обе стороны высотой около двух футов, с такими же окончаниями и таким же горизонтальным креплением; покрытие, состоящее из шкур гуанако, сшитых вместе со страусиными сухожилиями, единственной нитью, которую используют люди. Это покрытие накидывается на каркас и закрепляется кольями, вбитыми в землю. Для вентиляции

оставлено несколько промежутков, но они наполовину закрыты шкурами, прикрепленными снаружи, так что воздух извне и дым изнутри (при отсутствии дымохода) должны в большом количестве проникать через эти отверстия.

"По правде говоря, мой первый осмотр был довольно поспешным; едва я увидел первый веселый отблеск, как тут же поспешил закрыть глаза от нестерпимого дыма. Вскоре я почувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя бекон, находящийся в сознании, в процессе излечения. Никакой промежуток времени не мог примирить глаза, ноздри и легкие с этой неприятностью. Часто я был более чем наполовину задушен им и был вынужден лежать лицом к земле как единственное приемлемое положение. Должно быть, "разговоры, которые хуже дымного дома", - это что-то устаревшее, или воображение Шекспира никогда не представляло себе ничего столь отвратительного, как патагонская хижина. Однако вождь и его многочисленные домочадцы, казалось, испытывали огромное удовлетворение, они болтали, хрюкали, разыгрывали свои сценки и обменивались гримасами так самодовольно, словно дышали атмосферой, вызывающей восторг.

"Мои размышления и наблюдения были вскоре прерваны приготовлениями к трапезе. Вождь, лучшая половина или, скорее, пятая часть, поскольку у него было четыре жены, руководил кулинарными операциями, которые были такими же грубыми и простыми, как и хижина, в которой они проводились. И вот теперь мое воображение начало вызывать видения говядины, птицы и яиц, обещание которых выманило моих людей из лодки, оказалось сильнее советов благоразумия и сделало меня пленником. Но эти лакомства, если они и существовали где-нибудь в пределах юрисдикции вождя, в настоящий момент были зарезервированы.

"Старая карга сбросила с вершины одного из кольев, поддерживавших палатку, четверть какого-то животного - то ли собаки, то ли гуанако. Старым медным ножом она с силой резала ее направо и налево, пока она не разделилась на несколько кусков. Затем она взяла несколько изогнутых палок длиной около двух футов, заостренных на концах, и воткнула их вилки в куски мяса, а противоположные концы воткнула в землю возле костра, который, хотя и был достаточным, чтобы дымить и приятно согревать, был слишком слаб, чтобы жарить его. В любом случае, время было слишком дорого, или их неискушенный аппетит был слишком жаден, чтобы ждать такой операции, и сырые куски были быстро выхвачены из дыма, разорваны на куски их грязными руками и брошены на землю перед нами.

"Индейцы с жадностью хватали их и бросали кусочки мне, но что я мог с ними сделать? У меня не было аппетита на обед олдермена в такое время и в таком месте, но что касается того, чтобы попробовать мясо, которое было в такой сомнительной форме, то на это не хватало ни зубов, ни решимости. Разглядывая его с плохо скрываемым отвращением, я наблюдал, как дикари, словно свора полуголодных собак, с величайшим наслаждением поглощали свои порции, выхватывая куски мелкими белыми зубами, подавая все признаки удовольствия, кроме того, что привыкли видеть в людях.

"Старый вождь заметил, что я не обращаю внимания на его гостеприимство. Почему бы тебе не поесть, человек? Это мясо очень хорошо есть, очень хорошо есть. Ешь, человек, ешь".

Видя, что он так взволнован, и не зная, какие поступки могут последовать за его словами, если я откажусь, я решил попробовать "съесть то, что было передо мной, не задавая вопросов", полагая, кроме того, что если в нем и был какой-то злой дух, которого не смог изгнать огонь, то он не смог бы противостоять дыму. Так что, мучительно разрываясь между отвращением к странной плоти и страхом показать ее, я все же отправил кусочек в рот. Вкус его оказался ничуть не менее отвратительным, чем вид, и я проглотил его с меньшим

отвращением, чем опасался. Это была моя первая трапеза с дикарями и пример многих других, хотя впоследствии более вкусные блюда время от времени скрашивали их однообразие".

Наиболее вероятно, что мясо, которое так быстро приготовили и съели, принадлежало гуанако. Патагонцы ничуть не привередливы в еде и едят практически любое животное, которое убивают, будь то гуанако, рея или корова. Они испытывают отвращение к собачьей плоти, хотя их, как и фуэгийцев, нельзя обвинить в том, что они едят плоть людей, а не собак.

Их главное лакомство - мясо молодой кобылы, и весьма любопытно, что эти странные люди не станут, если смогут удержаться, есть мясо лошади, если только она не стала инвалидом в результате несчастного случая. Они очень любят жир кобыл и реев, отделяя его от плоти путем кипячения и заливая в пузыри, как в этой стране поступают с салом. Однако жир, полученный от гуанако, не хранится, как жир кобылы и реи, а съедается сырым. Как и фуэгийцы, патагонцы получают значительное количество пищи с морского побережья: женщины и дети собирают огромное количество лимпетов, мидий и других подобных существ.

Помимо животной пищи, патагонцы употребляют овощи, хотя и довольно скупо. Два корня составляют часть их обычного рациона. Один из них называется "тус" и похож на батат или картофель. Он луковичный и, если его очистить и правильно приготовить, очень напоминает печеный картофель. Второй корень называется "чалас" и представляет собой длинный, тонкий корень, толщиной едва ли больше обычного карандаша.

Весьма примечательно, что патагонцы, похоже, не изобрели никаких опьяняющих напитков. Они быстро научились ценить ром и другие спиртные напитки и опьяняют себя, когда могут достать средства, но все ферментированные и дистиллированные спиртные напитки они получают от белых торговцев, а не собственного производства. У них есть своего рода охлаждающий напиток из сока барбариса, смешанного с водой, но его пьют в натуральном виде, не подвергая брожению.

Жилища патагонцев заслуживают краткого описания, поскольку они демонстрируют различие между патагонскими и фуэгийскими представлениями об архитектуре. Читатель помнит, что основная часть фуэгийской хижины состоит из палок и веток, в то время как патаговец использует палки и шесты только как каркас, на котором он может раскинуть свою палатку из шкур.

Эти хижины, называемые испанцами "тольдос", а патагонцами "коровами", имеют разные размеры. Как правило, это не более чем наклонные навесы, высотой шесть или семь футов спереди и всего два фута сзади. Длина каждого тольдо составляет около двенадцати футов, а ширина - около девяти футов. Поскольку восточных ветров в Патагонии почти не бывает, отверстие хижины всегда обращено на восток, а кожаная оболочка этой простой палатки непроницаема для ветра и дождя. [Патагонская деревня](#), демонстрирующая форму этих хижин, представлена на 1187-й странице.

Это обычное жилище, но некоторых местах для вождя или знахаря возводят хижину гораздо большего размера. Эти дома двускатные, высота посередине составляет восемь футов или около того, а с обеих сторон они наклоняются к стене, высота которой составляет пять футов или около того. Хижины такого рода почти квадратные, их глубина превышает длину.

Спальное место в этих жилищах очень простое и состоит из шкур, которые расстилаются на полу. Другие шкуры, свернутые в рулоны, укладываются вдоль боковых стен хижины и служат

подушками, дети лежат в углу сами по себе, а собаки спят у ног своих хозяев. Тех детей, которые не могут ходить, укладывают в простые колыбели из квадратных кусков шкуры гуанако, подвешенных по часовой стрелке четырьмя концами к стропилам хижины.

Днем младенцев держат или, скорее, укладывают в колыбели, сделанные из плоских кусков доски, на которые полукругом нанизаны податливые палки. Ребенка кладут между двумя кусками кожи гуанако, закрепляют в люльке, и тогда его можно без проблем переносить. Даже когда семья меняет место жительства, люльку можно повесить на лук седла лошади матери, и маленький жилец будет вполне доволен своим положением.

Из этого утверждения может показаться, что к детям относятся с пренебрежением. Однако это не так: патагонцы отличаются своей родительской привязанностью и гораздо более склонны баловать своих детей чрезмерными удовольствиями, чем проявлять к ним недоброжелательность. Так, когда патагонский вождь хочет сменить место жительства, а люди не желают с ним расставаться, они берут одного из его детей, всячески балуют его и заявляют, что он должен оставить его за собой. Любящий родитель не может заставить себя ни оставить ребенка, ни лишиться его общества тех, кто к нему добр, и поэтому он остается со своим народом.

Положение женщин очень сносное. Им, конечно, приходится всю жизнь тяжело работать, если только их муж не достаточно богат, чтобы купить рабов, или если ему не посчастливилось добыть их в результате набега на какое-нибудь другое племя. Много таких рабов можно получить от фуэгийцев, которые не гнушаются продавать даже своих родственников, если им удастся выручить за них хорошую цену. Даже жены главных мужчин не освобождаются от труда, если их мужья не владеют рабами.

Как правило, жены верны своим мужьям, но бывают случаи, когда женщина считает, что с ней плохо обращаются, и отдает себя в руки другого защитника. Если он нижестоящий, обиженный муж заставляет его заплатить за обиду; если же вышестоящий, он вынужден мириться с потерей. Обычно, однако, муж и жена живут счастливо, и муж считает делом чести принять сторону жены, если она вступает в спор, независимо от того, права она или нет. Наедине он строго отругает ее и даже подвергнет телесному наказанию за то, что она втянула его в такой спор, но на людях он обязательно поддержит ее.

Способ наказания у патагонцев довольно разнообразен, но в целом представляет собой модификацию патриархальной системы. Главы семей или племен обладают наследственным рангом и играют ведущую роль во всех важных событиях мира или войны. Их власть, однако, не очень велика, они не могут ни собирать налоги, ни принуждать к принудительному труду без оплаты. Эти вожди, или касики, как их называют, могут, если захотят, отказаться от звания, и многие так и поступают, предпочитая стать подданными какого-нибудь другого касика, а не хлопоты и ответственность, которые сопровождают эту должность.

По словам Фолкнера, "касик имеет право защищать всех, кто к нему обратится; улаживать или замалчивать любые разногласия; передавать обидчика для смертной казни, не неся за это ответственности. В этих вопросах его воля - закон. Как правило, он слишком склонен брать взятки, выдавая своих вассалов и даже родственников, когда ему за это хорошо платят.

"По его приказу индейцы разбивают лагерь, совершают марш или переходят из одного места в другое, чтобы охотиться или вести войну. Он часто созывает их к себе в палатку и рассказывает об их поведении, обстоятельствах времени, нанесенных им обидах, мерах, которые необходимо предпринять, и т. д. В этих речах он всевозносит свою

собственную доблесть и личные заслуги. Когда он красноречив, его очень уважают; а когда касик не наделен этим даром, у него обычно есть оратор, который заменяет его".

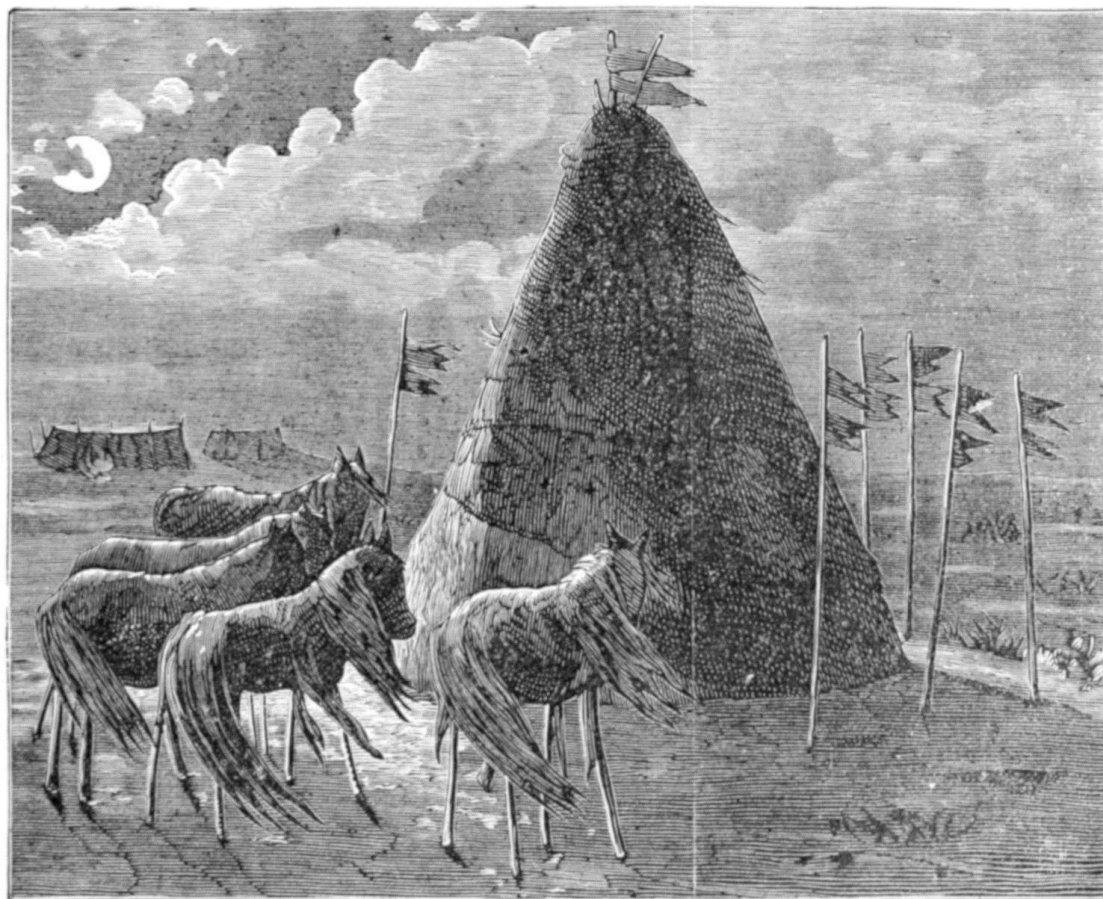
Религия патагонцев - это политеизм, аборигены верят в существование огромного количества божеств, одни из которых добрые, а другие злые. Каждая семья находится под опекой одного из добрых божеств, и все члены этой семьи после смерти присоединяются к нему. Рядом с этими богами живут подчиненные им демоны, добрые к своим друзьям, но злые ко всем остальным, так что в целом в них преобладает зло. Их называют Валичу.

Однако среди некоторых патагонских племен есть даже приближение к личной религии. Бытует мнение, что патагонцы полностью лишены такой религии. Однако это, безусловно, не так, поскольку даже наши ограниченные знания об этих людях, их языке и привычках показывают, что, хотя они и не обладают какой-либо определенной системой религии, им все же импонирует идея о существовании некоего Существа, бесконечно большего, чем они сами, которое знает все, что они делают. Таким образом, они верят во всеведущее Существо; и такая вера, пусть ограниченная и несовершенная, все же является шагом к истинной религии.

(1.) ПАТАГОНСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

(См. [стр. 1185.](#))

(2.) ПАТАГОНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ.

(См. [стр. 1189.](#))

Этому неведомому существу они возносят благодарность, когда получают пропитание после долгого голода, так что мы видим, что они признают, что великое существо, которое знает все их поступки, наблюдает за ними и является Дарителем всех благ. Когда, например, они добывают печать, пролежав несколько месяцев в полуголодном состоянии, они собираются вокруг костра, и самый старый из присутствующих мужчин отрезает для каждого кусок печати, произнося над каждой порцией нечто вроде молитвы и вознося взор к невидимому Богу, который послал им мясо в их нужде. Недисциплинированные патагонцы, совершенно не привыкшие к самоотречению и обезумевшие от голода, ни один из них не притронется к еде, пока не повторит эту молитву.

Способ погребения у патагонцев варьируется в деталях в зависимости от конкретного племени, но есть общее сходство в церемониях по всей стране. Когда человек умирает, его тело заворачивают в лучшую мантию, сажают на любимую лошадь и везут к месту погребения, где уже вырыта квадратная яма, около шести футов в глубину и двух-трех футов в ширину. В эту яму тело покойного помещают в сидячем положении, рядом кладут его боласы, копыта и другое имущество, а затем яму накрывают ветками, на которые набрасывают немного земли. Затем в жертву приносят лошадь. Один человек держит ее у могилы, а другой убивает ее ударом боласа по голове, после чего с нее снимают шкуру, набивают ее и держат у могилы на четырех столбах. На могиле касика приносят в жертву четырех лошадей. Одежду, не погребенную вместе с покойным, сжигают, а пиршество на теле лошади завершает процедуру. На странице 1187 читатель может найти [гравюру](#) с изображением патагонского захоронения.

Вдовы обязаны оставаться в состоянии строжайшего уединения в течение целого года, не выходя из своих хижин, никогда не смешиваясь с обществом и даже не показываясь на людях, если это не является абсолютной необходимостью. Они должны чернить себя сажей и не есть плоть гуанако, кобылы или реи. Если женщина нарушит правило уединения и будет замечена в интриге, она тут же лишится жизни от рук родственников своего покойного мужа.

В некоторых племенах гробница периодически вскрывается, и скелет покойного, подготовленный с особой тщательностью, омывается и облачается в новые одежды. Этим занимается старая матрона, специально отобранная для этой задачи, которая со временем становится долгой и утомительной, поскольку воинов кладут в могилу рядом, и каждый год постепенно увеличивает число тех, кого нужно ежегодно омыwać и одевать.

В некоторых племенах скелеты подготавливают, укладывая тела на платформы, сплетенные из тростника и веток, и в течение всего времени, которое уходит на очистку и отбеливание скелета, платформу охраняют друзья умершего, задрапированные в длинные мантии и несущие колья или шесты, которыми они ударяют по земле, напевая при этом заунывные песни, чтобы отогнать валичусов или духов, которые, возможно, хорошо относятся к умершему, но скорее всего, недружелюбны.

Если покойный был богатым человеком, родственникам наносят множество визитов соболезнования, скорбящие громко плачут и накалывают себе руки и ноги шипами, чтобы доказать свою привязанность выделением крови. За эти знаки уважения их награждают бусами, медными украшениями и другими подарками; и нет нужды говорить, что скорбь по умершему и сочувствие, которое вызывают его друзья, во многом зависят от количества имущества, находящегося в распоряжении родственников.

ГЛАВА СХХIV. АРАУКАНЫ. ОДЕЖДА-ЭТИКЕТ-ПРАВИТЕЛЬСТВО.

ДЕЛЕНИЕ НАРОДА НА ПЛЕМЕНА - МАПУЧЕ - ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ГОЛОВЫ - ЧЕРИПА, ПОНЧО, И САПОГИ - СПОСОБ БРИТЬЯ - УКЛАДКА ВОЛОС - БОРЬБА ЗА "ВЫРЫВАНИЕ ВОЛОС" - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ОГРОМНАЯ БУЛАВКА - НЕОБЫЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАПЕРСТКОВ - СЛОЖНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР - КРАСКИ - ДЕМОНСТРАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТЩЕСЛАВИЯ - ОДЕЖДА ДЕТЕЙ - АРХИТЕКТУРА АРАУКАНОВ - ДОМ ВОЖДЯ И ЕГО МЕБЕЛЬ - ДЛИННЫЙ ДОМ МАПУЧЕ - КОЛИЧЕСТВО КОСТРОВ - КОДЕКС ЭТИКЕТА - ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ РЕЧЬ - ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА - ТРЕБОВАНИЕ ДАНИ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ВЕЛИКИЙ ТОКИ - СОВЕТЫ МИРА И ВОЙНЫ.

Пройдя на север от Патагонии и взяв западное направление, мы приходим к народу арауканов. Это название было дано им испанцами, как и название патагонцев их южным соседям, и, хотя оно неверно, оно было принято в течение стольких лет, что его нелегко заменить на более правильное обозначение.

Аборигены Чили и части территории, которую сейчас занимает Аргентинская Республика, раньше были одним большим народом, занимавшим очень значительную часть суши и неизбежно изменившимся в нравах и обычаях под влиянием климата и географического положения. Их общим названием было Алапу-че, или Люди Земли, но они были разделены

на три большие группы, а именно: Пехуен-че, или Люди Востока; Мара-че, или Люди Запада; и Уили-че, или Далекие Люди, которые были ближе всего к патагонцам. Оставляя в стороне войны с испанцами, как не относящиеся к цели данной работы, мы опишем мапуче, или жителей страны, как они сами себя называют.

Эти люди ниже среднего роста, крепкие, толстокожие, широкогрудые и по форме значительно уступают североамериканским племенам. Голова узкая и низкая спереди, широкая и высокая сзади, а затылок почти на одной линии с затылком - особенность, по которой можно почти всегда отличить арауканца. Ноги столь же примечательны, как и голова. Она очень короткая и широкая, поднимается прямо от пальцев к лодыжке, почти не изгибаясь, так что получается очень высокий, но очень неуклюжий на вид задник.

Обычная одежда мужчин мапуче состоит в основном из двух предметов, а именно: черипа (произносится как *chèreepah*) и пончо. Черипа - это своего рода компромисс между килтом и брюками. Это кусок ткани, в основном хлопчатобумажной, который пристегивается к задней части пояса, пропускается между ног, затягивается там спереди и заправляется в пояс. Пончо - это не что иное, как большой круглый кусок ткани с отверстием в центре, через которое продевается голова. По принципу действия оно в точности повторяет полинезийский плащ и является одновременно примитивным, эффективным и изящным одеянием, принимающим при каждом изменении положения складки, которые радуют глаз художника.

Помимо пончо и черипа, мапуче обычно носят пару сапог, похожих на те, что носят патагонцы, и сделанных из аналогичных материалов: кожу с задних ног лошади натягивают на ногу, пока она еще свежая, так что она прилегает к ноге носителя. Как и у патагонцев, она открыта спереди, чтобы два первых пальца могли пройти и ухватиться за маленькое треугольное стремя. Сложные лошадиные амуниции, которыми восхищаются мапуче, будут описаны, когда мы перейдем к нравам и обычаям народа. Люди высокого ранга носят шерстяные браслеты и лодыжки как знаки своего высокого положения.

Как и у большинства арауканских племен, у мапуче почти нет бороды, а ту, что есть, они уничтожают по обычной моде дикарей, выщипывая отдельные волоски, а не сбривая. Мистер Р. Э. Смит имел возможность наблюдать, как проводится эта операция: "У одного дома, где мы остановились, я увидел индейца, который с первого взгляда показался мне белым человеком, потому что его борода росла так, будто он не брился неделю. Он выглядел красным и пятнистым и постоянно поднимал руку к какой-нибудь части лица, сохраняя при этом выражение терпеливой выдержки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он занят бритьем.

"Эти индейцы выдергивают или отрезают бороду маленькими стальными пинцетами. Изначально этот инструмент, как гласит название мапуче, представлял собой раковину моллюска, но благодаря общению с белыми им удалось приобрести более изящный предмет. Каждый денди носит пинцет на шее, а в минуты досуга развлекается тем, что разглаживает лицо по вкусу своей накрашенной хозяйки. Аргументы, которые они приводят в защиту своего обращения с бородой, в точности соответствуют тем, которые используют бритоголовые во всем мире".

Они не ограничиваются удалением волос с подбородка, щек и верхней губы, а выдергивают ресницы и брови, подставляя вместо последних тонкую изогнутую линию черной краски. Они говорят, что наличие ресниц мешает им в охоте на пчел - занятии, которое они очень любят и которым гордятся. Некоторые из молодых воинов разрешают оставлять на верхней

губе небольшую прядку волос, но старшие вожди считают это новшеством по отношению к древним обычаям и по мере сил сдерживаются от этого.

Волосы на голове коротко подстригаются на макушке, но по бокам им разрешается расти длинными, чтобы их можно было легко ухватить, подобно тому как североамериканские племена оставляют один длинный локон на макушке головы, чтобы облегчить врагу, убившему их, снятие скальпа.

Когда два парня ссорятся, они решают спор дракой, которая ведется не ударами кулака или оружия, а выдергиванием волос. "Давай выдернем волосы, если ты не боишься", - кричит один из спорщиков другому. Вызов никогда не остается без ответа. Снимается пончо, если оно на нем, черипа затягивается на поясе, участники схватки дают друг другу возможность хорошенько ухватиться за длинные локоны, и начинается борьба. Каждый старается повернуть голову противника так, чтобы повалить его на землю, а когда тот упадет, ослабляют хватку, трут затылки, снова хватают и повторяют борьбу до тех пор, пока один из них не уступит. Бой окончен, вся враждебность исчезает, и они снова становятся хорошими друзьями.

Одежда женщин, как и мужчин, состоит из двух одеяний, хотя надеваются они по-разному. Одна из них - увеличенная черипа, сделанная из того же материала. Ее сначала оборачивают вокруг тела под мышками, а затем скрепляют булавками через каждое плечо, так что руки остаются голыми. На талии она стягивается очень широким поясом и опускается почти до щиколоток. Одной этой одежды вполне достаточно, но поверх нее набрасывается второй кусок, который служит шалью или мантией, скрепляясь спереди булавкой с огромной плоской головкой, размером с сырную тарелку. Иногда головка бывает шарообразной, но больше всего нравится плоская форма, которую украшают выгравированными фигурками. Ткань в основном местного производства, она либо черная, либо очень темного синего цвета индиго.

Волосы женщин, как и у мужчин, разделены на два длинных хвоста, один из которых свисает через каждое плечо. Хвосты обмотаны спиральными нитями голубых бусин, а их концы соединены веревкой из двенадцати или четырнадцати латунных наперстков, которые висят рядом, как звон колокольчиков. Помимо этих украшений, женщины носят своеобразный чепец, полностью сделанный из бисера и ниспадающий на затылок до плеч. Ее нижний край украшен рядом медных наперстков, подобных тем, что соединяют две пряди волос. Этот замысловатый головной убор надевают только по торжественным случаям, а обычно косы обматывают вокруг головы, два конца выступают вперед, как рога; для удержания волос на месте используется косынка, обычно усыпанная бисером. Эти особенности одежды показаны на иллюстрации [семьи мапуче](#) на странице 1201.

Украшения носят в зависимости от достатка хозяев. Нитки бус, серебряные доллары и латунные наперстки в изобилии висят на шее, которую украшает ошейник из кожи с серебряной инкрустацией. Также носят широкие браслеты и лодыжки, похожие на мужские, но сделанные не из шерсти, а из разноцветных бусин.

Краску носят представители обоих полов, но в основном женщины, и она не является чем-то декоративным. Она неизменно двух цветов - красного и черного, которые смешиваются с жиром, чтобы их можно было наносить и снимать по желанию. Обычно это широкий красный пояс от уха до уха, захватывающий щеки, веки и нос, причем нижний край пояса иногда окантовывается черным. Веки и ресницы также окантовываются черным, а тонкая линия того же оттенка занимает место бровей, которые удаляются, за исключением очень тонкого ряда волосков в центре. Некоторые женщины еще больше украшают лицо пятнами черной

краски. Женщины очень гордятся этими украшениями, и мистер Смит приводит забавный пример их тщеславия: "Наш разговор зашел о женской одежде, и, не желая унижить наших прекрасных посетительниц, мы сравнили их с женщинами, которых мы видели в доме Чанкая. Женщины, работавшие неподалеку, не понимали и полудюжины слов по-испански; но, обладая интуитивным восприятием, свойственным этому полу, они не сразу догадались, что наш разговор касается их самих и их платьев.

"Тут же они устроили военный совет; войдя в дом, они тут же вернулись, каждая с сумкой безделушек. Там были покрывала для головы и груди, состоящие из ниток бус всех цветов и рисунков, с медными наперстками и серебряными монетами. Были кольца и подвески для ушей и носа; браслеты и браслеты, ошейники и нагрудные булавки колоссальных размеров. Все это было выставлено для нашего восхищения, и, чтобы мы могли лучше понять их богатство, дамы принялись украшать себя всеми своими нарядами. В то же время они болтали во все горло, восхваляя свое превосходство над всеми остальными женщинами и обращаясь к нам за подтверждением своего хорошего мнения.

"Наконец, красавица партии, украсив голову, грудь и руки по максимуму, вышла вперед остальных и, подняв платье до колен, продемонстрировала нашему изумленному взору удивительно упитанный кусок плоти и крови. Похлопав по тельцу с искренней гордостью и развернув его для нашего осмотра, она обвешала его бусами, поправила разноцветные браслеты и, презрительно щелкнув пальцами, излила совершенный поток мапуче.

К сожалению, рядом не было никого, кто мог бы перевести этот язык; но, судя по ее действиям и частому повторению имени "Чанкай", мы поняли, что она имела в виду, что, в чем бы еще ни преуспели жены Чанкай, она бы не согласилась с ними или с кем-либо еще сделать ногу прекраснее, чем та, о которой идет речь".

Одежда детей достаточно проста. Пока они младенцы и не умеют ходить, их туго заматывают в бинты, чтобы они не могли двигаться. В таком беспомощном состоянии их кладут в бамбуковые колыбели и подвешивают на колышки, вбитые в стены дома, или укладывают в корзины, подвешенные к крыше, чтобы их можно было раскачивать на веревке, привязанной к колыбели. Младенцы - идеальные образцы поведения, они никогда не плачут и позволяют подвешивать себя на колышки, не подавая никаких признаков жизни, кроме движения глаз. Как только они начинают ходить, им разрешают бегать без всякой одежды, которую не надевают, пока они не станут мальчиками и девочками семи или восьми лет.

Архитектура арауканцев очень проста, но немного отличается в зависимости от района и положения владельца дома. Обычный дом простого человека - это простая хижина, построенная из плетня, размером примерно двенадцать футов на десять, небрежно сделанная и плохо рассчитанная на то, чтобы противостоять стихии. В дождливый день дождь заливает хижину со всех сторон, и это обстоятельство имеет свои преимущества, которые уравнивают его неудобства. В дождливые дни всю готовку приходится делать в доме, что было бы совершенно невыносимо, если бы отверстия, пропускающие дождь, не выпускали дым. Ночью, кроме того, эти хижины переполнены спящими.

В одной из таких хижин стояли три грубые кровати для двух супружеских пар и пары взрослых девушек, а на земле лежали шестнадцать или семнадцать молодых людей и детей, набитых друг на друга, как сельди в бочке. Кроме того, целый отряд собак пробирался в дом, как только обитатели закрывали глаза; таким образом, в этом ограниченном пространстве в течение ночи содержалось около тридцати живых существ. Очевидно, что, если бы хижина была защищена от непогоды, вся партия задохнулась бы еще до утра.

Более подходящее жилище, которое посетил мистер Смит, заслуживает названия дома. Оно было прямоугольным, а не округлым, и имело размеры тридцать футов в длину и пятнадцать в ширину. В середине крыши находилось отверстие, служившее дымоходом, огонь разводился прямо под ним. Окон не было, дыра и дверь были единственными отверстиями для доступа света и воздуха.

В доме была только одна комната, хотя в крыше было сделано что-то вроде чердака. Она использовалась в качестве кладовой, где хранились мешки с бобами и прочими предметами роскоши. Как и следовало ожидать, вся верхняя часть дома была густо покрыта сажей. Один из углов был отгорожен своеобразной плетеной перегородкой и служил зернохранилищем, в котором хранилась пшеница.

С покрытых сажей и паутиной стропил свисали пучки маиса, тыквы, куски мяса, сетки, полные картофеля, стручки стручкового перца и тому подобные предметы; по полу были в изобилии разбросаны глиняные горшки, блюда и копья. Посреди всего этого висели два длинных копья, направленных остриями к двери, но, хотя их головки были защищены тем, что воткнуты в куски жира, они были ржавыми и, очевидно, давно не использовались.

В двух углах стояла обычная деревенская кровать, *то есть* каркас из тростника с натянутой на него бычьей шкурой; рядом с кроватями висели принадлежности хозяина: шпоры, стремяна и удила, все из чистого серебра, у мужчин, и нагрудные булавки, ожерелья, серьги, наперстки и другие украшения у женщин. К одному из стропил была подвешена обычная корзинная люлька, в которой лежал пеленатый младенец.

Дом касика, или вождя, гораздо больше, чем все описанные выше, и несколько напоминает "длинный дом" на Борнео. Один из таких домов, принадлежавший касику по имени Айлал, на расстоянии выглядел чем-то средним между очень длинной лодкой и стогом сена. Его высота составляла около пятнадцати футов, ширина - тридцать, а длина - около ста сорока.

Середина дома была общей для всех обитателей, но боковые стороны были разделены на несколько комнат, каждая из которых принадлежала женатому сыну владельца или одной из его собственных жен. В тех случаях, когда семья не очень большая, у каждой жены есть свой камин; но когда количество семей под одной крышей значительно, один огонь является общим для двух или трех из них. В доме Айлала было шесть каминов, и над каждым из них было отверстие в крыше. Каминны представляют собой не что иное, как несколько камней, расположенных так, чтобы горшки не мешали горению дров; а поскольку пепел скапливается там, куда падает, или разносится любым потоком воздуха, очевидно, что интерьер такого дома не является образцом чистоты.

Вследствие обычая выделять каждой жене отдельный огонь, один из них условно воспринимается как метафора другого. Не считается вежливым спрашивать мужчину, сколько у него жен, но этикет позволяет любому спросить другого, сколько костров он сжигает. Перед дверью висит перекладина, за которую никто не осмеливается пройти без специального приглашения, если только это не обитатель дома или близкий друг семьи.

Мапуче в совершенстве демонстрируют ту любопытную смесь дикаря и джентльмена, которая так часто встречается среди нецивилизованных людей. У них существует сложнейший кодекс этикета, который для незнакомца часто оказывается утомительным из-за времени, которое тратится на соблюдение необходимых формальностей. Когда два человека встречаются, они должны пройти через установленный курс комплиментарных замечаний, пропуск которых, за исключением родственников или очень близких друзей,

будет считаться непростительным проступком. Приведем рассказ мистера Э. Р. Смита об этой церемонии

"Если гость - незнакомец, хозяин начинает с обращения к нему: "Я не знаю тебя, брат" или "Я никогда не видел тебя раньше". Затем незнакомец называет свое имя и место жительства и продолжает расспрашивать хозяина о себе, своем здоровье, здоровье отца, матери, жен и детей, о своих землях, посевах, скоте и стадах: далее расспрашивают вождей округа, соседей, *их* жен, детей, посевы и т. д., а также о том, были ли какие-либо беспорядки, болезни, смерти или несчастные случаи.

"Если ответы благоприятны, то спрашивающий продолжает выражать свое счастье и морализировать о том, что здоровье, богатство и дружба - великие блага, за которые следует благодарить Бога. Если же, напротив, ответы принесут плохие новости, он соболезнует пострадавшим и философски замечает, что несчастья следует переносить с хладнокровием, поскольку люди не всегда могут избежать зла. Когда гость закончил, хозяин в свою очередь начинает задавать все те же вопросы, делая такие комментарии, которых могут потребовать полученные ответы.

"Эта формальность занимает десять или пятнадцать минут. Вопросы и ответы произносятся (заучиваются) низким монотонным голосом, с певучей интонацией, не похожей на произнесение четок или пение монахов. В конце каждого предложения, если последнее слово заканчивается гласной, голос повышается до крика; если же последняя буква - согласная, она завершается носовым хрюканьем. Слушатель иногда выражает свое удовлетворение звуком, средним между хрюканьем и стоном, или выражает удивление протяжным "Хуэ!". За этими исключениями он никогда не прерывает речь, пока говорящий не даст понять по своеобразной каденции голоса, что он уже сказал свое слово. Во время этой болтовни говорящие часто не смотрят друг на друга, а нередко даже сидят, повернувшись друг к другу спиной".

Как только этикет соблюден, ораторы переходят на обычный тон голоса и свободно беседуют на темы, которые их действительно интересуют.

Ораторское искусство высоко ценится у мапуче, и если молодой человек обладает некоторыми способностями к речи и тренирует их в красноречии, он становится на высокий путь к отличию и, вероятно, в конце концов станет вождем, хотя изначально был низшего ранга. Таких молодых людей вожди всегда охотно ищут в качестве своих посланников, поскольку этикет требует, чтобы такие посланники не только обладали оперативной памятью, чтобы гарантировать правильную передачу сообщения, но и были беглыми в речи и выборе дикции, а в последнем вопросе мапуче очень щепетильны.

Молодой человек, показавший себя знатоком этих трех требований, обязательно попадет на службу к важному вождю, и, действительно, он слишком хорошо знает себе цену, чтобы портить свои перспективы, служа кому-либо, кроме человека очень высокого ранга. Действуя в качестве посланника, он практически становится своего рода послом, на котором отражается репутация его доверителя, и, общаясь с главными людьми и выступая на их собраниях, он вскоре приобретает для себя ту значимость, которая раньше была присуща только его официальному положению. Люди такого типа часто становились хозяевами тех, кому они раньше служили, - их способности возвышали их до соответствующего положения.

Для постороннего человека красноречие этих людей совершенно непонятно. Они произносят свои речи монотонно, с разнообразными интонациями, но без малейшего духа или действия. По сути, они очень напоминают школьников, декламирующих заученное

наизусть стихотворение, не давая себе труда понять его. И все же мапуче замирают, когда такую речь произносит опытный оратор, чистота дикции которого вызывает почтительное восхищение слушателей.

Этикет настолько высоко ценится среди арауканов, что однажды английский джентльмен чуть не лишился жизни, пренебрегая церемониями. Кажется, что каждый вождь, какими бы мелкими ни были его владения, ожидает, что каждый чужак, проходящий через его территорию, должен заплатить ему дань. Размер дани не имеет особого значения, поэтому в знак признания ранга дается что-то одно.

Будучи новичком в этой стране, данный джентльмен проходил по территории одного из вождей, когда его остановили и потребовали дань, которую он отказался платить, сославшись на то, что он всего лишь путешественник, а не торговец. Тогда молодой человек вскочил в хижину, достал трубу, сделанную из рога, и дунул в нее. На сигнал откликнулись со всех сторон, и со всех сторон набежало множество конных и вооруженных воинов. Путник не испугался, несмотря на боевой порядок, вскинул пистолеты и ждал нападения, когда к нему подбежал проводник и попросил дать им что-нибудь, *хотя бы карманный платок*.

Путешественник сразу же понял, что речь идет всего лишь о вопросе этикета, и по причине малости предлагаемого подарка щедро одарил вождя перочинным ножом. Вражда сразу же уступила место восторженной дружбе. Старый вождь был совершенно потрясен великолепием подарка, поклялся в вечной дружбе с путешественником и отправил почетный караул сопровождать его на протяжении нескольких миль в пути.

Мы, естественно, переходим к способу управления, используемому арауканами.

Четыре большие области делятся на провинции, а те - на более мелкие округа, каждый из которых возглавляет вождь, обладающий своего рода патриархальной властью над своими сородичами. Он является судьей и арбитром клана, и его решение не может быть обжаловано. При этом он не взимает никаких налогов и не может заставить работать на себя даже самых низких из своих людей. Он может потребовать от людей услуг на войне или для государственных дел, но на этом его власть заканчивается. Никакая земля не может быть продана иначе, как вождем, которому она принадлежит в силу своего рода юридической фикции, и даже он не может продать ее никому, кроме коренного арауканца, под страхом смертной казни.

Все эти вожди, или касики, как их часто называют, считаются равными по рангу и независимыми друг от друга, хотя один из них выбирается по своим личным способностям на пост главного вождя округа, но только как *primus inter pares*. Должность вождя обычно, но не всегда, передается по наследству. В основном она переходит к старшему сыну, но фактический обладатель должности может завещать ее даже тому, кто принадлежит к другой семье. Если вождь умирает, не имея сыновей, брата или признанного преемника, народ имеет право сам избрать вождя, и именно в таких случаях красноречивые посланники, о которых мы недавно рассказывали, находят возможность возвыситься до звания касика.

До этого момента детали управления достаточно просты. Теперь нам предстоит рассмотреть необычную схему, не похожую ни на одну другую известную нам нацию. Из главных вождей различных районов выбирается один токи, или глава провинции, и эти токи образуют верховный совет, который управляет делами нации. Из их числа выбирается председатель совета, который именуется титулом, означающим Великий Токи. Он является высшим лицом в государстве. Он может созывать советы, когда считает нужным, следит за благосостоянием

государства, доводит до сведения коллег любую информацию, которую считает важной, а в особых случаях может действовать по собственному усмотрению.

Когда мистер Э. Р. Смит путешествовал по Араукании, Великим Токи был старый вождь по имени Маньин, который, похоже, был достоин занимаемой должности. Маньин Уэно ("Небесная трава"), как его называли соотечественники, или Маньин Буэно ("Маньин Добрый"), как его называли чилинос, был очень старым человеком, его возраст оценивался чуть менее чем в столетие, хотя в целом он выглядел так, что его можно было принять за человека, которому было чуть больше шестидесяти лет. Его длинные черные волосы были лишь слегка присыпаны серебром, глаза сохранили яркость, а осанка - прямо ту; и хотя долгие годы убавили его силы, они не повлияли на его интеллект.

Он пользовался глубочайшим уважением, что объяснялось его общепризнанной мудростью, благодаря которой не раз удавалось предотвратить войну. Однако он не был богатым человеком, и по уровню благосостояния большинство мелких вождей были гораздо богаче, чем Маньин Уэно. Единственным признаком его богатства были массивные серебряные принадлежности для лошадей, но даже они не стоили и пятидесяти фунтов наших денег; одежда же его была самой простой, а самым дорогим предметом его одежды был красно-желтый платок, повязанный вокруг головы.

Когда собирается совет токи, его члены обычно стараются затмить друг друга великолепием своих назначений; а после окончания рабочего дня они присоединяются к общему дебошу, который иногда длится весь следующий день и не позволяет членам совета вернуться к своим делам, пока они не станут достаточно трезвыми.

Теперь перейдем к любопытной части арауканского правления. Верховный совет занимается только внутренним управлением страной и технически называется Советом мира. Как только объявляется война, Совет мира прекращает свое существование, а его место занимает Совет войны. Его возглавляет Токи Войны, который, пока длится война, обладает неограниченной властью, за исключением пожизненной. Он назначает офицеров, определяет необходимое количество воинов, приказывает ввести в каждом округе воинскую повинность и возлагает на каждого касика обязанность собрать определенное количество людей и припасов. Как только мир заключен, он и весь его совет уходят в отставку, и Мирный совет вновь вступает в свои права.

ГЛАВА СХХV.

АРАУКАНЦЫ - Продолжение.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

ЛЮБОВЬ К ЛОШАДИ - СТРЕМЕНА, УДИЛА И ШПОРЫ АРАУКАНОВ - СПОСОБ КРЕПЛЕНИЯ ШПОР К ПЯТКЕ - ДРЕССИРОВКА ЛОШАДЕЙ - ЦЕННОСТЬ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ - НЕНАВИСТЬ К ОБМАНУ - ЛЮБОВЬ К СЕРЕБРУ И НЕБРЕЖЕНИЕ К ЗОЛОТУ - КАК АРАУКАНЫ ЕЗДЯТ ВЕРХОМ - БОЛАС ИЛИ ЛАКИ, И ЛАССО - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЗАБРАСЫВАНИЯ ЛАССО - ПОИМКА ДИКОГО БЫКА - ХРАБРОСТЬ АРАУКАНЦЕВ - ИХ УСПЕШНАЯ БОРЬБА ЗА СВОБОДУ - КАРЬЕРА МОЛОДОГО ГЕРОЯ - БРАК СРЕДИ АРАУКАНЦЕВ - ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ - ПРИМИРЕНИЕ С РОДИТЕЛЯМИ - АРАУКАНСКАЯ КУЛИНАРИЯ - ПРИГОТОВЛЕНИЕ НАЧИ, ЧИКА И МУДАЙ - МОЛОТЬБА КУКУРУЗЫ.

Теперь мы переходим к обычной жизни арауканов.

Как и американские племена в целом, они стали прекрасными адептами в использовании лошади: климат, туземцы и лошадь, кажется, согласуются друг с другом, что действительно удивительно, учитывая, что это животное было сравнительно поздно завезено в Америку. В отличие от патагонцев, они гордятся массивностью амуниции, которой украшают своих лошадей; и, хотя они мало заботятся об отдельных животных и являются довольно жесткими хозяевами для них, они украшают лошадей самым пышным образом.

Их седла сделаны по моде патагонцев и представляют собой не более чем грубые деревянные рамы. На спину лошади кладут несколько шкур, на них - седло, на него накидывают седельную ткань из толстой кожи, и все готово. Уздечка, как и у патагонцев, делается из скрученной шкуры, а иногда из нескольких полосок конской кожи, сплетенных вместе, к которым примешивается несколько нитей серебра. В качестве долота обычно используется обычное испанское долото с жестоко мощным расположением бортика и кольца.

Стремена обычно представляют собой кусок тростника, скрученный в треугольную форму и подвешенный к седлу на кожаных шнурах; но богатые арауканцы гордятся тем, что у них эти изделия из чистого серебра. Форма этих стремян варьируется в некоторой степени, обычная форма напоминает английское стремя, но гораздо больше и тяжелее, боковые стороны от одного до двух дюймов в ширину и пронизаны декоративными узорами, а поперечная перекладина, на которую опирается нога, имеет ширину в два дюйма.

Форма стремени, к которой они наиболее пристрастны, похожа на другую, насколько это касается боковых частей; но ножная перекладина превращена в большую пластину из серебра, которая накладывается на переднюю часть стремени и защищает пальцы ног и голень от шипов, которых много в этой стране. Задняя часть этой пластины выступает сзади в виде острия, которое используется в качестве шпоры.

К самим шпорам арауканец очень привередлив. Они огромного размера и вооружены гребнями диаметром от двух до трех дюймов, а иногда даже превышают этот размер. Можно представить, что шпоры такого размера и веса должны быть очень плотно пристегнуты к ногам, чтобы они держались на своих местах.

Однако это не так. Напротив, ремешок, которым они застегиваются, довольно свободен, так что при ходьбе гребни стелются по земле, а когда он сидит верхом, они свисают почти перпендикулярно с его пяток. Арауканец мало заботится о препятствии при ходьбе, так как он никогда не проходит и двадцати ярдов, если может себе помочь; в то время как положение шпор при верховой езде - настоящая необходимость. Иллюстрация [стремени и шпор](#) приведена на 1175-й странице.

Лошади никогда не бывают обучены более чем наполовину. Их учат крутиться по очень маленькому кругу, внезапно останавливаться и бросаться на дыбы, а также мчаться полным галопом; но это лишь предел их достижений. Многие из них - молодые, энергичные и нервные скакуны, и если в ходе борьбы за победу, которую они время от времени пытаются одержать, шпоры будут упираться им в бока, они сильно встревожатся, и их борьба только усилится. Но поскольку шпоры свисают вниз почти под ногами всадника, они не касаются боков лошади, и в любой момент, если они нужны для использования, владельцу достаточно согнуть ноги, чтобы привести их в нужное положение.

Арауканцы испытывают здоровое презрение к притворству и не приемлют ничего, что имеет хоть какое-то притворство. Самый бедный крестьянин, который может позволить себе только железную шпору, а может и вообще не иметь шпор, не захочет носить ни шпоры, ни

стремена из плакированного металла или любой имитации серебра, какой бы хорошей она ни была.

Они настолько привередливы в этом вопросе, что не станут пользоваться изделиями, изготовленными за границей; и даже если шпора сделана из чистого серебра по их собственному образцу, они почти наверняка отвергнут ее, так как качество изготовления обязательно выдаст себя их опытному взгляду. Высокая полировка всегда вызывает у них подозрения, так как местные мастера не способны придать ей блеск. Все эти изделия изготавливаются из серебряной валюты страны, и богатый арауканец всегда носит с собой пару весов и несколько долларов, которые служат стандартными гирями.

Можно представить, что покупка пары шпор или стремян - дело важное для этих людей. Покупатель молча садится на землю, берет шпоры и с мельчайшим вниманием осматривает каждую деталь, изучает каждый шов, нюхает металл, пробует его на вкус и звенит, чтобы понять, не испорчен ли он примесью какого-нибудь некачественного материала. Из серебра делают не только шпоры и стремяна, но и подвески для уздечки, украшения для наголенника и седла, так что амуниция богатого арауканца иногда стоит сто пятьдесят фунтов, просто как серебро, без учета стоимости изготовления.

Люди, изготавливающие эти высоко ценимые украшения, пользуются самыми грубыми инструментами, а их мастерские представляют собой грубые лачуги, совершенно не соответствующие варварскому великолепию их изделий. Иногда мастер изготавливает украшения на продажу, но в случае с крупными изделиями, такими как шпоры или стремяна, которые весят несколько фунтов и требуют большого количества долларов, он предпочитает дожидаться заказа и изготовить требуемое изделие из мешка долларов, которым оно сопровождается.

Примечательно, что арауканы, которые очень любят серебро, не имеют ничего общего с золотом. Кроме этих конских амуниций, они носят серьги, нагрудные булавки и другие украшения из серебра, но никак не из золота. Некоторые путешественники считают, что причиной отказа от золота является желание скрыть его присутствие в стране от чужеземцев, помня, что именно оно стало причиной катастрофической войны с испанским захватчиком. Настоящая причина, вероятно, заключается в том, что его нельзя добыть в достаточном количестве без больших затрат труда, чем они готовы отдать, и что они не научились обрабатывать золото так же, как серебро.

Арауканцы - прекрасные наездники, хотя их посадка не понравилась бы европейскому мастеру верховой езды. Они полностью полагаются на равновесие, чтобы удержаться в седле, и, кажется, скорее висят на спине лошади, чем держатся за колено. Незнакомый с этой страной человек всегда думает, что арауканианский всадник вот-вот будет сброшен, настолько слабо он сидит, тогда как сама мысль о том, что он может быть сброшен, никогда не приходит ему в голову. Он и его лошадь кажутся одним существом, движимым одним разумом. Однажды один путешественник увидел, как лошадь испугалась и отпрыгнула в сторону от объекта ужаса. Он подумал, что от неожиданности всадника отбросило в сторону; но, судя по всему, человек испугался и шарахнулся в тот же миг вместе со своей лошастью.

Арауканцы используют болас так же, как и их южные соседи, патагонцы, и их никогда не увидишь без "лаки", как они называют это оружие, висящее у них на поясе. Некоторые из них имеют обыкновение оставлять один из шаров без кожаного чехла, говоря, что покрытый болас используется, когда они сражаются с друзьями, а голый - когда с врагом.

Они также используют лассо, это страшное оружие, которое распространено на столь обширной территории и которое вытесняет болас по мере продвижения на север.

Это страшное оружие достаточно простое в принципе, представляя собой не что иное, как кожаную веревку длиной сорок футов с петлей на конце. Однако конструкция довольно изобретательна, поэтому на 1175-й странице я привел [иллюстрацию](#), взятую с образцов, имеющихся в моем распоряжении. На рис. 1 показано лассо, намотанное на ремень, которым оно крепится к седлу всадника. Оно сделано из множества нитей сыромятной шкуры, сплетенных в круглую веревку диаметром около трех восьмых дюйма, так что, хотя оно кажется очень тонким, на самом деле обладает огромной прочностью, и слон вряд ли смог бы его порвать. Эта часть веревки показана на рис. 5.

На последних десяти футах своей длины веревка гораздо толще, состоит из большего количества полосок шкуры и заплетена в квадратную форму. На крайнем конце различные пряди оплетаются вокруг железного кольца, как показано на [рис. 4](#). Через это кольцо проходит лассо, образуя бегущую петлю. Переход от круглой к квадратной косичке показан на рис. 3, а на рис. 2 изображен своеобразный узел, который не дает лассо соскользнуть с седла.

На [рис. 6](#) показан конец другого вида лассо, сделанного из волокна шелковой травы, *то есть* длинных волокон из листьев одного из видов агавы. Эти волокна удивительно прочны, и лассо отличается не только прочностью, но и эластичностью. Вместо железного кольца на конце веревка закручивается так, чтобы получилась петля, внутренняя часть которой выложена прочной кожей, а внешняя украшена разноцветными шерстинками.

Когда нужно использовать лассо, метатель берет кольцо в левую руку, лассо - в правую и разводит руки так, чтобы получилась петля длиной около шести футов. Взявшись левой рукой за кольцо и шнур, он продевает правую руку вдоль веревки так, чтобы сложить ее вдвое, и держит ее там. Когда он бросает веревку, он кружит ее вокруг головы, пока петля не станет совсем круглой, а затем бросает ее в объект, бросая вслед за ней остаток веревки, которая висела в витках на его левой руке. Пролетая по воздуху, петля постепенно становится меньше, так что метатель всегда может подобрать диаметр петли к объекту, который он должен закрепить.

Мастерство, с которым они бросают эту петлю, удивительно, о чем можно судить по рассказу мистера Смита о борьбе с разъяренным быком: - "Поимка конкретного животного

"Поимка конкретного животного из стада в пределах пастбищ, совершенно не ограниченных горами и реками, часто бывает трудной и порождает множество захватывающих случаев и смехотворных сцен. Даже когда пленники захвачены, ими нелегко управлять, их привязанность к старым товарищам проявляется в частых попытках вернуться.

"Один бык доставил немало хлопот. Это был благородный парень, безупречно белый, такой, на котором прекрасная Европа пронеслась через воды финикийских глубин, или такой, которому можно поклоняться на берегах Ганга.

"Спустя долгое время на него накинули лассо, и всадник, буквально взявший быка за рога, самодовольно пустился в путь, чтобы привести его к месту сбора. Но бык не воспринял это как нечто само собой разумеющееся: с бешеным ревом он бросился на своего похитителя, который, увидев грозную пару рогов, мчащуюся к нему, пустился в полный галоп, все еще держась за лассо, которое он тщетно пытался натянуть. Лошадь была измотана, и старый

Уайти быстро набирал скорость. Другой индеец выскочил вперед и, ловко бросив лассо, поймал незанятый рог, подхватив пленника с разворотом.

"Бык еще не был покорен. Порывав, погрозив лапой, порывав и порывав некоторое время, он сменил тактику. Бросившись на одного из своих раздражителей, он резко развернулся и едва не поймал другого на рога. Ситуация становилась все более запутанной, когда, когда разъяренное животное стояло вниз головой с хвостом, торчащим под углом в пятьдесят пять градусов, третий всадник перешел в атаку и, взмахнув лассо, поймал хвостовую конечность в бегущий узел.

"Таким образом, двое мужчин по бокам были в безопасности, если человек сзади держал свое лассо натянутым. Но теперь возник вопрос в правиле трех. Если три человека поймают быка, один за рога, другой за хвост, и все потянут в разные стороны, в какую сторону может пойти бык?

"Никто, казалось, не мог ответить на этот вопрос; но Катрилас был человеком, готовым ко всем неожиданностям, и, сойдя с коня, он бросился на помощь своим товарищам, вооружившись длинным копьём и старым пончо. Подбежав к быку, он бросил пончо на землю в нескольких шагах впереди, человек сзади немного притормозил, и ревущий пленник отчаянно бросился на красную ткань. Рывок за хвост остановил дальнейшее продвижение, пока Катрилас, подхватив пончо на кончик копья, не перебросил его на несколько ярдов вперед. Снова замедление, снова погружение, снова рывок, и так до тех пор, пока "тварь" не была доставлена в нужное место.

"Следующей проблемой стало освобождение пленника. Несколько научных рывков свалили его на землю, и Катрилас, рванувшись вперед, сорвал лассо с рогов. Но еще один остался на хвосте. Развязать его никто не решился, так как бык поднялся и с бешенством озирался по сторонам. Индеец, выхватив свой длинный нож, бросился на вытянутый хвост и одним ударом отрезал большую часть этого полезного члена от тела.

Последний удар был буквально "самым немилосердным из всех". Бедный зверь был полностью покорен. Он стоял с повисшей головой, выпученными глазами, вывалившимся из оскаленной пасти языком, его некогда безупречный плащ был осквернен пеной и грязью, а капающая на пятки теплая кровь придавала его страданиям законченность".

О том, что арауканы - мужественная раса, свидетельствуют их сражения с испанцами. Несмотря на то, что испанцы снова и снова побеждали их превосходящим оружием и дисциплиной, они никогда не были покорены, а когда получали отпор, то лишь отступали, чтобы собрать новые силы. Токи за токи падали в борьбе, самым выдающимся из этих воинов был простой юноша по имени Лаутаро, который был единогласно избран на этот пост благодаря своему поведению, когда арауканы напали на испанцев в Тукапеле. Он был пленником и слугой в семье Вальдивии, когда на это место было совершено нападение. Испанская мушкетная артиллерия обрушилась на арауканцев с такой силой, что они уже готовы были отступить, как вдруг Лаутаро бросился вперед, сплотил своих соотечественников и повел их в атаку с таким духом, что все испанские силы были уничтожены, за исключением двух человек, которые бежали в Консепсьон с вестью о поражении. Сам Вальдивия попал в плен, и, как рассказывают, Лаутаро хотел спасти жизнь своему бывшему хозяину, когда старый вождь схватил топор и выбил мозги пленному генералу.

Предвидя, что генерал Ф. де Вилла Гран, находившийся в Консепсьоне, немедленно выступит в поход, чтобы отомстить за уничтожение Тукапеля, Лаутаро собрал войска,

двинулся вперед и укрыл половину из них в дефиле, через которое вела дорога, а другую половину спрятал на вершине горы. Сражение началось в дефиле, и, причинив врагу большие разрушения, арауканцы вынуждены были отступить.

Полагая, что враг побежден, испанцы продолжили наступление и, добравшись до вершины, обнаружили, что им противостоит вторая, свежая армия. Они сражались с величайшим мужеством, и их артиллерия почти переломила ситуацию в свою пользу, когда Лаутаро передал одному из своих самых храбрых офицеров приказ захватить пушки, а сам атаковал Вилья-Гран с фланга. Нападение было столь яростным, что пушки были захвачены, а испанцы вынуждены были отступить, причем Вилья-Гран едва спас свою жизнь.

Когда они вошли в проход, через который пришли, то обнаружили, что выход завален поваленными деревьями, а обочины заполнены воинами, которых дальновидный Лаутаро послал для этой цели в самом начале конфликта. Резня была ужасающей, и лишь немногие испанцы спаслись во главе с Вилья Граном, который наконец пробился сквозь заслоны.

Лаутаро продемонстрировал свое великолепное полководческое искусство, сразу же продвинувшись к штабу в Консепсьоне, который он взял, разграбил и сжег. Из Лимы был получен приказ отстроить Консепсьон, и не успели это сделать, как Лаутаро снова захватил и сжег его. Затем он задумал смелый проект нападения на сам Сантьяго и в удивительно короткое время появился перед этим местом.

Здесь он совершил свою единственную генеральскую ошибку. Ему пришлось пройти через территорию пуруманцев, которые стали союзниками испанцев, считая их непобедимыми. Лаутаро должен был помнить, что последние поражения должны были изменить мнение пурумансийцев, которых легко можно было склонить к действиям против их бывших союзников. Но его негодование по поводу их вероломства было столь велико, что он остановился, чтобы опустошить их территорию и уничтожить урожай.

Вилья Гран, который в то время был губернатором Сантьяго, хорошо знал своего врага и использовал это время для укрепления города, который должен был пасть сразу же, если бы Лаутаро двинулся дальше, не останавливаясь, чтобы наказать своих предательских соотечественников. Трижды Вилья Гран посылал войска против арауканцев, последним из которых командовал его собственный сын, но все они были разбиты и отброшены назад.

Наконец Вилья Гран, уязвленный этими поражениями, решил предпринять экспедицию против своих врагов и со смешанным отрядом испанцев и пуруманцев незаметно подошел к лагерю арауканцев. Лаутаро, хоть и был прирожденным полководцем, не знал, как использовать аванпосты, и в результате Вилья Гран застал его лагерь врасплох, а когда он бросился вперед, чтобы собрать своих сторонников, его пронзил дротик, брошенный одним из пурумансийцев, и он упал замертво на месте.

Так пал Лаутаро, юноша, достойный быть причисленным к величайшим героям древности. Избранный полководцем в семнадцать лет, он в течение двух лет противостоял лучшим солдатам Европы, вооруженным бесконечно лучшим оружием и приученным к военной дисциплине. Будучи еще мальчишкой, он проявил военное мастерство и изобретательность, достойные самых опытных генералов, и силой интеллекта и мужества выиграл все битвы, кроме той, в которой пал.

Народ, способный породить таких людей, как Лаутаро, или войска, которые сражались и побеждали под его командованием, очевидно, способен на великие дела и, во всяком

случае, достоин свободы, которую он отвоевал у испанцев и которой больше никогда не угрожала опасность.

Брак у арауканов представляет собой странную смесь церемоний. Теоретически предполагается, что жених крадет свою жену против ее собственной воли и вопреки желанию ее родителей; практически же он покупает ее у родителей, которые давно рассматривают свою дочь как ценный товар, подлежащий продаже первому покупателю, который даст достаточную цену.

Иногда это происходит по любви, и молодые люди прекрасно понимают друг друга. Обычно арауканец выражает свои чувства с помощью музыки, а обычным инструментом является еврейская арфа. Влюбленного мапуче никогда не увидишь без своей еврейской арфы, которая висит у него на шее, привязанная к небольшому деревянному блоку, чтобы не повредить ее, и украшенная нитками разноцветных бусин. Вооружившись этим незаменимым инструментом, влюбленный садится на небольшом расстоянии от выбранного им объекта и издает серию самых тоскливых звуков, взглядом и жестами обозначая того, для кого они предназначены.

Через некоторое время влюбленный решает, что ему лучше перейти к браку. Если он богатый человек, то ему не составит труда; если же нет, то он идет к своим друзьям и просит у них пожертвования. Один дает быка, другой - лошадь, третий - пару серебряных шпор и так далее. Внести эти жертвования считается делом чести, равно как и вернуть их в то или иное время, даже если предполагаемому жениху придется подождать, пока он в свою очередь не сможет продать свою старшую девушку.

Далее друзья молодого человека собираются, садятся на своих лучших лошадей и в полном составе отправляются в дом отца девушки. Пять или шесть лучших ораторов сходят с места и просят разрешения на брак, превознося до небес достоинства жениха и рассказывая о счастье его дочери в браке с таким человеком. Отец, относясь к этому вопросу так серьезно, как если бы он сам не поступил точно так же, произносит речь в свою очередь.

Вся эта церемония призвана дать молодому человеку время на поиски невесты, и, пока он ее не найдет, они будут продолжать свои речи. Как только молодой человек обнаружит девушку, он схватит ее и потащит к двери, а она со своей стороны будет кричать и просить защиты. При звуках ее голоса все женщины, вооружившись палками, камнями и любым другим оружием, которое попадается под руку, бросаются к ней на помощь. Друзья жениха, в свою очередь, бегут на помощь своему другу, и некоторое время идет яростная схватка, никто из мужчин не обходится без сильных ушибов, а девушка кричит во весь голос.

Наконец жених бросается к девушке, хватая ее, как может, за руку, за волосы или за пятки, тащит к своей лошади, запрыгивает на спину, подтягивает ее за собой и мчится со всей скоростью, за ним следуют его друзья. Родственники девушки пускаются в погоню, но их постоянно сдерживают друзья жениха, пока он не скрывается в лесу вместе со своей невестой. Они останавливаются на опушке леса, ждут, пока стихнут крики девушки и галоп лошади, и расходятся. Эта арауканская [церемония бракосочетания](#) представлена на следующей странице.

Молодую пару оставляют в покое до тех пор, пока они не выйдут из леса на второй день после похищения, когда они должны стать мужем и женой. То, что все эти драки и крики - просто фарс, видно из того факта, что если какой-нибудь мужчина, не угодный родителям девушки, предложит себя и начнет ее уводить, один из ее родственников затрубит в тревожный рог,

как уже говорилось, и все *мужчины* выйдут и прогонят незваного гостя. Иногда, однако, ему удается забраться в кусты до того, как его поймают, и в этом случае брак остается в силе.

Через несколько дней после свадьбы друзья приходят к новобрачным и приносят обещанные пожертвования. Затем вся компания отправляется в дом отца девушки и предлагает ему эти товары, которые принимаются так, как будто это просто подношения, а не цена, за которую была продана девушка. Удовлетворившись подарками, он выражает свое удовлетворение браком и поздравляет молодую пару и их друзей.

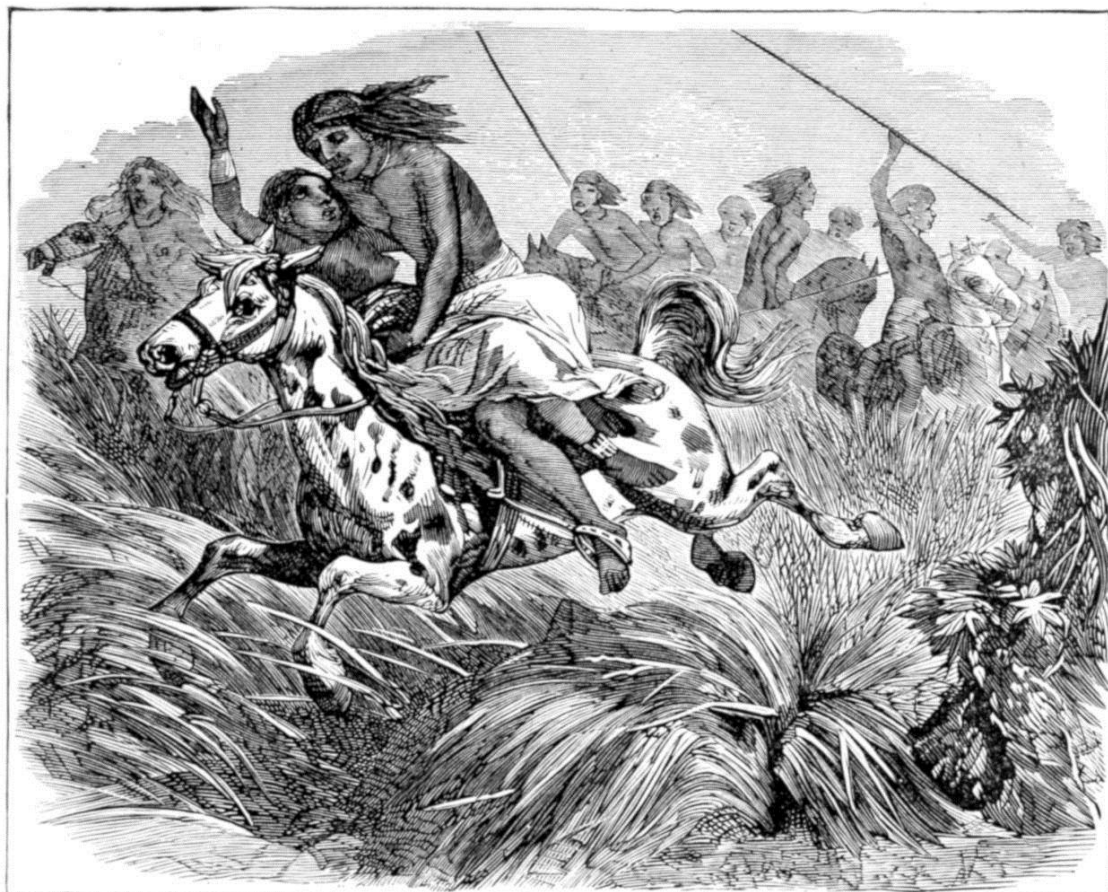
Но мать не так легко удовлетворить. Для нее дело чести, что она *не* довольна, а, напротив, крайне возмущена похищением своего ребенка. Поэтому она не разговаривает с женихом и не смотрит на него, а сидит, повернувшись к нему спиной.

Теперь наступает сложный момент. По законам гостеприимства она обязана развлекать гостей, а поскольку обиженный зять - самый важный человек, с ним нужно посоветоваться в первую очередь. Поэтому она обращается к невесте: "Дочь моя, спроси своего мужа, не голоден ли он". Начатый таким образом разговор продолжается в том же духе и заканчивается развлечением, на котором мать невесты исчерпывает все свои кулинарные познания. Иногда муж годами не обращается к свекрови, разве что она повернута к нему спиной или между ними стоит забор. Читатель может вспомнить, что аналогичного обычая придерживаются племена кафиров на юге Африки. См. стр. 88.

Кулинария арауканов поначалу совсем не похожа на европейскую.

В этой стране в основном употребляют баранину, которую убивают, разделывают и готовят быстро и просто. Овцу подвешивают за задние ноги к дереву, перерезают горло, кровь выливают в миску и смешивают с солью, в таком виде она считается очень большим деликатесом. Затем овцу вскрывают, вынимают все внутренности, чтобы очистить и приготовить, и считают, что это лучшая часть животного. Затем снимается шкура, туловище разделяется вдоль позвоночника от головы до хвоста, каждая половина скрепляется палкой и ставится на огонь.

Однако самый большой деликатес, который может быть поставлен перед гостем, называется "начи". Способ приготовления этого блюда - хороший пример полного пренебрежения к причинению боли, свойственного всем нецивилизованным людям.

(1.) АРАУКАНСКИЙ БРАК.
(См. [стр. 1200.](#))

(2.) СЕМЬЯ МАПУЧЕ.

(См. [стр. 1191.](#))

Овцу подвешивают за передние ноги, в миске смешивают кайенский перец и соль, перерезают горло, чтобы открыть дыхательное горло, в которое оператор набивает соль и перец так быстро, как только может. Затем он вытягивает яремную вену, перерезает ее и вставляет конец в перерезанное дыхательное горло, по которому течет кровь, чтобы смешаться с перцем и солью и перенести их в легкие. Несчастная овца раздувается и умирает в страшных муках, на которые зрители не обращают внимания, но не от намеренной жестокости, а от полного безрассудства. Затем овцу вскрывают, и легкие оказываются наполненными смесью соли, перца и крови. Это и есть начи, которое подают, разрезав на кусочки и раздавая гостям еще теплым.

Есть два национальных напитка, а именно чика и мудай. Первый представляет собой нечто вроде сидра и готовится следующим образом. На землю стелют овечью шкуру шерстяной стороной вниз и высыпают на нее полную охапку зеленых яблок. Два или три человека садятся вокруг нее, вооружившись ключами, которыми они бьют яблоки и за короткое время превращают их в кашу. Затем на них выливают воду, и чика готова к использованию. Мужчины набирают большие горсти мякоти и выжимают их в кувшины - вот и вся подготовка чики.

Этот напиток поначалу ненавидят иностранцы, а потом он им нравится. Вот, например, две выдержки из дневника того же путешественника. "Проехав долгое время под жарким солнцем и не встретив ни одного ручья, мы увидели вдали фермерский дом и, подойдя к нему, попросили стакан воды.

"В радиусе мили от дома нет ни капли воды, - сказала старуха, подошедшая к двери, - но мы можем дать вам немного *чика де мансанос* (сидра), который очень хорош", - и показала огромный стакан с зеленой мутной жидкостью. Назвать его уксусом было бы слишком большим комплиментом, а добавить, что он был приправлен желчью, не дало бы адекватного представления об этом отвратительном веществе, которое было сделано из самых зеленых зеленых яблок. Мне хватило одного глотка, и мои первые впечатления от чика де мансанос не были благоприятными; но наш проводник уплетал его с бесконечным удовольствием".

Это описание было написано сразу после того, как мы впервые попали в страну. Вот еще одно описание той же жидкости. Описав способ его изготовления, он продолжает: "Такой сидр имеет несколько кофейный цвет и довольно кислый, но вскоре я полюбил его, особенно с добавлением небольшого количества поджаренной муки, что делает его гораздо более приятным на вкус".

Мудай - напиток, почти в точности напоминающий полинезийскую каву, и готовится он точно так же, только вместо корня кавы используется мука. Бушель или около того пшеницы медленно варят в течение нескольких часов, после чего отвар процеживают и ставят остывать. Чтобы ускорить брожение, в жидкость добавляют некоторое количество муки. Эффект наступает очень быстро, и когда брожение уже началось, мудай пригоден к употреблению, его процеживают и разливают по банкам. Он имеет мутный вид, но обладает приятным и слегка кисловатым вкусом, который очень приятен в жаркой стране, если не знать способа приготовления.

Пшеницу готовят довольно своеобразно, если не сказать поэтично и романтично. Серп не используется, а колосья срывают вручную. Сборщики пшеницы разделяются на пары: юноша и девушка берут по корзине и медленно идут по кукурузному полю. Проходя мимо, они собирают колосья, растирая их тыльной стороной ладони своего товарища, чтобы спелые зерна падали в корзину. Легкий труд они сопровождают песнями, которые в основном посвящены любви, а поскольку каждая пара, естественно, стремится расходиться с другими, случается, что таким образом зарождается множество любовных отношений, которые впоследствии находят свое воплощение в описанных выше брачных церемониях.

Однако этот план используется только в тех случаях, когда нужно собрать и обмолотить небольшое количество кукурузы. Когда же заготавливается большое количество, в дело вступают лошади: колосья бросают в круглую неглубокую яму, вокруг которой шесть или семь всадников гонят своих коней, крича и вопя, словно безумные. Когда они считают, что зерна достаточно освободились от колосьев, они выпрыгивают из кольца, и в него входят несколько женщин и детей, которые подметают кукурузу и мякину к краю кольца пучками веток, которые служат метлами.

Эта операция, однако, очень несовершенна, и прежде чем кукуруза попадет на мельницу, ее нужно еще раз обмолотить. Для этого пшеницу кладут в неглубокую деревянную посуду, садятся в нее босыми ногами и исполняют своеобразный танец шарканья, поочередно подбрасывая зерно каждой ногой и растирая его другой.

Для просеивания пшеницу просто подбрасывают в воздух, чтобы мякина разлетелась по ветру. Что касается обмолота, то он полностью аналогичен тому, который практикуют кафиры: женщины кладут кукурузу на плоский наклонный камень и растирают ее другим камнем в форме скалки. Мельница ставится на овечью шкуру, и мука падает на нее по мере измельчения. Это очень тяжелая работа, и даже опытные арауканцы обливаются потом, прежде чем смолоть достаточно кукурузы для еды.

ГЛАВА XXXVI.

АРАУКАНЦЫ - *Заключительная.* ИГРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ.

ИГРА В ПЕЛИКАНА И ЕЕ БЛИЗКОЕ СХОДСТВО С ХОККЕЕМ - АВАС, ИЛИ ИГРА В ВОСЕМЬ БОБОВ - ПРОИЗВОДСТВА - УСТАНОВЛЕНИЕ БРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ОБМЕН ИМЕНАМИ - ПРИТОК НОВЫХ РОДСТВЕННИКОВ - СОСТОЯНИЕ ИСКУССТВА ВРАЧЕВАНИЯ - МАЧИ ИЛИ ВРАЧИ - ИХ СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ - СТРАННАЯ СЦЕНА - ЖЕНЩИНА-ВРАЧ ЗА ЗАКЛИНАНИЕМ - БОЯЗНЬ ПОЗВОЛИТЬ УЗНАТЬ СВОЕ ИМЯ - ВЕРА В ПРИМЕТЫ - СЧАСТЛИВЫЕ ПТИЦЫ - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - ПОХОРОНЫ ВОЖДЯ.

Игры арауканов довольно многочисленны, и одна или две из них напоминают некоторые из наших игр. Например, есть одна игра под названием "Пеликан", которая почти идентична известной игре в хоккей. Оживленное описание этой игры приводит мистер Э. Р. Смит: - "Рано утром мы увидели пеликана.

"Рано утром мы увидели на лужайке перед домом несколько мальчиков, которые высаживали ветки через небольшие промежутки, образуя таким образом аллею шириной около сорока футов и длиной около трехсот. Они готовились к игре в пеликана. Другие дули в длинный рог (сделанный путем вставки коровьего рога в полый тростник), в ответ на звуки которого раздавались ответные ноты, как будто из-за холмов приближалась группа соперников. Накануне вечером мы слышали такой же вызов соседских юношей и такой же ответ, но более слабый и отдаленный. Наконец враги показались из леса; раздался приветственный крик; было много приветствий, "большой разговор", и все приготовились к великому испытанию мастерства.

"В игру "Пеликан"... играют маленьким деревянным мячом, который передвигается по земле с помощью палок, изогнутых в нижней части. Основания двух сторон находятся на противоположных концах аллеи. Мяч кладется в лунку на полпути между основаниями, и над ним располагаются два мальчика, а остальные игроки рассыпаются по аллее, каждый из которых вооружен палкой. Когда все готово, два мальчика ударяют палками друг о друга в воздухе и начинают борьбу за мяч, стремясь отбить его в сторону противоположной стороны.

"Цель каждого - пробить мяч через основание соперника или, защищая свое, выбить его в сторону за пределы линии веток, в этом случае игра считается проигранной и возобновляется. Каждая партия отмечается на палочке, и победа достается той стороне, которая первой наберет определенное число.

"Было много криков и шарканья, много треснувших голеней и случайных падений, но во всем царила величайшая доброжелательность. В игре участвовало около тридцати игроков, в основном голых, за исключением пончо на поясице. Я был сильно разочарован их физическим развитием, которое оказалось совсем не таким, как я ожидал увидеть. Мне показалось, что они уступают рабочим классам в Чили как по мускулатуре, так и по симметрии, хотя и обладают теми же общими чертами. Их игра не отличалась ни мастерством, ни активностью; и если бы они были справедливым образцом, то из многих наших школ или колледжей можно было бы легко выбрать партию молодых людей, более чем подходящую для такого же количества арауканцев, даже в их национальной игре "пеликан".

Когда солнце слишком высоко, чтобы позволить этой игре продолжаться, игроки обычно отказываются от нее в пользу другой игры, называемой Авас. Это чисто азартная игра. В нее играют восемью бобами, каждый из которых имеет метку на одной стороне, и десятью палочками, которые используются при подсчете очков. Расстелив на земле пончо, игроки садятся противоположные стороны, и каждый по очереди берет бобы, трясет их в руках и бросает на пончо. За каждый боб, упавший отмеченной стороной вверх, начисляется одно очко, сто завершает игру.

Интерес, проявляемый к этой игре, необычайно велик. Игроки кричат бобам, разговаривают с ними, целуют их, прижимают к груди, трут о землю, просят их послать удачу себе и зло противникам, и обращаются с ними так, как будто это живые существа. В этой игре они ставят на кон все имущество, которое могут собрать, и пончо, болас, лассо, ножи, украшения и доллары, если их удастся достать, с большой скоростью переходят из рук в руки под возбужденные крики игроков и зрителей. В этой игре арауканцы часто теряют все имущество, которым владеют, и нередко можно видеть, как хорошо одетый и вооруженный игрок уныло уходит домой без оружия, украшений и одежды, за исключением потрепанной черипы.

Судьба военнопленных часто зависит от хода бобов, а иногда, когда национальный совет не мог принять решение по какому-либо вопросу, они решали его по результатам игры в авас. Даже игре в пеликана иногда доверяли решение запутанных политических вопросов.

Производства арауканов немногочисленны. Искусство серебряных дел мастера уже описано, также как и искусство изготовления боласа, а изготовление лассо будет описано в другом месте. Туземные ткани изготавливаются из хлопка или шерсти и ткются на очень грубых станках. Основной краситель, используемый арауканцами, - индиго, а ярко-алые узоры, которыми украшены лучшие ткани, получаются путем переплетения нитей, не расплетенных на европейских предприятиях.

Среди их социальных обычаев следует упомянуть способ установления братских отношений, поскольку в некоторых отношениях он напоминает те, которые уже были описаны на Малайском архипелаге, в Африке и других странах. Церемония называется Лаку и проводится следующим образом.

Выбирается один человек из семьи, в которой должен быть принят почетный гость, и ему делается подарок. Затем он приносит ягненка, убивает его, разрезает на две части и варит одну половину животного. Затем мясо кладут в огромную деревянную чашу и приносят новому брату в Лаку, который должен съесть его целиком, а если он оставит хоть один рот, то нанесет тяжкое оскорбление семье, в которую его должны были принять.

К счастью, законы этикета позволяют ему воспользоваться пословицей: *qui facit per alium facit per se*; и хотя он ни в коем случае не может съесть половину ягненка, ему разрешается съесть столько, сколько он сможет осилить, а остаток распределить между членами семьи, которые с радостью принимают участие в выполнении требуемых условий. С этого времени два озера обмениваются названиями.

Мистер Э. Р. Смит прошел через церемонию лаку и стал членом племени мапуче под именем Нам-кулан, что является сокращением от Намку-Ланкен, *то есть* Орленок моря. Спустя некоторое время он обнаружил, что его отношения странно многочисленны.

"После обычной трапезы, как водится, раздали подарки, и, поскольку семья была небольшой, мы как раз поздравляли себя с тем, что дешево отделались, когда вошел сосед,

которого представили как моего брата. Он едва успел расположиться, чтобы насладиться своей долей добычи, как в комнату вошла бледноглазая старуха, оказавшаяся моей тетей. Следом за ней вошла статная вдовствующая женщина, красивая, толстая, лет сорока, сияющая красками и серебряными украшениями, выглядевшая так невинно, словно попала в дом по самой ничтожной случайности. Это была моя сестра, и так продолжалось до тех пор, пока мы не начали думать, что родственников у нашего хозяина бесчисленное множество".

Арауканцы знают немного о медицине и гораздо больше о хирургии, хотя смешение суеверий с практикой уменьшает первое, а отсутствие письменности мешает второму. Их лекарства почти полностью растительные, главным из которых является хорошо известный корень сарсапариллы. Кровопускание осуществляется с помощью острых чешуек обсидиана, которые острее любого ножа местного производства, а волдыри пользуются большой популярностью.

Способ натирания мозолей у мапуче очень прост, как и собственно прижигание, и осуществляется с помощью моксы, сделанной из высушенной косточки. Этот материал скатывают в маленькие шарики и прикладывают к коже, где его оставляют до полного расходования, прижимая, чтобы обеспечить полный эффект. Это ужасно болезненно, но, несмотря на этот недостаток - а может быть, и благодаря ему, - пользуется большой популярностью у людей.

Помимо этих материальных лекарств у них есть и другие, иного характера, которые применяются, когда болезнь не поддается простым средствам. Мудрецы, практикующие эту продвинутую систему лечения, немногочисленны и называются Мачи, а их способ практики получил название *Мачилун*.

Исходя из принципа, что болезнь, которую нельзя изгнать с помощью лекарств, должна быть вызвана злым духом, мачи приступает к его изгнанию по своему собственному способу. Хижину очищают от обитателей, а больного укладывают на спину посреди пола. Мачи, сняв тем временем почти всю свою одежду и нарисовав себя как можно страшнее, входит в жилище, прихватив с собой волшебный барабан - деревянную чашу с плотно натянутым на нее чехлом из овечьей шкуры. Осмотрев пациента, Мачи начинает длинное монотонное заклинание, сопровождаемое непрерывными ударами в барабан, пока не доведет себя до исступления и не упадет на пол спиной вперед, с судорожными подергиваниями груди, закатившимися глазами и пеной изо рта.

Как только он падает, несколько молодых людей, поджидавших его возле хижины, вскакивают на коней и на полной скорости мчатся вокруг дома, вызывая крича, размахивая зажженными факелами над головой и размахивая длинными копьями, чтобы напугать злого духа и предупредить его, чтобы он больше не приближался к этому месту. Как и мачи, все они почти обнажены и раскрашены самым отвратительным образом, чтобы вселить ужас не только в духа, овладевшего человеком, но и в тех, кто крутится вокруг дома и пытается попасть внутрь. На первой [гравюре](#) на следующей странице художник изобразил странную сцену, иллюстрирующую мапучий способ исцеления больных.

Через некоторое время Мачи выходит из транса, а затем объявляет место и непосредственную причину недуга. В поисках последней он тщательно обыскивает пациента и через некоторое время выдает ее в виде паука, жабы, камня, наконечника стрелы или другого подобного предмета. Если бы он сделал больше, чем это, вреда не было бы, и если пациент выздоровеет, вреда не будет.

Но если пациент умрет, мачи вынужден будет объявить, что злой дух был послан в мертвеца с помощью колдовства.

Тело вскрывают, удаляют желчь и помещают в деревянную чашу магического барабана, где над ним совершают ряд заклинаний. После их завершения тело кладут в плотно закрытый горшок и ставят на огонь, пока оно не высохнет. Признаком колдовства является камень, найденный на дне горшка, и нет нужды говорить, что такой камень никогда не бывает лишним. С помощью этого доказательства колдовства Мачи снова вводит себя в транс, в ходе которого называет виновника, вызвавшего болезнь умершего.

Мачи никто не верит, и родственники умершего разыскивают обвиняемого и убивают его. Естественно, что мачи склонны злоупотреблять этой страшной властью своего положения, обвиняя людей, против которых они враждуют или которых подкупили, чтобы осудить. Никакие контраргументы не принимаются перед лицом обвинения мачи; а если предполагаемый преступник находится в другом районе, касика просят передать его в руки правосудия. Несчастливого обязательно подвергнут пыткам, чтобы добиться признания его вины, и, признается он или нет, его обязательно убьют; поэтому мудрый человек сразу признает свою вину и тем самым избегает пыток, которые в противном случае ему пришлось бы вынести.

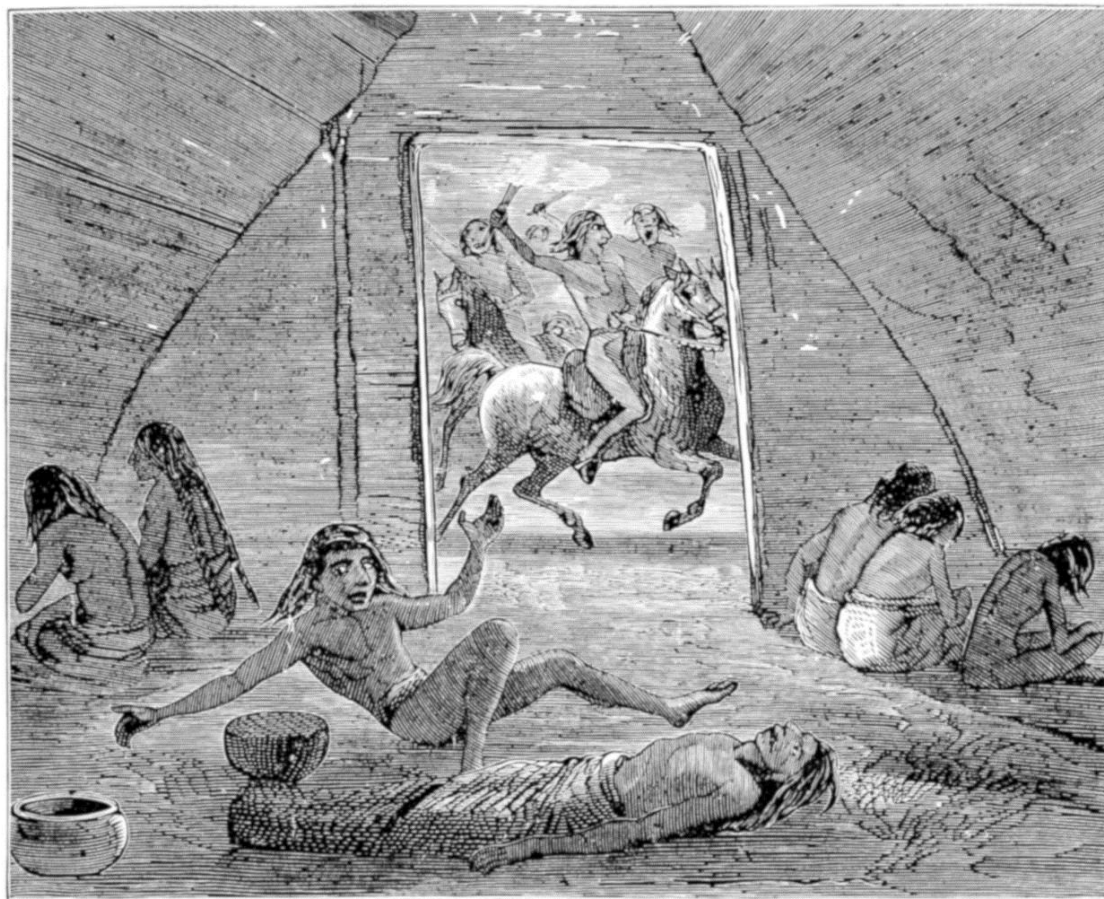
Иногда, хотя и редко, мачи - женщина. В этом случае она принимает мужскую одежду, по мере сил подражает мужскому тону голоса и походке, и всегда является очень неприятной личностью: в основном она раздражительна, вспыльчива, вспыльчива и раздражительна.

Поскольку мачи всегда действуют ночью, сцена получается очень дикой и живописной, как видно из рассказа мистера Э. Р. Смита, который был свидетелем (на расстоянии) действий женщины-мачи.

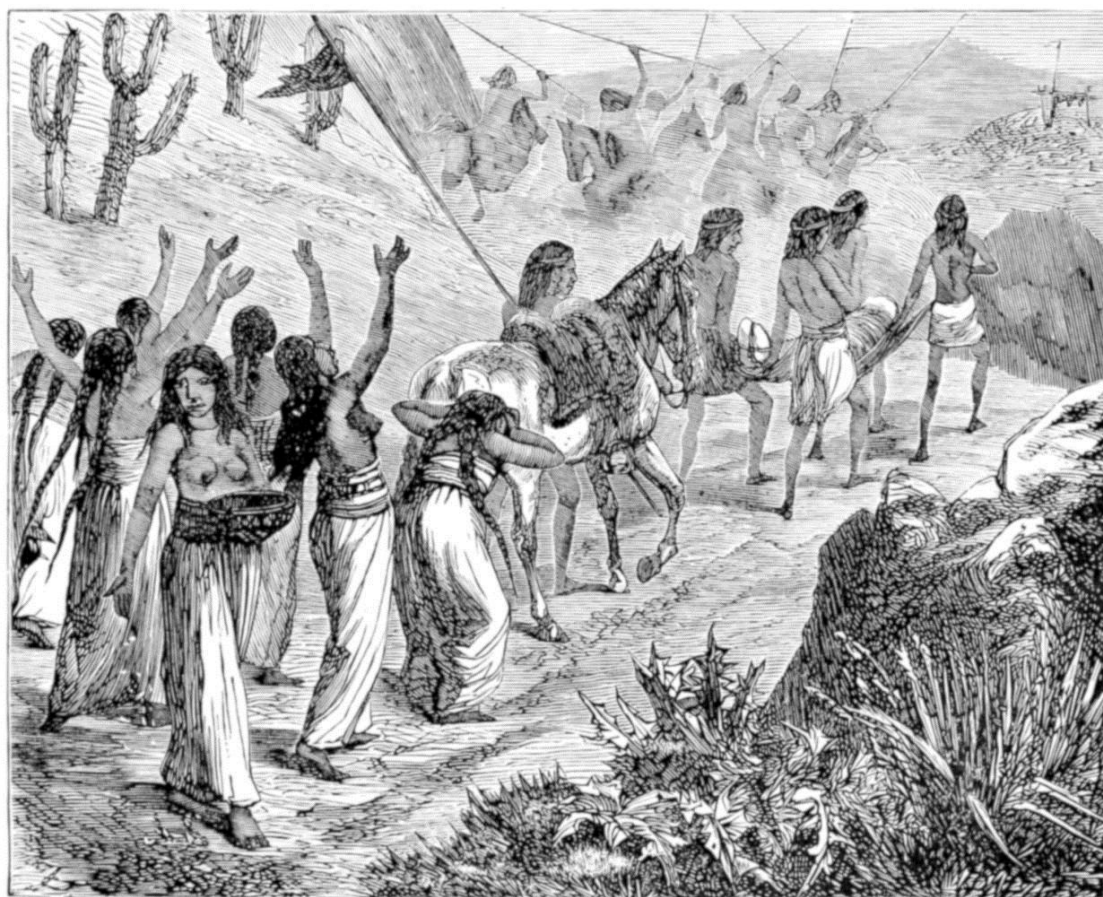
"Один из соседей был опасно болен, и ночью был проведен грандиозный *мачилун* великой экзорцисткой, самой знахаркой Бороа. Я хотел присутствовать при этом, но Санчо не стал слушать, настаивая на том, что мы можем подвергнуть себя насилию, явившись на помощь этой ведьме, чья ненависть к белым и влияние на туземцев были безграничны.

"Ночь была черной и угрожающей, вполне подходящей для ее махинаций. Мы отчетливо слышали монотонное постукивание индейского барабана и диссонирующую песню, время от времени переходящую в пронзительный крик, затем опускающуюся до низкого, гортанного каданса, в то время как все остальные затихали из-за страха перед нечестивыми обрядами. Внезапно пение прекратилось, и наступила долгая тишина, которую нарушило появление отряда голых дикарей, мчавшихся вокруг дома на лошадях и пешком, яростно размахивая копьями и мечами, горящими факелами и факелами и наводя ужас на ночь своими демоническими криками. Испуганные собаки завывали в тревожном согласии, и снова все стихло. Злой дух был изгнан и прогнан. Больному оставалось только выздороветь или умереть".

Ведьма, руководившая этой необычной сценой, была *метиской*, то есть полукровкой между негром и туземцем. Она была необычайно непривлекательной личностью, отвратительно уродливой, а уродство черт лица объяснялось ее проницательным умом. Однако уродство не является обязательным атрибутом этой особой касты. Сейчас передо мной фотография молодой женщины-метиски, черты лица которой, хотя и имеют некоторую долю негритянского характера, хороши и умны, цвет кожи сравнительно бледный, а волосы сохранили длину и густоту араукани, вместе с хрустом, унаследованным от негритянской расы.

(1.) МЕДИЦИНА МАПУЧЕ.
(См. [стр. 1206.](#))

(2.) ПОХОРОНЫ МАПУЧЕ.

(См. [стр. 1210.](#))

Как и многие другие нецивилизованные народы, арауканы очень не любят, когда чужак узнает их имена, считая, что с помощью этих знаний колдуны смогут практиковать над ними. Когда их приводят в контакт с белым человеком и спрашивают их имена, арауканы категорически отрицают, что они у них есть. Они согласны служить у него и позволяют ему называть их любым именем, но свое собственное имя они никогда не скажут, и даже не любят придумывать его на скорую руку. Читатель, несомненно, вспомнит множество подобных случаев, описанных в ходе этой работы. Они также возражают против того, чтобы с них снимали портреты, полагая, что владелец сможет оказать на них магическое воздействие с помощью смоделированных черт лица.

Этот ужас усилился после того, как белые путешественники стали пользоваться книгами. Для арауканца нет ничего более необъяснимого, чем видеть, как белый человек, явно не знающий языка, обращается к книге, а затем произносит нужное ему слово. Как можно совершить такое таинство, он не может понять, и считает книгу и ее владельца в равной степени сверхъестественными существами.

В одном случае индеец, обладавший более чем обычно пытливым умом, указывал на различные предметы, чтобы проверить, сможет ли его белый гость узнать их названия, заглянув в книгу. Убедившись, что подвиг действительно был совершен, он заглянул в книгу, тщетно пытаясь обнаружить хоть какое-то сходство между словом и предметом, который оно обозначало. Так как глаза не давали ему никакой информации, его белый друг указал на слово, на которое он положил руку, чтобы ощутить его. Как раз в этот момент легкий ветерок

зашелестел листьями книги. Мужчина отпрянул назад, словно его укусила змея. Таинственный голос оракула белого человека заговорил с ним, и, что самое страшное, по левую руку от него. Он ничего не сказал, но молча удалился и, накинув на голову пончо, просидел несколько часов, не произнося ни слова.

Вследствие этого суеверия путешественник не смеет открыто пользоваться записной книжкой. Он вынужден записывать свои заметки тайком, и настолько велик страх, внушаемый самим фактом записи, что даже если путешественник надолго пропадает из виду, люди нервничают и подозревают его.

Арауканцы твердо верят в предзнаменования и обращаются с молитвами на свой манер к любому из существ, которые, как считается, обладают сверхъестественной силой. Однажды, когда мистер Э. Р. Смит путешествовал со своими друзьями-туземцами, один из мулов упал и сломал спину. Это было зловещим предзнаменованием, и арауканцы были соответствующим образом подавлены. К счастью, за этим последовало настолько хорошее предзнаменование, что их страхи развеялись, а уверенность вернулась.

Читатель, возможно, помнит, что мистер Смит только что обменялся именами с парнем из племени мапуче, и его называли Намку-ланкен, *то есть* "Морской орленок". Как раз после того, как неудачливый мул поранился, морской орел внезапно поднялся со своего насеста, покружил вокруг группы и улетел на юг. Это было поистине счастливое предзнаменование. Во-первых, птица была эмблемой белого человека, который недавно стал мапуче, а во-вторых, орел находился по правую руку от путешественников.

Туземный проводник Трауке дал шпоры своей лошади и помчался вперед на полном скаку, крича и вопя от восторга по поводу выпавшей на их долю удачи. Вскоре он остановился и обратился с молитвой к орлу: "О Намку! Великое существо! Посмотри на нас не левым, а правым глазом, ибо ты знаешь, что мы бедны! Присмотри за нашими детьми и братьями, даруй нам счастье и позволь нам благополучно вернуться из нашего путешествия".

Все обстоятельства сложились так, что предзнаменование стало благоприятным. Намку - самое почитаемое существо у арауканцев, которые считают его своего рода небесным посланником, напрямую общающимся с Высшим Существом. Читатель, несомненно, будет поражен совпадением между гаданиями по птицам арауканов и даяков Борнео, а также их идентичностью с предсказаниями Древней Греции и Рима.

За исключением вышеупомянутых мудрецов, у арауканов нет жрецов, и, как следствие, у них нет храмов и религиозных церемоний. Существует общая, хотя и смутная вера в добрый и злой принцип, который может проявляться в виде множества низших божеств или демонов. У них нет ни идолов, ни какой-либо определенной системы поклонения; единственные молитвы, которые произносят местные жители, - это воззвания, подобные тем, что только что были описаны для орла.

Жертвоприношения совершаются на больших национальных собраниях. Убивают животное, его кровь выливают на землю в качестве возлияния, а сердце, положенное на зеленую ветку, несут вокруг собрания, сопровождая танцами и песнями. Плоть затем варят и едят, а кости собирают и бросают в ближайшую реку, чтобы они не загрязнили ее, будучи съеденными собаками.

Иногда во время войны пленного приносят в жертву. Его сажают на лошадь, хвост и уши которой обрезают в знак насмешки над всадником, и везут к месту казни. Здесь его снимают с лошади и заставляют вырыть яму, в которую он бросает несколько палок, называя каждую

по имени какого-нибудь прославленного воина своего племени. Затем его заставляют засыпать яму, тем самым символически хороня славу своих соплеменников, и как только он это сделает, ему выбивают мозги дубиной, стараясь нанести черепу как можно меньше повреждений.

Как только он падает, сердце вырывается из груди и передается токи, который высасывает несколько капель крови и передает их своим офицерам, которые следуют его примеру. Из крупных костей рук и ног делают флейты, голову насаживают на копье и несут с триумфом, а из черепа делают чашу для питья, которую используют на главных праздниках. Такое жертвоприношение, однако, не следует рассматривать как акт поклонения, а лишь как способ умилостивить маны умерших воинов.

Сходство между птичьими приметами древних греков и римлян и современными арауканами уже упоминалось. Существует еще одна полурелигиозная практика, которая также напоминает об обычаях классических времен, а именно: возлияния и подношения пищи во время каждого приема пищи. Когда арауканец принимает бульон или вино, он выливает несколько капель на землю в знак благодарности высшим силам, и с тем же мотивом он разбрасывает вокруг несколько кусочков пищи.

Способ погребения несколько отличается в зависимости от местности и племени.

Когда умирает вождь мапуче, его тело выставляют на открытый помост на несколько дней, в течение которых друзья и соседи выражают свое почтение и соболезнования семье. В день похорон формируется процессия, возглавляемая компанией молодых людей на лошадях, которые на полной скорости мчатся к месту погребения. За ними - тело, которое несут главные родственники, а за ними - женщины, которые громко рыдают и наполняют воздух своими скорбными воплями. Последней идет женщина, которая рассыпает прах по земле, чтобы покойный не смог вернуться по той дороге, по которой его несли. [На иллюстрации № 2](#) на странице 1207 изображена эта часть похорон мапуче.

Затем тело привязывают коленями к груди и опускают в могилу лицом на запад, в сторону страны духов мапуче. Седло, удила, шпоры и стремяна покойного кладут рядом с ним, вместе с провизией на дорогу, несколькими бусами и деньгами, после чего могилу засыпают. Однако, поскольку конская амуниция вождя - серебряная и очень ценная, ее изображают в виде деревянных копий, которые, как предполагается, служат для целей покойного так же, как и более дорогие предметы, переходящие в собственность его наследников.

У изголовья могилы кладут копье покойного, стальной наконечник которого заменяют деревянной имитацией. Также необходимо, чтобы у умершего вождя была лошадь, для чего в жертву приносят его любимого коня, а его шкуру вешают над могилой с помощью шеста, перекинутого через две вилообразные стойки. Мистер Э. Р. Смит проницательно замечает, что, скорее всего, покойному было бы достаточно деревянной лошади, если бы не тот факт, что мапуче очень любят лошадиную плоть и пользуются возможностью устроить большой банкет на плоти убитого животного, а кожа и дух переходят на долю покойника.

Подобные церемонии устраиваются только для вождя, обычному человеку лошадь не нужна, и поэтому его хоронят с небольшими и простыми церемониями. Похороны женщин имеют схожий характер, но главное отличие состоит в том, что вместо седла и оружия в могилу кладут несколько сосудов для приготовления пищи, молоточек и другие подобные предметы.

Некоторые путешественники утверждают, что когда умирает могущественный вождь, его любимую жену тоже убивают и кладут в могилу вместе с ним. Однако это утверждение весьма

сомнительно, и его категорически опровергли все, кого расспрашивал мистер Смит. Мапуче, похоже, имеют смутное представление о том, что мертвые могут возвращаться на землю и наблюдать за живыми; и когда темные грозовые тучи опускаются над далекими Кордильерами, они воображают, что умершие воины их племени прогоняют невидимых врагов их страны, и громкими криками подбадривают сверхъестественных воинов.

В некоторых частях территории мапуче могилы окружены грубой оградой из вертикальных досок, из середины которой поднимается длинное трепещущее копье с легким вымпелом, развевающимся на ветру. (См. фон [иллюстрации](#)).

Однако у хуиличей существует гораздо более сложный способ украшения могил своих вождей, в некоторой степени напоминающий тот, который используют новозеландцы. Вокруг могилы устанавливаются фигурки, которые должны изображать умершего вождя и его жен, подобно тому, как новозеландцы устанавливают свои "тики" вокруг могил своих друзей. (См. [стр. 861](#).)

Один из таких мемориалов, увиденный мистером Смитом, имел весьма необычный, если не сказать смехотворный, вид. Каждая фигура была вырезана из огромного деревянного бревна высотой около десяти или двенадцати футов. В центре стоял сам вождь, без одежды, но с шапкой на голове и мечом в руке. Вокруг него расположились его жены, так же без одежды, причем главная задача художника - не оставить сомнений, кто из них вождь, а кто его жены, не утруждая себя деталями драпировки. Как ни грубы эти фигуры, лишь немногие туземцы умеют их вырезать, и эти скульпторы получают большой доход благодаря своему мастерству. Каждая фигура покупается за жирного быка или даже по более высокой цене, в зависимости от ее размера и количества затраченного на нее труда, и ни один вельможа не может считаться похороненным достойно, если могила не украшена фигурой покойного.

ГЛАВА СХХVII. ГРАН-ЧАКО. ВНЕШНИЙ ВИД-ОРУЖИЕ-ХАРАКТЕР.

ГРАН-ЧАКО И ЕГО ЖИТЕЛИ - ИХ ЛЮБОВЬ К СВОБОДЕ - КОНТРАСТ ДВУХ РАС В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ - РАЗЛИЧНЫЕ ПЛЕМЕНА В СТРАНЕ - ВНЕШНИЙ ВИД ЖИТЕЛЕЙ - ИСКОРЕНЕНИЕ БРОВЕЙ И РЕСНИЦ - ПРИЧЕСКИ - КОСТЮМЫ ПОЛОВ - КОННЫЕ ПРИВЫЧКИ - ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ГОЛОЙ ЛОШАДИ - ОРУЖИЕ - ДУБИНА МАКАНА И СПОСОБ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ДЛИННОЕ КОПЬЕ - ДИКОВИННЫЕ ДОСПЕХИ - НОЖНОЙ ЛУК - НАПАДЕНИЕ НА ДЕРЕВНЮ - ХИЖИНЫ ИНДЕЙЦЕВ ГРАН-ЧАКО - ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ - ХАРАКТЕР НАРОДА.

К востоку от территории Араукании, простираясь до рек Парагвай и Панама, лежит горная страна с неопределенными северными и южными границами, называемая Гран-Чако. Этот большой район населен целым рядом племен, которые заслуживают краткого упоминания.

Не менее примечательным моментом в их истории является то, как они сохранили свободу своей собственной земли, несмотря на нападения различных белых народов. И испанцы, и португальцы в разное время захватывали несколько позиций в Гран-Чако, но не смогли удержать их, за исключением неопределенной западной пограничной линии. На востоке, где великая река Парагвай образует естественную границу, туземцы остаются свободными.

По красноречивому выражению капитана Мейна Рида: "На восточной стороне, совпадающей почти с меридианом долготы, индейцы Гран-Чако не бродят; хорошо заселенные провинции Корриентес и диктаторское правительство Парагвая представляют более твердый фронт сопротивления. Но и колонист этих стран не думает переходить на западный берег пограничной реки, чтобы обосноваться там.

"Он не осмеливается даже ступить на берег Чако. На протяжении тысячи миль, вверх и вниз, две расы, европейская и американская, держатся на противоположных берегах этого великого потока. Они смотрят друг на друга - один с портика своего хорошо построенного особняка или, возможно, с улицы своего города, а другой стоит у своего скромного "тольдо", или палатки, покрытой циновками, а скорее всего, на спине своей полудикой лошади, запряженной на мгновение на какой-нибудь выступающий мыс, с которого открывается вид на реку. И так эти две расы смотрели друг на друга в течение трех столетий, и между ними не было почти никаких других сношений, кроме смертельной вражды".

Поскольку территория Гран-Чако очень обширна, примерно в три раза больше, чем территория Великобритании, и простирается на север и юг через одиннадцать градусов широты, естественно, что племена, населяющие ее, отличаются друг от друга во многих деталях, причем племена теплого севера и холодного юга во многих моментах сильно контрастируют друг с другом. Тем не менее, есть много точек сходства, и мы выделим их в следующем кратком рассказе о племени Гран-Чако, опустив, за неимением места, те, в которых они отличаются друг от друга.

Прежде всего, аборигены Гран-Чако имеют гораздо более бледный цвет лица, чем представители более северных племен, известных под названием "краснокожих", и больше напоминают насыщенный оливковый цвет жителей Южной Европы. Нос довольно аквильный, рот хорошо сформирован, скулы высокие, а глаза и волосы струйчато-черные. Последние необычайно обильны, и хотя они грубые и без завитков, при правильной одежде они гладкие и блестящие.

У мужчин почти нет бороды, а те скудные волоски, которые растут на подбородке и лице, они полностью удаляют, используя для этого пару раковин, пока не разбогатеют настолько, чтобы купить железный пинцет. Выдергивают даже брови и ресницы: туземцы говорят, что они только мешают видеть, и сравнивают тех, кто их носит, со страусом, *то есть* реей, или американским страусом, которых в их стране много.

Для европейца потеря этих придатков к глазам имеет очень неприглядный вид; но туземец смотрит на дело совершенно иначе, и на лицо, на котором брови и ресницы имеют возможность расти, он смотрит так, как джентльмен времен Георга Второго смотрел бы на голову, которую украшают собственные волосы, и на лицо, с которого не удалены борода и усы.

Мужской способ укладки волос имеет некоторое сходство с тем, который практикуется воинственными племенами Северной Америки. Волосы сбривают со лба, а также с полосы, протянувшейся по затылку от одного уха до другого. Оставшимся волосам дают вырасти до полной длины и тщательно их лелеют и ухаживают за ними.

Индейцы Гран-Чако используют краску только по большим поводам, когда они украшают себя так причудливо, как это может сделать любое дикарское племя; но, как правило, их лица и тела сохраняют свой обычный оливковый оттенок. Мужчины также не используют татуировку - этим занимаются только женщины, которые наносят себе разнообразные узоры

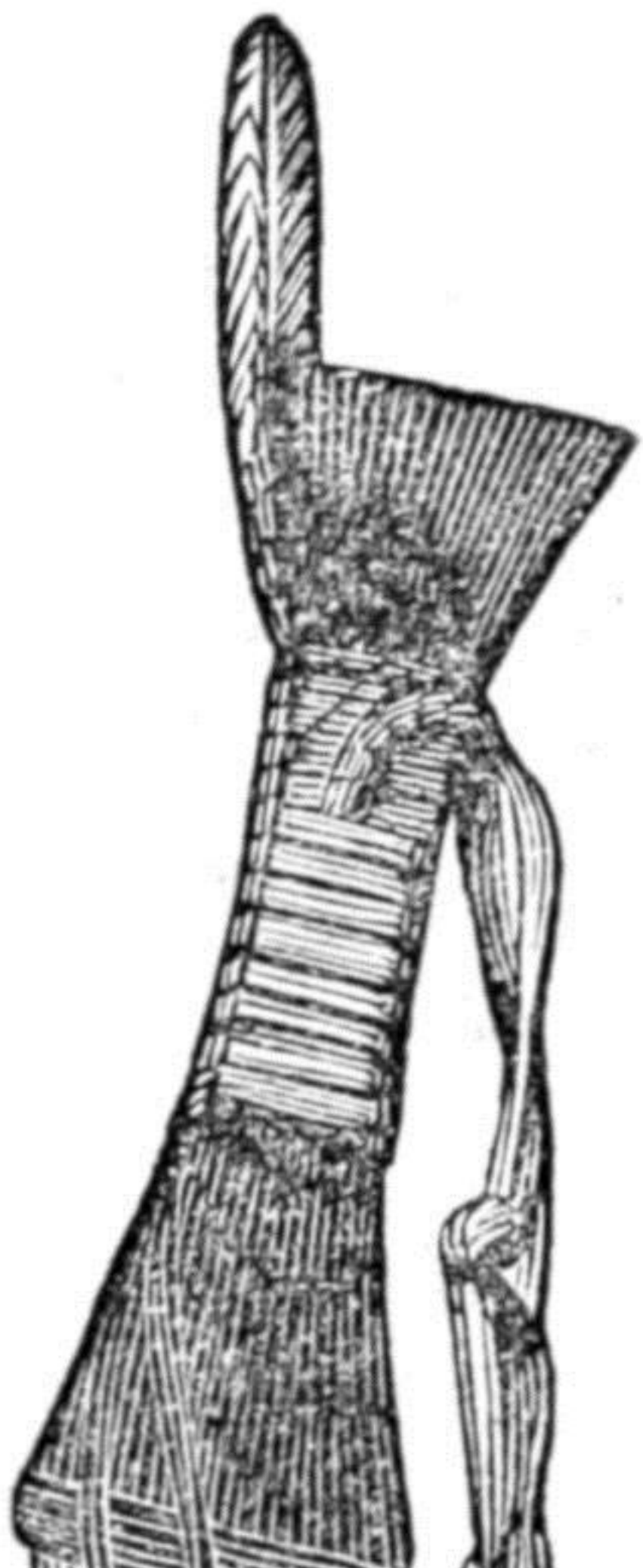
на руки, щеки и грудь; у каждой из них есть линия синих точек, идущая от уголка глаза к ушам, и какой-то узор на лбу.

Одежда этих людей очень проста. В теплую и хорошую погоду оно состоит всего лишь из куска хлопчатобумажной или шерстяной ткани, вытканной из самых ярких оттенков красного, белого и синего. Это не более чем просто полоска ткани, и в этом отношении одежда женщин почти не отличается от мужской. В холодную и штормовую погоду оба пола носят теплый плащ из шкуры ягуара или, если не удастся достать столь ценный материал, из шкуры нутрии или южноамериканской выдры. Серьги носят оба пола, но отвратительные украшения, которые многие дикие племена носят на губах и носах, им совершенно неизвестны.

Индеец из Гран-Чако по сути своей всадник, и ни один житель Америки не использовал лошадь в большей степени, чем он. Однако он отличается от тех, кто уже упоминался, одной важной особенностью. Он полностью презирает дорогостоящие шпоры, стремяна и наголовники, описанные в рассказе об арауканах, и, будучи почти голым, ездит на совершенно голой лошади. Он не использует ни седло, ни стремяна, ни удила, направляя своего скакуна голосом и прикосновением, а не силой железной узды. Единственный представитель уздечки - небольшая веревка из плетеной шкуры, продетая вокруг нижней челюсти лошади.

Оружие индейцев Гран-Чако очень немногочисленно. Он носит с собой болас и лассо, но мало заботится о них на войне, предпочитая в качестве наиболее эффективного оружия копье. Это орудие иногда достигает пятнадцати футов в длину, а в руках умелого всадника, сидящего на отлично обученном коне, является самым грозным орудием войны. Воин использует копье не только для боя, но и как средство для посадки на лошадь. Он встает по правую руку от животного, упирает острие копья в землю и, используя древко как шест для прыжков, без особых усилий взваливает себя на спину лошади.

Эти люди также используют довольно своеобразную дубину. Это оружие называется "макана" и распространено на большей части Южной Америки. Она редко превышает два фута в длину, а по форме несколько напоминает квадратную коробку для игры в кости, уменьшаясь в середине и увеличиваясь в диаметре к каждому концу. Он используется и как ракета, и как ручное оружие, и при использовании держится за середину. Молодые воины гордятся силой и точностью, с которой они бросают этот инструмент, а во время досуга соревнуются друг с другом в метании в цель. Образец, изображенный [на иллюстрации](#), был подарен мне Х. Бернау, эсквайром, вместе с несколькими другими видами оружия и орудий Южной Америки.

МАКАНА.

Иногда макана вооружена цилиндрическим куском твердого камня, который выступает с одного конца, как лезвие топора. Он закрепляется в дереве весьма изобретательным способом. Остановившись на молодой ветке, которая, по его мнению, станет хорошей дубиной, индеец продельывает в ней отверстие и вбивает в него заранее подготовленный каменный цилиндр. Затем он оставляет его на два-три года, и к этому времени древесина прорастает сквозь камень и так прочно в него впивается, что скорее разломается на куски, чем расшатается от любого насилия.

Еще одно такое оружие в моей коллекции примечательно легкой, но искусной резьбой, которой оно покрыто, оставляя лишь небольшое пространство в центре, лишенное орнамента. Узоры скорее процарапаны, чем вырезаны, так что их невозможно разглядеть, если не повернуть оружие из стороны в сторону, чтобы свет падал на него правильно; но благодаря чрезвычайной твердости дерева они сохраняют свою целостность, несмотря на грубое использование. Дерево, из которого изготавливаются эти булавы, относится к тем, которые в народе называют железным деревом из-за твердости и веса древесины. Оно относится к роду гуаякум. Испанцы называют это дерево именем, означающим "топор-ломатель".

Самое странное в войне этих туземцев то, что, сражаясь друг с другом, они применяют сложную систему защитных доспехов, в то время как против огнестрельного оружия белых они отказываются от всего подобного, зная, что щит и костюм, которые защищают их от дубины и копья, бесполезны против пули.

Доспехи очень громоздки и выглядят почти так же неуклюже, как те, что носят солдаты Бегарми. (См. с. 638.)

Прежде всего воин надевает плащ из шкуры ягуара, выделанный таким образом, чтобы оставаться мягким даже после намокания. Поверх этой одежды он надевает полный доспех из толстой и жесткой шкуры тапира. Из этого материала сделаны не только доспехи, но и шлем, и щит, способный выдержать удар копья или острие стрелы. Однако он мешает правильно управлять лошадью, и очень сомнительно, что его защитные свойства компенсируют его чрезмерную неуклюжесть. Тем не менее, она может оказывать моральное воздействие на врага; и нельзя отрицать, что она придает воину более грозный вид, чем тот, который он имел бы, если бы ехал без доспехов. Чтобы добавить свирепости своему облику, в таких случаях он использует краску и с помощью алого и черного пигмента делает себя совершенно отвратительным.

Когда он нападает на деревню, населенную белыми людьми, то делает это весьма изобретательно. Обычно он сражается исключительно верхом, будучи настолько замечательным наездником, что может даже стоять на крупе своей лошади на полном скаку, и чувствуя себя не в своей тарелке, когда его снимают с лошади. Но когда ему приходится нападать на такого грозного врага, как белый человек, он начинает действовать по-другому. Он берет с собой огромный лук, слишком прочный, чтобы его можно было натянуть обычным способом, и несколько длинных стрел. Отъехав на некоторое расстояние от деревни, он крадется к месту, находящемуся на расстоянии полета стрел, а затем готовится к бою.

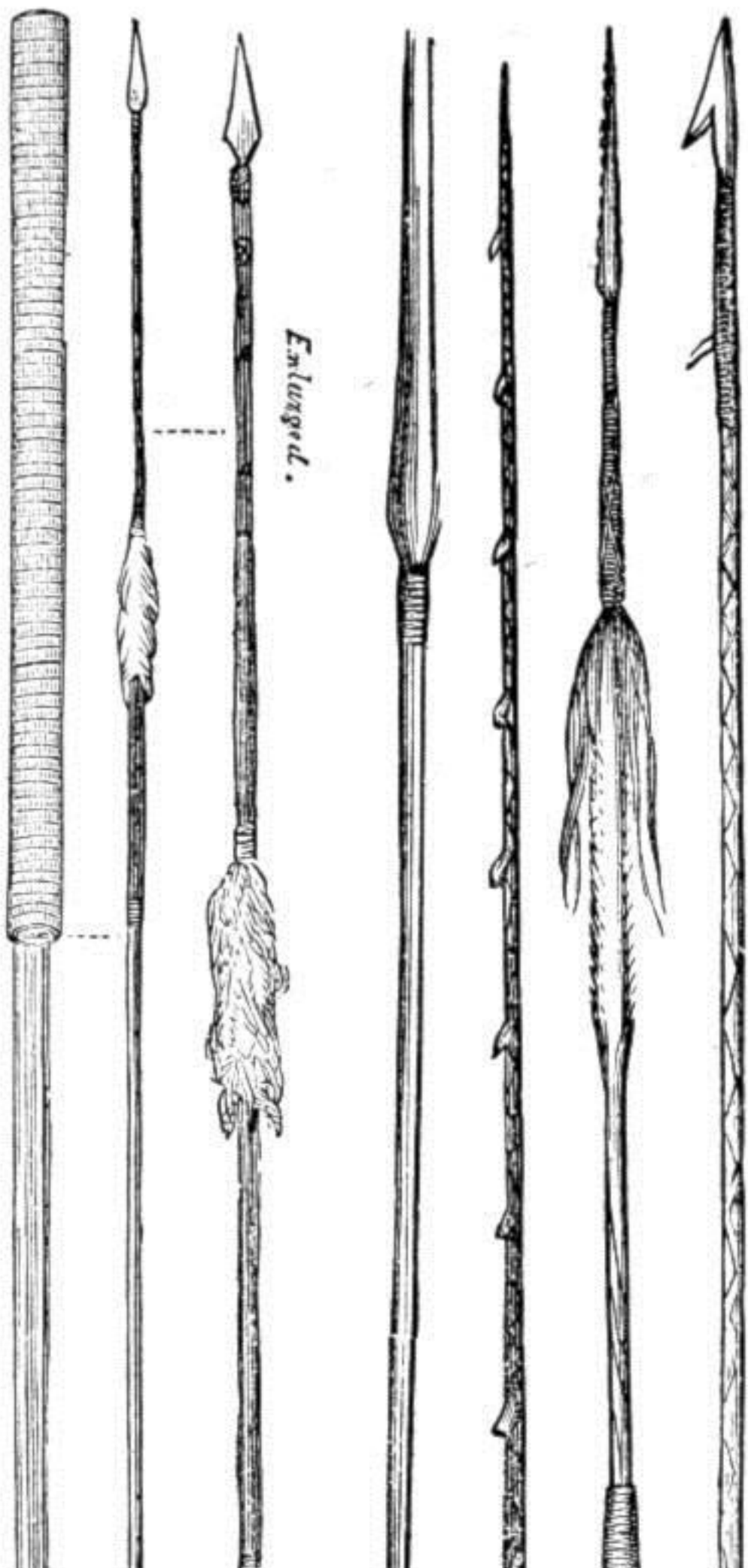
Сначала он обматывает стрелы ватой за головкой, а когда обработает их все таким образом, зажигает свет и поджигает вату на одной из стрел. Лежа на спине, он держит лук пальцами

обеих ног, а положив горящую стрелу на ее место, может использовать обе руки для натягивания мощного оружия. Он стреляет с удивительной меткостью и быстротой, так что, когда несколько индейцев окружают деревню и осыпают ее со всех сторон огненными снарядами, дома непременно оказываются в огне.

В суматохе, вызванной вспыхнувшим со всех сторон пламенем, воины вскакивают на коней, бросаются на деревню, убивают всех, до кого могут добраться, уносят как можно больше добычи, а затем галопом возвращаются в свои районы, где никто не осмеливается их преследовать.

Ответного удара можно не опасаться, ведь у индейцев Гран-Чако нет постоянного места жительства и ничего, что можно было бы назвать даже деревней. Хижина или, скорее, палатка этих людей очень проста. Два вертикальных столба крепко вбиты в землю, и еще один горизонтально проложен через них. На горизонтальный столб вешают большую циновку, концы которой прибивают к земле, и палатка готова. Циновка сделана из эпидермиса молодых пальмовых листьев. Чтобы вода не заливала палатку в дождливую погоду, вокруг нее выкапывают траншею. Единственная мебель - гамак, в котором спит житель, и в хорошую погоду он чаще всего натягивается между двумя пальмами, чем между вертикальными стойками палатки. По сути, палатка используется только как укрытие в дождливую погоду, а вся жизнь проходит под открытым небом.

Как можно предположить по такому образу жизни, индеец Гран-Чако - это, по сути, бродяга, переходящий из одной части страны в другую, когда дичи становится мало в том районе, где он временно обитает. [Иллюстрация № 1](#) на 1218-й странице показывает, как община этих туземцев переправляется через реки. Плавая с совершенной легкостью, они просто одной рукой направляют своих лошадей в воду, не заботясь о том, чтобы сесть им на спину, а другой рукой гребут через поток или держат копьё с его легким грузом украшений.

Enlarged.

СТРЕЛЫ И НАКОНЕЧНИК ДЛЯ СТРЕЛ.

(См. с. 1229.)

Дети и домашние вещи переносятся достаточно легко. На воду спускают квадратные лодки или кадки из бычьей кожи, в которые сажают детей, щенков, которых всегда много, и более тяжелые вещи - чайники и сосуды для приготовления пищи. К "пелоту", как называют эту примитивную лодку, привязывают веревку, и груз буксируют по течению либо привязав к хвосту лошади, либо держа во рту хорошего пловца. Более легкие предметы, такие как платье и украшения, прикрепляются к наконечнику копья, которое держится вертикально, чтобы они не попадали в воду.

Собаки, о которых только что шла речь, очень полезны для индейцев Гран-Чако, которые используют их в погоне. Они доставляют мало хлопот своим хозяевам, живя по большей части в норах, которые они вырывают в земле, и довольствуясь отбросами и объедками, которых в нецивилизованном обществе более чем мало. Без собак охотник едва ли смог бы сдерживать ягуара, пекари и других подобных животных, которых так раздражают постоянные и шумные атаки маленьких кур, что они останавливаются в своем бегстве, чтобы отомстить и дать охотнику время настигнуть их.

Несмотря на то, что индейцы Гран-Чако по своей сути являются воинами и живут в основном за счет доходов от грабежа, в одном отношении они значительно превосходят североамериканские племена. Он не пытается пленных, которых берет на войне, а к женщинам и детям относится доброжелательно и принимает их в свое племя.

ГЛАВА СХХVIII.

МУНДУРУКУ.

ПРОИЗВОДСТВО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ.

ПОЛОЖЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕНИ МУНДУРУКУ - ОБЩИЙ ВИД - СПОСОБ НАНЕСЕНИЯ ТАТУИРОВОК - МАСТЕРСТВО ОБРАБОТКИ ПЕРЬЕВ - СКИПЕТРЫ И ПЕРЕДНИКИ ИЗ ПЕРЬЕВ - СОХРАНЕНИЕ ГОЛОВЫ - ТРИУМФАЛЬНЫЙ ПИР И ГОРДОСТЬ ВОИНА - ОБУЧЕНИЕ ВОИНА - ИСПЫТАНИЕ "ПЕРЧАТКИ" - ИНТЕЛЛЕКТ МУНДУРУКУ - ИСКУССТВО ВРАЧЕВАНИЯ - ЗАЧАРОВАННЫЕ СИГАРЫ - СБОР САРСАПАРИЛЛЫ - ЧАЙ ГУАРАНА - ТАБАК ПАРИКА И ЕГО ДЕЙСТВИЕ - ТРУБКА ДЛЯ ТАБАКА - КУЛИНАРИЯ СРЕДИ МУНДУРУКУ.

Самым крупным, воинственным и могущественным из племен Амазонии является племя, известное под названием мундуруку.

Раньше они населяли страну на южном берегу великой реки Амазонки, но после долгой и доблестной борьбы с португальцами они значительно продвинулись на юг, уступив своим новым союзникам более северную часть своей территории. С тех пор они находятся в очень хороших отношениях с европейцами, и белый человек любой национальности обязательно найдет радушный прием, когда окажется среди мундуруку. Это чувство не распространяется на негров и мулатов: темная кожа вызывает у мундуруку гнев, а белая - дружеское расположение.

Цвет кожи мундуруку - теплый медно-коричневый; волосы густые, черные, прямые, у мужчин коротко подстрижены, за исключением длинной бахромы, которая свисает на лоб. Черты

лица у них хорошие: губы тонкие, лоб довольно высокий и дугообразный, а общий контур лица овальный. К сожалению, они уродуют себя татуировкой, которая так же сложна, как и у маркизов, но лишена изящества.

Мундуруку, похоже, не имеет представления об изогнутых или завитковых узорах и довольствуется прорисовкой прямых линий и углов. Один из любимых планов - покрыть все тело узором, напоминающим шпалеру, причем в одних случаях линии пересекаются по диагонали, а в других - под прямым углом. У одного человека, которого видел мистер Бейтс, по центру лица была большая черная заплатка, закрывавшая нижнюю часть носа и рот, а тело украшал синий клетчатый узор, а руки и ноги - полосы.

Поначалу кажется странным, как люди могут рисовать линии с такой регулярностью. Однако это удастся достаточно легко благодаря особой форме инструмента для нанесения татуировок. Этот инструмент, вместо того чтобы быть очень маленьким и сделанным из кости, имеет значительные размеры и представляет собой гребень, сделанный из острых шипов пальмы пупунха, расположенных рядом. С помощью этого инструмента нетрудно получить прямые линии, поскольку все, что нужно сделать оператору, - это приложить острие гребня к коже, резко постучать по нему, пока не образуется ряд маленьких отверстий, а затем втереть в раны угольный пигмент.

Помимо татуировки, они обильно используют краску и украшают себя прекрасными орнаментами из перьев макао, тукана и других местных птиц. Есть и другие племена, использующие подобные украшения, образцы которых мы увидим в ближайшее время. Это, пожалуй, лучшие в мире дикари, работающие с перьями, демонстрирующие художественный вкус, который просто поражает. Их скипетры из перьев - прекрасные образцы туземного искусства. Они имеют около трех футов в длину и трех дюймов в диаметре и сделаны путем закрепления на деревянном стержне красивых белых и желтых перьев с груди тукана. В верхней части скипетр расширяется в широкий плюмаж, состоящий из длинных хвостовых перьев трогонов, макак и других птиц. Чтобы сохранить эти скипетры во всей их красе, их хранят в цилиндрических бамбуковых футлярах до тех пор, пока они не понадобятся. Эти украшения используются только в дни праздников, которые определяются волей тушауа или вождя племени. По этим случаям женщины готовят огромное количество "тароба", который в точности повторяет мудай арауканов, и продолжают пить, петь и танцевать, пока не исчерпают весь запас спиртного.

Иллюстрация № 7 на странице 1231 дает некоторое представление о способе обработки перьев и узорах, используемых аборигенами Амазонки, хотя обычная черно-белая картинка не может дать представления о великолепной окраске и художественном расположении оттенков. По этой причине я был вынужден ограничить иллюстрации сложных работ из перьев этих аборигенов и привести лишь несколько примеров, в которых форма, как и цвет, являются образцом для подражания.

Тело этого фартука сделано из хлопчатобумажных нитей, сплетенных в сетку, настолько плотную, что она напоминает тканое полотно, в то время как в верхней части они располагаются свободно и параллельно друг другу. Начиная с нижней части фартука, мы имеем сначала ряд черных перьев, на которые наложена довольно широкая полоса ярко-желтого цвета. Основа остальной части фартука, вплоть до основания, состоит из алых перьев, пересеченных двумя узкими желтыми полосами, и любопытного двойного узора посередине - желтого сверху и синего снизу. Бока и верх окантованы поясом из меха черной обезьяны.

По верхнему краю основы нанизано несколько надкрылий или крыльев великолепного жука *Buprestis*. Они свободно нанизаны в ряд у основания и не только выглядят великолепно, когда на них падает солнечный свет, но и звенят при каждом движении, чтобы соответствовать шагам танцовщиц, для которых в основном и делаются такие украшения. Эти крылышки используются и для детских погремушек.

Как и многие другие воинственные дикари, мундуруку увековечивают память о доблестных деяниях, сохраняя трофей убитого врага. Это единственный способ сохранить память о своей доблести, и в этом отношении мундуруку следуют примеру даяков, отрезая и сохраняя голову убитого. Когда мундуруку посчастливилось убить врага, он отрезает голову бамбуковым ножом, вынимает мозг, вымачивает всю голову в горьком растительном масле, называемом "андироба", и сушит ее на огне или на солнце. Когда голова совсем высохнет, он вставляет в пустые орбиты вставные глаза, расчесывает, распускает и заплетает волосы, украшает ее блестящими перьями и, наконец, продевает через язык веревку, с помощью которой ее можно подвесить к балкам малокки или дома совета, где она и остается, за исключением праздничных дней. Когда же вождь отдает приказ о пиршестве, гордый обладатель головы облачается в свой самый великолепный костюм из перьев, берет свой приз из малокки, закрепляет его на острие копья и шествует перед своими товарищами во всем блеске признанного храбреца.

Одна из таких сохранившихся голов показана на стр. 203, срисованная с образца, находящегося в распоряжении А. Фрэнкса, эсквайра, из Британского музея. Чтобы показать обычный вид головного убора из перьев, который носили мундуруку, на той же странице приведен портрет вождя, так что контраст между живой и сохранившейся головой хорошо заметен.

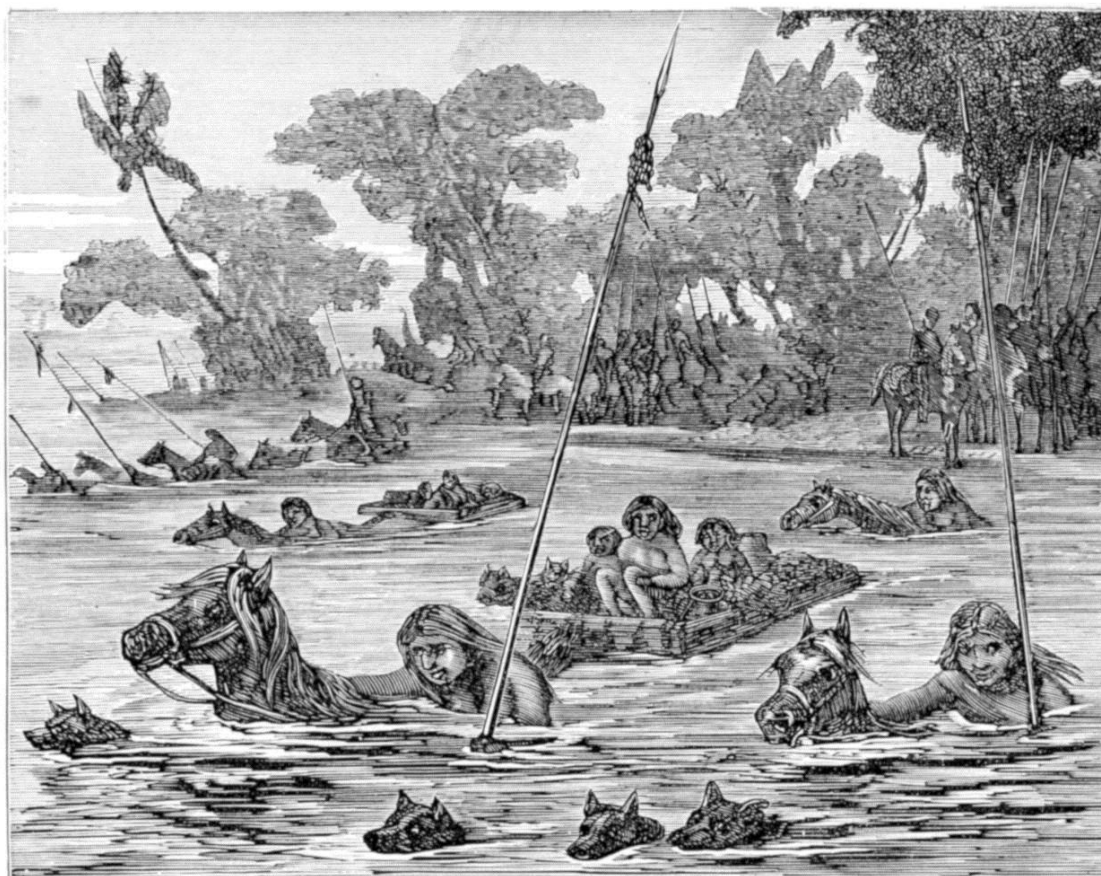
Ценность, которую мундуруку придают этому трофею, просто неоценима. Поскольку никто, кроме признанных воинов, не допускается к сражению с врагом, факт обладания головой доказывает, что ее владелец с триумфом прошел через страшные испытания перчаток. Весьма примечательно, что две совершенно разные расы людей, малайцы и монголы, придерживаются совершенно одинаковых обычаев и считают обладание головой главной целью в жизни.

Совершенно невозможно, чтобы диаки Борнео и мундуруку Центральной и Южной Америки были географически связаны друг с другом, и мы должны сделать вывод, что этот обычай возник из любви к одобрению, присущей человеческой природе. Во всех странах, будь то цивилизованные или нет, слава воина - один из главных объектов честолюбия. В цивилизованных странах, где существует литература, эта слава распространяется и сохраняется с помощью пера; но в нецивилизованных странах требуется какое-то вещественное доказательство успеха в войне. В этой голове необходимое доказательство получено, поскольку ее наличие свидетельствует о том, что владелец убил того или иного человека, а форма или отсутствие татуировки - о том, что убитый был врагом, а не другом.

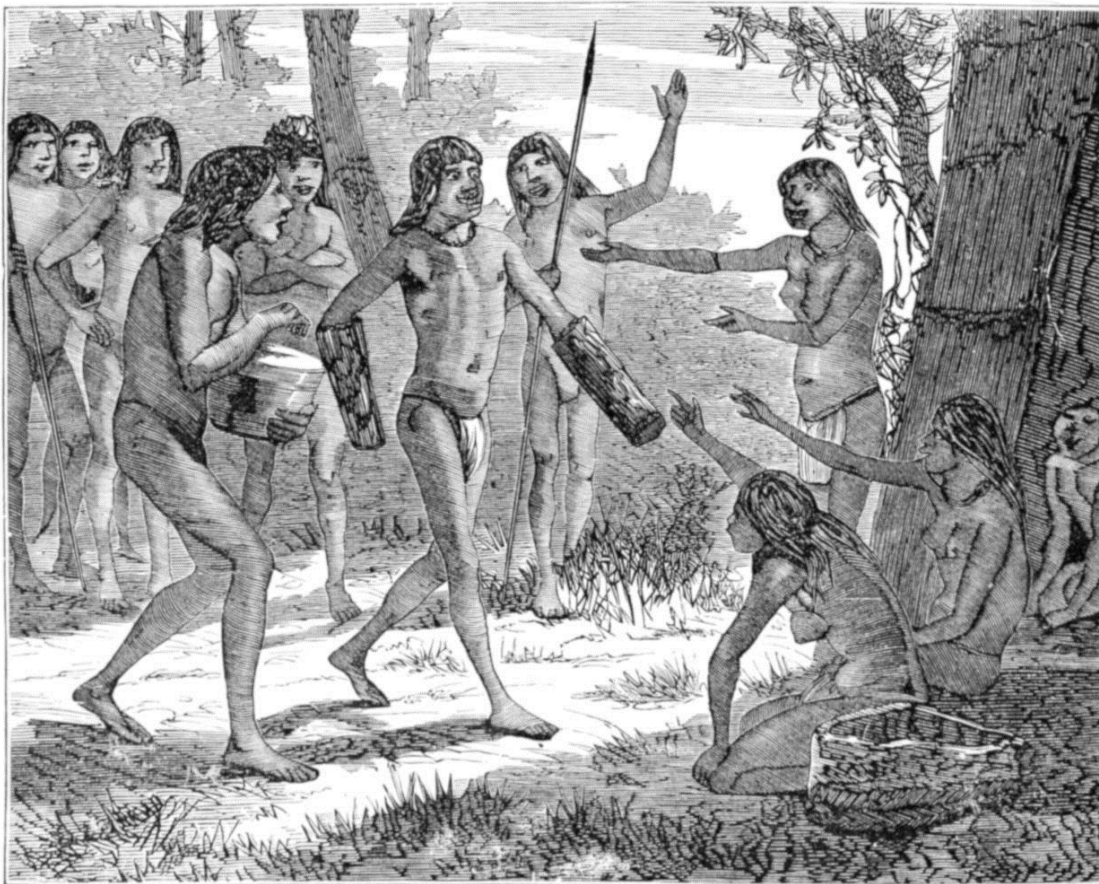
Удачливые воины так гордятся своими головами, что часто снимают их на время с малокки и кладут на забор, окружающий их посевы, чтобы женщины, работающие в поле, могли подбодрить себя видом трофея своего родственника. В последние годы либо этот обычай отошел на второй план, либо люди не желают демонстрировать свои трофеи белому человеку, ведь мистер Бейтс, который провел с ними столько времени, ни разу не видел ни одной сохраненной головы и не слышал, чтобы ее использовали.

Как и многие другие туземцы, мундуруку должны пройти через ужасно болезненное испытание, прежде чем их примут в ряды мужчин. Вся эта процедура носит странный, чудаковатый характер.

Читатель должен знать, что в Южной Америке обитает огромное количество муравьев, многие из которых ужасно жалят. Например, муравей мунири, огромное черное насекомое, размером с осу и с таким же ядовитым жалом. Есть еще огненный муравей, чей укус подобен раскаленной игле, пронзающей плоть, и многие другие. Эти муравьи стали орудием, с помощью которого проверяется храбрость юноши.

(1.) ИНДЕЙЦЫ ГРАН-ЧАКО В ДВИЖЕНИИ.
(См. [стр. 1213.](#))

(2.) ТАНЕЦ В ПЕРЧАТКАХ МУНДУРУКУ.

(См. [с. 1219.](#))

В назначенный день кандидат в мужчины и привилегии воина отправляется в дом совета в сопровождении своих друзей, которые поют и бьют в барабаны, чтобы подбодрить его. Затем старики приступают к испытанию. Они берут две бамбуковые трубки, закрытые с одного конца и открытые с другого, и помещают в каждую трубку или "перчатку" по несколько самых свирепых муравьев страны. В эти трубки несчастный просовывает руки и завязывает их, чтобы они не могли упасть. Затем барабанщики и певцы заводят барабан, и кандидат присоединяется к песне.

В сопровождении оркестра и друзей его водят по деревне и заставляют исполнять танец и песню перед каждым домом, причем малейший симптом страдания является фатальным для его принятия в ряды мужчин. Несмотря на муки, которые он терпит, - муки, которые постоянно усиливаются по мере того, как яд от укусов циркулирует в его теле, - парень поет и танцует так, словно делает это от чистого счастья, и так обходит всю деревню. Наконец он оказывается перед шатром вождя, где в последний раз поет свою песню, и его признают мужчиной. Его друзья собираются вокруг, чтобы поздравить его, но он бросается сквозь них, срывает перчатки для пыток и окунается в ближайший ручей, чтобы охладить свои пульсирующие руки.

Это страшное испытание мужественности, называемое "[танцем в перчатках](#)", изображено на странице 1218.

Мундуруку, похоже, являются разумной расой дикарей, о чем можно судить по рассказу мистера Бейтса об интересе, который они проявили к книге с иллюстрациями.

Чтобы развлечь тушауа, я принес из каноэ два тома "Живописного музея одушевленной природы" Найта. Гравюры пришлись ему по вкусу, и он позвал своих жен, которых, как я потом узнал от Араку, у него было три или четыре, посмотреть на них: одна из них была красивой девушкой, украшенной ожерельем и браслетами из голубых бусин. Через некоторое время и другие оставили свою работу, и вокруг меня собралась толпа женщин и детей, которые проявляли необычное для индейцев любопытство.

"Просмотреть все иллюстрации было нелегкой задачей, но они не позволяли мне пропустить ни одной страницы, заставляя оборачиваться назад, когда я пытался пропустить. Больше всего их поразили изображения слонов, верблюдов, орангутангов и тигров, но их интересовало практически все, вплоть до раковин и насекомых. Они узнали портреты самых ярких птиц и млекопитающих, которые водятся в их собственной стране: ягуара, воющей обезьяны, попугаев, трогонов и туканов.

"Слон, как выяснилось, был крупной разновидностью тапира; но они сделали лишь несколько замечаний, и те на языке мундуруку, из которого я понял только два или три слова. Их способ выразить удивление - щелкающий звук, издаваемый зубами, похожий на тот, который используем мы сами, или приглушенное восклицание: "Хм! Хм!"

"Пока я закончил, собралось от пятидесяти до шестидесяти человек; не было ни толкотни, ни грубости, взрослые женщины позволяли молодым девушкам и детям стоять перед ними, и все вели себя самым спокойным и упорядоченным образом".

Как и другие дикарские племена, мундуруку очень верят в своих знахарей, или "пайес", как их называют. Считается, что эти люди обладают властью над злыми духами, особенно над теми, которые вызывают болезни и принимают видимую форму червя или другого подобного существа.

Когда мундуруку заболевает, он посылает за падже, который выполняет жестикуляцию, характерную для всего племени знахарей, пока не укажет место, где поселился злой дух. Затем он делает огромную сигару, заворачивая табак в складки танари, *то есть* внутренней коры дерева, которая разделяется на слои, а затем выбивается, как ткань из коры в Полинезии. Танари изготавливают из нескольких деревьев, особенно из обезьяньего корня (*Lecythis ollaria*), причем лучшие из них способны сделать сто слоев из одного куска коры.

Дым от сигары некоторое время дуют на очаг болезни, а через некоторое время падже прикладывает губы к этому месту и сильно сосет, выпуская изо рта червя, который причинил вред. Однажды, когда падже оперировал ребенка от головной боли, белый человек сумел завладеть "червем", который оказался ничем иным, как длинным белым воздушным корнем какого-то растения.

Однако у этих людей есть и настоящие лекарства. Прежде всего, они знают толк в корне сарсапариллы и собирают его в больших количествах для рынка. Корень, или, скорее, корневище, одного из видов смилакса - это хорошо известная в торговле сарсапарилла.

Туземцы собирают его в сезон дождей, когда корни можно легко вырвать из влажной земли. Тщательно промыв корни, сборщики хранят их под навесом до полного высыхания, а затем собирают в пучки одинакового размера для удобства упаковки. Длина таких пучков превышает три фута, а диаметр - около пяти дюймов. Их очень плотно перевязывают сипо, разновидностью вьюнка, и продают торговцам.

Еще одно известное им лекарство - гуарана. Она изготавливается из семян вьющегося растения, принадлежащего к роду *Paullinia*. Семена поджаривают в оболочке, а затем

вынимают и толкут между двумя камнями. Порошок смешивают с водой, чтобы получилась жесткая паста, которую формуют в виде квадратов и оставляют сушиться. При использовании растительный кирпич разводят в воде, примерно чайная ложка на пинту, и лекарство готово. Он оказывает стимулирующее действие на организм. Как и крепкий чай, он отгоняет сон, но настолько ценен при перемежающейся лихорадке в этой стране, что в бразильских поселениях его цена очень высока.

Есть еще одно очень примечательное лекарство, которое, хотя и не используется чистым племенем мундуруку, пользуется большой популярностью у купари, подплемени того же народа. Это своего рода нюхательный табак, называемый *рагисá*, который готовится и используется следующим образом. Семена одного из видов инга (растения из семейства бобовых) высушивают на солнце, толкут в деревянных ступках, а пыль помещают в бамбуковые трубки.

Когда люди решают устроить попойку, они собираются вместе и пьют различные перебродившие спиртные напитки, пока не опьянеют наполовину. Затем они разделяются на пары, у каждой из которых есть полая тростинка, наполненная нюхательным табаком *рагисá*. Потанцевав некоторое время, они вдвуют нюхательный табак в ноздри своих партнеров, чтобы он произвел свой полный эффект.

Действие *рагисá* очень необычно. Иногда оно настолько сильное, что принимающий парик падает на землю, как подстреленный, и некоторое время лежит без сознания. На тех, кто к нему привык, он действует иначе. На некоторое время он вызывает сильнейшее возбуждение, сгоняя тяжесть опьянения и придавая легкость и бодрость духа, заставляя принимающего танцевать и петь как безумный, что он и делает на некоторое время. Эффект вскоре проходит, и мужчины снова напиваются до опьянения.

Мурасы, ссорящееся и дикое племя, с которым мундуруку находятся в вечной вражде, - самые преданные любители парика. Маухес, соседнее племя, используют его как средство от агонии в месяцы между влажным и сухим сезонами, когда миазмы всегда в изобилии.

Они хранят порошок в виде высушенной пасты, а когда хотят его использовать, соскабливают в плоскую раковину, очень тщательно распределяя его маленькой кисточкой из шерсти большого муравьеда. Затем они изготавливают прибор для принятия табака. Он состоит из двух орлиных перьев, связанных между собой по длине и расходящихся на одном конце на такое расстояние друг от друга, чтобы их концы легко входили в ноздри владельца. По форме инструмент очень напоминает букву Y.

Вставив расходящиеся концы в ноздри, маухе кладет другой конец на порошок и протягивает его через перья, при этом конец проходит по раковине до тех пор, пока не будет взята каждая частица порошка. Иногда вместо перьев нюхач использует кость ноги ржанки. Этот инструмент, однако, очень редок, и его нелегко достать, поскольку его обладатель считает его очень ценной вещью. Примечательно, что *рагисá* под разными названиями используется в местах, находящихся на расстоянии тысячи миль друг от друга.

Кулинария мундуруку очень проста. Они готовят хлеб из маниоки и тапиоку по способу, который будет описан ниже, и питаются ямсом, подорожником и другими подобными овощами. Животная пища добывается охотой и состоит в основном из обезьян, которыми изобилуют южноамериканские леса. Когда обезьяна должна быть съедена, ее готовят одним из двух способов. Если есть время, разводят большой костер и дают ему прогореть почти дотла, чтобы дыма почти не было. Над красными углями параллельно друг другу кладут

несколько зеленых палок, как прутья колосника, и на эти прутья кладут обезьяну в том виде, в каком ее убили, причем шкуру никогда не снимают, а внутренности редко чистят.

Есть еще более простой план, который используется, когда у мундуруку нет времени разводить большой костер. Он разводит такой большой костер, какой только может развести, насаживает обезьяну на палку, заостренную с каждого конца, и закрепляет палку по диагонали в земле, так что тело обезьяны нависает над огнем, подобно тому как солдат готовит или, скорее, сжигает свой паек, насаживая кусок мяса на свой таран. Этим людям требуется очень мало кулинарной обработки, они довольствуются тем, что кожа хорошо прокалена, а мясо не совсем сырое.

Мундуруку также могут добывать фрукты, способные сохраняться, так что ему не нужно опасаться, что он пострадает от недостатка провизии. Главные плоды - это "орехи" лецитиса и бертолетии. Плоды первого дерева в народе называют "обезьяньей чашкой", потому что твердая оболочка, в которую заключены семена, имеет подвижную крышку, которая отпадает, когда плод созревает, и позволяет обезьянам вытаскивать семена из их оболочки.

Плод бертолетии известен как бразильский орех. Несколько таких орехов заключены в очень толстый и твердый околоплодник, который не имеет крышки, хотя в верхней части есть небольшое отверстие, через которое видны семена. Когда плод созревает, он падает на землю с такой силой, что если бы он ударил человека по голове, то мгновенно убил бы его. Один из таких плодов в моей коллекции достигает фута в окружности и, хотя он очень сухой, весит девять унций. Читатель может представить себе силу, с которой такой плод упал бы с высоты ста футов или около того.

Чтобы уберечь себя от несчастных случаев, мундуруку всегда надевают толстые деревянные колпаки, когда идут за бразильскими орехами, и стараются ходить очень прямо, чтобы не получить удар по спине или затылку.

ГЛАВА XXXIX. ПЛЕМЕНА ГВИАНЫ. ОРУЖИЕ.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ - ИНВЕРСИЯ СЛОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ - ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ - ПЯТЬ ГЛАВНЫХ ПЛЕМЕН ГВИАНЫ - ОСОБЕННОСТИ КЛИМАТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАСТИТЕЛЬНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ МИР - ГАМАК ГВИАНЫ - ОРУЖИЕ, ХАРАКТЕРНОЕ ДЛЯ ЭТОЙ СТРАНЫ - ДВА ВИДА ДУХОВОГО РУЖЬЯ - ЗАРАБАТАНА, И СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ВЕС ОРУЖИЯ - ПУКУНА - ЕЕ ДВОЙНАЯ ТРУБКА - УРАХ И САМУРАХ - ВОСК КУРУМАННИ - ХИТРОУМНЫЕ ПЕРЕДНИЙ И ЗАДНИЙ ПРИЦЕЛЫ - СТРЕЛЫ ДЛЯ ДУХОВОГО РУЖЬЯ - ИХ КОНСТРУКЦИЯ - СПОСОБ ЗАТОЧКИ - РЫБА ПИРАИ - ХИТРОУМНЫЙ СПОСОБ УПАКОВКИ СТРЕЛ - СПОСОБ ПРИВЕДЕНИЯ СТРЕЛ В ДВИЖЕНИЕ - КРЫЛАТАЯ СТРЕЛА - КОЛЧАН И ХЛОПКОВАЯ КОРЗИНА.

Очевидно, что бесчисленные племена, населяющие окрестности великой реки Амазонки, являются членами одной семьи, различающейся больше по языку, чем по внешнему виду или привычкам. Естественно, что семьи, когда они становятся большими, отделяются друг от друга и таким образом становятся основателями новых племен, которые распространяются по стране, оседая в тех местах, которые им больше всего подходят. Они сохраняют общий

характер своих нравов и обычаев, но из-за полного отсутствия литературы их язык постоянно меняется.

Это изменение в их языке также связано с тем, что местные жители любят инвертировать слова и предложения во время разговора друг с другом - обычай, который имеет некоторое сходство с каламбуром между нами. Когда эти перевернутые слова приходятся по вкусу, они сохраняются в языке, так что через несколько лет после того, как семья отделилась от родительского племени, два диалекта настолько отдаляются друг от друга, что люди с трудом могут понять друг друга.

Для филолога такое колебание языка было бы чрезвычайно интересно, но, поскольку мы занимаемся скорее нравами и обычаями, чем языком, мы пройдем на север и на восток, в Гвиану. Сэр Р. Шомбургк упоминает факт, который является необычным подтверждением быстроты изменения языка среди этих племен. В 1800 году здесь жил попугай, который хорошо говорил, но многие его слова нельзя было понять, потому что он говорил на языке атуресов, племени, которое полностью исчезло из памяти после того, как его освоили воинственные карибы.

Эта сравнительно небольшая страна представляет особый интерес для этнологов благодаря тому, как прекрасно аборигены сохранили свою индивидуальность. Явно происходя из одного источника, они расселились по разным районам и, хотя похожи по цвету кожи и общему телосложению, так сильно различаются по языку, а часто и по манерам, как если бы принадлежали к отдельным частям света.

Гвиану населяют пять основных народов, которые подразделяются на огромное количество мелких племен. Это макоуши, араваки, аккавайо, карибы и варау. Два первых из них будут рассматриваться как представители племен Гвианы, хотя остальные будут упоминаться в тех случаях, когда они представляют собой какие-либо признаки различия.

Если взять в общих чертах основные моменты различия между этими племенами, то их можно определить следующим образом.

Макуши - самое многочисленное и изобретательное племя. Они преуспели в изготовлении ужасного яда вурали, который они обменивают на каноэ и другие предметы первой необходимости у других племен. Они также делают лучшие духовые ружья. Их хижины закрытые и конические, как сахарные буханки. Их численность составляет около трех тысяч человек.

Араваки гораздо выше макуши, в среднем их рост составляет пять футов шесть дюймов. Их лица отмечены татуировкой, и, поскольку они часто контактируют с белыми людьми, они ближе к цивилизации, чем другие племена.

Аккавайо и карибы не носят одежды, за исключением торжественных случаев. Первые отличаются деревянным украшением на хряще носа, а вторые - орнаментом на нижней губе и комочком аннато, прикрепленным к волосам на лбу. Варау темнее остальных и считаются лучшими изготовителями каноэ в Гвиане. Некоторые из их судов вмещают девяносто или сто человек, и они продают эти каноэ макоуши за превосходный яд вурали, которым славится это племя.

Из-за особенностей климата все эти племена имеют много общих обычаев. Климат очень примечателен: он очень жаркий и очень влажный. Жара объясняется географическим положением Гвианы, которая находится близко к экватору, а влажность - пассатами и конфигурацией страны. Дуя через Атлантический океан, они впитывают огромное

количество влаги из океана и сбрасывают большую ее часть, прежде чем успевают достичь какого-либо расстояния внутри страны; влага конденсируется на вторичных горных цепях, высота которых составляет от пяти до семи тысяч футов.

Вследствие этого вечного тепла, воздействующего на вечную влагу, растительность расцветает с такой роскошью, какой не увидишь ни в одной другой части света; земля так сплошь покрыта деревьями и кустарниками, что многие деревья не могут найти себе пристанища на земле и вынуждены жить друг на друге. Так, на высоком дереве моры вырастает фиговое дерево, а на нем - огромный вьюнок, длинные побеги которого свободно свисают с огромной высоты, на которой они растут, или свисают изящными, усыпанными цветами фестонами с одного дерева на другое. Такой лес, как этот, часто по щиколотку погружен в воду на многие мили, а растительность настолько густая, что единственный способ пройти сквозь спутанную массу растительности - это прорубить тропинку топором. И даже тогда, по прошествии недели или двух, тропинка исчезает, настолько быстро растет растительность.

Из этого описания следует, что животные, населяющие Гвиану, должны быть в основном двух видов: те, что обитают на деревьях, и те, что живут в воде. Соответственно, мы видим, что в стране обитает большое разнообразие обезьян, что древолазы пума и ягуар занимают место сухопутных льва и тигра, а водные капибара и тапир процветают там, где звери равного размера погибли бы, если бы им пришлось жить на суше. Птицы с самым красивым оперением в изобилии обитают в Гвиане, которая также является настоящим раем для насекомых.

Очевидно, что все человеческие существа, живущие в такой стране, должны иметь много общих черт. Они не нуждаются ни в одежде, ни в домах, а леса снабжают их пищей, не требуя возделывания, так что у них отнимается главный стимул к труду. Следовательно, их можно назвать праздным народом, хотя праздность скорее кажущаяся, чем реальная. Они будут работать до тех пор, пока в этом есть необходимость; но поскольку человек может поддерживать существование, не сделав за свою жизнь ни одного настоящего рабочего дня, очевидно, что необходимость в работе возникает нечасто.

Одна общая для них привычка - спать в гамаке. Этот предмет туземцы делают из различных растительных волокон и плетут по-разному, в зависимости от характера племени, которое его изготавливает. Некоторые из них делаются просто путем укладки нескольких веревок параллельно друг другу и завязывания узлов под прямым углом; но лучшие не имеют узлов вообще, веревки переплетаются друг с другом по диагонали, чтобы во всех направлениях поддаваться телу занимающегося. Когда туземец делает особенно прекрасный образец, он украшает его перьями и другими блестящими цветными предметами.

Гамаки бывают разных размеров: одни маленькие и используются для детей, другие достаточно большие, чтобы вместить целую семью. Образец, хранящийся в моей коллекции, выдержит двух уроженцев Гвианы, но не двух англичан. Его длина превышает шестнадцать футов, а ширина - шесть футов.

Гамак точно приспособлен к потребностям туземца. Он настолько легкий, что его можно свернуть и обвязать вокруг тела, чтобы взять с собой в путешествие; настолько легкий по структуре, что в нем прохладно, когда он лежит; и настолько уступчивый по своей структуре, что голые шнуры не ранят его обнаженную кожу. В путешествии он всегда носит с собой гамак, а если хочет отдохнуть, то не садится, а натягивает гамак между двумя деревьями и ложится в него. Такое расположение преследует несколько целей. Во-первых, земля обычно влажная, поэтому в гамаке человек остается сухим; во-вторых, он защищен от змей и других

неприятных пресмыкающихся, которые кишат в лесах; и, наконец, он всегда предпочтет лежать, чем сидеть.

Еще один общий для них момент - способ уничтожения животных, на которых они живут. Читатель помнит, что плотность джунглей настолько велика, что если бы животное после ранения смогло пробежать сотню ярдов или около того, а птица пролететь такое же расстояние, она бы затерялась в зарослях без шансов на восстановление. Поэтому очевидно, что удачливый охотник должен обладать каким-то средством, способным почти мгновенно уничтожить если не жизнь, то движение, и это средство он находит в ужасном яде вурали, который, смешиваясь с кровью, вызывает мгновенное оцепенение. Способ изготовления этого яда будет описан ниже, а пока достаточно сказать, что почти все ракеты, используемые гвианскими аборигенами, будь то лук или дыхание, снабжены этим ядом.

Сначала мы возьмем те ракеты, которые приводятся в движение дыханием, и рассмотрим инструмент, через который они посылаются. По принципу действия оно точно такое же, как и борнейский сумпитан, описанный на [странице 1119](#), но способ изготовления отличается, и в лучших образцах гвианская работа намного превосходит борнейскую.

У этого необычного оружия есть несколько разновидностей, две основные из которых показаны над заголовком "[Ударное оружие](#)" на 1225-й странице, причем обе взяты с образцов, находящихся в моем распоряжении. Справа - зарабатана. Она встречается на очень большой территории к югу от Гвианы, где принимает несколько измененную и улучшенную форму.

Она сделана из двух отдельных кусков дерева, в каждом из которых вырезан полукруглый паз, так что при соприкосновении друг с другом они образуют длинный деревянный стержень, пронизанный круглым отверстием. Поскольку туземцы не используют в качестве инструментов ничего, кроме резцов грызунов, видно, что изготовление одного из этих инструментов требует больших усилий. Отверстие тщательно выравнивается, две половинки складываются вместе и скрепляются длинными плоскими полосками дерева джаситара, намотанными на них по спирали.

К нижнему концу оружия прикреплен большой мундштук с коническим отверстием, похожим на мундштук трубы, чтобы собирать дыхание для движения стрелы. Затем все оружие натирается цементом, состоящим из черного воска дикой пчелы, смешанного с смолистым веществом, полученным из нескольких деревьев, и считается законченным. Зарабатана очень тяжела и требует не только сильной, но и тренированной руки, чтобы держать ее устойчиво. Экземпляр из моей коллекции, длиной в несколько футов, весит три фунта двенадцать унций.

Гораздо более совершенное оружие под названием "[пукуна](#)", более крупное, легкое и удобное в обращении, изготавливается туземцами во многих частях Гвианы, и лучшим из них является оружие, используемое племенем макуши. Образец, изображенный слева от зарабатана, был привезен из Гвианы покойным мистером Уотертоном, который подарил его мне незадолго до несчастного случая, ставшего причиной его смерти.

Это оружие (называемое пукуна) является двойным, состоящим из двух частей, называемых урах и самурах. Основной частью ударного оружия является урах. Это необычный тростник (*Arundinaria Schomburgkii*), который, насколько известно, растет только на песчаниковом хребте Верхнего Ориноко между реками Вентуари, Параму и Мавака. Как и бамбук, он растет гроздьями, и, хотя его диаметр не превышает полдюйма, первые четырнадцать-шестнадцать

футов не имеют узла. От этого места расходятся длинные, тонкие ветви длиной от тридцати до сорока футов, которые изящно изгибаются под действием ветра.

Часть, используемая для духовой трубки, - это первый сустав, который имеет одинаковый диаметр по всей длине и, естественно, отполирован внутри. Но она настолько тонкая, что ее стенки не превышают толщину игральной карты, и слишком хрупкая, чтобы использовать ее без какой-либо защиты. Поэтому туземец прибегает к помощи пальмы, которую он называет "самура", ее научное название - *Ireartia setigera*.

Ее выбирают подходящего размера, срубают и вымачивают в воде, чтобы извлечь мякоть, заполняющую внутренности. Когда она полностью высохнет, в эту трубку вставляется тростник, причем туземный оружейник обладает удивительным талантом, позволяющим ему установить тонкий тростник точно в центр пальмового стебля и закрепить его на месте с помощью уже упоминавшегося черного воска. Этот воск макоуши называют курумани и используют его так же свободно, как и воск "черный мальчик" австралийских аборигенов. Затем самуру соскабливают до нужной толщины, хорошо полируют, и оружие готово для аксессуаров, которые его дополняют.

Один его конец используется в качестве мундштука и обвязывается шнурком из шелковой травы, а другой - половинкой ореха акуэро, который очень тверд и предохраняет конец оружия от травм при случайных ударах о дерево или землю. Семя акуэро служит в качестве переднего прицела, с помощью которого туземный охотник может направлять свое оружие; но для более точного прицеливания он добавляет необычайно изобретательный задний прицел. Взяв кусок воска курумани, он прижимает его к трубке дула примерно в восемнадцати дюймах от мундштука и с помощью воска закрепляет на трубке два нижних резцовых зуба акоучи, одного из икроножных.

На рис. 1 показано само оружие, а на рис. 2 - вид спереди наконечника, защищенного кольцом из семян акуэро, которое образует мушку. На рис. 3 в увеличенном виде показан задний прицел, сделанный из зубов акоучи (*Dasyprocta Acouchi*), закрепленных на своем месте черным воском курумани. Рис. 4 - разрез, сделанный через середину заднего прицела, чтобы показать, как зубцы выступают из ствола. Рис. 5 - вид спереди приклада, показывающий, как тростник оура заключен в ладонь самура.

Такое оружие очень легкое и удобное в обращении, представляя собой сильный контраст с тяжелой и громоздкой зарабатаной. Вес того, что находится в моей коллекции, едва превышает полтора фунта, хотя его длина составляет одиннадцать футов. Его держат довольно любопытным образом. Левая рука повернута ладонью вверх, а локоть прижат к бедру. Затем рука обхватывает духовое ружье на расстоянии вытянутой руки от мундштука, а правая рука захватывает его, ладонью вниз, в пространстве, оставленном другой рукой. По сути, этот способ удержания оружия полностью аналогичен тому, который используют стрелки. Мундштук поднимается не руками, а изгибом корпуса, и удивительно видеть, как устойчиво он может держаться в течение длительного времени - устойчивость, которой никогда не добиться, если держать его, вытянув правую руку и ухватившись за него на некотором расстоянии от рта.

Туземцы тщательно следят за прямоотой своих духовых ружей и никогда не позволяют им прислоняться к чему-либо, чтобы не деформировать их. Когда они идут на охоту, то несут духовое ружье вертикально, как солдат, "держа оружие на плечах", а когда возвращаются в свои хижины, то подвешивают оружие за петлю к крыше дома. Мистер Уотертон неоднократно обращает внимание на этот момент в своих "Странствиях", а когда он подарил

мне пукуну, привезенную из Гвианы, подарок сопровождался условием, что ее никогда нельзя прислонять к стене, а нужно либо положить на землю, либо повесить за петлю.

Теперь мы переходим к стрелам, которые приводятся в движение с помощью пукуны. По форме и размеру они очень похожи на те, что используют даяки, но вместо того, чтобы приспособить их к отверстию пукуны с помощью куска палки или мягкого дерева на прикладе, на них наматывается небольшое количество дикого хлопка, взятого из *Bombax ceiba*, и закрепляется волокном шелковой травы. Культивированный хлопок слишком тяжел для этой цели, и ничто не подходит так хорошо, как желтый, прочный хлопок бомбакса. Чтобы правильно надеть хлопок, требуется большое искусство. Он должен точно соответствовать отверстию, быть идеально правильным, чтобы не нарушать точность полета, и постепенно сужаться кпереди, чтобы оказывать наименьшее сопротивление воздуху. См. [иллюстрацию № 1](#) на следующей странице.

Древко стрелы сделано из ребра листьев кукурбитальной пальмы, разновидности ареки. Оно длиной около десяти дюймов, не толще вороньего пера, а с одного конца доведено до острого, как игла, острия путем продевания его между зубами рыбы пираи (*Serrasalmus piraya*). Зубы этой рыбы плоские, заостренные и обоюдоострые, совсем как у акулы, а пирай - настоящая пресноводная акула, откусывающая целые рты от тел животных, которые попадают в воду, и даже нападающая на самого аллигатора, и когда стрелу проводят между ними, снимается тонкая стружка, как и при использовании современных двойных точилок для ножей. Одна половина челюсти пираи всегда подвешена к колчану макуши.

О яде, которым снаряжается стрела, мы расскажем позже: сейчас нас интересует только изготовление оружия. Для экономии места хлопок на стрелы накладывают только перед самым их использованием: шесть или семь готовых стрел оставляют в колчане для немедленного использования, а остальные связывают в пучок до тех пор, пока они не понадобятся. Формирование этого пучка необычайно изобретательно: туземец может вынуть любую из стрел, не развязывая ее, и добавить столько, сколько захочет, не нарушая уже связанных.

Туземец берет прут из твердого дерева, немного длиннее стрел, и на одном конце закрепляет небольшое колесо, диаметром более двух дюймов. В двух дюймах от колеса и на таком же расстоянии от конца стержня просверливаются два отверстия, через каждое из которых пропускаются две нити из хлопка. Когда человек хочет связать несколько стрел, он последовательно укладывает их между струнами, которые скручивает между каждой стрелой. Когда последняя стрела уложена на свое место, все это скрепляется парой скользящих узлов, которые можно просунуть вдоль струн.

[Иллюстрация № 7](#) на следующей странице объясняет способ нанизывания стрел лучше, чем это можно сделать с помощью одних только слов. Две стрелы показаны в подготовленном к использованию виде: хлопок находится на их остовах, а яд - на наконечниках. Еще несколько стрел показаны так, как они выглядят на двойной струне, с ядом, но без хлопка. Иногда у охотника бывает до пятисот стрел на одной тетиве.

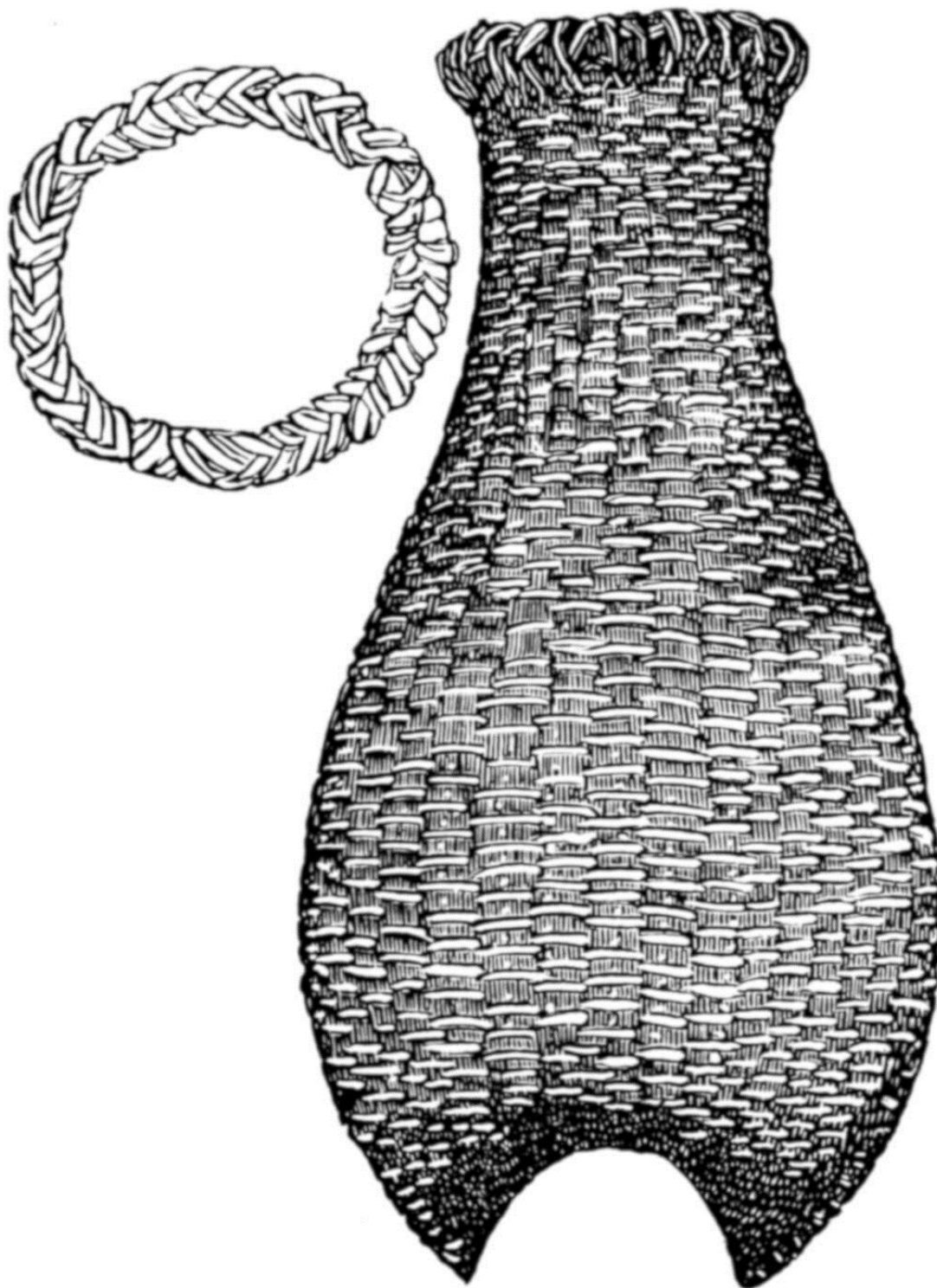
Для того чтобы оружие было компактным и легко помещалось в колчан, его обматывают вокруг маленького стержня и крепко связывают в цилиндрическую форму, а отравленные острия направляют в колесо, применение которого читатель сейчас увидит. Оно служит своего рода щитом для руки, так что, когда охотник хочет вынуть стрелы из колчана, он может сделать это без малейшей опасности; а когда он хочет вынуть несколько стрел для крепления с хлопком, он может протолкнуть их через спицы колеса и вынуть, не развязывая связку. См. [иллюстрацию № 6](#).

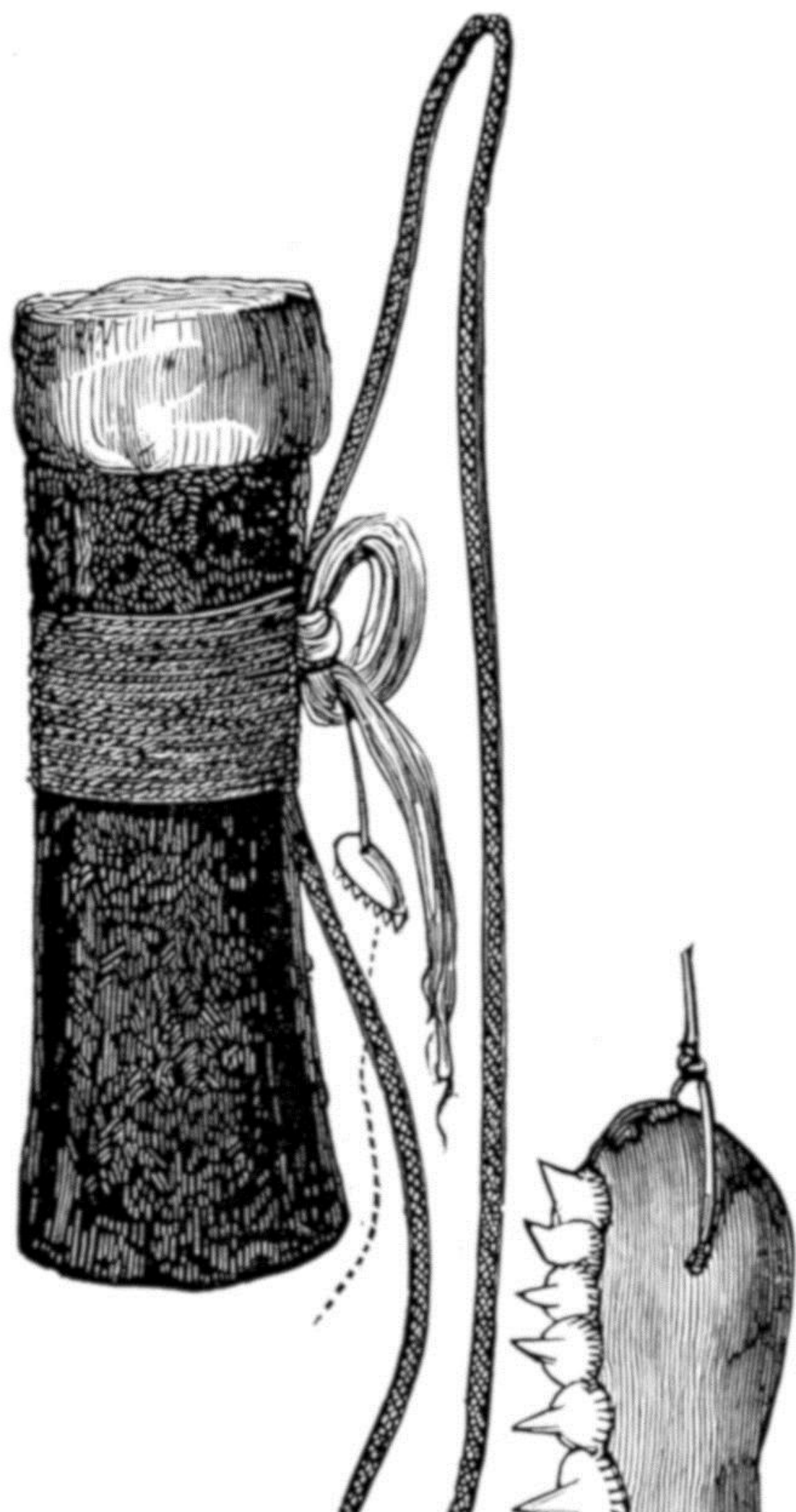
(1.) СТРЕЛЫ ДЛЯ ДУХОВОГО РУЖЬЯ.
(См. [стр. 1224.](#))

(2.) КРЫЛАТАЯ СТРЕЛА.
(См. [стр. 1227.](#))

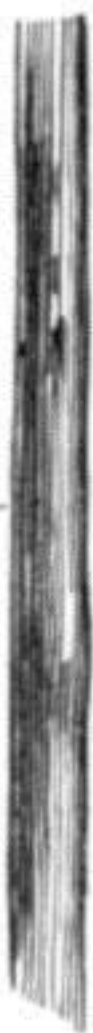
(3.) ХЛОПКОВАЯ КОРЗИНА.
(См. [стр. 1227.](#))

ТОЧИЛО УВЕЛИЧЕННОЕ

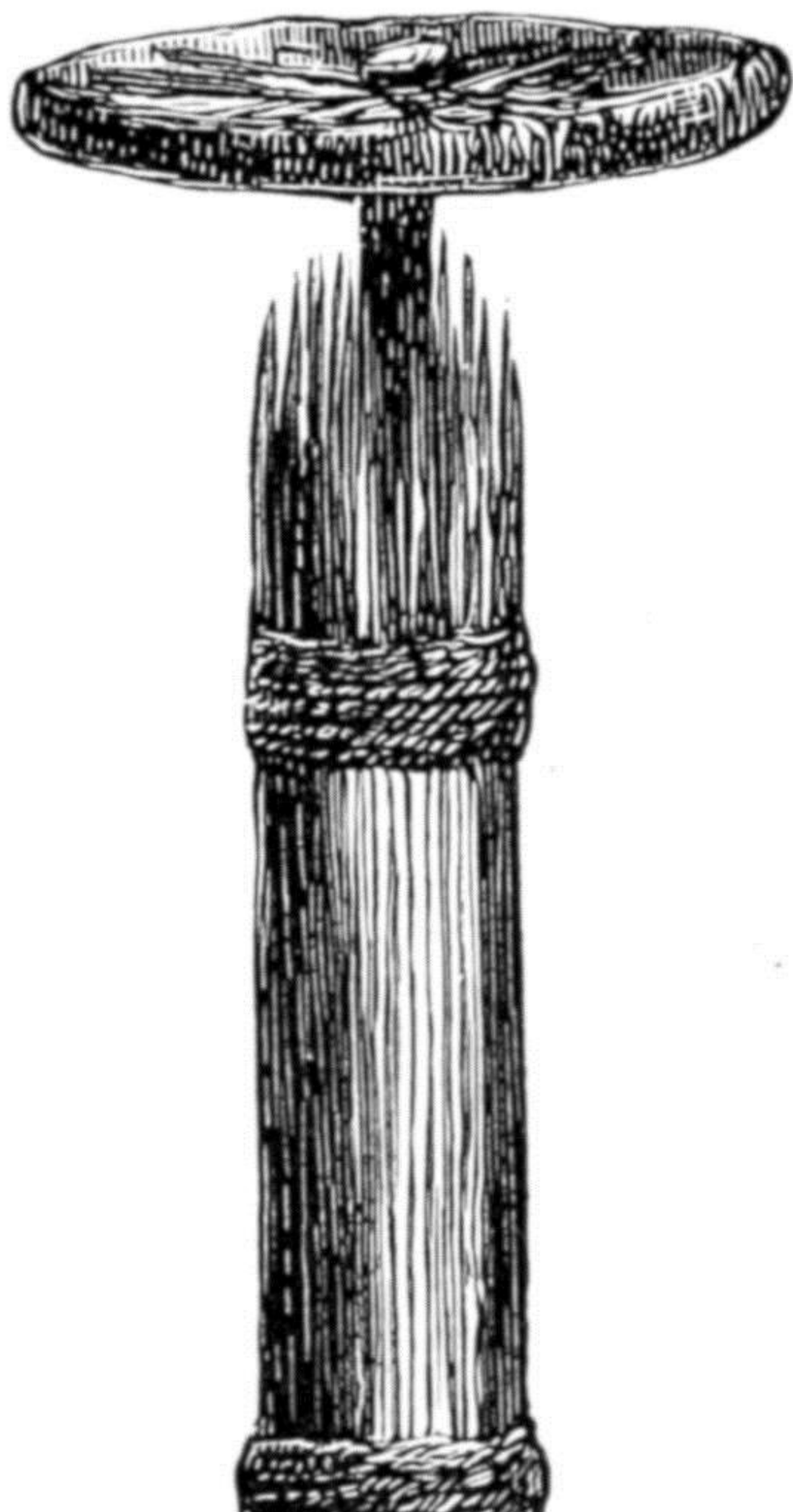
(4.) КОЛЧАН И ТОЧИЛО.
(См. [стр. 1227.](#))

STEM ENLARGED

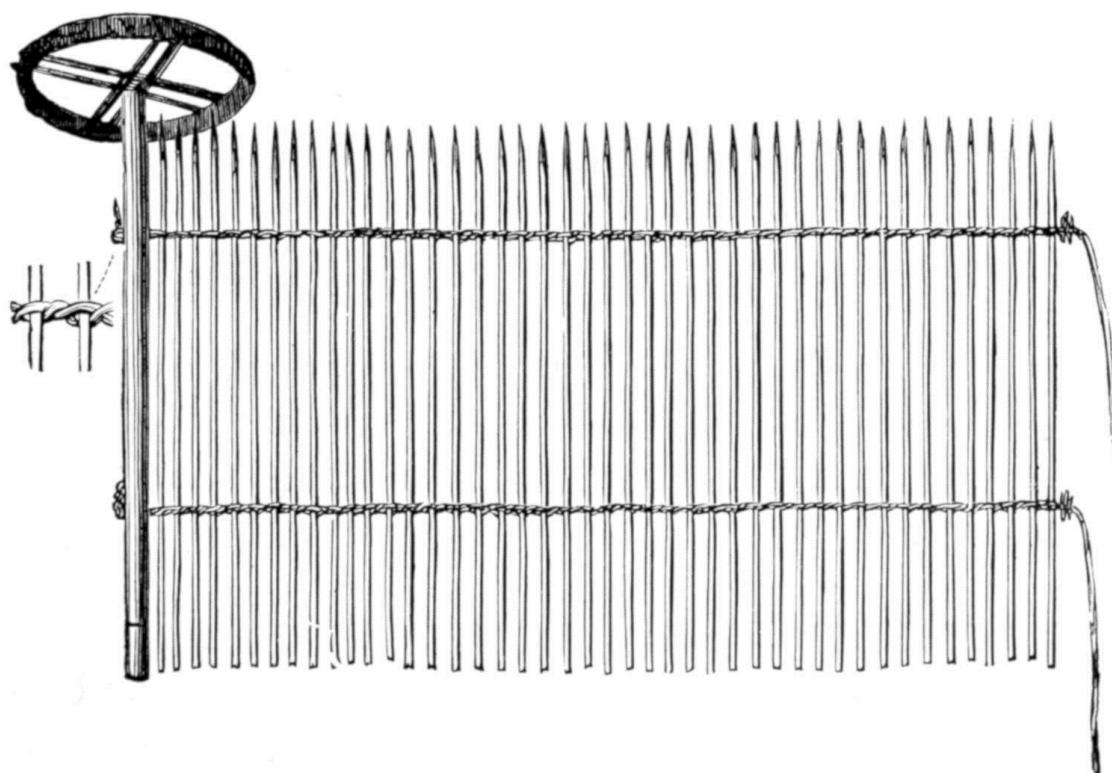
СТЭМ УВЕЛИЧЕННЫЙ
1 УВЕЛИЧЕННЫЙ
2

(5.) ДУХОВЫЕ РУЖЬЯ.
(См. [стр. 1223.](#))

(6.) СТРЕЛЫ КРУГЛАЯ ПАЛКА.

(См. [стр. 1224.](#))

(7.) СТРЕЛЫ НАНИЗАНЫ.

(См. [стр. 1224.](#))

Когда эти стрелы правильно сделаны и закреплены, их можно приводить в движение с удивительной силой. Я посылал одну на расстояние в сто ярдов, а туземцы могут запустить их на еще большее расстояние. В использовании пукуны есть определенное искусство: стрела приводится в движение не удлиненным вдохом, а набором всего воздуха, который могут вместить легкие, и коротким выдохом, как будто цель состоит в том, чтобы опустошить легкие за один вдох. Сила исходит исключительно от легких, щеки не имеют к ней никакого отношения. Когда стрела правильно запущена, она вылетает из трубки с легким хлопком, похожим на тот, который возникает при быстром вытаскивании пробки из маленькой бутылки. В течение некоторого времени она совершенно невидима, настолько стремительно ее движение; и даже если вместо желтого хлопка использовать белый, глаз с трудом может уследить за ее ходом.

Такой инструмент просто бесценен для тех целей, для которых он предназначен. Он предназначен почти исключительно для убийства птиц и маленьких обезьян, которые живут на деревьях. Поскольку деревья в Гвиане достигают огромной высоты, а некоторые из них - не менее ста футов, прежде чем сбросить ветку, становится ясно, что птицы находятся вне пределов досягаемости дробовиков. Листья настолько густая, что не позволяет сделать более одного-двух выстрелов в птицу, а высота настолько велика, что, даже если бы они и попали, то произвели бы незначительный эффект. Но пукуна может подбросить стрелу выше, чем это может сделать ружье, и если иглоподобное острие попадет в какую-либо часть птицы, эффект будет фатальным.

Есть еще одно преимущество, которым пукуна обладает по сравнению с огнестрельным оружием. Выстрел из ружья отпугивает любую птицу в пределах слышимости, в то время как пукуна практически бесшумна. Легкий хлопок, с которым вылетает стрела, не тревожит птиц, и опытный охотник может убить двадцать или тридцать птиц с одного дерева, не потревожив остальных. Пукуна особенно полезна в погоне за туканом. Перья этой птицы используются для изготовления красивых парадных платьев, которые туземцы надевают по торжественным случаям, и очень ценятся ими. Тукан имеет обыкновение сидеть на самых верхних ветвях высоких деревьев, и если бы не смертоносная стрела его пукуны, туземцу редко удавалось бы добыть экземпляр.

Перед тем как вложить стрелу в духовое ружье, охотник помещает ее между двумя уже упомянутыми зубами пираи и поворачивает ее между пальцами. Таким образом, он прорезает ее чуть выше отравленной части, чтобы оставить лишь нить дерева, прикрепляющую головку к древку. Поэтому, если птица или обезьяна, почувствовав укол, схватит стрелу и вытащит ее, отравленная головка отскочит и останется в ране.

В некоторых районах страны используется очень изобретательная форма стрелы. Вместо того чтобы подгонять стрелу к отверстию с помощью хлопка, навязанного на приклад, вокруг нее накручивают плоский кусок коры, чтобы она заканчивалась полым конусом. Более крупный кусок того же материала закрепляется вдоль древка стрелы и слегка скручивается, чтобы заставить его вращаться при прохождении по воздуху. Наконечник стрелы имеет небольшое железное лезвие, а не просто заостренное древко. (Такая форма полого основания прекрасно подходит для своей цели и была скопирована господами Лангами, известными оружейниками с Кокспур-стрит, в их дротиках для убийства мелких птиц и животных без шума.

Далее следует колчан, в котором хранятся стрелы. Он показан [на иллюстрации № 4](#) на странице 1225. Каркас колчана сделан из иттиритти-камыша, а дно закрывается круглой пластиной из дерева. Чтобы уберечь отравленные стрелы от сырости, которая может их испортить, весь колчан покрывают толстым слоем воска курумани, который плотно вдавливают в промежутки плетеной конструкции и в стык между дном и боковыми стенками колчана.

Чтобы грубая плетенка не повредила нежные стрелы, колчан обкладывают красиво сделанными циновками из гораздо более тонкого материала, совершенно гладкими для руки. Крышка сделана из куска кожи, иногда тапира, но чаще всего пекари. Пока она свежая и влажная, ее выкладывают на деревянный брусok нужного размера, подобно тому как шляпники выделывают войлок по своей форме. Волосатая сторона остается внутри, и когда ее прижимают к верхней части колчана и скручивают поворотом руки, она прочно держится на своем месте. Когда крышка на колчане, вода не может проникнуть внутрь, и даже если охотник уронит его в реку, стрелы останутся сухими в своем плавучем сосуде.

Пока воск курумани, покрывающий колчан, не высох, к нему с помощью длинной веревки прикрепляется плоский плетеный пояс из шелковой травы, который несколько раз обхватывает колчан. В этом поясе также закреплен с помощью веревок моток шелковой травы, из которого могут быть вытянуты волокна, с помощью которых хлопок прикрепляется к стреле, а также челюстная кость пираи, с помощью которой затачиваются стрелы. В моем экземпляре эта челюстная кость достигает двух дюймов в длину.

Последний предмет, завершающий снаряжение охотника на птиц, - корзина с диким хлопком. Она, как видно из [иллюстрации № 3](#), имеет узкое горлышко и выпуклое тело, так что хлопок не выпадает из корзины, хотя ее несут отверстием вниз. Количество, которое она

вмещает, поражает воображение. Из одной из них мистер Уотертон брал горсть за горстью, пока на столе не образовалась большая куча, подобно тому как фокусник достает огромное количество перьев из, казалось бы, пустой шляпы.

ГЛАВА СXXX.

Племена *Гвианы* - продолжение.

Оружие - завершено.

ДЕЙСТВИЕ ВУРАЛИ - СМЕРТЬ АИ - БОЛЬШИЕ СТРЕЛЫ - НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ - НЕОБЫЧНЫЙ КОЛЧАН - УСТРОЙСТВО ПОДВИЖНОЙ ГОЛОВКИ - КОЛЧАН ДЛЯ ГОЛОВ - СУДЬБА РАНЕНОГО ИНДЕЙЦА - КАК ОПЕРЕНЫ СТРЕЛЫ - ТУЗЕМНЫЙ ЛУК - ЧЕРЕПАХОВЫЕ СТРЕЛЫ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВУРАЛИ - ТРЯСУНКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ - ЛОЗА ВУРАЛИ, И ДРУГИЕ РАСТИТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ - ЯД ГИАРРИ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - МУРАВЬИ И ЗМЕИНЫЕ КЛЫКИ - КИПЯЧЕНИЕ ВУРАЛИ - ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА НА ИЗГОТОВИТЕЛЯ - САМООТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ - РАЗЛИЧНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ГВИАНЫ - СВИСТЯЩАЯ СТРЕЛА.

Действие яда мгновенно, при условии, что он хорошего качества и хранится в сухом месте. Существует много разновидностей вурали, но лучший, который делают макоуши, настолько силен, что одна из маленьких стрел, привезенных мистером Уотертоном из Гвианы, сразу же убила ежа, хотя с момента изготовления яда прошло пятьдесят лет. Смерть не была мгновенной, так как животное, очень легко раненное в заднюю лапу, дышало несколько секунд; но еж был совершенно бесчувственным, и, как только его уколол дротик, он позволил мне положить его на спину и приложить палец к главному яблоку, не сморщившись.

В Англии было проведено множество экспериментов с ядом вурали, большинство из которых доказывали, что его сила была преувеличена и что человека нельзя убить тем небольшим количеством, которое можно ввести в рану на острие стрелы. Однако я уверен, что в таких случаях яд либо был некачественным, либо его небрежно хранили и допускали намокание, в результате чего он теряет большую часть своей силы. Очень трудно достать самый сильный яд вурали у туземцев, которые не желают с ним расставаться и всегда попытаются подменить его более низким сортом. Единственный способ получить лучший вурали - поступить так, как поступил мистер Уотертон, то есть жить среди них и убедить их расстаться с маленькими горшочками, из которых они отравляли свои стрелы. Кроме того, он должен подражать их примеру и хранить яд в совершенно сухом месте. Туземцы настолько осторожны в этом вопросе, что часто снимают крышки со своих горшочков с ядом и ставят их у огня.

Не стоит заблуждаться относительно силы такого яда. О его действии на ежа уже говорилось, но мистер Уотертон опробовал его на нескольких животных. Например, у него был ленивец Ай, которого он хотел убить безболезненно, не повредив кожу. О том, как он это сделал, лучше всего рассказать его собственными словами

"Из всех животных, не считая жабы и черепахи, это бедное животное - самое живучее. Оно существует еще долго после того, как получило раны, которые уничтожили бы любое другое животное, и, увидев смертельно раненного ленивца, можно сказать, что жизнь спорит со смертью за каждый дюйм плоти в его теле".

"Ай был ранен в ногу и повален на пол, почти в двух футах от стола. Он сумел дотянуться до ножки стола и уцепился за нее, словно желая подняться. Но это был его последний шаг вперед; жизнь угасала быстро, хотя и незаметно; и это необычное порождение природы, созданное из ткани, способной противостоять смерти в тысяче форм, не могло ничего противопоставить вурали.

"Сначала одна передняя лапа ослабила свою хватку и неподвижно опустилась на бок; другая постепенно сделала то же самое. Передние лапы потеряли силу, ленивец медленно сложился вдвое и положил голову между задними лапами, которые все еще держались за стол; но когда яд подействовал и на них, он опустился на землю, но опустился так мягко, что вы не смогли бы отличить это движение от обычного движения; и если бы вы не знали, что он был ранен отравленной стрелой, вы бы никогда не заподозрили, что он умирает. Рот был закрыт, в нем не было ни пены, ни слюны.

"Не было ни *subsultus tendinum*, ни каких-либо видимых изменений в дыхании. В течение десятой минуты с момента ранения она шевелилась, и это было все; а через минуту после этого последняя искра жизни погасла. С того момента, как яд начал действовать, можно было предположить, что сон одолевает его, и воскликнуть.

"Pressitque jacentem

Dulcis et alta quies, placidæque simillima morti".

Читатель увидит, что этот рассказ в точности совпадает с моим собственным экспериментом. Ни в том, ни в другом случае смерть не была мгновенной, но в обоих случаях сила или желание двигаться, казалось, немедленно отнимались у животного, хотя оно было ранено в конечность, а не в смертельное место.

Конечно, количество яда должно быть пропорционально размеру животного. Рассказы о том, что простая царапина приводит к смерти, являются явным преувеличением. Уже упоминалось, что в Гвиане нет очень крупных животных: тапир и ягуар - самые крупные из млекопитающих. Для того чтобы убить их или отправиться на битву, где нужно уничтожить человека, туземцы используют совсем другое оружие, а именно лук и стрелы довольно своеобразной конструкции.

Они очень длинные, некоторые из них достигают шести футов в общей длине. Древко сделано из цилиндрического, полого и очень прочного тростника (*Gynecium saccharinum*), который тянется на определенную длину без единого узла или соединения. На одном конце закреплен длинный шип из очень твердого и тяжелого дерева, называемого буквенным, потому что оно покрыто красными отметинами грубых попыток письма, очень похожими на каракули на яйце желтого молотка. Чтобы предохранить его от раскалывания, древко стрелы на несколько дюймов перевязывают хлопчатобумажной нитью. Более простые виды стрел просто обматываются этой нитью, но в лучших сортах нить сплетается в узоры, почти такие же аккуратные, как у жителей полинезийских островов. Когда туземец хочет сделать необыкновенно красивую стрелу, он украшает ее самым необычным образом. В нить, которой обмотано древко, вставляется множество блестящих разноцветных перьев, в основном перьев различных попугаев, которых так много в Южной Америке. Используются только самые маленькие и мягкие перья, и они вставляются в нить таким образом, что получаются самые художественные сочетания цветов.

Туземцы обладают удивительным чутьем на цвет, скорее всего, из-за того, что перед их глазами постоянно находятся великолепные насекомые и птицы их роскошной страны, и

удивительно видеть, с какой смелостью они добиваются гармонии из множества оттенков, которые вряд ли кто-либо осмелился бы поставить в оппозицию друг другу. Алый, желтый, розовый, голубой, зеленый и снежно-белый цвета используются в этих стрелах, и они расположены таким образом, что сделали бы честь лучшему европейскому художнику.

Иногда для стрел делают колпачок, который украшают перьями в том же блестящем стиле. Такие стрелы требуют особой заботы со стороны владельца, который не довольствуется обычным колчаном, в котором они могли бы трястись и портить свои прекрасные перья, а сооружает специальный колчан для их приема. Он берет несколько бамбуков толщиной с палец и разрезает их на куски длиной около восемнадцати дюймов. Их он крепко скрепляет между собой, а затем обвязывает берестяным чехлом, аккуратно обмотанным хлопковой бечевкой.

Каждая из этих трубок содержит одну стрелу, которая помещается в нее с умеренной плотностью, а пуховые перья удерживают ее на месте. Они закреплены так идеально, что, когда стрела вставляется в трубку, перья плотно прижимаются к древку, а когда она вынимается, они пружинят под действием собственной упругости и образуют изящный цветной хохолок. Поскольку длинные древка стрел под действием собственного веса вибрируют и могут повредить пучки перьев в трубках, на них обычно надевают колпачок - в некоторых случаях простой, как крышка колчана, а в других - великолепно сделанный из перьев. Эти стрелы имеют наконечник из колючей хвостовой кости ската или острие из железа, а не из кости. Эти стрелы и одна из трубок [изображены](#) на с. 1214.

Головки стрел изготавливаются различными способами. Иногда они просто покрыты рядом довольно тупых колючек, но в большинстве случаев их конструкция очень сложна.

Колючка одной из разновидностей стрел напоминает оружие босжесмена, хотя по сравнению с крошечным оружием африканского дикаря стрела - почти копье. Острие оканчивается куском железа, разрезанным на одну колючку, а выступающий из него и направленный в противоположную сторону изогнутый железный шип слегка прикреплен к древку хлопком.

Толстый слой яда вурали наносится на стрелу примерно на три дюйма, помогая закрепить железный шип на древке. Теперь яд вурали мгновенно смешивается с кровью, поэтому, когда стрела пронзает животное, яд растворяется и позволяет шипу выйти в рану, неся с собой достаточное количество яда, чтобы вызвать смерть, даже если в борьбе животному удастся вытряхнуть саму стрелу. Если читатель обратится к иллюстрации № 4 на стр. 247, то увидит на ней (рис. 4) стрелу Босьесмана, изготовленную по тому же принципу.

Некоторые из этих стрел, по-видимому, очень ценились владельцами, которые покрывали их сложным орнаментом из хлопковых нитей на значительной части длины - пример такого орнамента, взятый с одного из моих собственных образцов, можно увидеть на [иллюстрации](#). У некоторых стрел вместо пуха из перьев свисают длинные концы хлопчатобумажных нитей. Эти свисающие шнуры часто используются туземцами в качестве украшений, они украшают ими свои булавы таким образом, что два-три удара должны разрушить всю работу. Сейчас мы увидим примеры таких булав.

Наконечник стрелы, наиболее популярный среди макуши, которых мы принимаем за типичное племя этой части света, сделан по другой технологии. В конце деревянного шипа, которым заканчивается стрела, прорезается квадратный паз глубиной около дюйма, и к нему прикрепляется небольшой кусочек бамбука, чтобы он прижимался к отверстию по бокам. Затем вырезается колючий шип из дерева кукурита. Он имеет длину около трех дюймов,

плоский к острию и квадратный у основания, чтобы легко входить в паз на головке стрелы, где его слегка придерживает маленькая бамбуковая пружинка. Эта пружина позволяет головке оставаться на своем месте, пока лучник прилаживает стрелу к луку и прицеливается; но как только снаряд поражает цель и животное устремляется вперед, отравленная головка остается в ране, а древко падает на землю.

Нанесение вурали на наконечник стрелы такого типа требует немалого искусства. Его наносят в несколько слоев, причем одному дают высохнуть, прежде чем нанести другой, и делают это так, чтобы край смолоподобного вурали проходил вдоль каждой стороны головки. Вследствие подвижности головы туземный лучник не утруждает себя ношением более одного-двух древков, хотя имеет при себе запас готовых отравленных голов. Они хранятся в небольшом колчане из бамбука, снабженном крышкой, чтобы уберечь яд от влаги, и хлопчатобумажным ремнем, с помощью которого его можно перекинуть через плечо.

Один из таких колчанов в моей коллекции (см. [иллюстрацию № 6](#), стр. 1231) привезен из Гвианы сэром Р. Шомбургком. Р. Шомбургком, имеет всего семь дюймов в длину и полтора дюйма в ширину и способен вместить от двенадцати до четырнадцати отравленных голов. Туземному охотнику не требуется больше этого количества, так как он редко стреляет без попадания, а когда он поразил одно животное, достаточно крупное, чтобы потребовались стрелы такого типа, ему редко требуется больше одного экземпляра. В ходе этого рассказа о гвианских аборигенах читатель обратит внимание на многочисленные способы экономии, используемые ими.

Благодаря щедрой природе страны, которая обеспечивает пищей, не требуя труда, и теплоте, влажному климату, туземцы очень апатичны и категорически возражают против того, чтобы носить на унцию больше веса или делать на один удар больше работы, чем это абсолютно необходимо. Поэтому вместо большой связки стрел у охотника есть одна, максимум две стрелы и несколько маленьких отравленных голов, причем все снаряжение настолько легкое, что ребенок, только что научившийся ходить, может нести лук, стрелы и колчан без особых неудобств.

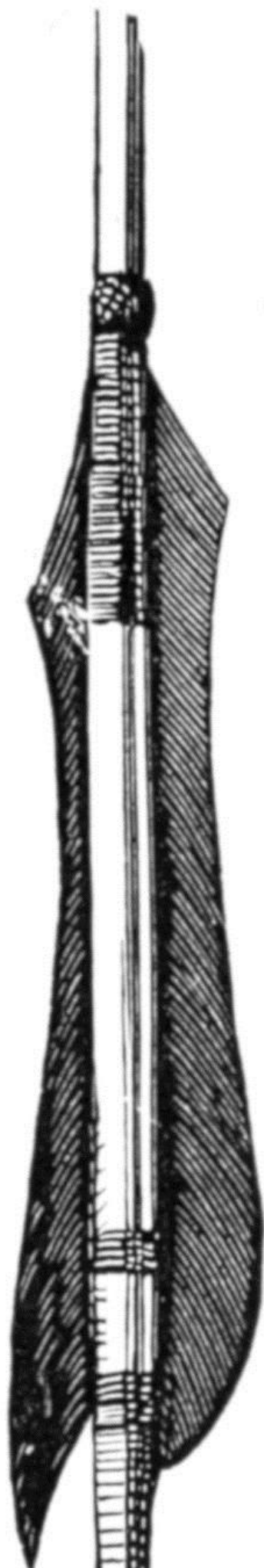
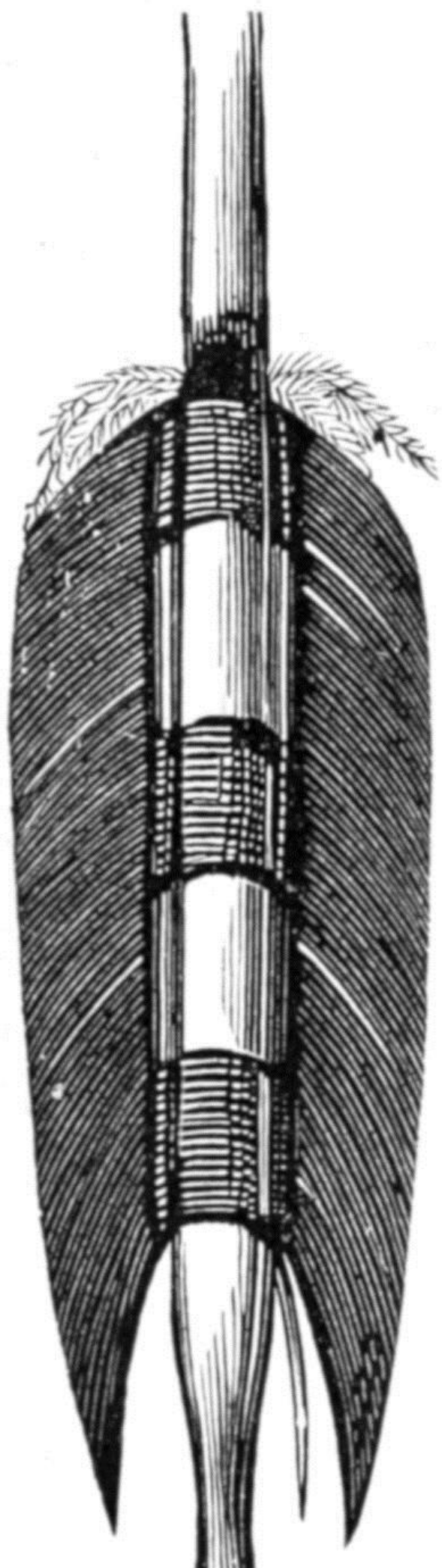
Зная о силе этого яда, туземцы очень осторожны в обращении с ним и никогда не носят стрелы с обнаженной головкой. Они всегда надевают на головку небольшую трубку из бамбука, достаточно большую, чтобы ее удерживала хлопчатобумажная обмотка, которая проходит вокруг соединения головки и древка. Ее никогда не снимают, кроме тех случаев, когда стрела должна быть использована, и вряд ли можно напугать туземца больше, чем сняв защиту со стрелы и приставив к ней острие. Именно об этой разновидности стрел рассказывается следующая история в "Странствиях" мистера Уотертона.

"Однажды... индеец племени аравак рассказал трогательную историю о том, что случилось с его товарищем. Он присутствовал при его смерти. Поскольку индейца несколько не интересовала ложь, весьма вероятно, что его рассказ был правдивым. Если это так, то выходит, что не существует надежного противоядия, или, по крайней мере, противоядия, к которому можно было бы прибегнуть в случае крайней необходимости; ведь индеец оставил все мысли о жизни, как только был ранен.

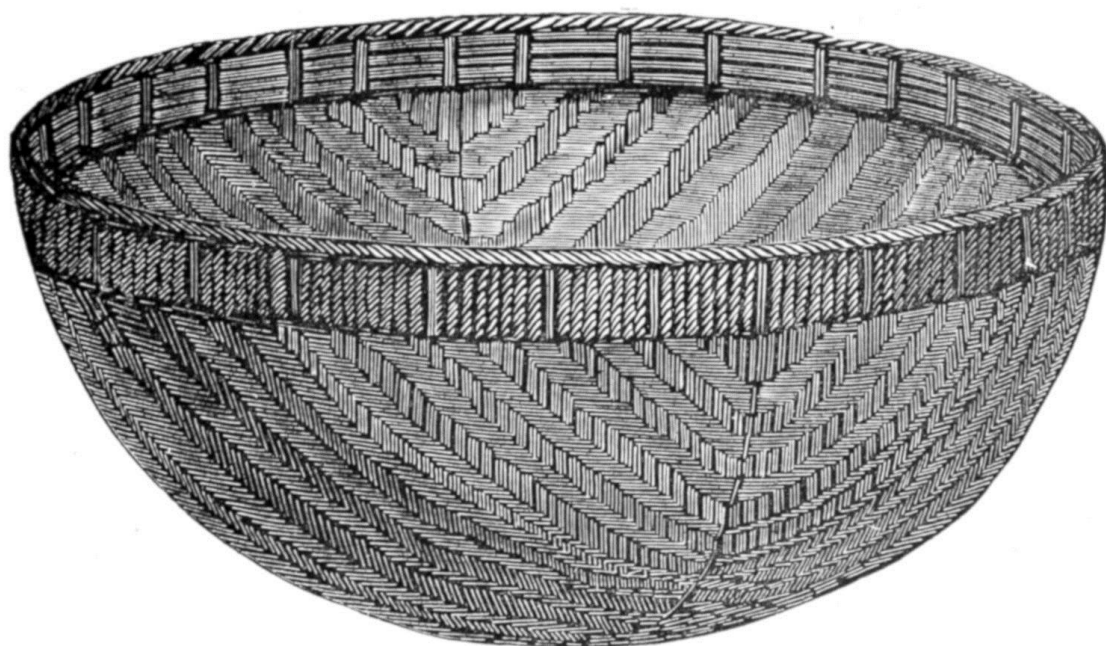
"Индеец Аравак рассказал, что всего четыре года назад он вместе со своим спутником бродил по лесу в поисках дичи. Его спутник взял отравленную стрелу и послал ее в красную обезьяну на дереве над ним. Выстрел был почти перпендикулярным. Стрела промахнулась мимо обезьяны, а при спуске попала ему в руку, чуть выше локтя. Он был уверен, что с ним все кончено. Никогда больше, - сказал он своему спутнику дрожащим голосом, - я не буду сгибать этот лук". Сказав это, он снял свою маленькую бамбуковую коробочку с ядом,

которая висела у него через плечо, положил ее вместе с луком и стрелами на землю, лег рядом с ними, попрощался со своим спутником и больше не разговаривал".

Затем мистер Уотертон переходит к упоминанию различных противоядий, ни на одно из которых он не полагается, а в другом месте замечает, что если бы туземцы знали какое-либо средство от яда, они бы никогда без него не обходились.

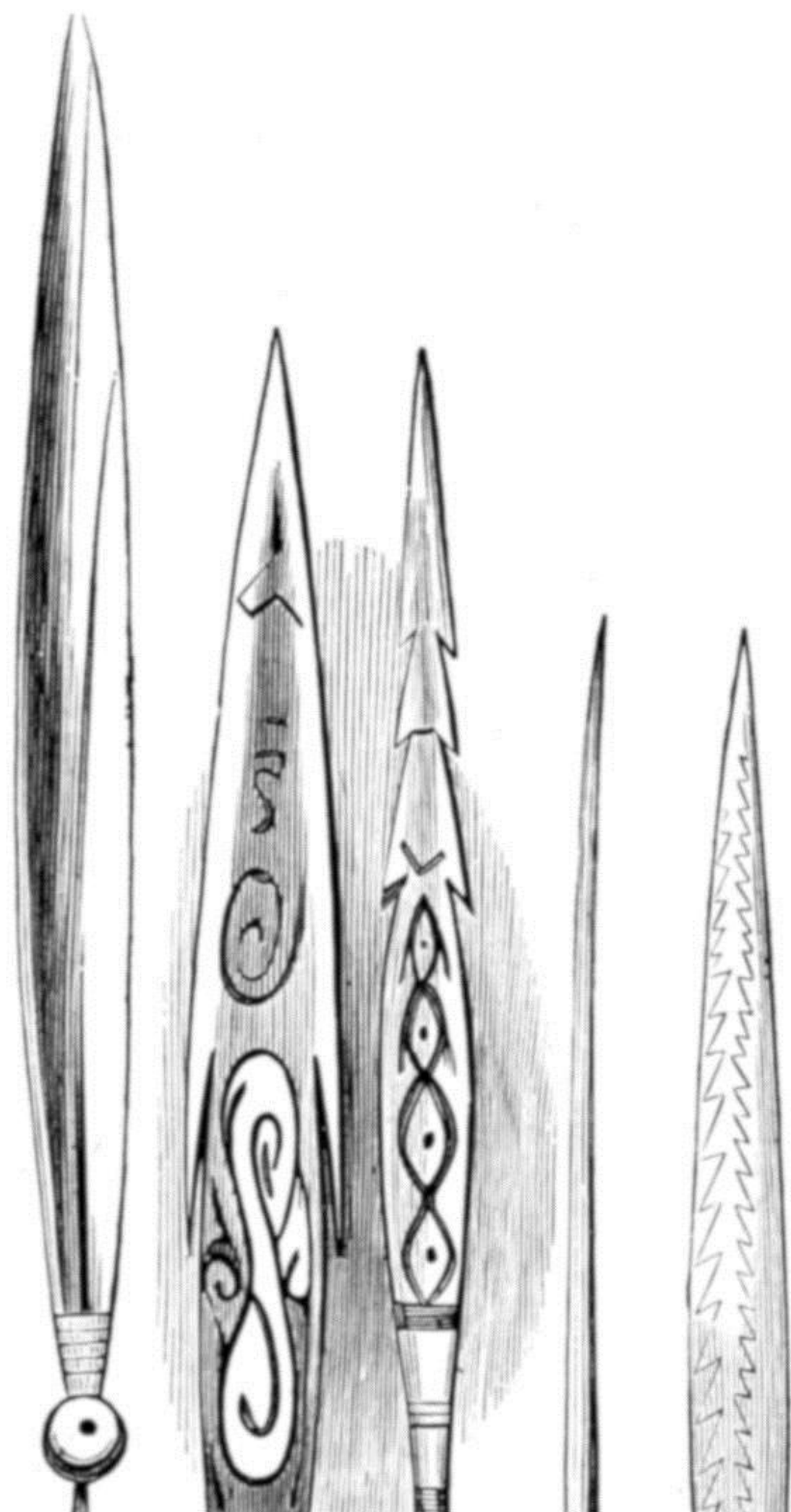
(1.) КРЫЛАТЫЕ СТРЕЛЫ.
(См. [стр. 1233.](#))

(2.) БЛЮДО ИЗ МАНИОКИ.
(См. [стр. 1248.](#))

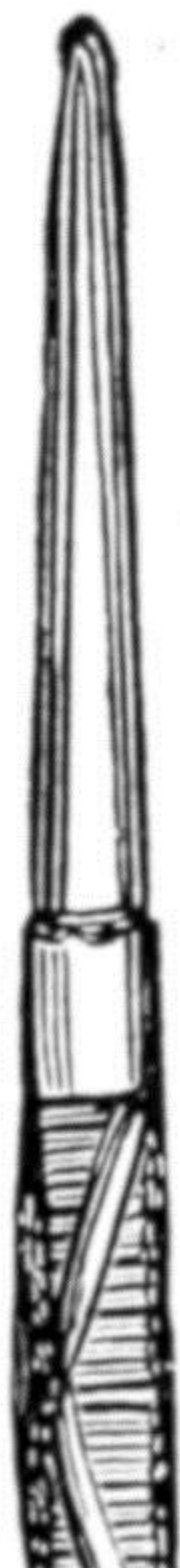
(3.) QUAKE.
(См. [стр. 1234.](#))

(4.) ГОЛОВКИ СТРЕЛ.
(См. [стр. 1235.](#))

Из коллекции Кристи.

Из моей коллекции.

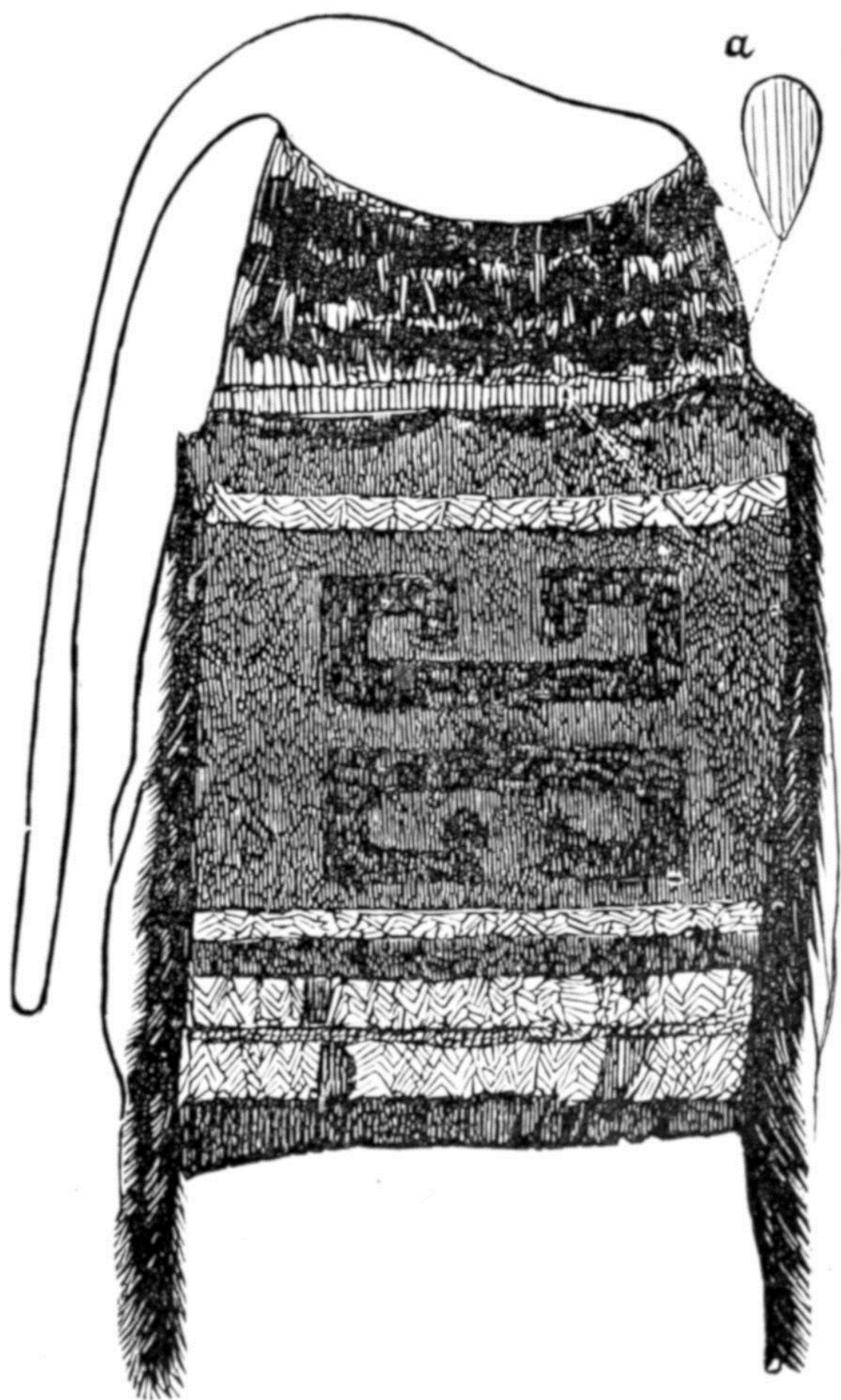

Раздел

(6.) КИВЕР.
(См. [с. 1230.](#))

(5.) ЧЕРЕПАХОВАЯ СТРЕЛА.
(См. [с. 1233.](#))

(7.) ФАРТУК ИЗ ПЕРЬЕВ.

(См. [с. 1216.](#))

Прежде чем перейти к изготовлению этого страшного яда, мы закончим описание стрел.

Очень длинные стрелы с оперенными древками не нуждаются в перьях, их огромной длины достаточно, чтобы держать их прямо во время полета. Если бы уроженец Гвианы попытался сделать "длинный выстрел", он бы потерпел неудачу. Он не привык к большим расстояниям, которые в большинстве случаев оказываются ненужными из-за особенностей местности и густоты листвы. Он не рассчитывает стрелять по объекту, удаленному более чем на тридцать-сорок ярдов, и предпочитает подходить гораздо ближе, если это возможно. На таких коротких дистанциях большая длина стрелы позволяет держать ее прямо, а охотнику - поразить животное, например тапира, капибару или обезьяну, сквозь массу растительности, за которой оно скрыто от большинства глаз, кроме глаз местных жителей.

Большинство стрел, однако, имеют оперение, и в способе наложения перьев есть такая изобретательность, что она заслуживает упоминания. В стрелах, к которым мы привыкли, есть три перышка, но в гвианской стреле их только два. Они взяты из соответствующих перьев противоположных крыльев птицы, так что, будучи закрепленными на конце древка, они изгибаются в разные стороны, как две лопасти парового винта, и таким образом сообщают стреле вращательное движение, когда она летит по воздуху. Итак, если у туземца есть две или три стрелы, к которым он хочет добавить перья, он берет птицу и для первой стрелы берет, скажем так, второе первичное перо с правого и левого крыла птицы, отрезает часть верхней части длиной около трех дюймов, отделяет внутреннюю половину пера, а оставшуюся часть прикрепляет к оружию. Следующая стрела набивается из третьего перышка каждого крыла, и так далее. См. [иллюстрацию № 1](#), стр. 1231.

Перья прикреплены к стреле хлопчатобумажной нитью и надеты так грубо, что при выстреле они, к сожалению, порезали бы руку английскому лучнику. Чтобы носок стрелы не расщеплялся тетивой, его делают не в тростниковом древке самой стрелы, а в куске дерева, который прикрепляют к прикладу.

Лук часто короче стрел и не отличается большой прочностью, так как дальность полета, как уже говорилось, не требуется. Для изготовления гвианского лука используется древесина многих пород, но наиболее популярно оружие из лецитиса. Они натягиваются с помощью шелковой травы, о которой уже упоминалось.

Кроме обычного способа использования лука и стрел, у гвианцев есть еще один, который в точности напоминает спорт старых английских лучников, когда на землю кладут гирлянду, а лучники, встав в круг вокруг нее, пускают стрелы высоко в воздух, чтобы они попадали в гирлянду. Иногда случается, что черепаха лежит в воде так, что стрела, пущенная в нее обычным способом, лишь скользнет по ее жесткой шерсти, не причинив вреда. Тогда охотник стреляет вверх, рассчитывая курс спускающегося снаряда настолько точно, что он падает на спину черепахи и пробивает ее панцирь.

Эти стрелы тяжелее обычных и снабжены острым железным наконечником, изготовленным весьма изобретательным способом. Как видно [из иллюстрации № 5](#), стр. 1231, железное острие имеет двойную колючку. Его шейка, сначала плоская, вскоре разделяется на две части, которые расходятся друг от друга и имеют остроконечные концы, чтобы образовать вторую пару колючек. Затем к шее прикрепляется прочная двойная нить из шелковой травы,

а вокруг расходящихся частей наматывается хлопчатобумажный шнур, укрепленный куруманным воском, чтобы получилась трубка. Конец куска твердого дерева, которым заканчивается стрела, зачищают до конусообразного острия, чтобы его можно было легко просунуть в трубку. Наконец, двойной шнур, прикрепленный к головке, продевается на фут или около того вдоль стрелы и закрепляется парой лент из шелковой травы.

Как только стрела попадает в черепаху, она бросается прочь, вытряхивая древко из трубки и тем самым предотвращая извлечение стрелы из раны путем волочения вертикального древка по воде. Всякий раз, когда рептилия приближается к поверхности, светлое тростниковое древко стрелы поднимается, чтобы обозначить ее присутствие, и, опираясь на этот знак, охотник вскоре может поймать рептилию. Длина стрелы, часть которой показана [на иллюстрации](#), составляет более пяти футов. Она изображена с древком, отделенным от трубки. Железное острие толстое и прочное, а поскольку шип из твердого дерева имеет длину четырнадцать дюймов, передняя часть снаряда сравнительно тяжелая, что заставляет его спускаться с большой силой.

Теперь мы переходим к изготовлению страшного яда, который производит такой смертельный эффект. Туземцы очень осторожны в предоставлении информации по этому вопросу, и очень трудно узнать точные ингредиенты, пропорциональные количества или способ их приготовления. Приведенные ниже сведения взяты частично из книги мистера Уотертона, частично из информации, полученной от него самого, а частично из слов и работ других путешественников, побывавших в этой стране.

Используется или говорят, что используется, очень много предметов, но я считаю, что на самом деле нужны только два. Туземец, который собирается сделать вурали, подходит к своей задаче очень обдуманно. Он отправляется в лес один, взяв на спину своеобразную корзину, называемую "квак" или "хабба". Это очень оригинальная корзина, сочетающая в себе два требования - легкость и прочность. Обычно ее используют, когда туземец хочет перенести не очень тяжелые и достаточно большие предметы, чтобы они не проскользнули сквозь прорези.

Его делают из тростника иттиритти, расщепленного на щепки шириной около трети дюйма. Так как при укладке она разбухает ко дну и сужается к устью, предметы, помещенные в нее, не имеют тенденции к выпадению, что легко может произойти с обычной корзиной, поскольку носителю приходится перелезать через поваленные деревья, пробираться через густой подлесок тропического леса и подвергать кваку таким грубым воздействиям, что ее свойства формы и эластичности постоянно приводятся в действие.

Зыбка вмещает в себя огромное количество товаров, будучи такой же вместительной, как английский ковер-мешок. Мой собственный экземпляр (см. [иллюстрацию № 3](#), с. 1231) имеет ширину двадцать дюймов, и это обычный средний показатель.

Первое, что следует искать, - это лоза вурали (*Strychnos toxifera*). Она тесно связана с деревом, из которого получают хорошо известный стрихнин, в более грубых стадиях приготовления называемый *nux vomica*, или крысиный хворост. К этому же роду относится дерево упас, из которого получают яд для стрел даяков-сумпитанов. Вурали (иногда пишут "оорара" или "курари"), хотя и не очень редкое, но очень местное, и его нелегко обнаружить. Он похож на виноградную лозу, с деревянистым стеблем около трех дюймов в диаметре, покрытым грубой серой корой. Листья темно-зеленые, расположены друг напротив друга и имеют овальную форму. Плоды размером с яблоко, круглые, гладкие, с семенами, погруженными в горькую клейкую мякоть.

Когда изготовитель яда находит вурали, он обращает внимание на два луковичных растения, содержащих зеленый и клейкий сок, и кладет несколько их стеблей в дрожь. Третий овощ - горький корень, который, как я полагаю, является гиарри, папильонным растением, широко используемым туземцами для отравления воды при крупномасштабной ловле рыбы. Все части гиарри ядовиты, но корень - самая сильная его часть. Туземцы берут несколько корней в свои каноэ, заливают их водой и колотят дубинками. Дав воде время смешаться с выделившимся соком, рыбак выбрасывает его за борт, и через несколько минут каждая рыба на значительном расстоянии всплывает на поверхность совершенно беспомощной. Один кубический фут гиарри отравит акр воды даже среди порогов, в то время как для ручьев и тихой воды требуется гораздо меньшее количество. Яд не оказывает никакого влияния на плоть рыбы, которая совершенно полезна.

Вурали и гиарри, по моему мнению, являются основными компонентами яда, причем луковичные растения, вероятно, поставляют клейкое вещество, необходимое для того, чтобы яд прилипал к острию оружия. Но изготовитель яда не довольствуется растительными веществами, а привлекает на службу животный мир.

Он добывает два вида муравьев, один из которых мунири (*Ponera grandis*), огромное, черное существо, иногда дюйма в длину, с жалом настолько ядовитым, что часто вызывает лихорадку. Один из этих муравьев есть в моей коллекции, и сам его вид достаточно ядовит, чтобы предостеречь от него любого. Другой - огненный муравей (*Myrmica sœvissima*), крошечное красное насекомое, чье жало подобно уколу раскаленной иглы. Кроме того, он берет с собой ядовитые клыки змей лабарри и кунакучи, двух самых ядовитых змей страны. Эти клыки хранятся на складе, поскольку туземец всегда убивает этих рептилий, когда видит их, и извлекает их ядовитые клыки.

В том, что эти последние ингредиенты не способны увеличить силу яда, я никогда не сомневался, и несколько лет назад я высказал мнение, что они вообще не используются, а просто собираются вслепую, чтобы секрет яда не стал известен. Это мнение подтверждается исследованиями доктора Германа Бейгеля, который проанализировал яд вурали, взятый из той же стрелы, которой был убит еж, и установил, что в яде не было ни частицы костной или животной материи, а он был полностью растительного происхождения. Более того, в нем не было и следа красного перца, который, как утверждается, является одним из ингредиентов.

Что касается вкусовых ощущений, то мой собственный опыт совпадает с мнением доктора Бейгеля. Я попробовал яд, который безвреден, если не смешивать его непосредственно с кровью, и обнаружил, что он сильно горький и довольно ароматный. Эти два качества, несомненно, обусловлены стрихнином, содержащимся в вурали и гиарри. Не было ни малейшего привкуса красного перца.

Заготовив все эти ингредиенты, изготовитель яда приступает к работе очень планомерно. Он не готовит вурали в своем доме или даже рядом с ним, а делает свои приготовления в глубине леса, где специально для этого строит маленькую хижину. Первым делом он разводит огонь, а пока он разгорается, наскребает в совершенно новый горшок достаточное количество древесины вурали, добавляет к ней гиарри в нужной пропорции и помещает их в своеобразный дуршлаг. Держа дуршлаг и его содержимое над горшком, индеец заливает их кипятком и дает отвару стечь в сосуд, когда он становится похожим на кофе. Когда набирается достаточное количество, луковичные корни разминаются, их сок выжимается в горшок, и, наконец, змеиные клыки и муравьи измельчаются и бросаются в горшок.

Сосуд ставят на огонь, который поддерживают очень осторожно, чтобы содержимое кипело, а не бурлило, и добавляют еще сока вурали, чтобы восполнить потери при испарении. В процессе кипения образуется осадок, который тщательно снимается листом, и кипячение продолжается до тех пор, пока яд не превратится в густой темно-коричневый сироп, по консистенции напоминающий патоку. По некоторым данным, семена красного перца используются не для увеличения силы яда, а для проверки того, что его приготовление завершено. Когда туземец считает, что яд почти готов, он бросает в него одно семя красного перца, которое тут же начинает вращаться. Затем он позволяет кипению продолжаться немного дольше и бросает другое семя, которое, возможно, вращается, но медленнее; и он повторяет этот эксперимент до тех пор, пока семя не останется неподвижным, что принимается как доказательство того, что приготовление завершено.

Затем индеец берет несколько стрел, окунает их в яд и пробует их действие на каком-нибудь животном или птице, и, если эффект его устраивает, выливает яд в новый глиняный горшок, завязывает горлышко парой листьев, а поверх листьев - куском мокрой шкуры, чтобы исключить доступ воздуха и влаги, особенно последней. Маленькие горшочки, в которых хранится вурали, почти шарообразные и размером с обычный апельсин.

Приведенный выше рассказ о приготовлении яда вурали предоставлен туземцами, но, поскольку у них есть определенная цель держать способ приготовления в секрете, на него нельзя полностью полагаться. О том, что с его изготовлением связан какой-то секрет, говорит тот факт, что яд макоуши признан лучшим и более сильным, чем тот, что изготавливается любым другим племенем, и что все гвианские племена с удовольствием покупают вурали у макоуши.

Не каждый туземец знает, как приготовить этот чудесный яд. Знают его только фокусники, которые хранят его в своих семьях и передают от отца к сыну. Они так тщательно оберегают свой секрет, что не только делают вурали в отдалении от своих домов, но и, закончив изготовление, сжигают хижины, чтобы уничтожить все следы использованных средств.

Они испытывают своего рода суеверное почтение к вурали. Сжигание хижины объясняется тем, что она загрязнена испарениями яда и, возможно, никогда больше не будет обитаема, поэтому лучше сжечь ее сразу. Они утверждают, что во время приготовления яда над ним витает злой дух Ябаху, готовый схватить непосвященных в тайны, и таким образом с помощью суеверия предотвратить их действия от наблюдения.

Чтобы довести этот страх перед вурали до конца, профессора, занимающиеся изготовлением ядов, отказываются делать их, когда им заблагорассудится, ссылаясь на любое оправдание, которое только может представиться. Мистер Уотертон рассказывает о случае, когда человек, пообещавший изготовить яд вурали, в последний момент отказался это сделать, сославшись на то, что ожидает прибавления в семье. Изготовителю всегда приятно считать себя больным после завершения работы, что, несмотря на многократное мытье лица и рук, делает его достаточно подверженным атакам невидимого Ябаху, чтобы вызвать недомогание. Производитель в этом случае не совсем самозванец, а действует из своего рода веры в таинственный мрак, который всегда окружает вурали. Ничто, например, не заставит его есть во время приготовления яда, и, как бы он ни был голоден, он будет поститься до тех пор, пока готовый вурали не будет вылит в сосуд.

Хотя вурали и является главным ядом в Гвиане, он не единственный: туземцы открыли сорт дерева, которое само по себе достаточно ядовито, чтобы не нуждаться в других приспособлениях. Это древесина какого-то эндогенного дерева бледно-желтого цвета. Из этой древесины туземцы вырезают длинные головки в форме лезвия, по форме

напоминающие головки каффирских ассагаев. Своеобразную форму головки можно увидеть на рисунках 4 и 5 [иллюстрации № 4](#) на странице 1231, где представлены два вида одного и того же наконечника стрелы. Иногда головку оставляют совсем простой, но на некоторых экземплярах на внешней поверхности лезвия грубо нацарапан узор. В качестве красителя используется аннатто, оставляющий после себя сумрачно-красную краску. У меня есть образцы таких стрел, как простых, так и окрашенных.

Эти плоские головки прикреплены к шипу из твердого дерева, которым оканчивается стрела, сложным переплетением хлопковых нитей, которые, хотя и не обладают художественным изяществом полинезийской обмотки, все же перекрещиваются и перекрещиваются так, чтобы получился ряд ромбовидных узоров. Мистер Уотертон впервые обратил мое внимание на ядовитые свойства этого наконечника стрелы.

Молодые люди усердно упражняются с этим оружием. Самые большие из них, предназначенные для убийства тапиров, ягуаров и тому подобных животных, испытываются путем перпендикулярного выстрела в воздух, причем каждый лучник старается направить свою стрелу выше стрелы соперника.

Мистер Бретт в своей книге "Индийские племена Гвианы" интересно рассказывает о мастерстве туземцев как стрелков и приводит один небольшой эпизод из стрельбы, который показывает, что "неизбежная собака" сопровождает спорт в Гвиане так же, как и в Англии.

"После нескольких выстрелов от каждого мужчины и мальчика состязание лучников завершилось одновременным выпуском стрел из каждого лука. Более двухсот стрел, летящих по воздуху вместе, представляли собой необычное зрелище и в одно мгновение разрушили мишень под всеобщие громкие крики. Собака, которая, не обращая внимания, забрела следом, была окружена целым ворохом стрел, которые внезапно вонзились в песок, а некоторые даже попали под него. Однако ему повезло: благодаря чудесной удаче он спасся невредимым, хотя и был ошеломлен приключением и ревом аплодисментов, последовавших за его несколько поспешным уходом, с удрученным видом и поникшим хвостом".

Копья также используются некоторыми племенами. Тот же автор описывает, как один из варау упражнялся с копьем. Его оружие было сделано из того же материала, что и стрела, но большего размера: древко - из тростника, а наконечник - из твердого дерева. Молодой копьеносец закрепил метку на мягком стебле подорожника. Когда снаряд попадал в метку, головка из твердого дерева оставалась торчать в дереве, а упругое древко устремлялось обратно к метателю.

Парень сказал, что это копье используется для убийства разных крупных рыб, которых побуждают подняться на поверхность воды, разбрасывая семена и другую пищу, которую они любят, а затем убивают этим оружием.

Некоторые стрелы не отравлены, и в качестве примера большого разнообразия наконечников стрел разных племен приведены еще три образца на трех левых рисунках [иллюстрации № 4](#) на странице 1231, взятой из коллекции "Кристи". Эти наконечники примерно той же формы, что и только что описанные, но вместо плоских они изогнуты. Читатель может вспомнить, что подобная форма стрел преобладает в Новой Гвинее. Причина этого достаточно проста. Бамбук покрыт слоем чистого кремня, который образует естественный край, настолько острый, что, когда бамбук расщеплен, его можно использовать как нож.

Действительно, до появления железа бамбук служил обычным ножом во всей Полинезии и многих других странах, где он рос. Поэтому очевидно, что наконечник стрелы, сделанный просто из полого стебля бамбука и сохранивший полу форму, должен быть самым грозным оружием и наносить очень опасные раны. Он хрупкий, ломкий и разлетается на куски от удара о щит или защитную броню даже умеренной прочности, но против обнаженных тел индейцев это самое эффективное оружие.

Все эти стрелы были украшены особым образом. Одна из них покрыта с выпуклой стороны цветными узорами, как и только что описанная стрела из ядовитого дерева. Другая не только украшена, но и разрезана на колючки. Третья, простая, отличается полым шариком, расположенным чуть ниже головки. В шаре проделано отверстие, так что при посыле стрелы из лука раздается свист. Китайцы используют свистящие стрелы в настоящее время, как и наши лучники в те времена, когда длинный лук был гордостью Англии. Во всех этих случаях свисток мог использоваться для развлечения в мирное время, но для подачи сигналов во время войны.

Как может понять вдумчивый читатель по тщательному украшению этого оружия, туземцы скорее выставляют его напоказ, чем используют. Почти неизменно оказывается, что действительно воинственные люди держат свое оружие в самом высоком состоянии, но сравнительно мало заботятся о его украшении, в то время как те, кто хочет получить репутацию доблести, без труда и опасности ее заработать, стараются добиться своей цели, покрывая оружие орнаментом, а сами принимая как можно более воинственный вид. Если читатель вспомнит различные народы, которые были описаны в этой работе, он увидит, насколько полно действует это правило.

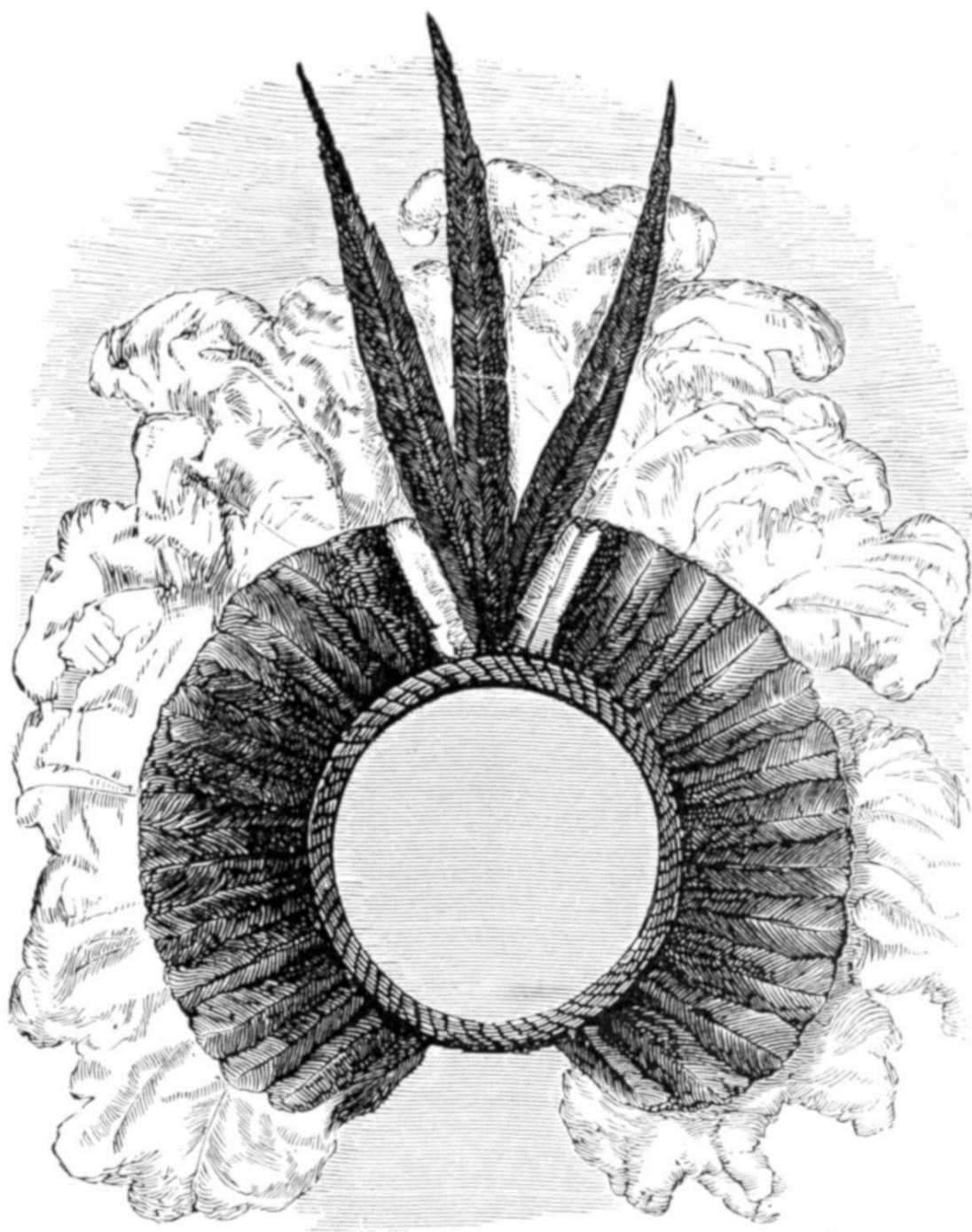
Возьмем, к примеру, фиджийцев и тонганцев. Первый славится во всем мире разнообразием, красотой, отделкой и художественной орнаментацией своего оружия. Он всегда передвигается вооруженным, чувствуя себя не в своей тарелке без дубины на плече; он самым экстравагантным образом украшает себя для военного танца, а перед тем как вступить в бой, тратит огромное количество времени на хвастовство своей доблестью и тем, как он будет использовать тело своего врага.

Но тонганец, который никогда не думает о хвастовстве до или после боя, чье оружие простое и не украшенное, настолько превосходит фиджийца, что при желании мог бы стать хозяином всей территории Фиджи. То же самое мы видим и в некоторых восточных странах, где мужчины имеют арсеналы оружия, инкрустированные золотом, серебром и драгоценными камнями, и при этом при первой же возможности убегают, если есть вероятность, что их декоративное оружие будет использовано всерьез.

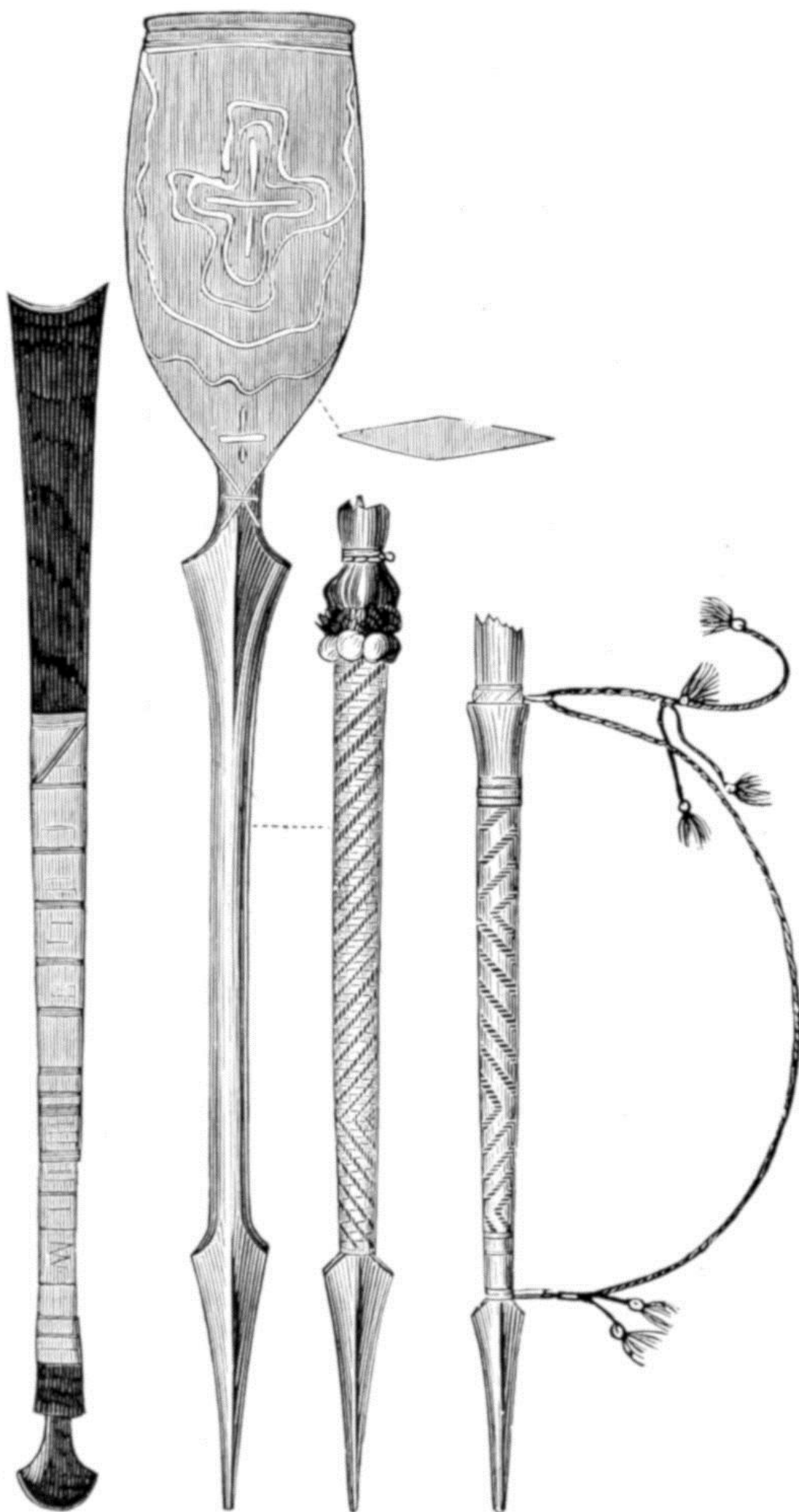
Поэтому опытный антрополог, как только увидит это красиво вырезанное оружие, украшенное нежнейшим оперением и раскрашенное всеми цветами, которые только может предложить местное искусство, сразу же решит, что такое оружие больше предназначено для показа, чем для использования, и что создатели не стали бы тратить на него столько времени и труда, если бы предполагали, что оно подвергнется грубому использованию в реальных боевых действиях.

(1.) ГОЛОВНОЙ УБОР
(См. [стр. 1255.](#))

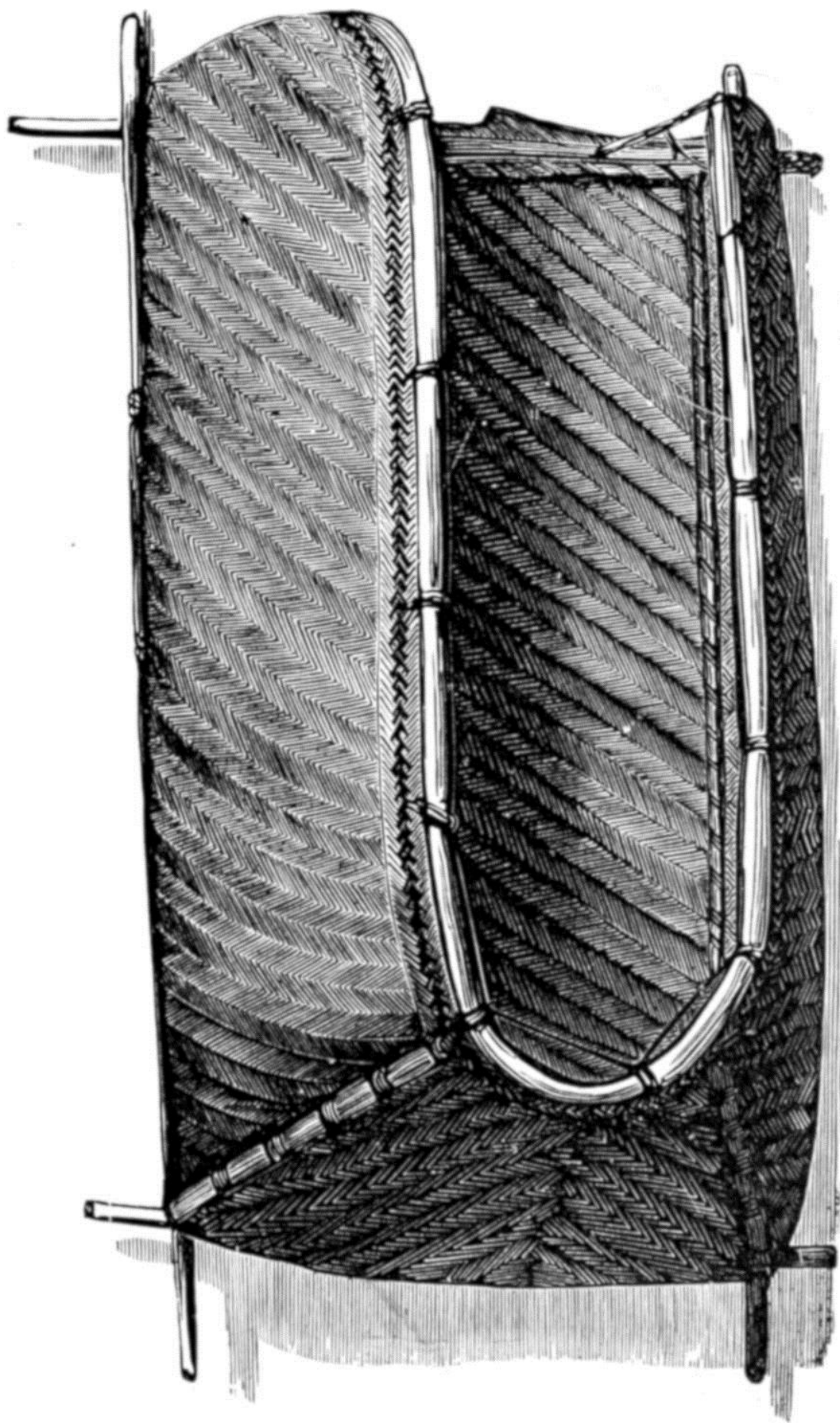

(2.) ГОЛОВНОЙ УБОР.
(См. с. 1255.)

(3.) ГВИАНСКИЕ БУЛАВЫ.

(См. [стр. 1239](#).)

(4.) ГУЙАНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ.
(См. [стр. 1247.](#))

ГЛАВА СXXXI. Племена Гвианы - продолжение. ВОЙНА-СУЕВЕРИЕ.

ГВИАНСКИЕ КЛУБЫ - САПАКАНА И ПОТУ - ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ - КАННИБАЛИЗМ - РАКОВИННЫЙ КУРГАН И ЕГО СОДЕРЖИМОЕ - ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ КАРИБОВ - КРОВНАЯ МЕСТЬ - КАНАЙМА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - СТРАННОЕ СУЕВЕРИЕ - ГВИАНСКИЙ ВАМПИР - ВОЙНА С АРАВАКАМИ - ХИТРОУМНАЯ СТРАТЕГИЯ - ЗАСАДА - ФОРТ И БУМ - ПЛЕНЕНИЕ ВОЖДЯ И КОНЕЦ ВОЙНЫ.

Теперь перейдем к их булавам, в которых, как и в стрелах, можно прочесть характерные черты их изготовителей: некоторые из них являются прекрасными образцами дикарского искусства. Образцы, показанные [на иллюстрации](#) на предыдущей странице, взяты из коллекции "Кристи".

Те, что справа, являются примерами булав, которые называются сапакана. Они сделаны из самого тяжелого и твердого дерева, которое только может найти туземец, и некоторые из них настолько большие и тяжелые, что для их использования требуется сильный мужчина. Лезвие по форме напоминает лезвие новозеландского мерая, слегка выпуклое посередине и заходящее на острие с обеих сторон, так что это настолько грозное оружие, насколько можно себе представить.

Для прочного захвата рукоятка покрыта хлопковой веревкой, намотанной на нее очень аккуратно, а затем украшена перьями и другими подобными украшениями. Поскольку головки этих булав очень похожи друг на друга, я привел только одну из них целиком, а также рукоятки двух других. Центральная - самая богато украшенная, с пучками блестящих зеленых перьев на стыке головки и рукоятки, а под перьями - ряд белых шариков из ваты. Читатель, несомненно, восхитится сложным узором, которым хлопковая нить намотана на рукоять. Одно из таких орудий в моей собственной коллекции очень похоже на уже описанное, за исключением того, что вместо перьев и шариков из ваты оно украшено рядом длинных ворсинок из хлопкового волокна.

В настоящее время использование этих прекрасных булав практически прекращено, так как мушкет вытеснил туземное оружие, поэтому булавы, хотя их все еще производят, делаются на продажу, а не для использования.

Далее следует [булава](#), которой пользуются карибы. Она в полной мере реализует только что упомянутый принцип соотношения декоративности оружия и воинственного духа пользователя. Эта дубина сравнительно проста, поскольку предназначена для использования, а не для демонстрации. Создатели называют ее Поту, и она, очевидно, является модификацией булавы "макана" индейцев Гран-Чако. На первый взгляд, это не очень мощное оружие, но его вес, форма и баланс позволяют одним ударом вышибить мозги человеку. Обычно вокруг середины обматывается хлопчатобумажная нить, чтобы обеспечить крепкий захват, и петля из того же материала, которая проходит через запястье. Модификация поту показана на образце слева.

Сама форма пота доказывает, что они предназначены для использования мужественным и воинственным народом. Как правило, инстинкт по-настоящему мужественного народа заключается в том, чтобы "наброситься" на противника, в то время как инстинкт невоинственного народа заключается в том, чтобы держать врага на расстоянии.

Что касается войны и способа ее ведения, то здесь у разных племен имеются значительные различия: одни из них мирные и спокойные, а другие - наоборот. Самым воинственным племенем среди них, несомненно, являются карибы, о которых Рэли писал, что это голый народ, но такой же доблестный, как и все под небом.

В то время карибы были самым важным из гвианских племен, завоевавших известность благодаря своему оружию. Если они ссорились с другим племенем, то имели обыкновение совершать ночной поход на землю врага, окружать последовательно разбросанные деревни, убивать всех мужчин, а женщин и детей брать в плен. Некоторые из этих пленников использовались как рабы между собой и постепенно вливались в племя своих похитителей, а другие оставались для продажи. Однако они не ограничивались подобными тайными экспедициями, а открыто воевали с другими племенами и хвастались, что гребут на каноэ против течения, чтобы враг услышал их приближение и не застал врасплох.

Кажется, мало кто сомневается, что карибы когда-то были каннибалами, хотя в настоящее время очень трудно заставить их признать этот факт. Былой каннибализм этих племен был легко продолжен некоторыми открытиями, которые были сделаны в большом кургане, расположенном на песчаном рифе, примерно в десяти или двенадцати милях от моря.

Подумав, что этот курган может быть кухонным отвалом, подобным тем, что встречаются во многих частях Старого Света, мистер Бретт начал поиски и обнаружил, что, как и эти курганы, куча состоит в основном из раковин, в основном мидий и перистых моллюсков, а также клешней и панцирей крабов, некоторых костей рыб и наземных позвоночных. На небольшой глубине от поверхности экскаваторы наткнулись на огромное количество человеческих костей, черепа были раздроблены на куски, а кости рук и ног расщеплены в продольном направлении.

Опытному глазу такое состояние костей рассказывало свою историю. Кости были уложены не регулярно, как это было бы, если бы это были останки тел, регулярно захороненных в могиле, а разбросаны в беспорядке, фрагменты черепов, позвонков и конечностей были разбросаны тут и там без малейшего порядка. История, которую рассказывают эти останки, достаточно проста. Это кости людей, съеденных своими собратьями, которые, после того как их раскололи ради костного мозга, были выброшены в сторону вместе с раковинами моллюсков и прочим мусором. То, что этот ужасный обычай когда-то был присущ всем племенам, кажется весьма вероятным, но карибы - последние, кому приписывают каннибализм.

Как и мундуруку, карибы проходили испытание, состоящее в том, чтобы выдержать укусы муравьев. У них не было наследственного вождя, хотя сын вождя мог стать преемником своего отца, если считал его достаточно способным и смелым. Но даже в этом случае кандидат в вожди должен был доказать свое превосходство над собратьями способностью переносить лишения и пытки. Он должен был показать, что знаком со всеми военными хитростями, что может выдержать долгий пост, что обладает непоколебимым мужеством и может выдержать даже ужасное испытание муравьями, и только после того, как он

удовлетворительно прошел все эти испытания, племя складывало свое оружие к его ногам в знак покорности ему.

Естественно, мы можем испытывать некоторое удивление, что народ, демонстрирующий такой негиббемый дух и такую любовь к свободе, преодолевший огромные территории и успешно противостоящий даже хорошо вооруженным и дисциплинированным войскам Европы, не продвинулся по шкале цивилизации, а остался таким же дикарем в наши дни, каким, как мы знаем, он был триста лет назад. Мистер Бретт, чье личное знакомство с ними позволяет ему говорить об этом с авторитетом, дает следующее решение вопроса: - "Среди них не было ни одного дикаря.

"Среди них не нашлось мастера, который, сочетая мудрость законодателя с храбростью воина, мог бы установить гуманные и цивилизующие институты среди своего народа и надолго объединить его разрозненные орды. В чрезвычайных ситуациях необходимость в объединенных действиях заставляла их следовать и беспрекословно подчиняться одному из своих вождей, наделенному высшей властью, подобно диктатору Древнего Рима. Но в другое время каждый мелкий глава клана или семьи двигался и действовал в значительной степени по своему усмотрению, не имея ни фактической власти, ни наследственного авторитета, достаточно уважаемого, чтобы добиться повиновения всех.

"Не имея, таким образом, постоянной сплоченной группы, их дикие орды могли только воевать, побеждать, угнетать и разрушать, и в период своего наивысшего расцвета были неспособны совершить какое-либо великое и полезное дело, которое могло бы остаться в память о них в будущих веках".

Вследствие отсутствия лидера племя карибов, некогда величайшее и, возможно, родоначальное из всех гвианских племен, неуклонно сокращается, и, какими бы доблестными они ни были, они уже не наводят ужас на другие племена, как это было раньше. Действительно, во время вражды с акавайо, в которую они были вовлечены в течение долгого времени, карибы ни в коем случае не были победителями. Они даже были вынуждены покинуть свой собственный район и поселиться вблизи миссионерских станций для защиты.

Тот же автор, которого мы только что процитировали, приводит несколько примеров, свидетельствующих о несостоятельности карибов. Однажды вождь карибов пришел жить на миссионерскую станцию, потому что обнаружил, что рядом с его домом в лесу затаилась партия акавайо, раскрашенных и снаряженных для войны. Даже в своем убежище он не был защищен от врагов. Однажды вечером деревню потревожили громкие крики, и выяснилось, что зять вождя серьезно ранен и лежит в своем гамаке, корчась от боли, вызванной полученным ударом. Он отошел на небольшое расстояние от дома, когда увидел позади себя акавайо. Он обернулся, бросился на врага и обхватил его руками, но тот был слишком силен, повалил его на землю и, когда тот падал, нанес удар, от которого тот отлетел в гамак.

Некоторое время вся компания карибов пребывала в большом смятении и ужасе, но в конце концов выяснилось, что нападение было вызвано личной враждой с раненым. За два года до этого его отец был убит акавайо, и он, естественно, использовал свой лук и стрелы в тщетной попытке спасти жизнь отца. Этот поступок навлек на него месть акавайосов, которые помечали его смертью всякий раз, когда находили возможность убить его. Он бежал с Эссекибо в Померун, но бесполезно, и миссионер посоветовал ему отправиться на побережье и найти работу на одном из сахарных заводов, где его враги не будут преследовать его.

Иногда причиной кровной мести становится суеверная практика под названием Канайма. Человек умирает, и знахарь решает, что смерть наступила по вине того, кто применил колдовство с целью лишить его жизни. Предполагаемый колдун обречен на смерть, а для исполнения приговора выделяется ближайший родственник умершего. Предполагается, что в него вселился бродячий дух Канайма, и его называют этим именем до тех пор, пока дело мести не будет выполнено. За время одержимости Канайма должен претерпеть множество лишений, так что одно лишь желание вернуться к обычной жизни служит стимулом к исполнению своего долга.

Способ убийства жертвы, согласно суеверию Канаимы, очень жесток. К жертве подходят сзади (как это было в случае с вышеупомнутым молодым Карибом), и если убийце удастся подойти, его сбивают ударом по шее. Этот удар не должен быть смертельным, он достаточно силен, чтобы на некоторое время лишить жертву сознания. Затем Канайма заставляет жертву открыть рот и вдавливают в язык клыки ядовитой змеи. Язык сразу же распухает настолько, что не позволяет несчастному говорить, а через день-два и вовсе лишает его жизни. Говорят, что иногда Канайма заменяет клыки змеи ядовитым порошком, изготовленным специально для этой цели и хранящимся в маленькой трубочке, сделанной из кости крыла птицы. Приготовление этого порошка - секрет, передающийся от отца к сыну.

Задача Канаимы еще не закончена. Через три дня после погребения жертвы убийца должен посетить могилу и пройти через некоторые церемонии, прежде чем дух Канаимы покинет ее и позволит человеку вернуться к своим друзьям. Туземцы очень осторожны в своих знаниях по этому вопросу, но, насколько можно выяснить, Канайма протыкает тело заостренной палкой, пробует кровь и этим освобождается от духа убийства.

Поэтому друзья жертвы всегда стараются скрыть место погребения, а долг убийцы - бродить вокруг этого места, чтобы они не смогли перерезать тело без его ведома. Если друзья добиваются успеха, возмездие отменяется, так как несчастный Канайма вынужден скитаться по лесу, пока его не настигнет безумие или другая форма мести, с помощью которой дух убийства наказывает тех, кто не исполнил его желания.

Мистер Бретт был свидетелем нескольких случаев такого страшного наказания, и в одном случае у него не было сомнений, что он наткнулся на канайму, который не смог найти тело своей жертвы. "Индеец, превратившийся почти в скелет и находившийся в ужасном состоянии истощения, был подобран в лесу какими-то араваками и доставлен в миссию Померун. Он лишился части своего скальпа, а нижняя губа была содрана с каждого угла. По его словам, это сделал маленький "тигр", который набросился на него, когда он лежал в лесу.....

"Акавайо в миссии, на языке которой он говорил, сначала очень заботились о нем, но потом, по его отказу от некоторых видов пищи и другим признакам, решили, что он - жертва неудовлетворенного Канаимы и убийца человека, убитого некоторое время назад. Из-за этого, а также из-за его дикого, неблагодарного поведения (хотя мистер М'Клинтон с моей помощью очищал и перевязывал его раны, чтобы их успокоить), мы с некоторым трудом смогли выхаживать его, пока к нему не вернулись силы, поскольку они боялись, что не станут его будущими жертвами".

Если друзья убитого опасаются, что не смогут эффективно скрыть тело, они удаляют печень и кладут на ее место раскаленное острие топора, полагая, что когда Канайма отведал крови своей жертвы, жар, который был в острие топора, перейдет в его тело и сожрет его.

Если отбросить частную вражду, то в последнее время карибы были побеждены другими племенами в открытой войне. Они добились частичного успеха в борьбе с араваками, которые были загнаны в болотистую местность у Вайни. Здесь, однако, беглецы заняли позицию и перешли под командование известного и испытанного воина. Ожидая, что карибы вскоре последуют за ними в их убежище, их вождь расположил своих людей в засаде среди островов и ждал прихода врага.

Карибы приплыли на своих огромных военных каноэ, следуя друг за другом в одном строю через узкие ручьи, разделяющие "влажную саванну" на острова. Их пропускали без потерь, пока они не обогнули один из островов, когда смертоносный ливень стрел с обоих берегов вывел из строя или убил всех мужчин на борту. Второе каноэ двинулось дальше, но его постигла та же участь, а остальные, не видя происходящей бойни, поспешили к месту, откуда доносились крики, и в свою очередь были застигнуты смертоносным ливнем. Победившие араваки прыгнули в воду, захватили каноэ и перебили всех воинов, за исключением двух. Этих воинов победители отправили домой, пообещав большой выкуп, который будет выплачен хлопковыми гамаками, изготовлением которых так славятся карибы; кроме того, они отправили оскорбительное послание, в котором просили карибов прислать еще одну экспедицию.

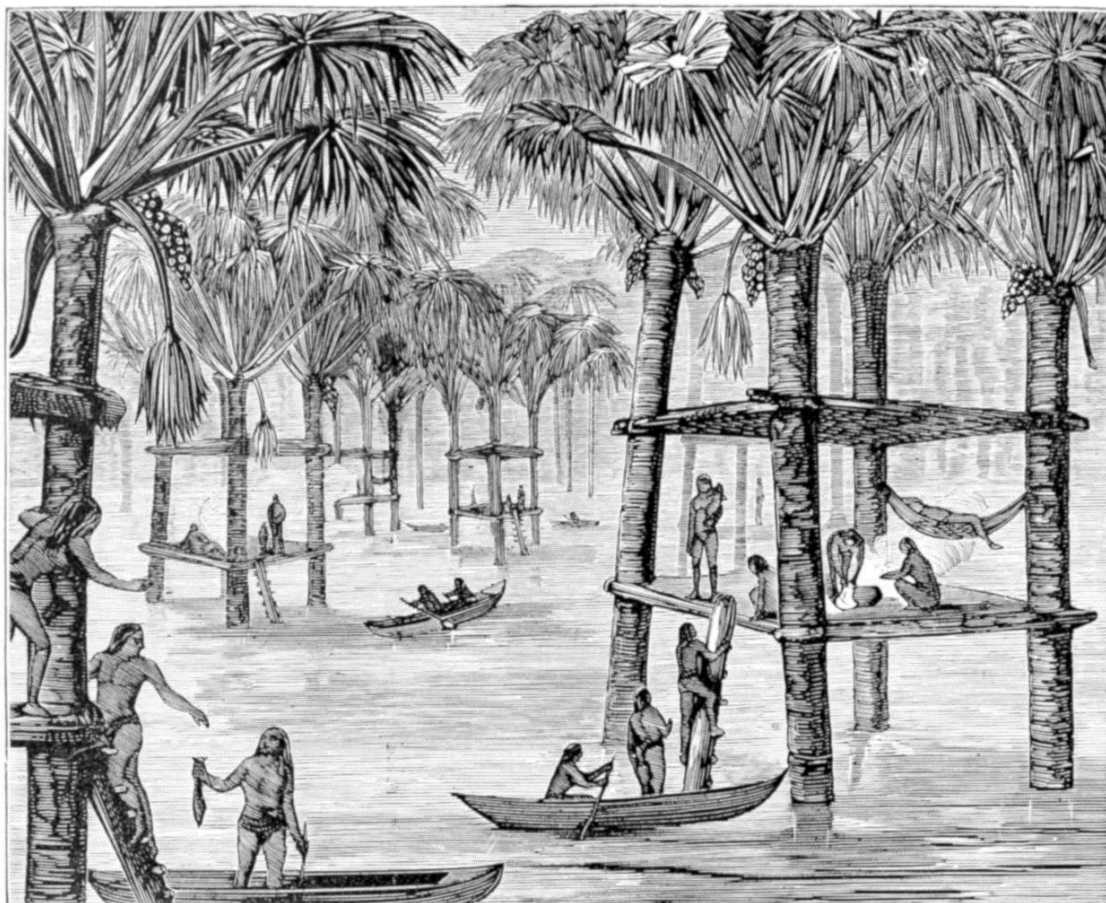
На суше карибы так же плохо справлялись с теми же врагами, что и на море. Будучи полны решимости противостоять постоянным нападениям карибов, араваки решили больше не уходить в болота для безопасности, а смело встретить своих врагов. Поэтому они построили большой дом на берегу реки, окружили его деревьями, уложенными ветвями наружу, - фактически, *абаттис* современной техники - и запаслись таким количеством стрел, какое смогли изготовить. Кроме того, они сделали широкие деревянные щиты, которые использовали по этому случаю в первый и, возможно, в последний раз.

Как и предполагалось, карибы не заставили себя долго ждать с нападением. Заметив среди деревьев небольшую группу людей, они пустились в погоню и преследовали их до самого дома, на который сразу же напали. Защитники не отвечали на огонь карибов, а довольствовались тем, что принимали на свои щиты стрелы противника. Когда они решили, что стрелы врага почти исчерпаны, они воспользовались своими собственными запасами и выпустили залп за залпом по захватчикам, причем женщины и мальчики снабжали их стрелами так быстро, как только они могли стрелять. Карибы не смогли выдержать такого натиска и были вынуждены отступить, во время которого они потеряли еще много своих людей от преследующих их араваков.

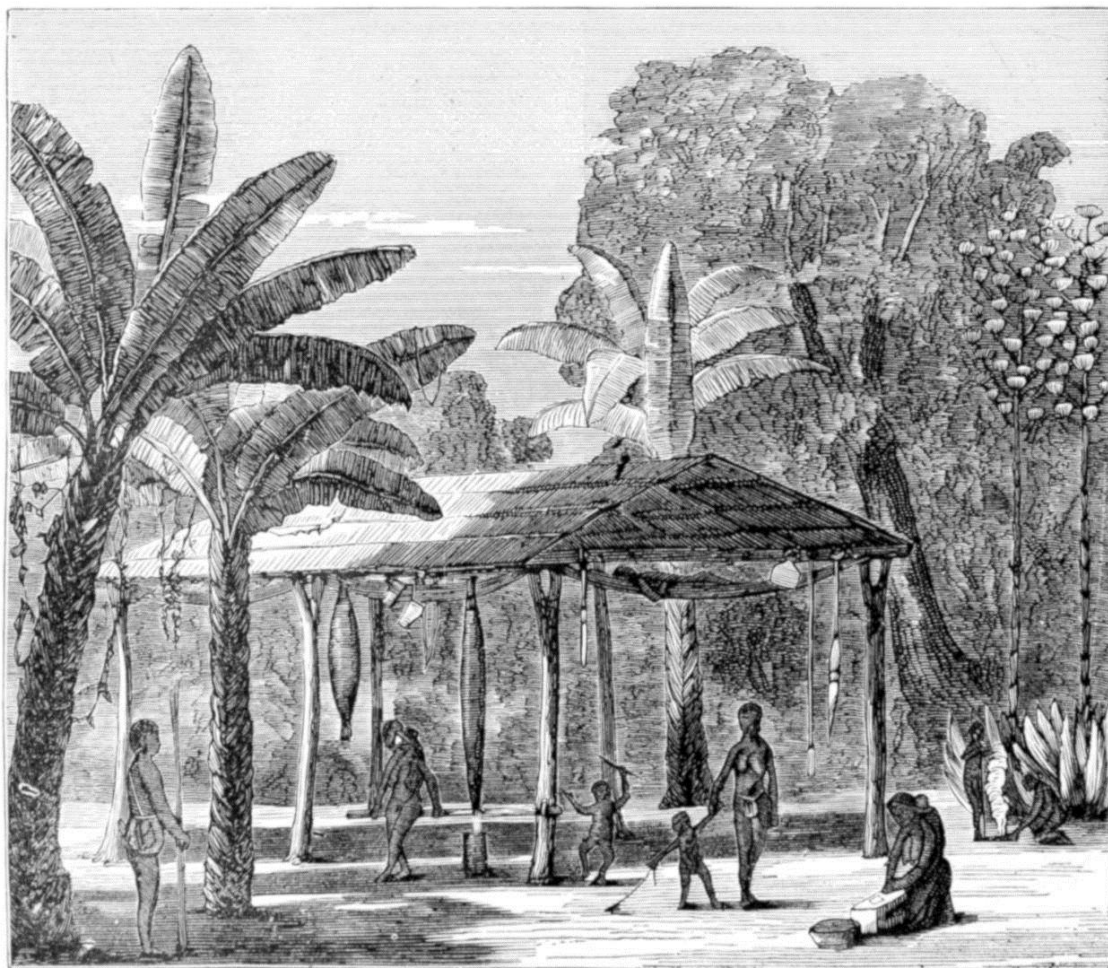
Две последние решающие битвы между этими великими племенами вновь закончились в пользу араваков. Последние обосновались на берегах одного из рукавов реки Морука, густо поросшего лесом с обеих сторон. Этот рукав называется Хаймара-Кабура. Через этот поток араваки вбили ствол дерева на такую глубину, чтобы по нему могли пройти небольшие каноэ, в то время как большие и тяжело нагруженные военные каноэ неизбежно должны были на него налететь.

Захватчики пришли, как и ожидалось, но не нашли ничего, кроме пустых домов. Затем они спустились вниз по Моруке, высматривая добычу, и, наконец, заметив несколько каноэ, бросились в погоню. Достигнув устья Хаймара-Кабура, каноэ скрылись в нем, как в укрытии, а за ними последовали захватчики, вопя и крича от возбуждения. Внезапно их каноэ с силой ударились о затонувший бум, сорвали весла с места, запутались друг в друге и внесли неразбериху. В разгар их недоумения на них посыпались ливни стрел, и лишь немногие из вторгшихся спаслись.

Среди них, однако, был вождь карибов Манаррава, который, разгневанный полученным отпором, вернулся на Ориноко, организовал другое войско и снова напал на араваков. На этот раз ему повезло меньше: он был ранен и взят в плен. Представ перед советом вождей, Манаррава пообещал, что, если ему сохранят жизнь, он заставит свой народ отказаться от дальнейших нападений. Араваки, более снисходительные, чем карибы, удовлетворили его просьбу, дали ему каноэ и отправили домой. Он, со своей стороны, выполнил свое обещание, и с тех пор между карибами и араваками не было регулярных войн, хотя частные кровные разборки такого рода, как описано, имели место.

(1.) ОЗЕРНЫЕ ОБИТАТЕЛИ ОРИНОКО.
(См. [стр. 1269.](#))

(2.) ДОМ ВАРАУ.
(См. с. 1245, 1251, 1268.)

ГЛАВА СXXXII.

Племена Гвианы - *продолжение*.

АРХИТЕКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ.

АРХИТЕКТУРА - ОБЫЧНЫЙ ГВИАНСКИЙ ДОМ - МАКУШИ И ВНУТРЕННИЕ ХИЖИНЫ - ВЫБОР МЕСТА - БРАЧНЫЕ УЗЫ - ПОЛИГАМИЯ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - СЛУЧАЙ НАРУШЕНИЯ ОБЕЩАНИЯ - РЕВНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - ЗАПРЕТНЫЕ СТЕПЕНИ У АРАВАКОВ - ГВИАНСКИЕ МАТЬ И ДИТЯ - ОСОБЫЙ ОБЫЧАЙ - ПОЛИАНДРИЯ - ПРИГОТОВЛЕНИЕ МАНИОКА - ДЕРЕВО МАНИОК И ЕГО СОЮЗНИКИ - ТЕРКА, МИСКА И ДУРШЛАГ - ПРЕСС, ИЛИ ТИПИТИ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯДОВИТОГО СОКА - ИЗГОТОВЛЕНИЕ САХАРА - ПИТЬЕ ПИВАРРИ - ТАНЕЦ МАКАРРИ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПЛЕТЕЙ - ТЕРПЕНИЕ БОЛИ.

Теперь мы рассмотрим домашнюю жизнь гвианских туземцев.

Их архитектура значительно отличается в зависимости от района. Как правило, климат настолько теплый, что дома практически не нужны, достаточно иметь простую крышу над головой. Обычная хижина - не более чем сарай, нечто вроде амбара без стен, опирающийся на столбы и крытый листьями. На столбах и стропилах висят личные вещи туземцев: веера,

весла, дубинки, духовые ружья, луки и стрелы и тому подобные предметы, а на одной или двух поперечных балках обязательно висит необычный пресс для маниоки, который будет описан ниже. Такой дом [изображен](#) на предыдущей странице.

Между вертикальными стойками, а иногда и к поперечным балкам подвешены гамаки, некоторые из которых почти всегда заняты, поскольку хозяин обладает природным гением лежать в своем гамаке, когда он не обязан быть на ногах. Количество гамаков под одной крышей почти невероятно. Они подвешены ярусами, один над другим, как койки на борту пассажирского судна, и когда тридцать или сорок из них заняты одновременно, кажется удивительным, что здание способно выдержать такую нагрузку.

Когда жители передвигаются или садятся в гамаки и вылезают из них, разжигая ночные костры, дым которых является единственной защитой от комаров и других крылатых вредителей, все здание раскачивается, суставы скрипят, и кажется, что дом вот-вот обрушится. Но соединения балок и стоек так прочно связаны, что они гораздо прочнее, чем кажется, и какими бы хрупкими ни казались сараи, они вполне выдерживают любые нагрузки, которые им приходится испытывать.

Внутри, однако, хижины имеют более сложный характер, у них есть как стены, так и крыша. Их форма неизменно круглая, а крыша заострена в центре. Некоторые из них по форме напоминают односкатные палатки: круглая вертикальная стена высотой около пяти-шести футов, а от нее отходит довольно высокая коническая крыша, заканчивающаяся острым концом. Их общая форма очень напоминает дом Маколло, показанный на странице 329. Крыша, однако, более аккуратная, а центральный столб, на который она опирается, поднимается на некоторую высоту над вершиной, напоминая декоративные шипы, которыми английские строители любят украшать некоторые из своих вилл.

Другие дома, хотя и построены по тому же принципу, не совсем конические. В них нет разграничения между стеной и крышей, и вместо круглой формы они восьмиугольные. Их можно очень хорошо имитировать, вырезав из картона восемь равнобедренных треугольников, большая сторона которых примерно в четыре раза длиннее короткой, и сшив их вместе. Спица, продетая через центр, послужит опорой и будет очень похожа на центральный столб сооружения.

Эти хижины используются макуши, изготовителями очень длинных духовых ружей, которые уже были описаны, а к выступам в вертикальных столбах оружие подвешивается, когда не используется. Нет нужды говорить, что строительство домов принадлежит женщинам, поскольку оно относится к категории тяжелых работ, которые не под силу мужчине. Действительно, у этих людей, как и у многих других нецивилизованных народов, укоренившаяся несклонность мужчин к труду и, как следствие, сваливание всей работы на женщин - одно из самых серьезных препятствий на пути к цивилизации; и даже многоженство не является таким недостатком, как низшее состояние женщин.

Говоря о туземных домах, мистер Бретт замечает, что строители, как бы ни был прост сам дом, тщательно выбирают место, которое должно сочетать в себе несколько требований. Прежде всего, он должен находиться рядом с ручьем, чтобы женщинам не приходилось тратить больше времени на добычу воды для домашних нужд и чтобы каноэ было в пределах легкой досягаемости от дома, когда владелец хочет отправиться в одну из частых миграций, которые происходят среди этих племен.

Это должно быть место, которое находится вдали от дороги. Коренной гвианец любит тишину и покой и очень не любит, когда его беспокоят; апатия его натуры дополняется врожденной

застенчивостью, которая заставляет его сторониться незнакомцев. Кроме того, это должно быть место, где земля легкая и песчаная, и где можно легко проводить очень легкую культивацию, необходимую на этой земле.

Построив дом, следующим делом становится подготовка поля для выращивания ямса и маниоки, и это единственная тяжелая работа, на которую снисходят мужчины. Земля уже занята деревьями, но для местного земледельца это не имеет никакого значения. Выбрав удобное место, он срубает деревья, хитроумно придумывая, что падение одного из них повлечет за собой падение нескольких других. Делается это в начале жаркого сезона, *то есть* где-то в августе. Тропическое солнце вскоре высушивает поваленные деревья, и когда они становятся достаточно пересушенными для этой цели, индеец поджигает их, в результате чего быстро сгорают все стволы и самые крупные ветви. Теперь он выполнил свою часть работы и оставляет остальное женщинам, которые должны расчистить завалы, насколько это возможно, и выполнить все необходимые работы по перекопке, посадке и прополке.

Среди этих людей полигамия, хотя и не всегда является правилом, но часто встречается, и величие мужчины частично оценивается по количеству его жен. Однако оно не доходит до таких масштабов, как у многих других народов, так как на одного вождя смотрели с большим уважением, потому что у него было необычное количество жен - девять. Этот вождь, варау, очень ревностно относился к своему хозяйству и, как говорят, застрелил одну из своих жен, а другую тяжело ранил своей тесак. Однако, как правило, мужчина имеет только одну жену, исключения встречаются реже пропорционально количеству жен.

Карибы, похоже, в полной мере реализуют принцип собственности на своих женщин, о чем свидетельствует забавный анекдот, рассказанный мистером Бреттом. Следует предположить, что, как это принято почти у всех нецивилизованных туземцев, жена покупается у ее отца или старшего родственника мужского пола, который имеет абсолютную власть над ней и может продать ее, как продал бы свой лук, причем с таким же вниманием к чувствам одного объекта собственности, как и другого.

"Одна пылкая девушка-кариби, возмущенная тем, что ее выдали замуж за пожилого мужчину, у которого уже были другие жены (одна из них - ее родная сестра), сбежала от него и отдала свою руку одному из карибов Эссекибо, более молодому мужчине, который ей больше понравился. Через некоторое время старик наведлся в тот квартал, но не для того, чтобы воспользоваться своим несомненным правом вернуть ее и избить, а чтобы потребовать компенсацию за ее услуги. Это было охотно разрешено, и за ружье, бочонок соли или какую-нибудь другую ценную вещь женщина была оставлена с выбранным ею мужчиной, который, возможно, считал себя в безопасности, и дело закончилось.

"Но на следующий год старик, который прекрасно знал, что делает, нанес им еще один визит, по-прежнему, как он сказал, в поисках компенсации. Когда муж напомнил ему, что ему уже заплатили за женщину, он ответил: "Да, за женщину; но она родила вам ребенка - теперь вы должны заплатить мне за него". Неписанный закон карибских обычаев оказался в пользу старика, и он получил компенсацию за этого ребенка. За каждого последующего ребенка он мог, по своему желанию, снова появиться, как неугомонный дух, предъявить аналогичное требование и получить поддержку в соответствии с обычаями своего народа".

Иногда вторую жену покупают еще в детстве и воспитывают вместе с семьей первой жены, и предусмотрительный вождь таким образом обеспечивает себя чередой жен, каждая из которых достигает брачного возраста по мере того, как ее предшественницы становятся слишком старыми, чтобы соответствовать вкусу их владельца. Время от времени первая жена

успешно сопротивляется появлению пайщика в ее хозяйстве. В одном из таких случаев первая жена, попытавшись покончить жизнь самоубийством и не получив отпора, поступила более разумно. Она была араваккой, одной из трех сестер, которые жили со своими мужьями в одном поселении. Однажды муж старшей сестры, будучи в гостях у друзей, привел домой другую жену, уже взрослую молодую женщину. Первая жена, после неудачной попытки покончить с собой, набросилась на незваного гостя, в чем ей помогали две ее сестры, чьи мужья спокойно наблюдали за происходящим. Дело кончилось тем, что женщину отослали к ее друзьям, а первая жена осталась безраздельно править своим хозяйством.

У араваков есть любопытное и достойное похвалы правило, касающееся брака. Их племя разделено на несколько семей, каждая из которых происходит по женской линии и известна под своим именем. Никому не разрешается вступать в брак в семье, носящей то же имя, что и он сам, и этот принцип реализуется довольно любопытным образом.

Поскольку наследование идет по женской линии, ее сыновья и дочери, а также дети ее дочерей носят то же имя, что и она сама, но не дети ее сыновей, которые получают имена своих соответствующих матерей. Араваки очень трепетно относятся к этому правилу и считают его нарушение большим преступлением.

Как и большинство нецивилизованных народов, гвианские матери мало задумываются о событиях, которые укладывают цивилизованную европейскую женщину на постель болезни на несколько недель. Мистер Бретт видел, как одна женщина из племени варау всего через два часа после рождения ребенка связала свой гамак и вместе с новорожденным младенцем переносила его из одного дома в другой. Когда ребенок совсем маленький, его укладывают в маленький гамак, но когда он немного окрепнет, для него устраивают довольно любопытную колыбель.

Тело колыбели сделано из всегда полезного тростника итирритти, который расщепляется на лоскуты шириной около десятой части дюйма, а затем сплетается так, чтобы получилось нечто вроде корзины, открытой с одного конца и с одной стороны. Края укреплены прутами из гибкого дерева, крепко прикрепленным к ним, а сама колыбель приводится в форму с помощью каркаса, состоящего из довольно прочных палок. Отверстие спереди гораздо уже, чем тело колыбели, так что ребенка в ней можно легко зафиксировать. Длина моего [образца](#), изображенного на странице 1238, составляет ровно двадцать дюймов, ширина сзади - тринадцать дюймов, а отверстие - всего семь дюймов. Эта люлька очень прочная, очень эластичная и очень легкая - три главных требования к такому изделию. Когда мать хочет понести ребенка, она берет широкий плетеный ремень, два конца которого соединены, перекидывает его через перекладки в верхней части колыбели, а затем перекидывает ремень через лоб.

Родители очень добры к своим детям и редко могут заставить себя наказывать их, разве что в порыве гнева. Естественным следствием такого обращения является то, что они почти не контролируют детей, хотя, когда они вырастают, уважение, проявляемое сыновьями и дочерьми к своим родителям любого пола, достойно всяческой похвалы.

В связи с этим у гвианских туземцев существует весьма необычный обычай, который, согласно нашим сегодняшним представлениям, полностью меняет порядок вещей. У нас, когда жена ожидает, что станет матерью, она часто считает необходимым воздерживаться от некоторых продуктов питания и от слишком больших нагрузок. У гвианских индейцев жена ест все, что пожелает, и работает так же усердно, как и раньше, а муж считает себя обязанным воздерживаться и отдыхать. Например, акавайо и карибы не едят плоть агути, чтобы будущее потомство не было худым и скудным; рыбу хаймара, чтобы не быть

близоруким; или маруди, чтобы не быть мертворожденным - крик этой птицы считается предзнаменованием смерти. Читатель может вспомнить, что один из макоуши оправдывался тем, что не делал вурали, ссылаясь на этот обычай. Этот обычай не заканчивается с рождением ребенка, а продолжается в течение нескольких недель после него.

Как только ребенок появляется на свет, индийская жена моет его, укладывает в гамак колыбели и занимается своими делами, как обычно. А вот муж-индеец с удовольствием считает себя очень больным и сразу же ложится в свой гамак, где его с самым заботливым вниманием ждут женщины. В некоторых районах больному мужу приходится играть не самую приятную роль: его заставляют принимать тошнотворные напитки и проходить курс очень неприятных лекарств. Обычно, однако, он не делает ничего, кроме как лежит в своем гамаке в течение недели или двух, и в это время его обильно снабжают самой вкусной пищей и гладят, как будто он выздоравливает от опасной болезни.

В окрестностях миссионерских станций этот обычай постепенно сошел на нет, но время от времени он возрождается. Мистер Бретт упоминает случай, когда большой наплыв чужеземцев вновь привнес его на станцию. Случилось так, что молодой индеец-христианин стал отцом, и его родственницы стали настойчиво уговаривать его лечь в гамак по древнему обычаю. Некоторое время он сопротивлялся, но его так преследовали, что он почти убежал и отправился работать в отдалении на три недели, по истечении которых, как он полагал, его можно было считать выздоровевшим. Каким бы странным ни казался этот обычай, он преобладает на значительной части земного шара и даже в Европе не исчез до сравнительно недавнего времени.

Среди этих племен не только практикуется полигамия, но и существует странный обычай полиандрии. Однажды, когда миссионер спорил с местным жителем против практики многоженства, он использовал *аргумент ad hominem*, и это привело к плохим результатам, которые обычно следуют за таким аргументом. Обнаружив, что не может доказать собеседнику, что мужчина не должен иметь двух жен, миссионер спросил, как понравится мужчинам, если одна жена будет иметь двух мужей. К его удивлению, мужчина ответил, что этот план очень подходит, и что он знает женщину, у которой в то время было три мужа.

Уже упоминалось, что туземцы Гвианы питаются в основном зверями, птицами и рыбами, которых они ловят. Растительная пища для них не так важна, как для жителей более теплого климата, вероятно, потому, что почти вечная влажность страны заставляет ее обитателей питаться сравнительно щедро.

Основной растительной пищей является маниока, которая готовится довольно любопытным способом. Как ни странно, ее получают из растения, принадлежащего к естественному порядку Euphorbiaceae, растения, которое славится тем, что содержит самые ядовитые соки.

Некоторые из них представляют собой деревья огромных размеров, другие - маленькие травы, существующие всего несколько недель. Все они, однако, выделяют едкий сок, более или менее ядовитый. Знакомым примером таких растений может служить бородавник обыкновенный (*Euphorbia helioscopia*), белый, едкий, млечный сок которого используется для уничтожения бородавок. Некоторые из этих Euphorbiaceae производят, помимо ядовитого сока, пупырчатое вещество, из которого можно выделить яд, и которое затем пригодно в пищу.

Главным растением, производящим маниоку, является *ятрофа* (*Jatropha manihot*), хотя есть и другие, из которых можно получить фарину. Сок этого растения настолько ядовит, что очень маленькая доза приводит к смерти. К счастью, ядовитый принцип очень летуч и может быть

вытеснен теплом, так что вещество, которое в сыром виде является смертельным ядом, при приготовлении становится полезным продуктом питания.

Приготовление маниоки происходит следующим образом: Взяв на спину колыбель, которая уже была описана, гвианская женщина выкапывает некоторое количество корня маниоки, кладет его в колыбель и приносит в свою хижину. Затем она очищает его от кожуры, срывая зубами внешнюю оболочку, и перетирает в очень мелкую стружку. Делается это с помощью туземной терки, которая, несмотря на свою грубость, является очень эффективным приспособлением. Она состоит из толстой доски длиной около ярда и шириной вдвое меньше. В верхнюю поверхность этой доски ровными рядами вбиты несколько осколков острых камней, которые закреплены на своих местах с помощью растительного клея, полученного из сока дерева.

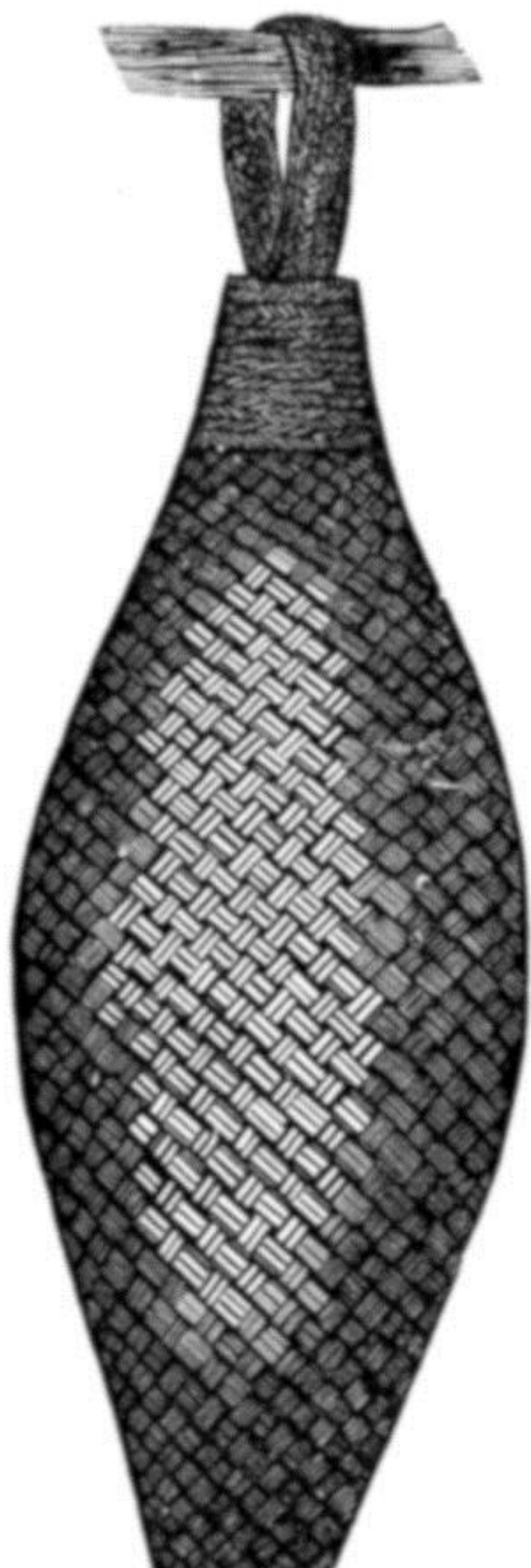
Проводя по этой поверхности, корни маниоки вскоре превращаются в тонкую стружку, похожую на стружку конской редьки, которую собирают в корзину. Одна из таких корзин показана на [рис. 2](#), на стр. 1231. Она сделана так же, как и уже упомянутая люлька, но имеет более плотную структуру, а полосы тростника шире. Ее диаметр составляет около двух футов, и она способна вместить значительное количество тертого корня.

Если у местных мастеров по приготовлению маниоки нет такой терки, она использует вместо нее острый корень одного из видов пальмы Иреартия, который покрыт твердыми выступами и неплохо справляется со своей задачей, хотя и не работает так гладко и аккуратно, как обычная терка.

Иногда используется еще один процесс измельчения, но не всегда. В таких случаях натертый корень кладут на плоский наклонный камень и трут другим, как это делают арауканцы. См. [стр. 1203](#).

Следующий процесс - избавление от ядовитых соков, и в этой части операции также существуют значительные различия. В некоторых племенах очищенную маниоку вынимают из блюда и плотно утрамбовывают в сито или дуршлаг. Этот инструмент сделан очень изобретательно. Оно похоже на корзину, но вместо плоских полосок тростника или камыша используются круглые веточки толщиной примерно как обычные карандаши для рисования. Туземцы придумали хитроумный способ, с помощью которого сохраняется форма сосуда, а промежутки не уменьшаются и не увеличиваются в размерах. Для этого в верхушку дуршлага вставляют сравнительно немного веток, а по мере увеличения размера сосуда через равные промежутки времени вставляют свежие веточки.

В этот дуршлаг маниоку давят и разминают с водой, пока не выделится значительное количество сока. Затем ее оставляют в сите для частичного высыхания, и вскоре она готова к другому процессу - прессованию; примечательно, что, хотя из Европы присылали прессы различных описаний, ни один из них не подходит так хорошо, как родной гвианский пресс под названием "типити". Этот пресс представляет собой длинную цилиндрическую корзину от шести до семи футов в длину и около четырех дюймов в диаметре, сделанную из коры пальмы *Jacitara*, разновидности *Desmoncus*. Нижняя часть типити закрыта и доведена почти до точки, а верхняя часть остается открытой, каждый конец которой заканчивается очень прочной петлей. Благодаря способу изготовления типити, центральная часть очень эластична, в то время как рот и кончик сравнительно жесткие. [Один из них](#) представлен на следующей странице.

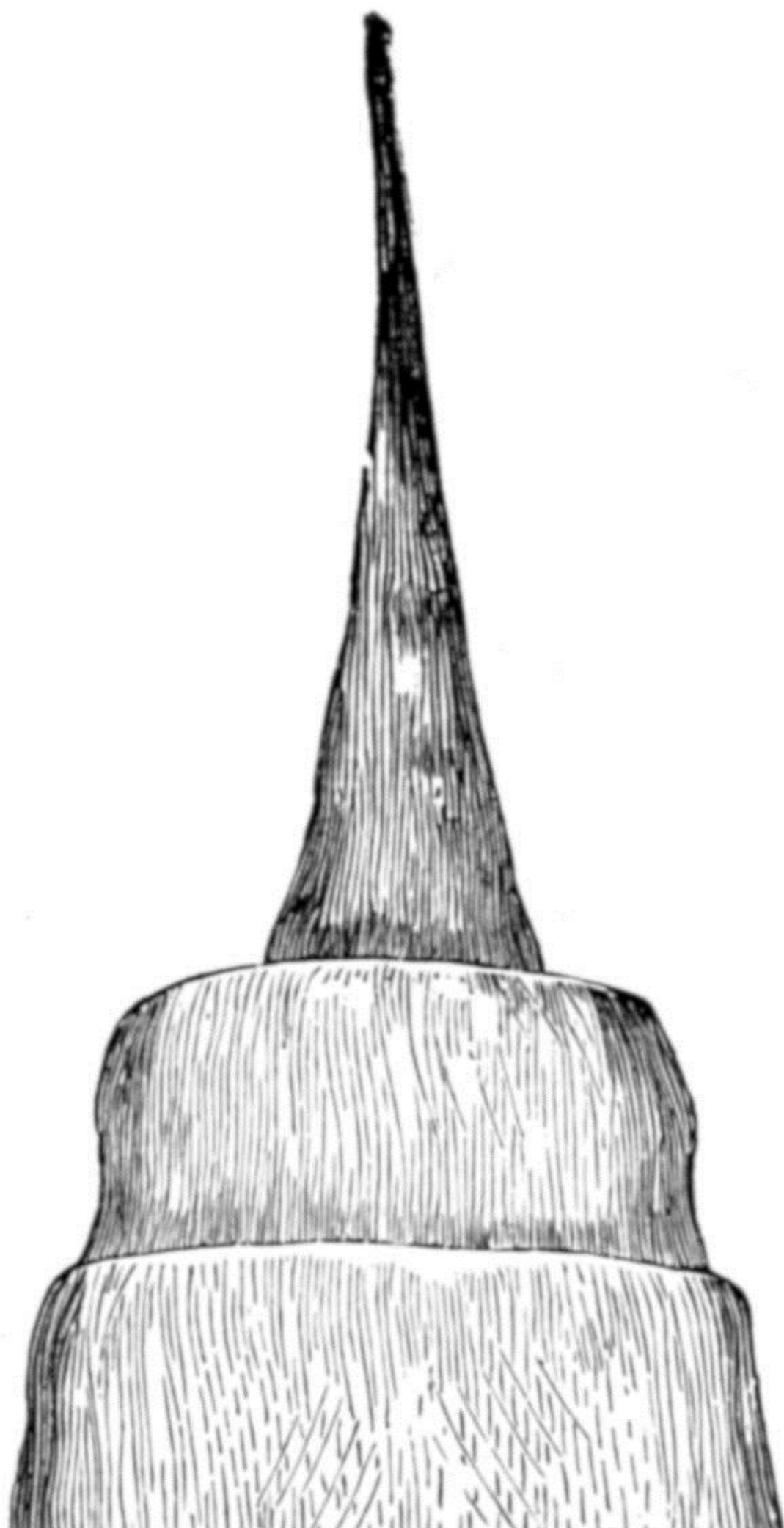

(1.) ТИПИТИ И ЧАША.
(См. [стр. 1248, 1251.](#))

ПРОБКА НАРУЖУ

(2.) ДВОЙНАЯ БУТЫЛКА.
(См. [стр. 1251.](#))

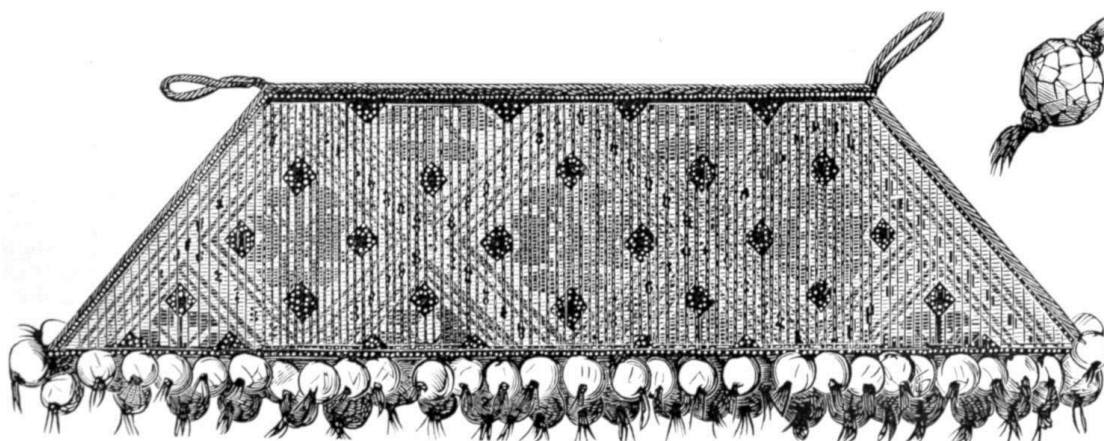
(3.) SPATHE.

(См. [стр. 1258.](#))

(4.) ПЕРЬЕВОЙ ФАРТУК.

(См. [стр. 1255.](#))

ФАРТУК ИЗ БУСИН.

(См. [с. 1256.](#))

Несколько таких наконечников обычно подвешивают к крыше или поперечной балке хижины, чтобы они были готовы к использованию в нужный момент. Один из них наполняют тертой маниоккой, которую засовывают в эластичную трубку как можно плотнее, чтобы она стала намного короче, а в середине - намного толще. Под типити ставится глиняная чаша для приема сока. Подобные сосуды делают туземцы, и хотя они очень хрупкие, так как глина никогда тщательно не разминается, а обжиг недостаточен, они достаточно хорошо

выдерживают огонь для приготовления пищи. [Сосуд](#), представленный на иллюстрации, имеет темно-коричневый цвет, полосатый и пятнистый с черным.

Кроме этих мягких и хрупких чаш, туземцы делают бутылки для переноски воды. Некоторые из этих глиняных бутылок действительно элегантны по форме и свидетельствуют о художественном чувстве гончара. [Рисунок](#) двойной бутылки для воды с фаянсовыми пробками приведен на странице 1249.

Затем к дну типити, которое в результате удлиняется и сужается, прикрепляется тяжелый груз, чтобы с силой сжать содержимое и выжать сок, оставшийся в маниоке. Через некоторое время еще более сильное давление достигается с помощью рычага. Через петлю в нижней части типити пропускают шест, короткий конец которого привязывают к одному из вертикальных столбов дома. Затем к более длинному концу шеста подвешивают тяжелый груз - обычно большой камень, - чтобы создать мощный рычаг на типити и еще больше сжать маниоку.

Когда процесс дошел до этого состояния, изготовительница маниоки часто добавляет свой собственный вес к весу камня, сидя на конце рычага, и, держа ребенка в колыбели на спине, занимается некоторыми легкими женскими занятиями.

Теперь маниока пригодна для выпечки, для чего ее кладут на круглые железные пластины, которые ставят над огнем наподобие "обхватов", на которых пекут овсяные лепешки. Хотя маниока мало известна в этой стране под своим собственным названием, она широко используется под названием манная крупа, которая представляет собой не что иное, как грубо размолотую до состояния грубого зерна маниоку.

Ничего из этого полезного растения не выбрасывается. Мы уже видели, что фарнасовое вещество можно сделать полезным, лишив его ядовитого сока, а теперь увидим, что даже сам этот сок можно сделать полезным. Если человек или зверь выпьют его в том виде, в каком он вытекает из междоузлий типити, они раздуются и умрут в страшных мучениях. Но при кипячении ядовитый принцип изгоняется, и сок превращается в темно-коричневую жидкость, которая хорошо известна под названием кассарип и широко используется в качестве соуса. Он лежит в основе "перечницы" Вест-Индии, а при использовании туземцами так сильно пропитывается красным перцем, что когда они гостеприимно угощают белого незнакомца хлебом из маниоки и соусом кассарип, рот незнакомца изрыгается от количества капсикума.

Если читатель обратится к иллюстрации, изображающей [дом варау](#), на странице 1244, то увидит различные процессы приготовления маниоки. Справа изображена женщина, стоящая на коленях перед теркой и соскабливающая маниоку в блюдо или корзину. К поперечным балкам хижины подвешены два пресса типити, один из которых заполнен грузом и рычагом, а другой растянут почти на всю длину. Женщина сидит на рычаге и таким образом выжимает последние капли из маниоки в чашу. На заднем плане справа показано, как пекут торт из маниоки.

Несколько небольших эпизодов из жизни гвианцев показаны на той же [иллюстрации](#). Слева изображен человек, вооруженный луком и длинными стрелами, а на плечах у него висит небольшой мешок, служащий карманом. Другой мужчина спит в своем гамаке, а почти посередине изображена мать с двумя детьми, один из которых тащит за собой огромного паука, привязанного к веревке. Пауки в этой стране иногда бывают размером с вытянутую

руку человека, и, какими бы неприятными товарищами они нам ни казались, дети используют их в этом качестве, как это видел мистер Бейтс.

Туземцы также умеют делать сахар, хотя и довольно грубый. Некоторые племена используют машину с маленькими деревянными валиками для измельчения сахарного тростника и выделения сока, но план, которого придерживаются карибы, наиболее прост и в то же время наиболее примечателен. Они вырезают верхнюю часть крепкого столба в грубое подобие человеческого бюста, причем столб должен быть как можно больше, чем человек. Та часть, которая соответствует ключице, значительно выступает, а в середине шеи под подбородком просверлено отверстие.

Когда карибы хотят сделать сахар, они вставляют один конец длинного и прочного рычага в отверстие в шее и кладут тростник горизонтально на ключицы. Затем один человек берет конец рычага и, нажимая на него, раздавливает тростник так, что сок стекает по груди изображения в сосуд, а другой сдвигает тростник так, чтобы каждая часть последовательно попадала под рычаг.

Что касается напитков, то гвианские аборигены с незапамятных времен изготавливают опьяняющий ликер под названием пиварри, который почти в точности похож на муай арауканцев. Несколько лепешек из маниоки поджаривают до коричневого цвета, бросают в большой сосуд и заливают кипятком. Оставшиеся лепешки перетираются и смешиваются с остальными в сосуде. Брожение происходит очень быстро, и через некоторое время напиток становится пригодным для питья. Туземцы безмерно любят это отвратительное средство, часто варят и выпивают огромное количество за раз. Каноз - нередкое судно, наполненное пиварри, и предполагается, что каждый, кто присоединяется к веселью, опьянеет как можно скорее. Мистер Бретт упоминает забавный случай проявления туземных чувств по этому поводу.

Араваки из района Махаикони просили прислать к ним миссионера, и епископ решил лично посетить их. В честь его прибытия араваки устроили большой праздник, включая каноз, полные пиварри, и дикий танец макарри, о котором мы узнаем в ближайшее время. Большинство из них были пьяны, но они извинились перед епископом за свои недостатки в вежливости и сказали, что если бы они раньше узнали о его визите, то вместо одного каноз у них было бы два полных пиварри.

Праздники пиварри отличаются в деталях в зависимости от племени, которое их проводит. Однако они всегда сопровождаются танцами и некоторыми церемониями, проводимыми пиаманом или фокусником. Интересный рассказ о празднике пиварри приводится господами Спиксом и Мартиусом в их "Путешествии по Бразилии".

"Постепенно те, кто жил на большем расстоянии, прибывали отдельными отрядами, каждый со всей своей семьей, с сумками и поклажей, как будто собирались кочевать; мужчины, которые еще не спрятали свои луки и стрелы в соседних лесах, прятали их здесь; женщины ставили свои корзины, брали детей на плечи и искали чашку для питья (*cuja*). Не разговаривая друг с другом, каждый член семьи осматривал окружающую компанию неуверенным взглядом; мужчины подходили друг к другу и приветствовали соседей, в крайнем случае, выпячивая губы и издавая едва слышный носовой тон.

"В середине сбора, ближе всего к котелку, стоял вождь, который своей силой, хитростью и храбростью добился некоторой власти над ними и получил звание капитана. В правой руке он держал мараку, вышеупомянутую кастаньетку, которую они называют *грингкрин*, и гремел ею, отбивая такт правой ногой. Мы не нашли среди индейцев следов оракулов маракы,

упоминаемых в рассказах предыдущих путешественников. Скорее идя, чем танцуя, он медленно продвигался, наклонив тело вперед, вокруг горшка, к которому постоянно был обращен его взгляд. Танец, который исполнялся в тройном времени, он сопровождал низким монотонным пением, которое усиливалось, когда он притопывал ногой. Чем чаще повторялась песня, тем торжественнее и оживленнее становилось выражение его голоса и черт лица. Все остальные неподвижно стояли вокруг горшка, молча смотрели на него, и только время от времени, когда слова танцора, которые, казалось, были произнесены вне времени, трогали их, они разражались неистовыми криками.

"После этого размеренного кругового танца, которым, вероятно, хотели вызвать и отогнать злых духов, вождь подходил к горшку, брал из рук своего соседа сосуд для питья, который тот держал наготове, грациозно окунал его в горшок и делал глоток. Звон колосников и монотонная музыка становились общими, и чем дольше крутилась чаша, тем больше шума было. Нам тоже преподнесли полную куджу, и, хотя нас охватило отвращение, мы были вынуждены последовать совету нашего проводника и опустошить ее, чтобы не давать индейцам повода для недоверия.

"Напиток напоминает по вкусу наш солодовый ликер, и если его принять в большом количестве, то он опьяняет, что и проявилось к концу пиршества в прыжках и шумном пении: *"Привет! Ха! Ха!"* Мы надеялись, что увидим в этот раз танцы короадос; но ближе к вечеру, когда желудки и головы были полны, одна партия ускользала за другой, как будто по предварительному соглашению".

Те же авторы рассказывают о меланхоличном танце, исполняемом другим племенем туземцев - пури: "Когда их ознакомили с танцем, они сказали.

"Когда их познакомили и угостили обильными порциями бренди, который, как и все индейцы, они страстно любят, они начали свой танец ночью, на открытом месте недалеко от фазенды Гвидовальда. Если компактный низкий рост, коричнево-красный цвет кожи, иссиня-черные волосы, беспорядочно свисающие вниз, неприятная форма их широких угловатых лиц, маленькие, косые, неподвижные, немигающие глаза и, наконец, спотыкающийся, короткий, легкий шаг этих дикарей возбуждали в нас самые печальные чувства по поводу унижения человечности в них, то они еще более усиливались меланхоличным выражением их празднества в темноте ночи. Мужчины выстроились в линию, за ними - женщины, тоже в линию. Дети мужского пола, иногда по двое или трое, обнимали друг друга и отцов за талию, как дети женского пола обнимали своих матерей. В таком положении они начинают свое меланхоличное *"хау-джо-ха-ха-ха"*. Примечательно, что мелодии, которые Лери отметил выше двести лет назад среди индейцев в окрестностях Рио-Жанейро, очень похожи на те, что наблюдаем мы.

"Песня и танец повторялись несколько раз, и две шеренги медленно двигались вперед в размеренном тройном темпе. На первых трех шагах они выставляли вперед левую ногу и наклонялись на левый бок; на первом и третьем шаге они притопывали левой ногой, а на втором - правой; на следующих трех шагах они выставляли вперед правую ногу на первый и последний шаг, наклоняясь на правый бок. Таким образом, они продвигались вперед поочередно, короткими шагами. Как только песня заканчивалась, они в беспорядке, как бы в бегстве, бежали назад: сначала женщины с дочерьми, потом мужчины с сыновьями. После этого они расположились в том же порядке, что и раньше, и сцена повторилась. Негр, долгое время проживший среди пури, объяснил нам, что слова, исполняемые в этом танце, являются причитаниями, суть которых сводится к тому, что они пытались сорвать цветок с

дерева, но упали. Но интерпретация этой меланхоличной сцены могла бы показаться нам более подходящей, чем интерпретация потери Рая".

Самым любопытным из всех гвианских танцев является тот, который называют танцем макарри, по орудию, составляющему его основной элемент. Макарри - это хлыст, и цель танца - нанесение и получение ударов макарри. В разных районах форма этого кнута различна. Обычно используется форма из шелковых волокон травы, связанных вместе таким образом, чтобы получился жесткий и упругий хлыст. Рукоятка усилена полосой темного тростника, намотанной вокруг нее по спирали, и украшена хохолком из волокон, свисающим с приклада. Несколько ворсинок белой ваты украшают переход между рукоятью и плетью, которая постепенно сужается к острию. Весь хлыст, включая плеть, составляет почти пять футов в длину и является самым грозным орудием пыток, способным резать голую кожу, как нож, и заставлять кровь хлестать из раны, которую он наносит. Другая форма кнута не так страшна на вид, хотя при умелом обращении может причинить не меньшую боль. Он полностью покрыт тростником, и, когда им размахивают, он издает треск при каждом повороте. Длина этого кнута составляет три фута четыре дюйма.

Танец макарри исполняется следующим образом. Молодые люди и мальчики, украшенные всеми причудливыми перьями, которые только может предложить местное искусство, выстраиваются в два ряда друг напротив друга, танцоры вооружены кнутах макарри, которыми они размахивают в воздухе, произнося при этом крики, призванные имитировать птичьи крики.

Вскоре двое танцоров с противоположных сторон бросают друг другу вызов, выходят из рядов и танцуют друг против друга на открытом пространстве между рядами. Протанцевав некоторое время, один из них останавливается и твердо встает на одну ногу, выставив другую вперед и оставаясь совершенно твердым и непоколебимым. См. [иллюстрацию](#) на стр. 1260.

Его противник или партнер, как бы его ни называли, наклоняется, прицеливается в какую-то часть выступающей ноги и, подпрыгнув в воздух, чтобы придать силу своему удару, наносит удар со всей силы. Опытный танцор макарри обязательно глубоко рассечет кожу и пустит кровь; но принимающий не уклоняется от удара, не подает признаков боли и лишь презрительно улыбается, исполняя танец. Вскоре его противник поочередно протягивает ногу для удара, и после нескольких ударов они отходят к соседу пиварри, выпивают немного его содержимого и возвращаются на свои места в строю.

Во время этого странного состязания преобладает хорошее настроение, хотя, когда встречались пара сильных и опытных танцоров, они часто едва могли ходить от тяжести полученных ударов. Иногда, после тяжелого дня танцев и выпивки, когда их ноги затекли и болят от полученных ударов, а голова болит от выпитой жидкости, они заявляют, что навсегда отказываются от танцев. Но как только их ноги выздоравливают, а голова снова становится ясной, они забывают все свои обещания и с неослабевающим энтузиазмом присоединяются к следующему танцу макарри.

Во время одного из таких танцев, который исполнялся в присутствии мистера Бретта, к лагерю, когда танец уже почти закончился, подошел маленький крепкий варау, явно намереваясь получить немного пиварри, не подвергаясь предварительному приветствию кнута макарри. Молодые люди сразу же разгадали его намерение и тихонько передали друг другу слово сорвать его замысел. Соответственно, юноши быстро вызвали его на поединок и подвергли более чем обычному наказанию, прежде чем он получил пиварри. Однако он

мужественно перенес наказание и изо всех сил старался выглядеть приятным, хотя вскоре понял, в какую ловушку попал.

В тот раз танец был дан в честь женщины, похороненной в этом доме. На ее могиле лежала широкая доска, а на ней, среди прочих предметов, лежал пучок шелковой травы - остаток материала, из которого были сделаны кнуты макарри; эти предметы носили отчасти священный характер. После нескольких церемоний двое или трое мужчин, вооруженных длинными ножами, врывались к танцующим, выхватывали у них кнуты, отрезали плети и бросали их в могилу. Владельцы кнутов притворялись, что они очень дикие, когда отдавали кнуты, прыгали, делали кувырки и совершали всевозможные телодвижения, так что было очень удивительно, что кто-то из них избежал травм.

В другой раз, когда в честь епископа был устроен танец макарри, все танцоры, прежде чем войти в большой дом, положили свои хлысты на доску, которая была поставлена там специально для их приема.

Во время этого танца мистер Бретт был поражен явным безразличием туземцев к боли и спросил их, как они могут переносить такие пытки, не чувствуя их. Индейцы ответили, что их нечувствительность к боли отчасти вызвана пиварри, а отчасти - присутствием женщин, которые насмеваются над любым, кто проявляет хоть малейший симптом страдания.

Если отдать должное обеим этим причинам, есть еще две, имеющие гораздо большее значение. Одна из них - природная апатия местного жителя, которому требуется очень сильный стимул для напряженной работы. Эта апатия распространяется как на чувствительные, так и на волевые нервы, и реальный факт заключается в том, что удар, который вызвал бы самые ужасные муки у белого человека, почти не ощущается коренным гвианцем. Другое дело - эффект воздействия и идеальное здоровье тела. Все, кто тренировался для участия в спортивных соревнованиях, помнят, насколько различается способность переносить боль у тренированного и нетренированного человека: первый, кажется, даже не замечает травмы, от которой он пролежал бы несколько недель, если бы не был тренирован. Теперь эти туземцы всегда находятся в том состоянии тела, до которого время от времени доводит себя цивилизованный атлет, и в результате внешние травмы оказывают на них незначительное воздействие.

Еще один и довольно живописный танец описывает мистер Бретт. Это танец араваков, который исполняется следующим образом: двенадцать молодых людей выходят вперед и выстраиваются в параллельные ряды, но вместо кнутов макарри они несут тонкие прутья длиной около двенадцати футов, украшенные полосками шелковой травы, окрашенной в красный цвет, и с маленькими тыквами с камнями на кончиках. Они танцуют взад и вперед, ударяя концами жезлов о землю и соблюдая такт. Время от времени молодые женщины подходят к танцорам, хватают их за руки и танцуют с ними, а затем, когда мужчины бьют по звенящим украшениям из крыльев жуков, которыми украшены их запястья и ноги, женщины ослабляют хватку и бегут назад к своим спутникам, как испуганные олени.

Танец варау описывает тот же миссионер, который был свидетелем танца макарри. "Это была не более чем размеренная серия шагов, сопровождаемая притопыванием, в то время как люди то продвигались вперед, то отступали назад, иногда в одной шеренге, иногда в двух шеренгах лицом друг к другу, закидывая правые руки на плечи соседей справа, а левые - на талию соседей слева, раскачивая свои тела взад и вперед. Время от времени вбегали женщины и, встав между мужчинами, присоединялись к танцу.

"Эффект несколько усиливался монотонным пением в унисон, а также звоном бус и браслетов, сделанных из твердых семян и крыльев жуков. Танец должен был изображать выходы стада кайруни, или кустарниковых свиней, а песнопение представляло собой череду насмешливых и издевательских выражений".

ГЛАВА СXXXIII.

Племена Гвианы - продолжение.

ОДЕЖДА - УКРАШЕНИЯ.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИЗ ПЕРЬЕВ И ИХ СТРУКТУРА - ФАРТУК ИЗ ПЕРЬЕВ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - КИМИСА И КЕЙЮ - СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ГАРМОНИЯ ЦВЕТА - ТЕОРИЯ МИСТЕРА БЕЙНСА - НЕОБЫЧНАЯ ОДЕЖДА. ТЕОРИЯ БЕЙНСА - НЕОБЫЧНАЯ ПОКУПКА - САПУРУ ИЛИ ПОДВЯЗКА КАРИБОВ - КРАСКА И ТАТУИРОВКА - ШАПОЧКА И ФАРТУК - ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ У ТУЗЕМЦЕВ - МАСТЕРСТВО В ЛОВЛЕ РЫБЫ И КАЙМАНОВ - М-Р. ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИСТЕРА УОТЕРТОНА - ХИТРОУМНЫЙ КРЮЧОК - ИГРЫ И СПОРТ - БОРЬБА НА ЩИТАХ - СПУСК НА КАНОЭ - ПЛАВАНИЕ ПО ВОДОПАДУ.

Во время танцев туземцы демонстрируют все свои лучшие украшения из перьев. Два их головных убора показаны на [странице 1238](#). Их основа - циркуль из тонкого темного тростника, нарезанного полосками. Один из них ([рис. 2](#)) сделан из перьев попугаев, красиво переливающихся от темно-синего до ярко-зеленого, и увенчан тремя длинными прямыми алыми перьями из хвоста макаки. Общий эффект от этого красивого головного убора усиливается рядом белых пуховых перьев, которыми он окружен. Этот образец был изготовлен племенем макоуши.

Другой головной убор ([рис. 1](#)) называется Арок, и, хотя он очень красив по цвету, не обладает той красотой формы, которая характерна для другого. Большая часть головного убора ярко-желтая, но по обе стороны от макушки проходят две широкие полосы алого цвета. Перья в этом экземпляре расположены по четыре в глубину.

Читатель может вспомнить, что во многих частях нецивилизованного мира фартуки делаются из шнурков, перекинутых через талию. Этот принцип используется многими африканскими племенами, которые используют ремешки или полоски кожи, а также на некоторых островах Полинезии, где применяются растительные материалы. На [рис. 4](#), стр. 1249, мы видим пример применения того же принципа в тропической Америке, где вместо кожи, травы или коры используются перья. Длина этого фартука составляет один фут девять дюймов, а глубина - один фут три дюйма. Он сделан из перьев, синих у основания и кончика, и алых в середине. Как видно на меньшем рисунке сбоку, перья закреплены на шнурке, скрепляющем фартук на талии, путем складывания пера вдвое и завязывания сложенного конца на шнурке.

Именно в таких случаях, как танцы аравак и варау, описание которых было дано в предыдущей главе, женщины демонстрируют свои лучшие наряды. Как правило, до тех пор, пока в поле зрения нет никого, кроме их собственного народа, они не особенно следят за тем, чтобы носить какую-либо одежду, но с тех пор, как они смешались с белыми людьми, они научились быть более привередливыми. Когда белый чужак приходит в туземное поселение, мужчины и женщины в основном не одеваются, но последние, как только различают цвет кожи своего гостя, бегут в свои дома, чтобы надеть платья.

В тех поселениях, которые находятся вблизи от цивилизации, обычно используется "кимиса", *то есть* нечто вроде юбки, проходящей вокруг талии и подвешенной на веревочке через одно плечо. Эти платья считаются лишь уступкой своеобразным представлениям белого человека, и, хотя их носят, пока он присутствует, снимают, как только он уезжает, и аккуратно убирают до прихода следующего белого гостя.

Однако церемониальной одеждой туземцев является маленький фартук, называемый кейю, или кеу. В настоящее время его делают из бисера, но до появления бисера он был просто из хлопка, украшенный ракушками, крыльями жуков и подобными орнаментами. В моей коллекции есть несколько таких странных фартуков. Самый лучший и замысловатый из них - тот, что представлен на [рис. 5](#), на странице 1249, и был подарен мне Х. Бернау, эсквайром.

Этот прекрасный образец туземного искусства имеет восемь дюймов в длину и четыре в глубину, включая крупные бусины, которые служат бахромой. Он полностью сделан из бусин-"семечек", нанизанных на шелковую нить таким образом, что нить почти не видна. Принцип, по которому действовала мастерица, заключается в том, что она сплела своего рода каркас из перпендикулярных нитей или струн, расположенных ровно на таком расстоянии друг от друга, чтобы между ними можно было поместить две бусины. Таким образом, она регулирует расположение бусин, необходимых для формирования узора, а сами бусины нанизаны на тонкие нити шелка-травы, идущие под прямым углом к остальным.

Цвета - синий, желтый, зеленый и кармин в прозрачных бусинах, мелово-белый и лазурный в непрозрачных, не считая более крупных бусин, используемых для формирования бахромы. Принцип узора - квадрат, стоящий под углом, или "ромб", как его чаще называют. Сначала три ромба выполнены из желтого бисера, по центру желтого проходит линия из зеленого бисера, а по внутреннему и внешнему краю каждого ромба проходит довольно широкая линия из карминового бисера.

Темный узор в центре каждого ромба выполнен из синего бисера, а квадратные узоры в каждом углу ромба - из мелово-белого бисера с центром из лазури. Весь фартук окантован мелово-белым бисером. Бахрома по низу выполнена из тройного ряда гораздо более крупных бусин, одна из которых изображена в полный размер, а на каждом конце каждой бусины - маленький алый цилиндр, похожий на коралл.

Присмотревшись к форме фартука, читатель заметит, что снизу он гораздо шире, чем сверху. Это сделано намеренно. Толстые перпендикулярные нити доходят только до верхних углов, остальные - тонкие нити. Следствием такой структуры является то, что когда фартук держится на двух петлях, его середина остается почти плоской, в то время как два конца ложатся тяжелыми складками.

В расцветке этого фартука есть положительно поразительная смелость, как, например, расположение зеленых бусин рядом с желтыми. Тем не менее, все расположение цветов настолько восхитительно, что, несмотря на яркие оттенки бисера, который имеет самые яркие из возможных синие, желтые, карминные и вермилиновые цвета, они так хорошо гармонируют, что ни в одном случае не кажется, что один оттенок преобладает над другим, или мешает другому.

Несколько лет назад я обсуждал окраску этого самого фартука с мистером Т. Бейнсом, знаменитым путешественником, и спросил, нет ли у него какой-нибудь теории, с помощью которой он мог бы объяснить художественную гармонию цвета, неизменно проявляющуюся в фартуках. Он сказал, что давно думал, что туземцы бессознательно подражают окраске крыльев великолепных бабочек, которых так много в этой стране, и, взяв образцы из своей

коллекции, показал, что то самое сочетание оттенков, которое создает гармонию цвета в бисерном фартуке, можно найти и в крыльях гвианских бабочек. Возможно, великолепное оперение многих гвианских птиц также может послужить подсказкой для местного художника.

Еще один кэйю в моей коллекции сделан из похожих материалов и по тому же принципу, но имеет совершенно другой узор. В этом случае создательница, очевидно, использовала преобладающее количество мелкого белого бисера и сравнительно мало красного, синего и желтого. Соответственно, она сделала тело фартука из белого бисера и оживила его двумя узорами - красным, синим и желтым, которые очень похожи на те, что занимают центр ромба в фартуке, который был только что описан. По форме оба фартука идентичны, но последний гораздо меньше по размеру - всего четыре дюйма в длину и два в глубину.

Третий экземпляр кэйю в моей коллекции гораздо больше, он сделан из крупных бусин и действительно может считаться предметом одежды, а не просто украшением. Его длина составляет тринадцать дюймов на девять в глубину, и, хотя он не обладает такими яркими цветами, как два описанных кейю, все же является красивым предметом костюма. Белые бусины, из которых состоит основа этого фартука, такие же крупные, как обычный горох, так что вся работа гораздо грубее, чем та, что отличает два других фартука. Те, что образуют узор, имеют глубокий гранатовый цвет, настолько темный, что только при особом освещении он кажется черным. Женщина, сделавшая этот фартук, изобретательно подобрала бусины такого размера, что две гранатовые бусины занимают ровно столько же места, сколько одна белая, и точно заполняют промежуток между перпендикулярными нитями каркаса.

Самым примечательным моментом в этом фартуке является узор, который в точности повторяет тот, что встречается на старых образцах и вошел в современный обиход под названием греческого лада. Я видел несколько кейю разных размеров и цветов, сделанных с таким узором. Нижний край фартука выполнен из шести рядов бусин цвета топаза, таких же крупных, как и белые бусины, и украшен бахромой из ворсинок хлопчатобумажных нитей, по одной такой ворсинке закреплено на каждой чередующейся бусине.

Как можно догадаться из описания, бусины, использованные для изготовления фартука, очень тяжелые, все изделие весит почти полтора фунта, так что в данном случае у владельца есть все основания не носить его иначе как по торжественным случаям. Из-за материала, из которого сделаны эти фартуки, ни один из них не демонстрирует всю свою красоту, если не держать его между зрителем и светом.

Один из таких фартуков был приобретен моим другом способом, который показывает, что они считаются скорее украшением, чем одеждой. Он случайно оказался в одном из цивилизованных городов побережья и встретил женщину, на которой был надет кейю удивительной красоты. Он остановил ее и попытался уговорить продать фартук, но все его усилия были тщетны, и ни за какие деньги он не мог его купить. Наконец его осенила блестящая мысль. В кармане у него был один из обычных печатных платков с флагами всех стран, и, как последнее средство, он предложил этот платок в обмен на кейю.

Женщина не смогла устоять перед таким соблазном. Великолепные узоры на платке намного превосходили лучшие образцы местного искусства и могли дать новые идеи на будущее. Поэтому она тут же сняла кейю, отдала ее покупателю и получила взамен платок, который повязала вокруг головы, а затем продолжила свою прогулку с достоинством самой одетой женщины в Гвиане.

Самым странным предметом одежды, который можно найти в Гвиане, несомненно, является карибский сапуру, или подвязка, - украшение, которое может соперничать с сжатой ногой китайской красавицы или осиной талией европейской красавицы как по неудобству, так и по уродству. Пока карибская девушка молода, ее туго перевязывают лентой из ротанга под коленом и еще одной - выше лодыжки. Чтобы придать им декоративный вид, их окрашивают красной краской, но на самом деле это орудия пыток, которые полностью изменяют форму человеческой конечности и превращают ее в простое веретено, более толстое в середине, чем на каждом конце.

Сейчас передо мной несколько фотографических портретов карибских женщин, и вряд ли можно представить себе что-то более отвратительное, чем эффект сапуру. Лишенная своих естественных способностей к удлинению, конечность вынуждена расширять себя, как может, и, как следствие, она вынуждена развиваться в сравнительно узком пространстве между двумя повязками.

Если читатель захочет получить точное представление о ноге карибской красавицы от лодыжки до колена, он легко сможет это сделать. Возьмите обычную палку от метлы длиной восемнадцать дюймов и воткните ее в середину небольшого сыра "Стилтон"; затем обмотайте палку сверху и снизу красной повязкой, украсьте сыр рядом синих пятен, и он получит очень хорошее представление о необычной форме, которую принимает нога карибской женщины.

Женщины неумеренно любят сапуру и так же презрительно относятся к тем, кто ее не носит, как китайские женщины относятся к тем, кто не носит "золотые лилии".

У этих женщин много разнообразных украшений, но мало одежды. Различные ожерелья высоко ценятся среди них, особенно если они сделаны из зубов ягуара и аллигатора, поскольку такие украшения свидетельствуют о доблести их поклонников. Внешний вид карибской женщины в полном облачении не слишком привлекателен. Эти люди низкорослые, толстошеие и неловкие на вид, и в этом отношении женщины намного хуже мужчин. Из десяти портретов нет ни одного, который мог бы сравниться с жительницами юга Африки, изображенными в первой части этой работы. Их короткие шеи увешаны рядами ожерелий, их единственная одежда - узкая полоска голубой ткани, и они сделали все возможное, чтобы стать совершенно отвратительными благодаря отвратительному сапуру.

Затем, чтобы усилить свою привлекательность, они прокалывают нижнюю губу и втыкают в нее одну или несколько булавок, головки которых находятся внутри рта, а острия выступают наружу. Некоторые женщины намазывают все тело и конечности краской аннато, что создает впечатление, будто из каждой поры сочится кровь; читатель может хорошо представить себе вид таких женщин, у которых в губах торчат булавки, грудь покрыта рядами ожерелий, покрасневшие конечности пестрят синими пятнами, а ноги распухли и деформировались от воздействия сапуру.

Мужчины-карибы носят одежду, которая почти полностью повторяет ту, что носят жители Никобарских островов. Это узкий, но очень длинный шарф, сотканный из хлопкового волокна. Пройдя вокруг талии и между ног, он заправляется в пояс, а затем становится таким длинным, что его можно повесить через плечо, как плед горца. Мужчины очень гордятся хорошим поясом и обильно украшают его хлопковыми кисточками, крыльями жуков и другими подобными украшениями.

Из всех гвианских племен варау наименее тщательно относятся к одежде. Даже женщины не носят ничего, кроме треугольного куска коры или похожего по форме предмета одежды,

сделанного из лопатки молодого пальмового листа. Эта лопатка также используется несколькими племенами в качестве головного убора. Чтобы понять структуру этой статьи, читатель должен помнить, что пальма - эндогенное растение, и все ее листья растут из центрального побега. Из этого же места берет начало конический побег, на котором располагаются цветы. На ранних стадиях развития этот побег покрыт мембранной оболочкой, называемой *spathe*, которая лопаается, чтобы дать возможность развиваться заключенному в ней цветоносу. Перед тем как побег достигнет своего полного развития, его отрывают от цветоножки и замачивают в воде на некоторое время, пока все зеленое вещество не разложится и его можно будет отмыть от волокнистого каркаса. Известные скелетные листья готовятся точно таким же образом.

Когда разложение завершено, лопатку тщательно промывают в проточной воде, чтобы удалить всю зеленую массу и оставить только более жесткие волокна. Они переплетаются между собой удивительным образом, становясь очень эластичными и позволяя растягивать ткань в разные стороны без образования между ними промежутков.

В таком состоянии лопаточка коническая, желто-коричневого цвета и необычайно легкая. Один экземпляр, находящийся в моем распоряжении, хотя и достигает двадцати семи дюймов в длину, весит едва ли пол-унции.

Когда туземец хочет превратить лопаточку в шапочку, он складывает открытый конец вдвое, а затем делает глубокую складку в восьми или девяти дюймах от кончика, в результате чего она приобретает форму, показанную [на иллюстрации](#) на странице 1249. Как ни мала фактура этой странной шапочки, она отлично защищает от солнечных лучей, что является единственной целью головного убора в таком климате.

Читатель увидит, что форма, а также легкость лопатки способствуют ее использованию в качестве фартука, а также головного убора. В любом случае, это единственная одежда, о которой заботятся вару; и то ли из-за постоянного воздействия на их кожу, то ли по другим причинам, невысокие, крепкие вару гораздо темнее, чем другие племена - настолько темные, что, как говорят, приближаются к черноте негра. Мистер Бретт считает, что одной из причин такого глубокого оттенка является отсутствие у них чистоты. Это лучшие местные рабочие, которых только можно найти, и, если их удастся убедить избавиться от национальной апатии и честно приступить к работе, они сделают больше, чем любое другое племя. Они также не требуют такой большой зарплаты, как другие туземцы, предпочитая либеральные пайки рома реальному заработку.

Живя, как и гвианские туземцы, в лесах, среди всего богатства животного мира, который в них водится, и завися главным образом от успехов в охоте, они достигают глубокого знания повадок различных животных и проявляют немалое мастерство в их добыче. Они ловят птиц, обезьян и других существ не для того, чтобы убить их, а чтобы приручить в качестве домашних животных, и почти в каждой хижине есть попугай или два попугая, обезьяна или какое-нибудь подобное животное.

Женщины особенно любят маленьких обезьянок и обычно носят их на голове, так что на небольшом расстоянии кажется, будто на них красный или черный головной убор, в зависимости от вида и цвета обезьянки. Они доводят свою любовь к животным до такой степени, что обращаются с ними во всех отношениях, как со своими детьми, даже позволяют им сосать свою грудь по очереди с собственным потомством.

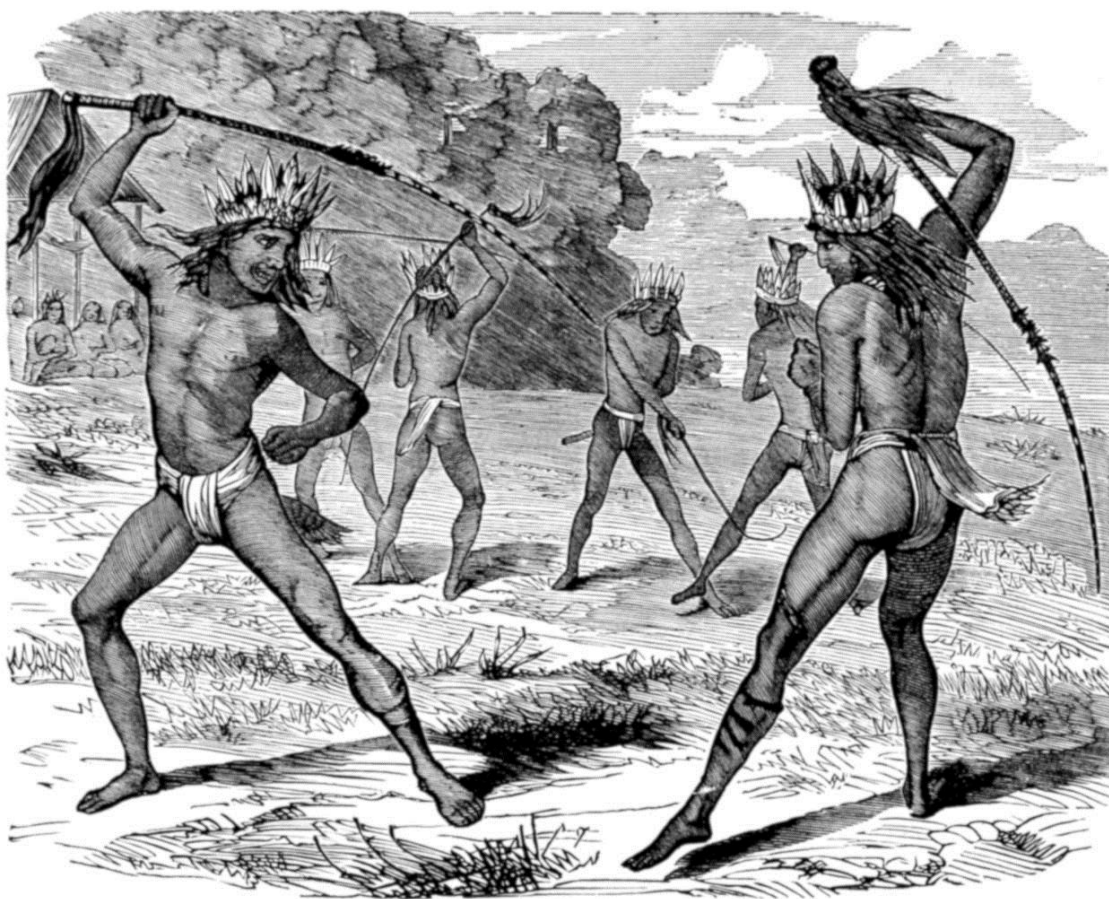
Испытывая сильнейший страх перед ядовитыми змеями, они не боятся неядовитых видов и ловят их без труда. Мистер Бретт видел, как один из них поймал молодую змею кулаканара,

накинув петлю на ее голову с помощью вилообразной палки, а затем вытащил ее и позволил ей обмотаться вокруг его руки. Хотя это был очень молодой экземпляр, всего пять футов или около того в длину, рептилия оказалась настолько сильной, что мужчина вскоре был вынужден попросить кого-нибудь освободить его руку.

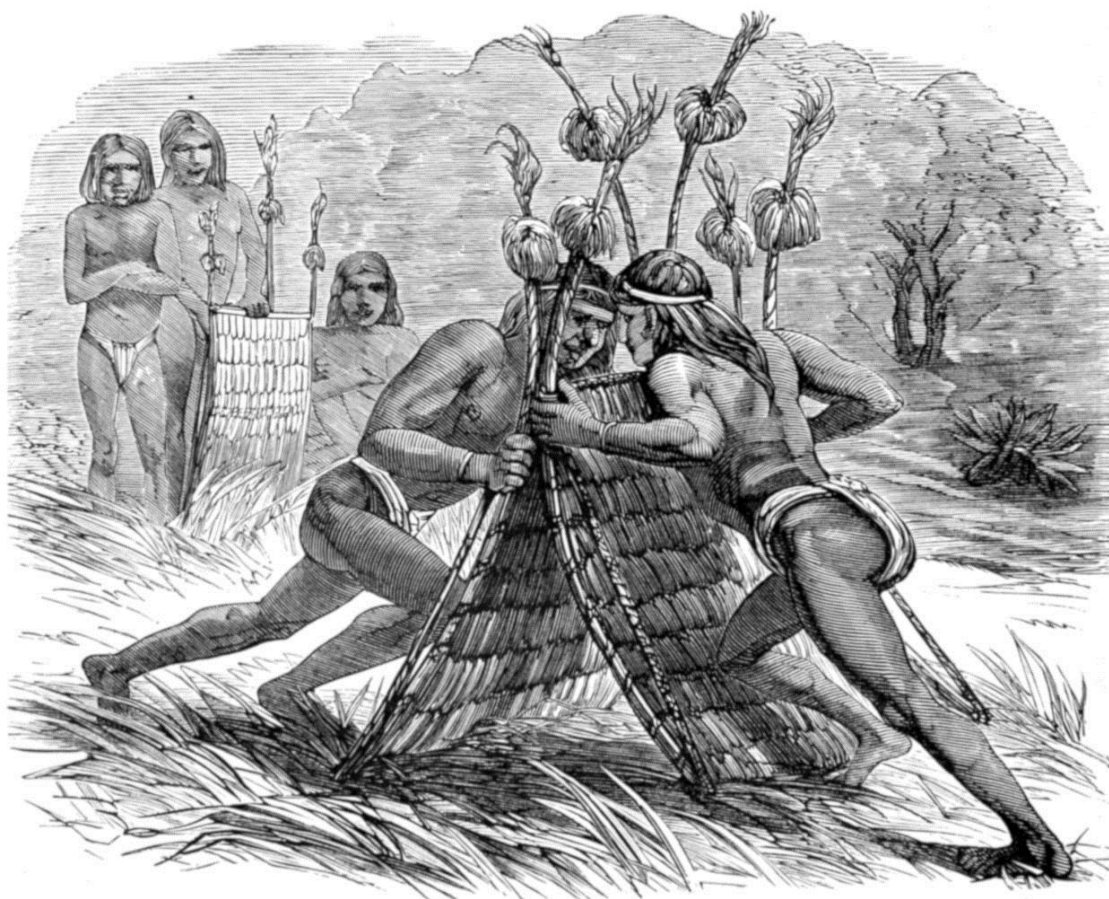
Иногда эта змея вырастает до огромной длины, и, поскольку она очень толстокожая, с ней очень опасно иметь дело. Мистеру Уотертону удалось взять кулаканару длиной в четырнадцать футов после ожесточенной борьбы, о чем он забавно рассказывает в своих "Странствиях". Я видел кожу этой змеи в коллекции, которая в то время украшала Уолтон-холл.

Мастерство этих туземцев хорошо видно на примере их успеха в поимке каймана с помощью крючка. Мистер Уотертон пытался поймать рептилию на акулий крючок, но его усилия были безуспешны: рептилия отказывалась заглатывать наживку, и в конце концов ему удалось снять ее с крючка, хотя он был привязан бечевкой. После нескольких неудач он показал крючок туземцу, который покачал головой и сказал, что он не подходит для этой цели, но что он сделает крючок, который удержит каймана.

Соответственно, на следующий день он вернулся с очень примечательным крюком. Он состоял из четырех кусков твердого дерева длиной около фута, изогнутых и заостренных на концах, которые были слегка колючими. Эти колючки, если их можно так назвать, были привязаны спина к спине вокруг нижнего конца веревки, а узел на веревке не давал ей провалиться сквозь колючки, которые были вынуждены расходиться друг от друга благодаря четырем колышкам, вбитым между ними и веревкой. Так называемый крюк, действительно, был очень похож на фиджийское копьё с четырьмя зубцами, если предположить, что древко отрезали ниже зубцов, в центре отрезанного древка просверлили отверстие, пропустили через него веревку и завязали узлом ниже зубцов. Очевидно, что если такой инструмент ввести в горло кайману, то расходящиеся зубцы не позволят ему выйти обратно, и пока они не сломаются, кайман будет удерживаться.

(1.) ТАНЕЦ МАКАРРИ.
(См. [стр. 1253.](#))

(2.) БОРЬБА НА ЩИТАХ ВАРАУ.

(См. [с. 1261.](#))

Затем этот диковинный крючок отнесли на берег реки и наживили агути. Конец веревки прикрепляли к дереву, а колючий крючок подвешивали в футе от воды с помощью короткой палки, вбитой в берег. Затем туземец взял пустой панцирь черепахи и нанес по нему несколько ударов топором, давая понять кайману, что его еда готова. Результат операции оправдал обещание индейца. Кайман не смог добраться до приманки, не вынырнув из воды и не закрепив ее резким рывком, а сопротивление палки привело к тому, что выступающие колючки вонзились в горло рептилии, когда она упала обратно в воду.

Как каймана вытащили из воды, как мистер Уотертон прыгнул ему на плечи и обездвижил его, схватив за передние лапы и закрутив их на спине, - это уже история. В то время в эту историю не верили, и она вызвала немало шуток; но она совершенно правдива, и возражения против нее давно уже исчезли. Действительно, один из людей мистера Уотертонна, который тогда был еще совсем мальчишкой, в старости служил у одного из моих друзей и подтвердил каждое слово этой истории.

Как можно заключить из природной апатии и лени туземцев, у них мало игр. Они работают лишь время от времени, и большую часть времени проводят в своих гамаках, мало заботясь о состязаниях в ловкости и силе, которые так увлекательны для жителей более прохладного и бодрящего климата. Однако есть одна такая игра, в которую играют варату, уже упоминавшиеся как самые крепкие и сильные из племен. Эта игра хорошо описана мистером Бреттом: "Существует также разновидность борьбы.

"Существует также вид борьбы или испытания силы, практикуемый варату во время попойки, в которой каждый из противников снабжен своего рода щитом (см. [иллюстрацию](#) на стр. 1260), сделанным из легких ветвей ита, разрезанных на равные отрезки и крепко привязанных к раме высотой три или четыре фута, шириной несколько меньше и слегка наклоненной наружу.

"Передняя часть каждого щита раскрашивается в разные цвета и с каким-нибудь особым устройством, в зависимости от фантазии владельца. От его верхнего края отходят упругие стебли, обычно в количестве трех штук, украшенные разноцветными кистями и увенчанные серпантинами из того же материала, что и кнуты макари, и мало чем на них похожие. В целом он имеет живописный вид.

"Каждый чемпион крепко держится за края своего щита обеими руками, и после различных приемов и ужимок, чтобы сбить противника с толку, раздается грохот: один бросается вперед, и его щит ударяется о щит противника. Поединок, как правило, состоит из одних только силовых действий: щит толкается вперед всей силой тела и поддерживается одним коленом, а другая нога вытянута сзади. Иногда одному из игроков удастся оттолкнуть другого от земли или, ловко подставив фланг, повалить его на землю. Чаще они продолжают давить, пыхтеть и бороться, пока не выдохнутся, и тогда поединок прекращается по обоюдному согласию.

"После этого по этикету варату принято издевательски трясти друг над другом щитами, трепетно двигая их упругими украшениями, и издавать очень своеобразный и смехотворно вызывающий звук, чем-то напоминающий хныканье молодой лошади. За этим обычно

следует искренний, добродушный смех, к которому присоединяются и зрители. Затем другая пара делает шаг вперед, чтобы вступить в бой".

Пальма ита, из которой делают щиты варау, будет кратко описана, когда мы перейдем к той особой ветви племени варау, которая живет в жилищах, поднятых над поверхностью воды. Уже упоминалось, что варау славятся совершенством своих каноэ. Они общепризнанно считаются главными строителями каноэ во всей стране, и к ним прибегают другие племена со значительных расстояний. Некоторые из этих каноэ достаточно велики, чтобы вместить пятьдесят человек, так что для их постройки требуется очень большое мастерство без тех инструментов и мер, с помощью которых наши строители лодок следят за правильностью своего ремесла.

Существует несколько форм этих каноэ. Наиболее важной является та, о которой только что шла речь. Оно выдолблено из ствола дерева, и ему придается нужная форма частично с помощью огня, а частично с помощью клиньев и поперечных досок. У самых больших каноэ борта делаются выше за счет узкой доски из мягкого дерева, которая прикрепляется к кильватеру, а шов хорошо заделывается. Каноэ одинаково с обеих сторон: форштевень и корма заострены, изогнуты и хорошо поднимаются из воды. Киля нет, и оно набирает всего несколько дюймов воды. Такая форма была бы очень неудобна на наших реках; но на реках Гвианы, таких как Эссекибо, так много падений и порогов, что каноэ должно быть специально приспособлено для них. Такое каноэ называется куриал, или кориал.

Об опасностях порогов хорошо рассказал мистер Бретт: "Пользуйтесь вихрями, которые возникают у основания огромных скал, прерывающих поток. Индейцы переходят от скалы к скале вброд, прыжками или вплавь, и с помощью буксира тащат лодку по стремительной воде от одного места отдыха к другому, а рулевой тем временем сохраняет свое место, а иногда и привязан к нему, пытаясь своим большим веслом хоть в какой-то степени направлять ее ход. Плещущиеся и пенящиеся воды среди окружающих скал делают эту операцию столь же захватывающей, сколь и трудной. Еще более захватывающей и опасной является задача *спуска* по этим порогам. Безопасность всех зависит от безупречной устойчивости тех, кто находится в каноэ, а также от согласованных и мгновенных действий боцмана и рулевого.

"Каноэ держится в самом центре течения, один из лучших стрелков стоит на коленях, с быстрым взглядом и готовым веслом, на носу, а остальные прилагают все усилия, чтобы дать ему ход. Стремительно проносясь по течению, она достигает края обрыва и, направив вниз, врезается в прибой под ним, отбрасывая его по обе стороны и оставляя видимым только экипаж. Если все в порядке, то, поднявшись над падением, она, повинаясь направляющим веслам на носу и корме, несется над бушующими волнами, а ее взволнованная команда с победным криком ликует от своего успеха".

Иногда даже мастерство туземцев не позволяет преодолеть все трудности, и каноэ терпит крушение, а экипаж едва спасается. Именно при спуске с одного из таких водопадов каноэ мистера Уотертона было сломано и выбросило в Эссекибо драгоценный запас материалов, из которых делают вурали.

Самый простой вид лодки, называемый колонистами "лесной шкурой", представляет собой не что иное, как гибкую кору деревьев с пурпурным сердцем, содранную одним куском, скрепленную посередине, связанную вместе на концах и оставленную до высыхания. Чтобы эти берестяные каноэ не набирали воду на концах, в них плотно вдавливают большой комок глины, чтобы создать барьер против воды. Такой способ заделки обязательно носит временный характер, и "задняя плотина", как ее называют колонисты, рано или поздно будет

смыта, в зависимости от состояния реки. Читатель помнит, что подобное приспособление из глины встречается у австралийских дикарей.

ГЛАВА СXXXIV.

Племена *Гианы* - Заключительная.

РЕЛИГИЯ - ПОГРЕБЕНИЕ.

ВЕРА В ОДНО ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО И МНОЖЕСТВО ПОЛУБОГОВ - КОЛДУН ИЛИ ПИАЙ-МЕН И ЕГО ОБУЧЕНИЕ - СВЯЩЕННАЯ ПОГРЕМУШКА - ОБЯЗАННОСТИ И ПРИВИЛЕГИИ ПИАЙ-МЕНА - ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ И ИЗГНАНИЕ ЗЛОГО ДУХА - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - ВОДЯНАЯ МАМА - ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАСЫ КАРИБОВ - ДИКАЯ ЛЕГЕНДА - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ - ОБИТАЮЩИЕ НА ОЗЕРАХ ВАРАУ - ПАЛЬМА ИТА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ - АЭРИАЛЬНЫЙ ДОМ - ОБИТАТЕЛИ ОЗЕРА МАРАКАЙБО.

В заключение этой истории гвианских племен мы сделаем несколько замечаний об их религии.

Насколько известно об их религиозных представлениях до того, как они смешались с теми, которым их научил белый человек, гвианские туземцы верят в одно верховное божество и огромное количество низших божеств, в основном злых. Считается, что всякая боль вызывается злым духом по имени Яухаху, и, как говорят, это стрела Яухаху.

Поскольку необходимо умиловить этих злых существ, когда опасаются какого-либо бедствия, для связи между своими собратьями и невидимым миром выделяется группа колдунов, называемых пиаи-менами. Чтобы подготовиться к этой задаче, пиаи обязаны пройти через множество странных церемоний под руководством какого-нибудь почтенного профессора этого искусства. Неопита отводят в уединенную хижину и там заставляют поститься несколько дней, прежде чем его дух сможет покинуть тело и принять команды Яухаху.

Для этого варится некоторое количество табака, и настой выпивается претендентом на жреческие почести. Естественным эффектом этой дозы является истощение и без того ослабленного тела и введение получателя в состояние обморока, во время которого его дух, как предполагается, покидает тело и получает поручение от Яухаху. Действительно, он переживает гражданскую смерть, его объявляют мертвым, а его труп выставляют на всеобщее обозрение.

Он очень медленно оправляется от ужасного состояния прострации, в которое его ввергли, и когда, наконец, покидает свою хижину, то изнемогает почти до скелета. В качестве знака должности ему торжественно вручают маракку, или священную погремушку. Это не что иное, как полый калабаш, около восьми дюймов в диаметре, с палкой, пропущенной через него, и несколькими белыми камнями внутри, чтобы при встряхивании издавать дребезжащий звук. Калабаш выкрашен в красный цвет, а к палкам обычно подвешивают несколько перьев. Он достигает двух футов в длину и украшен алыми и синими перьями. Эти погремушки вызывают глубочайшее почтение у непосвященных, которые не решаются к ним прикоснуться и даже остерегаются заходить в дом, где висит маракка. Вследствие ценности этих инструментов туземцев с трудом удается убедить расстаться с ними, и те немногие, что были отправлены в

Англию, почти в каждом случае были получены от колдунов, обращенных в христианство и, в доказательство своей искренности, отказавшихся от эмблем своего ордена.

Человек-пияй вызывается почти на все случаи жизни, так что его магическая погремушка почти не отдыхает. Он присутствует на каждом пиршестве пиварри, когда украшает себя перьями, шкурами змей и другими подобными украшениями и трясет погремушкой над чашей, прежде чем выпить ее содержимое.

В первую очередь он нужен во время болезни, когда считается, что с помощью своей погремушки он может отогнать злого духа, чье проклятие вызвало недуг. Когда мужчину *piái* вызывают на случай болезни, он отправляет всех женщин и даже держит мужчин на почтительном расстоянии. Затем начинаются упражнения, которые продолжаются часами, песнопения, обращенные к злему духу, сопровождаются различными погремушками, пока в глубине ночи Яухаху не проявляется перед колдуном и не говорит ему, как извлечь "стрелу", которую он направил на больного. Разумеется, колдун должен сам изготовить стрелу, для чего нужно пососать больное место и извлечь изо рта маленький камешек, птичий коготь, змеиный клык или что-то подобное.

Если читатель обратится к [иллюстрации № 5](#) на странице 1265, он увидит очень сложную и довольно элегантную погремушку. Полая тыква составляет часть погремушки, но она очень маленькая и зависит от серии из трех обручей, которые нанизаны на крылья жука. Шум, который издает этот простой инструмент, поистине удивителен, а малейшее движение струны, за которую он держится, заставляет все крылья биться друг о друга. Этот интересный предмет был привезен из Гвианы Г. Бернау, эсквайром.

Даже принимая маракку и погремушку из крыльев жука в качестве музыкальных инструментов, мы видим, что у гвианских аборигенов мало разнообразия в музыке. Единственные инструменты, которые действительно достойны этого названия, - трубы или флейты, сделанные из различных материалов. Один из таких инструментов находится в моей коллекции. Он сделан из всегда полезного бамбука и включает в себя одно междоузлие, *то есть* пространство между двумя узлами.

Мундштук узкий и продолговатый, а изготовитель обладал достаточными знаниями о звуке, чтобы вырезать большую зазубренную часть из середины инструмента. Владелец, похоже, очень дорожил этой флейтой, поскольку покрыл ее искусными узорами. В нее дуют, как в нашу флейту, и звук, который она издает, громкий, полный, но, если музыкальный, то меланхоличный, и очень похож на плач, который издают, дуя в горлышко бутылки с газированной водой. Длина этой флейты составляет четырнадцать дюймов.

Туземцы также делают флейту из кости ноги ягуара, которая очень ценится, поскольку добыча ягуара имеет среди них очень высокую ценность. [Одна из таких флейт](#) показана на следующей странице. Когда-то карибы использовали для этой цели человеческие кости, но в настоящее время довольствуются костями ягуара, как одинаково свидетельствующими о храбрости и мастерстве.

Вернемся к суевериям гвианских туземцев. Одно из существ, которого они больше всего боятся, - водяная мамаша, или Ореху. Это несчастное существо обитает в воде и время от времени проявляет себя, хотя и в разных формах, иногда даже принимая облик лошади, но чаще - манати. Ореху - женский дух, обычно, хотя и не всегда, злобный, и, когда она в дурном настроении, склонна подплывать близко к каноэ и утаскивать их и их экипажи под воду.

Легенды, которые рассказывают различные племена о своем происхождении, очень любопытны, поскольку демонстрируют большое сходство с легендами других частей света, с которыми у них не могло быть географической связи. Например, легенда о том, что земля погрузилась под воду из-за непослушания некоторых ее жителей и была вновь заселена несколькими людьми, которые были помещены в безопасное место, пока воды не утихли.

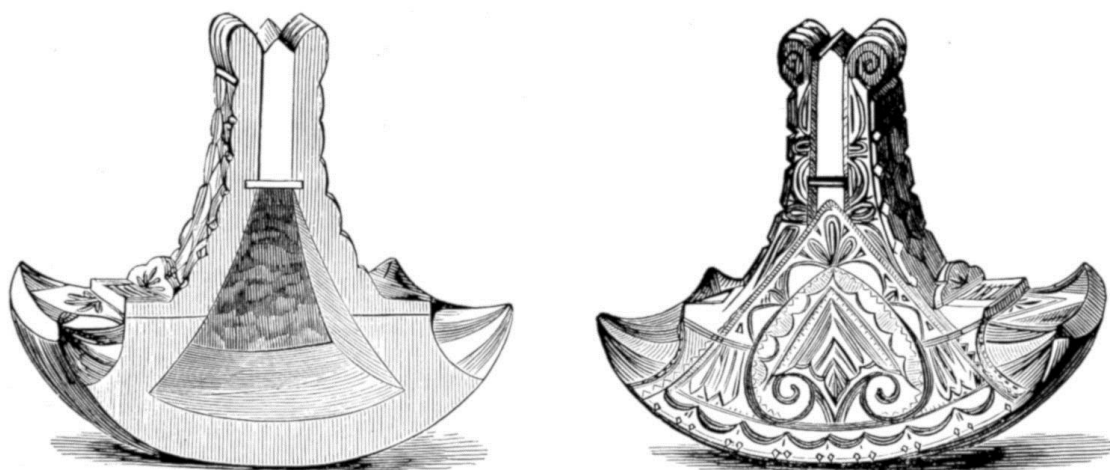
Одну из самых странных легенд рассказывает мистер Бретт. Она касается происхождения племен варау и карибов.

Изначально варау жили в стране над небом, где у них было все, что только можно пожелать. Однажды молодой охотник пустил стрелу в воздух, а когда пришел на ее поиски, обнаружил глубокую дыру, через которую она упала. Посмотрев вниз через отверстие, он увидел, что под ним открылся другой мир, и его охватило любопытство посетить его. Тогда он смастерил себе лестницу из ротанга, который в изобилии растет в верхнем мире, где он жил, и спустился в нижний мир.

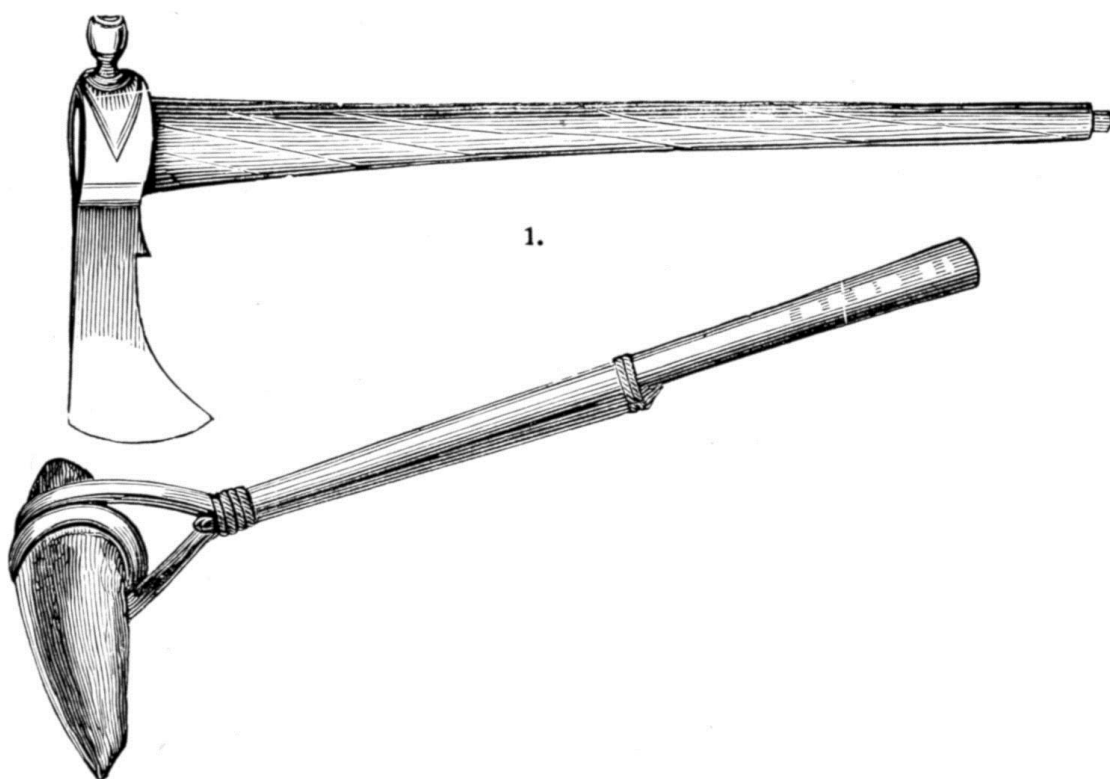
Здесь он пробыл некоторое время, лакомясь плотью неизвестных ему доселе животных. Через некоторое время он с большим трудом поднялся по лестнице и рассказал своим друзьям о чудесах, которые он видел. Пораженные его рассказом и желая отведать описанных им роскошеств, все его друзья решили посетить эти диковинные края. Поэтому они благополучно спустились по лестнице, за исключением последнего из них, очень толстого человека, который, пытаясь протиснуться в отверстие, закрепился в нем и не смог выбраться, тем самым перекрыв всякое сообщение между двумя мирами.

Им не оставалось ничего другого, как извлечь выгоду из неудачного дела и прежде всего обратиться к Великому Духу с просьбой послать им немного воды. Он внял их мольбам, создал Эссекибо, Демерару и другие реки, а для особого пользования вараусов сделал небольшое озеро с чистой водой, из которого они должны были пить, но в котором им запрещалось купаться.

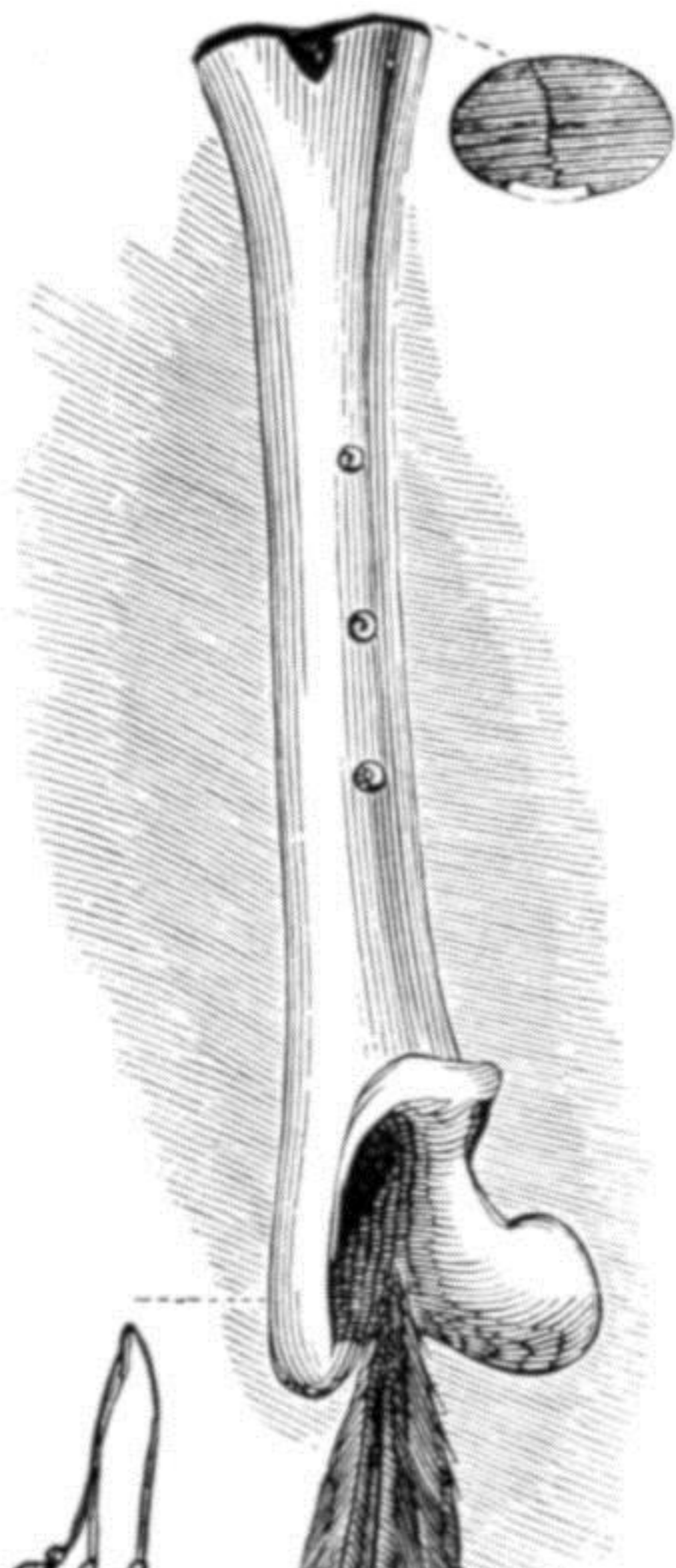
Так случилось, что в семье варау было четыре брата и две сестры, последние были красивыми, но своенравными девами. Они восстали против запрета, окунулись в озеро, подплыли к столбу, установленному посреди него, и стали его трясти. Главным гением озера был дух-мужчина, которого держали в плену до тех пор, пока шест был нетронут, но стоило ему пошатнуться, как чары разрушались, и дух озера набрасывался на провинившуюся девицу и уносил ее. Через некоторое время он позволил ей вернуться к своим друзьям, но негодование ее братьев было очень велико, когда они узнали, что их сестра скоро станет матерью, и они решили убить ребенка, когда он родится. Однако он был точно таким же, как и все остальные дети варау, и поэтому они позволили ему жить.

(1.) МЕКСИКАНСКИЕ СТРЕМЕНА.
(См. [стр. 1272.](#))

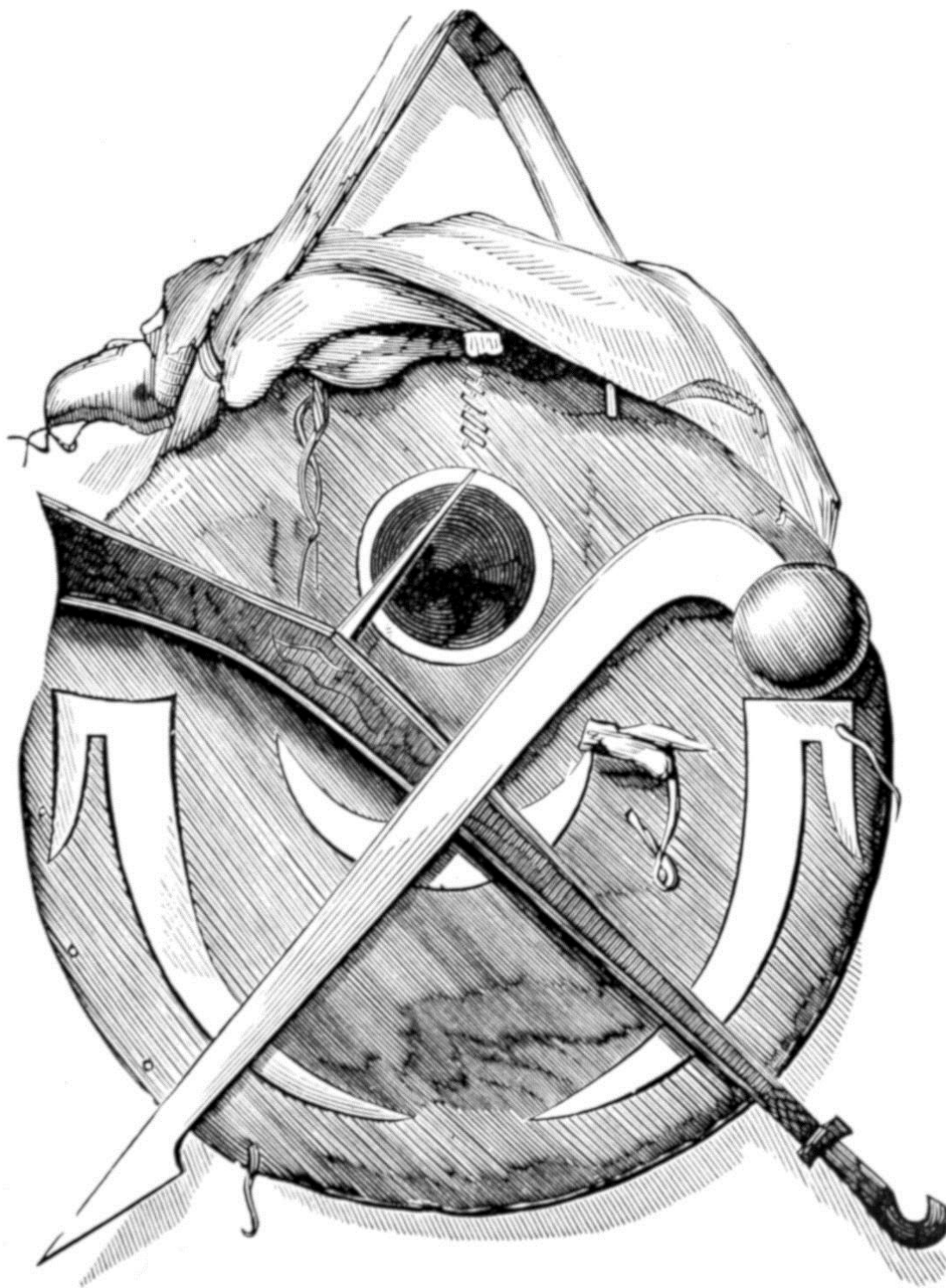

(2.) ЖЕЛЕЗНЫЕ И КАМЕННЫЕ ТОМАГАВКИ.
(См. [стр. 1285.](#))

ДРУГОЙ ВИД
OF
ОРНАМЕНТ

(3.) ФЛЕЙТА ИЗ КОСТИ ЯГУАРА.
(См. [стр. 1264.](#))

(4.) ЩИТ И БУЛАВЫ.
(См. [стр. 1282.](#))

(5.) ГРОХОТ.

(См. [стр. 1264.](#))

Хотя девушка жила среди своих друзей, она не могла забыть своего странного возлюбленного и снова ушла к нему. Родился второй ребенок, но на этот раз верхние части тела были как у ребенка, а нижние превратились в водяную змею. Мать, испугавшись появления своего отпрыска, унесла его в лес и лелеяла, но его обнаружили ее братья, пронзили стрелами и оставили умирать. Однако ее внимание вернуло его к жизни, и он вырос до грозных размеров. Братья посовещались, наконец окружили его, осыпали стрелами и, чтобы убедиться в его смерти, разрубили на куски.

"Несчастливая Коробона аккуратно собрала останки в кучу, которую постоянно укрывала свежими листьями и охраняла с нежным усердием. После долгих наблюдений ее терпение было вознаграждено. Растительный покров начал колыхаться и подавать признаки жизни. Из него медленно появился индейский воин величественного и ужасного вида. Его цвет был ярко-красным, в руках он держал лук и стрелы, а в остальном был снаряжен для мгновенной битвы.

"Этот воин был первым Карибом, великим отцом могущественной расы. Он сразу же приступил к делу мести за обиды, причиненные ему в прежние времена. Ни его дяди, ни вся раса варау, которую они созвали, не смогли устоять перед ним. Он гнал их туда-сюда, как оленей, овладевал теми их женщинами, которые ему нравились, и через них становился отцом таких же храбрых и грозных воинов, как он сам. От их присутствия несчастные Варау ушли, пока не достигли болотистых берегов Атлантики, оставив те приятные охотничьи угодья, которые они занимали, когда впервые спустились с небес".

Варау удивительно изобретательны в отношении легенд; у них есть одна, которая достойна внимания хотя бы потому, что в ней все знания белых людей приписываются происхождению варау. Это легенда об Аборе. "Давным-давно" жил очень плохо воспитанный дух женского пола по имени Ваута, который обычно предпочитал форму лягушки, но превратился в женщину, чтобы украсть очень красивого мальчика по имени Аборе. В облике женщины она проникла в дом матери Аборе, которую уговорила оставить ребенка на ее попечение. Не успела она остаться с Аборе наедине, как стала тянуть и растягивать его до такой степени, что за несколько часов он вырос настолько, насколько вырос бы за несколько лет, так что мать отказалась от него по возвращении.

Повзрослев, Аборе стал рабом своего похитителя, которого он принимал за свою мать, пока его не обманул дружелюбный дух, встретившийся ему в лесу. Испробовав несколько планов побега и потерпев в них неудачу, он решил сделать каноэ из воска. В этом ему помогло пристрастие Вовты к меду, на поиски которого несчастный аборе тратил почти все свое время. Ваута с восторгом принимала гребни, а так как после поедания меда она их выбрасывала, Аборе откладывал воск в сторону, пока у него не накопилось достаточно для каноэ.

Как только он собрал достаточное количество воска, Аборе позвал свою хозяйку посмотреть на дуплистое дерево, заполненное пчелиными сотами. Она забралась в дерево, чтобы полакомиться медом, и была заключена в темницу хитрым Аборе, который заделал отверстие, чтобы колдунья не могла выбраться, нагрузил свое каноэ провизией и отправился в путь к убежищу. Он плыл далеко, пока не попал в незнакомую страну, где люди были белыми, голыми, необразованными и совершенно варварскими. Он научил их элементам

цивилизации, показал, как ковать железо, и приобщил их к искусствам и наукам, которыми так славился белый человек.

В той далекой стране он живет до сих пор и, помня о нуждах своих соотечественников, постоянно присылает им корабли с вещами, в которых они больше всего нуждаются. Но из-за недобросовестности тех, к кому они попадают, бедные варау вынуждены платить за все, что он присылает. Мораль, вытекающая из этой легенды, заключается в том, что все белые люди, посещающие варау, должны компенсировать нечестность своих соотечественников и давать им столько бус, ножей и оружия, сколько смогут раздобыть.

Когда мистер Бретт впервые услышал эту историю, он подумал, что это просто гениальная выдумка, придуманная с целью неограниченного попрошайничества, тем более что рассказчик попросил рубашку, как только закончил рассказ, а затем перешел к просьбе о целом ряде других предметов. Однако, расспросив разных туземцев, он обнаружил, что легенда действительно является национальной, а не просто выдумкой изобретательного туземца.

Очевидно, что следует провести различие между двумя частями легенды. Первая часть, содержащая приключения Аборе, очевидно, древняя, а вторая - столь же очевидно современная, и появилась она после прихода белых людей в Гвиану.

В вопросах избавления от мертвых есть небольшие различия. Способ, который был наиболее распространен до того, как миссионеры ввели среди них христианское погребение, был следующим: Тело помещали в сеть и топили в реке, где вся плоть быстро съедалась с костей пираями и другими прожорливыми рыбами. Если покойник был выдающейся личностью, скелет извлекали из воды, высушивали, красили в красный цвет и подвешивали под крышей дома.

В пятой книге Геродота, глава xv., приводится следующий отрывок, который долгое время считался простой выдумкой историка. После перечисления различных народов, которые покорил Мегабаз, он упоминает, что персидский монарх также пытался покорить "тех, кто живет на Прасийском озере в жилищах, устроенных таким образом.

"Посреди озера, с узким входом с материка по единственному мосту, установлены доски, закрепленные на высоких сваях. Эти сваи, поддерживающие настилы, все граждане издревле ставили там за общий счет; но потом они установили закон следующего содержания: "Когда мужчина женится, для каждой жены он топит три сваи, принося дрова с горы, называемой Орбелус", но у каждого мужчины есть несколько жен".

"Живут они следующим образом. У каждого мужчины есть хижина на досках, в которой он живет, с дверью-ловушкой, плотно пригнанной в досках и ведущей вниз к озеру. Маленьких детей они привязывают веревкой вокруг ног, опасаясь, как бы они не упали в озеро внизу. Своим лошадям и бременным животным они дают на корм рыбу, которой здесь такое изобилие, что, открыв люк, человек спускает пустую корзину на веревке в озеро и, подождав немного, вытаскивает ее полную рыбы".

В этих словах старый историк с любопытной точностью описывает образ жизни, принятый некоторыми ветвями варау и карибов. Они были подробно описаны Гумбольдтом в его "Личном рассказе". Большой участок суши, образующий дельту реки Ориноко, обладает некоторыми весьма примечательными характеристиками. Здесь всегда влажно, но в течение нескольких месяцев в году она полностью затоплена, река поднимается на удивительную высоту и покрывает водой территорию, почти вдвое меньшую, чем Англия. Казалось бы, это

самое неподходящее место для обитания человека, однако вараусы (или гуараносы, как пишет это слово Гумбольдт) обосновались здесь и предпочитают его любой другой местности, вероятно, потому, что их странный образ жизни позволяет им вести свободное существование.

Ориноко сильно различается по высоте, на которую она поднимается, в некоторых местах превышая пятьдесят футов, но имеет свойство подниматься из года в год на одну и ту же высоту в одном и том же месте, так что когда делается отметка, обозначающая высоту, на которую поднялась вода в один год, эта же отметка будет отвечать из года в год с едва ли малейшим отклонением. Очевидно, что в таком месте, где почва в сухой сезон представляет собой лишь ил, а во влажный находится на сорок или пятьдесят футов под водой, может обитать только очень своеобразная растительность. Это пальма Itá (произносится Eetáh), принадлежащая к роду *Mauritia*, растение, которое, как и африканские мангры, требует много тепла и влаги для своего полного развития. Местное название этого дерева - муричи.

Прежде чем продолжить, необходимо дать краткое описание пальмы ита, иначе читатель не поймет, в каких особых условиях живут эти водные обитатели. В полный рост она напоминает высокий цилиндрический столб, от крайней верхушки которого расходятся веером десять или двенадцать огромных листьев. Ширина каждого листа составляет около десяти футов, а опирается он на огромный стебель длиной около двенадцати футов, похожий скорее на ветку, чем на стебель с листьями. Действительно, полный лист - это тяжелый груз для человека. Через регулярные промежутки времени целый веер листьев опадает и сменяется другим, и дерево прибавляет в высоте с каждой сменой листьев, пока высота стебля не достигнет почти ста футов, а окружность - пятнадцати.

Мириады и мириады этих чудесных деревьев растут среди вод дельты Ориноко, иногда сгруппированные в сплошные растительные массы, иногда разбросанные, а иногда выстроенные в хитроумные аллеи, в соответствии с извилинами мутных каналов, которые даже в сухое время года пересекают эту страну. Независимо от того, сгруппирована она или разбросана, ита процветает в этой дельте настолько, что только опытные каноисты могут передвигаться на своих барках среди высоких стеблей, а узкие и извилистые каналы, образующие естественные пути, полностью уничтожены сточными водами. Любой чужак, попытавшийся пробраться в этот водный лес без помощи местного проводника, вскоре затерялся бы среди армий пальм ита и погиб бы от голода. Однако именно это дерево обеспечивает варау из Ориноко не только всем необходимым, но и роскошью, и если бы все племя было отрезано от материка, они могли бы прокормить себя без малейшего труда: пальма ита обеспечивала бы дом, еду, питье, одежду и мебель.

Во-первых, что касается дома. Варау не требуют для дома ничего, кроме пола и крыши. В [примере](#) на странице 1244 пол обеспечивается землей, но очевидно, что в доме, построенном в местности, где земля в течение многих месяцев находится на глубине тридцати или сорока футов под поверхностью воды, необходимо искусственное покрытие. Поэтому архитектор Варау строит свой дом следующим образом.

Выбирает четыре дерева ита, растущих рядом друг с другом в форме квадрата, и, срубив все промежуточные деревья, использует их в качестве угловых столбов своего дома. По меткам, оставленным на стволах, он знает, на какую высоту поднимется вода, и примерно на три фута выше этой отметки строит пол, прорезая в стволе глубокие выемки. В эти выемки укладываются балки, сделанные из стеблей срубленных пальм ита, и крепко фиксируются на своих местах веревками из волокна ита.

На эти балки укладывается множество поперечин, иногда из расщепленных стволов, но обычно это не что иное, как уже упоминавшиеся гигантские стебли листьев, которые после высыхания становятся очень легкими, прочными и эластичными. Эти поперечины крепко связываются между собой и составляют основную часть пола. На них укладывается слой пальмовых листьев, а на листья - толстый слой грязи, которая вскоре высыхает под тропическим солнцем и образует гладкий, твердый и прочный пол, который выдержит огонь без риска повредить деревянную конструкцию внизу. На высоте десяти или двенадцати футов над полом варау сооружает крышу из пальмовых листьев, углы которой поддерживаются теми же деревьями, что и дом, и на этом основные труды туземного архитектора заканчиваются. [На иллюстрации](#) на странице 1244 показан пейзаж дельты Ориноко и архитектура этих озерных жителей. Вот так выглядит дом, построенный из пальмы ита.

Пища поставляется ей в различных формах. Во-первых, это плоды, которые, когда созревают, размером с обычное яблоко, многие сотни которых развиваются на одной ветке этого дерева. Далее, ствол дерева и его содержимое. Если его расщепить в продольном направлении в тот момент, когда цветочная ветвь вот-вот лопнет от обволакивающей ее лопаточки, внутри обнаружится большое количество мягкого, похожего на косточку вещества. Его обрабатывают так же, как маниоку, и получают хлеб под названием юрума.

Питье также получают из пальмы ита. Из ствола вытекает сок, который, как и сок магуэа или большого американского алоэ, можно сбраживать, и тогда он становится опьяняющим по качеству. Другой вид напитка получают из плодов ита, которые сшибают, бросают в воду и оставляют бродить на некоторое время. Когда брожение проходит в достаточной степени, напиток процеживают через сито, сделанное из волокна ита, и он готов к употреблению.

Небольшое количество одежды, необходимой варау, также получают из ита: мембрану молодого листа срывают и ткut из нее простую ткань.

Из этого же дерева варау получают всю свою мебель. Луки, стрелы и копья делаются из его листовых стеблей, каноэ, на котором он рыбачит, - из полого ствола ита, а лески и сети - из того же дерева, как и веревка, из которой сделан гамак. То, что одно единственное дерево способно обеспечить все потребности целой популяции, тем более необычно, что в прежние времена у варау не было железных инструментов, и нелегко найти дерево, которое одновременно обеспечивало бы все необходимое для жизни и было бы такого характера, чтобы его можно было обрабатывать грубыми каменными орудиями, которыми варау пользовались до того, как получили железо от белых людей.

Можно легко представить, что варау, населяющие этот странный регион, находятся на более низкой ступени цивилизации, чем те, кто живет на суше, и, говоря словами Гумбольдта, "на самых низких ступенях развития человека мы находим существование целой расы, зависящей почти от одного дерева, как некоторые насекомые, которые приурочены к определенным участкам цветка".

Вараусы - не единственные озерные обитатели Южной Америки. На крайнем севере этой половины континента есть провинция, получившая свое название от образа жизни, принятого дикарским племенем, обитающим на водах озера. На северо-западном побережье Венесуэлы есть большой залив, называемый заливом Маракайбо; это название дали ему испанские первооткрыватели в честь туземного вождя, которого они встретили на его берегах. Рядом с заливом, отделенное от него лишь узким проливом, находится огромное пресноводное озеро, питаемое потоками, стекающими с гор, которые его окружают. По

форме это озеро можно сравнить с еврейской арфой с довольно вытянутым горлышком, а глубина его воды меняется самым удивительным образом.

С боков дно озера почти незаметно понижается на большое расстояние, так что на расстоянии двух или трех миль от берега человек мог бы идти, держа голову над поверхностью. Внезапно, без малейшего предупреждения, дно озера погружается на почти непостижимую глубину, так что, хотя человек может быть погружен едва ли выше пояса, один шаг погружает его в воду на такую глубину, что самый высокий шпиль, когда-либо построенный, погружается далеко под поверхность.

На поверхности этого озера обитает множество людей, и даже в наши дни, когда число жителей значительно сократилось, на его водах расположено не менее четырех больших деревень, а также множество отдельных жилищ, образовавшихся в различных заливах, окаймляющих его берега.

Причина, по которой они покинули сушу и перебрались на воду, весьма любопытна и может быть выражена одним словом - москиты. Эти крошечные, но очень надоедливые насекомые тучами снуют по краю озера, причем одни виды летают ночью, а другие - днем, так что ни в один час нет ни малейшей передышки от их атак. К счастью, они нуждаются в защите роскошной растительности, окаймляющей берег озера, и, не будучи очень выносливыми крыльями, вынуждены отдыхать в перерывах своего полета. Поэтому они держатся у берега и не решаются удаляться на большое расстояние над водой. Зная эту особенность насекомого, туземцы умудряются избегать их, устраивая свои жилища за пределами дальности полета комара.

При строительстве этих диковинных жилищ озерный житель Маракайбо вынужден применять большее мастерство в архитектуре, чем это требуется вараусу из дельты Ориноко. В этой илистой дельте, образованной аллювием, смытым рекой, в изобилии растут пальмы ита, которые образуют естественные опоры для дома; но озеро Маракайбо не предоставляет такой помощи, и поэтому местный архитектор вынужден вбивать сваи в дно озера, чтобы поднять пол над уровнем воды.

Очевидно, что эти сваи должны быть сделаны из дерева, которое не погибнет под действием воды, и на берегу озера растет дерево, которое дает именно такую древесину, которая требуется. Это одно из многочисленных железных деревьев, научное название которого - *Guaiacum arboreum*. Это великолепное дерево, достигающее в высоту ста футов или около того, а его древесина настолько тверда, что из нее можно сделать острие топора. Туземцы, однако, умудряются валить эти деревья, разрезать их на куски нужной длины и прочно вбивать в дно озера, где они становятся еще прочнее от погружения в воду, покрываясь с годами известковым налетом, из-за которого они выглядят так, как будто их действительно превратили в камень.

На эти сваи укладываются поперечные балки и доски из более легкого дерева, а когда к ним добавляется прочная крыша и легкие стены, дом становится законченным. Все части дома скрепляются между собой зеленым сипо, который при высыхании сжимается и скрепляет различные части, как железные полосы.

Как уже говорилось, несколько таких домов собираются в деревни. Когда испанцы впервые вошли в залив Маракайбо и увидели озеро, они были поражены этими жилищами и назвали это место Венесуэла - то есть Маленькая Венеция, - название, которое с тех пор распространилось на всю большую провинцию, известную сейчас под этим названием.

Именно на этом озере система ловли уток на тыкву достигла наибольшего совершенства. В его водах водится огромное количество уток, но они стесняются человека и не позволяют ему приблизиться к ним. Однако туземцы умудряются ловить их вручную, даже не применяя силки. Они берут несколько больших тыкв, выскребая из них внутренности и пускают по озеру. Поначалу пугливые птицы боятся тыкв и избегают их, но через некоторое время они привыкают к ним и позволяют им свободно плавать среди своих рядов.

Тогда индеец берет такую же тыкву и надевает ее себе на голову, предварительно прорезав в ней пару отверстий, через которые он может видеть. Он тихо спускается в воду и направляется к уткам, стараясь, чтобы все его тело оставалось погруженным в воду. Как только он оказывается среди них, он хватается ближайшую утку за ноги, рывком опускает ее под воду и привязывает к своему поясу, где она вскоре тонет. Затем он перебирается к другой утке и, если у него опытная рука, поймает столько, сколько сможет унести, и при этом не потревожит оставшихся в живых.

ГЛАВА СXXXV. МЕКСИКА. ИСТОРИЯ-РЕЛИГИЯ-ИСКУССТВО.

МЕКСИКА КАК ОНА ЕСТЬ И БЫЛА ДО ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ - ПОЧЕМУ ИМПЕРИЯ ПОТЕРПЕЛА КРАХ - ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РАССКАЗЫ О ДРЕВНИХ МЕКСИКАНЦАХ - РУИНЫ ИХ ПОСТРОЕК - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - ЖЕРТВЕННЫЙ НОЖ - МЕКСИКАНСКОЕ ИСКУССТВО - МОЗАИЧНЫЕ РАБОТЫ И РИСУНКИ ИЗ ПЕРЬЕВ - ВОЗМОЖНОСТИ СТРАНЫ.

Прежде чем перейти к племенам Северной Америки, необходимо кратко рассказать о Мексике.

В настоящее время эта страна обладает своеобразной цивилизацией, которая не представляет собой ничего интересного. Ее населяет в основном смешанный народ: потомки испанских завоевателей заключили союзы с туземцами и таким образом произвели гибридную расу, которая постоянно отходит от белых родителей и принимает все более аборигенный тип.

Неудача в создании мексиканской империи была полностью обусловлена расовым вопросом. Те жители, которые были либо чистыми белыми, либо в которых преобладала белая кровь, естественно, желали иметь правителя из своего рода, считая, что империя - это единственный способ цивилизовать землю и положить конец постоянным гражданским войнам и смене династий, которые мешали самой плодородной и плодovитой земле полностью раскрыть свои возможности. Но в основной массе народа преобладала индейская кровь, и поэтому империя, основанная на принципах европейской цивилизации, была для них так же непримирима, как и правление индейского касика в Европе. Такую империю можно было удержать только силой оружия, и как только штык был убран, империя пала. Однако мы должны ограничиться рассмотрением Мексики, какой она была до того, как испанцы уничтожили ее цивилизацию и разрушили ее историю.

Рассказы о древней Мексике вызывают глубокое недоумение. Если бы повествованиям испанских завоевателей можно было безоговорочно доверять, то не было бы ничего проще, чем свести их в последовательную историю. Но совершенно точно, что эти рассказы были

сильно преувеличены, а реальность сильно уступала романтическим сказкам испанских завоевателей.

Ниже приводится краткое изложение рассказов испанцев. Столица располагалась на острове посреди большого озера. В ней насчитывалось двадцать тысяч домов, отличавшихся большим величием. В центре находился дворец императора, построенный из мрамора и яшмы и отличавшийся огромными размерами. Он был украшен фонтанами, ваннами и статуями, а стены были покрыты картинами из перьев. Не только во дворце, но и в домах касиков находились зверинцы, наполненные всеми животными страны, а также музеи различных природных диковинок.

Одной из величайших красот Мексики была большая площадь, ежедневно заполняемая купцами, которые приходили покупать и продавать различные произведения искусства из золота, серебра и перьев, которыми славились мексиканцы. Между городом и границами озера постоянно проплывали сто тысяч каноэ; помимо этого способа передвижения на озере были построены три огромных дамбы. Столица была не единственным городом на воде, ведь на том же озере было построено более пятидесяти крупных городов и множество деревень.

Одежда вельмож была самой роскошной, а их лица украшались золотом и драгоценными камнями в изобилии. Их сокровищницы были наполнены драгоценными металлами, и золота в Мексике было так же много, как меди в Европе.

В том, что эти утверждения были сильно преувеличены, сомневаться не приходится, но они не были чистыми выдумками и имели под собой определенную основу. Например, архитектура древних мексиканцев отличалась циклопическим размахом, о чем свидетельствуют руины, которые сегодня являются почти единственным памятником исчезнувшей системы цивилизации. Существует сильное сходство между архитектурой Мексики и Египта, не только в ее массивности, но и в частом использовании пирамиды.

У одной из таких пирамид стороны ровно в два раза длиннее, чем у большой пирамиды Египта. Это великая пирамида-башня Чолула, которая имела восемь этажей, каждый из которых образовывал платформу, на которой покоилась та, что находилась выше, так что она очень напоминала храм Белуса, описанный Геродотом. Внутреннее пространство этих пирамидальных сооружений было пронизано камерами, галереями и лестничными пролетами, вероятно, это были жилища жрецов, которые обслуживали храмы и совершали ужасные человеческие жертвоприношения, составлявшие важную часть их религиозной системы. Виадуки, пересекавшие глубокие долины, мосты и дороги, остатки которых сохранились до сих пор, свидетельствуют об исчезнувшей цивилизации мексиканцев или, как считают некоторые этнологи, о расе, которая им предшествовала.

Образцы художественного мастерства древних мексиканцев можно увидеть в великолепной коллекции Кристи. Например, один из жертвенных ножей, которым жрецы вскрывали грудь человеческой жертвы, чтобы вырвать сердце и принести его в жертву кровожадному божеству храма. Лезвие этого инструмента - обсидиан, а рукоять - изумительное произведение мозаичной работы, выполненное из лазурита, рубина и других драгоценных камней. Есть и маски из аналогичных материалов, одна из которых представляет собой жуткую имитацию человеческого черепа.

Мастерство работы с перьями сохранилось до сих пор, и даже в наши дни из перьев жужжащих птиц делают настолько изысканные картины, что на небольшом расстоянии они кажутся восхитительными образцами эмали.

Мужество древних мексиканцев было очень велико. Они противопоставили свою обнаженную грудь облаченным в кольчуги захватчикам, а свое сравнительно слабое оружие - страшным огнестрельным орудиям. Даже лошадь, которая поначалу внушала им ужас как сверхъестественное существо, вскоре перестала быть предметом страха, и есть история о том, что они захватили лошадь в бою, поселили ее в храме и обращались с ней как с богом, кормя ее изысканно одетыми цыплятами и подобными блюдами, пока бедное животное не умерло от голода посреди изобилия.

Поведение ацтеков, уничтоживших своего некогда почитаемого императора Монтесуму за то, что он уступил испанцам, и спокойная выдержка его воинственного преемника Гуатемозина, когда его растянули на огненной дыбе, - достаточные примеры мужества, которым обладали мексиканцы, когда в страну пришел Кортес.

Настоящее процветание Мексики еще впереди. В стране, плодородной многими ценными продуктами, есть все возможности для их выращивания, например, крупный рогатый скот и лошади, которые, будучи импортированы из Европы, размножились удивительным образом и могут в скором времени снабдить пол-Европы дешевой пищей, шкурами и ношами.

Жизнь насекомых почти так же ценна, как и жизнь высших и крупных животных. Насекомое кохинья размножается в огромных количествах, и, как бы ни была велика торговля этим ценным насекомым, она может быть расширена почти до бесконечности. Разведение насекомого не требует никаких хлопот, никакого риска и почти никакого капитала. Оно питается колючей грушей - растением, которое пышно разрастается, стоит только воткнуть лист в землю.

Оно настолько пышное, что всадники вынуждены использовать своеобразные стремяна, чтобы не изрешетить ноги игольчатыми шипами, которыми покрыты растение, листья и плоды. Одно из этих любопытных стремян показано [на иллюстрации № 1](#), стр. 1265, срисованной с моих собственных образцов, привезенных из Мексики сэром Ф. Ветереллом.

Оно вырезано из цельного куска дерева и поэтому очень тяжелое. В задней части стремяна прорезано отверстие, в которое нога просовывается почти наполовину. Благодаря размеру и весу этого диковинного приспособления, колючие груши отодвигаются, когда всадник проезжает среди них, и таким образом стопа и лодыжка защищены от тонких, но грозных шипов, которыми они вооружены. Иногда стремя используется и в качестве грубой и готовой чаши для питья. Передняя часть орудия покрыта смелыми и изящными узорами, эффект которых часто усиливается с помощью цвета. На моем экземпляре они окрашены в синий, алый и черный цвета.

Что касается растительных продуктов Мексики, то их слишком много, чтобы перечислять, но основными из них являются индиго, шоколад и ваниль.

Кроме того, Мексика столь же богата минералами, как и животными, а в руках энергичного и трудолюбивого народа добыча меди, железа, золота, серебра и других металлов может быть увеличена почти до бесконечности. Во всех этих производствах требуется сравнительно мало труда. Природа почти безвозмездно дает те привилегии, которые в других странах невозможно получить без затрат времени, труда и денег.

Прошлая цивилизация Мексики исчезла, чтобы никогда не вернуться. Ее настоящее - сравнительный провал. Будущее еще предстоит увидеть, но оно может даже затмить исчезнувшую славу прошлого, если им будут руководить те, кто понимает эпоху, страну и расу.

ГЛАВА СXXXVI. СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ. ПРАВИТЕЛЬСТВО-ТАМОЖНЯ.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЛЕМЕНАХ - ИХ ЦВЕТ И ЧЕРТЫ ЛИЦА - ОПИСАНИЕ ВОЖДЯ ВОРОНА У КАТЛИНА - ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ У МУЖЧИН - СЕРЕБРЯНЫЕ ВОЛОСЫ У ПЛЕМЕНИ МАНДАН - УПРАВЛЕНИЕ ПЛЕМЕНАМИ - НАСЛЕДСТВЕННЫЕ И ВЫБОРНЫЕ ВОЖДИ - ИХ ОГРАНИЧЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ - ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА - КОСТЮМ ДЛЯ ЗАПИСИ ДЕЯНИЙ - СКАЛЬП-ЛОК, РАСПИСНЫЕ ХАЛАТЫ И КОГТИСТЫЕ ВОРОТНИКИ - СОХРАНЕНИЕ ШКУР - ПЕРЬЕВЫЕ ПЛЮМАЖИ - РОГА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ - ИНДЕЙСКИЕ ДЕНДИ - ОЦЕНКА, КОТОРОЙ ОНИ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ - ПОРТРЕТИСТ В НЕДОУМЕНИИ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ХАЛАТЫ ИЗ КОЖИ БИЗОНА - ВАМПУМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Уже упоминалось, что, за исключением прибрежных районов, Америка населена от крайнего юга до крайнего севера одной и той же расой.

Различные племена, на которые делится эта раса, естественно, различаются в зависимости от местности и климата места, которое они населяют. Например, те, кто живет в вечных снегах и льдах крайнего севера или юга, естественно, отличаются по манерам и обычаям от тех, кто обитает в тропическом центре Америки. Затем, даже в схожем климате, есть очень определенные изменения в зависимости от местности. Например, жители гор существенно отличаются от жителей равнин, а племена, живущие в лесах, - от тех и других.

Тем не менее все они являются представителями одной и той же великой расы, и будь то эскимосы на севере, амазонки в тропиках или патагонцы на крайнем юге, все они демонстрируют одни и те же расовые признаки.

Цвет кожи - глубокий медно-красный, скулы выдаются вперед, нос в основном аквилонский, лоб довольно покатый, а глаза маленькие, что объясняется постоянным пребыванием на солнце и дымной атмосферой хижин. Борода очень скудная, и даже те немногие волосы, которые появляются, тщательно удаляются пинцетом. Иногда старик, небрежно относящийся к своему внешнему виду, позволяет бороде расти, но в этом случае она очень скудная, тонкая и никогда не достигает большой длины.

Волосы на голове сильно контрастируют с волосами на лице, они очень длинные и тонкие, в некоторых племенах достигают почти невероятной длины. Племя воронов отличается необычайным развитием волос, которые у некоторых воинов при ходьбе стелются по земле. Они так гордятся этой особенностью, что в 1833 году их вождь получил и имя Длинноволосый, и должность благодаря своим чудесным локонам. Волосы этого человека были тщательно измерены белыми путешественниками, которые жили в его домике несколько месяцев подряд, и оказалось, что их длина составляет десять футов семь дюймов.

Он не позволял им висеть во всю длину, за исключением торжественных случаев, но хранил их, тщательно обмотав широким кожаным ремешком и собрав в пучок весом в несколько фунтов. Обычно этот пучок носили под мышкой или в груди халата, но в торжественных случаях волосы распускали на всю длину, тщательно разглаживали медвежьим жиром и позволяли им стелиться по земле в нескольких футах позади владельца, когда он гордо вышагивал по дороге.

У некоторых других племен, например у блэкфитов (названных так из-за темных мокасин, которые они носят), очень длинные волосы, которыми очень гордятся, а те, чьи локоны не дотягивают до эталона красоты, имеют привычку прикреплять к своим локонам накладные волосы.

Манданы, о которых мы еще услышим в ходе этого повествования, сиу и минатарей - все они отличаются этой особенностью, хотя никто из них не обладает ею в таком изобилии, как вороны. Когда мистер Кэтлин жил среди минатареев, к ним в гости пришла партия воронов, которые вызвали восхищение хозяев своей роскошной шерстью. Один из них обладал столь живописной внешностью, что художник-путешественник сразу же перенес его на холст, а гравер воспроизвел [эскиз](#) для читателя на 1284-й странице. Ниже приводится рассказ мистера Кэтлина об этом великолепном образце североамериканского индейца

"Кажется, я уже говорил, что ни одна часть человеческой расы не может представить более живописное и захватывающее зрелище верхом на лошади, чем группа воронов, наряженных во все свои плюмажи и атрибуты, гарцующих и кричащих в том, что они называют военным парадом, *то есть* в своего рода турнире или мнимом бою, быстро проходя через эволюции боя и хвастаясь замечательным характером своих военных подвигов. Это развлечение, которое они очень любят, и к этим периодическим представлениям неизменно делаются большие приготовления.

"Ни одно племя индейцев на континенте не способно лучше произвести приятный и захватывающий эффект в этих сценах, не более тщеславно и, следовательно, лучше подготовлено к тому, чтобы извлечь из них удовольствие и удовлетворение, чем вороны. Их можно по праву назвать самыми красиво одетыми из всех индейцев в этих краях, и, привезя с подножия Скалистых гор прекрасную и энергичную породу диких лошадей, они смогли произвести большой фурор среди минатареев, которые уже несколько дней оказывают им всяческое внимание и почести.

"Из числа этих красавцев, которые развлекали нас и радовали своими необыкновенными подвигами, я выбрал одного из самых заметных и перенес его и его коня, с оружием и амуницией, так точно, как только мог, на холст, для сведения всего мира, который узнает из линий и красок гораздо больше, чем из устных или письменных обрисовок.

"Я изобразил его таким, каким он предстал передо мной: балансирующим на своем скачущем диком коне, со щитом и колчаном на спине, с длинным копьем, украшенным орлиными перьями, в правой руке. Его рубашка, гамаша и мокасины были из шкур горных козлов, прекрасно выделанных; по швам они были украшены множеством скальпов, снятых с голов его врагов, убитых в бою. Его длинные волосы, доходившие почти до земли, когда он стоял на ногах, теперь были подняты в воздух и черными волнами плавали по бедрам его скачущего всадника. На голове, поверх блестящих черных локонов, он носил великолепный гребень, или головной убор, из перьев боевого орла и горностаевых шкурок, а на голове его коня - другой, не менее красивый и точно такой же по рисунку и материалу.

"К этим украшениям добавилось еще множество других, которые придавали ему живописный вид, и среди них - прекрасная сетка разных цветов, которая полностью покрывала и почти скрывала голову и шею лошади, простиралась по ее спине и бедрам, заканчиваясь самым экстравагантным и великолепным крупером, украшенным и окаймленным рядами прекрасных раковин и перьев дикобраза разных цветов.

"Со всеми этими живописными украшениями и атрибутами на нем и вокруг него, с благородной фигурой и смелой печатью дикого *джентльмена* на лице, дополненной яростью и духом его дикого коня, в такт прыжкам которого он издавал свои поразительные, хотя и придушенные крики, когда он грациозно наклонялся то в одну, то в другую сторону, оставляя свой плюмаж и свое оперение, свои длинные локоны и свои бахромы развеиваться на ветру, он скакал галопом; и испытывал огромное удовольствие, демонстрируя необыкновенное мастерство, которое целая жизнь практики и экспериментов дала ему в прекрасном искусстве езды и управления лошадью, а также демонстрируя с пользой для себя свое оружие и украшения одежды, придавая им грацию движения, когда они развеивались в воздухе и развеивались на ветру."

Хотя волосы обычно черные, иногда они приобретают различные цвета, и наиболее примечательна эта особенность у племени мандан. У некоторых из них, даже совсем юных, волосы ярко-серебристые или даже белые. Мужчины не любят такие волосы у своего пола, а когда они появляются, стараются замаскировать их обильным использованием красной или черной земли, смешанной с клеем. Женщины же, напротив, очень гордятся такими волосами и используют любую возможность продемонстрировать их красоту. Обычно женщины носят волосы в двух косах, которые ниспадают по спине на каждую сторону головы; но когда они хотят предстать в наилучшем виде, то быстро расплетают их, пропускают пальцы через них на манер гребня и распускают как можно шире по плечам. Они всегда разделяют их посередине и заполняют линию пробора красной краской.

Серебристо-серые волосы отличаются своей грубостью, в этом отношении они похожи на гриву лошади, в то время как темно-окрашенные волосы довольно мягкие. Среди манданов встречаются почти все оттенки волос: белые, коричневые и черные, но в них никогда нет ни малейшего оттенка рыжего.

Манданы имеют любопытную привычку разделять свои длинные волосы на плоские локоны шириной в два дюйма или около того и заполнять каждый локон с интервалом в дюйм лазурью и клеем, чтобы сохранить их отдельными. Эти пятна клея и земли становятся очень твердыми и никогда не удаляются. Волосы, обработанные таким образом, туго стягивают на макушке и позволяют им спадать по спине параллельными локонами, которые в основном доходят до колен, а в некоторых случаях и до земли.

Управление этими племенами во всем схоже. Во главе каждого племени стоит вождь, должность которого обычно, но не всегда, передается по наследству. Если старший сын вождя обладает достаточной квалификацией для этой должности, он получает право принять руководство, когда его отец умирает или становится слишком стар для работы. Если племя недовольно им, оно избирает вождя из числа субвождей. Часто существует двойная система управления: назначаются два вождя с равной властью, один из которых решает все военные вопросы, а другой занимается внутренней политикой.

Часто бывает так, что, хотя номинально правителем является главный вождь племени, занимающий первое место, реальная власть принадлежит второму или третьему вождю, который оказывает своему начальнику все положенные по должности почести, но практически является вождем и командующим племенем. Именно так обстояли дела у

манданов, когда их посетил мистер Кэтлин. Главный вождь, хотя и был человеком способным и мужественным, а потому уважаемым и боящимся людей, отнюдь не был любим ими из-за своего надменного и властного поведения. Настоящим вождем племени был второй вождь по имени Мах-то-то-па, *то есть* "Четыре медведя". Это имя он получил от восклицания врага, который сказал, что он надвигается на них "как четыре медведя". О некоторых приключениях этого необычного человека будет рассказано на следующих страницах.

Как бы ни была велика власть вождя, она гораздо более ограничена, чем та, которой пользуются вожди африканских племен. Американский вождь не властен ни над жизнью, ни над конечностями, ни над свободой. Он играет ведущую роль в совете, и если преступник предстает перед советниками, его голос имеет большой вес, но не более того. Если он является военным вождем, то не может заставить ни одного человека идти за ним в бой, равно как и наказать одного из своих последователей за дезертирство. Любой из воинов, даже самый младший, может следовать за своим вождем или дезертировать по своему усмотрению. Главным препятствием против дезертирства является презрение, с которым воина обязательно будут воспринимать, если он покинет вождя, достойного своего поста.

Вожди, как правило, не имеют никаких преимуществ перед другими членами племени в плане богатства. Вождь быстро потеряет популярность, от которой зависит его влияние, если будет накапливать богатства для себя. В силу своей должности он имеет более просторный дом или палатку, чем остальные члены племени, и, как правило, у него несколько жен. Но зачастую он на самом деле беднее большинства воинов, считая себя обязанным по чести распределять между племенем добычу, которую он берет на войне. Многие вожди даже одеваются хуже, чем подчиненные им воины, чтобы не вызывать зависти, и надевают свой великолепный офисный наряд только по большим поводам.

Вопрос одежды действительно очень важен. Как бы ни различалась она у разных племен, есть общий характер, который проходит через все.

Все мужчины без исключения носят скучное платье, очень похожее на уже описанную "черипу", но гораздо меньшего размера. В бою или на охоте, а также во всех случаях, когда требуется напряжение, он довольствуется этой единственной одеждой; но когда он развлекается дома, он надевает свой полный костюм. Он носит пару леггинсов, доходящих до бедер и опускающихся до лодыжек, а иногда и выходящих за них. Эти штаны украшены маленькими бубенчиками, кусочками меха или другими подобными украшениями; а если владелец - успешный воин, он окаймляет их по бокам пучками волос, снятыми с головы убитого врага.

У него также есть свободный плащ, спускающийся до колен и украшенный аналогичным образом перьями или скальпами, и, когда его владелец совершает какой-либо выдающийся подвиг, он делает грубую роспись этого события. Это служит той же цели, что и Крест Виктории у нас. Хотя его вручает сам человек, он не менее ценен. Ни один человек не осмелится изобразить на своем одеянии доблесть, которую он не совершал, так как другие воины бросят ему вызов, чтобы доказать свое право на награду, и, если он не сможет этого сделать, то будет презираем ими до глубины души. Вождь Мах-то-то-па изобразил на своем одеянии ряд событий, в которых он собственной рукой убил не менее четырнадцати врагов. Иногда, когда племя использует кожаные хижины или вигвамы, воины также рисуют свои приключения на стенах жилища.

По схожему обычаю шрамы и раны, полученные на войне, замазывают алой краской, а если человеку удалось убить медведя гризли, он имеет право носить его шкуру, когти и зубы. Обычно когти нанизывают на ожерелья и браслеты, а из шкуры делают халаты. Иногда шкуру

одевают, не удаляя когтей, и носят ее так, чтобы когти были хорошо видны. Из-за чрезвычайной свирепости, силы и хитрости медведя убийство одного из этих животных приравнивается к убийству воина, а ожерелье из когтей является таким же почетным украшением, как и скальп. Некоторые из самых отважных охотников убили несколько этих животных, и для них является делом чести появляться в торжественных случаях со всеми своими трофеями, так что им приходится проявлять немалую изобретательность и демонстрировать около сорока огромных когтей на своих лицах достаточно заметным образом.

Вся одежда североамериканских индейцев сделана из кожи, в основном оленьей, и в выделке ее туземцы не знают себе равных, умудряясь делать кожу, которая мягкая, как шелк, почти белая и которую можно мочить и сушить сколько угодно раз, не становясь при этом жесткой.

Сначала шкуру промывают в крепком щелоке, приготовленном из древесной золы и воды, чтобы ослабить волосяной покров, который затем соскабливают. Затем шкуру плотно растягивают на земле на раме или с помощью нескольких деревянных колышков, крепко вбитых в землю. В таком положении она остается несколько дней, при этом мозги животного густо намазываются и втираются в нее. Затем тупой нож, сделанный из лопатки бизона, тщательно скребет шкуру, а кожевник сильно надавливает на него и счищает все части шкуры.

Процесс, с помощью которого шкура становится способной противостоять воздействию воды, еще предстоит пройти. В земле проделывается отверстие, и в него закладывается много гнилой древесины, чтобы при поджигании она долго тлела и давала дым, но не пламя. Вокруг ямы втыкают несколько палок, которые затем связывают вместе в верхней части, чтобы получился каркас своеобразной палатки. Затем дерево поджигают, шкуры помещают в палатку, а поверх палок наматывают другие шкуры, тщательно скрепленные между собой, чтобы дым не выходил наружу. Шкуры оставляют на несколько дней в дыму, и по истечении этого времени они приобретают то особое качество, которое было описано. Всеми процессами занимаются женщины, поскольку ручной труд ниже достоинства мужчины и воина.

Головной убор североамериканского индейца заслуживает отдельного внимания. Как бы ни были разнообразны способы укладки волос, ни один воин никогда не носит короткие волосы. Таким образом он получает нечестное преимущество перед противником. Когда воин убит или даже полностью искалечен, успешный противник имеет право снять с него скальп, а короткая прическа сильно мешает ему в этом. Кроме того, он лишится почетного трофея, которым он имеет право украшать свою одежду. Поэтому для воина носить короткие волосы было бы молчаливым признанием того, что он боится потерять свой скальп, и поэтому все мужчины всегда оставляют хотя бы один локон волос на макушке головы.

Процесс снятия скальпа будет описан позже, когда мы будем говорить о войне.

Великий вождь всегда носит, в дополнение к обычному головному убору воина, плюмаж из орлиных перьев, с помощью которого он становится как можно более заметным, чтобы врагу было нетрудно его узнать. Форма плюмажа варьируется в зависимости от племен. Воронов можно увидеть [на иллюстрации](#) на странице 1284. У манданов он [представлен](#) на следующей странице. Он сделан из длинной полоски горноста, к которой прикреплены перья боевого орла, чтобы образовать гребень, начинающийся на затылке и спускающийся к ногам. Эти перья настолько ценны, что идеальный хвост боевого орла считается достоинством первоклассной лошади.

В данном случае из головного убора видны два рога. Это украшение встречается очень редко и присуждается вождю и советом только самым выдающимся воинам. Даже главный вождь может носить их только по решению совета, а в случае с манданами их носил второй вождь, в то время как главный вождь не имел на это права.

Их может носить даже храбрец, хотя он и не имеет ранга вождя.

Они сделаны из рогов бизона, разделенных в продольном направлении, выскобленных, как бумага, и отполированных. Они свободно крепятся у основания, так что их можно откидывать назад или вперед движением головы, и придают удивительное оживление действиям носителя, когда он говорит.

Этот замысловатый головной убор носят очень редко и только по особым государственным случаям, таким как общественные праздники, военные парады или визиты других вождей. В бою владелец всегда надевает головной убор, бросая вызов врагу. Есть веские причины для того, чтобы не всегда носить это платье. Я носил платье, которое раньше носил Мах-то-то-па, и нашел его жарким, тяжелым и неудобным.

В качестве контраста к одежде знатного воина можно привести одежду простого щеголя, которых можно встретить в каждом племени. Они всегда отличаются элегантностью лица и женственностью натуры, испытывая величайший страх перед опасностью и избегая в равной степени медведя, бизона и вооруженного врага. Поэтому они не могут украшать себя оперением боевого орла, каждое перо которого означает воина, убитого его собственной рукой. Они также не могут украшать свои шеи когтями медведя гризли, свои одежды - скальпами и рисунками, а свои тела - алыми полосами, свидетельствующими о почетных ранах, полученных в бою.

ВОЖДЬ МАНДАНОВ МАХ-ТО-ТО-ПА С ЖЕНОЙ.
(См. с. [1276](#), [1286](#), [1287](#).)

Такие украшения сразу же срывают с них возмущенные воины племени, и они вынуждены довольствоваться шкурами горных козлов, ланей и горностаев, лебединым пухом, перьями дикобраза и другими подобными вещами - все это красивее, чем мрачные орлиные перья, медвежьи когти и скальпы, которыми отмечены храбрецы.

Они проводят всю жизнь в безделье и даже не участвуют в атлетических играх, которыми очень увлекаются американцы, а посвящают все свои силы украшению своего лица. Они по четыре-пять часов занимаются своими туалетами, придирчиво следят за каждым волоском бровей и пробуют у зеркала эффект от различных выражений лица.

Проведя за этим занятием все утро, они выезжают на своих лошадях, садятся на белые и мягкие седла, красиво украшенные перьями дикобраза и горноста, и час или два расхаживают по деревне, демонстрируя свои красивые лица с наилучшей стороны. Затем они проносятся верхом на лошадях к месту, где молодые воины занимаются атлетическими упражнениями, и наблюдают за ними в течение часа или двух, размахивая при этом своими веерами из индюшачьих хвостов. Утомившись, они возвращаются домой, распрягают лошадей, подкрепляются, выкуривают трубку и засыпают.

Воины, как обнаружил мистер Кэтлин, совершенно презирают этих людей. Ему очень хотелось сделать портрет одного из этих людей: "Пока я рисовал, я не мог понять, что это такое.

"Пока я рисовал, день за днем перед моей дверью постоянно появлялись два или три этих болвана, разодетые во все свои наряды, не получая иной информации, кроме той, что они могли обнаружить через швы и щели моей хижины. Вожди, как я заметил, проходили мимо них, не замечая и, разумеется, не приглашая войти; и они, казалось, изо дня в день появлялись у моей двери в своих лучших платьях и лучших позах, словно в надежде, что я выберу их в качестве моделей для своих полотен. Это было вполне естественно, ведь их костюмы и внешность были гораздо красивее, чем все остальное, что можно было увидеть в деревне.

"Мои планы были разработаны, и однажды, когда я перебрал всех главных мужчин, готовых сесть за картину, и в моей комнате сидели два или три вождя, я подошел к двери и потрепал одного из них по плечу, который понял намек, явно довольный и восхищенный тем, что я обратил внимание на него и его красивое платье. Читатели, вы не можете себе представить, какое выражение благодарности появилось на лице этого бедняги и как радостно и гордо забилося его сердце при мысли о том, что я избрал его для бессмертия наряду с вождями и достойными людьми, чьи портреты он видел по всей комнате; и за эту честь он, несомненно, считал себя хорошо оплаченным за две или три недели постоянных покрасок, смазываний, одеваний и стояния попеременно то на одной, то на другой ноге у дверей моего помещения.

"Что ж, я поставил его перед собой, холст на мольберт и нарисовал его мелом во весь рост. Он был поистине прекрасным объектом для кисти, и я был полон энтузиазма.

"Его одежда с головы до ног была сделана из кожи горного козла, выделанной так аккуратно, что она была почти такой же мягкой и белой, как кантонский крап. По низу и по бокам оно было отделано горностаем, а дикобразные перья красивой окраски украшали его на сто частей. Его длинные волосы, рассыпанные по спине и плечам, доходили почти до земли, были зачесаны назад и разделены на лбу, как у женщины. Он был высок и прекрасен, а легкость и грация в его движениях были достойны лучшей касты. В левой руке он держал красивую трубку, правой обмахивался веером, а на запястье у него висели хлыст из лосиного рога и мухобойка из хвоста бизона. В нем не было ничего ужасного и ничего, что могло бы шокировать самый тонкий и целомудренный ум".

К сожалению, портрет так и не был сделан, потому что вожди были так оскорблены тем, что столь презренное существо ставят на один уровень с собой, когда его рисуют, что покинули хижину в гневном молчании и послали сообщение, что, если мистер Кэтлин напишет портрет столь никчемного человека, он должен уничтожить все портреты вождей и воинов. Это послание было передано и несносному человеку, который сразу же уступил, вышел из хижины и занял свое прежнее место у двери, как будто ничего не произошло, чтобы нарушить его спокойствие.

На ногах американские индейцы носят мокасины, *то есть* обувь из мягкой кожи, подошва которой не толще верхней части. Для европейца хождение в мокасинах поначалу очень утомительно из-за привычки выворачивать пальцы ног. Однако когда белый человек научится ходить, как туземцы, с вывернутыми пальцами, он вскоре обнаружит, что мокасины лучше сохраняют ноги, чем европейская обувь с ее толстой и почти негнущейся подошвой.

Женская одежда сделана из тех же материалов, что и мужская, и отличается, прежде всего, большей длиной, достигающей почти до щиколотки. Как правило, оно расшито различными узорами из цветных перьев дикобраза, как и леггинсы и мокасины. Женщины любят татуировать себя и создают синие и красные узоры с помощью древесного угля и вермильона, втираемых в проколы. Представители обоих полов одеты в большие халаты из бизоньих шкур, внутренняя сторона которых часто расписана любопытными узорами. На одной из таких мантий, хранящейся в коллекции мистера Кэтлина, в центре была изображена сложнейшая фигура солнца, вокруг которой располагались фигуры людей и животных, демонстрируя доблесть владельца как в войне, так и на охоте.

Бусы и подобные украшения, полученные от белых людей, очень модны; но задолго до того, как в Америке появились стеклянные или фарфоровые бусы, у туземцев было украшение собственного производства. Это знаменитый вампум, изделие, которое сейчас почти исчезло. Его делают из пресноводных раковин, которые находят на берегах озер и ручьев. Толстая часть раковины разрезается на цилиндры длиной около дюйма, а затем просверливается в продольном направлении, подобно "горнушкам", которые носят европейские дамы. Действительно, когда раковина, как это чаще всего бывает, белая, кусок вампума выглядит почти так же, как фрагмент глиняного стержня табачной трубки.

Вампум либо нанизывают как бусы и носят на шее, либо делают из него военные пояса для талии. Он отвечает нескольким целям. Прежде всего, он, как и африканские каури, служит заменителем денег: определенное количество ширины ладони составляет фиксированную стоимость лошади, оружия или халата. Он также является эмблемой мира, когда один вождь преподносит его другому, и, когда война между двумя враждебными племенами прекращается, пояс из вампума преподносится в знак того, что между двумя племенами заключен мир.

Особой красоты в вампуме нет. Если читатель разломает стебель табачной трубки на кусочки длиной в дюйм и нанижет их на нитку, у него получится очень хорошая имитация ожерелья из вампума. Единственная ценность этого ожерелья заключается в затраченном на него труде; а поскольку белые люди ввезли в страну тонны имитации вампума из фарфора, который выглядит гораздо лучше настоящего изделия, а стоит едва ли одну сотую часть от его стоимости, настоящий вампум настолько полностью исчез среди многих племен, что если кто-то из туземцев захочет увидеть нитку вампума, ему придется отправиться для этого в музей.

ГЛАВА СXXXVII. СЕВЕРНОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДИЙЦЫ - Продолжение. ВОЕННОЕ ОРУЖИЕ.

БОЕВОЙ ХАРАКТЕР ПЛЕМЕН - ИХ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ БОЯ - ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ И
ОБРАЩЕНИЕ ЗА ДОБРОВОЛЬЦАМИ - ОРУЖИЕ - ПРОСТАЯ И ШИПОВАННАЯ ДУБИНА - ЩИТ, И

ХИТРОУМНЫЙ СПОСОБ ЕГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ДЛИННОЕ КОПЬЕ - ЛУК И ЕГО УСТРОЙСТВО - СПОСОБ СТРЕЛЬБЫ - КАМЕННЫЙ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ТОМАГАВКИ - НОЖ ДЛЯ СНЯТИЯ СКАЛЬПОВ - СПОСОБ СНЯТИЯ СКАЛЬПОВ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАМКОВ - ТАНЕЦ СО СКАЛЬПАМИ - ПОДВИГИ МАХ-ТО-ТО-ПА - МНИМЫЕ СРАЖЕНИЯ МАЛЬЧИКОВ - ПЫТКИ ПЛЕННЫХ - ДВА ЧУДЕСНЫХ ПОБЕГА - КАК СРАЖАЮТСЯ КАМАНЧИ - КУРЯЩИЕ ЛОШАДИ.

Североамериканские индейцы - по сути своей воинственный народ, измеряющий свое уважение к человеку почти исключительно его поведением в бою и количеством убитых им врагов.

Сама конституция племен, не позволяющая вождю принуждать своих последователей к повиновению, как это делается в цивилизованных армиях, полностью исключает возможность таких военных маневров, как те, что применяются в цивилизованных странах, где тела людей управляются по приказу одного человека. Вождь может лишь отдавать общие приказы, а его последователи должны выполнять их так, как удобно каждому. Следовательно, война среди этих племен во многом носит партизанский характер, где каждый боец сражается почти независимо от другого, и поэтому отсутствует моральный эффект взаимной защиты и поддержки.

Несколько очень простых маневров известны им и практикуются ими с младенчества, но они приводят не более чем к стычкам, а вождь является всего лишь лидером своих людей, и ожидается, что он будет находиться на опасном посту. Идея генерала, руководящего сражением из места сравнительной безопасности, им неведома.

Объявление войны происходит на полном совете вождей и врачей, большинство решает вопрос. Вождь, который должен возглавить экспедицию, запрашивает добровольцев, рассылая по племени через своих гонцов свою красноватую трубку, и каждый воин, который выпустит струйку дыма через ее ствол, записывается в ряды.

После того как трубка прошла свой круг и достаточное количество мужчин записалось в добровольцы, перед домом вождя устраивается грандиозный военный танец, где установлен столб, покрытый красной краской - знаком войны. Новоиспеченные воины появляются со всем своим оружием и исполняют торжественный танец, каждый мужчина последовательно подходит к покрашенному столбу и ударяет в него топором в знак подтверждения своего обещания. Как уже говорилось, вождь всегда носит все положенные ему украшения, чтобы стать как можно более заметной фигурой, в то время как храбрецы и воины почти не носят одежды, а их лица так замаскированы черной и красной краской, что даже самые близкие друзья с трудом могут их узнать.

Как и у нас, белый и красный цвета являются знаками мира и войны, и каждый вождь носит с собой два небольших флага, один из шкуры белого бизона, а другой из покрасневшей кожи. Они хранятся свернутыми вокруг посоха, как железнодорожный флаг-сигнал, и вынимаются только в случае необходимости.

В настоящее время огнестрельное оружие вытеснило первоначальное оружие американских индейцев и значительно изменило способ ведения войны. Однако мы рассмотрим войну этих племен в том виде, в каком она велась до появления этого оружия, когда единственным оружием были лук, дубина, топор, копье, а в некоторых районах и лассо.

На [иллюстрации № 4](#) на странице 1265 показаны образцы булав и щита, взятые из образцов коллекции Кристи. Булавы короткие, редко превышают ярд в длину, а чаще всего на восемь или девять дюймов короче. Они почти неизменно изготавливаются по одной или другой из

двух моделей, примеры которых представлены на иллюстрации. Примитивное представление о булаве, очевидно, происходит от палки с набалдашником на конце, и именно эта форма наиболее популярна. В обычных дубинках все оружие совершенно простое, но во многих экземплярах туземец вставляет кусок кости или железный шип в шар или луковицу на конце дубинки, а рукоятку украшает перьями, кусочками ткани, скальпами и другими подобными украшениями.

Второй вид дубины по форме напоминает ложе ружья и всегда имеет шип, выступающий из угла. В большинстве случаев этот шип - не что иное, как заостренный кусок железа или головка копья, но в некоторых особо ценных видах оружия используется очень широкое стальное лезвие, края которого лежат параллельно длине оружия. Такая булава часто украшена сотнями латунных гвоздей, вбитых в нее так, чтобы образовать узоры, и, кроме того, так обильно украшена веревками и перьями, а также длинными шлейками длиной в пять или шесть футов, что эффективность оружия, должно быть, серьезно снижается из-за них.

Мне доводилось держать в руках оба вида булав, и я обнаружил, что это последнее оружие очень неудобно и громоздко, его толстая, квадратная, покатая рукоятка почти не дает силы для хвата, а обильные украшения могут запутаться в другом оружии, которое носят при себе.

Щит изготавливается очень изобретательным способом из толстой шкуры, которая покрывает плечи бизона. Изготовление щита - дело очень серьезное, если не сказать торжественное, и происходит следующим образом.

Воин выбирает кусок шкуры, по крайней мере в два раза превышающий размер предполагаемого щита, и из копыт и суставов бизона готовит крепкий клей. Затем он выкапывает в земле яму точно по размеру щита, почти два фута в диаметре, и разводит в ней тлеющий костер из гнилой древесины. Закончив эти приготовления, его друзья собираются вместе, чтобы танцевать, петь и курить вокруг изготовителя щита, призывая Великого Духа сделать оружие стойким против копий и стрел.

После того как огонь разожжен и клей разогрет, кожу натягивают над отверстием с помощью многочисленных колышков по краям, которые удерживают ее в нескольких дюймах над землей. Как только кожа основательно нагреется, на нее наносят клей и тщательно втирают его в волокна. В результате этого кожа сильно сжимается и одновременно становится толще. По мере того как она сжимается, семья изготовителя щита занимается тем, что ослабляет штифты и сдвигает их внутрь, чтобы они поддавались сжатию кожи и в то же время удерживали ее на полном растяжении. Так продолжается до тех пор, пока кожа не впитает в себя весь клей, который она способна принять, и не сожмется до предела. К этому времени он становится вдвое шире, хотя и вдвое толще, чем был, когда его только положили на огонь, и ему дают медленно остыть, после чего тщательно обрезают по форме, снабжают ремешком, расписывают "тотемом" или символом владельца и украшают обычными орнаментами.

Готовый щит довольно гибкий, но настолько прочный, что выдержит прямой удар копья или стрелы, а если повернуть его немного наискосок, то отбросит даже пистолетную пулю. Образец, представленный [на иллюстрации](#), окрашен в светло-зеленый цвет с белым узором. Над ним находится чехол из очень тонкой и мягкой кожи, который накидывается на него в случае дождя. Длинный ремень служит для того, чтобы перекидывать щит, когда он не используется, через плечи, где он и висит вместе с луком и колчаном.

Копье не представляет собой ничего особенно достойного внимания, за исключением того, что его лезвие имеет форму листа, длинное и узкое, а древко часто так покрыто перьями и скальпами, что едва хватает места для руки владельца. Его длина иногда достигает четырнадцати или пятнадцати футов.

Далее следуют луки и стрелы. Лук - это всегда очень короткое и на первый взгляд незначительное оружие, используемое в основном верхом. Его длина едва ли превышает три фута, а чаще всего на шесть дюймов меньше, так что он больше похож на детскую игрушку, чем на оружие, пригодное для руки воина. И все же, используя этот, казалось бы, слабый лук, американские индейцы могут провести стрелу сквозь человека, а некоторые из их лучших охотников, как известно, посылали свои стрелы прямо сквозь тело бизона, так что снаряд падал на землю, пройдя сквозь огромное животное.

Эти луки изготавливаются из дерева, рога или кости. Лучшим деревом для лука считается ясень, который значительно укрепляется, если прикрепить к нему вдоль спины мокрые сухожилия бизона или оленя, которые так обрабатываются и разминаются, что кажутся единым целым с деревом. Часто используется несколько слоев сухожилий, так что, несмотря на небольшой размер, лук получается очень мощным. Некоторые из них сделаны из рога горного или большого рогатого барана, а несколько наиболее ценных - из кости, которую, вероятно, добыли на тихоокеанском побережье из кита-спермацета и отправили торговцы вглубь страны. Владельцы этих луков не любят, когда их материал подвергается сомнению, и пресекают допросы замечанием: "Тише! Это лекарство". Один из таких луков хранится в коллекции Кристи. Я попробовал несколько бантов из коллекции мистера Кэтлина и обнаружил, что они очень упругие и, несмотря на свой небольшой размер, очень жесткие.

(1.) ВОРОНОЙ ВОЖДЬ.
(См. [стр. 1274.](#))

(2.) СКАЛЬПИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ.

(См. [с. 1285.](#))

Стрела накладывается на кремь или кость и, когда используется против врага, обычно отравлена. Перья берутся из крыла дикой индейки. (Когда воин полностью вооружен, у него есть сотня или около того таких стрел в аккуратном колчане из шкуры оленя или пумы, со вкусом украшенном узорами, вытканными из перьев дикобраза.

На [иллюстрации](#) на странице 1318 читатель может увидеть обычный костюм индейца, снаряженного для битвы. Это портрет И-а-чин-че-а (красного грома), сына Черного Мокасины из племени минатареев. В это время он был одним из самых храбрых и отчаянных воинов этого племени. На нем военная одежда, колчан и щит на руке. "В таком виде, - говорит мистер Кэтлин, - без головного убора, без халата и без всего, что может быть бесполезным обременением, - с телом, почти обнаженным, и обильно намазанным красной и черной краской, чтобы создать почти идеальную маскировку, индейские воины выходят на войну". Вождь лишь украшает себя, а нагруженный своими украшениями и трофеями становится заметной мишенью для врага.

Индейцы не славятся своим мастерством меткой стрельбы, которое, впрочем, почти не требуется, поскольку они никогда не стреляют на дальние расстояния, как старые английские лучники. Но они прекрасно умеют выпускать множество стрел в быстрой последовательности: опытный лучник способен метнуть двадцать или более стрел за минуту, скача на полной скорости.

В разных племенах существует игра, с помощью которой эта особенная модификация мастерства в стрельбе из лука поддерживается на высоком уровне. Молодые люди

собираются со своими луками и стрелами, и каждый приносит несколько предметов имущества, которые он готов поставить на кон своим умением, и бросает один из них на землю. Когда каждый бросит свой кол, первый лучник выходит вперед с луком и десятью стрелами, зажатыми в левой руке. Он натягивает стрелы и пускает их вверх так быстро, как только может, цель - подбросить в воздух как можно больше стрел, прежде чем первая стрела достигнет земли. Побеждает тот, кто одновременно поднимет в воздух наибольшее количество стрел. Некоторые лучники настолько искусны, что выпускают восьмую стрелу еще до того, как первая коснется земли.

Теперь мы переходим к топору или томагавку. Две фигуры на [иллюстрации № 2](#), стр. 1265, представляют собой прекрасные примеры основных форм этого оружия, а именно: то, что сделано полностью самостоятельно, и то, что частично сделано в Европе и закончено самостоятельно. Самый примитивный томагавк - это тот, который сделан из камня, закрепленного на деревянной рукоятке. На рис. 2 на вышеупомянутой странице показано, как головка крепится к рукоятке, точно так же, как кузнец крепит свои пуансоны. Каменные наконечники топоров, которые в таком изобилии встречаются как реликвии ушедшей эпохи, крепились к рукояткам точно таким же образом. Сейчас этот вид оружия настолько редок, что едва ли можно достать образец.

Томагавк со стальным наконечником в большинстве племен вытеснил тот, что сделан из камня. Огромное количество этих стальных наконечников для топоров изготавливается в Бирмингеме и продается индейцам по очень высокой цене.

Больше всего ценится та форма, которая изображена на [рис. 1](#), стр. 1265. Это "трубчатый томагавк", верхняя часть головки которого сформирована в виде чаши для трубки, а дым вытягивается через рукоятку, обильно украшенную перьями дикобраза и перьями. Этот томагавк особенно ценится американскими индейцами, поскольку избавляет их от необходимости носить с собой отдельную трубку и является самым грозным оружием, а в мирное время - эффективным топором для колки дров и других подобных целей. Томагавк используется как в ближнем бою, так и в качестве ракеты, причем в последнем качестве он метается с удивительной силой и точностью прицеливания.

Помимо этого оружия, каждый воин носит с собой нож для снятия скальпов, который, как и понярд ранних английских времен, одинаково полезен как на войне, так и в быту. Почти без исключения каждый нож для снятия скальпов, используемый в Северной Америке, - это не что иное, как обычный мясницкий нож, сделанный в Шеффилде за шесть пенсов и продаваемый индейцам по цене лошади. В конце концов, это, возможно, самый лучший инструмент, который они могли бы использовать. Один из моих друзей, опытный охотник, сказал, что отказался от всех своих сложных и дорогих охотничьих ножей и предпочел шеффилдский нож мясника, который сочетает в себе преимущества прочности, легкости и способности брать острие как бритва.

Каждый слышал об обычае скальпирования, который практикуется в этих племенах, - обычае, который занимает место сохранных голов у диаков и мундуруку. Когда американский индеец убивает врага, он снимает с него скальп как доказательство своей победы. Скальп - это кусок кожи с прикрепленными к нему волосами, снятый с самой макушки головы так, чтобы показать ту часть кожи, где волосы расходятся от центра. Размер скальпа не имеет значения, если он содержит только этот необходимый признак.

Как правило, кусок кожи размером почти с ладонь, и берется он следующим образом. Противник падает, победитель садится позади него на землю, захватывает левой рукой скальп-лок, а ножом делает два полукруглых надреза на коже, срезая ее до самой кости.

Затем он закручивает скальп-фиксатор вокруг обеих рук, ставит ноги на плечи жертвы и сильным рывком отрывает круглый кусок кожи с прилипшими к нему волосами.

Вся эта сцена (иллюстрация на стр. 1284) разыгрывается за гораздо меньшее время, чем потребовалось для ее написания: индейцы хорошо натренировались в своих мнимых поединках, прежде чем приступить к снятию скальпов в настоящем бою. Держа в одной руке скальп, а в другой - нож, ликующий завоеватель произносит страшный "воплъ снятия скальпа", который даже в шуточном бою кажется произнесенным демоном, а не человеком.

Предполагается, что скальпированный человек всегда мертв или умирает, и, поскольку скальп всегда принимается как доказательство смерти, туземный воин никогда не станет снимать скальп с человека, который, по его мнению, может оправиться. Однако было много случаев, когда в пылу сражения с человека снимали скальп, когда он был оглушен, хотя и без смертельной раны, а потом выздоравливал и жил еще много лет.

Когда битва заканчивается и воин возвращается в свой дом, он снимает скальп, чтобы сохранить его. Обычно для этого его растягивают в своеобразном боевом позументе, сделанном из гибкой палки и скрепляющем концы вместе, а затем торжественно "танцуют", прежде чем он займет свое место среди других ценностей владельца. Некоторые скальпы совсем маленькие, не больше копейки, и их вешают на уздечки лошадей или на рукоятки булав.

Обычно, однако, их, когда они совсем высохнут, раскрашивают изнутри так, чтобы они напоминали человеческое лицо, и подвешивают к концу длинного небольшого шеста. В хороший день главный вождь стойбища чаще всего приказывает развесить скальпы и подает пример, выставляя на вершине своей хижины шест, на котором висят снятые им скальпы. Все воины сразу же следуют его примеру, так что, обойдя деревню и пересчитав скальпы, чужеземец может узнать положение каждого воина.

Уже упоминалось, что многие скальпы очень маленькие. Их ограниченный размер объясняется таким образом. Если воин торопится, как это чаще всего бывает при снятии скальпа с павшего в пылу сражения, он довольствуется одним лишь скальпом. Но если у него есть свободное время, он снимает всю волосяную часть кожи и обрабатывает ее следующим образом. Сначала он вырезает небольшой круглый кусок, содержащий макушку головы, - это и есть собственно скальп. Оставшиеся волосы он делит на маленькие локоны, и ими он окаймляет швы своих леггинсов, руки и края плаща, древко копья, рукоятку булавы и т. д. и т. п. Все платье Мах-то-то-па было покрыто бахромой из волос тех, кого он убивал в бою.

Платье, украшенное таким образом, ценится вне всякой цены, и вряд ли найдется достаточно высокая цена, чтобы склонить воина расстаться с этими трофеями его доблести.

Танец со скальпом" - это церемония, вполне соответствующая обычаю закрепления трофея. Танец со скальпом у сиу описывается г-ном Катлином так: "Среди этого племени, как я узнал, пока жил у них, его танцуют ночью при свете факелов, перед тем как лечь спать. Когда военный отряд возвращается из похода и приносит домой скальпы своих врагов, они обычно танцуют их пятнадцать ночей подряд, самым экстравагантным образом хвастаясь своей удивительной воинской доблестью, при этом они размахивают своим боевым оружием в руках".

"Несколько молодых женщин выбираются для помощи (хотя на самом деле они не участвуют в танце), выходя в центр кольца и держа скальпы, которые были недавно сняты, в то время как воины танцуют или, скорее, прыгают по кругу, размахивая своим оружием, лая и крича самым ужасным образом, все прыгают на обеих ногах одновременно, с одновременным ударом, и ударом, и ударом своего оружия, с которым кажется, что они действительно режут и режут друг друга на куски. Во время этих бешеных прыжков и криков каждый мужчина искажает лицо в меру своих мускулов, сверкая глазами и щелкая зубами, как будто он находится в горячке, а на самом деле дышит через ноздри шипящей смертью битвы.

"Никакое описание, которое можно написать, не сможет передать более чем слабые очертания страшных эффектов этих сцен, разыгрывающихся в мертвой темноте ночи, под ярким светом пылающих факелов; и все годы, отведенные смертному человеку, не смогут ни в малейшей степени стереть или испортить яркое впечатление, которое одна подобная сцена оставит в его памяти".

Мистер Кэтлин с большим основанием полагает, что эти танцы - умиловивление духов убитых мужчин, показывающее, как высоко ценили их доблесть завоеватели, как уважали и ценили их, хотя военная удача была против них.

Хорошим примером военной карьеры вождя американских индейцев могут служить подвиги Мах-то-то-па, изображенные на его одеянии и рассказанные им мистеру Катлину. Он был покрыт двенадцатью группами фигур, которые мы вкратце опишем.

Первым его подвигом было убийство вождя сиу, который уже убил трех рикари. Этот подвиг дал ему право носить орлиные перья на своем копье, а во второй группе он изображен убивающим этим копьем вождя шиеннов, который вызвал его на одиночный бой. Третья сцена представляет собой бой, в котором Мах-то-то-па был оставлен своим отрядом, но, несмотря на тяжелое ранение, убил воина шиеннов в присутствии около тридцати своих товарищей.

На четвертой картине изображен великий вождь шиеннов, убитый этим воином, чей великолепный головной убор взял на себя его убийца. Пятая картина представляет собой странный эпизод битвы. Мах-то-то-па путешествовал с отрядом риккари, когда их обстрелял военный отряд сиу. Риккари бежали, оставив Ма-то-то-па, который спрыгнул с лошади, столкнулся с пешими сиу, убил одного из них и забрал его скальп.

Шестой рисунок иллюстрирует наиболее примечательный фрагмент личной истории. Храбрец из племени риккари по имени Вон-га-тап выстрелил стрелой в брата Мах-то-то-па, вогнал свое знаменитое копье в тело упавшего и оставил его там, как вызов оставшемуся в живых брату. Вызов был принят. Мах-то-то-па нашел тело, узнал копье и поклялся, что убьет убийцу своего брата тем же оружием. Прошло четыре года без возможности исполнить клятву, когда он, не в силах больше медлить, вышел из дома с роковым копьем в руке и небольшим кошельком с пересохшей кукурузой на поясе. Он велел манданам больше не упоминать его имени, пока он не вернется победителем со скальпом Вон-га-тапа.

Под благоговейное молчание своих людей он покинул деревню и скрылся за травянистыми обрывами. Двести миль он шел в одиночку и ночью, днем всегда скрываясь, пока не достиг деревни Риккари, в которую смело вошел, смешавшись с жителями, как будто был дружелюбным чужаком. Он знал, где находится хижина Вон-га-тапа, и, убедившись, что намеченная жертва и его жена выкурили вечернюю трубку и лежат в постели, осторожно вошел в хижину, сел у огня, взял из котла немного мяса и стал есть, чтобы подкрепить себя для выполнения задания. Это было в соответствии с гостеприимным обычаем американских

индейцев. Если человек голоден, ему не нужно просить еды, а достаточно зайти в ближайшую хижину и угоститься.

Закончив трапезу, Ма-то-то-па взял еще теплую трубку, набил ее табаком и стал курить, с каждым завитком дыма вознося молитву об успехе своего предприятия. Раз или два жена Вон-га-тапа спрашивала мужа, кто ест в их хижине, но он отвечал, что кто-то, должно быть, проголодался и угощается.

Когда последний дымок поднялся вверх, Мах-то-то-па повернулся к кровати и ногой подбросил уголек в огонь, чтобы разглядеть местонахождение своей жертвы. В одно мгновение он подскочил к кровати, вогнал копье в сердце Вон-га-тапа, содрал с него скальп, вырвал копье из сердца и выбежал из хижины со скальпом своей жертвы в одной руке, а в другой - роковое копье, причем кровь Вон-га-тапа уже засохла на крови человека, которого он убил четыре года назад. Вся деревня была в волнении, но Мах-то-то-па удалось бежать, и на шестой день после ухода из деревни манданов он снова вошел в нее со скальпом своего врага. [Портрет](#) этого знаменитого вождя приведен на 1277-й странице.

На другом из этих изображений запечатлен бой с вождем шиеннов в присутствии обеих воинских партий. Они сражались верхом на лошадях, пока пуля не раздробила пороховой рог Ма-то-то-па. Вождь шиеннов отбросил свое ружье, рог и патронташ и бросил вызов врагу с луком и стрелами. Оба вождя были ранены в конечности, но держали свои тела прикрытыми щитами.

Вскоре лошадь Мах-то-то-па упала, получив стрелу в сердце. Вождь шиеннов немедленно сел на коня и продолжал бой, пока не исчерпал все свои стрелы, тогда он бросил пустой колчан на землю и бросил вызов своим ножом, единственным оружием, которое у него осталось. Вызов был принят, и они бросились друг на друга, но Мах-то-то-па оставил свой нож дома и был безоружен. Он схватился со своим противником, и завязалась борьба за нож. Мах-то-то-па был страшно ранен в руки, но в конце концов вырвал нож у своего противника, вогнал его ему в сердце и молча снял скальп с павшего врага.

В другой раз он в одиночку сразился с шестьюдесятью ассинебойнами, отбросил их назад и убил одного из них. Именно в этой битве он получил прозвище "Четыре медведя", под которым следует понимать медведя гризли, самое страшное четвероногое Северной Америки. Это пример того, как ведут войну североамериканские индейцы - странная смесь возвышенного и рыцарского благородства с хитростью и коварством. На самом деле, созерцая эти интересные племена, мы переносимся во времена Улисса, чья великая слава в равной степени проистекала из его доблести в бою и умения обманывать своих врагов, или, другими словами, из того, что он был самым искусным лжецом.

Мужчин учат военному делу с самого раннего возраста. Каждое утро всех мальчиков старше семи лет и старше, которые не были приняты в число мужчин, отводят на некоторое расстояние от деревни, где их делят на две враждующие части, каждая из которых находится под командованием опытного воина. Они вооружены маленькими луками, стрелами из стеблей травы и деревянными ножами, засунутыми в пояса. В голову им слегка вплетают косичку из травы, чтобы изобразить скальп-лок.

Затем обе стороны вступают в фиктивный бой, который максимально похож на настоящую схватку. Когда одному из бойцов наносят удар в жизненно важную часть, он обязан упасть как мертвый, тогда его противник проходит через операцию снятия скальпа своим деревянным ножом, кладет скальп себе на пояс, произносит дикий крик и снова вступает в бой. Поскольку никто не может сражаться без скальпа, упавший противник вынужден выйти

из боя. Так продолжается около часа, после чего шуточная схватка прекращается, и парней хвалят или порицают в зависимости от проявленного ими мастерства и мужества, причем количество скальпов на поясе является самым верным критерием заслуг.

Хорошо известно, что после битвы американские индейцы пытаются своих пленников, проявляя дьявольскую изобретательность в придумывании самых мучительных пыток. Тем не менее, в рассказах об этом обычае много преувеличений. Они не пытаются всех своих пленников, отбирая для этого лишь некоторых, остальные же вливаются в племя, вступая в брак с вдовами, чьи мужья были убиты в бою, и пользуются равными правами с коренными членами племени.

Пытки также не практикуются с целью мести, хотя, вероятно, мстительные чувства могут возникнуть, когда жертву привязывают к колу. Суеверие, по-видимому, лежит в основе пытки, которая призвана умиловить дух тех членов племени, которые подверглись подобному обращению со стороны своих противников. Обреченный воин принимает свою участь с невозмутимым спокойствием, которое является неотъемлемой частью характера североамериканского индейца, и, ради чести своего племени, соизмеряет свою выносливость с болью, которую могут причинить его враги.

Пытки, слишком ужасные, чтобы их можно было даже упоминать, испытываются последовательно; ведь когда жертва однажды привязана к колу, индеец никогда не отступает от своей цели - вырвать у захваченного воина признание в страданиях и тем самым опозорить не только себя, но и племя, к которому он принадлежит. В то же время он гордится тем, что показывает своим врагам, как может умереть воин. Он воспеваает хвалу своему племени и его деяниям, хвастается всем тем вредом, который он причинил племени, в чью власть попал, высмеивает его лучших воинов и старается разозлить их настолько, чтобы они выбили ему мозги и избавили от дальнейших мучений. Он даже смеется над их попытками вырвать у воина крики боли и говорит им, что они не умеют пытать.

Мистер Адэр рассказал об одном замечательном случае выносливости пленного воина из племени криков. Его захватили шауни и заставили голым пройти через все племя; его привязали к колу и подвергли ужасным пыткам раскаленными докрасна ружейными стволами. Все усилия его врагов вызывали у него лишь насмешки и издевки, говорящие о том, что шауни настолько невежественны, что даже не знают, как пытать связанного пленника. Хотя он и был великим воином, но попал в их руки из-за какой-то ошибки в обращении к Великому Духу, но у него осталось достаточно добродетели, чтобы показать им разницу между криками и шауни. Стоит только развязать его и дать ему возможность взять из огня раскаленный ствол, и он покажет им гораздо лучший способ пытки, чем тот, который они знали.

Его поведение вызвало уважение у шауни, и они развязали его и подвели к костру, в котором лежали раскаленные трубки. Не колеблясь, он взял одну из них голыми руками, бросился на окружающую толпу, нанося удары направо и налево этим страшным оружием, прорвался сквозь изумленных воинов и прыгнул с обрыва в реку. Он переплыл реку под ливнем пуль, набрел на островок посреди нее и, хотя за ним тут же последовали несколько растерянных врагов, сумел спастись. Несмотря на полученные ранения, которые убили бы обычного европейца, он поправился и прожил много лет, будучи непримиримым врагом шауни.

Несколько похожий случай произошел с воином катамба, которого преследовала группа сенек, и в конце концов он попал в плен, но только после того, как ему удалось убить семерых из них. Воина такой доблести охраняли с удвоенной бдительностью, и он был

доставлен в деревню сенека для пыток, после того как был избит во всех лагерях, через которые проходил отряд.

Когда мучители вели его на кол, он, подобно воину Крика, вырвался из рук своих похитителей и бросился в реку, благополучно переплыв ее. На противоположном берегу он на мгновение остановился, чтобы выразить свое презрение к преследователям, которые толпились на берегу и спускались в реку, а затем бросился вперед с такой скоростью, что почти на день пути настиг самых главных преследователей.

Пятеро врагов наседали на него, и, хотя он был раздет и безоружен, он намеренно ждал их. Ночью, когда все они спали, не сочтя нужным выставить часового, он подкрался к ним, выхватил один из их томагавков и убил их всех, прежде чем они успели проснуться. Он снял с них скальпы, оделся и вооружился, подкрепил свои силы едой и отправился на место, где он убил семерых врагов, когда его преследовали. Их похоронили, чтобы сохранить скальпы, но он нашел место захоронения, снял с них все скальпы и только после этого направился к своему дому, до которого добрался в целости и сохранности.

Когда остальные преследователи пришли к месту, где были убиты пятеро, они собрались на совет и решили, что человек, способный совершить такой поступок безоружным, должен быть волшебником, которому они не надеются противостоять, и что лучший выход, который они могут сделать, - это вернуться домой.

Читатель не сможет не заметить, как много внимания здесь уделяется обладанию скальпом. Воинственная группа индейцев сравнительно мало заботится о потере одного из своих соплеменников при условии, что они спрячут его тело так, чтобы враг не смог забрать его скальп. Здесь мы имеем случай, когда человек, преследуемый множеством разъяренных и неумолимых врагов, намеренно возвращается к месту, где, по его мнению, могут быть похоронены убитые враги, и во второй раз рискует жизнью, чтобы завладеть трофеями победы. Он знал, что его намерения будут предугаданы, и все же ценность скальпа была столь неизмерима, что даже риск подвергнуться пыткам был ни с чем не сравним.

Не раз бывало, что воин, сраженный и неспособный подняться, спасал свою жизнь, притворившись мертвым и позволив победоносному врагу снять с себя скальп, не подавая ни малейших признаков страдания. В любом случае он должен потерять свой скальп, и, возможно, ему удастся спасти свою жизнь.

Некоторые племена отличаются тем, что используют лошадь в войне и обладают удивительным мастерством верховой езды. Самое знаменитое племя в этом отношении - каманчи, большая часть жизни которых проходит верхом. Как это часто бывает с теми, кто проводит большую часть времени верхом, каманчи плохо ходят, у них сутулая и неловкая походка. Однако стоит каманчи сесть на спину лошади, как все его поведение меняется, и он сам и животное, на котором он сидит, кажутся одним и тем же существом, движимым одним и тем же духом. "Каманчи на ногах, - пишет мистер Кэтлин, - не в своей тарелке, и сравнительно почти так же неуклюж, как обезьяна на земле без сучьев или ветвей, за которые можно ухватиться. Но стоит ему положить руку на лошадь, как его лицо становится красивым, и он грациозно летит прочь, словно другое существо".

Есть один подвиг, которому все воины каманчи обучаются с младенчества. Когда мужчина мчится на полном скаку, он внезапно падает на бок своей лошади, не оставляя видимой ни одной части тела, кроме подошвы одной ноги, которая зацепляется за спину лошади, чтобы подтянуться и принять вертикальное положение. В таком положении он может скакать на

любое расстояние и, кроме того, использовать со смертельным эффектом как свой лук, так и четырнадцатифутовое копьё.

Один из их любимых способов нападения - галопом мчаться к врагу на полной скорости, а затем, едва приблизившись на расстояние выстрела, пересаживаться на противоположную сторону лошадей, проноситься мимо противника и осыпать его ливнем стрел, направленных под шею лошадей, а иногда даже брошенных им под брюхо. Все это время противнику почти бесполезно отвечать на выстрелы, поскольку все тело каманчи скрыто за лошадьёю, и ему не во что целиться, кроме как в ногу, выступающую над спиной животного.

Чтобы иметь возможность выполнять этот любопытный маневр ([иллюстрация](#) на 1291-й странице), каманчи плетут короткий и прочный недоуздок из конского волоса. Этот недоуздок пропускают под шеей лошади, а концы прочно вплетают в гриву, чуть выше холки, так, чтобы осталась петля, свисающая под шеей животного. В эту петлю воин опускается с точной точностью, поддерживая вес своего тела на верхней части согнутой руки и позволяя копьё опуститься в сгиб локтя. Таким образом, обе руки воина свободны для того, чтобы натягивать лук или орудовать копьем; а поскольку в таких случаях он всегда держит в левой руке дюжину стрел вместе с луком, он может выпускать их, не прибегая к колчану.

Иногда каманчи пытаются напасть на своих врагов, оставляя копьё за спиной, пристраиваясь по бокам их коней и беспечно приближаясь, как будто они всего лишь отряд диких лошадей без всадников. Нужно иметь очень быстрый глаз, чтобы распознать эту личину, которая обычно выдается тем, что лошади всегда держатся одной и той же стороной к зрителю, что очень редко случается, если бы они были дикими и необузданными в своих движениях.

У каждого каманчи есть одна любимая лошадь, на которую он никогда не садится, кроме как для войны или погони, а в обычных случаях использует более низкое животное. Стремительность - главное качество, по которому выбирается скакун, и ни за какие деньги хозяин не расстанется со своим жеребцом. Как и все нецивилизованные люди, он относится к своей лошади со странной смесью жестокости и доброты. Например, во время погони он шпорит и хлещет животное самым безжалостным образом; но как только он возвращается, он бережно передает свое ценное животное своим женщинам, которые ждут его, чтобы принять, и обращаются с ним так, как если бы это был дорогой член семьи.

Нет нужды добавлять, что каманчи - самые искусные похитители лошадей и что они используют любую возможность, чтобы лишить другие племена их животных. Когда группа каманчей отправляется в экспедицию по краже лошадей, воины, входящие в нее, обязаны по чести не возвращаться, пока не достигнут своей цели. Иногда они отсутствуют более двух лет, прежде чем им удастся застать врасплох поселение, в котором находятся лошади, на которых они положили свое сердце, и они месяцами сидят в засаде, ожидая благоприятного случая.

Ценность лошадей для конных племен нельзя проиллюстрировать лучше, чем необычный обычай "курить лошадей", который преобладает в некоторых частях страны. Читатель найдет [иллюстрацию обычая](#) этого на следующей странице.

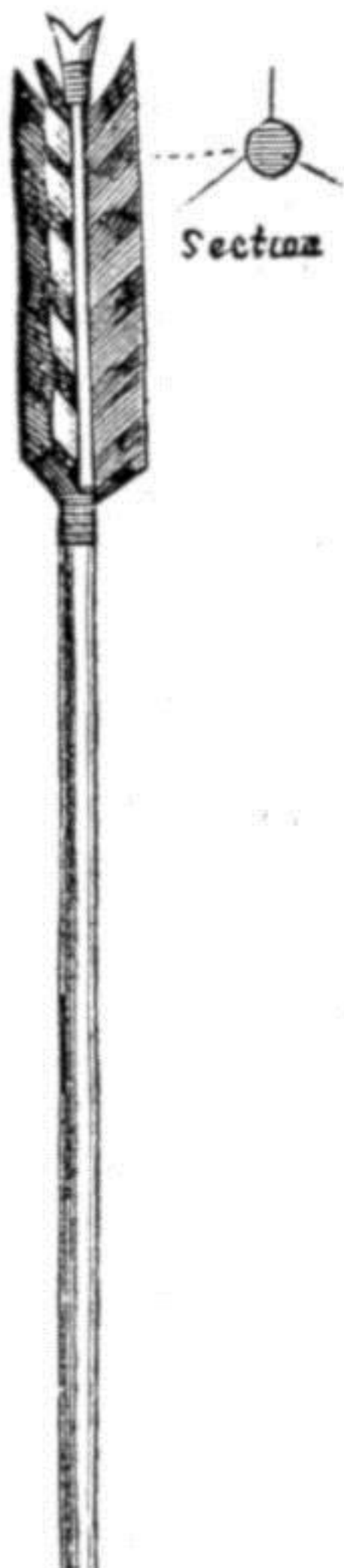
Когда одно из этих племен решает начать войну и при сборе сил обнаруживает, что у них недостаточно лошадей, они посылают гонца в дружественное племя, чтобы сообщить, что в определенный день они придут "выкурить" определенное количество лошадей и ожидают, что животные будут готовы к их приходу. Это вызов, от которого никогда не отказываются, поскольку он затрагивает честь племени.

В назначенный день молодые воины, у которых нет лошадей, приходят в дружественную деревню, раздетые и разукрашенные, как на войну, и садятся в круг, лицом внутрь. Они зажигают свои трубки и молча курят, а жители деревни образуют вокруг них большой круг, оставляя между собой и гостями широкое пространство.

Вскоре вдали появляется такое же количество молодых воинов на лошадях, мчащихся на полном скаку, в "индейском строю", согласно их обычаю. Они объезжают кольцо галопом, и самый главный всадник, выбрав одного из сидящих юношей, срывается с седла и наносит страшный удар по его обнаженным плечам своей жестокой плетью. Каждый из его последователей делает то же самое, и они скачут галопом вокруг курильщиков, на каждом кругу повторяя удар, пока плечи мужчин не будут покрыты кровью. Страдальцы должны курить совершенно спокойно и не подавать ни малейшего намека на то, что они знают об ударах, которые им наносятся. Когда необходимое количество кругов сделано, вожак спрыгивает с лошади, отдает уздечку и кнут в руки выбранного им молодого человека, говоря при этом: "Ты нищий, я дарю тебе лошадь, но ты всегда будешь носить мой знак на спине". Остальные следуют его примеру.

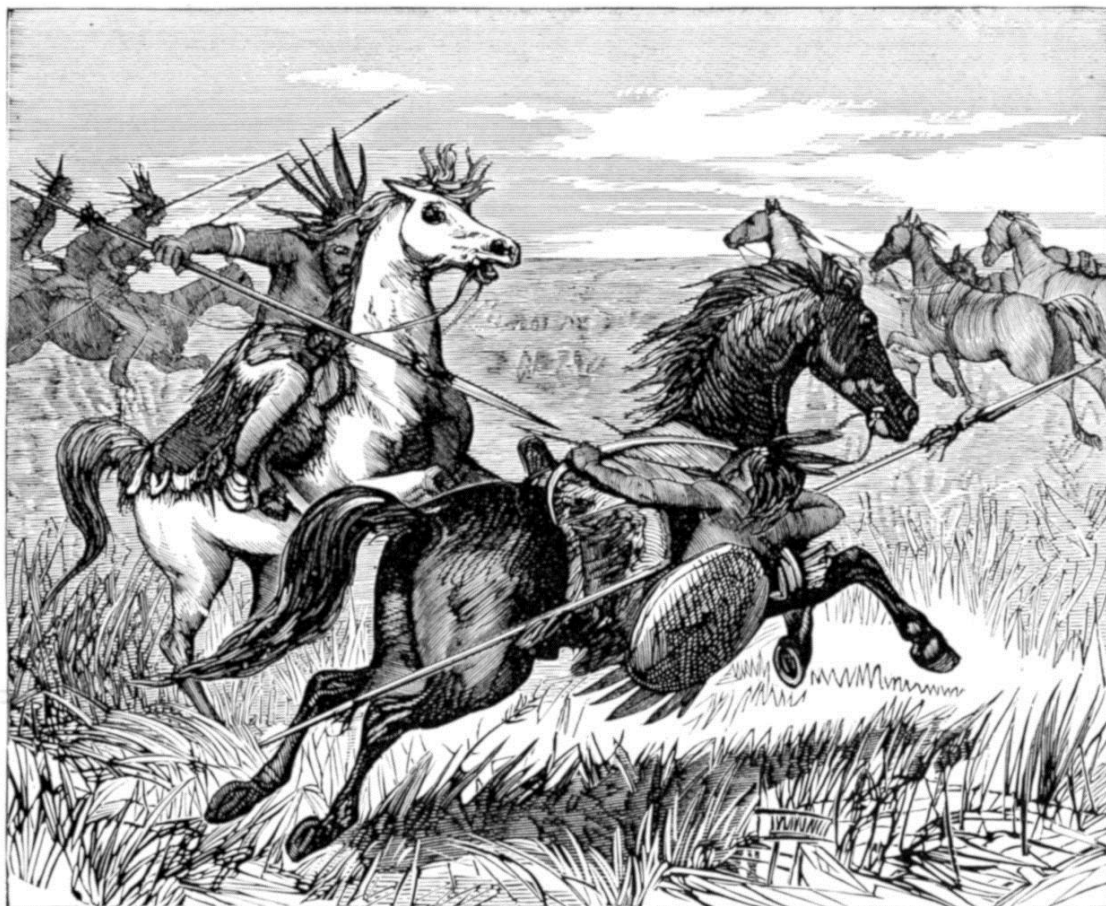
Все довольны этим замечательным обычаем. Молодые люди довольны, потому что получают по лошади за штуку; что же касается порки, то, во-первых, им действительно мало дела до боли, а во-вторых, они получили возможность публично продемонстрировать свою способность к выносливости.

Те, кто дает лошадей, довольны, потому что им удалось проявить свою щедрость, которая очень ценится в этих людях, а еще они получили особое удовольствие от того, что безнаказанно выпороли воина. Оба племени тоже довольны: одно - тем, что получило лошадей, без которых не смогло бы пополнить свои силы, а другое - тем, что показало себя обладателем больших богатств.

Раздел
Полный размер.

СТРЕЛА С КРЕМНЕВЫМ НАКОНЕЧНИКОМ.
(См. [стр. 1285.](#))

(1.) КАМАНЧИ ВЕРХОМ.
(См. [стр. 1289.](#))

(2.) КУРЯЩИЕ ЛОШАДИ.

(См. [с. 1290.](#))

ГЛАВА СXXXVII. СЕВЕРНОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДИЙЦЫ - Продолжение. ОХОТА - РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

СЕВЕРНОАМЕРИКАНСКИЕ ОХОТНИКИ - ОХОТА НА БИЗОНОВ ИЛИ БУЙВОЛОВ - ПОГОНЯ
ВЕРХОМ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУЖЬЯ - ЕЗДА НА БИЗОНАХ - СНЕГОСТУПЫ И ИХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОХОТЕ НА БИЗОНОВ - ПЕРЕОДЕВАНИЕ В ВОЛЧЬИ ШКУРЫ - ЛОВЛЯ
ЛОШАДЕЙ - СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛАССО - КАК ПРИРУЧАЮТ ЛОШАДЕЙ -
"СМИНАНИЕ" ЛОШАДЕЙ - ТАНЕЦ БИЗОНОВ - ВОССТАНОВЛЕННЫЙ КРЕДИТ ТАНЦА БИЗОНОВ
- НЕОБЫЧНАЯ МАСКА - НЕИЗМЕННЫЙ УСПЕХ ТАНЦА - КАК ОБЛЕГЧАЮТ ТАНЦОРОВ -
ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ОБМАН.

Как и следовало ожидать от такого кочующего народа, как североамериканские индейцы, все племена преуспевают в охоте, хотя некоторые из них заметно превосходят остальных. После Африки эта страна представляет собой лучшие охотничьи угодья в мире, причем дичь варьируется в зависимости от местности и дает охотнику почти непревзойденный простор для деятельности.

Первым и самым важным видом североамериканской дичи является бизон, которого часто, но ошибочно называют буйволом. Это животное существует бесчисленными мириадами, и,

несмотря на постоянные гонения, которым оно подвергается, и совершенно безрассудную манеру его уничтожения, оно по-прежнему чернит равнины своими многочисленными стадами.

До появления лошади североамериканские индейцы были вынуждены преследовать бизонов пешком, и даже в наши дни есть немало знаменитых охотников, способных догнать бизона пешком и убить его копьем. Однако общепринятым способом является преследование конными охотниками - преследование, которое приносит наибольшие результаты и демонстрирует дикий энтузиазм и возбуждение. Вооруженный лишь своим маленьким луком и стрелами с кремневыми наконечниками, местный охотник садится на лошадь и отправляется в погоню за бизоном.

Когда он настигает животных, он выбирает одно из них, обычно жирную и хорошо обученную корову, прижимает к ней свою лошадь и готовит лук и стрелы. Хорошо обученную лошадь не нужно направлять, она держится ближе к правому плечу бизона и немного позади него, чтобы не налететь на рога животного, если оно вдруг остановится и повернет голову. Кроме того, такой план позволяет всаднику занять правильное положение, чтобы пустить стрелу наиболее смертоносным способом, *то есть* направить ее прямо за плечо. Если стрела выпущена опытной рукой, бизон получает смертельное ранение и, как ни упорно животное, вскоре умирает. Оставив стрелу в ране, чтобы обозначить владельца убитого животного, удачливый лучник бросается в погоню за другим зверем и не останавливается, пока не израсходует весь свой запас стрел. [На иллюстрации](#) на странице 1299 изображено стадо бизонов, а индейцы верхом на лошадях занимаются этим захватывающим видом спорта.

Гордость местного охотника - убить бизона с каждой стрелы и не стрелять дважды в одно и то же животное. Молодые охотники - яростные и беспокойные соперники в этом виде спорта, зная, что о результатах дневной охоты будет говорить вся деревня и что от их успеха или неудачи во многом зависит оценка, которую они получают. Таким образом, каждая последующая охота порождает своих нетерпеливых конкурентов за честь: одни желают смыть прошлый позор нынешним успехом, а другие стремятся сохранить репутацию, завоеванную в прежние годы.

Даже в тех частях страны, где лук почти полностью вытеснен огнестрельным оружием, считается делом чести убить бизона с одного выстрела и получить за каждую пулю по убитому бизону. В таких случаях охотник не прилагает особых усилий для заряжания ружья. Он носит порох в кармане или сумке, зачерпывает в ружье случайное количество, опускает в него без пыжа пулю, смоченную во рту, и зарядка завершена. Дуло ружья держится вверх до момента выстрела, когда ружье вскидывается, прицеливается и стреляет одновременно, не поднося к плечу.

Мастерство, проявленное в управлении лошадью, тем более удивительно, что эти индейцы не используют никаких удил, которыми можно было бы управлять животным. У них нет ничего, кроме небольшого недоуздка из шкуры, завязанного вокруг нижней челюсти лошади, который используется только для того, чтобы заставить ее остановиться, когда это необходимо. В народе это называется "лариат", что происходит от французского слова *l'arêt*.

Возбуждение, вызванное этой погоней, не поддается описанию, хотя мистер Кэтлин в нескольких словах дает очень наглядное представление: "Я всегда считал себя благоразумным человеком, но часто просыпался от бреда погони, в который впадал, как в

возбужденный сон, и через который проходил, как через восхитительный сон - где умереть означало бы остаться, скача дальше, без борьбы или боли".

Иногда бизона уничтожают гораздо менее спортивным способом: обрыв и фунт - вот два способа, которым обычно следуют. Читателю, вероятно, известно, что в тех частях Северной Америки, где обитают бизоны, поверхность равнины часто прерывается оврагами с обрывистыми боками и огромной глубиной. Когда охотничья группа видит стадо бизонов в нескольких милях от одного из таких оврагов, они спокойно разделяются и обходят стадо, чтобы поместить бизонов между собой и оврагом.

Они осторожно продвигаются вперед, а бизоны, отступая от них, все ближе и ближе подходят к оврагу, при этом все теснее и теснее сбиваясь в кучу. Внезапно охотники поднимают крик и бросаются вперед на бизонов. Испуганные животные бросаются в бегство со всей возможной скоростью и бегут, пока не достигают края оврага. Здесь передние бизоны пытаются сдержать себя, но безуспешно, так как их подгоняют сзади их товарищи, и таким образом почти все стадо оказывается в обрыве и погибает при падении. Даже те, кто находится в хвосте, наконец, видят свою опасность и пытаются бежать, вынуждены преодолевать горнило своих врагов, которые позволяют спастись лишь немногим из них.

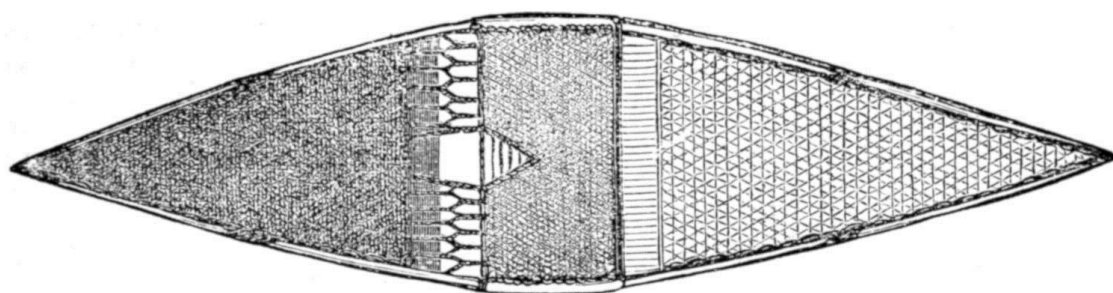
Несколько похожий план принят в загоне, в который бизоны загоняются охотниками. Загон представляет собой загон из срубленных деревьев и веток с отверстием, которое постепенно расширяется. Зубров загоняют в загон, что часто занимает несколько недель, и, когда они оказываются в смертельных объятиях входа, их подталкивают вперед с помощью маленьких костров, которые зажигают по обе стороны. Инстинкт побуждает животных спасаться от стихии, которая пронесется над огромными пространствами страны и убивает все живое в ней, и они спешат к загону, в котором их сразу же закрывают. К счастью для охотников, бизоны не знают своей силы. Они могли бы легко проломить стены загона, но в основном довольствуются тем, что крутятся туда-сюда, и пассивно ожидают прихода уничтожителя. Они настолько глупы в этом отношении, и их убивают в таком количестве, что из костей убитых бизонов строят загоны.

Зимой на бизонов охотятся по другому плану. В это время года мех или "шкура" бизона наиболее густой и теплый, а кожа представляет наибольшую ценность. Именно из этих шкур изготавливают ковры и халаты "бизон", без которых жизнь на свежем воздухе была бы едва ли выносима в северных районах этого огромного континента.

В зимние месяцы прерии приобретают новый облик. Они не только покрыты снегом, так что обычные ориентиры стираются, но снег раздувается ветром до самых фантастических форм, местами поднимаясь в длинные и резко очерченные холмы там, где холмов не было, образуя ровные равнины там, где земля действительно изрезана впадинами, и оставляя голыми только вершины выступов, откуда снег сдувается буйными ветрами, проносящимися по бескрайним просторам. На этих холмах бизоны собираются для выпаса, разгребая своими широкими носами снег, который еще держится на траве.

Животные инстинктивно держатся подальше от небольших, но коварных равнин и долин, зная, что скрытые расщелины могут в любой момент поглотить их. В эти долины их и пытаются загнать охотники, чтобы они беспомощно запутались в снегу и стали легкой жертвой копья. Если бы не изобретение, позволяющее охотникам передвигаться по поверхности снега, бизоны были бы в полной безопасности, но снегоступы отдают бедных животных на милость преследователей. Сначала необходимо описать это хитроумное приспособление.

Лучшая форма [снежного башмака](#) показана на следующей странице. По форме он напоминает рыбу, а его каркас сделан из ясеня и поддерживается двумя поперечными перекладинами, одной спереди и одной сзади. Спереди он слегка вывернут. Все пространство внутри каркаса заполнено плотной и прочной сеткой из шкурных ремешков, очень похожих на ракеточные - действительно, франко-канадцы используют слово "*ракеточка*" для обозначения снегоступов. Поскольку снежный башмак имеет около пяти футов в длину и восемнадцать дюймов или более в ширину, очевидно, что вес его владельца распределяется по большой поверхности и что тяжелый человек в такой обуви может безнаказанно пройти по снегу, в котором ребенок утонул бы, если бы только стоял на ногах.

СНЕЖНАЯ ОБУВЬ. (Из моей коллекции.)

Сразу за отверстием находится треугольное пространство, пересеченное параллельными ремешками. Когда обувь надевается, нога ставится на нее так, чтобы пятка опиралась на параллельные ремешки, а центр стопы поддерживался толстым поперечным ремешком, называемым "бимикибисон", пальцы ног проходят в квадратное отверстие, которое называется ушком обуви. Чтобы удержать ногу на месте, к бимикибисону прикреплены две кожаные петли (на рисунке не показаны), одна из которых проходит над голенищем, а другая огибает пятку.

Таким образом, при движении ноги свободно играют на бимикибизоне, пятки при каждом шаге опускаются на параллельные ремешки, а пальцы движутся вверх и вниз через "глаз" ботинка, который волочится по снегу с помощью ремешка на заднике, а пяточный ремень нужен только для того, чтобы нога не выскользнула назад.

Потренировавшись, пользователь может скользить по снегу с поразительной скоростью, но для новичка первая попытка не только неудобна, но и причиняет мучительную боль. Непривычное движение стопы вместе с давлением ремешка на голенище вызывает боль, характерную для снежных ботинок, которую канадцы называют "*mal du raquet*". Кровь не только окрашивает снег, когда израненная нога волочит тяжелый ботинок по поверхности, но и боль пронизывает всю стопу, как будто все маленькие косточки вывихнуты и трутся друг о друга. Упорство - единственное лекарство от "*mal du raquet*", и уже через несколько дней пользователь может идти дальше с полным комфортом.

Самой изобретательной частью снежного ботинка является способ его крепления к ноге. Очевидно, что если бы он плотно прилегал к ноге, как подошва ботинка, то владелец не смог бы сделать и шага. Движения владельца снегоступов чем-то напоминают движения конькобежца: ботинок скользит по снегу, а не поднимается и опускается, как обувь при обычной ходьбе. Если читатель обратится [к рисунку](#), то увидит, что в середине и в передней части ботинка есть квадратное отверстие, окантованное ремешками, гораздо более прочными, чем остальные.

Часто случается, что сильные снежные бури выпадают до того, как люди успевают заменить обувь, которая обычно повреждается в течение летних месяцев, и в этом случае они вынуждены делать снегоступы из плоских досок. Они короче и шире обычных снегоступов, но используются точно так же: в доске вырезается "ушко", а через отверстие крепятся необходимые ремешки. Эти простые приспособления получили название, означающее "обувь из медвежьих лап". Некоторые племена прерий используют очень длинные и сравнительно узкие коньки, вывернутые спереди и в точности напоминающие "скидор" Северной Европы.

Передвигаясь на снегоступах, американский индеец держит бизонов в своей власти. Он сгоняет стадо с возвышенностей в долины, и пока бедные животные барахтаются в глубоком снегу, он специально выбирает тех, у кого самые большие и мягкие "одеяния", и убивает их своими копьями. Тысячи животных ежегодно убиваются таким образом, с них снимается шкура, и за исключением языка и горба, которые являются лучшими частями бизона, вся туша остается для хищных волков и птиц прерий.

В этих местах туземные охотники добывают огромных лосей. Они выбирают время, когда после частичной оттепели наступают морозы, чтобы на подложке мягкого снега осталась тонкая корочка льда. Когда лось пробирается по снегу, он проламывает эту ледяную корку на каждом шагу, страшно режет себе ноги обломками, и таким образом становится легкой жертвой.

Другой способ охоты на бизонов представляет собой любопытную аналогию с гениальным методом охоты на страусов, который практикуют босджесманы на юге Африки.

На обширных равнинах Северной Америки в большом количестве бродят так называемые волки. Они неделями следуют за охотником, чтобы полакомиться отбросами убитых им зверей. Они не осмелятся причинить ему вред, но днем следуют за ним на расстоянии полумили или около того, а ночью, когда он ложится спать, они тоже пристраиваются на почтительном расстоянии.

Если он ранит бизона и не сможет его спасти, то рано или поздно волки обязательно завладеют этим животным, а если им удастся отделить от стада одного бизона, то они справедливо затравят несчастное животное до смерти. Но они никогда не осмелятся напасть на стадо бизонов, и, инстинктивно понимая, что взаимная поддержка обеспечивает защиту, бизоны позволяют волкам подходить к ним довольно близко и, более того, свободно разгуливать среди стада. Этим фактом охотники пользуются следующим образом. Они снимают шкуру с крупного волка и надевают ее на себя, так что, когда они встают на четвереньки, голова волка оказывается чуть выше их головы, а руки и ноги частично покрыты шкурой, принадлежащей соответствующим членам волка.

Замаскированные таким образом, они медленно и осторожно подкрадываются к стаду, держа лук и стрелы в левой руке. Зубры, чьи глаза не самые лучшие, так как их заслоняет масса черной шерсти, перекрывающей их, ничего не думают о предполагаемых волках и позволяют им подойти совсем близко. Даже если какое-нибудь животное, более настороженное, чем его товарищи, заподозрит уловку, замаскированному охотнику достаточно повернуть в другую сторону, как будто существо, которое он представляет, не имеет никакого отношения к стаду. Постепенно ему удастся подкрасться к бизону, которого он предпочитает, и вогнать стрелу с кремневым наконечником в его сердце. Не дожидаясь выстрела, раненый бизон отбегает на несколько шагов и падает на землю, не потревожив

никого из своих товарищей. Охотник оставляет умирающую добычу, отправляется за другой жертвой и убивает ее таким же образом. Таким образом, умелый охотник успевает израсходовать весь свой запас стрел, убивая каждой стрелой бизона, и при этом не тревожит остальное стадо.

Как на охоте, так и на войне конные воины всегда носят лассо, прикрепленное к седлу их лошадей. Однако его не сматывают, как это принято в Мексике, а пускают по земле за лошадью. Цель этого обычая легко понять. Часто случается, что во время охоты или военных действий всадник сбрасывается с лошади. В таком случае, едва коснувшись земли, он хватается лассо, рывком останавливает свою хорошо обученную лошадь, вскакивает ей на спину и сразу же готов возобновить бой или погоню.

Способ, которым туземцы обеспечивают себя лошадьми, заслуживает краткого описания. В разных частях страны лошади полностью акклиматизировались и в течение многих лет свободно бегали, так что потеряли все следы одомашнивания и стали такими же дикими, как бизоны и антилопы, собираясь в большие табуны, возглавляемые самыми сильными и быстрыми животными. Именно из этих стад туземцы поставляют себе лошадей, которые в последние годы стали им совершенно необходимы; в большинстве случаев животные добываются в честной погоне следующим образом:...

Когда американский индеец, скажем, каманчи, хочет поймать свежую лошадь, он садится на своего лучшего коня и отправляется на поиски ближайшего табуна. Приблизившись настолько, насколько это возможно, чтобы его не обнаружили, он мчится к табуну на полной скорости и, выбрав одну из лошадей, когда она несется галопом, мешаемая множеством своих товарищей, накидывает ей на шею свое лассо.

Как только петля затянется, охотник спрыгивает со своего коня (который приучен стоять на одном месте, пока не захочет) и позволяет тащить себя за испуганным животным, которое вскоре падает, задушенное кожаным шнуром.

Когда лошадь упала, охотник осторожно поднимается, держа лассо достаточно туго, чтобы животное не могло спокойно восстановить дыхание, и достаточно свободно, чтобы не допустить полного удушья, и наконец может положить одну руку на глаза, а другую - на ноздри.

Теперь животное находится в его власти. Он сильно вдыхает в ноздри, и с этого момента доселе дикая лошадь становится его рабом. Чтобы внушить животному факт своего рабства, он на время сковывает ему передние ноги и накидывает петлю на нижнюю челюсть; но через удивительно короткий промежуток времени он может снять скованность и прискакать на покоренном животном в лагерь. В течение всего времени, пока лошадь укрощается, она брыкается и борется самым диким образом; но после этой единственной борьбы она уступает и становится добровольным рабом своего завоевателя. Те, кто видел, как покойный мистер Рэри оперировал дикую лошадь, могут легко представить себе сцену, происходящую в прерии.

Быстрота, с которой завершается эта операция, поистине удивительна. Опытный охотник способен преследовать, поймать и сломать дикую лошадь в течение часа, причем он делает свою работу так эффективно, что почти перед тем, как его спутники скрываются из виду, на доселе диком животном едут так, как будто оно родилось в рабстве.

Туземный охотник, жестокий хозяин, хотя он, как правило, и является таковым, особенно заботится о том, чтобы не заглушить дух своей лошади, и гордится тем, что она делает повороты и изгибы, когда принимает своего хозяина на спину.

У этого способа охоты есть только один недостаток. Невозможно поймать лассо самые лучшие и быстрые экземпляры. Эти животные всегда берут на себя командование стадом и ставят себя во главе его. Кажется, что они берут на себя ответственность, а также позицию вожака, и, как только они боятся опасности, бросаются прочь на полной скорости, зная, что стадо последует за ними. Поэтому они часто опережают своих последователей на полмили и более, так что у охотника нет шансов догнать их на лошади, которой мешает вес всадника.

После появления огнестрельного оружия был изобретен довольно странный метод отлова лошадей. Технически он называется "смятие" и осуществляется следующим образом. Взяв с собой винтовку, охотник подкрадывается к стаду так близко, как только может, и наблюдает, пока не остановится на лошади, которая, по его мнению, ему подойдет. Дождавшись, когда животное встанет к нему боком, он тщательно прицеливается в верхнюю часть шеи и стреляет. Если прицел верный, пуля лишь задевает шею, и лошадь падает как мертвая, на мгновение оглушенная шоком. Она приходит в себя в течение очень короткого времени, но прежде чем она встанет на ноги, охотник успевает подойти к распростертому животному, закрыть ему глаза руками, вдохнуть в ноздри и таким образом подчинить его себе.

Это очень эффективный способ ловли лошадей; но он не нравится тем, кто хочет иметь лошадей для своей езды, потому что он всегда ломает дух животного и лишает его того огня и оживления, которые так высоко ценит туземный воин. Действительно, каманчи так бережно относятся к своему животному, что садятся на своего любимого боевого коня только во время военных действий или охоты. Когда его призывает вождь, он участвует в сборе, сидя на второй лошади, или хакке, и ведя своего боевого коня за уздечку.

Дикие лошади Северной Америки - небольшие и аккуратные, но сильные животные. Мистер Кэтлин говорит, что их ценность сильно переоценена, поскольку даже те, что принадлежат каманчи и считаются равными лучшим арабским лошадям, в среднем стоят около двадцати фунтов каждая. У вождей, как правило, есть одна или две лошади очень высокого качества; но в среднем каманчейская лошадь стоит не больше вышеупомянутой суммы.

На рынок обычно поступают лошади, полученные путем "смятия". Опытные покупатели, однако, не слишком заботятся о таких животных. Кроме того, биговке присущи два недостатка. Охотник в равной степени рискует промахнуться мимо цели, и тогда весь табун разбегается, не оставляя охотнику ни единого шанса; или нанести слишком низкий удар, и тогда лошадь погибает на месте.

В соответствии со своим обычаем, некоторые племена исполняют священный танец, чтобы привлечь бизонов к себе. Наиболее характерным из этих представлений является танец бизона, который практикуют манданы.

Иногда случается так, что запасы свежего мяса заканчиваются. Большую часть года бизоны разбросаны по земле довольно равномерно, так что охотники могут найти достаточное количество дичи в нескольких милях от своей деревни, чтобы обеспечить себя едой. Действительно, большие стада бизонов часто можно увидеть из самой деревни, их черные массы выделяются на фоне зелени земли, по которой они разгуливают.

Однако в определенное время года животные непременно удаляются от деревень все дальше и дальше, так что охотники, чтобы добыть мясо, вынуждены уходить так далеко от

своей земли, что им грозит опасность встретиться с военными отрядами враждебного племени. Наконец охотники докладывают совету вождей и знахарей, что больше не могут найти дичь. Сразу же собирается торжественный конклав, и если после нескольких дней терпеливого ожидания, в течение которых каждый взрослый в общине доведен до состояния полуголодного существования, бизоны не будут найдены, назначается танец бизонов. Этот замечательный танец - своего рода дань уважения Великому Духу, признание того, что Он может послать к ним животных, и молитва о том, чтобы Он это сделал; и, как мы увидим в дальнейшем, это средство никогда не подводит.

Среди манданов каждый мужчина по закону обязан иметь маску буйвола, *то есть* шкуру, надетую на голову, с добавленными к ней рогами. Обычно к голове добавляется полоса кожи шириной около четырех или пяти дюймов, идущая по всей длине животного, включая хвост. Когда владелец надевает маску, полоса кожи тянется по спине, а хвост волочится по земле за ним.

Я носил одну из этих странных масок и нашел ее гораздо менее неудобной, чем можно было предположить. Она не такая громоздкая, как государственная одежда вождя, описанная на [странице 1276](#). Маска буйвола хранится у каждого мужчины у изголовья его кровати, и это обстоятельство придает интерьеру хижины, или ложи, как ее называют, странную дикость, особенно если в одной ложе спят несколько молодых воинов.

Как только дается разрешение на танец буйвола, мужчины отправляются в свои домики и выносят маски, а также оружие, которое они привыкли использовать на охоте. Десять или пятнадцать из них выстраиваются в круг, а знахари садятся на землю, бьют в свои священные барабаны и трясут трещотками в такт ритмичным движениям, которые направляют шаги танцоров.

Они непрерывно движутся по кругу, притопывая, повизгивая, похрюкивая, повизгивая и подражая движениям бизонов. Танец продолжается день и ночь без перерыва, и поскольку он никогда не прекращается, пока не увидят бизонов, читатель поймет, что он абсолютно эффективен для их привлечения. Оживленная [зарисовка](#) такого танца приведена на следующей странице.

Способ, в котором он проводится, довольно забавен. Знахари, которые бьют в барабаны и подбадривают танцоров, время от времени подменяются своими товарищами. Но для танцоров, как предполагается, нет иного облегчения, кроме смерти. Однако эта трудность преодолевается с помощью своего рода юридической фикции. Когда один из исполнителей кричит, топает, ревет и прыгает, пока не может больше танцевать, он опускается и кладет руки на землю. Другой танцор, вооруженный очень слабым луком и стрелами с большими тупыми наконечниками, прилаживает стрелу к своему луку и стреляет в него. Раненый танцор падает на землю, его хватают зрители, вытаскивают с ринга, сдирают с него кожу и разделяют, после чего ему разрешают удалиться и отдохнуть от трудов. Как только его вытаскивают из кольца, на его место вскакивает другой танцор, и так танец может продолжаться неделями без остановки.

Тем временем на всех холмах в пределах досягаемости выставляются разведчики, и как только один из них видит бизонов, он дает сигнал, подбрасывая в воздух свою веревку в направлении дичи. Мистер Кэтлин рассказывает о замечательном случае танца бизонов и его продолжении.

Дичи было мало, танцы продолжались уже несколько дней, и деревня находилась в состоянии растущего бедствия, когда с холмов раздался приветственный сигнал. Танец

прекратился, молодые люди вскочили на руки, вскочили на коней и помчались в прерию навстречу сигналу.

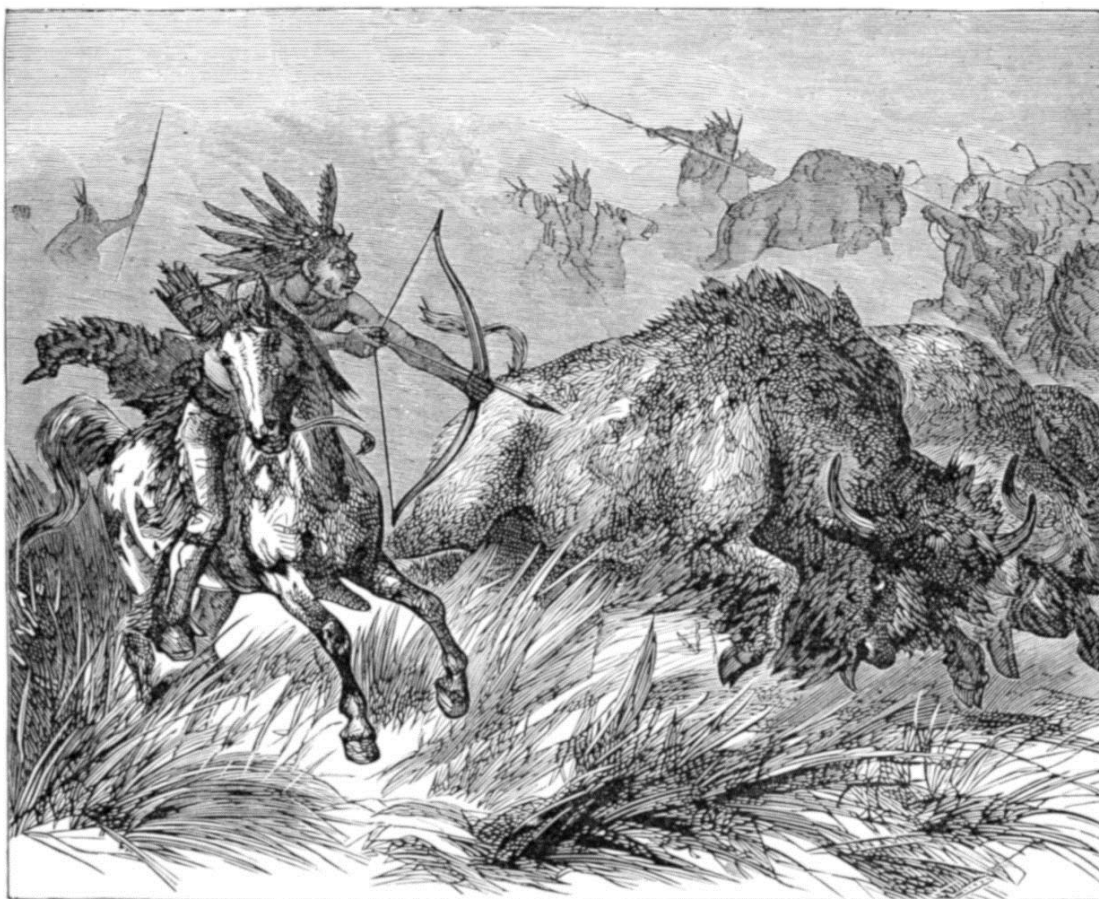
"В деревне, где царил голод и голод почти готов был заглянуть им в лицо, все мгновенно обратилось в радость и веселье. Вождь и врачи, которые в течение семи дней раздавали общине минимальные пайки из общественного ларя, теперь разложили перед своими подданными содержимое своих личных *тайников* (*то есть* спрятанных запасов) и последнее, что удалось собрать, чтобы они могли съесть в знак благодарности Великому Духу за Его доброту, пославшую им запас бизоньего мяса.

"Последовало всеобщее застолье, занявшее большую часть дня, и их припрятанные запасы, которые могли бы прокормить их в случае необходимости несколько недель, были почти полностью израсходованы. Кости были наполовину собраны, посуда наполовину опустошена, а затем отдана собакам. Не был забыт в общем изобилии и я. Несколько больших и щедрых деревянных мисок с пеммиканом и другой вкусной едой были отправлены в мою комнату для рисования, и я принял их в это скудное время с большим удовольствием".

Когда пир закончился, начались песни и танцы, и вся деревня наполнилась звуками веселья. Вдруг в самый разгар веселья среди пирующих бросились двое или трое охотников: у одного в руках был еще кровоточащий скальп, другой сидел израненный на лошади, белый плащ которой багровел от быстро стекающей крови всадника, а третий был хоть и ранен, но совершенно безоружен - он бросил свое оружие в спешке бегства.

Их роковая история вскоре была рассказана. Бизоны, за которыми погнались охотники, оказались не более чем пустыми шкурами, в которых спряталась группа воинов сиу и имитировала действия животных, которых они изображали. Заядлые враги манданов, они ночью разведали их деревню и убедились, что те исполняют танец бизонов. Несколько из них раздобыли бизоньи шкуры и исполнили роли животных, а их товарищи спрятались за обрывами.

К счастью для манданов, их вождь заподозрил, что это бизоны, и остановил свой отряд, прежде чем они попали в ловушку, и, когда восемьдесят или девяносто конных сиу бросились на них из-за обрыва, они уже начали возвращаться домой. Однако, как оказалось, восемь из них пали, и эта потеря была плохо компенсирована одним или двумя скальпами сиу, которые манданы получили в спешке бегства. Даже при таких неблагоприятных обстоятельствах танец бизонов не утратил своей репутации, поскольку через два дня большое стадо бизонов прошло рядом с деревней и дало обильный запас мяса.

(1.) ОХОТА НА БИЗОНОВ.
(См. [стр. 1293.](#))

(2.) ТАНЕЦ БИЗОНОВ.

(См. [стр. 1298.](#))

ГЛАВА СXXXVIII. СЕВЕРНОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДИЙЦЫ - Продолжение. РЕЛИГИЯ-СУЕВЕРИЯ.

СТРАШНЫЕ ИСПЫТАНИЯ МАНДАНОВ - ЛЕГЕНДА О ПОТОПЕ - ПРИБЛИЖЕНИЕ ПЕРВОГО ЧЕЛОВЕКА - ВЕЛИКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДОМИК И ЕГО СОДЕРЖИМОЕ - ПРИБЛИЖЕНИЕ КАНДИДАТОВ И УХОД ПЕРВОГО ЧЕЛОВЕКА - ТАНЕЦ БУЙВОЛА, И БОЛЬШОЕ КАНОЭ - ПРИБЛИЖЕНИЕ ЗЛОГО ДУХА - СИЛА МЕДИЦИНСКОЙ ТРУБКИ - НАЧАЛО ИНИЦИАЦИИ - ИСПЫТАНИЕ ПОДВЕШЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ - ОБМОРОК И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ - ПОСЛЕДНЯЯ ГОНКА - ДВА ОТВАЖНЫХ ИНИЦИАТА - ВЗГЛЯД НА СОЛНЦЕ - ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ - ВОЛОСЫ БЕЛОГО БУЙВОЛА И ЕГО ДОБЛЕСТЬ - СУМКИ И ТОТЕМЫ - ЗНАХАРЬ ЗА РАБОТОЙ - РАНЕННЫЙ МУЖЧИНА И БОЛЬНАЯ ДЕВУШКА - ИНИЦИАЦИЯ В ОРДЕН МИДЕ - ТРУБКИ МИРА И ВОЙНЫ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.

Теперь мы перейдем к религиозным церемониям этих замечательных племен и начнем с ужасного испытания, через которое должны пройти юноши, прежде чем их признают мужчинами. У манданов это испытание по продолжительности и суровости отбрасывает в тень все различные испытания, о которых мы читали. Даже страшные перчатки мундуруку кажутся мягкими по сравнению с ужасами манданской инициации.

До последних лет эта церемония была совершенно неизвестна. Каждый, кто знал этот народ, был в курсе, что юноши манданов должны пройти через ужасные сцены пыток, прежде чем занять свое место среди воинов, но подробности всей церемонии держались в глубоком секрете и не разглашались до тех пор, пока мистеру Катлину, в его образе знахаря (который он приобрел благодаря своему мастерству живописи), не разрешили присутствовать. Очень удачно, что он это сделал, потому что племя Мандан полностью вымерло, и таким образом записи о самом необычном суеверии исчезли бы. Церемония очень длинная и сложная, и ниже приводится ее сжатый отчет.

Церемония имеет религиозный аспект и, по сути, проводится для того, чтобы умиловать Великого Духа в пользу молодых людей, которые ее проходят, чтобы он сделал их доблестными воинами и успешными охотниками. У него есть и другая важная цель. Проводимое в присутствии великого вождя и знахаря, оно позволяет вождю племени наблюдать за поведением юношей, проходящих через испытание, и решать, смогут ли они выдержать различные лишения индейской войны.

Сначала читателю нужно рассказать, что среди манданов сохранилась легенда о потопе, который покрыл всю землю, и от которого спасся только один человек в большом каноэ. В центре деревни есть большое открытое пространство, на котором условно изображено "большое каноэ", в котором спасся Первый или Единственный человек. Оно ничуть не похоже на каноэ, и на самом деле представляет собой не что иное, как некую ванну, стоящую на одном конце. Оно скреплено деревянными обручами и религиозно оберегается от повреждений: ни малейшей царапине не позволено осквернить его гладкую поверхность.

Церемония проводится только раз в году, и это время обозначается полным распусканием листьев ивы под берегами реки. У манданов существует легенда о птице, прилетающей к большому каноэ с листом во рту, только у них это лист ивы, а не оливы. Сама птица считается священной, и, поскольку ее нельзя ранить, ее часто можно увидеть кормящейся на верхушках хижин манданов.

Рано утром в назначенный день на дальнем обрыве виднеется фигура, приближающаяся медленными и величественными шагами. Как только его видят, вся деревня приходит в смятение, как будто на нее напал враг. Собак ловят и натравливают на них собак, лошадей, пасущихся на окрестных пастбищах, загоняют в деревню, воины раскрашивают лица для битвы, берут копыя, натягивают луки и готовят стрелы.

В разгар этой суматохи Первый Человек, или Ну-мохк-мук-а-на, как его называют на языке манданов, выходит на центральную площадку, где вождь и главные воины принимают его ижимают руки. Он представляет собой странный объект для глаз. Его почти обнаженное тело выкрашено в белый цвет, на плечи накинута мантия из белой волчьей шкуры, голова украшена плюмажем из вороньих перьев, а в левой руке он держит свою таинственную трубку, к которой относится с величайшим почтением.

Поприветствовав вождя, он направляется в большой лекарский домик, который в течение года остается закрытым, подметает его и устилает пол свежими зелеными ветвями и ароматными травами. На пол кладут несколько черепов людей и бизонов, на балки накидывают несколько новых веревок, под них подкладывают несколько крепких деревянных шампуров, а в центре сооружают небольшую платформу, на вершине которой лежит главный знахарь или тайна племени. Это настолько священо, что никому не разрешается приближаться к нему, кроме проводящего церемонию, и никто, кроме него, никогда не знает, что это такое.

Затем он последовательно заходит в каждую хижину, встает перед воротами и громко плачет. Когда хозяин выходит, Первый Человек рассказывает об обстоятельствах потопа и о своем спасении и требует топор или нож в качестве жертвы Великому Духу. Каждая хижина предоставляет какой-либо инструмент с острыми краями; когда рассказ закончен, их несут в лекарский домик. Там они лежат до последнего дня церемоний, когда их бросают в глубокий бассейн реки. Никому не разрешается прикасаться к ним, и там они лежат до тех пор, пока в какой-то будущий день их не обнаружат, к большому недоумению антикваров.

С момента появления Первого человека в деревне воцаряется мертвая тишина, что совершенно противоположно обычным шумным привычкам местных жителей. Где он спит, никто не знает, но на рассвете следующего утра он снова входит в деревню, как и раньше, и идет к лекарскому домику, а за ним следуют кандидаты на посвящение, идущие в индейском строю, каждый из которых раскрашен причудливо и несет свой лук и стрелы, свой щит и "лекарственную сумку". Об этой вещи мы узнаем подробнее на одной из следующих страниц. В молчании они рассаживаются вокруг ложа, у каждого над головой висит его оружие.

Здесь им предстоит просидеть четыре дня, в течение которых они не могут общаться с теми, кто находится снаружи хижины, им не разрешается есть, пить и спать. Когда они занимают свои места, Первый человек зажигает свою трубку от огня, который горит в центре хижины, и обращается к кандидатам с речью, увещевая их быть мужественными и стойкими и молясь, чтобы Великий Дух дал им силы благополучно пройти через испытание.

Затем он подзывает к себе старого знахаря и назначает его церемониймейстером, вручая ему в качестве символа должности тайную трубку. Обратившись к собравшейся компании, он покидает вождей, сказав, что вернется через год и снова откроет ложи, и медленно выходит из деревни, исчезая за обрывами, откуда пришел. Затем церемониймейстер занимает свое место в центре ложи и вновь зажигает трубку, произнося с каждой затяжкой дыма прошение к Великому Духу от имени кандидатов. Три полных дня они молча сидят вокруг ложи, а за ее пределами происходит странная череда церемоний.

Главный из них - танец бизонов, в котором восемь актеров одеты в целые шкуры бизонов, а на спине несут большую связку легких веток. В одной руке они также несут таинственную погремушку, а в другой - тонкий посох. Они располагаются четырьмя парами вокруг Большого каноэ, каждая пара соответствует одной из кардинальных точек компаса. Между каждой группой танцует юноша, двое из которых выкрашены в черный цвет и усыпаны белыми звездами, чтобы символизировать ночь, а двое других выкрашены в красный цвет, чтобы символизировать день.

Рядом с Большим Каноэ сидят два знахаря, одетые в шкуры медведей гризли и угрожающие сожрать всю деревню. Чтобы утолить голод, женщины постоянно приносят в блюда мясо, которое тут же уносят в прерию мужчины, выкрашенные в черный цвет, за исключением головы, которая у них белая. Они раскрашены таким образом в подражание лысоголовому орлу. Когда они бегут в прерию, их преследует множество маленьких мальчиков, раскрашенных в желтый цвет, с белыми головами, и называемых антилопами. После жестокой погони они настигают людей-орлов, отбирают еду и пожирают ее.

Эти танцы происходят несколько раз в день, исполнителей созывает церемониймейстер, который выходит из лекарственной хижины, сопровождаемый своими ближайшими помощниками, и направляется к Большому каноэ, к которому он прислоняется и громко плачет, как будто в страшной беде. В первый день танец исполняется четыре раза, во второй

- восемь, в третий - двенадцать, в четвертый - шестнадцать; звук плача старика служит сигналом для выхода танцоров из хижины, в которую они облачаются.

Во время каждого представления старые знахари, бьющие в свои барабаны, обращаются к зрителям, говоря им, что Великий Дух доволен их призывами и даровал им мир; что даже их женщины и дети могут держать в пасти медведей гризли; и что злой дух, которому бросают вызов эти обряды, не осмелился явиться. Тридцать два раза в течение четырех дней совершается этот обряд, и ни один злой дух не появляется, но в последний день он приходит, и это ужасный на вид объект.

На дальнем обрыве появляется злой дух и диким и коварным курсом устремляется к деревне. Вскоре он входит в круг, совершенно голый, тело его выкрашено в черный цвет и покрыто белыми кольцами, рот украшен белыми углублениями, похожими на большие зубы, а в руке он держит длинный волшебный посох, увенчанный красным шаром. На бегу он скользит этим шаром по земле и внезапно бросается на группу женщин, наблюдающих за церемонией.

Они в ужасе падают друг на друга и кричат о помощи, которую подает церемониймейстер. Как только он слышит их крики, он выбегает из Большого каноэ, где плакал, и держит перед незваным гостем свою волшебную трубку. Чудодейственное воздействие мгновенно останавливает демона, и он стоит как окаменелый, каждая конечность остается в том положении, в котором она находилась, когда перед ним была трубка.

"Это дало самкам возможность выбраться из-под удара, и когда они оказались вне опасности, хотя все сердца еще бились в сильнейшем волнении, их тревога улеглась в непомерный смех и крики аплодисментов по поводу его внезапного поражения, а также неловкой и смешной позы, в которой он был остановлен и удерживался. Старик был жестко привязан к его боку, его глазные яблоки смотрели ему в лицо, а лекарственная трубка держала в своей таинственной цепи его сатанинское величие, аннулируя все силы его волшебной палочки, а также лишая его способности передвигаться.

"Конечно, ни одно человеческое существо не представляло собой более поразительной группы, чем эти два человека, которые на несколько мгновений вскинули друг на друга глаза в жесточайшей взаимной ненависти; оба боролись за превосходство, полагаясь на силу своего лекарства или тайны; один сдерживал себя, с его телом, окрашенным в черный цвет, представляя, или, скорее, принимая себя за О-ки-хи-де (Злой Дух), хмурясь вечной местью на другого, который сурово смотрел на него в ответ с видом ликования и презрения, пока он сдерживал его и обезоруживал под чарами своей священной мистерии-трубы."

Эта сцена повторяется до тех пор, пока сила волшебной трубки не будет доказана против нападок злодея, а люди не поверят в ее защиту. Тогда женщины начинают в свою очередь издеваться и смеяться над своим гонителем, пока, наконец, одна из них не выхватывает горсть грязи и не выплескивает ее ему в лицо. Он сразу же побежден этим ударом и начинает жалобно плакать. Ободренная этим признанием слабости, другая женщина выхватывает у него волшебный посох и ломает его об колено. Его осколки хватают окружающие женщины, разламывают их на части и бросают в голову демона. Лишившись всех своих сил, он убегает через прерию, за ним полмили или около того следуют женщины, которые забрасывают его палками, камнями и грязью, пока, наконец, ему не удастся сбежать, и деревня избавляется от злого духа еще на год.

Теперь можно приступить к остальным этапам инициации.

Маленький эшафот с его мистической ношей убирают из центра большого лекарского домика, веревки из шкур передают через отверстия в крыше мужчинам, стоящим снаружи, а церемониймейстер и его помощники вместе с вождями и храбрецами племени снова входят в домик и занимают свои места.

Теперь вызывается первый кандидат, и он, истощенный четырехдневным воздержанием от еды, питья и сна, становится перед двумя операторами. Один из них, вооруженный обоюдоострым ножом, намеренно затупленным и зазубренным, отщипывает примерно дюйм плоти плеча или груди и просовывает нож между пальцем и большим пальцем и телом кандидата. Затем нож вынимается, и через отверстие просовывается один из деревянных шампуров. Эта операция повторяется на другом плече или груди, на каждой руке чуть ниже плеча и ниже локтя, на каждом бедре и на каждой ноге чуть ниже колена.

Во время этой операции кандидаты не допускают ни малейших признаков боли и даже приглашают зрителей следить за их лицами, чтобы убедиться, что они не выдают никаких признаков страдания. Они вполне могут это сделать, ведь от вердикта этих вождей зависит то, как будут относиться к ним в последующей жизни, и ни у кого нет шансов быть назначенным вождем военного отряда, если он дрогнет во время испытания.

Как только эти приготовления завершены, две веревки из шкур спускают с крыши и зацепляют за шампуры на груди или плечах. К другим подвешивают оружие кандидата, а к нижним - руки и ноги - черепа бизонов. Затем подается сигнал, и беднягу поднимают в воздух, где он раскачивается, держась только за два шампура и выдерживая не только свой собственный вес, но и вес тяжелых черепов; его ноги находятся на высоте шести или восьми футов от земли. В этом ужасном положении он должен оставаться до тех пор, пока природа не даст ему волю и он не потеряет сознание. Художник [изобразил](#) эту стадию страшного испытания на следующей странице.

"Окруженные, - пишет г-н Катлин, - импами и демонами, дюжина или более, которые, кажется, придумывают и изобретают средства для его изысканной агонии, собираются вокруг него, когда один из них с усмешкой приближается к нему и начинает поворачивать его вокруг оси с помощью шеста, который он держит в руке для этой цели. Сначала это делается мягко, но постепенно усиливается, пока бедняга, чей гордый дух не может больше контролировать свою агонию, не раздражается самыми жалобными и душераздирающими криками, на которые способен человеческий голос, взывая к Великому Духу с мольбой поддержать и защитить его в этом страшном испытании и постоянно повторяя, что он уверен в его защите.

"В таком состоянии его продолжают поворачивать все быстрее и быстрее, не оставляя ему ни надежды на спасение, ни шанса на малейшее облегчение, пока, потеряв сознание, его голос не затихает, борьба не прекращается, и он висит неподвижным и, кажется, безжизненным трупом. Когда его постепенно доводят до этого состояния, что обычно происходит в течение десяти или пятнадцати минут, за ним внимательно наблюдают его мучители, которые проверяют и сдерживают друг друга до тех пор, пока не обнаружится малейшее сопротивление или дрожь; чтобы его не убрали прежде, чем он, как они выражаются, будет полностью мертв".

Когда они удовлетворены, подается сигнал держателям веревок, и бесчувственного человека опускают на землю, вынимают шампуры, которые прошли через его грудь, и прикрепляют веревки к другому кандидату. Как только он упадет, ему дают полежать, никто

не смеет к нему прикасаться, ведь он отдал себя под защиту Великого Духа, и помочь ему было бы святотатством.

Когда он немного восстановит силы, то переползет в другую часть ложи, где сидит знахарь с черепом бизона перед ним и топором в руке. Подняв мизинец левой руки в качестве жертвы Великому Духу, посвящаемый кладет его на череп, который отсекается ударом топора. Иногда в жертву приносится и указательный палец той же руки, так что остаются только большой и два средних пальца, которые необходимы для удержания лука.

У посвящаемых считается делом чести как можно быстрее прийти в себя после обморока, и главные воины внимательно следят за этим, поскольку быстрота восстановления свидетельствует о том, что человек силен и способен перенести трудности, которым почти наверняка подвергнется каждый военный отряд до своего возвращения.

Финальная сцена посвящения называется "Последняя гонка" и является, если это возможно, даже более страшным испытанием, чем все, через которые еще прошли кандидаты.

[Иллюстрация](#) к ней также представлена читателю на следующей странице.

Читатель помнит, что, хотя шампуры, на которых были подвешены молодые люди, снимаются, как только их опускают на землю, остаются еще восемь - по два в каждой руке и по два в каждой ноге. К каждому из них прикреплен тяжелый груз, например череп бизона, и ни один из них нельзя вытаскивать. Они должны быть обязательно вырваны через плоть основной силой, и для достижения этой цели проводится Последняя гонка. До сих пор это испытание проходило в помещении лекарского домика, но Последняя гонка проводится под открытым небом, и все жители являются зрителями.

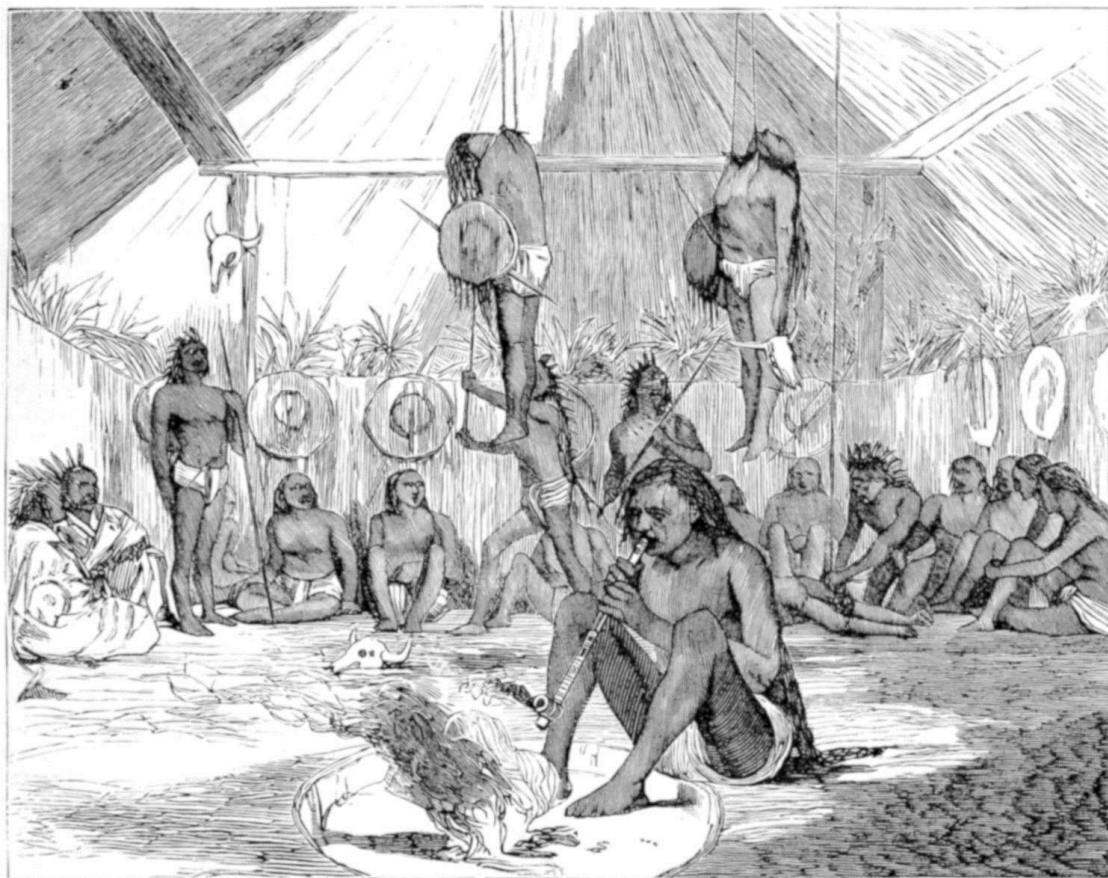
Церемониймейстер выходит из хижины, идет к Большому каноэ, прислоняется к нему головой и поднимает плач. На звук его голоса из хижины выходят двадцать молодых людей, все одинакового роста и в красивых военных платьях из орлиного пера. Каждый несет в одной руке венок из ивовых веток, и, достигнув Большого каноэ, они становятся вокруг него в круг, держа венки как связующие звенья. Затем они бегут вокруг каноэ слева направо, крича и вопя во весь голос, и идут так быстро, как только могут нести их ноги.

Кандидатов выводят из лекарственного домика, каждый из них несет тяжелые грузы, прикрепленные к его конечностям, и ставят их через равные промежутки за пределами кольца бегунов. Когда каждый занимает свое место, его передают в руки двух сильных молодых людей, которые обхватывают каждое его запястье широким кожаным ремнем, который они крепко держат, не завязывая.

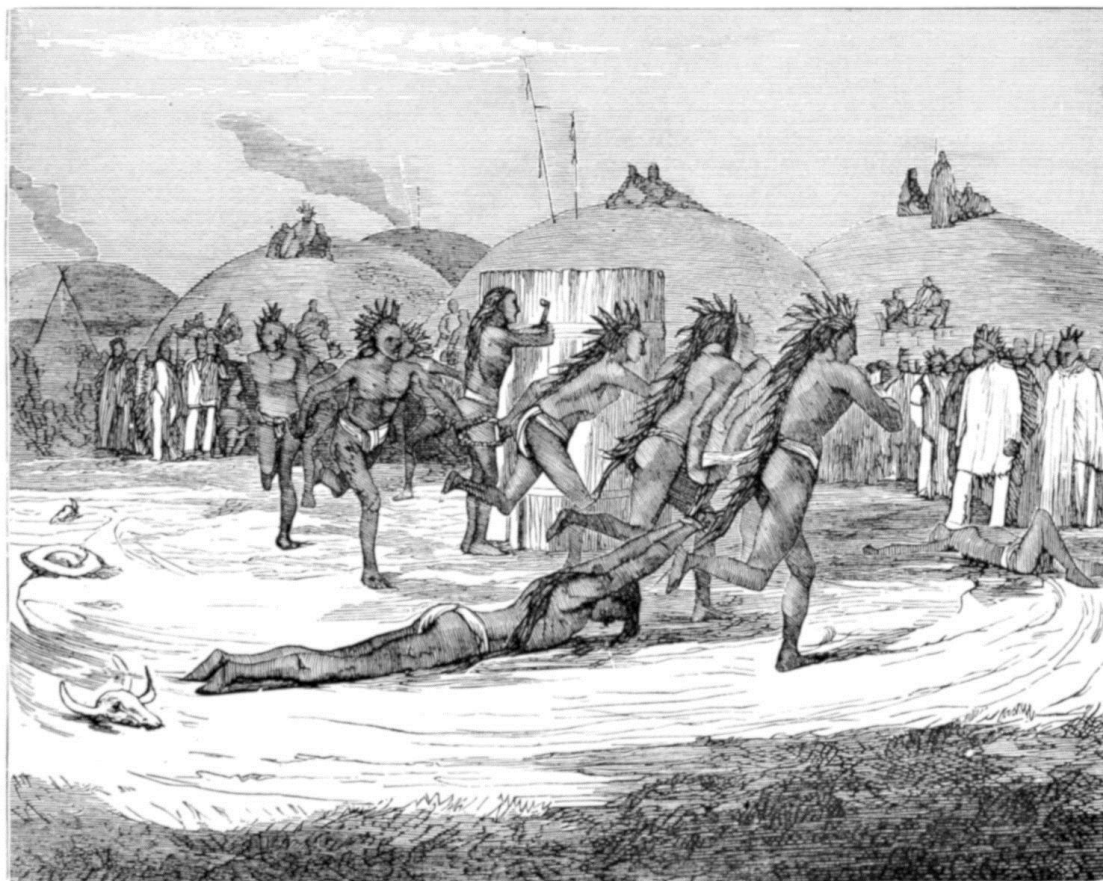
Как только все готовы, подается сигнал, и кандидаты начинают бегать вокруг Большого каноэ, за пределами внутреннего круга, каждого тащат за собой его сторонники, пока черепа и другие грузы не вырываются из шампуров, к которым они прикреплены. Зрители кричат и аплодируют во весь голос, чтобы заглушить стоны страдальцев, если сила природы извлечет из них хоть звук, и ободрить их, чтобы они выдержали это последнее испытание. Часто случается, что плоть настолько жесткая, что шампуры не удается вытащить, и в таких случаях друзья страдальцев прыгают на черепа, когда они волочатся по земле, чтобы придать им вес.

Кандидаты чаще всего теряют сознание, не успев далеко убежать, но их все равно тащат по кругу и не отпускают, пока не оторвется последний груз. Как только это происходит, двое мужчин, которые тащили своего бесчувственного подопечного, ослабляют хватку и убегают так быстро, как только могут, оставляя тело лежать на земле. Никто не может прикоснуться к бедняге, и вот он лежит, во второй раз попав в руки Великого Духа. Через несколько минут он

приходит в себя, поднимается и, шатаясь, пробирается сквозь толпу к своей хижине, где его встречают друзья и делают все возможное, чтобы помочь ему.

(1.) МАНДАНСКОЕ ИСПЫТАНИЕ ОТСТРАНЕНИЕМ.
(См. [стр. 1304.](#))

(2.) ПОСЛЕДНЯЯ ГОНКА.

(См. с. 1304.)

Непреложное правило гласит, что человека нельзя отпускать до тех пор, пока шампуры не прорвут плоть. Мистер Кэтлин рассказывает два замечательных анекдота, иллюстрирующих этот факт. В одном случае шампур, к сожалению, прошел под сухожилием. Бедного парня тщету таскали по рингу, и напрасно его друзья бросались на подвешенный к нему череп лося. Наконец зрители подняли крик бедствия, и церемониймейстер остановил бегунов, оставив бесчувственное тело лежать на земле. Вскоре парень пришел в себя, посмотрел на причину своих мучений и с приятной улыбкой пополз на руках и коленях в прерию, где оставался еще три дня без еды и питья, пока не наступило нагноение и он не смог освободиться от своего обременения. На руках и коленях он дополз до своего дома и, несмотря на свои страдания, через несколько дней выздоровел.

В другом случае две гири, прикрепленные к рукам, не удалось снять. Несчастный подполз к обрывистому берегу реки и вбил в землю кол. К этому колу он прикрепил гири двумя веревками и спустил себя на полпути к воде. В таком ужасном положении он провисел более двух дней, пока наконец слишком упрямая плоть не поддалась и не позволила ему упасть в воду. Он доплыл до берега, выбрался на крутой берег и пришел в себя.

Подобные случаи, как бы ужасны они ни были в то время, никогда не вызывают сожаления у тех, с кем они происходят, поскольку они служат средством доказательства их доблести и выносливости, и любой, кто преодолел их, пользуется большим уважением у остальных членов племени.

Как ни ужасна вся сцена страданий, достаточная для того, чтобы убить обычного белого человека, некоторые из воинов подвергались ей не один раз, и мистер Кэтлин видел по шрамам, оставленным на теле и конечностях, что некоторые из главных храбрецов манданов подвергались этой пытке не менее пяти раз. Некоторая часть той оценки, которой пользуются такие люди, объясняется верой манданов в то, что от правильного выполнения этих церемоний зависит годовой запас бизонов, и что Великий Дух получает удовлетворение пропорционально количеству раз, когда эти обряды выполняются. Таким образом, те, кто неоднократно проходил их, становятся благодетелями для племени в целом и, как таковые, получают его благодарность.

Несколько похожая система преобладает среди индейцев дакота или сиу, как их обычно называют. Однако это добровольная процедура, которую очень редко можно увидеть, и которая предназначена просто для того, чтобы возвести кандидата в ранг знахаря. Высокий и тонкий шест крепко вбивают в землю, а к его верхушке прикрепляют один конец веревки, другой делают в виде петли. Кандидат в мистики занимает место у столба перед рассветом, нарядно раскрашенный и держа в руке сумку с лекарствами. Перед самым восходом солнца ему в грудь продевают два шампура, как это делают манданы, и накидывают на них петлю из веревки.

Теперь человек встает напротив того места, где взойдет солнце, устремляет на него свой взгляд и откидывается назад так, чтобы весь вес его тела пришелся на веревку, а ноги служили скорее для равновесия, чем для опоры. По мере того как солнце проходит по небосводу, он постепенно движется по кругу, никогда не разговаривая и не отрывая от него глаз; и если он может выдержать эту пытку от восхода до заката, не теряя сознания, он зарабатывает звание, к которому стремится, вместе со всеми ценными подарками, которые кладут к подножию столба его поклонники.

Эта практика сопряжена с большим риском. Если человек падает в обморок, несмотря на крики и подбадривающие возгласы друзей, молитвы и песни знахарей, которые сидят вокруг столба, напевая и бьют в свои волшебные барабаны, его репутация теряется, и впоследствии его будут высмеивать как того, кто имел наглость претендовать на звание знахаря, но не имел сил поддержать этот характер.

У манданов есть любопытный способ получения звания знахаря, во многом напоминающий африканские церемонии вызывания дождя. Поскольку их пропитание во многом зависит от маиса, который они выращивают, засуха всегда является большим бедствием, и ее необходимо предотвратить, если это возможно. Когда такое событие происходит, женщины, чьим делом является обработка земли, приходят к вождям и врачам и просят их вызвать дождь, чтобы кукуруза не погибла. Затем проводится совет, и знахари собираются в доме совета и проходят предварительные церемонии. Никому не разрешается входить в дом, кроме знахарей и тех кандидатов, которые стремятся к этому званию.

Обычно есть десять или пятнадцать молодых людей, которые так высоко ценят это звание, что готовы рискнуть неудачей и потерять всю репутацию в племени, если им не удастся вызвать дождь с неба. Их по одному вызывают из домика, и они занимают место на крыше, проходя через церемонии, которые, по их мнению, приведут к желанному дождю. Они стоят там от восхода до заката, и если дождь не идет, они уходят в свои дома опозоренными, и лишенными всякой надежды быть принятыми в Совет племени. Если же дождь идет, репутация создателя дождя гарантирована, и он сразу же принимается в совет среди вождей и величайших храбрецов.

Мистер Кэтлин рассказывает любопытный случай вызывания дождя, свидетелем которого он был. Некоторое время в стране стояла засуха, и создатели дождя работали три дня. В первый день человек по имени Ва-ки, или Щит, попытал счастья и потерпел неудачу. Та же участь постигла Ом-пах, или Лося, несмотря на его головной убор из шкуры ворона - птицы, парящей среди бури. Ва-рах-па, или Бобр, также попытался сделать это и потерпел неудачу; а на четвертый день Вак-а-да-ха-хи, Белый Буйволоволосый, занял свое место на ложе. Он возложил свою главную надежду на красные молнии, которыми был разрисован его щит, и на единственную стрелу, которую он держал в руке.

Он обратился к народу с речью, в которой сказал, что готов пожертвовать собой ради блага племени и либо принести дождь, либо всю жизнь жить с собаками и старухами. Он объяснил, что один кандидат потерпел неудачу, потому что щит отгоняет дождевые тучи; второй - потому что ворон - птица, которая парит над бурей, и ей все равно, идет дождь или нет; а третий - потому что бобр всегда мокрый и не нуждается в дожде. Но что касается его самого, то красные молнии на его щите должны были вызвать черную грозовую тучу, а его стрела должна была пронзить тучу и вылить воду на поля.

Случилось так, что как раз в это время пароход, первый из когда-либо ходивших вверх по Миссури, произвел салют из двенадцатифунтового орудия, оказавшись в виду деревни Манданов. Звук пушки, естественно, был принят за гром, и деревня наполнилась радостью. Со всех сторон успешному кандидату преподносили ценные подарки, матери приводили своих дочерей, чтобы предложить их ему в жены, а знахари выходили из своих ложи, чтобы официально принять его в свои ряды.

Вдруг со своего возвышенного места Вак-а-да-ха-хи увидел пароход, который прокладывал себе путь вверх по реке и издавал громовые раскаты. Он обратился к вождям и собравшейся толпе и сказал, что, хотя звуки не были громом, его лекарство сильно и привело в деревню громовой пароход. Все жители с молчаливым удивлением высыпали на берег, и в волнении забыли даже о создателе дождя. Пассажиры высадились среди манданов, и весь остаток дня прошел в суматохе и неразберихе. Перед самым закатом Белый Буйволоволосый заметил черную тучу, подкрадывающуюся к горизонту незаметно для возбужденной толпы. Через мгновение он снова был на крыше дома совета, его лук был натянут, а стрела зажата в руке. Он возобновил свои хвастливые речи и прошения, а когда над деревней нависла туча, он согнул лук и пустил стрелу в небо. Дождь хлынул ливнем, заливая удачливого создателя дождя, который стоял на крыше, не переставая размахивать своим громовым щитом и хвастаться его силой.

Гроза продолжалась всю ночь, но, к несчастью, вспышка молнии попала в домик и убила молодую девушку. В деревне воцарилось смятение, и никто не был напуган больше новоиспеченного знахаря, который боялся, что Совет сочтет его ответственным за судьбу девушки и обречет на жестокую смерть. Более того, он действительно считал себя в какой-то мере виновным, поскольку покинул вершину дома совета до того, как принес дождь.

Поэтому рано утром он послал своих друзей привести ему трех лошадей, а с восходом солнца снова сел на ложе и обратился к народу. Его лекарство было *слишком* сильным, сказал он. "Я молод, и я был слишком быстр. Я не знал, где остановиться. Вигвам Ма-сиша пал, и многие глаза плачут по Ко-ка (антилопе). Вак-а-да-ха-хи дарит трех лошадей, чтобы порадовать сердца тех, кто плачет по Ко-ка. Его лекарство велико. Его стрела пронзила черную тучу, и сверкнула молния, и грянул гром. Кто скажет, что лекарство Вак-а-да-ха-хи не сильно?" Это гениальное обращение было встречено аплодисментами, и с тех пор и до самой смерти Вак-а-да-ха-хи носил почетный титул "Большой Двойной Лекарь".

Теперь мы рассмотрим лекарственную сумку, которая играет столь важную роль среди всех племен Северной Америки.

Когда мальчику исполняется четырнадцать или пятнадцать лет, его отправляют в лес на поиски лекарства. Он устраивает себе кушетку из сучьев, а затем лежит без еды и питья несколько дней, причем сила лекарства пропорциональна длительности поста. Эта дисциплина настолько сурова, что известны случаи, когда парень умирал от долгого воздержания, которому он себя подвергал. Выдержав до предела, он предается сну, и первый зверь, птица или рептилия, которая ему приснится, становится его "лекарством".

Затем он возвращается домой и, как только немного восстановит силы, отправляется на поиски своего лекарства и, убив его, сохраняет шкуру в любой форме, которую подскажет его фантазия. Чаще всего она сшита в виде мешочка и содержит один или два других амулета. Читатель увидит, что размер мешочка очень сильно варьируется в зависимости от размера существа, из кожи которого он сшит. Иногда она достигает трех футов и более в длину, а часто она настолько мала, что ее можно спрятать под одеждой владельца.

С лекарственной сумкой индеец никогда не расстается. Он считает ее наличие абсолютно необходимым для обеспечения успеха в любом начинании и даже носит с собой в бой, где доверяет ей свою защиту. Если он потеряет ее в бою, то будет полностью опозорен, и есть только один способ восстановить свою репутацию. Индеец может "сделать свое лекарство" только один раз, чтобы потом не восстанавливать его повторными постами и снами. Но если он может убить врага в открытом бою и забрать его сумку с лекарствами, его статус в племени восстанавливается, и он с этого момента принимает лекарства убитого в обмен на свои собственные. Если человеку, не потерявшему свой мешочек, удастся захватить его у врага в честном бою, он имеет право принять "двойной мешочек" и никогда не теряет возможности выставить оба мешочка в качестве трофеев своей доблести. Взять сумку с лекарствами так же почетно, как и скальп, а удачливый воин имеет еще одно преимущество - он вдвойне защищен этими двумя чарами.

Известно очень мало случаев, когда индеец добровольно расставался со своей сумкой, и в таких случаях едва ли какое-либо проявление доблести восстановит его во мнении своего племени. Иногда его удается уговорить белых людей похоронить ее, но он относится к могиле так, как будто это могила почитаемого родственника, витает вокруг нее как можно больше, лежит над священным местом и разговаривает с сумкой, как с живой. Иногда он приносит ей жертвы, а если он богатый человек, то и лошадь.

Такое жертвоприношение принимает характер публичной церемонии. Длинная процессия отправляется в прерию, во главе которой идет владелец сумки, ведя перед собой лошадь, которая всегда должна быть самой лучшей из всех, которыми он владеет. Животное диковинно раскрашено и заклеено, его удерживают длинным лассо. Когда процессия прибывает в назначенное место, жертвователь произносит длинную молитву Великому Духу, а затем снимает лассо с животного, которое с этого момента занимает свое место среди диких лошадей прерии, а если в любой момент попадает под лассо, то сразу же узнается по клейму и снова выходит на свободу. Такое жертвоприношение очень высоко ценится в племени и дает человеку привилегию запечатлеть это обстоятельство на своей мантии и палатке. Один вождь племени мандан принес в жертву таким образом не менее семнадцати лошадей.

В связи с лекарственной сумкой можно упомянуть "тотем", или знак, по которому узнают каждую семью. В основном это животное, например, волк, медведь, собака, черепаха и т. д. Если вождь хочет показать, что он и его партия прошли определенное место, он сбивает

топором щепку с дерева и рисует на белой поверхности свой тотем. Или, если он посылает приказ на расстояние, он рисует свой тотем на куске коры и отдает его своему посланнику в качестве знака.

Вернемся к знахарю. Лучше всего его видно, когда он применяет свое искусство к больному человеку. Для этого он надевает один из самых необычных нарядов, которые когда-либо придумывал человеческий разум. Нет двух одинаковых знахарей, но во всех абсолютно необходимо, чтобы каждая деталь была ненормальной. Мистер Кэтлин видел, как одного из таких людей вызвали для практики на индейце племени черноногих, которому две пули пробили тело. Не было ни малейшего шанса на его выздоровление, но все же знахаря нужно было вызвать. Его странный, гротескный вид и дикая церемония над больным ярко [представлены](#) на странице 1311.

Вокруг умирающего образовывалось кольцо, и через них сохранялась дорожка, по которой должен был появиться таинственный человек. Через несколько минут все собравшиеся затихли, когда звон и бряцание его украшений возвестили о приближении мудреца. Когда он вышел на ринг, ничто не могло превзойти дикой гротескности его костюма. В качестве плаща на нем была надета шкура желтого медведя - предмет, крайне редкий в Северной Америке и потому сам по себе являющийся мощным лекарством. Шкура на голове была превращена в маску, которая полностью скрывала черты лица чародея. С его одежды свисали шкуры различных животных, в одной руке он держал свою волшебную палочку, а в другой - таинственный барабан, в котором хранились арканы его ордена.

Его действия были достойны его внешности. Он ворвался в дом с дикими прыжками и криками, сопровождаемыми грохотом и ударами своего волшебного барабана, когда он приблизился к умирающему. Достигнув пациента, он начал танцевать вокруг него под аккомпанемент своего барабана, прыгать через него, переворачивать его с боку на бок и всеми возможными способами делать его последние часы невыносимыми. В сущности, человек вполне мог бы умереть, лишь бы избавиться от своего лекаря. Через некоторое время он действительно умер, но мужчина, ничуть не смущенный неудачей своих усилий, выскочил из круга, как и вошел в него, и отправился в свой домик, чтобы снять и упаковать свое официальное платье.

Несколько похожую сцену наблюдал мистер П. Кейн, в которой способ манипуляции был почти идентичным, хотя знахарь, вместо того чтобы переодеться в странное платье, впал в противоположную крайность. Эта история описана в книге мистера Кейна "Странствия художника" следующим образом.

"Около десяти часов вечера я прогуливался по деревне и, услышав сильный шум в одном из домиков, вошел туда и обнаружил старую женщину, поддерживающую одну из самых красивых индейских девушек, которых я когда-либо видел. Она была в состоянии наготы. Посреди комнаты, скрестив ноги, сидел знахарь с деревянным блюдом воды; двенадцать или пятнадцать других мужчин сидели вокруг ложа. Цель заключалась в том, чтобы вылечить девушку от болезни, поразившей ее бок. Как только мое присутствие было замечено, для меня освободили место, чтобы я мог сесть.

"Лечащий знахарь появился в состоянии обильного пота, вызванного его усилиями, и вскоре занял свое место среди остальных, как будто совершенно измученный; затем более молодой знахарь занял свое место перед чашей и рядом с пациенткой. Сбросив с себя одеяло, он начал петь и жестикулировать самым бурным образом, в то время как остальные поддерживали время, ударяя маленькими палочками по полым деревянным чашам и барабанам, непрерывно подпевая. Прозанимавшись таким образом около получаса, пока

пот не потек по его телу, он внезапно бросился на молодую женщину, вцепился зубами в ее бок и тряс ее несколько минут, пока пациентка, казалось, испытывала сильную агонию. Затем он ослабил хватку и закричал, что достал ее, одновременно прижимая руки ко рту; после этого он погрузил их в воду и сделал вид, что с большим трудом удерживает болезнь, которую извлек, чтобы она не вырвалась и не вернулась к своей жертве.

"В конце концов, овладев ею, он с ликованием повернулся ко мне и зажал между большим и малым пальцами каждой руки нечто, похожее на кусок хряща; тогда один из индейцев наточил свой нож и разделил его на две части, оставив по одной в каждой руке. Один из кусков он бросил в воду, а другой - в огонь, сопровождая это действие дьявольским шумом, который не может издавать никто, кроме знахаря. После этого он встал совершенно довольный собой, хотя бедная пациентка, как мне показалось, не испытала никакого облегчения от жестокого обращения с ней".

Мистер Мюльхаузен рассказывает забавный анекдот о том, как туземный врач лечил самого себя. Он так сильно страдал во время долгого похода, что в конце концов был вынужден попросить день отдыха. Один из его спутников, знахарь, тут же опробовал на себе действие его искусства. Сначала он со всей силой размял тело, и особенно живот, продрогшего путника. Это должно было изгнать злого духа, а для того чтобы изгнать его, он взял свой барабан и сел на землю.

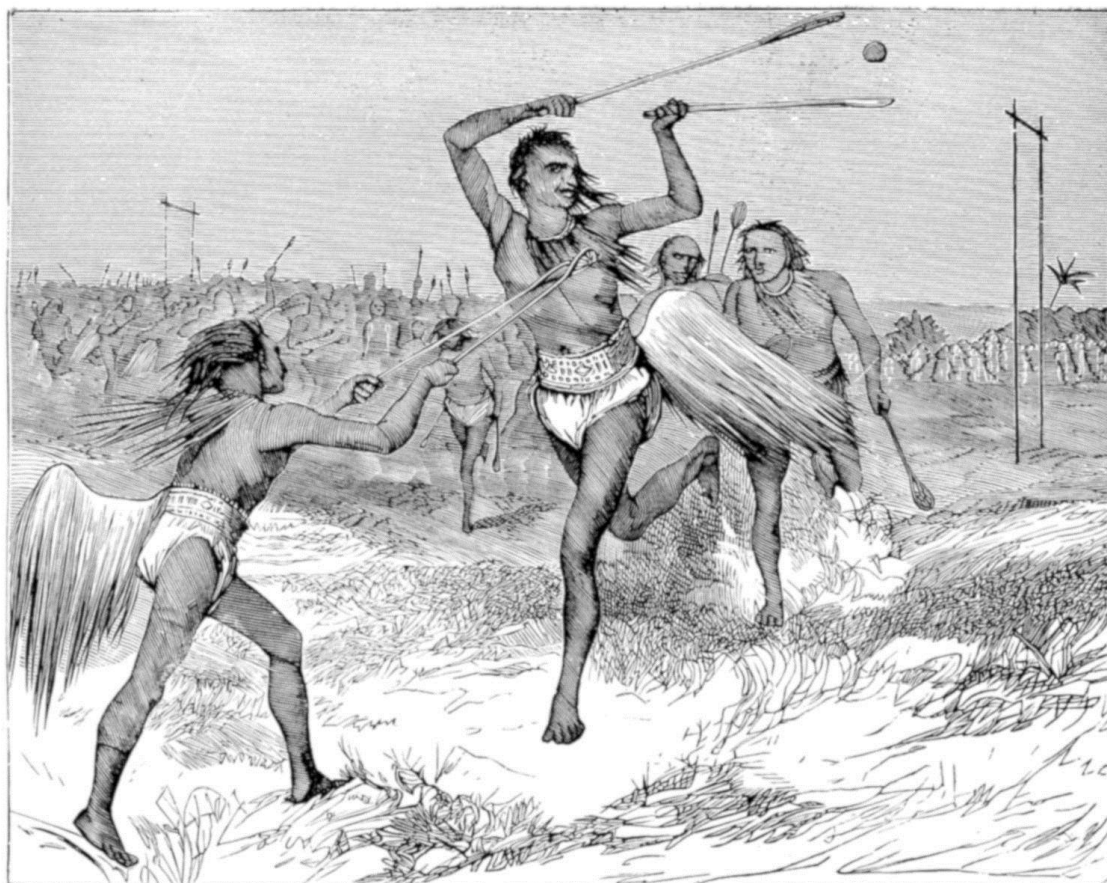
Приложив барабан к уху пациента, он непрерывно травил его в течение двух часов, напевая при этом магический гимн, пока, несмотря на израненные ноги, мистер Мюльхаузен в полном отчаянии не выполз из палатки. Торжествующий доктор вытер свои насупленные брови и, заявив, что ни один злой дух не может противостоять такому лекарству, дал сигнал к возобновлению марша.

Среди оджибвеев есть замечательная церемония, во время которой младенца принимают в орден Миде, общество, в некоторой степени напоминающее масонов, члены которого считают себя родственниками друг друга и обращаются друг к другу по именам дядя, тетя, брат, сестра, кузен и т. д.

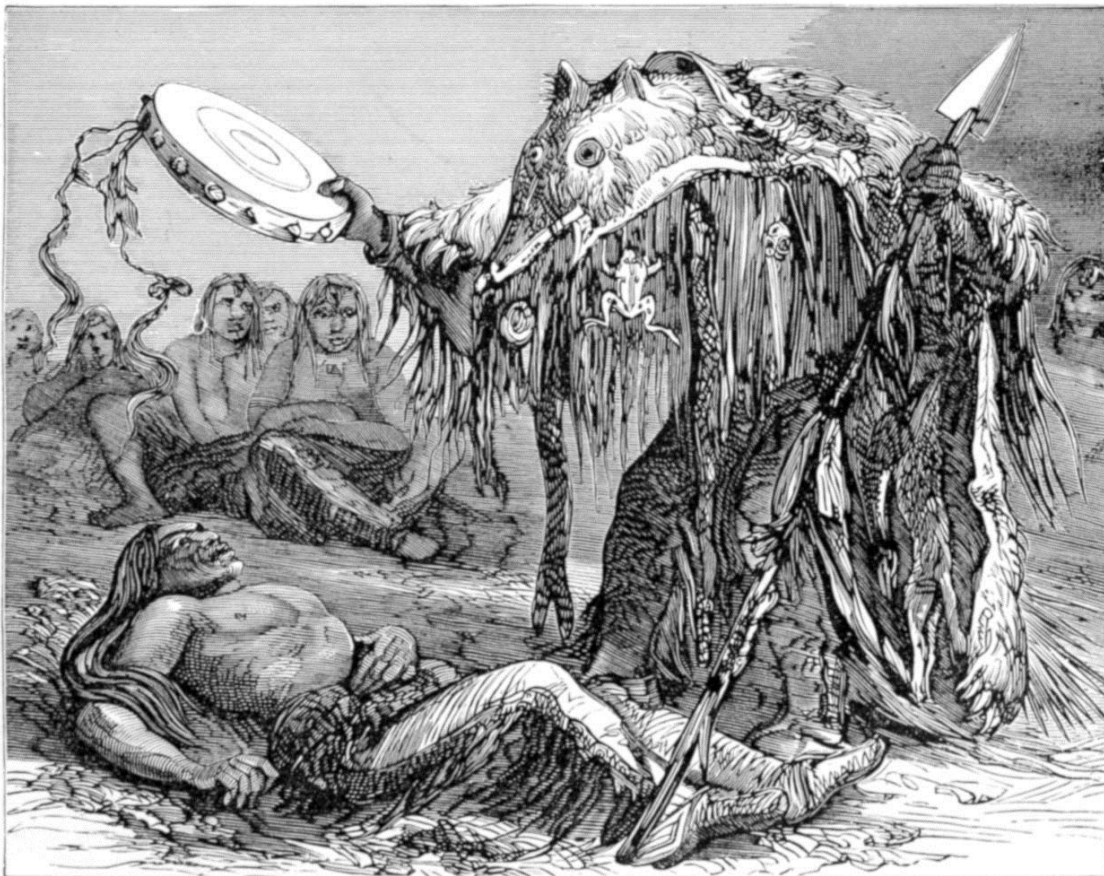
Для этой цели был построен храм длиной в сорок футов, сложенный из ветвей, как чаши на празднике Кущей. Он был построен с востока на запад, входная дверь находилась в восточной части, а выходная - в западной. В центре сидят великие миды, каждый со своим таинственным мешком, а напротив них - отец ребенка, одетый во всю свою атрибутику из перьев, мехов и скальпов, и держащий на руках ребенка, лежащего привязанным к доске на манер индейских младенцев. По обе стороны от него стоят свидетели приема, а к востоку от вождя Мидеса лежит большой грубый камень, который препятствует злему духу.

Церемония начинается с обращения главного миде, затем поднимаются вожди, и, пройдя процессией, каждый из них подбегает к одному из гостей, вручает ему свою сумку со снадобьями и кричит с нарастающим акцентом: "Хо! Хо! Хо! Хо! Хо! О! О! О! О! О!" Когда он подносит мешочек, дыхание, исходящее от него, должно одолеть того, кому он поднесен, и тот падает и лежит неподвижно. Поразив одного человека, миде обходит вокруг храма, чтобы дать лекарственному мешочку восстановить силы, а затем подносит его другой жертве. Этот процесс повторяется до тех пор, пока все обитатели хижины, за исключением миде, принимающего участие в церемонии, не окажутся лежащими на земле, где они лежат до тех пор, пока прикосновение того же мешка не вернет их к жизни и активности. Эта церемония повторяется несколько раз в течение дня и призвана продемонстрировать силу лекарственной сумки.

Затем отец представляет своего ребенка миде, после чего снова звучит речь главного миде, а затем следует любопытный танец, состоящий из двух прыжков вправо и двух влево поочередно. После этого каждый достает свой мешочек с лекарствами и пытается сдуть всех остальных. А поскольку мешочки усыпаны звонкими колокольчиками, кусочками металла и ракушками, а главные миде изо всех сил бьют в свои барабаны и трясут погремушками, можно представить, что шум стоит оглушительный.

(1.) ИГРА В МЯЧ У ИНДЕЙЦЕВ.
(См. [стр. 1324.](#))

(2.) ЗНАХАРЬ ЗА РАБОТОЙ.

(См. [с. 1309](#).)

На этом первая часть церемонии была завершена. В следующем действии перед злым камнем возложили кучу веток, покрытых тканью, и вождь Миде созвал всех посвященных. Они образовали процессию из мужчин, женщин и детей и обошли вокруг ложа, каждый из которых, проходя мимо, наклонялся над тканью и смотрел на нее. Во второй раз они наклонялись ближе, а в третий раз их охватывали судорожные движения, когда они приближались к ткани, и каждый выбрасывал изо рта маленькую желтую ракушку на ткань. Выбрасыванием ракушки (которая олицетворяет греховную природу человека) конвульсии исцеляются, и, обойдя еще раз вокруг ложа, каждый исполнитель берет одну из ракушек и кладет ее в лекарственный мешок.

Последняя сцена - общий пир, а также подарки амулетов и талисманов, которые главный мидэ преподносит ребенку.

Одна из самых приятных черт в характере этих племен - сильное религиозное чувство, пронизывающее весь их образ жизни и возвышающее их над простыми дикарями. Какими бы несовершенными ни были их представления на этот счет, они не являются идолопоклонниками и отдают все свое поклонение, прямое или косвенное, одному Великому Духу, к помощи и защите которого они постоянно обращаются.

Они верят в будущее существование и будущее воздаяние в соответствии с их характером в этой жизни. Какими бы ни были их суеверия и невежество, какие бы тайны ни окутывали их веру, через все них четко прослеживаются эти великие доктрины, принятые цивилизованными христианскими расами.

Великому Духу они приписывают обладание всеми предметами первой необходимости и удовольствиями жизни, и почти по каждому поводу возносят ему свои молитвы и благодарности. Например, бизоны, от которых многие племена зависят в плане еды, одежды и жилья, считаются прямыми дарами Великого Духа краснокожим, и к ним обращаются с соответствующими просьбами. Так же обстоит дело с маисом, или индейской кукурузой, и религиозные церемонии проводятся как во время посадки, так и во время сбора урожая.

Табак относят к той же категории, а дым этого растения считают своего рода благовонием, которое подносят Великому Духу всякий раз, когда раскуривают трубку; по одному венку дыма беззвучно выдувают в каждую четверть неба и к солнцу в знак признания того, что табак - дар Великого Духа. Действительно, для индейского ума в табачном дыме есть что-то особенно священное, вероятно, из-за успокаивающих и в то же время возбуждающих свойств, благодаря которым его используют во всех уголках земного шара.

С помощью трубки начинаются и заканчиваются все религиозные церемонии; с ее помощью объявляются войны, набираются добровольцы, ведутся переговоры и заключается мир. Характер трубки зависит от случая, наиболее ценной является священная калумет, или медицинская трубка, с помощью которой решаются великие вопросы войны и мира.

У индейцев кри калумет носит человек, торжественно избранный на эту должность, и ему приходится довольно дорого платить за эту честь: от пятнадцати до двадцати лошадей - такова обычная плата, которую каждый носитель трубки вручает своему предшественнику при получении знака отличия. Однако они имеют немалую внутреннюю ценность. Они включают в себя медвежью шкуру, на которую он кладет ствол трубки, когда ее раскрывают, красиво раскрашенную палатку из кожи, в которой он должен жить, лекарственную погремушку необыкновенной ценности, миску для еды и другие предметы, настолько многочисленные, что для их перевозки требуется две лошади.

Во время исполнения своих обязанностей трубоносец так же священен, как и сам калумет. Он всегда сидит с правой стороны ложи, и никто не может пройти между ним и огнем. Ему даже не разрешается нарезать себе еду, это делают его жены, а еду кладут в официальную чашу, о которой только что говорилось. Трубка с ее бесчисленными обертками вывешивается за пределами ложи, и в конце концов ее заключают в большой мешок, расшитый самыми яркими цветами, на которые только способно искусство туземцев.

Когда его раскрывают, соблюдается величайшая церемония. Какой бы суровой ни была погода, - иногда она бывает гораздо ниже нуля, - носитель начинает свои действия с того, что снимает с себя всю одежду, за исключением одежды, а затем выливает на горящий уголь немного ароматной камеди, которая наполняет помещение дымом. Затем он тщательно снимает различные обертки, наполняет чашу табаком и пускает дым в четыре точки компаса, в небо и в землю, при каждой затяжке произнося молитву Великому Духу о помощи в войне против всех врагов, а также о бизонах и кукурузе со всех сторон. Замена трубки сопровождается аналогичными церемониями. Ни одной женщине не разрешается видеть ее, а если во время начала церемонии будет произнесено хоть одно слово, это считается очень плохим предзнаменованием, и всю церемонию приходится начинать сначала.

Чаша калюмета сделана из особого камня, который, как я полагаю, найден только в одном месте в мире, а именно в Большом каменоломне. Он расположен в Кот-де-Прери, примерно в трехстах милях к западу от водопада Сент-Энтони, на южной вершине разделительного хребта между реками Миннесота и Миссури, в самой середине территории сиу. Считается, что на этом священном месте в древние времена стоял Великий Дух и созывал все индейские народы. Он отколол от скалы кусок камня, сформовал из него в руках огромную трубку и

раскурил ее в направлении четырех четвертей компаса. Затем он сказал им, что эта земля священна и нельзя поднимать на ней боевое оружие, потому что красный камень - это их плоть и принадлежит им всем в равной степени. При последнем взмахе трубки Великий Дух исчез в облаке, а вся земля была расплавлена и стала полированной, как и в настоящее время.

Вследствие этой легенды индейцы с величайшим почтением относятся к этому месту. Они не позволяют ни одному белому человеку прикоснуться к камню или даже приблизиться к этому месту, если смогут удержать его, говоря, что камень - это их плоть, и что если белый человек возьмет плоть краснокожих, то "в их плоти будет дыра, и кровь никогда не перестанет течь".

Даже сами туземцы никогда не берут кусок без разрешения Великого Духа, кладут табак в яму, откуда они его выкопали, и обещают, что из него сделают трубку. Когда мистеру Катлину удалось добраться до этого священного места, одно из главных препятствий заключалось в том, что один из туземцев однажды дал кусок красного камня белому человеку, чтобы тот сделал из него трубку, а тот сделал из него блюдо, тем самым оскорбив Великого Духа и "заставив сердце индейцев болеть".

Мистер Кэтлин считает, что красные трубки, которые есть почти у каждого племени индейцев на континенте, были получены в этом месте. Его доводы сводятся к тому, что все племена, которые он посетил, утверждали, что это их источник; кроме того, камень, из которого они сделаны, отличается от любого минерала, обнаруженного до сих пор в Америке или Европе. Он выражает убеждение, подкрепленное яркими доказательствами того, что различные племена на протяжении веков посещали эту каменоломню, отложив в сторону боевые дубины и ножи для снятия скальпов, и дружно курили на этой нейтральной земле по велению, как они считали, Великого Духа.

Этот камень имеет мягкий кремово-красный цвет, довольно изменчивый по оттенку и своеобразную полировку. Его проанализировали и сказали, что это разновидность стеатита. Он вырезается в различных причудливых формах, и те, что показаны [на иллюстрации](#) на следующей странице, являются обычными примерами, хотя в некоторых случаях чаши украшены фигурками людей и различных животных. Некоторые из этих трубок имеют две чаши, расположенные одна перед другой.

Эти чаши снабжены ножками, достойными их священного характера. Они обычно изготавливаются из стебля молодого ясеня и часто украшаются самым тщательным образом. В основном они плоские, но иногда закручены по спирали и перфорированы открытыми узорами так, что наблюдатель не может не удивляться, как сделано отверстие для дыма. В конце концов, способ сверления достаточно прост. Как известно каждому, кто срезал молодой саженец ясеня, в центре находится сердцевина. Ее легко выжечь раскаленной проволокой или высверлить куском твердого дерева, и отверстие готово.

После этого дерево срезается с двух сторон, чтобы остался только плоский стебель, в центре которого находится отверстие. Далее по обе стороны от отверстия вырезаются перфорированные узоры, тщательно следя за тем, чтобы они не попадали в отверстие; если затем размягчить стебель в кипящей воде, ему можно придать практически любую форму. Одна из ценных, но довольно редких форм - винт, или спираль, и несколько трубок в коллекции мистера Катлина имеют именно такую форму.

Стебли очень редко оставляют голыми, но почти всегда украшают цветными дикобразными перьями, сплетенными в различные узоры, иногда изображающие формы людей и животных. Калюмет всегда украшен рядом орлиных перьев, иногда окрашенных в алый цвет

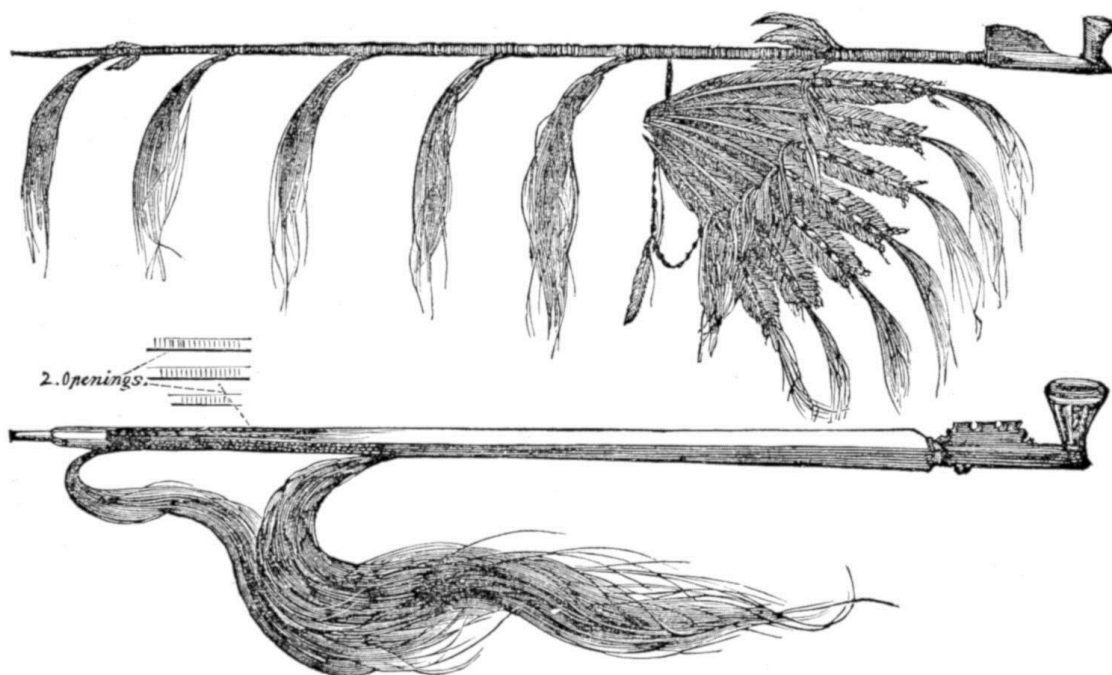
и увенчанных на концах небольшими прядками волос. Действительно, эта часть калумета формируется по тому же принципу, что и головной убор вождя, [рисунок](#) которого приведен на странице 1277. Пример такой трубы показан [на верхнем рисунке](#) на странице 1315. Многие трубы вместо перьев имеют длинные пучки волос, окрашенных в алый цвет. Эти волосы берутся либо из хвоста белой лошади, либо из хвоста белого бизона, как на нижнем рисунке той же иллюстрации. Дятел дает много украшений для этих трубок, а иногда стержень проходит через сохраненную кожу птицы или особенно красивого горноста. Но каким бы ни было украшение лекарственной трубки, оно всегда самое лучшее и ценное, что только можно достать. Ствол трубки варьируется от двух до четырех футов.

Туземцы не ограничиваются табаком, а курят множество наркотических растений - листья, корни или кору. Они обычно смешиваются с табаком и носят общее название "к'нек-к'нек".

Обычай жертвоприношения существует у всех индейских племен и совершается различными способами и по разным поводам. Как бы ни были жестоки индейцы, ни одно из племен, кроме пауни, никогда не приносило человеческих жертв; эти племена уже много лет как отказались от этого бесчеловечного обычая.

Их подношения Великому Духу должны состоять из лучшего, что у них есть: самого лучшего куска мяса бизона, самой лучшей стрелы, самого дорогого куска ткани, любимой лошади или собаки, а иногда и собственных пальцев. Такие подношения возводятся над большой лекарской хижинкой в центре деревни. Когда мистер Кэтлин был среди манданов, там среди прочих подношений лежала красивая шкура бизона, историю которой он описывает так: "Несколько недель назад партия манданов вернулась из устья Желтого Камня с информацией, что партия блэкфитов была там по делам с Американской меховой компанией, и что у них был белый халат бизона. Такой халат является большой диковинкой даже в стране бизонов и всегда будет стоить невероятно дорого. Будучи самой дорогой вещью в этом регионе, она обычно превращается в жертву и приносится Великому Духу как самый редкий и самый приемлемый дар, который только можно приобрести. Среди огромных стад буйволов нет ни одного из ста тысяч, возможно, белого; и когда такой добывается, он считается великим лекарством или тайной".

"Получив вышеупомянутые сведения, вожди собрались на совет и обсудили вопрос о целесообразности приобретения этого ценного одеяния. По окончании совещания были снаряжены восемь человек на восьми лучших лошадях, которые взяли из магазина Меховой компании, в кредит вождя, товары, превышающие стоимость лошадей. Они прибыли в положенное время, совершили покупку и, оставив лошадей и все товары, вернулись пешком, захватив с собой желанный халат, который считался чрезвычайно диковинным и содержащим (по их выражению) нечто от Великого Духа. Эта удивительная аномалия пролежала несколько дней в доме вождя, пока любопытство публики не было удовлетворено; затем ее забрали верховные жрецы, с большим количеством церемоний освятили и подняли на вершину длинного шеста над лекарственной хижинкой, где она стоит и будет стоять как подношение Великому Духу, пока не истлеет и не упадет на землю".

2. Открытия.

ИНДИЙСКИЕ ТРУБЫ. (Из моей коллекции.)
(См. [стр. 1313](#), [1314](#).)

ГЛАВА СXXXIX. СЕВЕРНОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДИЙЦЫ - Продолжение. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

БРАК - ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ ЖЕНИХ И ЕГО ВНЕЗАПНОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ - ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ - ПОРТРЕТ ПШАН-ШОУ - ИНДЕЙСКИЙ МАЛЬЧИК - КОЛЫБЕЛЬ - ПЛОСКОГОЛОВЫЕ ПЛЕМЕНА - ПРИВЯЗАННОСТЬ МАТЕРЕЙ - ТРАУРНАЯ КУШЕТКА - ОСТАВЛЕНИЕ БОЛЬНЫХ И СТАРИКОВ - ТАНЦЫ ПЛЕМЕН - ИГРЫ - ИГРА С КОПЬЕМ И КОЛЬЦОМ - ПАГЕССАН, ИГРА В ЧАШУ - ИГРА В МЯЧ - ТАНЕЦ С МЯЧОМ - НАЧАЛО ИГРЫ И ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ СЦЕНЫ - ЖЕНСКАЯ ИГРА В МЯЧ - СКАЧКИ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАНОЭ - ГОНКИ НА КАНОЭ - ПРИМИТИВНЫЕ ПАРУСА - ПЛАВАНИЕ - ПРЫГАЮЩИЙ КАМЕНЬ - УКРАШЕНИЯ ИЗ ПЕРЬЕВ - ОБКУСЫВАНИЕ КОРЫ - ВИГВАМЫ - МУЗЫКА - КЛЯТВА ВЕРНОСТИ - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ - ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕРНОГО ДРОЗДА - РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХАРАКТЕРЕ И СУДЬБЕ ИНДЕЙЦЕВ.

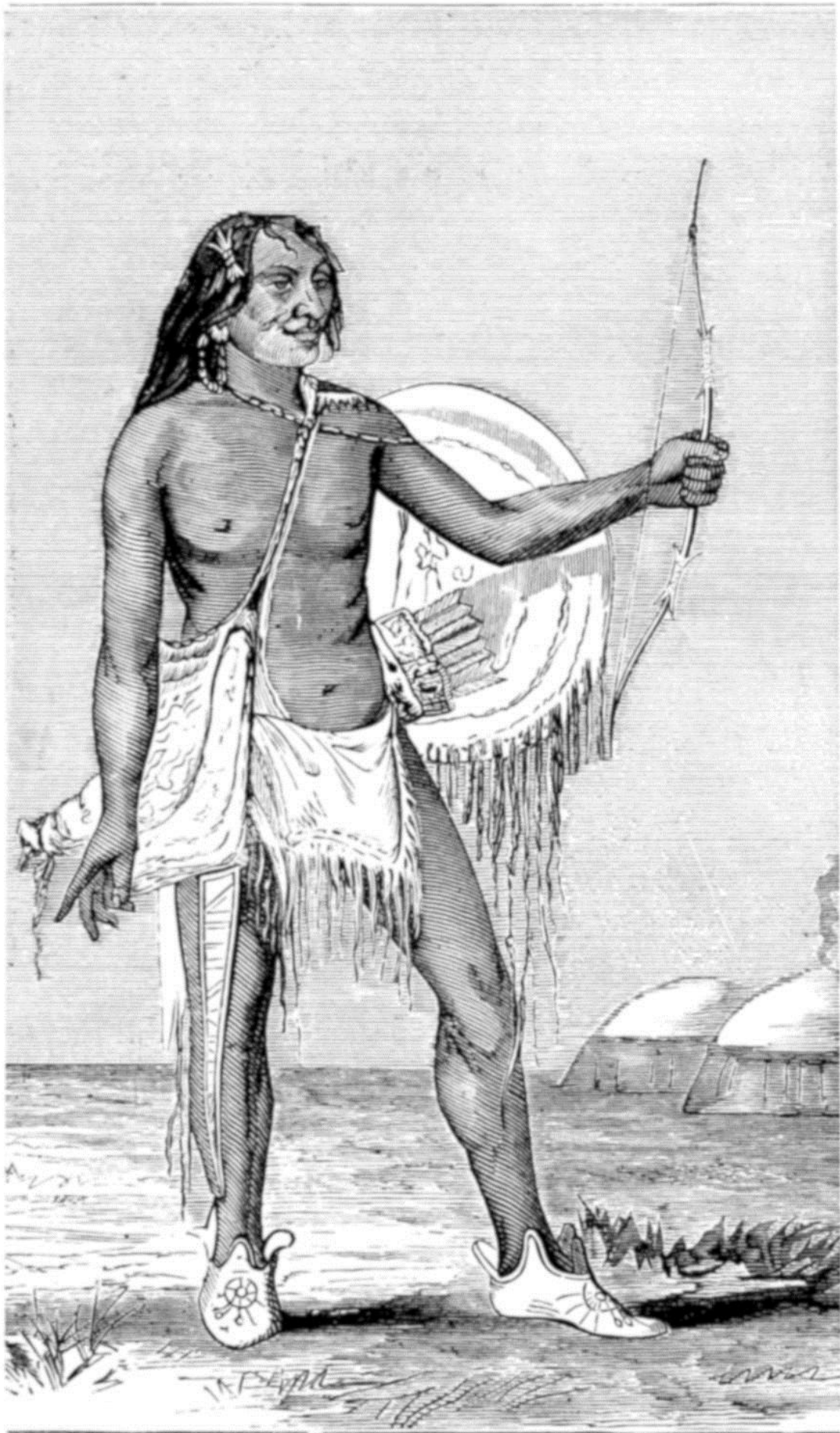
Теперь перед нами обычная социальная жизнь этих интересных племен. Что касается брака, то он мало чем отличается от той же церемонии у других нецивилизованных племен: девушку фактически выкупают у отца, а ее привязанность не обязательно, хотя и обычно, учитывается. У мужчины может быть столько жен, сколько он может позволить себе содержать, а когда он может купить четырех или пять, их труд в поле стоит для семьи даже больше, чем его старания на охоте.

Мистер Кэтлин рассказывает об одной довольно забавной свадьбе.

Жил-был молодой парень, сын вождя, которому отец подарил красивый вигвам, или палатку, девять лошадей и много других ценных подарков. Получив эти подарки, юноша сразу же задумал план, как совершить уникальный поступок. Он отправился к одному из вождей и попросил руки его дочери, пообещав взамен двух лошадей, ружье и несколько фунтов табака. Брак был назначен на определенный день, но сделка должна была храниться в глубокой тайне до положенного времени. Уладив это дело, он отправился к трем другим вождям, заключил с каждым из них точно такую же сделку и наложил на всех одинаковое молчание.

В назначенный день он объявил всему племени, что в определенный час должен жениться. Люди собрались, но никто не знал, кто будет невестой, а каждый из четырех отцов гордо стоял рядом со своей дочерью, внутренне ликуя, что только он владеет тайной. Вскоре молодой жених подошел к вождю, которому сделал первое предложение, и отдал ему, согласно его обещанию, двух лошадей, ружье и табак. Три других отца немедленно выступили вперед, каждый из них осудил все это дело и заявил, что предложение было сделано его дочери и только ему. В разгар большого смятения, которое частично удалось унять вождям и врачам, молодой жених обратился к собранию, заявив, что обещал каждому из претендентов по две лошади, ружью и определенному количеству табака в обмен на свою дочь, и что он ожидает от них выполнения своей части договора. Доводы не заставили себя ждать, и на глазах у восхищенных зрителей он передал оговоренную цену в руки родителей и увел четырех невест, по две в каждую руку, в свой вигвам.

Этот поступок был настолько смелым и настолько уникальным, что врачи сразу же решили, что девятнадцатилетний парень, способный действовать подобным образом, должен обладать очень сильным лекарством и достоин занять достойное место среди них. Поэтому они сразу же сделали его членом своей тайны, тем самым поставив его в один ряд с величайшими представителями племени, и благодаря этому смелому *перевороту* парень поднялся из простого неопытного воина на вершину туземных амбиций, а именно - на место в Совете и право голоса в политике племени.

(1.) И-А-ЧИН-ЧЕ-А.

(См. [с. 1285.](#))

(2.) ЧЕРНОНОГИЙ МАЛЬЧИК.
(См. с. 1319.)

(3.) ПШАН-ШОУ.
(См. с. 1319.)

Индейские женщины - рабыни своих мужей. Они должны выполнять все домашние обязанности и тяжелую работу в племени, и им никогда не разрешается участвовать в религиозных церемониях или развлечениях.

Чтобы читатель мог составить представление о внешнем виде и одежде женщин, я привел на предыдущей странице [портрет](#) красивой девушки из племени рикари (часть племени пауни), которую зовут Пшан-шоу (Сладкая трава). "Внутренняя одежда, похожая на рясу, цельная и со вкусом украшена вышивкой и бисером. Через грудь проходит ряд лосиных зубов, а халат из шкуры молодого буйвола, искусно расшитый, изящно наброшен на плечи и свисает до земли позади нее".

На той же странице читатель может найти в качестве иллюстрации индейского детства [портрет](#) внука вождя племени блэкфит, мальчика шести лет. Он изображен в полный рост, с луком и колчаном, перекинутым через плечо, и в халате из шкуры енота. Этот юный вождь после смерти отца был дважды украден воронами и дважды возвращен блэкфитами, а затем отдан на попечение мистеру М'Кензи, пока не станет достаточно взрослым, чтобы принять вождя своего племени или быть в состоянии защитить себя от своих врагов.

У индейских матерей не так много детей, возможно, из-за раннего возраста, в котором они выходят замуж. Например, возраст четырех только что упомянутых невест варьировался от двенадцати до пятнадцати лет. Два-три ребенка - это средний показатель, а семья из пяти человек считается довольно большой.

Детей вынашивают примерно так же, как и арауканы. Делается своеобразная колыбель, в которой младенец привязывается к плоской доске, а его ноги опираются на широкий обруч, который проходит через конец колыбели. Другой обруч проходит над лицом ребенка, и к нему подвешиваются различные маленькие игрушки и амулеты: одни - для развлечения младенца, другие - для его сохранения во время многочисленных опасностей младенческой жизни. Когда мать несет ребенка, она вешает колыбель на спину с помощью широкого ремня, который проходит через лоб. И колыбель, и ремешок украшены самыми яркими цветами, на которые способно местное искусство, и расшиты различными узорами из крашенных перьев дикобраза.

Среди племен, населяющих берега реки Колумбия и значительную территорию, прилегающую к ней, колыбель используется необычным образом, благодаря чему племя получило общее название "плоскоголовые". К верхней части колыбели прикреплен кусок доски, который ложится на лоб ребенка. К другому концу доски прикреплены две веревки, которые проходят вокруг ножек или боков колыбели. Как только младенец ложится на спину, верхнюю доску накладывают ему на лоб и закрепляют струнами. С каждым днем давление увеличивается, пока, наконец, голова не станет настолько плоской, что от макушки головы до носа можно будет провести прямую линию. Одна из таких колыбелей с ребенком, проходящим этот процесс уплощения головы, показана ниже. Голова матери является примером его постоянного эффекта.

ЖЕНЩИНА С ПЛОСКОЙ ГОЛОВОЙ.

Это, пожалуй, самое необычное из всех модных искажений человеческого тела, и осиная талия европейской красавицы, искривленная нога женщины Кариба и даже судорожная стопа китайской красавицы кажутся незначительными по сравнению с приплюснутой головой индейца чиннук или клика-така. Мистер Кэтлин утверждает, что этот обычай был гораздо более распространенным, чем сейчас, и что даже племена чокто и чикасау в Миссисипи и Алабаме имели обыкновение сплющивать голову, а места их захоронений служат неопровержимым доказательством того, что так было, и не в очень отдаленные времена.

Читатель, особенно если он увлекается френологией, вполне может представить себе, что подобная практика должна пагубно влиять на умственные способности тех, кто ей подвергается. Представим себе, например, череп, который был так безжалостно сжат, что его глубина в задней части составляет всего полтора или, самое большее, два дюйма; в результате он сильно вытянут и выдавлен наружу по бокам, так что его ширина почти в два

раза меньше, чем была бы, если бы ему позволили принять нормальную форму. Волосы, зачесанные вниз в одном месте и расширяющиеся в других, казалось бы, сильно изменяют свои природные способности, даже если во многих случаях не уничтожают их. Однако те, кто общался с плоскоголовыми, утверждают, что интеллект ничуть не нарушен, а тем более не пострадал, и что те члены племени, которые избежали процесса уплощения, ничуть не превосходят в интеллектуальном плане тех, кто ему подвергся. Действительно, как отмечает мистер П. Кейн в своих "Странствиях художника", чинноуки презирают тех, кто сохраняет первоначальную форму головы. Они всегда выбирают себе рабов из круглоголовых племен, так как приплюснутая голова является признаком свободы.

Есть еще один момент, связанный с уплощением головы, который заслуживает внимания. Учитывая, что она начинается почти в тот же час, когда младенец появляется на свет, и продолжается от восьми месяцев до года и более, можно предположить, что она причиняет ребенку значительную боль, а во многих случаях опасна для жизни. Однако это не так; и то, что это не так, является одним из многочисленных доказательств того, что человеческий каркас может быть искажен без постоянного вреда для здоровья. Мистер Кейн отмечает следующее:- "Можно было бы предположить, что, судя по всему, это не так.

"Можно было бы предположить, исходя из степени, до которой это происходит, что операция будет сопровождаться большими страданиями для младенца, но я никогда не слышал, чтобы младенцы плакали или стонали, хотя я видел, как глаза, казалось, выходили из глазниц от сильного давления. Напротив, когда плети снимали, я замечал, что они плачут до тех пор, пока их не заменяли. Судя по видимой вялости детей, находящихся под давлением, я могу предположить, что это состояние оцепенения или бесчувствия, и что возвращение к сознанию, вызванное снятием давления, должно естественно сопровождаться ощущением боли".

Если ребенок умирает до того, как он достаточно подрос, чтобы его можно было отпустить из колыбели, мать не освобождается от своих материнских обязанностей, а, напротив, продолжает выполнять их так же усердно, как если бы маленькое существо было живо.

После того как ребенок похоронен, она делает "траурную колыбель", *то есть* на место, которое раньше занимал ребенок, кладет большой пучок черных перьев, представляя умершего младенца, и обращается с ним во всех отношениях так, как если бы малыш все еще занимал колыбель. Она носит его на спине, куда бы ни пошла, а когда отдыхает, ставит его вертикально на дерево или на стену хижины и разговаривает с ним, как с живым ребенком. Этот обычай продолжается не менее года, а во многих случаях даже больше этого срока. И хотя мать, понесшая утрату, может быть настолько бедна, что у нее едва хватает одежды для себя, она постарается украсить колыбель своего потерянного ребенка соответствующими украшениями.

Как правило, североамериканские индейцы - ласковые родители. Мистер Кэтлин упоминает случай, когда он написал портрет замужней женщины, дочери вождя. Через некоторое время она умерла, и отец, увидев и узнав портрет своей погибшей дочери, предложил за нее десять лошадей - огромную цену для американского индейца. Конечно же, портрет был сразу же подарен ему.

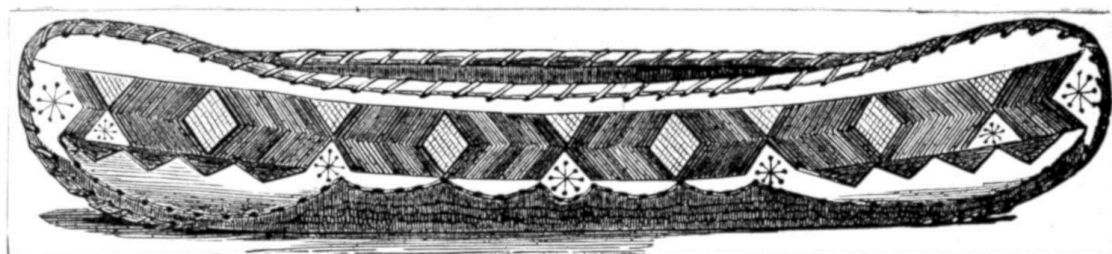
Родительская привязанность полностью отвечает взаимностью детям, и младшие с величайшим уважением относятся к старшим. Однако даже среди них, как и среди многих

других племен, ведущих полукочевой образ жизни, мы находим обычай оставлять больных и престарелых, когда им приходится совершать вынужденный поход на любое расстояние.

Обычно это делается по просьбе самих жертв, которые говорят, что они стары и бесполезны, и могут быть только помехой для остальных членов племени. Соответственно, из бизоньей шкуры, натянутой на четыре вертикальных прута, сооружается грубый навес, под который укладывается больной; рядом с ним ставится таз с водой и немного еды, и он остается умирать, если не от лишений или болезней, то от стай волков, которые бродят по прериям.

Теперь мы перейдем к более приятной фазе жизни этих племен и взглянем на их танцы и игры.

Бытует мнение, что индейцы неразговорчивы, необщительны и угрюмы. Мистер Кэтлин, чье свидетельство невозможно опровергнуть, прилагает немало усилий, чтобы исправить это мнение; и утверждает в результате своих путешествий среди индейских племен, что "они гораздо более разговорчивая и коммуникабельная раса, чем можно легко увидеть в цивилизованном мире. Никто не может заглянуть в вигвамы этих людей или в любую их небольшую группу, не будучи сразу же пораженным убеждением, что светские беседы, болтовня, рассказывание историй и развлечения являются у них главными страстями". Если понаблюдать за их играми и услышать их крики ликования в любой из их деревень, посидеть в их домиках и послушать их шутки, репризы, анекдоты и смех, то можно окончательно избавиться от этого ошибочного мнения, столь распространенного в отношении краснокожих. Не испытывая тревоги за будущее, не испытывая нужды, они, естественно, должны быть веселым народом и большую часть своей жизни проводить в спорте и играх.

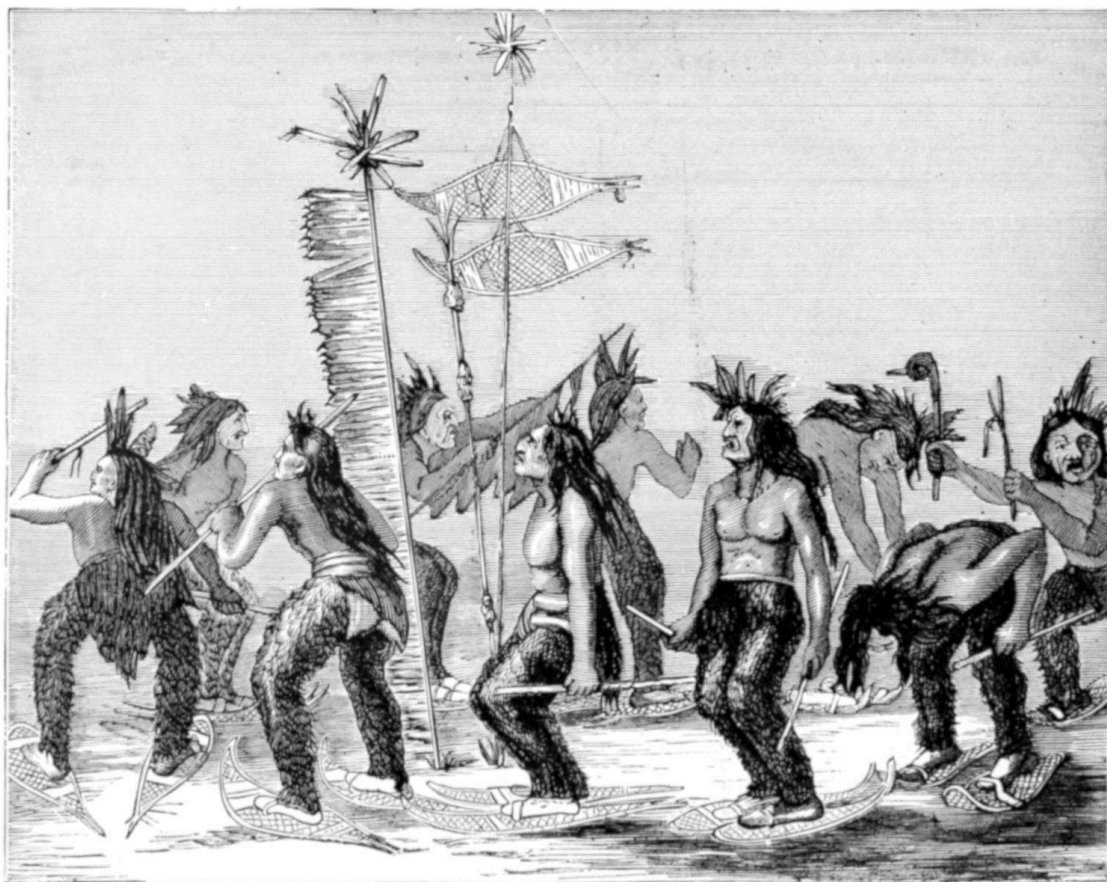

(1.) БЕРЕСТЯНОЕ КАНОЭ.

(См. [стр. 1326.](#))

(2.) ТАНЕЦ ПОД ЛЕКАРСТВО ХРАБРЕЦОВ.
(См. [стр. 1323.](#))

(3.) ТАНЕЦ СНЕЖНЫХ БАШМАКОВ.
(См. [стр. 1323.](#))

Любовь индейцев к развлечениям проявляется в большом разнообразии их танцев, большинство из которых очень причудливы и живописны, хотя некоторые из них имеют религиозное значение. Это танец игры в мяч, танец трубы, танцы буйвола и скальпа (уже описанные), танцы нищего, медведя и собаки. Но самыми приятными из всех являются танец орла, танец храбрецов, который особенно привлекателен, а также танцы зеленой кукурузы и снежных башмаков. Последний очень живописен, и художник [изобразил](#) его на предыдущей странице.

Перед первой охотой на снегоступах индейцы всегда исполняют танец в знак благодарности Великому Духу за то, что он послал снег, который позволит им жить в изобилии до тех пор, пока он длится. В землю, покрытую снегом, вертикально втыкают несколько копий, к одному из которых привязывают пару снегоступов, а к другим - различные священные перья и другие подобные предметы. Танцоры, одетые в охотничью одежду и обутые в снегоступы, ходят вокруг копий, имитируя при этом все движения погони и распевая песню благодарения.

Почти у всех племен, как бы далеко они ни находились друг от друга, ежегодно наступает сезон празднеств, когда колосья кукурузы становятся достаточно крупными для употребления в пищу. Зеленая кукуруза считается большой роскошью, и ее раздают с особой щедростью - празднества длятся восемь или десять дней. Все племя пирует и наедается до отвала, принося жертвы, распевая благодарственные песни Великому Духу и исполняя танец зеленой кукурузы. Во время этих праздников все занятия приостанавливаются, и все объединяются в карнавале обжорства и веселья. Мистер Кэтлин так описывает этот танец: "В то время, когда считается, что кукуруза почти готова к употреблению, несколько старых женщин, у которых есть поля или участки кукурузы (мужчины презирают такие унижительные занятия, как обработка поля или сада), назначаются знахарями, чтобы каждый день на восходе солнца осматривать кукурузные поля и приносить в дом совета несколько колосьев кукурузы, которые они ни в коем случае не должны вскрывать или рассматривать. Когда врачи, осмотрев кукурузу, решают, что она подходит, они посылают глашатаев объявить во всех частях деревни или племени, что Великий Дух был добр, и они должны собраться на следующий день, чтобы воздать ему благодарность. Посреди собравшегося племени над костром подвешивают котелок, наполненный кукурузой. Пока кукуруза варится, четверо знахарей, каждый со стеблем кукурузы в одной руке и погремушкой в другой, с телами, раскрашенными белой глиной, танцуют вокруг него, скандируя благодарственную молитву Великому Духу, которому кукуруза должна быть предложена. В более расширенном круге вокруг них танцуют несколько воинов, присоединяясь к той же песне. Во время этой сцены на землю ставят деревянные чаши, в которых и происходит пиршество".

Когда врачи решают, что кукуруза достаточно сварилась, танец принимает другую форму, и поется новая песня, а врачи тем временем кладут кукурузу на эшафот из палок, сооруженный над костром, где она и съедается. Затем этот костер убирают, пепел закапывают, и на том же месте разводят новый костер, причем таким же способом, как у хоттентотов, описанным на странице 100. Затем варится кукуруза для пиршества, за которым сидят врачи и воины. Все племени дается неограниченная свобода действий, и они смешивают излишества и развлечения до тех пор, пока поля кукурузы не будут разобраны, или она не станет слишком твердой для еды.

Танец храбрецов красив и возбуждает в высшей степени: "Через определенные промежутки времени танцоры останавливаются, и один из них выходит на ринг и как можно громче рассказывает о подвигах храбрости, которые он совершил за свою жизнь. Он хвастается снятыми им скальпами, воспроизводит движения и действия сцен, в которых совершались

его подвиги. Когда он заканчивает хвастаться, все соглашаются с правдивостью его рассказа и выражают свое одобрение гортанным "вау!". Затем танец начинается снова. В следующий промежуток времени другой человек начинает хвастаться, и так еще один и еще, пока все не расскажут о своих героических поступках и не докажут свое право быть причисленными к храбрецам нации".

Танец собак, хотя и является любимым у сиу, не отличается привлекательностью.

Сердца и печени двух или более убитых собак кладутся целыми и нежареными на две промежуточные, высотой примерно с голову человека, и разрезаются на полосы так, чтобы они свисали вниз. Затем начинается танец, который заключается в том, что каждый из них громкими, почти оглушительными гортанными криками и воплями провозглашает свои подвиги. В то же время танцоры, по двое, подходят к колу, откусывают кусок сердца и проглатывают его. Все это делается, не сбиваясь с шага и не прерывая гармонии голосов. Значение танца в том, что в нем не может участвовать никто, кроме храбрецов, которые могут похвастаться тем, что убили своего врага в бою и проглотили кусок его сердца.

Среди саков и лисиц есть несколько необычных танцев, помимо уже упомянутых, а именно: танец рабынь (очень любопытный), танец под бердаше, который представляет собой забавную сцену, и танец под лекарство храбрецов. В последнем танце передан нежный и красивый урок. [На иллюстрации](#) к нему на странице 1322 изображена партия сакских воинов, вернувшихся с победой из битвы, со скальпами, которые они взяли в качестве трофеев. Потеряв одного из воинов, они появляются и танцуют перед его вигвамом пятнадцать дней подряд, около часа каждый день. Вдова повесила его сумку на зеленый куст, который она установила перед своей дверью, и под ним она сидит и плачет, в то время как воины танцуют и размахивают скальпами, которые они взяли. В то же время они рассказывают о героических подвигах своего павшего товарища, чтобы утешить горе его вдовы, и, танцуя перед ней, забрасывают ее подарками, чтобы уберечь ее от бедности и страданий.

В этих танцах мало что напоминает "легкие фантастические пальцы" и головокружительные дебри танцев цивилизованных народов. Первые состоят из прыжков и стартов - зачастую самых гротескных и даже жестоких - в сочетании с песнями и криками, иногда оглушающими своим звучанием или пугающими дикостью и сильным возбуждением, которые проявляются.

Для зрителя, не знакомого с особым значением этих зрелищ, они кажутся лишь чередой бессмысленных движений и искажений, сопровождаемых резкими звуками, образующими странное, почти пугающее месиво. Однако, по словам мистера Кэтлина, "каждый танец имеет свой особый шаг, и каждый шаг имеет свое значение". У каждого танца есть и своя песня, которая часто бывает настолько сложной и загадочной, что ни один из десяти поющих молодых людей не знает ее смысла. Никому, кроме знахарей, не дано их понять". Однако есть танцы и песни, не столь замысловатые, которые понимает и в которых участвует все племя.

Битье в барабаны, крики, удары и мычание, шумные демонстрации, составляющие столь значительную часть индейских развлечений, напомнят читателю о подобных проявлениях у некоторых африканских племен, описанных в первой части этой работы.

Игра, которая, пожалуй, является самой популярной и широко распространенной, почти непонятна для неосведомленного зрителя. Она называется Tchung-chee - так называется

копье, которое будет описано ниже. Для игры используется кольцо диаметром около трех дюймов, сделанное из кости или дерева, обмотанное шнуром, и небольшое копье, на котором есть несколько маленьких выступов из кожи. Игроки катают кольцо по земле и, когда оно вот-вот упадет, направляют копье так, чтобы при падении кольцо попало в один из кусочков кожи. Если это происходит, игрок получает одно или несколько очков, в зависимости от того, какой именно выступ попал в кольцо, и в каком режиме он летит.

В другой разновидности этой игры, называемой Аль-кол-лок, копье лишено кожаных выступов, а вместо них внутри кольца закреплены шесть цветных бусин. На каждом конце гладкого глиняного поля, длина которого составляет около пятидесяти футов, возводится небольшой барьер. Игроки бросают кольцо с одного конца площадки, бегут за ним и, когда оно падает, ударяясь о барьер, бросают копья, как описано выше, при этом очки начисляются в зависимости от цвета бусины, которая на них лежит.

Увлеченность игроков этой игрой не поддается описанию. Они играют в нее целый день, проигрывают в азартные игры своих лошадей, палатки, одежду, а проиграв все свое имущество, ставят себя на кон, причем проигравший становится рабом победителя.

Другая игра, называемая пагессан, или игра в чашу, очень популярна, хотя она малоподвижна и лишена грациозности действий, которая придает такое очарование предыдущей игре. В нее играют с деревянной чашей, в которой находится несколько кусков дерева, вырезанных в различных формах; некоторые, которые мы можем назвать фигурами, имеют круглые постаменты, на которых стоят, а другие, которые мы будем называть пешками, круглые, раскрашенные с одной стороны и простые с другой. Игроки поочередно берут чашу, встряхивают ее и ставят в ямку в земле. Затем содержимое чаши осматривается, а очки начисляются по количеству фигур, стоящих на своих пьедесталах. Если пешка стоит цветной стороной вверх, игрок получает одно очко, если простой стороной вверх - вычитает одно очко из своего счета. Положение пешек полностью зависит от случая, но чтобы заставить фигуры стоять на своих пьедесталах, требуется немалое мастерство.

Игра, наиболее характерная для американских индейцев, - это знаменитая игра в мяч, модификация которой была завезена в Англию под названием La Crosse. Принцип, по которому в нее играют, точно такой же, как в футбол и хоккей, а именно - ведение мяча через ворота, защищаемые противоположной стороной. Сначала мы рассмотрим игру в том виде, в котором в нее играют чокто. Читатель найдет ее [иллюстрацию](#) на странице 1311.

Мяч тщательно изготавливается из древесины белой ивы и украшается любопытными узорами, нарисованными на нем раскаленным железом. Палочки для игры в мяч, или ракетки, очень похожи на наши ракетки, но с более крупными и тонкими ручками, а также с гораздо меньшим обручем. Каждый игрок носит с собой две такие палки, по одной в каждой руке. Одежда игроков очень проста, она сводится к поясу, хвосту из белого конского волоса или перьев и гриве из крашеного конского волоса вокруг шеи. Пояс, на котором держится хвост, может быть как можно более богато украшен, а сам игрок может раскрасить себя как угодно, но никакая другая одежда не допускается, даже мокасины на ногах.

Вечером назначенного дня обе стороны приходят на площадку, где уже установлены ворота, примерно в двухстах ярдах друг от друга, и при свете факелов исполняют танец игры в мяч. Ровно посередине между воротами, куда должен быть запущен мяч, сидят четыре старых знахаря, поют и бьют в барабаны, а игроки сгруппировались вокруг своих ворот, поют во весь голос и стучат палками. Эти танцы продолжаются всю ночь, так что игроки полностью лишены отдыха - очень плохая подготовка, как можно подумать, к тяжелым нагрузкам следующего дня. Все ставки делаются в эту ночь, причем предметы, на которые делаются ставки, такие

как ножи, одеяла, оружие, кухонная утварь, табак и даже лошади и собаки, отдаются на хранение заинтересованным лицам, которые сидят возле них и наблюдают за ними всю ночь.

Около девяти часов следующего утра начинается спектакль. Четыре знахаря с мячом в руках рассказываются, как и прежде, посередине между воротами, а игроки располагаются для атаки и защиты. По сигналу мяч подбрасывают высоко в воздух, и, когда он падает, два противоборствующих отряда игроков сходятся к нему. Поскольку с каждой стороны часто бывает по несколько сотен игроков, можно представить, что сцена получается очень оживленной.

"В этих отчаянных схватках за мяч, - пишет мистер Кэтлин, - когда сотни игроков бегут вместе, прыгают друг другу на головы, проносятся между ног своих противников, спотыкаются, бросаются, подставляют друг другу ноги всеми возможными способами, а каждый голос поднимается на самый высокий уровень в пронзительных криках и лае, происходит быстрая череда подвигов и происшествий, которые удивляют и забавляют далеко за пределами представления любого, кто не имел необыкновенной удачи стать их свидетелем".

"В этих схватках используются все возможные способы, чтобы воспрепятствовать продвижению первого, который, скорее всего, получит мяч; и эти препятствия часто встречают отчаянное индивидуальное сопротивление, которое заканчивается жестокой потасовкой, а иногда и кулаками. Затем палки опускаются, и стороны остаются без охраны, пока они улаживают дело между собой, за исключением общего *штампа*, которому подвергаются те, кто упал, если мяч случайно проходит в их сторону. Каждое оружие, по правилу всех игроков в мяч, лежит в соответствующих лагерях, и ни одному человеку не разрешается идти за ним; так что внезапные ссоры, происходящие на земле, предполагаются столь же внезапно разрешенными без всякой вероятности больших личных травм, и никому не разрешается вмешиваться в спорящие личности.

"Бывает, что мяч падает на землю, а вокруг него сгрудилась такая беспорядочная масса, которая стучит палками друг о друга, не давая никому возможности зацепиться за поднятую ими пыль, что зритель теряет силы и все, кроме чувств; когда сгущенная масса мячей, палок, голеней и окровавленных носов носится по разным частям площадки по четверти часа за раз, причем никто из этой массы не может видеть мяча, которым они часто бьют по несколько минут после того, как его отбросили и разыграли на другой части площадки.

"За каждый раз, когда мяч проходил между воротами одной из сторон, им засчитывалось по одному, и они останавливались примерно на одну минуту; тогда мяч снова запускался судьями игры, и начиналась аналогичная борьба; и так до тех пор, пока победившая сторона не доходила до 100, что было пределом игры, и завершалась в час солнца, когда они забирали ставки".

В этой игре игрокам не разрешается ударять по мячу палками или ловить его в руки, хотя сделать это между сетчатыми концами палок, а затем убежать с мячом - подвиг, который каждый игрок старается совершить изо всех сил. Игра в мяч у сиу точно такая же по принципу, как и у чокто, но игроки носят только одну палку, которую держат обеими руками.

Иногда мужчины любезно балуют женщин игрой в мяч, а в качестве призов дарят некоторое количество товаров, развешивая их на горизонтальном шесте, чтобы стимулировать игроков зрелищем. Однако таким низшим существам, как женщины, не разрешают пользоваться мячом и ракеткой их начальников - мужчин, а играют с парой небольших мешков, наполненных песком и прикрепленных друг к другу с помощью веревки длиной около

восемнадцать дюймов. У каждого из игроков есть две небольшие палочки длиной около двух футов, которыми они ловко ловят мешочки с песком и бросают их в ворота. Женщины играют с не меньшим энтузиазмом, чем мужчины, и игра часто приобретает вид генерального сражения, а не развлечения.

С тех пор как у американских индейцев появились лошади, они очень полюбили скачки и так безрассудно ставят на скорость своих животных, что часто теряют все, чем владеют. На этих скачках ни лошади, ни всаднику не разрешается быть в каком-либо костюме, даже седло или подпруга не допускаются. Также проводятся лодочные гонки, к которым зрители проявляют не меньший интерес, чем к гонкам в Оксфорде и Кембридже. Каноэ в основном приводятся в движение одним человеком.

Каноэ имеют различные формы и материалы, в зависимости от племени, к которому они принадлежат. Например, у манданов есть странное круглое судно, сделанное из бизоньей шкуры, натянутой на деревянный каркас. Оно называется "бычья лодка" и приводится в движение весьма необычным способом. Обычно гребет женщина, которая стоит или стоит на коленях лицом к направлению, в котором собирается плыть, и, опустив весло в воду настолько далеко вперед, насколько может дотянуться, ловко тянет его к себе и таким образом приводит лодку в движение со значительной скоростью.

Однажды мистер Кэтлин и двое его спутников захотели переправиться через реку, и жена одного из вождов посадила их в одну из этих лодок. Затем она зашла воду и поплыла через реку, буксируя за собой лодку. Однако стоило ей приблизиться к противоположному берегу, как несколько молодых девушек окружили каноэ, взяли его под свое управление и удерживали на середине реки, пока пассажиры, совершенно бессильные в таком судне, не выкупили себя с помощью ожерелий из бусин и других украшений. Есть еще один вид каноэ, представляющий собой просто выдолбленный ствол дерева, который в народе называют "землянка". При изготовлении этой простой лодки, которая больше похожа на пунт, чем на каноэ, не требуется особой тщательности.

Лучшая и наиболее характерная форма туземного каноэ - та, что сделана из коры березы. Способ изготовления этих каноэ вкратце таков. Строительство каноэ - это работа, в которой принимают участие оба пола. Сначала мужчины выбирают самые крупные и тонкие березы с гладкой шкурой и сдирают с них большие куски коры. Затем за кору берутся женщины и, пока она еще свежая и влажная, чистят и скребут ее, как кожу, а затем сшивают куски вместе, чтобы сделать "плащ" будущего каноэ.

Пока женщины занимаются этой работой, мужчины увлеченно готовят остов каноэ. Он изготавливается из белого кедра, ребра вырезаются и выстругиваются, пока не станут совсем тонкими и легкими, и удерживаются на своих местах небольшими поперечными деталями, а также длинным тонким куском дерева, который проходит по всему краю лодки и является, по сути, главной опорой каноэ. Технически это называется "мэтр". Гвозди не используются, все соединения осуществляются с помощью нитей басмы, получаемых из внутренней коры белого кедра.

Когда каркас завершен, его укладывают на плащ, который накидывают на ребра, крепко привязывают к "мэтру", а затем постепенно приводят в надлежащий вид. Затем вдоль всего киля привязывается укрепляющая деталь, называемая "faux maître", чтобы защитить его от повреждений, а внутренняя часть обшивается кедровыми досками, толщиной не более пастбища. Когда каноэ готово и высохло, отверстия, через которые проходили шнуры, а также все стыки коры тщательно замазываются смолой, полученной из сосны или ели, а слабые участки коры также укрепляются слоем смолы.

Берестяное каноэ чиппевеев, несомненно, является самой красивой моделью из всех водных судов, когда-либо изобретенных. Обычно его делают целиком, из коры одной березы, и так изобретательно формируют и собирают вместе, что оно становится водонепроницаемым и движется по воде с необыкновенной грацией и стремительностью.

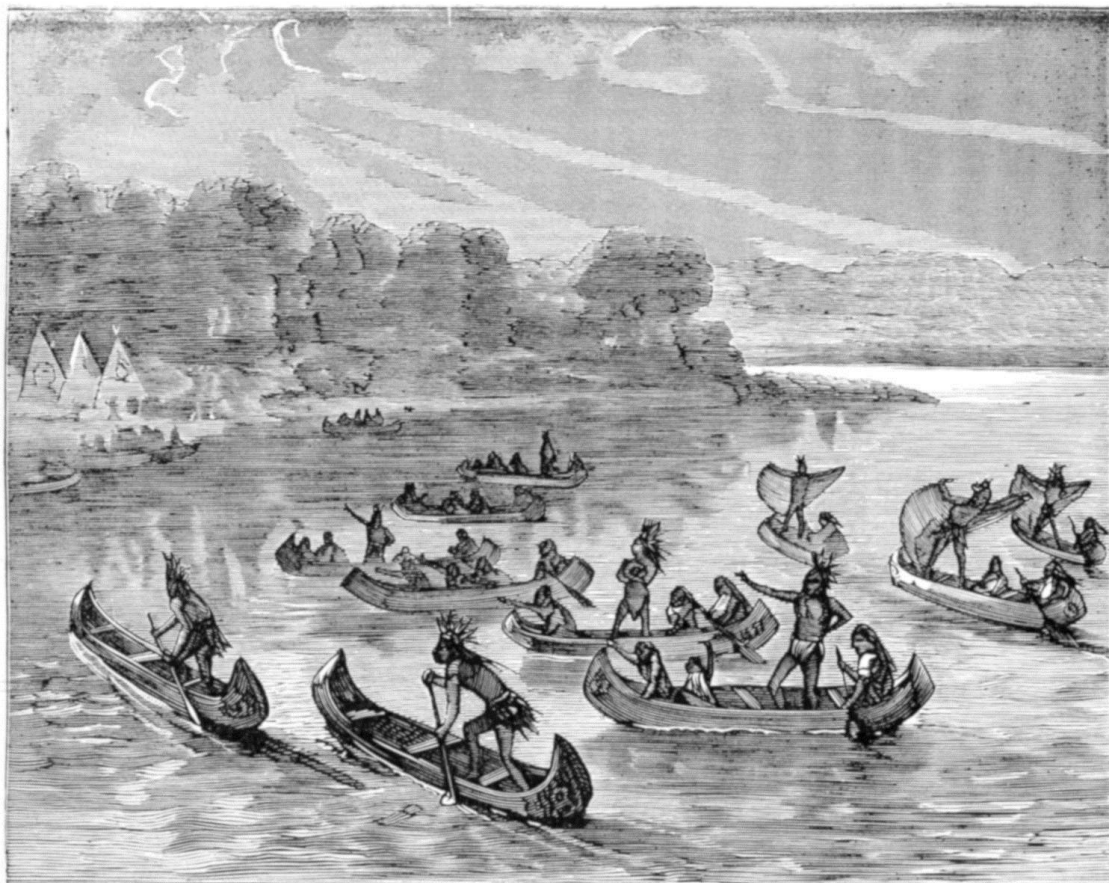
Эти каноэ удивительно легкие, что, собственно, и необходимо для плавания по рекам. Множество порогов не позволили бы лодке пройти вверх по реке, если бы не план под названием "портэдж". Когда каноэ прибывает к подножию порога, его вытаскивают на берег, команда высаживается, берет все вещи из каноэ и переносит их на противоположный берег порога. Затем они возвращаются за самим каноэ, спускают его на воду в гладкой воде над порогом, нагружают и продолжают путь. [Рисунок](#) в начале страницы 1322 даст читателю представление о форме берестяного каноэ.

Эти суда можно приводить в движение с удивительной скоростью, поскольку они сидят на поверхности, как утки, и, будучи пустыми, едва ли наберут два дюйма воды. Количество гребцов зависит от размера лодки, но курс регулируется двумя людьми, сидящими на носу и корме, которых для удобства мы можем назвать "нос" и "ход". Обязанность "носа" - внимательно смотреть вперед, нет ли там скал или других препятствий, и хорошо понятными движениями указывать на их наличие "ходу", который взмахом весла разворачивает каноэ в направлении, указанном "носом".

Каноэ, которые используются в гонках, сделаны из бересты и почти всегда небольшого размера - настолько небольшого, что человек может легко пронести свое каноэ на голове от дома до кромки воды, а затем спустить его на воду без посторонней помощи. Мистер Кэтлин дает очень оживленное описание гонки на каноэ: участников сопровождают большие каноэ, полные их друзей, которые кричат антагонистам слова поддержки, стреляют из ружей в воздух и делают сцену необычайно захватывающей даже для незнакомого человека.

В правой части [иллюстрации](#), изображающей гонку на каноэ, на следующей странице читатель может увидеть любопытный способ приведения каноэ в движение, который часто используется, когда нет необходимости в скорости и ветер благоприятен. Человек, выполняющий роль "носа", встает впереди каноэ, протягивает в двух руках халат или одеяло, а затем ногами прижимает два других угла к дну лодки. Таким образом, халат превращается в импровизированный парус, мачтой которого является человек. Таким образом каноэ часто переносится на значительное расстояние, к большому облегчению гребцов.

Европеец мгновенно развалит хрупкое каноэ, если попытается встать в нем прямо; но туземцы - абсолютные хозяева своих маленьких судов, и, кажется, передвигаются в них так же легко и уверенно, как по суше. Они нагружают каноэ в полутора дюймах от кромки воды и гребут на нем целый день, не мечтая об опасности. А опытный каноист возьмет в руку копье для рыбы, поставит ногу на каждый борт лодки и, подгоняемый другом на корме, помчится вниз по порогам, подсекая рыбу на ходу, вытаскивая ее из воды и запихивая в лодку позади себя.

(1.) ГОНКИ НА КАНОЭ.
(См. стр. 1326.)

(2.) ЖИЛИЩА ЭСКИМОСОВ.

(См. с. 1335.)

В большинстве индейских племен во время траура по случаю смерти родственников женщины должны полностью обрезать волосы, и траур длится до тех пор, пока они не отрастут до прежней длины. Поскольку длинные локоны так высоко ценятся в большинстве племен, это не малая жертва. Но для мужчин длинные волосы имеют гораздо большее значение, и они отрезают лишь локон или два, чтобы выразить скорбь или печаль по ушедшим родственникам.

Есть игра, которая имеет несколько религиозный аспект. На границе Большого трубчатого карьера с равнины возвышается одинокая скала. Она похожа на большой столб, всего несколько футов в диаметре, хотя в высоту превышает тридцать футов. Она расположена на небольшом расстоянии от края пропасти, и индейцы, приезжающие за красным камнем для своих труб, часто пытаются запрыгнуть на нее и вернуться обратно. Сам прыжок на скалу сравнительно прост, но есть две страшные опасности, которые грозят прыгуну. Во-первых, небольшая плоская поверхность скалы настолько отполирована и гладка, что если прыгун приложит слишком много усилий, он соскользнет и разобьется об острые камни внизу. Если же он удержится на ногах, ему предстоит нелегкая задача - вернуться на место, откуда он прыгнул, ведь он не может бежать, а скользкая поверхность скалы дает лишь небольшую точку опоры, с которой он может спрыгнуть.

Прежде чем индеец совершает этот ужасный прыжок, он возносит множество молитв Великому Духу о помощи и защите, и в любом случае ему приятно осознавать, что в случае неудачи его тело будет похоронено в священной земле народа. Те, кто добился успеха, оставляют после себя стрелу, воткнутую в скалу, и имеют право хвастаться этим на каждом общественном собрании, когда их призывают выступить. Ни один человек не осмелится похвастаться этим подвигом, не совершив его, так как его тут же вызовут к Прыгающей скале и укажут на его стрелу.

Если читатель обратит внимание на рисунок [каноз](#) на странице 1322, то увидит, что его борта украшены узором. Это сделано путем прикрепления окрашенных перьев дикобраза к бокам маленького судна. Перья дикобраза очень широко используются для изготовления украшений, и, хотя их частично вытеснил бисер, они все еще применяются для украшения одежды и утвари туземцев.

Эти перья никогда не бывают такими длинными и толстыми, как у дикобразов Старого Света, и от природы белые или серые, так что они легко принимают любую желаемую краску. Сначала их очень тщательно сортируют по размерам: самые крупные редко превышают три дюйма в длину, а более мелкие похожи на нитку и могут быть пропущены через ушко обычной иглы. Оба конца остры. Когда местный художник хочет создать узор, рисунок сначала рисуется на правой стороне коры или кожи; затем два конца пера просовываются сквозь ткань и закрепляются на изнаночной стороне, при этом перо выступает в роли иглой и нитки.

Возможно, самым изобретательным способом изготовления украшений является тот, которым занимаются женщины племени оджиббевей и который называется "кусание коры". Это любопытное искусство описано г-ном Кодем в его "Китчи-гами" следующим образом.

"Этим искусством скво занимаются в основном весной, на своих сахарных плантациях. Однако не все они понимают его, и лишь немногие по-настоящему талантливы. Я слышал, что на другом берегу реки Святой Марии, в Канаде, живет очень знаменитый короед и что в нашей деревне у катаракты живет другая, по имени Анжелика Марте. Естественно, я сразу же отправился навестить последнюю.

"Необыкновенных гениев здесь обычно приходится искать, как в Париже, на пятом этаже или в каком-нибудь отдаленном фобурге. Дорога к Анжелике Марте вела нас мимо небольшого скопления домов, представлявших собой нашу деревню, далеко в пустыню. Мы попали в моры, и нам пришлось перепрыгивать с камня на камень. Между большими массами разбросанных гранитных глыб, остатками снарядов, которыми, по словам индейцев, Менабоджу и его отец бросали друг в друга в битве, которую они здесь вели, мы наконец нашли полуразрушенную березовую хижину нашей языческой артистки, которая сама жила в ней как отшельница.

"Окружающий пейзаж, казалось, был лучше приспособлен для *ренверси*, чем для *ателье*. Когда мы предпочли попросить у нее образец резьбы по зубам, она сказала нам, что все ее надежды в отношении ее искусства сосредоточены в одном зубе. По крайней мере, в верхней челюсти у нее был только один, пригодный для этой операции. Однако она сразу же начала выбирать подходящие куски коры, очищать их от тонкой кожицы и складывать вдвое, просовывая между зубами.

"По мере того как она брала один кусок за другим и очень быстро проделывала эту операцию, с ее губ срывался один художественный номер за другим. Развернув кору, мы обнаружили на одном из них фигуру молодой девушки, на другом - букет цветов, на третьем - томагавк со всеми его принадлежностями, очень правильно оформленный, а также несколько других предметов. Кора не прокушена до дыр, а только прижата зубами, так что, когда рисунки держат в руках, они в некоторой степени напоминают те красивые фарфоровые прозрачности, которые делают в качестве световых экранов".

Способ строительства вигвама у разных племен во многом одинаков. Как правило, он состоит из выделанных шкур бизонов, сшитых вместе и расположенных в форме палатки, с несколькими столбами высотой около двадцати пяти футов в качестве опоры и с отверстием в вершине для выхода дыма или проникновения света. Вороны, однако, превосходят всех остальных по стилю своего жилища. Они выделывают шкуры, почти белые, как лен, украшают их дикобразовыми перьями и расписывают различными способами, чтобы сделать свои палатки очень красивыми и живописными.

Индейские домики можно снять за несколько минут. Снятие и транспортировка - дело рук скво. За лето племя обычно уезжает шесть или восемь раз, чтобы найти хорошие охотничьи угодья среди стад буйволов.

Индейские племена, судя по их музыкальным инструментам, не имеют особого вкуса или умения в музыке. Они очень грубые и состоят из погремущек, барабанов, тайного свистка, военного свистка и флейты из оленьей кожи. Военный свисток длиной от шести до девяти дюймов сделан из кости ноги оленя или индейки, а вокруг него намотаны перья дикобраза. Вождь носит его в бою под одеждой. У него всего две ноты: одна, издаваемая дуновением в один конец, пронзительна и является призывом к бою, а другая звучит как сигнал к отступлению. Даже в шуме битвы, среди криков и воплей их яростных конфликтов этот маленький инструмент можно отчетливо услышать.

Главным залогом дружбы среди этих племен является собачий пир. Если учесть, что собака является предметом особой привязанности индейцев, что она ценится ими больше, чем где-либо еще на земном шаре, то можно понять значение этого праздника. Жертвоприношение самого дорогого для них предмета является, таким образом, самым сильным доказательством дружбы. На своих гербах, на скалах они высекают изображение собаки, и везде и всегда она является эмблемой верности. Соответственно, чтобы подтвердить дружбу, дать самое неоспоримое доказательство чести и преданности, индеец берет своего любимого товарища по погоне и вигваму и приносит его в жертву гостеприимству и привязанности.

Эти праздники проходят в самой торжественной и впечатляющей манере, как будто с убеждением, что залог дружбы - это святое". Вот какие нежные слова приводит Кэтлин в заключение обращения индейского вождя к нему и другим белым гостям, для которых был устроен такой пир: "Мы предлагаем вам сегодня не самое лучшее, что у нас есть, ибо у нас полно хороших бизоньих горбов и костей, но мы отдаем вам наши сердца на этом пиру - мы убили наших верных собак, чтобы накормить вас, и Великий Дух скрепит нашу дружбу. Больше мне нечего сказать".

Теперь мы переходим к рассмотрению обычаев индейцев в отношении смерти и избавления от мертвых.

Манданы берут тело умершего, одевают его в лучшие одежды и украшения, снабжают пищей, трубками, табаком и стрелами и заворачивают в шкуры, предварительно вымоченные в воде, чтобы сделать их податливыми и по возможности исключить доступ воздуха. Затем тело помещают на небольшой эшафот высотой около семи футов и оставляют разлагаться. Со временем подмости расшатываются и падают, тогда родственники покойного хоронят все останки, за исключением черепа, который кладут на землю, образуя круги по сто и более человек, все с лицами, обращенными внутрь, и все опирающиеся на свежие пучки трав. В центре каждого круга находится небольшой курган, на котором лежат черепа самца и самки бизона, а на кургане установлен длинный шест, на котором висят различные предметы "медицины", которые, как предполагается, помогают охранять останки мертвых.

Ни один народ не любит плавать больше, чем индейцы, причем молодежь обоих полов обучается этому искусству в самом раннем возрасте. Такие знания незаменимы для них, особенно подверженных несчастным случаям со своими легкими каноэ, а в походах вынужденных пересекать самые широкие реки. Сквозь прикрепляют своих детей к спине и легко переправляются через любую реку, которая лежит на их пути.

Однако способ плавания индейцев сильно отличается от нашего. Они не делают горизонтальный гребок от подбородка, а попеременно бросают тело то в одну, то в другую сторону и, подняв одну руку из воды, тянутся как можно дальше вперед, в то время как другая рука, сделав то же движение, опускается вниз и становится движущей силой. И это, несмотря на кажущуюся неловкость, все же самый эффективный способ плавания, к тому же он реже сопровождается травмами грудной клетки или усталостью.

Родственники постоянно посещают черепные круги, и часто можно видеть, как женщины часами сидят у черепов своих умерших детей, продолжая свою работу и разговаривая с мертвым черепом, как с живым ребенком. А когда они устают, то ложатся, обхватив череп руками, и спят, как будто в компании с самим ребенком. Сиу и многие другие племена укладывают своих мертвецов в ветвях или кронах деревьев, завернутых в шкуры, и всегда с деревянным блюдом, висящим возле головы трупа, несомненно, для того, чтобы он мог

утолить жажду в долгом путешествии, которое, по их мнению, ожидает его после смерти. Чинноуки кладут их в каноэ, которые вместе с утварью воина, сопровождающего мертвого, настолько разбиты, что становятся бесполезными.

Самыми необычными похоронами, о которых сохранились записи, были похороны Черного Дрозда, вождя племени омаха. Художник воспроизвел эту [странную сцену](#) на странице 1341.

На берегу Миссури, в округе, которым он управлял, есть возвышенный обрыв, вершина которого видна на огромное расстояние со всех сторон. Когда вождь узнал, что умирает, он приказал посадить его на спину своего любимого боевого коня и похоронить на вершине обрыва.

Просьба была выполнена с точностью до мелочей. В назначенный день все племя вместе с огромным количеством зрителей собралось на обрыве, оставив посередине открытое пространство, где и должен был быть похоронен вождь.

Вскоре тело умершего вождя понесли вверх по склону обрыва, а за ним повели его боевого коня, благородного молочно-белого жеребца, которым он очень дорожил. Когда похоронная процессия достигла вершины обрыва, мертвый вождь был одет в полное воинское одеяние: на голове - пух из перьев, на спине - натянутый лук, колчан, стрелы, щит и сумка для лекарств, к уздечке коня и к оружию прикреплены его скальпы, которые не мог взять ни один человек, а в руке - его любимое копье. Его также снабдили едой и питьем, чтобы он мог продержаться во время путешествия в страну духов, и трубкой с набитым табаком кисетом, кремнем и сталью, чтобы он мог утешить себя роскошью курения.

Сделав это, он сел на спину своего коня, и все вожди в свою очередь вышли вперед, чтобы произнести прощальные речи в адрес своего мертвого вождя. Каждый, произнеся свою речь, натирал правую руку киноварью, прижимал ее к белому плащу коня и оставлял на ней алый отпечаток своей руки. Затем начиналось погребение. Воины принесли в руках куски дерна и стали возводить огромный курган, в центре которого должны были быть заключены вождь и его конь. Один за другим они укладывали дерн вокруг ног преданного коня и так, постепенно, возводили курган над животным еще при жизни.

Когда курган был завершен, он возвышался над головой вождя, странным образом похороненного в его центре, и там он и его лошадь были оставлены, чтобы истлеть вместе. На вершине кургана был установлен кедровый столб, и с тех пор, как он был построен, этот курган был знаком всем окрестным жителям. Этот зеленый, усыпанный цветами курган посещает множество путешественников, как белых, так и красных. Первые поднимаются на обрыв отчасти из любопытства, чтобы увидеть столь странную гробницу, отчасти ради великолепного вида, открывающегося с ее вершины, а вторые посещают ее, чтобы отдать дань уважения месту захоронения одного из своих самых известных вождей и великих знахарей.

Обычай хоронить жен и других жертв вместе с умершим мужем, похоже, уже исчез среди североамериканских племен, но такой случай произошел сравнительно недавно. Умер вождь племени начез, которого называли Жгучий Змей; поскольку он был главным вождем племени, для жертвоприношения было выделено значительное количество жертв. Однако французы вмешались и убедили друзей умершего вождя ограничить число жертв восемью или десятью. Среди них была красивая девушка, которая, хотя и не была его женой, очень любила его и хотела разделить с ним могилу.

В назначенный день была сформирована процессия, в которой жертв вели в большом состоянии, в сопровождении восьми родственников покойного, которые должны были выступать в роли палачей, и которые несли роковой шнур, оленью шкуру, которую накидывали на голову жертвы, таблетки табака, которые нужно было принять перед церемонией, и другие необходимые орудия. Когда все это было уложено в могилу, главная жена произносила речь, в которой прощалась со своими детьми, а жертвы, после того как их задушили, были положены в могилу.

Поскольку целью данной работы является представление нравов и обычаев племен и рас в их первобытном состоянии, а не полуцивилизованных, будет достаточно просто представить имена чероксов, чокто, криков, чикасо, сенексов, делаваров и т. д. Нет необходимости рассматривать и те, ныне вымершие, племена, которые занимали страну, когда ее впервые заселили белые люди. Ведь те же самые общие характеристики, которые представлены сейчас, относятся ко всем североамериканским расам. Индейские племена быстро отступают или исчезают перед неуклонным, непреодолимым маршем цивилизации и растущим величием великой республики в Северной Америке. Линия, где эхо индейских криков сливается с криками продвигающихся вперед пионеров и звуком топора дровосека, постоянно движется на запад. За несколько лет мы видели, как она прошла от реки Миссисипи до основания Скалистых гор. Хижина поселенца непрерывно вторгается в вигвамы краснокожих. С грустью сгладив могилы своих отцов и бросив последний взгляд на свои охотничьи угодья, они отступают перед силой, которой тщетно пытаются противостоять. Оттесненные за два с половиной века на три четверти континента, от Массачусетского залива почти до Тихого океана, за исключением нескольких разлагающихся остатков племен, их история и гибель не могут не вызывать сочувствия к несчастной и побежденной расе.

Даже если мы не формируем свою оценку индейцев на основе романтических творений Купера, каждый здравомыслящий человек отдаст им должное за многие качества, составляющие настоящее величие характера. Их удивительная храбрость, пылкая ярость, непоколебимый, пламенный энтузиазм в бою или в погоне, мужественный спорт, серьезный, философский настрой на совете, суровая, стоическая стойкость в несчастье, презрение к смерти, Это черты, которые придали индейцам уникальный и благородный характер, характер и историю, которые летописец, поэт и романист перенесли на свои бессмертные страницы, и над которыми толпы старых и молодых склонились с нетерпеливым, затаенным интересом. Как говорит мистер Мангин в своем "Мире пустыни": "В их вере, в их обычаях, в их языке, одновременно лаконичном и живописном, и даже в именах, которыми они наделяли каждое племя, каждого вождя и воина, горы и реки, была поэзия. Вряд ли можно подавить чувство сожаления о том, что столько дикой романтики и доблести было стерто с лица земли, если только не вспомнить о тени картины - жестокости, вероломстве и дикарской похоти индейцев. Но даже в этом случае наша человечность восстает против того, как с ним обращался белый человек". Выслеженные и затравленные, как дикие звери, изгнанные из своих охотничьих угодий и с территории своих предков, одурманенные пьянством, истребленные и вымирающие от эпидемий и пороков, заразившихся от белых людей, бедные индейцы, тщетно пытающиеся предотвратить свою гибель, вызывают сочувствие и сострадание всего цивилизованного мира. Теория, изложенная в предыдущей части этой работы (см. стр. 790), относительно упадка и вымирания диких рас, не запрещает сожалеть о том, что этот народ так тяжело пострадал от рук правительства Соединенных Штатов, из-за жадности его агентов, мошенничества торговцев и смертельной заразы пороков цивилизованного народа. Благодаря американским винтовкам и американскому виски их вымирание было быстрым, а гибель - несомненной.

Эти племена, сражающиеся в неравной борьбе с силами современной цивилизации, с большей готовностью становящиеся жертвами пороков белых людей, чем принимающие их добродетели, имеют право на справедливое внимание и защиту правительства, как его подопечные, у которых или у их предков были отняты их земля и их дома.

Отрадно сознавать, что в ближайшее время начнется более гуманная политика, и хотя обиды прошлого не могут быть исправлены, их права в будущем могут быть признаны и сохранены". Генерал-майор Томас из армии США, чье имя и история являются гарантией честного и мудрого суждения, говорит по поводу случая хладнокровного, неспровоцированного, безнаказанного насилия над индейским мальчиком (он приводится только как репрезентативный факт многих других и горьких несправедливостей): "Я не вижу лучшего способа, чем распространить гражданскую власть на индейцев и позволить им выступать в качестве свидетелей во всех случаях, затрагивающих их собственное положение и положение белых по отношению к ним". Это справедливый пример причины индейских бед; и пока белые убийцы и грабители индейцев не будут наказаны, большие силы войск будут необходимы для защиты мирных белых поселенцев от индейских мстителей". А генерал Шерман, чьему мнению можно доверять с полным основанием, следующим образом поддерживает точку зрения генерала Томаса: "Этот случай иллюстрирует происхождение большинства индейских войн на границе. Гражданин может безнаказанно убить индейца, но если индеец наносит ответный удар, начинается война, и Соединенные Штаты вынуждены нести расходы".

Здесь кроется секрет многих варварств индейских племен. Воспаленные и одурманенные виски, проданным им виски, их невежество, навязанное жадностью торговцев и даже правительственных агентов, не имеющие практически никаких шансов добиться справедливости в отношении своих реальных или мнимых обид, безусловно, имеют некоторое оправдание, если этот дикий сын леса выходит вперед с томагавком и ножом для снятия скальпов, как самозванный мститель за обиды свои и своего народа. Здесь не место, если бы и было место, для подробного обсуждения злодеяний краснокожих, но я не могу отказаться от обязанности, рассказывая о нравах, обычаях и характере племен, столь интересных, столь благородных и превосходящих по многим признакам большинство диких рас, одновременно записать это свидетельство и дань уважения. Оно, несомненно, станет приговором будущего, когда грядущие поколения будут изучать памятники и характер североамериканских индейцев.

[1] Эти размышления, а также многое, касающееся обычаев индейцев, были введены в работу американским редактором.

ГЛАВА СХL. ЭСКВИМО. ВНЕШНИЙ ВИД - ОДЕЖДА - ЖИЛИЩА.

ВНЕШНИЙ ВИД ЛЮДЕЙ - ЦВЕТ ЛИЦА И ТРУДНОСТЬ ЕГО РАЗГЛЯДЕТЬ - УМЫТЫЙ И ПРИЧЕСАННЫЙ РЕБЕНОК ЭСКИМОСОВ - ТЕЛЕСНАЯ СИЛА - ОДЕЖДА МУЖЧИН - ХВОСТАТЫЙ ПЛАЩ - "ФРЕЗЕРНЫЕ" САПОГИ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - БОЛЬШОЙ КАПЮШОН И САПОГИ - ТАТУИРОВКА И СПОСОБ ЕЕ НАНЕСЕНИЯ - ПРИЧЕСЫВАНИЕ - ПОДГОТОВКА ШКУР - СНЕЖНЫЕ

ДОМА И СПОСОБ ИХ ПОСТРОЙКИ - ОПИСАНИЕ КАПИТАНА ЛИОНА - ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ХИЖИНЫ - ЛЕДЯНЫЕ И КОСТЯНЫЕ ДОМА - ТУПИК, ИЛИ ЛЕТНЕЕ ЖИЛИЩЕ - ПИЩА ЭСКИМОСОВ - МУДРЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК.

Теперь мы переходим к тем необычным людям, которых европейцы называют эскимосами (их собственное имя - иннуиты), которые, поселившись среди вечного льда и снега, приспособили эти стихии для своих целей и проводят в своей суровой стране такую же счастливую жизнь, как и, казалось бы, более благополучные обитатели тропиков среди вечной зелени. Действительно, эскимосы испытывают совершенную тоску по своей любимой стране, если оказываются вдали от нее. Капитан Холл рассказывает об обстоятельствах "смерти Кудлаго, необыкновенно умного человека, который побывал в Соединенных Штатах и в полной мере оценил преимущества высокой цивилизации, которую он там увидел. Но все его желания были направлены на родину, и его забрали обратно. Когда корабль приблизился к его родной земле, он заболел и умер, а последними его словами был нетерпеливый вопрос: "Вы видите лед? Вы видите лед?".

По внешнему виду эскимосы - необычный народ. Их рост невысок по сравнению с ростом обычного европейца: в среднем около пяти футов трех дюймов у мужчин и на два-три дюйма меньше у женщин.

Цвет лица в некоторых случаях довольно темный, но, как правило, не намного темнее, чем у жителей Южной Европы. Однако он выглядит на много тонов темнее из-за привычек эскимосов, которые никогда не моются с самого рождения и до самой смерти. Не то чтобы они пренебрегали омовением, но сама мысль о мытье никогда не приходит в голову эскимосу, который, если только он не встречался с белыми людьми, даже не слышал о такой операции. Однако когда эскимоса удается убедить очистить свою кожу, оказывается, что она теряет многие оттенки своей первоначальной темноты. В дневнике капитана Холла есть забавный отрывок, приведенный в его "Жизни с эскимосами" - работе, на которую мы будем часто ссылаться на следующих страницах.

"Кимналу только что американизировали. Добрая жена капитана Б... сшила и прислала ей красивое красное платье, галстук, рукавицы, пояс и т. д.

"Мы с мистером Роджерсом, по моему предложению, решили, что лучше всего начать смену национальности с мыла и воды. Процесс был медленным - мы добрались до прекрасной маленькой девочки, которую, в конце концов, нашли, хотя и глубоко погруженной слой за слоем в грязь. Затем настал черед заняться ее туалетом. С помощью очень грубого гребня я начал распутывать ее волосы. У нее было совсем немного волос, заднюю часть за ушами пришлось коротко остричь из-за сильных головных болей. Как терпеливо она подчинялась процессу, который я использовал хуже, чем расческа карри! Впервые в жизни к ее голове поднесли расческу. Ее волосы были забиты мхом, шерстью тюленей и оленей и многими другими вещами, слишком многочисленными, чтобы назвать их все по именам. Бедное маленькое существо! И все же она была толстой и красивой, образцом здоровья. Ее щеки были красны, как распутившаяся роза; на них лежал природный лак".

Кожа гладкая, мягкая и в то же время удивительно прочная, с неким подобием нечистот, что, вероятно, вызвано огромным количеством масел и жиров, составляющих основную часть их рациона. Черты лица не очень приятные: лицо широкое, а скулы настолько высокие, что во многих случаях, если провести плоскую линейку от щеки к щеке, она не коснется носа. Как и

в случае с китайской частью этой огромной расы, глаза уклонены вниз, а лицо часто покрыто морщинами удивительной величины, простирающимися от глаз вниз по каждой щеке.

В телесной силе эскимосы представляют собой большой контраст с андаманцами, которые, хотя и невысокого роста, обладают гигантской мускулатурой. Капитан Лайон обнаружил, что туземцы не могут поднять груз, который с легкостью поднимали его матросы, в то время как обычный андаманец часто может сравниться с двумя сильными матросами. Шея странно тонкая и слабая, какой бы пропорциональной ни была грудь, и любопытно, что эскимосы почти не умеют бегать и прыгать. Борода почти не растет, а волосы черные, грубые, прямые и длинные.

Общий характер одежды одинаков у обоих полов, так что на небольшом расстоянии нелегко определить, кто перед зрителем - мужчина или женщина. Оба пола носят брюки и куртки с большим капюшоном, который можно либо накинуть на голову, либо позволить ему упасть на плечи. Куртка мужчины чем-то напоминает широкое пальто, свисающее сзади до середины икры и отрезанное спереди чуть ниже талии. В основном она сделана из оленьей шкуры, а капюшон подшит и вывернут белым мехом, что создает любопытный контраст с темным, широким лицом внутри. Край шубы обычно оторочен мехом более светлого цвета и часто украшен маленькими полосками меха, свисающими как кисточки.

Под этой шубой находится еще одна, похожая по форме, но из более светлого материала, а ее меховая сторона повернута внутрь. Ноги одеты в две пары штанов, причем внешняя пара часто сделана из полосок оленьей шкуры разного цвета, расположенных параллельными полосами, и мехом наружу, а другая - мехом внутрь, как и в случае с пальто. Они доходят только до колена, так что сустав часто обжигается морозом; но ничто не может побудить эскимосов возмутить моду, добавив пару дюймов к одежде.

Сапоги сделаны из тех же материалов, что и другие части одежды. В зимнее время эскимосы носят сначала пару сапог мехом внутрь, затем тапочки из мягкой тюленьей кожи, подготовленные таким образом, чтобы быть водонепроницаемыми, затем еще одну пару сапог, и, наконец, крепкие башмаки из тюленьей кожи. В летнее время одной пары сапог достаточно для защиты. Подошвы изготавливаются из более толстого материала, чем остальная часть одежды, и женщины обязаны поддерживать гибкость подошв, разжевывая или "размалывая" их, что отнимает значительную часть их времени.

Рукавицы изготавливаются из различных шкур, ворсистой стороной внутрь; если человек занимается рыболовством, он использует рукавицы из непромокаемой тюленьей кожи. Летом носят легкие платья, сшитые из шкур уток перьями внутрь. Поверх всего этого иногда надевается очень тонкая и легкая непромокаемая одежда из кишок моржа.

Куртки, которые носят женщины, имеют гораздо более длинный и узкий хвост, чем у мужчин, и довольно глубокий лоскут спереди. Капюшон огромного размера, используется как колыбель, а также как капюшон, в котором носят почти трехлетнего ребенка. Штаны, или, скорее, леггинсы, привязаны к поясу, который проходит вокруг талии, и так обрезаны сверху, что между ними и боками куртки видна часть кожи, от чего носители, похоже, не страдают. Самым странным предметом женской одежды являются, однако, сапоги, которые больше напоминают мешки или ведра, чем сапоги, и просто привязываются к поясу широким ремнем, который проходит по передней части ноги. Сапоги используются как вместилища для всех видов переносимого имущества, включая пищу, и, как следствие, придают необычную походку или, скорее, ковыляние их владельцам, которые вынуждены держать ноги широко расставленными и, когда идут, раскачивать одну ногу вокруг другой, а не использовать обычный способ ходьбы.

Женщины эскимосов используют татуировку, называемую ими *какееп*, и в некоторых местах покрывают различными узорами конечности и значительную часть лица. Некоторые из них наносят татуировки на лоб, щеки и подбородок, что в основном свидетельствует о том, что женщина замужем, хотя иногда их носят и незамужние женщины. О том, как делается *какееп*, забавно рассказывает капитан Лайон, который мужественно согласился на эту операцию.

"Мое любопытство заставило меня посмотреть, как делается *какееп*, и я отдался в руки миссис Кеттл, которую я принял как свою амаму, или мать.

"Снабдив ее тонкой иглой, она зубами оторвала нитку от оленьего сухожилия и таким образом подготовила швейный прибор. Затем, не имея возможности окрасить руки в стандартный цвет, она просунула пальцы под дно печного горшка, откуда собрала некоторое количество сажи. Из нее, вместе с небольшим количеством масла и слюны, она вскоре сделала хорошую смесь и, взяв небольшой кусок китовой кости, хорошо зачерненный, нарисовала на моей руке различные фигуры, отличавшиеся, как я легко заметил, от тех, которыми была отмечена она сама; позвав своих соседей, они все с удовольствием посмеялись над этими фигурами, которые, возможно, несли какой-то смысл, который я не мог понять.

"Я, однако, решил нанести всего несколько штрихов, так что ее хлопоты были в какой-то мере напрасны. Она начала свою работу с того, что почернила нитку сажей и сделала довольно глубокий, но короткий стежок на моей коже, осторожно нажимая большим пальцем на рану, когда нитка проходила через нее, и начиная каждый стежок с того места, где закончился предыдущий. Моя плоть была жесткой, она продвигалась медленно, и, сломав одну иглу при попытке продеть ее, я счел нужным, когда она сделала сорок стежков, или около двух дюймов, позволить ей прекратить; затем, натерев рану маслом, чтобы остановить немного крови, которая появилась, она закончила операцию. Теперь я мог составить представление о том, какую цену платят женщины эскимосов за свои украшения, которые в течение некоторого времени вызывают небольшое воспаление и некоторую боль. Цвет, который приобретает какин после заживления кожи, такой же светло-голубой, как на руках моряков".

Одежда детей одинаковая у обоих полов. Младенец не носит никакой одежды, пока ему не исполнится почти три года, до этого возраста его держат голым в капюшоне матери. Затем из шкуры оленя шьется платье, состоящее из куртки, штанов, сапог и капюшона, единственное отверстие находится сзади. В это странное платье помещают ребенка, а отверстие завязывают веревкой, и операция одевания завершена. Капюшон или шапочка обычно сделаны в форме головы олененка, так что маленький эскимосец имеет самый странный вид, который только можно себе представить, и едва ли похож на человека.

Что касается волос, то мужчины коротко стригут их надо лбом, а боковым локонам позволяют расти во всю длину, завязывая их, когда они очень длинные, на макушке головы в большой узел, выступающий надо лбом. Женщины разделяют волосы посередине и делают из них два больших хвоста. В каждый из хвостов вставляется кусочек кости или дерева для придания жесткости, а затем они перевязываются по спирали узкой полоской оленьей шкуры мехом наружу. Те женщины, которые могут позволить себе такую роскошь, пропускают волосы через два латунных кольца, которые затем как можно плотнее прижимают к голове.

Все операции по подготовке шкуры и изготовлению одежды выполняют женщины, мужчины заканчивают свою работу, когда убивают животное. Сначала из шкур высасывают жир, кровь и масло, а затем женщины скребут внутреннюю поверхность хитроумными инструментами, иногда снабженными зубцами, а иногда простыми, похожими на тупые

ножи. Затем шкуры растирают и разминают, сушат, растягивая их на колышках на земле летом, а зимой натягивая на обруч и выставя под жар лампы, которая является единственным огнем эскимосов.

Птичьи шкуры готовятся примерно так же, и сдираются с тел птиц удивительно быстро. Ножом, который очень похож на нож для резки сыра, они делают надрез вокруг головы и вокруг внешнего сустава каждого крыла. Затем отрезанная часть зажимается между зубами, и с усилием и рывком кожа снимается одним куском и выворачивается наизнанку. Эскимосы считают эти шкурки большой роскошью, откусывая и высасывая обильно прилипший к ним жир.

В стране, где термометр в течение многих месяцев не опускается ниже нуля, где преобладают лед и снег, очевидно, что дома не могут быть построены по примеру большинства стран. Там не растут деревья, поэтому о деревянных домах не может быть и речи, а в стране, где лед, как известно, может задушить железный дымоход печи, которая постоянно горит, ни из глины нельзя сделать кирпичи, ни камни скрепить раствором. Существует только одно вещество, из которого можно строить дома, - это замерзшая вода, либо в виде снега, либо в виде льда, причем первый является обычным материалом. Эти снежные дома, называемые иглу, имеют куполообразную форму и строятся с быстротой, которая просто поражает воображение. Читатель найдет на странице 1327 [иллюстрацию](#) формы и способа строительства этих домов.

Общий вид этих странных домов так описывает капитан Лайон в своем "Частном дневнике". "Нашему изумлению не было предела, когда, пробравшись через несколько длинных снежных проходов, чтобы войти в различные жилища, мы оказались в скоплении куполообразных сооружений, полностью построенных из снега, который, поскольку был возведен недавно, не был запятнан дымом многочисленных ламп, которые горели, но пропускал свет самых нежных оттенков зеленого и голубого, в зависимости от толщины плиты, через которую он проходил..... Здесь было пять скоплений хижин, одни из которых имели один, другие - два, третьи - три купола, в которых жили тринадцать семей, каждая из которых занимала купол или одну из его сторон, в зависимости от своей силы. Всех людей было двадцать один мужчина, двадцать пять женщин и восемнадцать детей, итого шестьдесят четыре человека.

"Вход в здание был через отверстие диаметром около ярда, которое вело через низкий арочный проход достаточной ширины, чтобы в нем могли пройти двое, и длиной около шестнадцати футов; затем открылось другое отверстие, которое вело через такой же по форме, но более короткий проход, имевший в конце круглое отверстие около двух футов в поперечнике. Поднявшись по этому отверстию на одну ступеньку, мы оказались в куполе высотой около семи футов и стольких же в диаметре, откуда выходили три жилых помещения с арочными крышами. Следует заметить, что это описание большой хижины; у меньших, содержащих одну или две семьи, купола устроены несколько иначе.

"Каждое жилище в среднем может составлять четырнадцать или шестнадцать футов в диаметре, шесть или семь в высоту; но поскольку для их строительства использовался только снег, который всегда был под рукой, можно предположить, что определенного размера не существовало, что, конечно, зависело от желания строителя. Кладка арки была выполнена таким образом, что удовлетворила бы самого обычного художника: ключевой элемент на вершине представлял собой большую квадратную плиту. Снежные блоки, использовавшиеся в постройках, имели толщину от четырех до шести дюймов и длину около пары футов, тщательно обтесанных большим ножом. Там, где две семьи занимали купол, по

обе стороны от него на два фута поднималось сиденье. Эти возвышенные места использовались в качестве кроватей и покрывались, прежде всего, китовой костью, веточками андромеды или кусками тюленьей шкуры; поверх них расстилались олени шкуры и одежда из оленьих шкур, которая была очень теплой на вид. Шкурки использовались в качестве одеял, а по краям многих из них была пришита декоративная бахрома из кожи.

"Каждое жилище освещалось широким куском прозрачного пресноводного льда около двух футов в диаметре, который составлял часть крыши и располагался над дверью. Эти окна давали очень приятный свет, без бликов и чем-то напоминающий тот, что проникает через матовое стекло. Вскоре мы узнали, что строительство дома - дело часа или двух, и что достаточно нескольких человек - одного для резки плит и другого для их укладки.

"Для поддержки ламп и кухонной утвари для каждой семьи возводится снежная насыпь, а если у хозяина две жены или мать, то обе занимают отдельное место, по одному на каждом конце скамьи".

В центре хижины возведен небольшой помост, который поддерживает грубо сделанную сетку, а под сеткой размещен единственный необходимый предмет мебели в доме, а именно лампа. Это очень простое приспособление. Это всего лишь каменное блюдо овальной формы, по краю которого расположен длинный фитиль из мха. В него наливают масло, а в центре лампы насыпают ворвань, чтобы поддерживать запас. Над лампой висит котелок для приготовления пищи, размер каждого из которых соответствует рангу владельца. Иногда случается, что две жены занимают одну хижину. В этом случае главная или "жена иглу" имеет большую лампу и опорные подмости, а другой приходится довольствоваться маленькой лампой и небольшим горшком, которые она должна поддерживать по мере сил.

Ценность лампы просто неисчислима: она используется не столько для приготовления пищи, поскольку эскимосы любят мясо как сырым, так и вареным, сколько для обеспечения теплом, для воды, которая получается при таянии снега над ней, и для сушки одежды. Всю одежду, предварительно сбив с нее снег, кладут на "сухую сетку" над лампой, где она постепенно высыхает и, после того как ее пожуют женщины, снова становится пригодной для носки: в противном случае она сильно замерзает и приносит не больше пользы, чем если бы была сделана из льда. Масло получают, разжевывая ворвань, и женщины, которые всегда выполняют эту работу, обладают любопытным умением выделять масло, не позволяя ни капли влаги смешаться с ним. За одну минуту женщина может добыть достаточно масла, чтобы наполнить лампу длиной в два фута.

Иногда, когда снега мало, иглу делают из льда. Стены формируются из этого материала и обычно имеют восьмиугольную форму, а ледяные плиты скрепляются снегом. Куполообразная крыша обычно делается из снега, а туннель, или проход внутрь, - из льда. Такой дом, когда он только сделан, настолько прозрачен, что даже на расстоянии нескольких шагов сквозь его стены можно узнать тех, кто в нем находится.

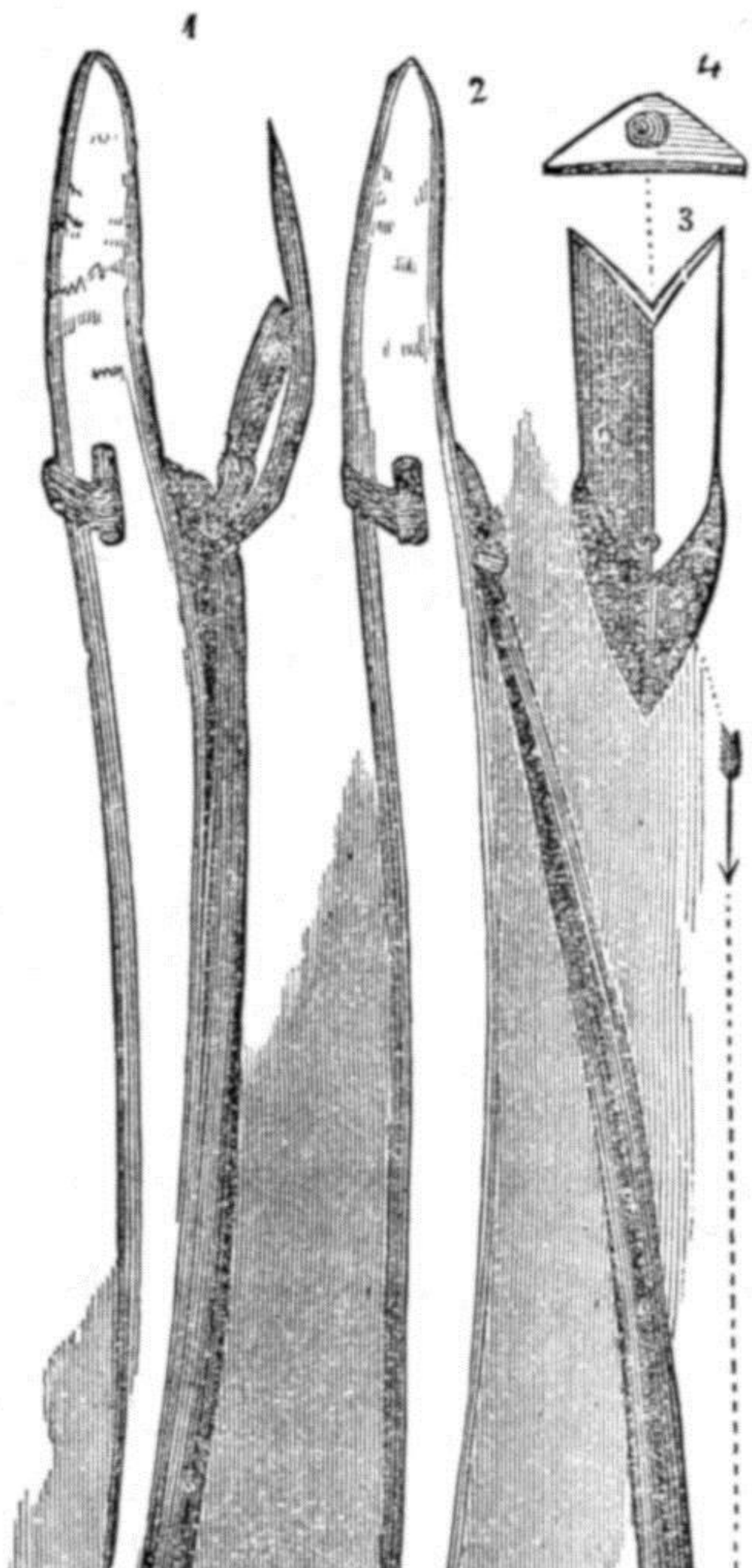
Может показаться странным, что такие материалы, как снег и лед, используются для строительства человеческого жилища, ведь ничто так не противоречит комфорту; однако эти дома, вместо того чтобы быть холодными, настолько теплые, что жители сбрасывают с себя большую часть, а иногда и всю одежду, когда находятся в них; а снежная постель, на которой они лежат, если покрыта соответствующим количеством шкур, даже теплее, чем европейская перина. В летнее время эскимосы предпочитают хижину из шкур, или "тупик". Это обычная палатка из оленьих шкур, наброшенная на несколько палок, хотя подпорки иногда делают из костей китов.

Пища эскимосов почти полностью состоит из животных. Во-первых, в стране почти нет растительности, а во-вторых, для того чтобы жители могли переносить сильный холод, требуется обильный запас животной пищи. Тюлень и северный олень - их любимая пища, и в обоих случаях жир - это та часть, которая ценится больше всего.

У северного оленя жир задних четвертей, называемый эскимосами "тоодну", - наиболее ценная часть. Капитан Холл, который очень мудро жил, как эскимосы, когда гостил у них, говорит, что он настолько же превосходит сливочное масло, насколько лучшее масло превосходит сало; а когда олень в хорошем состоянии, мясо настолько нежное, что стейк почти разваливается на куски, если его поднять за край. Другая часть оленя почти так же ценна, как и жир. Это содержимое оленьего пуза, которое едят сырым вместе с ломтиками сырой оленины. Оно имеет слегка кислый вкус, как у щавеля, и если бы потребитель не знал, что он ест, он был бы в восторге от него.

Так случилось с капитаном Холлом, когда он принимал участие в оленьем пиршестве в иглу. Он попробовал мясо оленя и нашел его превосходным; затем он взял кусочек неизвестной субстанции и описал ее как амброзиальную. Съев большую часть, он вытащил ее на свет и ужаснулся, узнав природу пиршества. Однако вскоре он пришел к мудрому выводу, что эпикуризм любого рода - не что иное, как следствие воспитания, и что, следовательно, он будет игнорировать свои прежние предрассудки на этот счет и есть все, что едят эскимосы, и так, как они это едят. Что касается количества потребляемой пищи, то ни он, ни любой другой белый человек не сравнится с эскимосом, который за один присест съедает девять или десять фунтов мяса и неторопливо лежит на спине, а жена кормит его кусками ворвани, когда он совершенно не в состоянии помочь себе. Эскимосы находят в полном объедании некий опьяняющий эффект, который заменяет им перебродившие спиртные напитки.

Отбросив склонность эскимосов к гурманству, капитан Холл пришел к выводу, что если он будет жить с ними, как он и собирался, то рано или поздно должен прийти к такому же рациону. Он решился на смелый шаг и стал есть все, что видели они. Поначалу ему было неприятно есть кусок сырого мяса, тщательно вылизанный женщиной, чтобы освободить его от волосков и других посторонних частиц. Но он подумал, что если бы не знал о вылизывании, то не обнаружил бы этого по вкусу мяса, и очень мудро проигнорировал способ, которым оно было очищено. Точно так же свежая кровь тюленя, только что вынутая из животного, казалась ему странным супом, а еще теплые внутренности - замечательным деликатесом после ужина. Но, узнав, что эскимосы считают и то, и другое очень вкусным лакомством, он попробовал их и заявил, что эскимосы были совершенно правы, а его предвзятое мнение - совершенно ошибочно.

FRONT OF HEAD LANCE

ГОЛОВА ХАРПУНА. (Из моей коллекции.)
(См. стр. 1340)

ГЛАВА CXLI.

ЭСКВИМО - Продолжение.

ОХОТА-РЕЛИГИЯ-ПОГРЕБЕНИЕ.

СПОСОБЫ ОХОТЫ - ОХОТА НА ТЮЛЕНЯ В СНЕГУ - ПРИМАНКА ДЛЯ МЛАДЕНЦА - ЖИЛИЩЕ ТЮЛЕНЯ - ПОПЛАВОК ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ - "РАЗГОВОР" ТЮЛЕНЕЙ - ГАРПУНЫ И КОПЬЯ - КОПЬЁ МОРЖА - ЛЕДЯНОЙ ПЛОТ - ЛУК И СТРЕЛЫ И ЗАЩИТА ЗАПЯСТЬЯ - ОХОТА НА ОЛЕНЯ - СТРЕЛЬБА ПО ТЕТЕРЕВАМ - ВОЛЧЬИ И ЛИСЬИ КАПКАНЫ - ПРАЩА ДЛЯ ПТИЦ - ОХОТА НА МЕДВЕДЯ - МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ЛОДКИ - КОНСТРУКЦИЯ КИА, И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ВОДНЫЕ ПОДВИГИ - ЖЕНСКАЯ ЛОДКА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - САНИ - РАЗЛИЧНЫЕ БЕГУНЫ - ЕЗДОВЫЕ СОБАКИ И ИХ ОБУЧЕНИЕ - ПРИМЕРЫ ИХ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТИ - БАРБЕКАРК И КАПЕЛИНЫ - БРАК И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ - ИГРЫ И ТАНЦЫ - РЕЛИГИЯ - АНГЕКО И ЕГО ТАИНСТВА - "IN VINO VERITAS" - ЧЕСТНОСТЬ - ГОСТЕПРИИМСТВО - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ.

Полностью зависящие от продуктов преследования, эскимосы - самые искусные охотники, и в своем своеобразии им просто нет равных среди других народов на земле. Возьмем, к примеру, их способ ловли тюленей. Читателю, несомненно, известно, что тюлень, будучи млекопитающим, дышит атмосферным воздухом, и поэтому он не может долго находиться под водой, а вынужден через определенные промежутки времени всплывать для дыхания. Поэтому, когда он ныряет под лед, он бы утонул, если бы не образовал для себя определенные дыхательные отверстия во льду. Они очень маленькие, не более полутора, максимум двух дюймов в диаметре, и не проникают сквозь слой снега, который лежит на льду.

Охотничья собака, специально обученная для этой цели, обнаруживает дыхательное отверстие, после чего хозяин разворачивает свой гарпун с длинным веретенообразным наконечником и вонзает его в снег в поисках скрытого отверстия, которое часто находится под двухфутовым слоем снега. Найдя его, он садится у отверстия, держа гарпун наготове, и сидит там до тех пор, пока не услышит звук, издаваемый тюленем, тогда он загоняет гарпун в отверстие, и неизменно получает свою добычу. Это тем труднее, что, если удар будет неверным хотя бы на четверть дюйма, тюлень не будет поражен, и человек часто изнемогает от ожидания и нуждается во сне.

Терпение, с которым охотник эскимосов наблюдает за тюленьей норой, намного превосходит терпение кошки у мышиной норы. Капитан Холл упоминает один случай, когда эскимосы, известные охотники на тюленей, просидели, наблюдая за тюленьей норой, два с половиной дня и две ночи без сна и пищи. Учитывая особенности климата, такой подвиг почти невероятен. После всех своих трудов бедняге не удалось добыть тюленя, но он не пал

духом и, взяв немного еды, снова отправился к тюленьей норе, чтобы возобновить свою вахту.

Некоторые эскимосы, охотящиеся на тюленей, используют необычайно изобретательный инструмент, позволяющий им обнаружить приближение животного. Он состоит из очень тонкого стержня из слоновой кости длиной около двенадцати дюймов, заостренного на одном конце и имеющего круглый набалдашник на другом. По толщине он напоминает воронье перо. Когда охотник находит тюленью нору, он привязывает к верхнему концу очень тонкую нить из сухожилия и опускает ее в тюленью нору, где она болтается на нити. Когда тюлень приходит дышать, он не обращает внимания на такой маленький предмет, а поднимается, как обычно, за воздухом, толкая перед собой маленький стержень. Как только охотник видит, что удочка поднимается, он знает, что тюлень там, и загоняет свое копье в лунку. Даже поплавок большего размера - если его можно так назвать - может быть незаметен для тюленя, но он будет мешать проходу копья.

Есть и другой способ ловли тюленей, при котором молодняк выступает в роли приманки для своей матери. Тюлениха, когда собирается вывести потомство, скребет лед, пока не дойдет до снега, который лежит глубоко на нем. Затем она счищает часть снега, пока не образуется куполообразная камера, по форме в точности напоминающая снежную хижину эскимосов. Туннель во льду достаточно велик, чтобы пропустить тюленя, а сама камера - около пяти футов в диаметре, так что остается довольно большая платформа изо льда, на которой существо может отдыхать. Здесь появляется потомство, и здесь оно остается до тех пор, пока солнце не растопит снежный покров камеры, или, как ее еще называют, иглу, и к этому времени молодое животное сможет само о себе позаботиться.

В подходящее время года эскимосы отправляются на поиски этих тюленьих иглу, и когда их обнаруживают собаки, охотник бросается на снег, сбивая таким образом крышу иглу. Затем он просовывает в иглу свой тюлений крюк и вытаскивает молодого тюленя. Примечательно, кстати, что точно так же действует и белый медведь, который рушит стены иглу и вытаскивает молодого тюленя лапами.

Когда эскимосы поймают молодого тюленя, он привязывает длинную леску к одному из задних лап и позволяет ему соскользнуть в море через туннель, а сам пробирается в иглу с крюком, надеясь поймать мать, когда она придет на помощь своему малышу. Эскимосы всегда убивают молодых тюленей, кладя лапу им на плечи и сильно надавливая, чтобы задушить. Это делается для того, чтобы сохранить кровь.

Иногда охотник на тюленей выслеживает настороженное животное на льду. У тюленя странная манера спать, лежа на льду. Он дремлет всего несколько секунд, а в промежутках поднимает голову и оглядывается, не приближается ли враг. Эскимосы пользуются этой привычкой и, ложась на лед, дожидаются этих коротких снов, пристраиваясь вдоль льда к животному, и сами очень похожи на тюленей, когда лежат на льду, укрывшись одеждой из тюленьей кожи. Всякий раз, когда тюлень поднимает голову, охотник останавливается, начинает перебирать лапами и произносит любопытный гулкий монолог, который называется "тюленьим разговором" и, как предполагается, действует как талисман. Конечно, тюлень, похоже, вполне удовлетворен разговором, теряет бдительность и позволяет охотнику подойти достаточно близко, чтобы нанести смертельный удар.

Такой же "разговор" используется, когда тюлень выходит на лодке, и некоторые из охотников славятся магической силой своей песни. При охоте на тюленей с лодки используется другой вид гарпуна. Он длиннее и тоньше, чем тот, что используется для охоты на льду, и снабжен

поплавком из кожаного мешка, надутого воздухом. Он крепится к древку, а чуть ниже него закрепляется один конец гарпунного линя, другой конец которого крепится к головке оружия.

Когда тюлень поражен, древко стряхивается с головки, так что нет опасности, что оно выработает оружие из тюленя своим рычагом, и действует как тяга, препятствуя движениям животного, так что охотник может догнать его на своей лодке и пронзить другим гарпуном. Когда тюлень мертв, поплавок служит еще одной цели. Тюлени, убитые в воде, почти всегда тонут так быстро, что их невозможно закрепить. Однако поплавок остается на поверхности, и удачливому охотнику остается только подплыть к нему, взять его в каноэ и втащить тюленя на борт. Пожалуй, самая любопытная часть этого дела заключается в том, с каким мастерством охотник доставляет тюленя домой. Лодка, в которой он сидит, полностью покрыта кожей, за исключением небольшого отверстия, в которое проникает его тело, и все же он кладет тело тюленя на эту небольшую платформу и умудряется балансировать на ней, пока гребет к дому, невзирая на волны, на которых его легкое маленькое каноэ дрожит, как пробка.

Об этих лодках мы еще увидим, а сейчас просто посмотрим на оружие, которое используют эскимосы на охоте.

Стоит отметить, что война совершенно неизвестна среди эскимосов, которые, возможно, являются единственным народом в мире, не имеющим боевого оружия и не желающим его иметь. Обычно, когда дикарь впервые получает огнестрельное оружие, он использует его в военных действиях, а превосходство в вооружении возвышает его над другими. Эскимоса не волнует ничего подобного. По сути, он семейный человек, и если ему посчастливилось раздобыть мушкет, он просто использует его для охоты, никогда не тратя драгоценный порох и свинец на тела своих товарищей. Слава ему совершенно неведома, за исключением той местной славы, которая зарабатывается мастерством на охоте. Он считает, что все его силы уходят на добывание пищи и одежды для своих домочадцев, и поэтому не тратит их ни на что другое.

Оружие, которое для эскимосов является тем же, чем винтовка является для жителя глубинки, бумеранг для австралийца, меч для агаджира, лассо для южноамериканца и сумпитан для даяка, - это гарпун, оружие, которое претерпевает различные изменения в зависимости от того, как его используют, но по сути своей остается неизменным во всем.

Первый пример - типичный гарпун. Он состоит из длинного деревянного стержня с прикрепленным к нему поплавком, как уже было описано на [странице 1339](#). Из-за большой нехватки древесины на землях эскимосов, большую часть которой они получают из случайного дрейфующего дерева, приплывающего на берег после кораблекрушений, такое оружие очень ценно. Древко обычно изготавливается из нескольких кусков дерева, скрепленных между собой самым изобретательным образом.

Колющая головка неплотно прилегает к древку, а отверстие в основании головки принимает острие на конце древка. Она удерживается на месте с помощью кожаных ремешков, расположенных таким образом, что, как только раненое животное бросается прочь, древко стряхивается с головы. Расположение кожаных шнурков варьируется в зависимости от вида оружия. На [иллюстрации](#) на странице 1337 показана головная часть гарпуна, используемого для колющего удара моржа.

Она около девяти дюймов в длину и сделана из слоновой кости, либо моржа, либо нарвала, скорее всего, первого, так как она имеет изгиб моржового зуба. Она состоит из двух частей, которые мы для удобства называем туловищем и головой. Верхняя часть тела слегка заострена и закруглена и предназначена для крепления к древку гарпуна. Примерно в

полтора дюймах от конца просверлены два отверстия, через которые пропущен двойной шнурок из кожи толщиной с гусиное перо. Далее следует головка, представляющая собой треугольный и глубоко колючий кусок слоновой кости, снабженный тонкой плоской пластинкой из железа, почти точно такой же, как у боевой стрелы босжесмена. В этой головке просверлено отверстие, через которое пропущена петля уже упомянутого двойного ремешка. В задней части головки имеется отверстие, в которое вставляется коническое окончание тела.

Ознакомившись [с иллюстрацией](#), читатель легко поймет устройство прибора. На рис. 1 показан весь инструмент, головка надета на корпус и удерживается на месте двойным ремешком. На рис. 2 показана головка, отсоединенная от тела. Теперь читатель увидит, какой идеальный колючий стержень образует этот инструмент. Когда гарпун бросают в моржа, головка проникает сквозь прочную шкуру и, отделившись от тела, устанавливается под прямым углом поперек небольшой раны, которую она сделала при входе, и эффективно препятствует извлечению оружия. На рис. 3 показан верхний вид головы, а на рис. 4 - отверстие в ее основании, в которое свободно вставляется конический конец тела.

Линь, прикрепленный к древку этого гарпуна, очень длинный и прочный, и, когда охотник выходит ловить моржа, он наматывает его на шею многими складками, слегка перевязывая, чтобы последовательные витки не запутались друг в друге. Когда охотник запускает гарпун правой рукой, левой он одновременно рывком снимает с шеи моток веревки и бросает его вслед за гарпуном. Рывок разрывает легкие путы, и животное "играет", как лосось с рыболовом, пока не устанет от боли, потери крови и попыток вырваться, и его можно будет подвести достаточно близко, чтобы оно получило смертельную рану от копыя.

Сбросить веревку точно в срок - очень важное дело, так как несколько охотников, не сумевших этого сделать, попали в витки веревки, были затянуты под лед и там утонули. На конце гарпунного линя делается петля, и, как только оружие запущено, охотник глубоко вонзает копые в лед, продевает через него петлю и позволяет моржу бороться с упругой веревкой, пока он не устанет. Затем он подтягивает леску, пока не выведет животное на лед, выхватывает копые и наносит им смертельную рану. На следующей странице читатель найдет [иллюстрацию](#), изображающую эскимоса в его обычной одежде, занятого охотой на моржа.

Один из способов применения гарпуна против моржа необычайно изобретателен. Когда охотники-эскимосы видят, что несколько животных спят на льду, они ищут фрагмент льда, достаточно маленький, чтобы его можно было сдвинуть, но достаточно большой, чтобы выдержать несколько человек. Подплыв ко льду, они поднимают на него свое каноэ, проделывают в нем отверстия и закрепляют в них гарпуны. Затем они осторожно гребут весь кусок льда - людей, каноэ и все остальное - к тому месту, где лежат сонные животные, не подозревающие об опасности от проплывающего мимо куска льда.

Сделав свой выбор, охотники отдают по два человека каждому моржу, и по сигналу все гарпуны бросаются в воду. Все стадо мгновенно скатывается в море, раненые животные привязываются к куску льда гарпунными линиями. Охотники позволяют им буксировать свое ледовое судно до тех пор, пока они не выбьются из сил, тогда они спускают на воду свои каноэ и добивают животных копыями. Как только морж погибает, охотники затыкают отверстия маленькими колышками из слоновой кости, чтобы сохранить кровь, которая так высоко ценится эскимосами.

У эскимосов есть еще один вид копыя. Древко сделано из дерева, а острие и колючие выступы - из слоновой кости. Это копые используется в основном для ловли рыбы, а бросают его с помощью метательной палки, почти так же, как копыя австралийцев. Метательная палка

сделана из дерева, плоская, на одном конце имеет отверстие, в которое продевается приклад копья. В целом это гораздо более легкое и изящное оружие, чем то, которое было описано выше.

(1.) ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕРНОГО ДРОЗДА.
(См. [стр. 1330.](#))

(2.) КОПЬЕ МОРЖА.

(См. [с. 1340.](#))

Эскимосы также используют луки и стрелы. Первые изготавливаются из рога, кости или дерева и почти всегда состоят из нескольких частей, крепко скрепленных между собой. Как и в случае с луками североамериканских племен, основная прочность достигается не столько за счет материала лука, сколько за счет огромного количества сухожильных струн, которые проходят по его спине. Часто их бывает сто или более, и они натягиваются достаточно туго, чтобы придать луку небольшую кривизну по отношению к тетиве. Форма лука весьма своеобразна. И хотя это оружие настолько мощное, его редко используют на расстоянии более двенадцати, максимум двадцати ярдов. Длина лука в среднем составляет три фута шесть дюймов.

Стрелы чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них имеют деревянные древка с костяным наконечником, но древка лучших экземпляров наполовину состоят из кости и дерева, а острия снабжены небольшим кусочком железа. Стрелы хранятся в колчане, а лук - в футляре. Колчан и футляр для лука обычно делают из тюленьей кожи, так как она не пропускает влагу, хотя часто их изготавливают и из других материалов. Мой собственный экземпляр сделан из шкуры северного оленя. Когда эскимосы стреляют, они всегда держат свой лук горизонтально. Тетива состоит из пятнадцати или двадцати сухожильных нитей, которые свободно скручены, но не превращены в шнур.

Лук и стрелы используются в основном для ловли северных оленей, а также для стрельбы по кроликам, птицам и другой мелкой дичи. Способ охоты на оленей очень изобретателен. Когда охотник видит оленей, кормящихся на равнине, он берет свой лук и стрелы, натягивает капюшон на голову и подкрадывается как можно ближе к месту, где расположились олени. Здесь он начинает реветь, подражая крику, которым олени зовут друг друга, и таким образом привлекает животных на короткое расстояние, с которого стреляет лучник эскимосов.

Даже если он не использует этот крик, ему достаточно терпеливо лежать на земле, чтобы быть уверенным, что рано или поздно кто-нибудь из оленей подойдет и посмотрит на него. Это очень любознательные животные, и когда они видят какой-нибудь странный предмет, то не могут удержаться от того, чтобы не удовлетворить свое любопытство, осмотрев его. Если объект их любопытства не движется за ними, они приближаются по кругу, который постепенно сужается, капризно вскидывая головы, и, наконец, приближаются на расстояние ярда или двух к неподвижному охотнику и становятся жертвой стрелы, которую он уже прикрепил к своему луку.

Иногда охотники на оленей прибегают к хитроумной уловке. Двое из них идут рядом с оленем, специально показывая себя. Когда внимание животных приковано к ним, они медленно уходят, зная, что врожденное любопытство оленей побудит их последовать за ними. Они направляют свой путь мимо какого-нибудь камня или подобного предмета, когда один из них быстро заходит за него, а другой идет дальше, как и прежде. Олени не замечают, что один из них исчез, и следуют за другим, приближаясь таким образом на расстояние ярда или двух от смертоносной стрелы.

Стрела также используется для стрельбы по птицам, которых всегда убивают сидя. Арктические тетерева погибают от стрелы в огромных количествах. Они собираются тесно, так что стрела, пущенная наугад, едва ли может не попасть в одну из них; птицы настолько апатичны, что, когда снаряд падает среди них, они пролетают еще несколько ярдов, а затем садятся, чтобы охотник мог поднять стрелу и снова пустить ее в них, пока не перестреляет большую часть совы.

Чтобы уберечь запястье от отдачи тетивы, эскимосы носят очень оригинальную защиту, состоящую из нескольких кусков кости, связанных вместе и закрепленных на запястье с помощью костяной пуговицы и петли. Куски кости имеют длину около четырех дюймов. Под [защитой запястья](#), которая показана на странице 1353, изображены крючки любопытной формы. Для их использования не требуется приманка. Их просто двигают в воде вверх-вниз, чтобы привлечь внимание рыбы, а затем резко дергают вверх, чтобы поймать рыбу на одно из выступающих остриев. Существует множество разновидностей этого любопытного крючка, но те, что показаны на рисунке, являются наиболее характерными.

Существует также инструмент под названием *kaqeewau*, или маленькие щипцы, который используется аналогичным образом мальчиками-эскимосами. Они берут модель рыбы из слоновой кости, привязывают к ней нитку и крутят ее в воде, чтобы привлечь рыбу, а затем

ударяют по ней какеуэй и вытаскивают из воды. Искусственные рыбки длиной около трех дюймов очень аккуратно сделаны, с глазами из железных пиритов. Это очень медленный процесс ловли рыбы, но мальчишки, для которых время не имеет значения, очень любят его и будут сидеть на пятках весь день ради возможности поймать две или три маленькие рыбки.

Лисиц и волков обычно ловят в капканы. Существует несколько видов капканов, но в основном они сделаны по одному или двум принципам. Обычная ловушка очень похожа на обычную мышеловку, только сделана она не из дерева, а из льда. Она настолько длинная и узкая, что волк не может в ней развернуться, а если хочет отступить, то должен сделать это спиной вперед. Дверь представляет собой тяжелую плиту льда, которая двигается вверх и вниз по двум пазам. Поднятая дверь удерживается в таком положении леской, которая проходит через верх ловушки, через отверстие на конце, а затем слегка зацепляется за колышек. К концу лески прикрепляется приманка, и когда волк тянет за нее, дверца освобождается и надежно фиксирует животное в ледяной тюрьме. Затем в боку капкана проделывается отверстие, и волка пронзают копьем там, где он лежит.

Лисиц тоже ловят в такие капканы, но обычная лисья ловушка сделана по другому плану. Она построена по форме, несколько напоминающей известковую печь, а отверстие закрыто куском китовой кости, по которому животное должно пройти, чтобы добраться до приманки. Когда животное наступает на китовую кость, эластичный материал расходится, пропуская лису в ловушку, а затем возвращается в прежнее положение, готовый к встрече с очередной жертвой.

Уже упоминалось, что птиц часто подстреливают стрелами, когда они сидят. У эскимосов есть необычный инструмент, с помощью которого они могут ловить птиц на крыло, если те не летят на большой высоте от земли. Он состоит из семи или восьми кусков кости, слоновой кости или камня, причем последний предпочитают из-за его веса. К каждому из них прикреплен сухожильный шнур длиной около двух футов шести дюймов, и все концы шнуров связаны вместе, а их соединение обычно украшено хохолком из перьев. Когда эскимосы видят птицу, летящую так, что она проходит совсем рядом с ним, он закручивает пращу вокруг головы и бросает ее в птицу. Как только она покидает его руку, все гири разлетаются в стороны, благодаря вращательному движению, которое им было сообщено, так что оружие охватывает пространство в пять футов. Если одна из гирь или струн заденет птицу, вся праща обернется вокруг нее, и птица беспомощно упадет на землю. Читатель, несомненно, поймет, что эта праща - фактически модификация патагонского боласа.

При охоте на медведя эскимосы используют либо моржовый гарпун, либо копье, а часто и то, и другое. Они натравливают на медведя своих собак, и пока он отражает их атаки, которые всегда совершаются на его спину и задние конечности, охотник запускает в него гарпун и прикрепляет конец линя ко льду, чтобы медведь не смог убежать. Затем он нападает на животное с другим гарпуном и копьем и, ловко избегая повторных атак, которые медведь делает на него, вгоняет острое оружие в сердце животного.

Эскимосы всегда очень осторожны, чтобы не убить молодого медведя, не убив предварительно его мать. Если один из них, придавленный голодом, совершает столь опрометчивый поступок, вся группа, к которой он принадлежит, обязана принять самые строгие меры предосторожности, чтобы не подвергнуться нападению матери, которая непременно пойдет по их следу. Поэтому они проходят около пяти-шести миль по прямой, а затем внезапно сворачивают под прямым углом, чтобы медведица могла обогнуть их след, когда она будет стремительно бежать вперед. Этот маневр повторяется несколько раз. Когда дома достигнуты, оружие кладут наготове у кровати, а сани втыкают вертикально возле дома.

Это делается для предупреждения спящих. Медведь с подозрением относится к вертикально стоящим саням и всегда сбивает их, прежде чем напасть на дом, так что шум падающих саней будит спящих и заставляет их быть начеку.

Два средства передвижения, используемые эскимосами, - лодка и сани, и оба они заслуживают описания.

Лодки бывают двух видов: мужские и женские. Мужская лодка называется каджак или киа, в соответствии с диалектом народа, и представляет собой весьма примечательное изделие. Она имеет форму челнока, оба конца резко заострены. Он сделан из очень легкого каркаса из дерева и китовой кости, поверх которого натянуто покрытие из кожи. В середине есть отверстие, достаточно большое для того, чтобы в него помещалось тело гребца, а когда он садится, то собирает кожу вместе и обвязывает ее вокруг талии, так что лодка абсолютно непроницаема для воды. Средняя длина лодки составляет двадцать пять футов, а материалы, из которых она сделана, настолько легки, что человек может нести свою киа на голове от дома до воды.

У этих легких каноэ нет киля, и они так легко садятся на воду, что их можно с удивительной быстротой перемещать по воде, а не через нее. Весло двойное, держится посередине и используется в манере, которая теперь стала привычной для нас благодаря каноэ, которые в значительной степени заменили ялики. Его длина составляет от девяти до десяти футов, оно небольшое в середине, которая служит рукояткой, и постепенно расширяется к лопастям, ширина которых составляет около четырех дюймов, и окантованы они слоновой костью, не только для украшения, но и для прочности.

Весло выполняет ту же роль, что и шест для баланса у канатного танцора, и с его помощью каноист эскимосов может совершать поистине удивительные подвиги. Например, если два киа выходят вместе, один из них остается неподвижным, а каноист держит лодку точно на том же месте, деликатно управляя веслом. Другой отплывает на расстояние под прямым углом к нему, а затем, разогнав свою киа до предельной скорости, перегоняет ее через лодку своего друга. При совершении этого удивительного подвига мастерство обоих испытывается в равной степени, ведь сохранить равновесие неподвижного киа так же трудно, как и перегнать его.

Есть один подвиг, который иногда совершается для того, чтобы продемонстрировать удивительную власть, которую эскимосы имеют над своим маленьким судном. Однако он не пытается совершить его, если рядом нет другого киа. Убедившись, что кожаный чехол прочно обвязан вокруг талии, а шея и запястья надежно зафиксированы, мужчина внезапно резко бросается в сторону, опрокидывая киа и погребая себя под водой. Мощным взмахом весла он полностью переворачивает себя и каноэ и возвращает себя в вертикальное положение. Умелый каноист перевернется таким образом около двадцати раз, почти так быстро, как только может уследить глаз, и при этом только его лицо будет в наименьшей степени мокрым.

[На иллюстрации](#) на странице 1347 показаны оба этих подвига.

Гребец так крепко привязан к киа, что не может без посторонней помощи изменить свое положение или даже поднять тяжелый груз, например тюленя. В этом случае он просит помощи у товарища. Два киа ставятся рядом, и весла переключаются из одного в другой, так что на время они превращаются в двойное каноэ, которое невозможно расстроить. Через конец киа протянуты небольшие лески из китовой кости, под которые просовываются острия копий и гарпунов, чтобы они не могли скатиться с лодки, но всегда были наготове. К каноэ

всегда прикреплен надутый тюлений пузырь. Когда киа не используется, его вынимают из воды и укладывают в перевернутом положении на снежные домики, как [показано](#) на стр. 1327.

Второй вид лодок называется оомиак и используется женщинами. Очевидно, что маленькая и хрупкая киа, полезная для охоты, не может быть использована для перевозки багажа или более чем одного человека, и поэтому необходимо сделать какой-то другой вид лодки. Это большое, неуклюжее, с прямыми бортами, квадратным дном и плоским дном судно, больше похожее на корыто, чем на каноэ, с которым оно имеет примерно такую же аналогию, как пунт с гоночным яликом. Каркас оомиака сделан из дерева и китовой кости, а покрытие - из тюленьей шкуры, с которой удален волос. В мокром состоянии эти шкуры почти прозрачны, так что формы сидящих в лодке людей видны нечетко.

Высота бортов лодки составляет около трех футов, а вес, который выдерживает хорошо сделанный оомиак, поистине удивителен. Капитан Лайон упоминает, что в одной из таких лодок, размером двадцать пять футов в длину, восемь в ширину и три в глубину, помещалось более двадцати человек. В лодке есть два очень неуклюжих весла, которыми она медленно приводится в движение, а управляется она с помощью другого весла на корме. Место рулевого обычно занимает старик, который уже не в состоянии управлять киа, но все еще способен вести оомиак и бросать в женщин нож, гарпун, тюлений крюк или все, что попадется под руку, если они пренебрегают греблей.

К каждому оомиаку прикреплена очень примитивная мачта с парусом. Мачта короткая, она вставляется в носовую часть лодки. К верхушке она пробита, и в углублении помещается шкив, или глубоко рифленое колесо из слоновой кости, на котором держатся фалы. Парус - самый простой из всех парусов, лаг, - изготавливается из кишок моржа, расщепленных так, чтобы получились полоски шириной около четырех дюймов. Эти полоски сшиваются вместе, и получается парус, поражающий как своей прочностью, так и чрезвычайной легкостью. Читатель, несомненно, заметил необычный контраст между каноэ в жарких и холодных частях света. В первом случае каноэ и паруса полностью состоят из растительных материалов, без частицы шкуры, сухожилия или какого-либо животного продукта; в то время как во втором почти все материалы поставляет животный мир.

Теперь мы переходим к саням, которые имеют для эскимосов такое же значение, как и каноэ. Материалы и форма саней сильно различаются, так что в этом отношении нет двух одинаковых саней, хотя принцип во всех идентичен. Сани - это не что иное, как две полозья, соединенные между собой несколькими поперечинами, на которых может сидеть водитель и упаковывать груз.

Самые лучшие сани - те, в которых полозья сделаны из челюстной кости кита, распиленной на узкие доски и вырезанной в нужной форме. Они всегда подбиты полосой того же материала. В других случаях деревянная часть состоит из нескольких частей, скрепленных между собой шкурными ремнями. Зимой для полозьев часто используют шкуру моржа. Ее толщина достигает дюйма, и в замороженном состоянии она гораздо прочнее, чем доски той же толщины.

Когда ни дерева, ни костей, ни моржовой шкуры достать не удастся, эскимосы все равно не остаются в стороне от поиска полозьев. Он нарезает длинные полоски из тюленьей кожи и сшивает края каждой полоски вместе, чтобы получились две длинные трубки. Затем трубки заполняются мхом и землей, и в них наливается вода. Через минуту-другую они застывают, как камень, и становятся готовыми для изготовления полозьев саней. Нижний край полозьев, будь то кость, дерево или кожа, всегда покрыт ледяной коркой, которая обновляется, как

только стирается от трения, что не только позволяет саням быстрее скользить по замерзшей поверхности, но и сохраняет ценный материал полозьев от истирания.

Поперечины саней, как правило, костяные. Они немного выступают за пределы полозьев с обеих сторон и расположены так, что спереди сани более узкие, чем сзади. Их не прикрепляют слишком крепко, так как они должны поддаваться рывкам и постоянным нагрузкам, которым подвергаются сани во время движения.

Сани тянет упряжка собак - от семи до десяти, а то и больше, в зависимости от веса, который необходимо перевезти. Они очень просто привязаны к саням крепким шнуром, или следом, сделанным из тюленьей шкуры, причем след ведущей собаки значительно длиннее, чем у всех остальных. Как только собаки начинают ходить, их приучают к работе на санях, и хорошая упряжка может делать почти все, кроме разговоров.

Упряжка из семи собак протащила тяжелые сани, набитые людьми, милю за четыре минуты с половиной; а капитан Лайон упоминает, что три собаки протащили его на такое же расстояние за шесть минут, причем вес саней составлял сто фунтов. Несколько раз, возвращаясь на корабли, проворные животные благополучно доставляли его и его спутников к судам, хотя ночь была кромешной тьмой, а сугроб летел тучами. Они не отрывали носа от земли и неслись галопом на полной скорости, будучи абсолютно уверенными в правильности выбранного курса.

Собаки управляются не вожжами, а кнутом, длина плети которого составляет от восемнадцати до тридцати футов, а длина рукоятки - всего один фут, что очень напоминает австралийский хлыст. Умелый погонщик почти не пользуется кнутом, если у него хорошая упряжка собак, но направляет животных частично своим голосом, а частично - ударами кнута по той или иной стороне жоака, который прекрасно понимает этот сигнал. Когда им нужно остановиться, погонщик издает крик, почти похожий на "Уоа!" в нашей стране. Затем он аккуратно перекидывает плеть через их спины, после чего они все ложатся и могут лежать на снегу часами, даже в отсутствие хозяина.

Самое плохое в этих собаках то, что они очень ссорятся, огрызаются и рычат друг на друга, когда несутся галопом. Иногда собака, разъяренная укусом, яростно набрасывается на своего обидчика, и тогда происходит общая драка, в которой все собаки накидываются друг на друга и запутывают следы так, что никто, кроме эскимоса, не может надеяться их распутать. Затем в ход идет обильная плеть, что всегда вызывает негодование у собаки, получившей удар. Он предпочитает думать, что его обидел сосед, и кусает его за ухо. Иногда собака настолько неуправляема, что водитель вынужден прибегнуть к последнему аргументу. Прodelав носком сапога небольшую ямку в снегу, он просовывает в нее собачью морду и бьет по ней рукояткой хлыста из слоновой кости. Собака не воет и не пытается освободиться, а только тихонько поскуливает. Такое наказание никогда не повторяется, и собака всегда остается спокойной до конца дня.

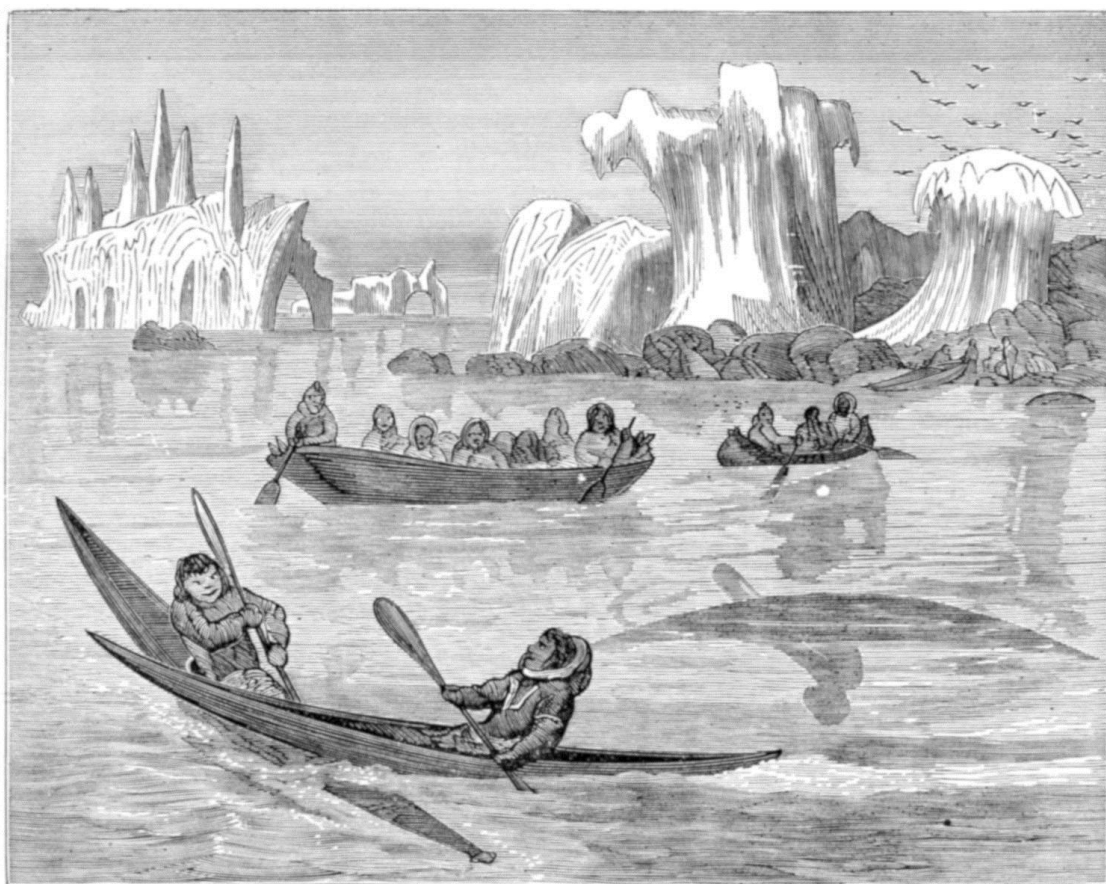
Выносливость этих животных удивительна. Их держат под открытым небом при температуре от тридцати до сорока градусов ниже нуля. Их очень плохо кормят, заставляя довольствоваться костями рыб и тюленей, обрывками шкур и теми немногими фрагментами, которые их хозяева не могут съесть. Поэтому они всегда голодны и могут съесть практически все. Капитан Холл упоминает, что за одну ночь они съели хлыст длиной в тридцать футов, а однажды одна собака за семь секунд съела кусок моржовой шкуры и ворвани длиной в шесть футов и полтора дюйма в квадрате.

Несмотря на все тяготы, которые им приходится переносить, они могут выдержать практически любую усталость и не выглядеть от этого хуже. Известны случаи, когда упряжка ничего не ела в течение сорока восьми часов, преодолевала около семидесяти миль пути и возвращалась в свой дом такой же свежей, как в начале пути.

Многие из них обладают незаурядным умом, особенно те, которые обучены преследовать тюленя, медведя или оленя. Одна из таких собак, по кличке Барбекарк, принадлежавшая капитану Холлу, сама убила оленя, откусила от шеи один кусок, а затем вернулась домой и привела своего хозяина к тому месту, где он оставил мертвого оленя. У него был брат, который также отличился в ловле тюленей. Он был ведущей собакой в упряжке и однажды, когда тянул сани, увидел на льду тюленя. Он тут же бросился вперед на полной скорости и, когда тюлень уже погружался в воду, поймал его за задние лапы. Тюлень неистово пытался вырваться, но собака сохранила хватку и с помощью своих товарищей прочно втащила тюленя на лед, когда его подхватил хозяин.

Очень забавный пример сообразительности этих собак приводит капитан Холл. Он кормил собак "мойвами", маленькими сушеными рыбками, и заставлял их стоять в кругу вокруг него, так что каждый получал мойву по очереди. "Барбекарк, молодой и проницательный пес, решил разыграть белого человека. Поэтому каждый раз, когда он получал свою рыбу, он отходил назад, на расстояние трех или четырех собак, и снова становился в ряд, получая таким образом вдвое больше, чем любая другая собака. Но эта шутка Барбекарка слишком напоминала игру, в которую многие люди играют со своими братьями, и, заметив ее, я решил пресечь его собачьи наклонности. Однако забавный и необычный способ, с помощью которого он, очевидно, наблюдал за мной, заставил меня на мгновение отказаться от своего намерения.

"Каждый пес с благодарностью брал свою мойву, когда подходила его очередь, но Барбекарк, обнаружив, что его доля достается вдвое чаще, чем его товарищам, казалось, тряс хвостом вдвое благодарнее, чем остальные. Блеск в его глазах, когда они поймали мои, словно говорил: "Держись в темноте; эти невежды не знают, какую игру я затеял. Я безумно голоден". Увидев на моем лице улыбку, вызванную его проделкой, он приступил к очередной подмене, получив таким образом *три* порции на *одну порцию* каждого из остальных. Этого было достаточно, и теперь мне предстояло изменить порядок игры Барбекарка, разыграв его.

(1.) КАЖАК И УПРАВЛЕНИЕ ИМ.
(См. [стр. 1344.](#))

(2.) ВОЖДЕНИЕ САНЕЙ ЭСКИМОСАМИ.

(См. с. 1345, 1346.)

"Соответственно, каждый раз, когда я приходил к нему, у него не было рыбы, и хотя он трижды менял позицию, все равно ничего не получил. Если когда-либо и можно было увидеть картину разочарования в планах, зависть к чужой удаче и печаль из-за печального несчастья, то это было видно по лицу этого пса, наблюдавшего за тем, как его товарищи получают свое довольствие. Поняв, что изменить положение ему не удастся, он вышел из круга туда, где находился я, подошел ко мне, протиснулся между моих ног и посмотрел мне в лицо, как бы говоря: "Я был очень плохим псом. Простите меня, и Барбекарк больше не будет обманывать своих братьев. Пожалуйста, сэр, дайте мне мою долю каплунов". Я обошел еще три раза и разрешил ему взять рыбу, поскольку он показал себя таким проницательным и таким похожим на раскаявшегося блудного пса".

Брак у эскимосов самый простой и обычно заключается родителями жениха и невесты, причем последние не имеют к этому делу никакого отношения. Церемония бракосочетания отсутствует, стороны просто собираются жить в одной иглу. У мужчины может быть несколько жен, и часто так и происходит, и в этом случае одна из них занимает место главной, или жены иглу, и верховодит под своим мужем. У нее самая большая лампа, самая лучшая кровать и самая лучшая провизия. Но она также полностью управляет хозяйством, например, готовит еду и сушит одежду на "сухой сетке". Это отнюдь не синекура, ведь ей приходится много раз подниматься по ночам, чтобы развернуть одежду и высушить ее равномерно. Она также должна следить за тем, чтобы сапоги были правильно "сшиты".

После рождения ребенка мать вынуждена на несколько месяцев поселиться в своей иглу, а по истечении отведенного времени она сбрасывает с себя всю одежду, которую носила, и больше никогда ее не надевает. Затем она одевается в совершенно новую одежду и последовательно посещает обитателей каждого иглу. Если рождается второй или третий ребенок, для матери всегда строится отдельное иглу, в которое она перебирается еще до рождения ребенка и в котором остается до тех пор, пока не пройдет обычное время и она не сможет позвать своих соседей.

Дети начинают свое образование в самом раннем возрасте; мальчиков учат грести на киа, охотиться, ловить рыбу и строить иглу; девочки же учатся грести на женской лодке, выделывать шкуры, управлять лампой, готовить и выполнять множество задач, которые выпадают на их долю. Резьба женщин эскимосов удивительно хороша. Они делают энергичные, хотя и условные, имитации рыб, уток, собак и различных животных из слоновой кости, не используя при изготовлении ничего, кроме ножа. В прежние времена, до прихода белых людей, эскимосы были вынуждены полностью полагаться на кремнь в качестве материала для своих ножей, которые были в точности похожи на ножи древних и погибших рас. Чтобы отколоть чешуйки от кремня, эскимосы использовали очень простой инструмент, применение которого свидетельствует о точном знании линии излома кремня. Он сделан из кости и слоновой кости, а его длина составляет около шести дюймов. Железо, действительно, появилось так поздно, что когда капитан Лайон посетил туземцев в 1821 году, он мог купить полный гарпун с головкой из слоновой кости, поплавком и линем за гвоздь; в то время как нож можно было купить за киа или вообще за все, что просили в обмен на него.

Как можно судить по климату, игры эскимосов немногочисленны. Они прекрасные знатоки своего рода "кошачьей колыбели", создавая с помощью веревки имитации тюленей,

северных оленей, уток, каноэ и других предметов. Маленькие модели уток и других животных из слоновой кости, которые уже упоминались, используются в некоторых туземных играх.

Их танцы отличаются простотой, танцор придумывает шаги по своему вкусу. Есть танец, в котором несколько женщин стоят в кольце, засунув руки под передние клапаны своих курток, и поют, полузакрыв глаза, неизбежную песню Ампа-ауа: это группа. Танцоров представляет один мужчина, который занимает место в центре кольца, раскачивает голову и руки из стороны в сторону, его длинные, длинные волосы развеваются на ветру, в то время как он произносит резкие крики через определенные промежутки времени, и время от времени скидывает одну ногу так высоко, как позволяет его толстая одежда.

У женщин есть свой особый танец, который заключается в том, что они, стоя на коленях на земле, вскакивают на ноги так быстро, как только могут. Это действительно сложная задача, если учесть тяжелые и неуклюжие сапоги. Иногда мужчины вызывают друг друга на танец, и в этом случае вызов принимается с помощью "кооник", или национального приветствия, которое произносится путем потирания носов друг о друга и сильного вдоха через ноздри.

Что касается религии, то у эскимосов, похоже, нет определенного представления об этом предмете, кроме того, что они верят в будущее существование, в рай и ад - последний, по их представлениям, мрачный, полный льда, с постоянно дующими снежными бурями и без тюленей. У них также есть смутное описание верховного существа и второстепенного женского божества, особого покровителя эскимосов.

Для отправления культа у них есть разные знахари, или "анжеко", как их называют, которые совершают ряд странных церемоний по разным поводам, например, во время болезни или когда партия отправляется на охоту. Они заставляют людей дорого платить за свои услуги и правят железным жезлом, так что ни один эскимосец не сможет сохранить за собой ценную собственность, если поблизости окажется анжеко. Они действуют по очень простому и разумному принципу, а именно: количество успехов в "анкутинге", или гадании, находится в точном соотношении с размером оплаты.

Иногда, чтобы внушить трепет своим жертвам, анжекосы проходят через ряд внушительных церемоний, выполнение которых предполагает огромную практику. Подарив нож и несколько бусин, капитан Лайон склонил знаменитого анжеко по имени Тулемак к беседе с Торнга, или знакомым духом, в каюте корабля.

"Исключив свет, наш колдун начал с большим усердием напевать своей жене, а она, в свою очередь, ответила пением амна-айя (любимая песня эскимосов), которое не прекращалось в течение всей церемонии. Насколько мне удалось узнать, после этого он стал быстро поворачиваться вокруг себя и громким, сильным голосом с большим нетерпением звал Торнга, одновременно пыхтя и фыркая, как морж. Его шум, нетерпение и возбуждение нарастали с каждым мгновением, и в конце концов он уселся на палубу, меняя тональность и шурша одеждой.

"Внезапно голос словно затих и стал звучать так, будто удаляется под палубу, с каждым мгновением все более отдаляясь и в конце концов создавая впечатление, что он находится на много футов ниже каюты, где и прекратился совсем. Теперь его жена в ответ на мои расспросы очень серьезно сообщила мне, что он нырнул и что он пошлет наверх Торнга.

"Соответственно, примерно через полминуты послышалось отдаленное дуновение, которое очень медленно приближалось, и голос, отличавшийся от того, который мы слышали вначале, временами смешивался с дуновением, пока, наконец, оба звука не стали

отчетливыми, и старуха сообщила мне, что Торнга пришел ответить на мои вопросы. Я задал несколько вопросов проницательному духу, на каждый из которых получил ответ в виде двух громких шлепков по палубе, что, как мне дали понять, было благоприятно.

"Очень тихий, но мощный голос, несомненно, сильно отличающийся от тона Тулемака, теперь напевал некоторое время, и странная мешанина из шипения, стонов, криков и гоготания, как у индейки, сменялась быстрой чередой. Старуха запела с еще большей энергией, и, поскольку я считал само собой разумеющимся, что все это делается для того, чтобы поразить Каблуна, я неоднократно кричал, что очень боюсь. Это, как я и ожидал, подлило масла в огонь, пока бессмертная форма, изнемогая от собственной мощи, не попросила разрешения удалиться. Голос, как и вначале, постепенно исчез из нашего слуха, и на смену ему пришло очень невнятное шипение. Вначале оно напоминало звук, издаваемый ветром на басовом аккорде эоловой арфы; вскоре оно сменилось быстрым шипением, как у ракеты, и Тулемак с воплем возвестил о своем возвращении. Я затаил дыхание при первом отдаленном шипении и дважды выдохся; однако наш чародей ни разу не вздохнул, и даже его ответный и мощный крик был произнесен без предварительной остановки или вдыхания воздуха.

"Как и следовало ожидать, наш волшебник был в обильном поту и, конечно, сильно измотан своими усилиями, которые продолжались не менее получаса. Теперь мы заметили, что к спине его плаща прикреплены пара пучков, каждый из которых состоял из двух полосок белой оленьей шкуры и длинного куска сухожилия. Мы не видели их раньше, и нам сообщили, что они были пришиты Торнга, пока он находился внизу". Подобную выставку видели несколько путешественников, и они выразили свое удивление тем, как долго анжеко может выть, шипеть и гоготать, не переводя дыхания.

Предполагается, что, находясь под землей, анжеко посещает жилище конкретного духа, к которому обращается, и иногда подробно рассказывает о местах, в которых он побывал, и об их обитателях. Например, одну женщину-духа зовут Айвиллиайо. Она повелевает всеми медведями, китами, тюленями и моржами с помощью своей правой руки. Поэтому, когда возникает нехватка провизии, анжеко навещает Айвиллиайо и нападает на ее руку. Если ему удастся отрезать ей ногти, то медведи сразу же выходят на свободу, потеря одного сустава пальца освобождает маленьких тюленей, второго - больших, костяшки пальцев освобождают целые стада моржей, а вся рука - кита.

По фигуре этот дух очень высок, у него только один глаз и одна косичка, но она такая же большая, как нога человека, и спускается до колена. Ее дом очень красив, но Тулемак не рискнул войти в него, потому что его охраняет огромная собака с черными задними лапами и без хвоста. Ее отец ростом не больше мальчика лет десяти, и у него только одна рука, которая всегда прикрыта большой рукавицей из медвежьей шкуры. Его дом тоже красив, но вход в него охраняют отряды медведей и моржей, которые непрерывно рычат.

К несчастью для себя, однажды вечером Тулемак напился, как и следовало ожидать, выпив подряд почти десять стаканов рома, или "горячей воды", как он с удовольствием это называл. В состоянии опьянения он стал очень добродушным и выдал секреты своего магического искусства, показав, как он изменяет свой голос, закрывая лицо руками, а затем курткой, чтобы голос казался исходящим из постоянно увеличивающейся глубины. В завершение этого необычного зрелища он выпил подряд одиннадцать пинт и один гилль воды и через несколько минут стал достаточно трезвым, чтобы покинуть корабль и дойти до своих саней.

Иногда эскимосы говорят, что их раздражают духи. Однажды, когда человек по прозвищу Кеттл ужинал в каюте капитана Лайона, он стал беспокойным и часто прекращал есть - весьма примечательное обстоятельство для голодного эскимоса. Вскоре он сказал, что на противоположной стороне каюты сидит дух, который корчит ему гримасы и мешает есть. Он попросил разрешения прогнать своего мучителя, что и сделал, издав протяжный мычащий звук, а затем резко подув на кончики пальцев. Он спокойно продолжал есть, и ничто не побуждало его снова дуть на пальцы или поднимать крик изгнания на том основании, что духа больше не было видно.

Эскимосы обладают удивительными способностями к рисованию. Они почти ничего не знают о перспективе, но могут заставить свои зарисовки рассказать о себе; а при составлении по памяти карты побережья их мастерство просто восхищает. В книге капитана Холла есть факсимиле нескольких туземных карт и эскизов, самый любопытный из которых - один, который был не только нарисован, но и выгравирован на дереве туземным рисовальщиком. На ней изображена женщина с ребенком, приютившимся в капюшоне за ее спиной, и по исполнению она совершенно не уступает гравюре на дереве на ранних стадиях развития этого искусства. Больше всего опытный глаз поражает сила и верность, с которой художник обозначил фактуру различных частей одежды; меховая шуба и штаны, отороченные кожей, а также белый капюшон с меховой подкладкой выполнены с большим мастерством.

О музыке и музыкальных инструментах эскимосы знают немного. У них есть песня амна-айя, которая уже упоминалась, и один национальный музыкальный инструмент, называемый "килун". Это что-то вроде бубна, сделанного из очень тонкой оленьей кожи или оболочки китовой печени, натянутой с одной стороны на деревянный обруч. К обручу прикреплена ручка, и удары наносятся не по мембране, а по обручу.

Как народ они отличаются двумя хорошими качествами - честностью и гостеприимством. Конечно, из каждого правила есть исключения, и эскимосы - именно такой случай. Первые мореплаватели обнаружили, что они могут оставить свои ножи и топоры на берегу, и ни один из них не будет тронут. Для эскимоса стальной нож или топор ценнее, чем коробка, набитая суверенами, для нас, и честность эскимоса проверялась при виде этих предметов не меньше, чем честность наших лондонских бедняков, если бы на тротуаре осталась лежать куча суверенов.

Что касается гостеприимства, то пища у них считается общей собственностью, так что если один из эскимосов убивает тюленя, все его друзья и соседи собираются, чтобы помочь съесть его; и даже если семья удачливого охотника голодает, он все равно приглашает всех своих друзей принять участие в трапезе. Таким образом, часто случается так, что целый тюлень едва хватает на один обед для всех, кто приходит разделить его.

Похороны у эскимосов довольно разнообразны по форме. Обычно, когда больной человек находится на грани смерти, строится новое иглу, которое тщательно оборудуется лампой, провизией и другой мебелью. Умиравшего вносят внутрь - не через обычный дверной проем, а через пролом в стене, кладут на кушетку, зажигают лампу и кладут провизию наготове. После этого обслуживающий персонал покидает иглу, заделывает проемы и больше никогда не беспокоится о больном. Главная причина, по которой умирающих оставляют в покое, заключается в том, что если в момент смерти в иглу находятся родственники, они обязаны выбросить платья, которые были на них, и больше никогда их не надевать. Никто из них не может назвать причину этого странного поверья, но оно настолько прочно укоренилось, что никакие доводы не могут заставить их отказаться от него.

Иногда тело умершего просто закапывают в яму, вырытую в снегу, а иногда кладут на выступ скалы вместе с лампой, котелком, ножами, копьями и платьями, которыми покойный пользовался при жизни. Когда умирает ребенок, все его игрушки кладут вместе с ним в могилу, чтобы он был обеспечен ими в следующем мире.

Поведение эскимосов по отношению к своим умершим представляет собой необычайную смесь привязанности и беспечности. После погребения тела, живого или мертвого, не имеет значения, им нет до него никакого дела, и это странное бесчувствие проявляется даже до погребения. Например, у одного человека умерла жена, оставив ребенка нескольких недель от роду, который через некоторое время последовал за своей матерью. Отец очень горевал о своем умирающем ребенке, и ночью его видели поднимающим занавески его кровати, когда он лежал больной на корабле, и глубоко вздыхающим. Но на следующий день, придя на корабль, он не побрезговал положить свое мясо на тело ребенка и использовать его в качестве стола за завтраком.

Однажды, посетив могилу эскимоса по имени Пекуа, капитан Лайон обнаружил, что волки и собаки раскопали тело и съели значительную его часть. Естественно, он был потрясен этой сценой, но туземцы отнеслись к ней с абсолютным безразличием, и хотя отец и брат Пекуа были свидетелями осквернения, они не стали прикрывать растерзанное тело и лишь рассмеялись, когда капитан Лайон обратился к ним с жалобой. Более того, когда тело было похоронено, его так слегка присыпало снегом, что в первый же день оттепель растопила бы весь снег и оставила бы его на милость собак.

Судя по такому факту, можно подумать, что у эскимосов мало естественной привязанности и что они равнодушны к потере ближайших родственников. Однако это не так. Эскимосы никогда не проходят мимо могилы знакомого, не положив кусок мяса в качестве подношения, а оставшиеся в живых родственники часто посещают место погребения своих умерших и часами сидят там, разговаривая с ними, как будто они еще живы. Если сопоставить все противоречивые рассказы об эскимосах и их покойниках, то кажется вероятным, что они рассматривают мертвое тело как нечто, чем покойный когда-то владел, но выбросил после смерти, и что, поскольку их ушедший друг отказался от тела, им не нужно беспокоиться о столь бесполезном предмете.

Если читатель обратится к [иллюстрации](#) на странице 1347, он увидит, что горизонт освещен странными и дикими на вид вспышками света. Это Aurora Borealis, как она часто появляется в тех краях, - не бледная и мерцающая, как мы видим в этих сравнительно южных регионах, а пылающая всеми мыслимыми оттенками и излучающая свет, который заменяет местным жителям солнце, отсутствующее в этих широтах по несколько месяцев подряд. Славу и великолепие этих зрелищ могут описать только те, кто их видел, да и то очень скупо.

Об одном из таких чудесных зрелищ рассказывает капитан Холл: "Я несколько раз выходил на палубу, чтобы посмотреть на прекрасную сцену, и в девять часов был внизу, в своей каюте, когда капитан окликнул меня словами: *"Поднимайтесь, Холл, немедленно поднимайтесь! Мир в огне"*.

"Я понял, что он имел в виду, и, быстро переодевшись, перелез через нескольких спящих иннуитов рядом с моей койкой и бросился к лестнице для компаньонов. Еще через мгновение я оказался на палубе, и, когда дверь каюты распахнулась, на мои изумленные чувства обрушился ослепительный и всепоглощающий свет, словно мир действительно пылал под действием великолепных цветных огней. Как я могу описать это? И снова скажу: *ни одна смертная рука не сможет сделать это правдиво*. Позвольте мне, однако, в слабых,

неполных словах изложить свои мысли в тот момент и попытаться дать хоть какое-то слабое представление о том, что я увидел.

"Первой моей мыслью было: "Среди богов нет подобного Тебе, Господи; и нет дел, подобных делам Твоим! Затем я попытался представить себе представшую передо мной сцену. Груды золотого и радужного света, разбросанные по лазурному своду, простирались от западного горизонта до зенита; затем вниз к восточному, в пределах пояса пространства шириной 20°, били фонтаны *лучей*, похожих на огненные нити, которые со скоростью молнии метались туда и сюда, вверх и в стороны по указанному великому пути. Ни солнца, ни луны, но небеса представляли собой великолепное зрелище, залитое светом. Даже обычный шрифт можно было легко прочитать на палубе.

"*Залитые* реками света! Да, залиты светом, и таким светом! Свет просто немыслимый. Преобладали золотистые оттенки, но в быстрой последовательности *проскакивали* *призматические цвета*. Мы смотрели, видели и трепетали, потому что, пока мы смотрели, весь пояс авроры начал оживать вспышками. Затем каждая кучка или кучка света превратилась в мириады; одни падали вниз по огромному пути или поясу, другие поднимались вверх, третьи молниеносно выпрыгивали с одной стороны, а другие так же быстро проходили в освободившееся пространство; некоторые скручивались в складки, переплетаясь с другими, как огромные змеи, и все эти движения были настолько быстрыми, насколько мог уследить глаз.

"Казалось, что эти пылающие огни борются за то, чтобы достичь и занять купол над нашими головами. Затем весь свод над головой стал переполнен. Вниз, вниз, вниз; все ближе и ближе они приближались к нам. Листы золотого пламени, пылающие, вырываясь из аврорального пояса, казались встреченными на своем пути каким-то могущественным органом, который превратил их в цвета радуги, каждый из семи основных цветов шириной в 3°, разложенный на листы до 21°.

"В то время как авроральные огни, казалось, спускались на нас, один из нас не мог не воскликнуть.

"Харк! Харк! Такое зрелище! Как будто идет война между прекрасными огнями - так ощутимо, так близко - кажется, что без шума невозможно".

"Но никакой шум не сопровождал это чудесное зрелище. Все было тихо.....

"Я хотел бы отметить, что самые прекрасные проявления авроры длятся всего несколько мгновений. Хотя она может играть всю ночь, но только время от времени она демонстрирует свои самые грандиозные проявления. Словно собирая силы, набирая мощь, соединяя материал, она продолжает свою молчаливую работу. Наконец, она начинает трепетать; то тут, то там вспыхивает красота, и тогда аврора в один миг вспыхивает живыми сонмами *порошкообразных* корусальных радуг, вздымаясь к небесному куполу с таким великолепным величием, что смертные порой трепещут, глядя на нее".

Эти удивительные аэральные явления характерны для арктических регионов. Одно из самых необычных явлений на небе называется Паргелий, или имитация солнца. Оно принимает различные и самые удивительные формы: солнце появляется в центре и окружено более тусклыми имитациями себя, вокруг которых проходят круговые полосы света. Кажется, нет конца необычным модификациям аэральных эффектов, которые происходят в этих регионах. Капитан Холл описал многие из них, среди которых можно упомянуть Луну, искаженную до

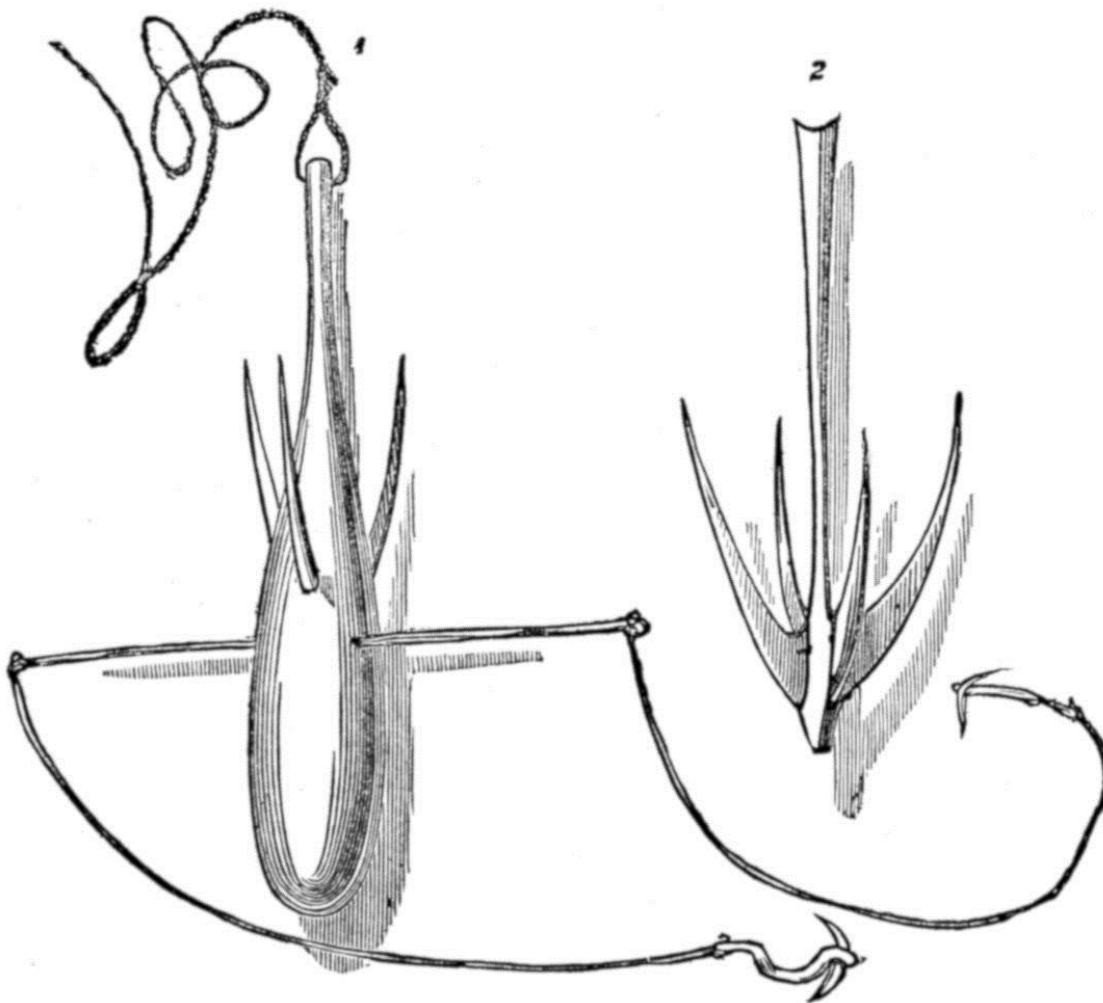
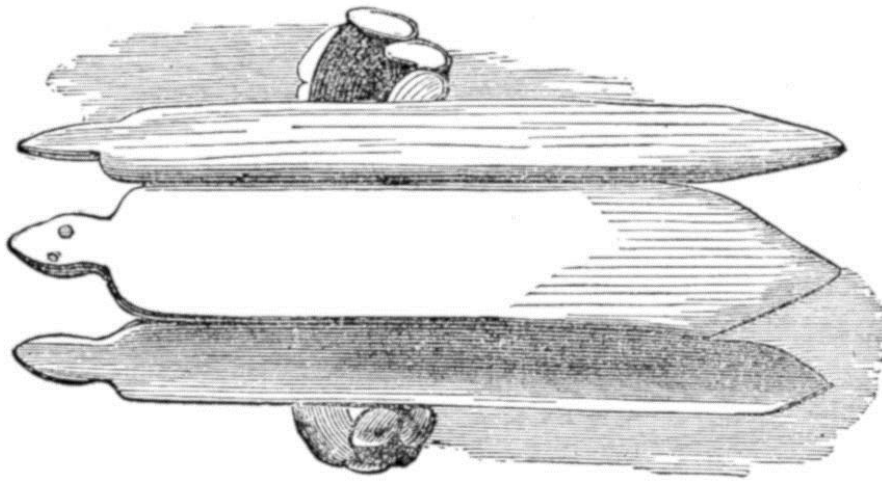
неузнаваемости, ее нижнюю конечность, раздавленную и бесформенную, и весь облик планеты, как у человека под воздействием спиртного.

Затем преломляющая сила атмосферы производит самые удивительные эффекты, уничтожая всякую перспективу и приводя в поле зрения все виды объектов, которые по обычным законам оптики находятся далеко за пределами видимости. Всем морякам знаком вид судна, находящегося высоко в воздухе и плывущего, как бы, по небу, килем в облаках, а верхушки мачт направлены вниз. В этих краях преломляющая способность даже ужасна для привыкших глаз, настолько удивительны открывающиеся перед ними виды.

Во время одного из таких странных представлений, свидетелем которого стал капитан Холл, в небе образовалась огромная белая перевернутая пирамида, которая при каждом качке судна погружалась в море. Вскоре "некая земля, удаленная на семьдесят пять миль, вершина которой была едва видна в обычном случае, предстала перед взором в виде своего скалистого основания. Вся длина этой земли была символом искажения.

"От ровной линии, протянувшейся по небу, отделялась *гряда гор*. Жизнь висит на ниточке, но что вы думаете о горах, висящих на ниточке? В своем воображении я сказал: "Если бы судьбе было угодно, чтобы одна из Сестер перерезала эту нить, пока я наблюдал за этим необычным зрелищем, какие бы конвульсии не последовали на суше и море вокруг нас! Но у природы был замечательный способ разрушить эти скалы-гиганты, зависшие между небом и землей. Из изрезанной и искаженной атмосферы земли в конце концов возникла арка за аркой в удивительном великолепии; и если когда-либо взор человека останавливался на возвышенном в акте творческой силы Бога, то это происходило, когда Он прочерчивал небеса такой линией величественных гор.

"Между этими несколькими горными арками в небе висели айсберги, также перевернутые, безмолвно и величественно двигавшиеся по мере того, как морские течения перемещали те, образами которых они были. Помимо всего этого, далеко за горизонтом виднелась *стена воды*. Эта стена, казалось, была оживлена веселыми танцорами самых фантастических фигур, какие только могло представить воображение, а ее перпендикулярные колонны постоянно игриво менялись. О, как изысканно прекрасна была эта сотворенная Богом живая стена! Тысяча юных форм прекраснейших очертаний, казалось, танцевали туда и сюда, их белые руки переплетались, тела беспрестанно менялись, смешивались, падали, поднимались, прыгали, скакали, прыгали, кружились, вальсировали, отдыхали и снова бросались в ленивый танец - никогда не уставая, всегда игриво, всегда легко и воздушно, изящно и нежно".

Напульник и крючки.
(См. [стр. 1343](#).)

Таков краткий рассказ о замечательном и интересном народе иннуитов - народе, который, по наблюдениям капитана Холла, постепенно вымирает и еще через несколько лет прекратит свое существование.

ГЛАВА СХLII.

ОСТРОВ ВАНКУВЕР.

АХТЫ И СОСЕДНИЕ ПЛЕМЕНА.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕНИ АХТОВ - ВНЕШНИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - СИЛА ХВАТКИ - ОСОБЕННОСТИ НОГ - ПОХОДКА ЖЕНЩИН - БЫСТРОТА МУЖЧИН - ТАНЦЫ - УКРАШЕНИЕ ГУБ У ЖЕНЩИН - ОДЕЖДА - ЛОДОЧНЫЙ ПЛАЩ И ШЛЯПА - ОРУЖИЕ - ЛУК И СТРЕЛЫ - ОРИГИНАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЛУКА - ЕГО ОСНОВА ИЗ ЭЛАСТИЧНЫХ СТРУН - СТРЕЛЫ И ИХ СПИРАЛЬНОЕ ОПЕРЕНИЕ - РЫБЬЕ КОПЬЕ И СТРЕЛЫ ГАРПУНА - КРЮК ДЛЯ ПАЛТУСА - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ - ЛОВЛЯ ЛОСОСЯ ПРИ СВЕТЕ ФАКЕЛА - ГРАБЛИ ДЛЯ ЛОВЛИ СЕЛЬДИ - КАК УБЕРЕЧЬ ЛОДКУ ОТ ЗАТОПЛЕНИЯ - ПРОМЫСЕЛ КИТОВ.

Прежде чем покинуть эту часть света, мы бросим краткий взгляд на племена, населяющие остров Ванкувер. Они необычайно интересны, поскольку сочетают в себе некоторые привычки, отличающие эскимосов, с другими североамериканскими племенами, и добавляют к ним несколько обычаев, которые уже были замечены у полинезийцев; их изолированное положение и своеобразный климат, несомненно, послужили причиной такого любопытного смешения.

В качестве типа этих племен мы возьмем ахтов, хотя вскользь будут упомянуты и другие племена. Ахтов можно назвать скорее народом, чем племенем: они делятся примерно на двадцать племен, названия которых оканчиваются на "ахт", как, например, Охьяхт, Мухлахт, Айхуттисахт, Токуахт и т. д. Всего их насчитывается около семнадцати сотен. Однако они не выступают как единый народ, каждое племя совершенно обособленно и часто воюет с другим.

Это не очень высокий народ: средний рост мужчин - чуть меньше пяти футов шести дюймов, а женщин - чуть выше пяти футов. Возможно, благодаря постоянному плаванию на веслах, которое они практикуют почти с детства, верхние конечности ахтов очень сильные, настолько сильные, что невысокий на вид туземец может с легкостью нести на вытянутых пальцах вес, который белый человек едва ли сможет поднять. Их сила хватки, вероятно, по той же причине, больше похожа на хватку машины, чем на хватку человека; и те, кому приходилось с ними драться, убедились, что если ахту однажды позволить захватить одежду или волосы, то единственный способ ослабить его хватку - это сбить его с ног ударом в горло или по ребрам - удар по голове его не волнует.

Когда он сходитя в ссоре так близко, у него есть неловкая привычка хватать противника одной рукой, а другой орудовать ножом, который он прячет в своих длинных волосах. К счастью для белого противника, такой необычный прием, как удар кулаком, лишаящий его на некоторое время дыхания, настолько обескураживает и настораживает его, что он редко рискует повторить его.

Ноги у племени ахт, как правило, короткие, плохо сделанные, изогнутые и явно недостаточно сильные. Эта особенность особенно заметна у женщин, чьи ноги так изогнуты, а пальцы так повернуты внутрь, что они скорее ковыляют, чем ходят, и при каждом шаге вынуждены переступать ногами, как это делает попугай. Ноги жителей внутренних районов страны, как правило, развиты лучше, чем у жителей побережья. Однако эти неприглядные конечности отнюдь не лишены силы. Ахт, мощно сложенный, выйдя из каноэ, демонстрирует пару ног толщиной едва ли больше, чем руки, и при этом целый день ходит по лесу, не выказывая никаких признаков усталости.

Из-за такой формы конечностей туземцы, хотя и достаточно выносливы, не отличаются быстротой ног и могут быть легко нагнаны белым человеком на открытой местности, несмотря на препятствия в виде одежды и особенно обуви, которые мешают продвижению преследователя, причем преследуемый обычно сбрасывает единственную одежду, которая на нем есть. Если он достигнет леса, преследование бесполезно, так как ни один белый человек не сможет преследовать в нем голого туземца.

Цвет кожи ахтов тусклый, но не темно-коричневый. Лицо у них широкое и плоское, нос довольно хорошо сформирован, когда его не вытягивают кольца и другие украшения, а скулы сильно выражены и широки, но не высоки. На лицах мужчин очень мало волос, но волосы на голове длинные, прямые и обычно свободно свисают на плечи, хотя иногда их собирают в узел на затылке, прикрывая лишь шапочкой или венком из травы. Они очень гордятся своими волосами, поэтому, если ахт провинился в каком-то не очень серьезном проступке, лучшим наказанием будет отрезать ему волосы, так как он будет объектом постоянных насмешек, пока они снова не отрастут. Женщины делят волосы посередине и завязывают их в две косы, одна из которых свисает по обе стороны лица, а к концу часто подвешивают кусочек свинца, чтобы волосы держались прямо. Мистер Спроат считает, что физические характеристики ахтов были изменены в результате большого импорта китайцев, который произошел в конце прошлого века, и замечает, что среди этих туземцев иногда можно увидеть особый китайский глаз. Но даже если это и так, изменения могут быть незначительными, поскольку оба народа, несомненно, являются представителями одной и той же великой расы, хотя и измененной условиями, в которые они были помещены.

У некоторых женщин есть ужасно уродливое украшение, которое они носят на нижней губе, как у ботокудо из тропической Америки. Эта практика существует только среди северных племен, где она распространена в огромных масштабах. Поскольку размер орнамента постепенно увеличивается с детства, губа пожилой женщины содержит овальное украшение длиной три дюйма и шириной два. По краю проходит неглубокий желобок, чтобы удерживать его на месте, а обе стороны слегка вогнуты. Иногда его используют в качестве ложки: женщина кладет на него слишком горячий кусок мяса, а когда он остывает, поворачивает его во рту, сжав губы.

Значение, которое придается этому ужасному уродству, почти смехотворно: ранг женщины зависит от размера ее губного украшения. Возможно, из-за того, что приходится долго растягивать отверстие в губе до нужного размера, мнение женщины с большой губой всегда вызывает уважение; и если ей возразит более молодая представительница ее пола, она презрительно откажется вступать в спор с женщиной, у которой такая маленькая губа. Некоторые из них носят украшение из ракушки, похожее на стержень глиняной табачной трубки, длиной в один или два дюйма, продетый через губу и выступающий вперед под значительным углом к подбородку. Это украшение называется хай-куа.

Что касается одежды, то мужчины носят нечто вроде халата собственного изготовления, который в более поздние времена они заменили европейским одеялом. Они совершенно не следят за тем, как распорядиться этим халатом, и даже если он свалится, не беспокоятся. Женщины также носят одеяло, но в дополнение к нему всегда надевают небольшой фартук. В каноэ они носят накидку. Она сделана из кедровой коры и соткана почти таким же способом, как и циновка новозеландцев, которая уже была описана, а именно: нити основы натягиваются параллельно друг другу на раму и связываются через определенные промежутки поперечной нитью, которая представляет собой моток. На образце из моей коллекции поперечные нити расположены с интервалом в полдюйма.

По форме он напоминает поперечное сечение лодки, прямое сверху и закругленное снизу. Его ширина составляет пять футов три дюйма, а глубина в центре - три фута шесть дюймов. Как обычно в таких накидках, верхний край украшен полоской меха куницы шириной в четверть дюйма, намотанной по спирали на изнаночную сторону так, чтобы получилась довольно толстая веревка из меха. Эти накидки - дело рук женщин, которые занимаются изготовлением всей одежды. меховые мешки изготавливаются простым способом: с куницы снимается шкура, затем тело извлекается через разрез, сделанный поперек живота чуть ниже хвоста. По мере снятия шкурки ее выворачивают, а когда она высохнет и будет должным образом выделана, ее поворачивают мехом наружу, и сумка готова, а хвост служит в качестве ручки. Один из таких мешков, хранящийся в моей коллекции, был подарен мне лейтенантом Пьюзи.

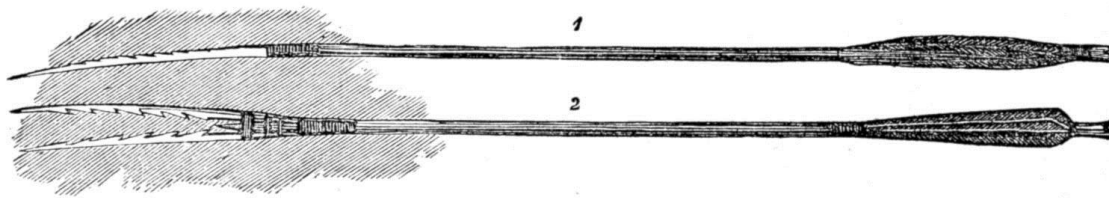
Нить для шерсти также изготавливается из коры белой сосны, а игла - не что иное, как заточенная веточка. Те же полезные материалы используются и для изготовления любопытных шляп, которые туземцы носят в своих каноэ. Эти шляпы сделаны по принципу матросских "су-вестеров" и сшиты таким образом, чтобы сбрасывать дождь с плеч. Внешняя часть шляпы сделана из коры кедра, а внутренняя - из коры белой сосны.

В значительной степени зависящие от животной пищи, племена ахт являются искусными охотниками и изготавливают очень изобретательное оружие, некоторые из которых показаны [на иллюстрациях](#) на странице 1357, сделанных по моим собственным образцам.

Лук и стрелы, используемые этими людьми, заслуживают краткого описания. Лук представляет собой восхитительный образец искусства дикарей и, должно быть, является результатом долгого опыта. Его длина составляет четыре фута три дюйма, и сделан он из цельного куска дерева. По форме он напоминает лук андаманцев, хотя и не имеет таких гигантских размеров. В середине дерево закруглено, чтобы сформировать рукоятку, которая составляет почти четыре дюйма в окружности. От рукоятки до кончиков древко постепенно сплющивается и расширяется примерно до четырнадцати дюймов, где его ширина составляет всего два дюйма. От этой точки оно снова постепенно сужается к наконечнику, который округляется и утолщается, чтобы получить выемку для тетивы.

Если бы к луку не было сделано никаких дополнений, он все равно был бы очень мощным оружием, но создатель не удовлетворился простым деревом, а укрепил его удивительно сложным расположением струн из скрученных сухожилий. В моем экземпляре их более пятидесяти, они наложены на лук и переплетены друг с другом так прочно и аккуратно, что самый искусный моряк мог бы позавидовать такой поделке. Каждая из этих струн двойная, две нити примерно такого же размера, как тонкий плетеный шнур, и если смотреть на них на свету, они довольно прозрачны.

Они надеваются следующим образом. На каждой губе делаются две глубокие выемки, параллельные линии смычка, которые служат двум целям: во-первых, для приема смычковых струн, а во-вторых, для поддержки укрепляющих струн. Восемь струн длиной около одиннадцати футов были сложены вдвое, петля пропущена через наконечник лука, струны проведены вдоль спины через соответствующую выемку на другом наконечнике и возвращены к середине. Эти струны лежат параллельно друг другу и образуют плоский пояс от одного конца лука до другого. Примерно на дюйм ниже наконечника три других набора струн закреплены примерно таким же образом, так что по всей длине оружия проходят четыре разных слоя струн.

СТРЕЛЫ.

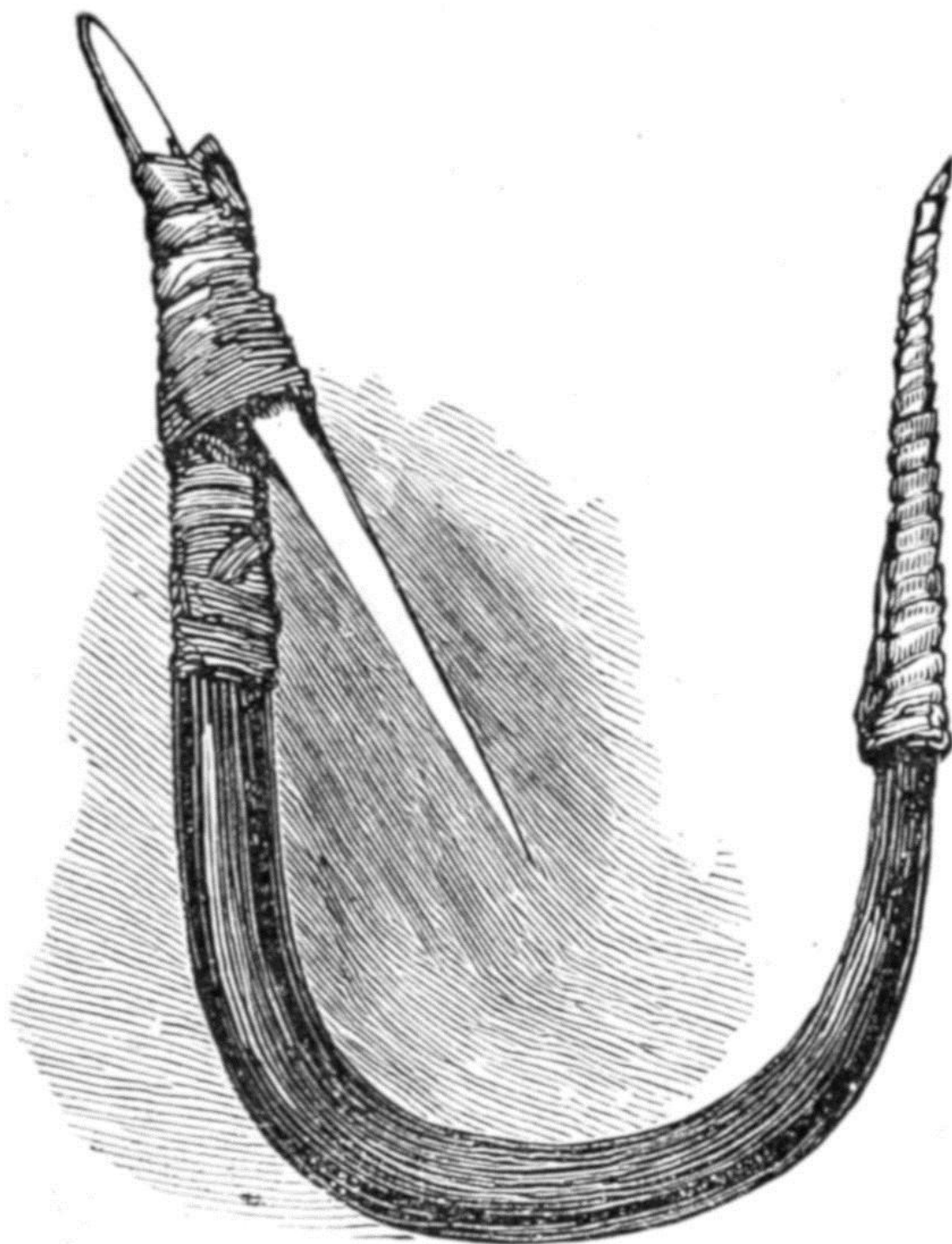
Даже этого не хватило создателю, который добавил еще шесть слоев, начиная с самой широкой и плоской части лука, так что почти три фута от центра оружия укреплены не менее чем двенадцатью слоями тетивы. Обратившись [к иллюстрации](#), читатель поймет, с какой изобретательностью струны уложены на луке, так что, будь оружие согнуто или разогнуто, все они остаются на своих местах. Они так прочно прикреплены к луку, что даже когда он не натянут, все они туго натянуты, как струны арфы.

Тетива лука сделана из того же материала, что и тетива спины, и из-за большой прочности материала она гораздо тоньше, чем тетива обычного лука. Она состоит из двух нитей, каждая из которых примерно такого же размера, как и задние струны.

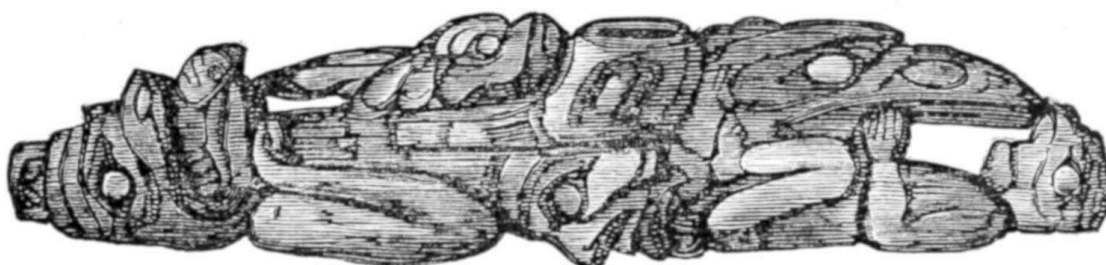
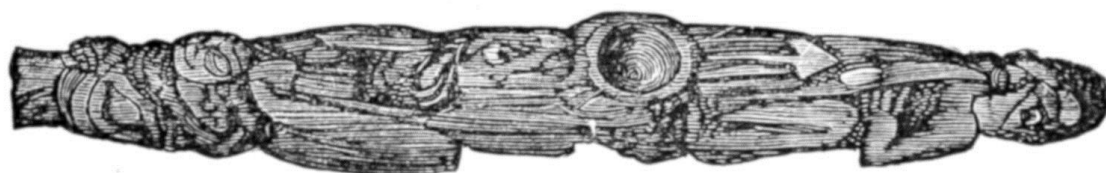
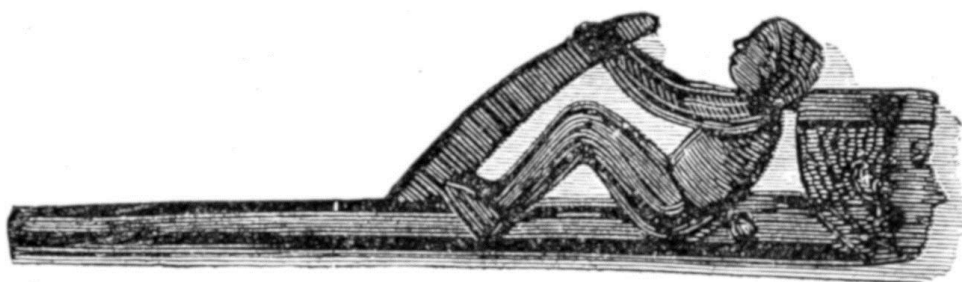
Обратившись [к иллюстрации № 3](#) на следующей странице, можно получить представление об этом необычайно изобретательном оружии. Сначала лук рассматривается в натянутом виде, на рис. 3 показан срез дерева. На рис. 2 представлен увеличенный вид одного конца лука, чтобы показать, как крепятся различные наборы струн. В верхней части видны струны, образующие первый слой, проходящий над концом смычка и заполняющий выемку, в которой они лежат. Чуть ниже наконечника идут второй и третий наборы, которые проходят вниз по луку, где их встречают и переплетают с остальными струнами, а все они собираются в веревку со спиральным строением. Это прекрасное оружие было добавлено в мою коллекцию лейтенантом Пьюзи, R. N.

Стрелы бывают разных видов, в зависимости от цели, для которой они предназначены. Та, что используется для обычных случаев, изображена на самом верхнем рисунке [иллюстрации](#). Ее длина составляет два фута три дюйма, а наконечник - кость.

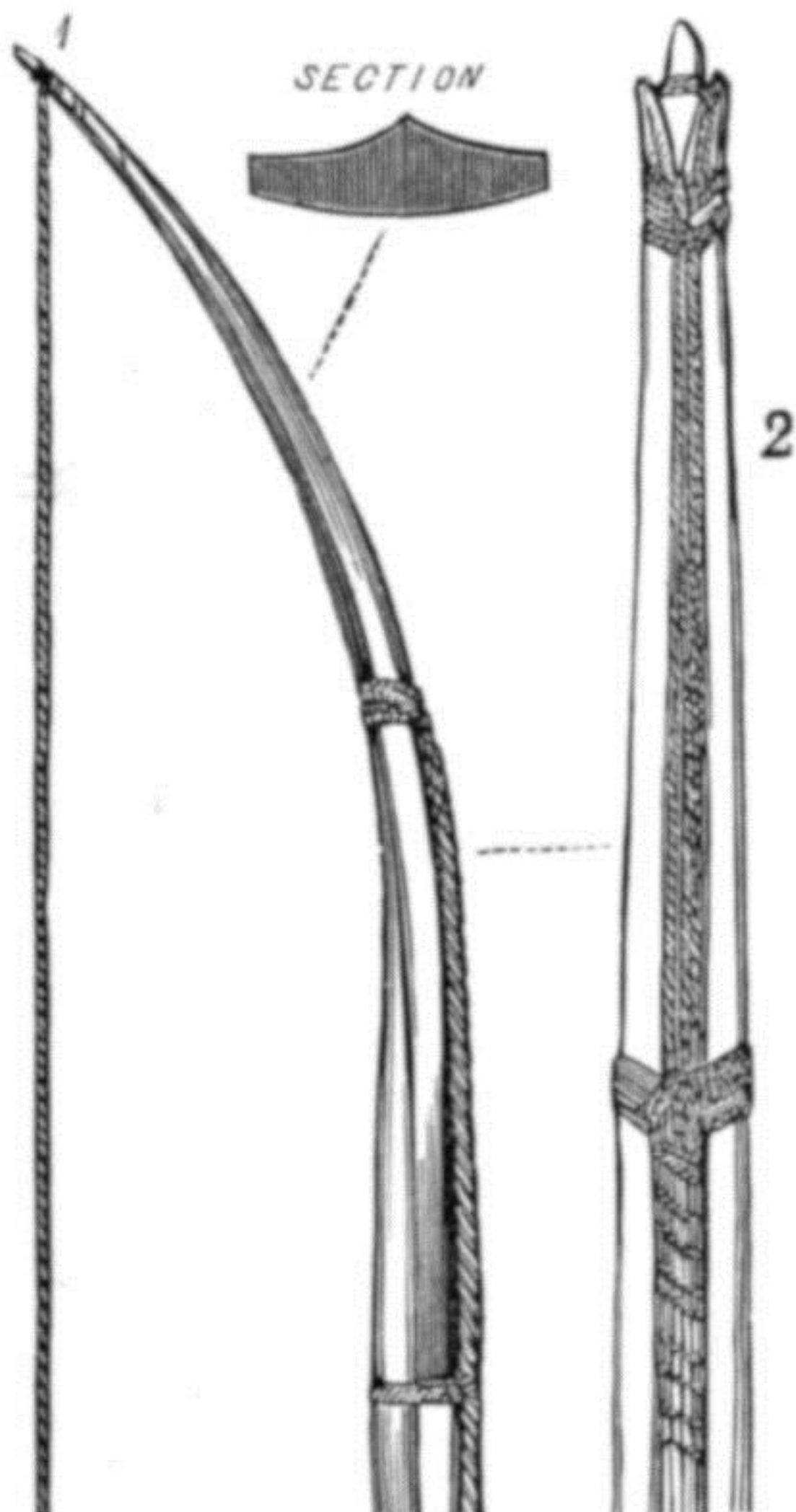
В этих стрелах есть одна особенность, которая заслуживает внимания. Некоторое время назад в Англии была запатентована стрела, у которой перья располагались спирально на конце древка, чтобы придать ей быстрое вращательное движение при выстреле из лука. Принцип был точно такой же, как у винта, который применяется в паровых судах; и те, кто использовал эту стрелу, признали, что спиральная установка перьев не только увеличивала силу полета, но и позволяла лучнику вести стрелу по ветру с большей легкостью и уверенностью, чем это можно было бы сделать с обычной стрелой с перьями. Есть очень старая поговорка, что нет ничего нового под солнцем, и в случае со стрелой, о которой идет речь, дикари Северной Америки давно взяли на вооружение тот же принцип. В их стрелах перья уложены по спирали, со смелым изгибом, и нет никакой разницы между оружием дикаря и игрушкой цивилизации, кроме большей аккуратности и более высокой отделки последней.

(1.) АХТ РЫБОЛОВНЫЙ КРЮЧОК.
(См. [стр. 1359.](#))

(2.) ТРУБЫ.
(См. [стр. 1370.](#))

РАЗДЕЛ
СПИНА УВЕЛИЧЕНА

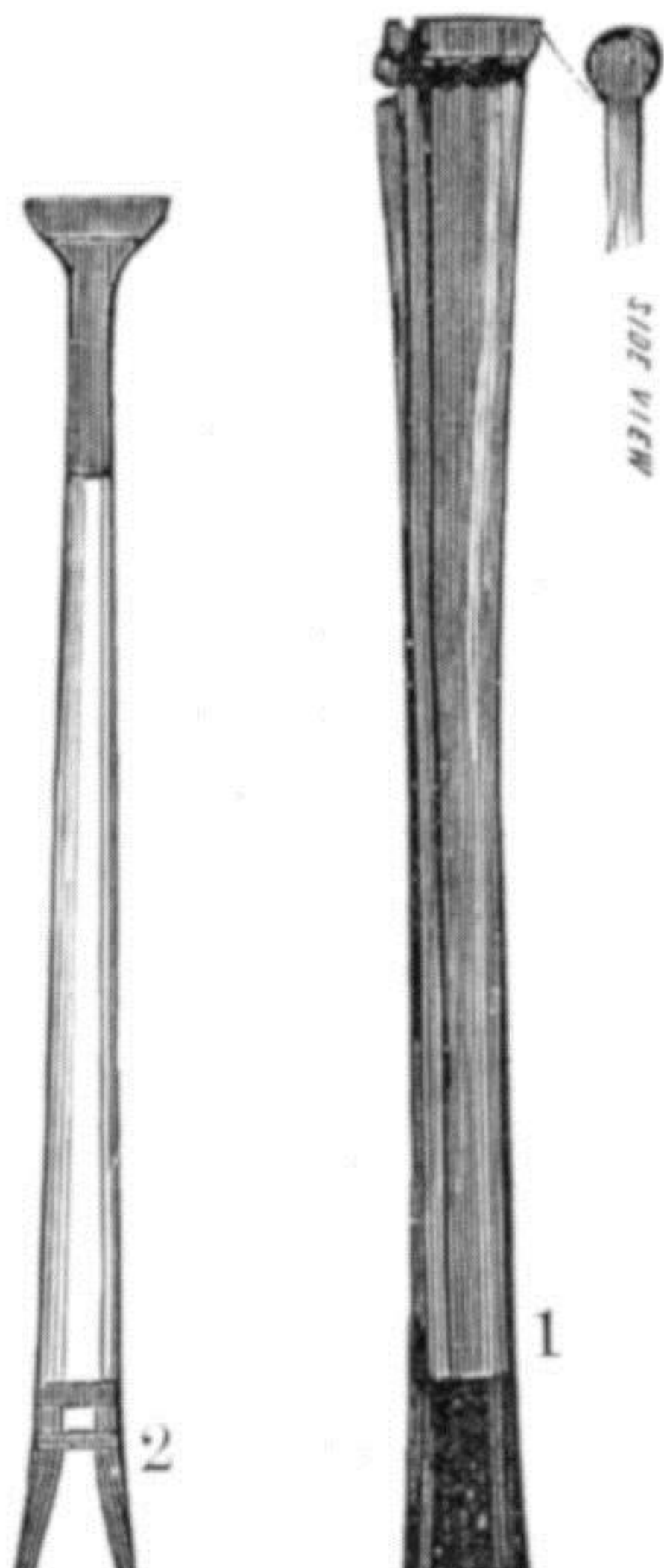
(3.) НОСОВАЯ ЧАСТЬ АХТ.
(См. [стр. 1356.](#))

(4.) МАСКА БОБРА ИЗ ПЛЕМЕНИ АХТ.
(См. [стр. 1365.](#))

(5.) ГОЛОВНОЙ УБОР.
(См. [стр. 1365.](#))

ВИД СБОУКУ

(6.) ПАДДЛЫ.

(См. [стр. 1363.](#))

На нижнем рисунке изображена стрела, которая используется для убийства рыбы. У этого оружия острие тоже костяное, но гораздо длиннее, и оно двойное, две половины значительно расходятся друг от друга и имеют колючки на внутренней поверхности. Оно прочно прикреплено к древку, а их расхождение обеспечивается двумя колышками, которые вбиваются между древком и двумя частями острия. Если рыба попадает в это хитроумное оружие, она не может вырваться: упругие точки сильно сжимаются и удерживают рыбу между собой.

Стоит отметить, что полицейское копье, сделанное точно по такому же принципу, используется малайцами. Оно состоит из рукоятки длиной около семи футов, от конца которой отходят два расходящихся острия. Внутренняя сторона каждого острия вооружена рядом очень острых колючек, направленных назад. Для этой цели часто используются шипы. Если преступник попытается сбежать, полицейскому достаточно ударить его копьем в шею, как он тут же окажется в плену, а колючие острия не позволят ему вырваться, даже если полицейский бросит свое оружие. Читатель-зоолог вспомнит, что зубы змеи и многих рыб - например, щуки - устроены точно по такому же принципу.

У некоторых экземпляров головка свободно насажена на древко и соединена с ним при помощи веревки, которая наматывается на нее по спирали, а когда рыба поражена, головка стягивается с древка, что служит одновременно и тягой, помогающей утомить рыбу, и поплавком, по которому можно определить ее присутствие.

Самая хитроумная из этих стрел используется для стрельбы по тюленям и крупным рыбам и имеет очень сложную конструкцию. Ее длина составляет около четырех футов, и она почти заслуживает названия гарпуна, а не стрелы.

Древко сделано из очень легкого дерева и толщиной примерно с палец человека. На конце оно оперено обычным способом, а с другой стороны оканчивается грушевидным куском кости диаметром в дюйм в самой толстой части. В конце этой кости просверлено небольшое коническое отверстие, в которое вставляется голова. Она также сделана из кости, очень мала по сравнению со стрелой и снабжена двумя глубоко врезанными колючками. Как и во всех гарпунных орудиях, головка соединяется с древком при помощи лinya, но в данном случае есть особенность в лине и способе его крепления.

Вместо того чтобы быть простой двухжильной веревкой, он сделан из множества волокон, расположенных в три нити, и сплетенных, а не скрученных вместе, так, чтобы образовать плоский лине, который обладает огромной прочностью в сочетании с большой эластичностью и небольшим размером. Способ крепления столь же изобретателен, как и способ изготовления. Леска двойная, длиной двенадцать футов. Сначала леска складывается вдвое, петля продевается через отверстие в острие и через голову, чтобы закрепить ее, а затем две половины лески скрепляются вместе примерно в восемнадцати дюймах от острия. Один конец прикрепляется к стреле чуть ниже перьев, а другой - к древку чуть выше костяного наконечника. Цель такой схемы очевидна. Как только тюлень поражен, он бросается прочь, вытряхивая древко из колючей головки, которая остается в его теле.

Если бы леска была просто привязана к концу древка, раненое существо с легкостью протащило бы ее по воде. Но поскольку линь прикреплен к каждому концу древка и к головке в отдельности, то, когда последняя приковывает тюленя, она отделяется от древка, и древко протаскивается по воде в поперечном направлении, оказывая такое сильное сопротивление, что тюлень изнемогает от безуспешной борьбы и всплывает на поверхность, где его отлавливают вторым или третьим оружием.

Кроме гарпуна и рыбьей стрелы, эти люди также используют **крюк** (см. с. 1357), который по своей изобретательности не уступает описанным выше орудиям. Тело крюка сделано из дерева и имеет форму заглавной буквы U. Острие слегка изгибается наружу и обугливается на кончике, чтобы сделать его более твердым. Оно также защищено и укреплено полосой очень жесткого растительного волокна, которая покрывает его на протяжении примерно трех дюймов. Колючка - это кусочек кости длиной около пяти дюймов, заточенный в острие как игла. Это колючка не прикреплена к острию, как у большинства крючков, а прикреплена к хвостовику, причем такой длины, что ее кончик доходит до середины крючка.

На первый взгляд, это очень неадекватное приспособление для фиксации рыбы, и кажется, что существо может легко соскользнуть с незащищенного острия. Однако если испытать крючок, который очень велик, то можно обнаружить, что он поразительно эффективен. Если вставить острие между пальцами, как в пасть рыбы, а затем поднять вверх, то окажется, что острая колючка эффективно препятствует извлечению крючка.

Есть один эффект от такого способа крепления колючки, который, возможно, и не предполагался. Если по какой-то случайности леска запутается в крючке и вывернет его, рыба будет в полной безопасности: длинная прямая колючка образует второй крючок, на который она и пересаживается. Тело этого крючка изготавливается из дугласовой сосны, а форму ему придают путем распаривания. Этот крючок используется в основном для ловли палтуса, так как по какой-то причине ахты не используют стальной крючок для ловли этой рыбы.

В этих краях много дичи, как крупной, так и мелкой, хотя погоня за ней во всех случаях тяжела и проверяет не только мастерство, но и выносливость охотника. Например, черный медведь - ценнейшее животное, его мех используется для одежды, а мясо - в пищу. Охота на медведя ведется не в любое время года, но, как правило, ближе к осени, когда медведи жиреют и собираются на зимовку. Иногда ахты ждут, пока медведь уйдет на покой, а затем протыкают его копьём в его зимнем жилище. Капканы пользуются большой популярностью, так как не портят шкуру. Они очень просты: ловушка состоит из ствола дерева, нагруженного камнями и подвешенного одним концом над следом животного. Он удерживается в нужном положении с помощью спускового крючка, к которому прикреплена небольшая веревка, пересекающая след. Ловушку всегда ставят в таком месте, где большой пень или корень упавшего дерева позволяет установить ее, не нарушая вида следа.

Затем идут один или два оленя, самый крупный из которых - вапити, которого обычно, но ошибочно, называют лосем. Охотник обычно берет его, следуя по следу, и преследует его, когда он кормится, а затем из мощного лука пускает стрелу в его сердце. Мастерство охотника проявляется как после смерти оленя, так и во время самой погони. Капитан Мэйн упоминает, что видел, как убивают вапити, а через четверть часа с него снимают шкуру, отделяют всю плоть от костей, а кожу превращают в мокасины. У туземцев довольно странный способ переноски мяса. На первом привале после убийства оленя они разрезают мясо на куски по два-три дюйма квадратных, прикрепляют их к длинной палке и несут палку на плече, время от времени отрывая кусок и съедая его на ходу. Таким образом, плоть оленя

исчезает за удивительно короткое время. Мяса сохраняется очень мало, ахты обычно съедают его сразу же после убийства животного.

Что касается рыбы, то ее так много, что можно упомянуть только одну или две. Лосось - рыба, которая, по-видимому, больше всего ценится этими рыбацкими племенами, и ее ловят, как и у нас, разными способами. Иногда туземцы используют довольно любопытное рыбье копье, длиной около пятнадцати футов в древке и с двойной головкой, сделанной из кости вапити. Головка лишь слегка закреплена в древке, к которому она прикреплена линем, как в уже описанном гарпуне-стреле. Если рыба очень тяжелая, охотник просто привязывает к линю несколько надутых пузырей и заставляет ее утомиться бесполезными попытками, прежде чем рисковать переломом линя или потерей колючей головки, одно или оба события, вероятно, произойдут, если он попытается поймать свежую и сильную рыбу.

Иногда, когда рыбы много, ее ловят, опуская среди нее палку, вооруженную колючими остриями, и резко дергая ее вверх, пока она не насадит рыбу на одно или другое из этих остриев.

Для ловли лосося используется "поджигание воды", которым занимаются два туземца, один из которых гребет каноэ, а другой стоит на носу, где горит факел, и поражает рыбу, когда она скользит по воде. Мистер Спроат упоминает, что в результате дневной рыбалки одно каноэ привозило сорок отличных лососей. Также используются ловушки для лосося. Они сделаны по принципу, очень напоминающему ловушки для угрей, используемые в этой стране. Они представляют собой двойные корзины, внешне цилиндрические, и устанавливаются так, чтобы их устье было направлено вниз по течению. Когда рыба пытается пройти вверх по течению, она попадает в корзину, а так как внутренняя корзина намного короче другой, по форме напоминающей сахарницу, лосось оказывается запертым между ними. Некоторые из этих корзин достигают двадцати футов в длину и пяти футов в диаметре, так что в них помещается значительное количество рыбы.

Один из самых странных рыболовных инструментов - тот, с помощью которого ловят сельдь. Это шест длиной около десяти футов, сплюснутый с одного конца, как лопасть весла, и вооруженный по краю выступающими шипами. Когда рыбак оказывается среди косяка сельди, он погружает шест в массу рыбы, протаскивает его сквозь нее особым движением рук, чтобы закрепить сельдь на шипах, а затем встряхивает ее в лодку. Таким способом ловли, который называется "сельдяной рак", добывается огромное количество рыбы, так же как и сетью, которая хитроумно сделана из волокна, полученного из местной крапивы, достигающей восьми или десяти футов в высоту.

Ахты - такие заядлые рыбаки, что часто ставят под угрозу безопасность своих каноэ, набивая их рыбой так, что борта погружаются на дюйм или около того от кромки воды. В тихую погоду они прекрасно справляются даже с таким грузом, но если ветер поднимется раньше, чем они достигнут берега, опасность очень велика. Если такое случится, эти предприимчивые рыбаки не станут выбрасывать свой груз за борт, чтобы спасти лодку, а закрепят все запасные поплавки вокруг каноэ, чтобы оно не затонуло, даже если будет заполнено водой.

Ахты почти не используют эти поплавки, и с их помощью они нападают и побеждают даже гигантских китов. О том, как они ловят китов, рассказывает мистер Г. М. Спроат: "Погоня за китом - дело нешуточное. Старый китобойный шкипер назвал вид кита, часто встречающегося на побережье, "финнером", в котором не так много жира. Сезон ловли китов начинается примерно в конце мая или в июне. Много китов каждый сезон убивают нитинахты, которые живут в основном на побережье возле Баркляя или Нитинахтс-Саунд. У этого племени есть обычай, которого я не наблюдал в других местах, - разделяться весной и

летом на небольшие партии, каждая под руководством отдельного главы, но все они остаются под началом главного вождя племени.

"Месяцы заранее готовятся к ловле китов, которая считается почти священным сезоном. Я особенно обратил внимание на это обстоятельство, поскольку в детстве слышал об обычае манксов, по которому все экипажи сельдяной флотилии произносят благословение перед тем, как "выстрелить" в свои сельдяные сети. Честь пользоваться гарпуном в племени ахт принадлежит лишь немногим - около дюжины человек в племени, - которые наследуют эту привилегию. Однако известны случаи, когда эта привилегия доставалась по заслугам.

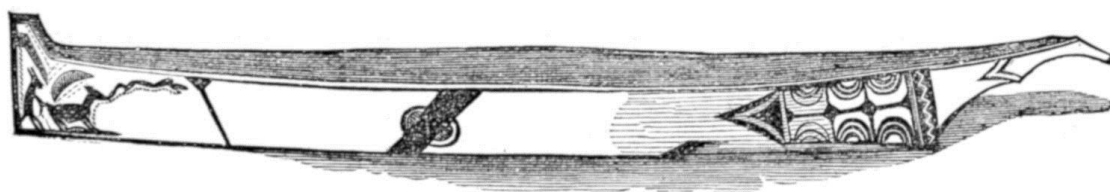
"Восемь или девять человек, отобранных гарпунером, составляют экипаж его каноэ. В течение нескольких лун до начала рыбалки эти мужчины вынуждены воздерживаться от привычной пищи; они живут вдали от своих жен, моют тело утром, днем и вечером и натирают шкуры ветками или грубым камнем. Если каноэ повреждено или опрокинуто китом, или во время рыболовного сезона происходит какой-либо несчастный случай, предполагается, что кто-то из команды не выполнил свои подготовительные обязанности, и вожди племени начинают очень строгое расследование. Допрашиваются свидетели, проводится расследование домашних дел обвиняемых. Если обнаруживаются какие-либо уличающие обстоятельства, с провинившимся поступают сурово, часто его лишают звания и помещают под запрет на несколько месяцев.

"Когда киты подходят к побережью, рыбаки выходят на промысел на весь день, независимо от того, дует ли сильный ветер или нет. У каноэ есть разные места для плавания, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга. Китобойные снасти индейцев состоят из гарпунов, линей, надутых тюленьих шкур и деревянных или костяных копий. Гарпун часто делают из куса железного обруча бочки из-под эля, вырезанного зубилом в форме лезвия гарпуна, к которому при помощи резинки прикрепляют два колючки, сделанные из кончиков оленьих рогов. Ближе к гарпуну крепится линь из оленьих сухожилий. К нему крепится основной линь, который обычно делают из кедровых веток, сложенных вместе толщиной с трехдюймовую веревку. Большие надутые шкуры прикрепляются к этому линю примерно в двенадцати футах от гарпуна. Затем само оружие слегка привязывают к тисовой рукоятке длиной десять футов.

"Подойдя поближе, гарпунер с носа своего каноэ со всей силы бросает гарпун в кита. Как только колючка входит в кита, крепление деревянной рукоятки, будучи совсем слабым, ломается и отсоединяется от линя. Туземцы поднимают крик, и кит быстро ныряет, но тюленьи шкуры мешают ему двигаться. В каноэ хранятся очень длинные лини, а иногда соединяются лини от нескольких каноэ. Когда кит снова появляется на поверхности, его атакуют с ближайшего каноэ, и, наконец, к его телу прикрепляют сорок или пятьдесят больших буйков. Некоторое время он яростно борется, бьет и бьет по воде во всех направлениях, пока, ослабев от потери крови и усталости, не перестает бороться, и туземцы не добивают его своими короткими копьями. Затем кит берется на буксир всей флотилией каноэ, экипажи кричат и поют, и в такт им гребут веслами.

"Иногда, получив гарпун, кит убегает, прихватив с собой веревки, гарпуны, тюленьи шкуры и все остальное. Если он умирает от ран и его находит другое племя в море или на берегу в пределах территориальных границ нашедших, инструменты возвращаются проигравшим, а в подарок - большой кусок рыбы. Много споров возникает между племенами из-за находок мертвых китов вблизи неопределенных границ племенных территорий. Если ссора серьезная, прекращаются все сношения, запрещается торговля и возникает угроза войны. В конце концов, когда потеря торговли становится ощутимой, прибегают к переговорам.

Выбирается посланник, который занимает высокое положение в своем племени и, если возможно, связан с другим племенем узами брака. Обычно это спокойный человек с беглой речью. Надев на головной убор белые орлиные перья в знак мира, он отправляется в путь на небольшом каноэ. Его сопровождает только одна женщина, как правило, старая рабыня, чтобы помогать грести, поскольку туземцы никогда не рискуют использовать двух мужчин в таких случаях. Возвращения посланника ждут с нетерпением. Как правило, первое предложение отвергается. Возражения, ссылки, встречные предложения часто приводят к тому, что приходится отправлять три или четыре посольства, прежде чем удастся решить вопрос. К этому времени подкожный жир, должно быть, сильно прогоркнет".

Каноэ ахтов.
(См. [стр. 1362.](#))

ГЛАВА XXLIИ.

Остров Ванкувер - продолжение.

Ахты и соседние племена - продолжение.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАНОЭ - ВЕРНЫЙ ГЛАЗ ТУЗЕМНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ - МАТЕРИАЛ И ФОРМА
ВЕСЛА - СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - УЗОР, КОТОРЫМ ОНО УКРАШЕНО - "РАЗРЕЗАНИЕ"
ВОЛН - МАСТЕРСТВО И ВЫНОСЛИВОСТЬ ГРЕБЦОВ - ПОБЕГ ТУЗЕМЦА - ПИРЫ СРЕДИ
ПЛЕМЕН АХТОВ - СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - ДЕРЕВЯННЫЕ ГОРШКИ И
РАСКАЛЕННЫЕ КАМНИ - КАК "УМИРАЛИ ИНДЕЙЦЫ" - РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВА, И ЕГО
ПОСЛЕДУЮЩЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ - СВЯЩЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПИРШЕСТВА - СВЯЩЕННЫЕ
ЗНАКИ - ИСКУССТВЕННАЯ СНЕЖНАЯ БУРЯ - ТАНЕЦ ДОКТОРА - ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ
АКТЕРСКАЯ ИГРА - ИМИТАЦИЯ УБИЙСТВА И ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТРУПА - ТАНЕЦ НА КРЫШЕ.

Каноэ, на которых племена ахт совершают свои экспедиции, вырезаны из цельного дерева. Дерево, которое используется для этих целей, - это разновидность кедра (*Thuja gigantea*), который растет у моря. Когда туземец хочет сделать каноэ, он подыскивает хорошее дерево как можно ближе к воде и с помощью товарища срубает его. Сейчас, когда у него есть европейские инструменты, он может срубить дерево довольно быстро, но в старые времена, когда его единственным инструментом было что-то вроде долота из рога вапити, это был очень медленный процесс. Единственным способом использования этого примитивного инструмента было прикладывание острия долота к дереву и удары тяжелым камнем, по форме напоминающим гантель.

Срубленное дерево очищается от коры, а ствол раскалывается клиньями по длине. Далее следует выдолбить внутреннюю часть, что делается исключительно вручную, огонь не используется, как это принято у многих диких племен. Затем внешняя сторона обтесывается до нужной толщины с помощью клещей, сделанных из большой раковины мидии, закрепленной в рукоятке. В этой работе туземцы не используют никаких измерительных инструментов, а полностью доверяют глазомеру; однако их работа настолько точна, что,

когда лодка завершена, она легко сидит на воде и хорошо сбалансирована. Любой из моих читателей, кто делал хотя бы игрушечную лодку, оценит сложность этой задачи.

Примерно за три недели каноэ грубо обтесывают и выдолбливают, а затем приступают к более сложному делу - приданию ему той формы, которую ахты считают наилучшей. Для этого каноэ наполняют водой и бросают в него раскаленные камни, пока вода не закипит. Этот процесс продолжается в течение длительного времени, пока дерево не станет совсем мягким, а затем внутрь вбивают несколько перемычек, чтобы придать каноэ правильную форму, которую оно сохраняет и в дальнейшем.

Пока каноэ еще мягкое и сравнительно податливое, в него вставляют несколько небольших перемычек, чтобы противодействовать любой тенденции к деформации. Затем внешняя часть судна закаляется огнем, чтобы оно могло противостоять нападению насекомых, а также чтобы предотвратить растрескивание под воздействием солнечных лучей. Наконец, к каноэ крепятся носовая и форштевневая части, а внутренняя часть окрашивается в какой-нибудь яркий цвет, обычно красный. Снаружи каноэ, как правило, совершенно черное и отполированное; этот эффект достигается путем обильного натирания маслом после того, как огонь сделает свое дело. Наконец, на носу и корме обычно наносится какой-нибудь узор.

[Рисунок](#) на странице 1361 даст читателю хорошее представление о форме этого каноэ. Он срисован с большой модели, привезенной с острова Ванкувер лейтенантом Пьюзи и пополнившей мою коллекцию. На этом образце узоры на носу и форштевне красные и синие. Как и в большинстве случаев с каноэ, сделанными дикарями, у лодки нет киля.

Весло, с помощью которого каноэ приводится в движение, отличается необычайной изобретательностью и сочетает в себе три качества: легкость, упругость и прочность. Весло, изображенное на рис. 1 [иллюстрации № 6](#) на стр. 1357, является одним из образцов в моей коллекции. Его длина составляет четыре фута шесть дюймов, а ширина лопасти в самой широкой части - около шести дюймов. Он сформирован с величайшей точностью: часть, за которую его хватают левой рукой, почти цилиндрическая, а затем постепенно расширяется, пока не образует лезвие. В этой части оно очень тонкое - настолько тонкое, что, кажется, едва ли способно выдержать нагрузку, которая приходится на него, когда гребец стремительно ведет каноэ по воде.

Легкость такого весла просто удивительна. Образец, изображенный [на иллюстрации](#), весит всего восемнадцать унций, что едва ли в два раза меньше, чем вес аналогичного по размеру новозеландского весла. Читатель обратит внимание на необычную рукоятку. Она сделана так, чтобы соответствовать способу гребли. Когда ахт садится в каноэ, он берет весло левой рукой примерно в восемнадцати дюймах от конца, а правую кладет на перемычку, которая служит рукояткой. Таким образом, левая рука служит точкой опоры, а на правую действует рычаг весла. Рядом с этим веслом изображено другое весло с Соломоновых островов, чтобы показать, как две совершенно разные расы человечества пришли к одному и тому же изобретению. Есть даже сходство в форме их каноэ, а также в форме весел.

Читатель заметит, что лопасть весла покрыта узором, который тянется вверх по рукоятке. Это работа женщин, которые берут на себя украшение весел после того, как их сформировали их мужья. Краски обычно используются черные и красные, последний оттенок достигается с помощью препарата аннато. В этом конкретном образце красный цвет является основным: большие овальные знаки на боковой стороне лопасти и на рукоятке - красные, а более сложный узор на лопасти выполнен черным цветом.

Каким бы ни был цвет весла, узор всегда один и тот же. Я не сомневаюсь, что это действительно традиционный способ изображения человеческого лица, подобный тому, который встречается на работах многих вымерших рас человечества; и хотя на первый взгляд сходство может быть не заметно, для опытного наблюдателя оно очевидно, и, более того, вполне соответствует другим произведениям искусства, найденным у этих людей.

Широкая, плоская, остроконечная лопасть весла часто используется не только для приведения каноэ в движение, но и для других целей. Уже упоминалось, что ахты не выбросят за борт свой груз рыбы, какими бы высокими ни были волны и как бы глубоко ни было загружено каноэ. Они внимательно следят за волнами, и если одна из них набегаёт так, что бьёт в борт, у них есть искусство разрубить её надвое ударом острия весла, чтобы она безвредно пролетела над маленьким судном.

Как при изготовлении каноэ, так и в других работах, где нужно просверлить отверстия, ахты используют простое сверло, сделанное из кости птицы и закреплённое в деревянной ручке. При его использовании стержень берут между двумя руками, острие помещают на объект, который нужно просверлить, и руки быстро двигают вперед-назад, пока не сделают отверстие. Таким же образом, используя палку вместо сверла, добывают огонь, точно так же, как это делают кафиры.

Мастерство гребцов поражает воображение. Мистер Спроат упоминает о побеге индейца племени ахт, который совершил несколько убийств и сумел скрыться из-под стражи. Найдя место, где он скрывался, группа отправилась за ним и обнаружила, что он бежит по снегу, чтобы укрыться в лесу. Если бы он добрался до него, то был бы в безопасности, поэтому один из преследователей погнался за ним, и, несмотря на то что он был обут в ботинки, которые быстро забились снегом, ему удалось настичь его - ахты, как уже было отмечено, очень плохо бегают.

Вскоре мужчина понял, что в беге ему нет равных, и, отказавшись от намерения добраться до леса, резко свернул к реке, сбросил с себя одеяло и прыгнул в поток. Вскоре он увидел, что направляется к каноэ, которое было прикреплено к корявому дереву на реке, и через некоторое время добрался до него, посмотрел, нет ли там весла, забрался в лодку, бросил её и уплыл на веслах. Тем временем двое его преследователей сели в каноэ и поплыли за ним, так что, когда он спустил лодку на воду, они были не более чем в двадцати ярдах от него. Однако этого было вполне достаточно для беглеца, который погнался за своим каноэ вверх по течению с силой и быстротой, которые вскоре увеличили расстояние между двумя лодками, и, несмотря на все усилия своих преследователей, он выбрался на берег почти на пятьдесят ярдов впереди них. Как только он достиг берега, он выпрыгнул из каноэ и бросился в лес, где преследовать его было бесполезно.

Несколько раз во время борьбы мистер Спроат прикрывал его своим револьвером, но мастерство, грация и сила беглеца были столь восхитительны, что, к большому неудовольствию его спутников, он не стал стрелять. Он отмечает, что в такой погоне, как эта, у белого человека нет шансов с ахтом, но в долгой гонке по морю белый человек победит, поскольку его выносливость превосходит выносливость дикаря.

Обладание каноэ является предметом больших амбиций среди ахтов, так как это даёт им некое отличие, и на него смотрят так же, как на обладание каретой среди нас. Каждое каноэ снабжено инструментом для прессования, который всегда сделан из дерева. По сути, это большая ложка, чаша которой угловата и по форме напоминает фронто́н дома.

Домашние нравы ахтов, по словам г-на Спроата, очень интересны, и, как он замечает, если бы кто-нибудь только хорошо знал их странный язык и имел желудок и нос, чтобы жить среди них в течение зимних месяцев, он получил бы много информации о них.

Зима - это упомянутое время, потому что летом люди обычно рассеяны в погоне за дичью, особенно за лососем, которого они сушат и сохраняют для зимнего использования. Но примерно в ноябре они возвращаются в свои дома, и наступает время всеобщего пиршества и веселья. Приготовление пищи продолжается весь день, и пирующие постоянно пируют, в то время как во время работы они едят только два раза в день, а именно утром и вечером, и даже тогда не едят много во время каждого приема пищи. Рыба - главная составляющая их рациона, а сушеный лосось - самая обильная пища, хотя они также едят плоть тюленя и кита, когда могут ее добыть. В последние годы ахты стали есть рис и патоку, что, по-видимому, плохо отразилось на их здоровье.

Горшки, в которых готовится пища, сделаны из дерева, а воду кипятят, не ставя горшки на огонь, а раскаляя камни докрасна и бросая их в воду. Каким бы грубым ни казался этот способ кипячения воды, он гораздо быстрее и эффективнее, чем можно себе представить, что объясняет широкое распространение этого обычая. Не в одном месте, когда белый человек впервые посетил туземцев, ничто не произвело на них такого сильного впечатления, как тот факт, что, когда он кипятил воду, он ставил сосуд на огонь. Возможность сделать сосуд, который бы выдержал такое обращение, в их глазах имела что-то сверхъестественное.

Один старый туземец хорошо проиллюстрировал удивление, которое они сами испытывали, когда впервые увидели чайник, поставленный на огонь. Он рассказал эту историю мистеру Дункану следующим причудливым, но убедительным языком: "Чужаки высадились на берег и позвали индейцев, чтобы те подошли к ним и принесли немного рыбы. У одного из них через плечо была перекинута палка. Вдруг он направил ее на пролетавшую мимо птицу - раздалось сильное "кака", и птица упала на землю. Индейцы умерли! Придя в себя, они стали расспрашивать друг друга о своем состоянии, о том, не умер ли кто из них, и что каждый из них чувствовал.

"Затем белые сделали знак разжечь костер. Индейцы сразу же приступили к делу в соответствии с их утомительной практикой трения двух палок друг о друга. Незнакомцы засмеялись, и один из них, схватив горсть сухой травы, высек искру в небольшой порошок, положенный под нее. Мгновенно раздалось еще одно "кака", и полыхнуло! Индейцы погибли! После этого новоприбывшие захотели сварить рыбу. Индейцы положили рыбу и немного воды в одно из своих квадратных деревянных ведер и положили в огонь несколько камней, намереваясь, когда они раскалятся, бросить их в сосуд и таким образом сварить еду. Белых такой способ не удовлетворил. Один из них достал из лодки оловянный котелок, положил в него рыбу и немного воды, а затем, как ни странно, поставил его на огонь. Индейцы смотрели на это с изумлением. Однако котелок не прогорел, вода не вытекла в огонь. Тогда индейцы снова умерли!"

Иногда знатный человек приглашает на торжественный пир, и в этом случае он пользуется возможностью продемонстрировать свое богатство, щедро раздавая подарки, причем каждый присутствующий получает свою долю имущества. Следовательно, на пиру всегда присутствует сцена разрушения. Например, капитан Мэйн рассказывает, что на одном пиршестве, свидетелем которого он был, он узнал три шкуры морских особей, за одну из которых было предложено тридцать одеял, но он отказался. И все же, как бы ни были они ценны, их разрезали на маленькие кусочки размером примерно три дюйма на один, чтобы каждый гость мог получить свой кусочек. Поскольку каждое одеяло для ахтов эквивалентно

суверену, можно представить себе количество отходов. Мистер Дункан, успешный миссионер среди этих людей, рассказывает о нескольких случаях растраты имущества, которые происходят как в этих, так и в других случаях. Например, один из вождей только что построил дом и пригласил на большой пир. "После пира, как я слышал, он собирался раздать имущество на сумму четыреста восемьдесят одеял, из которых сто восемьдесят были его собственностью, а триста должны были быть подписаны его людьми.

"В первый день праздника в лагере было выставлено как можно больше имущества, которое должно было быть подарено ему. Сотни ярдов хлопка развевались на ветру, развешанные от дома к дому или на натянутых для этого случая веревках. На фасадах домов были развешаны меха. Те, кто собирался раздавать одеяла или лосиные шкуры, умудрялись найти носильщика для каждого и выставляли их, заставляя людей идти в одном строю к дому вождя. На следующий день вывешенный хлопок выносился на берег, на значительное расстояние от дома вождя, и там вытягивался во всю длину, а несколько носильщиков, на расстоянии около трех ярдов друг от друга, торжественно несли его от дарителя к получателю. Полагаю, что таким образом было утилизировано около шести-восьми сотен ярдов.

"После того как все имущество, которое должен получить вождь, было таким образом открыто передано ему, день или два уходит на то, чтобы распределить его между новыми владельцами. Когда это сделано, все вожди и их семьи собираются вместе, и каждый получает в соответствии со своим положением. Если же жена вождя не является потомком вождя, то она не имеет никакой доли в этом распределении и никогда не приглашается на те же пиры, что и ее муж. Таким образом, вожди и их люди продолжают доводить себя до нищеты. Однако в случае с вождями эта нищета длится недолго; они вскоре пополняются за счет следующих раздач, а народ богатеет только в зависимости от своей промышленности. Их нельзя не пожалеть, но в то же время можно и поплакаться на их глупость.

"Все удовольствие, которое эти бедные индейцы, похоже, получают от своего имущества, заключается в том, что они копят его на такой случай, как я описал. Они никогда не думают о том, чтобы использовать все, что могут собрать, для улучшения своих удобств, но довольствуются тем, что могут время от времени устраивать подобную демонстрацию; так что человек, имеющий только одно одеяло, кажется, так же хорошо обеспечен, как и тот, у кого двадцать; и таким образом в лагере накапливается огромное количество мертвого запаса, обреченного никогда не быть использованным, а только время от времени переходить из рук в руки из-за простой суеты".

"Однако есть и другой способ, при котором имуществом распоряжаются еще глупее. Если человека оскорбляют, с ним происходит несчастный случай или он получает какую-либо травму, реальную или мнимую, душевную или телесную, имущество должно быть немедленно принесено в жертву, чтобы избежать позора. Несколько одеял, рубашек или хлопка, в зависимости от ранга человека, разрываются на мелкие кусочки и уносятся".

Иногда пиршество приобретает священный характер, и такие праздники проводятся во второй половине последнего месяца в году, их цель - побудить демонов, управляющих погодой, дать им дождь вместо снега. На одном из таких праздников, свидетелем которого был мистер Гарретт, главную роль исполняла женщина-вождь, которая лежала на спине посреди дома, словно мертвая, в то время как все собравшиеся производили ужасный шум, завывали, причитали и били палками по скамье, на которой сидели, а один молодой человек добавлял шума, барабана по деревянному ящику. Через некоторое время распростертая женщина начала подавать признаки жизни и постепенно приняла сидячее положение. В

таким положении она умудрялась прыгать по комнате и демонстрировать необычайные капризы, а остальные обитатели помещения чередовали мертвую тишину с оглушительным ревом по сигналам ее руки.

Костюмы, которые надевают на такие праздники, представляют собой весьма примечательные изделия, особенно головные уборы, которые носят вожди. Они имеют форму масок и вырезаются из цельного дерева, как правило, имитируя головы различных птиц и зверей, хотя иногда их вырезают в виде гротескного человеческого лица. [Образцы](#), представленные [на иллюстрациях](#) на странице 1357, дадут хорошее представление об этих странных головных уборах. Один из них, подаренный мне лейтенантом Пьюзи, вырезан в подражание голове бобра и завязывается на голове владельца с помощью веревок. В глазах просверлены отверстия, с помощью которых носитель может видеть, причем эти отверстия искусно просверлены в косом направлении, чтобы совпадать со зрачком глаза. Некоторые из этих масок сделаны с большими вытаращенными глазами и большими челюстями. Глаза и челюсти подвижны и управляются струнами, проходящими по спине, так что владелец может заставить глаза закатываться, а челюсти открываться и закрываться без всякой видимой причины.

Иногда маски делают в виде птиц, и с помощью аналогичного расположения шнуров их можно заставить поворачивать голову из стороны в сторону и хлопать крыльями, пока владелец говорит. В музее в Мейдстоне есть очень примечательный экземпляр этих масок. Она двойная, одна маска внутри другой. Внешняя маска разделена линиями, проведенными от лба к подбородку, по центру носа и через все лицо, так что она состоит из четырех отдельных частей. Все части работают на шарнирах и так хорошо подогнаны друг к другу, что зритель не может заподозрить, что они не являются одним цельным куском. Внезапно, во время танца, он распаивает все части и обнаруживает под ними вторую, еще более ужасную маску.

Когда вождь хочет сделать необычный комплимент гостю, он надевает маску, снабженную множеством дикобразовых перьев. На этот головной убор он насыпает огромное количество лебяжьего пуха, который удерживается перьями в нужном положении. Затем он танцует перед гостем и, когда тот отступает назад в танце, делает рывок головой, и пух летит над ним. Почетно, что посетитель должен быть окутан пухом, как в снежную бурю, и это можно сделать, только постоянно танцуя и кивая головой, которую обслуживающий персонал хорошо снабжает пухом.

Белые перья и пух всегда означают мир, и поэтому, когда человек отправляется с миссией мира к соседнему племени, с которым у него произошла ссора, он надевает на голову белый пух и знает, что его персону будет так же священна, как и носитель флага перемирия в цивилизованных войнах.

Один из танцев, практикуемых ахтами, демонстрирует поистине удивительную изобретательность и, должно быть, требует не мало времени для отработки. Свидетелем его был мистер Спроат, который описывает его в следующих выражениях. На языке ахтов различные танцы называются "нуки". Этот танец можно назвать "Докторский (ооштукю) нук". Прекрасное [изображение](#) этого танца, выполненное художником, приведено на следующей странице.

"Во время песни и танца, которые поначалу не представляли собой ничего особенного, один из известных рабов (впрочем, находившийся в сравнительно независимом положении, работая матросом на пароходе "Темза") внезапно прекратил танцевать и упал на землю, очевидно, в предсмертном состоянии, а его лицо было залито кровью. Он не двигался и не

говорил, его голова упала на одну сторону, конечности были подтянуты, и он, безусловно, представлял собой жуткое зрелище. Пока вокруг упавшего человека неистово плясали, доктор вместе с другими схватил его и оттащил на другую сторону костра, вокруг которого они танцевали, поставив его голые ноги совсем рядом с пламенем.

"После этого принесли ведро воды, и доктор, поддерживая умирающего за руку, смыл кровь с его лица; люди били в барабаны, танцевали и пели, и вдруг пациент вскочил на ноги и присоединился к танцу, ничуть не уступая в безнадежном состоянии, в котором находился минуту назад. Пока все это происходило, я спросил у устроителя пира, настоящая ли кровь на лице мужчины и действительно ли он ранен. Он так серьезно сказал мне, что это так, что я сначала был склонен ему поверить, пока он не начал объяснять, что кровь, которая текла из носа и рта, была вызвана заклинаниями знахаря и что весь народ будет очень зол, если он потом не восстановит его.

"Я вспомнил, что в начале дня, перед праздником, я видел доктора и раба, которые вели очень дружеские переговоры; и первый использовал свое влияние, чтобы получить для второго пропуск на развлечение, на которое, вероятно, он не имел права приходить. Я уверен, что многие индейцы действительно поверили в эту демонстрацию силы доктора. Когда все закончилось, многие туземцы спрашивали меня, что я думаю об этом, и упоминали, будто это должно навсегда развеять все возможные сомнения в способностях их местных врачей. Индеец, который объяснил мне это и другие представления, сказал, что излечение было не полностью заслугой врача, а большого количества танцоров и певцов, которые все "напрягали свои сердца", желая выздоровления больного, и таким образом достигали желаемого эффекта".

Эта симуляция выделения крови является элементом нескольких танцев ахт. В одном из них мужчине, лишенному даже одеяла, связывают руки за спиной и водят по кругу на длинных шнурах, а зрители кричат, вопят и бьют палками по деревянным тарелкам и барабанам из медвежьей шкуры.

Вдруг вождь бросается среди людей, размахивая ножом, и, увидев связанного человека, догоняет его и, судя по всему, глубоко всаживает нож ему в спину. Кровь обильно льется из раны, а человек бешено мечется в поисках укрытия, за ним следует вождь, который снова и снова вонзает свое окровавленное оружие в его спину. Измученный ранами и потерей крови, жертва пошатывается, падает и умирает. Его друзья собираются вокруг мертвого тела и выносят его за порог дома, где оно умывается и надевает свое одеяло.

Мистер Спроат говорит об этом танце, что иллюзия абсолютно совершенна, а игра актеров настолько реалистична, что исполнители могли бы составить состояние небольшого театра в Лондоне. Красная жидкость, имитирующая кровь, представляет собой смесь красной камеди, смолы, масла и воды; это действительно тот материал, который используется для покраски внутренней части каноэ.

Еще один из этих "уголков" называется танцем тюленей. Исполнители снимают свои одеяла и, хотя на дворе зима, заходят в море и ползут по берегу, подражая движениям тюленей, которые барахтаются на земле. Таким же образом они идут до домов, в которые входят, и ползают вокруг костров, которые специально поддерживают ярким пламенем, подливая масло. Танец завершается прыжками и танцами вокруг дома, пока исполнители не устанут.

Есть один танец, который принадлежит племени сесахт, и, как ни абсурдно это может показаться, в нем есть что-то религиозное. Он присущ только этому племени и не может быть опущен. Пока люди поют и танцуют в доме, несколько исполнителей взбираются на столбы,

отодвигают несколько досок крыши, забираются на крышу и танцуют там, производя шум, подобный грому. Когда танцоры устают, они спускаются с крыши, а их место занимают другие, так что на крышу постоянно поднимаются и спускаются люди.

По окончании танца один из стариков обращается к хозяину дома с речью, в которой говорит, что он понимает, что доски крыши повреждены танцем, но в то же время церемония не может быть пропущена. Затем несколько мужчин выходят вперед, и каждый вручает хозяину дома небольшую палку в знак того, что владелец как можно скорее выкупит ее и установит новую крышу.

(1.) ТАНЕЦ АХТ.
(См. [стр. 1366.](#))

(2.) ПОСВЯЩЕНИЕ В СОБАКОЕДЫ.
(См. [стр. 1371.](#))

ГЛАВА СXLIV.

Остров Ванкувер - завершена.

АХТЫ И СОСЕДНИЕ ТРЕБОВАНИЯ - Заключительная часть.

АРХИТЕКТУРА АХТОВ - ПОЛУКОЧЕВОЙ ХАРАКТЕР НАРОДА - ПОСТОЯННЫЙ КАРКАС, И ПОДВИЖНЫЕ СТЕНЫ И КРЫША - ДЕЛЕНИЕ ДОМА - РАНГ ЖИЛЬЦОВ - ЦЕЛЬ И СПОСОБ МИГРАЦИИ - ТРУБЫ ПЛЕМЕНИ АХТ - ТРУД, ЗАТРАЧЕННЫЙ НА ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЕ - РЕЛИГИОЗНАЯ СИСТЕМА ПЛЕМЕНИ - АХТСКИЙ ПРОМЕТЕЙ - ОБЩЕСТВО "СОЮЗНИКОВ" - ЗНАХАРИ И ИХ ОБРАЗОВАНИЕ - КАННИБАЛЫ И ПОЖИРАТЕЛИ СОБАК - СЦЕНЫ ОТВРАЩЕНИЯ - ДВА КАННИБАЛА - СВЯЩЕННЫЕ ПОГРЕМУШКИ - УЖАС, ВНУШАЕМЫЙ ЗНАХАРЯМИ - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ - УВАЖЕНИЕ К КЛАДБИЩУ.

Из рассказа о танце на крыше в предыдущей главе видно, что дома строятся очень прочно, иначе они не выдержали бы сильных ударов и прыжков, составляющих главное очарование танца. Дома ахтов построены очень своеобразно: столбы и каркас неподвижны, а крыша и бока подвижны. Благодаря такому устройству люди могут переходить с места на место. В каждом из мест, куда они переселяются, они находят каркас своего дома готовым, и все, что им нужно сделать, - это перенести с собой крышу и стены. Способ миграции будет описан ниже.

Каркас дома состоит из крепких столбов диаметром около двенадцати футов и высотой около двенадцати футов, расположенных на расстоянии двадцати футов друг от друга. Верхняя часть столба выдолблена так, чтобы в нее можно было вставить поперечные детали, которые их соединяют. Длина дома составляет около восьмидесяти футов, а хребет, поддерживающий крышу, сделан из одного ствола дерева. Крыша, которая имеет двускатную форму, но плавно наклоняется от задней части дома к передней, чтобы отводить дождь, сделана из кедровых досок длиной около пяти футов и толщиной почти два дюйма. Стены сделаны из таких же досок, прикрепленных к небольшим вертикальным столбам, вбитым в землю.

Чуть ниже крыши протянулся грубый каркас, на котором жители хранят запасы еды, оружие и другие подобные предметы. Примерно в шести футах от стен возводится крепкий заслон, так что каждый дом становится своего рода крепостью. В них нет окон, а единственный дымоход образуется путем удаления одной из досок крыши над камином. Во многих из этих домов большие внутренние столбы украшены вырезанными на них лицами - резьба по лицу - искусство, в котором эти племена преуспели, как и новозеландцы. Мистер Спроат упоминает, что видел ряд таких домов, протянувшихся на треть мили вдоль берега реки, и что глубина домов варьировалась от двадцати пяти до сорока футов.

Внутри дома земля вырыта на фут или около того в глубину, чтобы придать дополнительную высоту интерьеру. Каждый дом разделен на несколько секций, в каждой из которых живет семья, отделенная от остальных жителей своего рода перегородкой высотой около четырех футов. Эти перегородки подвижны, так что по случаю большого праздника их можно убрать, и все пространство останется свободным. В центре каждого отделения находится костер, а вокруг него расставлены деревянные кушетки, расположенные на высоте около девяти дюймов от пола и покрытые целым рядом циновок для подстилки.

В каждом здании есть один главный вход и другие маленькие двери, которые всегда находятся в углу одного из помещений. Ранг различных обитателей обозначается положением, которое они занимают в доме. Например, начальник дома занимает крайний конец слева от здания, следующий по рангу живет в соответствующем месте на другом конце, а простые люди занимают пространство между двумя великими людьми.

Эти дома гораздо приятнее для глаз, чем для ноздрей. В них нет окон, и все запасы соленой рыбы и прочей провизии хранятся в них, поэтому атмосфера внутри тесная, рыбная, затхлая и резкая, причем последнее качество обусловлено древесным дымом от нескольких костров. Внешний воздух не лучше внутреннего, так как земля покрыта кучами гниющих голов, хвостов и костей рыб, разлагающихся моллюсков и всякого мусора, который просто сваливают в кучи и никогда не убирают, а ноздри туземцев не способны почувствовать раздражение от ужасного запаха, который исходит от разлагающихся куч.

Право собственности на эти дома - довольно сложный вопрос. Обычно считается, что каркас дома состоит из нескольких частей, каждая из которых называется по имени владельца, в то время как доски являются общей собственностью жителей.

Когда ахты хотят перебраться на другое место, что делается для того, чтобы в зависимости от времени года перейти на лучшие рыболовные, охотничьи и фруктовые угодья, они всегда мигрируют по воде. Они ставят два больших каноэ на расстоянии примерно пяти или шести футов друг от друга и соединяют их вместе досками крыши и стен, образуя таким образом платформу, на которой можно разместить магазины и домашнюю утварь. Мистер Спроат отмечает, что видел, как эта платформа нагромождалась на высоту четырнадцати футов,

оставляя достаточно места для пассажиров. Как только они прибывают в пункт назначения, путешественники распаковывают лодки и с помощью рабов, которые были посланы вперед наготове, закрепляют доски на уже существующем каркасе, так что за очень короткое время дом готов к приему жильцов.

У этих миграций есть один положительный эффект. Пока люди покидают свои деревни, птицы, которым помогают стихии, единственные падальщики острова Ванкувер, расчищают значительную часть куч гниющего мусора, который иначе стал бы слишком тяжелым даже для местных жителей.

В собраниях, которые проводятся в этих домах, труба, естественно, играет важную роль; и поскольку трубы, сделанные этими племенами, отличаются от тех, что есть в любой другой части мира, здесь мы дадим их краткое описание. Как по форме, так и по материалу эти трубы очень примечательны. Кажется, что они были сделаны для того, чтобы затратить как можно больше труда на изготовление как можно более неуклюжей трубы. Я видел и пробовал многие из этих трубок, и, кроме того, что они очень хорошо втягивают дым, в них нет ни одного положительного момента.

Во-первых, они вырезаны - ножка и чаша - из цельного камня, такого темного шифера. Верхний рисунок на [иллюстрации № 2](#) на странице 1357, представляющий одну из таких трубок в моей коллекции, демонстрирует самую легкую и менее громоздкую форму трубки. Хотя ее длина составляет всего восемь дюймов, она весит шесть унций, что совсем немного для трубки такого типа. Как обычно бывает с такими трубками, она украшена человеческой фигурой и человеческой головой. Фигура, очевидно, изображает человека, сидящего в каноэ. Учитывая детали одежды, кажется вероятным, что она предназначена для изображения туземца - возможно, самого резчика в европейском костюме. Черты лица имеют ярко выраженный индейский тип, а одежда - европейская. Эту трубку мне подарил лейтенант Пьюзи.

Иногда туземцы совершенно разгулялись в изготовлении трубок и тратят бесконечный труд на изготовление трубок, которые совершенно не похожи на трубки и которые невозможно курить без величайшего неудобства. На [нижних иллюстрациях](#) представлены два вида такой трубки, принадлежащей Т. В. Вуду, эсквайру, которая, очевидно, была сделана с целью проверить, сколько голов людей и птиц можно втиснуть в определенное пространство. Как читатель может заметить, весь характер этой резьбы имеет очень сильное сходство с искусством древних мексиканцев, настолько сильное, что ее можно было бы почти выдать за образец этого искусства.

Общая длина составляет немногим более восьми дюймов, но от чаши до мундштука - всего пять дюймов, остальные три дюйма - это просто избыток материала. Количество головок, которые резчик умудрился вставить в эту трубку, поистине удивительно, изобретательность сочетания и сила эффекта достойны всяческих похвал, особенно если учесть грубость исполнения. Взятая как произведение искусства, она достойна восхищения; взятая как труба, она отвратительна. Она настолько тяжела, что простое усилие держать ее утомляет, и она настолько толстая и неуклюжая, что совершенно не приспособляется к губам. А в таком холодном климате взять в руки или поднести к губам такой кусок твердого, холодного камня должно быть очень неудобно.

Религиозные представления племени ахт, как и следовало ожидать, крайне туманны, и их еще больше усугубляет сдержанность, которую дикари всегда проявляют в таких вопросах. Мистер Спроат отмечает, что он прожил два года среди ахтов, постоянно обращаясь к этой теме, прежде чем смог выяснить, верят ли эти люди в какую-то всемогущую силу или имеют

хоть какое-то представление о будущем существовании. Затем он продолжает говорить, что "путешественник должен прожить много лет среди дикарей, действительно как один из них, прежде чем его мнение об их умственном и духовном состоянии будет иметь хоть какую-то ценность". Насколько верно это утверждение, никто не знает лучше миссионеров, которые обнаруживают, что даже самые перспективные новообращенные почти так же неохотно дают информацию на подобные темы, как и во время своего языческого состояния.

Однако удалось выяснить, что ахты действительно верят в божество и будущее состояние, и что у них есть несколько легенд на эти темы. Некоторые из этих легенд повествуют о некоем Квавтеае, который создал землю и животных, но не дал им огня, который был скрыт в теле каракатицы. В те времена огонь был им необходим, потому что в их телах были спрятаны индейцы, которые впоследствии должны были стать людьми земли. В конце концов оленю удалось обнаружить огонь, и он унес часть его в суставе задней ноги. Читатель, несомненно, заметит сходство этой легенды со старым мифом о Прометее.

Насколько можно понять, этот Квавтеахт - главный из их божеств, но у них есть целый сонм второстепенных божеств, которые управляют морем, лесом и их обитателями, а также правят стихиями. Так, если туземец видит, как внезапный бриз овеивает поверхность моря, он думает, что это означает одобрение какого-то духа; а если он слышит в лесу шорох, который не может объяснить, или звук, который он не узнает, он немедленно приписывает это присутствию какого-то демона или другого существа.

Как и следовало ожидать, здесь много знахарей, которые имеют огромную власть над людьми и пользуются их безграничным доверием. Прежде чем их примут в орден "союзников", как называют себя знахари, они должны пройти через долгое и неприятное испытание. Когда их обучение почти закончено, они уходят в буш одни и остаются там на несколько дней, постясь, пока не получают духовные дары. Общество союзников поощряется вождями не из религиозных побуждений, а потому, что они обогащаются за счет него. Никто не может стать союзником, если он не обладает значительным богатством, которое он должен отдать, прежде чем его примут в общество. Акт передачи своего имущества совершается как можно более демонстративно: кандидата сопровождает большая толпа мужчин, которые кричат и шумят изо всех сил. Впереди них идет кандидат, один конец большой веревки обмотан вокруг его талии, другой конец держат пятнадцать или двадцать человек, которые делают вид, что вся их сила нужна для того, чтобы удержать его.

Капитан Мэйн рассказывает любопытный анекдот, связанный с действиями этих знахарей. Однажды вечером его позвали посмотреть на луну на пляже. Прибыв на место, он обнаружил, что люди сделали плоский диск из воска, изображающий луну, и нарисовали на нем человека - у них было поверье, которое до сих пор распространено среди неграмотных в нашей стране, о человеке, живущем на луне. Они зажгли факел и поместили его позади искусственной луны, чтобы осветить ее, и, как предполагалось, вели беседу с ее обитателем, вызывая трепет у окружающих.

Эти знахари, похоже, разделились на три партии, или секты. Одна из них ничем особенно не выделяется, но две другие постепенно возвышаются, вызывая ужас. Первая секта называется "Пожиратели собак", часть посвящения которых описана мистером Дунканом и [проиллюстрирована](#) на странице 1367.

"Рано утром ученики выходили на пляж или на скалы в обнаженном виде. Каждый занимал место перед своим племенем, и сильный холод ни в малейшей степени не мешал. После того как бедное существо некоторое время ползало по берегу, дергая головой и крича, к нему выбегала группа мужчин и, окружив его, начинала петь. Иногда собакоеды подносили

мертвую собаку к своему ученику, который тут же начинал разрывать ее в самой собачьей манере. Присутствующие при этом постоянно издавали низкий рычащий звук или вопль, который сопровождался визгом, издаваемым инструментом, который, по их мнению, является обителью духа.

"Через некоторое время обнаженный юноша снова вставал и проходил еще несколько ярдов в скрюченной позе, вытянув руки за спину и отбрасывая ниспадающие черные волосы. Все это время за ним пристально наблюдает группа людей, и когда он хочет сесть, они снова окружают его и начинают петь. Так продолжается некоторое время, с небольшими дополнениями.

"Перед тем как вундеркинд окончательно удаляется, он забегает в каждый дом, принадлежащий его племени, и за ним следует его поезд. После этого в некоторых случаях он совершает прогулку по верхушкам тех же домов, во время которой за ним с тревогой наблюдают его сопровождающие, как будто ожидая его бегства. В конце концов он спускается вниз, и они следуют за ним в его логово, которое обозначается веревкой из красной коры, повешенной над дверью, чтобы никто по незнанию не нарушил его пределов. В этот дом не пускают никого, кроме тех, кто связан с этим искусством: все, что я знаю об их дальнейших действиях, это то, что они неистово стучат молотком, поют и визжат в течение нескольких часов в течение дня.

Даже такой способ инициации не может быть очень приятным, поскольку включает в себя пожирание сырой собачьей плоти; но он не идет ни в какое сравнение с инициацией самой могущественной и страшной из трех сект, а именно каннибалов. Мистер Дункан также был свидетелем части инициации союзника-каннибала.

Для того чтобы оказать помощь в проведении церемонии, вождь приказал убить одну из своих рабынь, старую женщину, и бросить ее тело в море. Как только это было сделано, все непосвященное население покинуло свои дома и разбилось на группы в отдалении от рокового места, опасаясь, что и они станут жертвами, для чего были очень веские основания. Вскоре к ним, издавая самые отвратительные звуки, подбежали две группы союзников, во главе каждой из которых стоял кандидат в члены.

Оба кандидата шли длинным крадущимся шагом, размахивая руками и покачивая головой вперед-назад, так что их длинные волосы развевались на ветру. Некоторое время они делали вид, что ищут тело, и наконец, обнаружив его, одновременно бросились к нему. Через мгновение они оказались в тесном окружении своих групп, но еще через несколько минут толпа расступилась, и из нее вышли двое мужчин, каждый из которых нес половину тела убитой женщины, которую они фактически разорвали на две части только руками и зубами. Они начали пожирать тело, когда зрители не смогли больше выносить это зрелище и покинули место.

Эти знахари-каннибалы наводят ужас на всю страну. Ценой таких отвратительных действий, которых мы лишь слегка коснулись, они приобретают такое полное влияние на народ, что могут делать все, что им заблагорассудится, и никто не смеет им противоречить. Иногда на празднике с одним из них случается приступ вдохновения, и он носится среди людей, кусая, как бешеная собака, каждого встречного. В таких случаях считается очень мужественным и похвальным со стороны гостей приветствовать, а не отражать его нападения, и предлагать ему свои руки или плечи для укусов. Союзный каннибал в ответ на приглашение откусывает и проглатывает кусок плоти, а тот, кто предлагает его, считает себя в чести пропорционально размеру откушенного куска. Рана, нанесенная таким образом, не только причиняет

мучительную боль, но и опасна: многие мужчины погибли от ее последствий. И все же они готовы терпеть и боль, и опасность ради той чести, которую им оказывают.

У обывателей есть веские причины уходить с дороги, когда один из этих каннибалов решает совершить экскурсию в поисках человеческого тела. Если такового не окажется, союзники-каннибалы, сопровождающие своих спутников, сочтут себя обязанными предоставить труп для его поедания, схватят и убьют первого встречного. Поэтому, когда вдали раздаются ужасные песни каннибалов, все население деревни покидает свои дома, садится в каноэ и остается на расстоянии от берега, пока опасность не минует.

Эти знахари считаются всесильными в лечении больных, и к ним всегда обращаются, если кто-то заболел. Они почти всегда говорят, что болезнь местная, и что она вызвана каким-то предметом, который они могут извлечь с помощью своих заклинаний. В своих церемониях они часто используют погремушки, материал которых не имеет особого значения, если только они могут издавать шум. Например, излюбленной формой является полый деревянный футляр, вырезанный в виде птицы или лягушки и содержащий несколько камней. Некоторые погремушки, однако, сделаны по совершенно иным принципам и напоминают гвианскую погремушку из панциря жука, [изображенную](#) на странице 1265. Капитан Мэйн видел одну из них, сделанную из трех-четырёх дюжин клювов иглобрюхов, нанизанных друг на друга.

На пораженной части часто делаются надрезы, или врач использует собственно прижигание с помощью моксы, сделанной из куска высушенного льна. Эти средства часто действительно снимают боль, и в этом случае пациент и его друзья преподносят врачу щедрые подарки, которые, однако, он обязан вернуть, если наступит рецидив и пациент умрет. Они даже говорят, что, когда они сильно возбуждены своими заклинаниями, они могут видеть душу пациента, которая, по их словам, имеет форму мухи с длинным изогнутым хоботком. Один человек, выздоровевший от опасной болезни, сказал, что видел свою собственную душу, которую знахарь поймал, когда она вылетала из тела, и вернул обратно.

Шум, который издают знахари во время своих заклинаний, почти неопишуем. Мистер Спроат описывает их вой как совершенно демонический и говорит, что ни один дикий зверь не может издавать звуки, способные поразить сердце внезапным ужасом. Даже он сам, будучи белым человеком и находясь в полной безопасности, часто вздрагивал от диких воплей таинственных людей. В самом деле, их цель - поддерживать тот ужас, в котором они пребывают, а для этого они должны постоянно что-то делать, чтобы оставаться на виду у людей.

Иногда они собираются вместе на окраине деревни, поднимают яростный вой, а затем, как стая волков, мчатся по деревне, людоеды и собакоеды, разрывая зубами на куски все трупы и собак, которые им попадаются. Иногда один человек покидает деревню и зарывается в лесу, откуда внезапно появляется, совершенно голый, превратившийся в скелет от долгого поста, с телом и конечностями, покрытыми ранами, нанесенными им самим во время безумного насилия, и с пеной, летящей с губ, в то время как он произносит дикие вопли и яростно бьет в свой барабан или трясет своей волшебной погремушкой. Как и во всей Африке, женщины, как и мужчины, могут вступить в этот священный орден и оказывать на людей такое же сильное влияние, как и их коллеги-мужчины.

Иногда мужчина вскакивает ночью в ужасе и кричит, что видит духа. Все в доме сразу же приходят в движение. Женщины начинают петь, а провидец рвет на куски свое одеяло, выхватывает перья из подушки, съедает некоторые из них, а остальные разбрасывает над головой. Затем ближайший родственник делает надрезы на ногах и руках, набирает кровь в

блюдо и разбрасывает ее над тем местом, где должен находиться дух. Если дух не поддается этому изгнанию, очевидно, что он хочет получить собственность. Тогда друзья прорицателя бросают в огонь его имущество: одежду, циновки и даже ящики, в которых они хранились, - все это идет на удовлетворение требований духа, который не уйдет, пока не уничтожит все имущество.

Способы избавления от мертвых чрезвычайно различаются в разных племенах, и даже в одном племени они не всегда одинаковы. Тела рабов и ничего не значащих людей просто доставляют на место погребения, которое обычно представляет собой небольшой островок, заворачивают в циновки и просто кладут на землю, присыпая палками и камнями. Тела вождей и знатных девушек кладут в ящики и водружают на ветви деревьев, где они и остаются. Ранг человека определяется высотой, на которую поднимают тело: тело великого вождя или его дочери находится почти на вершине дерева, а тело низшего вождя - на одной из самых нижних веток.

На гроб набрасывают одеяла и циновки, а подобные предметы развешивают на ветвях соседних деревьев. Их всегда разрывают на полосы, отчасти в знак траура, а отчасти для того, чтобы их не украли. Вместе с покойником оставляют все имущество, которое он не успел раздать перед смертью, за исключением лучшего каноэ, доли крыши и досок, оружия и рабов, которые по праву принадлежат старшему сыну. В некоторых случаях даже его дом сжигают, а в других выкапывают столбы и переносят весь дом на другое место.

Рядом с телами вождей ставят большие деревянные изображения, призванные олицетворять умершего. Одно из них, которое видел мистер Спроат, держало в руке череп, который оно мрачно созерцало; другое, изображавшее покойного оратора, держало руку вытянутой, как при разговоре; а третье было изображено как бы схватившим волка. Родственники часто посещают места их захоронения. Они приходят в темное время суток, разжигают большой костер, подливают в него масло и другие горючие материалы, а через определенные промежутки времени громко причитают.

К чести этих племен можно сказать, что они никогда не тревожат мощи усопших, даже если те занимают место захоронения враждебного племени. Вследствие такого способа захоронения ничто не может иметь более тоскливый и унылый вид, чем остров, который был выбран в качестве места погребения. На ветвях деревьев лежат заплесневелые тела мертвецов, а на сучьях развеваются оборванные остатки их одежды. Не лучше обстоит дело и на земле: ее занимают истлевшие доски, сломанные ящики, разбитые каноэ, сгнившие весла и другие эмблемы разложения.

Если умерший вождь был очень важным человеком, его эмблему или герб либо рисуют, либо вырезают. В первом случае его рисуют на гробе, а во втором - обычно помещают на столб или дерево рядом с телом. По словам мистера Дункана, если на гербе изображен орел или ворон, его вырезают как бы в полете и прикрепляют к краю гроба с расправленными крыльями, как бы олицетворяя бегство и стремление духа умершего вождя.

ГЛАВА CXLV.

АЛЯСКА.

МАЛЕМУТЫ-ИНГЕЛЕТЫ-КО-ЮКОНЫ.

БОЛЬШОЙ РОСТ - ТО-ТУК - УКРАШЕНИЯ - БАЙДАРРЫ - ПОДЗЕМНЫЕ ДОМА - ТАНЕЦ
МАЛЕМУТОВ - ВОЖДЬ АЛЕУЯНУК - ИНГЕЛЕТЫ - ДОМА - ЧЕСТНОСТЬ - КО-ЮКОНЫ - ОДЕЖДА -
ТРАУР ПО УМЕРШИМ - ПОМИНКИ - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ - ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН -
ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДЕТАМ - ОБЩНОСТЬ ТОВАРОВ - ХАРАКТЕР.

Поскольку правительство Соединенных Штатов недавно приобрело территорию Аляски, ценность этой работы для американской публики возрастет, если в нее будет включен рассказ о нецивилизованных племенах, которые являются ее наиболее многочисленными обитателями.

В устье реки Уналачлит находится самое северное поселение на побережье - русский торговый пост. К северо-западу от этого поста мистер Уимпер обнаружил большую деревню индейцев малемутов и кавеаков. Они похожи на эскимосов, но отличаются высоким ростом и крепким телосложением. Нередко среди них встречаются мужчины ростом в шесть футов, а некоторые даже выше этого. Мужчины бреют макушку головы и очень любят украшение под названием "то-ток". Оно сделано из кусочков кости, пропущенных через отверстия по обеим сторонам лица чуть ниже рта. Украшениями женщин, крепких и добродушных, являются татуировка на подбородке, бусы, свисающие с волос, а также свинцовые или железные браслеты. Представители обоих полов носят одежду из кожи. Плащ почти всегда имеет капюшон, который, как правило, из волчьей шкуры. Мужчины и женщины носят панталоны из тюленьей или оленьей шкуры, причем у женщин носки прикреплены и цельные. Байдарры" этих туземцев, похожие на каяк эскимосов, сделаны великолепно. Каркасы легкие и прочные, кожаное покрытие сшито сухожилием, а швы сделаны водонепроницаемыми за счет втирания в них жира.

Их дома обычно находятся под землей и имеют туннель, по которому нужно проползти, чтобы попасть в них. Отверстие в крыше, которое находится чуть выше поверхности земли, выпускает дым. Когда нет огня, это отверстие плотно закрывается шкурой.

Мистер Уимпер приводит следующий рассказ о танцах, на которые он был приглашен вместе со своей компанией

"Подойдя к дверному проему, мы обнаружили подземный ход высотой в два с половиной фута, проползя по которому, мы, наконец, попали в комнату, тускло освещенную лампами из ворвани. Индейцы, которые должны были участвовать в танце, в основном молодые мужчины, были обнажены до пояса и одеты в панталоны из тюленьей, оленьей или хлопчатобумажной кожи, с хвостами волков или собак, висящими сзади, и перьями вокруг головы. Старейшины сидели на скамьях или полках, опоясывающих все здание, и одобрительно смотрели на происходящее, а сами, подобно чукчам, глотали свой дым и частично опьянялись. Женщины приносили ягоды и рыбу в больших "контогах", или деревянных чашах.

Представление начиналось с того, что актеры выстраивались в квадрат и поднимали эти блюда с провизией последовательно к четырем кардинальным точкам, а один раз - к небу, с внезапным шумом, похожим на "свист!" или полет ракеты.

"Затем наступал черед пиршества, а после него начинался монотонный хор под аккомпанемент гонгов. Слова песни начинались так: "Юнг-и-я, я-я, я-я!" и продолжались до

конца: "Юнг-и-я!". Затем на пол выскочил мальчик, к нему присоединился второй, потом третий, пока не образовался круг из двадцати человек. То их яростно притягивало друг к другу, то отталкивало; то они ужасались поведению друг друга и поднимали руки в предостерегающих жестах, то снова становились друзьями и пантомимой изображали свое счастье. В этом представлении руками и телами было сделано почти столько же, сколько и ногами. Когда наступало затишье в развлечениях, всем приглашенным незнакомцам дарили небольшие подарки".

Малемуты и кавеаки, хотя и смешиваются между собой и имеют схожие привычки, манеры и обычаи, все же говорят на разных диалектах и населяют разные части территории. Они считаются выше других индейских племен этого региона. Вождь малемутов "Алеуяну", которого видел мистер Уимпер, "был прекрасным стариком, подтянутым и воинственным, и, нося усы и империял, его манеры не посрамили бы цивилизованное собрание".

ИНГЕЛЕТЫ.

Ингелеты говорят на диалекте, совершенно отличном от малемутов, - почти родственном ко-юконскому. Это крепкая, благородная раса, добродушная и обладающая значительным интеллектом.

Многоженство, хотя и разрешено, но не очень распространено, а брак - это постоянная связь, за исключением отдельных случаев, когда жена бесплодна или у нее слишком много дочерей. Дети женского пола ценятся не так высоко, как сыновья, поэтому в таких случаях жену иногда увольняют. Живут они в подземных домах, подобных описанным, и в мягкую и сырую погоду проход представляет собой не что иное, как сточную канаву. Вход в дом закрыт шкурой, а смесь запахов, исходящих от несвежей рыбы и мяса, старых шкур, собак, грязи и дыма, тошнотворна и невыносима для любого, кроме индейца. Мистер Уимпер свидетельствует о добром нраве детей и честности людей. "В их деревнях наши товары лежали без охраны в наше отсутствие, и я не могу припомнить ни одного случая доказанной нечестности среди них, хотя мы обнаружили, что они становятся все более жадными в своих требованиях оплаты".

КО-ЮКОНЫ.

Ко-юконы - внутреннее племя, самое многочисленное на Юконе, великой северной реке, длина которой составляет 2000 миль, а судоходность - 1000 миль. Их можно встретить на берегах Ко-юкука и других внутренних рек. Эти индейцы похожи на уже упоминавшихся ингелетов, но имеют более свирепое выражение лица. Их одежда представляет собой двуххвостый плащ, один хвост впереди, другой сзади, и этот стиль, с некоторыми изменениями, преобладает на протяжении тысячи миль по Юкону.

Платье женщин имеет более квадратный покрой, а на носу они носят украшение из раковин хиа-ква, которое проходит через отверстие, сделанное в хряще между ноздрями. Примечательно, что выше по реке это украшение носят только мужчины.

Среди этих племен период траура по умершим составляет один год, и в течение этого времени женщины часто собираются вместе, чтобы поговорить и поплакать над умершим. В конце года они устраивают праздник или "поминки", которые обычно представляют собой причудливую смесь веселья и скорби. Одну из таких сцен в честь смерти ребенка наблюдал мистер Уимпер в Нулато. "Бедная старая мать и несколько ее друзей горько плакали, а гости весело танцевали вокруг расписного шеста, на котором висели нитки бус и несколько великолепных волчьих шкур. Они продолжали петь и танцевать до самого утра, и один маленький дикарь, который несколько часов кричал во всю мощь своих легких, на следующий день встал без голоса - случай праведного возмездия. Украшения столба были разделены между теми, кто принимал участие в "поминках"".

Их способ избавления от мертвых - не погребение, а заключение в продолговатые ящики, возвышающиеся на столбах. Они иногда украшаются полосками кожи, а вещи покойного, такие как каноэ, весла и т.д., кладутся на верхнюю часть ящика. Более мелкие предметы помещаются внутрь ящика. Такой гроб с четырьмя столбами - обычай и у уже описанных племен побережья. Женщины весьма привлекательны внешне, ласковы с детьми и особенно любят своих первенцев. Они добродушны и игривы, с детским энтузиазмом бросают снежки и катают друг друга по снегу, скатываются с горки на санках или снегоступах.

Есть и другие племена, названия которых достаточно упомянуть: котч-а-кутчины (или жители низин), ау-кутчины, татаучок-кутчины, индейцы Березовой реки и Крысиной реки. Индейцы занана (или люди с холмов), по мнению мистера Уимпера, являются самыми неискушенными из всех современных индейских племен. Те, кого он видел, "были с раскрашенными лицами, перьями в длинных волосах, заплатками из красной глины на затылке, покрытыми маленькими пушистыми перьями, в двухвостых пальто и панталонах из пряжи, украшенных бахромой и бисером, с искусно сделанными мешочками и поясами для огня". Многие из них, как и в других индейских племенах, носят через нос раковину хиа-ква в качестве украшения. Женщины верхних племен носят меньше украшений, чем мужчины, и вынуждены заниматься более тяжелым трудом, чем женщины нижнего Юкона и побережья Аляски.

Среди береговых племен, особенно на Юконе, в некоторой степени существует товарное сообщество: трудолюбивый охотник снабжает деревенскую толпу. Этот обычай настолько распространен, что охотник не получает похвалы за свою службу. Некоторые вожди поддерживают свое положение за счет частых раздач своего имущества и дичи, которую они, будучи хорошими охотниками, смогли добыть. Эти вожди часто хуже всех одеты и хуже всех питаются в племени". Такая щедрость ожидается как нечто само собой разумеющееся. Ни один мужчина, женщина или ребенок среди них не остается без еды, жилья или одежды, если в поселении есть пища, жилище или огонь".

Среди племен Аляски существует система рабства, которую вряд ли можно превзойти по варварству. Все они покупают и продают рабов. Родители продают своих детей за три-четыре одеяла или несколько долларов и не испытывают никаких угрызений совести по поводу того, как они могут быть использованы в будущем". Когда одно племя вступает в войну с другим, всех пленных, захваченных любым из племен, зовут и используют как рабов. Когда умирает вождь или кто-то из его семьи, по обычаю убивают одного или нескольких таких рабов, чтобы у вождя или его покойного родственника был слуга на том свете, который будет его обслуживать. В 1868 году умер старый вождь племени ситка, и за несколько дней до его смерти, когда его родственники убедились, что жить ему осталось недолго, они выбрали в качестве жертвы молодого, здорового, симпатичного воина, которого племя ситка взяло в плен во время войны с одним из племен, обитавших вблизи острова Королевы Шарлотты. Раб пробыл на привязи два дня, когда умер старый вождь, и каким-то образом некоторые из его

друзей узнали о его состоянии и немедленно сообщили генералу Дэвису, что индейский раб может быть убит в любой момент. К генералу Дэвису привели одного из вождей, и после долгого разговора о глупости таких жертвоприношений он согласился отпустить раба на свободу; а чтобы они не попытались осуществить свою первоначальную идею убить его, генерал разрешил индейцу остаться в городе, где он будет под защитой.

"Недавно один из вождей упорно пытался заполучить полукровку по имени Эванофф, чтобы принести его в жертву. В течение двух предшествующих недель этот вождь каждый день приходил к генералу Дэвису, заявляя, что у него есть раб в городе, и спрашивая, не может ли он доставить его в Индиантаун. Генерал, полагая, что вождю нужен один из его индейцев, велел ему пойти и достать его, но только в тот день, о котором идет речь, была предпринята попытка достать этого человека. Похоже, что мать Эваноффа была индианкой, а отец - русским, и когда ему было всего три года, женщина по имени Бенгеман усыновила и воспитала его. У вождя, претендовавшего на него, родился ребенок, который должен был умереть, и впоследствии умер. Не имея ни одного раба, кроме своего Эванова, он решил принести его в жертву, чтобы тот стал слугой его ребенка в мире духов. Когда генерал увидел, кого требует вождь, он несколькими меткими словами научил его и нескольких его воинов большему о цивилизации, чем они знали до этого. Он спросил вождя, что ему нужно от этого человека. Указав на Эваноффа, индеец сказал, что его ребенок болен и он нужен ему только на три часа, а потом он отпустит его на свободу. Генерал сказал ему, что лучшее, что он может сделать, - это считать Эваноффа уже свободным человеком, и предупредил индейца, что если в будущем он еще раз попытается побеспокоить Эваноффа, то он посадит его в караульное помещение и будет держать там. Индеец ушел довольный и заявил, что впредь будет хорошим индейцем.

"Рабов умерщвляют следующим образом. Как только умирает вождь, раба заставляют обмывать тело трупа; затем его вынимают, кладут на спину и держат в таком положении, когда ему поперек горла кладут деревянную палку, на каждый конец которой садятся два индейца и таким образом душат его до смерти. Затем его тело помещают в большую кучу дров и сжигают дотла. После смерти большого вождя принято предавать смерти двух или более рабов. Все рабы, захваченные на войне, должны служить слугами у вождей, которым они принадлежат" (*Sitka Times* от 27 ноября 1869 г.).

Индейское население всей территории Аляски оценивается примерно в 30 000 человек. Они мирные и довольно способные, быстро учатся и демонстрируют значительное мастерство в обращении с утварью и оружием.

ГЛАВА CXLVI.

СИБИРЬ.

ЧУКЧИ-ЯКУТЫ-ТУНГУСЫ.

РОДИНА ЧУКЧЕЙ - НЕЗАВИСИМОСТЬ - РАЙОН РУССКИХ - КАРАВАНЫ - ОПЬЯНЕНИЕ ТАБАКОМ - ЯРМАРКА ОСТРОУХОГО - СЕРЬЕЗНОСТЬ ЧУКЧЕЙ - ИХ ПАЛАТКА - МАДАМ ЛЮТТ - ГОСТЕПРИИМСТВО - ШАМАНИЗМ - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - МНОГОЖЕНСТВО - УБИЙСТВО СТАРИКОВ - ЯКУТЫ - ИХ ВЫНОСЛИВОСТЬ - ЗАПОВЕДНИК - СУЕВЕРИЯ - ТУНГУСЫ - РАЗНЫЕ ПЛЕМЕНА - КАННИБАЛИЗМ - УКРАШЕНИЯ - ХРАБРОСТЬ -

ДИЕТА - ШАМАНИЗМ - ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕРТВЫХ - НОЧНОЙ ПРИВАЛ С ТУНГУСАМИ В ЛЕСУ - СПОРТ - ЯРМАРКИ.

Пересекая пролив Беринга в Азию, мы находим в Северной Сибири несколько народов, состояние и характер которых позволяют рассматривать их в рамках данной работы.

Родина чукчей находится на крайнем северо-востоке Азии, ограниченная с одной стороны Полярным океаном, а с другой - морем Беринга. По словам немногих путешественников, побывавших здесь, это один из самых мрачных регионов Земли. Лето здесь наступает не раньше 20 июля, а зима начинается примерно в 20-х числах августа. Морские побережья изобилуют тюленями, морскими львами и моржами, а во внутренних районах обитают волк, северный олень и песец. В этом холодном, пустынном регионе обитает единственная аборигенная раса Северной Азии, которая противостоит всем попыткам российского правительства отнять у нее независимость. Доктор Хартвиг в своем очерке об этом племени пишет: "Правители Сибири ограничили их в более узких пределах, но они не подчиняются никаким чужеземным вождям и беспрепятственно бродят со своими многочисленными оленьими стадами по голым тундрам".

Природное недоверие к своим могущественным соседям долгое время не позволяло им вступать в торговые сношения с русскими и встречаться с ними на ярмарке в Островом, небольшом городке, расположенном недалеко от их границ, на маленьком острове Анинь, на 68° северной широты.

С Восточного мыса Азии, где, пересекая Берингов пролив на лодках, покрытых шкурами, они обменивают меха и моржовые зубы с туземцами Америки, чукчи приходят со своими товарами и палатками, запряженными в сани, на ярмарку в Остроуное. Один такой караван обычно состоит из пятидесяти-шестидесяти семей, и едва заканчивается одна ярмарка, как они отправляются договариваться о следующей.

Табак является *основным предметом* торговли, которая сосредоточена в Остроуное. Их трубки имеют своеобразный характер, они больше в ножке, чем в чаше, которая вмещает очень небольшое количество табака. При курении они глотают табачный дым и часто после шести-восьми затяжек отваливаются назад, полностью опьянев на это время.

Но Остроухое привлекает не только чукчей и русских; множество сибирских племен, с обширного расстояния в 1000 или 1500 верст, - джукахири, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки, - также съезжаются на своих санях, запряженных частью собаками, частью лошадьми, для обмена своих товаров на товары чукчей. Представьте себе это варварское сборище, собирающееся каждый год в сильные холода и короткие дни начала марта. Представьте себе фантастическую иллюминацию их красных сторожевых костров, пылающих под звездным небом, или смешение их румяных бликов с авророй, мерцающей в небе, добавьте к этому странному зрелищу полый звук шаманского барабана и вой нескольких сотен голодных собак, и вы, несомненно, признаете, что ни одна ярмарка не имеет более оригинального характера, чем Остроухое.

Невозмутимая серьезность чукчей составляет удивительный контраст с жадным рвением русского торговца. Хотя у чукчей нет с собой весов, их нелегко обмануть при взвешивании, так как они точно знают по ощущению руки, есть ли четверть фунта до фунта. Вся ярмарка редко длится дольше трех дней, и Остроухое, в котором, должно быть, очень мало постоянных жителей (ведь оно даже не упоминается в статистических отчетах, где приводятся города с населением в семнадцать душ), вскоре после этого на долгие месяцы покидается в своем ультрасибирском одиночестве.

Но прежде чем мы позволим чукчам удалиться в свои пустыни, мы можем узнать кое-что еще об их привычках, отправившись вместе со спутником г-на Матиушкина Врангелем в гости к дамам одного из их первых вождей. Мы входим во внешнюю палатку, или "вамет", состоящую из дубленых оленьих шкур, закрепленных на тонком каркасе. Отверстие вверху для выхода дыма и чайник в центре говорят о том, что прихожая и кухня здесь гармонично слиты воедино. Но где же обитатели? Скорее всего, в большом мешке из тончайших шкур оленьих телят, который занимает, рядом с чайником, центр "вамета". Чтобы проникнуть в это *святилище* чукчей, нужно приподнять неплотно прилегающую заслонку, служащую дверью, проползти на четвереньках через отверстие, осторожно закрепить заслонку, подоткнув ее под шкуру на полу, и оказаться в приемной или отхожем месте - "полог". Уютная коробка, несомненно, для холодного климата, но довольно низкая, так как мы не можем стоять в ней прямо, и не совсем хорошо проветриваемая, как одобрил бы санитарный комиссар, так как в ней нет практически никаких отверстий для света или воздуха. При входе нас встречает удушливый дым. Мы протираем глаза и, когда они, наконец, привыкают к едкой атмосфере, видим при мрачном свете железнодорожной масляной лампы достойное семейство, сидящее на полу на корточках в состоянии почти полной наготы. Ничуть не смущаясь, мадам Лютт и ее дочь принимают нас в своем примитивном наряде. Но, чтобы показать нам, что чукчи умеют принимать гостей и оказывать им честь, они тут же вдевают в свои жирные волосы нитки стеклянных бус. Их гостеприимство равно их вежливости; вместо холодного приема вскоре перед нами дымится горячее блюдо из вареной оленьей плоти, обильно политое прогорклым железнодорожным маслом, приготовленное опытной рукой хозяйки дома. К сожалению, наш слабохарактерный вкус не соответствует *высоким требованиям* ее кулинарного искусства, и хотя мистер Лютт отдает должное художественному таланту своей супруги, быстро нанизывая на болты куски размером с кулак, мы едва успеваем проглотить ни кусочка".

Хотя большинство оленей или кочевников-чукчи приняли крещение, Врангелл считает, что эта церемония была простой финансовой спекуляцией с их стороны, и убежден, что власть шаманов все еще так же велика, как и прежде. Эпидемия унесла огромное количество людей, а также целые стада оленей. Тщетно шаманы прибегали к своим обычным заклинаниям. Чума продолжалась. Посовещавшись, они решили принести в жертву одного из своих самых уважаемых вождей по имени Котчен, чтобы успокоить раздраженных духов. Кочен был готов подчиниться приговору, но не нашлось никого, кто мог бы привести его в исполнение, пока его собственный сын, убежденный увещеваниями отца и напуганный его угрозой проклятия, не вонзил нож в его сердце и не отдал его тело шаманам.

Среди чукчей распространена полигамия, и они меняют своих жен так часто, как им заблагорассудится. Тем не менее, хотя женщины, безусловно, являются рабынями, им позволено большее влияние, и они подвергаются меньшему труду, чем многие дикари. Среди других языческих и отвратительных обычаев - убийство всех уродливых детей и всех стариков, как только они становятся непригодными для тягот и изнурительной кочевой жизни. Они не прибегают к излишней жестокости, но одурманивают престарелую жертву, засовывая в ноздри какое-то вещество, прежде чем вскрыть вену. За два года до прибытия Врангеля на Колыму такой случай произошел с одним из богатейших вождей. Отец Валетки стал немощным и усталым от жизни, и по его собственному желанию некоторые из его ближайших родственников предали его смерти.

Численность чукчей больше, чем можно было бы ожидать в столь бесплодной стране. По данным русских миссионеров, несколько лет назад здесь было 52 улуса или деревни онкилонов (или неподвижных чукчей) с 1 568 палатками и 10 000 жителей, а Врангель говорит

нам, что тенныгков (или оленных чукчей) по крайней мере вдвое больше, так что все население земли чукчей, возможно, составляет 30 000 человек.

ЯКУТЫ.

Якуты - самая энергичная из этих рас, достигшая более высокого уровня цивилизации, чем другие расы в тех же широтах, за исключением Исландии, Финляндии и Норвегии. Это пастушеский народ, гостеприимный, обладающий значительными механическими навыками и настолько проникательный и хитрый, что ни один русский не может с ним соперничать.

"Даже в Сибири, - говорит Врангель, - их называют "железными людьми". Часто я видел их спящими при температуре 4° под открытым небом и с толстой ледяной коркой, покрывающей их почти незащищенные тела".

Несмотря на свою замкнутость и необщительность, они добры к незнакомцам, нуждающимся в помощи. Они являются универсальными перевозчиками к востоку от Лены. Прощаясь с холодом и бурей, не боясь ни мрака леса, ни опасностей ледяного потока, они все же не освободились от старой веры в шаманизм - страх перед злыми духами. Их насчитывается около 200 000 человек, и они составляют основную часть населения обширной и мрачной Якутской губернии.

ТУНГУСЫ.

Распространившись по Восточной Сибири и уведя за собой якутов, джукахири, чукчи и другие аборигенные племена, эта раса была завоевана русскими, и сейчас они так же невежественны и нецивилизованны, как и двести пятьдесят лет назад. Доктор Хартвиг, получая информацию от Врангеля, исследователя Арктики, так описывает черты этого народа

"В соответствии с их занятиями и различными домашними животными, которых они используют, их называют оленями, лошадьми, собаками, лесными и речными тунгусами; Но, хотя они встречаются от бассейнов Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западного берега Охотского моря и от китайских границ и Байкала до Полярного океана, их общее число не превышает 30 000, и уменьшается из года в год, вследствие опустошительной оспы и других эпидемических заболеваний, передающихся им от русских. Лишь немногие держат лошадей и крупный рогатый скот; олени, как правило, являются их домашним животным; и обедневший тунгус, лишившийся своего стада из-за какой-нибудь заразной болезни или из-за нападения волков, живет как рыбак на берегу реки, которому помогает его собака, или уходит в леса как промысловик или охотник".

О страданиях, которые здесь его подстерегают, Врангель рассказывает меланхоличный случай. В одинокой хижине, в одной из самых унылых пустынь, какие только можно себе представить, он нашел тунгуса и его дочь. Пока отец, обутом в длинные снегоступы,

несколько дней подряд преследовал оленя, эта несчастная девочка оставалась одна и беспомощная в хижине, которая даже летом служила лишь несовершенным укрытием от дождя и ветра, подвергалась холоду, часто голодала и не имела ни малейшего занятия. Неудивительно, что обедневшие тунгусы нередко опускаются до каннибализма. Ни олени, ни собаки, ни жены и дети их более удачливых соплеменников не защищены от нападений и прожорливости этих изгоев, которые, в свою очередь, обращаются с ними, как с дикими зверями, и уничтожают без пощады. С ними, однако, ведется бартерная торговля, но только на расстоянии и с помощью знаков; каждая сторона сдает свои товары на хранение и с подозрением следит за каждым движением другой.

Русское правительство, желая облегчить страдания обедневших кочевников, отдало распоряжение поселить их по берегам рек и снабдить необходимыми орудиями лова; но только крайняя нищета может побудить тунгусов отказаться от свободной жизни в лесу. Его беспечный нрав, быстрый ум и веселые манеры отличают его от других сибирских племен - мрачного самоеда, неотесанного остяка, сдержанного якута, - но, говорят, он полон коварства и злобы. Его тщеславие проявляется в количестве стеклянных бус, которыми он украшает свою одежду из оленьей кожи, от маленькой татарской шапочки до кончиков ботинок. Когда он гонится за оленями или едет на них по лесу, он, конечно, отбрасывает все свои украшения и надевает большие непромокаемые сапоги или сари, хорошо смазанные жиром, чтобы не промокать в болоте. Его охотничий инвентарь предельно прост. Небольшой топор, котелок, кожаный мешок с сушеной рыбой, собака, короткое ружье или просто лук и праща - вот и все, что требуется ему для походов в лес. С помощью длинных и узких снегоступов он перелетает ослепительные равнины, защищая глаза, как и джакуты, сеткой из черного конского волоса. Он никогда не решается напасть на медведя в одиночку и, как правило, побеждает его. Кочевнику Тунгузе, естественно, необходимо передвижное жилище. Его палатка покрыта кожей или большими кусками податливой коры, которые легко сворачиваются и переносятся с места на место. Палатка оседлого тунгуса похожа на палатку джакутов, она настолько мала, что ее можно быстро и тщательно согреть огнем, разведенным на каменном очаге в центре. В еде тунгусы отнюдь не привередливы. Одно из его любимых блюд состоит из содержимого желудка оленя, смешанного с лесными ягодами и разложенного тонкими лепешками на коре деревьев, чтобы потом высушить на воздухе или на солнце. Те, кто поселился на Вилюе и в окрестностях Нерчинска, также употребляют большое количество кирпичного чая, который они варят с жиром и ягодами в густую кашу, и эта нездоровая пища, несомненно, усиливает желтизну их лица.

Но лишь немногие из тунгусов приняли христианство, большинство по-прежнему придерживается шаманизма. Они не любят хоронить своих мертвых, а кладут их в праздничных нарядах в большие сундуки, которые подвешивают между двумя деревьями. Под сундуком хоронят охотничий инвентарь покойного. Никаких церемоний по этому случаю не проводится, за исключением тех случаев, когда поблизости оказывается шаман, тогда в жертву приносят оленя, плотью которого угощается колдун и его родственники, а духи, которым, как предполагается, приносят животное в жертву, вынуждены довольствоваться запахом горелого жира. Как и у самодийцев или остийцев, у тунгусов женщина является ходовым товаром. Отец отдает свою дочь замуж за двадцать или сто оленей, или жених обязан заслужить ее руку длительной службой.

В Восточной Сибири тунгусы делят с якутами задачу по перевозке грузов или путешественников через леса и предоставляют чужеземцам частую возможность полюбоваться их ловкостью и хорошим настроением. Остановившись после дневного пути,

олени в мгновение ока распаковываются, седла и вещи аккуратно раскладываются на земле, а собранные уздечки развешиваются на ветвях деревьев.

Удобно устроившись в оленьем седле, путешественник может развлечься танцами, которые тунгусы сопровождают приятной песней, или, если он решит понаблюдать за их ловкостью в атлетических упражнениях, ему достаточно будет сказать слово поддержки и пожертвовать небольшое количество бренди. Двое тунгусов держат веревку и изо всех сил раскачивают ее так, что она не касается земли. Тем временем третий тунгус перепрыгивает через веревку, берет лук и стрелу, расправляет лук и выпускает стрелу, ни разу не коснувшись веревки. Некоторые особо смелые и опытные тунгусы танцуют над мечом, которым человек, лежащий на спине на земле, размахивает с величайшей быстротой. Если наш путешественник дружит с шахматами, тунгусы будут к его услугам, так как они страстно любят эту благороднейшую из игр, особенно в Колымском районе.

Как и все другие сибирские кочевники, они посещают, по крайней мере раз в год, различные ярмарки, которые проводятся в небольших городах, разбросанных тут и там по их огромной территории, таких как Киренск, Олекминск, Баргузин и Охотск, который, до открытия Амура для торговли, был главным портом Восточной Сибири.

ГЛАВА CXLVII.

СИБИРЬ - Заключительная. САМОДИЙЦЫ И ОСТЯКИ.

ИХ ВАРВАРСТВО - НУМ, ИЛИ ДЖИЛИБЕАМБАЕРТЬЕ - ШАМАНСТВО - САМОДИЙСКИЕ ИДОЛЫ - СЯДЭИ - ХАХЕ - ТАДЕБЦИОНЫ, ИЛИ ДУХИ - ТАДИБЫ, КОЛДУНЫ - ИХ ОДЕЖДА - ИХ ЗАКЛИНАНИЯ - ИХ ФОКУСЫ - ПОЧИТАНИЕ МЕРТВЫХ - КЛЯТВА САМОЕДОВ - ВНЕШНИЙ ВИД САМОЕДОВ - ИХ ОДЕЖДА - КРАСАВИЦА-САМОЕД - ХАРАКТЕР САМОЕДОВ - УМЕНЬШЕНИЕ ИХ ЧИСЛА - ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ ГЕРОЕВ - ОСТЯКИ - ЧТО ТАКОЕ ОБИ? - ЛЕТНИЙ ТЫРТ - БЕДНОСТЬ ОСТЯЦКИХ РЫБАКОВ - ЗИМНИЙ ТЫРТ - ПРИВЯЗАННОСТЬ ОСТЯКОВ К СВОИМ ДРЕВНИМ ОБЫЧАЯМ - СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА - ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР ОСТЯКОВ.

Самодийцы, соседи лапландцев, еще дальше оторвались от цивилизованного общества и погрузились в еще более глубокое варварство. Самые дикие тундры и леса Северной России и Западной Сибири - место обитания самоедов. Со своими оленьими стадами он бродит по голым пустошам, от восточных берегов Белого моря до берегов Чатанги, или охотится в бескрайних лесах между Оби и Енисеем. Его общение с русскими ограничивается ежегодным посещением ярмарок в таких жалких поселениях, как Обдорск и Пустозерск, где, далеко не улучшаясь от их общения, он слишком часто становится жертвой их скупости и узнает их только как обманщиков и угнетателей. Протестантские миссионеры уже давно принесли учение в лапландскую хижину, но большинство менее удачливых самодийцев все еще придерживаются грубых суеверий своих отцов. Они верят в верховное существо - Нум, или Джилибеамбаертъе, - которое обитает в воздухе и, подобно древнему Юпитеру, посылает гром и молнии, дождь и снег; в доказательство того, что даже среди самых диких народов можно найти что-то от поэтической фантазии, они называют радугу "подолом его одежды". Однако, поскольку это божество слишком далеко от них, чтобы они могли надеяться на его благосклонность, они никогда не думают о том, чтобы принести ему молитву или жертву. Но, кроме Нума, существует множество низших духов, или идолов, которые непосредственно

вмешиваются в человеческие дела, - капризных существ, позволяющих влиять на себя подношениями или поддающихся магическим заклинаниям; к ним-то и прибегает самоидец, когда чувствует необходимость призвать на помощь или отвратить гнев высших сил.

Главный из всех самодийских идолов находится на острове Вайгац - холодном и меланхоличном Делосе, - где его уже нашел старый Баренц. Этот идол представляет собой каменную глыбу, голова которой сужается к острию. Таким образом, он был создан не смертным художником, а игрой природы. После этого оригинала самодийцы создали множество идолов из камня или дерева различных размеров, которых они называют "сядэи", поскольку они обладают человеческим лицом (ся). Этих идолов они одевают в оленьи шкуры и украшают всевозможными цветными тряпками. Но сходство с человеческой формой не является обязательным атрибутом самодийского идола; таким образом можно отличить любой камень или дерево неправильной формы.

Если предмет небольшой, дикарь повсюду носит его с собой, тщательно завернув; если слишком громоздкий для транспортировки, его берегут как своего рода национальное божество. Как и у остиаков, каждое самодийское племя имеет в своем обозе своеобразные сани - хахенган, - в которые помещаются домашние идолы (или хахе). Один из этих Пенатов охраняет оленей, другой следит за здоровьем своих почитателей, третий оберегает их супружеское счастье, четвертый заботится о том, чтобы наполнить их сети рыбой. Когда требуются его услуги, Хахе достают из своего хранилища и устанавливают в шатре или на пастбище, в лесу или на берегу реки.

Его рот смазывают маслом или кровью, а перед ним ставят блюдо с рыбой или мясом, в полном расчете на то, что его добрые услуги будут сполна вознаграждены за пикантную трапезу. Когда в его помощи больше нет необходимости, его отставляют в сторону без дальнейших церемоний и так же мало замечают, как Мадонну неаполитанского рыбака после того, как шторм утихает.

Хахе, или идолы, являются очень удобными объектами почитания для самодийца, поскольку он может советоваться с ними или просить их помощи, не будучи посвященным в секреты магии; в то время как тадебцио, или невидимые духи, которые повсюду витают в воздухе и больше склонны вредить, чем приносить пользу человеку, могут быть вызваны только тадибе, или колдуном, который, подобно кумейской сибилле, доводит себя до состояния экстатического неистовства. Когда требуются его услуги, первым делом тадибе облачается в свою магическую мантию - рубашку из оленьей кожи, подшитую красной тканью. Швы проклеены аналогичным образом, а плечи украшены погонами из того же аляповатого материала. Кусок красной ткани закрывает глаза и лицо - ведь тадибе не нужны внешние органы зрения, чтобы проникнуть в мир духов, - а на груди сияет пластина из полированного металла.

Вооружившись таким образом, тадибе берет свой магический барабан, звуки которого призывают духов по его воле. Он имеет круглую форму, одно дно, сделанное из оленьей кожи, и в большей или меньшей степени украшен латунными кольцами и другими украшениями, в зависимости от богатства или бедности его обладателя. Во время церемонии вызывания тадибе обычно помогает ученик, более или менее посвященный в магическое искусство. Они либо садятся, либо ходят по кругу. Главный колдун бьет в барабан, сначала медленно, затем все сильнее и сильнее, напевая при этом несколько слов на мистическую мелодию. Ученик тут же присоединяется, и оба повторяют одно и то же монотонное пение.

В конце концов появляются духи, и, как полагается, начинается консультация; Тадибе время от времени молчит, как бы прислушиваясь к их ответам, но негромко бьет в свой барабан, в

то время как помощник продолжает петь. Наконец, этот немой разговор прекращается, песня переходит в дикий вой, барабан яростно ударяется, глаза тадиба светятся странным огнем, с губ сходит пена, как вдруг шум прекращается, и произносится оракульный приговор. К тадибам обращаются не только для того, чтобы вернуть чужого оленя, уберечь стадо от заразной болезни или добиться успеха в рыбалке. Самодийцы, став жертвой болезни, не обращаются ни к какому другому врачу, а колдовской барабан либо отпугивает злых духов, вызывающих недуг, либо призывает других на помощь своему пациенту.

Помимо работы с невидимым миром, тадибе не пренебрегает обычными искусствами искусного фокусника и знает, как с их помощью усилить свое влияние на простодушных соотечественников. Один из его самых распространенных трюков похож на тот, который с таким успехом практиковали братья Давенпорт. Он садится со связанными руками и ногами на оленью шкуру, расстеленную на полу, и, убрав свет, начинает призывать духов-служителей себе на помощь. Начинают раздаваться странные, неземные звуки: медведи рычат, змеи шипят, белки шуршат по хижине. Наконец шум стихает, зрители с тревогой ожидают окончания зрелища, как вдруг Тадибе, освобожденный от уз, входит в хижину, и никто не сомневается, что его освободили духи.

Такой же варвар, как и бедные несчастные, которые подчиняются его руководству, Тадибе не способен улучшить их моральное состояние, да и не желает этого делать. Под разными именами - шаманы у тунгусов, анжекоки у эскимосов, знахари у североамериканских индейцев - мы находим подобных магов или самозванцев, принимающих на себя духовную диктатуру над всеми арктическими народами Старого и Нового Света, где их власть не была нарушена христианством или буддизмом. Эта мрачная вера до сих пор распространяется на не менее полумиллиона душ от Белого моря до крайних пределов Азии и от Тихого океана до Гудзонова залива.

Подобно остякам и другим сибирским племенам, самодийцы чтят память умерших жертвоприношениями и другими церемониями. Они верят, что их умершие друзья имеют те же потребности и занимаются теми же занятиями, что и в стране живых; поэтому они кладут в могилу или рядом с ней сани, копье, котел для приготовления пищи, нож, топор и т. д., чтобы помочь им в добыче и приготовлении пищи. На похоронах и в течение нескольких лет после них родственники приносят в жертву оленей над могилой. Когда умирает знатный человек, князь, старшина, владелец многочисленных стад оленей (ведь даже среди несчастных самодийцев есть социальные различия богатых и бедных), ближайшие родственники делают образ, который ставится в палатке покойного и пользуется уважением, оказываемым ему при жизни. Во время каждой трапезы изображение ставят на прежнее место, а каждый вечер раздевают и укладывают в постель. В течение трех лет образ почитается таким образом, а затем хоронится; предполагается, что к этому времени тело разлагается и теряет всякое ощущение прошлого. Души тадибов и тех, кто умер насильственной смертью, только пользуются привилегией бессмертия и после земной жизни витают в воздухе как бестелесные духи.

Как и остиаки, самодийцы считают принесение клятвы действием высшей религиозной важности. Если против самодийца тайно совершено преступление, он имеет право потребовать клятву от подозреваемого.

Если под рукой нет деревянного или каменного хахэ, он изготавливает его из земли или снега, подводит противника к изображению, приносит в жертву собаку, разбивает изображение, а затем обращается к нему со следующими словами: "Если ты совершил это преступление, то должен погибнуть, как эта собака". Плохие последствия лжесвидетельства

вызывают такой страх у самодийцев, которые, хотя и имеют очень слабые представления о будущем мире, твердо верят, что преступление будет наказано в этой жизни: убийство - насильственной смертью, грабеж - потерей оленей, - что настоящий преступник, когда его призывают к присяге, почти никогда не подчиняется церемонии, а скорее сразу признает свою вину и платит штраф.

Наиболее эффективным средством защиты клятвы является ее торжественное произнесение над мордой медведя - животного, которое высоко почитается всеми сибирскими племенами, от камчатцев до самодийцев, а также лапландцами. Как и лапландцы, они верят, что медведь скрывает под своей лохматой шубой человеческий облик с более чем человеческой мудростью, и говорят о нем в выражениях наивысшего почтения. Как и лапландцы, они также готовы пронзить его шкуру стрелой или пулей, но при этом они сопровождают нападение таким количеством комплиментов, что уверены в том, что смогут обезоружить его гнев.

Внешность самодийцев столь же дика, как и страна, в которой они живут. Карликовый рост остяка или саама, толстые губы, маленькие глаза, низкий лоб, широкий нос, настолько приплюснутый, что его конец находится почти на одном уровне с костью верхней челюсти (которая сильна и сильно приподнята), черные, лохматые волосы, тонкая борода и желто-коричневый цвет лица - вот их характерные черты, и в целом они ничего не делают для улучшения формы, которая не может похвастаться естественной красотой. Самодийца устраивает, если его тяжелая оленья одежда защищает его от холода и дождя, и его мало волнует, если она грязная или плохо пошита; некоторые щеголи, однако, носят меха, отороченные тканью аляповатого цвета. Женщины, пока они не замужем, тщательно следят за своей внешностью, и когда самодийская девушка с маленькими и живыми черными глазами появляется в оленьей куртке, плотно облегающей талию и отделанной собачьей шкурой, в алых мокалинах и длинных черных локонах, украшенных кусочками латуни или олова, она вполне может соблазнить какого-нибудь богатого поклонника предложить за ее руку целое стадо оленей. Ведь среди самодийцев ни один отец и не думает одаривать свою дочь; напротив, он ожидает от жениха эквивалента за услуги, которых тот лишится в результате ее брака. Следствием этого унижительного обычая является то, что муж относится к своей супруге как к рабыне или как к низшему существу. Один самодиец, убивший свою жену, был весьма удивлен, когда его вызвали в суд за то, что он считал пустяковым преступлением; "Он честно заплатил за нее, - сказал он, - и, конечно, может делать со своей собственностью все, что захочет".

Чувства и способности самодийцев соответствуют их образу жизни кочевников и охотников. У них пронзительный глаз, тонкий слух и твердая рука; они метко стреляют из лука и быстро бегают.

Самоид добродушен, меланхоличен и флегматичен. У него, правда, нечеткие представления о правильном и неправильном, о добре и зле, но он обладает благодарным сердцем и готов разделить с другом последний кусок. Жестокость, месть, мрачные преступления, которыми осквернены многие дикие племена тропической зоны, чужды его характеру. Постоянно находясь в состоянии войны с ужасным климатом, будучи жертвой невежества и нищеты, он относится к большинству вещей этой жизни с глубочайшим безразличием.

Общая черта характера всех самодийцев - мрачный взгляд на жизнь и ее заботы; их внутренний мир так же невесел, как и тот, что их окружает. Настоящие люди льда и снега, они без ропота отказываются от жизни, которую вряд ли могут любить, поскольку она налагает на них множество лишений, а взамен дает мало удовольствий.

Общая численность европейских и азиатских самоедов оценивается не более чем в 10 000 особей, и это число, столь незначительное по сравнению с огромной территорией, по которой они кочуют, продолжает сокращаться из года в год. До покорения русскими самодийцы часто воевали со своими соседями - остяками, вогулами и татарами, и грубые стихи, воспевающие подвиги героев древности, до сих пор поются в шатрах их мирных потомков. *Менестрель*, или *трубадур*, - если мне будет позволено использовать эти названия, говоря о самых грубых представителях человечества, - сидит в центре хижины, а зрители располагаются вокруг него на корточках. Его жестикуляция стремится выразить сочувствие своему герою. Его тело дрожит, голос дрожит, а во время самых патетических частей его рассказа на глаза наворачиваются слезы, и он закрывает лицо левой рукой, а правой, держа стрелу, направляет ее острие в землю. Зрители обычно молчат, но их стоны сопровождают смерть героя; или когда он взлетает на орле к облакам и таким образом спасается от злобы своих врагов, они выражают свой восторг победным криком.

ОСТИАКИ.

Что такое Оби? "Одна из самых меланхолических рек на земле", - говорят те немногие европейские путешественники, которым довелось увидеть, как она катит свои мутные воды через пустыню; "ее однообразные берега - унылая череда болот и мрачных сосновых лесов, и почти не видно ни одного живого существа, кроме журавлей, диких уток и гусей". Если обратиться с тем же вопросом к одному из немногих русских, поселившихся на ее берегах, он с набожным видом ответит: "Оби - наша мать"; но если спросить остяка, он ответит лаконичной, но энергичной фразой: "Оби - это бог, которого мы почитаем превыше всех других богов".

Для него Обь - источник жизни. Лососями и осетрами он платит налоги и долги, покупает немногочисленные предметы роскоши, а рыбу более низкого качества, которая попадает к нему в сети, он бережет для собственного потребления и для своего верного пса, причем ест ее в основном сырой, так что окунь нередко чувствует его зубы, как только его вытаскивают из воды. Весной, когда Обь и ее притоки прорывают свои ледяные оковы, и половодье проносится над равнинами, остяк часто уходит в леса, где не находит ничего, что могло бы утолить его голод. Однако в конце концов воды спадают, над поверхностью реки появляются плоские берега, и дикарь возводит свою летнюю хижину недалеко от ее течения. Эта хижина обычно имеет четырехугольную форму, низкие стены и остроконечную крышу, сделанную из ивовых веток, покрытых большими кусками коры. Их, предварительно размягчив кипячением, сшивают вместе, чтобы получились большие циновки или ковры, которые легко свернуть и перевезти. Очаг, представляющий собой яму, закрытую несколькими камнями, находится в центре, а дым выходит через отверстие в верхней части. Рядом с хижинкой обычно располагается небольшой склад, возведенный на высоких столбах, как в Лапландии, поскольку провизия должна быть надежно защищена от нападения обжор, волков или хозяйских собак.

В начале зимы остяки уходят в лес, где находят хоть какую-то защиту от арктических ветров, и занимаются охотой на соболя или белку; но поскольку рыбалка всегда является для них главной пищей, они заботятся о том, чтобы поставить свои зимние хижины на возвышенности над весенними паводками, возле какой-нибудь небольшой реки, которая

через проделанные во льду отверстия обеспечивает их сетями и рыбаками. Их зимнее жилище построено несколько прочнее, чем летнее, поскольку его не убирают каждый год. Она низкая и небольшая, а ее стены оштукатурены глиной. Свет проникает через кусок льда, вставленный в стену или на крышу.

Кроме тех, кто живет исключительно рыбой и перелетными птицами, есть еще остяки, которые держат оленьи стада и летом кочуют к границе Полярного моря, где также ловят тюленей и рыбу. С наступлением зимы они постепенно возвращаются в леса. Наконец, в более южных районах встречаются остяки, которые, полностью перейдя на русский образ жизни, возделывают землю, держат скот или зарабатывают на жизнь извозом.

В целом, однако, остяк, как и самодийцы, упорно противостоит всем нововведениям и остается верен обычаям своих предков. Его так часто обманывали русские, что он с неохотой принимает из их рук дары цивилизации. Он боится, что если его дети научатся читать и писать, то их уже не устроит жизнь родителей, а школа лишит его поддержки своего возраста. Не менее упорно он придерживается религии своих отцов, которая во всех существенных моментах совпадает с религией самодийцев. В некоторых южных районах, по Иртышу, у Сургута, он, правда, крестился и повесил в своей избе образ святого, как велел ему русский поп или священник; но дальше этого его христианство не простирается. Вдоль притоков Оби и ниже Обдорска он все еще погружен в шаманизм.

Как и самодийцы, остяки, общая численность которых составляет около 25 000 человек, делятся на племена, напоминающие кланы горцев. Каждое племя состоит из нескольких семей, имеющих общее происхождение, а иногда и из многих сотен человек, которые, как бы отдаленно они ни были связаны, считают своим долгом помогать друг другу в беде.

Остяки - отличные лучники, и, как и все другие охотничьи племена Сибири, используют стрелы различной конструкции для разных объектов своей погони.

Они небольшого роста, в большинстве своем смуглые, с черными, как у самодийцев, волосами; некоторые из них, однако, имеют более светлую кожу и светлые волосы. Это добродушная, неторопливая, честная раса; и хотя они очень грязные, но их прокуренные хижины не грязнее, чем у норвежских или исландских рыбаков.

Как и у самодийцев, женщины находятся в крайне униженном состоянии: отец всегда отдает свою дочь в жены тому, кто больше заплатит. Цена очень разная, она повышается или понижается в зависимости от обстоятельств родителя; если богач просит за своего ребенка пятьдесят оленей, то бедный рыбак с радостью расстанется со своей дочерью за несколько беличьих шкурок и сушеную осетрину.

ГЛАВА CXLVIII. ИНДИЯ. СОВРАХИ И КХОНДЫ.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ СОУРА - ОБЩИЙ ВИД - ТАРТАРСКИЙ ХАРАКТЕР ЧЕРТ - ОДЕЖДА МУЖЧИН, ИХ СКУДНЫЙ КОСТЮМ И ОБИЛЬНЫЕ УКРАШЕНИЯ - ДИКОВИННЫЕ КОЛЬЦА В УШАХ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ЗИМНЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ОРУЖИЕ СОУРА - ИХ ХРАБРОСТЬ, И СТРАХ, КОТОРЫЙ ОНИ ВЫЗЫВАЮТ -

СВАДЬБА СОВРА - РЕЛИГИОЗНАЯ СИСТЕМА СОВРА - ИХ ПРАВДИВОСТЬ - КХОНДЫ - ОДЕЖДА И ВНЕШНИЙ ВИД - КАРМАН КХОНДА - ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕРИАХ И ЕГО ЦЕЛЬ - ДОБЫЧА ЖЕРТВЫ - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - ЗАМЕНА МЕРИАХА - СТРАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БРАСЛЕТОВ - БЕЗРАЗЛИЧИЕ МЕРИАХОВ К СВОЕЙ СУДЬБЕ - ДЕТОУБИЙСТВО - ОРУЖИЕ КХОНДОВ - СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ - ГОРДОСТЬ КХОНДОВ - СУЕВЕРИЯ - ВЕРА В СИЛУ ПРЕВРАЩЕНИЯ - БРАК КХОНДОВ.

Читатель, возможно, помнит, что Андаманские острова вплотную примыкают к берегам Индии, таким образом, тесно соединяя две фазы - абсолютной дикости, которая никогда не продвигалась в масштабах человечества, и цивилизации, которая продвинулась до пределов, на которые она способна. На следующих страницах я предлагаю дать краткий отчет о различных этапах индийской жизни, уделяя наибольшее внимание тем, которые меньше всего затрагивают цивилизацию, как наиболее близкие к целям этой работы.

На рисунках, иллюстрирующих эту страну, которые все взяты с фотографий, читатель заметит очень отчетливый тип человека, который представлен по всей Индии; и хотя в некоторых племенах есть сходство лица с австралийским типом, а в других - с монгольским, ни в одном из случаев нельзя ошибиться с целой фигурой. Мы начнем с тех частей Индии, которые наименее цивилизованы и в которых жители сохранили большинство своих исконных манер и обычаев.

В Индии есть замечательное горное племя, которое заслуживает краткого описания, поскольку его представители, похоже, сохранили изначальные черты своей расы лучше, чем любые другие жители страны. Они называются соврами и живут в стране, расположенной примерно на 18° 30' северной широты и 72° 30' восточной долготы. 72° 30' Е.

Соуры - довольно симпатичное племя, некоторые из девушек даже красивы, если бы их лица не были обезображены кольцами в носу, которых у одной женщины часто бывает три. Мужчины, как и во всех индейских племенах, стройны и, кажется, лишены мускулов, особенно на ногах. Однако за этой кажущейся слабостью скрывается огромная мускульная сила, что часто проявлялось в стычках, которые постоянно влекли за собой их хищнические привычки. В одной из таких стычек взятый в плен соура внезапно выхватил штык из рук своего похитителя и согнул лезвие вдвое.

В чертах лица соуров явно прослеживается татарский облик, который усиливается с возрастом и сильнее всего выражен у мужчин. На некоторых фотографиях, которые сейчас передо мной, эта черта выражена очень отчетливо, а в одном случае настолько сильно, что, если бы не цвет и способ укладки волос, лицо можно было бы легко принять за лицо настоящего татарина. Действительно, мистер Хупер, из чьей статьи взята эта статья, считает, что они могут иметь тартарское происхождение.

Примечательным моментом в жизни соура является то, что у них нет кастовых различий, хотя они делятся на два разных класса, соура с холмов и соура с равнины. Последние сравнительно цивилизованы и живут в деревнях, и в данной работе речь пойдет только о первых.

Одежда соурахов достаточно примитивна. Мужчины не носят ничего, кроме "лангути", то есть узкой полоски ткани, проходящей вокруг талии, через ноги и заправленной в пояс. Однако они очень любят украшения, хотя так мало заботятся об одежде, и украшают свои шеи бусами, а уши и ноздри - кольцами. На фотографии одного из таких мужчин видно, что на его шее не менее двадцати семи ожерелий из бусин, а также широкий латунный ошейник. Помимо обычных колец в ушах, он носит украшение, которое, похоже, весьма популярно

среди соура. В верхней части уха просверливается отверстие, через которое пропускается один конец шнура длиной почти четыре дюйма, к другому концу которого прикрепляется сверкающая бусина размером с грецкий орех. Некоторые соурахи также нанизывают на нитку маленькие бусинки.

Волосы у мужчин отрастают до значительной длины, и в дни праздников их собирают в узел на затылке и украшают перьями, в основном павлиньими. Такая прическа придает лицу очень женственный вид, и при виде одной только фотографии лица, особенно если это фотография молодого человека, при беглом взгляде нелегко определить, кто изображен на ней - мужчина или женщина.

Одежда женщин состоит из ткани, обернутой вокруг талии. Те женщины, которых фотографировали, носят длинные бязевые полотнища, обернутые вокруг них от плеч до колен по обычной индийской моде; но очевидно, что они позаимствовали эти полотнища для данного случая, и таким образом, по обычаю всех нецивилизованных людей, они ухитрились, стремясь выглядеть наилучшим образом, помешать настоящей цели фотографа, *то есть* изобразить их такими, какими они на самом деле являются. Как и мужчины, они носят множество ожерелий, а также любят простые браслеты, состоящие из широких металлических лент, намотанных по спирали вокруг запястий. Волосы разделены посередине, но особого внимания к ним не уделяется.

Когда наступает холодная погода и соврам требуется больше одежды, они не делают ее, а прибегают к простому плану: подкарауливают путников, убивают их и забирают их одежду. В этих грабежах, а также в стычках, к которым они часто приводят, соурахи в основном используют лук и стрелы. Лук сравнительно слабый, его длина составляет всего ярд или около того, а тетива сделана из внешней оболочки бамбука. Стрелы - из тростника, с плоским многогранным железным наконечником. Соуры всегда подстерегают свою жертву и целятся в живот и ноги, так что раны всегда опасны и, как правило, смертельны.

Они также носят с собой нечто вроде боевого топора. Это храбрый и воинственный народ, наводящий ужас на жителей равнин. Даже кхонды, о которых пойдет речь далее, готовые сражаться между собой и искусные в обращении с луком и боевым топором, благоговейно перед соврами и не желают вступать с ними в ссору. Они особенно боятся этих врагов, потому что излюбленный способ нападения у соурахов - совершить набег под покровом ночи и, захватив всю добычу и причинив весь вред, на который они способны, вернуться в свои горные убежища так же быстро, как и вышли из них.

Генерал Кэмпбелл считает, что их образ жизни может быть как-то связан с этим превосходством, и что их более воздержанная и менее рассеянная жизнь делает их сильнее и выносливее, чем их самовлюбленных соседей. В некоторых местах соврахи и хонды живут вместе в терпимом дружелюбии, но оба племени, хотя и ведут свое происхождение из одного источника, и оба утверждают, что являются коренными жителями земли и имеют право на ее владение, сохраняют свои характерные различия настолько жестко, что отличить совраха от хонда не составляет труда.

Церемония бракосочетания у соурахов, [изображенная](#) на следующей странице, описана мистером Хупером так: "Молодой человек или его друзья, выбрав невесту, посылают гонцов к ее родителям, и наконец молодой человек отправляется в путь, неся горшок с тодди или другой подарок. Если согласие родителей получено, церемония начинается с установки трех столбов на земле, между которыми собираются жених и невеста со своими друзьями, и начинается пир, во время которого почти все напиваются тодди.

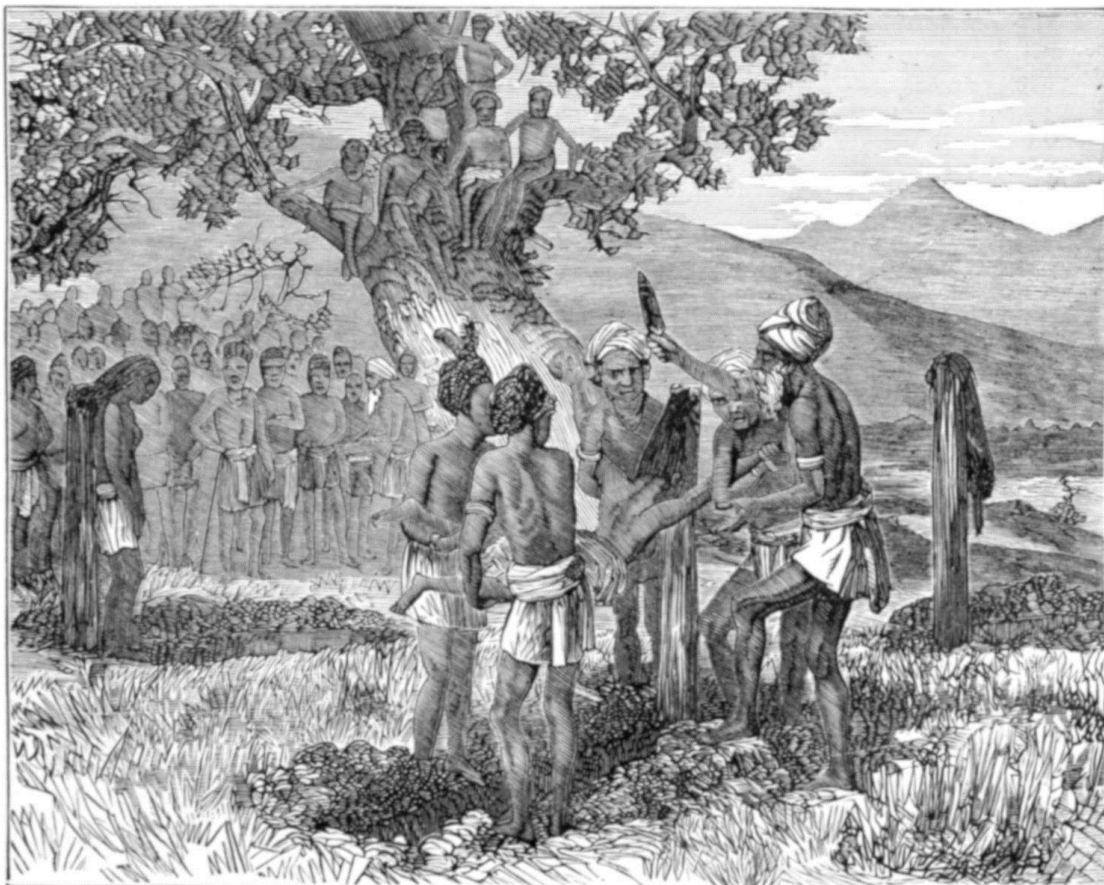
"Жених и невеста сидят вместе, а на их головы льют воду с куркумой. Обмениваются подарками из ткани, бусами, кольцами и т. д., приносят в жертву птиц и, по возможности, овец, чтобы умиловить демонов, а затем варят мясо, делают из него шарики с каким-нибудь зерном и распределяют среди гостей. В таких случаях все они присоединяются к танцу, который, кажется, состоит главным образом в перепрыгивании с одной ноги на другую, при каждом движении щелкая пальцами и произнося эякуляцию, а в промежутках все танцоры сбиваются вместе, а затем расходятся.

"Если родители невесты отказываются дать согласие на брак, часто случается так, что друзья жениха наблюдают за возможностью, и если девушка оказывается одна, они хватают и уносят ее. После этого родственники девушки преследуют и нападают на противоположную сторону, но, даже если им удастся вернуть девушку, по своим обычаям они не имеют права выдавать ее замуж за кого-либо другого. Если же такая попытка будет предпринята, сторонам придется сражаться в более серьезной манере, с луками и стрелами".

(1.) БРАК СОУРА.

(См. [стр. 1386.](#))

(2.) ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ МЕРИИ.

(См. [стр. 1391.](#))

Читатель, несомненно, заметит сходство этих брачных обрядов с теми, которые практикуются дикарскими племенами во многих частях света.

В рассказе о свадьбе упоминается умиловительство демонов. Это ключ к их религиозной системе, такой, какая она есть, и объясняет причину отсутствия каст. Равнинные соура, похоже, имеют более совершенную религиозную систему, но у холмовых соура она сводится к демонолатрии. Похоже, что у них почти нет понятия о поклонении, единственные церемонии, которые были замечены, происходят во время сбора урожая. Когда урожай достигает зрелости, хозяева устанавливают в земле небольшие камни как эмблемы демонов-председателей и кладут перед ними небольшие кучки каждого урожая. После того как подношения пролежат некоторое время, их съедают на пиру, на который владелец урожая приглашает своих родственников и друзей.

Когда соура умирает, его тело сжигают, пепел закапывают, а на месте погребения возводят небольшое здание. Через пять дней после погребения на могилу ставят горшок с тодди, вокруг которого кладут несколько листьев, символизирующих предков покойного. На каждый лист выливают немного тодди, а остаток выпивают люди, помогавшие в церемонии. Несколько похожий обряд, но сопровождаемый пиршеством, отмечается в конце первого и четвертого года после погребения.

По словам генерала Кэмпбелла, они не уничтожают своих младенцев женского пола, как это делают многие индейские племена, и не практикуют человеческие жертвоприношения. Тем

не менее, они иногда участвуют в замечательном жертвоприношении Мериах, о котором мы сейчас расскажем, и преодолевают для этого некоторое расстояние. Однако, похоже, они не придают этому обряду большого значения, и когда генерал Кэмпбелл заговорил с ними на эту тему, они сразу же пообещали отказаться от него и даже не присутствовать в качестве зрителей.

Пожалуй, наиболее характерной чертой соурахов является их абсолютная правдивость, которая, по мнению мистера Хупера, является результатом их неспособности придумать ложь.

ХОНДЫ.

В известном ныне районе Ориссы живут замечательные племена под названием хонды, которые, как и соура, по-видимому, непосредственно происходят от коренных жителей и сохранили, хотя и в несколько измененном виде, некоторые обычаи своих диких предков, главные из которых будут кратко описаны.

Хонды - активные, жилистые, с гораздо более темным цветом лица, чем жители равнин, и оба пола не слишком заботятся об одежде. Мужчины носят несколько ярдов грубого хлопка вокруг талии, отдельный кусок, окрашенный в красный цвет, свисает сзади как хвост. Волосы у них растут во всю длину, их закручивают вокруг головы и завязывают спереди в узел, в котором хонд всегда держит несколько сигар из табака, свернутого в зеленый лист. Этот узел он обычно украшает куском красной ткани и перьями.

Женщины носят довольно большую ткань вокруг пояса и украшают себя огромным количеством бус и других украшений, среди которых наиболее заметны тяжелые браслеты, представляющие собой не более чем толстые медные ленты, накрученные вокруг запястья. В некоторых племенах эти украшения используются весьма трагично, как мы увидим далее. У хондских женщин очень модным украшением считаются лоскуты красной ткани, а в некоторых случаях на шею надевают ожерелья из медных монет. Однако эти украшения в основном предназначены для детей. Есть некоторое оправдание стремлению хондских женщин показать себя с лучшей стороны, поскольку они очень уступают мужчинам по внешнему виду: невысокие, коренастые, с такими простыми чертами лица, что, по словам генерала Кэмпбелла, они абсолютно отталкивающие. Однако некоторые фотографии, которые сейчас находятся передо мной, не производят такого впечатления. Возможно, эти женщины были выбраны за их внешность.

Они делятся на множество племен и, как правило, живут в деревнях, население которых варьируется от сорока до десяти раз больше. Теперь мы перейдем к рассмотрению нравов и обычаев племен хондов.

На всей территории Хондистана существует система человеческих жертвоприношений, сильно различающаяся в деталях в зависимости от местности, но совпадающая во всех основных моментах. В особенности есть один момент, который, кажется, является самой сутью жертвоприношения и который является общим для всех племен. Жертва, или мерия, должна быть куплена за определенную цену. Если пленник будет захвачен на войне, он не может быть принесен в жертву Мериах своим похитителем, но он может быть продан для этой цели, и тогда он будет принят жрецами.

Нет ограничений по возрасту, полу или касте, но взрослые считаются более приемлемыми, потому что они дороже, а здоровые с большей вероятностью умилят богов, чем больные или немощные. Принесение в жертву Мериах считается абсолютно необходимым условием для процветания любого дела, но особенно для роста урожая, и поэтому хонды прилагают все усилия, чтобы обеспечить череду жертв. Иногда они выкупают детей у родителей или родственников, когда те впадают в нищету, но, как правило, их крадут разбойничьи племена под названием панно, которые заманивают их в холмы, захватывают и продают хондам. Примечательно, что хотя хонды пользуются услугами панно и с удовольствием покупают жертв, они питают к ним лютую ненависть и презрение и, кроме как по делам, не имеют с ними никаких дел.

У жертв Мериаха нет причин жаловаться на свою участь, за тем лишь исключением, что она скоро закончится. Их хорошо кормят, с ними ласково обращаются, и они, с присущим восточному характеру фатализмом, обычно смиряются со своей участью и не предпринимают никаких попыток сбежать. Нередко девушку-мериаху выдают замуж за мужчину из племени кхонд и оставляют жить до тех пор, пока она не родит детей. Они, как и она сама, подлежат принесению в жертву, но ни в коем случае не должны быть принесены в той деревне, где они родились. Чтобы избежать этой трудности, различные города договариваются об обмене детьми Мериах.

Способы принесения в жертву Мериах настолько разнообразны, что необходимо дать краткую характеристику различных способов.

Прежде всего, Мериах всегда должен приноситься в жертву открыто, на глазах у народа, и это правило непреложно на всей территории страны.

В Гумсуре жертва приносится богу земли Тадо Пеннору, который изображается в виде павлина. Когда назначено время, выбирается жертва, и в течение месяца вокруг Мериаха, обильно снабженного едой и питьем и внешне такого же веселого и беспечного, как и все люди, царят ликование, пиршества и танцы. В день, предшествующий жертвоприношению, устанавливают крепкий шест с эмблемой павлина Тадо Пеннора на вершине, и к нему привязывают Мериаха. Затем люди танцуют вокруг него, приговаривая в своих песнопениях, что они не убивают жертву, а приносят в жертву того, кто был куплен дорогой ценой, и поэтому на них нет греха. Поскольку Мериах предварительно опьянел от тодди, он не может дать ответа, и его молчание воспринимается как согласие на жертвоприношение.

На следующий день его помазывают маслом и обводят вокруг деревни, после чего приносят к павлиньему столбу, у подножия которого находится небольшая яма. Затем убивают свинью, а кровь выливают в яму и смешивают с землей, чтобы получилась густая грязь. Мериах, предварительно лишившийся рассудка от опьянения, бросается в яму и погружается лицом в трясину, пока не умрет. Затем священник или зани отрезает небольшой кусок плоти жертвы и закапывает его рядом с ямой в качестве подношения земле, и, как только он это делает, все зрители бросаются на тело, разрывают его на куски и уносят фрагменты, чтобы закопать их на своих полях в качестве умиливания божеств земли, дающих урожай. Как бы ни был отвратителен этот обычай, он гораздо милосерднее, чем большинство способов жертвоприношения Мериах, поскольку смерть от удушья не сопровождается сильной физической болью, а жертва предварительно лишается чувств.

В Боаде Мериах обводят вокруг деревни, когда каждый старается заполучить один из его волос или прикоснуться пальцами к его губам, чтобы помазать голову священной влагой. Одурманенного до бесчувствия, его отводят на роковое место, где душат, поместив его шею между двумя половинками расщепленного бамбука, концы которого затем скрепляют жрецы.

Затем главный жрец ломает кости рук и ног своим топором, и после этого тело разрубает на куски, как в Гумсуре.

В Чинна Кимедае используется гротескно жестокий способ жертвоприношения. Вместо павлина, который используется в Гумсуре, на столб ставится большая деревянная фигура слона, которая вращается на шарнире. Мериах привязывают к вытянутому хоботу слона и под крики зрителей кружат вокруг него так быстро, как только может повернуться фигура. В этом случае Мериах не накачивается наркотиками. По сигналу зана толпа бросается на Мериаха с ножами и через несколько мгновений разрывает его на куски, пока он, еще живой, привязан к слону.

Генерал Кэмпбелл, выполняя свою миссию милосердия в Хондистане, видел целых четырнадцать изображений их слонов, и все они были снесены и уничтожены багажными слонами, прикрепленными к его отряду, чтобы хонды увидели, что эти почитаемые эмблемы жестокого культа бессильны даже против животных, которых они имитируют. Задача, естественно, была не из легких, ведь речь шла об отмене обряда, существовавшего с незапамятных времен, и никакие доводы разума не могли убедить их в том, что он неправильный и тем более преступный. Этот обряд настолько глубоко укоренился в их натуре, что единственное, что они поняли о его цели освобождения стольких сотен мериахов, - это то, что он мог принести их в жертву за свой счет, чтобы вернуть воду в большой резервуар, который, как считалось, он построил для использования своих слонов.

В этом самом месте произошло весьма необычное обстоятельство. Английскому офицеру сообщили, что сейчас совершается жертвоприношение, причем жертвой будет молодая и красивая девушка, всего пятнадцати или шестнадцати лет. Он немедленно отправился в путь с вооруженным отрядом, и обнаружил, что жертвоприношение Мериах уже завершено, и не хватало только самой жертвы. Престарелый жрец уже готов был подать сигнал, и окружающие обезумели от восторга, когда на помощь подоспел вооруженный отряд и потребовал девушку. Разъяренные хонды поняли, что не могут рисковать столкновением, и удалились со спасенной жертвой.

Оставшуюся часть истории еще предстоит рассказать. Едва английские солдаты скрылись из виду, как собравшиеся хонды разразились громким ропотом по поводу своего разочарования. Наконец одному из них пришла в голову счастливая мысль. "Почему, - сказал он, - мы должны быть лишены возможности принести жертву? Посмотрите на нашего престарелого священника. Семьдесят лет прошло за его плечами - какая от него еще польза? Давайте принесем его в жертву". И тут же старика привязали к слону, покрутили вокруг него и разрубили на части.

В Маджи-Десо используется другой способ жертвоприношения. Они не хранят большой запас мерий, как большинство племен, а покупают их непосредственно перед жертвоприношением. Как следствие, их очень трудно обнаружить, кроме как в самом акте принесения жертвы. Убивают мериах следующим образом. Хонды окружают жертву и бьют ее по голове тяжелыми металлическими браслетами, которые они имеют обыкновение носить. В основном они убивают его таким образом, но если им это не удастся, они душат его расщепленным бамбуком, как уже было описано. Плоть спины затем разрезают на длинные и узкие полоски, и каждый человек отрывает одну полоску и подвешивает ее на шест, который он втыкает в русло ручья, орошающего его поля.

В Патне способ жертвоприношения сильно варьируется. В одних случаях жертву забивают камнями, в других - бамбуком, наряду с другими варварскими способами предания смерти. Генерал Кэмпбелл отмечает, что в этом округе есть места, где племена, приносящие и не

приносящие жертвы, живут в одной деревне. Они гармонично живут вместе до момента жертвоприношения, когда племена, не приносящие жертвы, удаляются в свои дома и никогда не выходят через парадную дверь своего жилища, пока не пройдет семь дней и останки Мериаха не будут похоронены. После этого все идет как обычно, до следующего жертвоприношения.

Бундари, по-видимому, является местом, где люди наиболее твердо придерживаются системы Мериах. Когда генерал Кэмпбелл посетил этот район, они отказались от Мериах и при ближайшем приближении его войск убежали в свои укрытия в горах. Приблизившись к Бундари, он обнаружил, что люди действительно приносили жертву, причем уходили они так поспешно, что оставили позади себя жертвенный столб с головой жертвы, подвешенной к нему за волосы, и смертельным ножом, подвешенным рядом. Способ жертвоприношения, используемый в этом районе, описан следующим образом

"Произошедшее жертвоприношение, называемое Джунной, совершается следующим образом и всегда сменяется принесением в жертву трех других человеческих жертв, двух солнцу на востоке и западе и одной в центре, с обычными варварствами. В землю крепко вбивается прочный деревянный столб. У его подножия выкапывают узкую могилу, а к вершине столба крепко привязывают жертву за длинные волосы на голове. Четыре помощника держат его за вытянутые руки и ноги, а тело подвешивают горизонтально над могилкой, лицом к земле. Жрец-зани, стоящий с правой стороны, повторяет следующее заклинание, периодически ударяя жертвенным ножом по задней части шеи кричащей жертвы: - "О могущественный Маниксоро!

"О могущественный Маниксоро, это твой праздничный день (для хондов жертвоприношение - Мериах, для раджахов - Джунна). За эту жертву ты отдал раджам страны, пушки и мечи. Жертву, которую мы сейчас приносим, вы должны съесть; и мы молим, чтобы наши боевые топоры превратились в мечи, а наши луки и стрелы - в порох и шары, и если у нас будут ссоры с другими племенами, дайте нам победу и сохраните нас от тирании раджахов и других чиновников".

Затем, обращаясь к жертве, он добавил: "Чтобы мы могли наслаждаться процветанием, мы приносим тебя в жертву нашему богу Маниксоро, который немедленно съест тебя, поэтому не огорчайся, что мы тебя убили. Твои родители знали, когда мы покупали тебя у них за шестьдесят гунти (статей), что мы сделали это с намерением принести тебя в жертву; поэтому нет греха на нашей голове, а есть на головах твоих родителей. После того как ты умрешь, мы совершим над тобой обряд отпевания".

В завершение этой речи голову жертвы отрезают от тела и оставляют висеть на столбе, пока ее не съедят дикие звери. Нож также подвешивают к столбу и позволяют ему оставаться там до тех пор, пока не будут принесены три дополнительные жертвы, после чего его снимают с многочисленными церемониями. В деревне было найдено восемь таких столбов, и все они были уничтожены.

Именно этот способ жертвоприношения показан [на иллюстрации](#) на странице 1387. В центре изображен пожилой жрец, приносящий в жертву Мериах, которая в данном случае является молодой девушкой. Ее голова поддерживается длинными волосами, которые привязаны к верхушке столба, а тело удерживается в горизонтальном положении четырьмя помощниками, каждый из которых держится за руку или ногу. По правую руку изображен столб, к которому подвешена голова первой принесенной в жертву Мери, а с другой стороны - другая жертва, привязанная за волосы к столбу, ожидающая, пока жрец завершит жертвоприношение, которым он занят.

Одно обстоятельство, связанное с жертвоприношением Мериах, весьма примечательно, а именно безразличие к своей судьбе, которое, кажется, владеет жертвами. Один молодой человек, мериах, сказал, что лучше быть принесенным в жертву среди своего народа и доставить ему удовольствие, чем жить на равнине. Туземцы считают, что причиной такого безразличия является пища мериахов - смесь риса, куркумы и других ингредиентов, приготовленная с помощью определенных магических церемоний. Даже сами мериахи придерживаются этого мнения. Например, три молодые женщины были наняты продавцом соленой рыбы для перевозки его товара среди хондов, а когда он доставил их туда, коварный торговец продал не только рыбу, но и женщин. Дважды жертвы пытались бежать, но их ловили, и после второй попытки хонды накормили их мерийской пищей, после чего они смирились со своей участью и больше не предпринимали попыток сбежать.

Другие связи, похоже, оказывают свое влияние на меряхов. Иногда человек желает купить мериаха, что является очень достойным поступком; но стоимость его так велика, в среднем составляет шестьдесят пять рупий, что хонд почти доведен до нищеты. При таких обстоятельствах он не может жениться, поскольку не в состоянии заплатить большую цену, которую требуют за жениха. Поэтому он покупает девушку-мериаху и берет ее в жены до того момента, когда она может потребоваться для жертвоприношения.

Уже говорилось о том, что детей продают в мериах их родители. Эта система кажется настолько жестокой и бессердечной, что следует дать ей некоторое объяснение. Такая покупка совершается крайне редко, если только родители не очень бедны и не боятся, что не смогут обеспечить своих детей едой. В таких случаях они утверждают, что для ребенка лучше быть сытым и ласковым, а затем умереть в жертву божествам, чем погибнуть от голода. Более того, посвящение ребенка богам считается скорее заслугой родителей, и, когда это происходит, родители очень гордятся такими детьми и относятся к ним с уважением и восхищением, как к принадлежащим божествам.

Еще одной причиной продолжения жертвоприношения Мериах является то, что хонды мало ценят человеческую жизнь, принося в жертву то, что мы считаем бесценным, потому что они равнодушны к этому не только по отношению к другим, но и по отношению к себе.

Нельзя было ожидать, что обычай умиловать божества земледелия живыми жертвами будет полностью отменен, и генерал Кэмпбелл пришел к выводу, что лучший способ уничтожить человеческие жертвы - это побудить хондов заменить их жертвоприношениями животных. Это было сделано во многих случаях, причем приносящие жертву извинялись перед богом за замену и просили его, если он разгневан, выместить свой гнев не на них, а на иностранце, который предложил это изменение. Он не возражал против такого решения, и, поскольку урожай впоследствии был выращен хорошо, можно предположить, что все стороны, включая богов, остались довольны.

Очень похожий обычай был когда-то распространен среди некоторых племен Нижней Амазонки. Эти племена назывались тапуйос, но теперь это название присвоено всем жителям Нижней Амазонки. Пленные, взятые ими на войне, предназначались для жертвоприношения. К ним относились с особой добротой, кормили самым обильным образом, чтобы они были упитанными и толстыми, и давали им жен. Обычно им позволяли жить несколько лет, пока их жены не рожали детей. Тогда их отводили к месту жертвоприношения и убивали одним ударом дубины; их детей тщательно выращивали, чтобы после того, как они вырастут, их постигла та же участь.

Даже не ссылаясь на систему Мериах, хонды имеют привычку убивать своих детей женского пола. Этот обычай возник отчасти из-за страха перед бедностью, а отчасти из-за системы, по которой заключаются браки. Хонды не любят жениться между собой и ищут жен среди дальних племен, ссылаясь на то, что могут купить их дешевле. Но генерал Кэмпбелл пытался доказать им, что если они будут воспитывать собственных детей женского пола, то найдут их гораздо дешевле в качестве жен, и рекомендовал им для начала жениться на женщинах из племени мериах, за которых уже была заплачена высокая цена.

В некоторых холмах Чинна Кимеди детей обоих полов предают смерти. Как только ребенок рождается, вызывается священник, чтобы выяснить, будет ли он жить или умрет. Для этого он использует план, очень похожий на "Сортиры Вергилия". Он достает книгу и, прочитав несколько молитв, втыкает железный стил в листы наугад. Затем он читает отрывок, на который указывает стил, и если он неблагоприятен, ребенок должен умереть, или поля больше не принесут урожая.

После того как роковой указ произнесен, ребенка кладут в новый глиняный сосуд (раскрашенный красными и черными полосами), закручивают крышку и закапывают кувшин. На крышку кладут цветы и рис, а после того как земля будет засыпана, на могиле бедной маленькой жертвы приносят в жертву птицу.

Прежде чем покинуть эти удивительные племена, мы немного расскажем об одном или двух их наиболее характерных обычаях.

Их оружие очень простое и состоит из диковинного меча, прикрепленного к перчатке, лука и стрел, а также топора. Последний является национальным оружием хондов, и в его использовании они удивительно ловки. Генерал Кэмпбелл рассказывает, что один британский офицер вышел вечером на улицу, чтобы подстрелить медведя, но лишь слегка ранил животное, вместо того чтобы убить его. Медведь направился к холмам, но его преследовали несколько кхондов, которые догнали его, встали между холмом и медведем, а затем, вооруженные только своими топорами, напали на животное и разрубили его на части. Эти топоры имеют длину около четырех футов в рукоятке и небольшие головки. Однако они сделаны из хорошей стали, и в опытной руке кхонда топор - оружие гораздо более грозное, чем кажется. Эта демонстрация мужества тем более примечательна, что в ней участвовали спасенные от жертвоприношения мерийцы. Упомянутый меч - сравнительно редкое оружие, и принадлежит он скорее оориям, чем собственно хондам.

Племена хондов, похоже, очень любят ссориться между собой и ведут что-то вроде беспорядочной или партизанской войны. Они не любят сражений, предпочитая угонять скот у своих противников и убивать их исподтишка, а не в открытом бою. Более того, они гордятся тем, что причиняют как можно больше вреда своим противникам, получая при этом как можно меньше вреда самим. Поэтому, когда делегаты двух враждующих племен встречаются для восстановления мира, происходят весьма абсурдные сцены. Судьи призывают представителей племен объявить количество украденного скота и убитых мужчин; и обычно оказывается, что последний пункт уравновешен, причем ни одна из сторон не желает признать, что был убит человек из их племени, если только противники не смогут это доказать. Они не могут не признать, что человек был убит, но приписывают его смерть несчастному случаю, например, тому, что его унес тигр или укусила змея.

Гордость - важный элемент в характере кхондов. Люди очень любят свою землю, и ничто не может побудить кхонда продать хоть один ярд земли иностранцу или даже расстаться с одним деревом, растущим на этой земле. Вообще, они слишком горды, чтобы заниматься бартером, и оставляют это дело племенам панну, от которых, как можно вспомнить, обычно

получают жертвы мериахи. Среди хондов есть только два занятия, достойных их достоинства, - война и земледелие, и все люди, занимающиеся любой другой профессией или бизнесом, даже если они сами могут получать от этого прибыль, презируются. Однако среди них нет кастовой системы, как у индусов, и у них нет никаких предрассудков в отношении питания, кроме, пожалуй, неприязни к молоку.

Что касается религии хондов, то она самая простая, и их поклонение практически сводится к жертвоприношению Мериах. В горных районах можно найти некоторые очень варварские священные изображения, но, похоже, никто не заботится о них и даже не знает о них, а жрецы или знахари так же невежественны или небрежны в этом вопросе, как и люди в целом. Следует отметить, что были опубликованы очень подробные описания религии хондов, их огромной армии божеств и их четверных душ. Но теперь уже нет сомнений в том, что информация, на которой основывались эти рассказы, была просто выдумана рассказчиками в угоду собственным целям.

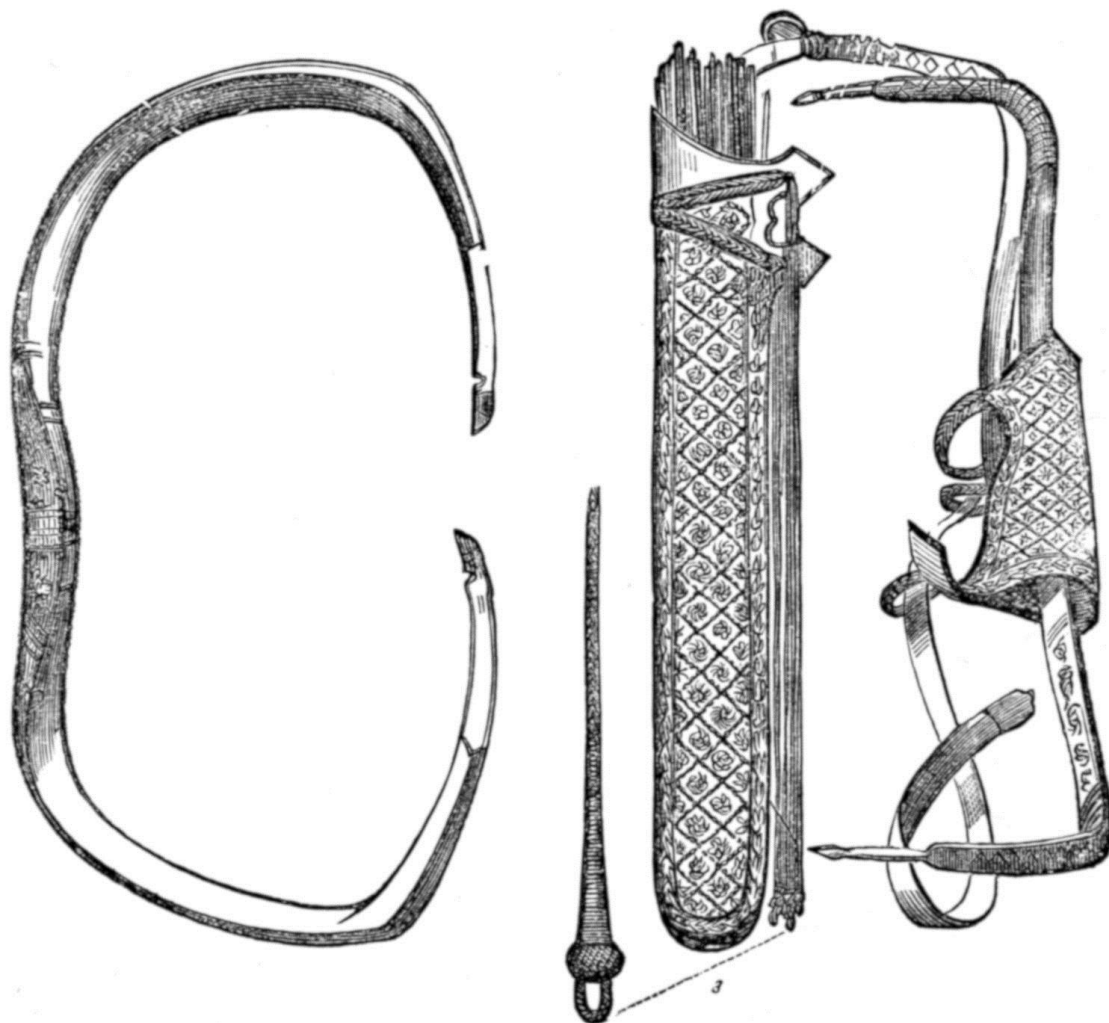
Если отбросить систему Мериах, у хондов есть несколько суеверий, в которые они твердо верят, и самое странное из них - это их идея о том, что некоторые люди могут превращаться в тигров. Этих людей называют "пулта-баг", и они очень боятся людей, на страхах которых они намеренно играют с целью вымогательства. Зная, что невежественные люди верят, будто они обладают такой силой, они периодически вымогают у них еду, одежду и другое имущество, говоря, что те бедны и, если их не снабдить всем необходимым для жизни, они будут вынуждены превратиться в тигров и увести скот.

Генерал Кэмпбелл рассказывает о случае, когда ему пришлось столкнуться с этим суеверием, а точнее, противостоять ему. К нему подошла возбужденная толпа в сопровождении нескольких вооруженных мужчин, которые охраняли двух женщин. Один из мужчин рассказал, что они с сыном были в джунглях и рубили дрова, когда тигр набросился на мальчика и унес его. Отец преследовал животное, крича ему вслед, пока оно не свернуло за угол скалы, и тогда оно исчезло, а на вершине скалы показались две женщины. Дело было ясным. Эти две женщины были Пулта Багс. В облике тигрицы они унесли его сына, но, встревоженные его криками, спрятали тело мальчика и вернулись в человеческий облик.

После допроса женщины признали, что история была правдивой и что они действительно обладают силой, которую им приписывают. Тогда генерал Кэмпбелл предложил отпустить их при условии, что в его присутствии они превратятся в тигров. К его удивлению, они согласились, но при условии, что он сопроводит их в соседние джунгли. Однако, обнаружив, что английского генерала не так легко напугать, как воина кхонда, и что им поверят на слово, они бросились к его ногам и признались в своем самозванстве.

Тот же писатель приводит замечательный пример такого убеждения. Храбрый маленький кхонд, принадлежавший к нерегулярным силам, участвовал в конфликте, когда несколько врагов были убиты, среди них был один, который был застрелен собственной рукой. Вместо того чтобы гордиться своим подвигом, он был охвачен ужасом, заявив, что убитый им человек - Пулта-Баг, и что он примет облик тигра и отомстит за себя. После окончания кампании он получил разрешение навестить свою семью, а перед отъездом привез свою форму, попросив позаботиться о ней, так как был уверен, что больше никогда ее не наденет. Он присоединился к своей семье и прожил с ней несколько недель, когда, когда он смотрел за своим скотом, на него набросился тигр и ранил его так жестоко, что он вскоре умер. Ничто не могло убедить его в том, что тигр не был тем человеком, в которого он стрелял, и это событие только укрепило суеверие в сознании туземцев.

Брак обычно празднуется в сезон охоты, вероятно, потому, что запасы еды и питья запасаются на это время, и для брачного пира всегда есть много еды. Среди них преобладает обычай уносить невесту. Жених выхватывает девушку и убегает с ней, преследуемый множеством молодых женщин, которые пытаются вырвать ее у него или, по крайней мере, делают вид, что пытаются это сделать. Однако его защищают двадцать или тридцать молодых людей, которые держат его и его ношу в своей среде и делают все возможное, чтобы защитить его от бамбука, камней и других снарядов, которые бросают в него женщины. Когда он достигает границ своей деревни, считается, что он завоевал свою невесту, в то время как нападающая сторона на полной скорости бежит к своим собственным жилищам.

ЛУК И КОЛЧАН. (Из моей коллекции.)
(См. [стр. 1401](#).)

ГЛАВА СXLIX. ИНДИЯ - продолжение. ОРУЖИЕ.

ПЛЕМЯ ГООРКА И ИХ ЛЮБИМОЕ ОРУЖИЕ - ЛЕЗВИЕ И ИЗОГНУТАЯ РУКОЯТКА "КУКЕРИ" -
СПОСОБ НАНЕСЕНИЯ УДАРА - ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НОЖИ - ИЗГОТОВЛЕНИЕ СТАЛИ "ВУТЦ" -

БОЙ С ТИГРОМ - ОЖЕРЕЛЬЕ ОХОТНИКА - ГРАБИТЕЛИ ИНДИИ - ВЗЛОМЩИК, ГРАБИТЕЛИ ИНДИИ - ВЗЛОМЩИК, ПОДРЫВНИК - СРЕЗАТЕЛЬ КОШЕЛЬКОВ - ХИТРОУМНАЯ КРАЖА - СТРАННЫЙ СПОСОБ СКРЫТЬСЯ ОТ НАБЛЮДЕНИЯ - РАЗЛИЧНЫЕ ЛУКИ - ЛУК С ПУЛЬКОЙ И ДВОЙНОЙ ТЕТИВОЙ - ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ЛУК И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - НАТЯГИВАНИЕ ЛУКА - РАЗЛИЧНЫЕ СТРЕЛЫ - ДОСПЕХИ И ЦЕПНАЯ ПОЧТА - ОБРАЗЕЦ СЭРА ХОУПА ГРАНТА - ИНДИЙСКИЕ МЕЧИ И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - РАЗЛИЧНЫЕ КИНЖАЛЫ - "ЧАКРА" ИЛИ ОРУЖИЕ КВОИТ.

Одно из горных племен, называемое племенем гхоорка, заслуживает внимания хотя бы из-за замечательного оружия, которое они предпочитают любому другому. Оно называется "кукери" и имеет весьма своеобразную форму. Один из ножей, взятый с образца, хранящегося в моей коллекции, представлен на [иллюстрации № 2](#) на странице 1403. Как видно из рисунка, и клинок, и рукоять изогнуты. Клинок очень толстый в задней части, мой экземпляр, который довольно мал, имеет толщину чуть больше четверти дюйма. От спинки он постепенно утончается к острию, которое имеет свой изгиб, совершенно отличный от изгиба спинки, так что клинок наиболее широк и толст в середине, и сужается с одного конца к рукояти, а с другого - к острию. Сталь, из которой изготовлен клинок, отличается прекрасным качеством, о чем свидетельствует тот факт, что мой экземпляр, который, насколько мне известно, не чистился в течение тридцати лет, а висел на стене среди другого оружия, почти не тронут ржавчиной, а большая часть его поверхности отполирована как зеркало. Действительно, поворачивая его, я вижу, как на его полированной поверхности отражаются различные предметы в комнате. Рукоять сделана очень необычно, а часть, образующая эфес, настолько мала, что показывает размер руки, для которой она предназначалась. Такая маленькая рукоять характерна для всех индийских мечей, которые не под силу взять обычному английскому солдату. Моя собственная рука невелика, но она слишком велика даже для тяжелой сабли или "тулвара", а рукоять кукери выглядит так, словно оружие предназначалось для мальчика шести-семи лет. Действительно, гхорки настолько малы, что их руки, как и руки всех индийских рас, очень хрупкие, примерно такого же размера, как у английского мальчика семи лет. Острие кукери острое, как игла, так что это оружие одинаково хорошо подходит как для режущих, так и для колющих ударов. Из-за большой толщины металла клинок очень тяжелый, и вызывает удивление, как такие маленькие руки, как у гхоорков, могут управлять столь увесистым оружием, которое кажется им почти таким же непосильным, как гигантский лук андаманца карликовому человеку, который им владеет. Можно представить, что удар, нанесенный таким оружием, должен быть очень страшным. Сам вес клинка пробил бы его наполовину через руку человека, если бы ему позволили упасть с небольшой высоты. Но у гхорков есть способ нанесения удара, напоминающий "черпающий" удар широкополой сабли, который пробивает острием и плоть, и кость.

Прежде чем перейти к описанию того, как используется кукри, я должен упомянуть, что он не используется для бытовых целей, поскольку слишком высоко ценится владельцем. Для этих целей используются два небольших ножа, очень похожих по форме, но, очевидно, из более дешевого металла. Они хранятся в маленьких футлярах, прикрепленных к боковой стороне ножен кукери, как это делается с ножами, прикрепленными к кортику горца, или как устроен меч даяка, который уже был описан в статье о Борнео. Есть также небольшой плоский кожаный кошелек с двойным клапаном. Он заострен, как ножны, и хранится в собственном кармане, пристегнутом к большим ножнам.

[На иллюстрации](#) показан котелок со всеми его частями. На рис. 1 изображен кукри в ножнах, верхняя часть кошелька и рукоятки дополнительных ножей видны только в том виде, в каком

они выступают из ножен. На рис. 2 нарисован сам кошель, чтобы показать своеобразный изгиб клинка и очень маленькую рукоятку. На рис. 3 изображен кошель в закрытом виде, а на рис. 4 и 5 - дополнительные ножи. Мой собственный экземпляр, который, как я уже упоминал, является небольшим, имеет размер пятнадцать дюймов от рукояти до острия по прямой линии и двадцать один дюйм, если измерять его вдоль изгиба спинки. Его вес составляет ровно двенадцать унций. Нож очень простой, без каких-либо украшений, и производитель, очевидно, довольствовался тем, что потратил все свои силы на клинок, который выкован из знаменитой стали "вутц".

Эта сталь изготавливается туземцами очень простым, но эффективным способом. Выплавив железо из магнитной руды, индейский кузнец помещает небольшие кусочки в тигель и смешивает с ними кусочки дерева. Затем он покрывает тигель зелеными листьями и большим количеством глины и ставит его в свою простую печь. Печь зажигается, и постоянный поток воздуха прогоняется через нее в течение трех часов, по истечении которых железо, превращенное в литую сталь, обнаруживается в виде небольшой лепешки на дне тигля. Одно время сталь Вутца широко использовалась в Англии, и огромное количество этих лепешек было импортировано.

В руках опытного мастера этот нож представляет собой грозное оружие, какое только можно придумать. Как и все действительно хорошее оружие, его эффективность в большей степени зависит от мастерства, чем от силы владельца, и поэтому случается, что маленький Гхорка, совсем еще мальчик, разрезает на куски гигантского противника, который не понимает его способа нанесения удара. Гхорка обычно наносит удар кукри вверх, возможно, для того, чтобы не ранить себя в случае неудачи, а возможно, потому, что удар вверх - это как раз то, от чего меньше всего можно уберечься.

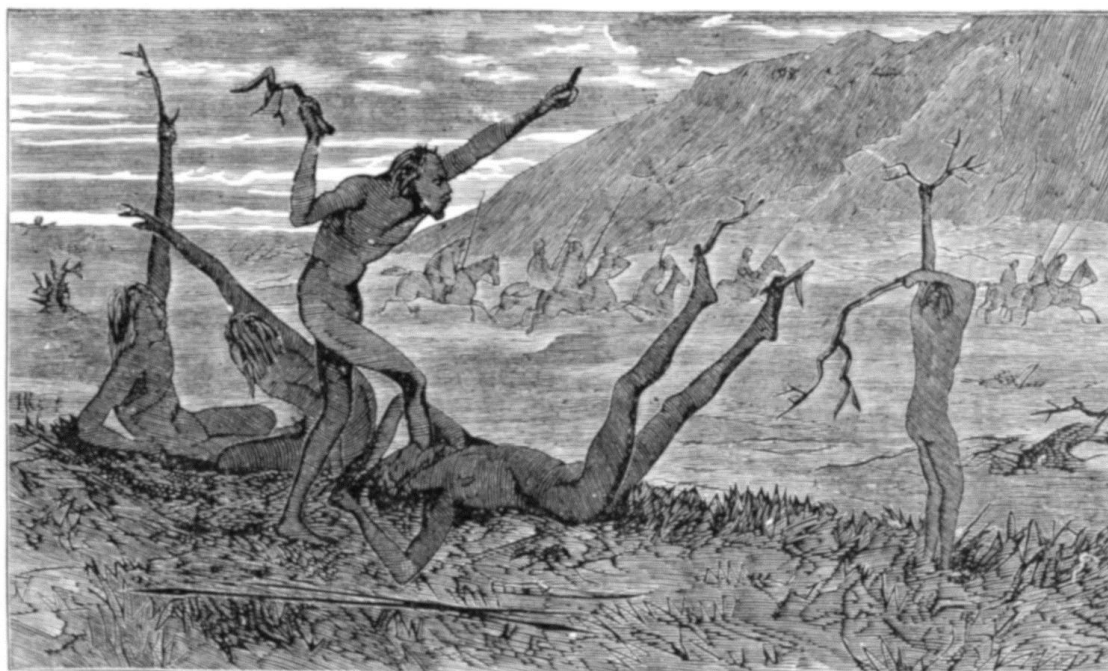
Много лет назад, когда мы участвовали в многочисленных индийских войнах, приведших в конце концов к созданию нашей восточной империи, гхорки показали себя самыми грозными врагами, как и с тех пор они зарекомендовали себя самыми бесценными союзниками. Храбрые, как львы, активные, как обезьяны, и свирепые, как тигры, стройные, жилистые человечки прыгали по земле и нападали, двигаясь так быстро и держась так далеко друг от друга, что против них не годилась мушкетная стрельба. Когда они приближались к солдатам, то внезапно приседали к земле, ныряли под штыки, наносили удары своими кукри вверх, разрывая их одним ударом, а затем, сделав все, что было в их силах, удирали так же быстро, как и пришли. Пока наши люди не научились этому способу нападения, они были сильно обескуражены своими маленькими противниками, которые пробирались под их оружие, резали или резали острыми, как бритвы, ножами и часто уходили невредимыми из-под штыков. Они также подныривали под брюхо офицерских лошадей, разрывали их одним ударом ножа, а другим целясь в ногу офицера, когда он и его лошадь падали вместе.

Пожалуй, нет лучшего доказательства силы оружия и ловкости пользователя, чем тот факт, что гоорка без колебаний встречает тигра, будучи сам вооружен лишь своим кортиком. Он встает перед [животным](#) (см. следующую страницу) и, когда оно прыгает, отпрыгивает влево, нанося при этом удар в сторону тигра. Как известно читателю, все животные кошачьего племени нападают с помощью лапы, поэтому тигр, проходя мимо Гхорки, механически наносит ему удар.

Человек находится вне пределов досягаемости тигриной лапы, но она как раз попадает в зону поражения, и, что от силы удара тигра, что от удара человека, лапа всегда оказывается искалеченной, а часто и вовсе отрубленной от конечности. Взбешенный болью и яростью,

тигр вскакивает и делает еще один бросок на своего маленького врага. Но Гхорка не менее активен, чем тигр, и, как только он нанес свой удар, отпрыгнул в сторону, чтобы оказаться на стороне поврежденной лапы. Тигр снова атакует, но на этот раз его удар бесполезен, и Гхорка делает шаг вперед и наносит удар по шее или горлу тигра, который обычно оказывается смертельным.

Самый любимый удар - по задней части шеи, потому что он перебивает позвоночник, и тигр валится на землю безжизненной массой. Ведь ярость тигра настолько сильна, что, если только животное не становится абсолютно беспомощным, ярость на несколько мгновений заменяет угасающую жизнь и позволяет ему сделать последнее усилие. Все опытные охотники знают и боятся истекающего заряда раненого льва или тигра, и, если есть возможность, прячутся сразу после нанесения смертельной раны. Если им это удастся, животное оглядывается в поисках своего противника, не видит его и сразу же погибает; если же оно видит своего врага, то бросает все свои силы на одно усилие, в результате чего человека и тигра часто находят лежащими вместе мертвыми.

(1.) ХИТРОУМНАЯ УЛОВКА РАЗБОЙНИКОВ НА КОЛЕСАХ.

(См. [стр. 1400.](#))

(2.) ГООРКА, НА КОТОРОГО НАПАЛ ТИГР.
(См. [стр. 1396.](#))

Многие из этих маленьких охотников украшены ожерельями, сделанными из зубов и когтей животных, которых они убивают. Одно из таких ожерелий хранится в моей коллекции и изображено [на иллюстрации № 1](#) на странице 1403. Оно сделано из трофеев различных животных, расположенных следующим образом. Центральным и самым заметным предметом является один из верхних клыков тигра. Человек может гордиться им, ведь это очень красивый экземпляр, длиной в пять с половиной дюймов и более трех дюймов в окружности. Этот зуб показан на рис. 5. На рис. 1 показан коготь передней лапы тигра, очевидно, того же животного, а на рис. 9 - коготь задней лапы. На рис. 2, 3, 7, 8 - разные по размеру зубы крокодила, а на рис. 4 и 6 - когти из лапы медведя-лентя. Читатель может помнить, что во всех нецивилизованных странах такие трофеи имеют наивысшую ценность и играют ту же роль, что и титулы и награды у более цивилизованных народов. Поэтому достать такие украшения практически невозможно, туземцы так же категорически не хотят с ними расставаться, как обладатель Креста Виктории отказался бы от своего знака и права его носить.

Среди людей такого сорта, ведущих полудикое существование, с идеями, неизбежно ограниченными их собственным кругозором, вполне вероятно, должна преобладать странная мораль. Мы уже видели, что существует одна система, в которой вероломное убийство, вместо того чтобы считаться смертным преступлением, возводится в ранг религии, и поэтому мы можем ожидать, что в некоторых случаях грабеж может рассматриваться как добродетель. Можно с уверенностью сказать, что в мире нет более искусных воров, чем жители Индии.

Туземцы по праву славятся своими чудесными способностями к созданию поз и колдовству, и следует ожидать, что, когда они обращают эти способности во зло, они должны быть самыми опасными противниками. Недавно генеральный инспектор тюрем опубликовал ценнейший отчет о ворах Нижнего Бомбея, при чтении которого невозможно сдержать улыбку, настолько удивительно изобретательны их уловки и поразительно мастерство, с которым они действуют.

Например, есть обычные грабители, которые полностью соответствуют описанию в Писании: "проломил стену и украл". Двое таких грабителей работают вместе. Один выступает в роли часового, а другой осторожно проделывает в стене отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить своего человека. Проделав отверстие, он просовывает в него палку с намотанным на нее куском травы, похожим на человеческую голову. Это делается для того, чтобы проверить, не встревожены ли жильцы дома, ведь иногда случается, что хозяин дома слышит работу рудокопа и спокойно стоит у отверстия, вооружившись мечом или дубиной, которыми он наносит удар по голове грабителя, как только она покажется сквозь стену. Если мнимая голова будет разбита ударом изнутри, воры убегают так быстро, как только могут. Если же нет, то один из них пролезает через пролом, крадет все имущество, на которое может наложить руки, и возвращается к своему товарищу, который внимательно следит за ним и в случае опасности поднимает тревогу.

Другие воры кажутся более безобидными, хотя они, вероятно, крадут столько же денег, сколько и грабители. Они носят во рту маленький нож с лезвием, острым как бритва. Они часто ходят по базарам, смешиваются с толпой и ухитряются нащупать деньги, которые завернуты в пояс. Маленькими ножичками они аккуратно разрезают ткань, бесшумно извлекают деньги и ускользают в гущу толпы, где их едва ли можно обнаружить. Короче говоря, они действуют точно так же, как и наши европейские кошельки.

Самые изобретательные из всех воров - те, кто проникает в зенаны, или женские апартаменты, и крадет их драгоценности. Как читателю, вероятно, известно, женские апартаменты находятся в самой центральной части дома и так тщательно охраняются, что не принимается никаких мер предосторожности в отношении дорогих драгоценностей, которыми женщины так обильно украшают себя. Индийский грабитель знает об этом богатстве, и иногда ему удается его украсть. Он выкапывает яму в земле за стенами дома и проникает под фундамент, пока не окажется под полом зенаны. Затем он осторожно пробирается наверх и таким образом проникает в квартиру. Но и там его задача не выполнена, так как большая часть украшений состоит из носовых колец и браслетов. Теперь проявляется мастерство этих воров: они ухитряются срезать кольца и браслеты, снять их с носителей и скрыться, не потревожив спящих женщин.

Эти ловкие грабители часто совершают самые дерзкие ограбления в самом центре армии. Зная расположение палаток, они отмечают ту, в которой живет великий человек, и бесшумно подкрадываются к ней. Достигнув палатки, они острым ножом прорезают отверстие и проскальзывают внутрь, не производя ни малейшего шума. Они настолько ловки, что их не обнаруживают даже сторожевые псы, а вор, как известно, перешагивает через тело собаки, не потревожив животное. Они чрезвычайно гордятся своим мастерством и не стесняются им хвастаться. Однажды английский офицер, у которого за ночь украли все ценные вещи, включая одежду, разговаривал с грабителем, который очень легкомысленно отнесся к своему подвигу и похвастался, что если захочет, то может украсть одеяло из-под него, пока он спит. Такой вызов не мог быть не принят, и офицер заключил с мужчиной пари, что его одеяло нельзя будет украсть, не разбудив его.

Однажды утром, проснувшись, офицер обнаружил, что его одеяло пропало. Вор открыто пришел с одеялом, восстановил его и рассказал, как ему удалось совершить кражу. Для этого он стал легонько щекотать лицо и руки спящего, чтобы тот невольно повернулся на кровати. Пошевелившись, вор слегка потянул одеяло, и так постепенно "угговорил" его снять, не разбудив спящего.

Когда эти воры приступают к ограблению, они снимают с себя всю одежду и натираются маслом. На шее у них висит небольшой шнурок, на котором висит нож с лезвием, так что, если их обнаружат, преследователь не сможет их схватить; а если даже ему удастся схватить их, готовый нож используется для того, чтобы перерезать запястье и нанести смертельный удар.

Есть и другие воры - совсем подлые и презренные. У грабителей, по крайней мере, есть такие достоинства, как смелость и изобретательность. Мухи не обладают ни одним из этих качеств, но действуют в точности так же, как цыганские воры, описанные мистером Борроу. Они накладывают яд на листья подорожника и разбрасывают их ночью среди скота. Приманка обязательно будет схвачена, а мертвый скот выброшен на следующее утро. Именно этого и ждали мучи, и они распластывают мертвый скот и продают его шкуры.

Иногда группу этих воров преследуют, и тогда грабителям приходится использовать всю свою изобретательность, чтобы уйти от преследователей. Один из приемов удивительно хитер. Если компании этих людей удастся добраться до джунглей, то нет никакой надежды поймать их; но когда они обнаруживают, что их нужно догнать на ровной равнине, они не лишены возможности избежать обнаружения. Как и во многих жарких странах, землю часто расчищают огнем, который уничтожает всю грубую, сухую, грубую траву и оставляет ее свободной для свежих зеленых травинки, которые пробиваются на поверхности при первых дождях. Там, где трава короткая, огонь не причиняет особого вреда; но там, где она длинная, пламя достаточно мощное, чтобы уничтожить маленькие деревья, которые растут на них, и оставить лишь несколько почерневших пней.

Если воры думают, что им не удастся пройти по равнине незамеченными, они прибегают к уловке, которую, возможно, позаимствовали из повадок многих насекомых. Они снимают с себя всю одежду, кладут ее и оружие под маленькие круглые щиты, которые разбрасывают так, чтобы они были похожи на камни, а затем располагаются в таких странных позах, что их стройные и почти лишенные плоти конечности имеют самое точное сходство с почерневшими ветвями, стволами которых являются их тела. В таком положении они остаются до тех пор, пока враг не пройдет мимо них, после чего они со всей возможной скоростью уносятся в ближайшие джунгли. [Иллюстрация](#) на странице 1397 показывает, с какой редкой изобретательностью и даже художественным правдоподобием эти негодяи имитируют обугленные стволы и ветви деревьев.

Не успели англичане привыкнуть к этим маневрам, как произошел весьма нелепый случай. Офицер с конным отрядом преследовал небольшую группу разбойников из Бхила и быстро настигал их. Вдруг разбойники скрылись за скалой или каким-то подобным препятствием, которое на мгновение скрыло их, а когда солдаты подошли, люди таинственным образом исчезли. После безрезультатных поисков офицер приказал своим людям расположиться возле кучи обгоревших и засохших деревьев, а сам, поскольку день был очень жарким, снял шлем и повесил его на ветку, возле которой стоял. Ветка оказалась ногой бхила, который разразился хохотом и повалил изумленного офицера на землю. Куча обгоревших деревьев внезапно превратилась в людей, и вся группа разбежалась в разные стороны, прежде чем

солдаты успели оправиться от удивления, унеся с собой офицерский шлем в качестве трофея.

Эта хитрость не ограничивается одним племенем или даже одной расой, она практикуется во многих частях света, где страна расчищается с помощью огня.

Теперь мы рассмотрим некоторые виды оружия, используемые индейцами. Я намеренно опускаю описание их огнестрельного оружия, поскольку оно относится к современному времени, а использование пороха было завезено из других стран. На следующих страницах будут описаны некоторые из наиболее характерных видов оружия Индии.

Читатель, вероятно, заметит, что, какой бы ни была их форма, есть нечто безымянное, обозначающее страну, в которой они были произведены. Неважно, принадлежало ли оружие богатому или бедному человеку, было ли оно из простого дерева и железа или усыпано драгоценными камнями и инкрустировано золотом, форма остается неизменной, и в этой форме есть изящная элегантность, свойственная Индии. Возьмем, к примеру, простейшее оружие, кукри, и увидим, как красивы изгибы лезвия и рукоятки, и насколько они удовлетворяют глаз. Таким же образом мы обнаружим, что во всех видах оружия, которые мы рассмотрим, всегда присутствует изящный изгиб или хорошо сбалансированное расположение линий.

Начнем с лука и стрел.

Индусы используют множество видов луков, самый простой из которых сделан из куска мужского бамбука. Даже это простое оружие не является полным в глазах индийца без какого-либо украшения, поэтому через определенные промежутки его перевязывают ремнями из расщепленного тростника, плотно натянутого вокруг него, и завязывают на задней части лука в виде своеобразной розетки. Этот вид лука часто используется для стрельбы пулями или камнями. Для этого две струны кладут рядом и отделяют друг от друга небольшим кусочком дерева, так что в середине между струнами остается промежуток в пару дюймов. Затем к струнам пришивается полоска кожи шириной более дюйма, чтобы при сгибании лука кожа плотно натягивалась между ними.

Лук используется следующим образом. Пуля или камень кладется на кожу, а две струны зажимаются указательным и большим пальцами правой руки, чтобы пуля оказалась в коже. Затем лук натягивают и прицеливаются, и когда струны освобождаются от давления пальцев, они разлетаются в стороны, позволяя пуле вылететь. Точность, которой можно добиться с помощью этого оружия, поистине удивительна, и даже европейцы вскоре начинают гордиться своим мастерством владения "пеллет-боу". Стрельба по белкам из этого лука - любимое развлечение многих людей, а некоторые из местных жителей, занимающих высокое положение, иногда развлекаются тем, что стреляют по фаянсовым кувшинам, которые носят на голове женщины; удачный выстрел разбивает кувшин вдребезги, а женщин заливает водой, которая в нем находилась.

Существует еще один вид лука, который широко используется в разных частях Азии, несколько отличающийся по форме и материалу, но меньший по принципу действия. Лук имеет такую форму, что когда он не натянут, то изгибается в направлении, прямо противоположном тетиве. Степень изгиба значительно варьируется в разных луках, наиболее совершенным является тот, в котором два конца почти касаются друг друга. Образец, показанный на рис. 1 [иллюстрации](#) на стр. 1394, взятый из лука, хранящегося в

моей коллекции, представляет собой исключительно совершенный пример этого вида оружия. Он изготовлен следующим образом:.

Рог буйвола распиливают в продольном направлении, чтобы получить два сужающихся куска совершенно одинакового размера. Затем они сплющиваются под воздействием тепла и давления и обрезаются до тех пор, пока при сгибании не получат одинаковый изгиб. Рукоятка и наконечники изготавливаются из очень твердой древесины и устанавливаются на рог с особой тщательностью, причем древесина, из которой сделаны наконечники, проходит некоторое расстояние вдоль нижней стороны рога. После того как рукоятка и наконечники установлены на свои места, большое количество сухожилий накладывается на заднюю часть лука и разминается так тщательно, что дерево, сухожилия и рог кажутся единым целым. После того как эта часть работы закончена, весь смычок покрывается несколькими слоями клея, который очень тщательно разглаживается и полируется. Лук практически завершен, но мастер не будет удовлетворен, если не добавит множество украшений. Это всегда некий условный цветочный узор, позолоченный на блестящем цветном фоне. У меня есть несколько таких луков, в каждом из которых есть непохожесть цвета и узора. В банте, который сейчас перед нами, основа ярко-зеленая и алая, на которой золотом нарисованы сложнейшие узоры из цветов, листьев и арабесок. Невозможно, глядя на поверхность, не восхищаться красотой узоров и совершенством красок и лака, которые могут подвергаться такому жестокому воздействию, как при сгибании лука и пускании стрелы, и при этом не растрескиваться на куски.

Эластичность этого лука удивительна. Я часто пытался натянуть его, но безрезультатно, и я действительно никогда не видел только одного человека, покойного полковника Хатчинсона из индийской армии, который мог бы это сделать. Его натягивают, пропуская под одной ногой, резко перегибая назад через другую ногу, одновременно продевая петлю струны в ее выемку. Вдоль задней части лука проходит желобок, по которому направляется струна. В натянутом состоянии он приобретает совершенно иную форму и чем-то напоминает лук, который античные скульпторы вкладывали в руки Купидона. Я сожалею, что лук не удалось натянуть, чтобы дать две иллюстрации одного и того же лука в разных аспектах.

Читатель классики, возможно, помнит, что это оружие в точности повторяет древний скифский лук. Об этой форме упоминает Афиней (книга X.), когда необученный пастух, пытаясь описать буквы, из которых состоит имя, сказал, что "третья (*т. е. с*) похожа на скифский лук". Этот лук был роговым, как и большинство древних луков.

Длина вышеупомянутого лука, измеренная вдоль спины, составляет чуть больше четырех футов, в то время как поперечное измерение, как он выглядит в разогнутом состоянии, составляет всего девятнадцать дюймов. Читатель поймет, насколько полезным был бы лук такого описания для всадника, ведь его особенная кривизна делает его удобным для переноски. При необходимости его можно было бы даже носить на уздечке, чтобы оставить руку с мечом свободной, и в мгновение ока натягивать при необходимости, пропуская его под ногой, когда всадник сидит верхом. Каким бы маленьким ни казался этот лук, почти совсем незначительным на вид оружием, его характеристики в умелых руках поражают воображение. Из одного из таких луков стрела была выпущена на расстояние, которое, как говорят, составляет шестьсот ярдов, а на самом деле не намного меньше этого показателя. И, несмотря на такую мощь, он удивительно управляем. Полковник Хатчинсон рассказывал мне, что однажды видел, как лучник пустил стрелу по коридору и направил снаряд через отверстие, которое пуля проделала в стекле в конце коридора.

Далее следует форма лука, которая гораздо более распространена, чем предыдущие. В этом луке кривизна рефлекса сильно выражена, хотя и не так сильно, как в случае с только что описанным оружием.

Несколько таких луков находятся в моей коллекции, самый красивый из них был подарен мне Дж. Алленом, эсквайром. Этот лук с футляром, колчаном и набором стрел показан на рис. 2 [иллюстрации](#) на стр. 1394. Длина лука, измеренная вдоль спины, составляет четыре фута пять дюймов, в то время как расстояние между двумя наконечниками - всего двадцать восемь дюймов. Лук окрашен в ярко-алый цвет, обильно покрытый позолоченными цветами и арабесками, так что на расстоянии он выглядит более эффектно, чем предыдущий образец, хотя при ближайшем рассмотрении он не так красив: узоры крупнее и выполнены более грубо. Тетива лука сделана из какого-то растительного волокна - я думаю, что из какого-то вида алоэ, - и очень толстая, состоящая из девяти нитей, скрученных очень плотно друг к другу.

Футляр, колчан и ремни, которыми они удерживаются, когда-то были очень великолепны: они были отделаны малиновым бархатом, покрытым золотой вышивкой, так что почти не было видно ни одной части бархата. Стрелы длиной в два фута три дюйма сделаны очень аккуратно. Древко сделано из тростника, и на обоих концах закреплен кусок твердого дерева длиной в четыре дюйма. На одном конце древка закреплено острие, которое представляет собой тяжелый и прочный четырехугольный кусок стали, доведенный до остроты. Твердое дерево на конце принимает перья, а на крайнем конце расширено, чтобы оставалось место для нока или выемки, в которую продевается толстая тетива. Оба куса твердого дерева окрашены: тот, в котором закреплено острие, просто зеленый, а тот, что на другом конце, позолочен и покрыт узорами синего и алого цветов.

Это самый распространенный вид стрел, но существует множество разновидностей, образцами которых я располагаю. Несколько разновидностей есть во многих коллекциях, главное отличие - форма острия. У большинства из них оно более или менее четырехугольное, хотя у некоторых оно листовидное, как наконечник копья, у других - коническое, а у третьих - круглое и тупое. В одной из стрел место нижнего куса твердого дерева занимает массивный кусок стали длиной почти четыре дюйма и весом около трех унций, похожий на вытянутую пулю Уитворта.

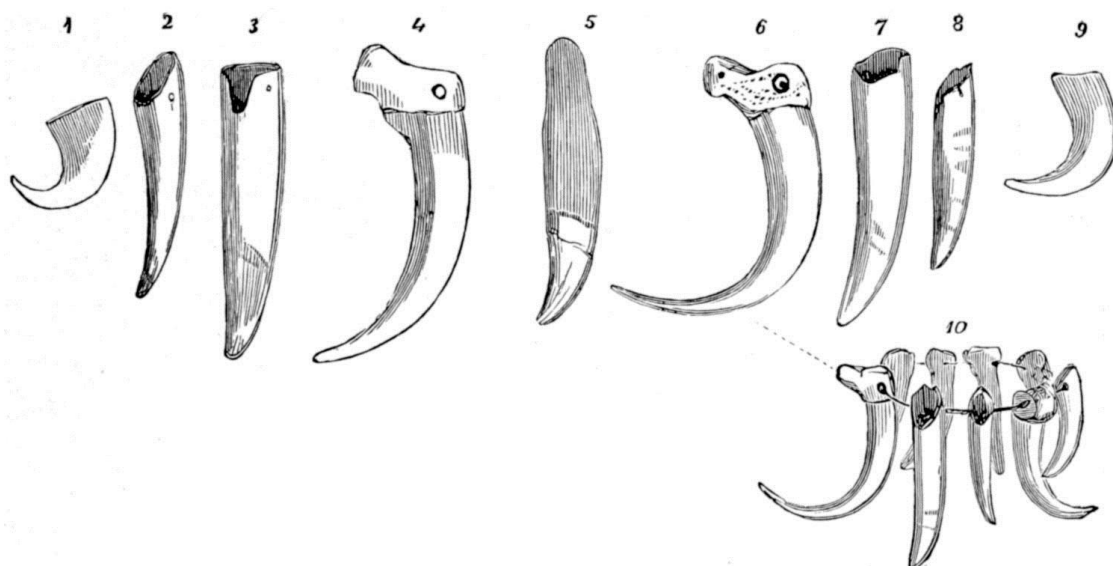
Наиболее примитивная форма индейских стрел - та, что изготавливается племенами холмов. Древко из дерева, а не из тростника, наконечник глубоко колющий и привязан к древку волокном, точно так же, как это делается со стрелами с кремневым наконечником, на которые это оружие почти в точности похоже по форме, хотя и не по материалу. Вместо перьев используются сухие листья, которые нарезаются нужной формы и пропускаются через прорезы в древке стрелы, после чего эти прорезы завязываются. В одной стреле нок был сформирован очень странным образом: кусок дерева был прикреплен к каждой стороне древка и немного выступал за его пределы.

Некоторые очень красивые образцы лучших видов оружия показаны [на иллюстрации](#) на странице 1406. Они принадлежат генералу сэру Хоупу Гранту, G.C.B. и т.д., который любезно разрешил нарисовать их для этой работы. Это великолепные образцы индийского искусства, один или два из них украшены сложнейшим орнаментом.

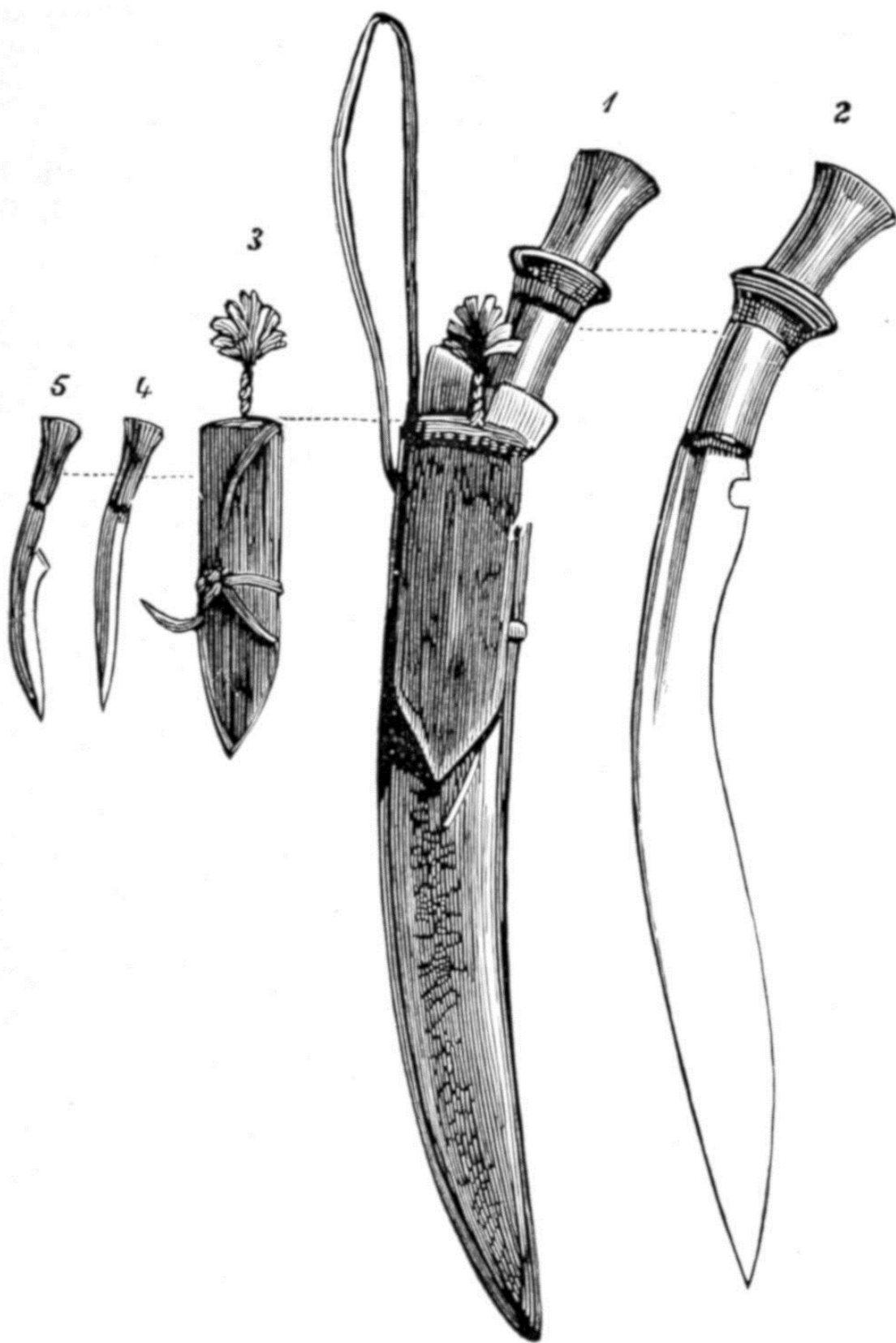
На первой из иллюстраций изображен доспех и оружие, выполненные из стали с искусной гравировкой и инкрустацией золотом; узоры напоминают узоры на луке и выглядят так, словно они были взяты с лука и утоплены в сталь; свобода и изящество линий столь же примечательны, как и продуманная тонкость узора.

В центре (рис. 1) изображен шлем военного образца с небольшим перьевым плюмажем. Часто в шлеме бывает несколько таких перьев, их древко украшено золотом и драгоценными камнями и помещено в гнезда, выступающие из шлема. Спереди видна плоская планка, которая защищает нос и верхнюю часть лица от удара мечом. Эта планка скользит вверх и вниз по желобку для удобства носящего. От шлема висит кусок очень легкой, но прочной кольчуги, которая опускается за лицо и по обе стороны от него и свисает до самых плеч, так что, как бы резко владелец ни двигал головой, складки кольчуги защищают его шею. В некоторых из этих шлемов звенья позолочены и расположены таким образом, что образуют узоры, в основном ромбовидные.

Сбоку от шлема (рис. 3) находится любопытная перчатка, которая простирается далеко вверх по руке и не имеет сустава у запястья. Отсутствие сустава, как бы неприятно это ни было для европейского фехтовальщика, не является препятствием для правильного использования меча восточным воином. Если читатель обратится к рисунку меча (рис. 6), то увидит, что рукоять завершается большой круглой пластиной из стали. В образце из моей коллекции эта пластина имеет три дюйма в диаметре, так что, когда меч выхватывается по европейской моде, пластина упирается в запястье и служит точкой опоры, с помощью которой при ударе рычаг клинка вырывает меч из захвата.

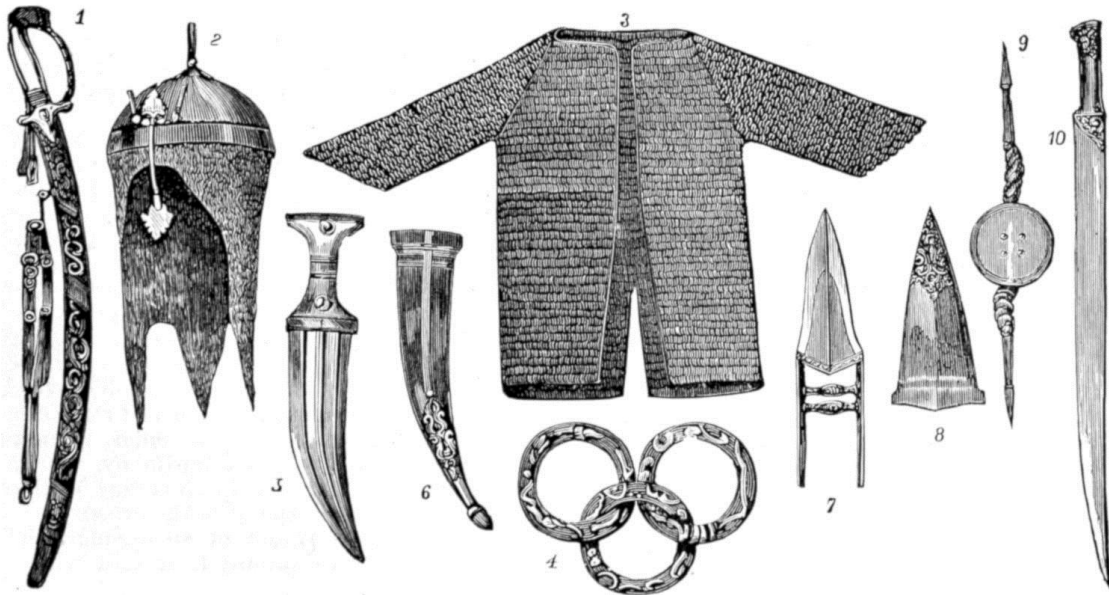
(1.) ОЖЕРЕЛЬЕ.
(См. стр. 1399.)

(2.) КУКРИ.
(См. стр. 1395.)

(3.) ЧАКРА, ИЛИ ОРУЖИЕ КВОИТА.
(См. с. 1406.)

(4.) ИНДЕЙСКОЕ ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ. (См. с. 1405.)

Но вся система фехтования в Индии существенно отличается от той, что используется в Англии и вообще в Европе: здесь не столько используется сила, сколько ловкость. Для целей этого оружия важна его изогнутая форма. Удар мечом наносится скорее поворотом запястья, чем прямым ударом, так что изогнутая кромка оружия стремительно пронесется над объектом атаки.

Способ применения индийского меча был проиллюстрирован мне тем же полковником Хатчинсоном, чье имя уже упоминалось.

Он взял большой мангольд-вурцель и положил его на стол. Затем он положил плоскую сторону меча на корень, чтобы не было возможности нанести удар, а затем, слегка повернув запястье, потянул лезвие к себе, и корень развалился, разрубленный на две части. Таким же образом он разрезал весь корень на ломтики. Это было так просто, что я попробовал сделать это на другом корне, но вместо того, чтобы разрубить его на две части, острие меча соскользнуло с него, словно это был твердый кусок стекла, и ударило мою руку в плечо. Однако после нескольких уроков этот подвиг стал довольно легким.

Тот же эффект можно получить, отталкивая клинок от фехтовальщика, а не притягивая его к нему. Именно этому тонкому, тягучему резу индийский меч обязан своей эффективностью, поскольку сталь клинка не так хороша, как сталь наших обычных драгунских мечей, и не способна принимать столь тонкую грань. Но если в бою индийский воин встречает или настигает врага, он не бьет по нему всей силой руки, как это делают наши фехтовальщики, а приставляет острие своего оружия к шее противника и поворотом запястья почти отделяет голову от тела.

На том же [рисунке](#) изображен круглый щит или мишень. Он не отличается большими размерами - около восемнадцати дюймов в диаметре, а иногда и меньше. Он сделан из кожи носорога, которая, будучи правильно выделанной и высушенной, имеет значительную толщину, твердую, как рог, хотя и не такую хрупкую, и почти такую же полупрозрачную. Щит обычно украшен четырьмя круглыми пластинами из металла, которые в обычном экземпляре просто железные, а в особенно красивом покрыты лаковой

позолотой. Читатель, несомненно, увидит почти точное сходство между индейским щитом и мишенью шотландского горца. Остальные части доспехов украшены золотой инкрустацией, как и те, что были описаны выше.

[Иллюстрация № 4](#) на странице 1403 содержит несколько предметов, используемых в военных действиях, и все они взяты с образцов из коллекции сэра Хоупа Гранта. В центре изображен почтовый плащ. Это один из самых красивых доспехов, которые я когда-либо видел. На каждом из звеньев написано предложение из Корана. Под плащом изображены три звена, срисованные с оригиналов. Если читатель задумается над огромным количеством таких звеньев, необходимых для формирования почтового плаща, он оценит, сколько труда было затрачено на его изготовление: буквы должны были быть сформированы уже после того, как звенья были собраны вместе, чтобы они не стерлись в процессековки. Шлем, относящийся к этому костюму, показан на рис. 2.

Между шлемом и плащом находится кургский нож или кинжал, а также его ножны. Это оружие иногда очень простое, а иногда поблескивает золотом и драгоценными камнями на рукояти и ножнах. Образец, хранящийся в моей коллекции, относится к первому типу, и, хотя клинок хорошего качества, рукоять деревянная и крепится к клинку прочной латунной заклепкой, проходящей через танг. По обеим сторонам клинка проходит мощный гребень.

Еще две характерные формы индийского кинжала представлены на рис. 7 и 9 на [иллюстрации](#). Один из них, рис. 7, с ножнами на рис. 8, пользуется большой популярностью, особенно у богатых. Он полностью изготовлен из стали, две поперечные перекладки составляют рукоять. Форма клинка несколько отличается у разных экземпляров, но общая форма одинакова у всех. Хороший экземпляр в моей коллекции имеет длину двадцать дюймов и весит ровно фунт, так что для ношения на поясе он должен быть довольно неудобным оружием. Клинок, если его можно так назвать, имеет длину почти в фут, плоский по направлению к рукояти и в пределах пяти дюймов от кончиков внезапно превращается в подобие четырехугольного штыка, толщиной более полудюйма.

Читатель увидит, что при захвате этого кинжала стальные продолжения рукояти выступают по обе стороны от запястья и эффективно защищают его и нижнюю часть руки от лезвия меча. Вес этого инструмента, а также сила, с которой можно нанести прямой удар, как в боксе, делают оружие вполне пригодным для того, чтобы пробивать себе путь через складки платья или даже между суставами доспехов.

Далее следует оружие (рис. 9), которое едва ли можно назвать кинжалом. Однако это кинжал, сделанный из двух рогов индийской антилопы. В простейшей форме этого диковинного оружия рога расположены так, что их основания пересекаются друг с другом примерно на шесть дюймов. Таким образом, изгиб оснований служит своего рода рукояткой, за которую можно ухватиться так, что обладатель оружия может наносить им удары направо и налево, а среди большого количества людей за очень короткое время может нанести огромное количество повреждений.

Кинжал, подобный описанному, можно сделать за полчаса, а временное оружие можно изготовить за несколько минут, скрепив рога вместе. Но индейцы предпочитают придать оружию декоративность, поэтому они часто делают полую стальную рукоять в виде чаши, изогнутой стороной наружу. Рука продевается в эту чашу, как в корзинную рукоять одноручного кинжала, и надежно защищена от травм. Кинжал, изображенный [на рисунке](#), имеет одну из таких стальных рукоятей. В некоторых местах это оружие настолько популярно,

что вместо того, чтобы делать его из рогов антилопы со стальной рукоятью, весь кинжал делается из стали, а острия имитируют рога.

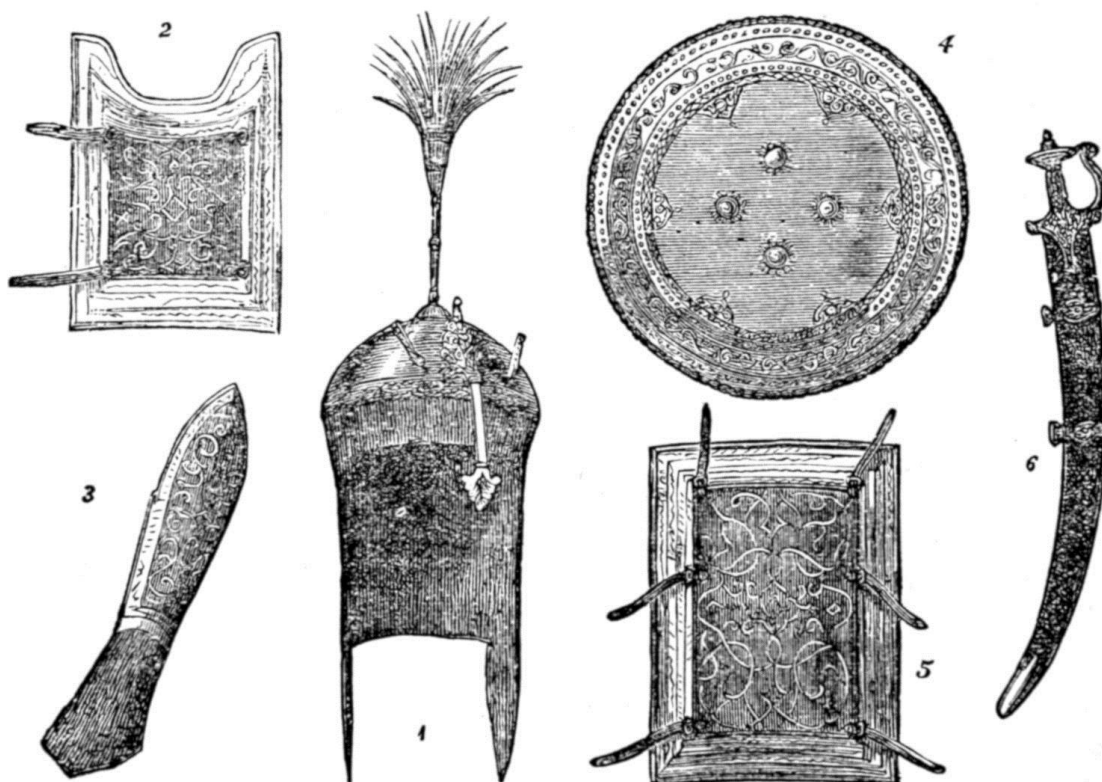
Последнее оружие (рис. 10) используется афганцами и представляет собой некий компромисс между мечом и кинжалом. Оружие схожей формы и характера носят мавры.

Есть один вид меча, который не должен остаться незамеченным. Это оружие, выглядящее наиболее убийственно, сделано по принципу, прямо противоположному тому, который уже был описан. В этом мече острие находится на внешнем изгибе клинка, который сужается к острию. В другом мече острие находится на внутренней стороне, а клинок сильно расширяется к острию, которое изогнуто наподобие крюка. Действительно, оружие имеет некоторое сходство с крюком с сильно удлинённым лезвием. У экземпляра, хранящегося в моей коллекции, ширина клинка у рукояти чуть больше дюйма, но у острия (точнее, у кончика, так как эта часть клинка квадратная) она составляет всего четыре дюйма. Вес этого меча составляет более двух фунтов.

Существует также квоит, или чакра, - ракетное оружие, имеющее некоторое сходство с австралийским бумерангом или литейным ножом племени фан, но предназначенное для того, чтобы резать, а не пронзать, как это обычно бывает с ракетами. Он изготовлен из тонкой стали и снаружи заточен до бритвенной остроты. Для метания его нужно накрутить на указательный палец, а затем бросить. Читатель может представить, что такой снаряд, который не только ударяет по объекту, но и быстро вращается в это время, должен быть очень грозным. Обычно он нацелен в лицо противника, и умелый воин метнет четыре или пять таких снарядов в такой последовательности, что едва ли можно избежать попадания одного из них в лицо, и лицо будет раскроено, а нос или губа полностью отрезаны. Эти предметы, похожие на квоиты, туземцы носят на высоком коническом головном уборе, в складки которого они также вставляют несколько маленьких ножей, как ирландские рабочие вставляют свои трубки в шляпы. См. [иллюстрацию № 3](#) на странице 1403.

Подобное оружие, сделанное из латуни, а не из стали, используют уже описанные мучители, отравляющие скот. Они называют его "тхалом".

Чакра - особое оружие Вишну, которое можно увидеть на различных изображениях этого божества, висящим в одной из рук. Об этом упоминает Саути в "Проклятии Кехамы". Другие божества также держат чакру в многоруких изображениях, с помощью которых индийские художники неуклюже пытаются изобразить всемогущество. Отсюда мы переходим к другой ветви темы.

Доспехи, инкрустированные золотом.
(См. [стр. 1402.](#))

ГЛАВА КЛ. ИНДИЯ - продолжение. ЖЕРТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ.

ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ - САТТИ, ИЛИ СЖИГАНИЕ ВДОВЫ - ЕЕ СУДЬБА, ЖЕЛАННАЯ ЕЙ САМОЙ И ЕЕ БЛИЖАЙШИМ РОДСТВЕННИКАМ - ПРИЧИНЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - КОНТРАСТ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ ЖЕНЫ И ВДОВЫ ИЗ ВЫСШЕЙ КАСТЫ - СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС БРАМИНОВ - ПОЧЕТ, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ САТТЕ - СПОСОБ ПРОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - СТРУКТУРА КУЧИ - МУЖЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕРТВЫ - ПОПЫТКА БЕГСТВА ЖЕРТВА - ПОПЫТКА ПОБЕГА СУТТИ - ОПИСАНИЕ БЕРНЬЕ - ПОСТЕПЕННОЕ УПРАЗДНЕНИЕ СУТТИ - БОГИНЯ КАЛИ И ЕЕ ПОКЛОННИКИ - БАНДИТЫ И ИХ КОНСТИТУЦИЯ - СВЯЩЕННЫЙ "РУМАЛЬ" ИЛИ ПЕТЛЯ - СПОСОБ ПРИНЕСЕНИЯ ЖЕРТВЫ - ПРАЗДНИК ДЖАГГЕРНАУТА - ТРУДНОСТИ ПАЛОМНИКОВ - ФОРМА ИДОЛА - САМОЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ГАНГЕ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЗВЕРЕЙ - БОГИНЯ ДООРГА ИЛИ КАЛИ - ФАКИРЫ ИЛИ ДЖОГИ - ИХ РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ САМОИСТЯЗАНИЯ - ФЕСТИВАЛЬ КАЧЕЛЕЙ - НЕПОДВИЖНЫЙ ФАКИР.

Нет ни одной части света, даже самой Африки, где принцип человеческих жертвоприношений был бы так широко распространен и развит так разнообразно, как в Индии. Некоторые формы человеческих жертвоприношений, такие как уже описанная мерия, относятся к определенным районам, и даже в них они совершаются с определенными ограничениями. Некоторые формы, основанные на том же принципе, такие как убийства,

совершаемые головорезами или пхансигарами во время их поклонения страшной богине Кали, ограничены определенными обществами людей. Жертвы, ежегодно раздавливаемые под колесами машины Джаггернаута, также сравнительно немногочисленны и могут быть принесены в жертву только в определенной местности и в определенное время.

Однако есть один способ человеческих жертвоприношений, который в далекие времена преобладал во всей Индии и был остановлен влиянием Англии только в тех частях страны, которые находились под британским владычеством. Даже в этих районах задача была очень трудной, и нет сомнений, что если бы сильная рука Англии была когда-нибудь снята, эта практика снова стала бы преобладать, как и раньше.

Такой формой человеческих жертвоприношений является ужасный сатти, или смерть вдовы на погребальном костре ее умершего мужа. И в Африке, и в Полинезии мы видели несколько случаев, когда вдову приносили в жертву на могиле мужа, чтобы он не оказался без жены, когда достигнет земли духов. Но примечательно, что даже среди самых низких дикарей, чье безразличие к причинению боли хорошо известно, нет ни одного, кто проявлял бы такую ужасную жестокость по отношению к вдове, как высокоцивилизованные индусы.

Обратившись к предыдущим частям этой работы, читатель увидит, что в некоторых местах вдов душат и кладут в могилу, в других хоронят заживо, в третьих убивают ударом дубины (возможно, это самая милосердная смерть, которую можно причинить), но ни в одном случае оставшуюся в живых жену не сжигают заживо, как это происходит у индусов.

На первый взгляд, кажется странным, что не только родственники несчастной жены желают ее сожжения, но и сама она должна желать этого и придерживаться своей решимости, несмотря на все возможности избежать столь ужасной смерти. Однако спокойная, беспристрастная жестокость индуистской природы проявляется в том, что, как ни мучительна смерть от сожжения, жизнь вдовы, пережившей своего мужа, становится настолько жалкой, что короткая, хотя и острая агония погребального костра оказывается бесконечно предпочтительнее жизни. Она теряет все касты, а вдову-брамина, которая отказывается от сожжения, ненавидят и презирают даже те самые парии, чья тень была бы для нее заразой при жизни мужа. Ужас такой жизни едва ли может представить себе европеец, даже если предположить, что нежная девушка, воспитанная в окружении роскоши и утонченности, вдруг будет брошена среди самых отъявленных дикарей без возможности спастись и станет объектом презрения и насмешек даже для них.

Чтобы осознать всю глубину полной деградации, которую переживает вдова из высшей касты, мы должны сначала узнать, каково ее мнение о собственном статусе. Читателю, несомненно, известно, что индусы делятся на несколько отдельных каст, особенность которых заключается в том, что никто не может подняться в высшую касту, хотя может опуститься в низшую. Так вот, из всех каст брамины являются неизмеримо высшей, и то почтение, которое оказывают им соотечественники, почти невероятно. Богатство или светский ранг не имеют ничего общего с этим благоговейным чувством. Индус из низшей касты может быть, и часто бывает, человеком почти безмерного богатства, обладать почти безграничной властью и, по-своему, безмерной гордостью. Но самый бедный из браминов бесконечно выше его, и если он встречает одно из этих возвышенных существ, он склоняется перед ним и воздает ему божественные почести. И, согласно его убеждению, он поступает правильно: брамин - это воплощение божества, вышедшее из уст Вишну, самого Бога-спасителя. Он может быть посажен на великолепного слона, покрытого сверкающими атрибутами, он может быть облачен в роскошные одежды и сверкать дорогими драгоценными камнями, но перед брамином, с единственной тканью вокруг талии и с единственным знаком своей касты - легким шнуром, перекинутым через одно плечо и под

другим, - он ничтожный раб. Даже если, как это иногда случается, он нанимает брамина в качестве повара, тот сохраняет свой ранг и получает поклонение от того, кому платит.

Согласно их священным книгам, "когда брамин появляется на свет, он рождается над миром; он - начальник всех существ; ему поручено охранять сокровищницу обязанностей, религиозных и гражданских". Согласно тем же книгам, само существование человечества и даже самого мира зависит от терпения браминов, чья сила превосходит даже силу самих богов. Если найдется человек, которого не сможет убить ни великий бог Индра, ни богиня разрушения Кали, ни даже сам Вишну, он будет уничтожен, если брамин проклянет его, как если бы он был поглощен огнем. В том же духе князей предупреждали, чтобы они не брали имущество браминов, как бы ни нуждались в деньгах, поскольку, если эти святые люди однажды разгневаются, они могут одним словом уничтожить их, их армии, слонов и лошадей.

Ими, под началом Брахмы, были изначально созданы земля, солнце, луна и огонь, и ими же они могли быть уничтожены. "Какой князь может нажить богатство, угнетая тех, кто, разгневавшись, может создать другие миры, легионы миров, *дать жизнь новым богам и смертным?*" Как эти огромные привилегии не зависят от внешних обстоятельств - богатства и ранга, так они не зависят и от характера человека. Чистая душа брамина находится вне всякого морального возвышения и выше всякого морального загрязнения. Он может быть человеком чистейшей жизни и высочайшей нравственности, но от этого он не лучше брамина; он может быть одним из самых мерзких развратников и от этого не хуже брамина, если он не совершает поступков, лишаящих его касты, - таких, например, как убийство коровы или употребление пищи, приготовленной низшим человеком.

Падение из такого сословия, стоящего выше человечества и равного божеству, должно быть чем-то почти ужасным, и мы легко можем представить, что любая смерть была бы предпочтительнее такой жизни. Но даже ужас подобной жизни не сравнится со страданиями индийской вдовы, которая считает, что ее душа безнадежно испорчена потерей своей касты, и чувствует себя униженной до уровня тех, на кого она смотрела с крайним отвращением, почти непостижимым для западного ума. Она вынуждена обрезать волосы, жить на самой грубой пище, одеваться в самые грубые одежды и в целом вести жизнь совершенно и безнадежно несчастную во всех тяготах, которые могут постигнуть тело, и во всех упреках, которые могут терзать разум.

С другой стороны, она верит, что если последует предписаниям своей религии и сгорит на погребальной плите своего мужа, то обретет вечное счастье. С момента начала церемонии жертвоприношения она становится абсолютно священным существом, само прикосновение которого освящает предметы, на которые она возлагает руки; она становится образцом для подражания для всех представителей своего пола, а память о ней навсегда остается в памяти ее семьи. Поэтому неудивительно, что, руководствуясь подобными соображениями, индийская вдова предпочитает смерть жизни, и что жертвоприношение сатти так прижилось в народе.

Церемония проводится следующим образом, слегка варьируясь в деталях в зависимости от ранга человека и конкретного района, в котором проводится жертвоприношение.

В земле выкапывается яма, над которой возвышается погребальная свая. Цель ямы - обеспечить приток воздуха, которым можно подпитывать огонь. По краям ямы вбивают палки, чтобы поддерживать материалы для кучи - сухое дерево, камыш и пеньку. Их аккуратно складывают в кучу на высоте четырех футов или около того, а смолу и топленое масло (*т. е.* жидкое масло) бросают на кучу, чтобы усилить интенсивность пламени. Затем

тело относят к реке, на берегу которой всегда возводится костер, и там его обмывают родственники, после чего заворачивают в новую ткань и кладут на костер.

В это время вдова стоит на берегу, произнося молитвы и размахивая веткой манго. После того как труп извлекают из воды, она сама спускается в нее и, омывшись, раздает подругам все свои украшения, которые с нетерпением ищут, так как их освятила священная рука сатти. Затем ее одевают в новый халат и кладут рядом с телом, к которому ее обычно, хотя и не всегда, привязывают. Затем на нее наваливают сухие камыши и дерево, при этом открывают только голову, чтобы она могла дышать в течение того короткого времени, которое ей осталось жить. Затем поперек кучи кладут два длинных бамбука, концы которых держат за связи, чтобы прижать ее к земле, если она будет пытаться выбраться, когда пламя охватит ее. Огонь разжигает ближайший родственник, и, если свая была сооружена правильно, сатти вскоре погибает, скорее от удушья, вызванного дымом, чем от пламени.

Однако иногда, когда строительство свай было доверено неопытным рукам, происходит ужасная сцена: несчастная жертва пытается вырваться из терзающего ее пламени, а ее безжалостно удерживают бамбуковые шесты, перекинутые через тело. Доктор Масси рассказывает о нескольких случаях попыток спастись. В одном случае причиной страданий бедной жертвы, очевидно, стал способ подготовки кучи. На каждом углу устанавливался прочный столб, к которому подвешивалась вторая свая, похожая на навес, возвышающаяся на три-четыре фута над поверхностью основной сваи. Этот навес был сделан в основном из деревянных бревен и был очень тяжелым.

После того как сатти укладывали на сваю и накрывали соломой, пропитанной топленым маслом, разжигали огонь, и дым густыми клубами поднимался над головой жертвы. Пламя разгорелось с новой силой, и если бы ему позволили гореть своим чередом, смерть бедной женщины наступила бы почти сразу. Но как раз в это время четверо помощников перерубили мечами веревки, поддерживавшие балдахин, так что он обрушился на нее всем своим весом.

Возможно, это был акт милосердия, но его последствия оказались совсем не милосердными. На мгновение она была оглушена ударом, но масса поленьев сдерживала действие огня и заставляла его гореть медленно, а не быстро. Ползучее пламя вскоре вернуло ей сознание через муки, которые оно ей причиняло, и она жалобно кричала, прося помощи, которую никто не мог ей оказать, пока смерть наконец не положила конец ее страданиям".

Тот же автор приводит рассказ о сатти, которой действительно удалось спастись из огня, несмотря на сопротивление браминов и ее родственников: "Еще один достоверно подтвержденный случай жестокого сожжения.

"Другой хорошо подтвержденный и жестокий случай такого жертвоприношения произошел примерно в то же время в более северной провинции Индии: "Несчастливая браминка по собственной воле взошла на погребальную грудку костей своего мужа, но, обнаружив, что пытка огнем оказалась для нее невыносимой, она с ожесточением бросилась из пламени и, отступив на небольшое расстояние, упала вниз. Несколько джентльменов, которые были зрителями, немедленно окунули ее в реку, которая находилась неподалеку, и тем самым спасли ее от сильных ожогов. Она полностью сохранила рассудок и пожаловалась на скверность сваи, которая, по ее словам, поглощала ее так медленно, что она не могла этого вынести, но выразила готовность снова попробовать ее, если ее улучшат. Но они этого не сделали, и бедняжка в ужасе отпрянула от пламени, которое теперь пылало все сильнее, и отказалась продолжать.

"Увидев это, бесчеловечные люди схватили ее за голову и пятки, бросили в огонь и держали там, пока не отогнали от себя жар; они также взяли большие куски дерева, которыми били ее, чтобы лишить чувств; но она снова вырвалась и, не получив помощи, побежала прямо в реку. Жители ее дома последовали за ней и попытались утопить ее, столкнув под воду, но один европейский джентльмен спас ее от них, и она тут же бросилась к нему в объятия и стала кричать, чтобы он спас ее.

"Я прибыл на место, когда ее во второй раз принесли из реки, и не могу описать вам ужас, который я испытал, увидев, в каком изуродованном состоянии она находилась: почти каждый дюйм кожи на ее теле был сожжен; ее ноги и бедра, руки и спина были совершенно сырыми, ее груди были ужасно разорваны, и кожа свисала с них нитками; кожа и ногти на ее пальцах были полностью содраны и свисали к тыльной стороне ее рук. Я никогда не видел и не читал о такой полной картине страданий, как у этой бедной женщины. Казалось, она боялась, что ее снова повезут на костер, и взывала к "Оча Сахибу", чтобы он спас ее. Ее друзья, казалось, больше не были склонны принуждать ее, и один из ее родственников, по нашей инициативе, сел рядом с ней, дал ей немного одежды и сказал, что они этого не сделают. Мы отправили ее в больницу, где ей немедленно была оказана всяческая медицинская помощь, но без надежды на выздоровление. Она пролежала в мучительной боли около двадцати часов, а затем умерла".

Часто говорят, что женщину одурманивают опиумом или индийской коноплей, прежде чем подвести к куче, и что зрители бьют в барабаны и кричат, чтобы заглушить ее вопли. Однако это не так: женщине требуется задействовать все свои чувства, чтобы пройти через различные церемонии, предшествующие сжиганию, а свалка обычно делается так тщательно, что смерть наступает так быстро, что жертва едва ли успевает произнести крик или сделать хоть одну попытку спастись.

Различные путешественники упоминали о дополнениях к простому сожжению вдовы. Бернье, например, рассказывает, что, путешествуя недалеко от Агры, он услышал, что скоро состоится сатти. Он отправился на место и увидел там большую яму, посреди которой лежала большая куча дров. На куче лежало тело мужчины, а рядом с ним сидела молодая красивая женщина, чье платье было почти пропитано маслом, как и древесина кучи. Зажгли костер, она села на кучу, и когда пламя охватило ее тело, громким голосом воскликнула, что, согласно индийской вере в переселение душ, она уже в пятый раз становится сатти и что ей придется сделать это еще дважды, чтобы достичь совершенства.

Вокруг края ямы танцевали пять женщин, держа друг друга за руки и не обращая внимания на огонь. Вскоре пламя охватило платье одной из них, после чего она отделилась от своих спутниц и бросилась головой вперед в горящую яму. Оставшиеся четверо продолжали свой танец, и, когда огонь охватил их одежду, они одна за другой прыгнули в пылающую яму. Эти женщины, как оказалось, были рабынями сатти. Они были очень привязаны к своей госпоже, и когда услышали, что она дала обет умереть на погребальной куче, то решили умереть вместе с ней.

Тот же путешественник рассказывает очень любопытный анекдот о сатти, которая использовала эту страшную церемонию с необычной целью.

Она стала вдовой по собственному желанию, отравив мужа, чтобы затеять интригу с молодым портным, магометанином, который славился своим умением играть на барабане. Он, однако, был встревожен ее преступлением и отказался от ее общества. Из-за касты, к

которой она принадлежала, смерть через сожжение не была необходимостью, но после отказа возлюбленного она отправилась к своим родственникам, сообщила о внезапной смерти мужа и заявила, что будет сожжена вместе с ним.

"Ее родственники, довольные столь великодушным решением и большой честью, которую она оказала всей семье, тут же сделали яму, наполнили ее дровами, положили в нее труп и разожгли огонь. Все было готово, и женщина пошла обнимать и прощаться со всеми своими родственниками, которые находились у ямы, среди которых был и портной, приглашенный в тот день играть на таборе со многими другими мужчинами этого рода, по обычаю страны. Эта яростная женщина, подойдя к юноше, сделала знак, будто хочет попрощаться с ним вместе с остальными, но, вместо того чтобы нежно обнять его, она со всей силой схватила его за воротник, потянула к яме и вместе с собой сбросила в канаву, где они оба вскоре погибли".

Дата введения сатти неизвестна, но она действовала во времена Александра Македонского и, должно быть, была установлена задолго до этого. Под властью британцев система сатти была постепенно отменена, и мы можем надеяться, что эта ужасная сцена больше никогда не повторится.

Уже упоминалось о нескольких других модификациях человеческих жертвоприношений, и мы уделим несколько страниц их описанию.

В индийской мифологии существует некая страшная богиня разрушения по имени Кали. Ее статуи демонстрируют ее атрибуты: многочисленные руки наполнены всевозможным оружием, а лицо украшает огромное ожерелье из человеческих черепов. Для того чтобы умиловить это ужасное божество, была разработана система, которая, возможно, является самой замечательной, нелогичной и лучше всего регулируемой системой, которую только можно найти на земле. Это просто убийство, возведенное в ранг религиозного обряда, и отличается от всех других человеческих жертвоприношений тем, что кровь не проливается, жертва всегда убивается хитростью, а поклоняющимся не нужны ни храм, ни алтарь.

Члены общества называют себя головорезами, от индуистского слова, означающего "обман", которое было дано им в связи с тем, каким образом жертвы попадают в ловушку. В некоторых частях Индии их называют Phânsigars, от санскритского слова, означающего "петля". Возможно, самым странным моментом в этой стране строгих и отдельных каст является то, что головорезы не принадлежат ни к одной касте, ни даже к одной религии. Они все согласны поклоняться Кали, но в других отношениях они принимают в свои ряды мужчин и женщин всех каст, и многие из них - махоммедане, которые вообще не имеют касты. Действительно, махоммеданские головорезы претендуют на происхождение этой системы, хотя индусы говорят, что она существовала задолго до времен Махоммеда.

Они всегда ходят компаниями, полная группа часто состоит из нескольких сотен человек всех возрастов и обоих полов. Поскольку суть жертвоприношения заключается в секретности, они принимают всевозможные обличья, обычно изображая странствующих торговцев. В этом качестве они играют свою роль в совершенстве и стараются заманить путешественников в свои лапы.

Для этого у них есть регулярная организация. Во главе их стоит вождь, или сирдар, который руководит деятельностью банды. Затем старый опытный головорез выступает в роли инструктора и учит молодых, как пользоваться священной петлей, которой душат жертв. Это

не шнур с бегущим узлом, а нечто вроде платка, который накидывают на шею ничего не подозревающего человека и внезапно затягивают. Эта петля, или платок, называется "румаль". Затем приходят люди, которым доверяют петлю. Их называют бхуттотами, или душителями, и, как правило, это мужчины, обладающие силой и активностью. Далее идут ловцы, или соты, а именно те, чья задача - заманить жертву в удобное для убийства место и привлечь ее внимание, пока идет подготовка к смерти. И наконец, Лугаи, или гробокопатели, которые готовят могилу для принятия тела.

Метод, которым головорезы совершают свои жертвоприношения, почти в точности похож на тот, который используют современные гарротеры, за исключением того, что вместо руки используется петля, а жертва всегда убивается, а не только на время лишается сознания.

Найдя человека, который, по их мнению, станет подходящим жертвоприношением для Кали, соты добиваются того, чтобы он пришел на роковое место. На это часто уходит несколько дней, ведь если нет уверенности, что убийство не будет совершено никем, кроме членов их собственного общества, бандиты не станут покушаться на жизнь путешественника.

Женщины и дети, прикрепленные к банде, обычно используются в качестве сота, поскольку они вызывают меньше подозрений, чем если бы они были мужчинами. Если женщины молоды и красивы, они тем более ценны как приманки; и, как ни странно, даже молодые девушки с большим интересом заманивают путешественников в роковую петлю.

Когда группа прибывает в назначенное место, внимание путешественника ловко направляется на какой-нибудь предмет перед ним, а бхуттоте, исполняющий роль палача, тихо крадется позади него. Внезапно петля обвивается вокруг шеи жертвы, колено убийцы вдавливаются в спину, и через короткое время она перестает жить. Как правило, палач настолько искусен в своем страшном деле, что убитый не оказывает сопротивления, а умирает почти без борьбы - первое давление петли приводит к бесчувствию.

Затем тело убитого раздевают, а его имущество переходит к бандитам. Иногда банда головорезов заманивает в ловушку целую группу путешественников, и всех их одновременно убивают. Обычно это происходит, когда несколько богатых людей путешествуют вместе, в этом случае их и их слуг убивают в честь Кали, которая, со своей стороны, отдает своим слугам имущество убитых людей в качестве вознаграждения за их благочестие.

После жертвоприношения тело протыкают в нескольких местах, чтобы оно не разбухло, и кладут в могилу. Почва тщательно засыпается и выравнивается с такой изобретательной тщательностью, что едва ли кто-то, кроме тех, кто вырыл могилу, сможет обнаружить ее после погребения. В одном случае, когда английские войска преследовали банду головорезов, они прошли по земле, которая была полна трупов, и не подозревали об этом, пока один из пленных головорезов с ликованием не указал на могилу за могилой как на доказательство их успеха.

После того как тело похоронено, а все следы убийства убраны, бандиты проходят своего рода религиозную церемонию, садясь вокруг белого полотна, на котором лежат священные кирпичи, которыми копают могилы, кусок серебра и немного сахара. Затем сирдар садится на простыню лицом на запад, по обе стороны от него - самые опытные душители, и раздает сахар всем присутствующим, которые едят его в торжественном молчании. Затем простыню убирают, и на первый взгляд бандиты - не более чем партия безобидных путешественников.

Все это происходит настолько тайно, что система была обнаружена только в последние годы. Множество людей таинственно исчезали, но в Индии туземцы необычайно равнодушны, и всегда легко объяснить исчезновение путешественника, сказав, что его унес тигр. Бандиты

гордятся своей профессией и, когда их ловят, не пытаются это скрыть, а открыто хвастаются количеством убитых ими жертв и с ликованием описывают способ их уничтожения; а когда их самих ведут на виселицу, они относятся ко всему этому со спокойным презрением, заботясь о своей жизни не больше, чем о жизни своих жертв.

Теперь мы переходим к другой церемонии, в которой человеческая жизнь приносится в жертву, хотя и в качестве дополнения, а не как ее основная черта. Это знаменитая процессия Джаггернаута, или Джаганатха. Церемонии, связанные с этим идолом, да и само изобретение идола, по-видимому, относятся к сравнительно недавнему времени и, за исключением великого ежегодного шествия машины, не представляют особого интереса.

Большой храм идола находится в Ориссе, более чем в трехстах милях к юго-западу от Калькутты. Он представляет собой высокую пирамидальную башню высотой около двухсот футов, построенную из теплого красного песчаника, покрытого известковым цементом, называемым "чунам". Находясь на морском побережье, эта башня является самым полезным ориентиром для навигаторов в Бенгальском заливе.

Раз в год здесь проходит великий праздник Джаггернаута, и для шествия вывозят огромную машину-идола. Повозка представляет собой огромное сооружение из дерева высотой более сорока футов и площадью тридцать пять футов. Эта масса дерева держится на шестнадцати колесах, каждое из которых более шести футов в диаметре, причем некоторые из колес находятся под кузовом. Сама повозка обильно украшена скульптурами обычного характера, а запряжена она, как принято считать, двумя большими деревянными лошадьми, которые прикрепляются к ней в готовности к процессии, а в остальное время находятся внутри нее.

В назначенный день в машину помещают трех идолов. Центральная фигура изображает Кришну, а остальные - его брата Бала Раму и сестру Субхадру. Это не что иное, как три огромных и отвратительных бюста, не так хорошо вырезанных, как тики Новой Зеландии, и, по сути, очень напоминающих человеческие фигуры, нацарапанные на стенах маленькими мальчиками. К машине прикреплены прочные и длинные тросы, с помощью которых поклонники идола тащат его за собой. Сцена, происходящая во время шествия, наиболее ярко описана Брутоном:-...

"В эту колесницу в дни великих праздников по ночам они сажают своего нечестивого бога *Джаггарната*; и все *брамины*, числом девять тысяч, сопровождают этого великого идола, кроме того, *ашменов* и *факиров* несколько тысяч, или более чем много.

"Колесница богато украшена самыми богатыми и дорогими украшениями, а вышеупомянутые колеса расположены очень полно по кругу, так искусственно, что каждое колесо выполняет свою работу без всякого препятствия, ибо колесница находится на возвышении, а в центре между колесами: с ними также более двух тысяч огней. И эта колесница с идолом запряжена самыми большими и лучшими людьми города; и они так жадно и охотно тянут ее, что всякий, кто, упираясь, толкаясь, толкаясь, толкаясь, толкаясь или каким-либо наглым образом, может хоть рукой зацепиться за канат, считает себя блаженным и счастливым; И когда он едет по городу, многие приносят себя в жертву этому идолу и в отчаянии ложатся на землю, чтобы колеса колесницы могли проехать по ним, и таким образом их убивают; некоторым ломают руки, другим ноги, так что многие из них погибают; и таким образом они думают заслужить рай."

Еще один из ранних авторов, пишущих на эту тему, утверждает, что многие люди ложатся на пути движения вагона за несколько часов до его старта и, приняв сильную дозу опиума или "бханга", *то есть* индийской конопли, встречают смерть, оставаясь без сознания.

В былые времена ежегодное скопление людей в храме Джаггернаута, который для индусов является тем же, чем Мекка для магометан, поражало воображение: полтора миллиона паломников считались средним числом. Если отбросить сравнительно небольшое число тех, кто погиб под колесами огромной машины (ведь если бы вся дорога была вымощена человеческими телами, их было бы совсем немного), то число умерших от лишений и страданий было ужасающим.

Мы знаем по печальному опыту, как трудно прокормить большую армию, даже при большом преимуществе дисциплины со стороны комиссариата и получателей. Поэтому легко понять, насколько ужасными должны быть лишения, когда огромная толпа, вчетверо превышающая численность любой армии, когда-либо вышедшей на поле боя, прибывает одновременно со всех сторон в место, где не было принято никаких мер для снабжения их провизией, и где, даже если бы местность могла предоставить необходимое продовольствие, большая часть паломников совершенно не имеет денег и, следовательно, не в состоянии заплатить за еду. В те дни паломники гибли тысячами, становясь такими же жертвами Джаггернаута, как и те, кто был раздавлен колесами его колесницы, и, более того, испытывая гораздо более долгую и мучительную смерть. Тем не менее, по их убеждению, они погибли, выполняя свой долг, и этой смертью заслужили высокое место в раю индусов.

Так было до установления в Индии английского раджа. С тех пор число паломников к храму Джаггернаута постепенно, но неуклонно сокращалось, а в последнее время мы стали свидетелями удивительного и знаменательного события. Раньше огромная толпа верующих теснилась и толпилась вокруг тросов, на которых была запряжена машина, пытаясь прикоснуться к священному канату. В последние годы брамины находят для этого все меньше и меньше почитателей, и однажды, несмотря на все их усилия, канаты были опустошены, а машина осталась неподвижной и ехала, как могла.

Что касается самого идола Джаггернаута, Брутон дает его любопытное описание, говоря, что по форме он напоминает змею с семью головами, и что на щеках каждой головы есть крылья, которые открываются и закрываются и хлопают по мере движения машины.

Об идоле в виде пятиглавой кобры упоминают господа Тирман и Беннетт в своих "Миссионерских путешествиях": "Нам довелось посетить очень красиво построенный каменный храм (в Аллахабаде), покрытый хорошо выполненными скульптурами их идов, святых лиц и т.д., выполненными из камня с высочайшим рельефом. В храме было несколько каменных идов, изображающих змею - *кобру капелла*, или змею в капюшоне. Самый большой из них, изображающий змею двенадцати футов в длину, с пятью головами, причем все головы расширены и свернуты в некое подобие гордиева узла, является главным объектом поклонения в этом храме.

"Пока мы смотрели на этого каменного змея, к нам ворвался ужасного вида человек без одежды (ему было около двадцати пяти лет), весь в пепле, а его огромные волосы покрыты грязной пылью. Глаза его были воспалены; он склонился перед змеей, затем распростерся, после чего почтительно коснулся головы, пристально посмотрел на змею, снова распростерся, затем коснулся ее и бросился вон, как бы в пароксизме восторга от мысли, что поклонился этой вещи. Выйдя из храма, он обошел всю веранду и, еще раз поклонившись у

дверей храма, торопливым шагом удалился. Мы не можем представить себе человека, имеющего большее сходство с бесноватым, чем это несчастное существо, которое, тем не менее, бедные индусы считают одним из самых святых людей".

Другая форма человеческих жертвоприношений, подобно прострации под машиной Джаггернаута, была призвана перенести верующего в рай, хотя и менее болезненным и менее отвратительным способом.

Ганг всегда считался самым священным потоком, воды которого смывают с души все греховные пятна. Однако есть одно место, а именно место слияния Джумны с Гангом, которое настолько священо, что любой, кто умирает там, должен непременно попасть прямо в рай. Поэтому очевидно, что самый простой план попадания в рай - это обеспечить себе смерть в месте слияния рек. Для этого преданный садился в лодку и привязывал к каждой из своих ног по чатти или глиняному кувшину, наполненному песком. Лодку гребли до середины реки, и преданный падал за борт в реку. Лодки для этих целей держали брамины, которые брали плату за проведение жертвоприношения.

Иногда преданным удавалось принести жертву самостоятельно, без помощи браминов и их лодки. Они привязывали пустую чатти к поясу спереди и сзади и, поддерживаемые пустыми сосудами, гребли руками, пока не достигали нужного места. Затем они зачерпывали воду в чатти, пока те не наполнялись, и так погружались, причем веса сосудов было достаточно, чтобы унести их на дно. Подобным образом трупы вверяют хранению священной реки, когда родственники покойного не в состоянии позволить себе большие расходы на погребальный костер. Тело окружают подожженной соломой, чтобы оно обгорело и считалось очищенным огнем. Затем к нему прикрепляют две чатти, родственники буксируют тело на середину реки, наполняют чатти водой и позволяют телу утонуть. Что будет с ним потом, их не волнует, и хотя оно будет съедено многочисленными хищными тварями, которые бродят по рекам в поисках своей отвратительной пищи, они вполне довольны своей долей в избавлении от него.

Во многих случаях вместо человеческих жертв приносятся звери. В землю вбивают короткий крепкий столб, а на его вершине вырезают глубокую выемку, в которую вставляют шею животного, причем размер выемки и высота столба соответствуют размеру жертвы. Таким образом приносятся жертвы Доорге, богине природы, и очень важно, чтобы голова жертвы была отрублена одним ударом. Это достаточно легко сделать с ягненком или даже козленком, но когда в жертву приносят буйвола, успех удара настолько сомнителен, что для обеспечения его правильного выполнения используется множество церемоний. Жертвенный нож - это огромное оружие, по форме напоминающее крюк, очень широкое, тяжелое и острое, как бритва. Когда должно состояться жертвоприношение, буйвола подводят к столбу, который стоит перед десятируким изображением Доорги, его рога окрашивают в красный цвет, голову посыпают куркумой, окропляют водой из Ганга, а на шею вешают гирлянды цветов.

Затем животное ставят так, чтобы его шея упиралась в вилку столба, к которому оно прочно прикрепляется железным прут, пропущенным через отверстия в вилке, и прижимается головой вниз. Тело опирается на насыпь земли перед столбом, а ноги разводятся в стороны и удерживаются веревками, так что движение невозможно. Жертвователь, всегда обладающий большой мускульной силой, выходит вперед, берет жертвенный нож с алтаря перед статуей Дорги и вместе с собравшейся толпой молится, чтобы ему была дана сила исполнить свой долг.

Под затаенное молчание собравшихся поклоняющихся он поднимает тяжелый нож и одним ударом пронзает им шею беспомощной жертвы. Когда голова падает на землю, ее

подхватывают брамины, которые приносят ее в жертву богине, а народ в неистовом восторге танцует вокруг жертвоприношения, обнимает его, распевает песни в его честь и увенчивает его гирляндами цветов. Тело буйвола становится собственностью зрителей, которые борются за него, пока одна сторона не одержит верх над другой и не унесет приз. Вокруг крови, которая лежит в лужах на земле, толпится народ, макает в нее пальцы и мажет ею свои тела и стены храма.

Богиня Дорга, которой приносятся эти жертвы, на самом деле Кали под другим названием; первое имя означает "Недоступная", а второе - "Черная". Она представлена как жена бога-разрушителя Шивы и мать бога войны Картикеи. Как и Дорга, ее многорукая фигура вырезана из дерева, или смоделирована из картона и расписана розовой краской. Она сидит, скрестив ноги, на павлине и окружена множеством других божеств из многоликой индуистской мифологии. Перед ней изображен человек, которого пожирает некий зверь, чем-то похожий на геральдического грифона. Как только жертвоприношение заканчивается, богиня отходит от своего изображения, которое затем несут в процессии к Гангу и под оглушительные крики людей, звуки труб и удары барабанов с литаврами бросают в поток.

Читатель, возможно, помнит, что на [странице 1413](#) было дано краткое описание святого человека, который пришел поклониться многоголовому богу-змею. Это был один из факиров, или джоги, *то есть* аскетов, которых в Индии великое множество, и которые подвергают себя самым страшным пыткам в честь своих божеств. По праву факиры являются магометанами, хотя англичане привыкли называть магометанских и индуистских аскетов общим титулом "факир". "Джоги" - обычное название индуистских адептов, хотя они делятся на несколько сект, таких как байраги, сангасе, госаре и т. д.

Во все века и почти во всех странах были религиозные энтузиасты, которые стремились добиться благосклонности или умиловить гнев божества добровольными страданиями, но, пожалуй, ни в одной стране мы не найдем такого большого разнообразия этих принципов, как в Индии. Здесь есть как магометанские, так и индуистские аскеты, причем последние имеют то преимущество, что им не обязательно принадлежать к какой-либо определенной касте. Полное описание необычных действий этих людей заняло бы гораздо больше места, чем мы можем себе позволить, поэтому мы приведем лишь несколько наиболее характерных примеров.

Одна из самых распространенных, а также одна из самых легких пыток - откусывание языка раскаленным железом. Эта практика широко распространена в Чинсуре, в храме бога-быка. Под кучей баньяновых деревьев собирались преданные, чтобы подвергнуть себя различным пыткам, и самой распространенной из них было откусывание языка. Эту операцию выполнял местный кузнец, который считался очень искусным в этом деле, и в определенные сезоны его полностью осаждали просители, с удвоенной настойчивостью желающие, во-первых, чтобы им высверлили языки, а во-вторых, чтобы это было сделано как можно дешевле. В такие времена он выстраивал просителей в ровные ряды и принимал их по очереди, варьируя плату в зависимости от их количества, ранга и нетерпения.

Странный случай самоистязания описывает полковник Кэмпбелл. В Коларе, родине султана Типпоо, видели человека, который маршировал взад-вперед перед мечетью, распевая гимн. Он был обут в пару деревянных сандалий, не связанных, а прибитых к ногам длинными железными шипами, которые были вбиты в подошву и выступали над голенищем. Однако он шел твердым, беспечным шагом и напевал свою размеренную мелодию, словно совершенно не осознавая, каких страшных мучений стоил ему каждый шаг.

Иногда эти преданные демонстрируют свою набожность долгими паломничествами к определенным священным местам, делая путь как можно более трудным и причудливым. Одни ложатся на землю и катятся по ней, другие измеряют путь, ложась на лицо, отмечая место, где лежала их голова, встают, ставят ноги на отмеченное место и снова ложатся на землю. Иногда они ложатся на спину и толкают себя по дороге пятками, тем самым сильно режутся и ушибают спины о неровную землю. Некоторые из этих людей практикуют самое необычное покаяние в честь богини Дорги, покаяние, которое в некоторых отношениях напоминает инициацию манданов. В землю втыкают прочный шест высотой около двадцати футов, а сверху горизонтально кладут длинный бамбук, на котором он вращается с помощью шарнира. Иногда два или даже три шеста пересекаются друг с другом на вершине столба. С каждого конца бамбука свисают веревки, к половине из которых прикреплены большие не колющие крюки из полированного железа. Преданные становятся под бамбук, крюки втыкаются им в спины, и люди, держась за веревку на другом конце бамбука, поднимают их в воздух. Затем люди, держащие веревки, бегут по кругу, чтобы раскачивать преданных с большой скоростью, при этом весь вес их тел приходится на крюки. Во время раскачивания они разбрасывают цветы и другие подарки среди зрителей, которые жадно хватаются за них, считая, что они обладают очень большими достоинствами.

Этой страшной пытке подвергаются как мужчины, так и женщины, и делают это по разным причинам. Кто-то позволяет себе раскачиваться в честь богини, кто-то делает это во исполнение обета, а многие идут на эту операцию за плату, заменяя тех, кто дал обет, но боится выполнить его лично, или предпочитает чествовать богиню через заместителя, а не от своего лица. От одной до двух рупий, *то есть* от двух до четырех шиллингов, считается справедливой платой для заместителя.

Иногда вертикальный столб закрепляют на обычной повозке с быком, и он получается короче, чем когда его закрепляют в земле. После того как крючки вставлены, противоположный конец бамбука тянут вниз, чтобы поднять преданного на высоту около тридцати футов, и крепят к повозке. Затем повозка как можно быстрее вокруг загона с помощью шести или восьми быков, которые запрягаются в нее специально для этого случая и выбирают за свою скорость.

Во многих случаях джоги (йоги) совершают покаяние, держа одну или несколько конечностей в одном положении, пока через некоторое время они не становятся неспособными к движению, а мышцы почти полностью отказывают. Некоторые из них держат одну руку вытянутой вверх до упора. Для этого руку поддерживают шнуром, когда изможденные мышцы отказываются больше поддерживать конечность. В некоторых случаях, когда джоги сжимал руку, ногти прорастали сквозь кисть, прокладывали себе путь через спину и свисали почти до запястья.

Очень распространенной практикой является сидение в полной неподвижности, при этом ноги со временем становятся совершенно неспособными двигаться, так что человек не может изменить свое положение, даже если бы он этого захотел. В некоторых случаях они даже выходят за эти рамки и умудряются стоять, а не сидеть, практически не поддерживая свое тело во время сна. Один из таких людей описан мистером Уильямсоном: "В нескольких ярдах от реки слева от нас стоял один из тех ужасных фигур, которых называют *йогами*, или индийскими святыми, - джентльмен-нищий, который поместил себя в определенную позу, из которой он поклялся никогда не выходить до конца своей жизни, а провести ее в умственном абстрагировании.

"Он появился на земляном помосте, поднятом примерно на восемнадцать дюймов от земли. На одном конце этого кургана (длина которого могла составлять семь футов, а ширина - пять) были установлены два бамбука, высотой семь или восемь футов, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы он мог стоять между ними. На высоте локтя от одного бамбука до другого была положена широкая доска, а на ее середине закреплен другой кусок доски длиной два фута и шириной пять дюймов, наклоненный вверх от него. Таким образом, стоя на платформе и опираясь руками на перекладину, он держался руками за каждую сторону вертикальной наклонной доски. Казалось, он одинаково давит на любую ногу, немного наклонившись вперед, с лицом, повернутым скорее в сторону и поднятым к солнцу.

"Его внешний вид был убогим и жалким. Все его тело было измазано синей грязью; длинные, свалывшиеся, обесцвеченные до желтовато-коричневого цвета от воздействия солнца волосы свисали во все стороны. Борода у него была кустистая и черная, а все остальное лицо так изуродовано волосами, что можно сказать, что оно сплошь бородатое.

"Не было заметно ни малейшего движения ни в одной из его конечностей, ни в одном мускуле его лица. На нем не было никакой одежды, кроме набедренной повязки из коричневого материала. Он носил "поиту", или священную нить, что указывало на то, что он брамин. Днем и ночью, как можно понять, несчастный страдалец (если его состояние действительно можно назвать страданием) сохраняет без изменений эту парализующую позу".

Далее мистер Беннет выражает некоторое неверие в постоянную неподвижность преданного и, очевидно, подозревает в нем самозванца, который под покровом ночи покидает свой пост и освежает себя сном в лежащем положении. Однако это, конечно, не так, и, более того, сам язык рассказа показывает, что так быть не могло. Должен был пройти очень долгий период времени, прежде чем преданный, о котором идет речь, смог натренировать свое тело, чтобы оставаться, как признает мистер Беннетт, без единого движения мускула в течение всего времени, пока за его действиями наблюдали. И, прежде чем такое достижение могло быть достигнуто, конечности человека должны были настолько окоченеть от неиспользования, что они были бы такими же негибкими, как если бы были вырезаны из дерева или камня, и стоял ли он или лежал, было бы совершенно безразлично. Что же касается сидения или принятия любой позы, предполагающей сгибание конечностей, то это было бы совершенно невозможно.

Подобное явление, если его можно так назвать, мы можем наблюдать и среди нас самих. Нет ни одного человека из тысячи, который сохранил бы нормальную гибкость своих конечностей, если только он не профессиональный спортсмен. Естественно, конечности каждого мужчины и каждой женщины так же гибки, как и у мастеров осанки, которые могут скрестить ноги на затылке, поднять ртом монету с земли между пятками или сесть на землю, вытянув ноги по обе стороны тела. Но если человек не сохраняет эту гибкость путем постоянного использования, конечности становятся жесткими, и обычному англичанину так же трудно, если не сказать невозможно, совершить подвиги профессионального акробата, как джогги сгибают колени или лодыжки, которые не разгибались в течение нескольких лет.

Более того, зрители, которые собираются вокруг таких почитателей и никогда не оставляют его без присмотра ни днем, ни ночью, были бы очень готовы обнаружить любую попытку самозванства и были бы возбуждены этим до такого уровня религиозной ярости, что человек был бы разорван на куски возбужденной толпой. И сам факт того, что этот человек был брамином, служил достаточным доказательством того, что он не был самозванцем. В силу своего браминского звания он находился на вершине человечности. Если бы он был

человеком из низшей касты, его с полным основанием можно было бы заподозрить в самозванстве, чтобы добиться уважения соотечественников. Но поскольку он уже был брамином, в таком самозванстве не было никакой необходимости, а его преданность, какой бы суеверной и фанатичной она ни была, несомненно, была искренней.

ГЛАВА КЛИ.

ИНДИЯ - Завершение.

ОТНОШЕНИЕ ИНДИЙЦЕВ К ЖИВОТНЫМ.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА - ПТИЦА МИНА И ЕЕ ПОДВИГИ - ЗАКЛИНАТЕЛИ ЗМЕЙ - ПОДОЗРЕНИЕ В САМОЗВАНСТВЕ - РАССКАЗ ГЕНЕРАЛА КЭМПБЕЛЛА О КОБРЕ И ЗАКЛИНАТЕЛЕ - СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА - ТРУДНОСТЬ ЗАДАЧИ - НЕ УДАЛЕННЫЕ ЯДОВИТЫЕ КЛЫКИ - ПОСВЯЩЕНИЕ НОВИЧКА - ОХОТА НА СЛОНОВ - ЛОВЛЯ СЛОНОВ КУМКАМИ - ПРИРУЧЕНИЕ ПОЙМАННОГО ЖИВОТНОГО - ВОСТОРЖЕННЫЙ КУМК - ОХОТА В НЕПАЛЕ - ДЖУНГ БАХАДУР И СЛОНЫ - ОХОТА С ДРЕССИРОВАННЫМИ ОЛЕНЯМИ И АНТИЛОПАМИ - ЧЕТАХИ ИЛИ ОХОТА НА ЛЕОПАРДОВ.

Мы закончим описание Индии несколькими замечаниями об одной из главных особенностей туземного характера, а именно о замечательной способности индийцев приручать и дрессировать животных. Эта способность проявляется по-разному, некоторые из них носят религиозный характер и считаются в некотором смысле чудесными, а некоторые лишь иллюстрируют природное превосходство этих людей над зверями, птицами и рептилиями.

Индейцы, например, непревзойденно умеют дрессировать соколов, которых они учат нападать не только на птиц, но и на антилоп и другую дичь. Эти соколы, конечно, сами по себе не способны убить антилопу, но они вычисляют любую, которую обозначил их хозяин, и опускаются на ее голову, крепко цепляясь когтями и буравя бедного зверя по глазам крыльями, так что он дико бежит туда-сюда, и таким образом позволяет схватить себя собакам, от которых он мог бы убежать, если бы мог двигаться по прямой линии. Тщательно обученный сокол пользуется большим уважением, и многие мелкие войны, в которых погибло много людей, были вызваны желанием одного раджи завладеть соколом, принадлежащим другому.

Есть еще маленькая птичка под названием мина, принадлежащая к роду граклов. Это симпатичная птичка, размером примерно со скворца, с бархатисто-черным оперением, за исключением белого пятна на крыле. С обеих сторон головы отходят ярко-желтые плетенки. Эту птицу можно научить говорить так же хорошо, как любого попугая, и говорят, что, как правило, тона мины больше похожи на человеческий голос, чем на голос любого попугая. Кроме того, эта птица очень умна, и ее можно научить выполнять множество красивых трюков.

Один из трюков, которому очень часто обучают птицу, заключается в том, что она бросается на женщин, выхватывает украшения, которые они носят на голове, и несет их своему хозяину. Это маленькая хитрость, которую иногда разыгрывает молодой человек с объектом своей привязанности, чтобы заставить ее дать интервью и вернуть свое имущество.

Что касается пресмыкающихся, то кобра кажется столь же маловероятным существом, которое можно приручить, как и любое другое на земле. Однако даже эту страшную змею,

чей укус - почти верная смерть, индейцы приручают и учат проходить через определенные представления. Например, приходят несколько заклинателей змей с плоскими корзинами и музыкальными инструментами и начинают представление. Один из них играет на грубой туземной дудке, а другой снимает крышку с одной из корзин. Выходит покрытая капюшоном голова кобры, которая, кажется, вот-вот скользнет среди зрителей, но жест и несколько нот волынщика останавливают ее продвижение, и она начинает подниматься и опускаться, раскачивать головой из стороны в сторону, как будто в такт музыке. Затем мужчины берут ядовитую рептилию на руки, позволяют ей ползать по их телам, обвязывают вокруг шеи и делают с ней всевозможные выкрутасы, при этом змея, кажется, находится под каким-то странным обаянием и не может или не хочет использовать свои клыки.

Некоторые считают, что змеи безобидны, поскольку их ядовитые клыки были извлечены. Возможно, в некоторых случаях так и есть, но в них исполнители не являются настоящими заклинателями змей. Более того, клыков несколько, один за другим, так что при поломке или извлечении одной пары быстро появляется другая.

О том, что успех настоящих заклинателей не зависит от такого самозванства, свидетельствуют многочисленные случаи, когда змей тщательно осматривали до и после представления, и их клыки оказывались безупречными во всех отношениях. Об одном из таких случаев рассказывает генерал Кэмпбелл в своем "Индийском журнале". До этого он считал, что клыки у змей всегда удаляют, но следующее обстоятельство убедило его в том, что заклинатели могут показывать свои трюки со змеями, чьи клыки идеальны: - "Когда я был на службе у генерала Далри, он сказал.

"Когда я служил в штабе генерала Далримпла в Тричинополи, в саду был сухой колодец, который был излюбленным местом обитания змей, и в него я подстрелил нескольких. Однажды утром я обнаружил на дне этого колодца большую кобру-капелла, греющуюся на солнце; но пока я бежал за ружьем, некоторые из местных слуг начали забрасывать его камнями и загнали в нору среди кирпичной кладки. Поэтому я послал за заклинателями змей, чтобы они его вытащили. Двое из них прибыли, и мы спустили их в колодец с помощью веревки. Один из них, произнеся множество заклинаний и посыпав себя и своего спутника пеплом, приготовленным из помета священной коровы, начал играть пронзительную, монотонную частушку на трубе, украшенной ракушками, латунными кольцами и бусами, а другой стоял по одну сторону змеиной норы, держа в руках прут, снабженный с одного конца петлей.

"Поначалу змея, которую изрядно потрепали, прежде чем она укрылась в своей норе, была глуха к нотам заклинателя, но после получаса непрерывной игры чары начали действовать, и стало слышно, как змея зашевелилась. Еще через несколько минут он высунул голову, петля из конского волоса была ловко накинута на нее и затянута, и мы с триумфом подняли мужчин, висящих на змее.

"Отнеся его на открытое место, они освободили его от петли. Разъяренная змея тут же бросилась на прохожих, обратив в бегство толпу туземных слуг, собравшихся посмотреть на это зрелище. Заклинатель змей, постучав его по хвосту выключателем, заставил его повернуться на себя и в тот же момент раскурил свою трубку. Змея свернулась калачиком, подняла голову, расправила капюшон и, казалось, собиралась ударить, но, вместо того чтобы сделать это, осталась в том же положении, словно очарованная музыкой, высунув свой тонкий вилообразный язык и следя головой за движением колена мужчины, которое он постоянно двигал из стороны в сторону в нескольких дюймах от него, как бы искушая его укусить.

"Не успела стихнуть музыка, как змея бросилась вперед с такой яростью, что мужчине потребовалась большая ловкость, чтобы избежать ее, и тут же скрылась с такой скоростью, на какую только была способна. Однако звук трубы неизменно заставлял его остановиться и оставаться в вертикальном положении до тех пор, пока человек продолжал играть.

"Повторив этот эксперимент несколько раз, он поместил в пределах досягаемости птицу, на которую тут же бросился и укусил. Птица вскрикнула в момент удара, но убежала и как ни в чем не бывало принялась ковыряться в своих товарищах. Я достал часы, чтобы посмотреть, как долго действует яд.

"Примерно через полминуты гребень и перья птицы начали меняться от красного до синюшного оттенка и вскоре стали почти черными, но никаких других симптомов не проявилось. Через две минуты птица начала пошатываться, ее охватили сильные конвульсии, она упала на землю и продолжала яростно бороться, пока не умерла, ровно через три минуты с половиной после укуса. Ощипав птицу, мы обнаружили, что она была задета лишь крайним острием шестерни. Рана, размером не больше укола иглы, была окружена синюшным пятном, но остальная часть тела, за исключением гребня и крыльев (которые были темно-синюшного оттенка), была естественного цвета, и впоследствии я узнал, что кучер, полукаста, съел ее.

"Теперь заклинатель предложил нам показать свой способ ловли змей, и, схватив левой рукой рептилию (около пяти футов длиной) за острие хвоста, он с быстротой молнии пронес правую руку вдоль тела и, схватив ее за горло пальцем и большим пальцем, зажал его и заставил раскрыть пасть и показать свои ядовитые клыки.

"Удовлетворив свое любопытство, я предложил уничтожить змею или, по крайней мере, извлечь ее клыки, что легко сделать с помощью щипцов. Но поскольку змея была очень красивой, заклинатель не захотел удалять ее зубы, так как, по его словам, эта операция иногда приводит к летальному исходу, и так настойчиво умолял оставить его в прежнем виде, что я в конце концов разрешил ему положить его в корзину и унести. После этого он часто приносил змею в дом, чтобы показать ее, и все еще с целыми клыками, как я убедился при личном осмотре, но настолько прирученной, что он обращался с ней свободно и, по-видимому, без страха и опасности".

Лучшим доказательством того, что клыки змеи не были извлечены, является то, что через несколько недель после этого рептилия укусила заклинателя и убила его.

Кажется странным, что змеи так подчиняются человеку. Птицу или зверя приручить сравнительно легко, так как в этом процессе можно использовать голод, который действительно является главной силой: существо учится любить того, кто дает ему пищу. Или, в крайнем случае, используется сила причинения боли, так что животным управляет страх, если не любовь.

Но в случае со змеей укротитель лишен обоих этих вспомогательных средств. Поскольку змея питается только через очень большие промежутки времени и обладает почти неисчерпаемой способностью к голоданию, голод не может быть использован, а ее особая конституция делает причинение боли бесполезным. Поэтому заклинателю приходится прибегать к другому способу воздействия на своего ученика, и он находит его в музыке, к которой кобра, кажется, особенно доступна. О том, что музыка оказывает на нее сильное воздействие, было известно еще много веков назад, о чем свидетельствуют упоминания о змеиных чарах в Священном Писании. Любая музыка, кажется, влияет на это существо, и если его можно сделать послушным с помощью резких звуков, которые исходят из флейты

заклинателя, можно предположить, что более мелодичные звуки будут иметь такой же эффект. Мистер Уильямс, который был склонен скептически относиться к заклинанию змей и считал, что ядовитые клыки всегда удаляются, упоминает, что один джентльмен в Чинсуре, который был очень хорошим скрипачом, был вынужден отложить свой инструмент, потому что звуки скрипки привлекли в его дом так много змей.

Считается, что очарование змей - это полусвященное призвание, и это один из тех случаев, когда процесс укрощения носит религиозный характер. Заклинателей регулярно посвящают в их обязанности, и они проходят определенные церемонии, прежде чем их сочтут неуязвимыми для змеиных зубов. Иногда в эти таинства посвящают европейца, как это случилось с леди Дафф Гордон, которой приглянулся заклинитель змей и предложил посвятить ее. Он и его ученица сели друг напротив друга и соединили руки. Затем заклинитель закрутил кобру вокруг их соединенных рук и повторил какое-то заклинание. После этого оба плюнули на змею, и новичку объявили, что он в безопасности, и обвили змеями в доказательство успеха заклинания.

Пожалуй, нет лучшего примера мастерства индейцев в обращении с животными, чем то, как они ловят и обучают слонов.

Читатель, несомненно, помнит, что, хотя слон в изобилии водится как в Африке, так и в Индии, жители первой страны никогда не пытались его одомашнить. Считается, что африканский слон не поддается дрессировке, потому что он более свиреп, чем азиатские виды или разновидности, и не обладает интеллектом, который отличает это животное. Однако это не так. Африканский слон такой же послушный и умный, как и азиатский, и вполне поддается дрессировке. Слоны, которые использовались во времена древних римлян, были привезены из Африки, и тем не менее мы читаем о самых удивительных подвигах, которые они могли совершать. Более того, африканские слоны, которые уже несколько лет содержатся в Зоологическом саду, не менее послушны, чем азиатские животные. Настоящей причиной неиспользования африканского слона является не его неспособность к одомашниванию, а отсутствие у африканцев способности одомашнить его.

Почти во всех случаях одомашнивания животных они рождаются в неволе, поэтому никогда не приучались к дикой жизни. Индеец, однако, не утруждает себя разведением слонов, а предпочитает ловить их, когда они достаточно вырастут для его целей. Существует два способа поимки слона, один из которых настолько изобретателен, что заслуживает описания, пусть и краткого. Обычный способ заключается в создании большого загона, называемого "кедда", и загоне в него слонов. Кедда делается таким образом, что, когда слоны полностью входят в нее, они не могут выбраться обратно, и их держат там до тех пор, пока они не покорятся голоду и жажде.

При таком способе ловли слонов животные попадают в большом количестве и самых разных размеров. Однако настоящего охотника на слонов этот способ мало волнует, и он предпочитает выбирать для себя лучших животных: индейцы очень трепетно относятся к своим слонам, и у слона столько же "очков", сколько у призового голубя или кролика.

В каждом стаде слонов самцы дерутся друг с другом за обладание самками, и часто случается так, что самец, некоторое время царивший в стаде, в конце концов оказывается побежденным. Взбешенный яростью и разочарованием, он покидает стадо и разгуливает в одиночку, уничтожая в своей ярости все, что ему противостоит. В таком состоянии англичане называют его "слоном-изгоем", а туземцы - *сауном*. Но каким бы яростным и опасным ни был саун, он всегда остается великолепным животным, мало чем уступающим главному слону

стада. Поэтому охотники на слонов всегда рады услышать о сауне и принимают меры, чтобы заполучить столь ценный приз.

У них есть несколько самок слонов, называемых "кумки", которые используются в качестве приманки, и, как ни странно, они проявляют наибольший интерес к поимке сауны. Когда охотник отправляется в экспедицию, он берет с собой как минимум двух кумки, а иногда и трех, если саун оказывается очень крупным; и во всех случаях он следит за тем, чтобы кумки не были намного меньше сауны.

Охотники, снабженные веревками и другими приспособлениями для закрепления сауны, ложатся на спины коомки, накрываются большой темной тканью и идут к тому месту, где видели сауну. Часто коомки несут в багажнике ветки деревьев, которые они держат таким образом, чтобы их предполагаемый пленник не видел, что они несут что-то на спине. Саун, видя их приближение, теряет часть своей ярости и думает, что ему выпала большая удача встретить самок, над которыми он сможет властвовать, как раньше. Он так увлечен этой мыслью, что не замечает охотников, которые, приблизившись к нему, обычно скрываются за деревом, но иногда смело остаются на своем месте.

Затем кумки подходят к сауну и начинают ласкать его, по одному с каждой стороны, а иногда и спереди, когда используются три приманки. Они ласкают его, много ласкают и постепенно подводят к крепкому дереву, где и задерживают. Затем охотники пролезают под огромным животным и продевают прочные веревки вокруг его передних ног, крепко связывая их вместе. В этом им помогают приманки, которые кладут свои стволы так, чтобы их хозяев не было видно, а иногда даже помогают им, передавая веревку, когда они не могут до нее дотянуться. Закрепив передние ноги, охотник надевает на задние ноги слона пару крепких оков. Они сделаны из дерева и открываются с помощью веревочной петли. Внутри они утыканы острыми железными шипами, и, когда они обхватывают ноги слона, их крепят к стволу дерева прочными веревками.

Привязав слона, охотники уползают, а за ними следуют кумки, которые сажают своих хозяев на шею и уходят, оставляя несчастного сауну на произвол судьбы. Если он и раньше был в ярости, то в десять раз больше, когда к разочарованию добавляется чувство заточения и осознание того, что его обманули. Он кричит от ярости, срывает ветки с дерева, вырывает траву с корнями и разбрасывает ее, и даже пытается разорвать веревку, удерживающую его на дереве, или вырвать само дерево с корнями. Шипы, которыми утыканы деревянные оковы, причиняют ему такую боль, что он вскоре вынужден отступить, и, измученный болью и нагрузками, становится более спокойным. На следующий день те же люди и слоны приходят к нему и приносят немного еды; и так продолжается до тех пор, пока он не научится сначала терпеть, а потом и желать их присутствия. Когда его считают достаточно прирученным, к его ногам привязывают крепкие веревки, которые прикрепляют к кумкам, и, сняв лигатуры с ног, ведут в новое жилище.

Иногда он сопротивляется, обнаружив, что его конечности находятся на свободе. В этом случае кумки тащат его за веревки, а крупный самец подталкивает его сзади, иногда используя свои бивни в качестве шпор. После того как животное доставлено в свое жилище, с ним обращаются с твердой, но доброй дисциплиной, и оно настолько эффективно приручается, что через несколько месяцев после того, как оно бродило по лесу, его можно увидеть помогающим донести непокорного собрата до его нового дома.

Интеллект кумки действительно поражает, и они проявляют не меньший интерес к погоне, чем их хозяева. Капитан Уильямс упоминает случай, когда джентльмен купил кумки, не зная, что она таковой является. Махаут или погонщик не стал упоминать о ее возможностях,

поскольку предпочитал легкость и комфорт джентльменского заведения опасностям и тяготам жизни охотника. Не говорили о ней и богатые уроженцы окрестностей, потому что каждый из них надеялся купить животное для себя по меньшей цене, чем просили бы за кумки.

Однажды животное пропало и не возвращалось несколько дней. Однако она вернулась и, как обычно, была запряжена для прогулки. Дойдя до определенного места, она стала беспокойной и, наконец, бросилась в джунгли, где привела к прекрасному сауну своего хозяина, которого она искалечила, пристегнув цепь к его передним ногам.

В Непале туземцы используют очень опасный способ охоты на слонов. Они выезжают на охоту на слонах, снабдив себя очень прочными веревками, один конец которых прикреплен к телу едущего слона, а другой снабжен скользящим узлом, к которому прикреплена леска, с помощью которой можно ослабить петлю. Они догоняют стадо, и, выбрав подходящее животное, охотник ловко набрасывает петлю на голову животного за ушами и на брови. Слон инстинктивно сворачивает хобот, после чего петля проносится над его головой.

Затем охотник сбавляет скорость своего животного, чтобы петля плотно обхватила шею пойманного слона и вызвала частичное удушье. Если скорость животного снижается, другой охотник подбегает и набрасывает вторую петлю, чтобы в случае необходимости совместными усилиями задушить пленника. Иногда, когда он очень разъярен, охотникам приходится снова и снова приводить его в бесчувственное состояние, прежде чем удастся заставить его подчиниться своим новым хозяевам. Известный непальский посол Джунг Бахадур прославился своим мастерством и смелостью в этом опасном виде спорта.

В качестве примера совершенной власти индийских махаутов над своими животными капитан Уильямс упоминает приключение, произошедшее в Читтагонге. Во время бурной ночи слон сорвался с места и убежал в лес. Через четыре года после этого, когда стадо слонов загнали в кедду, махауту, взобравшемуся на палисадник, чтобы посмотреть на загородивших его животных, показалось, что он узнал среди них своего пропавшего слона. Товарищи высмеяли его, но он упорствовал в своей идее и позвал животное по имени. Слон узнал голос своего погонщика и подошел к нему. Мужчина так обрадовался этому, что, невзирая на грозящую ему опасность, перелез через частокол и позвал слона, чтобы тот встал на колени. Животное повиновалось, он сел ему на шею и с триумфом выехал на нем из кедды.

Иногда слонов возят в ямах, на дно которых кладут пучки травы, чтобы тяжелое животное не упало. Обычно слонов заманивают в эти ямы прирученным животным, которое махаут подводит к яме, ставя определенные метки, по которым он узнает ее точное местоположение. Иногда они просто вырыты на пути слонов, которые попадают в них во время своих ночных блужданий и своими стонами сообщают охотникам о своих действиях.

В этих ямах они вынуждены оставаться до тех пор, пока их не приручат голодом, как это происходит с теми животными, которых привязывают к деревьям. Когда они достаточно приручены, охотник бросает в яму один за другим пучки травы из джунглей. Их проворное животное подкладывает себе под ноги таким образом, что вскоре поднимается достаточно высоко, чтобы ступить на ровную землю, где его принимают охотники и их прирученные слоны. Этих "ямных" слонов, как их называют, не очень ценят, так как всегда есть опасность, что при падении они могут получить какую-то травму.

Как прирученных слонов приучают ловить диких животных, так и прирученных оленей учат ловить оленей своего вида. Рассказ об этом виде спорта приводится в "Частной жизни восточного короля": "Я никогда не слышал, чтобы дрессированных оленей ловили.

"Я никогда не слышал, чтобы дрессированных оленей использовали в других местах так, как я видел, как их использовали в Уде. Во время наших поездок по окрестностям озера, возле которого мы разбили лагерь, нам попала прекрасная открытая местность, примыкающая к лесу, которая как нельзя лучше подходила для этой цели. Прилегающий лес был полон мелкой дичи Уде, а если и не мелкой, то, во всяком случае, более безобидной, к которой следует отнести и дикого оленя. В лес были отправлены искусные бичи, чтобы загнать оленей, как бы ненамеренно, то есть без насилия и шума, в ту часть леса, которая примыкала к открытому пространству, о котором я только что упоминал. Здесь, под охраной своих бдительных стражей, самых воинственных и сильных самцов, стадо скапливалось в видимой безопасности.

"С нами было около дюжины обученных оленей, все самцы. Они, хорошо знакомые с целью, ради которой их послали вперед, легкой рысью двинулись по открытой местности к опушке леса. Их сразу же заметили наблюдатели за стадом, и самые смелые из диких животных вышли им навстречу. Намерены ли они были встретить их мирно или сразиться за пастбище, я не могу сказать, но через несколько минут между ними завязалась яростная схватка. Голова к голове, рога к рогам, прирученные олени и дикие сражались с большой яростью. Каждое из прирученных животных, каждое из которых было крупным и грозным, тесно сошлось с диким противником, стоявшим в основном в обороне, не в притворном бою или имитации войны, а в упорной схватке. Теперь мы появились на открытой местности верхом на лошадях, продвигаясь к месту конфликта. Олени на опушке леса, увидев нас, обратились в бегство, но те, кто действительно участвовал в схватке, устояли на ногах и продолжили состязание.

"Тем временем партия местных егерей, посланная с этой целью, постепенно приблизилась к диким оленям, встав между ними и лесом. Какова была их цель, мы в то время не знали; более того, мы не могли ее одобрить или поощрить. Они пробрались в тыл к диким оленям, которые все еще сражались слишком яростно, чтобы обращать на них внимание; они подошли к животным, и умелым ударом своих длинных ножей бедные воины упали, придавленные ветвями. Нам было жаль благородных животных, когда мы видели, как они беспомощно падали на землю, не в силах больше продолжать поединок, и их придавливали прирученные олени. Упав, они уже не могли подняться.

"Прирученные" были вмиг отброшены; ни один из них не добивался своей победы. Их работа была сделана; они почти сразу же повиновались зову своих сторожей и были уведены, как гончие, причем некоторые из них своими изрытыми грудями доказывали, что состязание, в котором они участвовали, было не притворством, а реальностью. Когда мы подъезжали, то видели, как их уводят, они триумфально расхаживали по земле, словно гордясь своими подвигами, радостно вскидывали свои прекрасные рога и иногда выглядели так, словно им хотелось бы еще немного подраться - на этот раз друг с другом".

Антилопа иногда используется подобным образом. Самых крупных и сильных самцов антилоп тренируют для этой цели и направляют к стаду с петлей на рогах. Дикие антилопы вскоре выходят на бой с нарушителями и попадают в петли.

Есть еще один вид спорта, которым очень увлекаются индейцы, а именно погоня за оленем с помощью чета, или охотничьего леопарда. Это животное ни в коем случае не относится к тому же виду, что и обычный леопард, от которого его легко отличить по гораздо более

крупным ногам, сравнительно кустистому хвосту и гребню шерсти на шее. Он не так любит лазить по деревьям, как обыкновенный леопард, и хотя может взобраться на дерево, делает это крайне редко. Можно ли приучить обычного леопарда ловить оленей, довольно сомнительно. Эксперимент не был опробован, вероятно, из-за того, что чета так хорошо выполняет свою роль, что нет смысла пробовать другое животное.

Четахи - очень послушные существа, и, когда их приручают, кажется, что они любят уведомления, как кошки. Это я могу засвидетельствовать лично, находясь в одной клетке с животными в Зоологическом саду, и обнаружив, что они очень компанейские, даже позволили мне, хотя и после некоторого протеста в виде рычания и плевков, взять их лапы в руку и раздвинуть когти.

Тех, кого используют для спорта, водят за собой сопровождающие, просто надев им на шею шнур, и они настолько ласковы, что никто не боится находиться рядом с ними. Однако, чтобы они не раздражались и в порыве страсти не натворили бед, на голову им надевают своеобразный капюшон, по форме напоминающий бобра из древнего шлема. Обычно капюшон надевают на затылок, но если зритель считает, что его подопечный может озорничать, ему достаточно надвинуть капюшон на глаза, и животное сразу же становится безвредным.

Когда охотники отправляются на поиски оленей, чета везет их на маленьких тележках с плоским верхом, не похожих на курганы, которые стоят на наших улицах. Каждого четаха сопровождает его хранитель, и во время путешествия он держит его в капюшоне. Когда они приближаются к оленям, хранитель снимает капюшон и указывает на добычу. Четах тут же соскальзывает с повозки и направляется к оленю, скользя на брюхе, как змея, и используя все кусты и камни, за которыми может скрыться. Когда он уже не может подползти ближе, он выделяет одного оленя и устремляется к нему в несколько могучих прыжков. Тогда всадники пускают своих коней в галоп, и начинается самая захватывающая сцена.

Погоня никогда не бывает очень долгой, поскольку чета, хотя и обладает удивительной быстротой на коротком расстоянии, не имеет той комплекции, которая необходима для долгой погони. Иногда чета, отличающаяся особым мастерством, продолжает погоню еще некоторое время, но, как правило, десяток мощных рывков приводят животное к добыче. Всем нам известна природа кошачьего племени, и они очень не любят, когда их прерывают, пока добыча находится в их руках. Даже обычная кошка категорически не желает, чтобы ее трогали, когда у нее во ртумышь, и поэтому мы можем удивляться, как хозяевам удается заставить четаин отказаться от своей добычи. Для этого либо отрезают часть ноги и дают ее четаху, либо наполняют ковш кровью и дают леопарду попить. Затем на глаза накидывают капюшон, и чета позволяет усадить себя в повозку.

Иногда приходится покидать повозку и вести животное за цепь к месту, где, как известно, водятся звери. Это всегда непростое дело, потому что животное становится настолько возбужденным, что малейший шум или запах, оставленный проходящим оленем, заставляет его поднять голову и оглядеться в поисках оленя. Через несколько мгновений животное станет неуправляемым и бросится прочь от своего хозяина, если бы он не был готов к такому событию. Он носит с собой своеобразный ковш, сделанный из выдолбленной скорлупы какао-ореха на конце ручки. Внутри он посыпан солью, и как только мужчина замечает перемену в поведении своего подопечного, он подносит ковш к морде чета. Животное слизывает соль, забывает о причине волнения и спокойно идет дальше.

Некоторые великие люди Индии гордятся своими четами и ежедневно выставляют их на парад, накрыв шелковыми мантиями, расшитыми золотом, и надев капюшоны из таких же богатых материалов.

ГЛАВА СLII.

ТАРТАРИЯ.

ТАРТАРЫ МАНЬЧЖУРЫ.

ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ ТАТАР И КИТАЙЦЕВ ДРУГ НА ДРУГА - КИТАЙСКАЯ БИТВА - ЛИХОСТЬ И ОТВАГА ТАТАРСКИХ ВСАДНИКОВ - ТАТАРСКИЕ СТРЕЛКИ - "ПОИМКА ТАТАРИНА" - ЛУК И СПОСОБ ЕГО НАТЯГИВАНИЯ - СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ ЛУЧНИКА - ТАТАРСКАЯ СТРЕЛА - АТЛЕТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ - БЕСКРОВНОЕ ПОКОРЕНИЕ ТАТАР КИТАЙЦАМИ.

Теперь мы перейдем к более цивилизованным представителям огромной монгольской расы, а именно к татарам, китайцам и японцам. Конечно, невозможно дать даже самый краткий отчет о многочисленных народах, которые назывались татарами, поэтому мы ограничимся маньчжурскими татарами, которые оказали столь значительное влияние на империю Китая.

Хорошо сказано, что когда сильный народ вторгается на территорию более слабого, его завоевание имеет двойной эффект. Победители навязывают побежденным определенные привычки и образ жизни и тем самым укрепляют их в тех местах, где они слабы. Но в свою очередь побежденные оказывают на завоевателей влияние, которое имеет прямо противоположный эффект и скорее уменьшает, чем увеличивает их силу. Так было с татарами и китайцами, чья история в течение последних нескольких столетий была очень поучительной для этнолога, - я бы скорее сказал, для антрополога.

Подобно тому, как в одной семье мы неизменно обнаруживаем, что ее члены обладают совершенно разными способностями и что обладатель более сильного интеллекта неизменно получает власть над остальными, так было и с двумя великими подразделениями азиатских монголов. Татарин по многим параметрам превосходит китайца и, как правило, легко отличим даже по внешнему виду. Он обладает более решительными чертами лица, более бдителен в движениях и, безусловно, обладает большей храбростью. Китайцы прекрасно сражаются за стенами или на борту корабля, и даже в полевых условиях проявляют большую храбрость спокойного характера, если ими руководят европейские офицеры. Но, предоставленные сами себе, они не являются хорошими солдатами в поле, если только не противостоят врагам, значительно уступающим им в силе. Мистер Скарт, которому довелось стать свидетелем одного из сражений, описывает его как абсолютный фарс.

"Однажды, когда на поле боя вышло много солдат, я увидел больше, чем было приятно. Оказавшись на линии огня, я был вынужден укрыться за могилой, и пули ежесекундно били в нее со всех сторон. Почему они летели в мою сторону, понять было трудно, ведь они должны были пройти по другую сторону ручья, примерно в двадцати ярдах от меня, и попасть в тех, кому они предназначались; но видеть, как уклоняются то солдаты, то мятежники, каждый из которых пытается уклониться от другого, было почти забавно.

"Один парень, готовый к бою и заряженный, взбежал на могильный холм, вскидывал свой спичечный коробок и, не целясь, палил. Для их выстрела не требуется никакого стержня; пуля или железный прут просто падают на порох.

"В один из случаев, когда шанхайские повстанцы совершили вылазку, произошла замечательная сцена. Один из них был зарублен имперским стрелком, у которого было заряжено ружье. У мятежника не было времени зарядить его, поэтому он побежал вокруг могилы, которая была достаточно высокой, чтобы враг не смог выстрелить в него, находясь на противоположной стороне. Охота на зайцев была совсем не похожа на это. Красная шапочка описывала круги, и роялист быстро выбивался из сил, когда боги сжалились над его ветром, потому что, по несчастливой случайности, мятежник споткнулся и упал. Солдат в мгновение ока оказался рядом с ним и, чтобы удостовериться в своей победе, приставил дуло своего спичечного замка к голове Красной Шапки, выстрелил и бросился бежать со всей возможной скоростью. Трудно сказать, кто был больше поражен, когда мистер Красная шапочка сделал то же самое! Пуля, легко упавшая на порох, так же легко вылетела при нажатии на ствол. Мятежник отделался тем, что ему хорошенько отпели длинные волосы".

Татары, однако, совсем другие люди в бою, как это часто доказывалось во время наших войн в Китае; и хотя они были сравнительно невежественны в военном искусстве и снабжены оружием, которое было просто игрушкой по сравнению с оружием, которому они противостояли, они показали себя действительно грозными противниками. Как иррегулярная кавалерия, они продемонстрировали такую лихость и отвагу, которые сделали бы их самыми ценными союзниками, если бы их обучили европейские офицеры. Они смело бросались в атаку на полевые батареи орудий Армстронга, и, хотя снаряды разрывались с убийственной точностью, они наступали самым галантным образом.

Один британский офицер, противостоявший им, сказал, что вряд ли какая-нибудь регулярная кавалерия пошла бы вперед под таким огнем, который велся из пятнадцати казнозарядных орудий. Конечно, когда они все же сомкнулись, превосходная дисциплина их противников взяла верх над ними, и сикхская кавалерия Пробина и Фейна сразу же разгромила их недисциплинированные ряды. Но если бы они были обучены и ими командовали такие люди, как те, что возглавляли сикхскую кавалерию, исход боя мог бы быть совсем иным.

Они служили своим орудиям с бесстрашным мужеством и скорее позволяли разнести себя на куски снарядами Армстронга, чем покинуть их. Иногда можно было увидеть, как один человек в одиночку работает с пушкой после того, как его товарищи были убиты, и он ожидал той же участи каждый миг; так и случилось, что среди убитых в той войне наибольшее число составляли татары. Они лучшие наездники, чем китайцы, и сами, и их кони выносливы, активны и способны существовать на очень скудной пище. Одной из их особенностей является способ ношения меча. Вместо того чтобы подвешивать его к поясу и позволять ему биться о бока лошади, они продевают его под крышку седла, где он крепко держится под давлением ноги. Таким образом, они избегают звяканья и размаха европейской сабли и, кроме того, избавлены от необходимости таскать тяжелое оружие на поясе всадника.

О мужестве, проявляемом татарами в неблагоприятных обстоятельствах, любопытный пример приводит г-н М'Ги. После одной из атак коня Пробина татарская конница, несмотря на свое умение уклоняться от удара копья или меча, понесла тяжелые потери, и многие из них лежали распростерты на земле. Среди них было тело очень сильного мужчины, который нес красивое копье. Поскольку мистер М'Ги оказался без оружия в довольно опасном положении, он решил вооружиться копьем и начал спускаться.

Когда он вынул ногу из стремени, предполагаемый мертвец вскочил на ноги с копьем в руке и начал драться. На помощь подоспел офицер с револьвером и выстрелил татарину в спину. Тот упал, но снова поднялся, бросился на офицера с копьем, отцепил его от лошади и

бросился бежать, но был убит ударом копья сикхского всадника. Дело в том, что его лошадь была убита в бою, и он намеревался притвориться, что умер, пока не найдет возможность ускользнуть. Даже раненые люди, не зная об удобствах цивилизованной войны и не ожидая отпора, стреляли в противника, когда тот лежал на земле, корчась от боли.

Этими татарскими солдатами командует генерал, принадлежащий к их собственному народу, а его непосредственный подчиненный почти всегда татарин. Должность татарского генерала имеет большое значение, поскольку, поскольку император всегда происходит из татарской семьи, считается, что безопасность его личности и династии должна быть доверена не китайцу, а татарину. Генерал-лейтенант, который служит под его началом, хотя его должность, возможно, наименее прибыльная в императорском доме, рад этому назначению, потому что его обычно выбирают для наследования генеральского звания.

Главным оружием этих солдат являются лук и копье, меч и огнестрельное оружие играют сравнительно второстепенную роль. Будучи хорошими наездниками, они, естественно, берут в руки копье, истинное оружие всадника, и обучаются различным способам нанесения удара и уклонения от него, причем последний подвиг совершается с ловкостью, почти не уступающей ловкости индейцев каманчи. Хотя они носят с собой огнестрельное оружие, они мало зависят от тяжелого, неуклюжего оружия, которое они используют и которое требует двух человек для стрельбы и обычно сбивает стрелка с ног отдачей. Не слишком заботятся они и об усовершенствованном огнестрельном оружии европейцев, ибо, как сказал один воин, ружья выходят из строя, а копья и мечи - нет.

Лук татар (распространившийся по всему Китаю) во многом повторяет принцип уже описанных перевернутых луков, хотя изгиб не такой непрерывный. Большую часть своей длины лук почти прямой, а затем резко изгибается на расстоянии фута или около того от каждого конца. Один из таких луков, хранящийся в моей коллекции, имеет почти шесть футов в длину и два дюйма в ширину. Примерно семи дюймах от каждого конца к луку прикреплен широкий кусок кости длиной почти в дюйм, так что струна проходит над ним и не ударяется о дерево.

Сила этих луков огромна, она варьируется, согласно нашему способу подсчета, от шестидесяти до девяноста фунтов. Оружие натягивается способом, несколько напоминающим тот, который уже был описан в связи с индейскими луками. Это нужно сделать в одно мгновение или не сделать вовсе, и единственный способ сделать это - поместить его за правое бедро и перед левым, а затем согнуть его резким наклоном тела, одновременно продевая петлю тетивы в ее выемку. Мое собственное оружие настолько мощное, что я едва ли могу произвести на него какое-либо впечатление, хотя и прилагаю все усилия.

Солдаты проходят огромную практику в использовании этого оружия, которым они гордятся не меньше, чем английские лучники своим длинным луком и стрелами из суконного ярма. У них есть поговорка, что первая и самая важная обязанность солдата - быть хорошим лучником, и что мужчина должен даже спать с луком в руках. Для того чтобы научить их правильному положению лучника, они изобрели простой механизм, с помощью которого солдат проходит огромное количество "позиционных упражнений", чтобы научиться держать тело прямым и твердым, плечи неподвижными, а руки в правильном положении.

К балке или ветке подвешены два кольца, которые можно двигать вверх и вниз, в зависимости от роста ученика. Юный лучник продевает руки в кольца до запястий, а затем отрабатывает различные движения с оружием. Когда он удовлетворит своего инструктора, ему в руки кладут лук, и он отрабатывает искусство натягивания тетивы до нужного уровня.

Наконец, кроме этого, ему дают стрелу, и он неоднократно стреляет ею. Головка стрелы затуплена, а мишенью служит кусок прочной кожи, свободно подвешенный на небольшом расстоянии, так что он частично поддается стреле и позволяет снаряду упасть на землю.

Стрела соответствует луку. Длина одного из таких снарядов в моей коллекции составляет три фута три дюйма. Она сделана из легкого дерева и заканчивается плоской копьевидной головкой длиной два дюйма и шириной один дюйм. Другой конец стрелы расширен, чтобы обеспечить большой "нок" для приема толстой тетивы, и перевязан рыбьей кожей до самых перьев, длина которых составляет ровно фут. Древко крайне незначительно по сравнению с длиной стрелы.

Эти люди в значительной степени тренируют свои мускулы, и для этого у них есть несколько упражнений. Одно из них называется суай-тау, или метание гири. У них есть почти квадратный камень весом около пятидесяти фунтов с ручкой в углублении, вырезанном в его верхней поверхности.

Мужчины размечают на земле квадрат, и игроки встают на некотором расстоянии друг от друга. Один из них берет камень, размахивает им один или два раза и бросает в воздух в сторону следующего игрока. Бросок выполняется с таким мастерством, что впадина всегда оказывается сверху, а камень опускается в руку с ударом, который заставляет человека крутиться на пятках. То же движение, однако, используется для придания силы камню, и поэтому игроки передают этот тяжелый груз от одного к другому с видимой легкостью и с регулярностью машины. Аналогичное упражнение проводится с тяжелым мешком с песком.

Легко представить, как эти люди победили в бою сравнительно неповоротливых китайцев и как они навязали им многие из своих манер и обычаев. Но, хотя они и преуспели в своем завоевании, хотя и изменили одежду китайцев, хотя и посадили на трон татарского монарха, хотя и стали главной военной силой в Китае, сами они подверглись гораздо более суровому, хотя и медленному, завоеванию со стороны побежденных.

Китайцы, будучи по сути созерцательной и интеллектуальной нацией, очень мало заботятся о военных способностях, так что самый низкий гражданский мандарин испытывает глубокое презрение к самому высокому военному мандарину, потому что активная жизнь последнего не позволяет ему заниматься теми особыми исследованиями, которые могут поднять китайца из состояния крестьянина до самого высокого уровня в стране. Особенно китайцы презируют свои интеллектуальные способности, хотя могут ценить и использовать их телесную силу и воинскую доблесть. "Татары, - сказал один китайский лавочник, - это коровы".

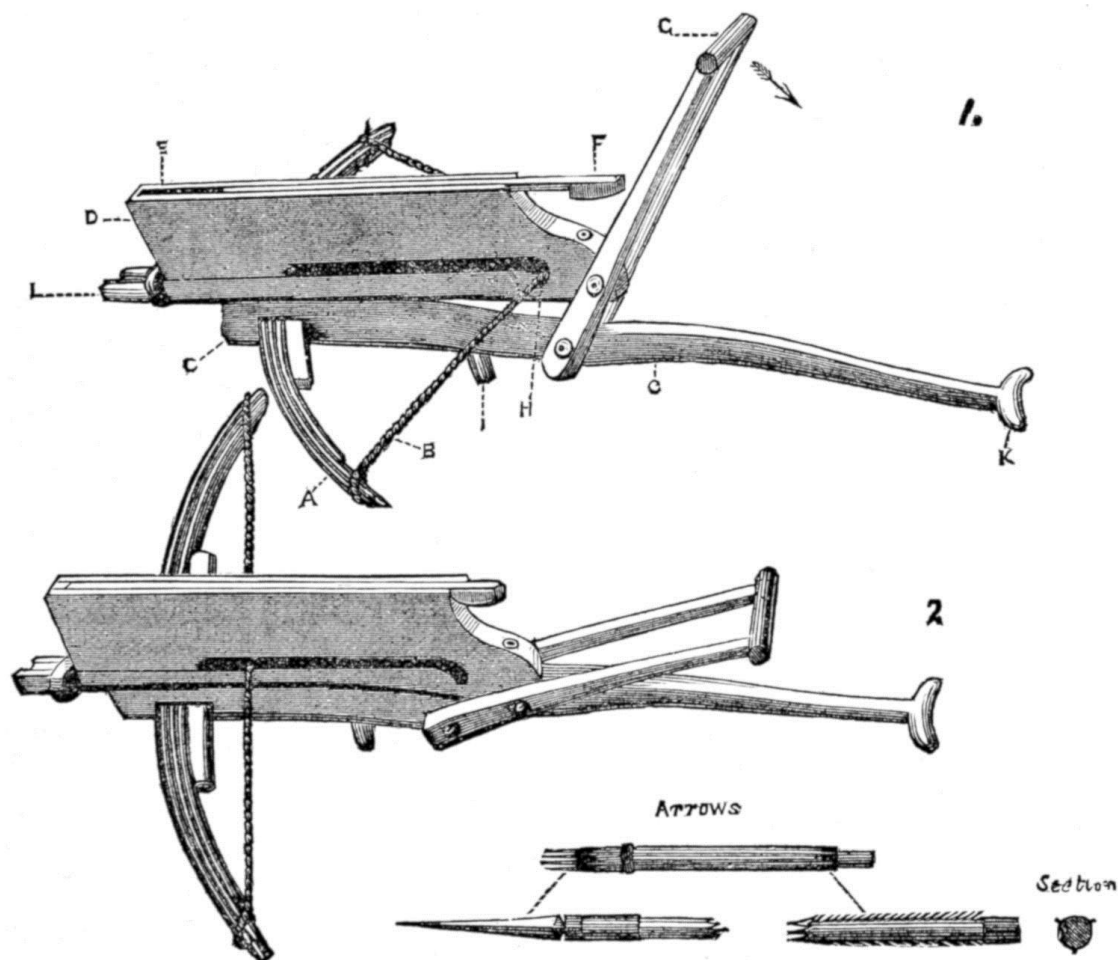
О необычайной реакции побежденных на своих завоевателей замечательно пишет мистер Флеминг в своем "Путешествии верхом на лошади в Тартарию".

"Благодаря своей необычайной промышленности, бережливым привычкам, неустанному стремлению накопить богатство любыми способами, хитростью или лишениями, китаец пробрался за Великую стену, построил города и деревни, возделал каждый клочок земли и везде является одновременно и фермером, и торговцем. Он претендует на лучшую часть Маньчжурии как на свою собственную, и осмеливается даже скандалить с татарами в их собственной столице, хотя прошло всего два столетия с тех пор, как эта раса прошла длинными конными отрядами через ворота Шан-Кис-Квана и была введена неосмотрительным китайским генералом в огромную империю, которую они вскоре завоевали и сурово управляли ею.

"Теперь китайцы кажутся завоевателями, ведь они не только завладели этой землей и превратили ее в китайский регион, но и навязали свой язык, свои привычки и обычаи, а также все присущие им черты тем из коренных жителей, кто решил с ними смешаться, и вытеснили всех старых мрачных знаменщиков, которые не желали снисходительно относиться к торговле, работе с лопатой или плугом.

"Сейчас в народе нет ни одного пустякового мантху, обозначающего город, деревню, гору или реку, и все, что могло бы хоть как-то рассказать о характере и силе первоначальных владельцев, полностью стерто. Если Маньчжуры завладели Троном Дракона в Пекине отчасти силой оружия и военной доблестью, а отчасти вероломством, при содействии восстаний среди самих китайцев; Если они заставили сотни миллионов людей, над которыми они нашли причину править, изменить свою одежду, носить хвосты и, возможно, курить табак, - покоренный таким образом народ в достаточной степени отомстил, уничтожив все следы своих захватчиков в своей собственной стране и оставив существование узурпаторов лишь традицией в метрополии, где двести лет назад они держали свой двор и где один из их королей смело поклялся отомстить за семь больших обид, которые, как он думал, были нанесены ему китайским императором.

"Ничто не препятствует вторжению этих удивительных китайцев в Корею, кроме высокого заслона, удерживающего их в пределах Мантхурии. Ибо, если бы они закрепились в этой стране, корейцев постигла бы та же участь, что и мантхурцев, и неизвестно, когда эти сыны Хама остановились бы в своем бескровном обогащении и территориальном приобретательстве".

ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ АРБАЛЕТ. (Из моей коллекции.)
(См. [стр. 1434.](#))

ГЛАВА СLIII. КИТАЙ. ВНЕШНИЙ ВИД - ОДЕЖДА - ЕДА.

ВНЕШНИЙ ВИД КИТАЙЦЕВ - СПОСОБ ПЛЕТЕНИЯ "ХВОСТА" - КИТАЙСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК - ОТКАЗ ОТ ВОЛОС И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХВОСТА - ОДЕВАНИЕ ВОЛОС ЖЕНЩИН - ВЗАИМОПОМОЩЬ - ПУДРА ДЛЯ КОЖИ, И СПОСОБ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ - МАЛЕНЬКИЕ СТУПНИ КИТАЙСКИХ ЖЕНЩИН - ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАТА ПОЯВЛЕНИЯ ОБЫЧАЯ СЖИМАТЬ СТУПНИ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ОДЕЖДА МУЖЧИН - "ПУГОВИЦА" РАНГА - СИСТЕМА ЭКЗАМЕНОВ - ХИТРОУМНЫЕ СПОСОБЫ УКЛОНЕНИЯ - ИСКЛЮЧЕНИЕ В ПОЛЬЗУ СТАРОСТИ - ВЕЕР И ЕГО РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - КИТАЙСКИЕ ФОНАРИ - "ФОНАРЬ ПРЕСЛЕДУЮЩЕЙ ЛОШАДИ" - ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ - БОЛЬШОЙ ДРАКОН - ПАЛОЧКИ ДЛЯ ЕДЫ, И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - СЛУЧАЙ С ПАЛОЧКАМИ - ЕДА КИТАЙЦЕВ - ЖИВЫЕ КРАБЫ - СУП ИЗ ПТИЧЬИХ ГНЕЗД - ЧАЙ И СПОСОБ ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ.

Теперь мы переходим к Китаю, стране столь обширной, столь густонаселенной и содержащей так много интересного, что справедливость не могла бы быть полностью восстановлена, если бы ей был посвящен целый том. Поэтому мы ограничимся описанием тех особенностей, в которых китайцы представляют собой наибольший контраст с европейцами.

Внешний вид китайцев во многом напоминает татарский: оба народа являются разными ветвями одной большой семьи. Однако китайцы, как правило, менее решительны и мужественны, чем татары, и в них есть некая женственность, которая объясняет завоевания, понесенные от их рук.

Одной из главных особенностей внешности китайца является его "хвост". Этот способ укладки волос был навязан китайцам татарами и с тех пор сохранился в полной мере. Однако повстанцы из племени тэ-пин, считая "хвост" позорным знаком завоевания, отказываются его носить и позволяют отращивать волосы целиком.

У лояльных китайцев, однако, хвост стал вполне традиционным, и они относятся к нему с тем же почтением, с каким араб, турок или перс относится к своей бороде. Вряд ли можно наказать китайца более сурово, чем отрубить ему хвост, и, хотя на его место можно поставить искусственный хвост, искусно вплетенный в волосы, он очень остро чувствует это оскорбление. Иногда, когда нужно строго наказать двух мужчин, их связывают за хвосты и выставляют на всеобщее посмеище.

Хвост имеет некоторое сходство со скальпом американских индейцев, но в него входит гораздо больше волос, чем в скальп. Китаец сбривает волосы со лба и вокруг висков, но

оставляет круглый участок сносного размера, волосам которого позволяют расти во всю длину. Иногда, если участок недостаточно велик, чтобы питать достаточное количество волос для создания хорошего хвоста, его увеличивают, позволяя расти все большему количеству волос при каждом последующем бритье. В среднем голову бреют раз в десять дней, и ни один человек не решится выйти в хорошее общество, если волосы на его голове не будут чисто выбриты. Что касается лица, то на нем так мало волос, что парикмахер не слишком беспокоится о его лице.

Из-за расположения хвоста человек не может правильно уложить его без посторонней помощи, и, главным образом, для этой цели в Китае появился странствующий цирюльник. Все материалы для его ремесла находятся на концах бамбукового шеста, который цирюльник носит в ярме через плечи. Когда требуются его услуги, он бросает свою ношу, за несколько мгновений расставляет свой простой аппарат и приступает к работе над заветным хвостом своего клиента.

Чтобы открыть парикмахерское дело, требуется совсем небольшой капитал. Есть бритва - самый примитивный треугольник из стали, два дюйма в длину и один дюйм в ширину, который стоит, возможно, три полпенса или два пенса, если он из лучших сортов. Есть еще льняная палочка, которая стоит пенни, и бамбуковое сиденье и столик, которые стоят, возможно, по два пенса каждый. Есть один дорогой предмет, а именно латунный таз, но, как правило, китайский цирюльник может хорошо устроиться в торговле, потратив около шести или семи шиллингов, и неплохо зарабатывать на жизнь своим делом. В эту сумму входит запас черного шелка, которым он дополняет хвосты своих клиентов, и несколько локонов настоящих волос, с помощью которых он может сделать искусственные хвосты в тех случаях, когда природа отказывает в них.

Клиент всегда держит в руках своеобразный тазик, в который собирает обрезки волос. Они сохраняются не из каких-то суеверных соображений, как это принято во многих странах мира, а откладываются для сборщика волос, который совершает ежедневный обход с корзиной на спине. Содержимое корзины тщательно используется. Длинные волосы, счесанные с женских голов, отделяются и превращаются в фальшивые хвосты для мужчин, а короткие, сбритые с мужских голов, используются в качестве навоза, причем крошечная щепотка волос вносится в землю с каждым семенем или ростком. Вследствие повсеместной практики бритья головы и ношения хвоста число цирюльников очень велико, и в 1858 году их число только в Кантоне превышало семь тысяч.

Правильное управление хвостом для китайцев - это то же самое, что для нас управление шляпой. Например, считается знаком уважения, когда хвост свисает во всю длину, и любой, кто осмелится обратиться к равным, не повесив хвост на спину, будет воспринят так же хамски, как англичанин, вошедший в дамскую гостиную, не сняв шляпу. Когда люди заняты работой, они всегда наматывают заветный хвост на голову, чтобы он не мешал; но если мимо проходит человек более высокого ранга, все хвосты сразу опускаются.

ВЗАИМОПОМОЩЬ.

Во время последней войны в Китае простые люди вскоре обнаружили, что англичане, не зная китайских обычаев, не беспокоятся о том, висят ли хвосты у них на спине или закручены вокруг головы. Поэтому они, по-восточному, воспользовались этим незнанием и, хотя и опускали хвосты перед самым захудалым чиновником, случайно оказавшимся рядом, не подавали никаких знаков, даже когда мимо проходил английский генерал. Однако один из английских офицеров раскусил эту уловку, и время от времени один из них ходил по улицам и заставлял каждого китайца опускать хвост.

Хвост никогда не состоит полностью из волос владельца. Иногда он почти полностью искусственный, когда совершенно новый хвост прикрепляется к изношенному обручку, и, как правило, последние восемнадцать дюймов почти полностью сделаны из черного шелка. Помимо того, что хвост является признаком моды, он часто используется. Например, моряк, когда поднимается ветер, привязывает шляпу к голове хвостом, а школьный учитель иногда использует хвост вместо трости.

Как бы абсурдно ни выглядел хвост, если его носит кто-либо, кроме китайца или татарина, он, безусловно, соответствует их типу лица, и можно сомневаться, не принесли ли татарские завоеватели пользу, а не нанесли вред китайцам, введя хвост.

Волосы женщин не бреют, а, наоборот, добавляют к ним. Пока они не замужем, они свисают вниз по спине длинной косой, как у мужчин; но когда они выходят замуж, их укладывают в различные причудливые формы. В Китае есть очень модное украшение, называемое "крылья бабочки". Это множество накладных волос, сделанных в причудливой имитации огромной бабочки и закрепленных на затылке женщины. Мода, однако, в разных частях Китая

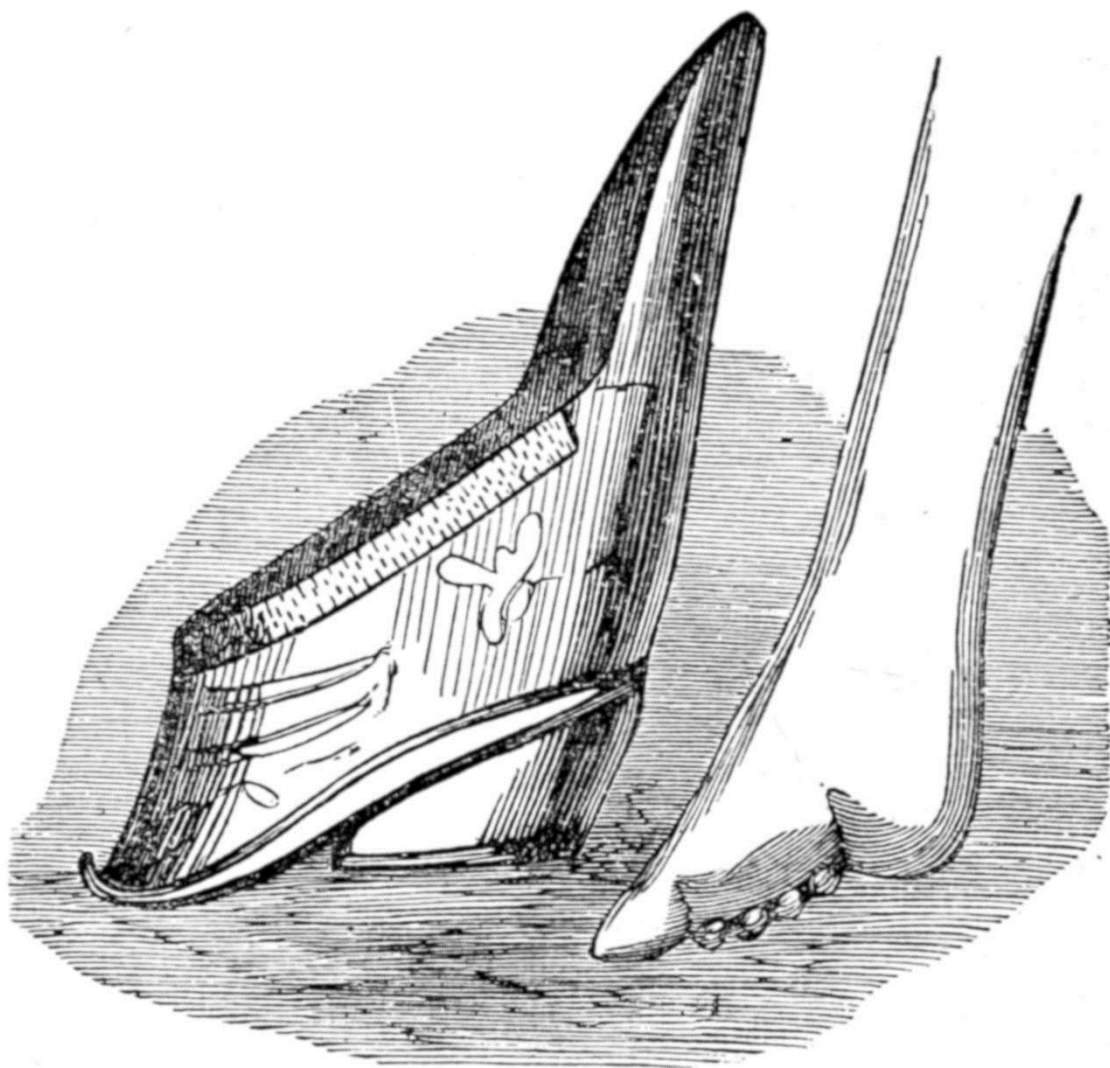
различна, и даже в одном и том же населенном пункте женщины не привязаны к абсолютному единообразию, которое отличает прически мужчин. Одна из распространенных причесок делает волосы очень похожими на чайник: длинные локоны держатся на месте с помощью прочного цемента, сделанного из древесных опилок. Другой способ укладки волос, преобладающий в Северном Китае, описывается г-ном Флемингом следующим образом: "Здесь волосы одевают и закрепляют резинкой в виде слитка серебра сиси, который по форме напоминает кувшин для сливок или овальную чашку, широкую сверху и узкую снизу, с вырезанным по краю куском с каждой стороны, с яркими цветами, прикрепленными или приколотыми шпалками и булавками, которые торчат, как дикобразовы перья. Хотя шеи у них грязные, а лица не намного лучше, волосы должны быть так же изысканно подстрижены и уложены в соответствии с местными обычаями, как у восковой модели, которую можно увидеть в витрине лондонского цирюльника".

На сопроводительной [иллюстрации](#) изображены две женщины, которые помогают друг другу укладывать волосы по моде "чайника". В семьях китайнок туалетные столики считаются чуть ли не главным предметом быта. В ящиках лежат расчески, булавки, краска для щек и губ, а также белый порошок, который втирают в кожу. Этот порошок делают из белого мрамора, который разбивают молотком, а затем бросают в ванну, в которой вращаются два камня, приводимые в движение буйволом, подобно колесам, используемым при изготовлении пороха. Затем грубо измельченную массу вместе с водой переносят во вторую мельницу, в которой она превращается в смесь, напоминающую крем. Затем это кремообразное вещество левитируют в ряде ванн, осадок из которых вынимают и возвращают в мельницу, а остальным дают осесть, отбирают лишнюю воду, а осадок прессуют, пока он еще влажный, в лепешки.

При использовании его не только натирают, но и втирают в кожу с помощью ниток, которые надевают на руки в виде кошачьей колыбели и двигают вперед-назад, пока не добьются нужного эффекта. Этот порошок также используется для придания рису искусственной белизны. Более грубые части используются для изготовления белил и отбеливающих растворов.

Многие китайцы обоих полов отличаются большой длиной ногтей, которые они позволяют себе отрастить. Предполагается, что это признак высокого положения или литературного занятия, так как при любой трудоемкой работе ногти ломаются. Для этого их тщательно смазывают маслом, чтобы они не стали хрупкими, и сохраняют, заключив в трубочки, которые надеваются на конец пальца. Эти трубки иногда делают из бамбука, иногда из серебра, а некоторые - из самых драгоценных минералов.

Ноги китайских женщин зачастую украшены более причудливо, чем голова. У огромного числа женщин ступни стянуты бинтами до такого состояния, что они становятся не более чем просто колышками, на которых можно ходить, а точнее, шататься. Не только богатые люди подвергаются такой деформации, но и самые бедные часто страдают от судорог в ногах. Операцию начинают в самом раннем возрасте, так что ступни взрослой женщины не превышают по размеру ступни ребенка пяти-шести лет. Бинты крепко обвязывают вокруг стопы таким образом, чтобы придать ей дугообразную форму, пятка при этом выдавливается вперед, а свод стопы - назад, в то время как четыре средних пальца сгибаются под стопой и так полностью вдавливаются в ее субстанцию, что почти теряют свою идентичность. Фактически, член искусственно превращен в косолапую стопу, которая, как бы отвратительна она ни была для европейского глаза, вызывает восторг у китайцев, которые называют ее метафорическим именем "золотая лилия".

СТОПА КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ И МОДЕЛЬ ТУФЛИ.
(Из моей коллекции.)

Глиняные модели этих "золотых лилий" продаются во многих магазинах; поскольку они очень точно имитируют стопу, а заставить китайку снять повязку и показать член практически невозможно, здесь приводится [изображение](#) одной из таких моделей. Походка женщины неизбежно сводится к неловкому ковылянию. Здесь нет игры прекрасного механизма человеческой стопы, и обладательница "золотой лилии" ходит точно так же, как если бы у нее вообще не было ног. Более того, ее походка еще более неловкая, поскольку вес тела переносится вперед на большой палец ноги, а это не может быть более противоположным истинному предназначению стопы.

Быстрая ходьба с такими ногами невозможна, а о беге не может быть и речи: женщины вынуждены держаться за стены или другие предметы или балансировать, вытянув руки под прямым углом к телу. Более того, даже спокойно прогуливаясь по дому, женщина обычно опирается на различные предметы мебели, когда проходит мимо них, причем это действие, по-видимому, инстинктивное, которое она не осознает. Лестницы, конечно, представляют собой трудность на пути "золотых лилий". К счастью, в китайских домах, жилые комнаты которых в основном находятся на первом этаже, лестниц не так много. Я заметила, что китайка с маленькими ногами может достаточно легко подниматься по лестнице, но при спуске всегда держится за перила или стену.

Деформация не ограничивается стопой. По мере того как пальцы и лодыжки лишаются подвижности, мышцы, которые их работают и формируют икроножную часть ноги, постепенно истощаются, так что от лодыжки до колена нога едва ли толще палки от метлы.

Как бы ни было отвратительно это уродство, оно желанно для всех, и те, кто им не обладает, стараются выглядеть так, как будто оно у них есть. Для этого они делают искусственную "золотую лилию" из дерева, вставляют ее в модную туфлю и прикрепляют это приспособление к подошве настоящей и исправной ноги. Мистер Милн замечает, что медсестра, если ее внезапно вызовут ночью, появится, твердо ступая на босую ногу в полный рост, а не ковыляя с модной ковыляющей походкой, которую она демонстрировала днем. С помощью подобной уловки мальчики, исполняющие женские роли на сцене, имитируют не только ноги, но и особую походку женщин, причем делают это с таким совершенством, что ни у кого, кто не был в тайне, не возникнет и мысли, что они не те, за кого себя выдают.

О происхождении или дате появления этого обычая ничего не известно, хотя существуют различные легенды, которые пытаются объяснить и то, и другое. Одна из легенд, например, приписывает его императрице Китая по имени Тан-ки, жившей около трех тысяч лет назад, которая, имея от природы косолапые ноги, побудила своего мужа навязать такое же уродство всем своим подданным. Другая легенда гласит, что некая императрица была обнаружена в покоях одного из придворных и свалила вину на свои ноги, которые несли ее против воли. Император принял оправдание, но отрезал переднюю часть ее ног, чтобы сделать их более подчиненными на будущее. Другая легенда, очень популярная, приписывает этот обычай некоему принцу по имени Ле-юх, который в результате был осужден на семьсот лет пыток в адских областях, а также на то, чтобы своими руками сделать миллион туфель для женщин.

Одежда китайцев сильно варьируется в зависимости от ранга человека и времени года. Не вдаваясь в подробности, которые заняли бы слишком много времени, достаточно сказать, что принцип одежды схож не только у разных классов, но и у обоих полов; основными предметами являются пальто и брюки, материал и форма которых изменяются в зависимости от обстоятельств. Платье мандарина или дворянина, а также его жены можно увидеть на [иллюстрации](#) на 1437-й странице. Богатство материала и красота работы, продемонстрированные в некоторых из этих платьев, поистине удивительны. Как правило, они сделаны из самых нежных шелков и покрыты вышивкой такой гармоничной расцветки и изысканной работы, с которой не может сравниться ни одна страна.

Однако не богатство одежды обозначает ранг среди китайцев. Символ социального статуса - это просто шарообразная "пуговица", размером примерно с мальчишеский игровой шарик, помещенная на верхушку шапки. Различные цвета и материалы пуговиц обозначают ранг: "голубая лента" - это обычная пуговица из красного коралла. Обладание этими пуговицами является предметом высоких амбиций китайцев, и его ценность увеличивается тем, что в Китае не существует наследственных рангов, и желанную пуговицу нужно заслужить, ее нельзя ни купить, ни подарить по милости.

Ее можно получить, пройдя через серию экзаменов, каждый из которых становится все более суровым, и ни один кандидат на высокий ранг не допускается к соревнованиям, если он не может предъявить сертификат, подтверждающий, что он получил ранг, стоящий непосредственно под ним. Экзамены проводятся в специально отведенном для этого здании. Оно имеет двойные стены, между которыми постоянно курсируют часовые. За воротами следят самым строгим образом, и каждого кандидата запирают в крошечной камере, после того как он подвергся самому строгому обыску, чтобы убедиться, что не пронес с собой ни одного клочка бумаги, который мог бы помочь ему на экзамене.

Самих экзаменаторов доставляют издалека и окружают войсками, чтобы никто не мог к ним приблизиться; офицеры, проводящие экзамен, настолько осторожны, что экзаменаторам не разрешается видеть оригиналы отрывков, написанных кандидатами, а только копии, сделанные официальными писцами. Когда они признают работу удовлетворительной, предъявляют оригинал, сравнивают их, и только после этого никто не узнает имя писавшего, которое было вписано между двумя листами.

Меры предосторожности самые строгие, но изобретательность, проявляемая при уклонении, иногда преодолевает все барьеры, поставленные между кандидатом и внешней помощью. Иногда человек, уже получивший диплом, умудряется подменить собой кандидата, написать все сочинения и, покидая место, совершить вторую подмену, чтобы настоящий кандидат сдал подмененные сочинения. Иногда кто-то из друзей в здании узнает тему сочинения, пишет ее мелкими буквами на очень тонкой бумаге, заключает бумагу в воск и опускает ее в воду, которую подают кандидатам. Один человек, отличающийся особой смелостью, придумал, что его друг проделает туннель под стенами колледжа и просунет необходимые документы через пол камеры. Если такая попытка будет обнаружена, кандидата сразу же изгонят и лишат права на вторую попытку.

Китайцы не без оснований стремятся к почестям, ведь даже самая низкая пуговица освобождает ее обладателя от службы в армии и от ареста полицией. Носитель этого желанного символа сразу же становится одним из привилегированных классов; он носит официальный костюм, когда хочет, и может стать кандидатом на еще более высокие почести. Такие привилегии стоят больших усилий, и, соответственно, отвергнутые кандидаты будут сдавать экзамены из года в год, вплоть до седых волос. Учитывая уважение к старости, которое является одной из самых приятных черт китайцев, существует закон, согласно которому, если человек будет ежегодно посещать экзамены до восьмидесяти лет, но так и не сможет их сдать, ему присваивается почетная степень, и он может носить пуговицу и официальное платье *honoris causâ*. То же правило действует и в отношении высших степеней.

Самые высокие должности в королевстве обозначаются павлиньим пером, которое ниспадает по бокам шапки. Градации рангов носителей перьев обозначаются количеством "глаз" в орнаменте, вершина амбиций китайца - носить перо с тремя глазами, что означает ранг, уступающий лишь императорскому.

Есть один предмет, общий для всех рангов и обоих полов и одинаково необходимый для всех. Это веер - предмет, без которого китайца никогда не увидишь. Более богатые люди носят веер в красиво вышитом чехле, подвешенном к поясу; бедные же довольствуются тем, что засовывают его между воротником куртки и затылком. Когда рука не занята каким-либо делом, веер находится в ней и в движении, но не в сильном, как это принято в Европе, а в нежном, постоянном и почти незаметном движении запястья, чтобы поддерживать непрерывный, хотя и легкий ток воздуха.

Иногда, в очень жаркую погоду, крепкий мандарин спокойно поднимает юбки своего пиджака, помещает веер под одежду и посылает поток прохладного воздуха вокруг своего тела; сделав это, он снова опускает юбки на свое место и направляет освежающий ветерок на свое лицо. Иногда его используют в качестве зонтика, держа его над головой во время прогулки. Иногда школьный учитель использует его в качестве ферулы и нещадно лупит учеников по костяшкам пальцев; веер так прочно вошел в обиход, что солдаты, служащие при оружии, были замечены спокойно обмахивающими себя веером посреди шквального огня дробы, снарядов и пуль.

Материалы и узоры китайских вееров бесчисленны. Их делают из бумаги, шелка, атласа, пальмовых листьев, дерева, перьев, рога или слоновой кости. Некоторые из них сделаны так, что если их раскрыть слева направо, то они образуют очень хорошие веера, но если их разложить справа налево, то все палочки рассыпаются и выглядят так, как будто их никогда не удастся соединить снова. На тех, что сделаны из бумаги, нарисованы или напечатаны различные узоры, и ежегодно продаются тысячи экземпляров, на которых изображены полные карты больших китайских городов с обозначением каждой улицы и переулка. Те, что сделаны из шелка или атласа, покрыты самой изысканной вышивкой; а веера из рога и слоновой кости вырезаны в виде таких легких и тонких узоров, что они больше похожи на кружево, чем на материал, из которого они на самом деле состоят. Деревянные веера делаются примерно так же, хотя их обработка обязательно грубее: материалом для них служит сандаловое дерево, ароматический запах которого очень ценится китайцами.

На веерах часто пишут избранные фразы и афоризмы знаменитых авторов, а китайские джентльмены имеют обыкновение обмениваться автографами, написанными на веерах друг друга. Цена на веера зависит от материала и качества изготовления: обычные стоят около четырех или пяти пенни, а первоклассный веер - несколько фунтов.

Фонарь почти так же характерен для китайцев, как и веер, поскольку каждый, кто отправляется за город после наступления темноты, обязан по закону иметь при себе фонарь, в то время как веер ему не нужен, если он сам того не пожелает. В последние годы эти фонари стали очень распространены в Англии: приглушенный свет, который они дают через свои цветные оболочки, очень красиво смотрится ночью, особенно в зимних садах. Существует огромное разнообразие этих фонарей: некоторые из них имеют сложную конструкцию, огромные размеры и обвешаны затейливым орнаментом из алых кисточек. Другие сделаны в форме шара, каркас представляет собой тонкую сетку из бамбука, поверх которой расстелен лист очень тонкой бумаги, пропитанной лаком, так что она почти прозрачна, как стекло. На фонарь наносятся различные фигуры, и продажа этих изделий настолько велика, что многие художники зарабатывают на жизнь их росписью. Как правило, покупая фонарь, человек приобретает обычный, а затем отдает его художнику, чтобы тот украсил его. На фонаре часто указывается имя владельца и его адрес, а иногда фонарь используется как представитель самого себя.

Многие фонари закрываются плоско, по принципу веера; некоторые из них раскрываются в цилиндры, а некоторые - в сферические и овальные формы.

Одним из самых оригинальных изделий является "фонарь-лошадь", который используется только на праздниках. Он имеет большой размер и содержит несколько конусов. Над ними расположено горизонтальное колесо, которое вращается под действием воздушного потока, создаваемого пламенем, а от колеса шелковые нити идут к ряду маленьких фигурок-автоматов, изображающих мужчин, женщин, птиц, зверей и т. д., которые двигают руками, ногами и крыльями по мере того, как колесо вращается. Хороший образец такого фонаря - действительно замечательное произведение, нити пересекаются друг с другом в самом сложном стиле, но никогда не выходят из строя.

Китайцы настолько хорошо разбираются в фонарях, что во время нашей войны в Китае, когда во время ночной атаки наш огонь заставил батарею замолчать, а гарнизон был изгнан, люди разбегались во все стороны, каждый с зажженным фонарем в руке, как бы указывая цель вражеским мушкетерам.

В связи с этой темой нельзя не упомянуть о знаменитом празднике фонарей. В этой замечательной церемонии, кажется, используются все фонари, которые можно зажечь, а

китайцы по этому случаю достают сложный "фонарь преследующей лошади", который только что был описан. Однако главным объектом является Великий Дракон. Тело Дракона состоит из множества фонарей, каждый из которых размером с пивную бочку, а внутри закреплены большие свечи. В строительстве одного Дракона иногда используется почти сотня таких соединений, каждое из которых привязывается к соседнему, чтобы они находились на одинаковом расстоянии друг от друга. На одном конце находится огромная голова с зияющими челюстями, а на другом - хвост соразмерных размеров.

Этого дракона проносят по улицам и деревьям, и он производит очень живописное впечатление, извиваясь на своем пути; носильщики стараются придать ему волнообразное движение с помощью палок, к которым прикреплены различные суставы. Аналогичный фестиваль проводится осенью. Дракона сопровождают несколько мужчин, одетых в различные причудливые одежды, изображающие слугителей богов. У некоторых из них головы похожи на бычьи, у других - на лошадиные, и все они вооружены диковинным зубчатым оружием. Есть также имитации великанов и карликов: первых несут на плечах мужчины, чьи ноги скрыты одеяниями, а вторых - мальчики, чьи головы втянуты в шапки, которые носят изображения. Ни в том, ни в другом случае носильщики не стараются скрыть свои лица.

Проводятся различные церемонии подобного рода, описание которых не представляется возможным из-за недостатка места.

Из социальных привычек китайцев ни одна не была так широко известна, как использование "палочек", или двух маленьких палочек, с помощью которых едят твердую пищу. Это не китайское название, а придуманное иностранцами, которые использовали этот термин как эквивалент для "квай-цзе", или проворных парней, как их очень правильно называют китайцы. Изначально это были просто две палочки из бамбука, но теперь их делают из дерева, кости, слоновой кости, а иногда и из серебра. Две пары палочек в моей коллекции имеют длину почти десять дюймов и толщину у основания примерно как у маленького гусиного пера, постепенно сужаясь к кончику до половины толщины.

В отношении использования палочек для еды существует много недоразумений: многие полагают, что их держат по одной в каждой руке, как ножи и вилки в Европе. Эти любопытные приспособления держат в правой руке следующим образом: Одна из них берется так же, как ручка, только вместо того, чтобы удерживаться большим и указательным пальцами, она проходит между кончиками второго и третьего пальцев. Эту палочку всегда держат неподвижно. Вторую палочку слегка зажимают между большим и указательным пальцами, и она может работать так, что ее кончик прижимается к острию другой, и действовать подобно щипцам.

Ловкость китайцев в обращении с этими приборами достойна всяческого восхищения. Я видел, как они подхватывают палочками отдельные зерна риса, макают их в сою и с идеальной точностью подносят ко рту; и действительно, после нескольких уроков я и сам мог делать это довольно хорошо. Когда едят рис обычным способом, кончики палочек скрещивают, и рис поднимают ими, как на ложке. Однако если человек очень голоден, он не утруждает себя подобными изысками, а подносит миску к губам и зачерпывает рис в рот с быстротой, которую нужно видеть, чтобы поверить. По скорости ложка не идет ни в какое сравнение с палочкой для еды.

Читатель должен понимать, что китайцы никогда не режут за столом, считая это совершенно варварским и отвратительным обычаем. Мясо подается к столу уже готовым, нарезанным на мелкие кусочки, которые можно брать палочками. Единственное, для чего используется нож

за столом, - это для отделения небольших кусочков мяса, которые могут слипнуться; для этой цели узкий длиннолезвийный нож обычно хранится в одних ножнах с палочками.

Как правило, у каждого китайца, который может позволить себе такую дешевую роскошь, на поясе висит футляр для палочек. Футляр изготавливается из различных материалов, таких как шагрень, черепаховый панцирь и слоновая кость. Образцы двух последних видов футляров есть в моей коллекции. Обычный футляр содержит две палочки для еды, нож и плоскую зубочистку из слоновой кости. Иногда, однако, состоятельный человек носит с собой гораздо более сложный набор столовых принадлежностей. Помимо обычных палочек для еды, ножа и зубочистки, здесь есть ложка для супа, маленькое аккуратное блюдце в форме четырехугольника для сои и необычная вилка с двумя зубцами, соединенными посередине флорированным орнаментом.

Что касается еды китайцев, то она варьируется в зависимости от достатка человека, так что состоятельному человеку и в голову не придет есть ту пищу, которую бедняк считает роскошной. На самом деле все обстоит примерно так же, как и у нас, так что невозможно сделать рацион одной станции образцом для рациона всей нации. Есть, пожалуй, один или два продукта питания, о которых стоит упомянуть вскользь. Один из них, который не является общеизвестным, довольно наглядно описан мистером Милном: "Как и другие китайцы, он" (*то есть* китайский офицер по имени Ле) "пригласил меня пообедать с ним в один из первых дней после того, как завязалось наше знакомство. По этому случаю я встретился за его столом с необычным блюдом, которое я никогда не видел под крышей другого хозяина, хотя мне сообщили, что оно не является монополией вкуса господина Ле.

"Когда наша компания из шести человек расположилась за центральным столом, мое внимание привлекло накрытое блюдо - нечто необычное для китайской трапезы. По определенному сигналу крышка была снята, и вскоре лицо стола было покрыто молодыми крабами, которые со всей возможной быстротой покидали блюдо. Крабики были брошены в тарелку с уксусом как раз в тот момент, когда компания садилась за стол, и такое погружение сделало их более резвыми и живыми, чем обычно. Но резвый спорт малышей-крабов был вскоре пресечен: каждый гость хватал, что попадется под руку, отправлял в рот и без церемоний проглатывал целиком.

"Решив поступить так же, как китайцы, я попробовал эту новинку и с одним. С двумя у меня получилось, но раковина оказалась мягкой и студенистой, поскольку это были крошечные существа, которым было не больше дня или двух от роду. Но я был вынужден уступить третьему, который решил отомстить и ущипнул меня за нижнюю губу так резко и сильно, что я отказался от своей руки и впредь не хотел экспериментировать с подобными вещами".

Знаменитые птичьи гнезда, которые китайцы превращают в суп, не делаются, как думают некоторые, из палочек, соломинок и шерсти, а формируются из студенистого вещества, получаемого при перетирании водорослей. Гнезда прозрачны, как будто сделаны из желатина, и, когда их помещают в горячую воду, они так же легко растворяются. В растворенном виде гнездо очень похоже на хорошо известный "ирландский мох", или карраген; и я полностью уверен, что, если бы китайцы добыли самую морскую водоросль и приготовили ее так же, как гнезда, она бы отвечала всем требованиям. У меня есть образцы и водорослей, и гнезд, и, попробовав их, я пришел к выводу, что они идентичны по вкусу и консистенции. А поскольку морские водоросли можно приобрести примерно за десять шиллингов за центнер, а самый лучший вид гнезда стоит восемьсот фунтов за тот же вес, ввоз морских водорослей вместо гнезд с Явы может стать хорошей спекуляцией.

Что касается основного продукта страны, а именно чая, то здесь можно сказать очень мало. Во-первых, общественность очень хорошо информирована по этому вопросу, а во-вторых, чайный вопрос настолько велик, что занял бы слишком много места. Способ приготовления чая значительно отличается от того, который практикуем мы. Вместо того чтобы дать чаю завариться, а затем постоять значительное время, китаец кладет немного чая в чашку, заливает его кипящей *дождевой водой*, переворачивает блюдце, чтобы аромат не улетучился, и сразу же выпивает его, используя блюдце как ситечко, чтобы чайные листья не попали в рот. Что касается подмешивания в чай таких мерзостей, как сливки и сахар, то он придет в ужас от этой мысли. Китайцы никогда не используют молоко для себя, хотя в последние годы они научились доить своих буйволов для иностранцев, а сахар они употребляют почти в любом виде, кроме чая.

Мы, использующие любой из этих аксессуаров, не можем понять истинного вкуса чая, аромат которого уничтожается такой примесью в той же степени, что и аромат самого лучшего вина. Даже те, кто не портит свой чай обычным способом, редко могут узнать, что такое лучший чай, потому что его никогда не присылают в эту страну. Ни в одном Китае иностранец не сможет его купить, так как он не производится для общей продажи, а предназначается для "кумшоу", или подарков.

ГЛАВА КЛИВ. КИТАЙ - продолжение. ВОЙНА.

ОРУЖИЕ КИТАЙЦЕВ - КАЗНОЗАРЯДНАЯ ПУШКА - РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ДЖИНГАЛА - КИТАЙСКИЕ АРТИЛЛЕРИСТЫ И ИХ МАГАЗИН - ЛУКИ И СТРЕЛЫ - ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ АРБАЛЕТ И ЕГО МЕХАНИЗМ - КОНСТРУКЦИЯ СТРЕЛ - КИТАЙСКИЕ МЕЧИ - ДВОЙНОЙ МЕЧ, И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ДВУРУЧНЫЕ МЕЧИ - ЖЕСТОКОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПЫТОК - БИТЬЕ КОЛЕНОМ ПО ЦЕПИ - КАНГУ - СДАВЛИВАНИЕ ПАЛЬЦЕВ И ЛОДЫЖЕК - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЫТОК ПРИ ДОБЫЧЕ ДЕНЕГ - БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ БАМБУК - СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ НЕГО - ВОЗДЕЙСТВИЕ В КЛЕТКЕ - ГОРЯЧАЯВОДЯНАЯ ЗМЕЯ - СМЕРТНАЯ КАЗНЬ - САМОУБИЙСТВО ПО ПРИКАЗУ - УДУШЕНИЕ - РАСПЯТИЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЯ - КАЗНЬ ВОРА - РАСПИЛИВАНИЕ НА ЧАСТИ - ПОВЕДЕНИЕ МАНДАРИНОВ - "ЗОНТИК ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ" - ПОЧЕТНАЯ МАНТИЯ - ПЕРЕДАЧА РАНГА.

Не углубляясь в вопрос о военных действиях в Китае, упомянем пару характерных видов оружия.

Огнестрельное оружие, по-видимому, было известно им издавна, но за все годы нашего знакомства с Китаем в нем не произошло никаких усовершенствований: пушка, цзингаль и ручное огнестрельное оружие остались такими же грубыми и неэффективными, как и два столетия назад. Пушки - это не более чем толстые железные трубы, в основном с обручами для их укрепления, разной длины и с разными отверстиями. Что касается сохранения точности размеров отверстий, то китайцы мало заботятся об этом, и если шар слишком мал для пушки, они заворачивают его в вату, а затем насыпают порох. Считается, что в огнестрельном оружии пыжи не нужны. Однако весьма примечательно, что китайцы с незапамятных времен использовали пушки с казенной частью ствола. Каждая из этих пушек

снабжена несколькими отдельными каморами, которые можно держать заряженными и по одному опускать в отверстие орудия так быстро, как только они могут выстрелить.

Каким бы неуклюжим ни был джингал, он представляется самым эффективным из китайского огнестрельного оружия. Внешне она напоминает утиную пушку и, как предполагается, несет унцовый шар, хотя посылаемые из нее снаряды, как правило, носят самый разнообразный характер. Некоторые из этих ружей поворачиваются и закрепляются на треногах, а другие либо опираются на плечо помощника стрелка, пока тот прицеливается, либо покоятся на двух опорах, которые прикреплены к прикладу не очень далеко от дула ружья. О том, как стреляют из джингала, капитан Блэкистон рассказывает очень забавно, причем для английского артиллерийского офицера вся процедура выглядит весьма нелепо.

"Мы объяснили им, что хотели бы посмотреть на практику их артиллерии, на что бомбардир, как он представился, пошел к пороховому магазину, который представлял собой старый мешок, тщательно завязанный и лежавший под кроватью в хижине, и принес заряд в чайной чашке. Затем он встал на табурет и засыпал порох в дуло; джингаль стукнул по земле, и длинным бамбуком, служившим тараном, они вбили порох в дуло. Затем немного уже мягкого пороха мели и заполняли им отверстие для касания.

"Один человек крепко держался за приклад, а другой, взяв раскаленную кочергу, разряжал оружие, эффект от чего по шуму и дыму был изумительным; но бедняга, исполнявший роль стрелка, был опрокинут на пятки назад головой. Однако, похоже, он вполне привык к подобным вещам, так как, поднявшись через минуту, он совершил то, что я, несомненно, принял за *переворот* всего действия. Внезапно повернув джингаль на шарнире, он приложил рот к дулу и с силой дунул в него, отчего из жерла полетели оставшиеся искры, а затем вернул его в прежнее положение, чем едва не сбил моего спутника с ног.

"Затем орудие было оставлено с дулом, наклоненным вверх, чтобы дождь, который может выпасть, стекал по стволу и скапливался у казенной части. У пикета, похоже, не было дробы для джингала, и мы пытались уговорить их вставить одну, чтобы мы могли стрелять через нос наших джонок, чтобы проверить храбрость лодочников. Вероятно, дробь не используется во внутренних войнах: наш последующий опыт был благоприятен для этого предположения".

Капитан Блэкистон довольно злорадно добавляет, что пикет был поставлен там для того, чтобы вызвать тревогу и убежать, как только в поле зрения появится какое-либо тело мятежников.

У меня есть экземпляр джингала. Его длина составляет ровно семь футов, и, по сути, это не что иное, как тяжелая железная труба, установленная на подставке и снабженная самым грубым из всех возможных приспособлений для спички. В общем, я думаю, что риск выстрелить из него был бы гораздо выше, чем риск быть обстрелянным из него.

Что касается лука и стрел, то они в основном такие же, как и те, что были описаны при рассмотрении татар, - это оружие было перенято китайцами, и его использование тщательно изучалось по той же схеме, что была упомянута выше.

Наиболее характерным китайским оружием, с которым я знаком, является [повторяющийся арбалет](#) (показан на странице 1425), который, просто работая рычагом вперед-назад, сбрасывает стрелы подряд перед тетивой, натягивает лук, выпускает снаряд и на его место ставит другой. Говорят, что конкретное оружие, с которого сделаны эти рисунки, было одним из многих, захваченных в форте Пейхо.

Описать работу этого диковинного лука совсем не просто, но с помощью [иллюстрации](#) я постараюсь сделать ее понятной.

Сам лук сделан из трех крепких отдельных кусков бамбука, наложенных друг на друга, как пластины тележной рессоры, на которую он, собственно, и похож. Он крепится на ложе, а поскольку лук предназначен для обороны стен, то посередине он опирается на шарнир. Итак, у нас есть простой арбалет; теперь нам нужно посмотреть, как устроен механизм повтора. На верхней поверхности ложа находится продолговатая коробка, которую мы назовем "затвор". Он достаточно широк и длинен, чтобы вместить стрелы, и открыт сверху, чтобы их можно было опускать в него. Когда стрелы находятся в горке, они обязательно лежат одна над другой, а чтобы они не выскочили из горки от удара тетивы, отверстие можно закрыть маленькой деревянной задвижкой, которая скользит по нему.

В нижней части заслонки прорезана поперечная щель, через которую продевается тетива, так что она давит на заслонку. Теперь мы переходим к рычагу. Он имеет форму греческой буквы π, а его поперечная часть служит рукояткой. Рычаг соединен с прикладом железным штифтом или болтом, а с затвором - другим болтом. Теперь, если пошевелить рычаг, затвор будет двигаться вперед и назад вдоль ложа, но без какого-либо другого результата.

Предположим, что мы хотим заставить рычаг натягивать лук, для этого нужно лишь вырезать выемку в нижней части прорези, через которую проходит тетива. Когда ползун проходит по стволу, струна под собственным давлением попадает в выемку и вместе с ползуном оттягивается назад, тем самым сгибая лук. Однако, сколько бы мы ни нажимали на рычаг, струна все равно останется в пазу, и ее придется вытаскивать с помощью своеобразного спускового крючка. Он действует сам по себе, причем одинаково просто и гениально. Непосредственно под выемкой, удерживающей струну, через отверстие свободно проходит деревянный штифт. Когда затвор выдвигается вперед и струна попадает в выемку, она выталкивает шпенок из отверстия. Но когда рычаг и затвор отводятся назад до упора, нижний конец колышка ударяется о приставку, так что он с силой протискивается в отверстие и выталкивает струну из паза.

Теперь обратимся к [иллюстрации](#). На рис. 1 представлен лук в том виде, в котором он выглядит после того, как рычаг и ползун выдвинулись вперед, а струна попала в выемку. На рис. 2 он изображен в том виде, в котором он появляется после того, как рычаг возвращается назад, а струна освобождается.

А - лук, сделанный из трех слоев мужского бамбука, два крайних из которых самые длинные. Б - струна. Она сделана из очень толстого кетгута, необходимого для того, чтобы выдержать трение, которому она подвергается, и сильные удары лука. Она закреплена удивительно изобретательным способом, с помощью "зацепа", а не узла, так что она натягивается пропорционально натяжению. Она проходит вокруг конца лука через отверстие, а затем прижимается к нему.

С С - это ложе, а D - затвор. Е - отверстие в заслонке, через которое в нее вводятся стрелы; оно частично закрыто маленьким затвором F. Рычаг показан на G, вместе с двумя штифтами, соединяющими его с прикладом и заслонкой. H показывает выемку в затворе, в которую вставляется струна. I - шарнир, на который опирается оружие, K - рукоятка, а L - место, откуда вылетают стрелы.

Если читатель внимательно следил за этим описанием, то он увидит, что единственным ограничением скорострельности является быстрота перемещения рычага вперед и назад. Когда он выдвигается вперед, тетива опускается в свой паз, спусковая скоба устанавливается, и стрела падает прикладом прямо перед тетивой. При резком оттягивании назад тетива отпускается спусковым крючком, стрела вылетает, а на ее место падает другая. Таким образом, если мальчишка будет постоянно снабжать затвор стрелами, то из этого оружия можно будет выпускать постоянный поток снарядов.

Стрелы очень похожи на "болты" старого английского арбалета. Они оснащены тяжелыми и прочными стальными наконечниками и оперены весьма изобретательным способом. Оперение настолько незначительное, что на первый взгляд кажется, будто это просто черные царапины на древке. Однако это именно перья, выступающие едва ли на пятидесятую долю дюйма от древка, но расположенные по спирали, чтобы ловить воздух и придавать стреле вращательное движение. Сбоку от арбалета на [рис. 2](#) показан пучок стрел.

Сила этого лука очень велика, хотя и не так велика, как мне рассказывали. Он обладает лишь небольшой способностью к прицеливанию, и против одиночного и подвижного противника был бы бесполезен. Но для той цели, для которой он предназначен, а именно как стенобитное орудие, способное обрушить серию снарядов на группу людей, он является очень эффективным оружием и может показать себя даже против современной винтовки. Дальность стрельбы из этого лука, как говорят, составляет четыреста ярдов, но я думаю, что предельная дальность его действия составляет максимум от шестидесяти до восьмидесяти ярдов, и даже в этом случае он будет почти бесполезен, разве что против больших тел солдат.

Мечей у китайцев великое множество. Некоторые мечи одноручные, а есть и такое приспособление, при котором два меча носятся в одних ножнах и используются по одному в каждой руке. Я видел, как выполняется упражнение с двумя мечами, и могу понять, что в противостоянии с любым человеком, не знакомым с этим оружием, китайский фехтовальщик будет неотразим. Но, несмотря на два меча, которые летают вокруг головы фехтовальщика, как паруса мельницы, и ловкость, с которой китайский фехтовальщик прыгает и подставляет то одну, то другую сторону своему противнику, я не могу не думать, что любой обычный фехтовальщик смог бы удержаться в недосягаемости, а также попасть в точку, несмотря на кружащиеся клинки своего противника.

Двуручные мечи широко используются. Один из них, хранящийся в моей коллекции, имеет длину пять футов шесть дюймов и весит более четырех фунтов с четвертью. Клинок имеет три фута в длину и два дюйма в ширину. Толщина металла на спинке составляет четверть дюйма у рукояти, немного уменьшаясь к острию. Весь клинок имеет очень легкий изгиб. Рукоять красиво обвита узкой тесьмой, образующей замысловатый узор.

Есть и другое оружие, клинок которого в точности напоминает клинок двуручного меча, но он закреплен на конце длинной рукояти длиной около шести или семи футов, так что, хотя он и наносит смертельную рану, когда поражает врага, это очень неуправляемое орудие, и носителю требуется столько времени, чтобы прийти в себя, если он пропустит удар, что он окажется в полной власти активного противника.

В случае победы в бою китайцы - жестокие завоеватели и склонны применять ужасные пытки не только к военнопленным, но и к жителям побежденной страны. Они переносят эту любовь к пыткам даже в гражданскую жизнь и проявляют ужасающую изобретательность в создании максимально возможных страданий при наименее очевидных способах их причинения. Например, одним из обычных наказаний в Китае является принудительное стояние на

коленях с голыми ногами на свернутой цепи. Звучит не особенно ужасно, но муки, которые при этом испытываются, просто неописуемы, особенно если рядом со страдальцем стоят два офицера и не дают ему возможности добиться даже кратковременного облегчения, сменив позу. Иногда цепь заменяют разбитой посудой.

Самым распространенным наказанием в Китае является канга, своего рода передвижной столб. Кусок дерева площадью около четырех футов и толщиной почти четыре дюйма имеет отверстие посередине, через которое просовывается голова преступника. Он открывается с помощью петли, а когда закрывается, запирается, и на него наклеивается табличка с указанием преступления. Пока на нем висит канга, несчастный провинившийся не может прокормиться, и если бы его не кормили случайные пожертвования, он умер бы от голода. К счастью, кормить заключенного в канге считается почетным делом, так что риск умереть с голоду невелик, а главный ужас канги заключается в боли, которую причиняет ношение такого груза на шее и плечах. Этот инструмент часто носят неделями, а иногда и по три месяца, что является пределом его законного использования.

Сдавливание пальцев - еще одна пытка, которая часто используется. Четыре куска бамбука свободно связывают вместе с одного конца, а через другие концы пропускают веревку, расположенную таким образом, что, потянув за нее, можно стянуть их вплотную друг к другу. Пальцы вводятся между бамбуками, и, потянув за веревку, их можно раздавить почти на куски. К этой пытке часто прибегают мандарины, пытаясь вымогать деньги у людей, которых они подозревают в сокрытии своего богатства. Аналогичным образом сдавливают лодыжки, только в этом случае бамбук гораздо крупнее. Оба этих способа пыток показаны [на иллюстрации](#) на следующей странице.

Большинство так называемых мелких пыток, *то есть* тех, которые не направлены непосредственно на жизнь, применяются с целью вымогательства денег. Дело в том, что мандарины, поставленные над районами, имеют лишь ограниченный срок полномочий и могут быть перемещены в любой момент. Поскольку в течение срока полномочий они должны вносить определенную сумму, требуемую начальством, а также содержать значительное состояние на номинальное жалованье, то получается, что они угнетают народ в меру своих сил, рассматривая его лишь в свете животных, приносящих налоги. Поэтому неудивительно, что китаец, обладающий хоть какими-то способностями, стремится к литературному званию и привилегии носить пуговицу, которая освобождает его от ареста, кроме как по императорскому указу.

Избиение бамбуком - еще одно распространенное наказание. Для этой цели существует два вида бамбука: маленький и большой; последний способен привести к смерти, если его использовать с особой жестокостью. В самом деле, даже маленький бамбук, если удары наносятся не плоской, а острой стороной, сшибает плоть так сильно, что наступает морок, от которого страдалец непременно умрет через несколько дней. Это наказание используется в основном родовитыми мандаринами для вымогательства денег и применяется как к мужчинам, так и к женщинам; разница лишь в том, что мужчину бросают на землю, а женщина страдает в коленопреклоненной позе.

Продуманный человек, однако, никогда не страдает от бамбука, а если возможно, то и вовсе не страдает. В первом случае он подкупает палача, который наносит удар так, чтобы он звучал очень эффектно, но на самом деле причиняет очень мало вреда. Во втором случае он подкупает человека, который выступает в роли заместителя, и в тот момент, когда первый удар должен быть нанесен, кто-то из офицеров, также подкупленных, встает между судьей и преступником, в то время как последний откатывается с дороги, а его место занимает

заместитель. Аналогичная уловка применяется и по завершении наказания. Может показаться странным, что кто-то должен выступать в качестве замены в таком деле; но в Китае люди мало заботятся о своей шкуре или даже жизни, и можно приобрести замену даже для смертной казни, причем главная трудность заключается не в том, чтобы подкупить замену, а в том, чтобы найти достаточно денег для подкупа всех чиновников, которые должны действовать согласованно.

Какими бы могущественными они ни были, мандарины не обладают всей полнотой власти над жизнью и смертью, хотя и могут налагать наказания, которые практически приводят к тому же результату. Мистер Милн упоминает о подобном случае. Двое мужчин были арестованы за ограбление дома во время пожара. Это по праву считается самым отвратительным видом кражи и обычно карается обезглавливанием. Мандарин округа не имел полномочий нанести смертельный удар, но он решил сделать так, чтобы мужчины умерли. Для этого он сделал две высокие бамбуковые клетки, поместил в каждую по человеку и привязал его за хвост к верхним прутьям клетки. Клетки были размещены под открытым небом под присмотром офицеров, которые не допускали никакого общения с преступниками. Естественным следствием этого было то, что лишение еды, питья, сна и любого отдыха, а также воздействие стихии убивали людей так же эффективно, как меч палача.

Модификация этого способа наказания заключается в том, что верх клетки закрывается доской, через отверстие в которой проходит голова страдальца. Это, по сути, неподвижная канга. Верх клетки регулируется таким образом, что человек вынужден стоять на цыпочках, будучи подвешенным за шею. Руки связаны за спиной, и освободиться невозможно. Этот способ наказания [показан](#) на предпоследнем рисунке, справа.

Остальные фигуры говорят сами за себя, за исключением коленопреклоненной фигуры со змеями, обвившимися вокруг его тела. Эти змеи представляют собой трубки из мягкого металла, выполненные в форме змей с открытыми ртами. Их наматывают вокруг обнаженных конечностей и тела страдальца, а затем заливают в них кипяток, производя самые ужасные пытки.

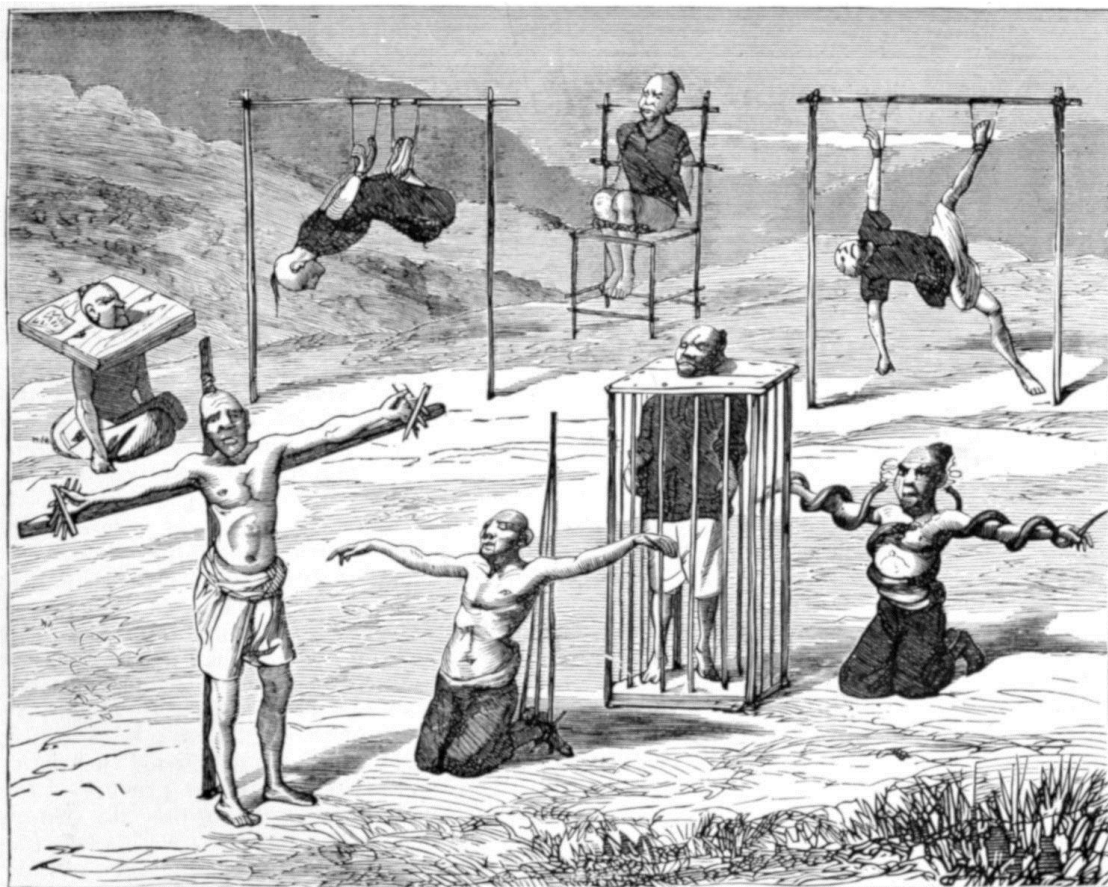
Что касается смертных приговоров, то они выносятся различными способами. Наименее страшным считается приказ совершить самоубийство, потому что в этом случае они могут избежать искалечения тела и явиться в мир духов целыми и невредимыми. Эта привилегия дается только офицерам очень высокого ранга, и они получают ее, посылая "шелковый шнур". На самом деле шнур не посылается, но мандат подразумевает орудие смерти. Получив его, обреченный берет в дом нескольких ближайших родственников и самых дорогих друзей, прикрепляет шелковый шнур к балке, садится на табурет, пропускает петлю вокруг своей шеи, затем спрыгивает с табурета и умирает. Офицеры низшего ранга, когда видят, что их, вероятно, приговорят к смерти, обычно предвосхищают приговор, вешаясь под свою ответственность.

Для преступников, не имеющих никакого статуса, наиболее предпочтительным способом смерти является удушение. Оно осуществляется способом, в точности напоминающим испанскую гарроту. Преступник стоит спиной к столбу, в котором на уровне его шеи просверлено отверстие. Два конца шнура пропускаются через отверстие, петля обхватывает шею мужчины. Затем концы шнура закручиваются вокруг палки, и несколькими быстрыми поворотами палки человека убивают. Быстрота этого процесса такова, что мистер Локхарт упоминает случай, когда он и его друг увидели, как к ним приближается группа солдат, несущих шест и закованного человека в корзине. Они остановились, привязали шест к

вертикальному столбу, вытащили человека из корзины, привязали его к шесту и задушили, прежде чем иностранцы успели понять, что они делают. Странность этого дела заключалась в том, что чиновники подкупили явного преступника и его друзей, так как хотели заставить иностранцев поверить, что он контрабандист опиума и что они делают все возможное, чтобы остановить торговлю. Воистину, это странная страна.

(1.) МАНДАРИН И ЖЕНА.
(См. [стр. 1429.](#))

(2.) СПОСОБЫ ПЫТОК.

(См. [с. 1436.](#))

К обезглавливанию китайцы испытывают сильнейшее отвращение, потому что их пугает мысль о том, что в следующем мире они предстанут без головы, и поэтому они сделают все возможное, чтобы избежать его. Самый замечательный пример того, на что пойдет китаец, чтобы избежать обезглавливания, приведен в следующей выдержке из письма в индийскую газету. Это был известный и самый отъявленный преступник, который был арестован вместе со своей женой.

"На суде перед своим судьей он отказался признать себя виновным, хотя его неоднократно бичевали до тех пор, пока у него не стала сырой спина. Если женщина-свидетель не может дать удовлетворительных показаний в суде, ее бьют кожаным ремнем по губам. Его жена, желая пощадить мужа, отказалась давать показания, но после двух или трех ударов ремнем ее мужество ушло. Она признала его вину. Тогда заключенного приговорили к обезглавливанию - китайцы считают это самым суровым наказанием, поскольку полагают, что если человек покидает этот мир без одного из своих членов, то в таком же состоянии он появится и в следующем. Поэтому преступник молился о том, чтобы его распяли, а не обезглавили.

"Крест был латинской формы: ножка вставлялась в крепкую доску, и преступнику, стоявшему на доске, вбивали гвозди в ноги, а руки вытягивали и прибивали к поперечной балке. Его ноги были прикреплены к кресту железной цепью, а руки связаны шнурами, на шнуре вокруг талии был прикреплен кусок дерева, на котором было написано его имя и преступление; такой же кусок на правой руке содержал его приговор, а именно: оставаться на кресте днем и

ночью до самой смерти; на другой, на левой руке, было написано имя судьи с его титулами и должностями.

"Преступник был прибит к кресту внутри Ямуна в присутствии магистрата, а затем отнесен четырьмя кули на одну из главных улиц, ведущих из города, где его оставили на день, но ночью унесли в тюрьму, опасаясь, что его друзья попытаются спасти его, и снова вынесли днем под присмотром двух солдат. Его распяли в полдень в среду, и мистер Джонс беседовал с ним в пять часов вечера. Он жаловался на боль в груди и жажду. В четверг он проспал несколько часов, когда крест положили на территории тюрьмы. Никому не разрешалось приносить ему еду или питье, и в течение дня перед крестом проходила ярмарка: людей привлекали издали, а торговцы сладостями вели большую торговлю.

"В субботу он был еще жив, когда к таотаю обратился один иностранец с просьбой прекратить страдания несчастного, и он немедленно отдал приказ дать ему уксус, который, как он ожидал, приведет к немедленной смерти; но результат оказался иным, и на закате, когда крест внесли в тюрьму, двое солдат с крепкими бамбуками перебили ему обе ноги, а затем задушили".

Нет ничего удивительного в том, что женщина признала вину мужа, ведь по лицу иногда бьют жестким кожаным ремнем до тех пор, пока не сломаются челюсти и не отпадут все губы. По всей вероятности, она была не менее виновна, чем ее муж, так что жалости она не заслуживает.

Обезглавливание всегда проводится с большой судебной торжественностью и, как правило, ограничивается определенными временами года, когда казнят большие партии преступников. Однако иногда бывают и исключения из правил. В качестве инструмента используется меч, изготовленный специально для этой цели. Это двуручное оружие, очень тяжелое и с очень широким лезвием. Палачи гордятся своим мастерством в обращении с ним, и, чтобы продемонстрировать свои способности, проводят черной тушью линию вокруг репы и разрубая ее ударом, причем разрез никогда не проходит ни по одну из сторон линии. Прежде чем человека примут в палачи, он обязан доказать свои способности этим испытанием.

Преступника везут к месту казни в бамбуковой клетке, а рядом с ним - корзина, в которой ему будут снимать голову. Его приковывают очень эффективным способом. Середину длинной и тонкой веревки пропускают через шею, а концы перекрещивают на груди и подводят под руки. Затем их скручивают вокруг рук, запястья связывают вместе за спиной, а концы прикрепляют к части веревки на шее. Листок бумаги с именем, преступлением и приговором прикрепляют к тростинке и втыкают в затылок. См. [иллюстрацию № 1](#) на стр. 1451.

Прибыв на место казни, чиновники снимают бумагу и относят ее председательствующему мандарину, который пишет на ней красными чернилами приговор к казни. Бумагу заменяют, через голову преступника пропускают веревочную петлю, конец которой передают помощнику, который тянет голову вперед так, чтобы вытянуть шею, а второй помощник держит тело сзади, и через мгновение голова отделяется от тела. Голову забирают и обычно вешают бамбуковой клетке недалеко от места преступления с табличкой, сообщающей имя и преступление преступника, а также имя председательствующего мандарина, по приказу которого он был казнен. В некоторых местах эти головы неприятно многочисленны. Во многих случаях веревка и помощники не работают.

Существует даже более низкая степень деградации, чем простое обезглавливание. Это называется "разрезание на мелкие кусочки". Перед тем как нанести смертельный удар,

палач делает длинные, но не глубокие надрезы на лице и на всех мясистых частях тела, стараясь избегать главных кровеносных сосудов, чтобы, когда преступник освободится, лишившись головы, он мог войти в мир иной не только без головы, но и почти без плоти на костях.

Последнее из наказаний, о которых пойдет речь в этой работе, - это распиливание, наказание, которое в последние годы применяется крайне редко, и мы можем надеяться, что оно вымирает, хотя в действительности оно не причиняет страдальцу такой боли, как многие из мелких наказаний. О том, как это делается, можно судить по анекдоту, рассказанному мистером Флемингом в уже цитировавшейся работе. Один выдающийся императорский офицер по имени Сунь-квей попал в плен к вождю повстанцев Ки-юну. Зная о способностях своего пленника, лидер мятежников предложил пощадить его жизнь при условии, что тот примет командование в его армии. Сунь Квей наотрез отказался, заявив, что раз он потерпел поражение, то должен умереть, так как служить против своего императора невозможно. Подкупы, угрозы и обещания были бесполезны, и наконец Ких-юн приказал распилить пленника на части.

Палачи приступили к исполнению своего страшного долга, но при всем старании не смогли заставить пилу войти в тело своей жертвы, которая лишь насмеялась над ними за их невежество, не зная, как распилить человека на части. Наконец Сунь-Квей соизволил проинструктировать их. "Вы, мертвые собаки и рабы, - сказал он, - если хотите распилить человека на части, вам следует сжать его тело между двумя досками; но как *вы* можете это узнать?" Люди последовали его совету и распилили его и доски одновременно, а он не отступал, но насмеялся над ними до последнего момента.

С некоторой неохотой я описываю, пусть и кратко, эти ужасные сцены, но пропустить их - значит упустить некоторые из наиболее характерных черт этого странного народа. Те, кто знаком с китайской нацией, поймут, что я очень легко коснулся этой темы, а самые отвратительные способы наказания не упоминались и по понятным причинам вообще не могут быть упомянуты.

Хотя мандарины, как правило, ненавистны тем, над кем они поставлены, есть исключения из обычного правила, и встречаются люди, которые не поддаются искушению вымогать деньги у народа, - искушение, которое становится тем сильнее, что мандарин, который может доложить, что его округ выплатил очень большую сумму в императорскую казну, уверен в продвижении по службе, а если он "выжал" большую дань из округа, который раньше платил лишь небольшую сумму, он может почти рассчитывать на получение вожделенного павлиньего пера со всеми его привилегиями.

Когда честный и добросердечный мандарин покидает свой пост по истечении срока полномочий, народ подписывается поднести ему государственный зонтик, который называется "Зонт десяти тысяч людей". Он сделан из красного шелка и атласа, с тремя рядами воланов, и на нем золотыми буквами написаны имена главных дарителей. Когда он официально покидает свой пост, зонтик несут в процессии его сопровождающие, а за ним на некотором расстоянии следуют те, кто его подарил.

Высшей наградой такого рода является верхняя одежда из того же материала, что и зонтик, и также украшенная именами главных дарителей. Это почетное одеяние несут в процессии, вывешивают в своеобразном павильоне, чтобы все могли его видеть, и сопровождают музыкальным оркестром. Таковую мантию дарят очень редко, и получатель, естественно, ценит ее очень высоко.

Говоря о почетных наградах, нельзя не упомянуть об одном их виде. Если человек сильно отличился и чувствует, что он в большом долгу перед человеком, который не имеет к нему никаких претензий, он выпрашивает у императора какой-нибудь высокий титул, а затем просит разрешения передать его своему благодетелю. Так часто случалось, что человек, не имеющий собственного звания, брал на себя воспитание молодого парня с многообещающими способностями, и впоследствии был вознагражден тем, что сам был возведен даже в более высокий ранг, чем его *протеже*. Иногда, когда человек, получивший такое образование, представляется к более высокому титулу, император дарует своему благодетелю более низкий ранг, с которого тот был поднят. Таким образом, видно, что в этой стране все средства направлены на развитие образования в народе, и что не только образованный человек получает награду, которую заслужил своими способностями, но и те, благодаря кому он получил образование, имеют свою долю в его почестях.

ГЛАВА КЛВ.

КИТАЙ - продолжение.

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

КУРЕНИЕ ОПИУМА - НЕОБЫЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЭТОЙ ПРИВЫЧКИ - СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПИУМНОЙ ТРУБКИ - КУРЕНИЕ ТАБАКА - ВОДЯНАЯ ТРУБКА - ВЕСЫ И МЕРЫ - СТАЛЕЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ЛОДОЧНАЯ ЖИЗНЬ В КИТАЕ - ЛОВЛЯ БАКЛАНОВ - ЛОВЛЯ РЫБЫ НА СПИННИНГ - ЛОВЛЯ РЫБЫ НОГАМИ - ЛОДКИ-УТКИ - СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО - СПОСОБ ОРОШЕНИЯ - КИТАЙСКАЯ МУЗЫКА И ИНСТРУМЕНТЫ - ИСКУСНЫЙ СКРИПАЧ - КИТАЙСКОЕ ПЕНИЕ - ИСКУССТВО В КИТАЕ - ФАРФОР - РЕЗЬБА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ И НЕФРИТУ - ВОЛШЕБНЫЕ ЗЕРКАЛА - УВАЖЕНИЕ К ВОЗРАСТУ.

В завершение этой темы мы кратко расскажем о различных нравах и обычаях китайцев.

Одним из главных их характерных обычаев является курение опиума - порок, который ужасно распространен, но не так уж и вреден, как об этом часто говорят. Конечно, те, кто позволил поработить себя этим пороком, постепенно деградируют, но доля таких людей очень мала, хотя, благодаря ужасному виду, который они представляют, они привлекают к себе внимание. Более того, кажется, что не столько важно количество, потребляемое за раз, сколько регулярность привычки.

Если человек однажды приучится курить опиум, пусть даже одну трубку, в определенный час дня, эта трубка станет для него абсолютной необходимостью, и он берет ее не столько для того, чтобы получить удовольствие, сколько для того, чтобы унять ужасно болезненную тягу, от которой он страдает. На самом деле человек разрушает свое здоровье курением опиума в Китае так же, как пьяница в Англии, не столько принимая неумеренные дозы время от времени, сколько вырабатывая привычку принимать небольшие дозы многократно. От такой привычки мало у кого хватает мужества отказаться, поскольку душевные силы расшатаны так же, как и телесные.

Заядлый курильщик опиума действительно не может существовать дольше определенного времени без смертельного наркотика, и тем, кто вынужден напрягаться, обычно дают несколько таблеток опиума, которые они принимают, чтобы придать себе сил, пока не смогут достать желанную трубку. Анекдот, иллюстрирующий эту практику, рассказывает мистер Кобболд в своих "Картинках китайцев": - "Маленький торговец или торговка

"Маленький торговец, или разносчик, был замечен с большим трудом пробирающимся через ворота Нинпо, как будто напрягая все нервы, чтобы достичь какого-то желаемого пункта. Было видно, как он пошатывается и падает, а его сверток летит из рук. Пока многие проходили мимо, какой-то добрый самаритянин подошел к нему, поднял его голову и спросил, в чем дело и чем он может ему помочь. У него хватало сил прошептать: "Мой добрый друг, пожалуйста, развяжите этот сверток; в центре вы найдете маленькую коробочку; дайте мне две-три таблетки, которые в ней, и я буду в порядке". Вскоре это было сделано; таблетки опиума оказали желаемое действие, и вскоре он смог подняться и продолжить путь к гостинице".

Это наиболее наглядно описывает крайнее состояние истощения, которое наступает, если прошло обычное время приема трубки. Несомненно, разносчик думал, что у него хватит сил дойти до трактира, где он бросится на кровать и позовет опиумную трубку; но он просчитался на несколько минут в своих силах, и таблетки (к которым часто прибегают в подобных случаях крайности), когда его снабдил ими друг, возможно, спасли его от безвременного конца. Очень похожие сцены случались с иностранцами, путешествующими по стране в креслах-седанах, и носильщики были вынуждены останавливаться и принимать немного опиума, чтобы не допустить полного истощения. В середине дня часто приходится проводить долгие часы или даже больше, номинально ради обеда и отдыха, но на самом деле, в некоторых случаях, ради трубки с опиумом.

Трубка, используемая для курения опиума, ничуть не похожа на ту, что используется для табака. Стержень размером с обычную канцелярскую линейку, на одном конце которого есть отверстие, в которое вставляется хвостовик чаши. Сама чаша примерно такого же размера, как пиппин из Рибстоуна, и почти такой же формы: бутон представляет собой крошечное отверстие, в которое помещается опиум, а стебель - хвостовик, который вставляется в стебель. Эти трубки сделаны из различных материалов, некоторые из них - просто бамбук и дерево, в то время как у других чаши из тончайшего фарфора, а ножка богато эмалирована. У моего экземпляра ножка длиной двадцать дюймов и полтора дюйма в диаметре, а отверстие недостаточно велико, чтобы вместить обычный краукилл. Чаша сделана из светлого дерева, хорошо покрыта лаком и покрыта пейзажами в черных линиях. Хотя она не использовалась в течение многих лет, от нее все еще сильно пахнет опиумом, что свидетельствует о том, что она была пропитана парами наркотика до того, как попала в мое владение.

Употреблять ее можно следующим образом: Курильщику готовят кушетку, ставят маленькую лампу и обычный запас готового опиума. Он кладет голову на подушку, длинным, похожим на иглу инструментом помещает над отверстием чаши маленький кусочек опиума, размером с горчичное зерно, подносит его к пламени лампы, и при долгом и уверенном вдохе весь опиум вытягивается в легкие в виде пара. Дым задерживается на несколько секунд, а затем выдыхается. Большинство курильщиков опиума довольствуются одной трубкой, но любитель этого наркотика иногда берет целых двенадцать трубок подряд, прежде чем полностью попадает под влияние опиума. Когда он доедает последнюю порцию опиума, трубка выпадает из его руки, и он погружается в ту страну грез, ради которой он променял все, что делает жизнь ценной.

Ужасные сцены, о которых так часто рассказывают, происходят по большей части в опиумных лавках - местах, которые номинально являются незаконными, но ведут свою торговлю, периодически давая взятки правящему в этом месте чиновнику. Только в Тянь-Цзине насчитывалось около трехсот таких лавок, в которых опиум можно было купить или продать оптом, а также очистить для курения и употребить на месте.

У курения опиума есть только одно достоинство - оно не вызывает тех жестоких сцен, которые слишком часто происходят во дворцах джина в этой стране. Мистер Флеминг так отзывается об этом пороке: "Если курение опиума является большим злом среди китайского народа, в чем нет сомнений, то они стараются скрывать его, стыдятся его, и оно не оскорбляет ни глаз, ни слух оскорбительной оглаской. Его не выставляют на парад ни ночью, ни днем, не устраивают безумных гуляний и убийственных беспорядков. Его влияние на здоровье может быть более пагубным, чем наши привычки к употреблению алкоголя, но все же здесь трудно увидеть хоть одного из тех сломленных существ, о которых читаешь".

Действительно, сами китайцы, которые склонны пить больше, чем положено, огненной жидкости под названием "самшу", говорят, что спирт гораздо вреднее наркотика.

Теперь мы посмотрим, как китайцы курят табак. Трубка, которую обычно используют, имеет очень маленькую чашу из латуни на конце небольшого стержня размером с карандаш для рисования. Чаша едва ли достаточно велика, чтобы вместить половинку игрального мрамора для мальчика, и почти в точности похожа на японскую трубку, которая будет описана далее.

Трубка, которая очень модная, особенно среди женщин, представляет собой разновидность водопроводной трубы, сделанной из латуни и расширенной в нижней части, чтобы стоять вертикально. Увеличенная часть заполняется водой, через которую проходит дым, как в кальяне. Маленькая латунная трубка, служащая чашей, может быть извлечена из корпуса трубки, чтобы зарядить ее заново; в большинстве случаев каждая трубка снабжается несколькими чашами, чтобы их можно было использовать последовательно по мере необходимости. За один раз делается всего три затяжки; и действительно, количество используемого табака настолько мало, что о большем почти не может быть и речи. Для этой трубки табак готовится особым образом, к нему примешивается небольшое количество мышьяка.

Одной из особенностей китайцев является почти повсеместное использование веса в качестве меры. За исключением предметов искусства, почти все покупается на вес, и, как следствие, часто используются самые абсурдные способы увеличения веса. Например, птицы и утки продаются живыми на вес, так что нечестный продавец имеет привычку набивать их камнями перед тем, как отнести на рынок. Рыбу также везут на рынок еще живой, и ее внешний вид улучшают, раздувая мехи, а вес - набивая камнями. Через губы каждой рыбы продевается кольцо, чтобы ее можно было сразу же вынуть из воды и повесить на крючок весов. Торговец рыбой также не придирается к страданиям продаваемых им существ и без малейших колебаний отрезает фунт или два, если его клиент не желает покупать целую рыбу.

В этих сделках китайцы не пользуются весами, а применяют "стальные" весы, изготовленные из различных материалов и разных размеров, в зависимости от того, для чего они предназначены. Те, что предназначены для обычного использования на рынке, сделаны из дерева и отмечены через равные расстояния маленькими латунными шпильками, чтобы обозначить точные места, на которые следует вешать гирю. Те, что предназначены для более тонкой работы, сделаны из слоновой кости.

Они хранятся в футляре, похожем на две деревянные ложки, положенные друг на друга так, что их чаши охватывают любой предмет, помещенный между ними. Они соединены заклепкой или шарниром, который проходит через концы рукояток, что позволяет разделить их по желанию, потянув вбок. Чтобы они не разъезжались без необходимости, вокруг ножки свободно навито кольцо из бамбука, так что, когда оно сдвигается к чаше, две половинки футляра остаются вместе, а когда оно сдвигается к концу ножки, их можно разделить. В

одной из половин чаши вырезано большое отверстие, в котором находится поддон весов, и отверстие поменьше для приема гири. Сам стальной стержень лежит в пазу, вырезанном вдоль внутренней стороны ножки. Читатель увидит, что когда прибор закрыт, он лежит очень компактно, и его можно засунуть в пояс, готовый к использованию в любой момент.

Двор" этих весов сделан из слоновой кости, он более длинный и тонкий, чем палочки, которые уже были описаны. В моем экземпляре он составляет одиннадцать дюймов в длину и шестую часть дюйма в диаметре в самой толстой части. На ней сделаны три разных набора меток, и есть три отдельные точки опоры, так что когда вес превышает количество, которое можно измерить с помощью одной точки опоры, можно использовать вторую или третью точку опоры со своим набором меток.

Расположение этих меток - благодатный источник споров среди китайцев. Не существует стандарта, по которому можно было бы регулировать все весы, но каждый торговец имеет свои собственные весы и свое собственное расположение градаций на них. Естественным следствием этого является то, что ссоры происходят при каждой покупке. Огромное количество времени тратится на споры, которых можно было бы легко избежать, если бы правительство установило стандартные весы, по которым можно было бы градуировать все остальные. Однако для китайца время не имеет ни малейшего значения, и поскольку длительная сделка его привлекает, можно предположить, что такое постановление не будет пользоваться популярностью, и его будут обходить всеми способами, которые только сможет изобрести китайская изобретательность. На больших стальных весах есть крючок для подвешивания взвешиваемого предмета, а те, что предназначены для взвешивания мелких и ценных предметов, снабжены неглубокой латунной кастрюлей, прикрепленной к концу весов четырьмя шелковыми нитями.

Необычайная бережливость, которая отличает китайцев, характерно проявляется в населении, которое заполонило реки вблизи главных городов. Яркую картину китайской лодочной жизни дает мистер Тиффани в своем "Путешествии американца в Поднебесную". Описав различные виды лодок, которые ему довелось увидеть, он продолжает следующим образом:...

"Мы прошли несколько миль на лодках, но не увидели и четверти их. Действительно, невозможно составить представление об их количестве. Некоторые утверждают, что только в Кантоне их насчитывается до семидесяти тысяч. Но давайте довольствоваться сорока тысячами. Представьте себе сорок тысяч диких лебедей, тесно сгрудившихся вместе, плавающих по широкому пруду и в основном беспокойных, и вы скажете, что они покрыли бы многие акры своей стихии. А теперь чарами воображения превратите пруд в ревущую реку Пекианг, лебедей - в лодки всех форм и размеров, ноты птиц - в крики, вопли, пронзительные голоса речного народа, и перед вами предстанет реальная сцена.

"И все эти лодки, на протяжении многих миль, от границы до границы, плотно набиты людьми на всех этапах жизни, почти по всем профессиям, которые существуют на берегу, куда они редко заходят; там они рождаются, зарабатывают свой скудный хлеб и там умирают. Лодки пришвартованы бок о бок, тысячами, так что канал, который они образуют, тянется вдаль. В квартале Шейним, над иностранными фабриками, они образуют большие площади и проспекты. Сорок тысяч плавучих домов при любых обстоятельствах показались бы необычным зрелищем, но здесь копошащиеся жильцы придают им вид могучего мегаполиса".

Кажется странным, что такое огромное количество людей живет на реке, в пределах выстрела из пистолета от суши, и при этом большая часть из них с момента рождения и до

самой смерти никогда не знала, что такое ступить на берег. Когда один из пожилых лодочников делает это впервые, он с трудом может идти - твердая земля так же трудна для него, как палуба качающегося судна для сухопутного человека.

Хотя сампаны - самые маленькие из всех судов, которые курсируют по китайским рекам, они, пожалуй, самые заметные. Это довольно маленькие лодки, в них мало воды, и в большинстве случаев их приводят в движение две женщины: одна сидит на носу с веслом, а другая - на корме, работая огромным орудием, наполовину веслом, наполовину рулем, с помощью которого лодка одновременно и приводится в движение, и направляется. Многие из лодочников - совсем юные девушки, но они управляют своим судном с удивительным мастерством и силой, почти никогда не задевая другие лодки, сколько бы их ни шныряло по реке, и одним могучим взмахом огромного весла отправляя лодку прочь от препятствия, выход из которого казался невозможным всего за секунду до этого. На взгляд иностранца, женщины-лодочники имеют более приятную внешность, чем их сухопутные сестры, поскольку их ноги имеют правильную форму, а пребывание на воздухе и физические упражнения избавляют их от болезненного, пастозного цвета лица, который часто отличает женщин лучшего класса на берегу, и усиливается белой пудрой, которой они упорно себя уродуют.

Некоторые из мандариновых лодок представляют собой величайший контраст с маленькими сампанами. Это, по сути, плавучие дворцы, украшенные самым живописным и роскошным образом и обставленные со всей роскошью, на которую только способен богатый китаец. Часто они имеют по тридцать или сорок весел на борт, украшены флагами и яркими фонарями, а также несут несколько пушек и множество огнестрельного оружия, чтобы отпугивать пиратов, которые могут наброситься на безоружное судно, убить пассажиров и захватить лодку для своих целей.

В связи с речной жизнью китайцев можно упомянуть о различных способах рыбной ловли. Самым известным является способ, при котором рыбу ловят бакланы. У рыбака есть несколько таких птиц, которые приучены к этому виду спорта, а также выведены из яйца для этой цели и продаются по высоким ценам, когда полностью обучены. Мужчина отправляется в лодке или на плоту в сопровождении своих птиц и, когда подходит к подходящему месту, запускает их в воду. Они тут же ныряют и бросаются на рыбу, которую их учат приносить в лодку.

Если рыба слишком велика, человек обычно забирает и рыбу, и птицу в лодку с помощью сети на конце ручки; и часто, когда птица поймала очень крупную рыбу и может потерять ее, один или два ее товарища приходят ей на помощь и совместными усилиями удерживают рыбу, пока их хозяин не подплывет. На горло птиц надевают кольцо, чтобы они не могли проглотить рыбу, даже если захотят это сделать; но хорошо обученный баклан съест рыбу не больше, чем хорошо обученный пойнтер съест куропатку. Каждый раз, когда баклан приносит рыбу к лодке, он вознаграждается полным ртом пищи, обычно угря, а его хозяин поднимает кольцо, чтобы дать ему возможность проглотить.

Рыбалка с бакланами почти всегда происходит во время прилива и вблизи мостов, так как рыба всегда любит собираться под укрытием. В такое время мосты всегда переполнены зрителями, наблюдающими за подвигами бакланов.

Плот, на котором стоит рыбак, сделан из пяти или шести бамбуков, около двадцати футов в длину. Время от времени баклан, не прошедший курс обучения, так радуется, поймав рыбу, что уплывает от своего хозяина так быстро, как только может. Рыбак, однако, может управлять своим легким плотом быстрее, чем баклан может плавать, и вскоре приводит

прогульщика в чувство. Этот вид спорта был недавно введен в Англии и, судя по всему, пользуется успехом.

Хотя китайцы мало заботятся о спорте и преследуют дичь только ради "горшка", они используют один или два метода ловли рыбы, в которых есть спортивный элемент, то есть которые дают добыче реальный шанс на спасение. Таков, например, способ подсечки рыбы, который практикуется довольно любопытным образом. Рыбак, как правило, занимает позицию на низком мосту и вооружается копьем с трезубцем и рыбой-приманкой. Приманку подготавливают, привязывая по обе стороны спинного плавника полоску дерева, а к этим палочкам привязывают небольшую леску.

Все готово, рыбак занимает свое место на мосту, опускает приманку в воду и привязывает конец лески к палке, как к удочке, а в правой руке держит трехконечное копье. Для приманки используется такая крупная рыба, какую только может добыть спортсмен, и пока она плавает, к ней подплывают ее собратья, привлеченные ее особыми движениями. Когда они оказываются в пределах досягаемости, их бьют трезубцем и кладут в корзину рыбака.

В местах, где дно реки илистое, рыбалка очень некачественная. Рыбак заходит в реку по колено или глубже и время от времени наносит сильные удары по поверхности воды. При этом рыба, которая любит такие места, ныряет под ил, где ее нащупывают и удерживают босые ноги человека. Как только он чувствует, что рыба извивается под его ногой, он опускается, часто полностью погружаясь под воду, достает рыбу из-под ноги и опускает ее в корзину. Очевидно, что таким способом можно поймать только мелкую рыбу. Я сам пробовал, и обнаружил, что после небольших усилий легко поймать любое количество мелкой камбалы и подобной рыбы - слишком мелкой, чтобы быть полезной, разве что для экономных китайцев, двое из которых купят утиную голову и разделят ее на свой ужин.

Среди других речных отраслей можно упомянуть систему кормления уток. Огромное количество утиных яиц высидывается с помощью искусственного нагрева и покупается, когда им всего день или два от роду, людьми, которые зарабатывают на жизнь кормлением и продажей птиц. Один из любимых способов кормления уток - держать птиц в лодке, оборудованной для этой цели, и катать их по берегу реки. При низкой воде смотритель выпускает уток, которые находят обильную пищу во множестве существ, копошащихся в иле, и, когда считает нужным, подзывает их сигналом. Как только они слышат сигнал, они спешат к лодке с готовностью, которая кажется довольно смехотворной, если только зритель не знает, что последняя утка всегда получает резкий удар выключателем.

Характерная для китайцев бережливость хорошо проявляется в различных сельскохозяйственных операциях, которые проходят с удивительным успехом не только благодаря настоящему мастерству и знаниям, которыми обладают китайцы, но и благодаря систематическому и непрерывному труду, затрачиваемому на выращивание различных культур. Ни одному сорняку не позволяется поглощать питательные вещества, которые должны поступать в рис, а между рядами растений рабочий ползает на руках и коленях, выискивая каждый сорняк и обрабатывая пальцами землю вокруг каждого корня. Сама по себе эта работа тяжела и неприятна, а если учесть, что рис сажают в грязь, что под грязью часто прячутся острые камни и что в ней водятся пиявки, то можно представить себе все тяготы жизни рисовода.

Вода, которая так необходима для урожая, в основном подается механическим способом. Если земледельцу посчастливилось иметь землю рядом с рекой или каналом, его задача сравнительно проста. Ему нужно только построить определенное количество водяных двигателей. Почти все они основаны на одном и том же принципе - бесконечная цепь,

проходящая через два колеса и втягивающая воду через наклонный желоб. На колесах обычно работают мужчины, которые вращают их ногами, опираясь на горизонтальный бамбук. Более крупный и сложный аппарат работает на буйволе.

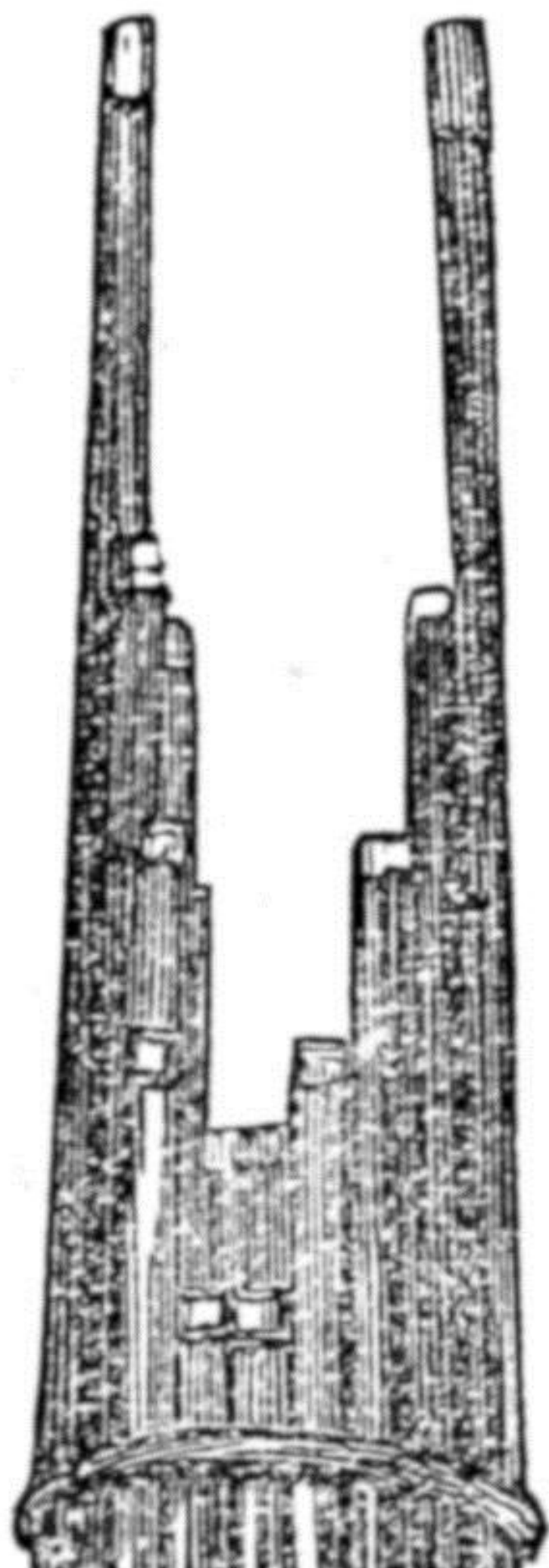
На небольших колесах трудятся все, как замечает мистер Милн: "При работе на них энергия каждого домочадца, казалось, была напряжена до предела, как будто каждый человек был убежден в необходимости своей личной помощи в обеспечении хорошего и обильного урожая. Я видел, как молодые и старые опирались на одну и ту же раму, ступали на одно и то же колесо и вместе напевали свою деревенскую песню. Мальчики шести лет очень хорошо держали шаг наравне с мужчинами пятидесяти лет, а если они были слишком малы, чтобы взобраться на колесо, их ставили на землю, чтобы они работали веслами своими маленькими ручками; и женщины, чьи маленькие и сжатые ноги не позволяли им ступить на мельницу, тоже стояли у ног мужчин, поддерживая время своими руками..... Ни один человек не был праздным. Не было ни прекращения, ни освобождения от труда; и пока они сражались среди терний и чертополохов, которыми была проклята земля, и в поте лица под палящим солнцем сеяли, пропалывали и поливали землю, не было слышно никакого ропота, кроме волнообразного звука песни земледельца, разносящегося над полем". Те женщины, которым посчастливилось иметь ноги естественного размера, работают в поле так же тяжело, как и мужчины, и при этом одеты почти так же скудно: широкие и короткие штаны и широкополая шляпа, укрывающая их от солнца, - вот и вся одежда, о которой они заботятся.

Хотя земля и бедна, китайский земледелец заставляет ее плодоносить, поскольку все вещества, которые могут послужить навозом, тщательно сохраняются для этой цели. Китайцы не только выбрасывают на поля весь мусор из своих домов и улиц, но, как мы уже видели, даже маленькие клочки волос, сбритые с головы, сохраняют и используют в качестве навоза. В самом деле, только благодаря такой сверхэкономичности жители столь густонаселенной страны могут поддерживать жизнь.

Наши заключительные заметки о жизни китайцев должны быть немногословными и короткими.

По их собственным представлениям, они такие же адепты музыки, как и других искусств и наук, которые, как они считают, поставили их на самую вершину человечества. У них довольно много музыкальных инструментов, самый распространенный из которых - сан-хиен, своего рода трехструнная гитара с очень длинным грифом и маленьким цилиндрическим корпусом. Струны - шелковые, и по ним ударяют тонкой щепкой из бамбука на конце пальца. Далее, в качестве разновидности струнных инструментов, на которых играют с помощью смычка, можно упомянуть урх-хин, или двухструнную скрипку, звуки которой обычно очень неприятны, - то есть, когда они производятся для китайского уха; но когда игрок желает подражать особенностям европейской музыки, он может сделать это очень превосходно, как показывает мистер Флеминг:...

"Однажды днем я пробирался по одной из самых людных улиц, исследуя "Небесный брод", когда звук скрипки, играющей известный вальс, привлек мое внимание в переулке; и там, вместо волосатого британца, расцветающего смычком над "Кремоной", был слепой нищий, извлекающий эти приятные ноты с такой же точностью и тоном из грубого и тяжелого солодового ур-хина, как если бы он всю свою публичную жизнь был первой скрипкой в опере."

РОТОВОЙ ОРГАН.

Тот же путешественник замечает о вокальной музыке китайцев, что "китаец, репетирующий песню, выглядит и издает такие козлиные бляения, что невозможно избежать вывода, что он страдает от жестокого приступа хронического коклюша в сочетании с периодическими приступами икоты, - "предсмертные падения" нечеловеческого фальцета в конце каждого стиха заканчиваются самыми запутанными истерическими возмущениями голосовых связок".

Существует несколько китайских духовых инструментов. Например, кларнет, называемый Шу-тех, инструмент с очень громкой и пронзительной нотой, и своеобразный "рот-орган", в котором есть несколько труб. Один из таких инструментов, взятый из моей коллекции, [показан](#) на странице 1445. В нем шестнадцать труб разной длины, расположенных попарно. Некоторые из труб, однако, являются "манекенами" и вставлены только для того, чтобы придать инструменту видимость регулярности. Длина труб не имеет никакого отношения к высоте ноты, поскольку они произносятся с помощью вставленных в нижний конец латунных вибраторов, точно таких же, как у фисгармонии. Трубы связаны между собой роговой лентой, которая проходит вокруг них. При игре игрок дует в выступающий мундштук, а пальцами закрывает или открывает отверстия в трубах. Тон этого инструмента не радует европейский слух.

Какой бы странной ни казалась нам китайская музыка, какими бы неприятными ни были странные и неожиданные интервалы в ее мелодиях, это искусство явно культивируется в народе, и едва ли найдется дом без какого-либо музыкального инструмента. Вечером, по словам мистера Флеминга, "проходя по узким улочкам, можно непременно услышать из тускло освещенных домов визг, бессвязные и искаженные вибрации, вырывающиеся в ночной воздух со спазматической реальностью и чужеродностью стиля, которые сразу же напоминают слушателю о том, в какой диковинной стране он находится". Предпочтение китайцев странным, диким, резким интервалам их собственной музыки, как читатель может увидеть, не просто вызвано незнанием более совершенной шкалы, а является результатом сознательного выбора с их стороны. Они не возражают против европейской музыки. Напротив, они с удовольствием выражают ей свое одобрение, но с оговоркой, что она явно уступает их собственной.

От музыки мы переходим к искусству. В своей собственной области искусства китайцы непревзойденны, чтобы не сказать неповторимы. Как бы они ни были несведущи в перспективе, в их линиях есть причудливая сила и энергичность, достойные всяческих похвал, а их богатая мягкость цвета едва ли может быть сравнима. С незапамятных времен они были знакомы с искусством цветной печати с деревянных блоков, и некоторые из их самых старых образцов цветной печати настолько полны жизни и духа, несмотря на преувеличение жестов и почти смехотворную перспективу, что лучшие английские художники искренне восхищались ими.

Об их фарфоре, в котором они просто стоят особняком, невозможно рассказать полностью в такой работе, как эта, поскольку тема потребовала бы целого тома. Их резные работы из слоновой кости известны большей части цивилизованного мира. Во многих из них цель художника, похоже, заключалась не в разработке каких-либо красот формы, а в том, чтобы показать свою способность достигать кажущихся невозможностей. К наиболее известным формам китайской резьбы можно отнести наборы концентрических шаров, которые вырезаны из цельной слоновой кости, или, по крайней мере, утверждается, что они сделаны именно так.

ОБРАЗЦЫ КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА. (Из коллекции сэра Хоупа Гранта.)

Существует довольно много споров о способе вырезания этих шаров, и даже те, кто провел много времени в Китае и хорошо знаком с искусством и производством этой страны, расходятся во мнениях по этому поводу: одни говорят, что шары действительно вырезаны из цельной слоновой кости, а другие - что каждый шар сделан из двух отдельных частей, которые соединены очень искусственно с помощью цемента и могут быть разделены путем замачивания в кипящей воде. Из этих двух объяснений я скорее склонен верить первому, поскольку никто из тех, кто утверждает, что шары можно разделить, похоже, сам не пробовал провести эксперимент. Говорят, что способ разделки этих любопытных образцов искусства заключается в том, что сферическим куском слоновой кости сверлят конические отверстия от окружности шара к его центру, а затем отделяют каждый шар последовательно с помощью изогнутых инструментов.

Также славится китайская резьба по нефриту. Этот материал отличается прекрасной мягкой полировкой, которую можно придать ему, а поскольку это редкий минерал и очень твердый, следующий в этом отношении за рубином, изделия из нефрита ценятся китайцами очень высоко. На прилагаемой [иллюстрации](#) показан ряд нефритовых резных изделий, принадлежащих сэру Хоупу Гранту, который любезно разрешил мне выгравировать их для этой работы. Чаша спереди вырезана в виде водяной лилии, а ручка сделана в виде стебля цветка. Кольцо, свисающее с ручки, вырезано из того же куска нефрита. Сразу за ним стоит кувшин из того же материала, который является прекрасным образцом резьбы и

великолепно демонстрирует терпеливую работу китайского мастера. Вторая маленькая чаша спереди и кувшин за ней также выполнены из нефрита.

Элегантный кувшин, занимающий центральное место в группе, - великолепный образец эмали, а рядом с ним - большой кусок *лазурита*, на котором выгравировано стихотворение, написанное самим императором.

В знаменитом Летнем дворце или Юэньмин-юэне, который был разграблен и сожжен английскими и французскими войсками, находились великолепные образцы резьбы по нефриту, некоторые из которых показаны на предыдущей [иллюстрации](#). Существует три вида нефрита: кремового цвета, прозрачно-белый и ярко-зеленый. Последний наиболее почитаем и настолько ценен, что одна бусина, размером не больше, чем мрамор для игры мальчика, стоит фунт, а то и больше. Несколько ожерелий из этих бусин были проданы после разрушения Летнего дворца, и хотя в них было всего около ста пятидесяти бусин, за них дали сто двадцать фунтов - китайские комиссионеры решили, что они были проданы очень дешево. Китайское название этого нефрита - "фэ-цуй".

Одним из самых замечательных образцов китайского искусства является волшебное зеркало. Это изделие представляет собой круглую пластину из металла толщиной более четверти дюйма, лицевая сторона которой гладкая и отполированная, а обратная - темная, украшенная различными узорами, среди которых выделяются четыре китайских иероглифа. Эти иероглифы посвящены литературе и, похоже, обычно используются для украшения этих зеркал.

Когда зеркала используются просто для отражения лица, они не представляют собой ничего достойного внимания, но если их поднести к солнцу и направить лучи на белую поверхность, в отражении будут видны все иероглифы на обратной стороне. Зеркало проявляет свои способности даже при использовании лампы, но для четкого отображения символов необходимо солнце. Небольшой, но превосходный экземпляр этого зеркала был подарен мне доктором Флаксманом Сперреллом и всегда вызывает восхищение, где бы его ни показывали. На лицевой стороне зеркала нет ни малейшего следа какой-либо фигуры, и чем выше полировка лицевой стороны, тем четче видны фигуры на обратной стороне.

Было выдвинуто несколько теорий относительно способа изготовления этих необычных зеркал, наиболее вероятная из которых заключается в том, что символы и узоры на обратной стороне сделаны из более твердого и конденсированного металла, чем остальная часть зеркала, и что при высокой полировке лицевой стороны разница в металле не ощущается, за исключением способа, которым он отражает свет.

Можно многое сказать об обычаях китайцев. Однако оставшееся небольшое пространство не позволит нам полностью рассмотреть такие обширные темы, как религия, брак и погребение мертвых, да и беглое рассмотрение их невозможно. Поэтому в заключение мы остановимся на одной из самых приятных черт китайского характера, а именно на уважении к старости.

По словам мистера Милна, "священное уважение, с которым китайцы относятся к требованиям родственников, обеспечивает патриархам уважаемых семей достаточную поддержку на преклонном и беспомощном этапе их паломничества; а благотворительность часто помогает бедным семидесятилетним людям, чьи родственники могут быть не в состоянии обеспечить их комфортом или предметами первой необходимости в зрелом возрасте". В Китае никто не испытывает печальных чувств при виде престарелого родителя, брошенного своими детьми и оставленного умирать без присмотра и ухода под палящим

солнцем или на берегу бурной реки. Но вы увидите, как дряхлеющего пожилого человека, мужчину или женщину, у которого нет средств нанять седан, ведет по аллеям и улицам сын или внук, вызывая спонтанное уважение каждого прохожего и почтение каждого младшего.

"О почтении *людей* к крайним проявлениям старости свидетельствуют таблички и памятники, на которые вы можете наткнуться в любой день, воздвигнутые по общественной подписке в память о восьмидесятилетних, нестареющих и столетних людях. Правительство не только не отстает в поощрении этого, но и наоборот. Поэтому я часто видел на улицах очень пожилых мужчин и женщин, одетых в желтые, *то есть* императорские, одежды, подаренные императором, в знак почета и из уважения к их сединам". Читатель помнит, что почетная степень присваивается участникам соревнований, достигшим преклонного возраста.

Однажды император собрал в своем дворце около четырех тысяч стариков, устроил для них банкет, на котором им прислуживали его собственные дети и внуки, подарил каждому из них деньги и желтый халат и присвоил самому старому из собравшихся, человеку в возрасте ста одиннадцати лет, звание и платье мандарина.

В честь каждого десятилетия жизни устраиваются семейные праздники, чем-то похожие на серебряные и золотые свадьбы у немцев; китайцы считают эти праздники настолько важными, что дети часто устраивают их даже после смерти родителей, с той лишь разницей, что они имеют несколько похоронный оттенок: белый цвет, цвет траура, заменяется красным, цветом радости. В таких случаях дети преподносят подарки, и считается, что ни один подарок не может быть более благодарным для получателя, чем очень красивый гроб. Все китайцы, которые могут себе это позволить, покупают при жизни гроб настолько красивый, насколько позволяют их средства, и поэтому, если они не смогли приобрести это место для своего последнего упокоения, их дети считают за честь взять покупку в свои руки. Эти гробы почти квадратные, сделаны из огромной толщины и так тщательно скреплены, что тело может храниться в них без необходимости погребения.

Почтение к отцу прививается китайцам с самого раннего дыхания, а их юные умы наполнены легендами о благочестивых детях. Например: У Манг был сыном родителей, которые были слишком бедны, чтобы иметь занавески от комаров. Поэтому по ночам У Манг позволял комарам питаться им, надеясь, что они предпочтут маленького мальчика пожилым людям. Ван Лян потерял мать, и у него была мачеха, которая его недолюбливала. Но он вел себя с ней так, словно она была его родной матерью, и однажды, когда она захотела свежей рыбы, а река замерзла, Ван Лян пошел к реке, снял одежду и лег на лед, надеясь растопить его. Вдруг, в награду за его сыновний поступок, лед разверзся, и из него выпрыгнули два прекрасных карпа, которых он отнес мачехе. И снова Лаэ, когда ему исполнилось семьдесят лет, одевался и вел себя как ребенок, чтобы его родители, глядя на него, не мучились мыслью о собственном возрасте.

В любом городе или деревне к самым старым людям относятся с большим вниманием, не из-за их положения или богатства, а из-за их возраста. Все уступают им дорогу, они занимают лучшие места в театрах, их выдвигают вперед на всех публичных зрелищах и всячески им потакают. Таков был обычай с незапамятных времен в этой великой нации, которая была цивилизована, когда жители Англии были голыми дикарями. Старейшая цивилизованная нация в мире, они почитают своих отцов и матерей, и дни их долги на земле.

ГЛАВА КЛЮЧЕВАЯ. ЯПОНИЯ. ОДЕЖДА-АРТ-УКРАШЕНИЯ.

ПОЛОЖЕНИЕ И НАЗВАНИЕ ЯПОНИИ - ВНЕШНИЙ ВИД ЯПОНЦЕВ - ОДЕЖДА МУЖЧИН - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКАВОВ - ПРИЧЕСКА - ПРИДВОРНАЯ ОДЕЖДА - ТАТУИРОВКА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - УЛИЧНАЯ СЦЕНА В ЯПОНИИ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - УКЛАДКА ВОЛОС - ДРЕВНИЕ ЗАКОЛКИ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАСКИ - ЧЕРНЕНИЕ ЗУБОВ И ВЫЩИПЫВАНИЕ БРОВЕЙ - МР. МНЕНИЕ ОЛИФАНТА ОБ ЭТОМ ОБЫЧАЕ - ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ОДЕЖДЕ - ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНИ - ГОМЕРОВСКАЯ ПРОСТОТА - ЯПОНСКИЕ РИСУНКИ - ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЯПОНИИ - ДАМА ВЕРХОМ НА ЛОШАДИ - ЯПОНСКИЕ НАЕЗДНИКИ - ИГРА В МОЛЛА - КОНСКАЯ АМУНИЦИЯ - НЕОБЫЧНАЯ ПОДКОВА - НОРИМОН, ИЛИ ПАЛАНКИН - МОДА НА ШЕСТ - КАНГО, ИЛИ КРЕСЛО - ЗНАТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В СВОЕМ НОРИМОНЕ - АТЛЕТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ЯПОНЦЕВ - БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ЛЕСТНИЦЕ, КРУЖЕНИЕ ВЕРШИНЫ И ТРЮК С БАБОЧКОЙ.

Японская империя - это огромное скопление островов разного размера, расположенных на северо-восточном побережье Азии. Их около четырех тысяч, но практически королевство состоит из трех главных островов - Нифон, Киу-сиу, или Кью-сиу, и Сикок, или Ситкокф. Первый из этих островов дал название всей империи, а наше слово "Япония" не имеет даже японского происхождения, а является искажением китайского перевода слова *Nippon*, то есть "Земля восхода солнца". Как можно предположить, именно на острове Нифон находится столица страны - Джеддо или Йедо.

Цвет лица японцев желтоватый, с небольшим количеством коричневого, и во многих случаях не темнее, чем у португальцев или южных итальянцев. Глаза маленькие и не так сильно утоплены в голову, как у китайцев; волосы черные, прямые и грубые, а нос, хотя и толстый, хорошо сформирован. Ростом они примерно равны обычным европейцам, а их конечности, хотя и невелики, часто очень мощные: слегка полноватый японец может легко поднять груз, который выносливому англичанину покажется тяжелой ношей.

Одежда японцев очень своеобразна и хорошо подходит к их чертам и цвету лица. Хотя в ней есть что-то от китайского, она так же отличается от китайской, как и характер этих двух людей. Как и в Китае, одежда состоит из одних и тех же предметов у обоих полов, причем женская одежда отличается от мужской главным образом сравнительной длиной халатов и способом укладки волос. Мужчина-японец может носить или не носить брюки, его свобода в этом вопросе абсолютна, а иногда доходит до практического отказа от любой одежды.

Основными предметами мужского гардероба являются халаты разной длины, один из которых надевается на другой, так что иногда мужчина может носить четыре или пять халатов одновременно. Они подпоясываются вокруг талии широким поясом, так что, если владелец хочет снять платье, ему достаточно ослабить пояс и вытянуть руки из рукавов, как вся одежда вместе падает на землю. Рукава очень большие, и, будучи частично закрытыми на концах, используются как карманы, в которых носят различные мелкие предметы переносного имущества. В рукавах, например, носят квадратики белой бумаги, которые служат карманными носовыми платками и которые всегда выбрасывают после использования; в этот же удобный сосуд японский гость уносит остатки пиршества, на которое он был приглашен, - таков обычай этой странной страны.

Материал халатов различается в зависимости от достатка и качества владельца: некоторые из простого хлопка, в то время как халаты высших классов сделаны из тончайшего шелка и украшены фамильным гербом, вышитым на груди и спине внешнего халата.

Волосы мужчин уложены весьма необычным образом. Передняя часть головы и виски выбриты, как в Китае, а оставшиеся волосы собраны в хвост, как у китайцев. Однако волосам не дают вырасти до максимальной длины и свисать вниз по спине, а делают короткую косу длиной около трех дюймов и толщиной с палец и закручивают ее на макушке. Как правило, голова обнажена, но иногда ее покрывают шляпой. Шляпы сильно различаются по форме. Общепринятая - почти плоская, крепится к голове шестью веревками, две из которых проходят под подбородком, две перекрещиваются на затылке, а еще две пропускаются под носом. Застегнутая таким образом шляпа придает голове весьма необычный вид: лицо выглядит так, как будто оно пострадало от тяжелого несчастного случая и покрыто бинтами. Некоторые шляпы похожи на пчелиные ульи и полностью скрывают черты лица, их носят разбойники, или "лонины", и опальные дворяне. Иногда мужчины накидывают на голову кусок ткани так, чтобы скрыть лоб и подбородок, оставляя открытыми только глаза, нос и рот; а зимой поверх шапки накидывают кусок ткани, который повязывают на нос, чтобы защитить его от холодных порывов.

Знатные люди также носят на плечах шарф, длина которого зависит от ранга владельца и служит для обозначения степени вежливости, которая полагается от одного человека к другому. Когда два японских джентльмена встречаются, они кланяются до тех пор, пока концы шарфа не коснутся земли. Поэтому очевидно, что тот, кто, в силу своего ранга, носит самый длинный шарф, имеет меньшее расстояние для поклона.

В дополнение к обычному костюму церемониальная одежда имеет два необычных дополнения. Первое - это "ками-само", в отношении которого японцы очень пунктуальны. Он состоит из куска ткани, который откидывается назад на плечи в виде веера и придает носителю самый необычный и неловкий вид. Придворные носят еще один предмет одежды, который полностью противоречит нашим обычаям.

При европейских дворах нижняя одежда укорочена и доходит только до колена; в Японии же обычай обратный. Когда вельможи предстают перед императором, на них надевают штаны, длина которых в два раза превышает длину ног, так что при ходьбе они на метр или около того упираются в землю. Ходить в такой одежде - искусство, которого можно достичь только долгой практикой, и которое, даже будучи освоенным, представляет собой не более чем неуклюжее шарканье, грозящее в любой момент бросить придворного на лицо. Позы, которые принимают модные придворные, настолько абсурдны, что японские книжки с картинками изобилуют карикатурами на придворных дворян. Цель этого любопытного обычая, вероятно, заключается в том, чтобы придать носителю придворного платья такой вид, как будто он стоит на коленях, а не стоит.

Мужчины из лучших классов всегда появляются на публике тщательно одетыми, но представители низших сословий считают себя достаточно одетыми, если у них есть всего лишь полоска ткани, как у "лангути" в Индии. Например, кули, разнорабочие, почтальоны и т. д. во время работы не носят ничего, кроме полоски ткани.

Мистер Олифант в своем "Повествовании" упоминает этот факт в связи с обычаем нанесения татуировок, который в Японии доведен до такого же совершенства, как и в Полинезии. "Некоторые, однако, отказывали себе в одежде, очевидно, для того, чтобы

продемонстрировать блестящие узоры, которыми была татуирована их кожа. У одного мужчины на спине был изображен чудовищный краб, а на груди - симпатичный домик. Довольно модно иметь алую рыбу, игриво играющую между плечами. Алые татуировки выглядят очень отвратительно. Кожа выглядит так, будто ее аккуратно содрали в нужный рисунок.

"На действительно хорошо татуированном человеке нет ни одного дюйма тела, который не был бы частью живописного изображения. Если общий эффект и не приятен, то вполне приличен, потому что кожа перестает выглядеть голой или вообще похожей на кожу; она скорее напоминает костюм арлекина. Наверное, это ужасно - чувствовать, что больше никогда не сможешь раздеться. Но какие только муки не испытывает жертва, чтобы облачить себя в неизменный костюм из красной краски и пороха!" Японцы очень любят своих детей, и в летнее время на улицах часто можно увидеть мужчину, на котором нет ничего, кроме полоски ткани, и который несет на руках своего младенца, не имеющего никакой одежды.

Иногда мужчина появляется в костюме, который кажется еще более нелепым, чем только что упомянутая почти полная нагота, и ходит в шляпе, короткой куртке и ни в чем другом, кроме ткани.

[На иллюстрации](#) на следующей странице художник показал несколько обычных костюмов в том виде, в котором они появляются, когда их носители собираются вокруг певицы баллады. Самая заметная фигура - это самурай или яконин, вооруженный слуга дворянина, размахивающий двумя мечами, символизирующими его должность, и его черты лица почти скрыты под шляпой. Мужчины в необычных пибальдовых платьях - это своего рода уличные констебли, которые сопровождают знатного человека в его путешествии и звенят железным жезлом, унизанным кольцами, чтобы предупредить людей убраться с пути великого человека. Остальные фигуры мужчин расположены так, чтобы показать способ укладки волос и одну-две разновидности костюма.

(1.) ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕ КИТАЙСКОГО ПРЕСТУПНИКА.
(См. стр. 1440.)

(2.) УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ БАЛЛАД.

(См. с. 1450.)

Общий вид женской одежды хорошо демонстрирует фигура, противоположная самурайской. Платье почти точно такое же, как и у мужчин, за исключением того, что материалы обычно тоньше, а пояс, ограничивающий одежду на талии, очень широкий и собирается в большой и своеобразный узел, почти точно такой же, как "панье" европейской моды. Представители обоих полов носят чулки, сделанные наподобие рукавиц и имеющие отдельное место для приема большого пальца ноги. Без этого приспособления они не смогли бы носить своеобразные сандалии и сабо, которые держатся на ноге с помощью Y-образного ремешка, вилка которого проходит между большим и вторым пальцами. Сапоги, которые носят женщины, очень похожи по форме на малайские, и, как ни неудобно они выглядят, с ними легко справиться после небольшой практики. Некоторые сабо в моей коллекции приподнимают ногу владельца на шесть дюймов над землей, но я обнаружил, что ходить, или скорее шаркать, в них совсем не трудно.

Главное различие между мужскими и женскими нарядами заключается в прическе. В то время как мужчины бреют почти всю голову, женщины позволяют волосам расти и даже добавляют их, когда их не хватает для создания необычных форм, в которые они закручивают свои локоны. В разных частях страны преобладают различные парикмахерские моды, но во всех случаях женщины чрезвычайно бережно относятся к своей голове и закручивают волосы в сложные и фантастические узоры, с которыми вряд ли может сравниться какой-либо европейский парикмахер.

Очень модны заколки, причем не столько для того, чтобы зафиксировать локоны на своих местах, сколько просто для украшения. Заколки огромных размеров, семь или восемь дюймов в длину и полдюйма в ширину, изготавливаются из различных материалов, таких как черепаховый панцирь, резное дерево и слоновая кость. Некоторые из самых характерных заколок для волос сделаны из стекла. Они полые и почти заполнены цветной жидкостью, так что при каждом движении обладательницы пузырек воздуха проходит от одного конца заколки к другому. Иногда женщина носит в волосах дюжину или больше таких заколок, так что на небольшом расстоянии ее голова выглядит так, будто в нее свободно воткнули вязанку дров.

Имея от природы приятные черты лица, можно ожидать, что женщины сделают все возможное, чтобы изуродовать их искусством. Мягкий бледно-коричневый цвет их кожи становится ужасным и отвратительным благодаря белой краске, которой густо покрывают лицо, шею и бюст. Естественный розовый цвет губ становится отвратительным благодаря слою красной краски, белые зубы чернеют, а брови вытягиваются. Подобный стиль украшений присущ только замужним женщинам, так что по-настоящему красивая девушка за несколько часов превращается в отталкивающую карга.

Мистер Олифант в уже упомянутой работе приводит довольно юмористическую причину этого странного обычая. "Первое впечатление о представительницах прекрасного пола, которое путешественник получает в японской толпе, в высшей степени неблагоприятно; отвратительный вид лиц и грудей, густо покрытых пудрой, отсутствие бровей и почерневшие зубы производят самый болезненный и неприятный эффект. Если бы не этот отвратительный обычай, японские женщины, вероятно, заняли бы высокое место среди восточных красавиц, несомненно, намного раньше китайских.

"Все японские писатели, которых я читал по этому вопросу, утверждают, что отсутствие бровей и черные зубы считаются в Японии красотой, и что цель этого процесса - добавить очарования красавице. Однако результаты моих расспросов и наблюдений привели меня скорее к противоположному выводу.

"Прежде всего, молодые дамы, как правило, не пренебрегают любой возможностью улучшить свою внешность; но ни одна японская девушка, даже после того как она "вышла в свет", не думает воспользоваться этим способом увеличения своей силы очарования; они красят губы и щеки, украшают волосы, но только после того как они покорят какого-нибудь удачливого кавалера, чтобы доказать ему свою преданность, они начинают чернить зубы и выщипывать брови.

"Ему, привилегированному существу, не требуется такого испытания своей привязанности: напротив, его законная жена, настолько изуродовав себя, что не может быть привлекательной ни для кого другого, кажется, теряет свое очарование и для мужа. Поэтому он ставит ее во главе своего заведения и добавляет к ней неопределенное количество служанок, которые не выщипывают брови и не чернят зубы. Отсюда нетрудно объяснить тот общепризнанный феномен, что в то время как японские жены славятся своей добродетелью, их мужья не менее известны своей разнузданностью".

Говоря об одежде, нельзя обойти вниманием необычные представления, которые японцы имеют по этому поводу. Обладая большим вкусом в одежде и имея определенные полные костюмы для различных рангов, кажется весьма примечательным, что они совершенно равнодушны к одежде, рассматриваемой в свете покрытия. Они не испытывают никакого чувства деликатности к обнажению лица, и мужчин, женщин и детей можно увидеть купающимися обнаженными на виду у каждого прохожего.

Даже их общественные бани, хотя некоторые из них имеют две двери, одну для мужчин, другую для женщин, являются общими для обоих полов, а в тех банях, которые специально отведены для женщин, обслуживающий персонал часто является мужчиной. Иногда для разделения полов устанавливают перегородку высотой около груди, но обычные бани не имеют таких изысков. Ванны - это просто неглубокие тазы или углубления в полу, в которых сидят купальщики, обливаясь обильным количеством горячей и холодной воды. Подобные ванны есть во всех "чайных домиках", чтобы путешественники могли освежиться, приняв ванну, в истинно гомеровском стиле, перед тем как принять пищу. А обслуживающим персоналом здесь, как и в гомеровском стиле, являются женщины. О банях можно узнать по темно-синей полосе ткани, которая висит над входом, как знамя. Европейцы, впервые посетившие страну, удивляются, когда, проходя по улицам, видят целую семью, "купающуюся" перед домом, или, проходя мимо общественной бани, видят, как ее обитатели выбегают посмотреть на чужаков; но очень скоро они привыкают к таким зрелищам и думают о них не больше, чем сами японцы.

Сэр Резерфорд Алкок, рассматривая этот вопрос и иллюстрируя его японским рисунком, изображающим баню, в которой живут мужчина, мальчик и пять женщин, делает следующие замечания: "Мужчины и женщины, парившиеся в банях, поднимаются к открытым прутьям решетчатых фасадов, чтобы выглянуть наружу; интерьер за ними представляет собой вид, очень точно изображенный на следующем рисунке местного художника.

"Говоря об этом, я не могу отделаться от ощущения, что есть некоторая опасность совершить несправедливость по отношению к японским женщинам, если мы будем судить их по *нашим* правилам приличия и скромности. Там, где нет *чувства* нескромности, нет сознания неправоты, там нет или может быть такое же отсутствие каких-либо греховных или

развращающих чувств. Это деревенский обычай. Отцы, братья и мужья одобряют его; и с самого детства это чувство, должно быть, так же эффективно ограждает их от самоуничтожения или стыда, как их сестер в Европе от принятия низких платьев в бальном зале или любой другой общепринятой моды на одежду или развлечения. Многие в обычном облике и выражении лица японских женщин позволяет сделать такой вывод. Любая из настоящих участниц вышеописанной сцены - банной сатурналии, как это может показаться нам, - когда все закончится и туалет будет завершен, выйдет из двери ванной, являя собой картину женской сдержанности и скромности".

Безусловно, ни одна женщина не может быть одета более прилично, чем японка, в чем мы можем убедиться, ознакомившись с многочисленными рисунками местных жителей; и то, что они не придают никакого значения ни приличию в одежде, ни неприличию в ее отсутствии, является одной из многих странных особенностей этой удивительной и загадочной страны.

Походная одежда женщин - это не более чем их обычный костюм, *плюс* большая плоская шляпа, которая служит зонтиком. Японские книги с картинками изобилуют иллюстрациями путешествующих женщин, и, как бы многочисленны они ни были, каждая из них всегда имеет какую-то характерную черту, и нет двух совершенно одинаковых. Иногда мы видим женщин, спокойно прогуливающих по берегу реки, иногда их несут через реку на плечах мужчины или, если они важны, в "норимонах" или креслах, которые несут шесть или восемь кули. На некоторых рисунках женщины изображены сидящими в лодках, попавшими в сильную снежную или дождевую бурю (см. [иллюстрацию](#)), гуляющими при лунном свете, а также в том виде, в каком они появляются во время езды верхом.

Повадки и общий вид женщины-конника в Японии значительно отличаются от европейских. Боковые седла неизвестны, прекрасная наездница садится на седло, которое поднимает ее высоко над спиной животного, скрывая свое тело внизу, крепко держа за переднюю часть седла, и, по сути, придавая себе вид, очень напоминающий нарядно одетую обезьяну на лошади, [как показано](#) на следующей странице. Этой манере езды следуют даже представители противоположного пола, причем слуги высокопоставленных вельмож сидят в своих высоких седлах примерно в той же позе, что и женщины, и, как следствие, абсолютно бесполезны, за исключением внешнего вида, в качестве кавалерии.

Тем не менее, когда они выбирают, японцы могут неплохо ездить верхом, о чем свидетельствует факт игры, в которую играют среди них, и в которой все участники выступают верхом. В этой игре игрокам приходится бороться с очень большими недостатками. Во-первых, лошади, на которых они скачут, - жалкие животные, просто грубые пони, а амуниция настолько неуклюжа, что удивительно, как лошадь вообще можно

направлять. Согласно нашим представлениям, лошадь направляется давлением ноги и прикосновением к поводьям, но японские седла делают такое управление невозможным.

Первому способу препятствует форма седла, в котором большие щитки из жесткой кожи висят так низко, что пятка или колено всадника не оказывают никакого влияния на животное; а второй способ почти так же невозможен, как и первый, из-за долота и манеры езды.

Суковатка - это просто легкие щипцы, свободно помещающиеся во рту, а поводья используются не столько для того, чтобы направлять лошадь, сколько для того, чтобы удерживать всадника на месте. Всадники крепко держат по поводью в каждой руке и таким образом держатся за поводья. Естественным следствием этого является то, что рты лошадей становятся почти такими же жесткими, как кожаные накладки седла, и животные всегда идут, задрав носы, чтобы противостоять постоянному натяжению уздечки.

Игра, в которую играют в этих неблагоприятных условиях, представляет собой нечто вроде молла. Выделяется большое пространство, на каждом конце которого устанавливается занавес. На высоте нескольких футов от земли в занавесе прорезается круглое отверстие. Каждому игроку выдается ракетка с длинной ручкой и маленькой головкой, почти в точности похожая на ту, что используют североамериканские индейцы для игры в мяч, описанной на странице 1324. Цель игры - поднять ракеткой мяч с земли и забросить его в лунку. Чтобы не было сомнений, действительно ли мяч прошел через лунку, на противоположной стороне лунки свободно висит сетка, которая и принимает мяч. Игроки разбиваются на две партии, различающиеся по цветам, и суть игры заключается в том, чтобы преследовать соперника, когда он триумфальным галопом несется к воротам, и выбить мяч из ракетки в тот момент, когда он собирается пробросить его через лунку.

Стремена, используемые японцами, очень любопытны по форме и совсем не похожи на обычные модели. Их общие очертания напоминают букву S: нога просовывается в отверстие до упора. Сравнительно небольшие стремяна, используемые европейцами, доставляют японцам столько же хлопот, сколько крошечные треугольные стремяна в Патагонии английскому всаднику.

Самой странной частью конского снаряжения в Японии является, однако, обувь. В нашем представлении подкова - это металлическая пластина для защиты лошади от твердой земли. Японская обувь сделана из плетеной соломы и, по сути, представляет собой не что иное, как соломенную сандалию, привязанную к ноге, что придает ей очень неуклюжий вид. Как можно себе представить, их обувь никогда не служит долго, а на каменистой дороге быстро разлетается на куски. Поэтому всадник берет с собой запас обуви и обновляет ее по мере износа. В самом деле, часто путешествие приблизительно рассчитывается как расстояние, равное количеству обуви.

При таких обстоятельствах неудивительно, что лошадь редко используется в путешествиях. Никто, кроме бедного дворянина, не согласится ехать верхом из одного места в другое, так как можно предположить, что он не может позволить себе свиту, которая необходима для его перевозки. Иногда дворянин снисходит до публичной поездки, но тогда его лошадь должны держать два конюха, которые постоянно дергают бедное животное за рот и кричат: "Чай! Чай!", *то есть* осторожно, потому что спешка всегда считается у японцев недостойной, и уважаемый человек сильно нарушит свое достоинство, если позволит себе спешить по дороге.

Для тех, кто может позволить себе такую дорогую роскошь, обычным средством передвижения является своеобразный паланкин, называемый норимон. Это квадратная клетка, подвешенная к столбу, которую несут четыре человека: двое впереди и двое сзади. Для японских путешественников это очень удобное средство передвижения, но для европейцев, не привыкших к столь характерной для японцев позе приседания, даже короткое путешествие в норимоне превращается в пытку: несчастному пассажиру очень трудно забраться в машину, а по окончании поездки почти так же трудно выбраться обратно - его конечности скованы и сведены судорогой из-за положения, в котором они оказались.

Шест у норимона крепкий и очень длинный, а между молодыми и модными мужчинами идет соперничество за то, чтобы их шесты были как можно длиннее и как можно богаче украшены. Когда кули несут норимон, они взваливают его на плечи по сигналу хозяина и идут со скоростью около трех миль в час. Во многих местах кули очень похожи на индийских носильщиков паланкинов, но в этом отношении они превосходят их, так как путешествуют молча и не утомляют душу своего хозяина постоянным ворчанием и стонами, которыми индийские носильщики привыкли облегчать свой путь.

Как ни неудобен норимон, есть популярное средство передвижения, еще более болезненное для европейских конечностей. Оно называется канго и имеет примерно такое же отношение к норимону, как тачка к карете. Действительно, если читатель сможет представить, что колесо, ножки и ручка тачки сняты, а корпус машины подвешен к столбу, то он сможет составить некоторое представление о канго. В норимоне заключенному приходится приседать, в канго - почти завязывать себя в узел. Однако конечности японцев настолько гибкие, что владельцы канго проходят много часов подряд, не испытывая ни малейшего угнетения от положения, которое они вынуждены принимать. Канго широко распространены в Японии и являются тем же, чем кэбы являются для лондонцев, а норимоны заменяют кареты.

Когда путешествует великий дворянин или даймио, он всегда использует норимон, отчасти потому, что это самое роскошное средство передвижения, которое он знает, а отчасти потому, что это дает ему повод продемонстрировать силу своей свиты, которая является единственным способом показухи, известным японцам. Норимона сопровождают несколько человек, называемых самураями, или яконинами, *то есть* людьми, которым разрешено поступить к нему на службу и таким образом получить привилегию носить два меча. Когда их хозяин проходит мимо, они постоянно произносят слово "Shitanirio!", *то есть* преклони колени, после чего каждый, кто его слышит, должен немедленно опуститься на землю или оставаться в вертикальном положении на свой страх и риск. Самые серьезные ссоры, возникавшие между чужеземцами и коренными жителями Японии, происходили именно из-за этого обычая: чужеземцы либо не знали его, либо отказывались выполнять, чтобы не уронить достоинство своей нации. Отказ подчиниться такому приказу обязательно вызовет ссору и, скорее всего, закончится гибелью людей, поскольку яконин, отдающий приказ поклониться колени, всегда готов добиться повиновения с помощью меча.

Вокруг норимона стоит толпа слуг, каждый из которых носит на спине значок своего господина и вооружен в соответствии со своим рангом. Процессию обычно сопровождают несколько запряженных лошадей, чтобы великий человек мог ехать верхом, когда устанет от норимона, а несколько кули несут зонтики, покрытые непромокаемыми чехлами, и большие ящики на шестах. Эти ящики почти всегда пусты, но условно предполагается, что в них хранится багаж, без которого столь великий человек не мог бы передвигаться. Высшие офицеры в норимонах и низшие офицеры на лошадях сопровождают процессию, проход для которой держат несколько мужчин, причудливо одетых в костюмы арлекинов разных цветов. Каждый из них несет длинный железный прут, к которому прикреплено несколько колец из того же металла. Когда они идут, то при каждом шаге ударяют концом жезла о землю, отчего раздается звон, внушающий трепет людям.

То, что японцы такие плохие наездники, очень необычно, если учесть, до какого совершенства они довели другие атлетические упражнения. В качестве "акробатов" они намного превосходят представителей любой другой нации, выполняя самые дерзкие и, казалось бы, невозможные подвиги с абсолютной точностью, которая полностью исключает всякую мысль об опасности.

Пока японские гимнасты не приехали в нашу страну, мы были склонны считать рассказы путешественников преувеличенными, но оказалось, что они способны совершить любые подвиги, на которые способны наши профессиональные спортсмены, и многие другие, о которых они даже не мечтали. Например, кажется, что нет ничего сложнее, чем лечь на спину и балансировать на подошвах ног на лестнице высотой в тридцать футов. Но если добавить, что к вершине лестницы под прямым углом была прикреплена вторая лестница, похожая на вершину буквы F, и что мальчик поднимался и спускался по ней, и даже дополз до конца поперечины и повис там, держась за ногу, в то время как лестница балансировала на подошвах ног лежащего человека, то получается, что мы скорее романтизируем, чем описываем факт. Однако это удивительное представление повторялось изо дня в день, и не было ничего более удивительного, чем тщательно продуманное совершенство и законченность исполнения. Тяжелую лестницу поставили на перевернутые ноги, и через мгновение она была так же устойчива, как если бы была установлена на землю. Хотя из-за перемычки она была значительно наклонена, устойчивость ее не пострадала, и даже когда мальчик поднимался и спускался по ней, постоянно меняя центр тяжести, не было заметно ни малейшего колебания.

Так же и с другими подвигами, совершенными этими замечательными артистами. Все делалось с той неторопливостью, которая составляет неотъемлемую часть японской натуры, но не было никаких ненужных задержек, и независимо от того, балансировал ли человек на ногах лестницы, вращал ли он верхушки и заставлял их действовать так, как будто они были разумными существами, или заставлял двух бумажных бабочек порхать, как будто они были настоящими насекомыми, - все это отличалось спокойным совершенством, и каждый подвиг совершался с такой непревзойденной легкостью, что казалось, будто он вообще не требует никакого мастерства. Необыкновенная жизнь, которую японские артисты умудряются вдохнуть в неодушевленные предметы, почти невероятна. Если бы мы не видели этот подвиг наяву, вряд ли можно было бы поверить, что верхушку можно раскрутить, а затем запустить, чтобы она совершила следующие подвиги, даже не прикоснувшись к ней:...

Она поднялась по наклонной плоскости в храм, двери которого были закрыты. Он выбил одну из дверей, вошел в храм, подождал некоторое время внутри, а затем выбил другую дверь, расположенную под прямым углом к первой, и вышел. Затем он прошел по наклонному мосту, вошел в другой храм, поднялся по лестнице и вышел на верхний этаж. Затем он двинулся по наклонной плоскости, расположенной под прямым углом к храму, и прошел через разводной мост, который тут же подняли, оставив щель, через которую нужно было пройти, чтобы вернуться обратно. Однако, отпустив зацеп, верхушка переваливалась через щель и шла дальше так же весело, как и прежде, заканчивая тем, что входила в третий храм, звонила в колокол внутри, снова выходила и перебежала еще через два моста в руки прядильщика, преодолев около сорока футов, помимо работы в храмах.

Тот же человек раскрутил верхушку на острие меча, заставив ее пройти от одного конца лезвия до другого. Он подбросил верхушку в воздух и бросил в нее веревку: верхушка зацепилась серединой веревки за колышек, закрутилась и снова взвилась в воздух, вращаясь быстрее, чем прежде. Затем ее ловили на тонкий стебель трубы, по которому она бежала, как живая, передавали за спину, снова ловили спереди и, наконец, принимали на подол рукава, заставляли кружиться вверх по одежде, по шее и плечам, и вниз по рукаву противоположной стороны. Кроме того, пряжа натягивалась на небольшую веревку, протянутую от стены, и проходила вперед-назад столько, сколько прядильщица пожелает.

Некоторые из этих верхушек не требовали веревки, а просто вращались рукой; их можно было поднимать и снова опускать, и они все еще вращались, или они могли стоять на голове и все еще вращаться, или они могли быть построены в совершенное сооружение из верхушек, три или четыре вертятся друг на друге, иногда каждая наклоняется в разные стороны, а затем поднимается вертикально прикосновением всегда готового веера. Завершающий подвиг был очень любопытным. Примерно в тридцати футах над головами зрителей была подвешена модель храма, от которой отходила веревка. Главный топ-спиннер взял небольшую, но очень тяжелую верхушку, намотал на нее шнурок и подбросил в воздух, отведя руку назад, так что верхушка влетела ему в руку. Он спустился под храм, сделал пол-оборота подвесной струны вокруг колышка, и верхушка полетела в храм, распахнув двери и выпустив множество листьев роз, которые, спускаясь по струне, порхали вокруг верхушки и попадали в руки исполнителя.

ГЛАВА КЛАВИЙ.

ЯПОНИЯ - *завершена.*

РАЗНЫЕ ОБЫЧАИ.

СУМБУРНЫЕ ЗАКОНЫ - СИСТЕМА ШПИОНАЖА - ДУБЛИРУЮЩАЯ ИМПЕРИЯ - ВЛАСТЬ МАГНАТА И МИКАДО - ДАЙМИО И ИХ ПОМОЩНИКИ - ДВА МЕЧА - ЛОНИНЫ, ИЛИ РАЗБОЙНИКИ - ЯПОНСКИЕ ФЕХТОВАЛЬЩИКИ - ЗАЩИТНЫЕ ДОСПЕХИ - СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА - СЧАСТЛИВАЯ ДЕПЕША - ПУБЛИЧНЫЕ КАЗНИ - АРХИТЕКТУРА - ПРИЧИНЫ ЕЕ ХРУПКОСТИ - МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРОТИВ ОГНЯ - ПРОСТЫЕ ПРИВЫЧКИ ЯПОНЦЕВ - РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ - БОРЦЫ - ТЕАТРЫ ЯПОНИИ - ЛЮБОПЫТНОЕ УСТРОЙСТВО ПЬЕС - ЧАЙНЫЕ ДОМИКИ И ИХ СЛУЖИТЕЛИ - ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО - ПОРТАТИВНАЯ ЧЕРНИЛЬНИЦА - ЖУРАВЛЬ, ЦАПЛЯ И АИСТ - СНЕЖНЫЙ ПЛАЩ - ШЕЛК, ПРОИЗВОДИМЫЙ ВЕЛЬМОЖАМИ.

В Японии существует довольно строгий свод законов о чистоте, определенные формы одежды и право на ношение определенного оружия запрещены всем, кроме привилегированных классов. Поэтому мы бросим беглый взгляд на различные ранги в Японии.

Что касается всех чиновничьих рангов, то по всему королевству существует дублирующая система. Во главе правительства стоят два императора - гражданский, или тайкон, и духовный, или микадо. Первый из них (чей титул иногда пишется как Сиогун) является реальным управляющим империи, хотя номинально он уступает микадо, и эта неполноценность тщательно отмечается определенными церемониальными визитами к микадо, но не выходит за рамки простого этикета.

Действительно, полномочия самого микадо практически ограничены, хотя теоретически не ограничены, и правительство фактически осуществляется дворянами через двойной совет, один из которых выбирается императором, а другой - дворянами из самих себя. Каждый человек, занятый в правительстве, имеет своего двойника, или "тень", как его называют; он подвергается шпионажу со всех сторон и сам является шпионом для других.

Эта система, как бы неудобна она ни казалась, имеет свои преимущества. По словам мистера Олифанта: "Один из самых полезных результатов, вытекающих из этой универсальной системы шпионажа - поскольку она распространяется на все классы общества - заключается в полной честности каждого правительственного *служащего*. Насколько мы могли узнать или увидеть, они были неподкупны. Когда люди не могут ни предлагать, ни получать взятки, когда почти невозможно, даже косвенно, оказывать коррупционное влияние, можно не опасаться деморализации общественных ведомств государства. В этом отношении Япония представляет собой яркий контраст с Китаем и даже с некоторыми европейскими странами. Пока существует эта чистота, пусть даже купленная ценой тайного шпионажа, нет причин опасаться упадка Японии".

Здесь уместно упомянуть, что слово Тусооп, или Tai-kû, не японского, а китайского происхождения, и что оно вошло в обиход благодаря тому, что его вставили в официальный документ, а неудачливый министр, использовавший его, в результате впал в немилость и нищету. Японцы никогда не называют его магнатом, вместо этого они используют титул, который был присвоен ему его номинальным начальником, микадо.

Микадо, или духовный император, пользуется величайшим почитанием, и многие почести, воздаваемые ему, почти идентичны тем, что оказываются Великому ламе Тибета. Он

слишком священен, чтобы касаться земли ногами, и в редких случаях, когда он переходит из одной части дворца в другую, его несут на плечах. За его пределы он никогда не выходит. Он слишком свят, чтобы носить одежду дважды или пользоваться каким-либо предметом во второй раз, и если кто-нибудь решится надеть или воспользоваться одеждой или утварью, освященной его прикосновением, он обрушит на себя месть небес. Поэтому всякая одежда, которую он носил, или всякая деревянная утварь, которой он пользовался, сжигается, а та, что сделана из глиняной посуды, разбивается.

Аналогичное правило распространяется и на его жен, которых у него двенадцать, одна из них - главная жена или королева. Любопытный этикет практикуется женами микадо. Все остальные женщины укладывают волосы в причудливые прически, но жены микадо обязаны позволить своим волосам струиться по спине. Вследствие бесчисленных ограничений, которым он подвергается, микадо обычно устает от своего безбедного положения и уходит в отставку в пользу своего наследника.

Далее следуют даймио или дворяне, которые, как и мы сами, бывают разных рангов, и которые являются настоящими правителями страны. Трудности, с которыми сталкиваются иностранцы в Японии, почти всегда вызваны даймио, которые боятся, что их положение как феодальной знати может оказаться под угрозой из-за приезда иностранцев в страну. Крупные даймио столь же грозны, как и великие бароны ранней английской истории, и точно так же держат огромное количество вооруженных помощников. Бытует мнение, что в Японии каждый мужчина носит пару мечей. Это далеко не так, поскольку никому не разрешается носить даже один меч, если он не находится на службе у государства. Даже самый богатый купец не имеет права носить меч, если он не зачислен в число прислужников даймио, а поскольку эта привилегия очень велика, она покупается за определенную ежегодную сумму. Эта косвенная дань является прибыльным источником дохода для даймио и позволяет им содержать огромную свиту, которой они окружены.

Высшие классы Японии имеют привилегию носить одежду под названием "хаккама". Она очень похожа на огромные брюки французских зуавов, и действительно представляет собой очень полный и обильно обшитый косичками подъюбник, сшитый посередине и собранный на коленях. Носители неумеренно гордятся этой одеждой, и, хотя кто-то из непривилегированных классов может купить право носить меч, никакие затраты денег не позволят мужчине носить хаккаму.

Самыми хлопотными из прислужников являются яконины или самураи, люди, которые были восхитительно описаны сэром Резерфордом Алкоком в его "Капитале магната": - "Все определенного ранга вооружены.

"Все люди определенного ранга вооружены этим грозным оружием, выступающим из-за пояса; мечи, как и все остальное в Японии, к нашему худшему замешательству, двойные, без особого или какого-либо очевидного различия между военными и гражданскими, или между офицерами магната и помощниками Даймиоса. Это классы, которые представляют собой подходящие образцы того вымершего вида расы в Европе, который до сих пор помнят как *Swashbucklers*, - развязных, грубых забияк; многие из них достаточно трусливы, чтобы ударить врага в спину или зарубить безоружного и беззащитного человека, но также поставляют множество людей, всегда готовых пожертвовать своей жизнью, чтобы отомстить или выполнить приказ своего начальника.

"Все они имеют право на привилегию владения двумя мечами, рядовые, а непривилегированные (профессиональные, торговые и сельскохозяйственные классы) приветствуют их как *Sama*, или Lord. Японский самурай или яконин передвигается очень

неуклюже, его походка напоминает графическое описание янычара, сделанное мистером Кинглейком, и объясняется той же причиной - тяжелыми, выступающими клинками у пояса и пеленой вокруг тела, - рукояти двух мечей находятся на расстоянии не менее фута от его лица, что очень удобно для захвата противником. Один из них - тяжелый, двуручный, острый, как бритва; другой - короткий, как римский меч, и религиозно хранится в таком же исправном состоянии.

"В обращении с ними он не представляет собой ничего особенного. Ему редко требуется второй удар коротким оружием, но он наносит удар с одного удара, что было смертельно доказано в более поздний период; в то время как длинным оружием он отсекает конечность с одного удара. От такого человека все миролюбивые подданные и благоразумные люди обычно держатся как можно дальше. Часто пьяного и всегда наглого, его можно встретить в тех кварталах города, где больше всего чайных домов; или он возвращается в сумерках после дневного дебоша, с красным и раздутым лицом, не слишком твердо стоя на ногах, наводя ужас на все безоружное население и уличных собак. Счастье для первого, когда он довольствуется тем, что пробует острие нового меча на четвероногих; и можно увидеть много бедных искалеченных животных, хромящих по спине или с более отвратительными свидетельствами жестокости. Но иной раз это какой-нибудь кули или незаметный лавочник, который, неосмотрительно оказавшись между "ветром и его благородством", столь же безжалостно разрубается ударом".

В некотором роде каждый дворянин несет ответственность за поступки своих приближенных. Поэтому, если кто-то из них решается на поступок, который, как он знает, скомпрометирует его хозяина, - например, на убийство того, кто ему не нравится, - он формально лишается его защиты и становится "лонингом", или вне закона, или почти тем же самым, что и "люди без хозяина" времен феодальной Англии. Каждый из них носит с собой бумагу, на которой написано его отречение, и совершить такой поступок считается чрезвычайно почетным. Почти все люди, убивавшие европейцев, были лонингами.

Мечи, которые эти люди носят в соответствии со своим рангом, - самое грозное оружие: закалка стали, баланс оружия и небольшой изгиб острия - все, что только можно пожелать. Они отделаны с особой тщательностью, и каждой детали уделяется самое пристальное внимание. Очень красивый образец короткого меча был подарен мне К. Алленом, эсквайром из Блэкхита. Его общая длина составляет два фута четыре дюйма, из которых рукоять занимает почти девять дюймов. Эта вместительная рукоять японского меча представляет собой замечательный контраст с маленькими и тесными рукоятками индийского оружия. Она обеспечивает восхитительный захват руки, будучи покрыта ромбовидными узорами из шелковистого шнура, накрученного на основу из грубой коньковой кожи. Ширина лезвия чуть больше дюйма, и даже после многолетнего пребывания в этой стране оно остается ярким, как зеркало, и острым, как бритва.

Действительно, для рукопашной схватки трудно найти более грозное оружие, даже индийские кирасы уступают ему, будучи тяжелее и менее управляемыми. Он одинаково приспособлен как для колющих, так и для рубящих ударов, и настолько эффективен в первом случае, что один из таких мечей одним ударом полностью пробивал тело человека. Баланс оружия восхитителен, и, хотя оно несколько неприглядно, им можно легко управлять.

Труд, вложенный в создание этого оружия, просто поражает. Эффект ничуть не бросается в глаза, и только при внимательном рассмотрении можно заметить его красоту. Клинок полностью лишен украшений, о его совершенстве говорит высокая полировка и острая

кромка. Но, за исключением клинка, каждая часть оружия имеет свой орнамент. На гарде изображен буйвол, пасущийся под деревом, причем основание бронзовое, а листья дерева и трава - золотые. Между шелковыми шнурами рукояти и коньковой шкурой вставлены две прекрасно выполненные из бронзы модели лука и стрел, перья стрел и обмотки головы позолочены. По одной из этих моделей вставлено с каждой стороны эфеса, который завершается богато выгравированным бронзовым орнаментом.

В верхней части ножен хранится небольшой нож, несколько похожий по форме на тот, что хранится в футляре для палочек у китайцев. Рукоятка ножа бронзовая и украшена фигуркой рака, красиво вытканной из золота, а также знаменем и еще одним или двумя элементами. Сами ножны - великолепное произведение искусства. С небольшого расстояния кажется, что они обтянуты темно-коричневой кожей, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они полностью покрыты мельчайшим и тонким узором, который выглядит так, как будто его прорисовывали острием иглы, и, должно быть, стоил художнику очень больших затрат труда.

Меч большего размера сделан точно по такому же образцу, только его длина составляет четыре фута, и пользоваться им нужно обеими руками. Одним из таких мечей японец может отрубить конечность с одного удара; они настолько остры, что палач, обезглавливая преступника, едва ли поднимает меч на фут для удара. Японские фехтовальщики упражняются в обращении со своим оружием с помощью бутафорских мечей, которыми они фехтуют, набивая конечности и бока, а лица закрывая провололочными масками. У них есть очень опасный порез, который наносится простым движением вынимания меча и действует на расстоянии, на котором неопытный человек мог бы счесть себя в безопасности.

Так хороша закалка этого оружия, что японцу удавалось одним ударом перерубить толстый железный болт, причем острие меча не показывало ни малейших признаков сурового испытания, которому оно подверглось. Большой меч по-японски называется "кен", короткий - "каттан".

В свое время японцы носили защитные доспехи, но в настоящее время из-за внедрения усовершенствованного огнестрельного оружия они отказались от доспехов, разве что для демонстрации. Полный костюм японского доспеха [показан](#) на странице 1469. Он сделан из множества пластин, подвешенных на ткань, и обильно украшен позолотой. Хотя он очень легкий, но достаточно прочный, чтобы выдержать удар длинного меча, хотя против нарезного огнестрельного оружия он более чем бесполезен. Если бы не недавний отказ от использования защитных доспехов, нам вряд ли удалось бы приобрести костюм; но, обнаружив, что их почтовые костюмы практически бесполезны, японские вельможи очень щедро подарили многие из них своим иностранным гостям, а другие разрешили продать.

Самой странной частью костюма является шлем с его придатками. Фантастический гребень очень легкий, он сделан из очень тонкого материала, покрытого позолотой, и настолько мал, что удар палкой мог бы его раздавить. Возможно, читатель удивится бородам, которые, судя по всему, растут из подбородков солдат. Дело в том, что шлем снабжен очень полным козырьком, по форме напоминающим маску, который закрывает все лицо и украшен большой седой бородой и усами, чтобы наводить ужас на зрителей.

Лук - излюбленное оружие японцев, которые тратят на него почти столько же труда, сколько на меч. В основном он покрыт черной чеканкой и украшен различными декоративными элементами. Некоторые из этих луков очень мощные, и натягиваются довольно своеобразно: лучник кладет нижний конец лука на землю, а верхний берет правой рукой. Он ставит правую ногу на середину лука, сгибает его объединенными усилиями ноги и правой руки, а левой

натягивает тетиву на свое место. Стрелы сделаны как китайские, но, в соответствии с национальным характером народа, имеют более высокую отделку.

Одним из самых странных видов оружия, используемых японцами, является боевой веер. Как и китайцы, японцы никогда не бывают без веера и в силу многолетней привычки вынуждены брать его с собой в бой. Веер, который хранится для этой цели, имеет железные ножны и очень большой размер, так что если воин будет застигнут врасплох без меча, то у него обязательно будет наготове веер в качестве дубинки. Эти веера украшены национальной эмблемой - красным солнцем на черном фоне.

В связи с японским оружием следует упомянуть о некоторых способах наказания. Первый из них - знаменитое Харакири, или Счастливая депеша, заключается в самоубийстве путем вспарывания живота двумя разрезами в форме креста. Только высшие классы имеют право совершить "Счастливую депешу", и для них это на самом деле привилегия. Если японский чиновник не справился с обязанностями или совершил поступок, который может вызвать гнев начальства, он обращается за разрешением совершить харакири. В назначенное время он собирает своих друзей, одевается в белое в знак невинности, устраивает развлечение и произносит речь о положении, в котором он оказался. Затем он берет роковой нож, и когда он поднимает свою одежду, чтобы нанести рану, за ним появляется хороший фехтовальщик с двуручным мечом или "кен". Жертва начинает харакири, но, как только он делает небольшой надрез, ему отрубает голову, так что смерть не наступает от ужасных ран в живот.

Однако иногда, когда время поджигает, жертва вынуждена совершить харакири как попало, и в этом случае умирает от нанесенных себе ран. Например, в нескольких случаях покушения на убийство, в частности в знаменитом нападении на британское легатство, когда на следующий день за потенциальными убийцами была организована погоня, выяснилось, что харакири совершили трое из них, двое из которых уже были мертвы, а один остался жив и был схвачен. В этих случаях в качестве оружия используется короткий меч, или "каттан".

Когда человек совершает харакири, считается, что он умер почетной смертью и заслужил репутацию храброго человека. Семья гордится им, а память о нем почитается. Но если он погибнет от руки палача, все его имущество будет конфисковано, семья попадет под запрет, а имя станет позорным. Таким образом, становится ясно, что харакири - это действительно очень большая привилегия, особенно среди такого равнодушного к жизни народа, как японцы.

Публичные казни проводятся очень просто. Преступника везут к месту казни на лошади, а когда он прибывает на место, его связывают и заставляют встать на колени на земле над ямой, в которую должна попасть его голова. Палач, который пользуется упомянутым выше "кеном", устанавливает голову преступника в нужное положение и, не прилагая никаких усилий, ударом обезглавливает его. Старый путешественник Пурхас очень метко выразил способ казни одним словом. Рассказав о предварительных действиях, он сообщает, что преступник "протягивает голову, которую тут же *отрубают*".

Распятие применяется как японцами, так и китайцами, и в основном за государственную измену. Мелкие наказания не слишком популярны, так как кража на определенную сумму влечет за собой смертную казнь, как и кража на меньшую сумму при повторении. Иногда в качестве наказаний применяются порка и изгнание. Страшные пытки, которым подвергались ранние христианские миссионеры и их новообращенные, похоже, предназначены только для политических и религиозных преступников.

Архитектура японцев довольно своеобразна. Из-за физического состояния страны и ее подверженности землетрясениям дома не отличаются ни размерами, ни красотой. Частные дома никогда не бывают большой высоты, предельная высота - чуть больше сорока футов. Они строятся из дерева и, по возможности, имеют только один этаж в высоту. Они очень изобретательно делят свои дома на комнаты. Вместо постоянных стен для этой цели они предпочитают складные ширмы из дерева и бумаги, так что они могут по своему усмотрению менять размер и форму комнат.

Полы покрыты циновками, которые также служат для измерения. Они прекрасно сделаны из соломы и камыша, имеют несколько дюймов в толщину и по закону должны быть точно одинаковых размеров, *то есть* один "кин", или семь футов четыре с половиной дюйма в длину, и в два раза меньше в ширину. Оконные рамы подвижны, а вместо стекол заполнены промасленной бумагой, слюдой и полупрозрачной раковиной большой жемчужной устрицы. Перегородки домов и все столбы диковинно покрыты лаком и краской, и японцы, по сути своей чистоплотные люди, очень тщательно следят за тем, чтобы поддерживать интерьер своих домов в максимально возможном порядке. Как и многие восточные люди, они всегда снимают сандалии, прежде чем войти в дом, и даже в магазин никто не заходит, не сняв обувь.

Крыша также деревянная и обычно состоит из толстых досок, которые удерживаются на своих местах деревянными колышками или тяжелыми камнями, положенными на них. Концы крыши значительно выступают за пределы стен, так что они защищают дверные проемы от солнца. На крыше каждого дома стоит бадья, наполненная водой, а рядом - метла, чтобы в случае пожара все деревянные крыши сразу же были залиты водой. Эта мера предосторожности необходима из-за высокой горючести материалов; кроме того, на улицах установлены цистерны и бадьи, а также довольно эффективные пожарные машины.

Мебель в домах построена по тому же простому плану, что и сами здания. У японца, независимо от его ранга или богатства, мебели немного. От самого высокого даймио до простого рабочего мебель в домах практически одинакова. Комната голая, пол устлан циновками; на нескольких полках стоят чашки и блюдца, а на подставках - несколько маленьких подносов. Все это, а также несколько покрывал и небольшая подушка, сделанная из дерева и имеющая набивку сверху, составляет мебель гостиной. Что касается кухни, то все, что нужно, - это одна или две небольшие передвижные печки, несколько металлических кастрюль и веники.

Японцы не могут понять, почему их западные гости должны обременять себя таким количеством мебели, которая, по их мнению, не только бесполезна, но и абсолютно им мешает. Им не нужны ни столы, ни стулья, ни буфеты, ни кровати, и они не заботятся о больших и красивых комнатах.

Несколько лет назад, когда готовились к приему британского консула в Хакодади, было почти невозможно найти место, которое могло бы его принять. Однако после долгих хлопот место было найдено. После того как все было готово, японский губернатор встал, взял сэра Р. Алькока за руку и провел его по коридору в маленькую комнату, или, скорее, чулан, размером девять футов на шесть, и тихо заметил, что в этой комнате будет размещен его приемник.

У сэра Р. Алькока есть несколько очень уместных замечаний по этому поводу: "Пока мы медленно пробирались по улицам, я имел полную возможность наблюдать отсутствие всех

тех вещей, которые *мы* считаем столь необходимыми для комфорта и которые заполняют наши комнаты, почти исключая и, конечно, доставляя большие неудобства людям, которые должны их занимать, а также нанося ущерб кошельку владельца.

"Если бы европейские суставы можно было сделать достаточно гибкими, чтобы их владельцы могли отказаться от диванов и кресел и, *как следствие*, от столов, а мы были бы достаточно выносливы, чтобы лежать на соломенных матах, шесть футов на три, набитых тонкой соломой и красиво отделанных шелковой каймой, чтобы образовать своего рода сетчатый ковер для комнат любого размера, то решение этого широко обсуждаемого вопроса, возможности жениться на 400 фунтов в год, можно было бы, конечно, предсказать с чем-то вроде единодушия в пользу брака. Счет обойщика никогда не станет препятствием для молодой пары в Японии.

"Их будущий дом состоит из трех или четырех маленьких комнат, в которые кладутся чистые циновки. Затем каждый приносит в дом ватное одеяло и коробку с одеждой для личного пользования; добавляется кастрюля для варки риса, полдюжины больших чашек и подносов для еды, большая ванна для купания и мытья, и все это завершает обустройство".

При такой простоте дома и мебели очевидно, что потери от пожара - событие отнюдь не редкое - не столь серьезны, как у нас. Однако японцы искренне боятся пожаров, и в конце каждой главной улицы есть надземный пункт, оборудованный колоколом, через который можно узнать, в какой части города бушует огонь, чтобы все могли отправиться на помощь в его тушении. Пожары происходят почти ежедневно, и за один раз сгорают целые улицы. Японцы воспринимают эти пожары как нечто само собой разумеющееся и смотрят на уничтожение целого квартала с характерным хладнокровием. По их подсчетам, Йеддо сгорает один раз в семь лет, поэтому они строят свои дома с наименьшими затратами, считая, что рано или поздно они станут пищей для огня.

О развлечениях японцев можно рассказать лишь вкратце. На первое место среди них следует поставить спокойное и созерцательное развлечение с трубкой, которому японцы предаются с большим удовольствием. Трубка, которую они используют, очень маленькая, чаша едва ли достаточно велика, чтобы вместить горошину среднего размера. Табак очень мягкий, чем-то напоминающий турецкий табак, и его курят, втягивая пар в легкие, так что весь табак расходуется за один вдох. Затем пепел вытряхивается из трубки, которая убирается в футляр, и дым неторопливо выдыхается. За утро японец выкуривает тридцать-сорок таких трубок.

Игры для детей почти идентичны тем, что используются в Англии: мяч, шатл, ходули, воздушный змей и обруч - все это обычные игрушки. Что касается взрослых, то у них есть кости, театр, борцовские матчи. Игральные кости запрещены законом, поэтому их делают такими мелкими, чтобы их можно было легко спрятать. Пара игровых костей и их коробка настолько малы, что их можно спрятать между кончиками двух пальцев: кости едва достигают десятой части дюйма в диаметре, а коробка достаточно велика, чтобы вместить их.

Борцовские матчи - это очень необычные представления. Борцы - самые странные существа, которых только можно себе представить: их откармливают до последней степени, так что они кажутся неспособными ни на какие подвиги. Однако один из этих слоноподобных мужчин взял в руки мешок риса весом в сто двадцать пять фунтов и сделал несколько кувырков с такой же легкостью, с какой это может сделать любой легкий и необремененный гимнаст. Борцы содержатся у даймиосов, которые очень гордятся ими и любят демонстрировать их силу. Каждого борца сопровождают несколько человек, они одеты в великолепные одежды,

им также предоставляется привилегия носить два меча. Когда они выступают, все их одеяния снимают, оставляя их в борцовском одеянии - фартуке с бахромой, расшитом знаком их покровителя.

В борьбе они пытаются не только бросить своего противника, но и вытолкнуть его за пределы арены, причем человек, которого вытесняют за пределы арены, считается побежденным. Одна из таких встреч ярко описана американским путешественником.

"Они были похожи на пару свирепых быков, чей характер они не только приобрели, но даже их взгляд и движения. Продолжая разглядывать друг друга, они сильно стучали по земле лапами, как бы от нетерпения, а затем, опустив свои огромные тела, хватали горсти земли и с яростью бросали ее себе на спину, или нетерпеливо растирали ее между своими массивными ладонями, или под своими мужественными плечами. Теперь они низко приседали, не сводя глаз друг с друга и следя за каждым движением, когда через мгновение оба одновременно вздымали свои массивные рамы в противоположные стороны, тело к телу, с силой, которая могла бы оглушить быка.

"Равновесие их чудовищных лиц почти не было нарушено этим столкновением, эффект которого был едва заметен по дрожанию свисающей плоти их тел. Сойдясь вместе, они обхватили друг друга мускулистыми руками и теперь сплелись в отчаянной борьбе, изо всех сил пытаясь сбросить своего противника. Их огромные мускулы вздымались с отчетливостью скульптурной формы колоссального Геркулеса, их вздутые лица набухали струями красной крови, которая, казалось, вот-вот прорвет кожу, а их тела сотрясались от диких эмоций по мере того, как продолжалась борьба. Наконец один из антагонистов упал своим огромным весом на землю, и, объявленный побежденным, ему помогли встать на ноги и вывели с ринга".

Театры очень похожи на китайские: здание представляет собой просто временный навес, а роли женщин исполняют молодые парни. Спектакли длятся около двух часов, и у японцев очень странный план их организации. Предположим, что за день должно быть сыграно пять пьес: артисты проходят первый акт первой пьесы, затем первый акт второй пьесы и так далее, пока не пройдут последовательно первый акт каждой пьесы. Затем они берут второй акт каждой пьесы, и так до тех пор, пока не завершат все. Цель этого обычая - дать зрителям возможность посмотреть один акт, уйти и прийти снова к началу следующего. Однако часто зрители остаются на весь день, и в этом случае открыто употребляют прохладительные напитки. Также считается правильным, чтобы дамы меняли свои платья как можно чаще в течение дня, так что перед сценой меняется столько же нарядов, сколько и на ней. В этих пьесах, как правило, много любовных утех и еще больше драк - "потрясающие бои" являются признанным атрибутом японской сцены.

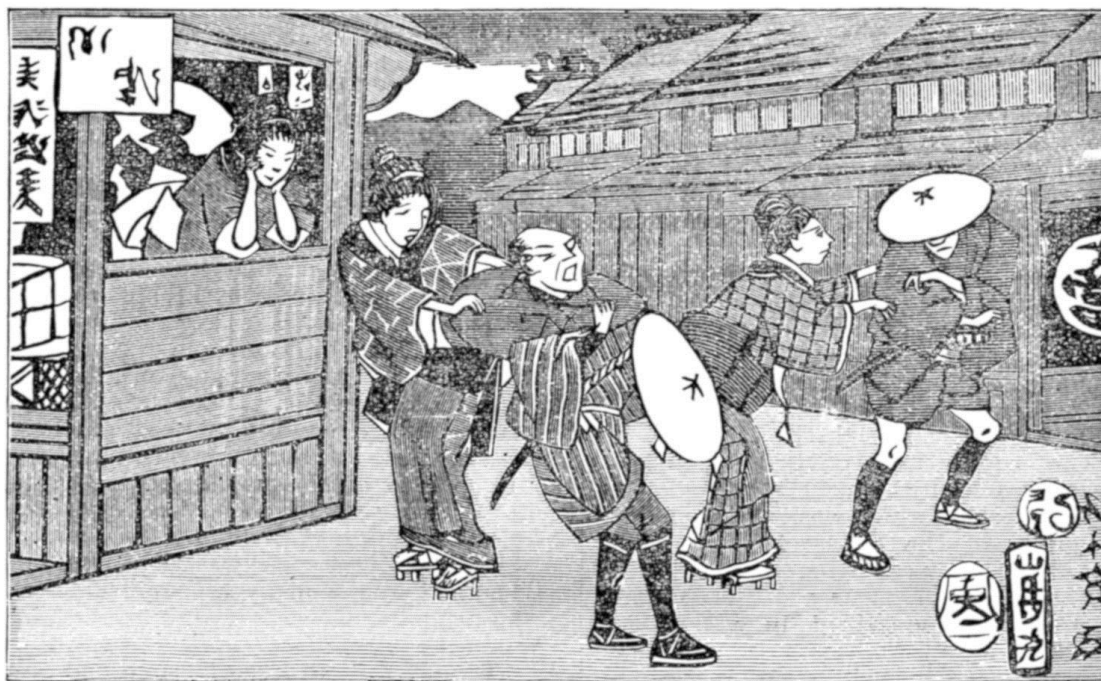
Пожалуй, самым характерным и вызывающим недоумение учреждением Японии является чайный домик. Во многих вопросах весь тон мышления в Японии настолько отличается от всего, что мы, западные люди, узнали, что едва ли два столь разных народа могут справедливо судить друг о друге. Мы уже видели, что нагота не вызывает у японцев никаких мыслей о непристойности: люди привыкли к ней с младенчества и думают о ней не больше, чем о младенцах. В чайных домиках мы видим такое положение вещей, которое в Европе было бы, и вполне справедливо, заклеено как национальная безнравственность: в Японии это воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Чайные домики расположены в самых живописных местах и обставлены со всей роскошью. Самое необычное в них то, что обслуживающим персоналом являются молодые женщины, которых на несколько лет продают для порочной жизни. Их покупают владельцы чайных домов и обучают различным

навыкам, чтобы они стали приятными спутницами. Это не является чем-то постыдным: мужчины высокого ранга берут в чайные дома своих жен и семьи, чтобы те могли воспользоваться многочисленными достижениями обслуживающего персонала.

По окончании срока рабства девушки удаляются от дел и могут вернуться в свои семьи, не теряя уважения родственников. Многие из них вступают в буддийский орден монашек-подвижниц, но большинство находят себе мужей. Одна из самых поразительных особенностей этого странного народа - существование подобных учреждений и столь высокая оценка женской добродетели. Не успевает одна из этих девушек выйти замуж, как ей полагается начать жизнь заново, и, какими бы ни были их предыдущие жизни, нет более верных жен, чем жены японцев. Единственное место в этой массе противоречий занимает то, что, хотя девушки не испытывают никакого стыда за тот образ жизни, в который их продали, на содержателей чайных домов смотрят как на совершенно позорных, и никто из уважаемых людей не станет с ними связываться.

То, что мужчины посещают такие места, не вызывает удивления, но то, что их сопровождают жены, весьма примечательно.

Иногда мужья предпочитают ходить без жен, и в этом случае дамы склонны обижаться на пренебрежение. Прилагаемая [иллюстрация](#) скопирована из японской книги, хранящейся в моей коллекции, и является хорошим примером юмористической силы, которую японский художник может вложить в свою работу. Гравюра рассказывает свою собственную историю. Два мужа уходят вместе, и их ловят жены. Различные выражения, вложенные в лица и действия прогульщиков, переданы великолепно: удивление и ужас одного, который, очевидно, позволил своей жене хозяйничать в доме, и упорная решимость другого убежать переданы с такой силой, что ни один европейский художник не смог бы превзойти этот эффект.

ПОИМКА ПРОГУЛЬЩИКОВ.

Мы не можем оставить этот замечательный народ без нескольких замечаний о состоянии искусства среди них. Очевидно, что японцы - народ, любящий искусство. Как бы они ни любили гротеск в искусстве, они способны оценить его высочайшие качества; и,

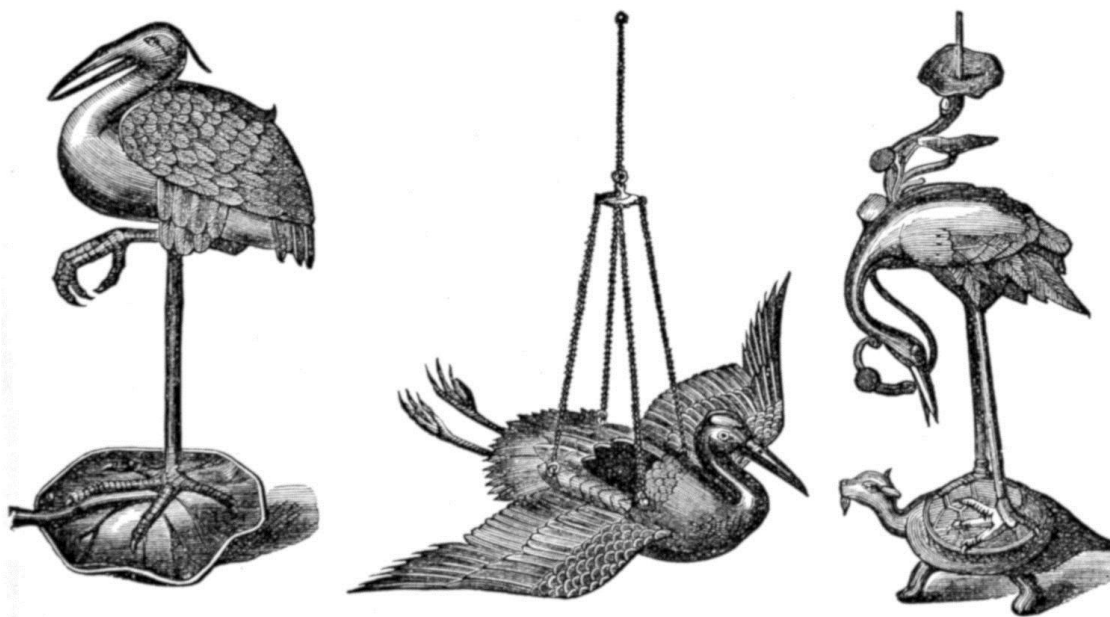
действительно, японский мастер едва ли сможет изготовить какой-либо предмет обычного пользования, не создав при этом какого-либо приятного сочетания линий и цвета.

Даже перо, или, скорее, кисть, которой они пишут, заключено в изобретательный и определенно художественный футляр. Футляр сделан из бронзы и состоит из полого стержня и квадратной чаши, закрывающейся крышкой. В чаше находятся индийские чернила, а в полый стержень вставляется перо. Когда перо не используется, оно вставляется в стержень, а крышка закрывается и удерживается, если на нее накрутить шнурок, свисающий с конца футляра и украшенный шариком из агата.

Одна из причин совершенства японского искусства заключается в том, что художники, вместо того чтобы копировать друг друга, неизменно обращаются за образцами к природе. У них есть учителя, как и у нас, но главная цель этих профессоров - научить своих учеников, как произвести наибольший эффект с помощью наименьшего количества линий. Книгу за книгой можно увидеть полностью заполненными этюдами для руководства молодых художников, в которых мастер изобразил различные сцены с помощью как можно меньшего количества линий. Одна из таких книг полностью заполнена этюдами падающего дождя, и, как бы ни казалась однообразной эта тема, ни один из двух рисунков не похож на другой, а каждому эскизу придается отдельный и яркий характер. В другой книге нет ничего, кроме набросков пейзажей, а некоторые из них полностью заполнены травой: одни изгибаются под ветром, другие побиты дождем, а третьи смело расцветают в полный рост. Бамбук - еще одна излюбленная тема; японцы так высоко ценят мастерство, что часто покупают по высокой цене лист бумаги, на котором нет ничего, кроме нескольких мазков кисти, но гармония композиции и баланс различных линий красоты тщательно оцениваются художественным глазом.

Обучаясь в школе природы, японцы удивительно умело передают позу человека, зверя или птицы. Они никогда не испытывают трудностей с расположением рук своих фигур, и, каким бы ни было действие, в нем всегда присутствует легкость, выдающая руку художника даже в самых грубых фигурах. Среди живых существ журавль, по-видимому, является особым фаворитом японцев, его популярность разделяют, хотя и не равны, аист и цапля.

Эти птицы охраняются как законом, так и народным мнением, и, как следствие, они настолько приручены, что местные художники имеют широкие возможности для изучения их поз, что они и делают с терпеливой любовью к предмету, которая почти вне всяких похвал. Ни одна фигура не вводится в японское искусство так часто, как журавль, и так хорошо понимают эту птицу, что едва ли можно найти среди всех фигур журавлей, отлитых в бронзе, нарисованных на бумаге или выбитых и нарисованных на предметах мебели, два экземпляра, в которых поза была бы совершенно одинаковой. У нас даже профессиональные художники-живописцы склонны брать один-два эскиза и копировать их снова и снова, часто повторяя ошибки, равно как и достоинства, а японский художник слишком искренне любит свой предмет, чтобы опускаться до такого. День за днем он изучает свои живые модели, заполняет свою книгу набросками, сделанными быстро, но верно, и поэтому у него всегда под рукой запас подлинных и оригинальных поз. Чтобы показать, как великолепно японский художник может изобразить журавля, я привожу ниже [рисунки](#) некоторых прекрасных экземпляров из коллекции сэра Хоупа Гранта.

ПОДСВЕЧНИК И КАДИЛЬНИЦА. (Из коллекции сэра Хоупа Гранта.)

Читатель не может не заметить превосходного знания птицы, которое демонстрируют эти рисунки, а совершенство работы и тонкая отделка деталей почти вне всяких похвал. Ничто не может быть более верным природе, чем три изображенные здесь позы. В одном случае птица стоит прямо и созерцательно опирается на одну ногу, как и подобает ее виду. Во втором случае птица стоит на черепахе, и, поскольку шея у нее запрокинута, для опоры используются обе ноги. Затем, в летящей птице, тело которой служит кадильницей, положение расправленных крыльев и вытянутых ног так же верно природе, как и другие, все позы, несомненно, взяты из природы.

Фарфор японцев необычайно красив, а иногда украшен орнаментами, которые можно отнести к разряду "причуд". Например, чашка украшается изображением прогулочных лодок на реке. С помощью иголки можно приподнять крошечные окошки лодок, и тогда внутри окажется компания дам и джентльменов, пьющих чай. Иногда можно увидеть маленькую черепаху, спокойно сидящую на дне чашки, пока в нее не нальют горячий чай, тогда она поднимается на поверхность, тряся головой и брыкаясь лапками, как будто ей больно от горячей жидкости.

На японских картинах можно увидеть несколько любопытных фигур, выглядящих так, будто человека завернули в пучок камыша. Этот странный костюм - снежный плащ обычных японцев. Для простого дождя японцы обычно носят что-то вроде шинели из промасленной бумаги, очень тонкой, почти прозрачной, и очень эффективной, хотя и легко рвущейся. Но когда начинается снежная буря, японцы надевают другую одежду, которая делается столь же простым и эффективным способом.

Из сети делается своеобразный каркас, ячейки которого имеют диаметр около двух дюймов. На каждой точке сетки завязывается пучок растительного волокна, похожего на очень мелкую траву; толщина пучков в месте завязывания равна толщине обычного карандаша, а к концам они расширяются. Сделанная таким образом одежда очень легкая и отвечает своей цели самым замечательным образом. Пучки волокон, накладываясь друг на друга, как черепица в доме, удерживают снег вдали от тела, а любой снег, который может растаять, просто стекает по волокнам и падает на землю. Намочить этот снежный плащ насквозь практически невозможно, даже струя из садового двигателя не оказывает на него никакого

воздействия, разве что очень близко, в то время как никакое количество снега не сможет протащить каплю воды сквозь рыхлую структуру материала.

Японские шелка давно известны, но есть один вид, о котором почти ничего не известно в Англии. Во время миссии лорда Элгина в Японию членам посольства было подарено несколько рулонов шелка. Все они были в полосках длиной около трех ярдов и шириной в один, так что казалось, что они бесполезны. Однако они оказались чрезвычайно ценными, фактически бесценными, так как ни за какие деньги их нельзя было купить. Их делали изгнанные дворяне, которых в наказание отправляли на остров Фацицио, где они проводили время за изготовлением этих особенных шелков. Никому ниже определенного ранга не разрешается носить шелк, сотканный благородными пальцами, или даже иметь эту ткань в доме, и, как следствие, ни один кусок не попадает в магазины.

Тема японского искусства очень интересна, но на этом мы должны закончить наш обзор и перейти к следующим людям в нашем списке.

ГЛАВА CLVIII.

СИАМ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО-ОДЕЖДА-РЕЛИГИЯ.

ДВУЕДИНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО - ЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР КОРОЛЯ - ПОКОЙНЫЙ ПЕРВЫЙ КОРОЛЬ И ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД СИАМЦЕВ - СПОСОБ УКЛАДКИ ВОЛОС - ОДЕЖДА ОБОИХ ПОЛОВ - ЦЕРЕМОНИИ В СИАМЕ - АУДИЕНЦИЯ ЗНАТИ - АКТЕРЫ И ИХ КОСТЮМЫ - АКТРИСА В КОРОЛЕВСКИХ ОДЕЖДАХ - АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ЛОКОТЬ - МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ - СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ - РЕЛИГИЯ СИАМА - БЕЛЫЙ СЛОН И ПРИЧИНА ПОЧЕСТЕЙ, КОТОРЫЕ ЕМУ ВОЗДАЮТ - ВОЛОСЫ ХВОСТА - АРХИТЕКТУРА СИАМА - ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР.

В империи Сиам и зависимых от нее королевствах, Лаосе и Камбодже, мы находим принцип двойного правления, который мы уже видели в Японии, хотя в этих случаях различие между двумя королями - это просто различие в достоинстве, и не имеет ничего общего со светским и духовным элементом, как в Японии. В Сиаме оба короля в основном являются близкими родственниками, а часто и братьями; иногда, хотя и не всегда, второй король становится первым королем после смерти своего начальника. Практически вся королевская власть принадлежит первому королю, а второстепенные правители, хотя и имеют королевский ранг, являются не более чем первыми подданными в стране.

В Китае и Японии личный характер короля, похоже, оказывает незначительное влияние на народ. Совсем иначе обстоит дело в Сиаме, где влияние короля пронизывает все королевство и имеет бесконечное значение для добра или зла. Сиамцам очень повезло с королем, который в последнее время занимал первый трон. По обычаю сиамских королей, он провел несколько лет в буддийском монастыре, уединившись от всего общества, даже от собственных детей. В течение двадцати семи лет он посвятил себя учебе, которая, по его мнению, должна была подготовить его к будущему посту; и когда он взошел на трон в 1851 году, будучи около сорока семи лет от роду, он поразил всех своей образованностью. Он овладел историей и географией своей страны; он был достаточно хорошим астрономом, чтобы вычислять затмения и определять широту и долготу местности. Он так хорошо говорил и писал по-английски, что был ценным автором научных журналов Гонконга и, благодаря

своим трудам, был избран членом Азиатского общества. Он был хорошим знатоком латыни и французского, хорошо знал все диалекты Сиам и Индо-Китая, а также санскрит, который очень любил.

Он всегда стремился привлечь к себе англичан, которые могли бы дать ему наставления, и демонстрировал свое предпочтение Великобритании тем, что неизменно носил шапку Гленгари, за исключением торжественных случаев, когда ему приходилось надевать тяжелую национальную корону; и, как ни странно, если судить по нескольким фотографическим портретам короля в различных костюмах, шапка Гленгари подходит его лицу лучше, чем любой другой головной убор. Полное сиамское имя короля - Пхра Чомклау Чау Ю Хуа; но санскритская форма, которую он всегда использовал, была Сомдетч Пхра Парамендра Маха Монгкут. Обычно он подписывал свое имя как С. П. П. М. Монгкут. До вступления на трон его звали Чау Фа Яй. Смерть этого мудрого правителя и опытного джентльмена стала очень тяжелой утратой для Сиам и была воспринята даже научными обществами Европы.

На 1469-й странице приведен [портрет](#) этого замечательного человека в костюме, который он обычно носил. Шапочка Гленгари придает его лицу любопытный европеизированный вид; но поскольку, вопреки привычке сиамцев ходить с голой головой, он постоянно носил ее, он нарисован с ней на голове. У меня есть его портреты в нескольких платьях, но то, которое он обычно носил, я выбрал как наиболее характерное для этого человека.

Его брат, Чау Фа Ной, по всеобщему согласию стал вторым королем, или Ванкуа. Получив корону, он принял имя Сомдетч Пиу Клау Чау Ю Хуа. Выбор в обоих случаях был удачным: братья похожи друг на друга любовью к литературе и стремлением содействовать благополучию своего народа с помощью мирных, а не военных искусств.

Теперь перейдем к общему облику сиамцев.

Они довольно маленькие, но хорошо сложены, а их цвет - теплый оливковый. Волосы мужчин сбриты, за исключением хохолка на макушке, который держится довольно коротко; волосы черные и грубые, хохолок выглядит так, как будто на голову надели короткую щетку. По представлениям сиамцев, хохолок напоминает закрытый цветок лотоса. Этот хохолок пользуется огромным уважением, и если кто-то даже подает признаки приближения к хохолку великого человека, это считается либо смертельным оскорблением, либо признаком полного незнания манер. Когда молодой сиамец достигает совершеннолетия, ему бреют хохолок с большими церемониями: собирают всех родственников, приглашают священников, чтобы те прочитали молитвы и омыли голову юноши, а также привлекают все семейные ресурсы для участия в празднике. Точный момент бритья объявляется выстрелом из мушкета. После удаления хохолка юношу отправляют в пагоды для обучения у священников, и многие из них никогда не покидают этих тихих уединений, а вступают в ряды обычного священства.

Даже женщины носят головной убор, но в их случае волосам позволено отрастать до большей длины, их тщательно смазывают маслом и ухаживают за ними. Считается, что женский головной убор представляет собой раскрывшийся цветок лотоса. Голову покрывают редко, исключительным случаем является шапочка, которую носил король С. Пхра Монгкут. Что касается одежды, то сиамцы мало заботятся о ней, хотя великие люди носят самые дорогие одеяния по государственным случаям. Но даже самые высокие мандарины в теплые месяцы года довольствуются единственным одеянием, которое называется па-нунг. Это широкая полоса прочного индийского ситца, обычно с узором из звезд на фоне темно-синего, зеленого, красного или шоколадного цвета. Когда ее надевают, "сиамцы

прикладывают середину ее, распахнув, к небольшой части спины, огибая два конца вокруг тела, а верхние края, скрученные вместе, заправляют между телом и тканью. Свисающая часть складывается в крупные косички, пропускается между ног и заправляется сзади, как и раньше". (См. Bowring's "Kingdom and People of Siam").

Иногда у мужчин белая ткань свободно висит на плечах, а иногда они накидывают ее на голову. При прогулках под открытым небом для защиты от солнечных лучей используется широкополая шляпа из пальмовых листьев, которую носят представители обоих полов.

Различий в одежде полов очень мало. Когда девочки совсем маленькие, они носят легкий и воздушный костюм из порошка куркумы, который придает им насыщенный желтый оттенок и окрашивает все, с чем они соприкасаются. До десяти-одиннадцати лет они обычно носят легкий золотой или серебряный шнурок вокруг талии, из центра которого торчит сердечко из того же металла, а когда достигают совершеннолетия, переходят к обычному женскому платью. Оно состоит из ситцевой или фигурной шелковой обертки, которая, однако, опускается чуть ниже колен, и куса более легкого материала, перекинутого через одно плечо и под другое. Последний предмет одежды, однако, не имеет большого значения, и, даже если им пользуются, он часто спадает с плеча, и его не заменяют. Даже королева Сиам, когда она в государственном платье, не носит ничего, кроме этих двух предметов одежды. Ноги, как правило, голые, вышитые тапочки лишь изредка используются великими людьми.

О том, как выглядит король в своих королевских одеждах, можно судить по [портрету](#) знаменитой актрисы на следующей странице. В Сиаме, как и в Китае, актеры одеты в самом роскошном стиле и носят костюмы, сшитые по образцу тех, что носят королевские особы. По внешнему виду они ничуть не уступают настоящим платьям, ведь позолоту можно сделать не хуже чистого золота, а бутафорские драгоценности - крупнее и роскошнее настоящих. Читатель заметит, что на пальцах актрисы носят необычайно длинные накладные ногти, которые, как считается, указывают на то, что ногти под ними имеют пропорциональную длину.

Все актеры в королевском театре - его собственные женщины, которых у него около шести или семи сотен, а также в среднем по пять человек прислуги на каждую женщину. Ни одному мужчине не разрешается входить в этот отдел дворца, которым руководят дамы, выбранные из самых знатных семей страны. Все эти спектакли проходят в немом представлении, сопровождаемом музыкой, которая в Сиаме гораздо слаще, чем обычно в этой части света. Кроме главных актеров, в спектакле участвует не менее сотни сопровождающих, все они великолепно одеты. Спектакль продолжается *до бесконечности*. Когда кто-то из зрителей устает, они на время удаляются, а затем возвращаются, и считается комплиментом главному гостю спросить его, в котором часу он хотел бы прекратить спектакль.

КОРОЛЬ СИАМА.
(См. [стр. 1467.](#))

БРОНЕНОСЕЦ.
(См. с. 1460.)

АКТРИСА.
(См. с. 1468.)

Настоящая корона по форме очень похожа на шуточные украшения актрисы. Король принес для осмотра сэру Дж. Боурингу корону, использовавшуюся при его коронации. Она очень тяжелая, весит около четырех фунтов, и имеет огромную ценность, будучи покрыта ценными бриллиантами, а тот, что завершает пик, очень большого размера и великолепия. Король также продемонстрировал государственный меч с золотыми ножнами, усыпанными драгоценными камнями. Когда меч вынимают, видно, что он двойной: одно лезвие вставляется в другое, как во вторые ножны. Внутреннее лезвие стальное, а внешнее - из более мягкого металла. Рукоятка деревянная, и, как и ножны, обильно украшена драгоценными камнями.

Сиамцы - один из самых церемониальных народов, и в этом отношении они равны, если не превосходят, китайцев и японцев. Сам их язык представляет собой ряд форм, с помощью которых люди разного ранга обращаются друг к другу; и хотя между дворянином и крестьянином может не быть различий в одежде, разница в ранге обозначается гораздо сильнее, чем это можно было бы сделать с помощью простой одежды. Например, в соответствии с этикетом, человек низшего ранга должен всегда держать голову ниже головы своего начальника.

Если человек низкого ранга встречает дворянина, первый опускается на расстояние тридцати или сорока ярдов, опускается на колени при приближении начальника и, наконец, падает перед ним ниц. Если он хочет поднести что-либо своему начальнику, он должен сделать это, толкая его по земле, и, более того, должен внешне исполнить формальный способ обращения, в котором он уподобляет себя червяку. Как крестьяне пресмыкаются перед дворянами, так и дворяне перед королем; и если у кого-то из них есть прошение, он должен положить его в кувшин и ползти и толкать его по земле так же смиренно, как если бы он был простым крестьянином. Сиамские художники любят изображать различные способы приближения к начальнику, и никогда не забывают обозначить великого человека двумя точками. В первом случае он сидит прямо, в то время как остальные приседают, а во втором - опирается на левую руку и сгибает левый локоть внутрь. Эта самая странная и некрасивая поза - признак высокого происхождения и воспитания: дети обоих полов обучаются выворачивать локтевой сустав в самом раннем возрасте.

Как и следовало ожидать от прогресса цивилизации, у сиамцев есть довольно полный свод законов, которые управляются регулярно назначаемыми офицерами. Законы довольно суровые, хотя и не намного более суровые, чем наши столетие назад. Убийство, например, карается смертью; и в каждом случае убийства или самоубийства дома, находящиеся в радиусе восьмидесяти ярдов от места, где было совершено преступление, считаются ответственными и облагаются крупным штрафом. Этот любопытный закон заставляет людей быть очень осторожными в ссорах и пресекать их до того, как два противника станут достаточно раздраженными, чтобы добиваться жизни друг друга. Такое уважение к человеческой жизни сильно контрастирует с полным безразличием, с которым к ней относятся в Китае и Японии.

Дворяне очень высокого ранга освобождаются от смертной казни, то есть их кровь не может быть пролита; но, если они виновны в смертном преступлении, их кладут в мешки и забивают до смерти дубинками из сандалового дерева. Некоторые наказания предназначены для того, чтобы нанести бесчестье. Например, так поступают с бонзой или священником, которого уличили в нарушении обета целомудрия. Его отводят в публичное место, срывают с него священное желтое одеяние, бьют до тех пор, пока кровь не потечет по спине, а затем держат в королевских конюшнях до конца жизни, чтобы он косил траву для слонов.

Аналогичному наказанию подвергаются и миряне. На шею ему надевают кангас, руки и запястья сковывают цепями, и его водят по городу под аккомпанемент барабанов и цимбал. Самое страшное в этом наказании то, что его заставляют громко объявлять о своем преступлении, когда он проходит по улицам; если он перестает это делать или понижает голос, его жестоко избивают плоской стороной меча. Заключенные в основном заняты на общественных работах, а на ночь их всех сковывают одной длинной цепью.

О религии сиамцев невозможно рассказать, поскольку буддизм - слишком обширная и запутанная тема, чтобы обсуждать ее на нескольких страницах. Однако есть одна модификация этой религии, которую необходимо упомянуть, а именно божественные почести, воздаваемые Белому слону.

Сиамцы считают этих животных воплощениями будущего Будды и относятся к ним с глубочайшим уважением. Счастливчик, поймавший белого слона, отправляет весть об этом в столицу, и в обмен на благоприятное известие отныне освобождается вместе со своим потомством от всех налогов и воинской повинности. Через лес прокладывают дорогу, а на реке Мейнам строят великолепный плот для приема священного животного. Когда слон достигает плота, его берут на борт под великолепным балдахином и поддерживают в хорошем настроении подарками в виде пирожных и сладостей. Тем временем знатный вельможа самого высокого ранга, иногда даже сам Первый король, выезжает на государственной барже навстречу слону, сопровождаемый множеством лодок с флагами и музыкой, и провожает священное животное в столицу, причем каждая лодка старается прикрепить к плоту веревку. По прибытии животное отвозят во дворец, где ему присваивают какой-нибудь высокий титул, а затем ведут в приготовленный для него великолепный дом, где до конца жизни его гладят, балуют и делают все по-своему, а сам король считает за честь, если священное животное соизволит покормиться с его руки. На голову слона надевают королевскую корону, бивни обхватывают драгоценными кольцами, а когда он идет купаться, над ним несут королевский зонт.

Когда животное умирает, волосы из хвоста сохраняются как реликвия божественного воплощения, а тело хоронят с королевскими почестями. Волосы хвоста вставляются в золотые ручки, обильно украшенные драгоценными камнями; читатель, возможно, помнит, что первый король Сомдетч Пхра Монгкут послал один из этих хвостов королеве Виктории в качестве бесценного доказательства того, как высоко он ее ценил. Король также подарил послу, сэру Дж. Боурингу, несколько волосков из хвоста в качестве подарка, примерно равного подвязке в Англии, а когда, к большому горю нации, слон умер в 1855 году, король послал сэру Дж. Боурингу, как еще один знак своей благосклонности, небольшой кусочек шкуры, сохраненный в винном спирте.

Цвет слона на самом деле не белый, а какой-то бледный, как кирпичная пыль, красный. Сиамцы почитают животных-альбиносов всех видов: белая обезьяна стоит в одном ряду с белым слоном. Это почитание настолько заметно, что талапоин - своего рода проповедник-факир, который не соизволит приветствовать самого короля, смиренно кланяется, если видит даже белого петуха, не говоря уже о белой обезьяне.

Архитектура Сиама заслуживает краткого упоминания. Она обладает некоторыми чертами китайской, японской и бирманской, но при этом имеет специфический для себя аспект. Обычные дома имеют сравнительно небольшие размеры, но храмы часто бывают огромных размеров, и в своем роде они необычайно красивы. Они полны высоких двускатных крыш, пять или шесть из которых часто возвышаются друг над другом в фантастической красоте, чтобы вести взгляд вверх к центральной башне. Это всегда своего рода шпиль или пинакль,

состоящий из череды этажей и завершающийся тонкой эмблемой суверенитета, а именно орнаментом, похожим на ряд расставленных зонтиков, расположенных друг над другом и становящихся все меньше и меньше по мере приближения к вершине. Вся башня обильно украшена гротескными статуями в странных позах, и едва ли найдется квадратный фут, который не был бы украшен тем или иным образом.

Дворцы построены примерно по той же модели, а их ворота часто охраняют гигантские фигуры, высеченные из камня. У дверей Зала аудиенций в Бангкоке стоят две фигуры из гранита. Они достигают шестидесяти футов в высоту и изображают мужчин с хвостами рыб, выступающими из позвоночника. По сути, это почти точные копии ассирийского Дагона, как он изображен на ниневийских скульптурах.

Погребальная куча, на которой сжигают тело царя или кого-либо из царской семьи, построена по тому же принципу, что и храмы, и по сути является храмом, хотя и сделана из горючих материалов. Передо мной фотография погребальной кучи, которая была сделана для тела сына Первого короля, и фотография кучи, возведенной для сожжения тела его жены. По внешнему виду они очень похожи: это храмы из дерева и холста, покрытые позолоченной бумагой. Их высота составляет около ста двадцати футов, и на фотографии, где не показан характер материала, они выглядят как великолепные образцы сиамской архитектуры.

В центре возвышается центральный шпиль с королевской эмблемой, а вокруг него громоздятся фронтоны, крыши, пинакли и колонны в умопомрачительном изобилии.

Дверь охраняют две гигантские статуи, а тело лежит в центре здания, скрытое занавесками. Из-за хрупкости материалов ко всем пинаклям прикреплены легкие веревки, которые крепко привязаны к земле, так что они действуют как "подпорки" корабельной мачты. Дерево, бумага и холст, из которых сделано сооружение, легко воспламеняются, но еще больше они пропитываются маслом, смолой и подобными горючими веществами. Поэтому, как бы ни было велико здание, достаточно совсем немного времени, чтобы оно сгорело, и сильный жар превращает труп в груды пепла, который собирают вместе и торжественно помещают в специально отведенный для этого храм.

ГЛАВА КЛИКС.

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА.

ЖИТЕЛИ ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕР.

ОБНАРУЖЕНИЕ ЖИЛИЩ И РЕЛИКВИЙ - СПОСОБ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛИЩ - НАСЕЛЕНИЕ ОЗЕР - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РЕЛИКВИЙ.

Многие из моих читателей, возможно, знают о замечательном открытии, которое было сделано в 1853-4 годах и показало, что даже в Европе когда-то жила раса людей, имевших точно такие же привычки, как обитатели болот Новой Гвинеи или озер Маракайбо на Амазонке. В зимние месяцы тех двух лет погода в Швейцарии была очень сухой и очень холодной, так что реки не получали своего обычного запаса воды. Вследствие этого вода в озерах упала гораздо ниже обычного уровня, и это позволило обнаружить тот примечательный факт, что в этих озерах когда-то находились человеческие жилища, построенные на сваях, вбитых в дно озера.

Эти дома, правильно названные "Pfahlbauten", или "Pile-buildings", были, как следует из их названия, построены на сваях; и это очень интересный факт, что были обнаружены не только

сваи, на которых были построены дома, но и фрагменты стен этих домов; многие образцы оружия и орудий жителей, их украшения и даже их пища, были обнаружены после того, как были похоронены на протяжении веков под водой.

Сходство, если не сказать идентичность, между многими предметами, найденными под водами швейцарских озер, и теми, которые до сих пор используются дикими племенами Западного полушария, совершенно поразительно; и не менее примечательным моментом в реликвиях, которые только что были обнаружены, является то, что некоторые из них идентичны изобретениям, которые мы с нежностью считаем современными.

Основная часть этих озерных жилищ была построена во время каменного периода, *то есть* периода, когда топоры, наконечники копий и т.д. изготавливались из камня, а использование огня было неизвестно. Об этом свидетельствует количество каменного оружия и орудий труда, найденных в озерах. О том, что в архитектуру вносились различные усовершенствования, свидетельствует и разница в деталях строительства.

По найденным реликвиям легко понять, что представляли собой эти озерные жилища. Они строились на подмостках из свай, вбитых в дно озера и соединенных поперечными балками так, чтобы получился фундамент для платформы. На этой платформе и были построены хижины. В основном они имели круглую форму, а стены были сделаны из плетня, защищенного от непогоды глиной, которую можно было достать в любом количестве со дна озера.

Причина строительства этих сооружений аналогична тому чувству, которое побуждает военных инженеров окружать свои крепости рвами, наполненными водой. В те первобытные времена человек вел неравную войну с дикими животными, такими как медведь, волк и кабан, и, как следствие, эти озерные жилища оказались крепостями, которые эти враги не могли взять. Естественно, что люди, которым угрожала такая опасность, собирались вместе, и в результате только на одном озере, Нейфшательском, скопилось около пяти тысяч человек.

Из озер было извлечено огромное количество реликвий этой ушедшей эпохи, которые представляют огромный интерес для антрополога. Прежде всего, были обнаружены оригинальные сваи, которые до сих пор стоят, и несколько из них были зарисованы, чтобы определить глубину, на которую они были вбиты. Также были найдены части плетеных стен хижин, а также большое количество каменных орудий, что свидетельствует об очень раннем возрасте. Также было найдено большое количество керамики, излюбленным орнаментом которой был полумесяц, и несколько предметов посуды полумесячной формы.

Затем, с течением времени, люди усовершенствовали свои ранние работы и перешли к металлу вместо камня, в качестве примера можно привести замечательную серию металлических предметов, найденных в озерах. Это топоры, копья и наконечники стрел, ожерелья, браслеты и заколки для волос, и, что особенно примечательно, тот самый предмет, который несколько лет назад был запатентован как "Безопасная булавка" для детских садов.

Что касается пищи, которую употребляли эти люди, то у нас есть множество доказательств в виде костей различных животных, и, что самое удивительное, были обнаружены образцы хлеба. Как можно предположить, хлеб, о котором идет речь, был максимально грубым: зерна кукурузы обжаривались, слегка измельчались, а затем спрессовывались в комки, которые из вежливости можно назвать лепешками. Даже фрукты были найдены уже разрезанными и подготовленными к употреблению, яблоко - самый распространенный из них. Были найдены

семена различных фруктов, таких как слива, малина и ежевика, а также скорлупа лесных и буковых орехов, что свидетельствует о том, что все эти различные фрукты использовались в пищу в давние времена, которые теперь так давно прошли.

ГЛАВА CLX.

АФРИКА - продолжение.

МАКОНДЕ.

ДР. ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЛИВИНГСТОНА - МАКОНДЕ - ДЖУНГЛИ - ТУЗЕМЦЫ, ГОТОВЫЕ РАБОТАТЬ - ИХ ПИЩА - ЧИСЛЕННОСТЬ СОКРАТИЛАСЬ ИЗ-ЗА РАБОТОРГОВЛИ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД - МАКОНДЕ БЕЗ ВЕРХОВНОГО ВОЖДЯ - МЕТАМБВЕ - МАТУМОРА ИХ ВОЖДЬ - ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ - ТАТУИРОВКА - ДОЖДЬ, ПОЧТИ НЕ ИЗВЕСТНЫЙ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ - МАКОА, ИЗВЕСТНЫЙ ПО ФИГУРЕ ПОЛУМЕСЯЦА - СОЗДАТЕЛЬ ДОЖДЯ - ДЕРЕВНИ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ЧИСТОТОЙ - КЕРАМИКА, КАК ЕЕ ДЕЛАЮТ - НЕОБЫЧНЫЙ ОБЫЧАЙ.

Когда эта работа была опубликована, знаменитый исследователь, доктор Дэвид Ливингстон, так много сделавший для открытия цивилизованному миру великого африканского континента, исчез в его недрах. В начале 1866 года он отправился из Занзибара, расположенного на восточном побережье, в путешествие, которое завершилось его смертью в деревне Илала в апреле 1873 года. Благодаря провидению, сохранившему его дневник, мы можем ознакомиться с результатами его исследований и узнать о племенах и народах, которые он посетил и описал столь правдивым и увлекательным пером.

Незначительная часть этой работы взята из путешествий доктора Ливингстона. Поэтому представляется важным, чтобы его вклад в познание нецивилизованных рас, сделанный после выхода этой работы, был приложен к ней, насколько позволит место.

В марте 1866 года доктор Ливингстон, покинув Занзибар, прибыл в залив Микиндани, который находится примерно в двадцати пяти милях к северу от реки Ровума. Отправившись из Пембы, расположенной на северной стороне залива, 4 апреля он вступил в страну маконде.

Путь пролегал по долине, с каждой стороны которой тянулись поросшие лесом возвышенности; из-за высокой травы, возвышающейся над головой, то и дело продирающихся джунглей и отсутствия воздуха вступление в семилетнее путешествие было трудным и угнетающим.

При прохождении через джунгли, хотя они и не представляли препятствий для пеших пассажиров, приходилось поднимать и расширять тропы для рослых верблюдов. Жители деревни Маконде охотно помогали Ливингстону в этой работе в качестве дровосеков или носильщиков. Он организовал отряд из десяти веселых молодых людей, платя каждому по ярду бязи в день. Привыкшие расчищать места для своих садов, они работали с желанием. Их вполне устраивало небольшое вознаграждение. С помощью томагавков под их уверенными и энергичными ударами, как тучи перед солнцем, исчезали непролазные заросли и молодые деревья. Однако эта работа утомляла их за два-три дня. Самые высокие мужчины изнемогали быстрее всех. Не будучи мясоедами, если только кому-то

посчастливилось убить дикого борова или антилопу, их физические силы не выдерживали длительной тяжелой работы. Они не едят плоть зверей, таких как леопард и лев, которых охотно едят другие племена, и причина этого в том, что эти животные пожирают людей. Такой факт опровергает утверждение о том, что это племя виновно в каннибализме.

На открытых пространствах были разбиты сады для выращивания маиса, маниоки и сорго. Почва очень плодородна и не имеет камней, что позволяет получать очень большие урожаи этих продуктов. Кусты маниоки вырастают до шести-семи футов в высоту. Еды очень много и она дешевая. Незадолго до визита Ливингстона их опустошили мазиту, которые увели многих из их жителей в рабство. За три месяца до этого мехамбве, ветвь племени маконде, также подверглась вторжению и лишилась всего продовольствия, так что были вынуждены отправляться во все стороны за провизией.

Маконде сильно уменьшились в численности после введения работорговли: одна деревня воюет с другой, похищая как можно больше людей, чтобы продать их арабским работорговцам. Болезни и смерть они приписывают ведьмам, и когда один из жителей деревни умирает, все жители уходят, говоря: "Это плохое место". Они молятся своим матерям, когда умирают или их настигает какое-либо несчастье. Сомалийский проводник Ливингстона, Бен Али, рассказывал, что они не имеют представления ни о божестве, ни о будущем государстве и не верят ни во что, кроме медицины. Все старосты деревень притворяются или действительно являются врачами. Ливингстон, однако, обнаружил у них некоторое осознание существования Бога. Они добывают большое количество камеди, которая привлекает прибрежных арабов как предмет торговли. Люди верят, что поблизости от кумбе, или эвкалиптовых деревьев, стояли более древние деревья, которые должны были сбросить свою камедь на землю. Поэтому они копают ее, а в качестве причины неудачи в любой момент приводят следующую: "Если копать, то в один день ничего не найти, но Мулунгу (Бог) может дать нам ее на следующий".

Бханг, который является разновидностью конопли, не курят, а только табак. Они не разводят ни овец, ни коз, а только птиц, голубей и уток. Меда так много, что за два ярда бязи давали галлоновую кастрюлю и четырех птиц. Один из способов приветствия - взять друг друга за руки и сказать: "Ай! Ай!", но более распространенный обычай - взять за правую руку и сказать: "Мархаба" (добро пожаловать).

Все маконде независимы друг от друга и не имеют верховного вождя. Их физические характеристики - хорошо сформированные конечности и тело, маленькие руки и ноги, средний рост и мужественная осанка. Губы полные, но не слишком толстые; лбы компактные, узкие и низкие; *alæ nasi* расширены вбок.

ПЛЕМЯ МАТАМБВЕ.

Матамбве, чья страна простирается до Нгомано, по-видимому, являются ветвью маконде и очень многочисленны. Их страна простирается далеко на юг, изобилует копаловыми деревьями и слонами.

Матумора, вождь из Нгомано, был высоким, хорошо сложенным мужчиной с суровым выражением лица из-за морщин на лбу. По характеру он значительно превосходит других вождей. К нему часто прибегают для защиты от притеснений. На него со всех сторон

нападали охотники за рабами, но он никогда не брал пленных и не участвовал в работорговле. По отношению к Ливингстону и его отряду он проявил обычную вежливость. Он провел их через реку Лоенди. Сидя на берегу реки, пока все их вещи не были перевезены, а затем переправившись вместе с Ливингстоном на том же каноэ, он открыл в плотине корзину для рыбы и отдал Ливингстону ее содержимое, а затем немного сорго. А ведь незадолго до этого у него отобрали всю кукурузу во время нападения мазиту, и он был вынужден укрыться на Марумбе, скалистом острове в Ровуме. До встречи с Ливингстоном он никогда не видел европейцев.

Когда Матумору спросили, верят ли матамбве в Бога, он ответил, что "не знает его, а людей нельзя спрашивать, молятся ли они ему, потому что они могут подумать, что я желаю им смерти. Когда они молятся, то сначала предлагают немного еды". Они очень почитают Божество и говорят: "Мы его не знаем", чтобы не говорить непочтительно, так как это может повредить стране. Их зовут "Мулунгу". Мачочера, главный человек, сказал потом, что "Бог не добр, потому что он убивает так много людей".

Знаки на лбу и теле служат для украшения и придания красоты танцу; они также имеют своего рода геральдическое значение, поскольку по ним можно определить, к какому племени или части племени принадлежит человек. Татуировка или тембо у матамбве из Верхнего Маконде очень похожа на рисунки древних египтян: волнистые линии, которыми древние обозначали воду, деревья и сады, заключенные в квадраты. Татуировка передавалась от отца к сыну, но ее смысл, похоже, уже утрачен. Она очень хорошо видна на людях со светлым цветом лица, которые довольно часто встречаются среди этих племен.

Матамбве подпиливают передние зубы до точек, а мачинга, племя вайяу, оставляют две точки на передних зубах и выбивают один из средних резцов сверху и снизу.

Примечательно, что торговля ромом почти неизвестна на восточном побережье Африки, хотя она так распространена на западном. Не исключено, что религиозные убеждения арабов оказали влияние на этот результат. Португальцы к югу от мыса Дельгадо - олицетворение наемничества и подлости. Они даже "продадут своих дедушек так же хорошо, как ром", - резко говорит Ливингстон, - "если смогут заработать на этом". Они построили винокурни для изготовления мерзкого ликера из плодов кешью и других фруктов и зерен, но дело провалилось. Они снабжают своих рабов "mata bicho", что означает "убить тварь" или "жажда внутри", и туземцы пьют его, если им дают; но нет такой страсти к опьяняющим напиткам, чтобы сделать производство выгодным. Употребление рома, столь часто встречающееся во всех политических сделках на Западном побережье, не имеет аналогов у вождей Восточного побережья.

ПЛЕМЯ МАКОА.

Одна часть маконде, известная как макоа или макоане, отличается фигурой полумесяца, вытатуированной на лбу или в другом месте. У многих мужчин на лице вытатуированы двойные рельефные линии длиной около полудюйма. В надрезы втирают древесный уголь и выдавливают плоть, чтобы надрезы возвышались над поверхностью. Это придает им уродливый и свирепый вид. Однако люди отличаются доброжелательностью и оказывают услуги без видимой цели получить вознаграждение в виде бязи и бус. Они находятся в постоянном страхе перед нашествием махиба из-за Ровумы, которые крадут их женщин для

невольничьего рынка Ибо. Невозможно осознать, какой ужас внушают молодым и старым эти мазиту: стоит им взмахнуть щитами, и люди в ужасе разбегаются, как испуганные овцы.

В деревне Ньямба знахарка, вызывающая дождь, преподнесла большую корзину сороко, или "мунг", как его называют в Индии, и птицу. Ее высокая фигура с тонкими пропорциями была обильно покрыта татуировками, а бедра и ягодицы были искусно выделены. В обнажении этих частей тела не было ничего постыдного. Женщины, как и мужчины, с удовольствием украшают себя татуировками.

Деревни отличаются чистотой, а люди - умом, добротой и вежливостью. Один из них начал говорить во время религиозной службы, но когда Ливингстон произнес "Кусома млунгу", "Мы хотим помолиться Богу", он тут же замолчал, и все замолчали и почтительно поклонились. Похоже, что они свободны от унижительной и жестокой порочности, эгоизма и вероломства, которые присущи многим варварским племенам в Африке и других странах.

Каменная печь этим племенам неизвестна, но печи делают в муравейниках. Для запекания голов крупной дичи, например зебры, ног слона и горбов носорога, они выкапывают ямы в земле. Огонь добывают сверлением между ладонями - обычай, распространенный среди туземцев. Они смачивают тупой конец вертикальной палки языком, чтобы при погружении в песок к нему прилипли частицы слюны, и затем вставляют ее в горизонтальную палку. Обычно используется древесина дикой смоковницы, так как она легко воспламеняется.

Гончарные изделия для приготовления пищи и других целей изготавливают женщины, причем форма создается на глаз, без использования каких-либо машин. Сначала делается основание или дно, глину скребут куском кости или бамбука. Оставив сосуд сохнуть на ночь, на следующий день к ободку добавляют кусок, а по мере высыхания и благоприятности воздуха можно добавить несколько кругов. Затем все тщательно разглаживается и готово к тщательной сушке на солнце. Обычно горшки украшают на два-три дюйма возле обода, прежде чем они затвердеют. Орнамент имитирует плетение корзин.

По-видимому, гончарное искусство было известно африканцам с древнейших времен, поскольку его фрагменты повсеместно обнаруживаются среди древнейших ископаемых костей страны.

Возле многих деревень можно увидеть согнутую палочку, оба конца которой воткнуты в землю. Под ней зарыто множество лекарств. Если в деревне случается болезнь, мужчины идут на это место, умываются водой с лекарством, пролезают под палочкой, а затем закапывают лекарство и, как они думают, злое влияние тоже. Считается, что жезл защищает от злых духов, врагов и диких зверей.

ГЛАВА CLXI.

АФРИКА - продолжение.

ВАЙЯУ.

ИХ ЛЮБОПЫТСТВО - ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН - ПРИЕМ МАТАКИ У ЛИВИНГСТОНА - ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЭТОГО ВОЖДЯ - ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА РАБОТОРГОВЛЮ - ВАЙЯУ - ДОБРОВОЛЬНЫЕ АГЕНТЫ АРАБСКИХ РАБОТОРГОВЦЕВ - СЛУЧАЙ, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ УЖАСНУЮ НЕПРАВОТУ ЭТОГО БИЗНЕСА - СПАСЕНИЕ ЛИВИНГСТОНОМ АКОСАКОНЕ -

ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ - СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОДУКТЫ СТРАНЫ - ПОЧЕТНАЯ РАБОТА СРЕДИ ВАЙЯУ - ИХ ЛИЧНЫЙ ОБЛИК.

Страна, занимаемая этим племенем, несколько гориста, и земля, на протяжении мили спускающаяся к южному берегу Ровумы, изобилует огромным количеством населения. Когда Ливингстон проезжал через этот район (1 июля 1866 года), некоторые из них рубили деревья и сжигали их, чтобы разбить сады; другие перевозили свое зерно, которого у них накопилось огромное количество, на новые места.

Вайяу, как племя, отличаются большим любопытством, разглядывают незнакомцев, а иногда проявляют большую грубость. Большие толпы людей приходили поглазеть на Ливингстона и его отряд, раздражаясь смехом над замечаниями, которые делались по поводу внешнего вида и поведения их гостей. Они собирались вокруг его палатки, чтобы заглянуть в нее. Это грубое любопытство было очень назойливым, и унять его можно было только одним способом: внезапно поднявшись на ноги, женщины и дети бросались врассыпную.

Внешне женщины крепкие и хорошо сложенные, с крупными конечностями. Из украшений в моде синие и черные бусы, а на руках - катушки из латунной проволоки. Эти люди стараются как можно ближе копировать арабов в одежде и жевать табак с известью "нора" вместо орехов бетеля. Однако некоторые стремятся к аляповатым принтам, хотя племена, живущие в глубине страны, предпочитают в тканях, которые они покупают, скорее прочность, чем показуху.

Город Матака, одного из мелких вождей вайяу, расположен в возвышенной долине на высоте около двадцати семисот футов над морем и окружен горами. Когда Ливингстон был там, он состоял примерно из тысячи домов. Рядом было много других деревень.

Матака заставил Ливингстона ждать на веранде своего дома и, наконец, появился, добродушно улыбаясь. Ему было около шестидесяти лет, одет он был как араб. Похоже, он обладал немалым чувством юмора, так как его люди часто встречали его замечания смехом. Его любезность проявилась в том, что он выделил Ливингстону большой квадратный дом для проживания и присылал ему щедрые пожертвования в виде каши, мяса и молока.

Несколько его людей без его ведома отправились в Ньяссу и во время вылазки угнали скот и людей; когда же они вернулись с добычей, Матака в категоричной форме приказал отправить всех обратно. Вскоре после этого он пришел к Ливингстону и рассказал о своем поступке. Ливингстон ответил, что это "лучшая новость, которую он слышал в стране". Обрадованный этим свидетельством, он обратился к своим людям и спросил, слышали ли они, что сказал белый незнакомец среди них. Затем он повторил замечание Ливингстона и добавил: "Вы, глупые ребята, считаете, что я не прав, восстанавливая пленников, но все мудрые люди одобряют это". Затем он сурово упрекнул их за неблагоприятное поведение. Ливингстон подарил Матаке безделушку на память о его благородном поведении по отношению к ньасе. Тот ответил, что всегда будет вести себя подобным образом. Его поведение, несомненно, заслуживает самой высокой оценки, поскольку оно было спонтанным и противоречило обычаям других вождей и преобладающему духу народа. Однажды он спросил Ливингстона, что ему следует взять с собой, чтобы получить немного золота, если он отправится в Бомбей. Ответ был таков: "Слоновую кость". Он возразил: "А разве рабы не будут хорошей спекуляцией?". Ответ был таков: "Если вы повезете туда рабов на продажу, вас посадят в тюрьму". Мысль о том, что он находится "в мерзости", была не вполне совместима с его сознанием личного достоинства и превосходства; и когда его лицо опустилось, смех его людей, слышавших сказанное, был обращен против него. Для этих почти беззащитных людей, знакомых со сценами грабежа и варварства, было в новинку

слышать такие протесты против воровства и продажи других в рабство. Они были готовы считать высказывания Матаки остроумными и одобрять их, но им доставило немалое удовольствие, когда он был ранен резкой репликой Ливингстона. Вероятно, они имели лишь смутное представление о вине движения, но страдания и гибель людей, свидетелями которых они стали, и все это, возможно, в любой день могло стать их собственным горьким опытом, ставили вопрос о личной безопасности, и эту мысль они вполне могли осознать.

Матака, хотя сейчас, в преклонном возрасте, желал покоя, активно участвовал в войнах с рабами. Вайяу, как правило, являются самыми готовыми соратниками работорговцев в их гнусном деле. Арабские купцы, прибывшие в деревню вайяу, показывают привезенные товары старейшинам, которые велют им задержаться и развлечься.

Это означает, что скоро будет найдено достаточно рабов, чтобы заплатить за товар. Предпринимается набег на манганджу, мирное, не склонное к войне племя, у которого мало оружия. Вайяу, снабженные арабами оружием, легко справляются со своей задачей, и караван пополняется пленными мужчинами и женщинами для невольничьего рынка.

Люди Матаки также не всегда нападают на людей. Маканджела, другой вождь вайяу, находящийся примерно в трети пути от Мтенде до Матаки, не имея возможности добраться до Манганджи, похищает у Матаки людей, если кто-то из его племени оказывается за пределами их собственного округа. Он лишился дружбы всех своих соседей, грабя их и продавая их людей. Всех, кто по какой-либо причине пересекает их границы, захватывают и продают, и так возникает ожесточенная вражда, которая усугубляется частыми набегами.

Следующий инцидент дает представление о широко распространенном и страшном проклятии африканских племен - работорговле; он также иллюстрирует поведение Ливингстона и его единодушный протест против этой торговли, куда бы он ни отправился. Хотя мы более подробно рассмотрим этот вопрос в другой главе, упомянутое обстоятельство может занять достойное место здесь.

Однажды утром, как рассказывает Ливингстон, когда он и его спутники продолжали свой путь, к ним громко обратилась хорошо одетая женщина, на шее которой только что была закреплена тяжелая палка для укрощения рабов. Она с таким достоинством и серьезностью рассказывала о жестокой обиде, причиненной ей, что все остановились, чтобы выслушать ее. Она была близкой родственницей Чирикаломы и направлялась вверх по реке, чтобы встретиться со своим мужем, когда старик, в доме которого она находилась в плену, схватил ее, отобрал слугу и привел в то беспомощное и униженное состояние, в котором ее впервые увидел Ливингстон. В оправдание своего поведения похититель сказал, что она убегала из Чирикаломы, и он был бы недоволен, если бы ее не отдали ему.

Присутствие поблизости нескольких работорговцев привело Ливингстона к убеждению, что ее схватили, чтобы продать им. Поэтому он дал старику кусок ткани, чтобы тот умиловил Чирикалому, если тот обидится, и велел ему сказать, что Ливингстону стыдно видеть одну из своих родственниц в рабстве, и он отведет ее к мужу. Он также объяснил старостам деревни свой поступок и послал гонцов к Чирикаломе, чтобы тот не понял происходящего неправильно.

Внешний вид женщины и ее многочисленные бусы свидетельствовали о том, что она была леди в своем племени. Ее высокий дух проявился и тогда, когда после освобождения она вошла в дом своего похитителя, чтобы забрать корзину и калабаш, несмотря на сопротивление вирагообразной жены старика. Но все ей сочувствовали, и она вышла победительницей. Во время всего путешествия Акосаконе (так ее звали) вела себя как леди,

была скромна во всем и спала у костра отдельно от мужчин. В каждой деревне она вызывала сочувствие людей, рассказывая о нанесенном ей грубом оскорблении. Она также оказала большую услугу Ливингстону и сполна отблагодарила его за вмешательство в ее дела. Обладая прекрасным умом, она могла купить в два раза больше еды, чем любой из мужчин, имея такое же количество ткани. Если против Ливингстона или его людей пытались совершить какую-либо несправедливость, она выступала в их защиту, а когда требовались носильщики, она добровольно несла на голове мешок с бусами. Ее муж был братом Чимсеи, вождя, с которым она познакомила Ливингстона и побудила его быть щедрым по отношению к путешественникам за оказанную ей большую услугу. Когда они с Ливингстоном расстались, она выразила свою благодарность, и было очевидно, что доброта, оказанная ей при спасении от рабства, не была ни недооценена, ни незаслужена.

К северо-востоку от Моэмбе Ливингстон обнаружил обширный участок ценной земли, сохранивший многочисленные свидетельства того, что когда-то здесь проживало очень большое железнорудное и сельскохозяйственное население. Глиняные трубки, которые вставляли в сопла своих мехов, встречаются повсюду. Гряды, на которых сажали бобы, маниоку, кукурузу и сорго, видны до сих пор и свидетельствуют о трудолюбии жителей. Куски разбитой керамики с ободками, украшенными грубыми узорами в подражание плетению корзин, свидетельствуют о ручной работе женщин.

Крупный рогатый скот в этом регионе - мелкая порода с различными окрасами, и его молоко очень ценится вайяу. Овцы, как правило, черного цвета, но крупные по размеру. У этого племени нет других полезных домашних животных, кроме птиц и голубей, если только в эту категорию не включить жалких деревенских кур, которых можно встретить повсюду. Плодородие почвы проявляется в огромных размерах ее продуктов. Сладкий картофель становится очень большим, и его так много, что Ливингстон купил два груза за три локтя и две иглы. Кукуруза вырастает до удивительных размеров: один початок содержит шестнадцать сотен семян. Характер почвы, прохладный климат, обилие воды и возможность строить квадратные дома делают этот регион одним из самых приятных для проживания. Это возвышенная и привлекательная страна, примерно на тридцать четыре фута выше уровня моря.

К югу от озера Ньясса Ливингстон посетил еще одного вождя, Мукате. Он, а также Мпонда и Кабинга были единственными вождями вайяу, которые в то время занимались работорговлей и периодически совершали набеги на Манганджу и Марави. Деревня Мукате находится на высоте около восьмисот футов над озером. Высоты, насколько хватало глаз, были покрыты деревьями, а население, хотя и очень многочисленное, казалось, жило в изобилии. Дом Мукате и других вождей вайяу - квадратные здания, основательные и удобные. Он и все его люди носят бороду, уложенную на подбородке, на арабский манер.

Ливингстон долго беседовал с этим вождем о работорговле. Варварство и ужасы этого бизнеса, столь заметные всем по разбросанным по дороге черепам, опустевшие деревни, страдания тех, кто погибает в пути к побережью, совершенные убийства - все эти страшные злодеяния Мукате пытался отвергнуть со смехом, как будто они не имеют большого значения; но совесть его была не совсем мертва, и его люди, многие из них, очень хотели, чтобы он прекратил свои набеги в интересах работорговцев Килвы.

Религиозные представления этого народа очень грубы. Согласно их традициям, они пришли с запада, и их предки научили их плести сети и ловить рыбу. Никаких моральных наставлений, похоже, не передавалось, и у них нет представления об учителе, стоящем над ними. Не имея ни одной книги и никогда не слышав о таких вещах до визита Ливингстона, не

имея ни резьбы, ни надписей на скалах, они погружены в умственную тьму, хотя окружены таким изобилием земных богатств. Их предки никогда ничего не рассказывали им о состоянии после смерти, хотя они слышали, как о тех, кто умер, говорили, что "Бог забрал их".

Различия между вайяу и манганджа, о которых рассказывалось в предыдущей части этой работы, очень заметны. Требовательность и надменность вайяу указывают на то, что они считают себя доминирующей расой. Хотя они постоянно совершают набеги на своих соседей ради работорговли, они все же уступают им во многих отношениях.

У вайяу круглые, яблокообразные головы, они умеют пользоваться огнестрельным оружием и, проявляя смелость и отвагу, легко побеждают манганджу, которые используют только луки и стрелы, и являются более миролюбивыми, поскольку они более умная и изобретательная раса. Любящие кочевать, разрозненные и разбитые своими рабскими войнами и внутренними распрями, они почти не продвинулись в вопросах земледелия, но благодаря своей храбрости и неугомонному духу они успешно совершают грабительские набеги на своих соседей, которые становятся жертвами их корыстных замыслов по наполнению невольничьих рынков на побережье.

Среди племен вайяу, особенно мпонда и кабинга, почитается сельскохозяйственный труд; все, начиная с вождя, обрабатывают землю. Мпонда был в своем саду за работой, когда Ливингстон добрался до его деревни. С таким примером у людей нет никакого позора, связанного с такой работой. Эти племена собирают огромные запасы зерна, хотя они склонны к бродяжничеству и мародерству. Несмотря на то, что они отняли у манганджи их крупный горбатый скот, они не доят его, и, соответственно, его количество сократилось с тысяч в прежние времена до нескольких сотен. Мысль о том, чтобы пить молоко, у этих племен вызывает отвращение. Мальчик скорее подвергнется наказанию, чем подоит козу.

Их способ получения соли заключается в том, что пропитанную ею почву ликсивируют, а воду, процеженную через пучок травы, помещенный в отверстие на дне горшка, кипятят до тех пор, пока она не испарится. Остается остаток соли. Временами можно увидеть сотни людей, занятых изготовлением этого необходимого предмета.

Вайяу, хотя и не являются красивой расой, не имеют прогнатической внешности, как жители западного побережья. Лоб у них компактный, но не покаты; губы полные, а у женщин дополнительную толщину придает небольшое кольцо для губ. Само по себе это не могло бы так сильно обезобразить их лица, но они подпиливают зубы до остроты, что придает им отвратительный вид. Они сильны и хорошо справляются с работой, которая им поручена. Мужчины - крупные, крепкие парни, способные на большую выносливость. Среди них существует обряд, подобный тому, что отличал евреев. Он совершается в возрасте половой зрелости, и тогда юноша получает новое имя. Этот обычай относится к периоду, предшествующему приходу арабов, и его происхождение, соответственно, неизвестно.

ГЛАВА CLXII.

АФРИКА - продолжение.

БАБИСА И БАБЕМБА.

ПОЯВЛЕНИЕ БАБИСЫ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ТРУСОСТЬ И ЛЖИВОСТЬ - ТАНЕЦ ДОЖДЯ - ИХ ОРУДИЯ - ИХ ПИЩА - ИХ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ - РАБОТОРГОВЛЯ - УНИЖЕННОЕ СОСТОЯНИЕ - МЕСТНОСТЬ БАБЕМБА - РОМАНТИЧЕСКИЕ ПЕЙЗАЖИ - ТЯЖБА С ВОЖДЕМ - ТЕРРИТОРИЯ НСАМЫ - ХРАБРЫЙ И УСПЕШНЫЙ ВОИН - НАРУШЕНИЕ ИМ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАКОНА - НАКАЗАНИЕ АРАБАМИ - ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА - ЗАМУЖЕСТВО ДОЧЕРИ - КОРОТКИЙ МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ - ГОРОД КАСЕМБЕ - ПРИЕМ У ЛИВИНГСТОНА - ПОЯВЛЕНИЕ КАСЕМБЕ - ЕГО ВАРВАРСКИЕ НАКАЗАНИЯ - ПОДЗЕМНЫЕ ДОМА В РУА - СВОЕОБРАЗНЫЕ СУЕВЕРИЯ - СПРАВЕДЛИВОЕ РЕШЕНИЕ КАСЕМБЕ - НЕВЕРНАЯ ЖЕНА, ПРОДАННАЯ В РАБСТВО - НЕНАВИСТЬ К РАБОТОРГОВЦУ - ВЕРА В ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ - ПОЯВЛЕНИЕ БАБЕМБЫ - ТИПИЧНЫЙ НЕГР.

Территория, занимаемая бабиса, - это район к северо-западу от озера Ньясса, лежащий между параллелями 10° и 12° южной широты.

Основателем этого племени был Моанзабамба. Необычные косички из волос, которые носятся как головной убор и выглядят как большие уши, - любопытный стиль, зародившийся у этого вождя.

Это племя во многом напоминает бушменов или готтентотов. Их бродячие привычки указывают на бушменскую кровь. У них круглые, пулевидные головы, короткие, мопсиные носы и направленные вверх глаза. Для приветствия мужчины ложатся на спину и, хлопая в ладоши, издают губами неприятный, полуцеловательный звук.

Они лишены храбрости, но обладают немалой хитростью и предпочитают говорить неправду, а не правду. Кажется, что они более склонны отвечать на вопросы неправдой, чем давать правильные ответы.

Из-за недостатка храбрости они подвергаются частым вторжениям мазиту. Чтобы избежать голодной смерти из-за грабительских набегов своих врагов, они возделывают небольшие участки, около десяти ярдов в диаметре, через большие промежутки в лесу. Они сажают просо и тыквы, так как мазиту трудно их унести. Бабиса разбирают свои хижины и уносят солому в свои сады, где живут до окончания сбора урожая. Такое воздействие дождей и солнца на каркас помогает уничтожить паразитов, которых всегда можно найти в жилищах этого племени. Когда собирается сильная компания, они строят свои сараи так, чтобы они образовывали круг и имели только одно отверстие. Гребень, или, скорее, ряд гребней, составляет один длинный сарай без перегородок в виде крыши. Женщины танцуют танец дождя, во время которого их лица смазывают мукой, они носят топоры и стараются подражать мужскому голосу в своем пении.

Орудия земледелия у них очень грубые. Мотыга, которую они используют, сделана из дерева в форме буквы V или представляет собой ветку с отходящим от нее другим отростком, диаметром около дюйма в острие. Этой мотыгой они вскапывают почву после того, как семена разбросаны. Их пища состоит в основном из диких фруктов, листьев, корней и грибов. Из последних они выбирают пять-шесть видов, а остальные отвергают. Один из видов вырастает до шести дюймов в диаметре, он чисто белый с коричневым румянцем в центре и очень вкусный в жареном виде. Туземцы легко отличают хорошие сорта от ядовитых. В характере бабиса очень заметна одна черта - недоверчивость. Полные

подозрительности, они требуют предварительной оплаты за то, что продают. Их недоверие ко всем другим перерастает в нечестность по отношению к самим себе; говоря словами Ливингстона, "они ничего не дают друг другу просто так". Если такое расширение сознания происходит благодаря торговле, представьте меня не торгующему африканцу. Как и макоа, это племя обладает очень тупым чувством деликатности и вежливости. Некоторые племена, например бабемба, удаляются, когда кому-то преподносят еду.

Они занимаются работоторговлей, и ее последствия проявляются в обезлюдении их страны, пренебрежении к земледелию из-за набегов, которых они боятся, и, как следствие, в нищете и почти голодной смерти. Повсюду голод и голодные цены, и люди не понимают, что их собственные бродячие и рабские привычки являются причиной того, что они так деградировали и были низведены до состояния зависимых от бабемба. Они, по краткому выражению Ливингстона, "жалкая, лживая кучка крепостных".

ПЛЕМЯ БАБЕМБА.

Лобиса, Лобемба, Улунгу и Итава-Лунда - так называют часть возвышенности между параллелями 11° и 8° ю.ш. и меридианом 28° 53' долготы. Е.. Высота этого участка страны составляет от четырех тысяч до шести тысяч футов над уровнем моря. Это водораздел между Лоангвой, притоком реки Замбези, и несколькими реками, которые текут на север. Он изобилует лесными массивами и орошается многочисленными речушками. Почва необычайно плодородна и приносит обильные урожаи там, где ее возделывают. Озеро Лиемба, расположенное в этой котловине, находится на высоте двадцати пяти сотен футов над уровнем моря. Земля вокруг этого озера очень крутая, скалы во многих местах уходят с высоты двух тысяч футов вниз, к поверхности озера. Вершины, бока и дно этих скал покрыты лесом и травой.

Пейзажи этого региона романтичны и очень красивы. Акаси, ручей шириной около пятидесяти футов, спускается с утесов, образуя каскады, прыгая по триста футов за раз, вызывая восхищение и удивление путешественников. На этих склонах в большом количестве водятся буйволы, слоны и антилопы, а в водах озера - крокодилы, бегемоты и рыба разных видов.

Озеро имеет от пятнадцати до двадцати миль в ширину и от сорока до пятидесяти в длину, выходя рукавом шириной около двух миль в сторону Танганьики, от которой оно, возможно, является лишь ответвлением. На берегах озера можно встретить рощи пальмовых и других деревьев. Эти пальмы большие и плодовые. Ливингстон видел, как гроздь одной из них пронесли мимо двери его хижины, и для ее переноски потребовалось двое мужчин. Хотя вокруг озера есть деревни, большинство туземцев живет на двух островах, где они разводят коз, обрабатывают землю и ловят рыбу.

Ливингстону довелось слышать, как в Лобембе разбиралось дело перед вождем. Старик говорил целый час, а вождь все это время слушал, сохраняя серьезную и величественную осанку. Когда суд был закончен, он вынес свое решение примерно через пять минут. После этого выигравшая сторона уходила, убаюканная. Адвокаты в таких случаях обычно поворачиваются спиной к начальнику или судье, затем ложатся на землю и хлопают в

ладоши. Поприветствовав его таким образом, они готовы выступить с апелляцией или аргументами.

Вождь Нсама, очень старый человек, когда Ливингстон увидел его, имел хорошую голову и лицо и огромное брюхо. Он был таким большим и беспомощным, что людям приходилось носить его на руках. Женщины постоянно находились рядом, вливая в него помбе.

Это племя гораздо более воинственно, чем все те, что живут к югу от них. Они роют глубокие рвы вокруг своих деревень и обкладывают их стенами. Их вежливость проявляется в том, что они уходят, когда кому-то подносят еду.

Территория Нсамы называется Итава и обычно очищена от деревьев для возделывания, лежит на высоте около трех тысяч футов над морем. Река Чисера, шириной в полторы мили, впадает в Калонгоси, питающее озеро Моэро. Это озеро шириной около двенадцати миль, с восточной и западной стороны которого возвышаются покрытые деревьями горы. Западный хребет является частью страны Руа Моэро. Наибольший интерес представляет то, что это озеро - одно из цепи озер, соединенных рекой длиной около пятисот миль. Первое, Чамбезе, берет начало в стране Мамбве, к северо-востоку от Молембе. Течет на юго-запад и запад, пока не достигнет 11° южной широты и 29° восточной долготы, образуя озеро Бемба или Бангуэоло; возникнув, оно получает название Луапала и течет вниз, впадая в Моэро. Выходя из этого озера, оно известно под названием Луалаба, так как течет на северо-запад и образует другое озеро под названием Уренгуэ или Уленге. Не удалось выяснить, впадает ли она в Танганьiku или в какое-то другое озеро.

Нсама был храбрым и успешным воином и считался непобедимым, но его сила ослабла, и он был побежден отрядом из двадцати арабов с ружьями. Некоторые из них проникли внутрь крепости, и хотя людей Нсамы было очень много, они были побеждены и вскоре бежали, унося с собой раздувшуюся тушу своего вождя.

Поражение Нсамы вызвало большую панику среди различных племен региона. Он был самым умелым и успешным воином во главе храброго и воинственного народа. То, что этот "Наполеон", перед которым никто не мог устоять, был побежден, вызвало удивление и революцию в умах людей, а превосходство пушек над луком и стрелами пришлось признать тем, кто мало был склонен признать этот факт. Но поскольку люди обладают значительным интеллектом, они не могут противиться логике событий. Похоже, что Нсама сильно обидел арабских торговцев, и его обвинили в том, что он "нарушил общественный закон, напав на людей, которые привезли товар в страну". Но хотя трудно было установить, кто напал - арабы или Нсама, вражда продолжалась до тех пор, пока первый не наказал его бесславным поражением, разгромив большое количество людей, а также убив около пятидесяти, при этом арабские нападавшие потеряли примерно столько же. Последствия этой ссоры были самыми катастрофическими. Его сын попал в плен, а страна, которая еще недавно была так густо заселена, казалась пустынной: жители разбежались в разные стороны, спасаясь от разграбления имущества и угона жен и детей на невольничий рынок.

Мирные переговоры между этими враждующими сторонами длились три с половиной месяца, что задержало Ливингстона, так как ему было небезопасно вступать на территорию Нсамы, пока не будет достигнуто примирение. Обычай пить кровь друг друга - одна из формальностей заключения мира. Но это не помогло.

В конце концов, чтобы окончательно решить проблему, Нсама пообещал свою дочь в жены Хамису. И вот однажды днем та, кто должна была стать примирителем враждующих сторон, приехала верхом на мужских плечах. Ливингстон описывает ее как "милую, скромную,

хорошо выглядящую молодую женщину, ее волосы были натерты *нколой* - красным пигментом, который делают из верблюжьего дерева и часто используют в качестве украшения". Ее сопровождали около дюжины молодых и пожилых женщин, каждая из которых несла небольшую корзину с провизией - маниоккой, молотыми орехами и т.д. Арабы были одеты в свои наряды, а рабыни в фантастических платьях размахивали мечами, стреляли из ружей и кричали. Когда ее привели к хижине Хамиса, она спустилась и вместе со своими служанками вошла в хижину. У нее и ее служанок были маленькие, аккуратные черты лица. Я сидел с Хамисом, а теперь встал и пошел прочь. Когда я проходил мимо него, он сказал про себя: "Хамис Вадим Таг! Посмотри, до чего ты себя довел". Но состояние, о котором он так сожалел, было недолгим. На следующий день он отправился с новой женой навестить тестя, и вскоре его встретили два гонца, сообщившие ему, что он должен отложить свой визит. Когда же он отправился в путь, Нсама не пустил его в острог, если он не отложит оружие и меч. Но Хамис не стал подчиняться этим условиям. Попросив у Нсамы проводников, он был раздосадован тем, что вождь медлит и колеблется, хотя и обещал их. Наконец, заручившись их поддержкой и приготовившись к путешествию, жена Хамиса, предполагая, что на ее отца готовится нападение, ночью бежала с проводниками, оставив своего нового мужа-араба после медового месяца, длившегося всего неделю, и без церемоний избавив его от унижительной обязанности жениться на негритянке ради мира.

Недалеко от нижней части Моэро, у северной оконечности озера Мофве, находится город Касембе. Он занимает около мили квадратных плантаций маниоки. Некоторые хижины имеют квадратные ограждения из тростника, но все это больше напоминает сельскую деревню, чем город. Население, судя по хижинам, беспорядочно разбросанным по площади, составляло около тысячи человек. Двор или дворец Касембе представлял собой ограждение размером примерно двести ярдов на триста в длину; внутри этой изгороди из высокого тростника находилась большая хижина вождя и меньшие хижины его прислуги. Хижина королевы с другими маленькими хижинами находилась позади хижины Казембе. Во время приема, оказанного Ливингстону, он сидел перед своей хижинкой на квадратном сиденье, покрытом львиными и леопардовыми шкурами. "Он был одет в грубую сине-белую манчестерскую одежду, отороченную красной байкой и уложенную крупными складками так, что она напоминала кринолин, надетый на изнаночную сторону вперед. Его руки, ноги и голова были покрыты рукавами, гамашами и шапочкой, сделанной из разноцветных бусин в аккуратных узорах; шапочку украшала корона из желтых перьев. Каждый из его главных людей выходил вперед, затененный огромным, плохо сделанным зонтом, и, следуя за своими приближенными, выражал покорность Касембе и садился справа и слева от него. Различные группы музыкантов делали то же самое. Когда меня позвали, я встал и поклонился, а старый советник с подстриженными ушами дал вождю настолько полный отчет, насколько ему удалось собрать об англичанах в целом и о моем происхождении в частности. Наибольшее внимание вызвало то, что я проехал через Лунду и посетил вождей, о которых он почти ничего не знал. Он заверил меня, что я буду желанным гостем в его стране, могу идти куда захочу и делать что захочу. Затем мы отправились (двое мальчиков несли его поезд за ним) во внутренние апартаменты, где были подробно представлены предметы моего подарка. Они состояли из восьми ярдов саржи оранжевого цвета, большой полосатой скатерти, еще одной большой ткани, сшитой в Манчестере в подражание западноречной, которая не перестает вызывать восхищение арабов и туземцев, и большого, богато позолоченного гребня для волос сзади, такого, какие носили дамы пятьдесят лет назад. Поскольку люди Касембе и Нсама завязывают волосы сзади в большие узлы, я был уверен, что этот предмет вызовет восторг. Казембе выразил свое удовлетворение и снова поприветствовал меня. У Касембе нескладный вид и косоглазие на каждом глазу. Вход в его двор украшает множество человеческих черепов, а огромное количество его главных людей

с обрезанными ушами и отрубленными руками демонстрируют его варварский способ заставить своих министров быть внимательными и честными".

Португальцы посетили Казембе за много лет до визита Ливингстона. Каждый касембе строит новый город. Последние семь Казембе строили свои города в семи милях от нынешнего. Эти Казембе очень сильно различались по характеру. Перейра, один из ранних путешественников, утверждает, что касембе его времени имел двадцать тысяч обученных солдат, ежедневно поливал свои улицы и приносил в жертву двадцать человеческих жертв каждый день. Ливингстон, однако, не видел никаких свидетельств человеческих жертвоприношений. Нынешний Казембе имел лишь небольшое число приверженцев и был очень беден. Когда он узурпировал власть примерно за пять лет до этого, регион был густонаселенным. Но его варварство в наказании за проступки - отрезание ушей, отсечение рук и другие калечащие операции, продажа детей за мелкие проступки - постепенно вынудило многих людей уйти в соседние страны, чтобы избежать его жестокой тирании. Поскольку выдача беглецов не предусмотрена, это метод угнетенных, которые больше не могут терпеть тирана. Касембе настолько эгоистичен, что довел себя до нищеты. Если кто-то из его людей убивал слонов, он не хотел делиться с ними прибылью от продажи слоновой кости. Поэтому удачливые охотники, обиженные таким эгоистичным грабежом, уходят в другие места или отказываются от погони, и теперь у вождя нет бивней, чтобы продать их арабским торговцам из Танганьики. Предшественник нынешнего Казембе так плохо обошелся с путешественником майором Монтейро, что португальцы с тех пор не осмеливались заходить так далеко в Центральную Африку.

К западу от страны Касембе находится Катанга. Ее жители выплавляют медную руду в большие слитки, по форме напоминающие букву I. Эти слитки встречаются в большом изобилии и весят от пятидесяти до ста фунтов. Туземцы вытягивают медь в проволоку для нарукавников и ножных браслетов. В этом регионе также есть следы золота.

Один из самых замечательных растительных продуктов этого региона - картофель, принадлежащий к семейству гороховых. Его цветы источают очень благодарный аромат. Клубень продолговатый, как у нашего обычного картофеля, и легко размножается черенками корня или стебля. По вкусу он напоминает наш картофель, но в незрелом виде имеет некоторую горечь. В сыром виде это хорошее средство от тошноты. Он встречается только на возвышенностях и не переносит жаркого климата.

Очень примечательной особенностью страны являются каменные дома под землей в Руа. Они очень обширны и тянутся вдоль склонов гор на протяжении двадцати миль. Дверные проемы в некоторых случаях находятся на одном уровне с землей, в других - чтобы подняться к ним, требуется лестница. Внутри эти дома очень большие, а в одной части протекает ручей. Вероятно, они являются естественными образованиями, хотя есть много признаков того, что они искусственные.

Широко распространено суеверие, что если у ребенка прорежутся верхние передние зубы раньше нижних, то ему не повезет, и он погибнет. Если ребенок во сне переворачивается с одного бока на другой, его убивают. Ребенок, имеющий любой из этих дефектов, называется арабским, потому что у арабов нет таких суеверий. Таких детей охотно отдают арабам, опасаясь несчастья, "миландо" или вины перед семьей, если они останутся у них. Они никогда не продают своих детей работоторговцам, но расстаются с ними, чтобы избежать несчастий, которых они ожидают, - их страхи вызваны этими суеверными представлениями.

Если Касембе приснится какой-либо человек дважды или трижды, считается, что он занимается тайными искусствами против своего вождя, и его, соответственно, предают

смерти. Если кто-то колотит или готовит для него пищу, следует неизменно сохранять молчание. В Катанге люди боятся копать золото, потому что, по их мнению, его спрятал в земле "нголу", что означает, как говорят арабы, сатану, а также ушедших духов.

Страх смерти среди этого народа универсален и очень силен. Они никогда не пристают к трясогузкам, считая, что если убить одну из них, то смерть посетит и уничтожит их. Птицы вайда охраняются тем же суеверным представлением о том, что если им причинить вред, то наступит смерть. Люди повсеместно унижены и угнетены этими и подобными представлениями, которые кажутся нам очень абсурдными, но, в конце концов, не намного более неразумными и глупыми, чем некоторые суеверия, которые лелеют люди в цивилизованных странах. Разве мало тех, кто до сих пор верит в действенность лошадиной подковы над дверью? Кто не предпочтет увидеть новую луну через правое плечо в знак удачи, чем через левое? Разве многие люди не воздерживаются от путешествий и новых начинаний в пятницу, потому что считают ее несчастливой днем?

Если только он не выпил пива или *ломбе* в избытке, Казембе - вождь с весьма значительным здравым смыслом. Его решения часто демонстрируют независимость и мудрость, которые показывают, что он достоин своего места во главе народа. Арабы с энтузиазмом восхваляют его. На его рассмотрение было вынесено дело о *преступлении*, в котором участвовал раб одного араба. Была предпринята попытка уладить дело частным образом, предложив ткани, бусы и другого раба. Истец отклонил все предложения, но Касембе прекратил дело, сказав истцу: "Ты посылаешь своих женщин заманивать чужаков, чтобы получить штраф, но ты ничего не получишь". Этот вердикт очень обрадовал арабов, и особенно хозяина рабыни.

Капика, старый вождь, обвинил свою молодую и красивую жену в неверности и в наказание за это продал ее в рабство. Но зрелище женщины высокого ранга в рабской шайке сильно взволновало дам Лунды, и, узнав от нее, что она действительно рабыня, они зажали себе рот руками в свойственной им манере, выражающей ужас и негодование. Тяжелая судьба молодой вождя вызвала сочувствие всего народа. Дочери Капики приносили ей угощения, то один, то другой предлагал выкупить ее двумя и даже тремя рабами, но Касембе, который очень строго относился ко всем нарушениям целомудрия, сказал: "Нет; хоть десять рабов предлагай, она должна уйти". Возможно, к такому суровому и неумолимому решению его привел страх, что он может потерять свою собственную королеву, если подобные неверности не будут сурово наказываться. У Перембе, старейшего мужчины в Лунде, была молодая жена, которую продали в наказание; но она была выкуплена. Несомненно, работорговец - это средство заставить молодых жен некоторых стариков хранить верность своему браку.

Однако народ не очень-то благосклонен к работорговцу, который используется как средство наказания тех, кто враждует с семьей, - как жена с мужем или слуга с хозяином. В случаях ревности, мести или настоящей преступности они являются готовыми орудиями для осуществления справедливого или несправедливого наказания. Считается, что рабы, как правило, преступники, и их продают в отместку или в наказание.

Инцидент, о котором рассказывается ниже, свидетельствует о вере африканцев в будущее состояние, - вере, вокруг которой, однако, группируются самые мрачные и печальные суеверия. Читатель увидит, как страдания и несчастья их жизни формировали и окрашивали их предчувствия грядущей жизни. Надежда на отмщение за те варварства, которые они терпели, внушала им какое-то жуткое удовлетворение, так что они смешивали песни со своими страданиями.

"Шесть мужчин-рабов, - рассказывает Ливингстон, - пели, словно не ощущая тяжести и унижения рабских палок. Я спросил о причине их веселья, и мне ответили, что они радуются мысли о том, что вернутся после смерти, будут преследовать и убивать тех, кто их продал. Некоторые слова мне пришлось расспросить; например, значение слов "преследовать и убивать силой духа"; потом было: "О! Ты отправил меня на *мангу* (берег моря), но после смерти ярмо с меня снято, и я вернусь, чтобы преследовать и убивать тебя". Затем все присоединялись к припеву, в котором называлось имя каждого торговца. В нем говорилось не о веселье, а о горечи и слезах угнетенных, и на стороне угнетателей была сила.

"Рабовладелец спросил жену Капики, вернется ли она, чтобы убить Капику. Остальные со смехом отвечали на имена разных мужчин. Сердце ее, очевидно, болело: для дамы опуститься так низко - тяжелое испытание. Она утратила свою бойкую манеру поведения, а с обритой головой и вовсе стала некрасивой; но она никогда не забывает с достоинством обращаться к своим похитителям, и они, похоже, ее боятся".

Внешне бабемба очень красивы, многие из них имеют головы такой же формы, как и большинство европейцев. Они отличаются маленькими руками и ногами и не имеют грубого уродства, присущего племенам Конго в Западной Африке, которые для большинства людей являются типичными неграми.

Наблюдения доктора Ливингстона привели его к мнению, которое сформировал Уинвуд Рид, - что древний египтянин является типом негритянской расы, а не неуклюжие формы и отвратительные черты племен Западного побережья. Вполне вероятно, что этот красивый и романтический регион был настоящей родиной негров. Женщины вызывали восхищение арабов очарованием своих полных форм и тонких черт лица. Единственный недостаток - результат моды, как это часто бывает у их цивилизованных сестер: они подпиливают зубы до остроты, и это "делает их улыбку похожей на крокодилю".

ГЛАВА CLXIII.

АФРИКА - продолжение.

СТРАНА МАНЬЮЭМА.

ОТЪЕЗД ЛИВИНГСТОНА ИЗ УДЖИДЖИ - ВЛАДЫКА ПОПУГАЕВ - НАГЛЯДНАЯ КАРТИНА - МОЭНЕКУСС И ЕГО СЫНОВЬЯ - СТРАХ ПЕРЕД МАНЬЮЭМА - ИХ УЖАСНЫЕ ПОСТУПКИ - УДИВИТЕЛЬНАЯ КРАСОТА СТРАНЫ - ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАРОДА - ИХ ДЕРЕВНИ - ЖИЛИЩА - ЖЕНЩИНЫ - ЛОВКИЕ ТОРГОВЦЫ - ИХ ЦЕННОСТЬ КАК ЖЕН - ОБРЯД ОБРЕЗАНИЯ - МНОГОЧИСЛЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ - ЧИТОКА - ЯРКОЕ ОПИСАНИЕ БАЗАРНОГО ДНЯ - УЖАСНАЯ РЕЗНЯ.

Страну Маньюема, куда Ливингстон отправился 12 июля 1869 года из Уджиджи, арабского поселения на озере Танганьика, до этого момента не посещал ни один белый человек. Как видно, его жители отличаются от любого из племен Восточного побережья. Полагая, что эта часть Африки, до сих пор не исхоженная ногами цивилизованного человека, должна изобиловать слоновой костью, арабские купцы стремились заполучить богатые запасы, ожидавшие первых искателей приключений. Ливингстон сопровождал первую из групп уджитских торговцев, вступивших на этот новый путь. Расстояние от озера Танганьика до Бамбарре или Моенекуса (верховного вождя маньюэма) составляет около сорока дней пути.

Светло-серый попугай с красным хвостом, который так распространен в этом регионе и которого называют Кусс или Коос, дал этому вождю свое имя, что означает Повелитель попугаев. Маньюема произносят его как Монанджус. Этот район находится в большой излучине реки Луалаба, которая здесь гораздо крупнее, чем у Мпвето, возле озера Моэро.

Путь великого исследователя пролегал по очень неровной местности. Он постоянно поднимался и спускался с холмов; то попадал в дельты, заросшие огромными деревьями, некоторые из которых достигали двадцати футов в окружности и шестидесяти-семидесяти футов до первых ветвей; то, поднявшись на возвышенность, перед ним открывалась обширная долина Джорумба со всей ее удивительной красотой. По склонам этих гор было разбросано множество деревень. Одна из них была разрушена, и по твердым глиняным стенам и квадратной форме домов было видно, что она принадлежала Маньюэме. Доктор Ливингстон дает наглядное представление об этой стране и ее пейзажах. "Наш путь пролегал частично вдоль хребта, с каждой стороны которого простиралась глубокая долина. Слева долина была заполнена девственными лесами, в которые слоны, будучи ранеными, уходят полностью. Дно этой огромной долины находилось в двух тысячах футов под нами. Дальше, насколько хватало глаз, возвышались горные цепи с деревьями на их основаниях. Справа от нас было еще одно глубокое, но узкое ущелье, и горы были гораздо выше, чем на соседнем хребте. Наш хребет петлял из стороны в сторону и вел нас к краю глубоких обрывов - сначала справа, потом слева, пока мы не спустились к деревням вождя Монанденды. Все дома были набиты дровами, и в каждом стояла кровать на возвышении во внутренней комнате.

"Тропы очень искусно проложены по вершинам холмов, и все овраги обходятся стороной; в противном случае расстояние удваивается, а усталость значительно возрастает. Похоже, что тропы использовались веками; на возвышенностях они глубоко изрыты, а в ложбинах с каждой стороны возвышается небольшой бугор, образованный ногами, которые выбрасывают немного земли на одну сторону. На пути было пройдено много деревень с огромным количеством населения".

На подходе к одной из деревень их встретила компания туземцев, бьющих в барабан. Это сигнал мира: если предполагается война, то нападение должно быть скрытным. Люди дружелюбны, если они не подверглись нападению и грабежу со стороны арабов. Стрелы используются маленькие, из крепких травяных стеблей и отравленные; стрелы для слонов и буйволов - большие и тоже отравленные. Два сына Моэнекуса, который недавно умер, заняли его место. Поскольку с их стороны были признаки подозрительности, была проведена церемония смешивания крови. Для этого нужно сделать небольшой надрез на предплечье каждого человека, а затем смешать кровь и произнести клятвы и обещания дружбы. Моенембагг, старший из двух сыновей и представитель во всех важных случаях, сказал: "Ваши люди не должны воровать: мы никогда этого не делаем", - что не было необоснованным утверждением от имени его племени. Кровь в небольшом количестве передавалась от одного к другому с помощью фигового листа. "Не крадите ни птиц, ни людей", - сказал этот вождь. Поймайте вора и приведите его ко мне". Тот, кто крадет человека, - свинья", - сказал Мохамад. Воровство, однако, началось и с нашей стороны: раб украл птицу. "У них были веские причины, - говорит Ливингстон, - требовать от нас честности. Они думают, что мы пришли убить их; мы светим им как будто из другого мира; не приходит никаких писем, чтобы сообщить, кто мы и чего хотим. Мы не можем представить себе их состояние изоляции и беспомощности, когда им не на что положиться, кроме своих амулетов и идолов, и те и другие - куски дерева".

Деревенские хижины очень неудобны, с низкими крышами и низкими дверными проемами. Строят их мужчины, а женщинам приходится следить за тем, чтобы в них хватало дров и

воды. Свою ношу они несут в больших корзинах, подвешенных к плечам, как некоторые рыбаки в европейских городах.

Другие племена живут в большом страхе перед маньюэма, которых они считают людоедами. Ребенок одной женщины прокрался в угол хижины, чтобы съесть банан. Мать, не заметив его, сразу же заподозрила, что маньюэма похитили его, чтобы съесть. Она в бешенстве бегала по лагерю с криками: "О, маньюэма украли моего ребенка, чтобы сделать из него мясо! О, моего ребенка съели! О! О!"

Однажды Ливингстона навестили два симпатичных молодых человека. После предварительных вопросов о его стране, таких как "Где она находится?", они спросили, умирают ли там люди и куда они попадают после смерти. "Кто их убивает? Нет ли у вас амулета (*buanga*) против смерти?". Им сказали, что его люди молятся Великому Отцу Мулунгу, и он их слышит, и все это показалось им весьма разумным, чтобы удовлетворить их любопытство.

Кровавая и убийственная склонность народа бамбарре проявляется в самых ужасных поступках. Если человек работает один в поле, его почти наверняка убьют. Когда они рассказывают друг другу о своих деяниях, сердце замирает. Кандахара, брат старого Моэнекуса, убил трех женщин и ребенка, а также торговца, причем без всякой причины, а только для того, чтобы съесть их тела.

"Говорят, что голова Моэнекуса хранится в горшке в его доме, и все государственные дела решаются в нем, как будто в нем обитает его дух; его тело было съедено; плоть была снята с головы и тоже съедена. Говорят, что голову его отца тоже хранили. В других районах могилы показывают, что погребение было обычным делом, но здесь могил не видно. Некоторые признают существование этой практики, но другие ее отрицают. В стране Метамба, прилегающей к Луалабе, ссора с женой часто заканчивается тем, что муж убивает ее и съедает ее сердце, смешанное с огромным количеством козьей плоти; это имеет характер талисмана. В других районах в качестве амулетов берут пальцы, но только в Бамбарре разваренный вкус является мотивом для каннибализма".

Страна, населенная маньюэма, что означает "лесной народ", необычайно красива. Ливингстон так описывает ее в своем дневнике: "Пальмы венчают самые высокие вершины гор, и их изящно изогнутые ветви красиво развеваются на ветру; а леса, обычно шириной около пяти миль между группами деревень, просто неописуемы. Среди гигантских деревьев в огромном количестве висят альпинисты, размером с кабель; в изобилии растут неизвестные дикие фрукты, некоторые размером с голову ребенка, и повсюду дикие птицы и обезьяны.

"Почва очень богата, и люди, хотя и изолированные друг от друга старыми междоусобицами, которые так и не были урегулированы, занимаются земледелием. Они вывели сорт кукурузы, плодonoжка которой загибается в виде крючка, а живые изгороди высотой около восемнадцати футов делаются путем вставки столбов, которые прорастают, как изгородь Робинзона Крузо, и никогда не гнивают. Линии вьющихся растений привязывают так, чтобы они шли от столба к столбу, а маисовые початки подвешивают к ним за крючковатые плодonoжки. По мере формирования початка крюк поворачивают так, чтобы его плодовые листья свисали вниз и служили навесом для зерна, находящегося под ним или внутри него. Это вертикальное зернохранилище образует прочную стену вокруг деревни. Жители не скупаются, а срывают маис и свободно раздают его мужчинам. Главной пищей являются подорожник, маниока и маис.

"Мотыга у маньюэма очень поверхностная, это не более чем соскабливание почвы. Они оставляют корни маиса, твердых орехов, земляных орехов, сладкого картофеля, чтобы они сами нашли путь в мягкую, богатую землю. Орехи не нужно пахать, а маниока будет годами противостоять посягательствам травы. Рис будет давать урожай в сто двадцать раз больше, демонстрируя удивительное плодородие земли. Если почва свободна от сорняков, она дает зерно и корни в самом большом изобилии; тыквы, дыни, мелеза, подорожник, бананы - все это процветает в изобилии. Однако бамбарре - безразличные земледельцы, сажают лишь немного. Балеги, как и бамбарре, в основном выращивают подорожник и земляные орехи. Их главное развлечение - игра с попугаями.

"У этого народа принято делать подходы к деревням настолько сложными, насколько это возможно. Живые изгороди, которые прорастают и превращаются в живую ограду, покрыты разнообразностью калабаша с его широкими листьями, так что снаружи ничего не видно.

"Деревни расположены в осыпях каждого большого хребта, чтобы обеспечить быстрый дренаж. Улицы, как правило, идут на восток и запад, чтобы солнечный жар мог быстро вытеснить влагу. Дома в основном выстроены в одну линию с домами собраний на каждом конце, выходящими на середину улицы. Стены этих домов из хорошо обожженной глины, от непогоды их защищает крыша, стропилами которой часто служат листья пальм, расщепленные так, чтобы они были тонкими. Крыши низкие, но хорошо покрыты соломенными листьями, похожими на банановые, но более прочными. В стебле листа делается вырез длиной два-три дюйма. Он крепится к стропилам".

Внутри такие жилища очень удобны, и пока арабы не посетили это племя, паразиты были неизвестны. Клещи и паразиты появляются везде, где бывают арабы и суахили.

"Там, где идут юго-восточные дожди, маньюэма пристраивают заднюю сторону своих домов к этому кварталу и защищают стены, перенося низкую крышу значительно ниже верха стен. Эти глиняные стены сохраняются на века, и мужчины часто возвращаются после долгих лет отсутствия, чтобы восстановить те части, которые могли быть смыты. У каждой хозяйки есть от двадцати пяти до тридцати глиняных горшков, подвешенных к потолку на аккуратных подпорках, перевитых веревкой, и часто столько же аккуратных корзин, наполненных дровами".

Женщины - хорошие торговцы и готовы к сделке, принося с собой грузы провизии, чтобы обменять их на бусы. Они очень крепкие, одна корзина высотой в три фута - это женский груз. Они не носят никакой одежды, а их волосы заплетены в виде корзины сзади. Сначала их сворачивают в очень большой рулон, затем наматывают на что-то, пока они не станут длиной восемь или десять дюймов, выступая из затылка.

Маньюэма покупают своих жен друг у друга. Красивая девушка стоит десять козлов. Приведенная в дом мужа, новая жена остается там на пять дней, затем возвращается и остается еще на пять дней дома. Затем муж снова приходит за ней, и она остается с ним.

Среди арабов распространено замечание: "Если бы у нас были маньюэмские жены, какие красивые дети у нас бы родились". Мужчины обычно красивы, и женщины тоже, руки и ноги, конечности и формы совершенны, а цвет кожи светло-коричневый. Женщины одеваются в килт из множества складок аляповатой *ламбасы*. Отверстия носа расширяются от курения. Приверженцы этой привычки проталкивают табак как можно дальше вверх большим пальцем. Единственная опилка на зубах - небольшое пространство между двумя верхними передними зубами. И все же, несмотря на эти уродства, добавляет Ливингстон, "я бы

поставил компанию маньюэмцев на первое место по форме головы и вообще по физической форме против всего антропологического общества".

Среди всех маньюэма обряд обрезания совершается над детьми мужского пола. Если обрезанию подлежит сын главы племени, то сначала проводится эксперимент на рабе. Определенное время года считается неблагоприятным. Если эксперимент оказывается удачным, они уходят в лес, бьют в барабаны и устраивают пир. В отличие от всех остальных африканцев, они не стесняются говорить об этом обряде даже в присутствии женщин.

Естественно, возникает вопрос: откуда взялся этот обычай? Кажется, что это неизвестное в последнее время всем цивилизованным народам племени, обитающее в глубине огромного африканского континента, связано с памятным народом, для которого этот обряд является отличительной чертой. Но, несомненно, где-то и как-то на протяжении веков этот древний обряд еврейского народа был донесен до этого племени.

Дети в Маньюеме не ползают, как в цивилизованных странах, на коленях, а начинают с выдвигания вперед одной ноги и использования одного колена; они будут использовать обе ноги и обе руки, но никогда - оба колена. Арабский ребенок делает то же самое, никогда не ползая, а вставая на обе ноги и держась, пока не научится ходить.

Страна кишит деревнями. В некоторых местах люди вежливы и великодушны, но в других, где процветают пальмы и в изобилии продается пальмовое пойло, люди, соответственно, деградируют и неприятны, часто склонны к дракам из-за реальных или воображаемых обид.

Маньюема не покупают рабов, за исключением женщин, чтобы сделать из них жен. Они предпочитают позволить своей слоновой кости сгнить, чем обменивать ее у арабских торговцев на рабов-мужчин, которые, как правило, являются преступниками.

Обычным средством обмена являются железные браслеты, а также грубые бусы и каури. Медь ценится гораздо выше, и за браслет из этого металла дают трех птиц и три с половиной корзины маиса.

В Маньюеме часто можно увидеть человеческие фигуры из дерева. Некоторые из них сделаны из глины и похожи на конус с небольшим отверстием в верхней части. Их называют *батхата* (отцы или древние), и имя каждого бережно хранится. Таким образом, сохраняется память о древних или более поздних вождях. Туземцы очень следят за точным произношением имени. По определенным случаям старики предлагают им козью плоть. Ни молодым, ни женщинам не разрешается принимать в ней участие. Мясо попугая, хотя его часто едят старики, запрещено молодым мужчинам, поскольку считается, что если они будут есть его, то у их детей будет ковыляющая походка этой птицы.

Берега Луалабы густо заселены. Один из лучших способов оценить количество жителей - посетить *читоку* или рынок. На нем присутствуют в основном женщины. Они проводят рынок один день, а затем делают перерыв на три дня, отправляясь на другие рынки в другие места. Все предпочитают покупать и продавать на рынке, а не в другом месте. Если кто-то говорит: "Подойди, продай мне ту птицу или ткань", то в ответ звучит: "Подойди на *читоку*", или рыночную площадь. Этот рынок - важный и почитаемый институт в Маньюеме. Большое количество людей внушает доверие, а также помогает поддерживать или обеспечивать справедливость между торговцами. "Сегодня, - рассказывает Ливингстон, - на рынке было более тысячи человек с глиняными горшками, маниокой, травой, рыбой и птицами. Они были встревожены моим появлением среди них и готовы были бежать. Многие стояли вдалеке в недоумении". В другой раз он насчитал более семисот человек, проходивших мимо его

хижины по дороге на рынок. Торговаться и шутить, смеяться и болтать - высшее удовольствие для этих женщин. Вид у этой толпы своеобразный: женщины, одни старые, другие молодые и красивые, смешались вместе.

Все вожди требуют привилегии пожать друг другу руки: они касаются протянутой руки ладонью, затем хлопают двумя ладонями друг о друга, потом снова касаются и снова хлопают, и церемония завершена.

Ливингстон так описывает рыночный день в Маньюеме: "Рынок - это оживленная сцена; все заняты делом; мало времени теряется на дружеские приветствия. Продавцы рыбы бегут с горшками, полными улиток или мелких рыбешек, или молодых *Clarias capensis*, высушенных дымом и нанизанных на веточки, или других реликвий, чтобы обменять их на корни маниоки, высушенные после трехдневного вымачивания в воде; картофель, овощи или зерно, бананы, муку, пальмовое масло, птицу, соль, перец. Каждый из них очень охотно обменивает пищу на реликвии и решительно утверждает, что все хорошо или плохо; пот выступает на их лицах бисером; петухи бодро скачут, даже когда их перекидывают через плечо, свесив голову вниз, а свиньи визжат; железные ручки, вытянутые на каждом конце, чтобы показать добротность металла, обмениваются на ткань из муабе-пальмы. У них есть большая воронка из плетеной корзины под сосудом, в котором хранятся товары, и они сбрасывают их вниз, если их не видят.

Они ведут честную торговлю, а когда возникают разногласия, их легко уладить, не вмешиваясь и не указывая на меня; они обращаются друг к другу и обладают сильным чувством естественной справедливости". Так много еды переходит из рук в руки среди трех тысяч посетителей, что приносит немалую пользу. Некоторые приходят за двадцать - двадцать пять миль. Мужчины щеголяют в аляповатых *ламбасах* и многослойных килтах; женщины работают не покладая рук; гончары шлепают и звенят своими глиняными изделиями, чтобы показать, что в них нет ни единого изъяна. За одну нитку бус я купил две изящной формы бутылки из пористого фаянса, вмещающие по галлону каждая. Женщины несут их в своих воронках поверх корзин, пристегнутых к плечам и лбу, и руки у них тоже заняты. Округлость сосудов поражает воображение, ведь для их изготовления не используется никаких машин. Ни одного раба нельзя заставить нести и половину того, что они делают добровольно. Это сцена самой прекрасной естественной актерской игры, какую только можно себе представить: с каким рвением делаются всевозможные утверждения; с какой серьезностью, кажется, все существа наверху, вокруг и внизу призываются подтвердить истинность своих утверждений; а затем сильное удивление и яростное презрение к тем, кто пренебрегает их товаром; но они не проявляют никакого беспокойства, когда покупатели воротят от них нос. Маленькие девочки бегают вокруг, продавая чашки с водой за несколько мелких рыбешек полуизмученным, словоохотливым бойцам. Для меня это была забавная сцена. Я не понимал слов, слетавших с их болтливых языков, но жесты были слишком выразительны, чтобы нуждаться в толковании.

"Орда Дугумбе пыталась одержать верх над этими продавщицами. "Я куплю это", - говорила одна. Это мое, - сказала другая. Никто не должен прикасаться к ним, кроме меня", - говорила третья. Однако вскоре они поняли, что не могут ни монополизировать, ни принуждать, а должны вести честную торговлю. Эти женщины - очень умные торговцы, они поддерживают друг друга и не подчиняются и не позволяют никому перечить".

Но эту веселую сцену активной жизни обречено было омрачить страшное дело, полное кровопролития и ужаса. Мы оставляем Ливингстону возможность в своей графической

манере рассказать об этой безжалостной и непростительной расправе над невинными женщинами: -

"День был жаркий и знойный, и когда я вышел на рынок, то увидел Эди, Маниллу и трех человек, которые недавно пришли с Дугумбе. Я был удивлен, увидев этих троих с оружием, и был склонен отчитать их, как это сделал один из моих людей, за то, что они принесли оружие на рынок; но я объяснил это их невежеством. Было очень жарко, и я уже собрался уходить с рынка, как увидел, что один из парней торгуется за птицу и хватает ее. Не успел я отойти и на тридцать ярдов, как посреди толпы раздался выстрел из двух ружей, и я понял, что началась резня. Толпа сорвалась с места, в смятении побросала свои товары и побежала. В то самое время, когда трое открыли огонь по людской массе в верхней части рыночной площади, с участка, расположенного у ручья, раздалась залпы по охваченным паникой женщинам, бросившимся к каноэ. Их было около пятидесяти или более, и они были зажаты в ручье. От охватившего всех ужаса мужчины забыли о веслах. Каноэ было не вытащить, так как ручей был слишком мал для такого количества людей. Мужчины и женщины, раненные шарами, с воплями бросались в , прыгали и карабкались в воду. Длинный ряд голов в реке свидетельствовал о том, что огромное количество людей направилось к острову, расположенному на расстоянии целой мили. Направляясь к нему, они подставили левое плечо течению со скоростью около двух миль в час. Если бы они направились по диагонали к противоположному берегу, течение помогло бы им, и, хотя до острова было почти три мили, некоторые из них смогли бы добраться до суши; а так головы над водой показывали длинную линию тех, кто неизбежно должен был погибнуть.

"Выстрел за выстрелом продолжался по беспомощным и погибающим. Некоторые из длинной вереницы голов тихо исчезали, а другие бедняги вскидывали руки, как бы взывая к великому Отцу, и тонули. Одно каноэ набрало столько, сколько могло вместить, и все гребли руками и ногами; три каноэ, поспешно выбравшись наружу, подхватили тонущих друзей, пока все вместе не пошли ко дну и не исчезли. Один человек в длинном каноэ, которое могло бы вместить сорок или пятьдесят человек, явно потерял голову; он был в потоке до начала резни, а теперь плыл вверх по реке в никуда и не смотрел на утопающих. Постепенно все головы исчезли; некоторые повернули вниз по течению к берегу и пропали. Дугумбе посадил людей в одно из брошенных судов, чтобы спасти тех, кто оказался в воде, и спас двадцать одного человека; но одна женщина отказалась подняться на борт, решив, что ее хотят сделать рабыней: она предпочла шанс спастись вплавь, а не в рабстве. Женщины племени багенья знают толк в воде, так как привыкли нырять за устрицами, и те, кто плыл вниз по течению, могли спастись; но сами арабы оценили потери в триста тридцать - четыреста человек. Стрелявшие вблизи каноэ были настолько безрассудны, что убили двух своих людей; а один из последователей Баньямвези, который сел в брошенное каноэ, чтобы пограбить, упал в воду, пошел ко дну, затем снова поднялся и опустил, чтобы больше не подниматься.

"Первым моим побуждением было броситься на убийц с пистолетом, но Дугумбе запротестовал против того, чтобы я ввязывался в кровную месть, и впоследствии я был благодарен ему за то, что послушался его совета.

"После ужасного случая на воде эта партия тагамои, которые были главными виновниками, продолжала обстреливать людей и сжигать их деревни. Сейчас, когда я пишу, я слышу громкие стенания на левом берегу о тех, кто там убит, не зная о своих многочисленных друзьях, находящихся сейчас в глубинах Луалабы. О, да придет Царствие Твое! Никто и никогда не узнает точных потерь в это яркое, знойное летнее утро. У меня создалось

впечатление, что я попал в ад. Все рабы в лагере бросились на беглецов на суше и разграбили их; женщины часами собирали и несли груз того, что в ужасе бросали вниз.

"Некоторые бежали ко мне и были защищены. Дугумбе спас двадцать одного и по своей воле освободил их. Их привели ко мне и оставили на ночь возле моего дома. Я послал людей с нашим флагом, чтобы спасти некоторых, потому что без флага они могли бы стать жертвами, так как люди Тагамойо стреляли направо и налево, как изверги. Сегодня утром я насчитал двенадцать горящих деревень. Я задал вопрос Дугумбе и другим: "Так за что же все эти убийства? Все обвинили Манилью как причину, и в каком-то смысле он и был причиной; но вряд ли можно поверить, что они повторяют, что это месть Манилье за то, что он подружился с главными людьми, а он был рабом. Желание произвести в стране впечатление важности и величия новоприбывших было самым сильным мотивом; но ужасно, что убийство стольких людей вообще задумывалось. Мне стало плохо на душе. Кто мог сопровождать Дугумбе и Тагамойо в Ломане и быть свободным от чувства вины за кровь?"

"Я предложил Дугумбе поймать убийц и повесить их на рыночной площади в знак протеста против кровавых деяний, совершенных перед Маньюэмой. Если бы, как добавил он и другие, резню устроили люди Манильи, он бы согласился, но это сделали люди Тагамойо и другие члены партии, возглавляемой Дугумбе.

"Эта резня была особенно жестокой, поскольку мы всегда слышали, что к женщинам, идущим на рынок и с рынка, никогда не приставали. Даже когда два района ведут настоящие военные действия, "женщины" говорят, что они "проходят среди нас на рынок беспрепятственно", и никогда не было случая, чтобы мужчины ограбили хоть одну из них. Эти черномазые мусульмане уступают маньюэма в справедливости и праве. При Хасани люди стали совершать сверхзлодеяния - захватывать и грабить всех без разбора. Дугумбе обещал прислать людей, чтобы они приказали людям Тагамойо прекратить обстрел и сжигать деревни. Они оставались среди развалин, пируя козами и птицами, всю ночь, а на следующий день продолжили свое позорное дело, пока не уничтожили двадцать семь деревень.

"Я вернул тридцать спасшихся к их друзьям..... Старик по имени Каболо пришел за своей старой женой. Я спросил ее, не ее ли это муж; она подошла к нему, любовно обняла его и сказала "да". Я дал ей пять ниток бус, чтобы купить еды - все ее запасы были уничтожены вместе с домом. Она поклонилась и приложилась лбом к земле в знак благодарности, и старый Каболо сделал то же самое; слезы стояли в ее глазах, когда она уходила".

"Убийственное нападение на жителей рынка показалось мне похожим на Геенну без огня и серы; но жара была гнетущей, а огнестрельное оружие, поливающее беглецов своими железными пулями, не могло не напоминать горения в бездонной яме".

ГЛАВА CLXIV.

АФРИКА-Продолжение.

МАНЬЮЭМА - Заключительная.

ИХ КРОВОЖАДНЫЙ ХАРАКТЕР - ЖЕСТОКИЕ ОБЫЧАИ - НЕПРАВДИВЫ, НО ЧЕСТНЫ - БОЯТСЯ ОРУЖИЯ - ПЛОХАЯ РЕПУТАЦИЯ - КАННИБАЛИЗМ - ЕДЯТ ТОЛЬКО ВРАГОВ - ИЗОБИЛИЕ ПИЩИ - ОТСУТСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПЛОЧЕННОСТИ - ОТСУТСТВИЕ ПРОГРЕССА - САФУРА - СТРАНА НЕЗДОРОВА - СОКО - ГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛИВИНГСТОНА.

Маньюэма не испытывают недостатка в промышленности и энергии. В своих деревнях они живут организованно, вежливы и добры друг к другу. Но если в деревню забредает человек из другого района, он рискует жизнью; его не считают членом их племени и почти наверняка убьют. Те, кто служил Ливингстону проводниками, покидали его, как только приближались к деревне, не решаясь подойти к тем, между кем и их собственным народом существовала жестокая вражда. Старосты деревень по странной слепоте часто завлекали арабских торговцев подарками из слоновой кости, чтобы те наказывали их врагов. Ливингстон прошел через одиннадцать деревень, которые были сожжены, и все из-за одной нитки бус - печальная иллюстрация совершаемых варварств.

Чем лучше он знакомился с этим народом, тем больше убеждался в его деградирующем и кровожадном характере. Однажды он заметил красивую женщину, молодую жену Монасимбы. За нее дали десять коз. Ее друзья, не удовлетворившись этим, пришли и попытались получить еще одного козла. Получив отказ, они выманили ее. Она заболела и через несколько дней умерла, но никто не выразил ни слова сожаления о прекрасном юном создании, а все горевали о потере коз. "О, наши десять коз! Наши десять коз! О, о!"

Монасимба отправился к своей жене, и после мытья он может появиться среди людей. Если вдовы нет, он должен сидеть голым за своим домом, пока кто-нибудь не придет туда; всю одежду, которая была на нем, выбрасывают. Мужчина, убивший женщину, выходит на свободу; он предложил своей бабушке, чтобы ее убили вместо него, и после долгих разговоров с ним ничего не сделали. Они самые низкие из низких, особенно в кровожадности.

Сильный человек среди них беззаконен, он делает все, что ему заблагорассудится, без всяких уговоров и сопротивления со стороны главы. Так, например, жена одного человека была отдана другому за десять козлов, а затем был продан и его ребенок. Ради коз и скота эти люди готовы на любую подлость и жестокость.

Ливингстон вынужден записать это свидетельство после того, как обнаружил несколько новых доказательств униженности этого народа: "Маньюэма - самые кровавые и бессердечные дикари, которых я знаю. Один из них кладет на землю алое перо из хвоста попугая и предлагает тем, кто находится рядом, воткнуть его в волосы. Тот, кто принимает вызов, должен убить мужчину или женщину.

"Другой обычай гласит, что никто не смеет носить шкуру мускусной кошки (*нгава*), пока не убьет кого-нибудь. Только оружие не позволяет им убивать всех нас, и то без причины; некоторые убивают людей, чтобы получить разрешение носить в волосах красные перья попугая. И все же они не такие уродливые, как негры Западного побережья, ведь у многих из них головы такой формы, какой не найти и в Лондоне. Мы, англичане, если бы были голыми, были бы просто жалкими фигурами рядом с подтянутыми формами и тонкими конечностями мужчин и женщин Маньюэмы".

Люди настолько кровожадны, что путешественники повсюду просят, чтобы некоторые из их собратьев были убиты. Они боятся заходить в деревни, расположенные в трех-четыре мили от них, потому что там живут убийцы отцов и матерей и других родственников. Моральное состояние этого народа - одна из главных деградаций.

Они далеко не щедрый народ. Хассани, мусульманский торговец, рассказал доктору Ливингстону, что ни один маньюэма не дал ему даже картофелины или банана, хотя он сделал им множество подарков. Они неправдивы как народ, но очень честны. Они даже не крадут никаких вещей. Если пропадает птица, коза или что-то еще, то можно узнать, что

вором является арабский раб. Примечателен тот факт, что Ливингстон и арабские купцы держали своих птиц в деревнях Маньюема, чтобы их не украли их собственные рабы. Сознательное, строгое чувство справедливости, сочетающееся с кровожадностью, - необычная черта в характере этого племени.

Маньюема очень боятся оружия. Часто человек одалживает его, чтобы помочь решить спор. Идя с ним на плече, он может легко регулировать сложность спора страхом, который внушает это оружие, даже если его противник знает, что не сможет им воспользоваться.

Хотя присутствие оружия всегда пробуждает такой ужас, но если их враги вооружены только копьями, какими бы многочисленными они ни были, эти люди храбры. Распространено выражение "Маньюема - плохие". Они очень жестоки между собой, но их репутация плохих в немалой степени вызвана представлениями арабских торговцев, которые грабят их всеми возможными способами. Неудивительно, что некоторая скверность проявляется, когда их хижины присваиваются без права на свободу, компенсации или благодарности. Дрова, горшки, корзины, еда - в общем, все, что им приглянется. Женщины обычно убегают в лес, чтобы вернуться только после ухода захватчиков, но найти свое имущество разграбленным или уничтоженным. Если к ним относятся доброжелательно, они делают знаки дружбы, даря провизию и фрукты. Арабы съедят все, что попадется им под руку, а потом скажут: "Маньюэма плохие, очень плохие".

Что касается каннибализма, то маньюэма едят только своих врагов и тех, кого убивают на войне. Некоторые утверждают, что пленников тоже едят, а раба покупают вместе с козой, чтобы съесть, но в правдивости этого утверждения можно усомниться. В результате самых тщательных наблюдений Ливингстон пришел к выводу, что едят только тех, кто убит в бою, и то в отместку. Мокандира сказал: "Мясо не очень приятное; оно заставляет мечтать о мертвеце".

На западе Луалабы считается, что люди едят тех, кого покупают для пиршества. Все сходятся в том, что человеческая плоть соленая и не требует особых приправ.

На рынке появился незнакомец, у которого на веревке через плечо висело десять человеческих костей под челюстью. Когда его допросили, он признался, что убил и съел хозяев, и показал ножом, как он их разделявал. Когда его рассказ вызвал отвращение, он и другие рассмеялись.

У Муанампунды произошла большая драка, и Ливингстон видел, как мясо разделявали, чтобы приготовить. Туземцы, испытывая стыд, сказали: "Идите и не мешайте нам пировать". Они едят своих врагов, чтобы вселить в них мужество. Этот обычай кажется весьма примечательным, ведь здесь нет недостатка во всевозможной пище. Страна полна ею, переполнена макаронными изделиями, мясом и рыбой всех сортов, и у них есть стимулирующие роскошь пальмовое повидло, табак или *бандж*. Природа, столь щедро одаривающая их, показывает, что каннибализм - это не результат нужды или голода, а всего лишь развращенный аппетит, жаждущий мяса, которое мы называем "высоким".

"Говорят, что они закапывают мертвое тело на несколько дней в землю в лесу, и за это время, благодаря климату, оно вскоре становится достаточно гнилым, чтобы насытить самые крепкие желудки".

Огромной потребностью этого народа являются какие-то узы союза или национальной жизни. Но ни в Маньюеме, ни в Балегге нет верховного вождя, и поэтому племя распадается. Каждый глава считает себя *мологве* или вождем, какой бы маленькой ни была его деревня,

даже если в ней всего четыре или пять хижин, и поэтому он независим. Это объясняет отсутствие политической сплоченности среди людей. Ревность и страх друг перед другом среди вождей - вот что мешает им объединиться ради общего благополучия. При отсутствии единства интересов, согласованности действий, правителя, которому все должны хранить верность, неизбежны преступления, междоусобицы и войны. Преступления против личности или собственности не могут быть наказаны иначе, как мексией, расправой, войной, в которой проливается кровь. Таким образом, между соседними деревнями возникает вражда, которая длится поколениями и приводит к огромному количеству насилий и страданий. В таком состоянии взаимной вражды они становятся легкой добычей арабских авантюристов, поддаваясь их поборам и грабегам лишь при самом слабом сопротивлении.

Среди этого племени не наблюдается никакого прогресса или улучшений; кажется, что они навсегда зашли в тупик. Влияние умных и мудрых вождей не в состоянии вывести их из той деградации, в которой выкристаллизовались их характер и жизнь. Моеенкусс был мудрым правителем, стремящимся улучшить положение своего народа. Он платил кузнецам, чтобы те научили его сыновей работать с медью и железом, но так и не смог вдохновить их своим собственным щедрым и дальновидным духом. Они не могли подражать его добродетелям: были лишены всякого великодушия, проникательности и честолубия.

Болезнь под названием *сафура*, результат поедания глины или земли, довольно распространена среди манюэма. Хотя рабы более склонны к этой привычке, но она не ограничивается только ими. Они едят глину не для того, чтобы покончить со своей жизнью и страданиями. Женщины манюэма едят ее во время беременности, и у многих, кто не испытывает недостатка в пище, появляется этот смертельный аппетит. Болезнь проявляется в опухших ногах, потере плоти и изможденном лице. Жертва ходит с большим трудом из-за одышки и слабости, но продолжает есть, пока смерть не оборвет ее жизнь. Вылечиться от *сафура* можно только с помощью самых сильных лекарств и полного воздержания от употребления глины.

Страна Маньюема нездорова не столько из-за лихорадки, сколько из-за общей прострации, вызванной сыростью, холодом и несварением желудка. Некоторые приписывают эту слабость маису, который является обычной пищей, вызывающей слабость кишечника или холерное очищение. Язвы образуются на любом участке тела, который подвергается истиранию, и они подобны распространяющемуся грибку, поскольку вещество, прилипающее к любой части тела, образует свежий центр распространения. Эти язвы очень быстро разрастаются, если не давать им покоя. Они очень трудно поддаются лечению, проникая в кость, особенно на голеньях. Многие рабы умирают от них. Часто встречается ревматизм, и многие туземцы умирают от него. Распространен ленточный червь, от которого не знают средства ни арабы, ни туземцы.

Одно из животных, найденных в Маньюеме, настолько примечательно, что требует особого внимания. Это, несомненно, новый вид шимпанзе, а не горилла. Чучело последней, хранящееся в Британском музее, видели Суси и Чума, люди Ливингстона, и они, знакомые с видом соко, называли их непохожими на горилл, но такими же большими и сильными.

Описание этого животного, сделанное Ливингстоном, настолько наглядно и интересно, что мы приводим его ниже полностью: "Они часто ходят прямо, но кладут руку на голову, как бы для того, чтобы поддержать тело. В таком виде соко представляет собой неуклюжее животное. Самая сентиментальная барышня не назвала бы его "милым", а назвала бы косолапым, горшкообразным, низкорослым негодяем, в котором нет ни капли джентльмена".

"Другие животные, особенно антилопы, грациозны, и на них приятно смотреть как в покое, так и в движении. Туземцы также хорошо сложены, стройны и приятны на вид, но соко, если он большой, вполне сойдет за изображение дьявола.

"Он отбивает у меня аппетит своей отвратительной звериной внешностью. На его светло-желтом лице видны уродливые усы и слабая аполония бороды; лоб, злодейски низкий, с высоко поставленными ушами, хорошо оттеняет огромную собачью пасть; зубы слегка человеческие, но клыки своим большим развитием выдают зверя.

"Руки, вернее, пальцы, похожи на руки туземцев. Мякоть ног желтая, и по тому, с какой жадностью маньюэма поглощают ее, создается впечатление, что поедание соко было первой стадией, на которой они стали каннибалами. Они говорят, что плоть очень вкусная. Некоторые считают, что соко очень хорошо осведомлен, успешно преследует мужчин и женщин во время их работы, похищает детей и убегает с ними на деревья.

"Его, кажется, забавляет вид маленького туземца на руках, но он спускается, когда его соблазняют связкой бананов, и, подняв ее, роняет ребенка; молодой соко в этом случае крепко держится за подмышку старшего. Один человек срезал мед с дерева и был голым, как вдруг появился соко и поймал его, а затем отпустил. Один человек охотился и, пытаясь заколоть соко, промахнулся; оно схватило копье и сломало его, а затем схватилось с человеком, который обратился к своим спутникам: "Соко поймал меня! Соко откусил ему кончики пальцев и вырвался невредимым. Оба мужчины сейчас живы в Бамбарре.

"Соко настолько хитер и имеет такие острые глаза, что никто не может преследовать его спереди, не будучи замеченным; поэтому, когда в него стреляют, он всегда попадает в спину. Когда он окружен людьми и сетями, его обычно бьют копьем и в спину; в остальном он не очень грозный зверь. По силе поражения нападающего он не сравнится ни с леопардом, ни со львом, а скорее с безоружным человеком, так как ему не приходит в голову использовать свои клыки, длинные и грозные зубы.

"Многие из них спускаются в лес в сотне ярдов от нашего лагеря и были бы неизвестны, если бы не высунули язык, как лисьи гончие: это их ближайшее приближение к речи. На человека, копавшего мотыгу, набросился соко и схватил его. Он зарычал, но соко хихикнул и ухмыльнулся и оставил его, как будто он сделал это в игре. Ребенка, пойманного соко, часто обижают: щиплют, царапают и дают упасть.

"Иногда соко убивает леопарда, схватив его за обе лапы и укусив их так, чтобы лишить сил; затем он забирается на дерево, стонет над своими ранами и иногда выздоравливает, а леопард умирает. В других случаях и соко, и леопард погибают. Лев убивает его сразу, иногда отрывает ему конечности, но не ест. Соко не ест плоти; его лакомством являются маленькие бананы, но не кукуруза. Его пища состоит из диких фруктов, которые растут в изобилии. Один из них, стафене, или манюма-мамва, похож на большой сладкий соп, но безразличен по вкусу и мякоти. Иногда соко приносит двойню. Охотники Мохамата видели очень крупного соко, который сидел и ковырялся в ногтях. Они попытались выследить его, но он исчез.

"Некоторые маньюэма считают, что их похороненные мертвецы воскресают в виде соко, а один был убит с дырками в ушах, как будто он был человеком. Он очень силен и боится оружия, но не копья; он никогда не ловит женщин".

"Сокосы собираются вместе и производят барабанный бой, некоторые говорят, что с помощью полых деревьев, затем раздражаются громкими криками, которые хорошо имитируются эмбриотической музыкой туземцев. Когда люди слышат их, они идут к соко; но

соко никогда не идут к людям с враждебностью. Маньюэма говорят: "Соко - это человек, и в нем нет ничего плохого".

"Если у человека нет копыя, соко уходит довольным; но если его ранят, он хватается запястье, отрубает пальцы и выплевывает их, бьет жертву по щекам и кусает, не прорывая кожи. Он достает копые (но никогда им не пользуется), берет несколько листьев и засовывает их в рану, чтобы остановить кровь. Он не желает встречи с вооруженным человеком. Он видит, что женщины не причиняют ему вреда, и никогда не пристаёт к ним; мужчина без копыя почти безопасен для него.

"Они живут общинами примерно по десять человек, у каждого своя женщина. Вторгшегося из другого лагеря они отбивают кулаками и громкими криками. Если один пытается завладеть самкой другого, он оказывается на земле, и все объединяются, чтобы боксировать и кусать обидчика. Самец часто несет ребенка, особенно если они переходят от одного участка леса к другому по травянистому пространству; затем он отдает его матери".

Через некоторое время после охоты на соко, в результате которой появился поразительный портрет этого зверя, оставленный Ливингстоном, Катомба подарил ему молодого соко, пойманного, когда его мать была убита. "Она сидит на высоте восемнадцати дюймов; у нее прекрасная длинная черная шерсть, которая была очень красивой, пока ее содержала в порядке ее мать. Она наименее шаловлива из всего обезьяньего племени, которое я видел, и, похоже, знает, что во мне она имеет друга, и спокойно сидит на коврик рядом со мной. При ходьбе первое, что я заметил, это то, что она ступает не на ладони, а на тыльные стороны второй линии костей рук; при этом ногти не касаются земли, как и костяшки пальцев. Опираясь на костыли, она держится за них; иногда одна рука опускается перед другой и чередуется с ногами, или же она идет прямо и протягивает руку, чтобы кто-нибудь ее понес; в случае отказа она опускает лицо и корчит гримасы самого горького человеческого плача, разминая руки, а иногда добавляет четвертую руку или ногу, чтобы сделать обращение более трогательным. Траву или листья она натаскивает вокруг себя, чтобы устроить гнездо, и обижается, если кто-то вмешивается в ее владения. Это очень дружелюбный зверек, он сразу же подошел ко мне, издал приветственное щебетание, понюхал мою одежду и протянул руку для пожатия. Я без обиды шлепнул ее по ладони, хотя она вздрогнула. Она начала развязывать шнур, которым ее потом связали, пальцами и большими пальцами, причем довольно систематически, а когда ей помешал мужчина, посмотрела на него с кинжалами и, закричав, попыталась избить его руками. Она испугалась его палки и встала лицом к нему, прижавшись ко мне спиной, как к другу. Она протягивает руку, чтобы люди подняли ее и понесли, как избалованный ребенок, затем раздражается страстным криком, похожим на крик коршуна, и совершенно натурально сжимает руки, как будто в отчаянии. Она ест все подряд, накрывается циновкой, чтобы спать, устраивает гнездо из травы или листьев и вытирает лицо листом".

Туземцы считают, что живая соко может принести дождь. Во время засухи одного поймали, но его постигла обычная участь тех, кто без оружия вступает в схватку с этим животным: он лишился кончиков пальцев рук и ног.

ГЛАВА CLXV.

АФРИКА - продолжение.

УНЬЯМВЕЗИ.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА УНЬЯМВЕЗИ - ПРОТЯЖЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ - ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ПЕЙЗАЖИ - ОПИСАНИЕ СТЭНЛИ - ДЕРЕВЬЯ ЛЕСА - ПЛОДОНОСЯЩИЕ ДЕРЕВЬЯ - "ЗНАХАРЬ" - ДОВЕРЧИВОСТЬ ЛЮДЕЙ - БОЛЕЗНИ - ПОРТРЕТ МНЬЯМВЕЗИ - ЯНКИ АФРИКИ - ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ - НЕОБЫЧНЫЕ ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ПОГРЕБЕНИЕМ - СТАРОСТЬ РЕДКО ВСТРЕЧАЕТСЯ - ВЕРОЯТНОЕ ВЫМИРАНИЕ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ.

Хотя подробный и интересный рассказ о народе уньямвези был дан в одной из предыдущих частей этой работы (см. с. 386), мы думаем, что наши читатели будут благодарны за дополнительный очерк о них, составленный на основе "Путешествий и приключений в Центральной Африке" Стэнли, ставших результатом его романтической и успешной экспедиции в поисках Ливингстона.

Название Ваньямвези, или Баньямвези, как называет их Ливингстон, происходит, по его словам, от украшения из слоновой кости в виде новолуния, подвешенного к шее, с рогом, протянутым через каждое плечо. По преданию, их предки пришли с морского побережья, и когда люди спрашивали о них, они отвечали: "Мы имеем в виду людей с лунным орнаментом". Этот орнамент сейчас носят очень широко, и для его изготовления используется большое количество слоновой кости. Иногда, однако, вместо слоновой кости используют изогнутые бивни бегемотов.

Если бы название относилось к "лунному украшению", как думают люди, то оно было бы Ба или Вамвези, но Баньямвези означает, вероятно, Ба, *они или люди*, Нья, *место*, Мвези, *луна*, люди лунной местности или лунной страны.

Примечание: М - префикс для обозначения человека из любой страны, например, М-джиджи, уроженец Джиджи. У - префикс для обозначения страны, например, У-јііі, что означает страну Јііі. Ва обозначает людей, таким образом, Ва-јііі означает людей из Јііі. Ва-ня-мвези - жители Мвези.

Туземцы произносят это слово, Уньямвези, как Оо-ня-мвези. Его значение, по мнению исследователей Африки, Крапфа, Бертона, Спекса, - "Страна Луны". Мистер Десбро Кули считает, что оно означает "Владыка мира", а его орфография, по его мнению, должна быть Monomoezi. Мистер Стэнли, однако, отличается от них всех и приводит следующее обоснование своей интерпретации: Когда-то в Укалаганзе, первоначальном названии страны, известном западным племенам, жил могущественный и успешный король. Его звали Мвези, и после его смерти его сыновья боролись за обладание его властью. По их именам были названы части страны, которые они получили в результате своих войн. Жители центральной части, Укалаганзы, приняв того, кого старый король назначил своим преемником, стали называться детьми Мвези, а вся страна - Уньямвези, в то время как другие районы назывались Кононго, Сагози, Гунда, Симбири и т. д. Эту теорию, столь противоречащую мнению других путешественников, Стэнли основывает на предании, рассказанном ему старым вождем Масанги, который лежит на дороге в Мфуто. Он подтверждает ее и тем, что короля Урунди зовут Мвези, а название почти каждой деревни в Африке происходит от имени какого-нибудь живого или умершего вождя.

Эта страна занимает площадь около 24 500 квадратных миль и делится на районы, известные как Уньянембе, самый густонаселенный, Угунда, Усагара, Угара, Нгуру, Усонго и т. д.

Ни одна часть Восточной или Центральной Африки не сравнится с Уньямвези по красоте пейзажей. Сочетание лесов с полянами и равнинами, скалистые возвышенности, то тут, то там возвышающиеся над разноцветной листвой, которая лежит, как широко раскинутый ковер, представляют собой необычайно привлекательный вид. Хотя здесь нет ни величественных гор, ни живописных или поразительных сцен, и путешествие по стране не пробуждает эмоций возвышенности, тем не менее пейзаж, насколько хватает глаз во всех направлениях, настолько прекрасен, что запомнится навсегда.

Стэнли, описывая его, говорит: "Листва имеет все цвета призмы; но по мере того как леса уходят вдаль, спокойная, таинственная дымка окутывает их своим мягким саваном, окрашивает их сначала в светло-голубой цвет, затем постепенно в более глубокий, пока вдали не появляется лишь тусклая высь, и, вглядываясь в ее блеклый контур, мы погружаемся в дневной сон, такой же нечеткий в своих очертаниях, как и вид, который появляется на горизонте. Не думаю, что кто-то сможет смотреть на такую сцену, не желая, чтобы его жизнь угасла так же безмятежно, как очертания лесов Уньямвези".

Эти леса изобилуют большим разнообразием деревьев, древесина которых, в зависимости от особенностей каждого, используется туземцами.

Мкуронго тверже и долговечнее гикори и поддается очень высокой полировке. Из этого дерева делают пестик для толчения зерна.

Кора, из которой шьют ткани, происходит от мбугу. После тщательного вымачивания ее толкут, а затем высушивают и растирают, чтобы она напоминала войлок. Из этой коры туземцы иногда делают веревки, а также круглые ящики для хранения зерна. Они украшают их различными способами.

Другое дерево, называемое имбите, способно украшать резьбу, делая из него двери и колонны. Кроме того, оно издает приятный запах, и это качество, а также красивый цвет делают его любимым деревом. Стэнли упоминает еще около двадцати разновидностей, большинство из которых используются для каких-то полезных целей. Эти деревья растут повсюду в экваториальной Африке.

Из гвинейской пальмы туземцы извлекают опьяняющий ликер, называемый "тембо". Из подорожника делают тодди, который они называют "зогга".

В Центральной Африке растут различные плодоносящие деревья, а также многочисленные сорта винограда, некоторые из которых ядовиты. В пищу различные племена употребляют сорго, кунжут, просо, маис или индийскую кукурузу, бобовые, фасоль и рис, а также много видов рыбы. Есть один вид, называемый "догара", который, хотя и является одним из самых мелких, вносит большой вклад в питание народа, чем любой другой. Это мелкая рыбешка, своего рода белая наживка, которую ловят сетями в огромных количествах в озере Танганьика. Затем их сушат на солнце или солят, и они часто становятся предметом торговли вплоть до Уньяньембе.

Вера в силу "знахаря" почти безгранична. Туземцы считали, что Стэнли способен вызывать дождь; что при определенной подготовке он может убить всех людей Мирамбо, враждебного вождя, который совершал частые набеги на них. Они несли к нему своих больных, веря, что он сможет их вылечить. Успокоить их можно было только самым искренним и решительным утверждением, что он не обладает такой силой. Один старик принес ему прекрасную жирную овцу и блюдо овощей, чтобы попросить его о помощи в излечении хронической дизентерии, но он отказался от них, отрицая любую способность помочь ему.

На этом легковерии людей основано широкое и порой страшное влияние "знахаря" в Африке. Ни одна охотничья экспедиция Ваньямвези не отправляется в путь, не посоветовавшись с *мганга* (знахарем), который за определенную плату снабжает их чарами, зельями, травами и благословениями. Кусочек уха зебры, кровь льва, коготь леопарда, губа буйвола, хвост жирафа, бровь харте-биста - сокровища, с которыми не расстаются только за денежное вознаграждение. К их шеям подвешивают отполированные кусочки кварца треугольной формы, кусочки резного дерева и всемогущий талисман в виде растения, бережно зашитый в маленький кожаный мешочек".

В Центральной и Восточной Африке распространены те же болезни, которым подвержены цивилизованные народы. Самый страшный бич - оспа; ее опустошительные последствия видны повсюду на линии караванов и в обезлюдивших деревнях. Применяются строгие карантинные меры, и все же многие люди умирают от этой страшной болезни. Если кто-то из каравана заболевает, его оставляют в пустыне, так как караван не может остановиться. Несчастных страдальцев не примут ни в одной деревне. Поэтому они уходят в джунгли, запасаясь едой и водой, и там ждут выздоровления или смерти, чаще всего последней. Черепа, белеющие в воздухе на пути следования каждого каравана, свидетельствуют о разрушениях, причиненных этой отвратительной болезнью.

Мистер Стэнли считает Ваньямвези самым замечательным племенем в Центральной Африке. Его прекрасная характеристика, приведенная ниже, взята из его интересной книги "Как я нашел Ливингстона".

"Идеалом мнямвези для меня будет высокий, длинноногий чернокожий мужчина с добродушным лицом, на котором всегда сияет широкая улыбка; в верхнем ряду зубов - небольшое отверстие, вырезанное в детстве для обозначения племени; сотни длинных, жилистых колец свисают по шее; почти обнаженный, что дает мне полное представление о форме, которая послужила бы прекрасной моделью для черного Аполлона. Я видел многих представителей этого племени в одежде вольноотпущенников Занзибара, в тюрбане из нового американского полотна или в длинной рубашке араба, представляющих столь же прекрасную и интеллигентную внешность, как и любой Мсавахили с побережья Занзибара, - но я не могу избавиться от своего идеала.

"Мнямвези - это африканский янки; он прирожденный торговец и путешественник. С незапамятных времен его племя монополизировало перевозку товаров из одной страны в другую. Мнямвези - это верблюд, лошадь, мул, осел, ноша, на которую с нетерпением рассчитывают все путешественники, чтобы доставить свой багаж с побережья в далекие африканские глубинки. Араб без его помощи никуда; белый путешественник, отправляющийся на разведку, не может без него путешествовать..... Он, как моряк, обитает в некоторых матросских пансионах в больших морских портах и, как моряк, является неугомонным скитальцем. Морское побережье для мнямвези - все равно что Нью-Йорк для английского моряка. В Нью-Йорке английский моряк может пересечь на корабль с более высокой оплатой; так и мнямвези может пересечь на побережье, чтобы совершить обратное путешествие, по более высокой ставке, чем из Уньямвези в море. Он пользуется таким спросом, а в военное время так скуден, что за него платят много, от тридцати шести до ста ярдов ткани. Сотня этих *bites de somme* легко обойдется путешественнику в 10 000 ярдов ткани даже до Уньянембе, что составляет три месяца пути, а 10 000 ярдов ткани - это 5 000 долларов в золоте.

"Ваньямвези", нагруженный тюками из Занзибара, содержащий хлопчатобумажные ткани и домики из Массачусетса, ситец из Англии, гравюры из Маската, ткани из Катча, бисер из

Германии, латунную проволоку из Великобритании, можно найти на Луалабе, в лесах Укавенди, на холмах Уганды, в горах Карагваха, на равнинах Урори, на плато Угого, в парковых землях Укононго, в болотах Усегуха, в дефиле Усагара, в пустыне Убена, среди пастушеских племен ватута, бредущих вдоль берегов Руфиги, в работоторговом Килве - везде по всей Центральной Африке.

"В путешествиях с караванами они послушны и послушны; в своих деревнях они веселы; в собственных торговых экспедициях они проницательны и умны; в качестве руга-руга они беспринципны и смелы; в Укононго они охотники; в Усукуме они погонщики и плавильщики железа; в Лунде они энергичные искатели слоновой кости; на побережье они дивный и благоговейный народ".

Ваньямвези очень трудолюбивы и весьма изобретательны. Они выплавляют железо, делают оружие для войны и сельскохозяйственные орудия. Они готовы обменять свои топоры, крюки, копья, луки и т.д. на ткани. Это обычное зрелище - торговец, пытающийся совершить бартерную сделку со своим разнообразным товаром. Он продает первоклассный лук за четыре ярда полотна, а за два ярда покупает дюжину стрел.

Они довольно ловкие кузнецы и производят железную и медную проволоку. Процесс заключается в следующем: тяжелый кусок железа с воронкообразным отверстием прочно закрепляется в развилке дерева. Затем в него вставляется тонкий стержень, а к первым нескольким дюймам, которые можно продеть, прикрепляется леска. Несколько человек натягивают эту леску, напевая и пританцовывая в такт, и таким образом она проходит через первое сверло; впоследствии ее пропускают через другие, чтобы сделать тоньше. В результате получается отличная проволока.

Любовь к музыке - одна из характерных черт этого племени, как и почти всех африканцев. Хотя музыка груба, но те, кто ее слушает, обычно не являются самыми искушенными и придирчивыми критиками. Поэтому у нее есть свое применение и достоинства. Иногда она становится средством сатиры или юмора. Последний скандал или сенсация включаются в песню, потому что многие люди обладают способностью импровизатора и таким образом способствуют развлечению или интересу своей деревни, ссылаясь или критикуя вопросы, представляющие общественный интерес, или личные сплетни.

Женщины, как правило, очень домашние и грубые, в отличие от женщин батуси, которые очень часто бывают красивыми. Их главное украшение - полумесяц. Они не отличаются щедростью, усвоив арабскую пословицу "ничто не дается даром", но при этом отличаются почитательностью в поведении.

У этого племени есть весьма необычные обычаи, связанные с рождением и погребением. "Когда рождается ребенок, - рассказывает мистер Стэнли, - отец вырезает котел, идет с ним к границе своего района и там кладет его под землю; если граница - ручей, он хоронит его на берегу; затем, взяв корень дерева, он переносит его, возвращаясь, и хоронит у порога своей двери. Затем он приглашает своих друзей на приготовленный им пир. Он убивает быка или полдюжины козлов и раздает помбе. Мать, когда приближаются роды, спешит в лес, и там ее сопровождает подруга.

"После смерти Ваньямвези уносят тело в джунгли или, если это важный человек, хоронят его в сидячем положении или на боку, как у вагого. В походе тело просто отбрасывают в сторону и оставляют на съедение гиене, самому чистому падальщику леса. Когда смерть забирает члена семьи, родственники умершего говорят, что "его забрал Мирингу", или "он потерялся", или "это Божья работа".

В Центральной Африке очень мало стариков. В каждой деревне есть свидетельства преждевременного возраста: седые волосы и согбенные формы. Ваньямвези, похоже, уменьшаются в численности. Из-за эмиграции в другие племена, тягот путешествий и ношения тяжестей, которым подвергаются многие из них, и разрушительных рабских войн, в которых участвуют их вожди, этот народ, очевидно, вымирает. Это печальное зрелище, этот упадок и исчезновение одного из самых умных и способных племен Африки.

По свидетельству Стэнли, "восемь из десяти обесцвеченных черепов вдоль торговых путей во внутренних районах страны принадлежат несчастным Ваньямвези, которые поддались опасностям и лишениям, сопутствующим следам каждого каравана". Какую силу в стране не сделало бы из этих людей филантропическое правительство! Каким славным свидетельством милосердия цивилизации они могли бы стать! Какими послушными новообращенными к евангельским истинам не стали бы они благодаря практическому миссионеру!"

ГЛАВА КЛЮЧЕВАЯ. АФРИКА - продолжение. УВИНЗА И УХА.

УВИНЗА, ЕЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ВЕЛИКИЙ МУТВАР КИМЕНИ - ЕГО ПОБОРЫ - КАРАВАН ОСТАНОВЛЕН - ДОЛГИЙ РАЗГОВОР С ВОЖДЕМ МИОНВУ - РЕЧЬ МИОНВУ - ОТВЕТ СТЭНЛИ - ТРЕБОВАНИЕ МИОНВУ О ДАНИ - ВОЖДЬ НЕПРЕКЛОНЕН - СТЭНЛИ РАЗГНЕВАН, НО БЕССИЛЕН - СОВЕТ СО СВОИМИ ЛЮДЬМИ - ПРИНЯТ ИХ СОВЕТ О МИРЕ - УПЛАЧЕНА ОГРОМНАЯ БОНГА - ЗАПАСЫ СТЭНЛИ СИЛЬНО СОКРАТИЛИСЬ - СМЕЛЫЙ ПЛАН БЕГСТВА ОТ РАЗБОЙНИКОВ - ЕГО УСПЕХ - НАЙДЕН ЛИВИНГСТОН.

К северу от Уньяньембе находится Увинза - труднопроходимая и несколько гористая страна. Ее многочисленные овраги и хребты, хотя и придают живописность видам, однако не способствуют ее продуктивности. Она слабо орошается: берега реки Малагарази - почти единственная плодородная часть. Здесь много солончаков, из которых жители добывают соль. Пересекая Малагарази, путешественник встречает новые обычаи и особенности. Способ приветствия необычен и утомителен. Когда люди приближаются, они протягивают друг другу обе руки, произнося слова "Проснись, проснись!". Затем они берут друг друга за локти и, потирая руки, быстро повторяют: "Проснись, проснись, ваки, ваки!" и, наконец, завершают эту утомительную формулу ворчанием "Ха, ха!" в знак удовлетворения. Они одеваются в ткани, если могут купить их у караванов; если же они бедны, то используют "козьи шкуры, подвешенные узлом, завязанным через плечо и спадающим на одну сторону их тела".

После многих опасностей и задержек Стэнли вошел в страну Ухха. Граница между Увинзой и Уххой проходит по узкой сухой канаве. Здесь можно было увидеть множество небольших деревень без привычной защиты в виде острогов, что свидетельствовало о том, что люди живут спокойно и не боятся мародеров. Остановившись в Каванге, он вскоре узнал от вождя, что тот является "великим мутваром Кимени при короле и, следовательно, сборщиком дани для его величества Киха". В качестве иллюстрации африканского характера и трудностей путешествия по внутренним районам мы приводим рассказ Стэнли своими словами: - "Он

заявил, что он единственный мутвар под властью короля и что он собирает дань с его величества Киха.

"Он заявил, что он единственный в Кимени, восточной части Уха, кто может требовать дань, и что для него было бы очень приятно, а для нас экономией, если бы мы сразу же удовлетворили его требование в двенадцать *доти* хорошей ткани. Однако, зная характер африканца, мы не сочли это наилучшим вариантом, поэтому сразу же приступили к уменьшению требования, но после шестичасового жаркого спора *мутваре* уменьшили его только на два. Тогда это требование было улажено при том понимании, что нам будет позволено проехать через Ухху до реки Русуги, не подвергаясь дальнейшему наживу.

"Покинув Кавангу рано утром и продолжая наш марш по бескрайней равнине, мы шли на запад, радостно поздравляя себя с тем, что в течение пяти дней мы увидим то, ради чего я приехал далеко от цивилизации и преодолел столько трудностей, и уже собирались пройти мимо скопления деревень со всей уверенностью, которой обладают люди, против которых никто не имеет больше претензий или слова, когда я заметил двух мужчин, которые вынырнули из группы туземцев, наблюдавших за нами, и побежали к главе экспедиции, очевидно, с целью помешать дальнейшему продвижению.

"Караван остановился, и я прошел вперед, чтобы выяснить причину у двух туземцев. Два ваха вежливо приветствовали меня обычными *ямбами*, а затем спросили: "Почему белый человек проходит мимо деревни короля Ухха без приветствия и подарка? Разве белый человек не знает, что в Уххе живет король, которому вангвана и арабы платят что-то за право прохода?"

"Мы заплатили вчера вечером вождю Каванги, который сказал нам, что он - человек, назначенный королем Уххи для сбора пошлины".

"Сколько вы заплатили?"

"Десять *доти* хорошей ткани".

"Вы уверены?"

"Совершенно уверен. Если вы спросите его, он вам скажет".

"Ну что ж! - сказал один из вахха, красивый, умный юноша, - наш долг перед королем - задержать вас здесь, пока мы не выясним правду. Может быть, вы пройдете в нашу деревню и отдохнете под сенью деревьев, пока мы не пошлем гонцов в Кавангу?"

"Нет, солнце только час как взошло, а нам еще далеко идти; но чтобы показать вам, что мы не стремимся пройти через вашу страну, не сделав того, что положено, мы отдохнем там, где сейчас стоим, и пошлем с вашим гонцом двух наших воинов, которые покажут вам человека, которому мы заплатили ткань".

"Гонец уехал, а тем временем красивый юноша, оказавшийся племянником короля, шепнул какое-то приказание отроку, который тут же поспешил прочь, с быстротой антилопы, к скоплению деревень, которые мы только что миновали. Результатом этого поручения, как мы вскоре увидели, стало приближение группы воинов, числом около пятидесяти, во главе с высоким, прекрасного вида мужчиной, который был одет в малиновый халат, называемый *джохо*, два конца которого были завязаны узлом через левое плечо; новый кусок американской простыни был сложен вокруг его головы как тюрбан, а к шее был подвешен большой изогнутый кусок полированной слоновой кости. Он и все его люди были вооружены

копьями, луками и стрелами, а их продвижение вперед было отмечено неторопливостью, свидетельствующей о полной уверенности в любом возможном исходе дела.

"Великолепно одетый вождь был примечательным человеком. Его лицо было овальным, с высокими скулами, глубоко посаженными глазами, выдающимся и смелым лбом и хорошо очерченным ртом; он был высок и идеально симметричен.

Когда мы приблизились, он приветствовал меня словами "Yambo, bana?" (Как поживаете, хозяин?) вполне сердечным тоном.

Я ответил также радушно: "Ямбо, мутваре?" (Как поживаешь, вождь?).

"Мы, я и люди, обменялись *ямбо* с его воинами, и ничто не указывало на то, что встреча носила враждебный характер.

"Вождь сел, опираясь на пятки, и положил лук и стрелы рядом с собой, его люди сделали то же самое. Я сел на тук, а каждый из моих людей уселся на свой груз, образовав полукруг. Ваха немного превосходили численностью мою группу, но если они были вооружены только луками и стрелами, копьями и палками, то мы - ружьями, мушкетами, револьверами, пистолетами и топорами.

"Все расселись по местам, и в зале воцарилась глубокая тишина. Затем вождь произнес: Я - Мионву, великий *мутвар* из Кимени, и я соседствую с королем, который живет вон там", - указывая на большую деревню у голых холмов, примерно в десяти милях к северу. Я пришел поговорить с белым человеком. У вангванов и арабов всегда был обычай делать подарок королю, когда они проезжали через его страну. Не хочет ли белый человек заплатить королю дань? Почему белый человек останавливается на дороге? Почему он не зайдет в деревню Лукомо, где есть еда и тень, где можно спокойно все обсудить? Белый человек хочет драться? Я хорошо знаю, что он сильнее нас. У его людей есть ружья, а у вахха - только луки, стрелы и копья; но Ухха велика, а наших деревень много. Пусть он посмотрит вокруг: все вокруг - Ухха, и наша страна простирается гораздо дальше, чем он может увидеть или пройти за день. Король Ухха силен, но он желает дружбы только с белым человеком. Будет ли у белого человека война или мир? За этой речью Мионву последовал глубокий ропот согласия со стороны его людей и неодобрение, смешанное с беспокойством, со стороны моих людей".

Стэнли ответил следующим образом.

"Мионву, великий *Мутваре*, спрашивает меня, пришел ли я на войну. Когда Мионву слышал, чтобы белые люди воевали с черными? Мионву должен понять, что белые люди сильно отличаются от черных. Белые люди не покидают свою страну, чтобы воевать с черными, и не приезжают сюда покупать слоновую кость или рабов. Они приезжают, чтобы подружиться с черными людьми; они приезжают, чтобы искать реки, озера и горы; они приезжают, чтобы узнать, какие страны, какие народы, какие реки, какие озера, какие леса, какие равнины, какие горы и холмы есть в вашей стране, чтобы, вернувшись, рассказать о них белым королям, мужчинам и детям. Белые люди отличаются от арабов и вангванов, белые люди все знают и очень сильны; когда они сражаются, арабы и вангваны убегают. У нас есть большие пушки, которые громяхают, и когда они стреляют, земля дрожит; у нас есть пушки, которые несут пули дальше, чем вы можете видеть. Даже из этих маленьких штучек (показывает на свои револьверы) я могу убить десять человек быстрее, чем вы можете сосчитать. Сейчас я могу убить Мионву, но я говорю с ним как с другом. Я хочу быть другом для Мионву и для всех чернокожих. Скажет ли Мионву, что я могу для него сделать?"

"По мере того как эти слова переводились ему, пусть несовершенно, но все же внятно, лица ваха показывали, как высоко они их оценили. Раз или два мне показалось, что я уловил что-то похожее на страх, но мои заверения в том, что я желаю мира и дружбы с ними, вскоре уничтожили все подобные чувства".

Мионву ответил

"Белый человек говорит мне, что он дружелюбен: почему же он не приходит в нашу деревню? Почему он останавливается на дороге? Солнце палит. Мионву больше не будет говорить здесь. Если белый человек - друг, он придет в деревню".

"Мы должны остановиться. Уже полдень. Вы прервали наш поход. Мы пойдем и разобьем лагерь в вашей деревне", - сказал я, одновременно поднимаясь и указывая мужчинам, чтобы они взяли свои вещи.

"Мы были вынуждены встать лагерем - помощи ждать было неоткуда: гонцы не вернулись из Каванги. Прибыв в свою деревню, Мионву растянулся во весь рост под скудной тенью нескольких деревьев, стоявших у *бома*. Около двух часов дня гонцы вернулись, сообщив, что вождь Каванги действительно взял десять тканей, но не для короля Уххи, а для себя.

Мионву, который, очевидно, обладал острым умом и прекрасно понимал, что к чему, проснулся и начал делать миниатюрные фаготы из тонкого тростника, по десять штук в каждом фаготе, и вскоре он вручил мне десять таких маленьких связок, в которых было сто штук, сказав: "Каждая палка - это ткань". Количество *бонга*, необходимое королю Уххи, составляло *сто тканей* - почти два тюка.

"Оправившись от изумления, которое было почти неопишным, мы предложили *десять*. 'Десять королю Уххи! Невозможно. Вы не выйдете из Лукомо, пока не заплатите сто', - многозначительно воскликнул Мионву.

"Я ничего не ответил, но пошел в свою хижину, которую Мионву расчистил для моего пользования, и пригласил Бомбея, Асмани, Мабруски и Чоупереха прийти ко мне для консультации. Когда я спросил их, не сможем ли мы пробиться через Ухху, они пришли в ужас, а Бомбей, умоляя, попросил меня хорошо подумать, что я собираюсь делать, потому что бесполезно вступать в войну с ваха. Он сказал: "Ухха - равнинная страна, мы не сможем нигде спрятаться. Каждая деревня поднимется вокруг нас, и как могут сорок пять человек сражаться с тысячами людей? Подумайте об этом, мой дорогой хозяин, и не бросайте свою жизнь ради нескольких лохмотьев ткани".

"Но, Бомбей, это же грабеж. Неужели мы дадим этому парню все, что он попросит? С таким же успехом он может потребовать у меня все ткани и все оружие, не дав ему увидеть, что мы умеем сражаться".

"Нет, нет, дорогой хозяин; не думай об этом ни минуты. Заплатите Мионву то, что он просит, и позвольте нам уйти отсюда. Это последнее место, где нам придется платить, и через четыре дня мы будем в Удзидзи".

"Мионву сказал вам, что это последнее место, где мы должны платить?"

"Да, говорил".

Каждый из тех, кого Стэнли выбрал себе в советники, советовал ему уступить вымогательствам Мионву и заплатить, а не провоцировать драку.

"Плати, *бана*, - сказал Чоуперех. В этой стране лучше жить тихо. Если бы мы были достаточно сильны, они бы нам заплатили".

"Тогда, Бомбей и Асмани, идите к Мионву и предложите ему двадцать; если он не возьмет двадцать, дайте ему тридцать; если он откажется от тридцати, дайте ему сорок; затем доведите до восьмидесяти, медленно; ведите много разговоров; ни *доти* больше. Клянусь вам, я застрелю Мионву, если он потребует больше восьмидесяти. Иди, и помни, что ты мудр".

"Я прерву это дело. В девять часов вечера Мионву передали шестьдесят четыре *доти* для короля Уххи, шесть *доти* для него самого и пять *доти* для его подчиненного, - всего семьдесят пять *доти*, тук с четвертью.

"Не успели мы расплатиться, как они начали драться между собой за добычу. На рассвете мы двинулись в путь, очень молчаливые и печальные".

После четырехчасового марша, пересекая реку Каненги, они вошли в *бома* Кахириги, и им сказали, что там живет брат короля Уххи. Это вызвало опасения, что будет произведено еще одно взыскание *бонга*, несмотря на утверждение Мионву, что оно было последним. Брат короля потребовал тридцать *доти*, или половину тюка. Стэнли был в ярости, он готов был сражаться и умереть, лишь бы его не остановили "жалкие, голые разбойники".

Ему также сообщили, что примерно в двух часах езды друг от друга находятся еще пять вождей. Эти сведения заставили его принять план, как избежать этого вымогательства. Соответственно, были приняты тайные меры, чтобы покинуть обычный маршрут и отправиться в джунгли; и хотя план несколько раз едва не потерпел поражение, в конце концов успех увенчал авантюрное предприятие, и Стэнли "миновал границу злой Ухи и вошел в Укарангу, - событие, которое было встречено экстравагантными криками радости".

Он видел, что его ждет неминуемое разорение, если его ткани будут отнимать другие вожди. Альтернативой были нищета или храбрость. Он выбрал последнее. Через несколько дней после этого он нашел Ливингстона в Удзидзи.

ГЛАВА XXVII.

АФРИКА - продолжение.

МОНБУТТО.

ДР. ШВАЙНФУРТ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ - ИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ - ИХ ПРАВИТЕЛЬСТВО - КОРОЛИ ДОГБЕРРА И МУНЗА - БОНГВА И ЕГО ЖЕНА ПОСЕЩАЮТ ДОКТОРА. ШВАЙНФУРТ - ПРИЕМ ШВАЙНФУРТА В ИЗИНГЕРРИИ - ТРУБЫ МОНБУТУ - ИХ ТОЧНОСТЬ СУЖДЕНИЙ - УДИВИТЕЛЬНАЯ КРАСОТА СТРАНЫ - ДВОР КОРОЛЯ МУНЗЫ - СТРЕЛЫ МОНБУТУ - ОДЕЖДА И БОЕВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ - ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ - СФЕРА ЖЕНЩИН - ПОДЧИНЕНИЕ МУЖЧИН - БЕЗБРАЧИЕ ОБОИХ ПОЛОВ - ИХ КАННИБАЛИЗМ.

Доктор Г. А. Швайнфурт, молодой немецкий исследователь, получив в 1868 году денежный грант от Гумбольдтовского института, высадился в Египте и оттуда проник в "сердце Африки". Следуя по стопам сэра Сэмюэля Бейкера, он взял курс на запад и, пройдя через страну Ниям-Ниям (о которой рассказывается на страницах 440-444), посетил доселе неизвестное

королевство Монбутту. Его научные и этнологические открытия поставили его имя в ряд выдающихся исследователей африканского континента, а результаты его изысканий, опубликованные под названием "В сердце Африки", представлены публике в стиле, которому редко можно найти равных.

На юге территории Ниам-Ниам, между параллелями 3° и 4° северной широты и 28° и 29° восточной долготы, находится район площадью около 4 000 квадратных миль, населенный народом, сильно отличающимся от обычного типа негров. Они имеют смуглый цвет лица и во многих отношениях превосходят племена Центральной Африки. Обычно их называют монбутту, хотя торговцы слоновой костью применяют название гурругурру. Оно происходит от распространенного среди этого народа обычая прокалывать уши. Плотность населения, рассчитанная по наблюдениям доктора Швайнфурта, вероятно, не превышена ни в одной части континента. Если в среднем, как он считал, на квадратную милю приходится не менее двухсот пятидесяти жителей, то общая численность должна составлять около миллиона человек.

Когда доктор Швайнфурт посетил это племя, управление им находилось в руках двух вождей, которые разделили между собой суверенитет. Догберра был королем восточной части, а западная находилась под властью Мунзы, более могущественного и способного человека. Его отцом был Тиккиба, который был единственным правителем страны Монбутту, но был убит Догберрой, своим братом, около тринадцати лет назад.

Нембей, местный вождь при Догберре, был посещен Швайнфуртом, как только тот вступил на территорию Монбутту, и продемонстрировал свое дружеское расположение, отправившись в хижину исследователя со своими женами и принеся в подарок домашнюю птицу. Столь же дружелюбно к Швайнфурту отнесся и Бонгва, другой вождь, в чей округ он попал. Этот Бонгва был обязан платить дань и Мунзе, и Догберре, поскольку его владения примыкали к владениям соперничающих королей.

Бонгва в сопровождении жены посетил лагерь Швайнфурта и предоставил ему необычную привилегию - сделать фоторобот как себя, так и своей супруги. Мадам Бонгва расположилась на скамье Монбутту, не имея ничего, кроме "необычной ленты, похожей на седельную подпругу, через колени, по моде всех женщин этой страны". Цвет ее лица был на несколько тонов светлее, чем у мужа. Татуировки на ее лице были весьма примечательны и состояли из двух разных видов. Одна часть проходила по груди и плечам, образуя линию и орнамент как раз там, где наши дамы носят свои кружевные воротнички, которые заканчивались большими крестами на груди. Другой узор был прорисован на животе и выделялся так рельефно, что, должно быть, был выполнен горячим утюгом. "Он состоял из фигур, заключенных в квадратные рамки, и напоминал ажурную резьбу, которой украшают карнизы и старые арки. Из ее высокого шиньона торчали бородки из слоновой кости, над которыми возвышалась пластина размером с доллар, закрепленная гребнем с мелкими зубцами из дикобраза".

Прием доктора Швайнфурта и его гостей Изингеррией, наместником и братом короля Мунзы, был настолько гостеприимным, что достоин рассказа. Уже поздно вечером они въехали в мбангу вице-короля. По обеим сторонам дороги толпились удивленные люди, которых влекло любопытство посмотреть на белых чужеземцев. Чиновники были одеты по всей форме, их шляпы, украшенные плюмажами, развевались в воздухе. Их сопровождали щитonosцы, а для того, чтобы они могли спокойно принять гостей и удобно расположиться, чтобы наблюдать за их появлением во время беседы, были принесены скамейки.

Когда вечером Швайнфурт посетил Изингеррию в его жилище, он застал его сидящим на скамье на открытом пространстве в окружении своих главных людей. По обычаю этой страны, все знатные особы, главы семейств и чиновники, нанося визит, берут с собой рабов, которые несут скамьи, потому что, в отличие от турок, мунбутту считают неприличным сидеть на земле, даже если она покрыта циновками. Скамья незаменима. Женщины сидят на табуретах, у которых только одна нога. Ознакомившись с этим обычаем, Швайнфурт всегда давал указания, чтобы кто-нибудь из его спутников сопровождал его, неся тростниковый стул.

На собеседовании они сидели друг напротив друга, и благодаря двойному переводу могли беседовать до глубокой ночи. Не было ни одного из обычных проявлений гостеприимства. Даже сигары исследователя не привлекли туземцев, хотя они и курят табак в избытке, как и привычное элевсинское пиво.

Трубки Монбутту, хотя и имеют примитивный характер, изобретательны и удобны. Обычно их делают из середины ребра листа подорожника, хотя высшие классы часто используют металлическую трубку длиной около пяти футов, изготовленную их кузнецами. "Нижняя часть трубки затыкается, а сбоку, около конца, делается отверстие, в которое вставляется скрученный лист подорожника, наполненный табаком. Эту выдуманную чашу меняют так часто, как это необходимо, иногда каждые несколько минут, рабы, которые при этом присутствуют. Единственный табак, который здесь знают, - виргинский". Трубки, сконструированные таким оригинальным способом, обладают несомненным достоинством - они изменяют крепость табака так же идеально, как если бы его вдыхали через резервуар с водой в наргиле.

Доктор Швайнфурт был удивлен тем, что туземцы могут так точно указывать пальцем на любое место. Не менее удивительным было их умение определять время суток по высоте солнца. Он редко мог обнаружить в их предположениях ошибку более чем на полчаса. На равнинах и в пустынях, подобных нубийским, прямой курс часто пролегает на многие мили без малейших отклонений. Точность их расчетов настолько поразительна, что если положить копье на землю, то путь, на который оно указывает, приведет к желаемому месту едва ли с отклонением на волосок. Эта необыкновенная точность суждений была замечена и упомянута другими африканскими путешественниками.

Царство Мунзы, в которое в конце концов попал Швайнфурт, находится примерно посередине между Атлантикой и Индийским океаном в "сердце Африки". Описание этого отдаленного региона, до сих пор не посещенного белым человеком, мы приводим на его собственном языке: - "Ничто не может быть более очаровательным, чем эта местность.

"Ничто не могло быть более очаровательным, чем этот последний день марша, который привел нас к пределу наших странствий. Двенадцать миль, которые вели к дворцу Мунзы, были милями, обогащенными такой красотой, которая могла бы быть достойна рая. Рощи подорожника так прекрасно гармонировали со скоплениями масличных пальм, что ничто не могло превзойти совершенства этой сцены; а папоротники, украшавшие бесчисленные стебли на заднем плане пейзажа, усиливали очарование тропических рощ. Ясная и бодрящая атмосфера способствовала получению удовольствия от всего этого, а освежающая вода и благодарная тень были всегда рядом. Перед туземными жилищами возвышались великолепные фиговые деревья, раскидистые короны которых бросали вызов солнечным лучам. Толпы носильщиков разбили свой лагерь вокруг ствола колоссальной *Cordia Abyssinica*, которая стояла на открытом пространстве перед жилищем местного вождя и напомнила мне абиссинские деревни, где это дерево культивируется..... Эти деревья с

пышными коронами раскидистой листвы остались от ушедших поколений и служат прекрасным украшением почти во всех деревнях Монбутту.

"И вот, наконец, среди густой зелени показался дворец короля. Остановившись на берегу ручья в чистом от деревьев месте, они разбили свой лагерь. Впереди виднелась покатая местность, покрытая множеством хижин, одни из которых имели коническую форму, а другие напоминали сараи. Над всем этим возвышалась просторная громада жилища короля Мунзы с обширными дворами, широкими и внушительными, не похожими ни на что, виденное нами с тех пор, как мы покинули Каир".

Король наделен большими прерогативами и всегда появляется в большом государстве в сопровождении многочисленной свиты придворных. Всякий раз, когда он покидает свою резиденцию, его сопровождают сотни его свиты, помимо специальной телохранителей, а возглавляет процессию большое количество трубачей, барабанщиков и подчиненных с огромными железными колоколами. У Мунзы было три наместника в лице его братьев, а рядом с ними - подвожди, управляющие провинциями и обычно выбираемые из числа многочисленных представителей королевской крови.

Подчиненные вожди, за которыми закреплены отдельные и четко определенные участки территории Монбуттоо, привыкли окружать себя знаками власти и состояния, мало чем уступающими знакам соответствующих королей.

Рядом с ними по рангу стоят главные государственные чиновники, числом пять. "Это хранитель оружия, церемониймейстер, начальник комиссариатских складов, хозяин дома королевских дам и переводчик для общения с чужеземцами и иностранными правителями". Кроме того, существует огромное количество гражданских чиновников и надзирателей в различных районах страны для защиты интересов и поддержания прерогатив и достоинства государя. Помимо придворных, существует множество чиновников, которым поручаются особые обязанности, например, частные музыканты, трубачи и горнисты, евнухи и шуты, певцы баллад и танцовщицы, которых держат для придания блеска двору и увеселения в общественных и праздничных случаях. Есть также распорядители, в чьи обязанности входит поддержание порядка на праздниках, и они уполномочены подвергать телесным наказаниям тех, кто нарушает порядок и ведет себя непристойно.

Стрелы Монбутту отличаются от стрел других племен, кроме А-Банга, тем, что на конце древка имеются два крыла. Они сделаны либо из кусочков листьев подорожника, либо из волосков хвоста гетры. Острия, если они не железные, сделаны из дерева, почти такого же твердого, как железо. Древко состоит из твердой, тростниковой степной травы и по размеру напоминает обычный свинцовый карандаш. Швайнфурт говорит, что "благодаря жестокому мастерству, которое можно назвать почти дьявольским, они умудряются поместить один из суставов тростника чуть ниже колючек, с таким расчетом, чтобы стрела обрывалась сразу же после нанесения раны, что делает извлечение колючек из плоти очень трудным делом". Обычный метод извлечения наконечника копья - взять нож и сделать достаточно большой надрез в раненой мышце, чтобы колючку можно было извлечь, но в результате обычно получаются очень рваные и неприятные раны".

По своей одежде и боевому снаряжению монбутту напоминают а-банга. У них есть обычай прокалывать уши у обоих полов так, чтобы через отверстие можно было просунуть довольно большую палку. Для этого вырезается вогнутая часть уха. Это племя, как и А-банга, за эту особенность получило у нубийцев название гурругурроо (от слова гургур, что означает "скужающий"), чтобы отличать их от ниям-нияма. Оба упомянутых племени практикуют обрезание, в то время как последние не допускают никаких увечий на человеческом теле.

Этот народ, живущий в столь отдаленном и уединенном регионе и не имеющий никаких сношений с магометанскими или христианскими народами, так и не научился ткацкому искусству. Поэтому их одежда изготавливается из луба коры фиговых деревьев, которые так ценятся, что их можно увидеть почти возле каждой хижины. Обычай носить шкуры, который существует у ниям-нияма, не существует среди этого племени, за исключением тех случаев, когда танцорам требуется причудливый наряд. Среди монбутту необычайно мало домашних животных, за исключением маленьких собачек, известных как "несси", и домашней птицы. Они не занимаются скотоводством и имеют только одну особь семейства свиней - потамохоруса, которого они держат в полуприрученном состоянии.

Мясо в пищу они получают во время охоты, предпочитая мясо слонов, буйволов, кабанов и антилоп. Поскольку они владеют искусством сохранения мяса, им не нужно держать скот или постоянно прибегать к полевым работам, чтобы обеспечить свои постоянно возникающие потребности.

Сельским хозяйством у них можно назвать очень немного: почва плодоносит очень обильно и не требует особого ухода или обработки. Кроме того, несколько примечательно, что то, что является обычным кормом племен во внутренних районах Африки, а именно сорго и пенциллация, этот народ полностью игнорирует. Они слишком ленивы, чтобы уделять время выращиванию зерновых. Выращивание подорожника, который широко распространен, требует очень мало внимания; все, что требуется, - это дать старым растениям отмирать там, где они есть, и просто воткнуть молодые побеги в землю после того, как она размягчится от дождя. Монбуттоо проявляют удивительную разборчивость в выборе растений, умея определить, будет ли побег плодоносить или нет, и таким образом избежать тех, которые не стоят того, чтобы их сажать, - умение, которое могло бы сослужить огромную службу садоводам во всем мире. Они вообще выращивают лишь несколько растений, и те, которые требуют минимальных усилий. Кунжут, земляные орехи, сахарный тростник и табак составляют основную часть их продукции из почвы.

Обработка земли и сбор урожая - дело женщин, а мужчины проводят день в безделье, разговорах и курении, за исключением тех случаев, когда они заняты на войне или охоте. Они избегают любого труда. Утром их можно увидеть лежащими под сенью масличных пальм на резных скамейках и угощающимися табаком. В середине дня они уходят в прохладные залы, где могут совершенно свободно высказывать свои мнения. Эти группы создают оживленную картину социальной жизни этого далекого народа. Их живость и жестикуляция действительно заметны во всех этих полуденных сборищах мужчин Монбуттоо.

Изготовлением керамики здесь, как и в других частях Африки, занимаются исключительно женщины. Однако мужчины - кузнецы, и они делят с женщинами работу по плетению корзин и резьбе по дереву. Как видно, большую часть ручного труда выполняют представительницы слабого пола. Однако, несмотря на подневольный труд, отношения жен с мужьями отличаются независимостью и властью.

Подчинение мужчин иллюстрируется ответом, который они дают, когда их просят продать что-либо: "О, спросите мою жену; это ее". Среди этого народа преобладает полигамия, и очень мало внимания уделяется брачным обязательствам. Учитывая их интеллект и общее совершенствование в некоторых искусствах цивилизации, что делает их выше большинства других племен, характер женщин, в отношении поведения и целомудрия, является аномалией. Они сильно страдают по сравнению с женщинами ниям-нияма, которые скромны и уединенны. Поведение мужчин и женщин по отношению друг к другу отличается оскорбительной распущенностью. Многие из последних предаются грубым

непристойностям, а нескромность этого пола в целом намного превосходит все, что Швайнфурт видел у других племен, даже самых низких. Контраст этой всеобщей свободы и беззакония с таким количеством похвального и интересного в характере монбутту вызвал его удивление.

В кулинарном искусстве они демонстрируют значительное превосходство над африканскими племенами. Однако вместе с этой более высокой культурой в способе приготовления пищи есть и другая ужасающая аномалия. Человеческий жир используется повсеместно, и это заставляет нас задуматься об их каннибализме. Ни среди одного народа континента поедание человеческой плоти не является настолько признанным и систематическим обычаем, как среди монбутту. Свидетельство доктора Швайнфурта мы приводим на его родном языке: "Поскольку монбутту окружены более черными, чем они сами, людьми, которые, уступая им в культуре, следовательно, пользуются большим презрением, у них есть все возможности для проведения военных или грабительских экспедиций, в результате которых они получают особенно желанную добычу, состоящую из человеческой плоти. Туши всех, кто пал в бою, распределяются на поле битвы и подготавливаются путем сушки для транспортировки в дома завоевателей. Пленных они гонят перед собой без угрызений совести, как мясники гонят овец на плаху, и те остаются лишь для того, чтобы в более поздний день стать жертвами их ужасной и тошнотворной жадности. Во время нашего пребывания при дворе Мунзы ходили слухи, что почти каждый день в жертву приносится какой-нибудь маленький ребенок, чтобы обеспечить его едой. Вряд ли можно было ожидать, что чужестранцам представится много возможностей увидеть туземцев за трапезой, и мне довелось столкнуться с ними лишь в двух случаях, когда они занимались приготовлением человеческой плоти к употреблению. Первый из них произошел, когда я неожиданно наткнулся на нескольких молодых женщин, которые налили кипятка на глиняный пол перед входом в хижину и занялись тем, что ошпаривали волосы с нижней половины человеческого тела. В результате этой операции черная кожа превратилась в пепельно-серую, и это отвратительное зрелище не могло не навести меня на мысль о том, как откармливают и чистят наших откормленных свиней. В другой раз я был в хижине и заметил висящую над огнем человеческую руку, очевидно, с целью, чтобы ее сразу высушили и выкурили.

"Неопровержимые признаки и косвенные доказательства распространенности каннибализма постоянно появлялись на каждом шагу. Однажды Мухаммед и я были в компании Мунзы, и Мухаммед намеренно перевел разговор на тему человеческой плоти и задал королю прямой вопрос, как случилось, что именно в это время, пока мы находились в стране, не было употребления человеческой плоти? Мунза прямо сказал, "что, зная, что такая практика вызывает у нас отвращение, он позаботился о том, чтобы она осуществлялась только в тайне".

Никому из каравана Швайнфурта не было предоставлено возможности увидеть Монбутту за трапезой. Нубийцы имели совестливые угрызения совести, которые не позволяли им принимать пищу вместе с этими каннибалами. Другие, принадлежащие к низшим туземным племенам, такие как слуги Митту или Бонга, считались недостойными, поскольку были необрезанными и дикарями, сидеть за трапезой с Монбутту.

Швайнфурт купил вместе с кусками меди немало человеческих черепов, которые сейчас хранятся в Анатомическом музее в Берлине - неоспоримые доказательства того, что этот народ непревзойден в своей приверженности этой унижительной и ужасной практике; тем не менее это замечательная и во многих отношениях благородная раса людей, "которые проявляют определенную национальную гордость и наделены таким интеллектом и

рассудительностью, какими могут похвастаться лишь немногие уроженцы африканской пустыни, люди, которым можно задать разумный вопрос и которые дадут разумный ответ".

ГЛАВА XXVIII. АФРИКА - Продолжение. ПИГМЕИ.

ТРАДИЦИЯ ВЕКОВ - ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС РЕШЕН - ДОКТОР ШВАЙНФУРТ. ОТКРЫТИЕ ШВЕЙНФУРТОМ РАСЫ АККА - ЕГО ИНТЕРВЬЮ С АДИМОКОО - ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ МАЛЕНЬКОГО ПИГМЕЯ - КОРПУС ВОИНОВ АККА - ДОКТОР ШВЕЙНФУРТ - ПРОТЕЖЕ ПИГМЕЯ АККА. ПИГМЕЙСКИЙ ПРОТЕЖЕ ШВАЙНФУРТА, НСЕВУЭ - ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АККА - ИХ СХОДСТВО С БУШМЕНАМИ - ДР. ВЫВОДЫ ДОКТОРА ШВАЙНФУРТА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПИГМЕЕВ.

Одним из главных результатов путешествий доктора Швайнфурта по Африке стало решение проблемы, которая на протяжении тысячелетий оставалась без удовлетворительного ответа. Этнологический вопрос о существовании карликовой расы в Центральной Африке, вызвавший столько дискуссий, этот путешественник решил навсегда. Классические писатели прошлых веков упоминают пигмеев. Поэт "Илиады" упоминает о них, как будто факт их существования давно и хорошо известен. Историки, такие как Геродот и Аристотель, а также поэты дают аналогичные свидетельства. За три или четыре столетия до христианской эры греки, похоже, полностью верили в существование карликовой расы в экваториальной Африке.

Да и современным путешественникам по Нилу есть что рассказать об этих маленьких людях. Дю Шайю утверждает, что встречал их в стране Ашанго. Кнапф утверждает, что видел одного на восточном побережье. Но, несмотря на все древние предания прежних веков и свидетельства недавних исследователей, существование такой расы упорно отрицается. Ее считали "бессмертным мифом поэзии", за который ученые и путешественники вели долгую и до недавнего времени лишь тяжкую борьбу. Доктору Швайнфурту следует приписать заслугу в том, что он переломил ход этого конфликта и заставил победить тех, кто верил в реальное существование пигмейской расы.

Этот путешественник обнаружил, что его нубийские сопровождающие не устают говорить об Автомоли или карликах, к стране которых они ежедневно приближались. Казалось странным, что они должны быть так глубоко убеждены в существовании такого народа. Они с полной уверенностью утверждали, что к югу от земли Ниам-Ниам живет раса ростом не более трех футов и с бородами такой длины, что они доходят им до колен. Они описывали их как вооруженных копьями и привыкших подползать под брюхо слонов и убивать их, так ловко управляя своими движениями, чтобы избежать ранений от хобота разъяренных зверей. Это умение, как считалось, делало их очень полезными для торговцев слоновой костью. За ними закрепилось название "шеббер-дигинто", что означает рост удлиненной бороды.

То, что сопровождающие и слуги доктора Швайнфурта, прикрепленные к экспедиции в Ниам-Ниам, настолько твердо верили в существование карликовой расы, что никогда не описывали чудеса и величие двора царей-каннибалов без упоминания и описания пигмеев, исполнявших обязанности придворных буфонов, вызвало удивление путешественника и пробудило в нем острое желание разрешить, если возможно, этот

мучительный вопрос веков. Он не мог отделаться от мысли, что эти недвусмысленные и позитивные утверждения туземцев должны иметь под собой какую-то существенную основу. То, как были развеяны все его сомнения и решена эта этнологическая проблема веков, описано им в графической форме: -

"После того как я поселился во дворце короля Монбутту, прошло несколько дней, и мне не удалось увидеть карликов, слава которых так возбуждала мое любопытство. Однако мои люди уверяли меня, что видели их. Я упрекнул их за то, что они не обеспечили мне возможность увидеть их самому и не привели их ко мне. Я не получил никакого другого ответа, кроме того, что карлики были слишком робкими, чтобы прийти. Через несколько утренних часов мое внимание привлекли крики в лагере, и я узнал, что Мохаммед застал одного из пигмеев, сопровождавших короля, и, несмотря на упорное сопротивление, ведет его прямо к моей палатке. Я поднял голову, и *там*, конечно же, оказалось странное маленькое существо, сидевшее на правом плече Мохаммеда, нервно обнимавшее его голову и бросавшее тревожные взгляды во все стороны. Мохаммед вскоре усадил его на почетное место. Рядом с ним находился королевский переводчик. Так, наконец, я смог воочию увидеть живое воплощение мифов тысячелетней давности.

С нетерпением и не теряя времени, я принялся за его портрет. Я засыпал его бесчисленными вопросами, но выпросить информацию было легче, чем получить ответ. С величайшим трудом мне удалось уговорить его остаться в покое, и я смог добиться успеха, лишь продемонстрировав множество подарков. Под впечатлением того, что такой возможности больше не представится, я подкупил переводчика, чтобы он использовал свое влияние для успокоения маленького человека, привел его в спокойное состояние и заставил отбросить все страхи передо мной, которые он мог испытывать. В общем, все удалось, и уже через пару часов пигмей был измерен, зарисован, накормлен, одарен разнообразными подарками и подвергнут минутному катехизису вопросов.

Его звали Адимокоо. Он был главой небольшой колонии, которая располагалась в полулиге от королевской резиденции. Из его собственных уст я услышал, что его народ называется акка, и узнал, что они населяют большие районы к югу от Монбуттоо, между 2° и 1° северной широты. Часть из них подчиняется королю Монбуттоо, который, желая подчеркнуть величие своего двора добавлением всяких доступных природных диковинок, заставил несколько семей пигмеев поселиться в окрестностях.

Мои слуги-ниамы, предложение за предложением, переводили мне все, что говорил Адимокоо переводчику Монбутту, который не знал никаких диалектов, кроме диалектов своей страны.

На мой вопрос, где находится его страна, Адимокоо, указывая на юго-юго-восток, ответил: "Два дня пути, и вы придете в деревню Муммери; на третий день вы достигнете реки Налобе; на четвертый день вы придете в первую из деревень Акка".

Терпение Адимокоо было исчерпано настойчивыми и продолжительными расспросами доктора Швайнфурта, и он сделал внезапную и сильную попытку убежать от своего любопытного инквизитора, но, будучи окруженным большим количеством людей в палатке, его попытка оказалась бесплодной. После некоторых уговоров его удалось уговорить исполнить несколько воинственных танцев, характерных для его расы. Его одежда была похожа на одежду монбутту, а вооружен он был небольшим копьем и луком со стрелами. Рост этого интересного представителя пигмеев составлял четыре фута и десять дюймов, что является примерно средним показателем для этих маленьких людей. Доктор Швайнфурт был знаком с военными танцами ниам-ниам, и они вызывали его удивление своими

удивительными движениями; но представление, которое устроил этот карлик, превзошло все, что он когда-либо видел. Несмотря на мохлястые ноги, большой раздутый живот и возраст, его быстрые и ловкие движения были просто чудесны. Зрители судорожно смеялись над гротескными выражениями, сопровождавшими прыжки и различные позы, которые принимал этот малыш.

Доктор Швайнфурт завоевал доверие Адимокоо и, нагрузив его подарками, отправил в путь, выразив желание увидеть других своих людей и пообещав, что они ничего не потеряют, нанеся ему визит. Преодолев страх перед чужаком, некоторые из них навещали его почти каждый день. Приходится сожалеть, что внезапный отъезд Швайнфурта с территории Монбутту прервал его изучение этой необычной и интересной расы и не позволил узнать все ее особенности. Произошел несколько забавный случай, подтверждающий открытие доктора Швайнфурта. Муммери, брат и наместник короля Мунзы, возвращался из похода против момву. Среди его солдат был корпус воинов акка, которые подчинялись ему. Доктору Швайнфурту довелось проезжать через деревню, где остановились эти войска. Как только он вышел на открытое пространство перед королевскими залами, его окружила толпа грубых, оскорбительных мальчишек. Они направили на него свои стрелы, устроили представление боя и обращались с ним так неуважительно, что вызвали его негодование. Но сопровождавшие его Ниям-ниямы тут же исправили его заблуждение. "Они - Тиккитикки" (слово, которым ниям-ниямы обозначают Акку), - сказали они. "Ты думаешь, что они мальчишки, но на самом деле они мужчины; более того, мужчины, которые могут сражаться". Маммери, поняв ситуацию, сразу же развеял страхи Швайнфурта. Странное зрелище такой компании обученных воинов, но таких маленьких, произвело глубокое впечатление на путешественника, и он решил осмотреть их лагерь на следующее утро. Но его затея была провалена, так как Маммери и все его последователи рано ушли, и таким образом, как говорит Швайнфурт, "подобно беспочвенной ткани видения", этот народ, такой близкий и в то же время такой недостижимый, растворился в тонкой неизвестности самого внутреннего континента".

Ни одно из измерений этих пигмеев не превышало четырех футов и десяти дюймов, за исключением случаев, когда они происходили от монбутту в результате межродовых браков. Доктор Швайнфурт заполучил одного из этих маленьких человечков и сделал его своим *протеже*, отступив от неизменного до сих пор правила, позволив Нсевуэ (так звали маленького Акка) быть спутником во время трапезы, чего он никогда не позволял ни одному другому коренному африканцу.

Раса карликов существенно не отличается от окружающих племен, разве что размерами. У них более красный или светлый цвет лица, а в отношении роста волос отзывы путешественников расходятся. Ниям-ниямы, однако, единодушно представляют пигмеев как людей с длинными бородами, а вот Швайнфурт не обнаружил этой особенности ни у одного из акка, попавших в его поле зрения.

Голова акка непропорционально велика и держится на слабой, тонкой шее. Верхняя часть тела длинная; грудь плоская и сильно сжатая, расширяется в нижней части, чтобы поддерживать огромный живот. Сзади их тело кажется кривым, напоминающим букву S. Поворачивая ноги внутрь, в отличие от других африканцев, которые ходят прямо, они имеют ковыляющую походку. Нсевуэ никогда не мог нести блюдо, не расплескав часть его содержимого, так как каждый шаг был своего рода креном, и он был хорошим представителем физических особенностей своей расы.

Строение их рук необычайно тонкое и красивое. Наиболее заметной особенностью этих людей является форма черепа и головы. Прогнатический характер лица развит в значительной степени, а лицевые углы на двух портретах, которые приводит Швайнфурт, составляют 60° и 66° соответственно. "Рылоподобный выступ челюсти, невыступающий подбородок, широкий, почти шарообразный череп и зияющие губы наводят на мысль о сходстве с обезьяной. В этих особенностях акка и бушмены Южной Африки проявляют несомненное сходство. Мы завершаем этот рассказ о пигмеях кратким резюме, в котором их первооткрыватель кратко изложил свое мнение о происхождении акка и их родстве с другими африканскими народами.

"Едва ли можно сомневаться, - говорит он, - что все эти люди, как и бушмены Южной Африки, могут рассматриваться как разрозненные остатки аборигенного населения, которое сейчас вымирает; и их изолированное и спорадическое существование подтверждает эту гипотезу. На протяжении веков Африка испытывала на себе последствия многочисленных иммиграций; в течение тысячелетий один народ вытеснял другой, и в результате неоднократных порабощений и смешений расы с расой в условия существования вносились столь многообразные изменения, что череда новых фаз, подобно развитию в мире растений, кажется почти, что открывает взгляд в бесконечность.

"Между прочим, я только что упомянул о бушменах, этих печально известных уроженцах южноафриканских лесов, которые обязаны своим названием сходству, которое, по мнению голландских колонизаторов, они имели с обезьяной, как прототипом человеческой расы. Далее я могу отметить, что их сходство с экваториальными пигмеями во многих моментах очень поразительно. Густав Фрич, автор стандартного труда о туземцах Южной Африки, впервые обратил мое внимание на заметное сходство между моими портретами акка и общим типом бушменов, и я настолько убедился в этом, что чувствую себя вполне оправданным (в своих наблюдениях над акка), пытаюсь доказать, что все племена Африки, чьей отличительной чертой является аномально низкий рост, принадлежат к одной и той же расе".

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

АФРИКА - *Продолжение.*

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АФРИКАНСКОЙ РАСЫ.

БУСЫ КАК ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА - НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ВИДЫ - СПОСОБ ВЫЗЫВАНИЯ - ТУЗЕМНАЯ ХИРУРГИЯ - РЕЛИГИЯ - ИДОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ УМЕРШИХ РОДСТВЕННИКОВ - ОБЩЕНИЕ С УШЕДШИМИ ДУХАМИ - ИХ ВОЗВРАЩЕНИЕ, ЧТОБЫ ОТОМСТИТЬ ЗА НАНЕСЕННЫЕ ОБИДЫ - НЕОБЫЧНЫЕ ОБЫЧАИ - МИЛАНДО - ЖЕНЩИНЫ - ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА - БОЯЗНЬ НАСМЕШЕК - ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ЧЕРТА АФРИКАНЦЕВ - СПОСОБЫ ПРИВЕТСТВИЯ - ПРИРОДНАЯ ДОБРОТА АФРИКАНСКИХ ПЛЕМЕН - ИХ ВАРВАРСТВО, ВЫЗВАННОЕ ОБИДАМИ НА НИХ - ИХ ДОБРОТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИВИНГСТОНУ - ОШИБКИ В РЕЧИ - ПРОДАЖА ДЕТЕЙ - ОБРАЗОВАНИЕ МИРА - АФРИКАНЦЫ БЫСТРО РАСПОЗНАЮТ ДОБРОТУ.

Завершая описание племен Восточной и Центральной Африки, о которых мы узнали со страниц Ливингстона, Швайнфурта и Стэнли, приведем некоторые общие черты и особенности, не ограничивающиеся только одним племенем.

Нашим читателям хорошо известно, что бусы являются важнейшей частью валюты во всей Африке; но не так хорошо известно, что при их выборе необходимо проявлять большую осмотрительность в отношении размера и цвета. Для туземцев эти вопросы далеко не безразличны, и мода среди них часто становится такой же неумолимой и фатальной для торговца, как и мода среди цивилизованных народов. За редким исключением бусины, используемые в Африке, производятся в Венеции. Если не знать о преобладающей моде среди народа, который путешественник собирается посетить, он, скорее всего, нагрузит себя тем, что вообще нельзя обменять, и окажется совершенно бесполезным.

Приведенные ниже номенклатура и описание наиболее ценных и популярных бус получены от Чумы и Суси, верных слуг доктора Ливингстона, которые прибыли в Англию с драгоценными останками своего любимого хозяина.

"Бусины, которые предпочитают вайяу, очень маленькие, размером с горчичное зерно, разных цветов, но они должны быть непрозрачными; среди них ценятся тусклые, белые меловые сорта, называемые "catchokolo", а также черные и розовые, называемые соответственно "bububu" и "sekundereché" (отбросы помбе). В любой части Африки всегда ценится одна красная бусина разных размеров с белым центром. У суахеле она называется "самисами", у вайяу - "читакарака", у ньяса - "мангази" (кровь), а среди манюэма она была популярна под названием "масокантусси" (птичьи глаза). Интересно отметить, что одна особенная длинная бусина, признанная распространенной в стране манюэма, присылается только на западное побережье Африки и никогда на восточное. Когда Чума указал на нее как на разновидность, найденную на крайнем предделе, исследованном Ливингстоном, сразу стало ясно, что он, должно быть, коснулся той части Африки, которая начинает находиться в пределах досягаемости торговцев в португальских поселениях.

"Мачуа кангу" (глаза морской свинки) - еще один популярный сорт; "мойомпио" (новое сердце), крупные бледно-голубые бусины, любимы вабиса; но, безусловно, наиболее ценными из всех являются маленькие белые продолговатые бусины, которые при нанизывании похожи на суставы тростникового корня, от которого они и получили свое название "салими" (тростник). Суси говорит, что за один фунт этих бусин на юге Танганьики можно купить бивень из слоновой кости, настолько большой, что сильный мужчина не сможет нести его более двух часов.

"Африканцы манят человека рукой совсем не так, как европейцы и американцы. Мы маним рукой в *положении лежа* или ладонью вверх, а они - ладонью вниз. Такая манера обусловлена их представлением о мановении, которое заключается в том, чтобы положить руку на человека и таким образом привлечь его к себе. Если желанный человек находится рядом, манящий протягивает правую руку на уровне сердца и делает движение, как бы ловя другого, смыкая пальцы и притягивая его к себе. Если человек находится дальше, это движение усиливают, поднимая правую руку так высоко, как он может; затем он опускает ее с размахом к земле, причем рука остается неподвижной во время всего этого действия. Их метод согласия полностью противоположен нашему. Мы киваем в знак согласия, опуская подбородок: они поднимают его в знак согласия. Это поднятие подбородка, хотя и не кажется таким странным после знакомства с обычаем, все же не так естественно, как использование руки при маневрах".

Когда слуги Ливингстона преданно несли его мертвое тело из глубины Африки к побережью, они достигли деревни народа кавенде. Каравану подарили корову, но ее нужно было поймать. Эти животные были очень дикими, и на них была организована охота. Сафене, стреляя безрассудно, к несчастью, ранил одного из жителей деревни, сломав ему

бедренную кость. Процесс вправления сломанной конечности настолько своеобразен, что мы приводим его описание в качестве иллюстрации туземной хирургии.

"Прежде всего, выкапывалась яма, скажем, два фута глубиной и четыре в длину, так, чтобы пациент мог сидеть в ней, вытянув ноги перед собой. Затем вокруг сломанного бедра обвязывали большой лист и забрасывали землей, так что пациент оказывался погребенным по грудь. Следующим действием было покрыть землю, лежащую поверх ног, толстым слоем грязи; затем собрали много палок и травы и разожгли костер на вершине, прямо над переломом. Чтобы дым не задушил страдальца, перед его лицом держали высокую циновку в качестве экрана, и операция продолжалась. Через некоторое время жар достиг конечностей под землей. Ревя от страха и покрываясь испариной, мужчина умолял их выпустить его. Власти, решив, что он уже достаточно долго находится на лечении, быстро зарылись в землю и подняли его из ямы. Теперь его держали крепко, а двое сильных мужчин изо всех сил растягивали раненую конечность. После этого вокруг нее были наложены должным образом подготовленные шины, и мы должны надеяться, что со временем это принесло пользу; но поскольку мяч прошел сквозь конечность, мы должны сомневаться в этом. Жители деревни рассказали Чуме, что после столкновений с баньямвези они постоянно лечили таким образом тяжелые огнестрельные раны с большим успехом".

Что касается религии африканских племен, то она представляет собой веру в то, что существует сила, превосходящая человека, которая иногда благодетельна, а иногда зла, и ее следует опасаться. Это элементарная вера, возникающая из чувства зависимости от божественной или невидимой силы, но с неясным представлением об атрибутах этой силы, и поэтому идолы могут рассматриваться как способы или каналы ее проявления.

В Центральной Африке идола можно встретить почти в каждой деревне. Он сделан из дерева и похож на людей чертами лица, маркировкой и прической. Некоторые из них находятся в домах, для других сделаны маленькие хижинки. Бахемба называют их *нкиси*, а жители Руа - *калуби*. Идолу преподносят подарки из помбе, муки, бханга, табака и зажигают огонь, чтобы он мог курить.

Они представляют ушедших отца или мать, и считается, что они получают удовлетворение от подношений, сделанных их представителями. У Казембе много таких *нкиси*; одного с длинными волосами, по имени Мотомбо, несут впереди, когда он выходит на поле. Иногда им дают имена умерших вождей. Сомнительно, что этим идолам когда-либо возносятся молитвы. Арабы, знакомые с их языком, утверждают, что у них нет молитв, и считают, что смерть - это конец человека. Однако есть свидетельства веры в Высшую силу. Некоторые считают, что есть два Высших Существа - Руа вверху, который убивает людей, и Руа внизу, который уносит их после смерти.

Существование и общение с духами умерших глубоко укоренилось в вере африканцев и существовало с незапамятных времен. Наибольшее страдание вызывает перспектива любого телесного повреждения или сожжения тела после смерти. Они считают это препятствием для общения с оставшимися в живых родственниками; они думают, что таким образом не смогут помочь тем, кого любят, или отомстить тем, кто причинил им зло. Как мы видели, эта надежда вдохновляет рабов петь в их рабстве, давая им своего рода наслаждение в их ожидаемой мести тем, кто захватил их в плен или жестоко с ними обращался.

Это распространенное убеждение среди племен, живущих во внутренних районах страны. В их представлениях о будущем состоянии желание отомстить врагам, еще живым на земле, является главной целью и страстью, и поэтому с мертвыми связан суеверный ужас. Это была

одна из самых серьезных опасностей, угрожавших успеху верных слуг Ливингстона в их стремлении вывезти мертвое тело своего хозяина из Центральной Африки и доставить его родственникам и на родину.

Таким образом, религия африканцев - это попытка умиловать тех, кто показывает, что они способны вернуться на землю и причинить страдания и беды в результате любого несчастного случая или начала войны. Все их церемонии основаны на этом убеждении. Соответственно, вождь и народ объединяют усилия против тех, кто, проходя по их территории, теряет кого-то из их числа в результате смерти. Такие события считаются самыми серьезными преступлениями, а потому вызывают сильнейшие опасения у туземцев и объединяют их в единое целое в борьбе против тех, кто таким образом вступает в конфликт с их суеверием.

В некоторых деревнях преобладает необычный обычай в отношении умерших. Когда умирает ребенок или родственник, строится маленькая миниатюрная хижина высотой около двух футов, очень аккуратно крытая соломой и оштукатуренная. Если готовится какая-нибудь особенно вкусная еда или варится пиво, часть ее помещается в эту маленькую хижину для души умершего, которая, как считается, будет наслаждаться ею.

Еще одна особенность этих нецивилизованных африканцев не лишена аналогов среди более умных и самоназванных цивилизованных людей. Один из вождей, в город которого зашел Ливингстон, отсутствовал на каком-то *миландо*. В связи с этим обстоятельством Ливингстон пишет, что "эти *миландо* - дело всей их жизни. Они похожи на мелкие судебные тяжбы; если кто-то посягнет на права своего соседа в чем-либо, это *будет миландо*, и для решения этого вопроса созываются главы всех деревень. Женщины - плодотворный источник *миландо*". Если умный африканский путешественник посетит эту страну и познакомится с обычаями и чертами характера жителей, он, возможно, придет к выводу, что истинность последнего утверждения Ливингстона применима не только к экваториальной Африке. Один человек сорвал несколько колосьев индийской кукурузы, и Читикола был вызван на целый день пути, чтобы разобраться с этим *миландо*. Он ввел муаве[2], и человека вырвало; таким образом, невиновность была четко установлена. В случаях *миландо* они полагаются на самые дальние связи и отношения, чтобы отстаивать свою правоту, и редко бывают разочарованы, хотя время в определенные сезоны кажется всем драгоценным.

[2] Яд испытания.

Еще одна особенность африканца заключается в том, что он не выносит насмешек и издевательств. Он чрезвычайно чувствителен к любым проявлениям насмешек и сдержанно реагирует на критику. Ливингстон так описывает эту черту характера: "Когда случается какая-нибудь неприятность, африканцы не выдерживают насмешек.

"Когда на марше случается какое-нибудь несчастье (например, ветка опрокидывает груз с плеча человека), все, кто это видит, поднимают крик насмешки; если что-нибудь случайно прольется или кто-то устанет и сядет, тот же крик приветствует его, и все таким образом возбуждают в себе желание напрячься. Они спешат со своим грузом и торопятся с навесами, которые строят, а хозяева лишь пристраиваются сзади и помогают всем, кто может заболеть. Пройденные расстояния были настолько велики, что ни хозяева, ни мы не могли их выдержать".

Как бы чувствительны ни были африканцы к насмешкам и унижениям, они, естественно, помнят о том, что причитается другим. Такое отношение является основой вежливости.

Ливингстон, проезжая через деревню Маньюема, увидел молодоженов, которые стояли, обнявшись, очень любя друг друга, но "никто не шутил и не подшучивал над ними".

Африканцы, как раса, отличаются вежливостью, и их способы приветствия свидетельствуют о вежливости и почтении. В Улунгу "среди родственников принято обхватывать руками грудь друг друга, стоя на коленях; затем они хлопают в ладоши, прижимаясь к земле. Некоторые более низкие люди целуют землю перед вождем. Все остальные стоят на коленях, прижав предплечья к земле и склонив голову, и говорят: "О Аджадла, чиуса, Мари а бвено!".

Усанги говорят "Адже сенга". В некоторых деревнях хлопают в ладоши, приветствуя старших и даже равных. Обычно приветствуют пожилых людей. Как могло возникнуть это крайнее почтение друг к другу, я не могу себе представить; похоже, что его вызывает не страх друг перед другом. Даже вожди не внушают страха, и эти старые жестокие банальности об управлении дикарями с помощью страха кажутся неизвестными; тем не менее они управляются, и в целом очень хорошо. Люди не очень-то хотели идти наказывать Нсаму за нарушение общественного закона; но по решению вождей они пошли и вернулись - один с деревянным стулом, другой с циновкой, третий с калабашем молотых орехов или сушеным мясом, мотыгой или луком, - бедная, бедная плата за две недели тяжелой работы, охоты на беглецов и сожжения деревень".

Африканцам от природы присуща доброта нрава. Они не бывают вероломными, дикими и кровожадными без всяких на то причин. Горький и болезненный опыт, полученный от арабских торговцев, сделал их подозрительными ко всем чужакам и превратил их исконную доброту в угрюмую ненависть и желание отомстить своим врагам.

Моэнемоката, араб, который путешествовал среди африканских племен больше, чем кто-либо другой из его расы, сказал Ливингстону: "Если человек идет с добродушным, вежливым языком, он может пройти невредимым через самый худший народ в Африке". Примечательно, что Ливингстон, исколесивший столь большую часть великого африканского континента и посетивший столько племен, сильно различающихся по духу и характеру, никогда не прибегал к насилию. Ни в одном случае за время своего долгого странствия и многочисленных опасностей среди этих языческих народов он не использовал свое оружие во вред туземцам.

Даже в Маньюэме, среди людей, о которых все говорили "плохие, очень плохие", кровожадных каннибалов, если бы никто из них не пострадал от арабских торговцев, не был ограблен и разграблен, они не были бы так вдохновлены чувством злобы и мести. Ливингстону не составило труда добыть все необходимое. Он говорит: "Никто из людей не свирепствует без причины". Довольно часто старики подходили к нему с бананами в подарок и говорили, когда он проходил мимо, с дрожью в голосе: "Болонго, болонго!" (Дружба, дружба). Если он останавливался, чтобы отблагодарить каким-нибудь подарком, другие бежали за подарочниками или пальмовыми листьями. Арабы хватали все, что им хотелось, требовали еду в императивном порядке и ели ее без единого слова благодарности, а потом говорили Ливингстону: "Они плохие. Не давайте им ничего". "А что плохого в том, чтобы давать еду?" - ответил Ливингстон. ответил Ливингстон. "О! Они любят вас, но ненавидят нас".

Большая часть варварства и скверны этих африканских племен может быть приписана бессердечию, лживости, грабежам и убийствам, совершаемым магометанскими работоторговцами. Ливингстон приводит в своем дневнике такие случаи, чтобы показать характерную доброту африканской расы: - "Когда мы были в Ширине, мы были в Ширине.

"Когда мы были на Шире, то каждую ночь раскачивали корабль на середине течения, чтобы воздух, приводимый в движение водой, проходил из конца в конец. Однажды утром шурин Мусы вошел в воду, чтобы доплыть до лодки, и был схвачен крокодилом. Бедняга умоляюще поднял руки, но Муса и остальные позволили ему погибнуть. Когда я осудил его бессердечие, Муса ответил: "Ну, никто не велит ему туда идти". Когда я был в Сенне, крокодил схватил женщину-рабыню; четверо маколого бросились к ней и спасли ее, хотя ничего о ней не знали. Из долгого общения как с мужчинами Джоханны, так и с маколого, я считаю эти случаи типичными для обоих случаев. Люди смешанной крови обладают пороками обеих рас и добродетелями ни одной из них".

Спейк на островке Касанге сделал следующее заявление: "Матери этих дикарей обладают бесконечно меньшей привязанностью, чем многие дикие звери, с которыми я знаком. Я видел, как мать-медведица, израненная частыми выстрелами, упрямо шла на смерть, неоднократно возвращаясь под огонь и пытаясь спасти своих детенышей из рук назойливых людей. Но здесь, за простую набедренную повязку или две, человеческие матери охотно обменивали своих маленьких отпрысков, отдавая их в вечное рабство моим солдатам-белуджам" - Спейк, стр. 234, 235.

Ливингстон опровергает это утверждение как общее и считает, что это был лишь единичный и исключительный случай. Его расспросы, обращенные к арабам, которые много путешествовали среди африканских племен, не дали никаких подтверждений этому утверждению Спика, за исключением очень редкого случая, когда у ребенка прорезаются верхние передние зубы раньше, чем нижние, и то потому, что такой ребенок считается *moiko* (несчастливым) и непременно принесет смерть в семью. Его называют арабским ребенком и продают первому попавшемуся арабу или даже оставляют у его двери. Арабы не знали о продаже детей иначе, как при таких обстоятельствах, которые случаются редко, и сделка, соответственно, выросла из суеверия. "У Спика с собой было всего два солдата-белуджа, и мысль о том, что они нагрузили себя младенцами, ставит эту историю под сомнение как сказочную. Возможно, он видел, как продают одного из них, - случай крайне редкий и исключительный, но выводы, сделанные из него, сродни выводам француза, который считал, что англичане настолько равнодушны к самоубийствам в ноябре, что их можно увидеть подвешенными на деревьях на общих дорогах".

Ливингстон хорошо сказал: "Воспитание мира ужасно, и оно обрушилось на Африку с неумолимой силой с самых отдаленных времен. Каким станет африканец после того, как этот ужасно тяжелый урок будет усвоен, - это одно из будущих событий Провидения. Когда Тот, Кто выше всех, осуществит Свои цели, это будет удивительная страна, и она снова станет похожей на ту, какой была в древности, когда Зера и Тирхака процветали и были великими".

Среди размышлений, навеянных стремлением к спасению Африки, которые исследователь-миссионер имел привычку время от времени записывать в своем дневнике, мы находим отзывы о характере этих бедствующих людей. Ниже приводится одно из таких свидетельств человека, который лучше, чем кто-либо другой, знал африканскую расу

"Никакое жонглирование или ловкость рук, как это было рекомендовано Наполеону III, не возымеет никакого эффекта в цивилизации Африки. У них слишком много здравого смысла для этого. Ничто не заставляет их полностью доверять европейцам, кроме долгого курса добрых дел. Они с готовностью верят в сверхъестественное, что приводит в действие любой новый процесс или подвиг мастерства, поскольку это часть их изначальной веры - приписывать все, что выше человеческих сил, невидимым духам. Доброта или бескорыстие производят на них большее впечатление, чем любые навыки или сила. Они говорят: "У вас

сердце не такое, как у нас; у всех чернокожих сердце плохое, а у вас - хорошее". Молитва о новом сердце и правильном духе сразу же представляется подходящей".

Примечание. Эти факты предлагают решение великой национальной проблемы, связанной с нецивилизованной расой на этом континенте. Корыстные, беспринципные государственные торговцы, продавцы виски и т.д. говорят, что "индеец - это плохо, очень плохо", что он безжалостный дикарь и должен быть немедленно истреблен. Арабские купцы и работорговцы говорят, что маньюэма плохие. Параллель близка, но не комплиментарна по отношению к поведению цивилизованной расы, которая грабит краснокожих, развращает их огненной водой и провоцирует ответные действия и войну, нарушая договоры и захватывая земли, торжественно обещанные индейцам в качестве их постоянного дома. См. стр. 1331, 2.

ГЛАВА CLXX.

АФРИКА - *Заключительная.* РАБОТОРГОВЛЯ.

НЕПОХОЖЕСТЬ РАС - ПРОТЕСТ ЛИВИНГСТОНА ПРОТИВ ПРОДАЖИ ЛЮДЕЙ - БЕСЕДЫ С АФРИКАНСКИМИ ВОЖДЯМИ - ИХ ОПРАВДАНИЯ РАБОТОРГОВЛИ - УЖАСЫ ТОРГОВЛИ - ЯРОСТЬ И ЗВЕРСТВА АРАБОВ - СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ - РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ - МНЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО МОРЯКА - ВАРВАРСТВО РАБОТОРГОВЛИ НЕ ПРЕУВЕЛИЧЕНО - ГЕЛЛАХБЫ - МЕЛКИЕ РАБОТОРГОВЦЫ - ОПТОВЫЕ ТОРГОВЦЫ - ФАКИ - СТОИМОСТЬ РАБОВ - ТЕРРИТОРИИ И ПЛЕМЕНА, ПОСТАВЛЯЮЩИЕ РАБОВ НАПРИБЫЛЬ ОТ ТОРГОВЛИ - СВИДЕТЕЛЬСТВО СТЭНЛИ - ВЕЛИКОЕ ЖЕЛАНИЕ ЛИВИНГСТОНА - НЕТ НАДЕЖДЫ ДЛЯ АФРИКИ, ПОКА СУЩЕСТВУЕТ РАБОТОРГОВЛЯ - ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОСВОБОЖДЕНО - РАБОТА, КОТОРУЮ ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ - ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ АФРИКИ - ДОЛГ АНГЛИИ И АМЕРИКИ - ОТКРЫТАЯ БОЛЬ МИРА - ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗЫВ ЛИВИНГСТОНА - ПАМЯТНЫЕ СЛОВА НА ЕГО ТАБЛИЧКЕ В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ.

Непохожесть рас, которые во многих отношениях похожи друг на друга, и упорство, с которым сохраняются особые идеи и обычаи, - факты, обильно подтвержденные в этой работе. Странная фантазия о том, что человек может иметь собственность на своего ближнего, которая включает в себя право контролировать его мысли, поведение, жизнь и продавать его в рабство, лелеется одними племенами и полностью отрицается другими. Если не считать арабов, то манганджа и вайяу - единственные два семейства рабовладельцев в той части Центральной Африки, которая находит свой выход на великом невольничьем рынке Занзибара. Среди кафиров, зулусов и бечуанов не существует и мысли о рабстве.

Ливингстон, героический и всемирно известный исследователь, использовал любую возможность, чтобы выразить протест против продажи своего народа африканскими вождями. Он стремился просветить их добрыми советами и аргументами, чтобы они смогли увидеть, какое зло и разорение они навлекают на себя и своих подданных войнами с соседними племенами и продажей пленников арабам-наемникам.

Находясь среди вайяу, он вел долгие беседы с вождем Мукате. Чтобы противостоять влиянию Ливингстона, рабовладельцы представляли туземцам, что его цель при захвате и освобождении их рабов - сделать их представителями своей религии; Но ужасное зло работорговли, разрушенные деревни, многочисленные кости и черепа, белеющие на солнце вдоль каждой тропинки, страшные страдания тех, кто оступись и погиб на пути к

побережью, насилие, грабежи и массовые убийства соседних племен с целью заполучить пленников для продажи арабским купцам - все эти ужасные свидетельства страшного проклятия страны Мукате не мог отрицать. Часто он заканчивал разговор, со смехом отвергая эти факты. Один староста, который был проводником Ливингстона на протяжении мили или двух, шепнул ему: "Поговори с Мукате, чтобы он прекратил свои вылазки".

Вожди и люди были плодовиты на оправдания своего участия в работорговле. Один из них сказал, что арабы, которые приходят и соблазняют их прекрасной одеждой, являются причиной того, что они торгуют людьми. Ливингстон ответил: "Очень скоро вам будет нечего продавать. Ваша страна превращается в джунгли, и все люди, которые не умирают в пути, будут разбивать сады для арабов в Килве и других местах". Распространенным аргументом в защиту бизнеса со стороны африканских вождей был такой: "Что мы могли бы делать без арабских тканей?" "Делайте то, что делали до прихода арабов в страну", - отвечал Ливингстон. Но жадность к тканям, которые туземцы слишком ленивы, чтобы прясть и ткать, превозмогла всю скрытую гуманность и разум вождей, и поддерживала хроническое состояние войны и опустошения, сокращая население страны и превращая некоторые из ее самых красивых районов в пустыни. Чтобы иметь средства для покупки желанной ткани, одна деревня совершает набег на другую, и таким образом происходят почти вечные грабежи, похищения и убийства. Деревня, вождь которой побеждает в одно время, в свою очередь разграбляется и сжигается более сильной стороной. И вот путешественник по стране часто проходит мимо развалин некогда густонаселенных и приятных деревень, в которых жили неприхотливые люди.

Из деревни в деревню миссионер-путешественник нес свои уроки и призывы, сея доброе семя, с уверенностью, что оно когда-нибудь принесет плоды в возрождении его любимой Африки. "Мы мало что можем сделать", - грустно размышлял он, оказавшись среди вайя; "но мы закладываем в сердце протест против гнусной системы, и время может его созреть". Его советы этим непродвинутому, искушенному и заблуждающимся людям не все были потеряны, какими бы невосприимчивыми они ни казались в целом к моральным соображениям и призывам. Посетив Кимсуму, вождя племени ньяса, он получил такое приятное свидетельство. Кимсума сказал ему, что именно благодаря тому, что он последовал совету, данному во время предыдущего визита, и не продавал людей в рабство, его деревня выросла в три раза больше прежнего.

Женщины, потерявшие сознание, голодные, умирающие на обочинах дорог - трупы тех, кто из бывших банд не мог идти дальше, - таковы были частые и мучительные картины, которые Ливингстон наблюдал, продвигаясь к Центральной Африке.

Банда рабов обычно состоит из мужчин и женщин, а также детей нежного возраста. Взрослых привязывают к тяжелым палкам, весом от тридцати до сорока фунтов. От них невозможно убежать. Младших привязывают к палкам, которые продевают вокруг шеи каждого. Многие умирают по пути к побережью, не выдержав тяжести рабских палок. Следующий факт иллюстрирует, насколько основательно все чувства сочувствия и гуманности, а также все представления о справедливости уничтожаются этой торговлей человеческими жизнями. На вопрос Ливингстона, почему людей привязывают к деревьям и оставляют умирать, как он видел на своем пути, последовал обычный ответ, что это дело рук арабов, потому что они приходят в ярость, когда их рабы не могут идти дальше, и предпочитают скорее умереть, чем получить свободу, если, конечно, их удастся спасти и выздороветь. Многочисленные пустые палки для рабов, разбросанные по дороге, привели Ливингстона к убеждению, хотя туземцы и отрицали это обвинение, что они имеют обыкновение следовать за караванами рабов и отрезать палки у тех, кто отстает в пути, чтобы

украсть и продать их снова, получив таким образом дополнительное количество ткани. Еще один факт, свидетельствующий о чудовищной порочности этих арабских похитителей людей, также приводится Ливингстоном. Тех, кто тонет под тяжестью палки для рабов или падает от болезни, нередко убивают. В досаде и ярости от потери денежной стоимости рабов арабские погонщики стреляют в них или закалывают. Нередко перед глазами филантропического путешественника представал мертвый или умирающий африканец, корчащийся, возможно, в луже крови или привязанный за шею к дереву.

"Самая странная болезнь, - говорит Ливингстон, - которую я видел в этой стране, - это болезнь разбитого сердца, и она поражает свободных людей, которых похитили и сделали рабами". Из большой банды, захваченной Сайдом бен Хабибом, многие умерли через три дня после того, как переправились через Луалабу. До тех пор они терпели свои цепи, но когда они увидели широкую реку, текущую между ними и их старыми домами, они потеряли всякий дух и надежду. Свою единственную боль они приписывали сердцу и клали руки на грудь, точно на этот орган. Некоторые рабовладельцы удивлялись, что они умирают, ведь у них было много еды и никакой работы. Дети держались с удивительной стойкостью; но если случалось, что они проходили мимо деревни и слышали звуки танцев и веселый звон маленьких барабанов, воспоминания о доме и счастливых днях оказывались слишком сильными для них; они плакали и рыдали, наступало "разбитое сердце", и они быстро тонули".

Жестокость этой системы с силой выразил один английский моряк, которому довелось увидеть работорговцев в их деле. "Дрожи, приятель, если дьявол не поймает этих парней, то у нас, наверное, и дьявола не будет!"

"Уджджинские работорговцы, - говорит он, - как и килваские и португальские, - самые мерзкие из мерзких. Это не торговля, а система последовательных убийств. Они идут грабить и похищать, и каждая торговая поездка - не что иное, как набег". Его представление о том, что в жестокости и страданиях, которым подвергаются рабы, есть свои степени и что варварства, совершаемые португальцами Тетте, отсутствуют в работорговле, которую ведут арабы, было полностью опровергнуто. Чем лучше он узнавал эту систему, тем больше убеждался в том, что везде и всюду, кем бы она ни осуществлялась, она представляет собой лишь историю убийств, ужасов и разрушений.

"Пытаясь дать некоторый отчет о работорговле в Восточной Африке, - пишет Ливингстон, - необходимо было держаться в рамках истины, чтобы не показаться виновным в преувеличении. Преувеличить ее зло просто невозможно. Достопримечательности, которые я видел, хотя и являются обычными случаями движения, настолько тошнотворны, что я всегда стараюсь вытеснить их из памяти. В случае с самыми неприятными воспоминаниями мне удастся со временем предать их забвению, но сцены рабства возвращаются без спроса и заставляют меня вставать глубокой ночью в ужасе от их яркости". После нападения на деревню, во время которого несколько человек были убиты, а женщины и дети взяты в плен, он записал в своем дневнике такие слова: "У меня болит сердце и меня тошнит от человеческой крови".

Геллахбас, как называют работорговцев Экваториальной Африки, - это прежде всего мелкие торговцы, которые, имея небольшой запас товаров, отправляются в путь каждый со своим ослом или быком, на котором ездят из деревни в деревню. Он покупает двух или трех рабов и, обменяв осла на еще одного или двух, начинает возвращаться пешком. Его рабы вынуждены нести все необходимые в путешествии вещи. Его торговый запас, который, возможно, стоит 25 долларов, обменивается на четырех или пять рабов, которые принесут в

Хартум 250 долларов. И все же путешествия этих спекулятивных торговцев не всегда выгодны для торговца. Если ослу случается умереть, предприятие терпит неудачу, так как его товар приходится продавать за бесценок. Рабы также часто сбегают, что влечет за собой убытки. Швайнфурт говорит о них: "Их выносливость удивительна. Я неоднократно спрашивал их, что побудило их покинуть свои дома и терпеть величайшие лишения в чужой стране ради занятия, сопряженного с таким большим денежным риском. "Нам нужен заработок", - отвечали они. Лень работать дома, но непреодолимая тяга к торговле людьми толкает их на эту утомительную жизнь.

Кроме этих странствующих торговцев, есть еще и оптовые работорговцы, которые имеют своих агентов или партнеров, постоянно работающих в крупных Скрибах. Они путешествуют по стране, охраняемые большой свитой вооруженных рабов, и с длинными поездами волов и ослов, нагруженных товарами для обмена, они могут покупать большое количество рабов. Как правило, эти агенты - жрецы или факи, хотя это название обычно применяется к тем, кто толкует Священное Писание. Как это ни странно и почти невероятно, но неопровержимым фактом является то, что работорговля входит в число второстепенных занятий этих факихов, и за редким исключением они в большей или меньшей степени вовлечены в этот незаконный трафик. Чтобы расширить возможности получения рабов, они выступают в роли розничных торговцев, маклеров, шарлатанов, сватов и школьных учителей. Более богатые и интеллигентные люди выступают в качестве директоров школ или владельцев трактиров, где у них есть субагенты для продвижения своих интересов. "Доктрины пророка, - говорит Швайнфурт, - преподаются в их школах, а магазины мерисс в значительной степени посвящены поклонению Венере". Но, несмотря ни на что, эти люди пользуются величайшим почитанием.

"Достаточно нескольких слов, чтобы показать этих святых людей в их истинном обличье. С *сурами* Корана в руках они бродят по всей стране, ведя жизнь, которую можно назвать вечной молитвой. Но о том, насколько велика разница между верой и практикой, свидетельствуют несправедливые поступки этих факихов. Никогда я не видел, чтобы с рабами обращались так безжалостно, как эти фанатики, и при этом они наделяли бедные души, которые они покупали, как краденый товар, за простую рогатину, самыми религиозными именами, такими как *Аллагабо* (*то есть "данный Богом"*). Швайнфурт, который был свидетелем их отвратительных жестокостей, добавляет, что они обращались с больными и умирающими "так, как обычный мусорщик не обращался бы с умирающей собакой".

Он упоминает еще одно отвратительное зверство, связанное с их бизнесом, - выколачивание мальчиков, чтобы приспособить их к должности евнуха. Это совершается сразу после захвата, как только это удобно, и, несмотря на то, что это делается только в отношении детей нежного возраста, говорят, что четыре пятых изувеченных таким образом погибают от полученных травм. Это адское преступление, совершаемое в основном факисами, которые путешествуют по стране с Кораном в одной руке и операционным ножом в другой, свойственно только мусульманскому рабству и дает особое право называть его проклятой системой, заслуживающей того, чтобы быть сметенной с лица земли под огнем негодования всех цивилизованных народов.

Есть и другой класс, поставляющий рабов на рынки Востока. Это колониальные работорговцы, живущие на собственной территории. Только они проникают за Скрибы в негритянские страны с отрядами вооруженных людей и возвращаются с большими караванами рабов.

Цена, которую платят за рабов, конечно же, варьируется в зависимости от трудности их получения, а также в зависимости от колебаний стоимости хлопка - основного средства обмена. В 1871 году Швайнфурт обнаружил, что *ситтахси* (дословно - шесть пролетов в высоту), то есть дети восьми или десяти лет, были куплены за 1 фунт 10 *шиллингов*, или около 7,00 долларов в нашей валюте. Женщины-рабыни, если они были особенно привлекательны, стоили вдвое дороже.

В качестве иллюстрации того, насколько дешева человеческая жизнь в некоторых племенах, Ливингстон упоминает случай с пожилой женщиной и ее сыном примерно трех лет, которых купили за шесть ярдов бязи, причем ребенок считался вдвое ценнее матери. После набегов работорговцев, когда деревни разграблены и наступает голод, мальчиков и девочек часто покупают за несколько горстей маиса. Энергичные и здоровые женщины, которые некрасивы, стоят дешевле молодых девушек, а старухи имеют небольшую ценность и покупаются за пустяки. Мужчин покупают редко, потому что ими сложнее управлять или перевозить. Следует помнить, что главным объектом, ради которого на Востоке держат рабов, является не их способность к труду.

Национальность также является элементом, влияющим на цену рабов. Из тех, кого привозят из районов Бахр-эль-Газала, наибольшим спросом пользуются бонго, поскольку они легко обучаемы, верны, красивы и трудолюбивы. Девушки из племени ниям-ниям стоят дороже, чем рабыни из племени бонго, но они так редко появляются на рынке, что определить их цену нелегко. Митту имеют наименьшую ценность, потому что так уродливы, а бабакер настолько энергичны и решительны, что их редко ищут. Никакая доброта и никакие призывы не могут умерить их любовь к свободе или подавить их стремление к бегству. В этом отношении на них похожи племена лубаха и абака. Спрос на рабов со стороны магометан, проживающих на западных территориях, таких как креди-голо и сехре, которые значительно превышают численность аборигенов, сам по себе достаточен для поддержания очень значительной работорговли. Число частных рабов, которыми владеют мусульмане, поселившиеся в различных частях Северной Африки, Швайнфурт оценивает примерно в шестьдесят тысяч.

Но это число незначительно по сравнению с теми, кого по всем магистралям везут из внутренних районов на большие невольничьи рынки, чтобы удовлетворить ненасытный и развратный спрос Египта, Аравии, Персии и азиатской Турции. Именно они, жертвы арабской алчности или жалкие и бессильные жертвы эгоизма и бесчеловечности своих братьев-африканцев, формируют многочисленные караваны, движущиеся к побережью. Именно они истощают и обезлюживают племена Восточной и Центральной Африки. Таким образом, их жизненная кровь приносится в жертву роскошным капризам и чувственности мусульманской расы.

Территориями, поставляющими рабов для северо-восточной Африки (район Нила), являются страны Галла к югу от Абиссинии, между 3° и 8° северной широты, область между белым и голубым Нилом, Азоа в центре Абиссинии и ее северо-западная граница, а также верхний район Бахр-эль-Газала. Но самыми плодотворными источниками снабжения являются негритянские страны к югу от Дарфура. За последние сорок лет из многочисленных и незащищенных племен креди ежегодно уходило от 12 000 до 15 000 человек, чтобы удовлетворить похоть или лень магометан Востока. А территории к западу от племени ниям-ниям были главным источником снабжения в северной части Африки. Эта энергичная раса под предводительством своего короля Мофио совершала постоянные набеги на своих соседей, поставляя огромное количество рабов для обмена арабским работорговцам.

Часть страны называется Мрима или Савахили, а ранее - Зангебар. Последнее название будет известно читателям старшего поколения как название полосы морского побережья от устья Джуба до мыса Дельгадо, или от экватора до 10° 41' южной широты. Эта часть Восточной Африки сегодня привлекает внимание цивилизованного мира из-за своей связи с работорговлей. Через ее порты переправляется за границу три четверти рабов, похищенных или купленных во внутренних районах страны. Здесь находится знаменитый порт Килва, "осиное гнездо", как называет его Стэнли, великий *приют* работорговцев, получивших столь язвительное осуждение в дневниках Ливингстона.

Занзибар, остров у восточного побережья в 6° южной широты, является, однако, главным пунктом, куда стекаются торговцы слоновой костью и рабами из внутренних районов Африки. Баньяны, которые являются одними из самых влиятельных жителей, - главные торговцы рабами и накопили огромное богатство. Здесь ежегодно продаются десятки тысяч африканцев, некоторые из них отправляются в испанскую Вест-Индию, но большинство - в Аравию.

Прибыль от этого позорного промысла настолько огромна, что не поддается искушению для корыстолюбия беспринципных людей. Прибыльный характер бизнеса, хотя и чреватый страшными бедами и несчастьями, нередко побеждал совесть, гуманность и даже религию тех, кто считался цивилизованным, если не христианским. Заявления самых надежных путешественников о прибыльности работорговли вызывают недоверие у самых скептически настроенных людей. Оценка, которую дал мистер Стэнли в результате тщательного наблюдения, должна быть, как нам кажется, принята. "Предположим, - говорит он, - для иллюстрации того, как ведется торговля с внутренними районами, что араб везет в своем караване товары на сумму 5 000 долларов; в Уньянембе эти товары стоят 10 000 долларов; в Уджиджи они стоят 15 000 долларов, то есть выросли в цене втрое. За семь долларов и пятьдесят центов можно купить раба на рынках Уджиджи, который принесет в Занзибар тридцать долларов. Обычные мужчины могут приобрести за шесть долларов рабов, которые на побережье будут продаваться за двадцать пять долларов. Будем считать, что он приобретает рабов на все свои средства; за одну поездку из Занзибара в Уджиджи он выручит около 14 000 долларов, что оставляет чистую прибыль в 9 000 долларов при вложении 5 000 долларов. Именно благодаря такому движению баньяны стали одними из самых богатых из 200 000 жителей Занзибара".

Ливингстон был сильно поглощен страстью к исследованиям и мечтал стать первооткрывателем, который должен решить великую географическую проблему, вызывавшую любопытство и труд веков, - найти истоки Нила. В течение восьми лет в своей последней экспедиции он пересекал Центральную Африку, перенося невыразимые страдания и жертвы, держась с непревзойденной стойкостью и несгибаемостью, пока не скончался в Илале 1 мая 1873 года. Но этот самый прославленный из африканских исследователей, когда он в изнеможении в последний раз направлялся в Бангвеоло, стремясь узнать какой-нибудь факт, который разрешил бы великую загадку, которой Африка озадачивала народы и века, пишет: "Открытие истинного источника Нила для меня ничто, кроме того, что оно может быть обращено на пользу христианских миссий". Так же и в письме, которое он отправил через Стэнли мистеру Беннету из Нью-Йорка, он пишет: "Если мои разоблачения ужасного уджиджийского рабства приведут к пресечению работорговли на Восточном побережье, я буду считать это большим делом, чем открытие всех источников Нила вместе взятых. Эта прекрасная страна омрачена как проклятием свыше, чтобы не нарушались рабские привилегии султана Занзибара".

Можно с уверенностью утверждать, что, если бы не работорговля, этот неукротимый, мудрый, филантропичный путешественник сумел бы заложить основу для христианских миссий в Центральной Африке, а также подарить цивилизованному миру открытия, к которым он так упорно стремился. Никакой прогресс в искусстве или торговле, никакое социальное и моральное развитие африканских племен не может быть обеспечено до тех пор, пока этой системе, отпрыску мусульманской глупости и похоти, будет позволено опустошать эту прекрасную землю.

Страдающая, страдающая Африка! Опустошенная и разоренная более сильными и цивилизованными народами в течение столетий, ее молодость, ее сила, ее жизненная кровь на западном побережье, субсидируемая силой и невыразимым варварством, чтобы служить комфорту и изобилию Англии, Испании и Америки! Но ужасное бедствие, которое нагружало невольничьи корабли Великой Республики и вызывало ужасы "среднего пути", было полностью подавлено благодаря совместным усилиям Англии и Америки, вдохновленных призывами филантропического духа последнего полувека. Западное побережье этого великого континента было освобождено и быстро возрождается. Вместо невольничьих кораблей, стоящих в лагунах и гаванях и ожидающих возвращения своих вооруженных экипажей после набегов на деревни вдоль побережья и во внутренних районах, которые в середине прошлого века ежегодно похищали не менее 100 000 человек, теперь возникают густонаселенные деревни, жители которых занимаются мирными делами и быстро прогрессируют во всех искусствах и удобствах цивилизованной жизни. Рабский корабль сменился школой, и с устранением этого грозного барьера началось искупление Западной Африки.

Эта "прекрасная страна", как называет ее Ливингстон, со своими безмерными богатствами необходима для мировой торговли и цивилизации. Ее гигантское, широко распространившееся проклятие - работорговля. Восточная и Центральная Африка до сих пор, на значительной части территории, омрачена этой "суммой всех злодеяний". Ее история имеет более мрачные оттенки, чем может изобразить любой человеческий карандаш. Ливингстон рассказал ее и поразил цивилизованный мир рассказом о бесчисленных убийствах и непередаваемых ужасах, о вечных межплеменных войнах, подстрекаемых алчными арабами, чтобы похитить или купить для невольничьих рынков побережья многочисленных и дешевых пленников.

Эта магометанская мерзость является постоянным, бесстыдным оскорблением цивилизации великих христианских держав Земли. Коммерция, человечество, христианство требуют, чтобы она была уничтожена. Прогресс, достигнутый совсем недавно в этой стране и Великобритании в отношении доктрины прав человека и требований африканского народа, указывает на долг этих могущественных наций перед этой давно забытой и страдающей расой. Когда этот мощный барьер против торговли, промышленности, науки, образования и христианства будет устранен, каковы будут слава и величие этого великого континента с его бесчисленным населением, "простирающим руки к Богу", с его нецивилизованными расами, превращенными в христианские и процветающие народы, служащие прогрессу мира благодаря неисчерпаемым сокровищам, которыми Творец наделил их широкую и прекрасную землю!

Ровно за год до смерти самый выдающийся исследователь века, доктор Ливингстон, закончил, как сообщает его дневник, письмо в газету *New York Herald*, в котором он пытается привлечь американскую предприимчивость и филантропию к пресечению работорговли на Восточном побережье Африки. Последние слова письма таковы: "Все, что я могу добавить в своем одиночестве, - пусть богатое благословение Небес снизойдет на каждого,

американца, англичанина или турка, кто поможет залечить открытую болячку мира". Никакие слова не могут более точно отразить жизнь и дух этого миссионера-путешественника; и именно эти слова - его обращение к американскому народу - были выбраны для надписи на табличке, воздвигнутой в память о нем рядом с его могилой в Вестминстерском аббатстве.

Любя Америку, радуясь ее победе над рабством, благодарный ей за то, что она спасла его, потерянного для цивилизованного мира, своим храбрым и отважным Стэнли, он завещает свой великий жизненный труд, горячее стремление своего сердца, ее христианскому рвению. И Англия, его родная страна, принимает это памятное обращение и запечатлевает его как самый выразительный памятник жизни и характера своего благородного сына, где он покоится среди великих и прославленных людей ее истории. Так преданный миссионер, всемирно известный, всемирно почитаемый исследователь огромного африканского континента, которому он посвятил свое долгое и кропотливое служение, поручает Великобритании и Америке, объединенным вместе, выполнение благородного дела, которое поглотило и осватило его жизнь, а именно,

Возрождение Африки.

ГЛАВА CLXXI. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. КАХЬЕНЫ.

ГОРЦЫ ЗАПАДНОГО КИТАЯ - ПАТРИАРХАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ - ДАНЬ, ВЫПЛАЧИВАЕМАЯ ВОЖДЮ - АРХИТЕКТУРА КАХИЕНОВ - ЛИЧНЫЙ ОБЛИК - ИХ ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ - ПОДНЕВОЛЬНЫЙ УДЕЛ ЖЕНЩИН - ВСТРЕЧАЮЩИЙ ИЛИ ПРОРИЦАТЕЛЬ - НЕОБЫЧНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ - БЛАГОПРИЯТНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ - СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПРЕТЕНДЕНТА НА ДОЛЖНОСТЬ ВСТРЕЧАЮЩЕГО - БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - СТОИМОСТЬ ЖЕНЫ - НАКАЗАНИЕ ЗА НЕВЕРНОСТЬ - ОБРЯДЫ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ - УСЛУГИ ТОМСЫ - СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТАНЕЦ - ЖЕСТОКИЙ ОБЫЧАЙ - РЕЛИГИЯ КАХИЕНОВ. ТАНЕЦ - ЖЕСТОКИЙ ОБЫЧАЙ - РЕЛИГИЯ КАХЬЕНОВ - РАЗЛИЧНЫЕ НАТЫ ИЛИ БОЖЕСТВА - МОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАХЬЕНОВ - ИХ ПОХИЩЕНИЕ - БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

В течение многих лет внимание британского правительства было направлено на рассмотрение вопроса о сухопутном пути в Западный Китай. Избежать долгого и опасного плавания через проливы и Индийский океан представлялось задачей, чреватой столькими коммерческими выгодами, что это могло окупить почти любые усилия по ее достижению. Поэтому в январе 1868 года правительство Индии отправило экспедицию под командованием полковника Эдварда Б. Сладена из королевского города Мандалай на реке Иравадди, чтобы исследовать неизвестную страну за ее пределами. Недавно публике был представлен рассказ об этой экспедиции, написанный доктором Джоном Андерсоном, ее медицинским работником и натуралистом. Единственное, что мы можем сделать из этого рассказа, хотя он и интересен, - это познакомить читателей с кахиенами, или дикими горцами, из этого далекого и малоизвестного региона Западного Китая.

Кахьены - это раса горцев, населяющих холмы, окаймляющие бассейн реки Иравади. Они, вероятно, родственны горным племенам мишми и нага. Они называют себя чингпау, или "люди", а кахьены - это их бирманское название.

Среди этого народа повсеместно преобладает патриархальное правление. Каждый клан имеет своего наследственного вождя, которому помогают *павмины*, или лейтенанты, решающие все вопросы, по которым люди расходятся во мнениях. Младший сын имеет право на должность вождя, а если сыновей нет, то она переходит к младшему брату. Старшие сыновья наследуют звание *павмина*.

Вождь клана взимает пошлину со всех путешественников, проходящих через его территорию, и ее уплата обеспечивает его дружбу и защиту, а соответственно, и защиту его народа. Рабы, украденные в детстве или похищенные взрослыми, принадлежат *цавбве*, или главе клана. Женщины являются наложницами, а к мужчинам, если они послушны и трудолюбивы, относятся доброжелательно, их дети считаются членами семьи вождя. Корзина риса - ежегодная дань вождю от каждой семьи, а если убит буйвол, то четверть должна быть подарена ему.

С необычайно хорошим вкусом кахьены строят свои деревни у горного ручья в укромной ложине, или ряд домов поднимается по пологому склону.

Они строятся из бамбука продолговатой формы, с тесно обтянутыми матами боками, и поднимаются на сваях на несколько футов от земли. Крыша покрыта травой и спускается почти до земли; карнизы, подпертые бамбуковыми столбами, образуют портик, который используется ночью как хлев для свиней, пони и птиц, а днем - как место отдыха для мужчин. Эти дома обычно строятся лицом на восток и имеют размеры от ста пятидесяти до двухсот футов в длину и от сорока до пятидесяти футов в ширину. Передняя комната посвящена гостеприимству и предназначена для гостей. В задних комнатах живут разные семьи, более или менее связанные кровными узами или браком.

Из-за примеси шанской и бирманской крови у этих людей есть два типа лица, но самый распространенный, истинный чингпау, имеет такие характеристики. Лицо круглое и короткое, с низким лбом и выдающимися коренными зубами. Слегка раскосые глаза с широким промежутком между ними, широкий нос и толстые, выступающие губы придают лицу уродливость, но она значительно смягчается выражением добродушия и доброты. Ноги непропорционально короткие, хотя и слабые, а в остальном хорошо сложены. Кахьены обладают замечательной ловкостью. Молодые девушки с легкостью передвигаются по горным тропам и спускают с гор грузы древесины и пиломатериалов, которые могли бы потягаться по силе со взрослыми англичанами. При многих достоинствах внешнего вида, у них принято никогда не менять одежду, пока она не износится. Их одежда и лица никогда не моются, а волосы они, как женщины, так и мужчины, оставляют не расчесанными, так что они превращаются в густую, матовую массу на голове. В мочку уха вставляют кусочек бамбука или красной ткани с вышивкой; иногда используют кусочек бумаги, причем большим спросом пользуются старые газеты. Вокруг ноги, ниже колена, они носят несколько колец из ротанга.

Дах, или нож, - неизменный спутник этих горцев. "Наполовину выточенный из дерева и подвешенный к ротанговому обручу, покрытому вышитой тканью и украшенному зубом леопарда, он перекидывается через правое плечо так, чтобы рукоять была впереди, готовая к хватке правой руки". Самый распространенный стиль ножа - короткий и широкий, расширяющийся от рукояти к кончику. Бирманцы называют его "вождем Кахьена" из-за ловкости, с которой с ним обращаются эти горцы. Это инструмент для вырезания и нанесения орнамента на трубы и другие изделия, а также оружие, на которое полагаются при нападении или защите. С его помощью кахьен решает свои споры и с удивительной

готовностью использует его против своих видимых врагов или невидимых натов или божеств. У них есть и другое оружие, такое как спичечный замок и арбалет с отравленными стрелами.

Хотя некоторые из наиболее трудолюбивых мужчин помогают женщинам в сельскохозяйственных работах, для мужчин этих холмов характерно то, что они не любят работать, а весь труд и тяготы ложатся на плечи женщин. Обычай мужчин - бродить из дома в дом и из деревни в деревню, сплетничать, пить и курить. Не обладая изобретательским талантом, они не работают с металлом, даже их *даги*, хотя они и являются незаменимыми помощниками кахиенов, изготавливаются шанами из долины Хота. Их художественные работы не превышают простейших узоров из прямых линий и грубых фигур птиц и животных.

Кахьены никогда не предпринимают никаких действий и не отправляются в путь, не попытавшись узнать волю натов через встречающего или прорицателя. Сала, вождь понлинов, сотрудничества с которым желал полковник Слейден, в частном порядке сообщил, что натов необходимо умиловить, прежде чем начинать продвижение в его страну. Поэтому он и его отряд были приглашены на церемонию выяснения воли демонов относительно их экспедиции. Доктор Андерсон описывает это следующим образом

"После ужина все мы перешли в зал нового дома *цавбвы* и, расположившись на циновках, принесенных его женой, некоторое время беседовали с вождями и старостами, собравшимися вокруг огня. Встречающий вошел и сел на маленький табурет в одном из углов, предварительно окропив его водой; затем он подул в маленькую трубку и, отбросив ее от себя, с глубоким стоном впал в необычайное состояние трепета; все его конечности дрожали, а ноги выбивали на бамбуковом полу буквально "дьявольскую татуировку". Он стонал, как от боли, рвал на себе волосы, проводил рукой по голове и лицу с маниакальными жестами, затем разразился коротким, диким песнопением, прерываемым вздохами и стонами; черты его лица казались искаженными от безумия или ярости, а тональность голоса менялась в сторону выражения гнева или ярости. Во время этой необыкновенной сцены, напоминающей все, что можно было прочесть о демонической одержимости, *цавбва* и его *павмины* время от времени обращались к нему на низких тонах, как бы успокаивая или ослабляя гнев господствующего духа, и наконец *цавбва* сообщил Сладэну, что натов нужно умиловить подношением. Были принесены пятнадцать рупий и немного ткани. Серебро на бамбуке, окропленное водой, и ткань на блюдечке из листьев подорожника были смиренно положены к ногам прорицателя; но одним конвульсивным рывком ноги рупии и ткань были мгновенно отброшены, а медиум усиленными конвульсиями и стонами дал понять, что наты недовольны подношением. *Тсавва* тщетно просил принять его, а затем дал понять Слейдену, что требуется больше рупий и что наты назвали шестьдесят в качестве умиловительной суммы. Слейден предложил еще пять, заверив, что больше не даст. Измененное предложение было снова, но уже более мягко, отодвинуто, на что никто не обратил внимания. Спустя еще четверть часа, в течение которых конвульсии и стоны постепенно становились все менее сильными, встречающему передали высушенный лист, свернутый в конус и наполненный рисом. Он несколько раз поднес его ко лбу, а затем бросил на пол; затем ему вручили тщательно вымытый *дах*, с которым поступили так же, и после нескольких легких вздохов он поднялся со своего места и, смеясь, дал нам знак посмотреть на его ноги и руки, которые очень устали. Оракул был в нашу пользу, и предсказания о всевозможных успехах были истолкованы нами как изречения вдохновенного прорицателя".

Испытание, через которое должен пройти молодой человек, проявляющий некоторые признаки дара прорицателя, прежде чем стать аккредитованным встречным, чрезвычайно сложно. "Готовится лестница, ступени которой состоят из лезвий мечей, обращенных остриями вверх, и упирается в платформу, утыканную острыми шипами. Босоногий новичок

поднимается по опасному пути к славе и садится на шипы без видимых неудобств; затем он спускается по той же лестнице, и если после тщательного осмотра на нем не остается никаких следов повреждений, его принимают как истинного прорицателя".

Покупка и похищение, которые составляют столь заметную часть брачных обрядов многих рас, также в значительной степени входят в брачные церемонии кахьенов. Богатый кахьен платит за свою жену, женщину-рабыню, десять сребреников, десять копий, десять буйволов, десять *дагов*, гонг, два костюма одежды, спичечный коробок и железный котел для приготовления пищи. Подругам невесты он дарит одежду и подарки из серебра, а также оплачивает все расходы на брачный пир.

Перед свадьбой с прорицателем или *томсой* советуются о судьбе будущей невесты, берут часть ее платья или какое-нибудь украшение и отдают провидцу, который предсказывает ее судьбу. Если его заключение благоприятно, к родителям девушки посылают гонцов с подарками, чтобы сделать предложение и узнать от них размер требуемого приданого; если эти условия принимаются, жених посылает двух гонцов, чтобы сообщить родителям невесты, что для свадьбы выбран такой-то день. Они пируют, а по возвращении к ним приходят двое из ее родни, которые соглашаются подготовиться к свадьбе. "Когда наступает день, пятеро молодых людей отправляются из деревни жениха в деревню невесты, где дожидаются ночи в соседнем доме. В сумерках невеста приводится туда одной из чужих девушек, как бы без ведома родителей, и говорит, что эти люди пришли за ней. Все они отправляются в деревню жениха. Утром невесту кладут под закрытый навес у дома жениха. Вскоре из ее деревни прибывает группа молодых людей, которые, как они говорят, ищут одну из украденных девушек. Их приглашают заглянуть под навес и просят, если хотят, увести девушку, но они отвечают: "Все в порядке, пусть остается там, где есть". Пока буйвола и т. д. убивают для жертвоприношения, жених передает приданое и показывает *наряд*, приготовленный для невесты. Тем временем *тоомса*, или священник, который ведет церемонию, укладывает пучки свежей травы, прижатые бамбуком через равные промежутки, чтобы образовать ковер между навесом и домом жениха".

На каждом бракосочетании происходит обращение к домашним натам, а также возлияние шероо и воды. Травяная дорожка, по которой невеста выходит из-под навеса, окропляется кровью птиц. Вареные яйца, имбирь и сушеная рыба предлагаются домашним божествам. На этом церемония заканчивается. Жених остается лишь зрителем всех этих обрядов. Затем следует грандиозный пир. Помимо обычных блюд, таких как подорожник, рис, рыба и свинина, для гостей готовят плоть буйвола, принесенного в жертву, и лающего оленя. Эти яства, а также обильные запасы шероо и китайского самшу служат подготовкой к танцам. Для увеселения гостей используются различные музыкальные инструменты, а брачный пир, как и все другие праздники, заканчивается пьянством и часто жестокой ссорой.

Женская неверность после брака рассматривается кахьенами как преступление, караемое смертью, которую обиженный муж может в любой момент наложить на обоих виновников. В случае побега жены муж имеет право на возмещение ущерба в двойном размере от суммы брачного приданого, и это должны возместить родственники соблазнителя жены или понести наказание в виде междоусобицы.

Домашние наты умилоствуются на следующий день после рождения ребенка жертвоприношением свиньи и подношениями шероо. *Тоомса*, забойщик и повар, а также глава семьи получают только часть плоти, но внутренности с яйцами, рыбой и имбирем кладут на алтари, чтобы жители деревни могли принять участие. Приглашаются все, и шероо

предлагается в порядке старшинства. Когда пиршество заканчивается, самый старший мужчина среди гостей встает и, указывая на ребенка, объявляет его имя.

Особенности их погребальных обрядов лучше всего передать языком доктора Андерсона: "Когда умирает кахьен, об этом сообщают выстрелом из спичек. Это сигнал для всех собраться в доме смерти. Одни рубят бамбук и бревна для гроба, другие готовятся к похоронным обрядам. В землю вбивают круг из бамбука наклонно наружу, так что верхний круг намного шире основания. К каждому прикрепляют маленький флажок, между этим кругом и домом кладут траву, а *тоомса* рассыпает траву над бамбуками и возливает шероо. Затем забивают свинью, готовят и раздают мясо, а череп закрепляют на одном из бамбуков. Гроб делают из выдолбленного ствола большого дерева, которое мужчины валят своими *дагами*. Перед самым падением убивают птицу, ударив ее о шатающийся ствол. Место, где должна покоиться голова, чернят углем и сооружают крышку. Тело обмывают и одевают в новую одежду. Перед ним кладут немного свинины, вареного риса и шероо, а в рот вставляют кусочек серебра, чтобы заплатить паромную пошлину за переправу через ручьи, которые духу, возможно, придется пересечь. Затем его кладут в гроб и несут в могилу под выстрелы из огнестрельного оружия. Старую одежду покойного кладут на курган, наливают шероо, и лучшее выпивают окружающие друзья. Возвращаясь, скорбящие рассыпают по дороге рис, а когда приближаются к деревне, омывают ноги и руки свежими листьями. Перед тем как войти в дом, *тумса* с колючей травой обмывает всех водой, проходит над пучком травы, окропленным кровью птицы, принесенной за время отсутствия в жертву духу умершего. Еда и питье завершают день. На следующее утро духу умершего приносят в жертву свинью и шероо, пиршество и танцы продолжаются до поздней ночи и возобновляются утром. Затем происходит последнее жертвоприношение буйвола в честь домашних натов, и *тоомса* ломает бамбуковую ограду, после чего финальный танец смерти успешно изгоняет дух, который, как считается, все еще бродит вокруг своего прежнего жилища".

В танце смерти участвуют представители всех сословий и возрастов - мужчины, женщины и дети, - каждый из которых несет небольшую палочку, которой отбивает такт, двигаясь по залу размеренным шагом, который представляет собой что-то вроде притопа и прихлопа. Барабанщики энергично бьют в свои инструменты, а танцоры то и дело разражаются громкими криками и увеличивают скорость и силу своих движений.

Погребальные обряды не совершаются над теми, кто был убит выстрелом или сталью. Таких хоронят в джунглях, а их тела просто заворачивают в циновки. Над могилой строится небольшая открытая хижина для обитания духов, и туда кладут *дах*, мешок и корзину. Умирающим от оспы и роженицам также отказывают в обычных обрядах погребения. Странное суеверие владеет народом в отношении матери и ее нерожденного ребенка - считается, что они превращаются в ужасных вампиров. Все молодые люди в ужасе выбегают из дома, а прорицателя вызывают, чтобы узнать, какое животное поглотит злой дух и с каким другим он переселится. Первое животное приносят в жертву и кладут часть плоти перед трупом. Второе животное, на которое указывает *тумса*, подвешивают, а могилу выкапывают в том направлении, куда указывала голова животного, когда оно было мертво. Одежду и украшения покойного кладут в могилу, остальное имущество сжигают, а над ней строят небольшую хижину.

Эти необычные обряды в некоторой степени указывают на главную идею в религии этой дикой расы. Существует всеобщая и непреодолимая вера в добрых и злых духов, и сохраняются древние формы поклонения им. Все попытки миссионеров внести какие-либо

изменения в их религиозную мысль и обычаи оказались бесплодными. Существует вера в будущее существование и смутное представление о Верховном Авторе всего сущего.

"Объектами поклонения являются наты, благотворные или злотворные, - первые, такие как Синлах, небесный дух, который дает дождь и хорошие урожаи; Чан и Шитах, которые заставляют восходить солнце и луну. Они поклоняются им, потому что так поступали их отцы и говорили своим детям, что они добрые. Крингван - благодетельный покровитель земледелия; но зловредных натов нужно подкупить, чтобы они не портили урожаи. Когда земля расчищена для посева, Масу умиротворяют свининой и птицами, сожженными у подножия деревенских алтарей; когда падь убрана, буйволы и свиньи приносятся в жертву Каджату. Человека, собирающегося в дорогу, после соответствующих жертвоприношений отдают под опеку Мурона, *томаса*, прося его передать другим натам, чтобы они не причиняли вреда этому человеку. Пренебрежение к Мурону приведет к нехватке *компрау*, или серебра, - главного предмета желаний кахьена; а если охотники воздержатся от подношений Чилонгу, кого-нибудь из них убьет олень или тигр. Чилонг и Мурон - два из десяти братьев, которые проявляют особый интерес к делам кахиенов, а еще один, по имени Пхи, является хранителем ночи. На каждом холме, в каждом лесу или ручье есть свой нат, обладающий большей или меньшей силой; каждый несчастный случай или болезнь - дело рук какого-нибудь злобного или мстительного из "этих безглазых служителей".

Характер этой расы горцев нельзя назвать привлекательным. Они не храбры как воины, но ссорятся и мстят, и если не искупить вину, то вражда будет продолжена. Они не ищут открытой, честной борьбы, а выжидают и нападают исподтишка, набрасываясь на врага, как тигр. Андерсон набросал их портрет такими мрачными чертами: "ленивые, вороватые и ненадежные".

Их склонность к воровству распространяется и на похищение людей. Они - похитители страны.

Доктор Андерсон, однако, милосердно намекает, что, возможно, моральная деградация этих свирепых, жестоких горцев является результатом "безжалостной несправедливости китайских торговцев или вымогательства и неправомерных действий со стороны бирманцев". Читатели этой работы вспомнят многочисленные и печальные доказательства в этих очерках о нецивилизованных расах, что племена, обладающие от природы многими прекрасными чертами, были превращены и деградировали в самых эгоистичных, жестоких и грубых людей в результате грабежей и пиратства своих соседей, а иногда и хищничества и мошенничества тех, кого называют цивилизованными и христианскими нациями.

Примечания транскриптора

Если ниже не указаны изменения, язык, используемый в этой электронной книге, соответствует языку исходного документа, включая несоответствия, архаичные и необычные написания и дефисы, уничижительные и оскорбительные термины и т. д. Неанглийские имена, слова и фразы, в частности, не всегда пишутся правильно или последовательно. Фактические ошибки не исправлены.

Различия в формулировках между оглавлением и заголовками глав в тексте не были стандартизированы. То же самое относится к списку иллюстраций и подписям к иллюстрациям в тексте. Порядок иллюстраций в Оглавлении не всегда совпадает с порядком, в котором они представлены в книге. То, что в оглавлении выглядит как основные разделы, в тексте является частью названий глав. В оригинальной работе оглавление содержится в каждом томе, список иллюстраций - в томе I, а указатель - в томе II; для удобства пользования все они включены в оба тома.

Различия в структуре и формулировках между оглавлением и заголовками глав в тексте сохранены. Поэтому автоматически сгенерированные оглавления могут отличаться от оригинальных. То же самое относится к списку иллюстраций и подписям к иллюстрациям в тексте. Порядок иллюстраций в списке иллюстраций не всегда совпадает с порядком, в котором они представлены в книге.

В зависимости от жесткого диска и программного обеспечения, используемого для чтения этого текста, и их настроек, не все элементы могут отображаться так, как задумано.

Список иллюстраций, 259, Фиджийский идол: в тексте и подписи к иллюстрациям указано, что это идол с Соломоновых островов. Борнский щит на странице 1129 не включен в список иллюстраций.

Стр. 814, ... изображен на рис. 4 и 5, ...: на иллюстрации отсутствует рис. 5.

Стр. 839, ... мало и кропотливо отшлифованные....: возможно, ошибка для ... медленно и кропотливо отшлифованные

Стр. 840, ... рис. 1 иллюстрации "Мераис", ... и подобные номера рисунков: иллюстрация не имеет пронумерованных рисунков.

Стр. 951, абзац, начинающийся Рис. 3 - булава, ...: на иллюстрации отсутствуют условные обозначения a и b.

Стр. 966, Судорожные попытки бедного существа ...: в источнике этой цитаты (книга Уильямса и Калверта) написано: Судорожные схватки бедного существа

Стр. 993, ...право, которое только что было завершено....: возможно, ошибка в значении ...обряд, который только что был завершен

Стр. 1030, ... аннелида, называемая палоло (*Palolo viridis*): возможно, ошибка для *Palola viridis*.

Стр. 1040, ссылка на рис. *a* и *b*: на иллюстрации отсутствуют буквы ссылок.

Стр. 1050, *bèche-demer*: *bêche-de-mer*, морской огурец.

Стр. 1131, Если читатель посмотрит на рис. 2....: на иллюстрации отсутствуют номера ссылок.

Стр. 1204, "Было много криков и шушуканья, ...: не хватает завершающей кавычки.

Стр. 1295: ... называют "бимикибисон", ... заменено на ... называют "бимикибисон", ...

Стр. 1355, ... некоторые из которых показаны на иллюстрациях на стр. 1357....: на иллюстрациях присутствует только один лук.

Стр. 1369, ...крепкие столбы около двенадцати футов в диаметре....: так напечатано в исходном документе; возможно, ошибка в двенадцать дюймов.

Стр. 1371, "Прежде чем вундеркинд окончательно уйдет на покой...": не хватает завершающей кавычки.

Стр. 1401, ... но меньше по принципу: возможно, ошибка для ... но похожи по принципу. Образец, изображенный на рис. 1 иллюстрации: на иллюстрации нет рис. 1; в описании говорится о левостороннем луке.

Стр. 1402, рис. 2 иллюстрации: на иллюстрации нет рис. 2; описание относится к луку для правой руки.

Стр. 1407: ... которые находились под британским владычеством ... заменено на ... которые находились под британским владычеством

Стр. 1475: ...разве что повезет...: как напечатано в исходном документе.

Стр. 1508, "Несколько дней прошло ...: не хватает завершающей кавычки.

Стр. 1517, "Их силы выносливости ...: не хватает закрывающей кавычки.

Стр. 1523, "Объектами поклонения являются наты ...: не хватает закрывающей кавычки.

Изменения

Иллюстрации и (сноски) перенесены из абзацев текста.

Указатель, подписи к иллюстрациям, оглавление, список иллюстраций и списки тем по главам: некоторые позиции были слегка исправлены в соответствии с орфографией основного текста.

Некоторые незначительные очевидные ошибки форматирования, типографские и пунктуационные ошибки и опечатки были исправлены. Некоторые лишние повторяющиеся слова были удалены.

Текст в пунктирной рамке под иллюстрациями был переписан с иллюстрации для наглядности и не является текстом в исходном документе.

McGillivray, M'Gillivray и M'Gillivray были стандартизированы до M'Gillivray; guacho и gaucho - до gaucho.

Стр. 828: E Toki заменено на E' Toki.

Стр. 838: Вставлено название главы "Новая Зеландия - продолжение".

Стр. 870: ... в па Хуривенуа ... заменено на ... в па Хуривенуа

Страница 881: Вставлена цифра (3.).

Стр. 932: ... ссылаться на иллюстрацию № 1 на 924-й странице ... заменено на ... ссылаться на иллюстрацию № 2 на 924-й странице

Стр. 949: вставлена цифра (3.).

Стр. 1055: вставлена закрывающая двойная кавычка после ... громкий и отвратительный вой.

Стр. 1082: Gualtheria заменено на Gaultheria.

Стр. 1129: (4.) BORNESE SHIELD заменено на (2.) BORNESE SHIELD, как упоминается в тексте.

Стр. 1160: начальные двойные кавычки вставлены перед "Прискорбный момент!"

Стр. 1193: закрывающие двойные кавычки вставлены после Нуé!

Стр. 1204: закрывающая двойная кавычка вставлена после их ... собственной национальной игры "Пеликан".

Страница 1255: WEATHER HEADDRESSES заменено на FEATHER HEADDRESSES.

Стр. 1264: maraka заменено на marakka, как и везде.

Стр. 1333: вставлен заголовок главы ГЛАВА CXL.

Стр. 1377: после ... над голыми тундрами вставлена закрывающая двойная кавычка.

Стр. 1391: закрывающая одинарная кавычка вставлена после ... мы совершим твои похороны.

Стр. 1402: ...рис. 2 иллюстрации 0, на стр. 000... заменен на ... Рис. 2 иллюстрации, на странице 1394.

Стр. 1459: ... тяжелое двуручное оружие ... заменено на ... тяжелое двуручное оружие

Стр. 1513: закрывающая двойная кавычка вставлена после ... как могли бы вынести мастера или мы.

Стр. 1518: закрывающая двойная кавычка вставлена после ... 200 000 жителей Занзибара.